328
Ф79

ФОРМЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

79.
Vb.

АВСТРО-ВЕНГРІЯ. РОССІЯ. ГЕРМАНІЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. И. Кастелянскаго.

1068.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе т-ва „Общественная Польза".
1910.

188
37

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . А. Кастелянскій. I—XIII

Часть первая. АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

Политическая эволюція національностей
въ Австро-Венгріи . . . Рудольфъ Шпрингеръ. 3—68

Нѣмецко-чешская борьба.
Нѣмцы . Чл. Моравск. ландтага д-ръ Альфредъ Фишель. 71—99
Чехи . . . . . Профессоръ Кириллъ Горачекъ. 100—125

Польско-украинская борьба.
Поляки . . . . . Л. Василевскій (Плохоцкій). 129—151
Украинцы . . . . . Проф. М. Грушевскій. 152—177
Евреи . . . . . Матіасъ Ахеръ. 179—189
Итальянцы . . . . Членъ рейхсрата Валентино Питтони. 191—202
Южные славяне. I. . . . . Э. Кристань. 203—233
Южные славяне. II. . . Членъ рейхсрата проф. Иванъ Крекъ. 234—250
Нѣмцы въ Венгріи . . . . . Э. Трейммундъ. 251—262
Словаки . . . . . Э. Куна. 263—272

Часть вторая. РОССІЯ. ФИНЛЯНДІЯ.

Національная структура Россіи
и великороссы . . . . . М. Славинскій. 277—303

Недержавныя національности
и первые этапы національнаго строительства.
Украинцы . . . . . проф. М. Грушевскій. 307—330
Поляки. I. . . . . Людвигъ Кржижицкій. 331—355
Поляки. II. . . . . Михаилъ Рёмеръ. 356—382
Бѣлоруссы . . . . . Антонъ Новина. 383—395
Евреи . . . . . С. Дубновъ. 397—423
Литовцы . . . . . А. Булатъ. 425—444
Латыши . . . . . Р. Петерсонъ. 445—468
Грузины . . . . . Прив. доц. З. Аваловъ. 469—493
Армяне . . . . . 495—525

На зарѣ національной эволюціи.
Инородцы. Общій обзоръ . . . . . Л. Штернбергъ. 529—574
Киргизы . . . . . А. Букейхановъ. 575—600
Буряты . . . . . Л. Штернбергъ. 601—624

Финляндія . . . . . А. Игельстромъ. 625—653

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Германія.
Поляки въ Пруссіи . . . . . Ю. Мархлевскій. 659—687
Датчане . . . . . Членъ рейхстага Г. П. Гансенъ. 689—701

Сіонизмъ . . . . . Д-ръ Д. Пасманикъ. 703—726

Національность и государство . . . . . В. Водовозовъ. 727—744

Національность и пролетаріатъ.
Національное движеніе и національныя соціалистическія партіи въ Россіи . . . . . Вл. Медемъ. 747—798
Національный вопросъ и соціалдемократія въ Австріи . Энгельбертъ Пернерсторферъ. 799—821

Irgendwo giebt es noch Völker und Heerden, doch nicht bei uns, meine Brüder: da giebt es Staaten. Staat? Was ist das?.. Staat heisst das kälteste aller kalten Ungeheuer. Kalt lügt es auch; und diese Lüge kriecht aus seinem Munde: „Ich, der Staat, bin das Volk".

Ницше.

Предлагаемый сборникъ былъ задуманъ въ 1907 году. Часть его [1]) написана еще въ началѣ 1908 года. Словомъ, зарожденіе его и дальнѣйшее развитіе совпали съ періодомъ затишья въ области національнаго движенія, по крайней мѣрѣ, внѣшняго.

Въ Австріи подавалъ еще надежды молодой парламентъ, избранный на основѣ всеобщаго избирательнаго права,—и сожительство между національностями приняло временно болѣе мирный характеръ. Въ Венгріи—національности подъ безпощаднымъ гнетомъ мадьяръ, на время „присмирѣли", замерли, какъ бы притаились; косвенно и тамъ сказалось обаяніе новаго австрійскаго рейхсрата. Въ Россіи,—съ общимъ упадкомъ общественной жизни, національное броженіе ушло въ глубь; о національномъ же лицѣ ея „строительницы" почти ничего еще не было слышно, а о Великой Россіи едва только заговорили. Не дошло еще также до открытаго „рукопашнаго боя" между славянствомъ и германствомъ...

Но съ того времени фарватеръ національной жизни круто измѣнился. Почти неожиданно, стихійно—какъ всегда—вновь пробудились страсти и страхи народовъ. И со свойственнымъ современности темпомъ, національный подъемъ быстро перекинулся съ одной народности на другую, развивая повсюду огромную соціальную энергію...

Съ новой силой и ожесточеніемъ возобновляется нѣмецко-чешская борьба; крайне рѣзкія формы принимаютъ распри между нѣмцами и словенцами; чрезвычайнаго обостренія достигаютъ отношенія между поляками и украинцами въ Галиціи и завершаются террористическимъ актомъ во Львовѣ. Внѣшняя, чисто юридическая формальность, такъ называемая аннексія Босніи и Герцеговины приводитъ въ движеніе все южное славянство и вызываетъ глубокія политическія потрясенія, одно время грозящія

---

[1]) Почти весь первый отдѣлъ „Австро-Венгрія" и часть статей о Россіи.

даже разразиться войной между Сербіей и Австріей, и лишь энергичное европейское вмѣшательство въ состояніи подавить возбужденное національное чувство. Въ Турціи,—въ отвѣтъ на аннексію, съ рѣдкимъ единодушіемъ проводится бойкотъ австрійскихъ товаровъ, причинившій австрійскому народному хозяйству чувствительный ущербъ: народы опередили дипломатію и самолично расправляются за наносимыя имъ національныя обиды. Подъ знакомъ національнаго освобожденія совершаются политическіе перевороты—въ Турціи и Персіи. Одна за другой поднимаются народности на Балканахъ и въ Малой Азіи. Критъ возобновляетъ свои попытки присоединенія къ Греціи. Широко разростается національное движеніе въ Индіи, принимая все болѣе угрожающій характеръ; усиливается броженіе въ Китаѣ, Марокко, Египтѣ. Весь востокъ становится ареной борьбы за національное освобожденіе и независимость [1]).

Два крупныхъ момента характеризуютъ переживаемую нами эру: крушеніе архаическихъ формъ государственнаго быта и всеобщее освобожденіе Азіи отъ Европы,—отъ ея политической опеки и экономическаго порабощенія.

И этотъ великій переворотъ выступаетъ предъ нами въ твердой оболочкѣ національной идеи.

Какъ нѣкогда великая французская революція, такъ и революціонное движеніе въ Россіи всколыхнуло государства и народы. И подобно тому, какъ общественный подъемъ и политическое пробужденіе, охватившее послѣ французской революціи почти всю Европу, отлилось прежде всего въ формы широкихъ возстаній за національную независимость, наша эпоха—одна изъ величайшихъ, быть можетъ, въ общественной эволюціи новаго времени—въ еще большей мѣрѣ, ознаменовалась стихійнымъ взрывомъ національныхъ страстей и ожесточенной борьбой за права *національности*.

Въ глубокомъ психологическомъ переломѣ, который принесли съ собою крупныя соціальныя измѣненія начала XIX столѣтія, національная идея зародилась, въ освободительныхъ войнахъ противъ наполеоновскаго „уни-

---

[1]) Въ то же время то тутъ, то тамъ наблюдаются отдѣльныя вспышки національнаго чувства, порою мирнаго, порою агрессивнаго характера. Вновь воскресаетъ старая идея панславизма, получающая яркое выраженіе въ всеславянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ и цѣломъ рядѣ славянскихъ манифестацій и съѣздовъ. Въ Италіи происходятъ массовыя демонстраціи противъ Австріи за національное оскорбленіе итальянцевъ и лишеніе ихъ университета въ Тиролѣ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ ирландцы и нѣмцы (въ лицѣ двухъ наиболѣе крупныхъ національныхъ организацій: „Ancient Order of Hibernians of America“ и „Deutsch-amerikanischer Nationalbund“) объединяются для общей борьбы противъ „англо-саксонскаго господства“ въ государствѣ. Усиливается „сепаратистское“ движеніе въ Каталоніи (Испанія), Исландіи.—Многія изъ этихъ разрозненныхъ вспышекъ еще не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ учтены и оцѣнены, но многія изъ нихъ несомнѣнно являются первыми побѣгами новыхъ политическихъ факторовъ, которымъ такъ или иначе суждено играть замѣтную роль въ дальнѣйшемъ развитіи народовъ. Сюда же слѣдуетъ отнести еще одно событіе, занимающее — по своимъ цѣлямъ и стремленіямъ — совершенно особое мѣсто въ общемъ національномъ концертѣ, но весьма знаменательное для современнаго національнаго подъема. Я имѣю въ виду первый еврейскій съѣздъ (лѣтомъ 1908) въ Черновицахъ, созванный для принятія мѣръ къ возрожденію еврейскаго языка—жаргона,—событіе, представляющее собою, по моему, одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ этаповъ въ національномъ движеніи евреевъ, позже всѣхъ культурныхъ націй вступившихъ въ активную борьбу за свое національное освобожденіе.

версализма", она сложилась и окрѣпла [1]), получила свое политическое крещеніе, и съ тѣхъ поръ она не сходитъ съ исторической сцены. Мало того. Со стихійной силой захватываетъ она одну этническую группу за другой, и по мѣрѣ того какъ она съ такой силой распространяется въ ширь, она все больше и больше просачивается вглубь, увлекая въ сферу своего вліянія одинъ общественный классъ за другимъ.

Сквозь толщу безчисленныхъ соціальныхъ и экономическихъ наслоеній все рѣзче пробивается наружу „воля къ націи".

Одинъ за другимъ поднимаются народы, независимо отъ численности и степени культуры, каждый обособляется, „самоутверждается", и, напрягая до крайности общественныя силы, каждый изъ нихъ добивается возможно большей полноты свободы для своей „національной индивидуальности".

Общественный процессъ демонстрируетъ предъ нами одно изъ его наиболѣе сложныхъ и замѣчательныхъ образованій,—причудливый капризъ всемірно-историческаго творчества.

Одновременно съ разростаніемъ глубокихъ противорѣчій внутри общественнаго „организма", наряду съ чрезвычайнымъ обостреніемъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ антагонизмовъ, съ рѣзкимъ расчлененіемъ общества на враждебные другъ другу классы,—словомъ, параллельно съ разъѣдающей дифференціаціей даетъ себя чувствовать другой, не менѣе властный процессъ, дѣйствующій какъ будто въ обратномъ направленіи,—процессъ *соціально-психологической интеграціи*, который путемъ цѣлаго ряда психологическихъ реакцій тѣсно сцѣпляетъ всѣ эти центробѣжные элементы и сливаетъ ихъ въ одно неразрывное духовное цѣлое. И по мѣрѣ того, какъ крѣпнетъ это цѣлое, въ его „частицахъ" все осязательнѣе становится сознаніе принадлежности къ этому цѣлому. И въ постоянномъ взаимодѣйствіи между ними связь все сильнѣе закрѣпляется, создается какъ бы особая форма, крѣпко обнимающая собою всѣ разнородныя части [2]).

Именно лишь форму образуетъ національность.

---

[1]) См. Friedrich Meinecke, Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates (München-Berlin, 1908).

[2]) Яркой иллюстраціей такого процесса, совершившагося, можно сказать, на нашихъ глазахъ, можетъ служить явленіе, наблюдаемое съ нѣкотораго времени въ Соединен. Штатахъ Сѣверн. Америки. Въ одной изъ своихъ рѣчей на излюбленную тему объ „истинномъ американствѣ", Теодоръ Рузвельтъ, являющійся несомнѣнно однимъ изъ типичнѣйшихъ выразителей современнаго американскаго общественнаго мнѣнія, касается между прочимъ вопроса о прибывающихъ въ Соедин. Штаты переселенцахъ и говоритъ: „Мы должны сдѣлать изъ нихъ американцевъ во всѣхъ отношеніяхъ: по *языку*, политическимъ взглядамъ и принципамъ, по пониманію и отношеніямъ къ церкви и государству. Мы привѣтствуемъ нѣмца, ирландца, стремящихся стать американцами, но намъ не нуженъ чужеземецъ, не желающій отказаться отъ своей національности. Намъ не нужны *нѣмцо*-американцы, *ирландцо*-американцы, образующіе особый слой въ нашей общественной и политической жизни. Мы никого не можемъ признавать *кромѣ американцевъ*". (Курсивъ вездѣ мой. См. Amerikanismus, Schriften und Reden von Th. Roosvelt. Ins deutsch übertragen von Paul Rachè, стр. 22. Leipzig, Reclam). Выросшій на политической культурѣ свободной республики и проникнутый демократическими традиціями американской государственности, Рузвельтъ, какъ и его единомышленники, не приходятъ, конечно, къ тѣмъ человѣконенавистническимъ выводамъ, къ которымъ въ такихъ случаяхъ приближаются ихъ антиподы въ старомъ свѣтѣ. Онъ остается въ рамкахъ своего, такъ сказать, „практическаго идеализма", и въ области внутренней политики дальше требованія исключительнаго господства англійскаго языка въ государствен-

И постольку она такъ или иначе, въ связи съ объективнымъ ходомъ развитія, способна видоизмѣнять свое содержаніе. Болѣе того! Лишь только изъ глубокихъ низинъ безсознательной жизни поднимается на поверхность сознанія новый соціальный слой, какъ онъ начинаетъ претендовать на „преимущественное представительство“ данной національности, считаетъ себя ядромъ и наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ ея нуждъ и чаяній. И чѣмъ больше численность этихъ „слоевъ“ увеличивается, чѣмъ больше растетъ ихъ общественная активность, тѣмъ болѣе этотъ споръ разгорается, тѣмъ болѣе сама національность становится орудіемъ борьбы въ безчисленныхъ столкновеніяхъ этихъ слоевъ; въ связи съ этимъ, мѣняются даже понятія о національности, мѣняются ея цѣли и стремленія, мѣняются, наконецъ, и орудія достиженія этихъ цѣлей. Но все это происходитъ—отъ имени и во имя данной націи. Форма остается та же.

И чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе внутреннія тренія, тѣмъ интенсивнѣе окрашивается эта форма, тѣмъ больше она твердѣетъ, тѣмъ слитнѣе и замкнутѣе выступаетъ каждая національность по отношенію къ „внѣшнему міру“,—къ другимъ національностямъ.

Какъ произведеніе духовной культуры, національность съ трудомъ поддается строгому анализу и разложенію на составные элементы. Тѣмъ труднѣе прослѣдить всѣ отдѣльныя перипетіи ея развитія, ея постепеннаго образованія и формировки. Это сдѣлать было бы трудно и тогда, если бы для каждаго даннаго случая были установлены всѣ тѣ внѣшнія матеріальныя условія, при которыхъ эта форма выливалась, если бы была выяснена вся конкретная общественная обстановка, ее обусловливающая: неуловимы тѣ причинные механизмы, которые перекидываютъ этотъ плавучій мостъ отъ внѣшняго реальнаго міра къ міру внутреннему, тѣ механизмы, при помощи которыхъ объективно-матеріальная среда претворяется въ психическую энергію, переходитъ въ субъективную жизнь—въ идеи.

Но какъ бы то ни было, предъ яркостью тѣхъ многообразныхъ соціальныхъ „эффектовъ“, которые національная идея повсюду вызываетъ, генетическая ея сложность стушевывается, исчезаетъ. Національность,—какъ нѣчто сознанное, какъ цѣль—все рѣзче и ярче выдѣляется на общемъ фонѣ соціальнаго бытія, она становится регуляторомъ общественной совѣсти, до извѣстной степени сообщаетъ направленіе всему общественному

ной школѣ—не идетъ. Хотя, съ другой стороны, весьма характерны такія явленія какъ запретъ въѣзда въ страну китайцамъ и японцамъ, рѣдкія назначенія негровъ на государственную и общественную службу и, last not least, съ каждымъ годомъ все усиливающіяся ограниченія противъ переселенцевъ изъ восточной и южной Европы. Но все это явленія не *чисто національнаго* порядка; на нихъ еще слишкомъ замѣтна печать непосредственнаго воздѣйствія болѣе конкретныхъ причинъ. Однако, важно не это, а то характерное противопоставленіе себя, какъ *американцевъ—нѣмцамъ* и *ирландцамъ*, иными словами, тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ въ значительной степени и сложилось народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ. Въ какія-нибудь два—три столѣтія, изъ хаоса народовъ, изъ аморфной массы разнородныхъ этническихъ осколковъ незамѣтно выкристаллизовался новый „организмъ“, прокламирующій свою особую духовную сущность,—и, что всего болѣе знаменательно, властно требующій признанія за нимъ абсолютнаго суверенитета во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни.

руслу. Въ реальной, повседневной жизни національность выступаетъ предъ нами, какъ *дѣльная* сила, какъ самостоятельный, довлѣющій себѣ факторъ. И съ этой точки зрѣнія, именно, съ точки зрѣнія его *практической* важности въ конкретной общественной жизни, это новое историческое явленіе насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ.

Если окинуть взглядомъ современную „организацію міра“, мы видимъ, какъ нѣсколько націй только, незначительная въ сущности кучка народовъ, захватили въ свои руки власть и господство, вооруженные государственнымъ механизмомъ они „владѣютъ“ многочисленными племенами и народностями, на счетъ которыхъ умножаютъ свою мощь и богатства.

Сложные пути экономической эволюціи, тяга къ хозяйственной автархіи, династическіе интересы и все то, что приписывается такъ называемой „экспансивности человѣческой души“,—словомъ, весь ходъ общественнаго развитія неуклонно ведетъ къ образованію огромныхъ политическихъ пространствъ, и со всей своей тяжестью этотъ процессъ собиранія земли врѣзывается въ тѣла народовъ, безпощадно разрывая ихъ на отдѣльныя части, или сплющивая въ одно государственное сложеніе. Остальное завершаетъ другой спутникъ капиталистическаго процесса—переселенческое движеніе, съ чрезвычайнымъ натискомъ вторгающее многочисленныя этническія частицы въ поры чужихъ національныхъ и государственныхъ организмовъ.

Современныя государства представляютъ собою пестрыя этнографическія мозаики, оттѣненныя только однимъ общимъ фономъ, — „constitutions gothiques“, какъ нѣкогда одинъ французскій политикъ прозвалъ до-объединенную Германію. Желѣзнымъ кольцомъ облегаютъ они разнородныя національныя группы—съ разнымъ историческимъ прошлымъ, съ разными культурами и съ различными, подчасъ противоположными, потребностями и запросами.

„Національное государство“—этотъ великій лозунгъ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ котораго измѣнилась почти вся политическая структура Европы, оказался на дѣлѣ политической фикціей,—одно изъ обычныхъ злоупотребленій въ исторіи народовъ! Національное государство осуществилось лишь постольку, поскольку государственная нація укрѣпила свое верховенство и наложила рѣзкую печать на все государственное строеніе.

Даже въ государствахъ, наиболѣе отличающихся своимъ національнымъ единообразіемъ, даже и тамъ государственная жизнь рѣдко совпадаетъ съ жизнью національной. Во Франціи, напримѣръ, въ этой странѣ, столь щеголяющей своимъ единымъ французскимъ характеромъ, мы находимъ, во-первыхъ, цѣлую кельтскую народность, численностью въ 1.200.000 человѣкъ (3% всего населенія)—бретонцевъ, до сихъ поръ сохранившихъ еще свой особый языкъ и культуру; на Корсикѣ населеніе говоритъ по итальянски, и если прибавить еще кромѣ того все колоніальное населеніе республики, тѣ пятьдесятъ милліоновъ арабовъ, евреевъ, мавровъ, китайцевъ, негровъ и т. д., то окажется, что „хозяева“ страны—французы—едва составляютъ половину ея населенія. Почти ту же картину мы наблюдаемъ въ Великобританіи, въ

Италіи, Испаніи, Голландіи. Рельефнѣе эта національная смѣшанность выступаетъ въ Бельгіи и Швейцаріи [1]).

И чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ картина все рѣзче мѣняется. Мы все больше наталкиваемся на скопленія народовъ разнаго происхожденія и различныхъ расъ, перемѣшанныхъ между собою въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ. Здѣсь въ периферіяхъ, занимающихъ срединное положеніе между Азіей и Западной Европой, — на пути великаго переселенія народовъ, здѣсь осѣли различныя племена или остатки племенъ, которыя послѣ цѣлаго ряда завоеваній и политическихъ катастрофъ оказались раздѣленными между тремя государствами—Россіей, Австро-Венгріей и Турціей.

Стихійная сила историческаго процесса и явный произволъ разсчетливой дипломатіи сказались въ этихъ государствахъ съ наибольшей силой. „Точно мощная рука разбила мозаику и долго трясла ее въ одномъ мѣшкѣ". Рядомъ съ чрезвычайной разорванностью, съ дробленіемъ національностей на части, „размѣщенныя" по разнымъ государствамъ [2]), мы находимъ здѣсь невѣроятное нагроможденіе многочисленныхъ этническихъ осколковъ въ одномъ мѣстѣ,—механическую смѣсь, представляющую собою, однако, въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи замѣчательный комплексъ сплетеній и зависимостей. Достаточно только указать на весь западъ Россіи, на такъ называемую „черту еврейской осѣдлости", гдѣ нѣтъ почти ни одного города, въ которомъ бокъ о бокъ не жило бы четыре-пять и даже больше національностей. При этомъ весьма нерѣдко ни одна изъ нихъ не составляетъ замѣтнаго большинства. Аналогичную же картину мы встрѣчаемъ въ Македоніи, въ многихъ комитатахъ Венгріи, въ отдѣльныхъ округахъ Богеміи и Галиціи, отчасти на Кавказѣ и т. д.

Характерной особенностью національной структуры этихъ трехъ государствъ является то, что въ нихъ державная народность, та группа, которая руководитъ всей государственной жизнью, составляетъ только относительное большинство, только въ сравненіи съ каждой народностью, въ отдѣльности взятой, она численно сильнѣе; по отношенію же ко всему населенію страны она находится въ значительномъ меньшинствѣ. Яркой иллюстраціей въ этомъ случаѣ можетъ служить слѣдующая таблица о составѣ населенія Габсбургской монархіи [3]).

---

[1]) Въ Бельгіи, гдѣ до сихъ поръ еще французскій элементъ преобладаетъ въ государственной и общественной жизни, французы составляютъ всего 38,5% населенія; фламандцевъ же, лишь съ недавняго времени начавшихъ завоевывать себѣ національныя права, числится 42,2%.—Швейцарія объединяетъ 4 національности: нѣмцевъ—69,9%, французовъ—22,1%, итальянцевъ—6,7% и, такъ называемыхъ, романцевъ—1,2%. Изъ нихъ только первыхъ трехъ можно считать вполнѣ полноправными въ національномъ отношеніи.

[2]) Такъ, украинцы, напримѣръ, разбиты по тремъ государствамъ—между Россіей, Австріей и Венгріей. Поляки—между Россіей, Австріей и Германіей. Армяне—между Россіей, Турціей и Персіей. Румыны—кромѣ Румыніи населяютъ также Австрію и Венгрію. Маленькая сербская народность раздроблена на шесть частей. Точно также греки, болгары, албанцы и т. д., не говоря уже о евреяхъ.

[3]) О статистикѣ національностей въ Россіи см. ниже статью М. Славинскаго „Національная структура Россіи и великороссы".

АВСТРІЯ [1]).

Національность.	Количество населенія.	Въ проц.
Нѣмцевъ . .	*9.170.939*	*35,78*
Чеховъ . . .	5.955.397	23,23
Поляковъ . .	4.259.152	16,61
Украинцевъ .	3.375.576	13,17
Словенцевъ . .	1.192.780	4,68
Сербо-хорватовъ	711.380	2,75
Итальянцевъ .	727.102	2,84
Румынъ . . .	230.963	0,90

ВЕНГРІЯ.

Національность.	Количество населенія.	Въ проц.
Мадьяръ . .	*8.742.301*	*45,4*
Румынъ . . .	2.799.479	14,5
Нѣмцевъ . .	2.135.181	11,1
Словаковъ . .	2.019.641	10,5
Хорватовъ . .	1.678.569	8,7
Сербовъ . . .	1.052.180	5,5
Украинцевъ .	429.447	2,2

Австро-Венгрія лишній разъ удостовѣряетъ ту подавляющую силу, которой обладаетъ „территорія“ (въ смыслѣ географическомъ и экономическомъ), тотъ огромный перевѣсъ, который она имѣетъ предъ „національностью“, — при образованіи и развитіи современныхъ государственныхъ формацій.

Точно каменная твердыня стоитъ предъ нами эта мозаичная государственная организація, обнаруживая чрезвычайную жизнеспособность и силы сопротивленія. Ни Тридцатилѣтняя, ни Семилѣтняя война, ни тяжелые удары Наполеона, ни бурные дни сорокъ восьмого года, ни, наконецъ, пораженія при Сольферино и Кениггрецѣ—не могли расшатать эту аморфную массу.

Вдохновитель чешскаго національнаго возрожденія Палацкій разъ выразился: „если бы Австріи не было, ее необходимо было бы создать“. Въ этихъ словахъ ярко сказалась вся идея австрійскаго государства. Экономическая взаимозависимость [2]), географическая конфигурація, своеобразное положеніе между тремя вооруженными державами,—подъ тяжелымъ давленіемъ этой совокупности факторовъ племенныя границы стерлись, стушевались,—во имя „высшихъ интересовъ“ чуждые другъ другу народы и культуры должны были слиться въ единую государственную массу.

Красной нитью этотъ всенивелирующій процессъ государства тянется черезъ всю исторію человѣческаго общежитія, сметая на своемъ пути народы, уничтожая вѣковыя культуры. Романизація кельтскихъ и многочисленныхъ италійскихъ племенъ въ древнемъ Римѣ, германизація славянъ въ имперіи Карла Великаго, всѣ такъ-называемые мертвые языки, до сихъ поръ сохранившіеся въ такомъ изобиліи, являются „живыми“ свидѣтелями этого разрушительнаго процесса [3]).

---

[1]) Согласно официальному исчисленію (по переписи 1900 г.),—такъ называемыя, „національности, государствомъ признанныя“. Въ сущности же въ Австріи живетъ 11 національностей. Ибо сербы и хорваты считаютъ себя двумя отдѣльными народностями (см. ниже статью „Южные славяне“), точно также слѣдуетъ считать отдѣльно словаковъ въ Моравіи, причисленныхъ австрійской статистикой къ чехамъ, и затѣмъ—евреевъ, которые въ политическомъ отношеніи не признаются въ Австріи особой національностью (см. статьи „Поляки“ и „Евреи“).

[2]) См. Rudolf Springer, Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie (Wien 1906), стр. 205 ff.

[3]) Ср. Ludwig Gumplowicz. Der Rassenkampf (Innsbruck, 1883).

Одна изъ многочисленныхъ дисгармоній соціальнаго бытія!

И какъ ни велика была та стимулирующая сила, съ какой національный принципъ ворвался въ европейское общество XIX столѣтія,—факторомъ государственнаго объединенія онъ сдѣлался лишь тамъ, гдѣ въ основу его легло географическое и хозяйственное единство: объединеніе Германіи и Италіи [1]). За предѣлами же этого единства вліяніе національнаго принципа какъ бы ослабѣваетъ, огромная часть нѣмецкой націи отходитъ къ Габсбургской монархіи, точно также значительная часть итальянцевъ остается внѣ предѣловъ объединенной Италіи. Памятниками скорѣе безсилія національнаго принципа, чѣмъ его торжества являются также Балканскія государства. Лишь отдѣльные фрагменты балканскихъ народностей добились государственной самостоятельности,—постольку, поскольку національному освобожденію послѣднихъ благопріятствовали политическіе или династическіе интересы великихъ державъ. Вся же остальная масса, почти половина сербовъ, столько же румынъ, значительная часть болгаръ, грековъ и т. д. до сихъ поръ остаются подъ владычествомъ чужихъ народовъ, несмотря на тѣ отчаянныя усилія, которыя они дѣлаютъ, чтобы присоединиться къ своимъ государственнымъ соплеменникамъ.

По своей природѣ государство прямая антитеза національности, полнѣйшее ея отрицаніе. Современныя государства представляютъ собою прежде всего организаціи *хозяйственнаго порядка*, условіями производительности и обмѣна опредѣляется, главнымъ образомъ, ихъ существованіе и развитіе [2]). Въ этомъ весь историческій трагизмъ негосударственныхъ народностей, не менѣе роковымъ это обстоятельство становится и для народности державной,—для государства во всей его совокупности.

Огромный ростъ человѣческихъ потребностей и въ связи съ этимъ желѣзная необходимость въ усиленіи средствъ производительности до крайности обострили борьбу между народами. Съ чрезвычайной бдительностью, ревниво, оберегаютъ они каждую пядь своей власти,—этого важнѣйшаго орудія для сохраненія своего мѣста въ міровомъ состязаніи. Коалиціями и вынужденными компромиссами обезпечивъ сферу своего вліянія извнѣ, народы „стоящіе у власти“ съ тѣмъ большей силой налегаютъ на своихъ соперниковъ внутри. Путемъ всяческихъ ограниченій и репрессалій они ослабляютъ производительныя способности покоренныхъ народовъ, стремятся оборвать между ними всѣ живыя связи,—языкъ, книгу, школу, свирѣпо душатъ всякое проявленіе общественной или личной жизни. Они употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы обезцвѣтить противника и запугать его, ибо только такимъ путемъ они въ состояніи отстоять свое верховенство.

И по мѣрѣ того, какъ хозяйственная жизнь страны развивается, и зависимость центра — господствующей націи — отъ периферій растетъ,

---

[1]) См. Friedrich Ratzel, Politische Geographie. (Leipzig, 1897).

[2]) R. Springer. Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie.

въ рядахъ первой все больше увеличивается кругъ заинтересованныхъ въ ея власти и господствѣ. На авансцену общественной жизни выступаютъ купцы, промышленники, банкиры, интеллигенція,—все элементы очень мирные „сами по себѣ“, но далеко немирно настроенные, когда дѣло касается насущныхъ ихъ интересовъ. Съ ихъ появленіемъ агрессивность, наступательное движеніе „націи“ не только растетъ, но въ него все больше и больше вносятся элементы сознательности, идеологіи. То, что раньше происходило болѣе стихійно, начинаетъ сознаваться всѣми, какъ культурная необходимость. Главенство становится предметомъ программы и болѣе того — предметомъ вѣры, міросозерцанія. Не мало въ этомъ направленіи дѣйствуетъ пробуждающееся національное чувство, то „взрывчатое вещество“, которымъ такъ легко разжечь любую общественную страсть. Жажда къ господству, къ первенству постепенно охватываетъ все болѣе широкіе слои общества. Поэты наряжаютъ ее въ пурпурную мантію поэзіи, ученые — экономисты, государствовѣды, политики раскрашиваютъ ее подъ благородный цвѣтъ научныхъ постулатовъ. Главенство становится „святѣйшей цѣнностью націи“.

Современный имперіализмъ!

Различно эти имперіалистскія тенденціи преломляются сквозь психику отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и соотвѣтственно интересамъ послѣднихъ принимаютъ разнообразныя конкретныя формы. Различны также тѣ средства, коими та или иная общественная группа стремится осуществить свои имперіалистскіе идеалы. И если у однихъ эти тенденціи воплощаются въ гуманную идею „культурной миссіи“, то у другихъ онѣ вырождаются въ ярый шовинизмъ и человѣконенавистничество. Но въ конечномъ счетѣ результатъ получается всегда и вездѣ одинаковый: суверенное меньшинство— въ цѣляхъ своего обогащенія и могущества рѣшительно игнорируетъ интересы подчиненнаго ему большинства, и сознательно или безсознательно попираетъ ногами его самыя элементарныя права, священныя *права самоопредѣленія.*

Англо-саксонскій „Britannia rules the waves“, великорусскій „Великая Россія“ и тому подобные перефразированные девизы другихъ державныхъ народовъ—большихъ и малыхъ—все это лишь разныя выраженія для одного и того же содержанія! Главенство матеріальное и главенство интеллектуальное, *денаціонализація* и *декапитализація* (подъ угломъ зрѣнія современнаго общественнаго развитія эти понятія—синонимы!) подвластнаго соперника являются высшимъ государственнымъ принципомъ. На немъ строится законодательство, государственное управленіе, хозяйственная политика,—вся государственная машина приспособляется къ этому политическому императиву.

Но какъ ни богато и разносторонне „соціальное творчество“ современнаго централизованнаго государства, какъ ни разнообразны тѣ разрушительныя, мертвящія средства, которыми располагаетъ главенствующая нація въ лицѣ этого облеченнаго безграничной мистической власть „левіаѳана“,—остановить побѣдительное шествіе пробуждающихся народностей она не въ силахъ.

Ассимилирующій процессъ государства—это типичное явленіе прежнихъ историческихъ эпохъ, сыгравшее столь печальную роль въ судьбахъ поко-

ренныхъ народностей и „упрощавшее“ въ значительной мѣрѣ политическія и административныя задачи государствъ былыхъ временъ,—процессъ поглощенія одной народности другой нынѣ почти прекратился. Въ особенности въ Европѣ онъ не имѣетъ больше мѣста.

Представляя собою процессъ чисто органическій, являясь результатомъ скрещенія, смѣшанныхъ браковъ, массовая ассимиляція возможна лишь тамъ, гдѣ происходитъ непрерывный притокъ свѣжихъ человѣческихъ массъ. Она обусловливается прежде всего широкой земледѣльческой колонизаціей, гдѣ длительная, такъ сказать, *инфильтрація* многочисленныхъ элементовъ господствующей народности постепенно растворяетъ политически болѣе слабое туземное населеніе [1]).

Но измѣненіе міровой конъюнктуры, экономическій подъемъ и индустріализація новыхъ малозаселенныхъ земель отвлекаетъ почти весь излишекъ населенія въ новыя страны, колонизаціонное движеніе, происходившее раньше въ предѣлахъ Европы, получило съ теченіемъ времени другое направленіе, оно перекинулось за океанъ, въ Сибирь, въ среднюю Азію. Процессъ ассимиляціи лишился въ европейскихъ государствахъ одной изъ важнѣйшихъ его предпосылокъ: постояннаго *массоваго* обмѣна человѣческаго матеріала. Въ средѣ порабощеннаго инородческаго населенія главенствующая народность образуетъ лишь незначительную бюрократическую или торговую надслойку, строго изолированную во вражескомъ станѣ. Растворять подвластнаго соперника она лишена возможности.

Между тѣмъ, внутреннее развитіе народовъ, какъ мы видѣли уже выше, все больше и больше увеличиваетъ ихъ упругость и силы сопротивленія [2]).

---

[1]) Лучшимъ примѣромъ тому, насколько процессъ ассимиляціи зависитъ преимущественно отъ *біологическихъ* законовъ, можетъ служить огромное ассимилирующее вліяніе Рима и сравнительное безсиліе Греціи въ этомъ отношеніи. Завоеванія перваго почти всегда сопровождались широкой крестьянской колонизаціей, образованіемъ во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ многочисленныхъ колоній съ преобладающимъ италійскимъ населеніемъ, въ то время, какъ греческая колонизація состояла преимущественно изъ торговыхъ элементовъ, являвшихся въ страну въ весьма маломъ разумѣется, количествѣ.—Сообразно съ характеромъ и направленіемъ колонизаціоннаго движенія дѣйствуетъ также въ средніе вѣка процессъ германизаціи. На юго-востокѣ Европы, куда шелъ главный потокъ средневѣковой нѣмецкой эмиграціи—крестьянинъ, мелкій ремесленникъ и т. п., огромная часть туземнаго славянскаго населенія онѣмечилась. На востокѣ же, гдѣ осѣдалъ главнымъ образомъ нѣмецкій юнкеръ и чиновникъ, германизаторскія попытки остались тщетными, несмотря на то, что тамъ и до сихъ поръ еще преобладаетъ нѣмецкое крупное землевладѣніе, во власти котораго находится главный рычагъ общественной и политической жизни.—Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ въ сѣверной Америкѣ. Несмотря на то, что первыми колонизаторами страны были нидерландцы, явившіеся туда значительно раньше англичанъ, нидерландская культура не оставила тамъ никакихъ слѣдовъ. Нидерландская колонизація, рекрутировавшаяся, главнымъ образомъ, изъ крупныхъ торговцевъ, должна была въ концѣ концовъ уступить мѣсто англійской земледѣльческой колонизаціи: массовой наплывъ англійскихъ крестьянъ, переселявшихся туда съ женами и дѣтьми и крѣпко осѣдавшихъ на землѣ, наложилъ рѣзкую печать на все дальнѣйшее развитіе американскаго общества. Ту же тѣсную связь между процессомъ ассимиляціи и колонизаціоннымъ движеніемъ, непосредственную зависимость первой отъ послѣдняго, мы можемъ прослѣдить почти на всемъ протяженіи исторіи. Искусственное же, насильственное обезличеніе, ассимиляціонная политика *никогда и нигдѣ не увѣнчалась успѣхомъ*. Ср. Friedrich Ratzel. Politische Geographie, стр. 31 ff.

[2]) См. также ниже статью Р. Шпрингера: „Политическая эволюція національностей въ Австро-Венгріи.

Твердо и неуклонно пробуждающіяся народности пролагаютъ себѣ путь къ культурной и соціальной независимости, отвоевывая все болѣе прочную и неустранимую позицію. Въ рамкахъ государственной организаціи выростаетъ реальная политическая сила, движущаяся согласно собственнымъ законамъ, совершенно независимо отъ внѣшнихъ юридическихъ нормъ.

И подъ тяжелымъ напоромъ тѣхъ движеній, вращеній и оборотовъ, которые описываетъ эта сила въ круговоротѣ общественной жизни, приходитъ въ сотрясеніе весь механизмъ государства, пріуроченный исключительно къ интересамъ одной народности,—рушится государственное зданіе.

Въ своемъ упорномъ натискѣ процессъ національной кристаллизаціи вырывается далеко за предѣлы того круга интересовъ, которые онъ, какъ и всякій другой духовный процессъ, собою выдвигаетъ,—того особаго довлѣющаго себѣ міра впечатлѣній, чувствъ, стремленій, цѣлей,—соціально-психологическимъ выраженіемъ которыхъ является языкъ, религія, право, мораль, искусство и т. д. Представляя собою синтезъ творческой работы всѣхъ общественныхъ классовъ, являясь результатомъ всеобщаго пробужденія вѣками придавленныхъ народныхъ силъ, процессъ націонализаціи, точно вспыхнувшее пламя, перебрасывается съ одной сферы общественныхъ интересовъ на другую, въ немъ сходятся и расходятся всѣ нити общественной жизни. И чѣмъ больше, съ прогрессирующимъ развитіемъ національностей, общественныя ихъ потребности дифференцируются и развѣтвляются, чѣмъ шире становятся тѣ круги, которые ощущаютъ необходимость въ удовлетвореніи этихъ потребностей, тѣмъ больше плоскость треній между угнетенными народностями и державной расширяется, тѣмъ больше нагромождается поводовъ для тяжелыхъ конфликтовъ и столкновеній,—всѣ области государственной жизни становятся ареной ожесточенной борьбы между этими двумя враждующими лагерями. „Имперіальнымъ“ интересамъ державной народности негосударственныя національности противопоставляютъ свои національные и соіцальные интересы, властно требуя ихъ удовлетворенія.

Имперіализмъ и *національнализмъ*, хозяйственная автархія и національная автономія,—это тѣ двѣ грозныхъ двигательныхъ силы, Сцилла и Харибда, въ круговоротѣ которыхъ очутилось такъ называемое государство національностей. Эти два мощныхъ соціальныхъ фактора, стройно гармонирующіе въ единомъ національномъ государствѣ, безконечно сталкиваются въ государствѣ съ разнороднымъ національнымъ составомъ, и въ своихъ безчисленныхъ трeніяхъ до крайности запутываютъ и осложняютъ и безъ того полную противорѣчій и антагонизмовъ общественную жизнь. Они ведутъ къ глубокимъ политическимъ потрясеніямъ, сильно парализуя весь ходъ государственнаго развитія.

Прослѣдить эти тяжелые общественные конфликты въ различныхъ ихъ проявленіяхъ и въ тѣхъ многообразныхъ роляхъ, которыя они играютъ въ каждой отдѣльной соціально-политической средѣ, — стремится настоящій сборникъ.

Своеобразная психическая структура національнаго чувства, тѣ элементы

страстности, экстаза, которые оно содержитъ, частое воплощеніе, въ силу этого, національной идеи въ романтическую грезу, въ мистическій сонъ, наконецъ, та, такъ сказать, универсальность, которой отличаются національные интересы, затрагивающіе, если и не въ одинаковой мѣрѣ, *всѣ* общественные классы,—все это придаетъ національному движенію особое характерное выраженіе, въ высшей степени усложняя и затемняя настоящую его сущность. Прослѣдить это движеніе въ различныхъ его перипетіяхъ и формахъ, намѣтивъ, такимъ образомъ, важнѣйшія контуры національной проблемы, содѣйствовать, если не практическому ея разрѣшенію, то хоть теоретическому выясненію,—поставила себѣ цѣлью предлагаемая книга.

Въ настоящій томъ вошли Австро-Венгрія, Россія и Германія. Въ этихъ трехъ государствахъ, какъ въ калейдоскопѣ, національное движеніе разворачивается предъ нами во всѣхъ стадіяхъ его развитія, начиная съ почти инстинктивныхъ, судорожныхъ напряженій, первыхъ опытовъ борьбы—сибирскихъ племенъ противъ грубаго гнета и произвола, и кончая мощной, строго организованной политической борьбой чеховъ въ Австріи за высшія національныя права.

И если этимъ матеріаломъ формы національной борьбы и способы ея разрѣшенія еще далеко не исчерпываются, если національная проблема еще не достаточно охвачена здѣсь во всемъ ея объемѣ, то національное движеніе, какъ таковое, уже и здѣсь выступаетъ предъ нами во всей его внушительности, во всей его великой культурно-исторической роли. Какъ ни глубоко различно оно въ этихъ трехъ государствахъ, какъ по времени возникновенія, и степени его интенсивности, такъ и по той внѣшней политической обстановкѣ, въ которой оно происходитъ [1]), по содержанію національное движеніе остается вездѣ одинаковымъ, обнаруживаетъ повсюду однѣ и тѣ же тенденціи: въ мучительномъ процессѣ „борьбы за существованіе“ народы творятъ высшія формы государственнаго бытія.

Въ заключеніе нѣсколько поясненій формальнаго характера. Изложенныя выше стремленія сборника и его строго-научныя цѣли уже сами указываютъ на тѣ строго опредѣленныя рамки, которыя должны были держаться участники этой коллективной работы: объективное изложеніе (насколько вообще мыслима объективность въ общественныхъ вопросахъ, и въ особенности, въ столь обостренномъ и запутанномъ, какъ національный!) сущаго, игнорируя по возможности долженствующее, предоставивъ говорить самимъ фактамъ.

---

[1]) Въ то время какъ въ Австріи, напримѣръ, національности послѣ долгихъ мучительныхъ напряженій уже отвоевали себѣ значительныя національныя права, или находятся, по крайней мѣрѣ на пути къ этому, гдѣ борьба ведется скорѣе не противъ государства, а среди національностей между собою—*за государство*,—въ Россіи и Венгріи угнетеніе и безправіе недержавныхъ народностей достигаетъ чрезвычайныхъ предѣловъ. Въ частности въ Россіи національный гнетъ принимаетъ тѣмъ болѣе угрожающій характеръ, что агрессивность господствующаго великорусскаго племени, не выходившая раньше за предѣлы тѣсныхъ круговъ его правящихъ сферъ,—со вступленіемъ послѣдняго въ активную политическую жизнь, начинаетъ охватывать все болѣе широкіе слои его.

Этотъ, такъ сказать, болѣе описательный методъ изслѣдованія сдѣлалъ возможнымъ и даже отчасти необходимымъ, чтобы въ сборникѣ сошлись люди различныхъ научныхъ взглядовъ и политическихъ направленій (но одинаковыхъ, разумѣется, практическихъ пожеланій!). Если благодаря этому въ обработкѣ матеріала и получается нѣкоторая „пестрота", то, съ другой стороны, это даетъ намъ какъ разъ возможность ознакомиться съ національной проблемой, *видѣть* ее въ разныхъ ея плоскостяхъ. Само собою разумѣется, что отвѣтственность какъ авторовъ, такъ и редакціи не простирается дальше предѣловъ ихъ собственныхъ статей.

Чтобы получить по возможности выпуклую картину развитія національнаго движенія, чтобы сдѣлать различныя его фазы болѣе наглядными,—каждой національности въ отдѣльности удѣлена особая глава, причемъ для достиженія возможно большей безпристрастности въ смыслѣ „междунаціональныхъ отношеній" статьи по мѣрѣ возможности распредѣлены между представителями каждой данной національности, что вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ сборнику характеръ „человѣческаго документа", своего рода парламента національностей. Что касается порядка размѣщенія матеріала, то редакція придерживалась наиболѣе объективнаго въ данномъ случаѣ „критерія",—численности той или иной народности, согласно даннымъ официальной статистики.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ сборникъ, къ сожалѣнію, не вошли эсты, нѣмцы, а также татары, національное движеніе которыхъ въ новѣйшее время принимаетъ все болѣе широкіе размѣры и несомнѣнно имѣетъ большое значеніе для будущаго политическаго развитія Россіи [1]). Осталось также неразсмотрѣннымъ національное движеніе румынъ въ Австро-Венгріи.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что событія самаго послѣдняго времени въ области національнаго движенія, въ особенности, движеніе національнаго вопроса въ государственной думѣ и т. д., какъ еще не поддающіяся научному анализу и освѣщенію, по мѣрѣ возможности исключены изъ круга изслѣдованія настоящаго тома.

А. Кастелянскій.

---

[1]) По тѣмъ же обстоятельствамъ, отъ редакціи независящимъ, остался также неразсмотрѣннымъ одинъ изъ наиболѣе знаменательныхъ моментовъ россійскаго національнаго движенія, — я имѣю въ виду происходившіе въ 1905 и 1906 гг. съѣзды автономистовъ-федералистовъ, въ которыхъ участвовали представители почти отъ всѣхъ народовъ Россіи. Статья объ этомъ интересномъ событіи, въ связи съ разсмотрѣніемъ національнаго вопроса въ Россіи съ обще-государственной точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не могла попасть въ этотъ томъ. Выпускаемый въ свѣтъ сборникъ вообще представилъ цѣлый рядъ затрудненій, среди которыхъ немало чисто-техническаго свойства, чѣмъ часто объясняется его запозданіе. Уже одно то обстоятельство, что участники сборника разсѣяны буквально по разнымъ уголкамъ Европы, и что рукописи доставлялись на разныхъ языкахъ, для которыхъ нерѣдко нельзя было даже найти подходящихъ переводчиковъ,—до крайности тормозило его составленіе.

Часть первая.

АВСТРО-ВЕНГРІЯ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

I. Начало конституціонной эры.

II. Конституціонный режимъ и національности.

III. Отраженіе національныхъ и соціальныхъ противорѣчій въ жизни парламента и въ развитіи политическихъ партій.

I. Начало конституціонной эры.

Домартовскій періодъ.

Адамъ Мицкевичъ въ своихъ „Лекціяхъ о славянской литературѣ“ (4-ая лекція, годъ 3-ій, изд. 1842 г.) слѣдующимъ образомъ изображаетъ государственное устройство Австріи до революціи 1848 г.: „Эта имперія насчитываетъ 34 милліона жителей; въ сущности же, въ ней не болѣе 6 милліоновъ душъ, ибо 6 милліоновъ нѣмцевъ держатъ у себя въ подчиненіи 28 милліоновъ всѣхъ остальныхъ племенъ. Но если изъ этихъ 6 милліоновъ вычесть еще (нѣмецкихъ) крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. п., какъ вовсе не принимающихъ участія въ управленіи страной, то останется максимумъ 2 милліона австрійцевъ, которые господствуютъ надъ всей этой огромной массой. Эти два милліона людей, или вѣрнѣе—ихъ интересы и взгляды представлены приблизительно сотней семействъ, которыя принадлежатъ къ нѣмецкой, венгерской, чешской, польской и романскимъ національностямъ, но говорятъ всѣ на французскомъ языкѣ и хранятъ свои капиталы большею частью за границей. Имѣя къ своимъ услугамъ два милліона чиновниковъ и солдатъ, они властвуютъ надъ остальными 32 милліонами населенія. Это въ сущности *сообщество, дѣйствующее по образцу англійской ость-индской торговой компаніи*, которая также властвуетъ надъ большой территоріей. Обыкновенно объ этой Австріи имѣютъ ложное представленіе; на дѣлѣ она никогда не была ни нѣмецкимъ, ни венгерскимъ, ни славянскимъ государствомъ, а только кликой, объединявшей всѣхъ тѣхъ, кто поставилъ себѣ цѣлью высасывать жизненные соки изъ столькихъ обширныхъ и густо населенныхъ земель“.

Этотъ суровый приговоръ въ одно и то же время и справедливъ, и не справедливъ. Въ старой Германской имперіи главенствовалъ Габсбургскій домъ;

прусскій домъ Гогенцоллерновъ соперничалъ съ нимъ въ могуществѣ и честолюбіи. Превосходство силъ этихъ двухъ династій надъ полсотнею германскихъ владѣтельныхъ князей объясняется тѣмъ, что обѣ пограничныя державы находились на востокѣ, гдѣ постоянная забота о защитѣ границъ вынуждала къ собиранію большихъ территоріальныхъ пространствъ и народныхъ массъ. Пруссія увеличивалась потому, что безсильная Польша представляла собою для ея роста линію наименьшаго сопротивленія, точно разрыхленная почва для вростающихъ въ нее корней. Австрія была спаяна ударами турецкаго меча. И обѣ державы вначалѣ *фактически* представляли собою колоніальныя государства. Такимъ образомъ для даннаго періода сравненіе съ остъ-индской компаніей выражаетъ собою только частичную истину и совершенно несправедливый упрекъ. Упрекъ этотъ становится справедливымъ по отношенію къ Австрійской имперіи лишь съ теченіемъ времени, но положительно нелѣпо обращать его противъ правителей вродѣ Маріи Терезіи или Іосифа II, которые именно и стремились, путемъ широкихъ экономическихъ и политическихъ реформъ, превратить колоніи въ современное государство и изъ колоніальныхъ подданныхъ создать народы въ современномъ смыслѣ слова. При данной степени зрѣлости народовъ упомянутые государи могли этого достигнуть только мѣрами абсолютной власти.

Въ развитіи континентальныхъ государствъ вообще можно установить слѣдующій, въ нѣкоторомъ родѣ основной законъ: глубоко присущая современному сознанію идея единой государственной власти, при существующей племенной и политической раздробленности континента, можетъ вполнѣ осуществиться, только воплощаясь въ личности *одного* монарха,—въ противовѣсъ сепаратистскимъ тенденціямъ церкви, феодальныхъ сословій, торговыхъ городовъ. Но, разъ войдя въ сознаніе народовъ, какъ неотъемлемое его достояніе, идея единства государственной власти уже не нуждается въ особомъ конкретномъ олицетвореніи. Нельзя отлить металлъ безъ формы. Но когда отливка законечна, форма, надъ которой всего больше трудился художникъ, разбивается.—Дипломатіей своей государи создали внѣшнія *рамки* государства, своей властью они очистили его *почву* отъ развалинъ средневѣковыхъ сословій и тѣмъ обезпечили условія для роста народа, для развитія *его хозяйственнаго и культурнаго организма*. Живой народъ росъ и развернулъ свою *собственную* мысль, чувство и волю.

Современное товарное хозяйство, развитіе промышленности, денежное хозяйство, смѣнившее хозяйство натуральное, вызвали къ жизни и въ Австріи современную буржуазію и современный пролетаріатъ, образованную бюрократію, науку и искусство; возникли современные общественные классы. Характерной ихъ особенностью служитъ тотъ моментъ, что ихъ интересы

скрещиваются и на каждомъ шагу приходятъ въ столкновеніе, что всѣ они находятся подъ воздѣйствіемъ государства. Кто долженъ быть третейскимъ судьей въ ихъ взаимныхъ конфликтахъ? Выступать въ роли посредника между помѣщиками и крѣпостными было главной, почти единственной задачей просвѣщеннаго абсолютизма,—задача весьма легкая! Въ настоящее время на мѣсто этого единственнаго противорѣчія возникъ цѣлый рядъ антагонизмовъ—между предпринимателемъ и рабочимъ, ремесленникомъ и фабрикантомъ, непосредственнымъ производителемъ и торговцемъ, между всѣми—ними и банкиромъ, между интересами современнаго города и интересами деревни. Мало того: на ряду съ этимъ мы наблюдаемъ сильную конкурренцію даже въ области одной и той же профессіи: конкуренція между промышленными районами, конкуренція между торговыми центрами. Кто могъ бы принять на себя роль судьи на этомъ форумѣ? Будь этотъ смѣльчакъ хотя бы богомъ, тяжущіяся стороны никогда не повѣрятъ въ его безпристрастіе; будь онъ сатана, — даже тотъ, кому онъ оказалъ бы незаслуженное покровительство, считалъ-бы себя въ обидѣ. Ибо въ этой страшной свалкѣ едва ли хоть одинъ человѣкъ сочтетъ даже наибольшіе результаты, которыхъ онъ въ состояніи достичь, наградой дѣйствительно достойной потраченныхъ имъ усилій и заботъ. При современномъ общественномъ строѣ каждое рѣшеніе „свыше“ *должно* непремѣнно у *всѣхъ* возбуждать недовѣріе; оно не вполнѣ удовлетворяетъ даже тѣхъ, кому *доставляетъ* какія-нибудь выгоды, тѣмъ болѣе вызываетъ оно чувство раздраженія у тѣхъ, отъ кого что-либо *беретъ*. А современное государство должно брать у всѣхъ своихъ гражданъ, по крайней мѣрѣ, денежные налоги и сыновей для военной службы.

Не добродѣтели и не пороки государей погубили абсолютизмъ въ Западной Европѣ; нерѣдко самымъ честнымъ и способнымъ правителямъ приходилось не мало терпѣть отъ недовѣрія своихъ современниковъ (вспомнимъ хотя бы Іосифа II). Современный общественный строй съ его борьбой между отдѣльными личностями и между цѣлыми классами не допускаетъ никакого судилища, кромѣ *политической* конкуренціи, — состязанія лицъ и партій въ борьбѣ за власть. Въ часъ сраженія еще можно говорить о виновности или невиновности тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ, но съ высоты сторожевой башни исторіи передъ нашими глазами встаетъ прежде всего законъ желѣзной необходимости.

Едва ли какой-нибудь другой народъ имѣлъ такого незлобиваго, добродушнаго и чистосердечнаго монарха, какого имѣла Австрія въ лицѣ короля Фердинанда. Но какъ разъ эти его достоинства и усилили всеобщее къ нему недовѣріе. Въ разгарѣ борьбы его замѣняетъ 18-лѣтній Францъ-Іосифъ—носитель власти, но еще не властитель; юный монархъ

безъ послѣдовательности и воли. И тѣмъ не менѣе перемѣна на тронѣ открываетъ собою самое грубое господство солдатчины и жестокую гражданскую войну. Реставрація и окончательное крушеніе абсолютизма въ періодъ 1848—1870 г. идутъ совершенно параллельно во Франціи и въ Австріи, хотя въ этихъ государствахъ абсолютизмъ олицетворяется глубоко различными по своимъ характерамъ монархами. Ни слабость, ни сила, ни недостатокъ, ни чрезмѣрность интеллектуальной энергіи абсолютизма — ничто не въ состояніи защитить его отъ убійственнаго холода всеобщаго недовѣрія.

Между тѣмъ абсолютизмъ домартовской Австріи имѣлъ не буржуазно-бюрократическій, а феодально-аристократическій характеръ. Нѣсколько сотенъ дворянскихъ семействъ изъ нѣмецкихъ, чешскихъ и венгерскихъ земель, породнившихся между собою благодаря ловкой брачной политикѣ Маріи Терезіи и чуждыхъ всякаго національнаго сознанія, держатъ въ своихъ рукахъ всѣ высшія должности мало развитой бюрократіи и хорошо вымуштрованнаго войска. Населеніе аккуратно выплачиваетъ налоги и охраняется отъ тлетворнаго вліянія заграничной печати. Этимъ болѣе нли менѣе и исчерпывалось все искусство государственнаго управленія. Ни одна эпоха въ исторической жизни Австріи не была столь бѣдна творческою дѣятельностью и законодательными работами, какъ эпоха Меттерниха. Воспитанная въ ея духѣ бюрократія, разумѣется, оказалась совершенно неспособной противостоять натиску революціи. Если сравнить мартовскую вѣнскую революцію съ первыми могучими революціонными потрясеніями Россіи, то она покажется не болѣе, какъ ничтожною вспышкою. Однако и она оказалась достаточно сильной, чтобы низвергнуть въ пропасть Меттерниха со всей его системой.

Мартовская революція и ея крушеніе.

Общество, покоящееся на основѣ раздѣленія труда, расчлененное на классы, покоренное денежнымъ хозяйствомъ, поддерживаемое конкуренціей въ состояніи постояннаго напряженія — словомъ, *современное буржуазное общество* не мирится съ абсолютною властью; это—моментъ отрицанія въ общественной эволюціи. Въ силу общаго закона конкуренціи, это общество требуетъ свободнаго и неограниченнаго соревнованія между отдѣльными личностями, классами, сословіями, а стало быть и между политическими партіями, въ которыхъ стремленія тѣхъ же классовъ, сословій и личностей опять-таки преломляются въ видѣ конкуренціи за власть въ государствѣ: положительный моментъ въ той же общественной эволюціи—введеніе представительнаго режима. Органы народнаго представительства—это средство, помощью котораго борю-

щіеся между собой реальные интересы пробуютъ свои взаимныя силы и приходятъ сами собой къ своего рода третейскому рѣшенію. Каждый съ довѣріемъ относится къ ихъ рѣшеніямъ, такъ какъ каждый принимаетъ въ нихъ участіе до конца, будетъ ли этотъ конецъ для него побѣдой или пораженіемъ. Они произносятъ соціальный приговоръ, имѣющій неоспоримый авторитетъ. Они незамѣнимы и необходимы для каждаго государства, желающаго пользоваться прочнымъ внутреннимъ миромъ. *Исполненіе* этого общественнаго приговора можетъ быть предоставлено либо *одному* монарху, либо классу привиллегированныхъ лицъ, либо самимъ народнымъ представителямъ. Это—вопросъ для современнаго государства несущественный. Представительная ли монархія, аристократія или демократія [1]), т. е. конституціонная ли монархія, монархія ли парламентарная или республика,—эта трилемма разрѣшается, смотря по обстоятельствамъ, и уже не затрагиваетъ *жизненныхъ* интересовъ буржуазнаго общества.

„Конституція“, восклицали въ мартѣ 1848 г. народныя массы въ Вѣнѣ, Прагѣ и Будапештѣ; конституціонализмъ—вотъ лозунгъ, на которомъ сходились всѣ, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ. Меттернихъ бѣжалъ за границу, императоръ Фердинандъ „Милостивый“ уступилъ, и въ манифестѣ 15 марта 1848 г. далъ обѣщаніе ввести конституцію, назначивъ одновременно съ этимъ отвѣтственное министерство. Борьба между абсолютизмомъ и конституціонализмомъ казалась рѣшенной. Новое министерство тотчасъ же приступило къ выработкѣ конституціи, вся страна ликовала.

Конституція превратила безличныхъ нѣмыхъ подданныхъ въ говорящихъ и активныхъ гражданъ. То, что до сихъ поръ почти не вызывало интереса, теперь пріобрѣло крупнѣйшее значеніе: граждане государства заговорили на *многихъ языкахъ*, они оказались принадлежащими къ различнымъ націямъ. Эти націи въ Австріи сразу выступили на политическую арену и заявили свои права на принадлежащую имъ роль: конституція должна быть *національной*. Едва ли можно было бы найти въ Западной Европѣ другой подобный примѣръ. Нѣмцы требовали нѣмецкой конституціи съ парламентомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; чехи—чешской съ Прагой, какъ политическимъ центромъ; мадьяры — мадьярской съ центромъ въ Будапештѣ и т.д.; значительная часть требовала также обще-австрійской конституціи съ Вѣной въ качествѣ центра. Получился полный хаосъ. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что австрійскій императоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самой крупной силой Германскаго Союза. Должна ли въ такомъ случаѣ вся девятиязычная Австрія войти въ Союзъ? И какъ? Въ ея раздробленномъ видѣ или какъ заранѣе объединенное цѣлое? Или же только своими *нѣ-*

---

[1]) Эти выраженія употреблены здѣсь въ аристотелевскомъ смыслѣ.

нѣмецкими землями? А въ послѣднемъ случаѣ, въ какихъ отношеніяхъ окажутся славянскія, мадьярскія и итальянскія области къ Союзу?

Нельзя строго судить австрійскій дворъ за то, что онъ вслѣдъ за мартовскими днями обнаружилъ слишкомъ поспѣшную готовность угождать всѣмъ. Петиція пражскихъ чеховъ требовала богемскаго государственнаго права, и корона тотчасъ же издала указъ отъ 8 апрѣля 1848 г., коимъ обѣщала объединить Богемію, Моравію и Силезію въ самостоятельную самоуправляющуюся область, и распоряженіе о равноправности чешскаго и нѣмецкаго языка въ этомъ обособленномъ государствѣ. Этотъ указъ составляетъ такъ называемую „богемскую хартію", которая впослѣдствіи должна была привести къ столь большой сумятицѣ и послужить чехамъ юридическимъ основаніемъ для требованій „богемскаго государственнаго права".

Три дня спустя, 11 апрѣля 1848 г., мадьяры представили постановленія своего пресбургскаго ландтага, и императоръ Фердинандъ санкціонировалъ законъ, который даровалъ Венгріи почти полную независимость. Этотъ законъ составляетъ такъ называемую „конституцію независимости", на которую въ Венгріи опирается партія Кошута, и которая вызвала въ монархіи опаснѣйшій кризисъ.

Затѣмъ, спустя двѣ недѣли, была обнародована выработанная министерствомъ Пиллерсдорфа конституція 25 апрѣля 1848 г. для *всей* австрійской имперіи. Она явно игнорировала богемскую хартію и обошла молчаніемъ венгерскую конституцію. Эта Пиллерсдорфовская или апрѣльская конституція фактически однако вступила въ силу только въ западныхъ земляхъ и не была примѣнена къ Венгріи; тогда впервые „дуализмъ" проявился на практикѣ: произошло дѣленіе на Австрію и на Венгрію. *А одновременно съ этимъ нѣмецко-австрійскіе депутаты были посланы въ первый нѣмецкій парламентъ, собравшійся въ церкви св. Павла во Франкфуртѣ.* Ни отношенія монархіи къ Германіи, ни отношенія Венгріи къ Австріи не было урегулированы.

Первый декретъ о выборахъ (8 мая 1848 г.) исключилъ изъ участія въ нихъ пролетаріатъ и этимъ самымъ наряду съ политическимъ и національнымъ антагонизмомъ привелъ къ обостренію и антагонизма соціальнаго. Но затѣмъ въ манифестѣ отъ 18 мая 1848 г. императоръ рѣшился сдѣлать избирательное право всеобщимъ, назначить выборы и созвать первое народное представительство въ качествѣ *„учредительнаго собранія"*. Австрійская конституанта, уполномоченная монархомъ „выработать для отечества конституцію", собралась 22 іюня 1848 г. въ Вѣнѣ, въ то время какъ независимый венгерскій парламентъ засѣдалъ уже въ Будапештѣ;—казалось, что революція за четыре мѣсяца, достигла своей цѣли.

Обѣ вступившія въ силу конституціи повсюду вынесли на поверхность *національные* интересы. Итальянцы держались вдали отъ вѣнскаго парламента, хорваты—отъ будапештскаго. Въ Венгріи словаки, румыны, сербы и трансильванскіе саксонцы протестовали противъ попытки создать чисто мадьярское національное государство и отправили депутаціи къ императору въ Вѣну и Ольмюцъ. Въ самой Австріи чехи, поляки и южные славяне заняли въ рейхстагѣ оборонительную позицію противъ нѣмцевъ, а русины (украинцы) изъ Галиціи апеллировали къ вѣнскому правительству и къ нѣмцамъ, и просили защиты противъ поляковъ. Вѣнскій рейхстагъ, пользовавшійся симпатіями у русинъ и венгерскихъ національностей, подвергался нападкамъ со стороны австрійскихъ національностей—чеховъ, поляковъ и итальянцевъ. Кто бы могъ предположить, что въ нѣдрахъ *такого* хаоса зародится порядокъ?

Одновременно съ этимъ конституція открыла просторъ и для проявленія соціальныхъ противорѣчій. Крестьяне требовали освобожденія отъ господства дворянъ-помѣщиковъ, торгово-промышленные слои—свободы торговли и промышленности, интеллигенція—уничтоженія дворянскихъ привилегій, пролетаріатъ требовалъ соціальныхъ реформъ и всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Наиболѣе чувствительно и глубоко соціальная борьба затронула высшее дворянство—эту, по выраженію Мицкевича, остъ-индскую компанію. Чуя опасность для своихъ *экономическихъ* интересовъ; оскорбленное въ своей *служилой* спеси; озлобленное претензіями дерзкаго бюргерства на одинаковое съ нимъ *общественное* положеніе; внѣ себя отъ смѣлости „улицы“, поднявшей своей голосъ въ политикѣ,—это дворянство только и помышляло, что о кровавыхъ репрессіяхъ. Вскорѣ къ нему присоединилась высшая бюрократія и генералитетъ.

Не будучи высокаго мнѣнія о родовитомъ дворянствѣ, державшемъ въ своихъ рукахъ высшія должности въ министерствахъ, войскѣ и церкви, сановная гражданская и военная бюрократія тѣмъ не менѣе примкнула къ нему, сообщивъ его безсмысленному раздраженію нѣкотораго рода разумность и руководящія идеи: „баррикадный“ министръ Бахъ перешелъ на сторону „палача“-князя Виндишгреца. Точно также и мадьярское высшее дворянство, политически побитое Кошутомъ, искало вдохновенія у Виндишгреца и Баха. Камарилья сорганизовалась, и вскорѣ нашла весьма цѣнную поддержку у цѣлаго народа—хорватовъ съ ихъ баномъ Еллачичемъ во главѣ, боявшихся, что Венгрія лишитъ ихъ національныхъ правъ.

Въ настоящее время совершенно безцѣльно, разумѣется, задаваться вопросомъ, могла ли бы сознательная, послѣдовательная и однородная по отно-

шенію ко всей имперіи конституціонная политика короны предупредить кровопролитіе и избавить династію отъ неизгладимаго позора низложенія въ Венгріи. Если бы корона дала доступъ въ парламентъ всѣмъ національностямъ и всѣмъ классамъ, то борьба была бы тогда борьбой самихъ націй и классовъ, и корона не несла бы за нее отвѣтственности. Но къ такой политикѣ способенъ былъ бы только монархъ съ крупнымъ умомъ, съ богатѣйшимъ опытомъ, съ громаднѣйшимъ терпѣніемъ... Виндишгрецъ и камарилья увлекли императора въ Ольмюцъ, подъ прикрытіе виндишгрецовскихъ полковъ, императоръ перенесъ засѣданія рейхстага въ уѣздный городокъ Кремзиръ, близъ Ольмюца, (15-го ноября 1848 года), и такимъ образомъ дворъ и парламентъ очутились всецѣло во власти камарильи.

Подъ ея вліяніемъ чешскіе депутаты покинули парламентъ въ Вѣнѣ. Но такъ какъ опасность явно угрожала самому конституціонализму, то они вернулись въ Кремзиръ, чтобы вмѣстѣ съ общею спасти и свою собственную свободу. Между тѣмъ рейхстагъ уже рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, не связавъ его въ то же время съ общими вопросами конституціи! Эта крупная тактическая ошибка скоро отомстила за себя,—въ крестьянствѣ угасъ всякій интересъ къ рейхстагу. Тутъ лишь партіи въ рейхстагѣ поняли, что имъ необходимы единодушіе и быстрота дѣйствій, тѣмъ болѣе, что изъ Ольмюца къ нимъ пришла дурная вѣсть, сильно ихъ ошеломившая: императоръ Фердинандъ Милостивый, по настоянію камарильи, 2-го декабря 1848 г. отказался отъ престола въ пользу своего 18-лѣтняго племянника Франца-Іосифа I.

Виндишгрецъ и высшее дворянство хотѣли монарха, не связанаго присягой *ни съ какой* конституціей. Верхи же бюрократіи думали, быть можетъ, нѣсколько иначе; по крайней мѣрѣ въ манифестъ о восшествіи на престолъ они вставили слѣдующія слова: „Твердо рѣшивъ сохранить блескъ короны во всей ея чистотѣ и не ослаблять *цѣлость монархіи въ ея совокупности*, мы уповаемъ, что съ помощью Божіей и *въ согласіи съ народами*, намъ удастся связать всѣ земли и *племена монархіи* въ *одинъ* великій государственный организмъ“.

Соціальный интересъ остъ-индской компаніи повелительно диктовалъ: долой конституцію! Политическій интересъ бюрократіи требовалъ: общей конституціи для всей имперіи! Оба эти слоя задавали тонъ при дворѣ. Хотя манифестъ о восшествіи на престолъ торжественно обѣщалъ продолжать „великое дѣло конституціоннаго строительства“, однако, серьезность этого обѣщанія была болѣе чѣмъ сомнительна: ясно было лишь одно: и надъ богемской хартіей, и надъ венгерскою независимостью, и надъ пиллерсдорфовской конституціей былъ поставленъ общій крестъ.

Замыслы дворянскихъ и военныхъ круговъ не оставляли никакихъ сомнѣній. Полки Виндишгреца свирѣпствовали въ Вѣнѣ; Радецкій разбилъ итальянцевъ; императорскія войска и хорватскій корпусъ, подъ предводительствомъ Еллачича, вторглись въ Венгрію. Венгерскій рейхстагъ не призналъ отреченія Фердинанда отъ престола, и съ полнымъ юридическимъ основаніемъ, ибо для этого необходимо было согласіе мадьярскаго народнаго представительства.

Подъ давленіемъ этой величайшей опасности кремзирскій рейхстагъ работалъ быстро. *Представители націй примирились между собою, взаимно размежевали свои права*, и „комиссія для устроенія отечества“ изготовила *проектъ конституціоннаго акта для австрійскихъ государствъ*. Созванные на началахъ всеобщаго избирательнаго права представители всѣхъ народовъ Австріи сами выработали себѣ конституцію, въ которой путемъ компромиссовъ интересы всѣхъ національностей были примирены, и ихъ взаимныя права разграничены и гарантированы. Полстолѣтія тяжелой національной борьбы, огромныя бѣдствія внутри, тяжкія пораженія извнѣ были бы предотвращены, если бы этотъ проектъ сталъ закономъ. Все дальнѣйшее развитіе свидѣтельствуетъ, что онъ напередъ установилъ то, что̀ было создано лишь потомъ, усиліями цѣлыхъ десятилѣтій. Но этотъ проектъ, этотъ столь много обѣщавшій первенецъ семьи австрійскихъ народовъ, былъ задушенъ въ утробѣ своей матери. Камарилья помѣшала послѣднему голосованію, распустивъ рейхстагъ. Когда депутаты пожелали собраться 7-го марта 1849 года въ Кремзирѣ для принятія окончательнаго рѣшенія, они нашли мѣсто своихъ собраній занятымъ войсками.

Открытаго возстановленія абсолютизма однако не произошло, потому ли, что для этого не хватило смѣлости, или потому, что при дворѣ болѣе осмотрительная бюрократія (Бахъ и Стадіонъ) еще преобладала надъ высшей землевладѣльческой аристократіей (Виндишгрецъ и Шварценбергъ). Болѣе удобнымъ признали октроировать *новую* имперскую конституцію (отъ 4 марта 1849 г.), такъ называемую *мартовскую конституцію*. *Всѣ* земли и *всѣ* націи въ имперіи—мадьяры въ Венгріи, итальянцы въ Ломбардіи—должны были быть подчинены ей. Надо было сдѣлать видъ, будто хотятъ предоставить одинаковыя права всѣмъ націямъ, чтобы объединить ихъ противъ тѣхъ, кто стремился къ пріобрѣтенію особыхъ правъ и преимуществъ,—противъ мадьяръ. Послѣдніе же, на венгерскомъ рейхстагѣ въ Дебречинѣ, отвѣтили на мартовскую конституцію постановленіемъ, въ силу котораго императоръ и вся династія лишались въ Венгріи верховной власти. Послѣ этого вопросъ о конституціи могъ быть рѣшенъ только оружіемъ. Предпринятъ былъ походъ подъ предлогомъ, будто хотятъ принудить Венгрію принять мартовскую конституцію

и признать верховную власть имперіи. Но какъ только съ помощью русскихъ полковъ венгерцы были побѣждены при Вилагошѣ, а итальянцы были разбиты Радецкимъ, какъ только вся сила оказалась въ рукахъ бюрократіи и войскъ,— конституціонный вопросъ сейчасъ же былъ снятъ съ очереди. Такъ называемая мартовская конституція, которая никогда и не была практически проведена въ жизнь, была устранена императорскимъ манифестомъ отъ 31-го декабря 1851 г.,—такъ называемымъ „патентомъ кануна новаго года“ (Sylvesterpatent). А вмѣсто этого былъ созданъ какой-то призрачный „имперскій совѣтъ“ (Reichs*rat*), члены котораго были назначены короной, и который получилъ характеръ чисто совѣщательнаго органа.

Такимъ образомъ борьба классовъ и націй, вслѣдствіе всеобщаго истощенія силъ завершилась возстановленіемъ абсолютизма. Крестьянство, избавившись отъ лежавшихъ на землѣ тяготъ и осчастливленное свободою земельной собственности, тотчасъ же отвернулось отъ революціи; оно пока было удовлетворено. Пролетаріатъ, слишкомъ еще малочисленный, былъ разбитъ солдатчиной. Буржуазія, прежняя носительница революціи, напуганная было подъемомъ пролетаріата, вполнѣ успокоилась, оставшись довольна тѣми государственными реформами, къ которымъ немедленно приступилъ абсолютизмъ. Если Фердинандъ и Меттернихъ управляли въ патріархальномъ и полуфеодальномъ духѣ, то теперь система управленія совершенно измѣнилась. Всецѣло обновленная, руководимая геніальными людьми, бюрократія создала стройныя гражданскія и судебныя установленія, впервые заложившія въ Австріи основы буржуазнаго экономическаго порядка. Освобожденіе земли отъ податного бремени было закончено, былъ введенъ поземельный кадастръ, новый промысловый законъ (1859 г.) обезпечилъ свободу промысла. Этими и другими реформами, хотя и не политическаго характера, бюрократія исполнила завѣщаніе, оставленное революціей, исполнила отчасти даже противъ *дворянства и церкви*, обманувъ ихъ надежды на плоды контръ-революціи. Съ тѣхъ поръ эти прежніе союзники затаили противъ нея скрытую, но непримиримую ненависть. И церковь, и дворянство въ Австріи (значительно отличаясь въ этомъ случаѣ отъ Венгріи, Пруссіи и Россіи) обнаруживаютъ полное отсутствіе политическаго таланта; поэтому въ критическія времена они находятся въ зависимости отъ перебѣжчиковъ, отъ „баррикадныхъ превосходительствъ“, вродѣ Баха, которымъ за спиною платятъ своимъ презрѣніемъ. — Борьба націй завершилась равенствомъ всеобщаго рабства. Даже хорваты и жители Военной границы, которые, подъ предводительствомъ Еллачича, показали себя настоящими казаками Габсбурговъ, лишились своихъ старинныхъ вольностей.

Блужданія абсолютизма.

Я остановился болѣе подробно на описаніи австрійской революціи, такъ какъ она обнаруживаетъ тотъ своеобразный циклическій характеръ революцій, который такъ же ясно проявился и въ первой, и въ третьей французской революціи: единодушный подъемъ широкихъ массъ вмѣстѣ съ первыми ликованіями вызываетъ также на поверхность всѣ классовыя противорѣчія; ибо каждый классъ дѣлаетъ революцію прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ. Возникающая междоусобная борьба даетъ правительству возможность прійти въ себя; оно объединяетъ прежде всего всѣ классы противъ класса низшаго, противъ пролетаріата, который, оказавшись такимъ образомъ совершенно изолированнымъ (іюньская бойня въ Парижѣ), политически умираетъ съ проклятіями на устахъ противъ предавшей его буржуазіи. Среди господствующихъ классовъ на послѣднемъ мѣстѣ оказывается теперь мелкій буржуа; тогда правительственная власть объединяетъ всѣ остальные элементы противъ него,—и такъ далѣе, пока очередь не доходитъ до крупной буржуазіи и даже до дворянства и церкви; и они въ концѣ концовъ вытѣсняются грубой силой гражданской и военной бюрократіи. Государственная власть становится властью an sich, властью сверхчеловѣческою, стоящею надъ классами и надъ націями (вспомнимъ перваго и третьяго Наполеоновъ).

Но нашъ вѣкъ не обнаруживаетъ длительнаго интереса къ культу, наоборотъ, культъ интересовъ владѣетъ имъ. А государство, у всѣхъ возбуждающее въ одно и то же время и страхъ, и надежду, служитъ прежде всего именно интересамъ. Метафизическая идея государства ослѣпляетъ, какъ блестящее оружіе, но она не свѣтитъ и не грѣетъ. Власти боится каждый, ей не довѣряетъ даже тотъ, кому она служитъ, и никто ее долго не любитъ и не уважаетъ. Ея общественная и политическая изолированность побуждаетъ ее искать сближенія съ классами, которые поддерживали бы ее, заставляетъ искать идей, способныхъ привлечь къ ней симпатіи массъ. И такъ она бросается изъ стороны въ сторону, постепенно вовлекая вновь въ сферу политическаго вліянія одинъ классъ за другимъ. Какъ раньше шагъ за шагомъ она отталкивала отъ себя поочередно всѣ классы, такъ теперь она должна привлекать ихъ къ себѣ. По крайней мѣрѣ Австрія продѣлала вторую половину этого цикла именно въ такомъ направленіи, и я хочу изобразить послѣдовательныя его фазы въ хронологическомъ порядкѣ. Они достаточно говорятъ сами за себя.

Абсолютная военно-бюрократическая власть, возстановленная въ 1851 г., вначалѣ отнеслась съ недовѣріемъ даже къ церкви и дворянству, интересамъ которыхъ собственно должна была служить контръ-революція. И наоборотъ духовенство не переставало жаловаться на безбожное государство, являющееся якобы истиннымъ виновникомъ революцій. (Это послѣ того какъ именно въ угоду церкви оно и душило ихъ!) Церковь, эта старѣйшая изъ формъ организованной власти, требуетъ отъ государства, чтобы оно сложило оружіе. Въ 1855 г. Австрія заключаетъ *конкордатъ* съ римской куріей, которымъ церковь призывается къ роли соправителя бюрократіи.

За церковью идетъ дворянство, второй наслѣдникъ контръ-революціи. Оно также ропщетъ и при первомъ удобномъ случаѣ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ государства, требуетъ также непосредственнаго участія во власти,—и добивается его. 5 марта 1860 г. рейхсратъ пополняется представителями родовитаго дворянства, которые требуютъ возстановленія стараго сословнаго представительства для коронныхъ земель, а также образованія центральнаго парламента изъ делегатовъ отъ ландтаговъ, въ которыхъ преобладало уже помѣстное дворянство. Они требуютъ этого вопреки волѣ бюрократіи, но преодолѣваютъ ея сопротивленіе. 20 октября 1860 г. издается такъ называемый *октябрскій дипломъ*, удовлетворившій ихъ требованія.

Бюрократія не довольна. Но какимъ же инымъ путемъ она можетъ оказать противодѣйствіе господству дворянъ, если не путемъ союза съ *крупною буржуазіей?* Четыре мѣсяца спустя, еще прежде чѣмъ этотъ дипломъ былъ практически проведенъ въ жизнь, Шмерлингъ исхлопоталъ знаменитый *февральскій патентъ* (отъ 26 февраля 1861 г.), въ силу котораго для ландтаговъ устанавливается куріальная система выборовъ, избирательныя права предоставляются, наряду съ высшимъ помѣстнымъ дворянствомъ, также зажиточному крестьянству и крупной буржуазіи; рейхсратъ созывается изъ представителей, избираемыхъ ландтагами по куріямъ. Такимъ образомъ въ рейхсратѣ дворянскіе и буржуазные элементы взаимно уравновѣшиваются. Этимъ путемъ, спустя 10 лѣтъ послѣ „окончательной“ побѣды контръ-революціи, парламентаризмъ начинаетъ вступать въ свои права въ Австріи.

Экономическое развитіе повсюду содѣйствуетъ возвышенію буржуазіи и умаленію былого значенія дворянства. Парламентъ становится все болѣе и болѣе буржуазнымъ, даже беретъ, въ лицѣ буржуазнаго министерства (1867 и слѣд. годы) бюрократическую власть въ свои руки и, благодаря введенію прямыхъ выборовъ, совершенно освобождается отъ вліянія все еще феодальныхъ ландтаговъ (первая избирательная реформа 1872 г.,— реформа буржуазіи). Церковь и дворянство помышляютъ о мести; они подстрекаютъ мелкаго крестьянина и мелкаго буржуа, которые посредствомъ

высокаго ценза все еще лишены права голоса, и организуютъ ихъ для борьбы съ буржуазіей. Въ этой борьбѣ интересовъ бюрократія снова пріобрѣтаетъ свою самостоятельность (1879 г., графъ Тааффе) и старается укрѣпить ее путемъ пониженія избирательнаго ценза до 5 гульденовъ, т. е. путемъ искусственнаго приведенія въ равновѣсіе элементовъ крупной буржуазіи и мелкаго бюргерства (вторая избирательная реформа 1885, реформа мелкаго бюргерства). Мелкая буржуазія (Люэгеръ, Шенереръ, младочехи и проч., около 1890 г.) освобождается отъ церковно-феодально-бюрократической опеки, вступаетъ въ борьбу съ консерваторами (дворянство и церковь) и одновременно также съ либералами (буржуазія), и апеллируетъ къ народу, требуя всеобщаго избирательнаго права. Въ эпоху Бадени, послѣ частичной *третьей* избирательной реформы (1896 г.) наступаетъ время сумбурной диктатуры мелкаго бюргерства; теперь уже сама государственная власть принуждаетъ его проводить реформу всеобщаго избирательнаго права (четвертая избирательная реформа 1905 г.), надѣясь, подъ шумъ взаимной борьбы различныхъ буржуазныхъ классовъ между собой и этихъ послѣднихъ противъ пролетаріата, возвратить себѣ свою независимость.

Такимъ образомъ государственная власть послѣ безконечныхъ неурядицъ, послѣ 60 лѣтъ попятнаго движенія, опять пришла къ тому же, къ чему она была приведена въ 1848 году въ теченіе трехъ мѣсяцевъ—къ всеобщему равному избирательному праву и къ демократизаціи законодательства. Шестьдесятъ лѣтъ политической сумятицы явились послѣдствіемъ контръреволюціи. За это время Австрія была слаба внутри и извнѣ, пережила Сольферино (1859 г.) и Кёниггретцъ (1866 г.), лишилась своего положенія въ Италіи и Германіи и утратила свое имперское единство (актъ соглашенія съ Венгріей 1867 г. и побѣда „партіи независимости“ въ 1905 г.).

Точно такой же возвратный циклъ революціи привелъ болѣе зрѣлую Францію и режимъ Наполеона III, за періодъ отъ 1848 до 1870 г., къ Седану и къ третьей республикѣ. Чѣмъ большею зрѣлостью отличается народъ, чѣмъ позднѣе онъ вступаетъ въ этотъ циклъ, тѣмъ быстрѣе этотъ послѣдній завершается, тѣмъ болѣе глубокіе слѣды оставляетъ онъ въ исторіи народа. Какія бы различныя формы ни принимало это циклическое движеніе у различныхъ народовъ, ни одному изъ нихъ, думается мнѣ, не избѣжать его.

II. Конституціонный режимъ и національности.

Распространеніе въ Австріи права политическаго представительства на все новые классы, систематическое вовлеченіе все болѣе широкихъ народныхъ массъ въ политическую жизнь, бѣгство государственной власти отъ цѣпей правящей клики къ ближайшему безправному доселѣ классу, въ разсчетѣ этимъ путемъ возвратить себѣ свою собственную свободу—весь этотъ процессъ оставался непонятнымъ и неяснымъ такъ долго потому, что онъ постоянно затемнялся *національными* распрями. Эти же послѣднія казались въ Австріи столь же обыкновенными и неотвратимыми, какъ явленія природы, такъ что не возникало даже вопроса о ихъ причинахъ и смыслѣ. Лишь въ послѣдніе годы обстоятельства, которыми сопровождалось движеніе въ пользу избирательной реформы и борьба венгерской „партіи независимости“ за полную самостоятельность своей страны, выяснили значеніе *національнаго* момента въ политикѣ и исторіи. Я позволю себѣ поэтому сдѣлать краткій очеркъ постепенной *національизаціи* государственной жизни Австріи въ рамкахъ только что очерченнаго соціальнаго и политическаго развитія.

Успѣхи мадьярской націи, раздѣлъ имперіи.

Въ эпоху абсолютизма законъ и государственный порядокъ Австріи не знаетъ націй; онъ знаетъ лишь чиновниковъ и подданныхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга непроходимою пропастью. Чиновничество представляетъ собою замкнутую корпорацію. На протяженіи всей имперіи, какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, оффиціальнымъ языкомъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ является языкъ нѣмецкій; правительство Баха посылаетъ въ нѣмецкія области преимущественно чиновниковъ чеховъ, говорящихъ по-нѣмецки, а нѣмцевъ—въ области другихъ національностей. Этимъ путемъ обезпечивается нѣмецкій характеръ правительственныхъ учрежденій; но наряду съ этимъ предписывается, чтобы во *внѣшнемъ* дѣлопроизводствѣ, т. е. въ сношеніяхъ съ населеніемъ, должностныя лица изъяснялись съ каждымъ подданнымъ на его родномъ языкѣ; и въ этомъ отношеніи *каждая нація* безусловно полноправна. *Политическаго же* существованія, особыхъ *политическихъ* правъ не имѣетъ ни одна нація, даже нѣмецкая. И Бахъ такъ глубоко вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла, что въ 1850 г.

утверждалъ: „черезъ двадцать пять лѣтъ никто не будетъ говорить ни по-мадьярски, ни по-чешски!“ Пророчество однако не оправдалось.

Опору для своего дѣла бюрократія находила въ экономическомъ положеніи націй; *города* въ Венгріи, въ Богеміи и въ Галиціи издавна были *нѣмецкими*; они были *основаны* пришлыми нѣмецкими ремесленниками и купцами, и съ самаго начала здѣсь дѣйствовало нѣмецкое городовое право; дворянство и интеллигенція говорили на нѣмецкомъ, а отчасти и на французскомъ языкѣ, крестьянство же, говорившее на иныхъ языкахъ, только что освободилось отъ крѣпостнаго ярма и политически было совершенно пассивно.

Однако въ средѣ трехъ націй—мадьяръ, чеховъ и поляковъ, особенно въ сознаніи ихъ правящихъ классовъ, было живо воспоминаніе о быломъ національномъ и государственномъ величіи. Какъ памятники ихъ историческаго прошлаго передъ ними все еще красуются ландтаги съ ихъ *сословнымъ* устройствомъ. Въ земляхъ по сю сторону Лейты эти учрежденія потеряли всякое значеніе. Здѣсь контръ-реформація и Тридцатилѣтняя война почти совсѣмъ искоренили мелкопомѣстное національное дворянство (gentry), здѣсь дворянская вотчина (Rittergut) почти исчезла. Среднее дворянство состояло главнымъ образомъ изъ служилыхъ, а не землевладѣльческихъ элементовъ. Эра конфискацій протестантскихъ имѣній увеличила размѣры латифундій. И типомъ австрійскаго дворянина-землевладѣльца является магнатъ, грандъ, лендлордъ. И хотя этотъ вельможа охотно фрондируетъ, хотя онъ и видитъ въ провинціальной самостоятельности условіе, укрѣпляющее его высокое положеніе—ибо въ тѣсныхъ предѣлахъ своей провинціи онъ несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто и чувствуетъ себя маленькимъ царькомъ — тѣмъ не менѣе онъ остается царедворцемъ; поэтому ожидать со стороны феодаловъ упорной и сколько-нибудь серьезной оппозиціи не приходится. Къ тому же ихъ сословная гордость не допускала сколько-нибудь сильнаго представительства третьяго сословія, городской буржуазіи, которая была нѣмецкаго происхожденія и уже потому сочувствовала абсолютизму. И такимъ образомъ ландтаги въ Цислейтаніи не имѣли возможности опереться на какой бы то ни было сильный и вліятельный классъ.

Иначе обстояло дѣло въ Венгріи. Хотя въ этой странѣ и находятся величайшія во всей средней и западной Европѣ латифундіи, тѣмъ не менѣе господствовали въ ней не магнаты, а мелкопомѣстное дворянство. И въ комитатахъ, и въ ландтагѣ распоряжается юнкеръ, а юнкеръ—это человѣкъ совершенно другого политическаго покроя, чѣмъ вельможа. Послѣдній хозяйничаетъ черезъ управляющихъ и соприкасается только со штабомъ слу-

жащихъ; юнкеръ хозяйничаетъ самъ и непосредственно имѣетъ дѣло съ крестьянами и дворней. Магнатъ провѣряетъ счеты и проѣдаетъ ренту, юнкеръ залѣзаетъ въ душу къ своимъ людямъ, съ которыми онъ нерѣдко обѣдаетъ за однимъ столомъ. Магнатъ никогда не обладаетъ запасомъ хозяйственнаго опыта и умѣніемъ распознавать людей, юнкеръ—почти всегда. Магнатъ служитъ добычею для своихъ лакеевъ; юнкеръ является эксплуататоромъ своихъ рабочихъ. Такъ по крайней мѣрѣ обстояло дѣло въ Венгріи въ серединѣ истекшаго столѣтія.

Венгерское дженгри поняло уже въ 1789 г., что время требуетъ преобразованія его сословныхъ представительныхъ учрежденій въ парламентъ. И своими преимуществами, которыми мадьяры пользуются въ сравненіи съ другими австрійскими націями, они обязаны главнымъ образомъ тому, что уже давно сдѣлали рѣшительный поворотъ отъ принциповъ сословнаго абсолютистскаго режима къ современному конституціонализму. Со времени Пресбургскаго ландтага 1791 г., благодаря мелкопомѣстному дворянству, въ Венгріи произошелъ полный переворотъ въ умахъ; члены сословнаго представительства усвоили постепенно конституціонную доктрину Монтескье, и переходъ отъ старосословнаго „граваминальландтага“ [1]) къ рейхстагу, облеченному законодательными функціями и правомъ запрашивать министровъ, совершился въ 1848 г. быстро и безъ осложненій. Независимость націи, казалось, была обезпечена въ одно мгновеніе, и какъ будто въ одну ночь было создано мадьярское государство въ Имперіи.

Такимъ образомъ соціальная структура Венгріи объясняетъ намъ, почему изъ девяти народовъ Австріи именно мадьяры, дольше всѣхъ сохранившіе свое сословное представительство, первые вступили на путь конституціонализма и одни только добились сейчасъ же возможности образовать національное государство.

Правда, черезъ два года при Вилагошѣ это государство потерпѣло крушеніе.. Причины этого мы вкратцѣ изложили уже выше. „Нація и свобода!“ — таковъ былъ боевой кличъ мадьяръ, но для словаковъ, румынъ и хорватовъ онъ звучалъ угрозой денаціонализаціи и безправія. Правда, въ экстазѣ перваго одушевленія они охотно приняли участіе въ борьбѣ. Но вскорѣ конституція показалась имъ подозрительной. Они, какъ крестьяне, имѣли уже свою конституцію въ видѣ патріархальнаго абсолютизма Фердинанда; ее они понимали, хотя и не особенно любили.

---

[1]) Старый венгерскій ландтагъ не издавалъ, подобно современному парламенту законовъ; онъ заключалъ съ королемъ договоры и обращался къ нему съ просьбами (petitiones) или, чаще всего, съ жалобами (gravamina). Отсюда и происходитъ нѣсколько насмѣшливое названіе „Gravaminal-Landtag“.

Новое же положеніе возбуждало въ нихъ сильную тревогу. Вѣдь свобода должна была прійти и *для нихъ*. А вмѣсто того, Кошутъ требовалъ, чтобы они замѣнили господство одного и ото всѣхъ одинаково далекаго монарха близкимъ безпощаднымъ абсолютизмомъ многоголоваго, національно чуждаго имъ парламента! Къ тому же многовѣковый опытъ исторіи подсказывалъ имъ, что мадьяръ хочетъ быть лишь господиномъ. Всякая *политическая* свобода утрачивала для нихъ смыслъ, если она въ то же время не была *національной*. Вѣнскій абсолютизмъ непосредственно передъ 1848 г. не былъ національнымъ; онъ не давалъ простора для развитія націй, но зато онъ консервировалъ ихъ. Будапештскій же парламентъ былъ въ глазахъ этихъ націй гораздо хуже вѣнскаго абсолютизма, потому что онъ знаменовалъ собою ихъ національную гибель.

Среди этого конфликта погибла государственная независимость Венгріи. Смертельная ненависть венгерскихъ хорватовъ, сербовъ и румынъ помогла вѣнскому двору одержать побѣду; императорскія войска привѣтствовались венгерскими національностями какъ освободители.

Введеніемъ *обще-имперской* конституціи 1849 г., послѣ того какъ всякое сопротивленіе было уже сломлено, вѣнскій дворъ навѣрное вызвалъ бы у всѣхъ народовъ и даже у самихъ мадьяръ чувство благодарности къ себѣ. Вмѣсто того императоръ, въ домартовскую эпоху бывшій патримоніальнымъ государемъ, теперь становится неограниченнымъ буржуазно-бюрократическимъ повелителемъ, который рядомъ финансовыхъ реформъ, поземельнымъ кадастромъ и налогами приноравливаетъ всю государственную жизнь къ формамъ денежнаго хозяйства. Любимецъ аристократіи, орудіе автократіи и церкви Бахъ въ то же время старается провести въ интересахъ и съ помощью буржуазіи все то, что возможно осуществить, не вызывая никакихъ треній и раздраженія. Послѣ его паденія венгерскіе крестьяне вытащили на улицы кадастровыя книги, которыя онъ ввелъ для ихъ же пользы, и разорвали ихъ въ клочки. Къ этому присоединилось всеобщее недовольство политикой покровительства церкви, конкордатомъ, заключеннымъ съ римскимъ папой (1855) и непомѣрными претензіями духовенства. За какое-нибудь одно десятилѣтіе весь моральный кредитъ короны въ Венгріи былъ подорванъ. Ни политической, ни національной, ни вѣроисповѣдной свободы —таковы были плоды абсолютизма въ Венгріи. И такимъ образомъ дворъ снова помѣнялся ролями съ мадьярами, особенно съ мадьярскимъ джентри, которое съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше приверженцевъ въ городахъ въ лицѣ протестантовъ и евреевъ, волнуемыхъ мотивами религіознаго протеста.

Если *мадьяризмъ* привелъ къ *національной* гибели, то онъ по крайней мѣрѣ провозгласилъ политическую и конституціонную свободу, въ то время какъ

корона не давала ничего. Къ тому же послѣ изгнанія Кошута единственнымъ безспорнымъ вождемъ мадьярскаго джентри и интеллигенціи остался Францъ Деакъ, который изъ исторія Венгріи зналъ всю опасность необузданнаго мадьяризма для его отечества; онъ гарантировалъ хорватамъ политическую автономность ихъ королевства, остальнымъ же національностямъ, своимъ законопроектомъ о національностяхъ (ставшему закономъ въ 1868 г.), онъ обезпечилъ минимумъ самостоятельнаго существованія, національное мѣстное самоуправленіе и національную низшую и среднюю школу. Вѣна была разбита на-голову; и когда Австрія въ 1866 г. была побѣждена Пруссіей и, униженная, исключена изъ Германіи, то дворъ вынужденъ былъ войти съ мадьярами въ соглашеніе (1867 г.). Венгрія сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, которое съ Австріей связано только династіей, арміей и общей внѣшней политикой. Такимъ образомъ и случилось, что эта единственная изъ всѣхъ девяти австро-венгерскихъ націй отстояла свою независимость и національно-мадьярскій конституціонализмъ, оставивъ въ то же время и Кроаціи ея національный сеймъ. Дуализмъ сталъ совершившимся фактомъ.

Какъ же могли примириться съ такимъ привилегированнымъ положеніемъ девятой націи остальныя восемь? Одну изъ этихъ восьми націй—хорватовъ она кое-какъ удовлетворила, но другія заявили протестъ. Только послѣ долгихъ размышленій и колебаній признала, наконецъ, нѣмецкая нація этотъ актъ соглашенія. Еще при Бахѣ мечтанія австрійскихъ нѣмцевъ о господствѣ надъ всей Австро-Венгріей были въ полномъ расцвѣтѣ. Когда же нѣмецкіе чиновники были отозваны изъ Венгріи, нѣмцы утѣшили себя надеждами на то, что справятся по крайней мѣрѣ съ національностями, живущими по сю сторону Лейты, т. е. въ созданной дуализмомъ малой Австріи (Kleinösterreich). Въ силу акта соглашенія (§ XII венгерскаго закона 1867 г.) имперія дѣлилась на двѣ половины, и *два народа* были призваны къ совмѣстному господству въ придунайской монархіи. Каждый изъ нихъ взялъ себѣ въ подчиненіе по одному *полу*-правному народу, мадьяры—хорватовъ, нѣмцы—поляковъ, которымъ въ 1869 г. были дарованы особыя права въ области языка вмѣстѣ съ частичной автономіей. Остальныя же пять націй были обречены на съѣденіе: въ Австріи чехи и южные славяне—нѣмцамъ, русины (украинцы)—полякамъ; въ Венгріи нѣмцы, словаки и румыны—мадьярамъ, сербы—хорватамъ. И такимъ образомъ изъ девяти или правильнѣе десяти націй [1]) двѣ сдѣлались непосредственно господствующими (Reichsunmittelbar), двѣ—медіатизированными или полуправными, а шесть—совершенно безправными.

---

[1]) Сербы говорятъ на томъ же языкѣ, что и хорваты, но считаютъ себя самостоятельной націей, какъ исповѣдующіе другую религію (православіе).

Важнѣйшіе факторы національнаго развитія въ Австріи и Венгріи.

Гдѣ же источникъ этой политической градаціи, откуда это различіе въ судьбѣ націй? Каковъ главный моментъ, опредѣляющій положеніе каждой изъ нихъ [1])?

Если сравнить нынѣшнюю численность національностей и нынѣшнюю площадь ихъ распространенія съ численностью и площадью лѣтъ 50, 100 и 500 тому назадъ, то обнаружится поразительный фактъ: въ теченіе столѣтій въ этихъ основныхъ *этническихъ* факторахъ перемѣна произошла крайне незначительная. Даже внутреннія передвиженія населенія, вызванныя процессомъ индустріальнаго развитія, въ цѣломъ не произвели сколько нибудь замѣтной перемѣны,—за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ чисто мѣстныхъ измѣненій. Австрія, эта лабораторія національнаго вопроса, экспериментально доказала, что площадь національной населенности и численность націй являются постояннымъ составнымъ элементомъ политики и что за одно—два столѣтія онѣ относительно почти совершенно не измѣняются.

Это вопреки всякимъ привилегіямъ! Но откуда берутся сами привилегіи? Въ Германской имперіи, напримѣръ, преимущества нѣмцевъ передъ поляками и французами находятъ себѣ достаточное объясненіе въ политической исторіи и въ подавляющемъ численномъ преобладаніи нѣмецкой націи. Не то въ Австріи.

Историческій секретъ національнаго уклада въ Австро-Венгріи надо искать вопреки установившимся взглядамъ, не въ расположеніи или непріязни двора, не въ клерикальномъ вліяніи, которое само является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ, а въ степени экономическаго развитія и въ классовой структурѣ націй. Оставляя въ сторонѣ итальянцевъ—весьма малочисленныхъ—мы видимъ, что въ 1867 г. лишь два народа обладали *достаточно развитымъ классовымъ строеніемъ*—нѣмцы и мадьяры.

Высшее дворянство при-альпійскихъ странъ, австрійское служилое дворянство, духовенство, представители свободныхъ профессій, городская буржуазія, ремесленное сословіе, крестьянство, зачатки промышленнаго пролетаріата—уже въ то время представляли собою стройное зданіе *нѣмецко-австрійской* національности; политическое руководство находилось въ рукахъ бюрократіи изъ интеллигентскихъ и промышленныхъ слоевъ. Такой народъ, руко

[1]) Нижеслѣдующее изложеніе близко примыкаетъ ко второй главѣ книги, опубликованной авторомъ въ 1906 г. подъ заглавіемъ: „Grundlagen und Entwicklungsziele der Österreichisch-Ungarischen Monarchie“ (Wien u. Leipzig).

водимый однимъ классомъ, былъ способенъ главенствовать въ парламентѣ и оказывать рѣшающее вліяніе на государственныя дѣла. Такъ складывалось положеніе *по сю сторону* Лейты. Нѣсколько иначе, хотя и аналогично, складывались отношенія въ *Венгріи*. Тамъ магнаты, мелкопомѣстное дворянство, сосредоточившее въ то же время въ своихъ рукахъ и либеральныя профессіи, національное, на половину протестантское духовенство и крестьянство, образовывали ядро *мадьярской* націи. Городское ремесло, находившееся въ рукахъ нѣмцевъ—до 1870 г. почти всѣ венгерскіе города были преимущественно нѣмецкими, особенно Пештъ и Офенъ, — промышленность и торговля, находившіяся въ рукахъ нѣмецкихъ евреевъ, всѣ эти элементы также перешли въ мадьярскій лагерь, въ станъ конституціонализма и религіозной терпимости; за страстно желанную политическую и религіозную свободу эти слои охотно пожертвовали своею національностью. Такимъ образомъ мадьяры оказались *націей въ современномъ смыслѣ* этого слова, и покорно послѣдовали за своимъ манчестерско-аграрнымъ, свободолюбиво-бюрократическимъ джентри.

Такимъ путемъ господство и *могло* и должно было достаться по сю стороны Лейты связаннымъ съ бюрократіей представителямъ либеральныхъ профессій, а по ту сторону—мадьярскому джентри. И тѣ, и другіе имѣли за собою „цѣльный“ народъ—*народъ въ полномъ составѣ*; съ ними корона имѣла право и вынуждена была идти на соглашеніе. Но кромѣ этихъ двухъ націй, никакая другая не достигла своего *полнаго* развитія, какъ *цѣлостнаго* организма.

Поляки въ Цислейтаніи представляли собою націю родовитыхъ землевладѣльцевъ и порабощенныхъ ими мелкихъ крестьянъ; *хорваты*—націю родовитаго дворянства, церковныхъ вельможъ и невѣжественнаго сельскаго населенія. *Чехи*, наконецъ, представлявшіе собою въ то время народъ средняго крестьянства и низшаго чиновничества, охотно принимали покровительство высшаго богемскаго дворянства и низшаго духовенства. Эти три націи не вполнѣ еще оформились, но у каждой изъ нихъ былъ свой господскій классъ (Herrenklasse).

Всѣ остальныя націи состояли изъ отсталой, опекаемой своими приходскими священниками сельской массы, едва только вышедшей изъ состоянія натуральнаго хозяйства, и рѣзко отграниченной отъ кучки чуждыхъ ей по языку дворянъ-землевладѣльцевъ, князей церкви и государственныхъ чиновниковъ. За исключеніемъ нѣмцевъ и мадьяръ вездѣ отсутствовала промышленная буржуазія, интеллигенція, бюрократическіе и торговые элементы и сознательный пролетаріатъ.

Тѣ народы, которые сохранили, по крайней мѣрѣ, свое дворянство и духовенство, добились все-таки признанія и равноправія въ своихъ коронныхъ

земляхъ; всѣ же остальные, не имѣвшіе руководящихъ общественныхъ классовъ, очутились въ положеніи илотовъ дуализма.

Итакъ классовое строеніе націй въ 1867 г. объясняетъ намъ участіе народовъ въ имперской жизни; оно объясняетъ намъ нѣмецко-мадьярское главенство въ имперіи и относительную самостоятельность хорватовъ и поляковъ; оно объясняетъ намъ также, какимъ образомъ чехи были призваны пробить первую брешь въ этой системѣ, какъ нація наиболѣе развитая, съ наиболѣе вліятельнымъ дворянствомъ и живущая въ наиболѣе могущественной провинціи по сю сторону Лейты. Съ помощью феодальнаго дворянства, перешедшаго на ихъ сторону, имъ удалось завоевать въ 1871 г. богемскій ландтагъ. Этотъ ландтагъ окончательно принялъ такъ называемые *Фундаментальные параграфы* (Fundamentalartikel), въ силу которыхъ Богемія должна была занять особое національное и государственно-правовое положеніе. И хотя эти параграфы и не сдѣлались закономъ, однако съ этого момента чехи пріобрѣли значеніе весьма вліятельной политической силы.

Съ тѣхъ поръ страна пережила тридцатилѣтній періодъ бурнаго экономическаго и государственнаго развитія. За это время въ обществѣ и государствѣ и по ту, и по сю сторону Лейты произошли большія перемѣны; процессъ *образованія классовъ* въ средѣ маленькихъ народовъ подвинулся довольно далеко или окончательно завершился въ своемъ развитіи; измѣнился удѣльный вѣсъ каждаго класса. Государство переходило изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Фазы національнаго развитія въ Австріи.

Въ Цислейтаніи этотъ процессъ въ своихъ національныхъ и соціальныхъ проявленіяхъ почти завершился. Съ культурно-исторической точки зрѣнія онъ интересенъ, какъ типичный образчикъ того, какъ національности постепенно созрѣваютъ и осуществляютъ свое освобожденіе. Кое-что поучительное могутъ изъ него почерпнуть для себя даже иностранцы.

Каждая національность, какъ бы бѣдна она ни была, все-таки сохраняетъ свое собственное низшее духовенство. Церковь должна сноситься съ вѣрующими на ихъ родномъ языкѣ, и потому даже самая индифферентная народность не можетъ примириться съ чуждыми ей по національности и языку пастырями. Въ эпоху хозяйственнаго процвѣтанія (отъ 1870 г. до 1890 г.) учащаяся молодежь экономически преуспѣвшихъ націй пренебрегала духовнымъ званіемъ, и церковь была вынуждена замѣщать священническія должности націоналистическими славянскими клириками. Эти послѣдніе и явились пер-

выми застрѣльщиками въ борьбѣ за національное равноправіе. Церковь такимъ образомъ была тѣмъ мостомъ, который привелъ націи къ борьбѣ за національное освобожденіе; но въ наши дни націи уже выросли изъ церковныхъ пеленокъ и національныя стремленія стали опасностью церкви. Та же судьба постигла и связанное съ церковью высшее дворянство; теперь, послѣ проведенія избирательной реформы, оно, какъ орудіе развитія народной жизни, стало совершенно излишнимъ, и было отброшено въ сторону.

Крестьянскій націонализмъ, совпадающій всегда по своему характеру съ націонализмомъ его руководителей—церкви и священника—носитъ обыкновенно оборонительный характеръ: онъ даетъ отпоръ пришлымъ элементамъ и чуждымъ ему по языку чиновникамъ, и какъ только эта цѣль достигнута, успокаивается. На этой почвѣ складывалась первая чешская партія, организація старочеховъ съ Ригеромъ во главѣ. Эта партія руководила чехами до 1890 г.

Агрессивнымъ, жаркимъ, шумнымъ и нетерпимымъ національное движеніе становится лишь тогда, когда оно своею волною захватываетъ городъ и главнымъ образомъ мелкіе города. Для ремесленника, торговца, мелкаго лавочника національное происхожденіе становится здѣсь факторомъ конкуренціи: покупайте только у нѣмцевъ! Покупайте только у чеховъ! (Антисемитскій лозунгъ: „Покупайте только у христіанъ!“ относится по существу къ этой же категоріи). Мелкіе же города Австріи были преимущественно нѣмецкими даже въ областяхъ другихъ національностей. Всякій, признающій себя членомъ той національности, къ которой принадлежатъ окрестные жители, привлекаетъ ихъ къ себѣ въ качествѣ покупателей. И тутъ возгорается ожесточенная борьба за экономическое существованіе. Мелко-буржуазный націонализмъ не знаетъ компромиссовъ; борьба изъ-за торговыхъ вывѣсокъ превращается въ истребительную войну,—и почти по всей линіи ведется противъ нѣмцевъ съ рѣшительнымъ успѣхомъ для окружающихъ національностей. Тотъ же характеръ обнаруживаетъ и споръ въ бюрократическихъ сферахъ изъ-за должностей—вопросъ о языкѣ правительственныхъ учрежденій—и борьба среди свободныхъ профессій. Адвокатъ или врачъ находитъ кліентовъ только среди своихъ соплеменниковъ, и этотъ принципъ подбора создалъ въ теченіе одного-двухъ десятилѣтій у каждой націи классъ интеллигенціи. Тождество національнаго положенія дѣлаетъ интеллигенцію руководительницей мелко-буржуазныхъ городскихъ массъ; ихъ агрессивный націонализмъ въ самое короткое время увлекаетъ за собою сельское населеніе и устраняетъ приходскихъ священниковъ отъ руководящей роли. И уже не священническія должности, не народная школа, а высшая и средняя школа и государственныя должности становятся главнымъ объектомъ національной борьбы. Націонализмъ въ

этой новой своей оболочкѣ въ періодъ съ 1885 г. по 1890 г. захватываетъ чешскую общественность; младо-чешская партія почти совершенно вытѣсняетъ старочеховъ.

У нѣмцевъ это движеніе проявляется въ иной формѣ. Интеллигенція сперва стояла во главѣ крупной буржуазіи. Но эта послѣдняя, какъ мы это сейчасъ увидимъ, не можетъ сочувствовать ея аггрессивнымъ стремленіямъ. Интеллигенція начинаетъ покидать капиталистическое бюргерство и цѣлыми толпами переходитъ въ одинаково съ нею настроенный лагерь мелкой буржуазіи. Тутъ-то *Шенереръ*, *Штейнвендеръ* и *Люэгеръ* торжествуютъ свою побѣду, и старолиберальная партія среди нѣмцевъ раскалывается и приходитъ въ упадокъ (1895 г.). Вышеупомянутая избирательная реформа мелкой буржуазіи была прологомъ этого крушенія либерализма.

Въ теченіе двухъ десятилѣтій націи, такъ сказать, обстраивались,— начиная отъ низовъ къ верхамъ; въ теченіе же третьяго десятилѣтія (1890—1900 гг.) онѣ увѣнчиваютъ зданіе. Національныя сберегательныя кассы, кредитныя общества, кооперативныя организаціи привлекаютъ къ себѣ всѣ освободившіеся капиталы, притекавшіе до того времени къ единственно существовавшимъ тогда нѣмецкимъ учрежденіямъ. Духъ націоналистическаго грюндерства объялъ всѣ націи; крупныя національныя предпріятія эксплоатировали національный флагъ для привлеченія и приманки потребителей изъ среды своихъ сородичей, и имѣли успѣхъ. И до того, пока не завоеванъ національный рынокъ, они продолжаютъ свою аггрессивно-націоналистическую политику; они ведутъ свои книги и пишутъ проспекты на національномъ языкѣ, и чуть ли не каждое иностранное слово считается измѣной.

Но какъ только національный рынокъ завоеванъ, начинается стремленіе за его предѣлы; теперь націонализмъ становится терпимымъ въ вопросѣ о языкѣ — чѣмъ всегда отличался, по тѣмъ же причинамъ, крупный буржуа *нѣмецъ* — но тѣмъ настойчивѣе становятся его домогательства въ области государственнаго хозяйства и государственной политики. Онъ вторгается въ сферу фискальнаго хозяйства и кладетъ свою печать на раздачу казенныхъ подрядовъ и поставокъ, онъ также требуетъ „государственнаго права“ для отдѣльныхъ провинцій, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его требовалъ націонализмъ феодала—онъ требуетъ монополизаціи сбыта въ нихъ; пріятнѣе всего было бы ему возстановить между Вѣной и Богеміей, между наслѣдственными землями и Галиціей таможенную границу. Подъ этимъ флагомъ ведется національная борьба въ настоящее время. И такимъ образомъ этотъ націонализмъ опять-таки совпадаетъ съ феодальнымъ принципомъ самостоятельности коронной земли; молодая крупная буржуазія снова сближается съ феодальными элементами: младо-чехи прежде всего за-

ключаютъ миръ съ *Шварценбергомъ*, *Туномъ* и *Лобковицемъ*. Подъ этимъ знакомъ стояла Богемія въ 1897 г., т. е. спустя семь лѣтъ послѣ того, какъ младочехи на голову разбили феодаловъ и старочеховъ;—теперь буржуазный національнизмъ настолько окрѣпъ, чтобы подчинить себѣ при помощи равнаго избирательнаго права феодальные элементы.

Мы видимъ, что въ нѣдрахъ чешской націи быстро завершилась эволюція буржуазно-классовыхъ интересовъ, и что эта нація *вполнѣ сложилась*. Тотъ же путь, хотя и нѣсколько позже, прошли и остальныя національности. Но въ то же время вслѣдъ за буржуазными классами выступаетъ разноязычный пролетаріатъ. На этомъ обстоятельствѣ мы должны остановиться болѣе подробно.

Мы видѣли, что у каждаго класса — *свой собственный* національнизмъ, своя особая національная программа; ибо національное движеніе не есть движеніе единое и однородное. Такъ и пролетаріатъ обладаетъ своими специфическими національными идеями и стремленіями, не менѣе твердыми и рѣшительными, чѣмъ у другихъ классовъ, но со своимъ опредѣленнымъ направленіемъ. И такъ какъ это направленіе значительно отклоняется въ сторону отъ обычнаго шаблона, то не рѣдко дѣлаются попытки отрицать наличность пролетарскаго національнаго сознанія и утверждаютъ, что пролетаріатъ ненаціоналенъ, антинаціоналенъ. Но какъ разъ австрійскій пролетаріатъ, какъ нѣмецкій, такъ и славянскій, уже фактически доказалъ всю интенсивность своего національнаго чувства. Тѣмъ не менѣе между идеаломъ рабочаго и идеалами другихъ классовъ, даже въ національной области, лежитъ цѣлая пропасть.

Національное *достояніе*—земельный участокъ, община, должность, хозяйственныя предпріятія, кліентура, территорія—эти различные виды владѣнія составляютъ объектъ національнаго чувства имущихъ классовъ. Неимущій принимаетъ въ нихъ лишь посредственное участіе, а тотъ, кто ему это участіе предоставляетъ, является либо собственникомъ, эксплоатирующимъ его экономически, либо чиновникомъ, принижающимъ его политически. Уже одно это обстоятельство—справедливо или ошибочно—совершенно обезцѣниваетъ въ его глазахъ эти цѣнности. Но устраненный отъ участія въ благахъ, доставляемыхъ матеріальной жизнью и государственной службой, рабочій принимаетъ все-таки прямое и непосредственное участіе въ личныхъ и общественно-культурныхъ чисто національныхъ благахъ. Всякій, близко знающій рабочій классъ, поражается тому, съ какой любовью рабочій относится къ родной классической литературѣ и музыкѣ, какъ онъ наслаждается красотами родного языка. Такимъ образомъ его національное чувство питается *личною и культурною* общностью, а не *государствомъ и тер-*

риторіей, и эта культурная общность легко стираетъ территоріальныя границы, если онѣ, какъ напримѣръ у нѣмцевъ и поляковъ въ Австріи, разрѣзаютъ націю на части.

Эти настроенія въ политическомъ и національномъ отношеніи болѣе плодотворны, нежели крикливый мелко-буржуазный націонализмъ, и вотъ почему. Нѣмецкій рабочій *не имѣетъ возможности* оградить свои экономическіе интересы запретительными мѣрами противъ вторженія болѣе дешевыхъ иноязычныхъ рабочихъ силъ, къ привлеченію которыхъ такъ охотно прибѣгаетъ нѣмецкій буржуа. У него имѣются только два пути: во-первыхъ, повышеніе своихъ личныхъ качествъ посредствомъ хорошей національной школы и посредствомъ стройной организаціи, способной привести къ повышенію заработной платы, къ сокращенію рабочаго дня и вмѣстѣ съ этимъ къ большей интенсификаціи труда; а изъ отрасли производства, требующей интенсивнаго труда, его никто не можетъ вытѣснить. Во-вторыхъ, что еще болѣе важно, онъ можетъ пріостановить притокъ иныхъ національныхъ элементовъ, взявъ *на себя* иниціативу организаціи рабочихъ другихъ націй и пробуждая въ нихъ сознаніе важности *ихъ собственныхъ* національно-культурныхъ задачъ, доставляя имъ такимъ образомъ возможность оставаться въ собственнной странѣ и честно снискивать себѣ тамъ свое пропитаніе; онъ связываетъ ихъ съ родиной и роднымъ народомъ. Это и удалось *нѣмецкому* соціализму достигнуть по отношенію къ чешскимъ рабочимъ. Именно благодаря его усиліямъ притокъ чешской иммиграціи ослабѣлъ, и нынѣ чешскій рабочій не пользуется уже среди нѣмцевъ печальной привилегіей дешевизны труда.

Чешская буржуазія стремится къ расширенію сферы своего національнаго вліянія и недовольна увеличивающимся благосостояніемъ своихъ собственныхъ рабочихъ, ибо видитъ въ немъ причину сокращенія эмиграціи и препятствіе къ распространенію площади національнаго языка; ей пріятнѣе было бы экстенсивное развитіе ея націи. Но специфически нѣмецкій соціализмъ завоевалъ пролетаріатъ австрійскихъ національностей и побѣдилъ расовую непріязнь ко всему нѣмецкому.

Въ нѣдрахъ пролетаріата нѣтъ такимъ образомъ стремленія одной національной культуры подавить или вытѣснить другую; не экстенсивный ростъ его національной культуры служитъ для этого класса жизненною цѣлью, и изъ-за *сферы* національнаго вліянія *пролетарскія* націи между собою не сталкиваются. Каждая изъ нихъ стремится къ высшей интенсификаціи прежде всего своей *собственной* культуры, къ пріобщенію къ ней всей націи; болѣе высокая культура другихъ націй побуждаетъ къ напряженной работѣ въ пользу своей собственной. *Внутренній культурный* ростъ—вотъ девизъ этого соперничества.

Наряду съ экономическими и культурными функціями этотъ національнализмъ ознаменовался и *политическими* результатами. Онъ требуетъ для нѣмецкой націи въ Австріи права національнаго обособленія отъ остальныхъ націй и права самоопредѣленія, единства и свободы австрійскихъ нѣмцевъ въ предѣлахъ государственнаго цѣлаго: единства — въ такой формѣ, чтобы всѣ нѣмецкіе округа, независимо отъ ихъ мѣстоположенія, составили одно государственное и административно-правовое цѣлое; свободы—въ томъ смыслѣ, чтобы эти округа пользовались самоуправленіемъ въ чисто національныхъ дѣлахъ, чтобы вся нація сама управлялась собственными средствами, какъ отдѣльная составная часть государства. Такое же единство и такую же свободу они предоставляютъ и *каждой другой націи*. Только тѣ задачи, которыя не имѣютъ строго національнаго характера, главнымъ образомъ военныя и экономическія, а также функціи, относящіяся къ области общаго права, должны быть оставлены въ вѣдѣніи центральныхъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ *культурный національнализмъ* австрійскаго пролетаріата становится сознательнымъ *государственно-правовымъ интернаціонализмомъ*. Осуществленіемъ этой программы (принятой на брюннскомъ партейтагѣ австрійской соціалъ-демократіи 1899 г.) австрійскіе нѣмцы и всякая другая австрійская нація могли бы окончательно и безусловно обезпечить себя отъ всякаго національнаго подчиненія и неравенства. Австрія превратилась бы въ союзное государство національностей, въ Швейцарію въ крупномъ масштабѣ.

Подведемъ теперь итоги всему эволюціонному процессу, начиная съ домартовскаго періода. Въ конституціонную эпоху выступаетъ прежде всего историческое полуфеодальное дворянство и историческая свѣтская и духовная бюрократія—эти носители контръ-революціи, *баховскаго* абсолютизма и конкордата. Выступающая затѣмъ на историческую арену буржуазія (раньше развившаяся у нѣмцевъ) въ свою очередь пробиваетъ себѣ дорогу къ активной политической жизни: полусословная конституція *Шмерлинга*, которая въ видѣ уступки духовенству и дворянству даетъ *автономію коронныхъ земель* и санкціонируетъ національнализмъ коронныхъ земель. Съ этого времени, общественные классы одинъ за другимъ начинаютъ выступать на политическую арену—мелкая буржуазія, крестьянство и наконецъ пролетаріатъ, и эту изумительную эволюцію сопровождаютъ, какъ мы указывали выше, шагъ за шагомъ конституціонныя преобразованія. Законъ 1872 г. устраняетъ зависимость рейхсрата отъ ландтаговъ и предоставляетъ классамъ, пользовавшимися уже избирательными правами, непосредственное участіе въ имперскомъ представительствѣ. Такимъ облразомъ открывается свободный путь къ парламенту предъ буржуазіей. Въ 1885 г. слѣдуетъ вторая избирательная реформа, понизившая цензъ до 5 гульденовъ: въ парламентъ проникаетъ мелкая буржуазія и крестьянство. Избирательная реформа *Ба-*

дени (1896 г.) создаетъ пятую курію—черезъ порогъ парламента переступаетъ пролетаріатъ. Затѣмъ въ дни достопамятныхъ ноябрьскихъ волненій 1897 г., въ знаменитые „дни Бадени", эволюція эта завершается. Рядомъ съ политически полноправными нѣмцами на полѣ битвы стоятъ уже не полуправные поляки и безправныя, раздробленныя прочія національности, не одни только руководящіе феодально-церковные и бюрократическіе слои, *а восемь цѣлостно представленныхъ націй*, изъ которыхъ ни одна не склонна подчиняться другой, и *всѣ общественные классы*, изъ которыхъ ни одинъ не пользуются безусловнымъ господствомъ надъ всѣми другими. Это уже не парламентъ *Шмерлинга* или *Таафе*! Но *Бадени* продолжаетъ видѣть въ немъ именно нѣчто въ этомъ родѣ и преподноситъ ему подновленный проектъ соглашенія—копію дуализма 1867 г. Какой анахронизмъ! Нѣмецко-австрійская либеральная партія 67 года разбита, изъ тогдашняго договора о раздѣлѣ имперіи нѣмцы теперь ничего не могутъ болѣе извлечь, они оказались одураченными дуализмомъ,—прежніе поработители теперь сами порабощены. Къ тому же націи не представлены больше однимъ лишь руководящимъ слоемъ, онѣ расчленены на классы, которые тѣмъ дальше стоятъ отъ рѣшенія государственныхъ проблемъ, чѣмъ болѣе низкую ступень соціальной лѣстницы они занимаютъ. А затѣмъ, какую общую политическую связь можно себѣ представить между восемью націями и столькими классами—и мадьярами!?

Чѣмъ болѣе неопредѣленной была это связь, тѣмъ опредѣленнѣе, реальнѣе, яснѣе выступали отношенія націй между собою, или вѣрнѣе, поражающая ненормальность ихъ взаимнаго правового положенія. Не какъ свободныя и равноправныя стороны сталкивались онѣ въ парламентѣ; онѣ были механически сцѣплены между собой въ четырехъ привилегированныхъ и одной безправной куріи, онѣ были соединены, но не организованы. Со страшнымъ напряженіемъ силъ старался каждый отстоять себя въ этой механической борьбѣ—въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ.. Послѣдствіемъ такого положенія явилась парламентская обструкція. Старый полусословный правовой и парламентскій строй потерялъ теперь всякій смыслъ, и если государство желало хотя бы сохранить свое существованіе, то ему ничего иного не оставалось сдѣлать, какъ замѣнить эту отжившую форму парламентомъ, созваннымъ на началахъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Почти цѣлое десятилѣтіе понадобилось, чтобы въ этомъ хаосѣ необходимость этой реформы была сознана. Избирательная реформа 1905 года облекла лишь въ *юридическія нормы* и дала законодательную санкцію тому, что *фактически* существовало уже со времени *Бадени*. Результатомъ этого было: *совершенно обновленная, несравнимая ни съ одной изъ*

прежнихъ стадій, демократическая и интернаціональная Австрія, принявшая соглашеніе съ Венгріей лишь въ видѣ хозяйственнаго договора.

Фазы національнаго развитія въ Венгріи.

Что же произошло за это время въ Венгріи? Когда было заключено соглашеніе 1867 г., мадьярская нація представляла собою единое цѣлое. Она еще не была раздираема классовой борьбой; ей не угрожали національные конфликты. Подъ мадьярское знамя, которое держало въ своихъ рукахъ историческое *джентри*, съ одушевленіемъ и радостью шли и хорваты, и сербы, и румыны, и вожди нѣмцевъ Венгріи. А джентри представляло собою мужественное, энергичное и умное сословіе, воспитанное столѣтіями политической борьбы. Оно было душой ландтага и комитатскихъ собраній.

Но переходъ Венгріи къ *буржуазному* государственному строю, подготовленный *Баховской* бюрократіей и завершенный будапештскимъ парламентомъ послѣ 1867 г., создалъ новый типъ юнкера. Прежній баринъ начинаетъ самъ вести свое хозяйство, вельможа бывшій прежде царькомъ въ сословномъ сеймѣ, становится или чиновникомъ или депутатомъ парламента: прежній единый общественный классъ раскололся на три части.

Въ качествѣ сельскаго хозяина юнкеръ долженъ былъ платить налоги, нанимать батраковъ, заниматься всякаго рода хозяйственными операціями, нужны были хозяйственные таланты, чтобы наживать деньги. Эта роль ему мало улыбается. Онъ продаетъ свое помѣстье или сдаетъ его въ аренду.

Обыкновенно онъ старается найти какое нибудь казенное мѣсто и становится чиновникомъ. Если же онъ обладаетъ ораторскими и литературными способностями, то становится журналистомъ и политическимъ дѣятелемъ, и такъ же увѣренно владѣетъ словомъ и перомъ, какъ и фамильнымъ оружіемъ; прирожденное ему легкое отношеніе къ жизни, проявлявшееся когда-то въ романтическихъ рыцарскихъ похожденіяхъ, легко увлекаетъ его на путъ финансовыхъ и промышленныхъ авантюръ и клубныхъ скандаловъ. Во всѣхъ этихъ трехъ сферахъ—въ сельскомъ хозяйствѣ, на службѣ, въ журналистикѣ и политической дѣятельности онъ сталкивается съ опасными, болѣе сильными конкурентами — съ еврейскимъ или нѣмецкимъ арендаторомъ, съ нѣмецкимъ чиновникомъ, съ еврейскимъ журналистомъ и политикомъ, которые, недавно ставъ подъ знамя мадьярства, обнаруживаютъ особую готовность подчеркивать національный моментъ. При этомъ, конечно, *единичные* представители джентри несомнѣнно отличаются истиннымъ политическимъ благородствомъ и являются крупными парламентаріями, выдающимися государственными

дѣятелями; *но, какъ классъ, джентри больше не существуетъ, оно разложилось на присущіе каждому буржуазному обществу* классы,—на крестьянъ-собственниковъ, бюрократическую и промышленную буржуазію, на интеллигенцію; бо́льшая же часть впала въ бѣдность и заполняетъ собою ряды недовольнаго мелкаго бюргерства. Такимъ образомъ въ настоящее время мадьярство по своей психологіи представляетъ собою нѣчто совсѣмъ иное, нежели 30 лѣтъ тому назадъ.

Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ соціальнаго строенія народа измѣнились также характеръ и цѣли мадьярскаго націонализма. Пока джентри не пришло въ упадокъ и, управляло страной, какъ единый классъ, до тѣхъ поръ у него не было соперниковъ—существовало только одно *мадьярское* джентри. Впрочемъ, быть мадьяромъ, значило — дѣлать карьеру: всякаго, обратившагося въ мадьярство, охотно принимали на государственную и частную службу;—дѣло вѣдь шло о созданіи почти заново гражданской, духовной и военной бюрократіи. *Нѣмецкіе* чиновники, управлявшіе страною съ 1849 до 1860 г. были отосланы обратно въ Австрію, нѣмецкое и славянское высшее духовенство было постепенно вытѣснено; создано было венгерское ополченіе—гонведы. Съ введеніемъ мадьярскаго языка въ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ торговыхъ палатахъ, въ желѣзнодорожныхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ изсякли жизненные источники для всей *немадьярской* интеллигенціи. *Потребовалась цѣлая армія образованныхъ мадьяръ*, которой джентри не могло выставить; а навербовать ее такъ быстро изъ мадьярскаго крестьянскаго населенія было невозможно. Венгерскіе нѣмцы, служившіе при *Бахѣ* и опытные уже въ дѣлахъ государственнаго управленія, съ радостью перешли къ мадьярамъ. Ихъ примѣру послѣдовала интеллигентная молодежь остальныхъ націй, такъ какъ всякое дарованіе находило у мадьяръ почетъ и матеріальное обезпеченіе; стоило только перейти въ лагерь государственной національности, — внѣ ея не было никакой возможности существовать.

Казалось, что то, чего не смогли сдѣлать 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ, то сдѣлали 7 милліоновъ мадьяръ; казалось, что мадьярское національное государство обезпечено.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда *Бахъ* насаждалъ въ Австріи и въ Венгріи свою всемогущую нѣмецкую бюрократію, тогда Венгрія казалась такой же нѣмецкой страной, какъ и вся Австрія, тогда торговыя палаты Пешта и другихъ венгерскихъ городовъ употребляли въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ тотъ же языкъ, что и торговыя палаты Вѣны и Пильзена, будапештскій муниципалитетъ велъ свое дѣлопроизводство на нѣмецкомъ языкѣ, и Бахъ полагалъ, что черезъ 25 лѣтъ отъ мадьярства не останется и слѣда— столь могущественной казалось ему ассимилирующая сила нѣмецкаго языка!

И что же! Черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ послѣ *Баха* мадьярскій языкъ становится венгерскимъ государственнымъ языкомъ, какъ чешскій становится въ Богеміи обиходнымъ языкомъ мѣстныхъ учрежденій.

Чѣмъ же объясняется этотъ переворотъ? Когда въ 1848 году австрійская монархія вышла изъ феодальной стадіи своего развитія, она знала только придворное дворянство да крѣпостныхъ крестьянъ, а кромѣ нихъ мелкую городскую буржуазію нѣмецкой національности, какъ въ Венгріи, Галиціи и Богеміи, такъ и въ Альпійскихъ земляхъ. Молодое буржуазное государство могло опереться только на эту буржуазію, ибо громадная масса крестьянства снова впала въ политическую апатію, едва лишь были сброшены узы феодальнаго господства.

Но дальнѣйшее развитіе начинаетъ втягивать крестьянство въ сферу денежнаго хозяйства; въ Австріи это происходило на два десятилѣтія раньше, чѣмъ въ периферическихъ частяхъ Венгріи, которыя именно и населены „національностями“. То обстоятельство, что города, лежащіе въ глубинѣ Венгріи, такъ быстро омадьярились, легко объясняется экономическими причинами, и станетъ понятнымъ, если мы только вспомнимъ сказанное уже нами о конкуренціи въ мелкихъ городахъ Богеміи. Въ *національномъ отношеніи городъ неуклонно находится подъ вліяніемъ* деревни. Но деревня? поддается ли она вообще денаціонализаціи?

Никогда и ни въ какомъ случаѣ! Добиться этого средствами нашей цивилизаціи невозможно. Единственный путь, который былъ бы здѣсь возможенъ, это путь, которымъ шли римляне: превратить народъ въ рабовъ и отправить его на рынокъ въ Родосъ. Безъ коренного измѣненія всего нашего экономическаго строя никогда не удастся довести до національнаго обезличенія націи или даже отдѣльныя части націи, живущія сплоченной замкнутой массой. Бюрократія въ этомъ случаѣ столь же безсильна, какъ и феодализмъ. 150-лѣтнее господство турокъ надъ мадьярами, тысячелѣтнее господство мадьяръ надъ румынами въ Трансильваніи ни къ чему въ этомъ смыслѣ не привело. Неудивительно поэтому, что мадьярское государство, несмотря на всю свою ассимиляціонную политику съ 1867 года, до сихъ поръ не въ силахъ было поглотить нѣмецкаго, румынскаго, словацкаго, русинскаго и сербскаго *крестьянина*. Крестьянство само по себѣ не составляетъ еще націи, но мы видѣли въ Австріи, какъ оно выдвигало изъ своихъ нѣдръ и развивало рядомъ съ собою всѣ другіе классы.

Тотъ же процессъ наблюдается въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ Венгріи; и одновременно съ разложеніемъ джентри совершается консолидированіе національностей.

Никогда не потухавшій націонализмъ крестьянъ носилъ также и въ Венгріи

оборонительный характеръ и также опирался на церковь. Крестьяне не допускаютъ къ себѣ чужихъ элементовъ, цѣпко держатся за свои церковныя традиціи, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ у сербовъ, румынъ, русиновъ и отчасти у нѣмцевъ традиціями національными. Такъ оберегаютъ они деревню; въ городъ же они являются только для покупокъ и для сбыта своихъ издѣлій. Чѣмъ больше сказывается въ городѣ вліяніе мадьярства,—вмѣсто прежняго умѣреннаго нѣмецкаго вліянія,—тѣмъ болѣе крестьянинъ оказываетъ ему сопротивленіе; онъ розыскиваетъ предпріятія своихъ соплеменниковъ, поддерживаетъ ихъ, учреждаетъ новыя. И вотъ на пути своего побѣдоноснаго шествія мадьярство, наконецъ, наталкивается на этотъ отпоръ въ трансильванскихъ, словацкихъ и хорватскихъ городахъ. Мадьярская мелкая буржуазія въ свою очередь встаетъ на защиту своихъ интересовъ; національная борьба сразу принимаетъ аггрессивный, обостренный характеръ, свойственный всегда мелкому бюргерству. Еще болѣе обостряетъ эту борьбу измѣнившееся положеніе либеральныхъ профессій.

Излишекъ интеллигентнаго труда въ Венгріи уже теперь сильно даетъ себя чувствовать; государство не въ состояніи пристроить всей образовавшейся въ немъ арміи образованныхъ людей. Теперь мадьярскій интеллигентъ уже больше не относится благосклонно къ „прозелитамъ“, проникающимъ въ его среду, онъ проклинаетъ нѣмца, славянина, румына и еврея, отнимающихъ у него мѣсто. То, что раньше считалось патріотическою доблестью въ глазахъ господствующаго мадьяра, то онъ нынѣ принимаетъ за ренегатство и грубый карьеризмъ. Вмѣсто того, чтобы привлекать къ себѣ націи и ассимилировать ихъ, онъ отталкиваетъ ихъ отъ себя. Онъ становится шовинисттомъ и антисемитомъ. Конкурентъ же его возводитъ нужду въ добродѣтель, открыто заявляетъ о своей принадлежности къ родной ему націи — и устраиваетъ такимъ образомъ свои дѣла. Ибо, вовлеченное въ водоворотъ современной жизни, сельское населеніе нуждается въ адвокатѣ и въ нотаріусѣ, привыкаетъ къ врачу и т. д., и обращается къ лицамъ одинаковаго съ нимъ національнаго происхожденія предпочтительно передъ мадьярами. Такимъ образомъ наряду съ духовенствомъ къ сельскому населенію примыкаетъ мелкое бюргерство и интеллигенція, т. е. тѣ общественные слои, которые уже входятъ въ привиллегированную сферу цензовыхъ избирателей (въ Венгріи еще и въ настоящее время господствуетъ цензовая система). Подъемъ націоналистическаго движенія на-лицо, и его ростъ обезпеченъ развитіемъ тѣхъ же экономическихъ силъ, которыми оно было вызвано. *Венгрія идетъ тѣмъ же путемъ, что и Австрія, отставъ отъ нея лишь на 10—20 лѣтъ.*

И если бы мадьярамъ и удалось какъ-нибудь привязать къ себѣ или

поглотить меньшія національности, то по отношенію къ тремъ милліонамъ румынъ, тяготѣющимъ къ своему расцвѣтающему сплоченному національному государству по ту сторону Карпатъ, всѣ усилія окажутся тщетными.

Старое джентри понимало это и трактовало національный вопросъ въ духѣ Деака съ благоразумной осторожностью. До *Банфи* въ Венгріи господствовало джентри и его традиціи. Но въ городахъ, среди чувствовавшей себя въ опасности мелкой буржуазіи, начинаетъ накопляться также чуявшая опасность интеллигенція и громко требуетъ національныхъ гарантій. Если джентри было за свободу торговли съ Австріей, то новый общественный классъ шумно требовалъ защиты отъ вѣнскихъ торговцевъ и фабрикантовъ. Вѣдь тотъ же экономическій классъ въ Галиціи требуетъ проведенія таможенной границы даже *въ предѣлахъ самой* Австріи; какъ же было ему не требовать ея въ Венгріи *противъ* Австріи! Онъ жаждетъ простора, и послѣ того какъ онъ уже заполнилъ всѣ должности на государственной службѣ, въ церкви и въ рядахъ гонведовъ своими членами, онъ начинаетъ требовать для нихъ мѣста и въ рядахъ общей арміи! Просторъ нуженъ ему, а между тѣмъ на его глазахъ нарождается нителлигенція у другихъ національностей! Долой же національности! Долой Вѣну!

Таково было положеніе дѣлъ, когда Банфи приступилъ къ выработкѣ соглашенія съ Австріей. Онъ дѣйствовалъ ощупью, какъ слѣпой. Своей неловкой рукой не разъ попадалъ онъ въ осиное гнѣздо венгерскихъ національностей, насильно навязывалъ нѣмецкимъ, славянскимъ и романскимъ мѣстностямъ мадьярскія названія, и превращалъ тѣмъ самымъ скрытую до того ненависть національностей къ мадьярамъ въ открытый взрывъ возмущенія. И такъ какъ вслѣдъ за австрійскимъ пролетаріатомъ зашевелился и венгерскій, то Банфи пустилъ въ ходъ грубую силу, и такимъ образомъ самъ больше всѣхъ способствовалъ распространенію *аграрно-соціалистическаго* движенія въ центрѣ мадьярства. Такъ онъ пріобрѣлъ себѣ въ собственномъ лагерѣ новаго врага, который отвлекаетъ отъ него городскія и сельскія массы и толкаетъ ихъ къ борьбѣ за всеобщее равное избирательное право, то самое избирательное право, которое должно оставить мадьяръ въ меньшинствѣ въ земляхъ св. Стефана!

Здѣсь не мѣсто изображать соціальное развитіе Венгріи, бѣдственное положеніе мадьярскихъ крестьянъ, ростъ латифундій и арендной системы и массовое эмиграціонное движеніе. А между тѣмъ это изображеніе доказало бы съ полной очевидностью, что джентри, какъ общественный классъ, болѣе не существуетъ, что сословіе магнатовъ и высшая бюрократія утратили свое вліяніе въ *парламентѣ*, что политическая власть *перешла въ руки средней и мелкой буржуазіи, руководимой мелкимъ чиновничествомъ*; что эти

элементы служатъ предметомъ *пламенной ненависти со стороны сельскаго населенія и пролетаріата своей же національности* и что, сверхъ того, половина населенія является ихъ національнымъ врагомъ. Это положеніе, которое старая либеральная Деаковская школа такъ ловко маскировала и осторожно обходила, Банфи обнажилъ и обострилъ своей неуклюжей политикой репрессій и гнета.

Національная опасность! — гремятъ всѣ газеты. Откуда она идетъ? Изъ Вѣны, конечно, изъ Вѣны! Изъ Вѣны подстрекаютъ нашихъ жнецовъ нашихъ пастуховъ, нашихъ рабочихъ къ революціи! Изъ Вѣны подкупаютъ наше старое дворянство! Изъ Вѣны натравляютъ на насъ другія національности! Почему настаиваютъ они тамъ, въ Вѣнѣ, на общей арміи? Разумѣется, чтобы вступить въ наши предѣлы,—ибо они знаютъ, что національности Транслейтаніи будутъ ихъ привѣтствовать, какъ освободителей! Вѣна *желаетъ гибели нашей свободной конституціи. Да здравствуетъ разрывъ съ Вѣной!* Она хочетъ имѣть свою собственную армію въ нашей странѣ—долой общую армію! Да здравствуетъ мадьярская армія! Да здравствуетъ самостоятельное національное государство Венгрія!

Подобныя настроенія и опасенія стали все рѣзче сказываться при *Банфи*; съ тѣхъ поръ они все болѣе и болѣе наростаютъ, постепенно вытѣсняя старое Деакистское направленіе и, наконецъ, при Тиссѣ, пытавшемся путемъ насильственнаго переворота отстоять старый режимъ джентри, почти всецѣло одерживаютъ верхъ. Партія независимости вышла побѣдительницей.

Однако она остается побѣдительницей лишь въ средѣ *мадьярскихъ цензовыхъ избирателей*. Три четверти мадьяръ ненавидятъ ее, потому, что благодаря избирательному цензу, они безправны. Въ національныхъ областяхъ, несмотря на грубѣйшія избирательныя махинаціи, вновь избраны румыны, словаки и сербы,—впервые съ 1867 г. Хорваты, съ своей стороны, всѣми силами противятся разрыву съ Вѣной. Эти націи, вмѣстѣ взятыя, составляютъ болѣе половины населенія. Правда, партія независимости одержала побѣду, но эта побѣда бумажная,—партія эта является представительницей едва лишь десятой доли страны и не болѣе одной четверти собственной націи. Она желаетъ использовать свою побѣду противъ Вѣны, но Фейервари изгоняетъ ее изъ парламента,—и народъ остается спокойнымъ; и даже открыто выражаетъ свою радость. Мадьярскіе депутаты понимаютъ свое безсиліе, они идутъ на уступки, заключаютъ перемиріе съ короной (1906 г.) и принимаютъ соглашеніе, несмотря на невыгодныя его условія. Заключая перемиріе, они берутъ на себя предъ короною обязательство ввести всеобщее избирательное право. Они знаютъ или по крайней мѣрѣ предчувствуютъ его послѣдствія: полное преобразованіе Венгріи.

III. Отраженіе національныхъ и соціальныхъ противорѣчій въ жизни парламента и въ развитіи политическихъ партій.

Въ предыдущемъ изложеніи мы прослѣдили, какъ развертывалась борьба національностей въ Австро-Венгріи на аренѣ соціально-экономическихъ и государственно-политическихъ отношеній.

Безконечно преломляясь, въ измѣненныхъ до неузнаваемости формахъ отражается она въ рамкахъ парламентской жизни. Экономическія и соціальныя явленія никогда не проявляютъ въ представительныхъ учрежденіяхъ своего дѣйствія непосредственно, и не являются въ своемъ обнаженномъ видѣ. Подобно свѣтовымъ лучамъ, проходящимъ сквозь опредѣленную среду, они предварительно преломляются въ процессѣ образованія политическихъ партій. Этотъ процессъ опредѣляется не только специфической техникой партійнаго строительства, но и особенностями всего правового и духовнаго уклада данной страны. Пояснимъ это примѣромъ.

Въ политикѣ Англіи уже болѣе двухъ столѣтій господствуетъ система двухъ партій. Поддерживается эта система установленнымъ въ англійскомъ избирательномъ правѣ принципомъ *относительнаго большинства*: вновь возникающая третья партія не въ силахъ на первыхъ порахъ своего существованія завоевать въ какомъ-либо избирательномъ округѣ первое или второе мѣсто по числу собранныхъ ею голосовъ; въ теченіе одной или двухъ избирательныхъ кампаній поэтому она не можетъ пріобрѣсти вліянія. Такого длительнаго безсилія и бездѣйствія избиратели не могутъ перенести, такъ какъ перебаллотировокъ, въ которыхъ они могли бы принять участіе, въ Англіи нѣтъ. Недовольные избиратели тотчасъ же стараются примкнуть ко второй по силѣ партіи, къ партіи оппозиціи, и въ концѣ концовъ вступаютъ въ ея ряды. Оппозиціонная партія съ своей стороны включаетъ въ свою программу существеннѣйшія требованія недовольныхъ избирателей, чтобы привязать ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ партія, находящаяся въ данный моментъ въ оппозиціи, воспринимаетъ *всѣ новыя идеи и новыя программы*; она вовлекаетъ въ сферу своего вліянія всѣ вновь выступающіе политическіе таланты, сама видоизмѣняясь, какъ въ смыслѣ личнаго состава, такъ и въ смыслѣ идейнаго содержанія. Такъ за послѣднія десятилѣтія англійскіе либералы и консерваторы поочередно впитывали въ себя практическое содержаніе идей соціализма, привлекли къ себѣ значительную часть руководителей тредъ-юніо-

новъ и такимъ образомъ надолго задержали возникновеніе *политической партіи* соціалдемократіи. Подобныя партіи, воспринявшія и претворившія разнородные политическіе элементы, представляющія изъ себя уже выработанный компромиссъ, непосредственно способны стать у кормила правленія, такъ какъ несутъ въ себѣ сумму всѣхъ идей современности.

Иначе обстоитъ дѣло въ странахъ, гдѣ функціонируетъ, напримѣръ, пропорціональная система выборовъ. Здѣсь каждая соціальная группа можетъ дѣйствовать совершенно *самостоятельно*, не считаясь съ другими группами. Въ такихъ странахъ мы находимъ одновременно цѣлый рядъ мелкихъ, не связанныхъ между собою и непримиримо настроенныхъ партій, которыя уже въ самомъ парламентѣ должны вступать въ соглашенія для образованія большинства. Здѣсь ни одна изъ мелкихъ партій сама-по-себѣ не въ силахъ стать руководящей партіей; она можетъ добиться этого только путемъ урѣзыванія своей программы въ парламентѣ,—операція, всегда возбуждающая сильное подозрѣніе со стороны избирателей. Въ большихъ государствахъ, съ экономической дифференцированностью или политическимъ своеобразіемъ отдѣльныхъ провинцій, это партійное дробленіе можетъ явиться прямымъ слѣдствіемъ ихъ историческаго развитія и безъ пропорціональнаго представительства (Германія); въ небольшихъ же, однородныхъ по составу государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, этого дробленія можетъ не быть и при наличности пропорціональнаго представительства.

Процессъ формированія политическихъ партій опредѣляется такимъ образомъ одновременно и правовыми, и историческими моментами. Одно и то же соціальное содержаніе политической жизни можетъ найти себѣ выраженіе въ лицѣ совершенно различныхъ партій; поэтому въ иныхъ странахъ такъ-называемые либералы въ сущности являются консерваторами и—наоборотъ. Несомнѣнно лишь одно: принципу естествоиспытателей—sogrora non avent nisi fiuunt, соотвѣтствуетъ въ конституціонной жизни принципъ: всякое экономическое или соціальное явленіе становится движущей силой въ государствѣ лишь тогда, когда оно входитъ творческимъ элементомъ въ партійныя программы или само въ состояніи созидать политическія партіи.

Парламентъ и политическія партіи въ Венгріи.

Переходимъ теперь къ Австро-Венгріи. Въ ней образованіе партій происходило подъ вліяніемъ такихъ нелѣпыхъ избирательныхъ системъ, что какъ въ вѣнскомъ, такъ и въ будапештскомъ парламентахъ реальная дѣй-

ствительность отражалась лишь въ самыхъ уродливыхъ и обманчивыхъ формахъ.

Венгрія, которую десятками лѣтъ во всей Европѣ совершенно неосновательно считали свободной страной, издавна пользовалась совершенно иной избирательной системой, чѣмъ Австрія; въ то время какъ въ этой послѣдней господствовала система курій, первая построила свое избирательное право на цензѣ. Австрійская куріальная система соединила подъ одной крышей въ сущности *четыре* представительныя собранія (Vertretungen), но благодаря единству мѣста создала *фикцію единаго* представительства. Венгерская цензовая система дѣйствительно создала единое представительство. Но какою цѣною!

Въ Венгріи до сихъ поръ нѣтъ единообразнаго избирательнаго права. Въ мадьярскихъ комитатахъ избирательный цензъ ниже, чѣмъ въ славянскихъ и румынскихъ. Въ городахъ и деревнѣ, въ мадьярскихъ и славянскихъ или румынскихъ мѣстностяхъ одинъ депутатъ приходится на различное число жителей. Посредствомъ этого неравномѣрнаго ценза избирательное право нормировано такъ, что побѣдить на выборахъ почти повсюду могутъ только мадьяры. Немногочисленный контингентъ мадьярскихъ избирателей въ немадьярскихъ мѣстностяхъ слагается частью изъ мадьярскихъ юнкеровъ, частью изъ правительственныхъ чиновниковъ; эти избирательные округа такимъ образомъ обезпечены за правительствомъ, и всегда посылаютъ въ парламентъ его ставленниковъ. *Настоящіе* выборы, въ точномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ мѣсто лишь въ коренныхъ мадьярскихъ областяхъ, и какъ разъ тамъ побѣждала большей частью оппозиція, ибо оба обладающіе цензомъ высшіе слои мадьярскаго общества неблагосклонно относятся къ дуалистическому государственному порядку.

Такъ создалось то нелѣпое положеніе, при которомъ немадьярскія области управляли мадьярской территоріей, но управляли опять-таки чрезъ мадьярскихъ юнкеровъ и чиновниковъ. Такимъ образомъ въ парламентѣ господствовала дисциплинированная правительственная партія, которая имѣла противъ себя всю страну: коренная, мадьярская область была въ оппозиціи потому, что чувствовала себя поставленной въ положеніе меньшинства; немадьярскія области—потому, что были обойдены въ своихъ избирательныхъ правахъ, и наконецъ девятнадцать двадцатыхъ населенія,—какъ лишенные избирательнаго права вообще. При такой избирательной системѣ немадьярскія національности Венгріи долгое время не могли образовать политическихъ партій; ибо онѣ никогда не имѣли возможности проводить своихъ кандидатовъ. Сами мадьяры могли выдвинуть только двѣ партіи: продажную правительственную партію съ одной стороны, и безнадежную оппозицію въ лицѣ партіи незави-

симости (Unabhängigkeitspartei) съ другой. Эта послѣдняя не могла стать настоящей народной партіей, такъ какъ громадное большинство мадьярскаго населенія, которое могло бы опредѣлять собою политическое и соціальное содержаніе партіи, было лишено избирательнаго права. Такимъ образомъ венгерская система двухъ партій совершенно не сравнима съ англійской, какъ вообще нѣтъ никакого сходства между венгерскимъ и англійскимъ конституціоннымъ режимомъ, хотя многіе ошибочно утверждаютъ противное.

Парламентская жизнь венгерскихъ національностей характеризуется двумя яркими моментами: съ одной стороны кажущееся парламентское всемогущество мадьярской націи, а съ другой—отказъ остальныхъ національностей отъ какихъ бы то ни было политическихъ дѣйствій. Венгерскія національности создали для этого политическаго самоустраненія особый терминъ: „политика пассивности“; въ теченіе тридцати лѣтъ они ограничивались тѣмъ, что заботились объ экономическомъ развитіи своихъ соплеменниковъ, поддерживали свою національную и церковную школу и жили надеждами на нѣкое чудесное спасеніе извнѣ.

О томъ, что ихъ всемогущество въ парламентѣ было однимъ лишь самообманомъ,—мадьяры узнали очень поздно, но зато сразу усвоило очень основательно. Они такъ долго драпировались въ парламентскую тогу напыщеннаго краснорѣчія, что въ концѣ концовъ сами увѣровали въ свои слова. Но когда Фейервари разогналъ парламентъ, вызывая тѣмъ лишь злорадныя насмѣшки мадьярскихъ и немадьярскихъ народныхъ массъ, то эксъ-министры и эксъ-депутаты поняли, что безъ демократическаго народнаго представительства ни государство, ни народъ не обладаютъ никакой *реальной силой*.

Политика пассивности была оставлена, лишь только экономическое развитіе повысило благосостояніе крестьянства и мелкой буржуазіи и перетащило ихъ такимъ образомъ черезъ цензовыя рогатки. Съ побѣдой партіи независимости (1905 г.) начинается господство коренной мадьярской территоріи надъ периферическими областями, населенными славянами и румынами; національныя противорѣчія выступаютъ непосредственно наружу, и съ этихъ поръ въ смѣшанныхъ областяхъ правительственные кандидаты одерживаютъ побѣды едва ли не исключительно силою оружія.

Раздѣленіе имперіи на Цислейтанію и Транслейтанію и выдѣленіе земель венгерской короны въ особое государственное цѣлое далеко еще не удовлетворило національныхъ требованій мадьяръ. Общая армія, а вмѣстѣ съ нею и венгерское офицерство все еще остаются нѣмецкими. Но въ то время, какъ съ органами гражданскаго управленія народныя массы весьма мало связаны, въ то время армія при всеобщей воинской повинности непосредственно затрагиваетъ каждаго гражданина; милитаризмъ является для него одновременно и

высшимъ и наиболѣе тягостнымъ выраженіемъ государственной власти. Нѣмецкій языкъ въ арміи поддерживаетъ идею имперскаго единства въ сознаніи массъ; нѣмецкая по своему духу армія представляется немадьярскимъ массамъ оплотомъ противъ мадьяръ, стало быть противъ господствующей націи. Вотъ почему нѣмецкій языкъ въ арміи—это постоянный камень преткновенія для мадьяръ; для двора же—это самая надежная гарантія противъ мадьярскихъ сепаратистскихъ вожделѣній, вродѣ тѣхъ, которыя когда-то проявились въ дебречинскомъ рейхстагѣ (1849 г.). Уже сорокъ лѣтъ, какъ этотъ конфликтъ на почвѣ языка арміи не прекращается.

Мадьярская нація, правящая при помощи короны, совершенно безсильна по отношенію къ ней самой и оказывается такимъ образомъ опутанной сѣтями парламентаризма. Несмотря на это мадьяры дѣлали непрерывные успѣхи за счетъ короны, чрезвычайно ловко утилизируя мадьярскую оппозицію. Эта-то закулисная игра въ прятки съ оппозиціей, а не аналогія съ Англіей, объясняетъ намъ успѣхи мадьярской націи. А игра эта заключалась въ слѣдующемъ: правительственная власть располагала почти всѣми мандатами; путемъ ловкихъ избирательныхъ маневровъ она имѣла возможность совершенно разгромить самую сильную оппозицію, но умышленно не дѣлала этого, ибо всегда была въ состояніи использовать ее; чѣмъ съ большимъ шумомъ выступала оппозиція, тѣмъ пріятнѣе это было правительству. Въ своихъ цѣляхъ большинство и оппозиція всегда были солидарны, ихъ сближала общая борьба противъ общаго національнаго противника на два фронта: противъ двора и противъ немадьярскихъ національностей. Въ силу этого между правительственнымъ большинствомъ и оппозиціей существовало почти постоянное молчаливое сотрудничество. Если только правительство полагало, что есть возможность добиться какихъ-нибудь уступокъ въ вопросѣ о языкѣ арміи, оно тотчасъ же пускало въ ходъ оппозицію съ ея требованіемъ національной организаціи военныхъ силъ. Оно искусственно раздувало агитацію и затѣмъ пользовалось ею, какъ превосходнымъ средствомъ для давленія на корону, дѣйствуя на трусливыя придворныя сферы такого рода доводами: „Если мы не получимъ хотя бы небольшой уступки въ вопросѣ о мадьяризаціи арміи, то преданное нынѣ коронѣ большинство перейдетъ на сторону враговъ ея, на сторону партіи независимости“. Долгое время корона этого опасалась и каждый разъ шла на компромиссы, чтобы дать возможность „партіи 1867 года“ опереться на новыя національныя пріобрѣтенія и одержать побѣду въ выборной кампаніи. Чтобы сохранить за собою столь выгодное положеніе, правительство остерегалось наносить оппозиціи слишкомъ чувствительные удары. Въ свою очередь, чтобы какъ можно больше напугать корону, партія меньшинства охотно прибѣгала въ такихъ елучаяхъ къ шумнымъ оппозиціоннымъ выступленіямъ; большинство же, вынужденное показать

себя серьезнымъ противникомъ, поневолѣ давало рѣзкій отпоръ. Такимъ образомъ этотъ политическій шантажъ усиливался, симулированная оппозиція постепенно росла, пока не перешла, наконецъ, въ разрушительную для парламентаризма *обструкцію*.

Въ Австро-Венгріи эта форма борьбы впервые была использована въ венгерскомъ парламентѣ. Задерживая вотированіе контингента новобранцевъ, оппозиція этимъ ежегодно вынуждала корону дѣлать уступки правительственному большинству въ національномъ направленіи, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ придать этому большинству достаточный моральный престижъ для подавленія обструкціи; сами обструкціонисты тоже въ сущности ничего не имѣли противъ этого. Для того, чтобы эта игра была всегда возможна, необходимо было сохранить парламентскій наказъ (Geschäftsordnung), какъ бы нарочно созданный для этой цѣли; вслѣдствіе этого и большинство (!) и меньшинство создали себѣ настоящій культъ парламентскаго наказа и превратили этотъ наказъ въ своего рода національный палладіумъ. Разумѣется, оппозиція, сознавая все то значеніе, которое она имѣла для большинства, должна была становиться все болѣе притязательной, пріобрѣтать въ странѣ все большую популярность, а въ парламентѣ—все большій вѣсъ, пока она не переросла наконецъ роль пѣшки въ рукахъ правительства. *Банфи* (1895 г.) былъ послѣднимъ венгерскимъ премьеръ-министромъ, которому еще удавалось, хотя и самыми варварскими и нечистоплотными средствами, держать оппозицію въ уздѣ. Послѣ него *Коломанъ Селль* уже долженъ былъ считаться съ ней какъ съ силой, съ которою идутъ на соглашенія. Такимъ образомъ правящее большинство джентри утратило свободу дѣйствій и свое неограниченное господство. Прекрасно зная, что только въ согласіи съ короной оно можетъ оставаться у власти, оно вполнѣ понимало, что партія независимости сама хочетъ стать у кормила правленія и, по крайней мѣрѣ, приведетъ джентри въ конфликту съ короной. Джентри могло себя спасти только путемъ удачной попытки измѣнить парламентскій наказъ, хотя бы этимъ и было уничтожено цѣнное орудіе національныхъ вымогательствъ. Попытка *Тиссы* младшаго (1903 г.) не удалась. Оппозиція, къ которой примкнули вѣрные хранители этого національнаго палладіума, развила въ странѣ широкую агитацію и, выступивъ съ лозунгомъ борьбы за славный, освященный націей парламентскій наказъ, одержала на новыхъ выборахъ побѣду.

Съ побѣдой оппозиціи, (у власти она оказалась лишь послѣ междуцарствія Фейервари), эта игра большинства и меньшинства, естественно, прекратилась. Не было уже своей „домашней“ оппозиціи съ тыла; была лишь оппозиція со стороны „инородцевъ“. Но обструкція съ ихъ стороны уже не была на руку мадьярамъ; она имъ только вредила. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что прежніе защитники наказа теперь сами стали его заклятыми врагами.

Теперь едва ли не всѣ стремятся положить конецъ обструкціи; въ этомъ видятъ національное дѣло, актъ спасенія своей націи отъ напора другихъ національностей; и только меньшая часть упорно держится старой идеологіи и потому покидаетъ ряды правительственной партіи. Эта именно борьба и разыгрывается въ настоящій моментъ на нашихъ глазахъ.

Итакъ, въ рукахъ джентри и особенно старшаго Тиссы оппозиція была скрытымъ орудіемъ противъ короны, съ которою оффиціально поддерживалось полное согласіе. Наряду съ этимъ крикливая оппозиція являлась средствомъ, чтобы поглотить всѣ другія оппозиціонныя теченія въ странѣ и не допускать оппозиціи національностей. Словаки, румыны и нѣмцы не могли обвинять правительство за слишкомъ большой гнетъ, такъ какъ само оно, повидимому, затрачивало не мало усилій, чтобы защитить себя отъ ультра-мадьярской оппозиціи. Одобренная правительствомъ оппозиція въ самихъ нѣдрахъ мадьярства не оставляла мѣста и не вызывала нужды въ другой—національстической—оппозиціи. Это была очень хитрая политика, но, какъ и всякая политика, построенная исключительно на хитрости, она въ концѣ концовъ пожала печальные плоды. Какъ только эти сверхъ-мадьяры достигли власти, другія національности почувствовали двойную опасность и съ величайшей поспѣшностью мобилизовали свою оппозицію.

Такимъ образомъ эта политика джентри была отмщена съ трехъ сторонъ: во-первыхъ, она подготовила гибель старо-либеральной партіи джентри; во-вторыхъ, она вызвала военную диктатуру Фейервари, которая нанесла смертельный ударъ мадьярскому парламентаризму, и въ-третьихъ, она создала изъ представителей національностей единственную серьезную оппозицію въ парламентѣ. Въ силу этого старая парламентская тактика мадьяръ сдѣлалась навсегда невозможной; мадьяры стоятъ теперь подъ перекрестнымъ огнемъ короны съ одной стороны и національностей—съ другой; они находятся всецѣло въ положеніи обороны, если не отступленія.

Таковы тѣ парламентскія формы и тактическіе пріемы, въ которыхъ нашло себѣ внѣшнее выраженіе развитіе классовъ и національностей въ Венгріи, начиная съ 1867 г. Такъ интриги парламентскихъ кулуаровъ одновременно и маскируютъ, и обнажаютъ борьбу реальныхъ интересовъ, разыгрывающуюся за предѣлами парламента, глубоко въ народныхъ низахъ. И поразительно, какъ парламентская жизнь производитъ впечатлѣніе замкнутаго круга съ особыми законами своего существованія, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ она въ своихъ основныхъ чертахъ и по своимъ результатамъ является лишь фокусомъ, въ которомъ преломляется могучій процессъ соціальнаго развитія.

Политическія партіи и парламентская тактика въ Австріи.

Гораздо большимъ разнообразіемъ отличалась партійная жизнь и парламентская дѣятельность въ Австріи; здѣсь сразу столкнулось на политической аренѣ значительное число національностей и почти всѣ классы.

Даже весьма обстоятельное изложеніе не исчерпало бы всего того разнообразія формъ и комбинацій, которое обнаружилось въ политической жизни этой страны. Къ тому же,—и это всего болѣе затрудняетъ изучающаго австрійскія отношенія—тяжелыя національныя и парламентскія неурядицы, которыя переживала Австрія въ послѣдніе десять лѣтъ, и которыя произвели заграницей прямотаки отталкивающее впечатлѣніе, подали поводъ къ самымъ поверхностнымъ и легкомысленнымъ заключеніямъ. Жертвой такихъ заключеній оказались между прочимъ почти всѣ французскіе наблюдатели австрійской жизни, и прежде всего Шерадамъ. Изъ хаотической расщепленности парламента они сдѣлали выводъ о полномъ упадкѣ самого государства—выводъ безусловно ложный;—другіе даже пришли къ выводу о крушеніи парламентаризма вообще. Но точно такъ же, какъ парламентъ не всегда даетъ правильное свидѣтельство о состояніи государства, такъ и австрійскій парламентаризмъ ничего не говоритъ о парламентаризмѣ вообще. Изъ тѣхъ же парламентскихъ неурядицъ Австріи былъ сдѣланъ и другой поверхностный выводъ, будто многоязычные парламенты и многоязычныя государства съ парламентарной формой правленія,—а слѣдовательно, какъ утверждаютъ, и международные парламенты,—неспособны къ существованію. Такіе взгляды защищаются тѣми теоретиками и политическими дѣятелями, которые игнорируютъ или не знаютъ рѣшающаго значенія избирательныхъ системъ. Лушее вино портится, если его влить въ бочку, зараженную міазмами. А избирательная система и методы выборнаго производства—это и есть та система сосудовъ, въ которые вливается политическая воля страны, въ которыхъ мысль становится словомъ и слово плотью, иными словами—въ которыхъ политическіе и хозяйственные интересы воплощаются въ политическія партіи, а изъ политическихъ партій слагается живая государственная воля.

Невозможно поэтому уяснить себѣ смыслъ тридцатилѣтней войны національностей въ Австріи безъ предварительнаго ознакомленія съ тѣми послѣдствіями, которыя имѣла устраненная нынѣ куріальная система для націй и партій. Въ настоящее время всякій освѣдомленный человѣкъ въ Австріи знаетъ, что безъ фальсифицирующаго вліянія куріальной системы національная борьба въ парламентѣ приняла бы совершенно иныя формы. Эти

взаимоотношенія однако трудно уловимы и за предѣлами Австріи почти неизвѣстны.

Вниманіе политически заинтересованныхъ сферъ обыкновенно больше всего сосредоточивается на вопросѣ о широтѣ субъективнаго избирательнаго права, т. е. на вопросѣ о высотѣ ценза, и слѣдовательно о числѣ индивидуумовъ, пользующихся избирательнымъ правомъ. Конечно степень *всеобщности* избирательнаго права—вопросъ первой величины, но для *государства* это, быть можетъ, и не *самый существенный* вопросъ. Для государства рѣшающую роль играетъ скорѣе организація выборовъ: система единообразнаго голосованія (vote unique) или система голосованія по куріямъ или классамъ (Wählerklassensystem),—вотъ что опредѣляетъ собой политическій характеръ и политическіе результаты выборовъ.

И при системѣ единообразнаго голосованія милліоны избирателей должны быть расчленены на отдѣльныя группы, ибо конституированіе цѣлой націи, какъ единой избирательной коллегіи (плебисцитъ), было бы абсурдомъ. Это подраздѣленіе можетъ происходить двоякимъ образомъ: или территоріально, по округамъ, или персонально—по опредѣленнымъ категоріямъ лицъ (сословія, классы, профессіональныя и вѣроисповѣдныя группы, націи и проч.). При *территоріальномъ* раздѣленіи страна распадается на рядъ мелкихъ избирательныхъ округовъ, въ предѣлахъ которыхъ всѣ избиратели имѣютъ одинаковыя избирательныя права и опускаютъ свои бюллетени въ одну урну; при *персональномъ* раздѣленіи въ предѣлахъ болѣе или менѣе значительныхъ территорій образуются отдѣльныя избирательныя коллегіи, голосующія порознь. Эта куріальная система дѣйствовала въ Австріи до 1905 г. Здѣсь существовали четыре куріи—крупнаго дворянскаго землевладѣнія, промышленныхъ и торговыхъ палатъ, имущаго городского населенія, и зажиточнаго крестьянства. Это учрежденіе было названо—совершенно неправильно—„представительствомъ интересовъ“ (Interessenvertretung). И именно его вліянію Австрія преимущественно обязана тѣмъ, что національное и соціальное развитіе вмѣсто мирной парламентской работы породило въ ней хаосъ парламентскихъ неурядицъ.

Въ чемъ же заключается сущность этого вліянія?

Такъ называемое „представительство интересовъ“ достигаетъ результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, на которые разсчитано всякое народное представительство. При куріальной системѣ *реальные* интересы, *повседневныя* потребности государственной жизни, *ближайшія* задачи государства всецѣло заслоняются ходячими формулами (Schlagworte), національными, вѣроисповѣдными и политическими абстракціями. Эта система освободила народныхъ представителей отъ конкретнаго отношенія къ потребностямъ своихъ

избирателей, сняла съ нихъ отвѣтственность за серьезную партійную тактику и обрекла ихъ на политику громкой фразы.

Въ конечномъ счетѣ она явилась источникомъ и оправданіемъ парламентской обструкціи и внѣпарламентской борьбы—*политики улицы*.

Если бы австрійское народное представительство было построено, по прусскому образцу, на основѣ трехклассной системы—самой худшей, какую только зналъ Бисмаркъ,—это все-же было бы лучше. Дѣля избирателей лишь по размѣрамъ платимыхъ ими налоговъ, и не дѣлая различія между разными видами прямыхъ налоговъ, она вынуждаетъ аграріевъ, представителей крупной промышленности, торговцевъ и лицъ свободныхъ профессій, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ одного и того же налоговаго разряда мѣряться своими силами, столковываться насчетъ своихъ *общихъ* интересовъ и путемъ майоризаціи или компромисса обнаруживать *коллективный интересъ* (Gesamtinteresse) *имущихъ классовъ*. Ничего подобнаго не было въ Австріи. Возьмемъ прежде всего противоположность между городомъ и деревней. Здѣсь и тамъ выборы происходили совершенно изолировано. Объ интересахъ, общихъ для города и деревни—а только общее и представляетъ собою государственно-образующее начало—ни на одномъ избирательномъ собраніи даже не упоминалось, ни одинъ городской агитаторъ не давалъ себѣ труда хотя бы заглянуть въ деревню. Китайская стѣна стояла между городомъ и деревней; никакого политическаго общенія не было между ними; взаимное непониманіе и отчужденность царили въ отношеніяхъ между жителемъ деревни и горожаниномъ. Такая же взаимная отчужденность существовала, благодаря раздѣленію на курію крупныхъ землевладѣльцевъ и курію торговыхъ палатъ, между аграріями и промышленными кругами. Основные вопросы аграрной политики также не находили себѣ мѣста въ избирательной борьбѣ, ибо крупное и мелкое землевладѣніе не имѣли случая сталкиваться между собой на почвѣ выборовъ. Въ городахъ крупный собственникъ, хотя и долженъ былъ соперничать съ ремесленниками и лавочниками, но скоро вынужденъ былъ сложить оружіе, лишь только пониженіе ценза сперва до пяти (1885 г.), потомъ до четырехъ гульденовъ (1896 г.) выдвинуло на политическую арену широкія массы мелкаго бюргерства. Во всѣхъ вопросахъ современнаго промышленнаго и культурнаго развитія городскіе промышленные слои и лица свободныхъ профессій могли бы еще отъ времени до времени находить поддержку въ лицѣ рабочихъ массъ. Но эти послѣднія сперва совсѣмъ не принимали никакого участія въ выборахъ, а съ 1896 г., хотя и участвовали,—но внѣ курій. Такъ интересы современнаго экономическаго развитія безслѣдно тонули въ этомъ „представительствѣ интересовъ“!

Можетъ ли при такихъ условіяхъ избирательный процессъ оказать государству хотя бы малѣйшую услугу? Содѣйствуетъ ли онъ сближенію между различными сферами интересовъ, взаимному пониманію классовъ, росту общественнаго самосознанія? Нисколько. Процессъ выборовъ не смягчаетъ обычнаго взаимнаго отчужденія; не содѣйствуетъ превращенію народа въ единый политическій организмъ. Естественные противники изолированы другъ отъ друга. Въ выборной кампаніи чешскій крестьянинъ не сталкивается съ чешскими помѣщиками и горожанами, нѣмецкій—не сталкивается съ нѣмецкими, и такъ далѣе; благодаря этому чешскій и нѣмецкій крестьянинъ не могутъ проникнуться сознаніемъ своихъ общихъ интересовъ и сплотиться для общей борьбы. И несмотря на то, что выступать противъ крестьянина онъ не имѣетъ никакого повода, чешскій крестьянинъ все же проваливаетъ нѣмецкаго, имѣющаго въ 99 случаяхъ изъ 100 тѣ же желанія, что и онъ самъ!

То же явленіе наблюдается и въ средѣ мелкаго бюргерства; и здѣсь *внутри* одного и того же слоя образуются двѣ партіи, которыя при общности экономической программы, ищутъ *другихъ* точекъ расхожденія на почвѣ ли *національныхъ* или *вѣроисповѣдныхъ* различій или же *личныхъ качествъ* вождей. То же самое повторяется и въ куріяхъ крупнаго землевладѣнія, и въ куріяхъ торговыхъ палатъ.

Можно было бы предположить, что при системѣ „представительства интересовъ“ экономическіе интересы во всякомъ случаѣ будутъ представлены надлежащимъ образомъ. Ничуть не бывало. Законъ учелъ ихъ заранѣе, при самомъ образованіи курій, такъ что на выборахъ они уже не принимаются въ разсчетъ. *По существу* выборы уже произведены самимъ закономъ, избирателю предоставляется лишь право проявить свои симпатіи къ тому или иному лицу. Число представителей каждой куріи въ парламентѣ неизмѣнно, оно установлено конституціей. Не депутатъ голосуетъ за или противъ крупнаго или мелкаго землевладѣнія, а вмѣсто него сама *конституція*. И самая вдохновенная рѣчь тутъ ничего не въ состояніи измѣнить. Законъ заранѣе фиксируетъ численное соотношеніе голосовъ отдѣльныхъ курій, и поэтому голосованіе въ парламентѣ теряетъ всякій смыслъ. Широкій размахъ соціально-экономической борьбы во всемъ ея современномъ объемѣ оказывается совершенно невозможнымъ. И нужно отдать справедливость мудрымъ творцамъ австрійскаго „имперскаго представительства“—имъ удалось избавить парламентъ отъ великихъ битвъ современности и всецѣло лишить его основной его функціи. Ему только и остается заниматься схоластическими словопреніями и начинять народную фантазію исторической романтикой. Даже въ національномъ вопросѣ вмѣсто серьезнаго обсужденія по существу царитъ фиглярничаніе и лакейское зубоскальство.

Къ чему аргументы, разъ взаимное соотношеніе голосовъ и юридически и фактически предопредѣлено! Каждый отвѣчаетъ лишь за специфическую близорукость своей группы, никто не несетъ отвѣтственности ни передъ государствомъ, ни передъ всѣмъ народомъ, ни даже передъ опредѣленной частью его. Каждый готовъ разгромить парламентъ, самую имперію, лишь бы насолить „жиду“ или чеху. Отдѣльныя части были такъ тщательно изолированы одна отъ другой, что *цѣлое* улетучилось;—то самое цѣлое, ради котораго парламентъ собственно и существуетъ. Въ центрѣ вниманія стали групповые интересы; интересы же общіе,—дающіе жизнь государству,—выброшены за бортъ. Что же удивительнаго въ томъ, что австрійскій парламентъ дѣйствовалъ несерьезно, безъ сознанія отвѣтственности, что въ немъ такъ хорошо привилась легкомысленная, фривольная оппозиція и даже обструкція?

„Предустановленная гармонія интересовъ“, какъ она выражена австрійской куріальной системой, ставитъ юнкера или мелкаго бюргера внѣ соперничества съ кѣмъ бы то ни было. Но такъ какъ эта система заранѣе раздаетъ тѣ призы, которые обыкновенно получаются лишь въ результатѣ напряженной борьбы, то партіи и пускаются въ поиски другихъ призовъ, лежащихъ внѣ конституціи. Устраненіе экономическихъ вопросовъ изъ избирательной борьбы, безнадежность всякой экономической борьбы въ парламентѣ создаетъ какой-то особый парламентъ, стоящій внѣ хозяйственной жизни. Высшая государственная, конфессіональная и прежде всего *національная* политика стали хлѣбомъ насущнымъ австрійскаго рейхсрата.

Помѣстное дворянство руководитъ политикой и добивается выдѣленія отдѣльныхъ государствъ изъ общаго государственнаго организма, стремится къ провинціальной автономіи, отстаиваетъ федерализмъ (*нынѣ*, при всеобщемъ и единообразномъ избирательномъ правѣ, оно всѣ усилія направляетъ на защиту своихъ привилегій въ области земельныхъ налоговъ!). Буржуазія занята мыслью объ основаніи національныхъ государствъ и ведетъ споры объ ихъ границахъ (*нынѣ* она озабочена тѣмъ, чтобы оградить себя экономически,—справа отъ аграріевъ, слѣва отъ соціалдемократовъ). Мелкое бюргерство и крестьяне проповѣдуютъ крестовый походъ противъ евреевъ (*нынѣ* крестьяне борются за повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, мелкое бюргерство — требуетъ государственной помощи). Интеллигенція готовится къ культурной борьбѣ съ Римомъ (*нынѣ* глашатаи лозунга „прочь отъ Рима“ счастливы, если встрѣчаютъ на выборахъ поддержку со стороны клерикаловъ). Всѣ эти эксцессы куріальной системы заслоняетъ собою національная борьба; *нынѣ* благодаря всеобщему избирательному праву буржуазныя партіи *всѣхъ* національностей *единодушно* поддерживаютъ парламентское министерство!

Куріальная система съ ея коверканіемъ всѣхъ экономическихъ интере-

совъ довела такимъ образомъ національныя распри до крайней напряженности, облекла ихъ въ самыя отталкивающія формы и создала почву для обструкціи.

Намъ могутъ возразить: не рискованно ли мѣнять національный антагонизмъ на экономическій, вмѣсто расовой борьбы пробуждать классовую? На это я отвѣчаю: національная рознь ведетъ къ разложенію государства, ибо каждая отдѣльная національность тяготѣетъ къ отдѣльному государственному существованію. Народы расположены другъ *возлѣ* друга; экономическіе же классы пролегаютъ другъ *надъ* другомъ, своего рода пластами; другъ друга обусловливаютъ, другъ отъ друга зависятъ. Они тоже должны *бороться*, чтобы разграничить сферы своихъ правъ, но только въ предѣлахъ государства и *при помощи государства же*. Раздѣленіе классовъ въ пространствѣ на подобіе знаменитаго ухода плебеевъ на священную гору немыслимо. Поэтому классамъ и приходится не только бороться другъ съ другомъ, но вступать также и въ соглашенія. Поэтому экономическіе классы, остающіеся въ меньшинствѣ, *подчиняются* рѣшеніямъ большинства, чего никогда не бываетъ съ группами національнаго меньшинства. Поэтому только на почвѣ классовой борьбы и создается государство, весь смыслъ и содержаніе котораго она составляетъ: ибо его призваніе въ томъ и состоитъ, чтобы быть судьею въ этой борьбѣ. Національная же борьба влечетъ за собою разложеніе государственнаго организма. Куріальная система дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на государство уже въ силу одного того, что открываетъ широкій просторъ для національной борьбы.

Но насъ спросятъ: какимъ же инымъ путемъ отграничить классы „государственные“ отъ классовъ „антигосударственныхъ“? Какъ обезпечить надлежащее мѣсто имущимъ и образованнымъ слоямъ, — тѣмъ элементамъ, на которые государство должно опираться?

Но не кроется ли въ этомъ возраженіи самое элементарное смѣшеніе причины со слѣдствіемъ? Крупные землевладѣльцы вездѣ считаются элементами „государственными“ par excellence. Но позволительно спросить: какъ поддерживаютъ они государство? Государство черпаетъ свою жизнь не въ бумажныхъ резолюціяхъ парламента, а въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ широкихъ народныхъ массъ. Прусскій юнкеръ, разъѣзжающій по деревнямъ и селамъ, убѣждающій крестьянъ въ необходимости королевской власти и разсказывающій имъ о величіи и объ историческомъ призваніи прусскаго государства,—дѣйствительно поддерживаетъ свое государство, старое государство Гогенцоллерновъ. Австрійскій же дворянинъ-помѣщикъ, брезгающій народными собраніями и дающій отчетъ о своей парламентской дѣятельности въ замкѣ своего же брата дворянина, спокойно предоставляя широкія народныя массы націоналистическимъ крикунамъ, получающій свой мандатъ не отъ народа, а въ силу особой привилегіи, отъ государства,—такого дворянина поддержи-

ваетъ государство, но самъ онъ государства не поддерживаетъ; онъ оставляетъ его на произволъ демагоговъ. Отъ людей, которыхъ монархія осыпаетъ почестями и блескомъ, она можетъ требовать по крайней мѣрѣ одного: чтобы они шли въ крестьянство защищать монархическіе принципы, а не оставались бы государственными паразитами, не только въ соціальномъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Каковъ же былъ результатъ этой системы? Результатъ очень простой: *консерватизмъ въ народѣ совершенно не представленъ*. Тѣ же круги, которые по самой своей природѣ тяготѣютъ къ консерватизму, покинутые своими естественными вождями, подпадаютъ подъ вліяніе *реакціоннаго радикализма*. Этой системѣ привилегій крупный землевладѣлецъ и обязанъ тѣмъ, что онъ неспособенъ бороться политически, что онъ *лишенъ всякой почвы въ народѣ*. Привилегія губитъ и его самого, и государство, превращая охранителей въ разрушителей. Та же участь постигла и крупныхъ промышленниковъ.

Наконецъ и въ Австріи наступилъ такой моментъ, когда корона, отчужденная отъ широкихъ народныхъ массъ, ощутила полное одиночество; когда крупное землевладѣніе и крупная промышленность потеряли всякія симпатіи въ народѣ, когда парламентъ очутился въ рукахъ невѣжественныхъ скандалистовъ, безотвѣтственныхъ крикуновъ шовинизма и религіозной нетерпимости; когда не оставалось иного выхода, кромѣ полнаго уничтоженія куріальной системы и возвращенія къ всеобщему равному избирательному праву. Уже *первая* палата, избранная на основаніи равнаго избирательнаго права, прорвала заколдованный кругъ и дала преобладающее большинство партіямъ, совершенно измѣненнымъ въ своемъ внутреннемъ составѣ, обладающимъ живымъ государственнымъ смысломъ и политической выдержкой. Если она все еще работаетъ медленно, то не слѣдуетъ забывать, что оздоровленіе политической системы прежде всего требуетъ времени.

Парламентская тактика въ старомъ рейхсратѣ.

Партійная тактика, сложившаяся на почвѣ куріальной системы, не представляла такой ясной картины, какъ въ Венгріи съ ея системой единообразнаго избирательнаго права. Основною чертой австрійской правительственной политики въ парламентѣ въ теченіе сорока лѣтъ конституціонной жизни являлось *искусственное соединеніе болѣе крупныхъ изъ многочисленныхъ парламентскихъ партій, и образованіе этимъ путемъ то одного, то другого правительственнаго большинства*.

Многочисленность партій—явленіе, естественно связанное съ куріальной

системой. Эта система должна вести къ распыленію каждаго парламента. Долгое время парламентскую неурядицу въ Австріи приписывали главнымъ образомъ враждебному столкновенію національныхъ интересовъ. Но результаты послѣдней избирательной реформы обнаружили всю ошибочность этого мнѣнія. Равное избирательное право сразу раздѣлило парламентъ на двѣ группы: на находящуюся въ безусловной оппозиціи группу соціалдемократовъ и на блокъ буржуазныхъ партій *всѣхъ націй*, столь же безусловно поддерживающій правительство. Въ Австріи, какъ и повсюду, буржуазные классы тотчасъ же стали строить свои планы на почвѣ антагонизма между ними и соціалдемократіей. Естественно поэтому, что они должны были также подать свои голоса за равное избирательное право; ибо устранить путемъ ценза изъ парламента рабочее представительство значило бы снова внести дезорганизацію въ парламентъ, такъ какъ буржуазныя партіи немедленно же должны были бы расколоться на большинство и меньшинство.

При куріальной системѣ, въ парламентѣ постоянно сталкивались между собой буржуазныя партіи, равнозначащія по существу, и съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ соперничавшія между собою изъ-за власти, — борьба между ближайшими конкурентами всегда достигаетъ наибольшей обостренности. *Естественное* образованіе большинства было невозможно при куріальной системѣ съ ея четырьмя противоположными императивными мандатами. Поэтому правительство чисто механически соединяло партіи въ большинство, скупая ихъ за извѣстныя уступки, — иного выхода у него не было; продажность коренилась такимъ образомъ въ самой системѣ, а не въ личностяхъ. Эта продажность естественно еще болѣе усиливала горечь обойденныхъ, которые не скупились расточать слова нравственнаго негодованія противъ этого luogo di traffico (выраженіе Пленера), пока сами не попадали въ число избранныхъ. Въ формѣ этихъ недостойно выторгованныхъ уступокъ и долженъ былъ совершаться законный самъ по себѣ процессъ поступательнаго движенія націи; исторія нерѣдко избираетъ окольные пути.

Однако прошло довольно много времени, прежде чѣмъ сказались всѣ результаты куріальной системы. Послѣ крушенія абсолютизма *всякая* форма парламентаризма была желанна; низшіе классы не были достаточно воспитаны политически и не обладали достаточно развитымъ самосознаніемъ, чтобы протестовать противъ своего полнѣйшаго безправія. Новый парламентъ могъ выступать въ качествѣ представителя народной воли, не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ. Выборы 1861 года дали умѣренную нѣмецко-либеральную партію, которая на первыхъ порахъ, *независимо отъ куріальныхъ раздѣленій*, объединила крупныхъ землевладѣльцевъ, буржуазію и тѣхъ немногихъ избирателей, которые имѣлись въ средѣ зажиточнаго крестьянства.

Въ оппозиціи находилось только консервативное высшее дворянство. Его оппозиція вращалась только въ области политическихъ и соціальныхъ интересовъ; она направлялась противъ либерализма, противъ городской буржуазіи и прежде всего противъ государственной бюрократіи, которая во время контръ-революціи обошла феодальные интересы. Такимъ образомъ въ эпоху Шмерлинга (1861—1865 г.) мы имѣемъ еще дѣло съ „системою двухъ партій"—либеральной и феодальной.

Но какимъ образомъ феодалы могли въ рѣзко выраженную буржуазную эпоху пріобрѣсти такую силу? Они поняли невозможность побѣды при помощи собственныхъ силъ и искали поэтому союзниковъ. Крупное землевладѣніе повсюду тяготѣетъ къ партикуляризму, къ провинціальной автономіи. Противъ нивелирующихъ тенденцій бюрократіи были выдвинуты особыя права коронныхъ земель. Высшее дворянство стало *автономистскимъ*; въ болѣе крупныхъ коронныхъ земляхъ, какъ Богемія и Галиція, оно отстаивало тотъ взглядъ, что коронныя земли являются государственными единицами, а вся имперія—союзнымъ государствомъ. Автономисты называли себя *федералистами*; а нѣмецко-либеральная партія, какъ защитница государства, носила названіе *централистической*. Къ 1867 г. противоположность между централизмомъ буржуазіи и феодальнымъ федерализмомъ рѣзко опредѣлилась и стала паролемъ борьбы.

Изъ этого партійнаго антагонизма стремятся извлечь выгоду два элемента: церковь и націи. Они присоединяются къ феодаламъ и относятся враждебно къ либерализму. Въ глазахъ князей церкви либерализмъ—это наслѣдственный порокъ нѣмецкой націи, который остался чуждъ славянамъ лишь благодаря особенностямъ ихъ національнаго характера; поэтому, исходя изъ своихъ эгоистическихъ интересовъ, высшее духовенство всецѣло становится въ ряды славянъ. Въ отдѣльныхъ коронныхъ земляхъ, напримѣръ въ Тироли, церковь располагаетъ несокрушимыми позиціями и въ силу этого тоже отстаиваетъ принципы автономіи. Вожди славянъ, которые въ 1848 г. въ большинствѣ были демократами и революціонерами, видятъ въ церкви и дворянствѣ борцовъ за автономію коронныхъ земель, а въ коронныхъ земляхъ—остатки своей прежней государственной самостоятельности; они въ свою очередь съ радостью переходятъ въ объединенный лагерь федералистовъ. Такимъ образомъ создается надежда на парламентскій успѣхъ; начинаютъ подумывать объ измѣненіи тактики. До поры до времени однако господствуетъ „политика воздержанія",—союзники остаются вдали отъ парламента.

Послѣ пораженія при Кёниггрецѣ и Садовой (1866 г.) Австрія очутилась внѣ Германскаго Союза. Но дворъ все еще не можетъ отказаться отъ своей роли въ Германіи; онъ все еще стремится поддержать связь съ Запа-

домъ, а связующимъ звеномъ являются конечно австрійскіе нѣмцы. Съ декабрьской конституціей 1867 г. нѣмецко-буржуазная централистическая система достигаетъ своего апогея; бразды правленія впервые беретъ въ свои руки буржуазное министерство; оно уничтожаетъ конкордатъ, закладываетъ основы свѣтской школы и оттѣсняетъ на задній планъ клерикализмъ, федерализмъ и національнизмъ. Но проявить свою силу ему удается лишь постольку, поскольку оно вызываетъ въ лагерѣ противниковъ расколъ. Одной странѣ дается нѣкоторая автономія съ тѣмъ, чтобы не дать осуществиться автономіи другой страны. Галиція въ 1869 году была предоставлена польскому дворянству, и такимъ образомъ польское вліяніе взяло здѣсь верхъ; нѣмцы выводятъ оттуда свои форпосты. Австрійскіе поляки становятся на почву реальной политики и поддерживаютъ отъ случая къ случаю, за тѣ или иныя уступки, правительство въ его шаткой позиціи между централизмомъ и федерализмомъ. Они получаютъ особое представительство въ министерствѣ (Landsmannminister) и съ тѣхъ поръ пріобрѣтаютъ рѣшающее вліяніе въ австрійской политикѣ.

Со времени революціи 1863 г. польское дворянство быстро продѣлало поворотъ въ сторону реальной политики, отказалось отъ идеи государственной самостоятельности, ограничило свои требованія провинціальной автономіей и вступило на путь поддержки династической политики Габсбурговъ. Эта перемѣна фронта окупилась сторицей; польское дворянство забрало въ свои руки всѣ государственныя должности въ Галиціи, буржуазія и крестьянство очутились въ постоянно увеличивающейся зависимости отъ шляхты, выторговывавшей за каждый свой парламентскій вотумъ какую-нибудь новую уступку.

Уступчивость короны по отношенію къ Венгріи (1867 г.) и къ полякамъ (1869 г.) имѣла, впрочемъ, и болѣе глубокое основаніе.

При дворѣ полагали, что позиція Габсбурговъ въ Германіи еще не потеряна. Бейстъ помышлялъ о реваншѣ по отношенію къ Пруссіи, въ союзѣ съ Наполеономъ III; необходимо было поэтому создать себѣ политическое прикрытіе съ тыла и уже затѣмъ свести свои счеты съ двумя названными непокорными національностями, что не представляло бы трудностей, лишь только Австрія снова заняла бы центральное мѣсто въ Германскомъ Союзѣ. Но всѣ эти разсчеты рухнули съ прусскими побѣдами во Франціи.

Эти побѣды сразу измѣнили взгляды австрійскаго двора на политическую цѣнность той или иной національности. Побѣда Бисмарка заставила Габсбурговъ перенести центръ тяжести своей монархіи въ Будапештъ. Нѣмцы, на которыхъ въ Австріи привыкли смотрѣть, какъ на народъ государственный по преимуществу, сразу перешли на положеніе національности „неблагонадежной“, такъ какъ возникновеніе сплоченнаго нѣмецкаго національнаго государства дало поводъ предполагать въ нихъ склонность къ отпаденію. Къ тому же паденіе

Церковной Области и уничтоженіе свѣтской власти папы снова пробудили въ строго католическихъ придворныхъ сферахъ подозрительное отношеніе къ либерализму. Съ этихъ поръ нѣмецкая централистическая либеральная партія постоянно встрѣчаетъ недовѣріе со стороны двора, который сталъ оказывать свое покровительство славянской федералистической и клерикальной политикѣ. Высшее дворянство и князья церкви, руководимые іезуитами, а впослѣдствіи, косвеннымъ образомъ, и кардиналомъ Рамполлой, выдвигаютъ политическій девизъ: „реваншъ за Садовую“. Нѣмецкая же либеральная партія искренно помышляетъ о нѣмецкой Австріи, отдѣленной отъ Венгріи и живущей въ мирѣ съ новой Германской имперіей.

Борьба на почвѣ этого антагонизма разыгрывается въ высшихъ слояхъ общества,—въ куріи крупныхъ землевладѣльцевъ и въ городской куріи. Она принимаетъ форму соперничества между родами Ауэрсперга (либералы) и Шварценберга (консерваторы), между служилымъ и помѣстнымъ дворянствомъ, между бюрократіей и феодальными элементами; словомъ, эта борьба ближайшимъ образомъ захватываетъ только верхи общества. Но курьезнѣе всего, что парламентское соотношеніе силъ не даетъ возможности разрѣшить этотъ конфликтъ въ самомъ парламентѣ. Обѣ партіи вынуждены искать поддержки извнѣ—либо въ верхахъ, у короны, либо въ низахъ, въ народѣ.

Подъ впечатлѣніемъ состоявшагося объединенія Германіи, корона смѣняетъ въ 1871 году либеральное министерство; бразды правленія берутъ въ свои руки феодалы съ Потоцкимъ во главѣ; они настаиваютъ на расширеніи правъ ландтаговъ и добиваются высочайшаго рескрипта, которымъ богемскій ландтагъ былъ возстановленъ въ своихъ прежнихъ правахъ. *Высшее нѣмецкое дворянство Богеміи переходитъ въ чешскій лагерь, курія крупныхъ землевладѣльцевъ объявляетъ себя чешской и образуетъ въ ландтагѣ чешское большинство, которое принимаетъ такъ называемые „фундаментальные параграфы“.* Чешскій народъ, лишенный до тѣхъ поръ всякаго вліянія, неожиданно оказывается въ центрѣ политической жизни, становится хозяиномъ богатѣйшей провинціи и любимцемъ короны. Онъ уже готовъ отказаться отъ своей старой парламентской политики.

Въ этотъ моментъ, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ, чехи неожиданно оттѣсняются опять назадъ. Устами Андраши мадьярское правительство заявляетъ свой протестъ противъ федерализаціи австрійскаго государственнаго строя, ибо она должна повлечь за собой пробужденіе также и венгерскихъ націй и породить цѣлый хаосъ. Австрія должна оставаться нѣмецкимъ государствомъ, Венгрія—мадьярскимъ. Потоцкаго смѣняетъ Ауерспергъ. Нѣмецкая либеральная партія начинаетъ укрѣплять свои позиціи. Если до того времени рейхсратъ составлялся изъ представителей, посылаемыхъ

ландтагами, и благодаря этому каждый ландтагъ имѣлъ возможность, отказавшись отъ посылки своей делегаціи, калѣчить парламентъ и оставлять отъ него одно охвостье,—то теперь, въ 1872 году вводится система прямыхъ выборовъ въ рейхстатъ. Но для того, чтобы провести эту реформу, необходимо было предварительно возстановить нѣмецкое преобладаніе въ богемскомъ ландтагѣ, и это было достигнуто путемъ *временной скупки при посредствѣ нѣмецкихъ банковъ крупныхъ земельныхъ владѣній въ такомъ количествѣ, которое могло бы обезпечить за нѣмцами большинство.*

Съ уничтоженіемъ зависимости рейхсрата отъ ландтаговъ, феодалы лишились своего надежнѣйшаго оплота; нужны были годы, чтобы они могли оправиться. Чехи вернулись къ политикѣ бойкота и Ригеръ предпринялъ паломничество въ Москву. Либеральная партія завершила законъ о народномъ образованіи и урегулировала интерконфессіональныя отношенія (1874 г.) вопреки возраженіямъ церкви. Клерикалы, феодалы и національныя группы, казалось, были разбиты на голову; успѣхи, достигнутые при прямыхъ выборахъ въ рейхсратъ, доказывали, что либеральный режимъ находитъ себѣ сочувствіе въ народѣ. Нѣмецкое бюргерство было еще едино и полно силъ; оно исповѣдывало еще принципы либерализма, съ его манчестерскимъ ученіемъ о вредѣ какого бы то ни было государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь; оно все еще было проникнуто вѣрой въ непрерывный прогрессъ.

Буржуазное министерство переживало эпоху своего полнаго расцвѣта, какъ вдругъ разразился кризисъ 1873 г., подорвавшій довѣріе бюргерства къ спасительности манчестерскаго ученія. Громче всѣхъ подняло крикъ напуганное до паники мелкое бюргерство. И вотъ одинъ за другимъ потянулись феодальные агитаторы въ кабачки ремесленниковъ, священники принялись восхвалять все великолѣпіе хозяйственнаго строя христіанскаго средневѣковья, деревенскіе батюшки начали метать громы и молніи противъ еврейскаго духа наживы, противъ жизни большихъ городовъ; чехамъ внушалось, что нѣмцы — это народъ корыстныхъ эксплоататоровъ, нація капиталистовъ, противъ которой долженъ подняться честный чешскій народъ,—народъ крестьянъ и ремесленниковъ.

Такъ возникло движеніе средняго сословія (Mittelstandsbewegung). Его причины коренились конечно глубоко въ условіяхъ хозяйственной жизни; но форма, въ которой оно выступало, партійныя группировки, въ которыя оно выливалось, парламентскія соглашенія и всѣ вообще тактическіе шаги его— все это обусловливается особенностями австрійскаго парламентскаго строя. Въ такой странѣ, какъ Франція, оно заполняетъ ряды радикалъ-соціалистовъ,

въ Англіи оно находитъ себѣ мѣсто, вѣроятнѣе всего, въ рядахъ имперіалистовъ. Въ Австріи вслѣдствіе высокаго избирательнаго ценза это движеніе было на первыхъ порахъ лишено возможности *собственными* силами сформировать парламентскую партію. Съ тѣмъ большимъ усердіемъ открыли феодалы (вродѣ Белькреди и Лихтенштейна) и клерикалы походъ противъ еврейскаго капитализма. Феодализмъ, клерикализмъ и націонализмъ овладѣли мелкимъ бюргерствомъ, дѣйствуя на его соціальные инстинкты такъ же, какъ они овладѣли славянами, наигрывая на ихъ національной стрункѣ. Съ помощью этихъ элементовъ, встрѣчая полное сочувствіе со стороны короны, феодалы и клерикалы достигли въ 1879 г. господства въ лицѣ министерства Таафе. Такъ создали они „желѣзный блокъ"—этотъ длительный союзъ нѣмецкихъ клерикаловъ со всѣми славянскими народностями, окончательно оттѣснившій нѣмецкое либеральное бюргерство отъ власти. Чтобы окончательно закрѣпить за собою отвоеванныя позиціи, „желѣзный блокъ" понизилъ цензъ до 5 гульденовъ, благодаря чему мелкое бюргерство въ городахъ и крестьянство въ деревняхъ получило надолго перевѣсъ надъ образованными и имущими классами.

Феодалы и клерикалы достигли своей цѣли: они были у власти. Они пользовались всѣми тѣми неисчислимыми преимуществами, какія несетъ съ собою власть; но о преобразованіи государственнаго или хозяйственнаго строя они и не помышляли. Ихъ пособники—національности и среднее сословіе—сдѣлали свое дѣло; кто могъ бы предположить, что слуга вновь станетъ господиномъ!

„Желѣзный блокъ правыхъ" съ графомъ Таафе во главѣ представлялъ собою тотъ своего рода снѣжный покровъ, подъ которымъ зародилась и начала назрѣвать новая политическая жизнь. Режимъ носилъ въ высокой степени феодальный и клерикальный характеръ. Гражданское управленіе вплоть до мѣстныхъ властей находилось въ рукахъ аристократовъ. Они были безпощадны въ своихъ дѣйствіяхъ; рабочее движеніе, вновь начавшее подавать признаки жизни, было встрѣчено введеніемъ исключительнаго положенія въ крупныхъ городахъ, наступила эра судебныхъ преслѣдованій противъ соціалистовъ,—полоса судебныхъ процессовъ, повлекшихъ за собою рядъ многочисленныхъ жертвъ и грозившихъ развратить все судейское сословіе. Парламентъ былъ крайне мало освѣдомленъ о томъ, что дѣлалось въ странѣ, даже либеральная оппозиція и та воздерживалась отъ вмѣшательства; классовый интересъ буржуазіи повидимому владѣлъ ею еще всецѣло. Засѣданія парламента велись спокойно, сдержанно,—случайный возгласъ негодованія вызывалъ уже цѣлую сенсацію въ этой цензовой палатѣ. Это спокойствіе безсилія, эта продажная благопристойность, этотъ подкупный гоноръ, эта напыщенная бездарность—все это создавало атмосферу, въ которой, казалось замирала всякая общественная жизнь; именно это и было по душѣ консерваторамъ.

И все же этотъ режимъ самъ вынашивалъ въ своихъ нѣдрахъ всѣ тѣ силы, которымъ суждено было впослѣдствіи вырыть ему могилу и толкнуть государство на путь тягостнѣйшихъ неурядицъ. Славяне, на которыхъ этотъ режимъ опирался, хотя и стали подъ знамя католицизма и консерватизма, но усвоили себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣченную выше тактику поляковъ: обмѣнивать свои голосованія на правительственныя уступки. Уступки же эти заключались главнымъ образомъ въ *замѣщеніи келейнымъ образомъ государственныхъ должностей.* Во все возрастающемъ рядѣ должностей мѣсто нѣмецкихъ чиновниковъ стали занимать молодые славянскіе кандидаты, нерѣдко стоявшіе ниже по своимъ служебнымъ качествамъ. Вмѣстѣ съ ѣдой возросталъ и аппетитъ; славянская интеллигенція становилась все требовательнѣе. Феодальные выпады противъ крупнаго еврейскаго капитала стали находить себѣ все болѣе и болѣе горячій откликъ въ широкихъ кругахъ мелкаго бюргерства. Въ видахъ самосохраненія консерваторы предприняли попытку вдохнуть новую жизнь въ старые цехи (1883 г.). Созданныя такимъ образомъ принудительныя товарищества (Zwangsgenossenschaften) въ экономическомъ отношеніи не имѣли никакой цѣны, но всецѣло оправдали себя въ качествѣ политическихъ кадровъ, успѣшно насаждавшихъ антисемитизмъ и націонализмъ.

Руководители этихъ товариществъ стали духовными вождями мелкой буржуазіи; они подвергли ее основательной политической муштровкѣ; уже при выборахъ 1885 года въ парламентъ проникаютъ единичные представители мелкаго бюргерства, которые вносятъ въ дебаты съ собою специфическій тонъ уличныхъ демагоговъ и начинаютъ въ самой курьезной формѣ громить крупный капиталъ,—къ немалому удовольствію графовъ и прелатовъ съ правыхъ скамей. На ихъ-то счетъ и нужно отнести столь нашумѣвшіе эксцессы, и на нихъ главнымъ образомъ ложится вина за упадокъ парламентскихъ нравовъ въ австрійскомъ рейхсратѣ.

Вытѣсненіе нѣмцевъ, коснувшееся на первыхъ порахъ государственныхъ должностей, взбудоражило нѣмецкое студенчество. Въ началѣ 80-ыхъ годовъ руководящій студенческій ферейнъ въ Вѣнѣ сосредоточилъ въ себѣ почти всѣхъ тѣхъ людей, которые впослѣдствіи стали играть роль въ австрійской политикѣ (Фридъюнгъ, Люэгеръ, Шёнереръ, Пернерсторферъ, Викторъ Адлеръ и др.), но какъ извѣстно, разошлись въ разныя стороны. „Болѣе рѣзкій тонъ“—стало всеобщимъ лозунгомъ студенчества. Либеральную оппозицію съ ея слабосильными протестами высмѣивали, какъ „оппозицію надворныхъ совѣтниковъ“. Смѣялись надъ нѣмецкими депутатами, которые, памятуя о Іосифѣ II и о своей собственной роли въ блаженной памяти буржуазномъ министерствѣ, выдавали себя за истинно-государственную партію

и обзывали государственныхъ министровъ губителями государства. Не австрійцами, а нѣмцами, не государственной, а національной партіей должны мы быть! Съ нѣмецкимъ народомъ должны мы поддерживать тѣсную связь!

Въ Линцѣ въ 1882 г. была выработана программа — путанная, но сильная своимъ радикализмомъ, и Шёнереръ выступилъ въ качествѣ вождя новой оппозиціи. Изъ рядовъ студенчества движеніе быстро перекинулось къ ремесленникамъ и крестьянамъ, въ ту среду, откуда и рекрутируется, главнымъ образомъ, университетская молодежь.

Если безсильная оппозиція нѣмецкаго либерализма возстановила противъ себя нѣмецкое студенчество, то недостойное пресмыканіе предъ правительствомъ старочеховъ и южныхъ славянъ вызвало къ нимъ чувство недовѣрія и презрѣнія въ средѣ славянскихъ студентовъ. И здѣсь студенчество пошло въ ряды крестьянства и ремесленнаго сословія. Феодаламъ эти классы были обязаны своей политической выучкой; теперь они двинулись противъ своихъ учителей! Младочехи съ одной стороны, „молодые нѣмцы“ съ другой—стали вождями средняго сословія.

Между тѣмъ непрестанныя репрессіи противъ рабочаго движенія породили результаты, оказавшіеся для правительства еще менѣе желательными. Преслѣдованія очистили соціалистическое движеніе отъ приставшихъ къ нему нерѣшительныхъ и дряблыхъ элементовъ, они создали путемъ такого отбора штабъ самоотверженныхъ, рѣшительныхъ, разумныхъ и надежныхъ людей; а жертвы, которыя приходилось нести, дѣлали его тѣмъ болѣе цѣннымъ въ глазахъ массъ. Политика преслѣдованій сковала рабочія организаціи желѣзомъ и кровью.

Такъ возникло сразу два демократическихъ движенія, рѣзко отличныхъ одно отъ другого по своимъ цѣлямъ и по своимъ путямъ. Съ одной стороны движеніе средняго сословія, на первыхъ порахъ подъ руководствомъ университетской интеллигенціи, крайне націоналистическое, вообще довольно путанное и безтолковое (какимъ всегда бываетъ движеніе средняго сословія) и чрезвычайно шумливое. Съ другой стороны—рабочее движеніе во главѣ съ преданнѣйшими піонерами изъ среды рабочихъ и единичными представителями интеллигенціи, движеніе принципіально выдержанное, серьезное, рѣшительное и—что важнѣе всего—интернаціональное.

Рѣшающимъ моментомъ въ исторіи послѣдующихъ лѣтъ является то, что рабочій классъ, лишенный избирательныхъ правъ, былъ вынужденъ бороться внѣ парламента противъ существующаго парламентскаго строя вообще; за среднимъ же сословіемъ, благодаря мудрости консерваторовъ и цензу въ 5 гульденовъ, *внутри* городской и сельской курій былъ самимъ закономъ обезпеченъ подавляющій перевѣсъ надъ всѣми имущими классами.

При наличности равнаго избирательнаго права обѣ оппозиціонныя партіи тотчасъ же столкнулись бы одна съ другой; антисемитизмъ, націонализмъ и мелко-буржуазная политика съ одной стороны, соціализмъ, интернаціонализмъ и рабочая политика — съ другой, такъ или иначе должны были бы въ избирательной кампаніи помѣряться своими силами. И тогда либеральная буржуазія, равно какъ и консерваторы, выступили бы въ роли третейскихъ судей. Именно на этомъ основали свою власть консерваторы въ Германіи, буржуазные республиканцы—во Франціи. Теперь же неожиданно выяснилось, что со своей избирательной реформой консерваторы перемудрили и сами подрубили тотъ сукъ, на которомъ сидѣли. Осмѣлѣвшее мелкое бюргерство было въ полной мѣрѣ ограждено стѣною ценза отъ натиска рабочаго движенія; располагая такимъ прочнымъ прикрытіемъ, оно не замедлило перешагнуть черезъ либеральную и консервативную крупную буржуазію въ городахъ, черезъ крупное крестьянство—въ деревнѣ. И этимъ объясняются быстрыя побѣды Шёнерера и особенно Люэгера, поразившаго всю Европу и съ помощью ловкаго фразерства заставившаго всѣхъ и вся увѣровать въ магическую силу своей особы—довольно заурядной по существу.

Печально для правительства Таафе было то, что вмѣстѣ съ низшими слоями средняго сословія въ парламентъ двинулись, радикально настроенныя, *всѣ* славянскія народности, а съ другой стороны нѣмцы на мѣсто терпѣливыхъ „партій надворныхъ совѣтниковъ“ послали непримиримыхъ нѣмецкихъ націоналистовъ. Надвигался національный хаосъ.

Тогда Таафе рѣшился на смѣлый шагъ. Министръ финансовъ Штейнбахъ, консервативный государственный соціалистъ, еврей по происхожденію, выдвинувшійся въ силу сплетенія различныхъ обстоятельствъ и благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ, оригинальный и выдающійся юристъ и философъ, далъ совѣтъ: ввести въ городской и сельской куріяхъ всеобщее и равное избирательное право, этимъ путемъ взаимно парализовать среднее сословіе и рабочій классъ, націонализмъ и соціализмъ, и такимъ образомъ вновь поставить государственную власть внѣ зависимости отъ какихъ бы то ни было классовъ,—въ томъ числѣ даже и отъ консерваторовъ. Безъ вѣдома вождей парламентскаго большинства вопросъ этотъ былъ обсужденъ въ совѣтѣ министровъ и 10 октября 1893 года правительство выступило въ палатѣ депутатовъ съ проектомъ избирательной реформы.

Обозрѣвая игру парламентскихъ силъ въ Австріи за все время ея конституціонной жизни, мы можемъ установить принципъ парламентской тактики, проходящій красной нитью чрезъ всю эпоху и еще разъ выступающій наружу въ реформѣ Таафе. *Въ основанномъ на системѣ привилегій парламента каждая побѣжденная или стоящая предъ опасностью*

пораженія сторона имѣетъ возможность политически побивать своего противника тѣмъ, что апеллируетъ къ ближайшему безправному классу, еще не представленному въ парламентѣ. И для правительства и для большинства, и для меньшинства это самый естественный путь: стоитъ только заявить, что парламентскія голосованія ничего не доказываютъ, что они не имѣютъ никакой внутренней цѣны, ибо народъ на сторонѣ оппозиціи, или—если въ критическомъ положеніи находится правительство—на сторонѣ правительства. Эта апелляція, носящая на первыхъ порахъ характеръ пустой угрозы — заставляетъ все же въ концѣ концовъ выступать съ проектомъ расширенія избирательнаго права. И тогда вся система приводится въ движеніе. При этомъ однако въ игру вовлекается всегда одинъ только классъ—ближайшій,—и благодаря этому система становится еще болѣе уродливой: ибо полу-демократія это всегда полная демагогія.

Предложеніе Штейнбаха шло отчасти навстрѣчу желаніямъ соціалдемократіи; всецѣло совпадало оно съ новѣйшей политикой католической церкви, съ послѣднимъ крупнымъ шахматнымъ ходомъ Рамполлы и папы Льва XIII,—этого „папы рабочихъ“. Чрезъ соціализмъ средняго сословія, на почвѣ котораго подвизались и консерваторы, церковь шагнула еще дальше—къ христіанскому рабочему соціализму. Она съ легкимъ сердцемъ порвала съ феодальными кругами тѣмъ болѣе, что и среднее сословіе открыто отреклось отъ этихъ своихъ опекуновъ. Церковь надѣялась, что подъ флагомъ христіанскаго соціализма ей удастся объединить среднее сословіе и рабочихъ въ единую „христіанскую демократію“. Въ настоящее врсмя выяснилось, что эта надежда была обманчивой, но тогда она была тѣмъ болѣе понятной что мелкое бюргерство и рабочіе мирно, бокъ о бокъ вели свою борьбу. Одно только было упущено изъ виду, — что это было возможно лишь благодаря раздѣлявшимъ эти два слоя куріальнымъ перегородкамъ. Какъ бы то ни было, Люэгеръ вѣрилъ въ христіанскую демократію и сталъ ея глашатаемъ. Онъ оттолкнулъ самымъ рѣшительнымъ образомъ всѣ аристократическіе элементы, равно какъ студенчество и интеллигенцію, отмежевался тѣмъ самымъ отъ ихъ дутаго національнзма и совершенно вытѣснилъ во всей Нижней Австріи сторонниковъ Шёнерера. Этотъ послѣдній отступилъ въ нѣмецкую Богемію, покинулъ лагерь рабочихъ, соединился тѣмъ тѣснѣе съ интеллигенціей и, въ качествѣ крайняго націоналиста, пріобрѣлъ въ этой подверженной „чешской опасности“ странѣ сильное вліяніе. Младочехи, смотрѣвшіе свысока на политическое „крохоборство“ старочеховъ, были также приверженцами всеобщаго избирательнаго права. Такимъ образомъ проектъ Таафе могъ разсчитывать на горячихъ сторонниковъ.

Консерваторы—и прежде всего графъ Гогенвартъ—были внѣ себя.

Имъ не хватало той политической дальнозоркости, которая позволила бы имъ понять все спасительное значеніе реформы Таафе для нихъ самихъ. Они чувствовали себя оскорбленными измѣной бюрократіи, пустившей въ ходъ ихъ же собственныя творенія—какъ они по крайней мѣрѣ полагали—противъ самихъ творцовъ. Они прозвали Таафе и министровъ якобинцами и правительственными революціонерами. Что за печальную картину представлялъ собою этотъ гибнущій классъ господъ, легкомысленно и гордо отвергающій кинутый ему спасательный канатъ! Консервативные федералисты объединились съ либеральными централистами, славянскіе клерикалы—съ нѣмецкими либералами, лишь бы не допустить проведенія реформы Таафе; во главѣ правленія стало коалиціонное министерство съ Виндишгрецомъ, Пленеромъ и Гогенвартомъ во главѣ (1893—1895) Въ теченіе двухъ лѣтъ пыталось оно оттянуть избирательную реформу и всячески замаскировать національныя противорѣчія, пока наконецъ не рухнуло съ позоромъ.

Въ теченіе этого періода и выработался пресловутый „болѣе рѣзкій тонъ“. Народный юморъ Люэгера, грубая рѣчь представителей мѣщанства, энергичныя выступленія младочеховъ въ залѣ самого парламента, и рабочія демонстраціи за его стѣнами, вдобавокъ невѣроятное духовное убожество коалиціонныхъ партій,— все это опредѣляло собою характеръ парламентскихъ работъ. Интерпелляціи и предложенія о спѣшности множатся все больше и больше, все шумнѣе становятся засѣданія законодательной палаты, и въ первый разъ, при сочувствіи общественнаго мнѣнія, въ томъ числѣ даже и нѣмецкой оппозиціи, младочехи переходятъ къ *обструкціи*, чтобы этимъ путемъ положить наконецъ предѣлъ прозябанію коалиціи. Виндишгрецъ палъ, и вмѣстѣ съ нимъ окончательно рухнуло вліяніе крупной буржуазіи и крупнаго землевладѣнія; они были морально уничтожены, хотя и сохранили еще въ лицѣ первыхъ двухъ курій свои старыя привилегіи.

Бадени взялся прежде всего за ликвидацію наслѣдія. Одинъ изъ его совѣтниковъ прекрасно понялъ, что демократическія партіи средняго сословія настолько тѣсно связаны съ „куріей пяти гульденовъ“, что всецѣло будутъ за ея сохраненіе, если только наряду съ ней будетъ создана еще одна, *общая* для всѣхъ избирателей курія. Это была полу-мѣра, но въ то время при ея помощи удалось болѣе или менѣе свести концы съ концами. Рабочій классъ былъ помѣщенъ въ особую „людскую“; но и тамъ онъ былъ не одинъ: въ его курію были введены и всѣ остальные классы, дабы такимъ образомъ и здѣсь оставить его въ меньшинствѣ. Правда, въ парламентъ были все-таки избраны 15 соціалдемократовъ, но при голосованіяхъ они почти не принимались въ разсчетъ. Хозяиномъ въ парламентѣ было мелкое бюргерство, благонамѣренно патріотическое и антиреволюціонное; оно получило возможность развернуться во-всю и

воспользовалось этой возможностью; въ результатѣ—парламентъ безнадежно сбился съ пути. При этомъ оно не переставало ссылатся на народную волю, такъ какъ его представители хотя и были въ своемъ большинствѣ избраны изъ среды куріи „четырехъ-гульденовыхъ“ избирателей (цензъ былъ пониженъ съ 5 до 4 гульденовъ), но объединили въ своей партіи и представителей пятой, общей куріи. Но представители трехъ курій (городской, куріи сельскихъ общинъ и пятой—общей) не имѣли между собой ничего общаго, кромѣ ходячихъ формулъ національнаго или антисемитизма; эти формулы однѣ только и являлись ферментомъ для образованія партій, и такимъ образомъ быстро сформировался рядъ чисто національныхъ партій, оставлявшихъ всѣ экономическіе вопросы совершенно въ тѣни. Каждая національная партія выступала со всѣмъ апломбомъ своего національнаго достоинства, отъ имени всего народа, опираясь на свой императивный мандатъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не согласная и не способная пожертвовать хотя бы частицею своихъ національныхъ преимуществъ во имя общаго блага. Всѣ свойства куріальной системы, которыя выше были подвергнуты анализу, обнаружились теперь въ полной мѣрѣ; они дошли до своего логическаго конца: на сценѣ остались лишь интересы отдѣльныхъ частей, непримиримые и несоединимые.

Бадени нужно большинство, и онъ вновь пускаетъ въ ходъ то самое luogo di trafico, которымъ пользовался Таафе. Но младочехи не довольствуются уже мелкими подачками, они ставятъ необходимымъ условіемъ для своего вступленія въ новый правый блокъ—открытыя, далеко идущія уступки о языкахъ. На почвѣ противоположнаго императивнаго мандата стоятъ нѣмцы: для нихъ такія уступки является недопустимыми. Всеобщая обструкція нѣмцевъ, поддержанная уличными выступленіями пролетаріата, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ призрачной реформой,—сметаетъ Бадени. Министерство Клари отмѣняетъ распоряженія о языкахъ,—нѣмецкую обструкцію смѣняетъ обструкція чеховъ; парламентъ парализованъ. *Кёрберъ* апеллируетъ къ хозяйственнымъ интересамъ различныхъ классовъ противъ чисто націоналистическаго парламента; но апелляція остается безуспѣшной: новые выборы 1901 г. даютъ въ своемъ результатѣ не классовую группировку, а опять тѣ же куріи. Тогда Кёрберъ прибѣгаетъ къ новому методу: къ національному veto. Въ парламентѣ должны впредь обсуждаться лишь такіе вопросы, противъкоторыхъ не заявляетъ отвода ни одна изъ крупныхъ національныхъ партій. Но это означаетъ: большинство можетъ функціонировать лишь тогда, когда это позволяетъ меньшинство; а это въ свою очередь значитъ: принципъ парламента превратился въ свою собственную противоположность.

Но что въ этомъ удивительнаго, разъ самая основа этого парламента представляетъ собою прямую противоположность народнаго представительства?

ибо представительство отдѣльныхъ интересовъ, интересовъ четырехъ сословій— это противоположность представительству общаго интереса, представительству интересовъ государства, какъ единаго цѣлаго.

Но въ формѣ veto всѣ національности на первыхъ порахъ добились въ *отрицательной* формѣ, признанія своего равноправія. Обструкція и veto оказались рычагомъ ихъ правового развитія, ихъ подъема, а для нѣмцевъ это означало даже обезпеченіе круга ихъ—довольно скудныхъ—національныхъ правъ. Такъ нашла себѣ осуществленіе оборотная сторона національной автономіи; это былъ окольный путь, полный жертвъ и опасностей и приведшій государственную власть къ утратѣ всего ея престижа. Демократическая единообразная организація парламента во всякое время обезпечила бы за экономическими, соціальными и собственно административными интересами возможность проявляться въ полной мѣрѣ и отвела бы имъ первенствующее мѣсто по сравненію съ національными интересами. Въ національной области проводились бы шагъ за шагомъ *положительныя* реформы, и такимъ образомъ была бы расчищена дорога для политической работы въ области экономическихъ вопросовъ и государственнаго управленія.

Консервативная мудрость оказалась такимъ образомъ претенціознымъ недомысліемъ. Государственные дѣятели хорошо сдѣлали бы, если бы не ставили свой собственный разумъ выше внутренней логики событій и не пытались въ наивномъ самомнѣніи перехитрить исторію. Она все же прокладываетъ себѣ дорогу; но это бываетъ въ такихъ случаяхъ окольный путь, полный безконечныхъ трудностей, страданій и смутъ. Человѣческое общество имѣетъ свой внутренній логическій строй; откройте ему помощью единообразной, демократической избирательной системы просторъ—и оно само проявитъ свой внутренній разумъ. Самое большое, что мы можемъ сдѣлать, это прислушаться къ его голосу и понять его.

Новый рейхсратъ и національности. Контуры будущей австрійской политики.

Единообразное всеобщее и прямое избирательное право, положившее въ 1905 г. конецъ злосчастной куріальной системѣ, не разрѣшаетъ еще само по себѣ національнаго вопроса ни въ странѣ, ни въ парламентѣ. Но оно должно въ корнѣ измѣнить всю политику австрійскихъ націй.

Одна крупная ошибка лежитъ въ основѣ той критики, которая раздается нынѣ по адресу австрійской избирательной реформы, въ томъ числѣ со стороны многихъ политиковъ новаго рейхсрата. Всѣ опасенія и многія надежды, связывающіяся съ этой реформой, огульно переносятъ прежнюю парламентскую

ситуацію, прежнюю тактику и прежнюю систему партійныхъ задачъ—на новую палату. *Старый* націонализмъ, все политическое *прошлое* страны, вся совокупность націоналистическихъ идеологій выступаетъ опять и ставитъ еще разъ въ полной силѣ старую антитезу. Всѣ представители славянскихъ націй—говорятъ намъ—должны совмѣстно противостать нѣмецкимъ и романскимъ депутатамъ. Или: всѣ нѣмецкіе и романскіе депутаты должны,—если только вообще желательно сохранить за государствомъ его историческій характеръ,—создать постоянный противовѣсъ славянамъ. Или, наконецъ: славяне должны соединиться съ романскими народами, чтобы совмѣстными силами выступить противъ стремленія нѣмцевъ къ господству. Во многихъ головахъ все ѣще живетъ, даже и въ новомъ рейхсратѣ, эта тройственная идея блока.

Всѣ эти три формулы заключаютъ въ себѣ одну общую ошибку: онѣ переносятъ традиціонныя формы въ кореннымъ образомъ обновленный парламентъ. Онѣ исходятъ изъ ложныхъ предпосылокъ и формулируютъ недостижимыя цѣли, а потому неправильны и утопичны. И въ новомъ рейхсратѣ онѣ уже не разъ обнаружили свое безсиліе.

Совершенно невозможно предположеніе, что когда-либо удастся еще разъ всю массу голосовъ какой-либо націи уложить въ рамки одной парламентской партіи, одного правительственнаго большинства. Это давно уже не имѣетъ мѣста ни у нѣмцевъ, ни у чеховъ, ни у поляковъ; теперь это становится невозможнымъ и въ средѣ самыхъ малыхъ націй. Изъ числа славянскихъ мандатовъ надо вычесть тридцать семь депутатскихъ мѣстъ, занятыхъ соціалдемократами, *которые никогда не могутъ выйти изъ рядовъ оппозиціи*, никогда не присоединятся къ славянскому правительственному блоку, какъ не присоединятся къ нѣмецко-романскому блоку засѣдающіе въ рейхсратѣ пятьдесятъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ. Уже это одно сводитъ на нѣтъ всѣ разсчеты на созданіе подобнаго рода блоковъ.

Столь же невозможнымъ является и второе предположеніе, что клерикальные и прогрессивные элементы двухъ наиболѣе дифференцированныхъ націй—нѣмцевъ и чеховъ—будутъ въ состояніи длительно оставаться въ рамкахъ одной общей партійной группы, одной правительственной партіи; еще вопросъ, способны ли на это клерикалы и прогрессисты даже въ средѣ малыхъ націй. Всеобщее избирательное право дѣйствуетъ какъ разъѣдающая кислота на всякаго рода неестественные союзы. И великій выигрышъ нѣмцевъ отъ избирательной реформы состоитъ именно въ томъ, что отнынѣ они уже не представляютъ собою единственную дифференцированную націю,—всѣ остальныя націи подобнымъ же образомъ распадаются на рядъ политическихъ фракцій.

Такъ какъ внутри курій политическія противоположности остаются въ тѣни, то борьба политическихъ міровоззрѣній для мелкихъ народностей

совершенно не существовала; теперь она уже даетъ себя знать въ парламентскихъ группировкахъ. Въ средѣ каждой, хотя бы самой мелкой народности стоятъ другъ противъ друга по меньшей мѣрѣ три противника: буржуазные консерваторы (клерикалы), буржуазные прогрессисты и соціалдемократы. Устраненіе національныхъ конфликтовъ изъ избирательной борьбы путемъ распредѣленія избирательныхъ округовъ сообразно съ національнымъ составомъ областей ведетъ къ тому, что обязательства, которыя берутъ на себя избираемые депутаты, относятся преимущественно къ области *экономической и политической* программы; чисто національные блоки становятся навсегда невозможными.

И въ-третьихъ, совершенно невозможнымъ является предположеніе, чтобы всѣ славянскіе или всѣ неславянскіе блоки могли объединиться между собою. Славянскіе, напримѣръ, не въ состояніи это сдѣлать, ибо русины никогда не могутъ идти рука объ руку съ поляками. Вовлечь въ какую бы то ни было комбинацію обѣ эти національности совершенно невозможно. Почти въ той же степени исключена возможность нѣмецко-романскаго блока. Ибо нѣмцы могутъ пойти рука объ руку съ итальянцами лишь тогда, если рѣшительно порвутъ со своими консервативными тирольскими соплеменниками.

Если ближе присмотрѣться ко всему этому, то нетрудно замѣтить, что *каждая нація*, желающая примкнуть къ другой, теряетъ чрезъ это *часть самой себя*. Если нѣмецкіе консерваторы изъ альпійскихъ областей сблизятся съ чехами, они оттолкнутъ отъ себя нѣмецкихъ прогрессистовъ; если чешскіе прогрессисты объединятся съ нѣмцами, они оттолкнуть отъ себя крайнихъ націоналистовъ въ своей собственной средѣ. Изъ среды поляковъ можетъ вступить въ союзъ съ нѣмцами лишь часть; ибо другая ненавидитъ нѣмцевъ изъ-за прусской политики въ польскомъ вопросѣ и предпочитаетъ имъ чеховъ. И такъ далѣе.

Такимъ образомъ, идея блока покоится на трехъ ложныхъ предпосылкахъ; и въ соціально-политическомъ, и въ національномъ отношеніи она совершенно несостоятельна. Столь же несостоятельна она и по своимъ цѣлямъ.

Панславистскій блокъ могъ бы служить лишь одной изъ двухъ цѣлей: либо стремленію ославянить Австрію, либо — подчинить ее клерикальному вліянію; блокъ неславянскихъ народностей могъ бы имѣть лишь одну цѣль — германизацію, или сохраненіе существующаго административнаго строя въ его традиціонныхъ формахъ.

Возможность повторенія эксперимента Бадени,—а къ этому сводится первая изъ вышеуказанныхъ цѣлей—исключена. И прежде всего благодаря той позиціи, которую занимаетъ пролетаріатъ.

Въ дѣлѣ отпора всякому иноплеменному владычеству, всякаго рода захватнымъ стремленіямъ, каждый можетъ смѣло положиться на пролетаріатъ. И рабочій способенъ защищать свое жилище. Но ничто въ мірѣ не можетъ побудить рабочаго протянуть свою руку къ плугу сосѣда, захотѣть власти надъ этимъ сосѣдомъ. Нападающій никогда не будетъ имѣть его на своей сторонѣ. Ибо нападеніе всегда въ концѣ концовъ безплодно, оно всегда означаетъ растрату силъ и влечетъ за собою только вредъ, только разрушеніе. Что досталось на долю нѣмцевъ въ результатѣ ихъ попытки добиться національнаго господства въ Цислейтаніи? —Военныя издержки проигранной кампаніи, и больше ничего! Таковъ же выигрышъ чеховъ отъ всей эпопеи Бадени.

Нѣмецкіе, чешскіе и польскіе рабочіе въ равной мѣрѣ отдаютъ себѣ въ этомъ отчетъ; они одинаково отвергаютъ ненужную гражданскую войну, разоряющую общую культурную почву безъ всякаго выигрыша для кого бы то ни было;—и потому для будущей австрійской политики естественной предпосылкой является слѣдующее положеніе: скомбинированныя большинства изъ нѣсколькихъ націй для подавленія другихъ націй никогда не могутъ разсчитывать на терпимое отношеніе къ нимъ соціалдемократіи; національныя большинства, являющіяся только національными, но не имѣющія никакой политической, экономической или соціальной основы, не опирающіяся поэтому ни на какой внутренній принципъ и представляющіе собою лишь клики завоевателей, создаваемыя путемъ механическаго сложенія голосовъ, всегда встрѣтятъ со стороны соціалдемократіи рѣшительный отпоръ. И этотъ отпоръ она окажетъ имъ не только въ формѣ парламентской оппозиціи, но—въ этомъ можно быть увѣреннымъ—не особенно задумываясь надъ выборомъ средствъ.

Такова была позиція польскихъ, чешскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ во времена Бадени, такова будетъ она и впредь. И уже это одно дѣлаетъ подобнаго рода политику блока на будущія времена невозможной, безнадежной; ибо она немыслима уже просто ариѳметически. Если бы славяне стояли предъ лицомъ германизаторскаго большинства, нѣмецкіе рабочіе были бы на ихъ сторонѣ. И если нѣмцамъ придется встрѣтиться съ панславистскимъ большинствомъ, они въ свою очередь могутъ разсчитывать на польскихъ, южнославянскихъ и чешскихъ рабочихъ. Печальная Одиссея націоналистическихъ блужданій въ погонѣ за господствомъ находитъ себѣ наконецъ въ новомъ рейхсратѣ рѣшительный предѣлъ.

Но столь же мало возможенъ впредь въ Австріи ярко выраженный клерикальный или анти-клерикальный блокъ. Ибо въ этой странѣ, гдѣ восемь націй, сдавленныхъ на тѣсномъ пространствѣ, прокладываютъ себѣ дорогу, все приноровлено къ тому, чтобы ни одинъ спеціальный интересъ не закрывалъ собою всѣ остальные—ни клерикальный, ни національный, ни соціальный.

Здѣсь все такъ переплелось, въ такой мѣрѣ обусловлено одно другимъ, что нѣтъ такой вещи, которая могла бы вырости до предѣловъ безусловнаго и безграничнаго, будь то даже и клерикализмъ. Христіанскіе соціалисты могли въ этомъ убѣдиться на опытѣ всѣхъ тѣхъ походовъ, которые они предпринимали противъ университетовъ.

Эта всесторонняя взаимо-обусловленность и тѣснота въ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ и характеризуетъ именно „новую ситуацію“ въ новомъ рейхсратѣ. Фактически она коренилась въ положеніи вещей еще со времени паденія Бадени; она только не проявлялась до сихъ поръ въ *положительной* формѣ.

Вѣна.

Rudolf Springer (Dr. Karl Renner).

НѢМЕЦКО-ЧЕШСКАЯ БОРЬБА.

I. Нѣмцы.

Нѣмцы составляютъ въ Австріи больше трети всего народонаселенія. Расположенная по обѣимъ сторонамъ Дуная сплошная область нѣмецкаго языка къ югу пересѣкаетъ Драву, верхнее теченіе Эчи и Эйзака, съ сѣвера захватываетъ южную часть Богеміи и Моравіи и облегаетъ населенную чехами территорію въ Богеміи, Моравіи и Силезіи широкой, кольцеобразной пограничной полосой, оставляя имъ проходъ только къ востоку, по направленію къ Галиціи и къ сѣверной Венгріи, населенной родственными имъ словаками. Кромѣ этой цѣльной территоріи, нѣмцы образуютъ и въ остальныхъ частяхъ Австрійской имперіи, многочисленные, нерѣдко очень значительные оазисы, которые, благодаря превосходнымъ средствамъ сообщенія, избѣгаютъ изолированности и усиливаютъ въ свою очередь значеніе и роль главнаго ядра нѣмецкаго населенія. Вообще нѣмцы встрѣчаются повсюду въ Австріи, и даже тамъ, гдѣ они живутъ въ незначительномъ количествѣ, какъ напримѣръ въ Далмаціи и Береговой Землѣ, они пользуются благодаря своему культурному и экономическому превосходству до вольно замѣтнымъ вліяніемъ.

Однако ареной національной борьбы между нѣмцами, славянами и романскими народностями является, собственно, не вся площадь австрійской монархіи.

Дѣло въ томъ, что національная проблема въ Австріи находится въ тѣсной внутренней связи съ процессомъ территоріальнаго роста австрійскаго государства. Австрія возникла, какъ извѣстно, въ 1526 г. въ результатѣ объединенія *альпійскихъ* областей, т. е. десяти нѣмецкихъ коронныхъ земель (Нижняя Австрія, Верхняя Австрія, Штирія, Каринтія, Крайна, Горица-Градишка, Тріестъ, Истрія, Тироль и Форарльбергъ [1]),—къ которымъ въ

[1]) Горица-Градишка, Тріестъ и Истрія образуютъ одну административную единицу подъ общимъ названіемъ Береговой Земли; Тироль и Форарльбергъ также имѣютъ одно общее административное управленіе.

началѣ XIX вѣка присоединилась область Зальцбургъ,—съ судетскими землями, т. е. тремя бывшими областями богемской короны (Богемія, Моравія и Силезія). Эти 14 коронныхъ земель, составляющихъ ядро австрійскаго государства, входили (за исключеніемъ небольшой части Истріи, принадлежавшей Венеціи) въ составъ старой Германской имперіи, все время раздѣляя съ ней ея судьбы, а послѣ Вѣнскаго конгресса (1815 г.) были членами Германскаго Союза. Такимъ образомъ *карпатскія* земли, т. е. Буковина и Галиція, равно какъ и Далмація, вошедшія въ составъ австрійскаго государства лишь въ концѣ XVIII вѣка, должны считаться по отношенію къ старой Австріи своего рода внѣшними землями (Aussenländer), ибо всегда находились внѣ сферы вліянія Германской имперіи и Германскаго Союза. И хотя пражскій миръ 23 августа 1866 г. порвалъ 900-лѣтнюю политическую связь и окончательно отдѣлилъ отъ Германіи старо-австрійскія провинціи, эти *„нѣмецкія наслѣдственныя земли“*, какъ ихъ когда-то называли, однако разрывъ этотъ не въ силахъ былъ парализовать историческое вліяніе нѣмецкаго духа, глубоко коренившагося во всей сущности австрійскаго государства.

Эта-то, такъ называемая старая Австрія—альпійскія и судетскія земли—съ ея исторической руководящей ролью и съ ея преобладающимъ нѣмецкимъ характеромъ и является главной ареной той ожесточенной племенной борьбы между нѣмцами, славянами и романскими народами, которая наложила свой рѣзкій отпечатокъ на всю новѣйшую исторію имперіи. Но и изъ среды славянъ не всѣ народности принимаютъ участіе въ этихъ распряхъ. Главными соперниками нѣмцевъ являются въ сущности одни лишь чехи и словенцы. И часто повторяемую фразу о вѣковой враждѣ между нѣмцами и славянами надо считать не только преувеличеніемъ, но—по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ Австріи—полнѣйшимъ абсурдомъ.

За исключеніемъ весьма небольшой части словенцевъ и хорватовъ, бывшихъ въ общеніи съ итальянской культурой, всѣ славяне подвергались безпрерывному вліянію нѣмецкой національности. Судетскія и альпійскія земли имѣли вплоть до 1848 года безусловно нѣмецкій характеръ; носительницей германизаціи являлась централистически настроеная нѣмецкая бюрократія, управлявшая всѣми провинціями, не исключая даже Галиціи и Буковины, на общихъ основаніяхъ съ нѣмецкими наслѣдственными землями. Во всѣхъ провинціяхъ Австріи (современной Цислейтаніи) политическія и финансовыя учрежденія пользовались исключительно нѣмецкимъ языкомъ. Также и судопроизводство было во всѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ исключительно нѣмецкое, за вычетомъ лишь южной части Тироля; и только въ Галиціи одновременно употреблялся и латинскій языкъ, а въ Далмаціи и Истріи — итальянскій.

Равнымъ образомъ и въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и во всѣхъ народныхъ школахъ (за исключеніемъ лишь итальянскихъ мѣстностей) преподаваніе велось всецѣло на нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ единичныхъ случаевъ, когда нѣкоторое мѣсто отводилось и латинскому языку.

Революція 1848 года впервые пробила брешь въ этомъ исключительномъ господствѣ нѣмецкаго языка. Правда, абсолютизмъ собрался еще разъ съ силами и пытался даже распространить свою централизаторскую политику и на венгерскія области. Но послѣ пораженій, понесенныхъ въ 1859 г. въ войнѣ съ итальянцами, корона измѣняетъ свою политику, и желая расположить всѣ не-нѣмецкія національности въ пользу политическаго единства государства, дѣлаетъ имъ все бо̀льшія уступки. Получивъ такимъ образомъ нѣкоторую свободу дѣйствій и окрѣпнувъ въ теченіе продолжительнаго мира, наступившаго послѣ освободительныхъ войнъ (1813—1815 г.г.) эти не-нѣмецкія національности воспользовались благопріятными для нихъ условіями и начали борьбу съ государственнымъ единствомъ и привилегированнымъ положеніемъ нѣмецкаго элемента въ монархіи. Съ даннаго момента взаимоотношенія между національностями всецѣло опредѣляются борьбой за право языка и за формы государственнаго устроенія. Царствовавшій въ довольно сильной степени и притомъ не въ однихъ лишь славянскихъ провинціяхъ областной сепаратизмъ принялъ теперь совершенно новыя формы и съ особенной энергіей выступилъ на авансцену политической жизни съ начала конституціонной эры. Подавить его было тѣмъ труднѣе, что и нѣмецкіе клерикалы являлись сторонниками широкой автономіи всѣхъ коронныхъ земель и въ союзѣ со славянскими *федералистами* энергично выступали противъ *централистовъ*. Подъ ихъ давленіемъ конституція 21 декабря 1867 г. вынуждена была оставить нетронутыми политическія особенности и историческія границы издревле существующихъ 17 областей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она провозгласила принципъ равноправія всѣхъ національностей и языковъ въ Австріи. Статья 19 названной конституціи гласитъ: „Всѣ народности государства равноправны, и каждая изъ нихъ пользуется неотъемлемымъ правомъ охранять и развивать свою національность и свой языкъ. Государство признаетъ равноправность всѣхъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ общественной жизни“.

Неудивительно, что едва только конституція вступила въ жизнь, какъ аттаки на централизаторскую систему, господствовавшую въ государственной и административной жизни, усилились, и борьба противъ гегемоніи нѣмецкаго языка въ офиціальныхъ учрежденіяхъ и въ высшей и средней школѣ приняла болѣе острыя формы.

И въ то время какъ положеніе другихъ національностей все болѣе улучшалось и ихъ мощь замѣтно возростала, вліяніе нѣмецкаго народа видимо ослабло и его національныя позиціи значительно пошатнулись.

Вынужденный благодаря неудачно сложившейся политической конъюнктурѣ опираться на содѣйствіе славянъ, Таафе дѣлалъ имъ всевозможныя уступки. Онъ далъ чехамъ возможность занять прочное положеніе въ богемскомъ ландтагѣ (1883); онъ расширилъ права чешскаго языка въ Богеміи, Моравіи и Силезіи и словенскаго въ Штиріи. Наряду съ этимъ онъ поддерживалъ культурныя стремленія чеховъ, создавъ для нихъ въ Прагѣ университетъ (1882) и значительно увеличивъ число ихъ среднихъ школъ. Къ внесеннымъ въ 1880 и 1886 гг. нѣмецкимъ законопроектамъ, имѣвшимъ цѣлью упорядочить употребленіе мѣстныхъ языковъ при сохраненіи нѣмецкаго въ качествѣ государственнаго языка, онъ отнесся отрицательно, и обѣ эти попытки закрѣпить законодательнымъ порядкомъ права нѣмецкаго языка потерпѣли полное фіаско. Но все же при Таафе нѣмецкій языкъ оставался еще по крайней мѣрѣ языкомъ внутренняго дѣлопроизводства. Бадени посягнулъ и на это національное право нѣмцевъ (1897 г.). Наконецъ, въ послѣднее время, когда въ Австріи было введено всеобщее избирательное право, нѣмцы получили самый чувствительный ударъ. Благодаря этой избирательной реформѣ, имъ пришлось очутиться въ парламентскомъ меньшинствѣ. Изъ общаго числа 516 мандатовъ нѣмцамъ предоставлено всего 233 мѣста или 45,1%. Раздробленные къ тому же на множество партій, нѣмцы лишены поэтому всякой возможности проводить въ парламентѣ свои рѣшенія, даже въ томъ случаѣ, если бы и нашлась какая-нибудь общая для всѣхъ нѣмецкихъ партій національная формула. И въ ландтагахъ положеніе нѣмцевъ, особенно со времени правительства Таафе, значительно ухудшилось. Въ чешскихъ областяхъ они окончательно утратили господство, несмотря на всю свою многочисленность и на свое экономическое и культурное превосходство.

Мы подходимъ здѣсь къ вопросу объ отношеніяхъ между этими двумя націями—нѣмцами и чехами—въ судетскихъ земляхъ.

Въ 1900 году было въ

Богеміи . . .	2.337.013	нѣмцевъ,	3.930.093	чеховъ.
Моравіи . . .	675.492	„	1.727.270	„
Силезіи . . .	296.571	„	146.265	„
Всего . .	3.309.076	нѣмцевъ и	5.803.628	чеховъ [1]).

[1]) Ср. ниже статью „Чехи“. Ред.

Нѣмцы оказываются здѣсь такимъ образомъ въ меньшинствѣ. Однако образуя въ общемъ довольно солидную цифру населенія, они въ силу одного этого, не говоря уже о высокомъ уровнѣ ихъ духовной и матеріальной культуры, являются внушительнымъ политическимъ факторомъ, имѣющимъ въ государственной жизни Австріи огромное значеніе. Въ судетскихъ земляхъ живетъ болѣе трети всѣхъ населяющихъ Австрію нѣмцевъ, которые несомнѣнно лишились бы своего доминирующаго положенія въ имперіи, если бы оставили на произволъ судьбы столь значительныя массы своихъ соплеменниковъ. Эти послѣдніе находятъ въ свою очередь въ нѣмецкомъ населеніи другихъ провинцій ту поддержку, которая имъ нужна для защиты своихъ національныхъ правъ. Солидарность всѣхъ австрійскихъ нѣмцевъ является поэтому для нихъ вопросомъ жизни. Этимъ и опредѣляется отношеніе нѣмцевъ къ выдвинутому чехами вопросу о богемскомъ государственномъ правѣ. Судетскіе нѣмцы—ярые централисты и съ крайнимъ упорствомъ борятся противъ стремленія чеховъ объединить Богемію, Моравію и Силезію въ отдѣльный государственный организмъ, ведущій самостоятельное существованіе въ предѣлахъ австрійской имперіи.

Впрочемъ, принципъ чешской исторической государственности противорѣчитъ интересамъ не однихъ только нѣмцевъ; онъ идетъ вразрѣзъ съ желаніями и всѣхъ остальныхъ австрійскихъ національностей. Русины, штирійскіе и каринтійскіе словенцы, истрійскіе хорваты и всѣ прочія народности являются принципіальными противниками богемскаго, какъ и всякаго иного „историческаго“ государственнаго права, такъ какъ возстановленіе государственной самостоятельности коронныхъ земель идетъ вразрѣзъ съ ихъ національными интересами и стремленіями. О сопротивленіе этихъ именно національностей и разбились въ свое время попытки чеховъ путемъ бойкота доказать незаконность рейхсрата (такъ называемая, пассивная оппозиція) и сорвать такимъ образомъ вѣнскій центральный парламентъ. Въ вѣнскомъ рейхсратѣ національныя меньшинства всегда видѣли убѣжище для слабыхъ и беззащитныхъ.

Даже въ рядахъ самихъ чеховъ нѣтъ уже прежняго единства въ этомъ вопросѣ. Такъ одинъ изъ вождей чешскаго движенія, *Grégr*, прямо заявилъ, что богемское государственное право само по себѣ, безъ наличности реальныхъ силъ, способныхъ его осуществить, „не стоитъ и понюшки табаку“. И врядъ ли кто-либо изъ чешскихъ политическихъ дѣятелей полагаетъ, что безъ согласія судетскихъ нѣмцевъ возможно добиться осуществленія богемскаго государственнаго права и королевскаго коронованія въ Богеміи. Нѣмцы же оказываютъ упорное сопротивленіе, преодолѣть которое нѣтъ возможности. Ихъ многочисленность, высокій уровень ихъ духовной

культуры, превосходство въ торговлѣ и крупной промышленности, наконецъ, ихъ солидарность,—все это даетъ имъ достаточно сильныя гарантіи противъ возстановленія богемскаго государственнаго права, которое они считаютъ, для себя по крайней мѣрѣ, равносильнымъ подчиненію иноплеменному игу.

Какъ бы то ни было, благодаря этой борьбѣ чехамъ удалось въ 1883 году сплотиться съ нѣкоторой частью представителей крупнаго землевладѣнія (съ консервативной, или такъ называемой феодальной аристократіей) и образовать, такимъ образомъ, въ богемскомъ ландтагѣ большинство. Очутившись въ положеніи меньшинства, тѣмъ болѣе тягостномъ, что одновременно съ этимъ ими былъ утраченъ перевѣсъ и въ городской куріи [1]), нѣмцы сразу лишились возможности добиться надлежащаго представительства въ комиссіяхъ ландтага, въ областной управѣ (Landesausschuss) [2]), и во всѣхъ административныхъ органахъ края. И если они все же получили впослѣдствіи нѣкоторое, хотя и довольно мизерное, представительство (изъ восьми членовъ Landesausschuss'a только двое—нѣмцы), то не въ силу своего права, а благодаря уступчивости землевладѣльческой куріи.

И во многихъ другихъ отношеніяхъ нѣмцамъ былъ нанесенъ чувствительный ущербъ. Такъ напримѣръ, образуя всего 37,27% населенія, они платятъ больше половины мѣстныхъ налоговъ, въ то время какъ расходныя статьи областного бюджета распредѣляются какъ разъ въ обратной пропорціи. Еще больше бьетъ въ глаза неравномѣрность при распредѣленіи должностей въ органахъ областного самоуправленія. Пропорціонально своей численности нѣмцы должны были бы занимать по меньшей мѣрѣ 421 должность съ годовымъ окладомъ въ 1.200.000 кронъ, чехи же — 632 съ окладомъ въ 1.800.000 кронъ. На дѣлѣ же число нѣмцевъ, принятыхъ на службу равняется всего 14, въ то время какъ чехамъ предоставлено 996 мѣстъ. И даже это незначительное количество нѣмцевъ было принято на службу тогда, когда въ ландтагѣ не господствовало еще нынѣшнее чешское большинство. Рука объ руку съ этимъ идетъ систематическое вытѣсненіе нѣмцевъ и изъ органовъ имперской администраціи края. Надо замѣтить, что наряду съ Нижней Австріей Богемія является наиболѣе налогоспособной провинціей имперіи. Изъ общей суммы налоговъ, вносимыхъ ею въ обще-имперскую казну, на долю нѣмцевъ падаетъ больше половины. Между тѣмъ изъ суммъ, затрачиваемыхъ государствомъ на Богемію, несо-

---

[1]) Богемская выборная система дѣлитъ избирателей на три класса или куріи: 1) крупное землевладѣніе, 2) городское населеніе (курія городовъ и торгово-промышленныхъ палатъ) и 3) сельское населеніе (курія сельскихъ общинъ).

[2]) Согласно богемской конституціи члены Landesausschuss'a выбираются частью отдѣльными куріями, частью всѣмъ ландтагомъ in pleno.

размѣрно большая часть приходится на долю чеховъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ изъ 24.700 имперскихъ чиновниковъ, находившихся въ 1903 году на службѣ въ Богеміи, нѣмцевъ было всего лишь 5.300, т. е. немногимъ больше $^1/_5$ всего числа, тогда какъ сообразно хотя бы съ численностью нѣмецкаго населенія на его долю должно было прійтись 10.117 чиновничьихъ должностей. Нѣмецкій народъ теряетъ, такимъ образомъ, круглымъ счетомъ 4.800 должностей съ ежегоднымъ содержаніемъ въ $10^1/_2$ милліоновъ кронъ. Въ чисто нѣмецкихъ областяхъ, гдѣ среди 2 слишкомъ милліоновъ нѣмцевъ живетъ лишь $1^1/_2$ процента иноязычнаго населенія, правительство содержитъ 2.685 чешскихъ чиновниковъ. Въ областяхъ же съ нѣмецкимъ меньшинствомъ интересы нѣмцевъ находятся въ пренебреженіи. Для иллюстраціи укажемъ хотя бы на пильзенскій судебный округъ. Нѣмцы составляютъ здѣсь третью часть населенія, держатъ въ своихъ рукахъ всю промышленность и все горное дѣло, а между тѣмъ въ окружномъ судѣ имѣются лишь два нѣмецкихъ члена суда, а въ податномъ управленіи всего одинъ нѣмецкій чиновникъ.

Такое непропорціональное распредѣленіе должностей наблюдается даже въ области церковныхъ дѣлъ. Управленіе католическими епархіями находится въ рукахъ чеховъ, весьма мало расположенныхъ заботиться о достаточномъ контингентѣ нѣмецкихъ священниковъ. Мы видимъ поэтому множество нѣмецкихъ общинъ, во главѣ которыхъ стоятъ чешскіе пастыри, враждебно настроенные по отношенію къ нѣмецкой національности.

Въ этомъ неравномѣрномъ распредѣленіи должностей коренится вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ той все возрастающей настойчивости, съ которой выдвигается требованіе *раздѣла* Богеміи на двѣ части или по крайней мѣрѣ національнаго расчлененія ея администраціи. Ибо вся эта масса чиновниковъ не склонна считаться съ дѣйствительными интересами того населенія, которое она должна обслуживать. Она считаетъ себя скорѣе призванной къ роли національнаго авангарда. Вслѣдствіе промышленнаго подъема въ нѣмецкой Богеміи наблюдается сильный притокъ чешскихъ рабочихъ, привлекаемыхъ въ эту область болѣе высокой заработной платой и болѣе благопріятными условіями жизни. Въ прежнія времена эти переселенцы усваивали нѣмецкій языкъ и въ этомъ смыслѣ ассимилировались съ мѣстнымъ населеніемъ. Въ настоящее время чехи стараются противодѣйствовать этому процессу, и чешскіе чиновники (а зачастую и священники) оказываютъ имъ въ этомъ отношеніи большія услуги. Они съ готовностью отдаютъ себя чешской пропагандѣ, конечная цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы, какъ выражаются чехи, „возвратить“ чешскому народу „онѣмеченную часть Богеміи“. Они-то и объединяютъ своихъ соплеменниковъ, ведутъ кампанію противъ посѣщенія существующихъ нѣмецкихъ школъ, агитируютъ за учрежденіе чеш-

скихъ учебныхъ заведеній и стимулируютъ всякаго рода національно-политическую дѣятельность. Понятно, что эти и имъ подобныя явленія вызываютъ со стороны нѣмецкаго населенія рѣшительное противодѣйствіе и приводятъ къ сильнѣйшимъ треніямъ.

Вопросъ о чиновничествѣ въ Богеміи стоитъ въ тѣсной связи съ обще-имперскимъ *вопросомъ о языкѣ*, и ясная постановка этого послѣдняго является, поэтому, совершенно необходимой. Въ сущности вопросъ объ употребленіи въ Австріи не-нѣмецкихъ языковъ въ *школѣ* и *общественной жизни* давно потерялъ свою остроту. Въ низшихъ и среднихъ школахъ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ почти повсюду, безъ всякихъ жалобъ съ чьей бы то ни было стороны. Почву для конфликтовъ создаетъ только требованіе чеховъ объ устройствѣ второго чешскаго университета, и неудовлетворенныя понынѣ желанія русинъ, словенцевъ и итальянцевъ, также стремящихся къ созданію своего университета; однако разрѣшеніе этихъ конфликтовъ врядъ ли представитъ особыя затрудненія. Пользованіе мѣстными языками въ общественной жизни также не подаетъ повода для жалобъ. Не упорядоченнымъ остается до сихъ поръ еще только одинъ вопросъ: *о языкѣ въ имперскихъ государственныхъ учрежденіяхъ и въ органахъ автономныхъ областей.*

Вотъ тотъ вопросъ, который подвергаетъ государство величайшимъ потрясеніямъ, и безъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго невозможенъ внутренній миръ. Въ силу существующихъ законовъ государственныя учрежденія обязаны употреблять въ сношеніяхъ съ публикой тотъ языкъ, на которомъ къ нимъ въ каждомъ данномъ случаѣ обращаются. Въ этомъ, такъ-называемомъ *„внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ“* (*„äusserer Dienstverkehr“*) повсюду допускаются, поэтому, всѣ признанные мѣстные (landesübliche) языки, но лишь въ предѣлахъ соотвѣтствующей территоріи („относительный служебный языкъ“ — какъ я это назвалъ). Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, т. е. тогда, когда съ публикой не приходится соприкасаться,—въ такъ называемомъ *„внутреннемъ дѣлопроизводствѣ“* (*„innerer Dienstverkehr“*) всѣ австрійскія учрежденія, за исключеніемъ Галиціи и нѣкоторыхъ итальянскихъ областей, должны по прежнему пользоваться нѣмецкимъ языкомъ: этотъ послѣдній является, такъ называемымъ „внутреннимъ служебнымъ языкомъ („innere Amtssprache“) во всѣхъ провинціяхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Германскаго Союза, и въ Буковинѣ. Такимъ образомъ, въ засѣданіяхъ всякаго рода судебныхъ и государственныхъ учрежденій или при сношеніяхъ начальника какого-нибудь вѣдомства со своими подчиненными, или, наконецъ, при сношеніяхъ одного вѣдомства съ другимъ—во всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ употребляться только нѣмецкій языкъ.

Какъ мы видимъ, область абсолютнаго господства нѣмецкаго языка довольно ограничена: на правахъ единственнаго языка онъ употребляется кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ еще лишь въ высшихъ имперскихъ учрежденіяхъ и въ арміи.

Противъ этихъ именно правъ нѣмецкаго языка постоянно возстаетъ большинство другихъ національностей, и прежде всего—чехи. И если нѣмцы оказываютъ этимъ планамъ самое рѣшительное противодѣйствіе и защищаютъ въ данномъ вопросѣ существующій порядокъ вещей, то побуждаетъ ихъ къ этому не одна лишь національная точка зрѣнія. По ихъ убѣжденію, вопросъ *о нѣмецкомъ языкѣ, какъ о всеобщемъ языкѣ правительственнаго дѣлопроизводства* (если уже не говорить о немъ, какъ о языкѣ *государственномъ*), самымъ неразрывнымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о государственномъ единствѣ Австріи вообще. Пусть исчезнетъ это связующее звено,—и государство неизбѣжно превратится въ плохо скрѣпленный конгломератъ различныхъ областей, не связанныхъ между собой ничѣмъ, кромѣ развѣ взаимной антипатіи. Пусть будетъ уничтожено это орудіе, помощью котораго восемь различныхъ народностей столковываются другъ съ другомъ и съ государственной властью,—и государственный механизмъ станетъ. Никакой другой языкъ, кромѣ нѣмецкаго не можетъ выполнить этой важной задачи.

Есть еще и другіе вопросы, въ которыхъ чехи расходятся съ нѣмцами. Ст. 19 основныхъ государственныхъ законовъ, устанавливающая равноправіе всѣхъ народностей, говоритъ лишь о „мѣстныхъ“ языкахъ, съ которыми и обязаны считаться государственныя учрежденія. Отсюда обыкновенно дѣлается тотъ выводъ, что въ присутственныхъ мѣстахъ допустимъ лишь тотъ языкъ, который считается „мѣстнымъ“ въ районѣ дѣятельности соотвѣтствующаго учрежденія. Нѣмцы, опираясь на законъ и на установившуюся съ незапамятныхъ временъ практику, утверждаютъ, что въ нѣмецкихъ областяхъ Богеміи чешскій языкъ не можетъ быть наряду съ нѣмецкимъ допущенъ въ судебныхъ мѣстахъ. Такъ же, какъ и въ чисто-нѣмецкихъ провинціяхъ здѣсь долженъ употребляться одинъ лишь нѣмецкій языкъ; при сношеніяхъ же съ лицами, принадлежащими къ иной націи, можетъ въ случаѣ надобности приглашаться переводчикъ *(территоріальный принципъ регулированія вопроса о языкахъ)*.

Конечно, въ качествѣ языка внутренняго дѣлопроизводства нѣмецкій языкъ долженъ быть сохраненъ также въ чешскихъ и смѣшанныхъ округахъ. Кромѣ того, при сношеніяхъ съ администраціей въ этихъ округахъ, какъ и въ Галиціи, каждому австрійскому гражданину должно быть предоставлено право пользоваться нѣмецкимъ языкомъ, какъ офиціально признаннымъ

во всей имперіи и понятнымъ повсюду; нельзя требовать отъ семи остальныхъ народностей, чтобы онѣ объяснялись на непонятномъ для нихъ чешскомъ языкѣ.

Такъ разсуждаютъ нѣмцы. Чехи же, съ своей стороны, отрицаютъ существованіе замкнутой нѣмецкой области, указывая на то, что и въ предѣлахъ соотвѣтствующихъ округовъ живетъ многочисленное чешское населеніе. Опираясь на иную интерпретацію закона, они требуютъ, чтобы всякій обитатель страны, не исключая, стало быть, и чеховъ, имѣлъ право на всемъ протяженіи „недѣлимаго королевства“ обращаться къ администраціи на родномъ языкѣ. Въ силу этого, чиновникамъ должно быть вмѣнено въ обязанность употреблять *во всей Богеміи,* какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ, тотъ или другой языкъ, смотря потому, на какомъ языкѣ къ нимъ обращаются. Вполнѣ послѣдовательно они требуютъ, чтобы въ предѣлахъ Богеміи могли получать доступъ къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ лишь тѣ чиновники, которые владѣютъ обоими мѣстными языками (*персональный принципъ регулированія вопроса о языкахъ*).

Между этими двумя позиціями была до сихъ поръ непроходимая пропасть. Правительства Таафе и Бадени считались съ точкой зрѣнія чеховъ и регулировали вопросъ о языкахъ въ Богеміи и Моравіи сообразно съ ихъ желаніями. Такъ называемое *Таафе-Штремайеровское* распоряженіе отъ 19 апрѣля 1880 г. возлагало на судебныя и политическія учрежденія всей Богеміи, (стало быть и нѣмецкой области ея) равно какъ и Моравіи, обязанность употреблять тотъ или другой изъ двухъ мѣстныхъ языковъ, въ зависимости отъ того, на какомъ языкѣ изложено дѣло просителя. Но распоряженіе министерства *Бадени* отъ 5/22 апрѣля 1897 г. шло еще значительно дальше. Всѣ безъ исключенія учрежденія Богеміи и Моравіи обязывались отнынѣ изготовлять направляемыя заинтересованнымъ лицамъ резолюціи и заключенія на томъ изъ двухъ мѣстныхъ языковъ, на которомъ эти лица изложили устно или письменно свое дѣло. Болѣе того, въ зависимости отъ языка просителя долженъ былъ опредѣляться также и языкъ внутренняго дѣлопроизводства. На правахъ единственнаго языка внутренняго дѣлопроизводства, нѣмецкій оставлялся лишь въ казначействахъ, въ виду контроля центральныхъ учрежденій, которому подлежало ихъ счетоводство, затѣмъ въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ, и, наконецъ, въ государственныхъ фабрикахъ и предпріятіяхъ (*innerste* deutsche Amtsprache). Съ другой стороны было отдано распоряженіе о томъ, что начиная съ 1 іюля 1901 г., всѣ вновь поступающіе на государственную службу чиновники обязаны владѣть обоими мѣстными языками—письменно и въ устной рѣчи,—о чемъ и предписывается удостовѣряться при пріемѣ ихъ на службу.

Послѣ ожесточенной борьбы нѣмцамъ удалось свергнуть Бадени и вмѣстѣ

съ тѣмъ аннулировать его распоряженіе о языкахъ. Но распоряженіе Таафе осталось въ силѣ. Правда, нѣмецкій языкъ считается по прежнему языкомъ внутренняго дѣлопроизводства и въ чешскихъ округахъ, но на основаніи распоряженія 19 апрѣля 1880 г. дѣлаются повторныя попытки пробиться въ чисто-нѣмецкіе округа и водворить въ нихъ чешскій языкъ и чешское чиновничество.

Правы ли однако чехи, утверждая что замкнутой области нѣмецкаго языка не существуетъ, что вся Богемія сплошь представляетъ собой пеструю по своему національному составу область? Статистика даетъ на это исчерпывающій отвѣтъ.

Сообразно съ территоріальнымъ разселеніемъ обѣихъ народностей здѣсь слѣдуетъ различать три полосы. Первая—это именно замкнутая *область нѣмецкаго языка*. Какъ уже выше сказано, она образуетъ сплошную, цѣльную территорію, лежащую вдоль рубежа страны и насчитывающую большее количество жителей, чѣмъ нѣмецкія провинціи Штирія, Зальцбургъ и Каринтія, вмѣстѣ взятыя; она охватываетъ 71 округъ (изъ 221 судебнаго округа, имѣвшагося въ Богеміи въ 1902 году), и на протяженіи этихъ округовъ чехи не составляютъ и 5% всего населенія. Нѣмецкій характеръ этихъ округовъ такъ ярко выраженъ, что въ девяти изъ нихъ чехи не составляютъ даже и 0,1%,—одинъ чехъ приходится лишь на тысячу жителей. Въ округѣ Себастіансбергъ чеховъ вообще нѣтъ; въ Ашѣ на 36.083 чел. приходится всего 3 чеха; въ Граслицѣ изъ 32.966—лишь 8 заявили себя принадлежащими къ чешской націи. Въ 41 округѣ чешское населеніе составляетъ менѣе 1 процента, въ 55 округахъ—менѣе 3 процентовъ.

Вторая полоса—чешская—охватываетъ 108 округовъ. Здѣсь нѣмцы въ свою очередь составляютъ менѣе 5% всего населенія.

Наконецъ, существуетъ еще *смѣшанная область*, обнимающая 42 округа. Изъ нихъ въ 19-ти округахъ преобладаетъ нѣмецкое, а въ 23-хъ—чешское населеніе. Если не примѣнять строгаго масштаба и смѣшанными округами считать лишь такіе, въ которыхъ иноязычное населеніе достигаетъ 20%, то таковыхъ окажется всего только 20;—10 съ нѣмецкимъ и 10 съ чешскимъ большинствомъ.

Эти три различныхъ пояса получаются въ результатѣ того раздѣленія округовъ, которое было произведено въ свое время для административныхъ цѣлей. По существу же области нѣмецкаго и чешскаго языка поддаются такому отчетливому разграниченію, что могли бы образовать двѣ сплошныя, замкнутыя территоріи; ибо смѣшанныя общины встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ. Путемъ *національнаго размежеванія административныхъ округовъ* объ области можно было бы такъ рѣзко разграничить въ на-

ціональномъ отношеніи, что округовъ со смѣшаннымъ населеніемъ осталось бы ничтожное количество. Надо было бы только реализовать тотъ принципъ, въ силу котораго административные округа должны составляться изъ общинъ одной и той же національности. Вотъ почему нѣтъ никакихъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы вопросъ о языкахъ въ имперскихъ, а затѣмъ и въ областныхъ автономныхъ учрежденіяхъ регулировался такъ, какъ этого желаютъ нѣмцы, территоріально; иначе говоря, въ зависимости отъ того, какой языкъ является господствующимъ въ данной административной единицѣ. „Равноправіе національностей“ этимъ отнюдь не было бы нарушено, ибо эта, такъ называемая *одноязычная равноправность* (einsprachige Gleichberechtigung) была бы полезна и для чеховъ.

Уже для того одного, чтобы нѣмецкіе кандидаты на государственныя должности не были вынуждены въ полномъ составѣ эмигрировать въ чистонѣмецкія провинціи, ихъ соотечественникамъ приходится отстаивать въ вопросѣ о языкахъ территоріальный принципъ. Они могутъ въ данномъ случаѣ привести въ свою пользу весьма вѣское свидѣтельство человѣка, слова котораго понынѣ пользуются величайшимъ престижемъ. Вотъ что писалъ въ 1850 г. Karl Hawliczek: „Національность означаетъ у насъ слѣдующее: *тамъ, гдѣ живетъ нашъ народъ*, правительство должно быть чешскимъ; и въ администраціи, и въ судебныхъ установленіяхъ, и во всей общественной жизни, повсюду долженъ употребляться нашъ родной языкъ. Слова „тамъ, гдѣ живетъ нашъ народъ“ мы понимаемъ самымъ лойяльнымъ образомъ. Мы требуемъ, чтобы при административномъ распредѣленіи округовъ національности были извѣстнымъ образомъ территоіально округлены. И руководясь этимъ принципомъ, мы предоставляемъ управленіе тѣми мѣстностями Богеміи, гдѣ нѣмцы живутъ компактными группами, самимъ же нѣмцамъ“. А отъ чеховъ, переселяющихся въ нѣмецкія области, Hawliczek требовалъ, „чтобы они говорили на языкѣ своей новой родины и подчинялись обычаямъ, которыя господствуютъ въ ней“ (Nar. Nov. 13 IV 49).

И дѣйствительно, начиная съ 1848 г. и вплоть до 1886 г., во всѣхъ своихъ публичныхъ заявленіяхъ, законопроектахъ и докладныхъ запискахъ чехи иначе и не представляли себѣ равноправія языковъ. Если же впослѣдствіи они отказались отъ этой точки зрѣнія, то произошло это въ связи съ тѣми національными треніями, которыя нашли себѣ мѣсто въ пограничной полосѣ, гдѣ соприкасаются между собою національныя территоріи, и въ смѣшанныхъ округахъ.

Здѣсь каждая община становится ареной непрестанныхъ столкновеній. Всевозможными средствами, путемъ самой интенсивной національной пропаганды, стараются оба враждующихъ лагеря укрѣпить позиціи своихъ сопле-

менниковъ въ подверженныхъ опасности мѣстахъ. Типичнымъ примѣромъ можетъ послужить борьба за городъ Требницъ. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ чехи стремятся имъ овладѣть. Чтобы какъ нибудь заполнить четвертый классъ мѣстной чешской школы, они съ огромнымъ трудомъ устроили здѣсь колонію изъ 35 дѣтей-сиротъ, привезенныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Стараются они дѣйствовать такъ же путемъ созданія новыхъ гимназій и реальныхъ училищъ, учреждаемыхъ въ нѣмецкихъ городахъ, особенно въ Моравіи; въ результатѣ чего нѣмцы съ своей стороны требуютъ — до сихъ поръ, впрочемъ, безуспѣшно—изданія такого закона, который поставилъ бы устройство новыхъ учебныхъ заведеній (за исключеніемъ народныхъ школъ) въ зависимость отъ согласія органовъ общиннаго самоуправленія. Настойчивые въ своемъ натискѣ, обладая болѣе рѣзко выраженнымъ національнымъ самосознаніемъ, опираясь на экономическую борьбу, (о которой будетъ еще рѣчь впереди), чехи оказались въ силахъ упрочиться въ нѣкоторыхъ, нѣкогда чисто-нѣмецкихъ мѣстностяхъ и совершенно лишить цѣлый рядъ смѣшанныхъ общинъ ихъ прежняго нѣмецкаго характера. Въ общемъ и цѣломъ ихъ усилія однако безплодны; измѣненія въ позиціяхъ обѣихъ національностей ничтожны, и скорѣе даже болѣе благопріятны для нѣмцевъ, возмѣщающихъ тѣ потери, которыя они несутъ въ смѣшанныхъ округахъ, болѣе интенсивнымъ развитіемъ чисто нѣмецкихъ областей. Объясняется это, главнымъ образомъ, неодинаковымъ уровнемъ промышленнаго развитія нѣмецкихъ и чешскихъ мѣстностей и—въ связи съ этимъ—различіемъ въ ростѣ народонаселенія тѣхъ и другихъ.

Австрія далеко ушла впередъ по пути превращенія въ промышленную страну. Въ 1900 году на каждую тысячу человѣкъ мѣстнаго населенія, занятыхъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ приходилось 324, а занятыхъ въ торговлѣ и промышленности—526. Значительная убыль сельскаго элемента падаетъ преимущественно на долю нѣмецкихъ округовъ; въ нихъ норма сельско-хозяйственнаго населенія составляетъ 249 на тысячу, въ то время какъ норма занятыхъ въ торговлѣ и промышленности—647; въ чешскихъ же округахъ соотвѣтствующія цифры составляютъ 405 и 468 (а если не считать Праги, то даже 473 и 416). Этотъ болѣе высокій уровень промышленнаго развитія сказывается въ большей густотѣ населенія нѣмецкихъ округовъ,—за десятилѣтіе, предшествовавшее послѣдней народной переписи оно здѣсь и возросло сильнѣе, чѣмъ въ чешскихъ округахъ;—проявляется оно и въ томъ, что большинство крупныхъ городовъ относится къ числу нѣмецкихъ. И дѣйствительно, переходъ отъ аграрнаго уклада къ промышленному произошелъ, главнымъ образомъ, въ районѣ нѣмецкой Богеміи. Здѣсь преимущественно и сосредоточивается цвѣтущая крупная промышленность, спо-

собная прокормить значительное количество населенія. Здѣсь болѣе высокъ уровень заработной платы, здѣсь вообще лучшія условія существованія, дѣйствующія съ огромной притягательной силой на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Характерно, что за десятилѣтіе отъ 1890—1900 г. въ чешской части Богеміи—аграрной по преимуществу—въ 31 округѣ населеніе уменьшилось, тогда какъ изъ нѣмецкихъ округовъ всего только 6 понесли этого рода потерю.

Бѣгство изъ деревни въ городъ—явленіе, которое повсюду сопровождаетъ собой развитіе промышленности. И въ этомъ переселенческомъ движеніи чешское населеніе принимаетъ несравненно большее участіе, чѣмъ нѣмецкое. По всей Австріи замѣчается уменьшеніе коренного населенія по сравненію съ пришлымъ (австрійскія общины насчитываютъ въ среднемъ 35% пришлаго населенія; въ большихъ городахъ эта норма доходитъ даже до 38%), и въ результатѣ этого процесса, около милліона лицъ чешскаго происхожденія живетъ частью въ нѣмецкой Богеміи, частью въ Нижней Австріи и другихъ нѣмецкихъ областяхъ. Потери, которыя понесли чешскія области въ процессѣ взаимнаго обмѣна населеніемъ съ нѣмецкими округами, выражаются цифрой въ 800.000 человѣкъ. Изъ нихъ подавляющее большинство навсегда потеряно для чешскаго народа. Конечно это результатъ продолжительной эволюціи. Но если даже взять десятилѣтіе отъ 1890—1900 г., то увидимъ слѣдующее. Въ 1900 году въ Вѣнѣ насчитывалось 304.563 лица, родившихся въ чешскихъ округахъ Богеміи и Моравіи. Изъ нихъ лишь одна четверть признала своимъ обиходнымъ языкомъ чешскій; остальная масса причисляетъ себя къ нѣмецкой національности. Попытки оказать этому ассимиляціонному процессу противодѣйствіе не имѣютъ шансовъ на успѣхъ; требованіе чеховъ объ учрежденіи въ столицѣ казенныхъ чешскихъ школъ имперскій судъ не удовлетворилъ, немногочисленныя же частныя учебныя заведенія не въ состояніи надолго задержать процессъ онѣмеченія. Больше шансовъ на успѣхъ имѣютъ попытки задержать процессъ поглощенія чешскихъ иммигрантовъ въ нѣмецкихъ областяхъ Богеміи. Здѣсь итогъ переселенческаго движенія выразился въ 1900 г. — за вычетомъ заграничной эмиграціи—въ приростѣ, круглымъ счетомъ, въ 145.000 душъ; изъ этого числа ассимилировалось приблизительно двѣ трети, такъ какъ только 56.481 вновь прибывшихъ признали своимъ языкомъ чешскій.

Для чешскихъ политиковъ эта убыль населенія, на которую они смотрятъ какъ на національную потерю, составляетъ постоянный предметъ величайшихъ заботъ. Въ противовѣсъ угрожающей чехамъ германизаціи создаются спеціальные союзы, ведется политическая агитація. Въ качествѣ вспомогательныхъ средствъ въ этой борьбѣ выдвигается: обязательное употребленіе обоихъ языковъ въ управленіи, чешское чиновничество, національная школа и даже

особый законъ, запрещающій нѣмецкимъ школамъ принимать чешскихъ дѣтей. Естественно, что съ особенной страстностью національная борьба разгорается вокругъ такъ-называемыхъ *школъ національныхъ меньшинствъ* (Minoritätsschulen). Среди пришлыхъ чешскихъ рабочихъ ведется агитація противъ отдачи дѣтей въ нѣмецкія школы. Между вновь прибывшимъ и кореннымъ населеніемъ возникаетъ на этой почвѣ уродливая „борьба за дѣтей“. Стремленіе меньшинства основать національныя школы вызываетъ сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны большинства населенія, тѣмъ болѣе, что новые поселенцы по большей части не имѣютъ ни намѣренія, ни возможности прочно осѣсть на новомъ мѣстѣ, такъ какъ, въ зависимости отъ конъюнктуры, имъ часто приходится либо возвращаться на старое мѣстожительство, либо отправляться въ поискахъ работы за границу. Обыкновенно эта борьба кончается побѣдой иноязычныхъ рабочихъ и учрежденіемъ желаемыхъ „школъ меньшинства“, подрывающихъ традиціонно-національный характеръ данной общины и подготовляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ почву для введенія чешскаго служебнаго языка и для созданія штата чешскихъ чиновниковъ. Вдобавокъ содержаніе этихъ школъ падаетъ налоговымъ бременемъ на коренное населеніе, и легко себѣ представить, сколько горечи это вызываетъ въ его средѣ.

Картина господствующихъ въ Богеміи и Моравіи національныхъ отношеній была бы не полна, если бы мы не упомянули также о существующемъ между обѣими національностями экономическомъ антагонизмѣ. Постоянная *экономическая война* еще болѣе увеличиваетъ пролегающую между ними пропасть. Войну эту чехи возвели въ цѣлую систему. Подъ девизомъ „svûj k svému“ они уже цѣлыя десятилѣтія проповѣдуютъ экономическій бойкотъ по отношенію къ нѣмцамъ. Этому бойкоту нѣмцы обязаны потерею многихъ національныхъ позицій, такъ какъ страхъ предъ экономическимъ разореніемъ нерѣдко парализуетъ силу отпора національнымъ стремленіямъ чеховъ. Съ неутомимымъ постоянствомъ идетъ укрѣпленіе экономическихъ позицій чеховъ насчетъ другихъ національностей Богеміи и Моравіи. Стоитъ только областной управѣ или какому-либо богемскому муниципальному органу при раздачѣ общественныхъ работъ сдѣлать тотъ или иной заказъ нѣмцамъ, чтобы встрѣтить рѣшительное сопротивленіе со стороны чеховъ. Такимъ образомъ чехамъ сплошь да рядомъ удается избавиться отъ нѣмецкой конкуренціи и создать мало-по-малу свою національную промышленность.

Въ результатѣ всего этого все громче и все неудержимѣе раздается кличъ „Los von den Tschechen“. Національное чувство, подобно религіозному, не терпитъ угнетенія. И чтобы въ удовлетвореніи своихъ культурныхъ потребностей не быть въ зависимости отъ милости противниковъ, нѣмцы требуютъ введенія *„національной автономіи“*.

Всѣ убѣждены, что миръ и покой въ странѣ наступятъ снова лишь тогда, когда площадь тренія между обѣими національностями будетъ доведена до минимума, когда каждая изъ нихъ—поскольку это возможно безъ полнаго уничтоженія общей связи—сама будетъ распоряжаться своими судьбами. Такимъ путемъ, нѣмцы пришли къ требованію *національныхъ курій* въ ландтагѣ и Landesausschuss'ѣ и къ требованію административнаго *раздѣленія Богеміи на двѣ части.*

Въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ объ институтѣ, который не трудно приспособить къ существующему въ Богеміи строю, и который чехи, до завоеванія ими политической власти въ странѣ, сами предлагали въ своихъ собственныхъ интересахъ. Вмѣсто нынѣшняго раздѣленія на куріи городовъ (и торговыхъ палатъ) и сельскихъ общинъ должно быть введено раздѣленіе на нѣмецкую и чешскую куріи, на основѣ которыхъ и должны происходить всѣ тѣ выборы, которые производятся теперь въ рамкахъ существующихъ курій. Сверхъ того, вопросы, затрагивающіе какіе-нибудь важные національные интересы, должны рѣшаться не большинствомъ голосовъ, а обѣими національными куріями въ отдѣльности; для принятія рѣшенія требуется обоюдное согласіе. Далѣе, всѣ культурныя дѣла, какъ школьное дѣло и всякаго рода учрежденія для содѣйствія литературѣ, искусствамъ и наукамъ, должны вѣдаться каждой національностью самостоятельно. Но за то и всѣ соотвѣтствующіе расходы, а стало быть, и расходы по содержанію школъ національныхъ меньшинствъ, должны покрываться изъ собственныхъ средствъ каждой данной націи, въ то время какъ теперь вносимые нѣмцами налоги расходуются, къ ихъ крайнему возмущенію, на поднятіе культурнаго уровня ихъ національныхъ противниковъ. Нѣмцы требуютъ вообще полнаго раздѣленія бюджета; мотивомъ служитъ въ данномъ случаѣ та эксплуатація, которой они подвергаются въ пользу чеховъ вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія налоговаго бремени; надо замѣтить, что чешскій лозунгъ „svůj k svému", въ свою очередь означаетъ подобное же размежеваніе въ хозяйственной области.

Далѣе, нѣмцы требуютъ послѣдовательно проведеннаго раздѣленія на національныя секціи высшихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, включая сюда и Landesausschuss, затѣмъ—децентрализаціи какъ имперскаго, такъ и автономнаго управленія Богеміи

Настоящее положеніе вещей, при которомъ всѣ дѣла сосредоточены въ Прагѣ, благопріятствуетъ непомѣрному росту чешскаго вліянія, какъ въ политическихъ, такъ и въ національныхъ вопросахъ. Въ виду этого, нѣмцы требуютъ раздѣленія провинціи на *округа* (приблизительно отъ 10—14) со своими особыми органами управленія, которые должны служить промежуточной инстанціей между намѣстничествомъ и Landesausschuss'омъ съ одной сто-

роны, и органами участковаго управленія (Bezirksbehörden)—съ другой. Всѣ эти округа (за исключеніемъ—двухъ смѣшанныхъ) должны составляться изъ участковъ, совершенно однородныхъ въ національномъ отношеніи. Отъ органовъ участковаго управленія дѣла должны направляться не въ высшія инстанціи, находящіяся въ Прагѣ, а предварительно къ органамъ окружного управленія, а эти послѣдніе должны быть во многихъ отношеніяхъ подчинены, минуя Прагу, непосредственно вѣнскому центральному правительству. Наконецъ, для увѣнчанія зданія, въ каждой изъ отдѣленныхъ такимъ образомъ другъ отъ друга областей, равно какъ и въ завѣдующихъ каждою изъ нихъ секціяхъ высшаго управленія провинціи должны быть созданы самостоятельныя національныя корпораціи чиновниковъ, такъ чтобы въ нѣмецкихъ округахъ и въ нѣмецкихъ секціяхъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ провинціи на службу допускались одни только нѣмцы. Осуществленіе изложенной здѣсь реформы управленія дало бы каждой націи возможность свободно и полно развернуть свою національную жизнь.

Не разъ уже дѣлались попытки уладить раздѣляющія обѣ національности разногласія.

Разъ—это было въ 1890 г.—къ мирному разрѣшенію спора, казалось, подошли уже вплотную. Въ январѣ этого года состоялись, при содѣйствіи министерства Таафе, переговоры между представителями обоихъ національныхъ лагерей. Было достигнуто соглашеніе, и правительство дало ему свою санкцію. Это, такъ-называемое, *богемское соглашеніе* заключало въ себѣ слѣдующіе пункты. Наряду съ сохраняемой по прежнему куріей крупныхъ землевладѣльцевъ, мѣсто остальныхъ двухъ курій—городовъ и сельскихъ общинъ—должны были занять національныя куріи чешскихъ и нѣмецкихъ депутатовъ. Куріи эти получали, между прочимъ, право налагать свое *veto* на всѣ тѣ рѣшенія ландтага, которыя затрагиваютъ порядокъ управленія провинціей, систему выборовъ въ ландтагъ и употребленіе языковъ въ школѣ, управленіи и общественной жизни. Для обезпеченія крупнымъ нѣмецкимъ землевладѣльцамъ надлежащаго представительства въ ландтагѣ, землевладѣльческая курія должна была быть раздѣлена на территоріально обособленныя избирательныя коллегіи. Такимъ путемъ за нѣмцами была бы обезпечена треть всѣхъ падающихъ на долю крупнаго землевладѣнія депутатскихъ мѣстъ. Кромѣ того имѣлась въ виду реформа избирательнаго закона для городовъ и торговыхъ палатъ, какъ и для сельскихъ общинъ.

Перекроены должны были быть также судебные участки и округа, такъ чтобы каждый изъ нихъ представлялъ по мѣрѣ возможности однородное въ національномъ отношеніи цѣлое.

По окончаніи этого новаго раздѣленія должно было подвергнуться пере-

смотру распоряженіе о языкахъ отъ 19 апрѣля 1880 г. Въ вопросѣ о чиновникахъ было достигнуто, покрайней мѣрѣ, частичное соглашеніе. Въ высшемъ судѣ (Oberlandesgericht) въ Прагѣ—судебное учрежденіе второй инстанціи—15 должностей членовъ суда (изъ общаго числа 41) было предоставлено нѣмцамъ; при замѣщеніи этихъ должностей отмѣнялось требованіе обязательнаго знанія чешскаго языка. Эти же 15 членовъ суда должны были выполнять функціи дисциплинарной комисіи по отношенію къ судамъ, дѣйствующимъ въ нѣмецкихъ округахъ. При замѣщеніи должностей въ судебныхъ учрежденіяхъ первой инстанціи знаніе обоихъ мѣстныхъ языковъ впредь уже не должно было быть безусловно обязательно. Судебнымъ властямъ предоставлялось при назначеніи чиновниковъ, канцелярскаго персонала и служителей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сообразоваться съ характеромъ той должности, о замѣщеніи которой идетъ рѣчь. Поэтому, въ нѣмецкихъ областяхъ знаніе чешскаго языка оставалось обязательнымъ только для нѣкоторыхъ судебныхъ должностей и, притомъ лишь постольку, поскольку это обусловливалось бы интересами веденія чешскихъ дѣлъ.

Для устраненія національныхъ треній въ школьномъ дѣлѣ, предполагалось раздѣлить на двѣ національныя секціи областной училищный совѣтъ. По отношенію къ такъ называемымъ „школамъ національныхъ меньшинствъ“ было установлено, что таковыя должны учреждаться лишь въ томъ случаѣ, когда ходатайствующіе о томъ родители живутъ въ данной общинѣ не менѣе 5, а при большемъ количествѣ нуждающихся въ этихъ школахъ дѣтей,—не менѣе 3 лѣтъ.

Наконецъ, для огражденія интересовъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ рѣшено было раздѣлить на національныя секціи областной сельско-хозяйственный совѣтъ (Landeskulturrat). Рѣшено было вмѣстѣ съ тѣмъ при распредѣленіи имперскихъ и областныхъ субсидій для развитія сельскаго хозяйства руководиться относительной цифрой населенія и суммой вносимыхъ каждой изъ двухъ національностей налоговъ.

На основаніи этого соглашенія и были раздѣлены на національныя секціи областные органы училищнаго управленія, высшій судъ и сельскохозяйственный совѣтъ. Остальные пункты не были осуществлены благодаря обструкціи младочешской партіи въ ландтагѣ и сопротивленію чешскихъ избирателей, провалившихъ на выборахъ иниціаторовъ соглашенія. Нѣмцы же отнюдь не отказались отъ своихъ національныхъ требованій; въ ландтагѣ они находятся въ рѣзкой оппозиціи, не останавливаясь предъ самыми рѣшительными мѣрами до обструкціи включительно.

Положеніе нѣмцевъ въ *Моравіи* совсѣмъ иное, нежели въ Богеміи. Сплошная область нѣмецкаго языка—притомъ гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ

въ Богеміи—имѣется здѣсь лишь въ сѣверной и южной полосѣ провинціи. На западѣ сравнительно крупныя массы нѣмцевъ сосредоточены въ Иглаускомъ и Брюннскомъ оазисахъ и въ округѣ Шёнгенгстъ. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, нѣмцы разсѣяны повсюду среди славянъ. Всѣ крупные нѣмецкіе города Моравіи,—эти носители ея исторической культуры,—расположены либо въ предѣлахъ чешскихъ областей, либо на границѣ послѣднихъ. Нѣмцы представляютъ собою наиболѣе образованную, предпріимчивую и налогоспособную часть населенія. Въ ихъ рукахъ находится всецѣло крупная промышленность Моравіи, и несмотря на то, что они составляютъ лишь 28 процентовъ населенія, на ихъ долю падаетъ бо̀льшая половина всѣхъ вносимыхъ въ провинціи налоговъ. До послѣдняго времени они оказывали рѣшающее вліяніе на судьбы провинціи, располагая въ союзѣ съ либеральными крупными землевладѣльцами вплоть до 1906 года большинствомъ въ ландтагѣ. И тѣмъ не менѣе они не въ состояніи были удержать за собой въ полной мѣрѣ свои національныя позиціи. О томъ, какъ на почвѣ этихъ отношеній создалось такъ-называемое моравское соглашеніе, мы еще будемъ говорить ниже.

Въ послѣдней изъ трехъ судетскихъ провинцій, *Силезіи*, нѣмцы составляютъ почти половину населенія и безраздѣльно господствуютъ въ управленіи страной. Однако и здѣсь они нѣсколько отступаютъ подъ натискомъ чеховъ и поляковъ.

Результаты національной борьбы въ остальныхъ провинціяхъ вкратцѣ таковы. Въ Штиріи и Каринтіи нѣмецкій элементъ усилился на счетъ словенцевъ, въ Тиролѣ—на счетъ итальянцевъ. Въ Буковинѣ нѣмцы также идутъ впередъ быстрымъ шагомъ. Въ Галиціи и Крайнѣ ихъ и безъ того слабая позиція еще болѣе ухудшилась. Въ Береговой Землѣ распространенію нѣмецкаго языка благопріятствуетъ растущая торговая и промышленная дѣятельность, равно какъ и усилившееся передвиженіе населенія.

Данныя народныхъ переписей во всякомъ случаѣ показываютъ, что за вычетомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, хотя и тяжкихъ потерь, нѣмецкая народность въ общемъ и цѣломъ удержала за собою свои національныя владѣнія. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ возникшимъ въ самыя тяжелыя для нѣмцевъ времена—въ правленіе министерства Таафе и позже—союзамъ національной обороны. Нѣмецкій школьный союзъ былъ основанъ уже въ 1880 году. Вслѣдъ за нимъ возникли и другія національныя организаціи—какъ союзъ нѣмцевъ въ Богеміи, союзъ „Богемскаго лѣса“, союзы сѣверо-моравскихъ и южно-моравскихъ нѣмцевъ и др., — цѣлью которыхъ является основаніе нѣмецкихъ школъ, дѣтскихъ садовъ и поднятіе уровня экономической дѣятельности въ отсталыхъ нѣмецкихъ областяхъ.

О томъ, какую роль играетъ нѣмецкій элементъ въ государственной жизни страны, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя.

Въ 1904 г. на долю нѣмцевъ приходилось: студентовъ въ университетахъ—43,9%, студентовъ высшихъ техническихъ школъ—45,5%, воспитанниковъ коммерческихъ школъ—63%, учениковъ гимназій—38,5%, реальныхъ училищъ—48%, воспитанниковъ учительскихъ институтовъ—39,4%, все цифры, далеко превосходящія норму нѣмецкаго населенія, равняющуюся всего 35,70%.

Литературная, художественная и научная дѣятельность нѣмцевъ также превосходитъ и количественно и качественно дѣятельность всѣхъ остальныхъ національностей, вмѣстѣ взятыхъ; нѣмецкая періодическая пресса составляла 60 процентовъ всего того, что издавалось въ 1906 г.

По своей профессіональной структурѣ нѣмцы обнаруживаютъ наиболѣе сильное развитіе промышленной и вообще городской жизни. По даннымъ профессіональной статистики за 1906 годъ нѣмцы составляли среди занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ всего только—22,4%; за то среди занятыхъ въ промышленности ихъ число равнялось 50%; въ торговой дѣятельности—51%; въ либеральныхъ профессіяхъ (чиновники, адвокаты, врачи и т. д.)—40%.

Сумма вносимыхъ нѣмцами налоговъ превосходитъ сумму налоговъ, уплачиваемыхъ всѣми остальными національностями, вмѣстѣ взятыми; они вносятъ по меньшей мѣрѣ 55%, (по другимъ даннымъ—68%) всѣхъ государственныхъ налоговъ.

И въ отбываніи воинской повинности нѣмцы принимаютъ также гораздо бо́льшее участіе, чѣмъ любая другая національность. Въ общей австро-венгерской арміи нѣмцевъ насчитывается—29%, хотя они составляютъ всего лишь 24,9% населенія обѣихъ частей имперіи, вмѣстѣ взятыхъ. Характерно, что въ артиллеріи они составляютъ 40%, а въ саперныхъ и желѣзнодорожныхъ полкахъ—50%.

И несмотря на все это, къ концу XIX вѣка политическое вліяніе нѣмцевъ все болѣе падаетъ. Характерно, что лишь при помощи такого крайняго средства, какимъ является парламентская обструкція, нѣмцы были въ состояніи хотя бы только задержать напоръ славянъ. Для того, чтобы на будущее время оградить по мѣрѣ возможности свои національные интересы въ кабинетѣ министровъ, нѣмцы вынуждены были въ послѣднее время послѣдовать примѣру поляковъ и чеховъ, которые давно уже имѣютъ здѣсь свое представительство въ лицѣ особаго національнаго министра (безъ портфеля; такъ наз. Landsmannminister). Но и нѣмецкій національный министръ не въ состояніи вернуть нѣмцамъ ускользающую изъ ихъ рукъ власть. Поэтому часть нѣмецкаго народа всецѣло связываетъ свои надежды на возстановленіе

и укрѣпленіе своей исторической позиціи съ измѣненіемъ существующаго государственнаго порядка.

На этой точкѣ зрѣнія (она формулирована въ программѣ, принятой въ Линцѣ и названной по имени этого города), стоятъ нѣмецкія національныя партіи — всенѣмецкая, нѣмецко-радикальная и нѣмецкая народная партія. Въ духѣ историческаго развитія Австріи, эти партіи стремятся къ сплоченію въ одно политическое цѣлое тѣхъ коронныхъ земель, которыя нѣкогда принадлежали къ Германскому Союзу, и въ связи съ этимъ — *къ политическому обособленію Галиціи и Буковины.* Между Австріей и двумя названными „внѣшними“ землями было бы тогда установлено отношеніе, аналогичное тому, какое существуетъ нынѣ между Венгріей и Кроаціей. Представители Галиціи и Буковины не имѣли бы въ рейхсратѣ права принимать участіе въ обсужденіи и голосованіи вопросовъ, касающихся исключительно судетскихъ и альпійскихъ провинцій.

Въ этой заново устроенной Австріи (за вычетомъ двухъ названныхъ провинцій), господствовалъ бы нѣмецкій государственный языкъ. Затѣмъ, теперешнее отношеніе къ Венгріи должно было бы,—этого требуетъ по крайней мѣрѣ программа всенѣмецкой и нѣмецко-радикальной партіи — замѣниться личной уніей, а между Австріей и Германской имперіей долженъ быть заключенъ таможенный союзъ. Конечно, если эта программа осуществится, то 8,8 милліоновъ нѣмцевъ будутъ представлять собой лишь незначительное большинство по отношенію ко всей массѣ славянскихъ и романскихъ народностей. Но этого большинства все же будетъ достаточно, чтобы надолго обезпечить преобладаніе нѣмцевъ надъ остальными австрійскими національностями—чехами, словенцами, сербо-хорватами, итальянцами и 220.000 поляковъ въ Силезіи.

Хотя въ послѣднее время часть поляковъ (вліятельная *національно-демократическая* партія) также ставитъ въ центрѣ своей программы измѣненіе государственно-правовыхъ отношеній между Галиціей и всѣмъ австрійскимъ государствомъ, — тѣмъ не менѣе, при нормальномъ развитіи политическихъ отношеній, осуществленіе очерченной выше программы встрѣчаетъ на своемъ пути и очень непреодолимыя препятствія.

Впрочемъ, значительное большинство нѣмцевъ разсчитываетъ на созданіе *прочнаго національнаго правопорядка* въ предѣлахъ существующаго государственнаго строя. Въ наиболѣе тягостное для нѣмецкой націи время большинство нѣмецко-буржуазныхъ партій сошлось на общей платформѣ національныхъ реформъ въ рамкахъ существующей конституціи. Основныя черты этой платформы выражены въ такъ наз. „Троицкой“ программѣ (принятой 20 мая 1899 г., на Троицу; отсюда названіе ея—Pfingstprogramm).

Такъ какъ существованіе единаго государства и сильнаго центральнаго парламента зависитъ въ числѣ прочаго и отъ того, въ какой степени окажутъ ему поддержку не-нѣмецкія національности, то новая программа, направленная противъ стремленій разрушить старыя провинціи, и консервативная по своему существу, вынуждена—по крайней мѣрѣ въ принципѣ—искать опоры въ средѣ поляковъ и чеховъ. Къ сожалѣнію, эти послѣдніе все еще оказываютъ сопротивленіе реформамъ, которыя являются безусловно необходимыми для сохраненія существующаго государственнаго порядка.

Исходя изъ того положенія, что исключительная историческая роль нѣмцевъ, высокій уровень ихъ культуры и высокая норма уплачиваемыхъ ими налоговъ даетъ имъ право требовать подобающаго ихъ значенію почетнаго мѣста, программа 20 мая формулируетъ рядъ требованій, берущихъ за исходную точку существующее положеніе вещей.

Программа требуетъ прежде всего рѣшительнаго отказа отъ системы, въ силу которой уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій притязанія всѣхъ другихъ національностей удовлетворяются за счетъ нѣмецкаго народа. Подчеркивая вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣмцы желаютъ сохраненія существующей конституціи и государственнаго единства, программа требуетъ, чтобы „представленныя въ рейхсратѣ королевства и земли“ получили, наконецъ,—неупотребительное донынѣ—*офиціальное* наименованіе „Австрія“. Такъ какъ вытѣсненіе нѣмецкаго элемента и борьба за право языка не можетъ не отразиться на состояніи арміи, на ея духѣ, дисциплинѣ и боевой готовности, то программа считаетъ далѣе безусловно необходимымъ болѣе тщательное и планомѣрное культивированіе въ арміи нѣмецкаго языка. Затѣмъ, въ виду того обособленнаго и самостоятельнаго положенія, которое занимаетъ Галиція въ своихъ національныхъ дѣлахъ, программа требуетъ того же и для нѣмецкаго народа: она желаетъ огражденія нѣмецкой націи отъ недопустимаго вмѣшательства въ ея національную жизнь и содѣйствія духовному и культурному общенію ея съ Германіей. Союзъ съ Германской имперіей долженъ оставаться неразрывнымъ; съ остальными континентальными державами надо сплотиться возможно тѣснѣе въ экономическомъ отношеніи. Всѣ эти требованія опредѣляются въ заключеніе, какъ минимумъ, безусловно необходимый для существованія нѣмецкой національности въ Австріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для сохраненія самаго государства, судьба котораго неразрывно связана съ судьбой нѣмецкаго населенія имперіи.

Переходя къ тѣмъ общимъ принципамъ, на основаніи которыхъ долженъ регулироваться вопросъ о языкахъ, программа требуетъ прежде всего установленія прочнаго правового порядка въ этой области; для этого необходимо отмѣнить всѣ существующія распоряженія о языкахъ, опредѣлить законода-

тельнымъ порядкомъ сферу употребленія обще-имперскаго языка и установить языкъ внѣшняго и внутренняго дѣлопроизводства въ отдѣльныхъ областяхъ имперіи. Обще-имперскимъ языкомъ въ Австріи долженъ быть, какъ и до сихъ поръ, нѣмецкій. Это — языкъ рейхсрата и всѣхъ государственныхъ актовъ и документовъ, къ его дѣламъ относящихся, языкъ министерствъ, высшихъ судебныхъ установленій и всѣхъ другихъ центральныхъ учрежденій. Всѣ эти государственные органы должны вести свои дѣла и официальныя сношенія съ остальными органами на нѣмецкомъ языкѣ. Далѣе, въ извѣстныхъ отрасляхъ управленія, какъ то въ военномъ дѣлѣ, въ государственномъ контролѣ, почтово-телеграфной и желѣзнодорожной службѣ, также устанавливается во всей безъ изъятія Австріи нѣмецкій языкъ.

Во всѣхъ вообще государственныхъ учрежденіяхъ языкомъ внутренняго дѣлопроизводства долженъ быть также нѣмецкій; таково общее правило, изъ котораго наряду съ изъятіями, уже дѣлающимися для итальянскаго и польскаго языковъ, можетъ быть при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлано исключеніе также и для чешскаго языка, однако лишь въ проектирующихся чисто-чешскихъ округахъ Богеміи. Что касается внѣшнихъ служебныхъ сношеній, то въ провинціяхъ и областяхъ, признанныхъ одноязычными, они должны вестись на мѣстномъ языкѣ. Такъ, нѣмецкій языкъ долженъ употребляться, въ качествѣ языка внѣшняго дѣлопроизводства, въ Нижней и Верхней Австріи, въ Зальцбургѣ, нѣмецкомъ Тиролѣ, Форарльбергѣ, въ судебныхъ округахъ Граца и Леобена въ Штиріи, въ нѣмецкихъ округахъ Богеміи и въ нѣмецкихъ участкахъ Каринтіи и Силезіи; итальянскій языкъ—въ итальянскомъ Тиролѣ, а чешскій — при извѣстныхъ условіяхъ — въ чешскихъ округахъ Богеміи. Въ тѣхъ же провинціяхъ и областяхъ, гдѣ населеніе смѣшано по своему національному составу, и интересы различныхъ націй требуютъ веденія внѣшняго дѣлопроизводства на двухъ языкахъ, должна быть введена система двухъ равноправныхъ языковъ. Такой порядокъ долженъ быть установленъ въ Моравіи, Крайнѣ и смѣшанныхъ областяхъ Богеміи.

Далѣе, въ тѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ нѣмецкій языкъ пользуется преобладающимъ значеніемъ, но гдѣ въ то же время распространены и другіе языки, — для упорядоченія отношеній между ними должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры. Такія условія существуютъ въ смѣшанныхъ округахъ Силезіи, Каринтіи и въ судебныхъ округахъ Цилли и Марбургъ въ Штиріи.

Всѣ государственные чиновники должны владѣть нѣмецкимъ языкомъ какъ въ письмѣ, такъ и въ устной рѣчи. Экзамены на судебныя и административныя должности, на званіе нотаріуса и присяжнаго повѣреннаго также должны, — по крайней мѣрѣ, отчасти — сдаваться на нѣмецкомъ

языкѣ. Въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ кандидатовъ на государственную службу должны быть приняты соотвѣтствующія мѣры для изученія этого языка.

Священнослужителями въ нѣмецкихъ приходахъ должны быть нѣмецкіе священники. Въ виду этого, въ епархіяхъ, включающихъ въ себя различныя по своему національному составу области, должны быть учреждены для нѣмецкихъ приходовъ особыя нѣмецкія семинаріи. Въ смѣшанныхъ приходахъ долженъ быть обезпеченъ достаточный штатъ нѣмецкихъ священниковъ.

Переходя къ спеціальнымъ вопросамъ объ отдѣльныхъ провинціяхъ, программа требуетъ для Богеміи реформы управленія, урегулированія вопроса о чиновникахъ и языкахъ и введенія національныхъ курій въ ландтагѣ и Landesausschuss'ѣ въ духѣ выше развитыхъ основныхъ положеній. По вопросу о расходахъ на народное образованіе программа предлагаетъ, чтобы каждая національность имѣла для покрытія этихъ издержекъ свой собственный бюджетъ. Далѣе, въ вопросѣ о языкахъ, которые должны употребляться органами автономныхъ учрежденій, предполагается, что за исключеніемъ Landesausschuss'а, ведущаго дѣла на обоихъ языкахъ, каждый органъ областного самоуправленія Богеміи самъ опредѣляетъ языкъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ служебныхъ сношеній, и потому не можетъ быть принуждаемъ принимать просьбы, вести и рѣшать дѣла на какомъ-либо другомъ языкѣ. Въ Прагѣ и ея предмѣстьяхъ должны употребляться на равныхъ началахъ оба языка. Наконецъ, по вопросу о школахъ національныхъ меньшинствъ, программа выставляетъ требованіе, чтобы издержки ихъ покрывались каждой данной національностью изъ ея областного школьнаго фонда, и чтобы въ одноязычныхъ областяхъ такія школы не могли учреждаться безъ согласія соотвѣтствующей общины.

Пункты программы, касающіеся *Тироля*, всецѣло воздаютъ должное итальянскому характеру его южной части, и предоставляютъ ей при соблюденіи извѣстныхъ условій достаточно широкое самоуправленіе.

Для *Моравіи* также проектируется по возможности полное національное размежеваніе судебныхъ, политическихъ и податныхъ округовъ. Однако тѣ органы имперскаго управленія, дѣйствіе которыхъ распространяется на всю провинцію, должны оставаться нераздѣльными. Строго должно быть проведено національное раздѣленіе школьной администраціи во всѣхъ ея инстанціяхъ. Траты на школьное образованіе регулируются такимъ образомъ, что изъ общаго бюджета провинціи обѣимъ національностямъ ежегодно выдѣляются для цѣлей образованія опредѣленныя доли, устанавливаемыя въ извѣстной пропорціи по обоюдному соглашенію. Изъ доли соотвѣтствующей національности покрываются также издержки на устройство и содержаніе школъ національнаго меньшинства.

Кромѣ народныхъ школъ, всякія иныя учебныя заведенія могутъ учреждаться только съ согласія соотвѣтствующей общины.

Свое избирательное право обѣ національности осуществляютъ обособлено одна отъ другой, въ рамкахъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ и чешскихъ избирательныхъ округовъ. Депутаты городовъ, торговыхъ палатъ и сельскихъ общинъ въ ландтагѣ раздѣляются на національныя куріи, которымъ предоставляется право veto во всѣхъ вопросахъ, затрагивающихъ важные интересы одной изъ обѣихъ національностей. Языкъ областныхъ и мѣстныхъ органовъ центральнаго правительства регулируется по способу, указанному выше. Въ чисто-нѣмецкихъ округахъ, поскольку они существуютъ уже теперь и будутъ еще созданы впредь путемъ національнаго размежеванія, на службу въ имперскихъ учрежденіяхъ принимаются исключительно нѣмецкіе чиновники. Автономныя же учрежденія за исключеніемъ центральныхъ органовъ областнаго управленія вполнѣ самостоятельно устанавливаютъ языкъ своего внутренняго и внѣшняго дѣлопроизводства. Принимать прошенія, заявленія и проч. они обязаны на обоихъ языкахъ, но вести свое дѣлопроизводство всѣ они, за исключеніемъ Landesausschuss'a, имѣютъ право и на одномъ лишь своемъ языкѣ.

Въ *Крайнѣ* программа требуетъ огражденія нѣмецкихъ интересовъ отъ всякаго рода посягательствъ со стороны администраціи, созданія достаточнаго количества нѣмецкихъ школъ съ нѣмецкими учителями, подъ надзоромъ нѣмецкихъ же инспекторовъ и, наконецъ, полнаго равноправія обоихъ мѣстныхъ языковъ.

По отношенію къ *Штиріи*, *Каринтіи* и *Силезіи* программа заключаетъ цѣлый рядъ предложеній. Стремясь къ сохраненію нѣмецкаго характера названныхъ провинцій, эти пункты программы все же предоставляютъ извѣстныя права языку славянскихъ національностей, хотя лишь въ предѣлахъ занимаемыхъ ими округовъ.

Въ *Буковинѣ* за нѣмецкимъ языкомъ должно сохраниться и упрочиться его нынѣшнее господствующее положеніе въ судебномъ вѣдомствѣ, органахъ гражданскаго управленія и въ школьномъ дѣлѣ.

Здѣсь не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе этой нѣмецкой программы. Подробнѣе всего въ ней разработаны пункты, касающіеся Богеміи. И въ одномъ существенномъ вопросѣ уже удалось сломить противодѣйствіе чеховъ. Мы имѣемъ въ виду національное разграниченіе избирательныхъ округовъ, проведенное самымъ тщательнымъ образомъ во время послѣдней избирательной реформы и вполнѣ оправдавшее себя при недавнихъ выборахъ въ рейхсратъ. Дальнѣйшее примѣненіе того же принципа къ выборамъ въ ландтагъ и проведеніе его въ области гражданскаго управленія врядъ ли заставить себя долго ждать.

Въ родственной Богеміи провинціи Моравіи недавно (въ ноябрѣ 1905 г.) состоялось, наконецъ, національное соглашеніе, осуществившее многіе пункты Троицкой программы.

Какъ уже было отмѣчено выше, въ этой провинціи нѣмцы, будучи въ меньшинствѣ, но опираясь на либеральные элементы въ средѣ крупнаго землевладѣнія, играли доминирующую роль. Своимъ главенствующимъ положеніемъ они пользовались съ выдержкой и тактомъ. Видя, что въ связи съ культурнымъ и политическимъ подъемомъ, наблюдающимся въ средѣ иноплеменныхъ элементовъ, близится моментъ, когда перевѣсъ окажется на сторонѣ этихъ послѣднихъ и ихъ союзниковъ—консервативнаго крупнаго землевладѣнія,—нѣмцы рѣшились заблаговременно отказаться отъ своего единодержавія и взамѣнъ этого добиться обезпеченія своихъ національныхъ интересовъ;—актъ предусмотрительности, котораго не совершили въ свое время богемскіе нѣмцы въ эпоху своего преобладанія въ странѣ.

По состоявшемуся между нѣмцами и чехами Моравіи *соглашенію 27 ноября 1905 года*, къ существующимъ куріямъ была присоединена еще одна—курія всеобщаго избирательнаго права, а количество чешскихъ мандатовъ (изъ куріи городовъ, сельскихъ общинъ и всеобщей куріи), съ одной стороны, и мандатовъ консервативныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, съ другой,—было разсчитано такимъ образомъ, что чехамъ для большинства не хватало всего только трехъ голосовъ. Въ союзѣ съ консервативными крупными землевладѣльцами, всегда къ нимъ близко стоявшими, и съ двумя моравскими епископами чехи располагаютъ однако прочнымъ большинствомъ въ ландтагѣ. Съ другой стороны, для обезпеченія нѣмцевъ отъ всякаго рода попытокъ майоризаціи были введены національныя куріи, которымъ предоставлено производство выборовъ въ комисіи ландтага, въ моравскій Landesausschuss и въ центральные органы всякаго рода областныхъ учрежденій; въ этомъ же духѣ былъ формулированъ еще цѣлый рядъ пунктовъ краевого законодательства. Для рѣшенія вопросовъ, затрагивающихъ существенные національно-политическіе интересы, требуется, если не согласіе каждой куріи въ отдѣльности, то, во всякомъ случаѣ, квалифицированное большинство, которое безъ нѣмцевъ обыкновенно не можетъ составиться. Кромѣ того, спеціально оговорено равноправіе нѣмецкаго языка въ дѣлопроизводствѣ ландтага. Изъ восьми мѣстъ засѣдателей (Beisitzerstellen) въ моравскомъ Landesausschuss'ѣ нѣмцамъ обезпечены два. Въ союзѣ съ представителями либеральнаго землевладѣнія нѣмцы имѣютъ поэтому возможность провалить направленныя противъ нихъ предложенія, въ крайнемъ случаѣ путемъ простого выхода изъ зала засѣданія; ибо для законныхъ постановленій Landesausschuss'а требуется присутствіе не менѣе 6-ти членовъ. Раздѣленіе Landesausschuss'а на двѣ національныя

секціи проведено постольку, поскольку доклады по нѣмецкимъ дѣламъ дѣлаются нѣмцами и поскольку имъ же предоставлено исключительное право назначенія учительскаго, чиновничьяго и служебнаго персонала въ нѣмецкихъ учрежденіяхъ. Чтобы нѣмецкіе кандидаты на государственныя должности не оказывались обойденными, законъ обязываетъ Landesausschuss при назначеніи чиновниковъ считаться съ численнымъ соотношеніемъ обѣихъ національностей въ странѣ. Для выборовъ въ ландтагъ было сдѣлано нововведеніе, которое не только сыграло большую службу въ дѣлѣ установленія національнаго мира въ Моравіи, но и обѣщаетъ послужить поучительнымъ примѣромъ для другихъ провинцій. До сихъ поръ нѣмцы и чехи были соединены въ общихъ избирательныхъ округахъ и вели между собою на выборахъ борьбу не на жизнь, а на смерть; — теперь они выбираютъ совершенно отдѣльно. Каждая нація порознь посылаетъ извѣстное количество — установленное закономъ — приходящихся на ея долю депутатовъ; каждая образуетъ рядъ отдѣльныхъ *національныхъ избирательныхъ* округовъ. Этотъ избирательный модусъ принятъ также и для выборовъ моравскихъ депутатовъ въ рейхсратъ и базируетъ на особомъ національномъ кадастрѣ, регистрирующемъ избирателей каждой національности въ отдѣльности.

Составленіе этого кадастра произошло слѣдующимъ образомъ. Вслѣдъ за вступленіемъ въ силу новаго закона о выборахъ въ ландтагъ была предпринята предварительная перепись всѣхъ избирателей (кромѣ крупныхъ землевладѣльцевъ) по ихъ принадлежности къ той или другой изъ двухъ живущихъ въ Моравіи націй. Перепись эта производилась муниципалитетами, и въ основу ея были положены избирательные списки послѣднихъ коммунальныхъ выборовъ.

Смотря по принадлежности къ той или другой національности, чешской или нѣмецкой, избиратели заносились въ два отдѣльныхъ національныхъ списка. Для провѣрки этихъ списковъ былъ установленъ спеціальный порядокъ. Каждый зарегистрированный избиратель могъ лично или черезъ своего уполномоченнаго сдѣлать заявленіе о томъ, что онъ записанъ въ данный списокъ ошибочно и желаетъ, чтобы его имя было перенесено въ другой списокъ. Для этого онъ долженъ былъ собственноручно вписать свое имя въ списокъ той національности, къ которой онъ считаетъ себя принадлежащимъ. Въ этомъ случаѣ никакія мѣры, направленныя къ аннулированію его заявленія, не могли уже имѣть мѣста. Внесеніе избирателя въ тотъ или иной списокъ могло быть опротестовано также и любымъ избирателемъ, занесеннымъ въ тотъ же списокъ. Въ такомъ случаѣ, президентъ общины долженъ былъ провѣрить протестъ и, если онъ оказывался основательнымъ, сдѣлать требующееся исправленіе; противъ его рѣшенія можно было апеллировать къ высшимъ инстан-

ціямъ. По истеченіи срока, назначеннаго для подачи заявленій, президентъ общины долженъ былъ представить списки ближайшей административной инстанціи и сообщить ей о всѣхъ неуваженныхъ имъ заявленіяхъ и о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые вызываютъ какія-либо сомнѣнія. Но еще и послѣ этого каждый избиратель могъ въ теченіе восьми дней подать заявленіе въ областныя правительственныя учрежденія о той или другой неправильности записи. Указанные административные органы тщательно провѣряютъ по имѣющимся даннымъ національные списки и, сдѣлавши распоряженіе о необходимыхъ исправленіяхъ, возвращаютъ списки президентамъ общинъ, которые затѣмъ публикуютъ ихъ вторично.

На основѣ этого кадастра и были составлены избирательные списки для первыхъ имперскихъ выборовъ, состоявшихся послѣ вступленія въ законную силу новыхъ правилъ о выборахъ въ ландтагъ. Для урегулированія другихъ національно-правовыхъ отношеній кадастръ этотъ отнюдь не можетъ служить исходной точкой. Содержащіяся въ немъ записи не могутъ явиться юридическимъ основаніемъ для опротестованія или признанія за кѣмъ-либо избирательнаго права; также не могутъ служить онѣ основаніемъ для установленія принадлежности къ той или иной національности при выборахъ въ ландтагъ.

Вслѣдъ за назначеніемъ выборовъ въ ландтагъ составляются списки избирателей. Списки куріи крупныхъ землевладѣльцевъ изготовляются намѣстникомъ; списки же городской куріи, куріи сельскихъ общинъ и общей изготовляются отдѣльно для каждой національной коллегіи президентами общинъ. Каждый гражданинъ, пользующійся избирательнымъ правомъ, можетъ опять-таки заявить о неправильномъ внесеніи въ данный списокъ его самого или какого-либо другого избирателя.

На основѣ этихъ правилъ выборы были уже однажды проведены, не давъ повода ни къ какимъ жалобамъ.

Наконецъ, національное размежеваніе было проведено также и въ органахъ школьной администраціи. Съ этой цѣлью въ тѣхъ общинахъ, гдѣ имѣются и нѣмецкія, и чешскія школы, но гдѣ нѣтъ возможности разграничить ихъ территоріально, учреждается для каждой національности отдѣльный училищный совѣтъ. Нѣмецкіе общинные училищные совѣты подчинены нѣмецкимъ же окружнымъ совѣтамъ, чешскіе—чешскимъ; окружные совѣты въ свою очередь находятся въ вѣдѣніи областного совѣта (Landesschulrat), высшей школьной инстанціи въ Моравіи, раздѣляющейся также на двѣ національныя секціи.

Всѣ эти уступки нѣмцамъ пришлось купить цѣною особаго закона, цѣлью котораго было парализовать притягательную силу нѣмецкихъ школъ, и на основаніи котораго въ Моравіи въ народную школу каждой данной національности мо-

гутъ—за особыми исключеніями—приниматься лишь дѣти уже владѣющія тѣмъ языкомъ, на которомъ ведется преподаваніе въ этой школѣ. Есть и еще одинъ вопросъ, въ которомъ нѣмцамъ не удалось отстоять своей точки зрѣнія,—вопросъ о томъ, чтобы каждая національность изъ собственныхъ средствъ покрывала свои издержки на школьныя и другія культурныя нужды.

Но въ общемъ, въ Моравіи все же создана основа для мирнаго сожительства обѣихъ національностей. Можно надѣяться, что это соглашеніе послужитъ прообразомъ и для Богеміи, и будучи воплощено и тамъ, сведетъ *національную проблему къ проблемѣ чисто административной.*

D-r. Alfred Fischel.

Брюннъ.

II. Чехи.

Могучее религіозное движеніе, вспыхнувшее въ началѣ XVI вѣка въ Германіи и охватившее вслѣдъ за тѣмъ чешскія земли, разразилось тяжелой политической катастрофой надъ всей страной и надъ всей чешской націей.

Вѣрная своимъ традиціямъ, габсбургская династія стала во главѣ контръ-реформаціи и ловко использовала національную рознь въ интересахъ своей объединительной политики. Благодаря поддержкѣ со стороны большей части католическихъ монарховъ Европы, императору Фердинанду II удалось подавить возстаніе протестантскихъ сословій; битва при Бѣлой Горѣ (8 ноября 1620 г.) рѣшила судьбу Богеміи. Государственная связь между землями богемской короны (Богеміи, Моравіи и Силезіи—въ той ея части, которая осталась за Австріей) была почти уничтожена. Королевство перешло на положеніе завоеванной провинціи. Компетенція ландтаговъ была значительно сужена. Началась безпощадная расправа, обрушившаяся не на однихъ только повстанцевъ, но и на все населеніе. Потянулась полоса казней, изгнаній изъ страны, конфискацій повстанческаго имущества, раздававшагося въ награду фаворитамъ императора. Съ особой силой обрушились всѣ эти репрессіи на дворянство, зажиточное бюргерство и интеллигенцію. Тысячи изгнанниковъ покинули свою родину и разсѣялись по чужимъ странамъ.

Вспыхнувшая вслѣдъ за этимъ тридцатилѣтняя война со всѣми тѣми ужасами и со всѣмъ тѣмъ разореніемъ, которое она влекла за собой, довершила бѣдствіе. Численность населенія въ Богеміи понизилась до 800.000 душъ, въ Моравіи—до 500.000 душъ. Цѣлые города и деревни опустѣли, крестьянскія усадьбы были опустошены, поля оставались необработанными, ремесло заглохло. Во всѣхъ областяхъ жизни наступила пора глубокаго упадка.

Правда, послѣ Вестфальскаго мира Богемія все же стала, хотя и медленно, оправляться отъ своего хозяйственнаго разоренія. Но въ политическомъ отношеніи ударъ, нанесенный этой странѣ, оказался смертельнымъ.

Нѣтъ нужды, что государственное объединеніе земель богемской короны съ остальными габсбургскими землями въ одно централизованное цѣлое не могло быть проведено немедленно,—ибо для этого недоставалъ еще цѣлый рядъ необходимыхъ предпосылокъ;—сопротивленіе страны было все же сломлено, и вмѣстѣ съ тѣмъ была создана почва, благопріятная для позднѣйшаго сліянія. Правда, въ богемскомъ ландтагѣ отъ времени до времени еще возникала нѣкоторая оппозиція противъ централистскихъ вожделѣній вѣнскаго правительства, но она не имѣла никакого вліянія на правительственную политику, да и вообще не носила серьезнаго характера.

Еще болѣе роковыми оказались послѣдствія Бѣлогорской битвы въ національномъ отношеніи. Уже реформація имѣла въ этомъ смыслѣ далеко не благопріятное вліяніе. Съ проникновеніемъ лютеранскаго ученія въ Богемію началось массовое переселеніе нѣмцевъ въ эту страну; уже въ 1615 году ландтагу пришлось сдѣлать постановленіе, въ силу котораго правами гражданства должны были впредь пользоваться лишь лица, владѣющія чешскимъ языкомъ. Фактически уже въ то время въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверной Богеміи нѣмцы преобладали въ городскомъ управленіи. Еще болѣе быстрымъ темпомъ и съ еще большей интенсивностью сталъ совершаться процессъ онѣмеченія въ связи съ успѣхами контръ-реформаціи. До тѣхъ поръ въ Богеміи, Моравіи и верхней Силезіи государственнымъ языкомъ и языкомъ административнаго и судебнаго дѣлопроизводства былъ чешскій; лишь въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшалось пользоваться на судѣ нѣмецкимъ языкомъ. Съ установленіемъ новаго государственнаго порядка при Фердинандѣ II положеніе измѣнилось: нѣмецкій языкъ былъ также признанъ офиціальнымъ языкомъ на равныхъ правахъ съ чешскимъ. Вскорѣ начались дальнѣйшія измѣненія въ ущербъ чешскому языку. Въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ послѣдній мало-по-малу вышелъ изъ употребленія во всѣхъ офиціальныхъ учрежденіяхъ, и нѣмецкій языкъ получилъ въ нихъ нераздѣльное господство. Національно-настроенное протестантское дворянство эмигрировало или же, будучи лишено своихъ владѣній, растворилось въ низшихъ классахъ населенія. Мѣсто его заняло новое дворянство, сосредоточившее въ своихъ рукахъ конфискованныя помѣстья, и это новое дворянство, чужеземное по своему происхожденію, являлось элементомъ, враждебнымъ закрѣпощенному крестьянству не только въ соціальномъ, но и въ національномъ отношеніи. Въ городахъ онѣмеченію подверглась прежде всего интеллигенція, но и въ ремесленные круги глубоко проникли тѣ же тенденціи. Всѣ сколько-нибудь зажиточные слои и вообще всѣ тѣ, кто занималъ болѣе высокое общественное положеніе, стыдились говорить на родномъ языкѣ. Чешскій языкъ сталъ языкомъ крестьянства и низшихъ слоевъ населенія вообще.

Процессъ германизаціи шелъ все далѣе вширь и вглубь. Въ теченіе XVII и XVIII столѣтій въ Богеміи онѣмечился цѣлый рядъ городовъ. Даже въ Прагѣ и другихъ крупныхъ чешскихъ центрахъ сложилось и пріобрѣло значительный вѣсъ крупное нѣмецкое меньшинство, наложившее, по крайней мѣрѣ, внѣшній отпечатокъ на всю общественную жизнь.

Чешская литература, успѣвшая въ XVI вѣкѣ достигнуть въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ высокой степени развитія, пришла въ упадокъ. Такъ какъ большая часть выходившихъ изъ печати книгъ трактовала богословскіе вопросы и притомъ въ духѣ, несогласномъ съ католичествомъ, то онѣ подвергались конфискаціи и сожженію. Неослабное рвеніе проявляли въ этомъ дѣлѣ члены іезуитскаго ордена, который, пользуясь особымъ покровительствомъ габсбургскаго дома, пріобрѣлъ громадное вліяніе и развилъ широкую дѣятельность во славу контръ-реформаціи. Чешскій литературный языкъ пришелъ мало-по-малу въ забвеніе, и его уже начали засчитывать въ число мертвыхъ языковъ. Національное и политическое самосознаніе все болѣе и болѣе глохло. Чешскій народъ погрузился въ глубокій сонъ. И съ полнымъ основаніемъ можно было бы провозгласить „finis Bohemiae“.

Около двухъ столѣтій длилось это летаргическое состояніе, и лишь во второй половинѣ XVIII вѣка начался поворотъ. То были первые признаки національнаго пробужденія, и оно ограничивалось на первыхъ порахъ небольшимъ кругомъ піонеровъ—„патріотовъ“, какъ ихъ называли тогда,—пролагавшихъ пути дальнѣйшему движенію. Первоначально ихъ стремленія не выходили за предѣлы языковѣдѣнія и исторіи. Ибо прежде всего надо было очистить, развить и усовершенствовать—даже въ смыслѣ благозвучія—испорченный и несовершенный чешскій языкъ; поставить его на высоту современнаго культурнаго языка. Задача эта разрѣшалась двоякимъ путемъ; съ одной стороны для этого было нужно возстановить преемственную связь съ литературнымъ языкомъ XVI вѣка, со всей сокровищницей старой чешской литературы; съ другой стороны открывалась возможность использовать языки другихъ славянскихъ націй, и прежде всего — русскій. Психологически было совершенно понятно, что при томъ политическомъ безсиліи и культурномъ упадкѣ, который переживался чешскимъ народомъ, духовные вожди національнаго движенія обратили свои взоры на великую русскую націю, достигшую тогда уже апогея политическаго могущества и родственную чехамъ по языку и происхожденію. Иные дѣятели этой эпохи дошли даже до своего рода литературнаго панславизма и мечтали о созданіи одного общаго для всѣхъ славянъ литературнаго языка. Романтическія мечтанія эти оказались, разумѣется, неосуществимыми, но идея сближенія славянскихъ націй пустила глубокіе корни въ сознаніи чешскаго народа.

Стремленіе къ работѣ и жажда живого дѣла не знали границъ. Наряду со строго научной дѣятельностью, на поприщѣ которой тогда уже встрѣчаются имена съ европейской извѣстностью (Шафарикъ и др.), дѣлались также попытки созданія художественной литературы. Въ первое время, когда языкъ былъ еще совершенно неразвитъ, эти попытки сводились къ переводамъ изъ иностранныхъ литературъ; позднѣе выступило на сцену и оригинальное творчество. Появилась цѣлая плеяда талантливыхъ поэтовъ; открытъ былъ рядъ поэтическихъ памятниковъ ранняго средневѣковья (въ позднѣйшее время ихъ подлинность подверглась, правда, сильному сомнѣнію); культивировалось драматическое искусство; появились научныя и литературныя періодическія изданія.

Понятно, что въ это время движенію недоставало еще стройной организаціи, раціональнаго раздѣленія труда. Каждый дѣятель долженъ былъ заботиться обо всемъ и заниматься всѣмъ. Сегодня онъ работаетъ надъ какой-либо научной проблемой, завтра пишетъ стихи, послѣзавтра—читаетъ лекціи; подчасъ играетъ на сценѣ и устраиваетъ развлеченія для народа. Ибо всѣ эти вещи, какъ бы разнохарактерны онѣ ни были, служили одной общей цѣли—духовному возрожденію націи. Не слѣдуетъ забывать, что въ эту раннюю эпоху національныхъ дѣятелей было еще крайне мало, и что такая вещь, какъ выборъ той или иной отрасли работы по своему желанію и вкусу, была для нихъ недопустимой роскошью. Въ случаѣ нужды и вождю приходилось выполнять черную работу, и генералу нести обязанности рядового. И они охотно брали на себя всякую работу, какова бы она ни была. Никто не хотѣлъ, и никто не ждалъ себѣ награды. Напротивъ, въ глазахъ господствующихъ круговъ чешское движеніе скоро стало чѣмъ-то подозрительнымъ и неудобнымъ, на чешскихъ патріотовъ стали смотрѣть косо и недовѣрчиво, угадывая въ ихъ работѣ грядущую политическую опасность. Всевозможныя препятствія ставились на ихъ пути; преслѣдованіями, придирками, устраненіемъ отъ всѣхъ сколько-нибудь отвѣтственныхъ мѣстъ и должностей ихъ старались всячески оттѣснить и обезвредить. Уже въ то время открытое признаніе своей принадлежности къ чешской національности служило весьма плохой рекомендаціей для жизненной карьеры. Быть чехомъ и не стѣсняться этого—значило обречь себя на цѣлый рядъ жертвъ. Все это однако не могло остановить движенія. Какъ и повсюду, такъ и здѣсь, дѣйствіе вызывало противодѣйствіе; репрессіи приводили къ прямо-противоположнымъ результатамъ. Небольшая группа патріотовъ росла, движеніе ширилось и углублялось.

Если оно ограничивалось на первыхъ порахъ одними лишь интеллигентными слоями, то теперь оно стало проникать въ болѣе широкіе круги

населенія. Прежде всего — въ среду городского бюргерства. Процессъ онѣмеченія уже успѣлъ въ этой средѣ зайти довольно далеко. Въ низшихъ слояхъ бюргерства чешскій языкъ, правда, еще сохранился, какъ языкъ домашняго обихода, но сколько-нибудь замѣтное національное самосознаніе отсутствовало всецѣло. Зажиточныя бюргерскія семьи, прокладывавшія себѣ дорогу на болѣе высокія ступени соціальной лѣстницы, совершенно позабыли свой родной языкъ. Въ еще большей мѣрѣ это относится —за немногими исключеніями—къ дворянству. Бо̀льшая часть дворянскихъ родовъ, носящихъ историческія чешскія имена, совершенно онѣмечились; впослѣдствіи ихъ можно встрѣтить въ рядахъ политическихъ и національныхъ враговъ чешскаго народа. Что касается, наконецъ, крестьянства, то хотя въ его средѣ и сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ національное своеобразіе, и всѣ попытки онѣмеченія оказались здѣсь безрезультатными, однако тяготѣвшее надъ нимъ бремя крѣпостной зависимости было слишкомъ велико, и культурный уровень его былъ слишкомъ низокъ, чтобы этотъ классъ могъ играть сколько-нибудь замѣтную роль въ національномъ движеніи.

Піонерамъ движенія приходилось затрачивать такимъ образомъ безконечно много труда и энергіи. Ибо нужно было пробудить не проснувшіеся еще къ сознательной жизни слои населенія; нужно было ввести ихъ въ ряды общенаціональной организаціи. Въ эпоху безраздѣльнаго господства абсолютизма, когда всякое политическое движеніе безпощадно подавлялось, когда на свободное слово налагался строгій запретъ, когда не существовало ни свободы союзовъ, ни свободы собраній,—единственнымъ средствомъ, которымъ могли для этого располагать патріоты, была опять-таки литература. И чешская книга выполнила эту задачу. Патріоты неутомимо работали въ области литературной пропаганды; самымъ дѣятельнымъ образомъ велось распространеніе чешскихъ книгъ и періодическихъ изданій, и такимъ образомъ прокладывался въ самые широкіе слои населенія путь чешскому печатному слову, а вмѣстѣ съ нимъ и чешскому національному самосознанію.

Но были еще и другіе пути для достиженія поставленной цѣли національнаго возрожденія. Начались попытки возвратить чешскому языку подобающее ему мѣсто въ общественной жизни. Надо было внушить низшимъ классамъ населенія, что имъ нечего стыдиться своей національности, что они могутъ, не переставая быть чехами, именно какъ таковые требовать къ себѣ вниманія и уваженія. Устраивались чешскіе вечера, на которыхъ разговаривали только по-чешски, спектакли, въ которыхъ ставились пьесы съ національной тенденціей и т. п. Въ деревняхъ особенно энергично работали въ этомъ направленіи студенты, расходившіеся во время каникулъ по всей

странѣ, повсюду проповѣдуя евангеліе національнаго возрожденія. Рука объ руку съ ними работала и деревенская интеллигенція—учителя и священники, еще на школьной скамьѣ успѣвшіе проникнуться національной идеей.

1.

Таково было положеніе дѣлъ наканунѣ 1848 года, того памятнаго года, который и въ національномъ отношеніи далъ всѣмъ народностямъ Австріи могучій толчокъ дальнѣйшаго развитія.

До этого времени чешское національное движеніе было совершенно лишено всякаго политическаго характера; и это уже потому одному, что до 1848 года въ Австріи, за вычетомъ офиціальной правительственной политики, вообще не было никакой политической жизни. По отношенію къ Богеміи для этой политики были характерны два момента: централизмъ и германизація.

Централизаторская политика стала проводиться австрійскимъ правительствомъ тотчасъ же послѣ подавленія возстанія 1620 г. Проводилась она не только по отношенію къ Богеміи, но и по отношенію къ землямъ венгерской короны; однако въ Богеміи осуществленіе ея было во всякомъ случаѣ болѣе легкимъ дѣломъ. Правительство смотрѣло на эту страну, какъ на завоеванную провинцію, а сословныя учрежденія ея не въ силахъ были оказать отпоръ централистическимъ стремленіямъ династіи.

Несмотря на то, что уже со времени Фердинанда I Габсбурги не переставали помышлять о созданіи единаго австрійскаго государства, и вся политика ихъ была направлена именно къ этой цѣли, все же осуществить эти стремленія имъ удалось только въ XVIII вѣкѣ. Серьезнымъ шагомъ въ этомъ направленіи была изданная въ 1713 году, такъ наз., прагматическая санкція Карла VI, которой возвѣщалась нераздѣльность всѣхъ находящихся подъ скипетромъ габсбургскаго дома земель и устанавливался порядокъ престолонаслѣдія на началахъ майората. Однако принципъ личной уніи оставался въ то время еще въ полной силѣ. Королевство Богемія сохраняло еще свою сословную конституцію, высшей государственной инстанціей для всѣхъ богемскихъ земель были богемскія же учрежденія, сосредоточенныя въ Прагѣ, и даже императоръ осуществлялъ свою суверенную власть лишь въ качествѣ короля Богеміи. Это положеніе измѣнилось, когда высшія правительственныя учрежденія были перенесены въ Вѣну, и когда, въ царствованіе императицы Маріи Терезіи (въ 1749 г.), была уничтожена существовавшая до того времени при коронѣ особая канцелярія, вѣдавшая политическія дѣла богемскихъ земель. Мало-по-малу всѣ области государственнаго управленія

стали сосредоточиваться въ Вѣнѣ. Своего кульминаціоннаго пункта эти тенденціи достигли въ правленіе императора Іосифа II, централизаторскія стремленія котораго вызвали противодѣйствіе уже не въ одной лишь Венгріи, но и со стороны богемскихъ сословій. Австрійскія земли—не исключая и Богеміи—превратились мало-по-малу въ единое абсолютистское государство. *Формально* государственно-правовая самостоятельность богемскаго королевства никогда не была уничтожена, и до 1848 г. большинство австрійскихъ императоровъ, вступая на престолъ, возлагали на себя и богемскую корону. На дѣлѣ однако отъ государственнаго суверенитета Богеміи осталось одно лишь воспоминаніе.

Параллельно съ процессомъ централизаціи шелъ и процессъ онѣмеченія. При Фердинандѣ II (въ Богеміи въ 1627 г., въ Моравіи—въ 1628 г.), чешскій языкъ былъ лишенъ своей прежней роли единственнаго официальнаго, господствующаго языка, и нѣмецкій языкъ былъ уравненъ съ нимъ въ правахъ. И хотя замѣтныхъ правовыхъ измѣненій въ этой области съ тѣхъ поръ не произошло, употребленіе чешскаго языка въ официальныхъ учрежденіяхъ фактически все болѣе сокращалось. Во внѣшнемъ судебномъ дѣлопроизводствѣ чешскій языкъ еще былъ терпимъ—по крайней мѣрѣ въ Богеміи и Моравіи,—и еще судебный уставъ Іосифа II допускалъ въ гражданскихъ процессахъ употребленіе обоихъ мѣстныхъ языковъ; но внутреннее дѣлопроизводство въ государственныхъ учрежденіяхъ велось исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Не менѣе серьезное значеніе имѣлъ вопросъ о языкѣ въ школѣ и въ учебномъ дѣлѣ вообще. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ частности въ университетахъ—первоначально господствовалъ всецѣло латинскій языкъ. Лишь при императорѣ Іосифѣ II было введено на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, чтеніе лекцій на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ однако въ пражскомъ, а позднѣе и въ вѣнскомъ университетѣ учреждена была особая каѳедра чешскаго языка. Такъ же обстояло дѣло и въ гимназіяхъ, гдѣ иногда преподаваніе велось также и на чешскомъ языкѣ. Надо впрочемъ замѣтить, что именно въ гимназіяхъ—число которыхъ было конечно незначительно—чешскіе патріоты имѣли немалое вліяніе, и имъ удавалось, хотя и на чужомъ языкѣ, пробуждать и культивировать въ своихъ ученикахъ національное чувство. Что касается низшей школы, то здѣсь различались два типа: начальныя сельскія школы, стоявшія по уровню своего учительскаго персонала на весьма невысокой ступени, и городскія школы. Въ сельскихъ школахъ преподаваніе могло вестись не иначе какъ на родномъ языкѣ населенія,—стало быть на чешскомъ. Въ городскихъ же школахъ, чрезъ которыя должны были проходить всѣ желающіе поступить въ гимназію, преподаваніе велось (по крайней мѣрѣ

въ большихъ городахъ) на нѣмецкомъ языкѣ. Эти-то школы и являлись главными разсадниками нѣмецкой культуры. Мальчики, не знавшіе ни слова понѣмецки обучались исключительно на этомъ чужомъ для нихъ языкѣ; они должны были либо усвоить его въ минимальный срокъ, либо вообще отказаться отъ дальнѣйшаго образованія. Понятно, это было сплошнымъ мучительствомъ, которое не могло не отбить у многихъ изъ нихъ всякую охоту къ ученію.

Сказанное о вытѣсненіи чешскаго языка относится не только къ школѣ и гражданской службѣ, но и ко всѣмъ другимъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ: и внутреннее, и внѣшнее дѣлопроизводство велось за немногими исключеніями повсюду на нѣмецкомъ языкѣ. Сфера употребленія чешскаго языка въ общественной жизни сужалась все болѣе и болѣе.

Неуклонный ростъ этихъ идущихъ сверху германизаторскихъ тенденцій долженъ былъ, конечно, глубоко встревожить патріотическіе круги. Они не могли не увидѣть въ немъ серьезной опасности, грозившей чешскому языку, а вмѣстѣ съ нимъ и существованію самой націи. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вслѣдъ за первыми же признаками освободительнаго движенія 1848 года, вопросъ о языкахъ былъ выдвинутъ на самое видное мѣсто. Уже первая петиція пражскаго населенія, принятая на публичномъ собраніи въ мартѣ 1848 года, требовала полнаго уравненія въ правахъ обоихъ мѣстныхъ языковъ въ школѣ и государственныхъ учрежденіяхъ и допущенія на службу только такихъ чиновниковъ, которые въ совершенствѣ владѣютъ обоими языками. Правительственный указъ 8 апрѣля 1848 года, удовлетворилъ это требованіе; замѣтимъ кстати, что этотъ указъ является для верховнаго имперскаго суда тѣмъ законодательнымъ актомъ, на основаніи котораго понынѣ нормируется вопросъ о языкахъ.

Такимъ образомъ чешское національное движеніе, носившее до того времени чисто литературный характеръ, стало въ этотъ бурный 1848 годъ движеніемъ политическимъ, какимъ оно остается и до сихъ поръ. Съ первыхъ же шаговъ національныя требованія сплелись съ требованіями чисто политическаго характера. Былъ учрежденъ такъ называемый національный комитетъ, выработавшій національную политическую программу. Была послана депутація во временную императорскую резиденцію—въ Инсбрукъ. Удалось, наконецъ, добиться созыва учредительнаго ландтага въ Прагѣ, и только вспыхнувшая въ Троицынъ день пражская революція помѣшала завершить это дѣло.

Въ числѣ перемѣнъ, происшедшихъ со времени 1848 года во всемъ характерѣ чешскаго національнаго движенія, надо отмѣтить еще одну: руководящая роль перешла отъ писателей и литераторовъ къ политическимъ дѣятелямъ. Правда, историкъ Палацкій попрежнему оставался „отцомъ націи“, но наряду съ нимъ уже выдвинулся его зять Ригеръ и многіе другіе дѣятели,—

все юристы и публицисты, люди способные владѣть инымъ оружіемъ, нежели ихъ предшественники. Этимъ оружіемъ явилась прежде всего парламентская трибуна,—сперва въ вѣнскомъ а затѣмъ въ кремзирскомъ рейхстагѣ,—и обширная политическая пресса, цѣлый рядъ газетъ и летучихъ листковъ, вызванныхъ къ жизни въ эту бурную эпоху. Впервые создалась возможность открыто и рѣшительно выступить въ защиту правъ чешскаго народа и короны св. Вячеслава; впервые можно было оказать своимъ политическимъ и національнымъ врагамъ надлежащій отпоръ. Прежде замкнутое въ предѣлахъ тѣснаго кружка, національное движеніе стало теперь дѣломъ всего народа. Оно проникло въ самые отдаленные уголки страны и охватило собою всѣ общественные классы.

Освободительная эра длилась въ Австріи недолго. Кремзирскій рейхстагъ былъ распущенъ, дѣйствіе конституціи пріостановлено, и для чешскаго народа начался десятилѣтній періодъ безпощаднаго подавленія всѣхъ его національныхъ и политическихъ стремленій. Вожди движенія были частью арестованы, частью изгнаны изъ страны, частью отданы подъ надзоръ полиціи, союзы были распущены, печать задушена, вся политическая жизнь—и не въ одной лишь Богеміи, но и во всей Австріи—была скована по рукамъ и ногамъ. Правда, неудачная итальянская война 1859 года нанесла этой системѣ рѣшительный ударъ, и такъ-называемый октябрьскій дипломъ 1860 г., идя навстрѣчу автономистскимъ стремленіямъ, сдѣлалъ было попытку установить имперскій строй на базисѣ областныхъ конституцій. Однако уже въ слѣдующемъ, 1861 году произошелъ опять поворотъ въ противоположномъ направленіи. Центръ тяжести былъ перенесенъ въ вѣнскій рейхсратъ, ландтагамъ же была оставлена весьма ограниченная компетенція. Къ тому же этотъ новый порядокъ былъ введенъ въ дѣйствіе не самимъ ландтагомъ, а путемъ октроированія сверху. Преемственная связь между прежнимъ, сословнымъ, и вновь созданнымъ ландтагомъ не была сохранена. Государственная самостоятельность Богеміи и историческая связь между землями богемской короны игнорировалась. Нормы, опредѣляющія порядокъ управленія австрійскими коронными землями, были выработаны по одному общему шаблону, не дѣлавшему никакого различія между Богеміей и, хотя бы Зальцбургомъ или Буковиной. Затѣмъ, при помощи искусной избирательной геометріи, округа были прикроены такъ, что нѣмцы, образуя въ странѣ меньшинство населенія, оказались въ ландтагахъ повсюду въ большинствѣ. Какъ въ Венгріи, такъ и въ Богеміи эта политика не могла не вызвать протеста, и какъ здѣсь, такъ и тамъ протестъ этотъ опирался на мотивы государственно-правового характера. Свою государственно-правовую точку зрѣнія чехи имѣли случай подчеркнуть уже въ 1848 году; но лишь теперь, подъ вліяніемъ консервативнаго чешскаго

дворянства, они дали ей болѣе отчетливое и ясное выраженіе. Съ этой точки зрѣнія земли богемской короны, т. е. королевство Богемія, маркграфство Моравія и герцогство Силезія разсматриваются, какъ самостоятельное государственно-правовое цѣлое, какимъ онѣ и являлись до начала XVII вѣка [1]).

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ, вытекающимъ отсюда, было непризнаніе февральской конституціи и—на подобіе Венгріи—отказъ отъ посылки своихъ депутатовъ въ австрійскій рейхсратъ. Такъ возникла такъ-называемая пассивная оппозиція чешскихъ депутатовъ, которую не въ силахъ были сломить самыя энергичныя преслѣдованія нѣмецко-либеральнаго правительства.

Конституцію 1867 г. чешскіе депутаты опять-таки признали для себя необязательной и отвѣтили на нее въ 1868 г. торжественной деклараціей, въ которой снова подчеркивали съ полной категоричностью точку зрѣнія богемской государственности. Былъ моментъ, когда чешская пассивная оппозиція уже обѣщала, казалось, принести свои плоды. Вѣнское правительство начало переговоры съ чешскими вождями; къ управленію государствомъ было призвано примирительно-настроенное министерство Гогенварта, и въ 1871 г. богемскій ландтагъ выработалъ такъ-называемые „основные параграфы“, которые должны были создать почву для соглашенія между короной и чешской націей. Въ нихъ признавалась государственная самостоятельность богемскаго королевства, обезпечивалась широкая автономія и отвѣтственность мѣстнаго правительства передъ богемскимъ ландтагомъ; для торжественнаго закрѣпленія этого соглашенія, было обѣщано коронованіе царствующаго императора богемской короной.

Но благодаря всякаго рода постороннимъ вліяніямъ и закулиснымъ интригамъ всѣ планы рухнули наканунѣ своего осуществленія. Обманутые и раздраженные чешскіе политики снова обратились къ пассивной оппозиціи. Однако жертвы, которыя были связаны съ безконтрольнымъ хозяйничаніемъ вѣнскаго правительства надъ судьбами чешскаго народа, безъ воли и противъ воли послѣдняго, были слишкомъ тяжелы, чтобы такое положеніе могло тянуться долгое время. Сюда же присоединился еще новый законъ о выборахъ въ рейхсратъ (1873 г.), благодаря которому богемскій ландтагъ былъ лишенъ возможности оказывать свое воздѣйствіе на составъ центральнаго пар-

---

[1]) Связь ихъ съ имперіей носитъ въ глазахъ чеховъ характеръ договорныхъ отношеній между народнымъ представительствомъ этихъ земель и австрійскимъ императоромъ, выступающимъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ короля Богеміи. Въ случаѣ прекращенія царствующей династіи, избраніе новаго короля должно, по ихъ мнѣнію, производиться по свободному выбору самихъ же богемскихъ земель.. Отсюда логически слѣдуетъ право полнаго самоопредѣленія этихъ земель во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поскольку они не отказались добровольно отъ этого права въ пользу имперіи.

ламента. Но наиболѣе роковое значеніе имѣлъ расколъ, происшедшій въ солидарномъ до тѣхъ поръ чешскомъ лагерѣ. Отчаявшись въ политикѣ пассивной оппозиціи, нѣкоторые либеральные депутаты со Славковскимъ во главѣ рѣшили отказаться этъ бойкота, по крайней мѣрѣ по отношенію къ богемскому ландтагу, и вмѣстѣ съ тѣмъ повели пропаганду въ пользу активной политики вообще; такъ сложилась новая партія, такъ-называемыхъ младочеховъ.

При жизни Палацкаго всѣ усилія въ этомъ направленіи оставались безуспѣшными. Но когда съ его смертью (1876 г.) руководящая роль перешла къ Ригеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ министерство Таафе заняло по отношенію къ чешскимъ національнымъ требованіямъ довольно благожелательную позицію,—пассивной политикѣ былъ положенъ предѣлъ, и чешскіе депутаты вступили, наконецъ, въ вѣнскій рейхсратъ.

Съ этого времени въ исторіи національнаго и политическаго развитія богемскихъ земель начинается новая эра. Правда, вступая въ рейхсратъ, чешскіе депутаты сдѣлали заявленіе, въ которомъ еще разъ съ полной ясностью подтверждалась ихъ точка зрѣнія на существующую конституцію и на историческія государственныя права земель богемской короны. Но одинъ уже тотъ фактъ, что представители чешскаго народа приняли участіе въ парламентѣ, незаконномъ съ ихъ точки зрѣнія, былъ достаточно знаменателенъ.

Конечно нельзя игнорировать и тѣ успѣхи которыхъ чехи добились благодаря этому участію. Сюда нужно отнести прежде всего извѣстное распоряженіе о языкахъ (1880 г.), устанавливавшее употребленіе обоихъ мѣстныхъ языковъ во внѣшнемъ судебномъ дѣлопроизводствѣ; затѣмъ, въ 1882 году послѣдовало раздѣленіе на двѣ части—нѣмецкую и чешскую—пражскаго университета, въ которомъ со времени Іосифа II преподаваніе велось по большей части на нѣмецкомъ языкѣ; далѣе была проведена реформа выборовъ въ торговыя палаты, благодаря которой въ палатахъ Праги, Пильзена и Будвейса образовалось чешское большинство; произведено было перераспредѣленіе мандатовъ въ землевладѣльческой куріи, благодаря чему въ этой куріи большинство также оказалось на сторонѣ чеховъ, и т. д. [1]). Участіе

[1]) Съ этого же времени большинство мандатовъ въ ландтагѣ принадлежитъ чехамъ (вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами они насчитываютъ теперь 147 депутатовъ, нѣмцы—91). Тѣмъ не менѣе, внести противъ воли нѣмецкаго меньшинства какія-либо измѣненія въ избирательную систему ландтага, идущую въ разрѣзъ съ интересами чешскаго населенія, до сихъ поръ оказалось невозможнымъ, такъ какъ октроированное „положеніе“ о ландтагахъ заключаетъ въ себѣ параграфъ, въ силу котораго для его измѣненія необходимо квалифицированное большинство въ $^2/_3$ голосовъ при наличности не менѣе $^3/_5$ всего состава депутатовъ. Благодаря этому нѣмцы всегда имѣли полную возможность провалить путемъ простого воздержанія всякій проектъ, клонящійся къ измѣненію существующаго порядка. И такимъ образомъ

чешскихъ депутатовъ въ парламентскихъ работахъ принесло свои плоды и въ области хозяйственной жизни. По крайней мѣрѣ теперь стало уже невозможнымъ то равнодушное отношеніе къ жизненнымъ потребностямъ чеховъ, которое проявлялось до тѣхъ поръ въ политикѣ вѣнскаго правительства, то игнорированіе или даже прямое нарушеніе ихъ интересовъ, которое было такъ характерно для этой политики.

Однако тотъ путь, которымъ шли чешскіе депутаты подъ руководствомъ Ригера, путь разсчетливой и осторожной политики, отодвинувшей на задній планъ великіе государственные и національные идеалы прежнихъ поколѣній, и удовлетворявшейся тѣми малыми уступками, которыя ей удавалось отвоевать съ такимъ напряженіемъ силъ,—путь этотъ возбуждалъ въ средѣ народныхъ массъ замѣтное недовольство. И та самая младочешская партія, которая въ свое время дала первый толчокъ къ прекращенію пассивной политики, раздувала это недовольство. Въ 1890 г. старочехи, игравшіе до того времени руководящую роль, рѣшились,—подъ давленіемъ правительства, и принимая въ соображеніе тяжелыя жертвы, связанныя съ національной борьбой, превосходство силъ противниковъ и постоянно возрастающія трудности,—вступить въ переговоры съ нѣмцами и заключить съ ними соглашеніе. Соглашеніе это должно было привести въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи къ раздѣленію Богеміи на двѣ области—чешскую и нѣмецкую,—и вызвало въ народѣ цѣлую бурю негодованія; на ближайшихъ же выборахъ старочешская партія, столь могущественная до тѣхъ поръ была буквально сметена. Партія младочеховъ, подъ предводительствомъ Gregr'a, издателя вліятельной газеты „Narodni Listy", заняла ея мѣсто; представляла она собою извѣстнаго рода амальгаму изъ старыхъ либеральныхъ элементовъ съ радикалами всевозможныхъ оттѣнковъ, получившими впослѣдствіи преобладающее вліяніе.

Поскольку упомянутое выше соглашеніе не было еще проведено въ жизнь, младочехи поспѣшили его аннулировать; они заняли въ вѣнскомъ рейхсратѣ мѣсто непримиримой оппозиціи, попытались вновь развернуть старое знамя богемской государственности, произвели въ парламентскомъ большинствѣ, слагавшемся до того времени изъ славянъ и нѣмецкихъ консерваторовъ, расколъ и привели въ результатѣ всего этого къ образованію античешскаго коалиціоннаго министерства, публично заявившаго устами одного изъ своихъ представителей, что не знаетъ никакого чешскаго вопроса.

Между тѣмъ, уже въ скоромъ времени обнаружилось, что и радикаль-

---

въ богемскомъ ландтагѣ сохранилось устарѣлое, несоотвѣтствующее новымъ отношеніямъ избирательное право, въ то время какъ въ другихъ ландтагахъ произведены уже различныя преобразованія.

ная тактика не представляетъ того универсальнаго средства, съ помощью котораго можетъ быть достигнутъ политическій успѣхъ. Со времени отказа отъ пассивной политики въ лагерѣ противниковъ также произошла перемѣна, чреватая весьма серьезными послѣдствіями. Въ прежнія времена, начиная съ 1848 года, главнымъ противникомъ, съ которымъ приходилось вести національную и политическую борьбу чешскому народу, было правительство. Въ особенности это относится къ нѣмецко-либеральнымъ министерствамъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ эпоху министерства Таафе картина измѣнилась. Чешскіе депутаты стали оказывать правительству поддержку; нѣмецко-либеральные депутаты перешли въ оппозицію. Они оказались теперь вынужденными искать себѣ опору въ народѣ и пользовались всякой, хотя бы и самой незначительной національной уступкой чехамъ, чтобы обратить вниманіе нѣмецкаго населенія на тѣ опасности, которыми грозитъ ему постоянно растущее яко бы вліяніе славянскаго элемента въ имперіи. Была создана цѣлая теорія „національнаго достоянія“, и руководящимъ лозунгомъ стало: ни одной уступки!

Но такъ какъ преобладаніе нѣмцевъ въ богемскихъ земляхъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ численнымъ соотношеніемъ обѣихъ національностей (см. ниже), то неизбѣжнымъ результатомъ этого явилась національная борьба, которая и понынѣ ведется съ крайнимъ ожесточеніемъ.

Проповѣдь національной борьбы нашла среди нѣмецкаго населенія достаточно горючаго матеріала, и вскорѣ сами же иниціаторы оказались не въ силахъ овладѣть тѣмъ движеніемъ, которое они же вызвали къ жизни. Въ нѣмецкихъ областяхъ Богеміи, Моравіи и Силезіи, а позднѣе и въ приальпійскихъ странахъ, національныя распри принимаютъ все болѣе острый характеръ, прежніе нѣмецко-либеральные депутаты уступаютъ мѣсто новымъ дѣятелямъ, нѣмецкимъ націоналистамъ, поставившимъ въ центрѣ своей программы обезпеченіе за нѣмецкимъ языкомъ правъ государственнаго языка во всѣхъ коронныхъ земляхъ Австріи, за исключеніемъ Галиціи, и раздѣленія историческихъ провинцій на національныя территоріи. Наконецъ, въ лицѣ такъ называемой всенѣмецкой партіи выступило на сцену крайнее крыло нѣмецкаго націонализма, открыто проповѣдывавшее политическое и государственное объединеніе нѣмецкой Австріи съ Германской имперіей подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ, — иными словами, отторженіе нѣмецкихъ областей отъ Австро-Венгерской монархіи.

Такъ обстояли дѣла въ лагерѣ противниковъ въ тотъ моментъ, когда руководящая политическая роль перешла изъ рукъ старочеховъ въ руки младочеховъ, и когда эти послѣдніе, въ надеждѣ быстрѣе достигнуть цѣли, вступили на путь радикальной тактики. Уже короткое время спустя, изолированное положеніе, которое они занимали въ парламентѣ, оказалось для

нихъ чрезвычайно неудобнымъ, и когда въ результатѣ несогласій, возникшихъ въ средѣ прежняго коалиціоннаго большинства, графу Бадени было предложено (въ 1895 г.) образовать новый кабинетъ, младочехи приложили всѣ старанія къ тому, чтобы войти въ составъ парламентскаго большинства. Это удалось; правительство дало обѣщаніе заново урегулировать вопросъ о языкахъ въ Богеміи и, согласно съ желаніемъ чеховъ, предоставить чешскому языку права языка внутренняго дѣлопроизводства. Въ этомъ духѣ и было издано графомъ Бадени, весной 1897 г., извѣстное распоряженіе о языкахъ. Однако со стороны нѣмецкихъ партій и стоявшаго за ихъ спиной взбудораженнаго нѣмецкаго населенія это распоряженіе встрѣтило неожиданно рѣзкій отпоръ. Нѣмецкая оппозиція, составлявшая въ парламентѣ меньшинство, прибѣгла къ обструкціи; разыгрались въ высшей степени бурныя сцены, дѣло дошло даже до насильственныхъ дѣйствій противъ президіума. Руководящіе круги были запуганы. Бадени палъ, и его мѣсто занялъ Гаучъ, издавшій взамѣнъ прежняго распоряженія новое, уже болѣе пріемлемое для нѣмцевъ Но и это распоряженіе опять-таки встрѣтило сопротивленіе съ ихъ стороны и въ концѣ концовъ должно было быть отмѣнено. Дѣло осталось такимъ образомъ въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было до Бадени. Это было полнымъ пораженіемъ для политики младочеховъ, и неудивительно, что послѣ этой неудачи они рѣшились прибѣгнуть къ тому же орудію, при помощи котораго нѣмцы, несмотря на свое положеніе меньшинства, одержали въ парламентѣ побѣду,—къ обструкціи. Подъ знакомъ обструкціи и протекли 1900—1905 годы, и министерство Кёрбера, правившее въ теченіе этихъ лѣтъ, вынуждено было издавать законы въ исключительномъ порядкѣ на основаніи § 14 конституціи; параграфъ этотъ, по своему первоначальному смыслу, предусматриваетъ лишь такіе случаи, когда почему-либо нѣтъ возможности созвать парламентъ, и потому пользованіе имъ въ данномъ случаѣ означало по существу не что иное, какъ скрытое возстановленіе абсолютизма. Однако и это положеніе оказалось въ очень скоромъ времени совершенно невозможнымъ. Встрѣчая самое непримиримое отношеніе со стороны чеховъ, Кёрберъ вышелъ въ отставку; на его мѣсто былъ снова призванъ Гаучъ, и лишь тогда отношенія чешскихъ депутатовъ къ правительству нѣсколько улучшились.

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ подготовлялась крупная конституціонная реформа: введеніе всеобщаго равнаго избирательнаго права.

Младочешскіе депутаты съ радостью привѣтствовали эту реформу. Не только по тому, что она сама по себѣ отвѣчала ихъ старой демократической программѣ, но и по той простой причинѣ, что всеобщее равное избирательное право должно неизбѣжно привести къ значительному увеличенію числа чешскихъ мандатовъ въ рейхсратѣ и къ образованію славянскаго большинства,—

по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если распредѣленіе мандатовъ будетъ приведено въ соотвѣтствіе съ численнымъ соотношеніемъ различныхъ націй между собой. Впрочемъ, уже немного времени спустя выяснилось, что готовность, съ которой чешскіе вожди пошли навстрѣчу реформѣ, была простой тактической ошибкой. И въ глазахъ правительства, и въ глазахъ другихъ партій избирательная реформа тотчасъ же получила значеніе національной уступки чехамъ, и съ этой точки зрѣнія въ нее поспѣшили внести самыя невыгодныя для чеховъ поправки. Въ результатѣ, то всеобщее избирательное право, которое проведено въ настоящее времени въ Австріи, оказывается, при ближайшемъ анализѣ, весьма далекимъ отъ идеала равнаго избирательнаго права. Подъ предлогомъ экономическаго и культурнаго превосходства нѣмецкаго населенія, избирательные округа были распредѣлены съ такимъ искуснымъ разсчетомъ, что въ то время, какъ въ нѣмецкихъ округахъ одинъ депутатъ приходится всего на 41.000 жителей, въ чешскихъ—каждому мандату соотвѣтствуетъ 57.300 чел. населенія. Благодаря этому чехи заняли въ парламентѣ предпослѣднее мѣсто. Но и кромѣ того, даже съ принципіальной точки зрѣнія избирательная реформа несомнѣнно означаетъ увеличеніе популярности центральнаго парламента и стало быть усиленіе централизма; ибо по отношенію къ рейхсрату широкія народныя массы имѣютъ избирательныя права, въ то время какъ по отношенію къ ландтагамъ они этихъ правъ лишены. Связь избирательной реформы съ этой централизаторской тенденціей не отрицается и правительственными сферами.

Несмотря на все это вожди младочешской партіи продолжали упорствовать въ своемъ оптимизмѣ, отъ котораго ихъ исцѣлили лишь результаты самихъ выборовъ. Вмѣсто ожидавшихся 108 чешскихъ націоналистовъ (изъ 516 депутатовъ рейхсрата) было избрано всего лишь 83, остальные чешскіе мандаты оказались въ рукахъ соціалдемократіи. Сильно пострадала при этомъ и сама младочешская партія, удержавшая за собой всего только 20 мандатовъ; остальные перешли въ руки другихъ чешскихъ партій. Правда, она все же сохранила за собой свою руководящую роль, однако изъ двухъ мѣстъ которыя занимали до сихъ поръ въ министерствѣ ея представители, она вынуждена была уступить одно партіи чешскихъ аграріевъ, несравненно болѣе сильной, нежели она сама. Къ сожалѣнію, старанія объединить всѣхъ чешскихъ депутатовъ въ одинъ общій клубъ, не увѣнчались успѣхомъ. Если даже не считать упомянутыхъ уже выше соціалдемократовъ, то изъ числа остальныхъ чешскихъ депутатовъ, большинство состоитъ въ правительственномъ лагерѣ и придерживается оппортунистической—или какъ они это называютъ, позитивной—политики, меньшинство же находится въ оппозиціонномъ лагерѣ. Въ зависимости отъ этихъ различныхъ позицій находится также

и та политика, которую проводили различныя чешскія партіи по отношенію къ вотированному недавно австро-венгерскому соглашенію.

Наиболѣе характерно для нынѣшняго состоянія чешскаго національнаго движенія то разслоеніе политическихъ партій, о которомъ уже была рѣчь выше. Прежнее единство, сохранявшееся, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ, еще во времена Ригера, давно исчезло. Единая національная организація, выступавшая со времени 1848 года какъ политическая партія, являлась уже по самимъ условіямъ своего происхожденія и по характеру той среды, изъ которой она вышла, партіей либеральной. Если въ томъ же году выступила рядомъ съ ней и радикальная партія, имѣвшая, по всей вѣроятности, то или иное касательство къ іюньскому пражскому возстанію, то вслѣдъ за наступленіемъ реакціи эта партія исчезла съ политической арены. Послѣ возстановленія конституціи, и послѣ того какъ въ центрѣ политической программы партіи былъ поставленъ постулатъ богемской государственности, въ разработкѣ котораго видную роль сыграло чешское дворянство, высококонсервативное по своему настроенію, партія все болѣе и болѣе теряетъ свою либеральную окраску. Въ результатѣ этого, въ 70-хъ годахъ либеральные элементы откололись отъ нея и образовали новую, свободомыслящую партію, которая, какъ уже было упомянуто выше, открыла кампанію противъ политики пассивности. Старая партія получила названіе старочешской, новая, либеральная партія была названа младочешской. Вслѣдъ за отказомъ отъ пассивной политики и вступленіемъ чешскихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ партійный антагонизмъ на время сгладился. Однако уже въ скоромъ времени онъ вспыхнулъ съ новой силой. Со стороны младочеховъ стали все громче раздаваться по адресу старочешской партіи упреки въ излишней уступчивости и угодливости передъ правительствомъ. Развивъ въ странѣ широкую агитацію и располагая прекрасно организованной прессой, младочешская партія пускала все болѣе и болѣе глубокіе корни въ народѣ, пока, наконецъ, послѣ избирательной реформы 1890 года, не выбила окончательно старочеховъ изъ ихъ позицій. Старочехи отказались отъ активной политической работы и ограничили свою дѣятельность почти исключительно культурной и научной областью; лишь въ нѣкоторыхъ органахъ самоуправленія,—напр. въ пражскомъ муниципалитетѣ—они сохранили еще за собой нѣкоторое вліяніе. Въ самое послѣднее время въ общественномъ мнѣніи вновь наблюдается болѣе сочувственное отношеніе къ ихъ политикѣ, и ихъ заслуги на поприщѣ культурной дѣятельности начинаютъ находить себѣ болѣе высокую оцѣнку въ средѣ молодого поколѣнія. Въ нынѣшней палатѣ депутатовъ они располагаютъ двумя мандатами отъ Богеміи и пятью—отъ Моравіи. Относительно сильнѣе представлены они въ палатѣ господъ.

*

Однако и младочехамъ не удалось надолго сохранить за собой свое положеніе безраздѣльно господствующей партіи. Ихъ неустойчивая тактика въ парламентѣ, ихъ капризные скачки отъ самой непримиримой обструкціи къ прямо-противоположной политикѣ, ихъ неуспѣхи въ вопросѣ о языкѣ и о чешскомъ университетѣ въ Моравіи, ихъ обѣщанія, съ которыми они выступали предъ избирателями, и которыя такъ и остались невыполненными, и въ довершеніе ко всему—сознаніе, что въ концѣ концовъ они вынуждены примѣнять ту же самую тактику, которую въ свое время сами считали грубой ошибкой со стороны старочеховъ,—все это мало-по-малу оттолкнуло отъ нихъ молодое поколѣніе и широкія народныя массы. Число младочешскихъ депутатовъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ въ настоящее время упало до 20. На сцену выступили новыя партіи. Сюда относится молодая радикальная партія, объединившая въ своихъ рядахъ различные оттѣнки,—партія, съ одной стороны настойчиво выдвигающая идею богемскаго государственнаго права, съ другой же стороны обнаруживающая особый интересъ къ соціальнымъ вопросамъ и старающаяся организовать рабочія массы на почвѣ національно-соціальной политики; она насчитываетъ въ рейхсратѣ 11 депутатовъ. Далѣе слѣдуетъ католическая національная партія со строго консервативной программой, представленная 22 депутатами. Прямую противоположность ей представляетъ т. наз. реалистическая или прогрессивная партія подъ руководствомъ профессора Масарика, ставящая себѣ одной изъ главныхъ задачъ борьбу съ клерикализмомъ; она представлена въ рейхсратѣ двумя депутатами.

Кромѣ этихъ чисто политическихъ партій существуетъ еще одна профессіонально-сословная организація,—аграрная партія, ставящая себѣ задачей охрану интересовъ сельскаго населенія, игнорируемыхъ, по ея мнѣнію, другими партіями. Она располагаетъ стройной организаціей, и число депутатовъ ея въ короткое время возросло до 27.

Всѣ эти партіи, различныя между собой и по своей программѣ и по своей тактикѣ, нерѣдко вступаютъ одна съ другой въ ожесточенную борьбу. Но въ національномъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о государственной самостоятельности Богеміи, между ними нѣтъ существенныхъ разногласій. Противъ общихъ національныхъ и политическихъ враговъ они выступаютъ совмѣстно, сомкнутыми рядами и образуютъ въ этой борьбѣ одинъ солидарный лагерь. Нельзя сказать того же о чешской соціалдемократіи, располагающей въ рейхсратѣ 25 мѣстами. Соціалдемократическое движеніе перекинулось въ Богемію изъ Германіи въ началѣ 70-хъ годовъ, и съ этихъ поръ понынѣ находится въ извѣстнаго рода духовной зависимости отъ нѣмецкой соціалдемократіи. Отъ остальныхъ чешскихъ депутатовъ соціалдемократію отдѣляетъ, въ числѣ прочаго, отрицательная позиція, которую она занимаетъ по отношенію

къ принципу богемской государственности. Внѣшнимъ образомъ обособленная позиція соціалдемократовъ сказывается въ томъ, что въ рейхсратѣ они не образовали чешскаго клуба, а вошли въ составъ общей соціалдемократической фракціи, объединяющей представителей всѣхъ австрійскихъ національностей.

2.

Политическая катастрофа, разразившаяся у Бѣлой Горы, нанесла тяжелый ударъ и развитію чешской науки. Но уже въ концѣ XVIII вѣка у колыбели національнаго возрожденія выступаютъ на сцену новыя научныя силы. Имена такихъ ученыхъ, какъ Добровскій, Шафарикъ и Палацкій, пользуются понынѣ заслуженнымъ научнымъ авторитетомъ. Основаніе королевскаго научнаго общества и чешскаго музея, изданіе энциклопедическаго словаря и т. д., таковы были отдѣльные этапы на трудномъ пути, которымъ приходилось идти чешскому народу къ завоеванію себѣ подобающаго мѣста въ средѣ культурныхъ націй. Въ 1882 году, исполнилось, наконецъ, давнишнее желаніе націи имѣть свой собственный чешскій университетъ. Высшая техническая школа существуетъ въ Прагѣ уже съ 1869 г., вторая была открыта въ Брюннѣ въ 1899 г. Попытки создать второй чешскій университетъ—въ Моравіи—встрѣтили энергичное сопротивленіе со стороны нѣмцевъ и ни къ чему еще не привели. Еще болѣе значительнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ является учрежденная въ 1890 г., при содѣйствіи одного мецената, чешская академія наукъ, литературы и искусствъ, которая служитъ съ тѣхъ поръ центромъ научной жизни чешскаго народа.

Вожди чешскаго національнаго движенія всегда оцѣнивали въ полной мѣрѣ ту исключительно важную роль, которую играетъ учебное дѣло въ политической и національной жизни страны. Исходя изъ этого, они всегда стремились пріобрѣсти возможно большее вліяніе на школьныя дѣла и обезпечить чешскимъ дѣтямъ возможность получать образованіе на родномъ языкѣ. Разумѣется, это было связано съ упорной борьбой, не прекратившейся и понынѣ. Вся постановка школьнаго дѣла была во власти германизаторской системы, школы были сплошь онѣмечены, и тысячи дѣтей были утрачены для чешскаго народа. Лишь постепенно началъ опять употребляться въ преподаваніи чешскій языкъ. Несмотря на то, что основные законы 1867 года оговариваютъ за каждой народностью право получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ, устройство каждой чешской народной школы,—особенно въ смѣшанныхъ округахъ,— понынѣ представляетъ очень нелегкое дѣло. Съ такимъ же трудомъ приходилось отвоевывать

чехамъ и среднія учебныя заведенія. О томъ, какихъ усилій стоило созданіе пражскаго университета и какое упорное сопротивленіе встрѣчаетъ проектъ созданія второго университета—въ Моравіи—уже упоминалось выше.

Неблагосклонное отношеніе вѣнскаго правительства къ чешскимъ школамъ и агрессивная тактика „нѣмецкаго школьнаго союза", систематически учреждающаго нѣмецкія народныя школы въ чисто-чешскихъ пунктахъ, вынудили и чеховъ взяться за организацію надлежащаго отпора. Національный ущербъ, съ которымъ связывается для чеховъ устройство частныхъ нѣмецкихъ школъ, прямо-таки неизмѣримъ. Подъ видомъ культурной работы въ нихъ происходитъ самая интенсивная германизація. Для того, чтобы парализовать это зло, чехи внесли въ ландтагъ законопроектъ, согласно которому въ Богеміи дѣти каждой данной націи могутъ приниматься лишь въ ту народную школу, въ которой преподаваніе ведется на ихъ родномъ языкѣ. Противъ этого законопроекта выступили нѣмцы, и онъ былъ проваленъ.

Больше всего приходится страдать при этихъ условіяхъ чешскимъ меньшинствамъ въ нѣмецкихъ городахъ. Правда, существуетъ законъ, въ силу котораго для опредѣленнаго количества дѣтей школьнаго возраста, должна учреждаться особая школа съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Однако осуществить этотъ законъ въ нѣмецкихъ городахъ удалось лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ и съ величайшими трудностями. Характерно, что въ 1891 году, напримѣръ, число чешскихъ дѣтей, посѣщавшихъ нѣмецкія школы, равнялось 16.382, въ то время какъ число нѣмецкихъ дѣтей, посѣщавшихъ чешскія школы, достигало всего 2.869. Неудивительно, что чехамъ пришлось прибѣгнуть къ самопомощи. Въ 1880 году былъ основанъ чешскій школьный союзъ „Ustřední Matice Skolská",—поставившій себѣ цѣлью учреждать частныя народныя школы съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ, несмотря на имѣющуюся потребность, не удалось добиться созданія правительственной чешской школы.

Эта организація не ставитъ себѣ никакихъ наступательныхъ задачъ; ея задача чисто оборонительная— оказать отпоръ германизаторскому вліянію.

Кромѣ указаннаго союза существуютъ еще въ цѣломъ рядѣ городовъ мѣстные школьные союзы и иныя организаціи національной обороны, также построенные на началахъ самопомощи. Въ послѣдніе годы была создана центральная организація „Národní Rada", задавшаяся цѣлью объединять и направлять всю національную работу.

* * *

Немалый интересъ въ смыслѣ національныхъ отношеній между нѣмцами и чехами представляютъ органы самоуправленія въ смѣшанныхъ по своему національному составу областяхъ.

Это относится прежде всего къ столицѣ Богеміи—Прагѣ, гдѣ къ концу 1900 года, насчитывалось (за вычетомъ предмѣстій) чешскаго населенія—194.591 чел. (или 91,35%) и нѣмецкаго—18.258 чел. (или 8,57%). Нѣмецкое меньшинство имѣется въ Прагѣ съ давнихъ поръ. Послѣ тридцатилѣтней войны его сила и вліяніе возросли въ такой мѣрѣ, что Прага приняла внѣшній видъ совершенно нѣмецкаго города. Городское управленіе было въ это время — до 1848 года — построено на бюрократическихъ началахъ и находилось въ рукахъ нѣмецкаго чиновничества. Въ 1848 году муниципалитетъ перешелъ въ руки выборныхъ представителей населенія, и городскимъ головой былъ избранъ чехъ. Но въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху абсолютизма перевѣсъ оказался опять на сторонѣ нѣмцевъ. Лишь въ 1861 году, послѣ возстановленія конституціи, новые выборы обезпечили за чехами большинство, сохраняющееся и до настоящаго времени. Небольшое нѣмецкое меньшинство сохранялось въ коллегіи городскихъ гласныхъ—и то лишь благодаря особому соглашенію,—до 1882 году. Въ этомъ году новоизбранный бургомистръ назвалъ Прагу славянскимъ городомъ, что подало поводъ нѣмецкимъ гласнымъ сложить въ видѣ протеста свои полномочія. Съ этого времени въ пражскомъ муниципалитетѣ нѣмцы не представлены, и городское управленіе носитъ чисто чешскій характеръ. Только во внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ этой коллегіи, поскольку она дѣйствуетъ также и въ качествѣ политическаго учрежденія (магистратъ), употребляются оба языка на равныхъ правахъ. Много шуму вызвалъ вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должны обозначаться названія улицъ. Этотъ вопросъ, выдвинутый въ видѣ реванша по отношенію къ нѣмецкимъ коммунальнымъ органамъ, былъ разрѣшенъ въ концѣ концовъ въ пользу одноязычнаго принципа. Чисто чешскій характеръ носитъ также коммунальное управленіе пражскихъ предмѣстій, въ которыхъ нѣмцы образуютъ, впрочемъ, совершенно незначительное меньшинство. Зато въ нѣмецкихъ городахъ довольно крупныя чешскія меньшинства въ свою очередь совершенно игнорируются мѣстными муниципалитетами и терпятъ всяческія притѣсненія. Это имѣетъ мѣсто даже въ такихъ центрахъ какъ Брюннъ и Троппау—главныхъ городахъ Моравіи и Силезіи. Попытки урегулировать этотъ вопросъ законодательнымъ порядкомъ встрѣтили сопротивленіе со стороны нѣмцевъ и не увѣнчались успѣхомъ.

* * *

Благодаря особому характеру чешскаго національнаго движенія, идеологическаго по преимуществу, экономическій и соціальный моментъ его остается до извѣстной степени въ тѣни. Въ этомъ отношеніи немалую роль сыграло географическое распредѣленіе національностей въ Богеміи. Наиболѣе плодородныя мѣстности, лежащія внутри страны, заселены чехами, въ то время какъ

нѣмцы живутъ въ пограничныхъ гористыхъ областяхъ; благодаря этому въ хозяйственной жизни чеховъ земледѣліе играетъ несравненно бо́льшую роль, о чемъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и приведенныя ниже статистическія таблицы.

Городская промышленность достигла уже въ средніе вѣка высокой степени расцвѣта; послѣ тридцатилѣтней войны въ ней наступило затишье, но уже въ первой половинѣ XIX вѣка въ страну начала прокладывать себѣ дорогу крупная фабрично-заводская промышленность. Наряду съ Прагой и ея предмѣстіями, цѣлый рядъ мѣстностей на сѣверѣ Богеміи, а въ Моравіи ея главный городъ Брюннъ, обладали всѣми тѣми условіями, которыя благопріятствовали быстрому росту фабричной промышленности. Параллельно съ этимъ шло столь же быстрое развитіе торговли.

Приходится признать, что то участіе, которое принимаютъ обѣ націи Богеміи въ промышленности и торговлѣ страны, какъ и сумма капиталовъ, которая приходится на долю каждой изъ нихъ, не соотвѣтствуетъ относительной численности самихъ націй. На сторонѣ нѣмцевъ оказывается перевѣсъ, и въ особенности это замѣчается въ области крупной промышленности и крупной торговли. Въ ту эпоху, когда фабричное производство проникло въ страну, вовлекая въ сферу своего вліянія всѣ стороны экономической жизни, когда замкнутое хозяйство отдѣльныхъ городовъ и областей стало уступать мѣсто міровому хозяйству, національная жизнь чеховъ находилась еще въ зародышевомъ состояніи. Неудивительно, поэтому, что нѣмцы быстро оставили своихъ сосѣдей позади. Надо замѣтить однако, что за послѣдніе годы чехи дѣятельно стараются наверстать утерянное. Поскольку вообще въ данномъ вопросѣ можетъ итти рѣчь о національныхъ подраздѣленіяхъ, чехи уже теперь обладаютъ и своей собственной индустріей, и своей торговлей, и своими кредитными учрежденіями и т. д.

Вопросъ объ отношеніяхъ между нѣмцами и чехами представляетъ вообще для этихъ послѣднихъ исключительно серьезный интересъ. Занимая невыгодное географическое положеніе, уступая нѣмцамъ по своей численности, сдавленные тѣснымъ кольцомъ нѣмецкихъ областей, слабо связанные съ остальными славянскими народностями, имѣющими къ тому же свои особые интересы и задачи, лишенные, наконецъ, политической самостоятельности, чехи находятся въ чрезвычайно неблагопріятномъ политическомъ положеніи. Если въ Судетскихъ земляхъ они и составляютъ большинство населенія, то все же въ экономическомъ отношеніи ихъ вліяніе еще слишкомъ невелико, политическая власть въ имперіи находится въ чужихъ рукахъ, національное дворянское сословіе почти всецѣло исчезло. Положеніе нѣмцевъ въ Австріи неизмѣримо выгоднѣе. Опираясь на старыя традиціи централизма и германизаціи, пользуясь неравномѣрнымъ распре-

дѣленіемъ округовъ, встрѣчая естественныхъ союзниковъ въ лицѣ мадьяръ, съ которыми они дѣлятъ свою власть надъ остальными народностями имперіи, нѣмцы считаютъ себя привилегированнымъ народомъ, призваннымъ къ роли господина. Они еще готовы, и то поневолѣ, предоставить остальнымъ національностямъ ту или иную степень автономности, но требованіе полнаго уравненія ихъ правъ во всѣхъ политическихъ и національныхъ вопросахъ, они рѣшительно отвергаютъ. И если это вѣрно по отношенію къ австрійскимъ нѣмцамъ вообще, то въ еще большей степени это относится къ судетскимъ нѣмцамъ. Глубокая пропасть раздѣляетъ въ политическомъ отношеніи нѣмецкое и чешское населеніе судетскихъ земель при всей той тѣсной связи, которая сближаетъ обѣ націи въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи. Возможно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на нѣчто большее, нежели на эфемерное перемиріе,—на искренній и прочный національный миръ, трудно сказать. Нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи—какъ напримѣръ введеніе національнаго кадастра, помощью котораго предполагалось сгладить острые углы національныхъ разногласій—были уже предприняты въ Моравіи. Но результаты этихъ попытокъ еще недостаточно выяснились. Слишкомъ остро даютъ себя знать разгорѣвшіяся страсти, чтобы возможно стало уже сейчасъ полное взаимное пониманіе и терпимое отношеніе.

3.

Статистическія данныя, приводимыя ниже, даютъ нѣкоторое представленіе объ абсолютной и относительной численности обѣихъ національностей, объ ихъ территоріальномъ разселеніи, о національныхъ меньшинствахъ, о сословной, соціальной и профессіональной группировкѣ и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что австрійская официальная статистика опредѣляетъ національность не по признаку родного языка—признаку единственно отвѣчающему дѣйствительному положенію,—а по признаку такъ наз. обиходнаго языка; и благодаря этому открывается широкій просторъ для оказанія того или иного воздѣйствія на экономически зависимые классы и для всѣхъ тѣхъ злоупотребленій, которыя отсюда проистекаютъ. Съ этой существенной оговоркой и слѣдуетъ пользоваться предлагаемыми данными.

По переписи 1900 г. признали себя принадлежащими по своему „обиходному“ языку-

	Въ Богеміи.	Въ Моравіи.	Въ Силезіи.	Въ Нижней Австріи.
къ чешской націи.	3.930.093	1.727.270	146.265	133.000[1])
„ нѣмецкой „	2.337.013	675.492	296.571	2.714.000

[1]) Бо́льшая часть этого числа приходится на Вѣну.

Перемѣны, происшедшія со времени 1851 г. въ численномъ соотношеніи обѣихъ націй, таковы:

Во всей Австріи [1]) было:

	въ 1851 г.	въ 1880 г.	въ 1820 г.	въ 1900 г.
Чеховъ.	3.988.000	5.181.000	5.473.000	5.955.000
Нѣмцевъ.	6.333.000	8.009.000	8.462.000	9.171.000

То же въ % по отношенію ко всей суммѣ населенія:

Чеховъ.	22.74	23.77	23.32	23.23
Нѣмцевъ.	36.12	36.75	36.05	35.78

Абсолютная численность чешскаго населенія по отдѣльнымъ провинціямъ:

Богемія.	2.621.000	3.470.000	3.644.000	3.930.000
Моравія.	1.264.000	1.507.000	1.590.000	1.727.000
Силезія.	88.000	126.000	130.000	146.000
Нижн. Австрія.	12.000	61.000	93.000	133.000

То же въ % по отношенію ко всему населенію:

Богемія.	59.77	62.79	62.79	62.67
Моравія.	70.23	70.41	70.34	71.35
Силезія.	20.08	22.95	22.02	22.04
Нижняя Австрія.	0.77	2.82	3.79	4.66

Интересна картина разселенія обѣихъ національностей—поскольку, по крайней мѣрѣ, она подается статистическому учету—и данныя о національныхъ меньшинствахъ. Здѣсь слѣдуетъ различать два разряда: одноязычные округа, въ которыхъ какая-либо національность образуетъ не менѣе 80% населенія, и смѣшанные, гдѣ ни одна національность не достигаетъ этого предѣла.

Чешскихъ округовъ въ Богеміи насчитывается 48 кромѣ Праги, нѣмецкихъ—30, смѣшанныхъ—17.

---

[1]) Подъ Австріей мы подразумѣваемъ повсюду Цислейтанію.

Въ столицѣ Прагѣ % отношеніе чеховъ выражалось въ слѣд. цифрахъ:

1880 г.—80.71%
1890 „ —83.50
1900 „ —89.50

Въ Моравіи насчитывается 22 чешскихъ округа, 6 нѣмецкихъ и 20—смѣшанныхъ, въ Силезіи на ряду со смѣшанными и нѣмецкими имѣются еще и польскіе округа.

Для уровня образованія характерно число неграмотныхъ. Въ 1900 г. въ Австріи на каждые 100 чел. въ возрастѣ, начиная отъ 6 лѣтъ и выше, совершенно неграмотныхъ приходилось:

Чеховъ	4.26
Нѣмцевъ	6.83

Въ среднемъ же % неграмотныхъ во всей Австріи равняется 23.85. По отдѣльнымъ возрастамъ неграмотные распредѣляются такъ: на каждые 100 неграмотныхъ приходится въ возрастѣ:

	Отъ 6—10 л.	10—20.	20—30.	30—50.	Выше 50.
Чеховъ.	11.22	0.91	1.41	3.46	7.42
Нѣмцевъ.	17.08	2.44	3.00	5.63	11.00

О распредѣленіи по роду занятій свидѣтельствуютъ слѣд. цифры: въ 1900 г. въ Австріи приходилось на каждую 1000 чел., занятыхъ

	въ сельск. хозяйствѣ.	промышленности.	торговлѣ трансп.	государств. службѣ и либ. проф.
Чеховъ.	187	309	212	232
Нѣмцевъ.	224	502	474	479

Съ другой стороны изъ каждой 1000 чеховъ или нѣмцевъ занято было:

	Чеховъ.	Нѣмцевъ.
Въ сельскомъ хозяйствѣ	431	335
Промышленности	365	383
Торговлѣ и трансп.	93	134
Государств. служба и либер. профессіи .	111	148

Для хозяйственнаго положенія обѣихъ націй характерны отношенія соціальной зависимости. На каждую 1000 чел. производительнаго населенія Австріи приходилось въ 1900 г.:

	Самостоят.	Служащихъ.	Рабочихъ.	Поденщиковъ.	Членовъ семейства.
У чеховъ	289	26	401	85	199
У нѣмцевъ	317	51.	410	64	158

На 1000 чел. производительнаго населенія каждой націи приходилось бы:

		Самост.	Служ.	Раб.	Поденщ.	Членовъ семейства.
Въ сельскомъ хозяйствѣ .	Чехи	232	3	259	125	381
	Нѣмцы . . .	251	4	273	103	369
„ Промышленности .	Чехи	157	14	764	34	31
	Нѣмцы . . .	182	30	731	28	29
„ Торговлѣ	Чехи	347	83	345	182	43
	Нѣмцы . . .	353	128	344	138	37

Если взять данныя, относящіяся къ одной лишь Богеміи, то получимъ слѣд. результаты. На 100 чел. каждой націи было занято:

	Сельск. хоз.	Промышл.	Торг. и трансп.	Госуд. служба.
Чеховъ . . .	46,84	30,79	8,08	14,29
Нѣмцевъ . . .	31,94	45,14	9,09	13,83

На каждые 100 чел., ведущихъ самостоятельно хозяйство, приходилось:

	Въ сельск. хоз.	Промышл.	Торг. и трансп.	Всѣхъ самостоят.
Чеховъ . . .	68,3	57,6	60,6	63,8
Нѣмцевъ . .	31,7	42,4	39,4	36,2

На каждые 100 чел. производительнаго населенія каждой націи приходилось—

въ Богеміи:

		Самост.	Служ.	Рабоч.	Поденщ.	Членовъ семейства.
Въ сельск. хозяйствѣ .	Чеховъ . .	23,1	0,4	30,5	8,0	38,0
	Нѣмцевъ .	27,1	0,6	24,5	13,4	34,4
„ промышленности .	Чеховъ . .	16,6	1,6	76,4	2,4	3,0
	Нѣмцевъ .	14,4	2,2	78,0	2,8	2,6
„ торговлѣ и трансп. .	Чеховъ . .	35,3	9,3	37,4	14,0	4,0
	Нѣмцевъ .	35,1	10,6	31,2	19,4	3,7

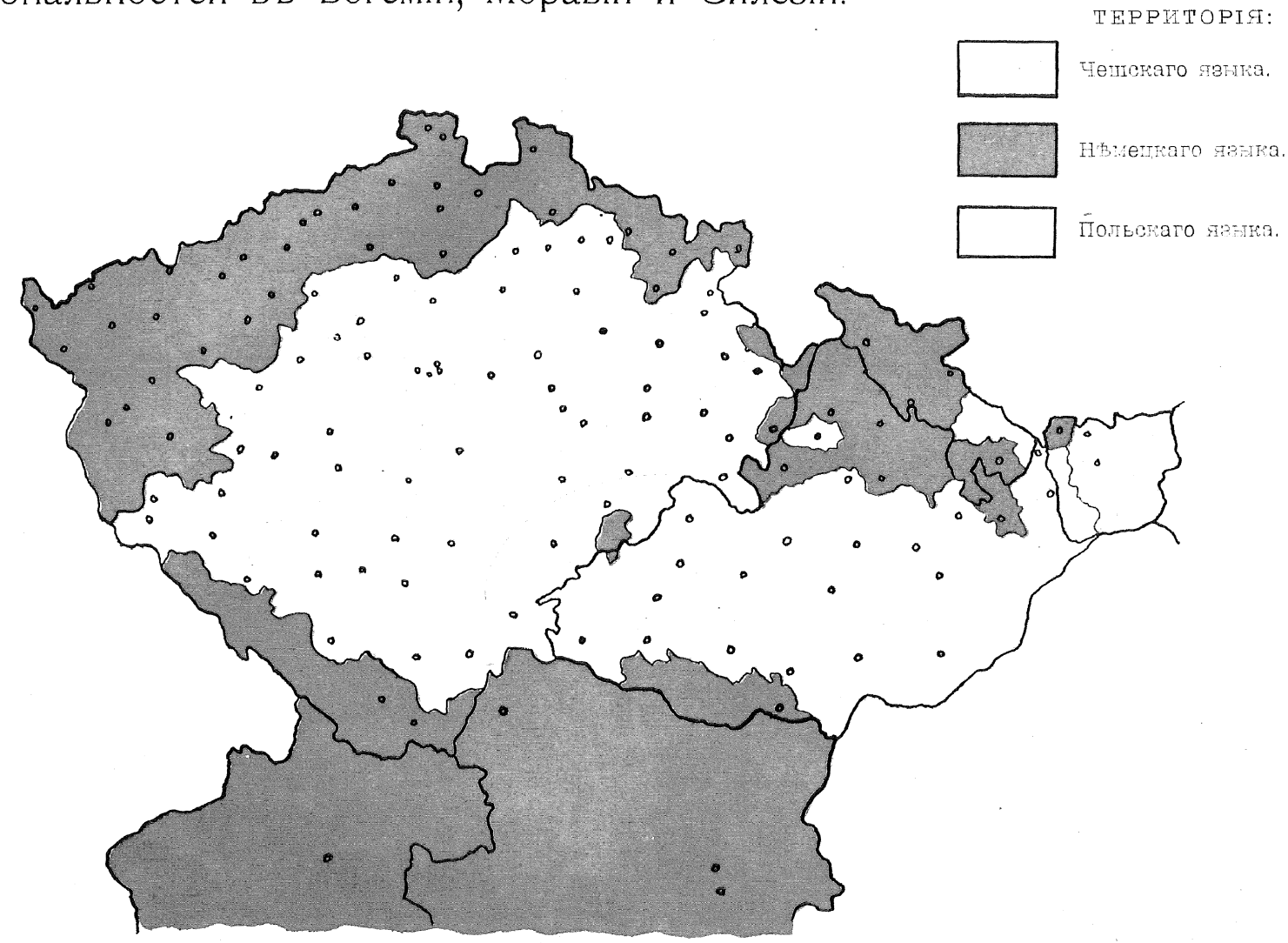
Въ либеральныхъ профессіяхъ	Чеховъ . .	76,5	11,1	12,1	0,1	0,2
	Нѣмцевъ .	71,7	13,2	14,8	0,2	0,1

Въ Моравіи:

		Самостоят.	Рабочихъ
Въ сельск. хозяйствѣ .	Чеховъ	23,4	17,6
	Нѣмцевъ	27,5	16,7
Въ промышленности .	Чеховъ	15,9	73,7
	Нѣмцевъ	16,7	73,0
Въ торговлѣ и трансп. .	Чеховъ	33,9	25,3
	Нѣмцевъ	37,8	31,9

Прага. **Prof. Dr. Cyrill Horáček.**

Карта Національностей въ Богеміи, Моравіи и Силезіи.



ПОЛЬСКО-УКРАИНСКАЯ БОРЬБА.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
МОСКВА. РАБОЧАЯ

I. Поляки.

1.

По даннымъ послѣдней всеобщей переписи 1900 года поляковъ въ Австріи насчитывается 4.259.152. Громадное большинство польскаго населенія сосредоточено въ двухъ провинціяхъ—въ Галиціи и Силезіи,—гдѣ оно составляетъ искони часть коренныхъ обитателей края. Въ первой поляковъ 3.988.702, [1]) во второй 220.472. Остальное количество распредѣляется между румынско-украинской Буковиной и нѣмецко-чешской Моравіей. Въ Буковинѣ, гдѣ польскіе выходцы изъ Галиціи образовали рядъ колоній, поляковъ числится 26.857. Что же касается Моравіи, то присутствіе въ ней сплоченной массы польскаго населенія, обнаруживающаго сильную тенденцію роста, наблюдается лишь въ самые послѣдніе годы. По переписи 1900 г. поляковъ въ Моравіи насчитывалось 15.560, но въ настоящее время ихъ тамъ не менѣе 30.000. Внѣ этихъ четырехъ провинцій количество поляковъ совершенно ничтожно. Только въ Вѣнѣ они составляютъ болѣе или менѣе замѣтную колонію.

Поляки въ Австріи сталкиваются съ украинцами, нѣмцами, чехами и евреями. Это сожительство разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ ведетъ къ ряду конфликтовъ, пріобрѣтающихъ характеръ національныхъ антагонизмовъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ польско-украинскимъ, польско-чешскимъ и отчасти, съ польско-нѣмецкимъ вопросомъ, развивающимися на

[1]) Эта цифра нѣсколько видоизмѣняется, если принять во вниманіе, что она включаетъ въ себя и евреевъ, которыхъ австрійская статистика разсматриваетъ только какъ вѣроисповѣдную группу, а въ рубрикѣ „обиходнаго языка“, считающагося въ Австріи единственнымъ офиціальнымъ признакомъ націи, причисляетъ ихъ къ одному изъ восьми такъ наз. признанныхъ (landesüblich) языковъ (еврейскій «жаргонъ», на которомъ говоритъ въ Австріи подавляющее большинство евреевъ, не признается австрійской статистикой). Въ Галиціи изъ 3.988.702 говорящихъ по-польски 621,185 падаетъ на долю евреевъ. Это обстоятельство необходимо всегда имѣть въ виду при изученіи галиційскихъ отношеній (ср. ниже). *Прим. ред.*

почвѣ тѣхъ специфическихъ условій, въ которыя поставленъ польскій элементъ вслѣдствіе своей подчиненности австрійской государственной политикѣ.

Такъ какъ на первый планъ жизнью выдвигается польско-украинская распря, то прежде всего небезынтересно будетъ остановиться на данныхъ, касающихся польскаго населенія на украинской территоріи Австріи.

Обыкновенно принято думать, что Галиція распадается на двѣ отличныя въ этнографическомъ отношеніи части: на восточную,—украинскую, и западную—польскую. Между тѣмъ далеко на западъ отъ рѣки Сана, слѣдовательно въ Западной Галиціи, тянутся узкой полосой вдоль сѣверныхъ склоновъ Карпатъ украинскія поселенія. Эта расширяющаяся по направленію къ востоку полоса, проникнувшая далеко вглубь Западной Галиціи, является остаткомъ украинской этнографической территоріи, составлявшей нѣкогда немалую часть теперешней Западной Галиціи. Въ теченіе столѣтій польскій элементъ передвинулся на востокъ, не только покрывая украинскую территорію своими островами и островками, но и оттѣсняя все дальше ея границы. Въ настоящее время западная окраина Восточной Галиціи имѣетъ чисто-польскій характеръ, а на ея украинской территоріи польское населеніе настолько велико, что кое-гдѣ даже преобладаетъ.

Восточная Галиція [1]) занимаетъ 70.5% пространства всего края, причемъ на ея территоріи живетъ 65.8% галиційскаго населенія, т. е. 4.814.171 чел., изъ которыхъ 2.997.200 считало себя украинцами (62,5%) и 1.618.180 (33.7%)—поляками; 3,7% приходится на долю нѣмцевъ. Такой сравнительно громадный процентъ польскаго населенія Восточной Галиціи объясняется прежде всего ея историческими судьбами.

Польскій элементъ существовалъ здѣсь и игралъ политическую роль съ незапамятныхъ временъ. Еще Несторъ констатировалъ, что „въ лѣто 6489 (т. е. 981) иде Володимиръ на Ляхи и зае грады ихъ Перемышль, Червень и иныи, иже суть до сего дня подъ Русію“. Въ XIV столѣтіи теперешняя Восточная Галиція окончательно переходитъ въ руки Польши, судьбу которой раздѣляетъ вплоть до конца XVIII столѣтія. Польскіе короли и вельможи основывали новые или возстановляли старые, пришедшіе въ упадокъ, города, заселяя ихъ нѣмецкими выходцами, которые со временемъ подвергались полонизаціи. Такая же участь постигла и украинское дворянство, усвоившее польскую культуру, и въ концѣ концовъ всѣ образованные и зажиточные слои населенія теперешней Восточной Галиціи стали польскими.

---

[1]) Восточная Галиція теперь не представляетъ собой обособленной административной единицы; таковой она была только въ періодъ 1854—1860 гг.; но въ виду существенныхъ различій между обѣими частями этой коронной земли, условные термины «Восточная» и «Западная» Галиція употребляются до сихъ поръ.

Благодаря этому ассимиляціонному процессу польскій элементъ въ Восточной Галиціи все усиливался. Съ другой стороны въ эту область массами стекались выходцы изъ коренной Польши. Поскольку это были крестьяне, они быстро растворялись въ окружающей ихъ украинской средѣ. Выходцы же изъ дворянъ, мѣщанъ и образованныхъ классовъ не только не теряли своей польской національности, но еще усиливали ассимиляціонную способность польскаго населенія.

Вплоть до національнаго возрожденія галиційскихъ русинъ, начавшагося въ первой половинѣ XIX столѣтія, полонизація украинскихъ элементовъ, выбивавшихся изъ крестьянства и поднимавшихся на высшую соціальную ступень, шла со стихійной послѣдовательностью. Украинское національное движеніе встрѣтилось такимъ образомъ съ полнымъ преобладаніемъ поляковъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ за исключеніемъ одного лишь крестьянства. Крупное землевладѣніе находилось всецѣло въ польскихъ рукахъ, города, поскольку дѣло касалось христіанскаго населенія, были очагами польскаго вліянія, интеллигенція была также польской. Съ начала конституціонной жизни поляки пріобрѣтаютъ постоянно усиливающееся значеніе, и польская общественно-культурная жизнь въ Восточной Галиціи начинаетъ бить ключемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторая часть евреевъ ассимилируется съ поляками. Къ тому же возникновеніе нефтяной промышленности привлекаетъ въ Восточную Галицію массу польскихъ рабочихъ, а начавшееся въ послѣднюю четверть XIX вѣка парцелляціонное движеніе направляетъ туда и польскихъ крестьянъ. А такъ какъ національное сознаніе въ средѣ послѣднихъ сильно возросло, то и процессъ сліянія ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ ослабѣваетъ.

Въ результатѣ мы наблюдаемъ постоянный ростъ польскаго населенія Восточной Галиціи—ростъ не только абсолютный, но и относительный, на что указываютъ слѣдующія цифры:

Г о д ъ.	Число поляковъ.	% ко всему насел.
1880	1.076.145	28,1
1890	1.338.899	31,2
1900	1.618.170	33,7

Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ политическое значеніе полонизаціоннаго процесса, наблюдающагося въ Восточной Галиціи, необходимо познакомиться, какъ съ территоріальнымъ распредѣленіемъ польскаго населенія, такъ и съ соціальнымъ его составомъ.

Восточная Галиція распадается на 50 округовъ (повѣтовъ). Изъ нихъ въ столицѣ Галиціи, во Львовѣ, во львовскомъ и въ двухъ западныхъ повѣтахъ (бжозовскомъ и ярославскомъ), поляковъ больше, чѣмъ русинъ. Во

всѣхъ остальныхъ они въ меньшинствѣ, которое впрочемъ достигаетъ 40 и болѣе %. Только въ 8 повѣтахъ число поляковъ не доходитъ до 15% населенія. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что повѣты съ крупнымъ польскимъ меньшинствомъ не составляютъ сплошной территоріи. Рядомъ съ повѣтомъ, гдѣ польское населеніе достигаетъ 65,2% (ярославскій), расположенъ повѣтъ, въ которомъ поляковъ всего 11,8% (яворовскій); рядомъ съ послѣднимъ мы опять встрѣчаемъ такой повѣтъ (грудецкій), гдѣ поляковъ 39,7%. Львовъ вмѣстѣ съ львовскимъ повѣтомъ, въ которомъ поляковъ больше, чѣмъ русинъ, расположенъ почти въ самомъ центрѣ Восточной Галиціи, а на ея восточной окраинѣ, въ скалатскомъ повѣтѣ, на самой русской границѣ, польскій элементъ достигаетъ 44,8%.

Если мы обратимся къ соціальному составу польскаго населенія Восточной Галиціи, то увидимъ, что польскій элементъ относительно слабъ именно въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ силенъ украинскій, и обратно. Украинское населеніе—это крестьяне, тонкій слой мелкой буржуазіи и немногочисленная профессіональная интеллигенція съ преобладаніемъ въ ея средѣ духовенства. Польское—это буржуазія, крупная и мелкая, рабочіе, интеллигенція и бюрократія, помѣщичій классъ и, наконецъ, крестьянство. Сильнѣе всего польскій элементъ въ городахъ. Въ 1900 г. на территоріи Восточной Галиціи было 50 городовъ и общинъ съ населеніемъ свыше 5.000 душъ. Въ нихъ поляки составляли 64%, русины 23,4%. Чѣмъ крупнѣе городъ, тѣмъ польскій элементъ въ немъ сильнѣе. Въ городахъ съ населеніемъ свыше 20.000 душъ поляки составляютъ 72,5%, русины 13,6%. Центрами польской населенности являются помѣщичьи земли ,на которыхъ поляки составляютъ 66%. Наконецъ въ сельскихъ общинахъ Восточной Галиціи поляки составляютъ 26%, (свыше милліона населенія).

Вопросъ о роли поляковъ въ Восточной Галиціи сильно осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь численность польскаго населенія, указанная въ офиціальной статистикѣ, въ сущности не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а представляетъ собой въ нѣкоторомъ родѣ политическую фикцію; ибо фигурирующее въ рубрикѣ польскаго языка огромное количество евреевъ фактически говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, и лишь на бумагѣ „причислено“ къ господствующей польской національности. Прежде—въ эпоху вліянія нѣмцевъ—евреи фигурировали въ рубрикѣ нѣмецкаго языка; новое измѣненіе политической конъюнктуры можетъ передвинуть ихъ въ украинскую рубрику. И такимъ образомъ въ городахъ, гдѣ еврейское населеніе составляетъ значительный процентъ, польское большинство очень легко можетъ превратиться въ меньшинство. Конечно, это вопросъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

По сравненію съ площадью, на которой сталкиваются польскіе и украин-

скіе національные интересы, территорія польско-чешской распри можетъ показаться миніатюрной. Эта территорія охватываетъ всего какихъ-нибудь полтора десятка мѣстностей на западной окраинѣ юго-восточной части Силезіи—въ такъ наз. герцогствѣ Цѣшинскомъ (Teschen, Cieszyn). Тѣмъ не менѣе польско-чешская распря разгорается и отъ времени до времени вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, заставляя публицистовъ обѣихъ національностей провозглашать настоящій крестовый походъ противъ сосѣдей.

Исторически Силезія утратила политическую связь съ Польшей еще въ средніе вѣка. Польскіе князья изъ рода Пястовъ онѣмечились; онѣмеченію подверглась также и силезская знать и всѣ образованные слои. Надвигающееся съ запада германское море поглотило Нижнюю и Среднюю Силезію вмѣстѣ съ ея столицей Бреславлемъ, и въ концѣ концовъ только въ Верхней Силезіи) сохранился національный славянскій обликъ, да и то лишь въ народныхъ массахъ. Послѣ перехода большей части Силезіи подъ власть Пруссіи въ половинѣ XVIII столѣтія, за Австріей остался только небольшой клочекъ этой провинціи, распадающійся на двѣ обособленныхъ территоріи. Сѣверо-западная часть австрійской Силезіи населена нѣмцами и чехами, въ юго-восточной преобладаютъ поляки.

По переписи 1880 г. въ герцогствѣ Цѣшинскомъ (юго-восточная часть Силезіи) было поляковъ 153.724, чеховъ 71.788, нѣмцевъ 36.865. Въ 1890 г. количество поляковъ возросло до 177.403, чеховъ до 74.879, а нѣмцевъ до 41.856. Такимъ образомъ число поляковъ возрастаетъ съ 1880 г. гораздо быстрѣе, нежели число чеховъ и нѣмцевъ, и въ настоящее время они составляютъ уже болѣе $^2/_3$ населенія въ этомъ краѣ. Однако этотъ ариѳметическій перевѣсъ пока еще очень слабо отражается на роли польскаго элемента въ Силезіи. Дѣло въ томъ, что по своему соціальному составу силезскіе поляки скорѣе напоминаютъ восточно галиційскихъ русинъ, нежели своихъ ближайшихъ сосѣдей и единоплеменниковъ—западно-галиційскихъ поляковъ. Поляки въ Силезіи—это крестьяне и фабричные рабочіе, если не считать горсти профессіональной интеллигенціи. Землевладѣльческій классъ, буржуазія и бюрократія въ Силезіи сплошь состоятъ изъ нѣмцевъ, интеллигенція также принадлежитъ къ нѣмецкой или къ чешской національности.

Историческія условія Силезіи сложились такъ, что отдѣльныя единицы, выдѣлявшіяся изъ польскихъ народныхъ массъ и поднимавшіяся на болѣе высокую ступень соціальной лѣстницы, либо подвергались онѣмеченію, либо—что случалось рѣже—переходили въ чешскій лагерь. Въ результатѣ, нѣмецкая и чешская культура завоевали Силезію, совершенно отрѣзанную въ теченіе шести столѣтій отъ общепольской духовной жизни. Однако вліяніе каждой

изъ этихъ культуръ сказывалось различно. Германизація дѣйствовала болѣе радикально. Поляки, подвергавшіеся вліянію нѣмецкой культуры, просто превращались въ нѣмцевъ и усиливали собой нѣмецкій элементъ. Чешское же вліяніе имѣло болѣе поверхностный характеръ. Оно выражалась въ томъ, что въ польскихъ деревняхъ чешскій языкъ становился языкомъ церкви и школы, языкомъ образованнаго класса; народная масса не переставала однако оставаться польской, хотя и была лишена польскаго національнаго самосознанія. Быть можетъ современемъ и чешское вліяніе пошло бы вглубь, и денаціонализація польскихъ народныхъ массъ западной окраины Силезіи приняла бы такіе же размѣры какъ германизація ея городовъ; но во всякомъ случаѣ задача, съ которой могли справиться нѣмцы въ городахъ, была не подъ силу чехамъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ сельскимъ населеніемъ, разбросанномъ на сравнительно большомъ пространствѣ. Успѣхи чешскаго вліянія не перестаютъ быть поверхностными, и въ силу цѣлаго ряда причинъ постепенно замедляются.

Въ числѣ этихъ причинъ на первомъ мѣстѣ надо поставить національное возрожденіе силезскихъ поляковъ въ первой половинѣ XIX вѣка, совершенно аналогичное національному возрожденію чеховъ, словенцевъ, русинъ и т. д. Подъ вліяніемъ распространенія демократическихъ идей появляются вышедшіе изъ народа и не превращающіеся ни въ нѣмцевъ, ни въ чеховъ, интеллигентные дѣятели, которые начинаютъ работать среди народныхъ массъ и пробуждать въ нихъ національное самосознаніе. Это народные учителя, священники, писатели,—зародышъ польско-силезской интеллигенціи. По ихъ почину между Силезіей и другими польскими областями начинается живой обмѣнъ мыслей. Поляки изъ Галиціи и Царства Польскаго спѣшатъ помочь своимъ силезскимъ соплеменникамъ. Въ результатѣ, возникаютъ разнообразныя національныя организаціи, сначала чисто просвѣтительнаго, а затѣмъ и экономическаго и, наконецъ, политическаго характера, дѣйствующія среди народныхъ массъ. Это національное движеніе охватило на первыхъ порахъ преимущественно зажиточныхъ крестьянъ и выходящую изъ рядовъ этого крестьянства мелкую буржуазію. Эти два элемента вмѣстѣ съ горстью мѣстной и пріѣзжей изъ Галиціи интеллигенціи долгое время являлись носителями польской національной идеи въ Силезіи, ведя успѣшную борьбу прежде всего съ германизаціей и только отчасти съ чешскимъ вліяніемъ. Между тѣмъ жертвой послѣдняго начинала становиться масса польскаго населенія, и уже не только коренного силезскаго, но и пришлаго изъ Галиціи.

Въ послѣдней четверти XIX вѣка австрійская Силезія и прилегающая къ ней часть Моравіи становятся очагомъ крупной промышленности. До-

быча каменнаго угля принимаетъ громадные размѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ быстро растетъ металлургическая промышленность. Мелкія силезскія поселенія превращаются въ крупные заводскіе центры съ десятками тысячъ рабочихъ. Этихъ послѣднихъ поставляетъ не только Силезія, но и Западная Галиція. Такъ какъ ростъ промышленнаго развитія герцогства Цѣшинскаго сказывается прежде всего на его западной окраинѣ, гдѣ мѣстное крестьянское населеніе (въ количествѣ около 50.000) принадлежитъ къ чешской національности, то и среди рабочихъ первоначально преобладаютъ чехи, какъ мѣстные, такъ и пришлые съ запада. Однако съ теченіемъ времени начинается характерный процессъ постепеннаго вытѣсненія чешскихъ рабочихъ польскими. Спросъ на рабочія руки растетъ съ усиливающейся быстротой, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуется все большее и большее количество неквалифицированной рабочей силы. Эту-то силу и поставляютъ выходцы изъ Галиціи— темные, безграмотные крестьяне, постепенно вытѣсняющіе болѣе культурный чешскій рабочій элементъ. Чешскій рабочій не можетъ мириться съ той заработной платой, на которую съ радостью соглашается голодающій галиційскій крестьянинъ. Чешскій рабочій лучше ѣстъ, лучше одѣвается и пользуется различными благами культуры, совершенно неизвѣстными темной крестьянской массѣ, хлынувшей въ Силезію изъ Галиціи. И будучи не въ силахъ выдержать конкуренцію польскихъ крестьянъ, онъ эмигрируетъ дальше на западъ, въ сѣверную Богемію или въ Вѣну, гдѣ играетъ такую же роль по отношенію къ нѣмецкому рабочему, какую сыгралъ польско-галиційскій по отношенію къ нему. Вытѣсненіе чешскаго рабочаго элемента польскимъ принимаетъ въ Силезіи широкіе размѣры. И вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ на сцену новый національный факторъ.

Пока польскіе крестьяне, какъ мѣстные, такъ и галиційскіе, стекались въ западно-силезскіе промышленные центры въ сравнительно небольшомъ количествѣ, они быстро вовлекались въ круговоротъ чешской жизни. Лишенные національнаго самосознанія, они легко подвергались ассимилирующему вліянію чешской культуры. Съ одной стороны администрація копей, заводовъ и фабрикъ, почти сплошь чешская, сознательно дѣйствовала въ этомъ направленіи, съ другой стороны польскіе рабочіе вступали въ чешскіе профессіональные союзы, слушали на народныхъ собраніяхъ чешскихъ соціалистическихъ ораторовъ, обучались грамотѣ на чешскихъ соціалистическихъ изданіяхъ и т. д. Однако съ теченіемъ времени, когда притокъ польскихъ рабочихъ усилился, когда они стали вытѣснять чеховъ, когда появились пріѣзжіе изъ Кракова польскіе соціалистическіе агитаторы, когда возникли польскія агитаціонныя изданія, профессіональные союзы съ польскими собраніями и докладчиками, польскія политическія рабочія организаціи,—про-

цессъ денаціонализаціи польскихъ рабочихъ сталъ мало-по-малу замедляться. Въ концѣ концовъ возникаетъ польское соціалдемократическое движеніе съ ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ. Соціалдемократы оказываютъ отпоръ ассимиляціонному процессу и руководятъ движеніемъ въ пользу созданія польскихъ школъ.

Принявшіе было чешскій обликъ польскіе рабочіе становятся сознательными поляками и выступаютъ противъ преобладанія чешской культуры; чехамъ приходится занять оборонительную позицію. Польско-чешскій антагонизмъ все усиливается. Правда, онъ умѣряется до нѣкоторой степени враждой между славянами и нѣмцами и сознаніемъ, что эти послѣдніе одинаково опасны и для чеховъ и для поляковъ; однако это соображеніе мало-по-малу отступаетъ на задній планъ, хотя бы уже въ силу того обстоятельства, что германизація грозитъ полякамъ только въ городахъ, между тѣмъ какъ ассимилирующее вліяніе чеховъ сказывается на болѣе широкой площади.

Процессъ, который мы наблюдаемъ въ Силезіи, охватилъ въ самое послѣднее время и сосѣднюю часть Моравіи, куда тоже хлынули десятки тысячъ польскихъ рабочихъ, вытѣсняя чешскихъ изъ такихъ промышленныхъ центровъ, какъ Моравская Острава, Витковицы, Прживозъ и т. д. И тамъ, благодаря наплыву польскихъ рабочихъ, создались условія, порождающія польско-чешскій антагонизмъ.

Съ польско-нѣмецкими отношеніями мы уже отчасти познакомились, разсматривая національные факторы силезской жизни. Несмотря на свою малочисленность, нѣмцы являются въ герцогствѣ Цѣшинскомъ господствующимъ элементомъ. Силезскіе города носятъ по большей части нѣмецкій характеръ, вслѣдствіе того, что всѣ зажиточные и политически вліятельные классы городского населенія принадлежатъ къ нѣмецкой національности. Преобладаніе нѣмецкой культуры основано здѣсь исключительно на политическихъ привилегіяхъ зажиточныхъ элементовъ, такъ какъ процентное отношеніе нѣмецкаго населенія ко всѣмъ жителямъ области постоянно измѣняется къ невыгодѣ для нѣмцевъ.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется роль нѣмецкаго элемента въ Галиціи. Здѣсь онъ не имѣетъ почти никакого значенія, за исключеніемъ города Бялы и трехъ крупныхъ селъ бяльскаго повѣта (на границѣ Силезіи). Сравнительно крупная, хотя очень быстро тающая цифра нѣмецкаго населенія Галиціи (въ 1890 г. 227.600; въ 1900 г.—211.752) объясняется тѣмъ, что болѣе 100.000 евреевъ, преимущественно въ Восточной Галиціи, при переписи записалось въ нѣмецкую, а не въ польскую или русинскую рубрику. Настоящихъ нѣмцевъ въ Галиціи не болѣе 80.000. Изъ нихъ въ городѣ Бялѣ и сосѣднихъ селахъ живетъ 13.000, остальные же разсѣяны по всей Гали-

ціи, преимущественно Восточной. Въ 148 мѣстностяхъ существуютъ нѣмецкія колоніи, но только въ 52 изъ нихъ нѣмцы составляютъ большинство, во всѣхъ же остальныхъ они перемѣшаны съ польскимъ или русинскимъ большинствомъ. Всѣ галиційскія нѣмецкія колоніи представляютъ собой (опять-таки за исключеніемъ Бялы) небольшія деревни съ населеніемъ отъ нѣсколькихъ десятковъ до 1000 душъ. Такимъ образомъ чисто нѣмецкое населеніе Галиціи, разсѣянное по всей ея территоріи и составляющее всего-на-всего 1% ея населенія, никакой роли играть не можетъ.

Число евреевъ Галиціи достигаетъ сравнительно громадной цифры 811.371 душъ, причемъ разселены они по галиційской территоріи очень неравномѣрно. Въ Восточной Галиціи они составляютъ 12,8%, въ Западной—7,7%.

По переписи	евреевъ было въ Галиціи.	% ко всему насел.
1880 г.	636.598	11,52
1890 „	772.213	11,69
1900 „	811.371	11,09

Изъ этихъ цифръ видно, что ростъ еврейскаго населенія Галиціи далеко уступаетъ росту христіанскаго элемента. Это объясняется постоянно усиливающейся эмиграціей евреевъ—въ Вѣну, Буковину, Венгрію и особенно въ Америку. Въ послѣднемъ десятилѣтіи интенсивность еврейской эмиграціи была втрое сильнѣе польской и въ пять разъ сильнѣе русинской. Вслѣдствіе этого убыль (вызванная эмиграціей) польскаго населенія выражалась цифрой 39, русинскаго—27, еврейскаго же—136 на тысячу. Въ 26 повѣтахъ еврейская эмиграція поглотила не только естественное приращеніе, но отчасти и самый „капиталъ“, такъ что въ 1900 г. евреевъ тамъ было меньше, нежели въ 1890. Ростъ экономической самодѣятельности крестьянства, возникновеніе торговыхъ фирмъ и товариществъ, основанныхъ христіанами, наконецъ быстрая индустріализація сосѣднихъ провинцій—все это способствуетъ возрастанію эмиграціи еврейскаго населенія Галиціи.

Въ національномъ отношеніи роль галиційскаго еврейства еще не вполнѣ опредѣлилась. Въ эпоху нѣмецкаго режима евреи, за исключеніемъ горсти ассимилировавшейся съ поляками интеллигенціи, примыкали къ нѣмецкому лагерю. Впослѣдствіи начался процессъ полонизаціи. То обстоятельство, что австрійская статистика не признаетъ евреевъ особой націей, не даетъ возможности опредѣлить, какъ велико число евреевъ признающихъ свою принадлежность къ еврейской національности [1]). Въ Силезіи евреи, состав-

[1]) См. ниже статью „Еврей“. Ред.

ляющіе тамъ, впрочемъ, очень незначительный процентъ населенія (1,76%), примыкаютъ въ національномъ отношеніи къ нѣмцамъ.

Таково фактическое взаимоотношеніе національныхъ элементовъ, соприкасающихся съ поляками въ предѣлахъ Австріи.

2.

Изъ всѣхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой самая горькая участь постигла, послѣ раздѣловъ Польши, Галицію. Почти сто лѣтъ ей пришлось испытывать гнетъ централистическаго абсолютизма, гораздо болѣе сильный, нежели въ Пруссіи и Россіи. Уже императоръ Іосифъ II, облегчившій положеніе крестьянства упраздненіемъ въ 1782 г. его крѣпостной зависимости и осуществившій нѣкоторыя положительныя реформы въ области народнаго просвѣщенія, ввелъ нѣмецкій языкъ въ школы и администрацію, отдалъ Галицію въ полную власть нѣмецкой бюрократіи и подорвалъ экономическое благосостояніе края. Система Меттерниха усугубила централистическій гнетъ, эксплоатируя безжалостно край и убивая въ зародышѣ его хозяйственную самодѣятельность.

Австрійское правительство вполнѣ сознательно стремилось къ тому, чтобы Галиція была рынкомъ сбыта для промышленныхъ провинцій Австріи, и чтобы въ ней самой не могла возникнуть конкурирующая съ ними промышленность. Австрія очень долго смотрѣла на Галицію, какъ на временное пріобрѣтеніе, съ которымъ раньше или позже придется разстаться. Въ силу этого соображенія австрійское правительство торопилось какъ можно скорѣе выжать изъ несчастнаго края все, что только было возможно. Постоянно дрожа за свое обладаніе Галиціей, оно принимало самыя крутыя мѣры для подавленія въ ней не только попытокъ къ отторженію, но даже и невиннѣйшихъ проявленій польской національной жизни. Для ослабленія польскихъ національныхъ тенденцій вѣнская центральная власть искусственно разжигала въ Галиціи соціальный, вѣроисповѣдный и національный антагонизмъ. Абсолютистскій и германизаторскій режимъ Австріи довелъ Галицію до полнаго упадка—экономическаго и культурнаго, убилъ въ ней всякую политическую мысль и, деморализовавъ интеллигенцію, воспиталъ народные массы въ духѣ австрійскаго патріотизма и ненависти ко всему тому, что не желало подчиниться волѣ нѣмецкой бюрократіи.

Ко времени возстанія 1830—1831 гг. Галиція была самой отсталой частью Польши. И только послѣ подавленія возстанія здѣсь даетъ себя чувствовать новый духъ. Въ Галицію хлынуло около 10.000 выходцевъ изъ

Царства Польскаго—участниковъ возстанія,—которые оказали электризующее вліяніе на сонное галиційско-польское общество. Подъ ихъ воздѣйствіемъ возникаетъ рядъ тайныхъ обществъ, которыя проникаются революціонно-патріотическими идеями, проповѣдуемыми эмигрантскими демократическими организаціями. Существованіе микроскопической, но все же независимой Краковской Республики облегчало до извѣстной степени распространеніе этихъ идей, вызывавшихъ сильное броженіе въ умахъ молодежи. Эмиссары „Демократическаго Общества“ проникали въ Галицію, создавали конспиративные кружки и пробуждали уснувшую было мысль о необходимости борьбы за независимость Польши.

Къ февралю 1846 г. подготовлялось въ Галиціи возстаніе. Революціонеры-демократы вѣрили, что за ними пойдетъ крестьянство, которому они обѣщали въ случаѣ удачи кромѣ полныхъ гражданскихъ правъ также надѣленіе землей. Но правительство Меттерниха не дремало. Оно натравило на повстанцевъ крестьянъ западныхъ округовъ Галиціи. Одновременно съ этимъ австрійскія власти организовали погромъ помѣщиковъ, сотни которыхъ были перерѣзаны крестьянами (т. н. „Тарновская рѣзня“). Возстаніе фактически ограничилось однимъ Краковомъ, гдѣ въ немъ приняли участіе окрестные крестьяне, горнорабочіе изъ Велички, ремесленники и молодежь. Образовалось „національное правительство Польской Республики“, заявленія котораго имѣли ярко-выраженный демократическій и даже коммунистическій характеръ. Возстаніе, конечно, успѣха не имѣло, и въ результатѣ Краковская Республика была упразднена и присоединена къ Австріи.

Вспышка 1846 г. была какъ бы первымъ громомъ надвигавшейся бури, которая два года спустя смела съ лица земли систему Меттерниха. Паденіе Меттерниха вызвало въ Галиціи взрывъ воодушевленія. Польское общество было охвачено патріотическимъ движеніемъ революціоннаго характера. Воскресаетъ надежда на возстановленіе Польши подъ эгидой конституціонной Австріи. Въ этомъ духѣ былъ составленъ адресъ, предъявленный императору Фердинанду отъ имени Галиціи и краковскаго округа. Адресъ заключалъ въ себѣ рядъ требованій національнаго характера и домогался между прочимъ упраздненія барщины.

Энтузіазмъ, охватившій политически сознательные элементы Галиціи, вызвалъ небывалое единодушіе. Аристократія и буржуазія, поляки и евреи, и даже часть русинъ соединились въ общемъ стремленіи закрѣпить за Галиціей результаты политическаго переворота мартовскихъ дней 1848 г.

Между тѣмъ мало-по-малу опьяненіе легкой побѣдой начало проходить. Съ другой стороны, и вѣнское правительство опомнилось. Вынужденное революціей пойти на уступки, оно старается теперь отвоевать какъ

можно больше изъ того, что у него было отнято. Такъ было и въ нѣмецкихъ и въ чешскихъ областяхъ Австріи, то же самое наблюдаемъ мы и въ Галиціи. Сангвиническія надежды поляковъ переполошили вѣнское правительство. Призракъ независимой Польши, хотя бы даже и подъ австрійскимъ протекторатомъ, вызывалъ въ немъ нескрываемый ужасъ. И бюрократія прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы сломить физическую и нравственную силу польскихъ революціонныхъ элементовъ. Чтобы не дать возможности образованнымъ классамъ польскаго населенія опереться на крестьянство, австрійское правительство спѣшитъ упразднить въ Галиціи барщину на четыре мѣсяца раньше, нежели въ остальныхъ частяхъ Австріи, желая такимъ образомъ предупредить галиційскихъ помѣщиковъ и снискать благодарность крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскія власти стараются разжечь русинско-польскій антагонизмъ, организуя съ средѣ русинъ антипольскую партію, преданную интересамъ правительства и готовую бороться съ революціонными тенденціями поляковъ.

Эти ловкіе шахматные ходы австрійскаго правительства привели къ желаннымъ для него результатамъ. Выборы въ вѣнскій парламентъ, проведенные въ концѣ іюня, дали 38 депутатовъ-крестьянъ (польскихъ и русинскихъ) изъ общаго числа 108 депутатовъ Галиціи и соединенной съ ней Буковины. Эти крестьяне были въ парламентѣ орудіемъ въ рукахъ правительственной реакціи и дѣйствовали по указкѣ губернатора Галиціи, барона Стадіона, выбраннаго въ двухъ округахъ сразу.

Галиція, принявшая такое видное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., почувствовала на себѣ тяжелую руку контръ-революціоннаго режима. Германизаторская система мало-по-малу была возстановлена, бюрократія снова стала хозяиномъ положенія, и военные суды дѣйствовали съ неослабной энергіей. Печать подверглась гоненіямъ, лучшіе люди, не исключая и довольно умѣренныхъ политиковъ, попали въ тюрьмы, общественная реакція дополнила правительственную. Губернаторъ Галиціи, полякъ графъ Агеноръ Голуховскій, былъ слѣпымъ орудіемъ центральной власти.

Но возстановивъ значительную часть прежняго абсолютизма и централизма, Австрія въ концѣ концовъ очутилась на краю гибели. Финансы страны были расшатаны бюрократическимъ хозяйничанімъ, всеобщее недовольство возрастало, и наконецъ, итальянская кампанія обнажила гнилую сердцевину реакціоннаго режима. Удары которые были нанесены Австріи въ итальянской, а затѣмъ и въ прусской войнѣ, заставили правительство окончательно покинуть путь абсолютизма и централизма. Права мѣстныхъ сеймовъ (ландтаговъ) расширяются, и Галиція получаетъ такъ-называемую автономію.

Автономія 1867 г. только завершила собой рядъ уступокъ, дѣлавшихся

правительствомъ полякамъ съ начала 60 гг., по мѣрѣ того какъ поддержка поляковъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ пассивность становилась для него все болѣе необходимой. Такъ напримѣръ въ отвѣтъ на меморіалъ галиційскихъ поляковъ, обратившихся въ 1861 г. къ правительству Шмерлинга съ рядомъ требованій въ автономистскомъ духѣ, вводится въ краковскомъ университетѣ преподаваніе на польскомъ языкѣ. Во время министерства Белькреди, смѣнившаго Шмерлинга, императоръ санкціонировалъ кое-какія постановленія галиційскаго сейма, между прочимъ, постановленія объ изданіи законовъ на польскомъ языкѣ, объ организаціи мѣстнаго самоуправленія и т. д. Когда въ 1867 г. среди поляковъ одержало верхъ теченіе, готовое за тѣ или иныя уступки, примириться съ правительствомъ и обезпечить своимъ участіемъ въ рейхсратѣ большинство въ пользу соглашенія съ Венгріей, правительство учредило рядъ польскихъ каѳедръ во львовскомъ университетѣ. Дальнѣйшія уступки (учрежденіе областного школьнаго совѣта, введеніе въ средней школѣ преподованія на мѣстныхъ языкахъ) были средствомъ задобрить поляковъ и ослабить среди нихъ радикальные элементы, стремившіеся къ полному обособленію Галиціи и къ бойкоту центральнаго парламента.

Новыя уступки были вызваны оппозиціонными аллюрами галиційскаго сейма, который обратился къ правительству съ требованіемъ широкой автономіи. Опасаясь, какъ бы радикальная партія не побѣдила, правительство даетъ въ руки консервативнымъ элементамъ, желающимъ примиренія съ центральной властью, нѣсколько козырей, позволяющихъ умѣреннымъ оправдать свою оппортюнистскую политику. Такъ напримѣръ, императорскимъ рескриптомъ были введены мѣстные языки въ судопроизводство и администрацію Галиціи. Немного спустя, во время министерства А. Потоцкаго, краковскій университетъ окончательно принимаетъ польскій характеръ. Новый министръ Гогенвартъ рѣшилъ опереться между прочимъ на поляковъ, и въ его кабинетъ впервые вошелъ министръ, представляющій интересы Галиціи.

Въ 70 гг. руководящая польская партія окончательно оттѣсняетъ на задній планъ болѣе радикальные элементы, становится правительственной *quand même*, и дальнѣйшее расширеніе полученной въ 1867 г. „автономіи“ откладывается въ долгій ящикъ. Серьезныя уступки національнаго характера смѣняются подачками—очень часто личнаго свойства и во всякомъ случаѣ, очень незначительными.

То, что въ настоящее время существуетъ въ Галиціи подъ названіемъ „автономіи“, представляетъ собой въ сущности областное самоуправленіе, въ которомъ элементы централизма перемѣшаны съ элементами автономнаго устройства.

Высшимъ представителемъ центральной власти въ Галиціи является

назначаемый императоромъ намѣстникъ, подъ предсѣдательствомъ котораго функціонируютъ три учрежденія, дѣйствующія на началахъ самоуправленія: областной школьный совѣтъ, санитарный совѣтъ и областное финансовое управленіе. Во главѣ 78 галиційскихъ повѣтовъ стоятъ „старосты“, всецѣло зависящіе отъ намѣстника; въ ихъ вѣдѣніи находится городская и сельская полиція. Высшимъ органомъ областной автономіи является сеймъ, изъ среды котораго выбирается областная управа (Wydział Kraiowy, Landesausschuss)—нѣчто вродѣ областного министерства, завѣдующаго школьнымъ дѣломъ, благотворительными учрежденіями, общественными работами, областными финансами и финансами общинъ. Во главѣ сейма стоитъ областной маршалъ, назначаемый императоромъ изъ числа депутатовъ сейма. Такимъ образомъ въ Галиціи существуетъ два вида властей; но въ то время какъ въ распоряженіи намѣстника находится громадный исполнительный аппаратъ въ видѣ цѣлой сѣти административныхъ органовъ, областная управа въ сущности не располагаетъ исполнительными органами. Намѣстникъ является лицомъ, совершенно не отвѣтственнымъ передъ сеймомъ. Компетенціи послѣдняго отведена очень узкая область чисто-мѣстныхъ дѣлъ второстепенной важности. Онъ можетъ облагать населеніе только дополнительными сборами на мѣстныя нужды—такъ наз. прибавками къ государственнымъ налогамъ. Народныя школы находятся въ вѣдѣніи сейма и областного школьнаго совѣта, но среднія и высшія учебныя заведенія зависятъ всецѣло отъ имперскаго министерства народнаго просвѣщенія, которое завѣдуетъ ихъ организаціей, составляетъ программы обученія и содержитъ ихъ на средства общегосударственной казны. О вліяніи сейма на установленіе какихъ бы то ни было нормъ въ области гражданскаго права, тарифной политики, желѣзнодорожнаго дѣла и т. д. нѣтъ и рѣчи. Вслѣдствіе этого роль сейма весьма мизерна, и центръ тяжести политической жизни Галиціи передвинулся въ вѣнскій парламентъ, куда галиційское населеніе посылаетъ своихъ депутатовъ на общихъ основаніяхъ, отчасти видоизмѣненныхъ согласно требованіямъ господствующей въ Галиціи консервативной партіи.

Современная „автономія“ Галиціи является пріобрѣтеніемъ весьма и весьма скромнымъ по сравненію съ тѣми цѣлями, которыя ставили себѣ польскіе патріоты въ бурный 1848 г., когда даже консервативное австрійское сословное представительство вынесло резолюцію, требующую для Галиціи такихъ государственныхъ формъ, „чтобы кромѣ монарха, ничто ее не соединяло съ другими провинціями Австріи“ (засѣданіе 20 марта 1848 г.).

Мечты о личной уніи съ Австріей и о созданіи подъ ея эгидой независимой Польши померкли въ суровую годину реакціи. Подавленіе Россіей возстанія 1863 г. подѣйствовало и на австрійскихъ поляковъ угнетающимъ

образомъ. На почвѣ отрицательнаго отношенія къ попыткамъ вооруженнаго возстанія кристаллизуется въ Галиціи польская консервативная партія, которая въ 1866 г. вступила на путь чисто-династической политики, стараясь связать судьбу поляковъ въ Австріи съ судьбой Габсбурговъ и ихъ монархіи. „Мы стоимъ при тебѣ, Государь, и хотимъ стоять при тебѣ“—эти слова адреса галиційскаго сейма стали лозунгомъ консервативной партіи, которая видѣла въ стремленіяхъ демократовъ замаскированныя повстанческія тенденціи, хотя въ сущности и демократы не шли въ своихъ требованіяхъ дальше широкой автономіи Галиціи.

Политическая программа демократовъ отлилась въ форму знаменитой „резолюціи“, вынесенной галиційскимъ сеймомъ въ сентябрѣ 1868 г. „Резолюція“ домогалась выдѣленія Галиціи изъ состава австрійскихъ коронныхъ земель и дарованія ей правъ, соотвѣтствующихъ приблизительно тѣмъ, которыми пользовалась Венгрія на основаніи соглашенія 1867 г.

Требованіямъ, ярко выраженнымъ въ „резолюціи“ 1868 г. не суждено было осуществиться. Ультра-лойальная партія т. н., станчиковъ“ (консервативно-клерикальныхъ аграріевъ) на долгіе годы стала полнымъ хозяиномъ Галиціи, и фразы объ автономіи, подобно фразамъ объ идеалѣ независимой Польши, повторяемымъ во время всякихъ національныхъ годовщинъ и празднествъ, потеряли всякое реальное значеніе. Только въ концѣ 90 гг., когда болѣе демократическія теченія начинаютъ пробиваться на поверхность польско-галиційской жизни, вопросъ о расширеніи галиційской автономіи опять всплываетъ наружу.

Въ 1898 году въ польской прессѣ выдвигается идея „обособленія Галиціи“, которая въ формулировкѣ Студницкаго, являющагося ея иниціаторомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Вмѣсто теперешняго намѣстничества и областной управы во главѣ галиційской администраціи должно стоять областное правительство, отвѣтственное передъ сеймомъ, причемъ отвѣтственность это должна быть не только судебная но и парламентская. Сеймъ долженъ имѣть законодательную власть во всѣхъ вопросахъ, касающихся исключительно Галиціи. Въ области прямого обложенія Галиція совершенно автономна. Сеймъ рѣшаетъ вопросы объ областныхъ издержкахъ. Суммы выплачиваемыя Галиціей на общегосударственныя нужды, опредѣляются періодически заключаемымъ соглашеніемъ. Государственныя имущества, находящіяся въ Галиціи, должны стать собственностью края и находиться въ вѣдѣніи областного правительства. Къ категоріи общегосударственныхъ дѣлъ принадлежатъ слѣдующія: 1) вопросы иностранной политики вмѣстѣ съ дипломатіей и торговымъ представительствомъ заграницей, равно какъ и вопросы, связанные съ международными трактатами; 2) вопросы, касающіеся арміи и флота, за исключеніемъ такихъ дѣлъ,

какъ опредѣленіе контингента, которое теперь зависитъ отъ рейхсрата и венгерскаго парламента, а въ будущемъ должно зависѣть въ равной мѣрѣ и отъ галиційскаго сейма. Кромѣ этихъ общихъ вопросовъ, подвѣдомственныхъ делегаціямъ, существуетъ еще рядъ вопросовъ государственной политики, которые хотя и подлежатъ отдѣльной администраціи, но въ области которыхъ Австрія и Венгрія тѣсно связаны между собой (торговая, въ особенности же таможенная политика; вопросы косвеннаго обложенія, затрагивающіе промышленные интересы обѣихъ странъ; монетное дѣло; желѣзныя дороги и т. п.). Въ какой формѣ должны быть улаживаемы эти дѣла, долженъ ли галиційскій сеймъ выбирать делегацію, равноцѣнную съ австрійской и венгерской, или же делегація галиційскаго сейма должна входить въ составъ австрійской—этотъ вопросъ должно разрѣшить австро-галиційское соглашеніе. Въ общихъ чертахъ „обособленіе Галиціи“ поставило бы послѣднюю въ такое же положеніе, какое занимаетъ въ настоящее время Венгрія.

Интересно отношеніе къ этой идеѣ различныхъ политическихъ партій. Соціалисты отнеслись къ ней въ началѣ весьма критически, выставляя противъ нея доводы, зиждущіеся главнымъ образомъ на опасеніяхъ, что въ обособленной Галиціи консервативно-клерикальные элементы будутъ настолько сильны, что имъ удастся подавить всякое демократическое движеніе и надолго затормозить политическое, экономическое и культурное развитіе края. Кромѣ того соціалисты считали вреднымъ обособленіе Галиціи безъ присоединенія къ ней польской части Силезіи. Больше симпатій встрѣтила идея обособленія Галиціи въ средѣ народниковъ—польской крестьянской партіи. Народники включили обособленіе Галиціи въ свою программу, что сильно способствовало популяризаціи этой идеи въ крестьянскихъ массахъ, хотя ни къ какимъ практическимъ результатамъ не привело, такъ какъ крестьянская партія не сумѣла положить этотъ программный постулатъ въ основу своей политической дѣятельности. Только въ самые послѣдніе годы, когда за эту идею ухватились націоналъ-демократы и особенно одинъ изъ ихъ видныхъ представителей, депутатъ Гломбинскій, вопросъ о расширеніи автономіи Галиціи сталъ дѣйствительно живымъ политическимъ вопросомъ.

Характерно, что въ самое послѣднее время ее начинаютъ усваивать и обѣ крайнія группы, относившіяся къ ней первоначально совершенно отрицательно. Соціалдемократы въ лицѣ своихъ руководителей нерѣдко высказываются теперь въ пользу обособленія, конечно обусловливая его одновременной демократизаціей политическихъ учрежденій края, обезпеченіемъ правъ меньшинства, выработкой modus'a vivendi съ русинами и т. д. Съ другой стороны и консерваторы отказываются отъ своей отрицательной позиціи по отношенію къ этой идеѣ. Однако ихъ симпатіи къ ней вытекаютъ изъ опасенія, что демократизація государственнаго строя Австріи

можетъ нанести сильный ущербъ ихъ господству, такъ что обособленіе Галиціи они привѣтствуютъ лишь, какъ средство огражденія ея отъ общегосударственныхъ реформъ въ демократическомъ духѣ. Реформа избирательнаго закона всполошила консервативные и націоналистическіе элементы польскаго общества и на этой почвѣ агитація въ пользу „обособленія“ принимаетъ очень интенсивный характеръ. Эта агитація встрѣтила поддержку и со стороны крайнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ, которые воспользовались случаемъ, чтобы путемъ осуществленія этой идеи избавиться отъ славянскаго большинства въ новомъ, демократическомъ парламентѣ. Срочность предложенія всенѣмца Вольфа была, правда, отвергнута, но самое предложеніе объ обособленіи Галиціи прошло большинствомъ 153 противъ 147 голосовъ. Это впрочемъ не имѣло никакого *реальнаго* значенія, такъ какъ старый парламентъ доживалъ свои дни, оставляя новому демократическое разрѣшеніе всѣхъ національныхъ вопросовъ въ предѣлахъ Австріи, въ томъ числѣ и польскаго.

3.

Если бы Галиція фактически распадалась на двѣ національныя территоріи—польскую и украинскую—то конечно разрѣшеніе польско-русинскаго вопроса не было-бы труднымъ. Обособленіе каждой изъ такихъ территорій въ самостоятельную административную единицу представляло бы естественный выходъ изъ теперешняго ненормальнаго положенія. Однако, какъ мы уже видѣли, въ Западной Галиціи живетъ нѣсколько десятковъ тысячъ русинъ, а въ Восточной—часть населенія считаетъ себя польской. Притомъ восточногалиційскіе поляки представляютъ собой сильный въ экономическомъ, культурномъ, а пока что и въ политическомъ отношеніи элементъ, способный даже ассимилировать мѣстное населеніе, и постоянно растущій количественно. Мало того, 600-лѣтняя историческая жизнь пріучила большинство поляковъ смотрѣть на Восточную Галицію, какъ на интегральную часть общаго организма—тѣмъ болѣе, что русинское національно-политическое движеніе существуетъ всего какихъ нибудь 60 лѣтъ, приблизительно съ 1848 года. Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить то обстоятельство, что въ средѣ самихъ галиційскихъ русинъ наблюдаются разнообразныя *національныя* теченія.

Отношеніе польскихъ политическихъ партій къ русинскому вопросу видоизмѣнялось параллельно эволюціи политическихъ тенденцій въ средѣ самихъ русинъ. Первыя попытки русинской интеллигенціи выдѣлиться въ самостоятельную національную группу были приняты всѣмъ польскимъ обществомъ какъ ненавистный „сепаратизмъ“. Довольно долго господствовало мнѣніе,

высказанное однимъ изъ депутатовъ львовскаго сейма: „Niema Rusi, jest tylko Polska и Moskva“. Реакціонность русинской интеллигенціи въ революціонный періодъ конца 40 гг., когда она была орудіемъ въ рукахъ контръ-революціоннаго правительства, вырыла глубокую пропасть между двумя національностями, живущими на одной землѣ. Ненависть къ „тирольцамъ Востока“ охватила весь польскій лагерь. Требованіе раздѣла Галиціи, выставленное по почину правительства русинской партіей (такъ-называемыхъ „святогорцевъ“) было встрѣчено какъ провокація, какъ посягательство на историческое достояніе обѣихъ націй.

Съ теченіемъ времени съ русинскимъ національнымъ движеніемъ пришлось помириться и перестать въ немъ видѣть „австрійскую интригу“, тѣмъ болѣе, что австрійское правительство послѣ цѣлаго ряда попытокъ использовать русинъ противъ поляковъ, покинуло первыхъ на произволъ судьбы и рѣшило опереться на послѣднихъ. Съ 1867 г. хозяиномъ положенія является польская консервативная партія, и всякое значеніе русинъ на аренѣ общеимперской политики падаетъ. Въ 1879 г. консервативной партіи удалось сломить силу русинскаго лагеря и въ парламентъ попадаетъ всего 3 представителя русинскаго населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и во львовскомъ сеймѣ количество русинскихъ депутатовъ оказывается сведеннымъ до минимума—путемъ неслыханныхъ злоупотребленій и террористическаго давленія на массы избирателей.

Въ покинутомъ неблагодарнымъ австрійскимъ правительствомъ русинскомъ лагерѣ большую силу пріобрѣтаютъ послѣ 1867 г. тѣ элементы, которые, извѣрившись въ Австрію, возложили всѣ свои надежды на Россію. „Святогорцы“, превратившіеся въ москвофильскую партію, становятся вліятельнымъ факторомъ русинской національной жизни. Между тѣмъ въ польскомъ обществѣ, примирившемся съ существованіемъ самостоятельной украинской національности и ея культурнымъ обособленіемъ, начинаетъ обнаруживаться стремленіе выработать какой нибудь *modus vivendi* двухъ галиційскихъ націй. Даже консерваторы поняли, что однимъ насиліемъ ничего не подѣлаешь, что слѣдуетъ добровольно пойти на уступки и заключить компромиссъ съ одной изъ русинскихъ партій. Но о какомъ бы то ни было компромиссѣ съ москвофилами не могло быть и рѣчи, такъ какъ все польское общество безъ различія направленій считало ихъ ставленниками и агентами офиціальной Россіи и, слѣдовательно, непримиримыми врагами Польши. Компромиссъ былъ возможенъ только съ національно-украинскимъ лагеремъ. И вотъ параллельно росту украинскихъ національныхъ силъ и ихъ національныхъ требованій идутъ попытки польско-русинскаго соглашенія. Всѣ онѣ исходятъ изъ принципа недѣлимости галиційской территоріи, въ предѣлахъ которой украинскому языку дѣлаются различныя

уступки въ области школы, судопроизводства и администраціи. Первая попытка такого соглашенія была сдѣлана еще въ 1869 г., затѣмъ онѣ возобновлялись въ 1879—82 гг. и наконецъ, въ 1890 г. Результатъ этихъ попытокъ былъ мизерный; частичныя уступки не удовлетворяли русинъ, и консервативная партія постоянно прибѣгала къ средствамъ насилія, чтобы подавить все громче и громче раздающіяся требованія украинской партіи. Послѣдняя между тѣмъ пользовалась частичными уступками (учрежденіе украинскихъ гимназій, постоянно расширяющіяся права украинскаго языка въ судопроизводствѣ и администраціи, новыя украинскія каѳедры во львовскомъ университетѣ), чтобы укрѣпить свои позиціи и организовать борьбу, пріобрѣтающую съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

До сравнительно недавняго времени польско-русинская распря въ Галиціи имѣла характеръ борьбы украинской интеллигенціи, опирающейся на народныя массы, съ политическимъ и соціальнымъ преобладаніемъ феодально-консервативныхъ элементовъ, захватившихъ въ свои руки политическую власть. Украинскія требованія находили горячую поддержку со стороны всѣхъ польскихъ демократическихъ элементовъ, предполагавшихъ что ростъ украинскаго движенія въ Галиціи вызоветъ аналогичное движеніе въ русской Украйнѣ, что будетъ тяжелымъ ударомъ для исконнаго врага Польши—Россіи. Кромѣ того польскіе демократы и особенно народники считали украинцевъ, какъ демократовъ, своими естественными союзниками въ борьбѣ съ консерваторами. Отъ времени до времени польскіе демократы и украинскіе элементы идутъ рука объ руку на выборахъ и въ сеймѣ.

Однако въ послѣдніе годы мы замѣчаемъ проникновеніе въ польско-русинскія отношенія новаго элемента. Борьба русинъ съ польской консервативной партіей имѣла въ сущности соціальный характеръ. Ограждая свои соціальныя привилегіи, польскіе консерваторы сравнительно легко соглашались на уступки русинамъ въ чисто національной области. Лишь бы ихъ помѣстьямъ въ Восточной Галиціи ничто не угрожало, лишь бы ихъ избирательное право не терпѣло ущерба, лишь бы административный скипетръ не ускользнулъ изъ ихъ рукъ—при этихъ условіяхъ не бѣда, если украинцы получатъ еще одну гимназію, если на почтовыхъ ящикахъ появятся украинскія надписи, если будутъ учреждены 2—3 новыхъ украинскихъ каѳедры. Съ появленіемъ на политической аренѣ польской національ-демократической партіи эти взгляды стали кореннымъ образомъ мѣняться. Національ-демократы вызвали анти-украинское настроеніе среди польской интеллигенціи Восточной Галиціи и предприняли кампанію противъ русинъ. При этомъ національ-демократы, можно сказать, „открыли“ милліонное польское крестьянство въ Восточной Галиціи и организовали въ его средѣ энергичную

*

дѣятельность въ указанномъ направленіи. Воспользовавшись колоссальной сельскохозяйственной забастовкой 1902 г., организованной украинцами противъ польскихъ помѣщиковъ, націоналъ-демократы заставили послѣднихъ принять дѣятельное участіе въ организаціи національной работы среди польскаго крестьянства Восточной Галиціи. Возникаетъ масса частныхъ школъ, читаленъ, библіотекъ, организуются крестьянскія экскурсіи въ Западную Галицію, читаются лекціи и рефераты; провозглашается принципъ, что польскій помѣщикъ долженъ продавать и сдавать въ аренду землю исключительно польскимъ крестьянамъ, нанимать только польскихъ рабочихъ и т. д. Польскіе помѣщики строятъ на свой счетъ костелы для того, чтобы оградить поляковъ отъ вліянія уніатскихъ церквей, при посредствѣ которыхъ украинцы ассимилируютъ польское населеніе. Націоналъ-демократическая пресса разжигаетъ шовинистическіе инстинкты, что приводитъ къ страшному обостренію польско-украинскихъ отношеній.

Польскій шовинизмъ порождаетъ аналогичное ему движеніе въ украинской средѣ. Появляются органы печати, проповѣдующіе ненависть не только къ угнетающимъ русинъ помѣщичьимъ сферамъ, но и ко всему польскому народу („Гайдамаки“). Національная борьба принимаетъ дикій, варварскій характеръ, отливающійся въ такія формы, какъ драки студентовъ въ львовскомъ университетѣ, какъ погромъ этого же университета, сопровождавшійся уничтоженіемъ предметовъ искусства, и т. д. Страсти разгораются. И вотъ мы видимъ, какъ анти-украинское движеніе захватываетъ демократовъ и даже народниковъ, руководитель которыхъ, депутатъ Стапинскій, заявляетъ, что, поскольку дѣло касается защиты польскихъ интересовъ въ Восточной Галиціи, онъ солидаренъ съ націоналистами и консерваторами изъ „польскаго кола“. Чуждыми этому націонализму, переходящему всякія границы, остались одни только соціалдемократы, поддерживающіе самыя тѣсныя организаціонныя отношенія со своими русинскими единомышленниками и, сообща съ ними, борющіеся съ націоналистами обоихъ лагерей.

На почвѣ обостренной борьбы польскихъ націоналистовъ съ украинскими политическими стремленіями, въ самое послѣднее время наблюдается совершенно новое, еще 10 лѣтъ тому назадъ невозможное явленіе: польскіе націоналисты сближаются съ москвофилами. Націоналъ-демократы поняли, что москвофилы могутъ быть вдвойнѣ полезны польскому націоналистическому движенію въ Восточной Галиціи. Съ одной стороны они, по мѣрѣ своего роста, должны ослаблять русинскій національный лагерь, внося раздвоеніе въ среду русинъ. Съ другой же стороны ихъ анти-украинскія тенденціи на руку полякамъ, между тѣмъ какъ ихъ великорусскія требованія (признаніе русскаго языка въ Галиціи мѣстнымъ—landesüblich—; учрежденіе 2—3

русскихъ каѳедръ во львовскомъ университетѣ; субсидіи для москвофильскихъ учрежденій) совершенно безвредны вслѣдствіе полной своей безпочвенности. Въ настоящее время впервые предпринимаются попытки сближенія съ москвофилами, которые цѣною незначительныхъ уступокъ могутъ быть превращены въ союзниковъ польскихъ націоналистовъ, весьма опасныхъ для украинцевъ. Этотъ союзъ можетъ еще болѣе обострить польско-русинскія отношенія, но затормозить украинское движеніе въ Галиціи онъ конечно не въ состояніи. Русинскій вопросъ не сойдетъ съ очереди хотя бы уже въ силу одного того факта, что, благодаря своимъ пріобрѣтеніямъ въ области народнаго образованія, благодаря расширѣнію правъ украинскаго языка въ судопроизводствѣ и администраціи, благодаря, наконецъ, поразительной интенсивности культурной работы, украинцы являются въ настоящее время крупной политической силой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако появляется на сцену *польскій* вопросъ въ Восточной Галиціи—вопросъ, который несомнѣнно будетъ обостряться по мѣрѣ того, какъ разрѣшеніе украинскаго станетъ близиться къ концу. Польскій элементъ въ Восточной Галиціи настолько силенъ, что онъ теперь уже въ состояніи не допустить разрѣшенія русинскаго вопроса въ духѣ реформъ, не гарантирующихъ правъ польскаго меньшинства. Уже при выработкѣ новаго австрійскаго избирательнаго закона эти права должны были быть приняты во вниманіе, результатомъ чего явились двухмандатные округа. Предстоящая сеймовая избирательная реформа пойдетъ несомнѣнно въ этомъ направленіи дальше.

Можно сказать, что ни одна изъ польскихъ партій въ Галиціи не обладаетъ вполнѣ установившимся взглядомъ на способъ разрѣшенія русинскаго вопроса. Всѣ понимаютъ, что такая программа необходима, но требованія каждой въ этой области сводятся къ ряду частичныхъ уступокъ въ пользу расширенія правъ украинскаго языка. Только одни соціалдемократы ставятъ разрѣшенія русинскаго (какъ, впрочемъ, и всѣхъ національныхъ вопросовъ въ Австріи) на широкую основу автономіи національностей съ одновременной демократизаціей политическаго строя. Однако эта программа пока что является лишь исторической концепціей, практическое примѣненіе которой нигдѣ еще не реализовано.

* * *

Польская часть Силезіи вслѣдствіе своей миніатюрности и обособленности въ теченіе столькихъ вѣковъ, очень долго не играла никакой роли въ политической жизни австрійскихъ поляковъ. Только съ половины прошлаго столѣтія, когда въ Силезіи впервые появляется горсть польскихъ интеллигентовъ, эта провинція начинаетъ обращать на себя вниманіе поль-

скаго образованнаго общества въ Галиціи. Поставленная въ совершенно отличныя условія развитія, входящая въ кругъ чешскихъ политическихъ интересовъ, не похожая на Галицію ни по составу населенія, ни по соціально-экономическимъ условіямъ, Силезія не проявляла никакого тяготѣнія къ сосѣдней польской области. Господство же въ Галиціи шляхты еще болѣе отчуждало силезскаго крестьянина и рабочаго, такъ же какъ и интеллигента изъ народной среды, отъ этой страны. Извѣстное значеніе имѣлъ и тотъ фактъ, что значительную часть силезскихъ поляковъ составляютъ протестанты (75.000 душъ). Съ другой же стороны всѣ силы польско-силезской интеллигенціи уходили на культурную борьбу съ нѣмецкимъ преобладаніемъ, на развитіе національнаго самосознанія въ народныхъ массахъ и т. д. Общая борьба съ нѣмцами сблизила польскихъ политиковъ Силезіи съ чехами, и они неоднократно заявляли о своей солидарности съ послѣдними въ вопросѣ о богемскомъ государственномъ правѣ. Только за послѣднее время, когда въ Силезію нахлынули польско-галиційскіе выходцы, и когда въ политической жизни стали принимать участіе широкія массы народа, положеніе дѣлъ нѣсколько мѣняется. Происходитъ сближеніе Силезіи съ Галиціей; галиційскія партіи (соціалдемократическая, затѣмъ народническая) распространяютъ свою организацію на родственные элементы Силезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ національная борьба, до сихъ поръ направлявшаяся исключительно противъ нѣмцевъ, обращается и противъ чешскаго культурнаго преобладанія.

Политическая программа силезскихъ поляковъ не идетъ дальше требованія равноправности польскаго языка въ школахъ, судопроизводствѣ и администраціи. Лозунгъ соединенія польской части Силезіи съ Галиціей не принялъ конкретной формы програмнаго требованія, хотя прежній взглядъ на герцогство Цѣшинское, какъ на одну изъ земель „короны св. Вячеслава“, окончательно покинутъ и исповѣданіе такого рода мнѣній считается въ настоящее время чѣмъ-то въ родѣ національной измѣны. Это, конечно, сильно вліяетъ на обостреніе польско-чешскаго антагонизма, разжигаемаго постоянными столкновеніями въ области школьнаго дѣла. Чешская интеллигенція прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы въ пограничныхъ чешско-польскихъ и чисто-польскихъ селахъ были чешскія школы. Это удается или, вѣрнѣе, удавалось ей до очень недавняго времени вслѣдствіе малой національной сознательности польскаго населенія и благодаря вліянію чешской фабричной администраціи. Теперь польское населеніе, главнымъ образомъ благодаря агитаціи соціалдемократовъ, считаетъ созданіе сѣти польскихъ народныхъ школъ на польско-чешской окраинѣ Силезіи одной изъ главныхъ своихъ задачъ.

Польско-чешскій антагонизмъ практически выражается только въ борьбѣ за польскую народную школу. Что же касается удовлетворенія остальныхъ

національныхъ потребностей силезскихъ поляковъ, то въ этомъ отношеніи имъ приходится вести тяжелую борьбу съ нѣмецкимъ преобладаніемъ, такъ какъ нѣмецкій элементъ является въ Силезіи, не смотря на свою малочисленность, полнымъ хозяиномъ положенія, составляя колоссальное большинство въ ландтагѣ, на всѣхъ ступеняхъ мѣстной администраціи, въ судебномъ вѣдомствѣ и т. д. Шагъ за шагомъ полякамъ приходится отвоевывать права польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ сельскихъ общинъ и въ судопроизводствѣ. Имъ удалось добиться того, чтобы единственное существующее здѣсь польское среднее учебное заведеніе (при 5 нѣмецкихъ) перешло на содержаніе казны, и чтобы была основана польская учительская семинарія. Конечно, пока будетъ господствовать теперешняя цензовая система выборовъ въ ландтагъ, поляки не могутъ разсчитывать на замѣтные успѣхи, и ихъ положеніе въ Силезіи останется столь же плачевнымъ, какъ и положеніе галиційскихъ русинъ. Поэтому требованія всеобщей подачи голосовъ при выборахъ въ силезскій ландтакъ является основнымъ пунктомъ программы всѣхъ польскихъ партій въ Силезіи.

Борьба за право польскаго языка въ судѣ и низшихъ административныхъ инстанціяхъ, такъ же какъ и борьба за польскую школу, перекинулась изъ Силезіи также и въ Моравію, въ ту ея часть, гдѣ сосредоточены десятки тысячъ польскихъ рабочихъ. Характерно, что здѣсь борьба за національныя права поляковъ организована исключительно соціалдемократами.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Краковъ.

II. Украинцы.

Украинскій [1]) или русинскій вопросъ въ Австро-Венгріи ведетъ свое начало отъ присоединенія къ Австріи украинскихъ и польскихъ провинцій въ 1770-хъ годахъ. Уже тогда австрійское правительство, желая найти опорную точку противъ стремленій польской шляхты, естественно тяготѣвшей къ своей „Рѣчи Посполитой“ и не мирившейся и позже съ ея упраздненіемъ,— обратило вниманіе на украинскій элементъ края; еще больше вниманія удѣлило оно ему позже, въ революціонную „весну народовъ“, въ 1848 году, когда оно старалось при помощи этого элемента парализовать враждебныя ему движенія польскаго общества. Крылатое слово, пущенное польскими шляхетскими кругами и долго повторявшееся въ нихъ, гласило даже, что русинъ „выдумала“ австрійская бюрократія на зло полякамъ, хотя всѣ попеченія этой бюрократіи о „русинахъ“ въ дѣйствительности были весьма

[1]) Я предпочитаю употреблять новый, но уже пріобрѣвшій право гражданства и въ Австріи терминъ „украинскій“ вмѣстѣ старыхъ сбивчивыхъ и неудобныхъ названій: „русинскій“ „рускій“ или „руськый“. Въ Россіи наиболѣе употребительно названіе „русинскій“, довольно популярное также среди поляковъ; но оно является совершенно искусственнымъ. Украинское населеніе Австріи удержало для себя терминологію старой Руси кіевскаго періода: „*Русь*“ въ значеніи собирательномъ, „*русинъ*“, „*русины*“ для обозначенія отдѣльныхъ представителей этой народности, „*рускій*“ или „*руськый*“ въ качествѣ прилагательнаго; эти названія оно прилагаетъ къ своей, украинской народности, а для народности великорусской употребляетъ большей частью терминъ „россійскій“ (по примѣру поляковъ), или великорусскій, московскій и т. п. Терминъ „русинскій“, съ филологической точки зрѣнія столь же нелѣпый, какъ было бы нелѣпо говорить „англичанинскій“ вмѣсто англійскій, „испанецкій“ вмѣстѣ испанскій, здѣсь не принятъ („рутескій“ употребляется только въ насмѣшливомъ значеніи). Но старая терминологія имѣетъ то неудобство, что подаетъ поводъ къ смѣшеніямъ и неясностямъ („руськый“ въ устахъ галицкаго русина значитъ украинскій, малорусскій ruthenisch; „русскій“ въ устахъ другихъ—великорусскій, russisch), и эту сбивчивость не могутъ устранить мелкія орѳографическія отличія (рускій съ однимъ *с* въ значеніи украинскомъ, русскій съ двумя *с* въ значеніи великорусскомъ). Поэтому въ послѣднее время все въ большее употребленіе входитъ терминъ „украинскій“, „австрійская Украина“ и т. п.

мало серьезны и мимолетны. И пока этотъ „русинскій вопросъ“ служилъ только объектомъ бюрократическаго остроумія, политическихъ интригъ и кружковыхъ споровъ, онъ весьма мало значилъ въ дѣйствительной жизни и еще меньше обращалъ на себя вниманія. И только въ послѣднія десятилѣтія, когда національныя стремленія дѣлаются достояніемъ не только широкихъ общественныхъ круговъ, но и народныхъ массъ, и, сочетаясь съ политическими и экономическими запросами и стремленіями, начинаютъ мощно двигать народною жизнью,—этотъ „вопросъ“ становится силою реальною живою и дѣйственною. Но благодаря неблагопріятнымъ политическимъ, экономическимъ и культурнымъ условіямъ, въ которыхъ жили и по сейчасъ живутъ украинскія народныя массы въ Австро-Венгріи, ихъ запросы и стремленія и теперь еще не оказываютъ такого вліянія на политическую и общественную жизнь и не привлекаютъ къ себѣ того вниманія, какое имъ принадлежитъ по праву.

1.

Представляя собой сплошную область, органически связанную въ одно цѣлое, украинская территорія Австро-Венгріи[1]) распадается на три части, которыя издавна входили въ составъ разныхъ политическихъ организмовъ, съ ихъ своеобразною общественною и культурною жизнью, и потому и въ настоящее время отдѣлены одна отъ другой не только границами политико-административныхъ подраздѣленій, но и значительно отличными условіями своей общественной и культурной жизни, своихъ политическихъ и національныхъ задачъ.

Бо́льшая часть (около $^2/_3$ территоріи и почти $^4/_5$ украинскаго населенія Австро-Венгріи) входитъ въ составъ австрійской провинціи *Галиціи*, „королевства Галиціи и Лодомеріи“, какъ она офиціально называется по традиціи древняго Галицко-Владимірскаго княжества XIII—XIV вѣковъ. По смерти послѣдняго галицко-волынскаго князя эти земли были заняты въ XIV в. Польшей и въ ея составѣ образовали двѣ провинціи-воеводства: Русское и Белзское [2]). Затѣмъ при раздѣлѣ Польши въ 1772 г. на эти земли заявила претензіи Австрія, исходя изъ того, что на нихъ имѣла свои историческія права еще венгерская династія.

Претензіи эти мотивировались тѣмъ, что во время галицкихъ за-

---

[1]) Австрійская Украина, являющаяся непосредственнымъ продолженіемъ украинской территоріи Россіи, составляетъ немного больше $^1/_{10}$ всей украинской территоріи.

[2]) Подробнѣе въ моемъ краткомъ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“, 2 изд. 1906 г.

мѣшательствъ въ XII—XIII в. галицкій престолъ занимали—хотя весьма кратковременно—представители венгерской династіи съ титуломъ „короля Галиціи“; съ тѣхъ поръ венгерскіе короли присвоили себѣ титулъ королей „Галиціи и Лодомеріи“ и считали за собою историческія права на Галицкое или даже Галицко-владимірское княжество. На этомъ основаніи Австрія въ 1772 г. получила и заняла украинскія земли воеводствъ Русскаго и Белзскаго (съ нѣкоторыми смежными частями Волыни и Подоліи), но вмѣстѣ съ тѣмъ—для округленія своихъ границъ—и польское подгорье западныхъ Карпатъ (части воеводствъ Краковскаго и Сандомирскаго). Всѣ эти отошедшія отъ Польши земли составили одну провинцію—Галицію, территоріальный составъ которой послѣ нѣкоторыхъ колебаній прочно установился съ 1840-хъ годовъ, и которая представляетъ такимъ образомъ совершенно произвольное, механическое соединеніе украинскихъ и польскихъ провинцій старой Рѣчи Посполитой.

По даннымъ послѣдней офиціальной переписи (1900 г.) всего въ Галиціи значится украинскаго населенія 3.074.449, при чемъ на Восточную Галицію изъ этой общей цифры приходится около 3.000 тыс. (на Западную всего 70 тыс.). Изъ 50-ти повѣтовъ ея въ 35 повѣтахъ украинское населеніе, по офиціальнымъ даннымъ, составляетъ свыше 60% населенія, въ 18-ти—свыше 70% и въ 7-ми свыше 80% всего населенія. Въ дѣйствительности же украинское населеніе составляетъ вѣроятно около 70 процентовъ населенія восточной Галиціи, между тѣмъ какъ остальные 30% дѣлятся между евреями и поляками (около 13% евреевъ и около 16% поляковъ). Наибольшее преобладаніе украинскаго населенія наблюдается въ подгорьѣ, къ сѣверо-западу же украинскій элементъ въ общемъ все сильнѣе разрѣжается элементомъ польскимъ.

Съ юга къ Восточной Галиціи примыкаетъ украинская территорія *Буковины*. До 1776 г. она входила въ составъ Молдавіи; въ этомъ году, по договору съ Турціей, сѣверная часть Молдавіи, подъ названіемъ „княжества Буковины“ отошла къ Австріи. Присоединенная сначала къ Галиціи, она образовала позже небольшую отдѣльную провинцію. Украинское населеніе преобладаетъ въ ея сѣверо-западной части, составляя здѣсь сплошную массу, между тѣмъ какъ въ юго-восточной, примыкающей къ Румыніи, сплошную массу населенія составляютъ румыны. По послѣдней переписи украинскаго населенія въ Буковинѣ значилось 297 тысячъ, румынъ—229 т., около 65 т. нѣмцевъ и 96 т. евреевъ.

Наконецъ земли съ украинскимъ населеніемъ на югъ отъ Карпатскаго хребта издавна входили и входятъ въ настоящее время въ составъ королевства *Венгріи*. По даннымъ офиціальной статистики здѣсь значится 409 тыс. украинскаго населенія, занимающаго сплошною массою Карпатское

подгорье между словацкой (на западѣ) и румынской (на востокѣ) территоріей. Главнымъ образомъ оно сосредоточивается въ пяти комитатахъ, продольными полосами прорѣзывающихъ это подгорье: комитатѣ Шаришскомъ, Земплинскомъ, Ужскомъ, Бережскомъ и Морморошскомъ. Въ сѣверныхъ частяхъ ихъ, въ горной области, украинское населеніе является сплошнымъ и безусловно преобладающимъ, въ южныхъ—оно разрѣжается мадьярскимъ элементомъ, все болѣе усиливающимся по мѣрѣ приближенія къ подкарпатской равнинѣ.

Историческія условія, раздѣлившія эти части одной украинской территоріи между тремя различными политическими организмами, наложили на нихъ свою печать различія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Украинское населеніе Галиціи и Венгріи приняло унію съ римской церковью, украинское населеніе Буковины осталось въ православіи. Украинцы Галиціи находятся подъ сильнымъ вліяніемъ польской культуры, украинцы Венгріи—мадьярской, въ Буковинѣ украинское населеніе подпало, хотя въ меньшей степени, румынское и въ новѣйшее время—нѣмецкое вліяніе. И въ настоящее время, собранныя подъ властью одной династіи эти украинскія земли въ значительной степени продолжаютъ развиваться каждая своимъ путемъ. Не говоря уже о венгерской Украинѣ, принадлежащей собственно уже къ другому государству, даже и украинскій элементъ Галиціи и Буковины живетъ въ каждой изъ этихъ провинцій своей, во многомъ отличной жизнью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и много общаго въ положеніи украинской народности во всѣхъ трехъ частяхъ австро-венгерской Украины, заставляющаго ихъ, независимо отъ своего національнаго или этнографическаго единства, жить одними и тѣми же, или по крайней мѣрѣ—весьма сходными стремленіями и интересами.

Весь этотъ край—всѣ три провинціи—находятся въ болѣе или менѣе тожественныхъ экономическихъ условіяхъ. Безусловно преобладаетъ сельское хозяйство—хлѣбопашество, въ горахъ—скотоводство и лѣсное хозяйство; горный промыселъ незначителенъ (соль, нефть, каменный уголь); промышленности, можно сказать, не существуетъ вовсе; торговля ограничивается мелкими закупками хозяйственныхъ продуктовъ и обслуживаетъ весьма ограниченныя потребности мѣстнаго населенія. Весь этотъ край является въ сущности поставщикомъ самаго первобытнаго сырья—зерна, скота и лѣсу—для промышленныхъ областей запада, и остается въ этомъ положеніи не только въ силу недостатка экономическихъ и культурныхъ средствъ, но и благодаря конкуренціи западныхъ провинцій, съ ихъ развитою промышленностью, пользующеюся покровительствомъ государства и стремящеюся искусственно удержать восточныя, земледѣльческія провинціи въ роли пассивныхъ рынковъ Hinterland'a. Городская жизнь развита мало, и притомъ города вообще имѣютъ

физіономію не украинскую. Такъ въ Галиціи, въ городахъ болѣе значительныхъ, съ населеніемъ свыше 12 тыс., украинскій элементъ колеблется между 18 и 26 процентами, даже если принять за критерій вѣроисповѣданіе; переписи же по языку даютъ еще болѣе низкій процентъ. А изъ 80 городскихъ поселеній съ населеніемъ ниже 12 тыс. только въ 24-хъ украинскій элементъ стоитъ на первомъ мѣстѣ по численности, въ то время какъ въ 59 первое мѣсто занимаютъ евреи. Весь строй городского самоуправленія, основанный на привилегіяхъ, издавна имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, представителей господствующей, государственной народности поляковъ.

Высшіе слои населенія отчасти порвали свою связь съ народными массами, примкнувъ къ господствующей народности, отчасти были ею затоплены. Въ Галиціи единственнымъ сословіемъ, не утратившимъ еще своего украинскаго облика, было, кромѣ крестьянства, православное, а впослѣдствіи и уніатское духовенство, составлявшее ядро новой украинской интеллигенціи. Украинскій элементъ Венгріи и Буковины былъ лишенъ даже этой скромной интеллигенціи (въ Венгріи духовенство омадьярилось, въ Буковинѣ, благодаря высшей румынской іерархіи, оно стало румынскимъ). Крупное землевладѣніе находится всецѣло въ чужихъ рукахъ—польскихъ въ Галиціи, мадьярскихъ въ Венгріи, румынскихъ въ Буковинѣ. Государственныя имущества, очень значительныя, особенно въ горномъ поясѣ Карпатъ, управляются на бюрократическихъ началахъ, а бюрократія во всѣхъ трехъ провинціяхъ находится въ тѣсной связи съ народностями господствующими.

Украинскій элементъ представляется такимъ образомъ на $^{9}/_{10}$ сельскимъ, крестьянскимъ населеніемъ, въ огромномъ большинствѣ своемъ малоземельнымъ, экономически зависимымъ отъ представителей крупнаго землевладѣнія, и находится подъ гнетомъ тройственнаго союза—бюрократической власти, привилегированнаго дворянства и крупнаго землевладѣнія. Гнетъ національный усугубляется гнетомъ экономическимъ и культурнымъ преобладаніемъ; на всемъ пространствѣ украинской территоріи національная проблема сплетается неразрывно съ соціально-политической и экономической. Украинскій элементъ — это не только особая народность, это, въ значительной степени, особый классъ — классъ мелкихъ сельскихъ собственниковъ, нуждающійся въ соціально-политическихъ и экономическихъ реформахъ уже для того одного, чтобы осуществить хотя бы тѣ гражданскія и національныя права, которыя уже признаны за нимъ на бумагѣ.

Въ Галиціи, заключающей въ себѣ, какъ сказано, около $^{4}/_{5}$ всего украинскаго населенія Австро-Венгріи и дающей характерную картину его экономической и общественно-политической жизни, 76,6% населенія кормится земледѣльческимъ трудомъ. Если же взять спеціально украинское населеніе,

то процентъ земледѣльческаго класса еще повысится. По офиціальному подсчету 1900 г. на общую цифру украинскаго населенія въ 3.080 тысячъ— живущихъ земледѣльческимъ трудомъ приходится 2.885 тысячъ или 93,7%.

Но въ рукахъ мелкихъ землевладѣльцевъ находится всего $^3/_5$ земли, а $^2/_5$ ея сосредоточено въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Въ результатѣ— крайнее дробленіе земельной собственности. На общее число 7.315 тыс. населенія Галиціи по переписи 1900 г. приходилось 1.946 тыс. хозяевъ, платившихъ поземельный налогъ. Изъ 50-ти повѣтовъ восточной Галиціи по подсчету 1890 г. въ 38-ми средній размѣръ крестьянскаго участка колебался между $2^1/_2$ и 5 моргами, т. е. $1^3/_4$ и $3^1/_3$ десятинами, и только въ горной области, гдѣ пашня отходитъ на второй планъ предъ пастбищами и лѣсными участками, средній размѣръ крестьянскаго участка поднимается выше 6—7 морговъ. Огромное же число хозяйствъ не достигало и $1^1/_2$ морга (1 десят.). Въ результатѣ такой дробности участковъ, а съ другой стороны, благодаря общимъ неблагопріятнымъ условіямъ, низкому уровню здѣшней земледѣльческой культуры и отсутствію другихъ видовъ заработка кромѣ найма въ крупно-владѣльческихъ имѣніяхъ, создается весьма тяжелое положеніе огромной массы крестьянъ и ихъ зависимость отъ владѣльческаго класса. Являясь страною земледѣльческою par excellence, Галиція поставлена въ весьма трудныя условія конкуренціи съ сосѣдними земледѣльческими районами Россіи, Румыніи, Венгріи. Съ другой же стороны недостатокъ капиталовъ и низкій уровень культуры, какъ общей такъ и спеціально сельско-хозяйственной, сказывается въ малой продуктивности сельскаго хозяйства Галиціи вообще и еще болѣе — хозяйства мелкаго, крестьянскаго. Участокъ земли, среднимъ числомъ приносящій въ Богеміи 100 килогр. пшеницы, даетъ въ Галиціи въ крупномъ хозяйствѣ 79 килогр., въ мелкомъ 68 килогр.; ячмень даетъ цифры еще болѣе низкія— 61 и 69, противъ 100 килогр. въ Богеміи. Преобладающая масса крестьянства вслѣдствіе этого должна искать себѣ подспорья въ стороннемъ заработкѣ, который ей удается находить почти исключительно въ крупныхъ хозяйствахъ.

Но будучи, какъ мы видѣли, само по себѣ мало продуктивно, здѣшнее крупное хозяйство не въ состояніи давать сколько-нибудь сноснаго заработка, а обиліе рабочихъ рукъ, излишекъ предложенія, полная экономическая безвыходность крестьянской массы и неограниченное господство владѣльческаго сословія въ мѣстной жизни, политикѣ и управленіи давали возможность удерживать цѣны на неслыханно низкомъ уровнѣ и вдобавокъ, вмѣстѣ съ экономическою кабалою держать крестьянское населеніе въ полной политической и всякой иной зависимости. До крестьянскихъ стачекъ 1902 года поденная плата мужчины во время лѣтнихъ работъ колебалась обыкновенно между 30

и 75 крейцерами (25—60 коп.) на своихъ харчахъ, а женскій заработокъ внѣ полевыхъ работъ очень часто колебался между 15 и 25 кр. (12—20 коп.). Только стачки и эмиграція послѣднихъ лѣтъ подняли этотъ уровень.

Преслѣдованія, которымъ подвергались стачечники со стороны администраціи и судебной власти, страшное противодѣйствіе, которое оказывалось этому движенію всей силою государственной машины, всѣ тѣ затрудненія, съ которыми приходилось встрѣчаться рабочей эмиграціи со стороны властей, открываютъ намъ тѣсную связь между экономическими и политическими условіями Галиціи, между экономическою и національною борьбою украинскаго элемента противъ господствующаго польскаго. Польское господство въ Галиціи опирается съ одной стороны на экономическое преобладаніе, съ другой же стороны—на поддержку, какую оказываетъ правительство и нынѣшій политическій строй Австріи вообще, а Галиціи въ частности, привилегированнымъ польскимъ классамъ. Владѣльческое сословіе сплошь польское; крестьянская масса восточной Галиціи—главнымъ образомъ украинская; украинская же интеллигенція отождествляетъ свои интересы съ интересами крестьянства и на его успѣхахъ и завоеваніяхъ, какъ политическихъ, такъ и экономическихъ, строитъ свои національные планы и разсчеты. Политическая борьба такимъ образомъ тѣсно сплетается съ борьбою экономической и соціальной и обостряется ея мотивами.

Крупное землевладѣніе и городская буржуазія—это опоры польскаго національнаго господства; по мотивамъ національнаго свойства ихъ интересы охраняются всѣми силами польскаго общества и стоящей на службѣ тѣхъ же національныхъ польскихъ интересовъ мѣстной бюрократіи. Съ другой стороны, борьба противъ привилегій имущихъ классовъ, противъ всемогущества и самовластія бюрократіи является самой насущной задачею съ точки зрѣнія украинскихъ національныхъ стремленій. Вопросъ объ экономическомъ и культурномъ подъемѣ народныхъ массъ, о расширеніи ихъ гражданскихъ и политическихъ правъ—для украинскаго общества вопросъ жизни и смерти.

А съ точки зрѣнія охраны польскаго господства, культурный и экономическій ростъ украинскихъ массъ, расширеніе ихъ политическихъ и гражданскихъ правъ—вещи нежелательныя, опасныя, и всякій успѣхъ украинцевъ въ этой сферѣ является угрозой этому господству, угрозой польскому status possidendi. Отсюда рѣзкій, чрезвычайно напряженный характеръ національной борьбы. Ибо она захватываетъ слишкомъ широкія сферы и затрагиваетъ слишкомъ разнообразные насущные интересы.

Побѣда польскаго или украинскаго элемента, т. е. руководящихъ въ той и другой средѣ теченій и направленій, это не только вопросъ о побѣдѣ той или дру-

гой народности, но и вопросъ о той или другой экономической, соціальной, и политической программѣ, о направленіи всей мѣстной жизни.

2.

Изъ трехъ областей съ украинскимъ населеніемъ, наиболѣе пассивное и наиболѣе печальное положеніе занимаютъ украинцы въ Венгріи. Нетерпимость и полная безцеремонность въ области національныхъ отношеній, какую стало проявлять венгерское правительство, съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія стала самостоятельнымъ государствомъ, весьма сильно парализовали національныя стремленія даже въ средѣ другихъ, находящихся въ гораздо лучшемъ положеніи, народовъ Венгріи. Украинскій же элементъ поставленъ здѣсь въ самыя жалкія условія и не помышляетъ о какомъ-нибудь противодѣйствіи офиціальной мадьяризаціи [1]). Серьезныхъ стремленій къ политическому и національному самоопредѣленію въ его средѣ пока нѣтъ, нѣтъ національно-сознательной интеллигенціи (она подпала подъ вліяніе москвофильства и, оторвавшись отъ народа, кореннымъ образомъ омадьярилась), а политическая обособленность Венгріи и національная исключительность и нетерпимость правящихъ сферъ и администраціи ставятъ серьезныя препятствія для воздѣйствія другихъ частей украинской территоріи на возрожденіе здѣшняго украинскаго элемента. Поэтому и украинскій вопросъ, какъ факторъ политической и общественной жизни, здѣсь пока еще, можно сказать, не существуетъ. Офиціальные представители украинской народности, уніатскіе епископы—мукачевскіе (Мункачъ) и пряшевскіе (Еперіешъ)—далеко не служатъ выразителями потребностей и запросовъ украинскаго народа, являясь обыкновенно послушными исполнителями правительственной программы; а украинское населеніе выражаетъ свой протестъ противъ невыносимыхъ культурныхъ и экономическихъ условій пока лишь въ эмиграціи (въ Сѣверную Америку), съ 1880-хъ годовъ принявшей огромные размѣры.

Въ Буковинѣ, не отдѣленной такими непереходимыми границами отъ остального украинскаго міра, какъ Венгрія, украинское населеніе, тоже лишенное національной интеллигенціи и сильно отставшее въ своемъ культурномъ и общественномъ развитіи, получило кадры новой интеллигенціи изъ сосѣдней Галиціи. Особенности мѣстной жизни и отношеній—наслѣдіе совершенно иного историческаго прошлаго—правда и теперь еще создаютъ почву для нѣкотораго буковинскаго „сепаратизма“ („Буковина для буковинцевъ“) и для оппозиціи тому вліянію, которое галицкая жизнь оказываетъ на буковинскую; но все же въ общемъ, жизнь буковинскихъ украинцевъ прочно и безпово-

[1]) Подробнѣе въ моемъ „Очеркѣ исторіи украин. народа“, 2 изд., стр. 460 и слѣд.

ротно связана съ общимъ украинскимъ движеніемъ. Украинскій элементъ стоитъ здѣсь во многомъ въ лучшихъ условіяхъ не только сравнительно съ Венгріей, но и съ Галиціей. Экономическое положеніе украинскаго крестьянства, составляющаго и здѣсь ядро украинскаго населенія, несравненно выше. Румынское земледѣльческое сословіе не имѣетъ такого безграничнаго вліянія въ центральныхъ сферахъ, какъ польская шляхта Галиціи, а въ мѣстныхъ дѣлахъ должно дѣлиться властью и вліяніемъ съ нѣмецкой бюрократіей и буржуазіей, которыя насаждены здѣсь австрійскимъ режимомъ и тщательно поддерживаются имъ въ этомъ послѣднемъ его оплотѣ и прибѣжищѣ на востокѣ. Чтобы сохранить эту позицію, правительственная политика Буковины балансируютъ между украинцами и румынами, чтобы не дать ни тѣмъ ни другимъ роль хозяина края, небезопаснаго для привилегированнаго нѣмецкаго элемента. Это облегчаетъ задачу украинской національности въ осуществленіи ея политическихъ и культурныхъ задачъ: передъ ней нѣтъ такой грозной стѣны, какую представляетъ союзъ господствующихъ въ Галиціи польскихъ слоевъ съ мѣстной бюрократіей и центральнымъ правительствомъ. Но съ другой стороны особенности мѣстной жизни, совершенно отличной отъ жизни галицкой и другихъ частей украинской территоріи, замыкаютъ маленькую буковинскую Украину въ тѣсныя рамки мѣстныхъ интересовъ и сообщаютъ ей еще гораздо болѣе узкій провинціализмъ, даже по сравненію съ жизнью Галиціи.

Галиція является главнымъ театромъ національной борьбы и національной украинской жизни не только потому, что является самою большою украинскою провинціею Австро-Венгріи, но и потому, что здѣсь національная жизнь украинцевъ достигла своего наибольшаго развитія и напряженія, проникая все болѣе глубоко внутрь народныхъ массъ и, располагая наибольшими культурными средствами, не только сравнительно съ другими частями украинской территоріи Австро-Венгріи, но и по сравненію со всей украинской территоріей вообще. По причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться (гоненія на украинскую жизнь въ Россіи, принудившія сознательную часть украинскаго общества перенести въ Галицію свою культурную и національную дѣятельность), въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, усилія украинскаго общества какъ Австріи, такъ и Россіи, были направлены къ тому, чтобы именно въ Галиціи создать условія и средства для возможнаго развитія украинской національной жизни, и въ этомъ направленіи было сдѣлано очень много. Съ другой стороны спеціальныя условія мѣстной жизни сводили все къ одному знаменателю польско-украинской національной борьбы, и та опасность, которая грозила въ лицѣ Галиціи всей украинской жизни со стороны Польши, заставляла мѣстное общество напрячь всѣ силы именно въ этомъ направленіи. Отсюда чрезвычайное обостреніе національнаго вопроса, національной борьбы, проявляю-

щееся въ послѣднее время, и особенно въ послѣдніе десять лѣтъ въ Галиціи.

До тѣхъ поръ пока польское общество Галиціи вело политику фронды (довольно несерьезной) по отношенію къ „австрійскимъ узурпаторамъ“, а послѣдніе, для противодѣйствія оказывали нѣкоторое (также несерьезное) покровительство элементу украинскому, эта протекція „монарха“ при всей несерьезности своей, убаюкивала тогдашнихъ политически нетребовательныхъ и неразвитыхъ представителей украинскаго общества. Но съ конституціонной эрой (1867) въ политикѣ руководящихъ польскихъ шляхетскихъ круговъ происходитъ рѣзкій поворотъ. Польская шляхта разрываетъ съ политикою фронды и замѣняетъ ее политикой оппортунизма, отлившагося въ форму т. н. тронной лояльности, по отношенію ко всѣмъ тремъ правительствамъ, раздѣлившимъ наслѣдіе исторической Польши. Галицкая шляхта, начиная съ своей декларации лояльности австрійскому трону, переходитъ на амплуа лейбъ-гвардіи австрійской династіи и правительства, неизмѣнно поддерживая всякое правительство и всякій курсъ его, пользуясь въ награду за это безраздѣльнымъ господствомъ въ Галиціи. Молчаливый договоръ былъ заключенъ. Галиція перешла въ полное и безконтрольное распоряженіе польской шляхты. Съ тѣхъ поръ намѣстники Галиціи назначались по указанію правящихъ шляхетскихъ сферъ, изъ ихъ среды. Польскіе министры и директора департаментовъ въ вѣнскихъ министерствахъ должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы вопросы касающіеся Галиціи рѣшались въ смыслѣ желательномъ для тѣхъ же правящихъ польскихъ сферъ. Мѣстная администрація, персоналъ судебный, финансовый, учебный былъ подобранъ и организованъ въ томъ же духѣ. Въ виду репрессій, какимъ подвергался польскій элементъ въ польскихъ провинціяхъ Россіи и Германіи, Галиція, по плану польскихъ руководящихъ сферъ, должна была послужить польскимъ Пьемонтомъ, вѣрнымъ убѣжищемъ польской національной жизни, и эта программа должна была осуществиться за счетъ мѣстнаго украинскаго населенія. Украинской національности долженъ быть, путемъ надлежащаго воспитанія въ польской школѣ, привитъ взглядъ на себя, какъ на духовную провинцію общепольской культуры и государственности (характерная параллель съ идеей „общерусской“ культуры и государственности и „провинціальныхъ“ ея разновидностей—украинской, бѣлорусской),—либо ей просто будетъ преграждена дорога къ самостоятельной политической и культурной жизни. Въ этомъ направленіи возможно болѣе полнаго, всеобъемлющаго, всепоглощающаго господства польскаго элемента (точнѣе—его руководящихъ, шляхетско-консервативныхъ круговъ), начиная съ 1860 г., поведена была—всѣми силами, какія только могли черпать поляки въ своемъ экономическомъ и культурномъ преобладаніи

и въ содѣйствіи мѣстной администраціи и центральнаго правительства—такъ называемая praca organiczna, систематическая работа. Законодательнымъ органомъ ея служилъ сеймъ, въ которомъ польскіе руководящіе круги стали сразу полными хозяевами и оставались ими все время. Администрація вела практическую работу въ томъ же направленіи. Школа, находившаяся въ рукахъ польской „рады школьной“, должна была воспитывать въ соотвѣтственномъ духѣ подростающія поколѣнія.

Украинскій элементъ, косный и безпомощный, лишенный культурныхъ и экономическихъ средствъ, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ замыкается вокругъ него заколдованный кругъ польскаго господства, не оставляя ни просвѣта, ни выхода. Болѣе инертные элементы его опустили руки, смѣнивъ легитимистическую австрійскую легенду на легенду о русскомъ царѣ, который въ концѣ концовъ выведетъ „Галицкую Русь“ изъ польскаго плѣна, присоединивъ Галицію къ Россіи. Подъ воздѣйствіемъ этихъ мечтаній на развалинахъ стараго консервативнаго легитимистскаго „рутенства“ развивается съ 1860-хъ годовъ такъ называемое москвофильское теченіе, о которомъ я буду еще имѣть случай говорить. Но рядомъ съ нимъ, подъ воздѣйствіемъ народнаго, демократическаго украинскаго движенія въ Россіи, возникаетъ другое теченіе, которое рѣшается противопоставить господству польскихъ привилегированныхъ классовъ силы народныхъ украинскихъ массъ. Начавшись какъ движеніе литературное, это украинское теченіе въ 1880-хъ годахъ почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы выступить на политическомъ поприщѣ, и хотя ему приходилось вести борьбу постоянно на два фронта — противъ польскаго господства и противъ старорусско-москвофильскихъ теченій въ самой же украинской средѣ, оно все же постоянно усиливалось, ставя во главу угла интересы украинскаго народа, и основывая свои надежды на развитіи политическаго и національнаго самосознанія украинскихъ массъ. Въ послѣдніе годы оно могло похвалиться уже весьма значительными успѣхами въ смыслѣ распространенія общественнаго и политическаго самосознанія, и стремленія къ политическому и національному самоопредѣленію, зарождающагося въ самыхъ широкихъ кругахъ украинскаго населенія Галиціи. Эти стремленія мало-по-малу становятся серьезнымъ факторомъ въ политической жизни края.

3.

Съ тѣхъ поръ, какъ австрійская конституція провозгласила принципъ національнаго равноправія, прошло полныхъ сорокъ лѣтъ. Бросимъ бѣглый взглядъ на то, какія средства далъ этотъ конституціонный режимъ для удо-

влетворенія и развитія національныхъ нуждъ украинскаго народа, какою ролью и значеніемъ онъ его надѣлилъ. Мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, Галицію, какъ главный центръ украинской жизни.

Начнемъ съ представительства.

Въ дореформенномъ австрійскомъ парламентѣ было 425 депутатовъ; въ томъ числѣ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ посылалъ 85 депутатовъ, городскіе избиратели 118, торгово-промышленныя палаты 21, сельскія общины 124; всеобщимъ голосованіемъ (т. н. пятая курія 1896 г.) избиралось 72 депутата. Галиція посылала всего 74 депутата: 20 отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 13 отъ городовъ, 3 отъ торговыхъ палатъ, 27 отъ сельскихъ избирателей и 11 отъ куріи всеобщаго голосованія. Жестоко несправедливая вообще, въ смыслѣ всевозможныхъ преимуществъ, предоставленныхъ классамъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ въ ущербъ народнымъ массамъ (одинъ депутатъ приходился въ первой куріи на 64 землевладѣльца, въ третьей — на 28 крупныхъ промышленниковъ, во второй— на 3.341 городского избирателя, въ четвертой—на 11.555 сельскихъ избирателей), эта избирательная система жестоко обдѣляла также и тѣ національности, въ которыхъ высшіе классы либо отсутствовали, либо были весьма немногочисленны. Украинское населеніе Галиціи, сельское по преимуществу, при самыхъ лучшихъ условіяхъ могло разсчитывать только на 22 мандата отъ сельскихъ округовъ восточной Галиціи. Но благодаря двухстепенности выборовъ, открытому голосованію, экономической и всякой иной зависимости сельскаго населенія отъ помѣщиковъ и администраціи, благодаря, наконецъ, „искусству“ этой послѣдней, видѣвшей въ проведеніи выборовъ per fas et nefas, соотвѣтственно съ указаніями правящихъ польскихъ круговъ, главную задачу административной машины, число депутатовъ-украинцевъ отъ Галиціи не достигало обыкновенно и десятка, а если исключить депутатовъ по назначенію, т. е. украинскихъ статистовъ, выбиравшихся для декораціи польскою администраціею, то число ихъ сводилось къ 4—6. Все украинское представительство Галиціи и Буковины (посылавшей 1—2 украинскихъ депутатовъ) въ вѣнскомъ парламентѣ насчитывало въ послѣднее время около десятка, т. е. давало отъ 2 до 3 процентовъ общаго числа, между тѣмъ какъ украинское населеніе даже по офиціальному подсчету составляло 13% всего населенія Австріи. Голосъ украинскаго парламентскаго представительства не имѣлъ никакого значенія, какъ вслѣдствіе его малочисленности, такъ и благодаря тактикѣ его противниковъ—польскаго клуба, входившаго неизмѣнно въ составъ правительственнаго большинства. Единственная задача, какую могли себѣ ставить и осуществлять украинскіе депутаты, заключалась (и до сихъ поръ заключается) въ дискредитированіи съ

парламентской трибуны польскаго режима Галиціи и поддерживающей этотъ режимъ правительственной системы.

Въ мѣстныхъ сеймахъ Галиціи и Буковины та же избирательная система и та же практика администраціи столь же невыгодно отразилась на украинскомъ представительствѣ. Галицкій сеймъ имѣетъ 161 депутата, въ томъ числѣ 12 т. н. вирилистовъ (засѣдающихъ въ силу занимаемой должности— все епископы и ректора высшихъ учебныхъ заведеній) и 149 депутатовъ по выборамъ. Изъ нихъ 44 депутата отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 3 отъ торговыхъ палатъ, 28 отъ городскихъ, 74 отъ сельскихъ избирателей. И здѣсь украинское населеніе въ самомъ лучшемъ случаѣ могло бы послать 46 депутатовъ отъ сельскихъ округовъ восточной Галиціи, т. е. осуждено быть въ меньшинствѣ уже въ силу данной организаціи сейма; въ дѣйствительности, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какія я указалъ выше, говоря о парламентѣ, оно имѣетъ обыкновенно всего около 15 депутатовъ, считая и депутатовъ ему навязанныхъ (въ послѣдней сессіи 14 депутатовъ и 3 епископа-вирилиста), что составляетъ всего около 10% общаго числа депутатовъ. Только въ буковинскомъ ландтагѣ съ его 30 депутатами (2 вирилиста, 9 деп. крупныхъ землевладѣльцевъ, 2 отъ торговыхъ палатъ, 5 городскихъ, 12 сельскихъ) украинское населеніе имѣетъ въ послѣднее время все то число депутатовъ, какое предоставляетъ ему избирательная система—7. Важно здѣсь то, что въ буковинскомъ ландтагѣ украинское представительство не имѣетъ противъ себя такого сплоченнаго, всеохватывающаго большинства, какъ въ сеймѣ галицкомъ. Въ 1905 г. даже составилось было прогрессивное большинство (свободомыслящій союзъ) изъ украинскихъ, прогрессивныхъ румынскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ депутатовъ, имѣвшее благодаря этому возможность провести рядъ весьма интересныхъ законопроектовъ. Союзъ скоро распался, и потому проекты большей частью не получили правительственной санкціи, но самый фактъ все же характеренъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на возможность для здѣшняго украинскаго представительства вліять на развитіе мѣстнаго законодательства и самоуправленія. Въ галицкомъ сеймѣ это было вещью немыслимою до сихъ поръ, не только вслѣдствіе малочисленности украинскаго представительства, но и вслѣдствіе указанной уже мною сплоченности всего остального, польскаго состава сейма: во всѣхъ вопросахъ, касающихся (хотя бы отдаленно) національныхъ интересовъ польскаго преобладанія, польское представительство выступаетъ вполнѣ солидарно и единодушно и совершенно игнорируетъ взгляды, требованія и указанія украинцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, фактически лишены всякаго вліянія на мѣстное законодательство, осуществляемое сеймомъ, и на принадлежащія ему весьма важныя функціи самоуправленія (завѣдываніе областными финансами, органи-

зація врачебнаго и санитарнаго дѣла, общественное призрѣніе, школьное дѣло и т. п.). Наоборотъ въ рукахъ польскаго большинства сеймовая законодательная и организаціонная дѣятельность, вся система органовъ и учрежденій, находящихся въ его вѣдѣніи, имѣетъ рѣзко выраженный польскій характеръ, и система областной автономіи является одной изъ главныхъ базъ „органической работы", направленной на укрѣпленіе и развитіе полнаго и исключительнаго польскаго господства.

Служа, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ факторовъ упроченія польскаго господства и, что особенно важно, неустанно подводя подъ это фактическое господство законодательный фундаментъ, галицкій сеймъ однако не ограничивается этимъ однимъ. Онъ неуклонно стремится къ тому, чтобы наложить свою руку также и на центральное управленіе во всей той сферѣ его дѣятельности, которая касается Галиціи. О проектахъ расширенія автономіи и успѣхахъ, достигнутыхъ въ послѣднюю кампанію, я буду говорить ниже, теперь же отмѣчу лишь, что нѣкоторыя весьма важныя прерогативы въ смыслѣ извѣстнаго контроля надъ дѣйствіями центральнаго правительства въ сферѣ управленія краемъ, галицкій сеймъ пріобрѣлъ уже давно. Укажу на особенно важный и характерный статутъ 1867 г., въ силу котораго открытіе правительствомъ средняго учебнаго заведенія съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ, или введеніе этого языка въ существующее уже учебное заведеніе не можетъ состояться иначе, какъ при благопріятномъ отзывѣ мѣстной „повѣтовой рады" и согласія сейма. Этотъ единственный въ своемъ родѣ статутъ, составлявшійся въ то время, когда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галиціи вмѣсто нѣмецкаго языка вводился польскій, имѣлъ цѣлью предотвратить развитіе украинской средней школы, по крайней мѣрѣ правительственной, и не дать возможность украинскому населенію даже въ будущемъ оправиться отъ нанесеннаго ему удара. И этотъ статутъ тщательно блюдется польскимъ представительствомъ, зорко слѣдящимъ за тѣмъ, чтобы правительство не расширяло сферы дѣятельности украинской школы помимо сейма.

Кромѣ центральнаго областного сейма, Галиція имѣетъ еще окружные (повѣтовые) совѣты, которымъ принадлежатъ важныя функціи—завѣдываніе окружными доходами, контроль надъ общиннымъ хозяйствомъ и самоуправленіемъ, школьнымъ дѣломъ и т. п.,—осуществляемыя отчасти непосредственно, отчасти черезъ посредство избираемыхъ совѣтами окружныхъ бюро (повѣтовыхъ управъ) и другихъ органовъ. Совѣты эти состоятъ, главнымъ образомъ, изъ представителей крупнаго землевладѣнія и сельскихъ избирателей (на 26 членовъ совѣта обыкновенно та и другая группа даетъ по 12 человѣкъ). Въ округахъ съ преобладающимъ сельскимъ украинскимъ населеніемъ это послѣднее можетъ имѣть почти половину, а при исключительно благо-

пріятныхъ условіяхъ даже и выше половины. Но въ силу тѣхъ же причинъ, которыми объясняется малочисленность украинскаго парламентскаго и сеймоваго представительства, въ составѣ совѣтовъ украинскіе представители обыкновенно бываютъ въ меньшинствѣ, и избираемыя ими окружныя бюро и другіе органы окружнаго самоуправленія (окружные школьные совѣты и пр.) имѣютъ, какъ по своему составу, такъ и по своей дѣятельности, польскій характеръ.

Такимъ образомъ, украинскій элементъ, какъ элементъ крестьянскій, уже въ силу однихъ особенностей сословнаго конституціоннаго строя, съ его покровительствомъ классамъ землевладѣльческимъ и капиталистическимъ, былъ поставленъ въ весьма невыгодное положеніе и жестоко обдѣленъ правами. Галицкая же практика довершила остальное, не давая ему возможности воспользоваться даже тѣми убогими правами представительства, какія предоставлялъ ему этотъ конституціонный строй, лишая его всякаго голоса, какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія, и подчинивъ всю мѣстную жизнь правящему польскому элементу. Стремленія правящихъ польскихъ классовъ къ полному обособленію Галиціи, къ изъятію ея изъ сферы дѣйствій центральнаго парламента и центральныхъ органовъ управленія и подчиненію всего управленія ея польскому представительству (представительству польскихъ правящихъ классовъ), если и не были санкціонированы формально законодательнымъ путемъ, то были все же почти полностью осуществлены на практикѣ. Центральное правительство лишено фактически всякаго вліянія на внутренній строй и управленіе Галиціи и обыкновенно даже и не старается вмѣшиваться въ эти недоступныя для него галицкія отношенія. Глава галицкой администраціи, намѣстникъ Галиціи (онъ же предсѣдатель училищнаго совѣта, финансоваго управленія и управленія государственныхъ имуществъ), хотя еще формально и не несетъ отвѣтственности передъ сеймомъ, какъ этого добиваются польскія правящія партіи, но на дѣлѣ является всецѣло выразителемъ и исполнителемъ ихъ стремленій, и мѣстная администрація пребываетъ въ полной увѣренности, что всякій избытокъ усердія въ смыслѣ поддержанія польскаго господства и польской „общественной іерархіи“ будетъ вмѣненъ ей не въ вину, а въ заслугу. Она служитъ исполнительнымъ органомъ этой польской шляхетской іерархіи, и не останавливаясь ни передъ какими нарушеніями конституціи, гражданскихъ правъ и законовъ, исполняетъ ея указанія. Вѣнцомъ этой политики служатъ, какъ я уже упоминалъ, выборы въ парламентъ и сеймъ, арранжируемые администраціей по указаніямъ польскаго „національнаго совѣта“ (Rada Narodowa). Вся дѣятельность административной машины имѣетъ цѣлью служить правящимъ польскимъ партіямъ. Промысловое обложеніе и выдача промысловыхъ свидѣтельствъ, кредиты для

сберегательныхъ кассъ и сроки платежей, контроль общиннаго хозяйства, отсрочки и кассированіе выборовъ сельскихъ сходовъ и сельскихъ правленій и т. д., и т. д.—все это лишь клавиши, которые надавливаются своевременно, для того чтобы оказать давленіе на оппозиціонные элементы, поддержать элементы, „трезвые“, или иначе говоря—уже вполнѣ деморализованные этою системою, и обезпечить кучкѣ польскаго привилегированнаго сословія побѣду надъ убогою массою украинскаго населенія.

Поэтому на государственной службѣ украинской интеллигенціи нѣтъ мѣста. Въ тѣхъ вѣдомствахъ, гдѣ имъ предоставляется нѣкоторый ходъ, болѣе высокія и самостоятельныя должности для нихъ закрыты. А одновременно съ этимъ принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы наростаніе украинской интеллигенціи вообще удержать въ возможно бомѣе тѣсныхъ предѣлахъ и сохранить за польской культурой и общественностью положеніе hors concours. Въ этомъ отношеніи польская школьная администрація и вообще польская школьная политика достигаетъ поразительной виртуозности и можетъ служить чрезвычайно цѣнной иллюстраціей галицкихъ отношеній и политики правящихъ польскихъ круговъ.

Низшая школа находится въ завѣдываніи отчасти мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ, отчасти областного школьнаго совѣта съ намѣстникомъ во главѣ. Вѣнское правительство не имѣетъ къ ней почти никакого отношенія, и усилія галицкой политики направлены были къ тому, чтобы сузить самодѣятельность сельскихъ общинъ въ этой сферѣ и возможно болѣе подчинить народную школу вліянію польскихъ совѣтовъ, мѣстныхъ и областного. Средняя школа, содержимая за счетъ государства, фактически тоже была почти устранена отъ вліянія центральнаго правительства, а въ послѣднее время польскимъ политикамъ удалось достичь и формальныхъ уступокъ въ этомъ направленіи, такъ что теперь средняя школа зависитъ вполнѣ и исключительно отъ того же школьнаго совѣта. Наконецъ высшія учебныя заведенія зависятъ хотя непосредственно отъ центральнаго правительства, но обладаютъ широкой автономіей.

Интересно будетъ подвести результаты сорокалѣтняго попеченія совѣта или, выражаясь польскимъ терминомъ, „эдукаціонной комисіи“, о народномъ образованіи. Совѣтъ этотъ имѣлъ и имѣетъ вполнѣ польскій характеръ (по послѣднему его статуту обезпеченный за украинцами минимумъ равняется 4 членамъ, на общее число въ 35 членовъ; фактически лицъ украинскаго происхожденія въ немъ 6, но назначаются они независимо отъ украинскаго представительства) и очень полно отражаетъ культурную политику польскихъ руководящихъ сферъ.

Начнемъ съ низшей школы. Изъ всего числа общинъ Галиціи, дости-

гающаго 6240, по переписи 1900 г. не имѣли своихъ школъ 1911, въ томъ числѣ въ восточной Галиціи 820, въ западной—991. Цифры сами по себѣ весьма неутѣшительныя и не свидѣтельствующія объ особой попечительности о народномъ просвѣщеніи у галицкихъ правителей. Но онѣ говорятъ также и о неравномѣрномъ распредѣленіи благъ просвѣщенія между польскимъ и украинскимъ населеніемъ. Въ западной Галиціи сельскія поселенія мельче и расположены гораздо гуще, чѣмъ въ восточной, поэтому въ дѣйствительности среди украинскихъ сельскихъ общинъ восточной Галиціи процентъ общинъ, лишенныхъ школы, гораздо выше. Среди округовъ западной Галиціи, только въ трехъ число дѣтей, не посѣщавшихъ школу, превышаетъ 30%, въ восточной Галиціи такихъ округовъ было 15, а въ трехъ округахъ число не посѣщавшихъ школу дѣтей колебалось между 60 и 70%! Результатъ тотъ, что число неграмотныхъ среди украинскаго населенія значительно выше, чѣмъ среди польскаго; по офиціальнымъ даннымъ эта разница принимаетъ даже ужасающіе размѣры: въ возрастѣ между 12 и 20 лѣтами процентъ неграмотныхъ среди украинскаго населенія 56, среди польскаго 27; въ возрастѣ между 22 и 31---неграмотнаго украинскаго населенія 61%, польскаго 33%; въ возрастѣ между 32 и 40 лѣтами—75% и 39%, а въ общей суммѣ населенія выше 12 лѣтъ, среди украинцевъ 78% неграмотныхъ, среди поляковъ—47%. Разница эта уменьшится, если мы вспомнимъ, что еврейское населеніе, поголовно грамотное, фигурируетъ въ категоріи польскаго (если исключить евреевъ, то приведенныя цифры неграмотныхъ придется повысить приблизительно на 12%), но все же она останется очень замѣтной.

Я не имѣю возможности останавливаться на многихъ другихъ, весьма интересныхъ фактахъ и цифрахъ, на томъ напр. обстоятельствѣ, что въ числѣ не функціонирующихъ школъ чаще встрѣчаются украинскія; что школы съ украинскимъ языкомъ преподаванія бываютъ только низшихъ типовъ, а школы высшихъ типовъ—исключительно польскія (условіемъ преобразованія въ школу высшаго типа ставится введеніе польскаго языка); что преподованіе въ украинскихъ школахъ ведется отчаянно, что онѣ даютъ чрезвычайно мало своимъ ученикамъ, такъ какъ школьная администрація заставляетъ тратить массу времени на обученіе польскому языку, вопреки всѣмъ законамъ, до § 19 конституціи включительно, и т. д. Я только еще разъ отмѣчу, что будучи сама по себѣ чрезвычайно плоха (и притомъ не только не прогрессируя, а даже ухудшаясь, судя по сравнительнымъ даннымъ о числѣ неграмотныхъ новобранцевъ и непосѣщающихъ школу дѣтей за послѣдніе годы), низшая школа особенно страдаетъ отъ своеобразныхъ галицкихъ

условій и совершенно основательно служитъ причиною постоянныхъ жалобъ украинскаго населенія.

Средняя школа еще рѣзче характеризуетъ столь неблагопріятную для культурнаго роста украинскаго населенія политику правящихъ сферъ Галиціи.

Къ началу учебнаго года 1903—1904 въ Галиціи было 49 гимназій и реальныхъ училищъ, въ томъ числѣ съ польскимъ языкомъ преподаванія 43, съ нѣмецкимъ 4, съ украинскимъ 4 (теперь 5). На восточную, украинскую часть Галиціи приходилось польскихъ среднихъ школъ 25, нѣмецкихъ 2, украинскихъ 4. Одна польская средняя школа приходилась приблизительно на 30 тыс. польскаго населенія, одна украинская на 820 тыс. украинскаго населенія. Около 55% всѣхъ учениковъ украинской народности принуждено было посѣщать среднюю школу съ преподаваніемъ на чужомъ языкѣ, изъ числа же учениковъ поляковъ—только 2%. Такія условія, вмѣстѣ съ весьма неблагопріятнымъ для украинской молодежи школьнымъ режимомъ, создаютъ весьма неодинаковые шансы для украинской и польской народности; въ то время, какъ до введенія польскаго преподаванія въ среднихъ школахъ число учениковъ украинской народности въ восточной Галиціи превышало число поляковъ, теперь число послѣднихъ далеко оставляетъ за собой число учениковъ украинцевъ [1]). Усилія украинскаго общества, направленныя къ увеличенію числа украинскихъ среднихъ школъ, встрѣчаются съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ польскихъ руководящихъ круговъ: опираясь на упомянутый выше статутъ 1867 г., они кладутъ свое veto на всѣ попытки центральнаго правительства пойти навстрѣчу требованіямъ украинскаго общества. Вопросъ о каждой новой украинской гимназіи выросталъ до размѣровъ настоящаго политическаго вопроса, между тѣмъ какъ все новыя и новыя польскія школы создавались за это время совершенно безпрепятственно, простымъ росчеркомъ пера.

Еще болѣе жгучій и злободневный характеръ принялъ вопросъ университетскій. Сдѣлавшись господами положенія въ львовскомъ университетѣ послѣ того, какъ нѣмецкій языкъ долженъ былъ уступить (въ 1871 г.) преподаванію на „мѣстныхъ языкахъ“, поляки ревниво оберегали свою монополію высшей школы и не допускали украинцевъ къ преподаванію въ ея стѣнахъ; они всѣми мѣрами препятствовали увеличенію числа украинскихъ каѳедръ и также отрицательно отнеслись къ мысли объ основаніи отдѣльнаго украинскаго университета, когда съ украинской стороны былъ выдвинутъ соотвѣтствующій проектъ. Мотивомъ служило очевидно все то же—сохраненіе за польскою культурою ея превалирующаго значенія.

[1]) Подробнѣе въ брошюрѣ моей: „Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи“, гл. III.

4.

Итакъ, невыносимо тяжелое положеніе, въ какомъ очутилась украинская народность, является прежде всего результатомъ ея экономической и культурной отсталости — этого наслѣдія исторической Польши, тщательно снимавшей съ нея за время своего четырехвѣковаго господства все, что только могло считаться сливками націи, оставившей ее въ состояніи забитости и безпомощности и въ лицѣ своихъ потомковъ тщательно консервирующей ее въ этомъ положеніи. Усилія украинскаго общества, направленныя къ экономическому и культурному подъему, сталкиваются во-первыхъ, съ неблагопріятнымъ для всѣхъ обдѣленныхъ и слабыхъ государственнымъ укладомъ Австріи, во-вторыхъ, съ ея „системой", отдающей украинскій народъ въ полное распоряженіе господствующаго польскаго элемента и допускающаго самыя вопіющія нарушенія принциповъ конституціонной жизни со стороны послѣдняго. Въ виду этого задачею національной политики украинцевъ являлось—во-первыхъ, добиться реформъ въ самомъ государственномъ строѣ, въ смыслѣ отмѣны привилегій имущихъ классовъ, земельной и капиталистической аристократіи; во-вторыхъ—принудить правительство отказаться отъ покровительства привилегированному польскому элементу и положить предѣлъ системѣ невмѣшательства во внутреннія отношенія Галиціи. Въ этомъ направленіи и развиваютъ свою дѣятельность украинскія національныя партіи.

Въ послѣднее десятилѣтіе украинскіе національно-настроенные элементы Галиціи сложились въ три организованныя партіи.

Во-первыхъ, партія офиціально называемая національно-демократической (хотя это названіе, профанированное тѣмъ содержаніемъ, какое вложили въ свою программу и тактику національ-демократы польскіе, неохотно употребляется). Она является наслѣдницей національнаго движенія галицкаго украинства и объединяетъ въ себѣ большинство національно-настроеннаго украинскаго общества. Національныя политическія задачи стоятъ во главѣ угла ея программы, хотя со времени послѣдней реформы въ ней видное мѣсто занимаютъ также вопросы экономическаго и соціальнаго характера. Прогрессивный въ теоріи характеръ ея ослабляется на практикѣ присутствіемъ въ ея рядахъ значительныхъ массъ духовенства и чиновничества. Мѣриломъ ея политической силы можетъ служить подсчетъ голосовъ во время послѣдней избирательной кампаніи: изъ общаго числа, полученныхъ кандидатами украинскихъ національныхъ партій голосовъ (375 тыс.), ея кандидаты получили 267 тысячъ.

Во-вторыхъ, партія радикальная, возникшая въ концѣ 1880 годовъ, и въ противовѣсъ культурно-національнымъ задачамъ старшей партіи (нынѣш-

ней національно-демократической) выдвинувшая на первый планъ вопросы и задачи соціально-политическіе. Послѣ того, какъ національно-демократическая партія включила въ свою программу (въ 1899 г.) соціальныя и политическія требованія партіи радикальной, и много выдающихся представителей этой послѣдней примкнуло къ ней, разница между обѣими партіями не ощутительна, и сказывается главнымъ образомъ въ тактикѣ. Въ то время какъ партія національно-демократическая, какъ я уже сказалъ, насчитываетъ въ своихъ рядахъ много представителей духовенства (уніатскаго), партія радикальная имѣетъ характеръ рѣзко антиклерикальный и рѣшительно выступаетъ противъ духовенства. Ее можно считать за лѣвое крыло націоналъ-демократовъ.

Въ-третьихъ — соціалдемократическая партія. Наиболѣе молодая, она является и наиболѣе слабою въ настоящее время, да и въ будущемъ не видно для нея особо благопріятныхъ условій: ея настоящая стихія—фабричный пролетаріатъ—здѣсь отсутствуетъ, и въ городахъ ей приходится размежевываться съ польской соціалдемократіей: задача не изъ легкихъ. Затѣмъ, стараясь не подчеркивать рѣзко національнаго вопроса изъ партійной солидарности съ польской соціалдемократіей, она ослабляетъ свою позицію, такъ какъ національный вопросъ для украинцевъ является теперь вопросомъ насущнымъ. До сихъ поръ, въ виду общей слабости соціалдемократіи въ Галиціи, украинскіе соціалдемократы подчиняли національные запросы общепартійнымъ интересамъ и изъ украинскихъ національныхъ партій наименѣе выдвигали національный вопросъ; въ послѣднее время, младшія поколѣнія партіи выдвигаютъ его гораздо рѣзче и полнѣе, все болѣе и болѣе освобождаясь (какъ и еврейскія соціалисты Галиціи) отъ вліянія польской соціалдемократіи. Все же національная платформа ея пока довольно неясна.

Теченія клерикально-консервативныя на украинской національной почвѣ остаются неорганизованными; попытки организаціи ихъ въ самостоятельную партію до сихъ поръ оставались безуспѣшными. Какъ я уже указалъ выше, эти реакціонныя теченія отливались все болѣе и болѣе въ форму антинаціональную, отрицая самое стремленіе поставить развитіе украинскаго элемента на народную основу, сдѣлать орудіемъ культурной жизни „языкъ пастуховъ и свинопасовъ“. Въ связи съ поддержкою, которую оказывали этому теченію офиціозныя сферы Россіи, оно все болѣе и болѣе отъ старорусинскаго, специфически-галицкаго консерватизма переходило на москвофильскую офиціозно-реакціонную точку зрѣнія, и соединяя консервативно-клерикальную политику съ полонофобской и антисемитской демагогіей для уловленія народныхъ массъ, въ послѣднее время дѣлалось все болѣе опредѣленнымъ и рѣшительнымъ союзникомъ польскихъ правящихъ сферъ. Въ сферѣ національныхъ стремленій оно играло роль тормаза, стараясь задержать и дискредитировать національное

украинское движеніе; въ сферѣ соціальной, изъ оппозиціи украинскому радикализму, поддерживало галицкій status quo. Тѣсный союзъ его съ польскими правящими кругами въ послѣднее время сдѣлался вполнѣ явнымъ. Въ сферѣ національныхъ и соціально-политическихъ стремленій украинской народности это теченіе такимъ образомъ является чистымъ минусомъ. Но несомнѣнно оно идетъ на убыль. Еще очень недавно оно считалось приблизительно равносильнымъ по численности съ украинскимъ національнымъ движеніемъ (не надо забывать, что оно имѣло за собою консервативные элементы, старшія поколѣнія, между тѣмъ какъ украинскія политическія партіи начали свою дѣятельность только съ 1880 годовъ), теперь оно въ меньшинствѣ.

Въ послѣднюю избирательную кампанію москвофильскіе кандидаты, несмотря на поддержку поляковъ и правительства и на то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ округахъ они изъ тактическихъ соображеній были поддерживаемы также украинскими національными партіями, собрали всего 176 тыс. голосовъ противъ 375 тыс. украинскихъ національныхъ партій.

Такимъ образомъ выразителемъ политическихъ и національныхъ стремленій украинской народности въ данный моментъ является національно-демократическая партія (со своимъ радикальнымъ крыломъ). Съ одной стороны она ставитъ своей задачей улучшеніе положенія и расширеніе правъ украинскаго народа путемъ реформъ общегосударственнаго строя въ демократическомъ направленіи: отмѣны сословныхъ преимуществъ, примѣненія всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ; замѣны нынѣшней системы налоговъ, тяжелымъ бременемъ ложащихся на бѣднѣйшіе классы, прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ; передачи земель въ руки трудящихся классовъ, справедливой нормировки и охраны труда и т. п. Съ другой стороны она выдвигаетъ и чисто національныя требованія, общаго и спеціальнаго характера: нормированіе національныхъ отношеній законодательнымъ путемъ, переустройство государства на началахъ національно-территоріальной автономіи вмѣсто нынѣшней автономіи коронныхъ земель, отдѣленія восточной, украинской территоріи Галиціи отъ западной и соединенія ея съ украинской территоріей Буковины (созданія украинской національной провинціи), а впредь до осуществленія такого національнаго раздѣла (требуемаго и другими народностями Австріи)—созданія національныхъ департаментовъ въ областныхъ органахъ самоуправленія: областной управѣ, школьномъ совѣтѣ и т. п. Впредь до переустройства областной организаціи, въ противовѣсъ стремленіямъ польскихъ правящихъ партій къ полному обособленію Галиціи (расширенію законодательныхъ компетенцій галицкаго сейма, отвѣтственности предъ нимъ администраціи, замѣны непосредственнаго представительства въ вѣнскомъ парламентѣ делегаціей сеймовъ),

украинскія національныя партіи, при существующемъ положеніи вещей, отстаиваютъ наоборотъ возможно болѣе тѣсную связь галицкой жизни съ центромъ и требуютъ устраненія системы невмѣшательства центральнаго правительства въ галицкія дѣла и отношенія. Иными словами, при нынѣшней ненормальной системѣ областныхъ автономій, украинскіе прогрессисты являются сторонниками централизма, а не автономизма, поддерживаемаго національми, находящимися въ положеніи правящаго большинства (поляки, чехи).

Если среди украинскихъ національныхъ партій соціалдемократія наименѣе подчеркиваетъ національныя требованія, то и среди польскихъ партій соціалдемократія наиболѣе толерантно относится къ требованіямъ украинскимъ. Въ требованіяхъ политическихъ и соціальныхъ она большею частью является союзницей украинцевъ; въ сферѣ національной — это наблюдается въ меньшей степени. Да и въ сферѣ соціальной, отстаивая интересы городскихъ классовъ, она не всегда идетъ рука объ руку съ украинскими партіями, защищающими прежде всего интересы украинскаго крестьянина (такъ было въ вопросѣ о распредѣленіи избирательныхъ округовъ во время избирательной реформы, когда соціалдемократы, съ своей партійной точки зрѣнія, поддерживали преимущества городскихъ округовъ предъ сельскими). Остальныя польскія партіи, отъ крестьянской („людовой“) до клерикальныхъ и консервативныхъ включительно, при всѣхъ своихъ внутреннихъ различіяхъ, въ національныхъ дѣлахъ всѣ являются ревностными защитниками польскаго преобладанія и выступаютъ враждебно противъ національныхъ требованій украинцевъ. Въ консервативно-шляхетскихъ сферахъ излюбленною идеею было — отдѣлить культурно-національныя стремленія украинскаго общества отъ „соціальнаго радикализма“ и заключить компромиссы, цѣною извѣстныхъ культурно-національныхъ уступокъ, гарантируя прекращеніе національной борьбы и соціально-политическаго движенія. Говоря другими словами, предполагалось вызвать къ жизни среди украинскаго общества партію національно-консервативную, которая въ обмѣнъ за извѣстныя національныя уступки, конечно, тоже „умѣренныя“ (вродѣ учрежденія одной-другой украинской каѳедры, открытія одной-другой украинской гимназіи), отказалась отъ защиты соціальныхъ интересовъ украинскаго крестьянства и отъ борьбы съ польско-шляхетскимъ режимомъ. Эти попытки, самой громкой изъ которыхъ было соглашеніе („угода“) 1890 г., потерпѣли однако неудачу, такъ какъ національная и соціально-политическая программы украинства связаны слишкомъ тѣсно между собою, и вліятельныхъ элементовъ, которые пошли бы на такой компромиссъ, не могло найтись. Послѣ этихъ неудачъ консервативныя польскія партіи заняли рѣзко враждебную позицію по отношенію къ украинскимъ національнымъ требованіямъ, и въ противовѣсъ имъ въ послѣднее время все болѣе начинаютъ поддерживать москвофильскую партію.

Еще болѣе враждебное настроеніе противъ украинства проявляется со стороны польской національной демократіи, или такъ-наз. „всепольскаго“ движенія, развившагося въ послѣдніе годы, особенно въ восточной Галиціи (и въ Царствѣ Польскомъ) среди городской буржуазіи и буржуазной интеллигенціи. Наконецъ, партія крестьянская, развившаяся также за послѣднее десятилѣтіе и вліятельная главнымъ образомъ, въ средѣ крестьянскаго населенія западной Галиціи, въ первыхъ стадіяхъ своей борьбы съ господствомъ шляхетскаго консерватизма временами протягивала руку представителямъ украинскаго крестьянства и вызывала иллюзію нѣкоторой солидарности. Но въ послѣднее время, изъ вражды къ польскому національ-демократизму, этому движенію городской буржуазіи, она все тѣснѣе примыкаетъ къ шляхтѣ и вмѣстѣ съ ней рѣзко враждебно относится къ борьбѣ украинцевъ противъ польскаго господства.

Центральнымъ вопросомъ, вокругъ котораго вращалась въ послѣднее время политическая жизнь Галиціи, и на почвѣ котораго сталкивались интересы народностей и партій, была реформа избирательнаго права, парламентскаго и сеймоваго. Реформа перваго закончилась, реформа второго на очереди дня. Въ вопросѣ о реформѣ парламента австрійское правительство обнаружило было готовность итти навстрѣчу радикальнымъ требованіямъ массъ. Но народности и партіи, страшившіяся съ реформою потерять силу и вліяніе, которое давало имъ прежнее сословное представительство, заставили правительство урѣзать свой первоначальный проектъ. Особенно ревностными противниками реформы были польскіе консерваторы; польскіе демократы старались повести ее такъ, чтобы ея плоды попали въ ихъ руки, минуя украинцевъ отстаивавшихъ реформу въ ея чистомъ видѣ, т. е. съ сохраненіемъ равнаго представительства. Кромѣ невѣроятныхъ уступокъ польскимъ національнымъ интересамъ, иначе говоря—польскому господству, правительство обѣщало полякамъ рядъ уступокъ въ смыслѣ расширенія областной автономіи Галиціи и гарантій польскаго политическаго преобладанія.

Послѣ торговъ и дебатовъ, поглотившихъ слишкомъ годъ, былъ выкроенъ избирательный Тришкинъ кафтанъ, получившій съ грѣхомъ пополамъ санкцію парламента. Депутатскія полномочія были распредѣлены между областями сообразно съ силами и вліяніемъ отдѣльныхъ національностей и партій, и на этомъ же основаніи, совершенно независимо отъ какой-либо пропорціи населенія, были выкроены избирательные округа. Въ Галиціи было кромѣ того—для обезпеченія представительства за польскимъ меньшинствомъ восточной Галиціи,—введено въ сельскихъ округахъ представительство меньшинства (не менѣе 25% общаго числа избирателей) и рядъ болѣе мелкихъ поправокъ, увеличивавшихъ шансы правящихъ классовъ и администраціи. Кромѣ того, по желанію польскихъ депутатовъ, въ избирательный законъ внесены были гарантіи противъ измѣненія его

вопреки волѣ польскаго представительства (для измѣненія требуется квалифицированное большинство палаты и присутствіе половины депутатовъ отъ Галиціи). Въ результатѣ всѣхъ этихъ приспособленій въ западныхъ провинціяхъ одинъ депутатъ приходится теперь на 26—33 тысячъ населенія, въ центральныхъ—на 36—49 т., въ Буковинѣ—на 51 т., въ Галиціи—на 68 т. По народностямъ: одинъ депутатъ приходится на 39 т. нѣмцевъ, 51 т. поляковъ, 55 т. чеховъ и 102 т. украинцевъ. Права этихъ послѣднихъ, впрочемъ, не одинаковы: въ Буковинѣ 297 т. (по офиц. переписи) получаютъ 5 депутатовъ, такъ что одинъ приходится на 59 т., въ Галиціи же одинъ депутатъ приходится на 120 т. украинскаго населенія и 46 т. польскаго. Избирательные округа выкроены такъ, чтобы изъ общаго числа 106 депутатовъ поляки получили 76 депутатовъ, а украинское населеніе (превосходящее польское) 28 депутатовъ. Для этого создано большое число (34) округовъ городскихъ со сравнительно немногочисленнымъ населеніемъ (20 до 40 тысячъ), но съ преобладаніемъ поляковъ (вмѣстѣ съ евреями).

Затѣмъ изъ западной Галиціи (съ польскимъ населеніемъ) выкроено сравнительно больше сельскихъ округовъ, чѣмъ изъ восточной (украинской); самый большой изъ округовъ западной Галиціи (169 т. жителей) меньше самаго малаго (174 т.) восточной, большинство же округовъ послѣдней имѣетъ свыше 200 т. населенія, а самый большой—289 т. Въ общемъ итогѣ голосъ украинскаго избирателя оцѣненъ въ 3 раза ниже избирателя польскаго—послѣднее слово національнаго равенства, провозглашеннаго 40 лѣтъ тому назадъ австрійской конституціей.

Протесты украинскаго представительства и населенія, которые раздавались на митингахъ, собиравшихся въ этотъ періодъ борьбы за избирательное право въ огромномъ количествѣ и въ большихъ размѣрахъ въ восточной Галиціи,—не привели ни къ какимъ результатамъ. Установлено было избирательное право всеобщее, но не равное. Оставалось приложить усилія къ тому, чтобы занять по крайней мѣрѣ то число депутатскихъ мѣстъ, какое авторы реформы въ теоріи предназначали для украинскаго населенія. Задача нелегкая, если вспомнить, что до сихъ поръ, при выборахъ двустепенныхъ и цензовыхъ, украинское населеніе Галиціи никогда не могло занять даже приблизительно того числа мандатовъ, какое теоретически ему принадлежало. Избирательная кампанія прошла съ небывалымъ оживленіемъ и напряженіемъ силъ, и ознаменовалась крайнимъ ожесточеніемъ борющихся партій. Національныхъ и партійныхъ треній реформа не только не ослабила, но открыла новыя возможности борьбы. Пробужденныя предшествующею агитаціею за избирательную реформу, народныя массы восточной Галиціи проявили небывалый интересъ и энергію и въ результатѣ дѣйствительно взяли почти все,

что можно было взять отъ искаженной реформы: отъ Галиціи прошло 27 депутатовъ „русской народности“ по галицкой терминологіи, а именно 17 украинскихъ національ-демократовъ, 3 украинскихъ радикала, 2 украинскихъ соціалдемократа и 5 старорусинъ (изъ нихъ 3 фигурировали, какъ компромиссные украинско-москвофильскіе кандидаты, по старой традиціи компромиссовъ „противъ общаго врага“), и 3 сіониста—союзники украинцевъ въ этой кампаніи. Изъ польскихъ партій потерпѣли уронъ консерваторы, за счетъ которыхъ усилились демократы и людовцы: избрано 13 консерваторовъ, 12 клерикаловъ („центръ“), 13 національ-демократовъ, 13 демократовъ другихъ оттѣнковъ, 17 людовцевъ, 4 соціалдемократа. Въ Буковинѣ было избрано изъ общаго числа 14-ти депутатовъ—5 депутатовъ украинской народности (они получили 33 т. голосовъ, кандидаты москвофильскіе собрали 10 т., но не прошелъ ни одинъ) и одинъ сіонистъ.

Украинское парламентское представительство сложилось слѣдующимъ образомъ: украинскій клубъ изъ 25 депутатовъ (17 украинскихъ національ-демократовъ Галиціи, 3 радикала и 5 украинскихъ депутатовъ Буковины), старорусинскій клубъ (Altruthenen) изъ 4 депутатовъ, 2 украинскихъ соціалдемократа въ общемъ составѣ соціалдемократическаго клуба, и 1 „дикій“.

Украинское представительство стало много значительнѣе: на общее число 516 приходится теперь 25 депутатовъ, сплоченныхъ въ одинъ клубъ, между тѣмъ какъ въ старомъ парламентѣ былъ клубъ изъ 6—7 на общее число 425 депутатовъ. Но оптимистическія надежды, возлагавшіяся на новый парламентъ украинскимъ населеніемъ, отъ этого не осуществились, какъ не осуществились вообще розовыя надежды, возлагавшіяся на этотъ обновленный „рабочій парламентъ“. Несмотря на то, что большинство его депутатовъ принадлежитъ къ лѣвымъ группамъ, въ немъ сразу сформировалось консервативное правительственное большинство, а прогрессивныя національныя группы сомкнулись въ національные союзы и клубы вмѣстѣ съ крайними консерваторами, такъ что въ общемъ произошелъ сильный сдвигъ направо.
Руководящую роль въ парламентѣ заняли соціалисты на изнанку—нѣмецкіе антисемиты.

Національная борьба не ослабѣла. Польскій клубъ, въ которомъ сплотились консервативныя и такъ называемыя демократическія польскія группы, (если людовцы еще не вступили въ него, то лишь по формальнымъ соображеніямъ) занялъ такую же непримиримо-враждебную позицію по отношенію къ украинскимъ депутатамъ и ихъ требованіямъ, какъ и его предшественникъ, польскій дореформенный консервативный клубъ. Еще болѣе обострились отношенія украинскихъ національныхъ партій къ группѣ москвофильской,

выдѣлившейся въ отдѣльную фракцію, сближающуюся все тѣснѣе съ правящими польскими партіями.

Теперь на очереди стоитъ вопросъ о реформѣ ландтаговъ—введеніи въ нихъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Хотя правительство и заявило, въ согласіи съ желаніями консервативныхъ элементовъ, что находитъ такую реформу въ примѣненіи къ ландтагамъ невозможной, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что реформа сеймового избирательнаго права является только вопросомъ времени.

Въ галицкомъ сеймѣ вопросъ о реформѣ дебатировался на послѣднихъ сессіяхъ. Украинскіе депутаты домогались введенія не только всеобщаго, но и равнаго избирательнаго права, чтобы, за вычетомъ вирилистовъ, всѣ остальные депутаты были представителями приблизительно равныхъ округовъ, причемъ въ 84 округахъ имѣли бы большинство поляки и евреи, а въ 64—украинцы. Комитетъ, избранный большинствомъ сейма, проектировалъ представительство двоякое: половину депутатовъ, избираемыхъ по сословно-профессіональнымъ куріямъ и половину отъ всего населенія; украинское населеніе могло бы при этомъ на общее число въ 204 депутата (по выборамъ) посылать 34—37 депутатовъ; такъ по крайней мѣрѣ должны были быть выкроены избирательные округа. Но сеймъ былъ распущенъ, прежде чѣмъ избирательная реформа была рѣшена.

Однако, если въ ближайшій періодъ австрійской государственной жизни и нѣтъ надежды на введеніе *равнаго* избирательнаго права, то все же проведеніе всеобщихъ, прямыхъ и тайныхъ выборовъ, какіе обѣщаетъ сеймовая реформа, несомнѣнно будетъ шагомъ впередъ, а въ частности—цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для украинскаго народа.

Львовъ.

Проф. **Мих. Грушевскій.**

ЕВРЕИ.

Характеризуя положеніе, которое евреи занимаютъ въ Австріи по своей численности [1]), мы обыкновенно противопоставляемъ эту національную группу всѣмъ остальнымъ національностямъ, вмѣстѣ взятымъ, и исходимъ исключительно изъ процентнаго отношенія ея ко всему числу жителей имперіи *въ ихъ совокупности*, несмотря на то, что ни въ культурномъ, ни въ политическомъ отношеніи, нѣтъ австрійскаго населенія, какъ чего-то цѣлаго, что нѣтъ даже единаго австрійскаго большинства.

Одной изъ главныхъ причинъ, почему подобное противопоставленіе такъ упорно сохраняется, несомнѣнно является тотъ своеобразный экономическій укладъ евреевъ, который такъ рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ всей массы остальныхъ австрійскихъ національностей.

Въ 1900 году въ Австріи изъ 1.000 чел. каждой данной націи было занято:

	Евреевъ.	Нѣмцевъ.	Поляковъ.	Чеховъ.	Русинъ.	Словенцевъ.
въ сельскомъ хозяйствѣ . . .	128	391	747	490	948	787
„ промышленности. . . .	275	332	105	303	15	104
„ торговлѣ и транспортѣ . .	396	106	68	73	11	24
„ либеральн. проф., государственной и военной службѣ.	201	171	80	134	26	85

Уже однѣ эти цифры показываютъ, что въ профессіональной структурѣ

---

[1]) Въ Австріи (Цислейтаніи) число евреевъ равняется 1.224.711 человѣкъ, т. е. 4,68% по отношенію ко всему населенію.

По отдѣльнымъ короннымъ землямъ численное соотношеніе національностей выражается слѣдующими цифрами:

Въ Нижней австріи.

Нѣмцевъ. . . 2.556,645 или 82,8%
Чеховъ . . . 132,968 „ 4,8

еврейскаго населенія Австріи противоположность между городомъ и деревней, занимающая такое видное мѣсто въ строѣ всѣхъ другихъ народностей, почти не существуетъ. Число евреевъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (139,810) уже само по себѣ взятое, незначительно. Но даже и въ средѣ этого малочисленнаго слоя трудно найти людей, которые по всему своему экономическому, соціальному и культурному облику не являлись бы въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло, представителями городской культуры. Въ особенности это надо сказать о классѣ арендаторовъ, сильно возросшемъ, преимущественно въ Галиціи и Буковинѣ, за время отъ 1890 до 1900 г. (годъ послѣдней переписи). Является ли этотъ ростъ, какъ и вообще вся сельскохозяйственная дѣятельность евреевъ, зародышемъ

Евреевъ . . .	157,278 „	*5,70%*
и такъ далѣе.		
Въ томъ числѣ въ самой Вѣнѣ:		
Нѣмцевъ . .	1.239,189	73,90%
Чеховъ . . .	102,974	6,20
Поляковъ . .	4,346	0,26
Евреевъ . . .	*149,926*	*8,80*
и такъ далѣе.		
Въ Моравіи:		
Нѣмцевъ . . .	631,237	26,08%
Чеховъ . . .	1.727,270	71,30
Евреевъ . . .	*44,255*	*1,90*
Въ Богеміи:		
Чеховъ. . . .	3.900,087	62,20%
Нѣмцевъ . . .	2.274,268	36,30
Евреевъ . . .	*92,745*	*1*,50
и такъ далѣе.		
Въ томъ числѣ въ Прагѣ:		
Чеховъ . . .	170,000	75,00%
Нѣмцевъ. . .	8.500	4,50
Евреевъ . . .	*18,986*	*10,50*
Въ Галиціи:		
Поляковъ. . .	3.352,000	46,00%
Русинъ . . .	3.104,103	42,60
Евреевъ . . .	*811,371*	*11,40*
Въ Буковинѣ:		
Румынъ . . .	229,018	31,60%
Русинъ . . .	297,798	41,10
Евреевъ . . .	*96,150*	*13,30*
Нѣмцевъ . . .	63,681	9,00
Поляковъ. . .	26,857	3,70

возможнаго развитія въ сторону образованія еврейскаго земледѣльческаго класса, — вопросъ, на который трудно отвѣтить въ данный моментъ. Какъ бы то ни было, въ настоящее время еврейское населеніе носитъ рѣзко выраженный городской характеръ. Типичнымъ для него является тотъ высокій процентъ, который образуютъ въ его средѣ т. наз. либеральныя профессіи [1]). Въ общемъ же главнымъ занятіемъ австрійскихъ евреевъ является торговля [2]). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ восточныхъ провинціяхъ Австріи среди нихъ развита по преимуществу мелкая и карликовая торговля, въ то время какъ на западѣ,—въ Вѣнѣ, Тріестѣ, Богеміи, Моравіи, Силезіи— значительную роль играетъ еврейская крупная торговля. Здѣсь же выступаетъ на сцену и еврейская индустрія, почти совершенно отсутствующая на востокѣ, гдѣ впрочемъ промышленность вообще еще очень слабо развита. Еврейское ремесло не играетъ въ западныхъ провинціяхъ замѣтной роли, за исключеніемъ одной лишь Вѣны; напротивъ, въ восточныхъ областяхъ, ремесленное производство—опять-таки карликовое по большей части,— занимаетъ весьма видное мѣсто въ жизни еврейскаго населенія; и это слѣдуетъ сказать не только о ремесленникахъ-хозяевахъ, но и о подмастерьяхъ. Число еврейскихъ рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ производствѣ еще весьма невелико; въ судетскихъ земляхъ оно совершенно ничтожно, тамъ даже еврейскія фабрики и крупные городскіе центры не составляютъ въ данномъ случаѣ исключенія. Лишь въ Вѣнѣ число еврейскихъ фабричныхъ рабочихъ достигаетъ довольно значительной и все возрастающей цифры; рекрутируется этотъ слой, главнымъ образомъ, изъ элементовъ, переселившихся изъ Россіи, Галиціи и Буковины [3]).

Вообще говоря, евреи западной Австріи относятся къ болѣе или менѣе обезпеченнымъ соціальнымъ слоямъ, въ то время какъ въ восточныхъ провинціяхъ еврейское населеніе находится на самой низкой ступени обществен-

---

[1]) Относящіяся сюда цифры (см. выше таблицу) станутъ еще болѣе поучительными, если принять во вниманіе, что на долю государственной службы у евреевъ приходится весьма незначительный процентъ. Что касается до военной службы, то на ея долю приходится 16% всего производительнаго еврейскаго населенія, въ то время какъ у нѣмцевъ соотвѣтствующая цифра равняется 18, у поляковъ 9,4.

[2]) Въ Галиціи евреи держатъ въ своихъ рукахъ почти 45% всей торговли. Занимающихся денежными и кредитными операціями приходится на каждую 1000 евреевъ—13 человѣкъ.

[3]) Въ вышеприведенной таблицѣ въ рубрику „промышленность“ включены также и ремесла. Сюда же относится и производство питей, которымъ заняты во всей Австріи 16%, а въ Галиціи 45—50% всего производительнаго населенія. Почти 19% всѣхъ евреевъ, занятыхъ въ промышленности, относятся къ категоріи производства пищевыхъ продуктовъ, (мясники, пекари и т. п.).

ной лѣстницы. Несмотря на это трудно было бы говорить уже теперь о пролетаризаціи еврейскихъ массъ Галиціи и Буковины. Мы видимъ лишь, что значительная часть еврейскаго населенія этихъ странъ, быть можетъ двѣ трети его, принадлежатъ къ соціальному слою, не поддающемуся точной классификаціи и рекрутирующемуся изъ представителей самыхъ различныхъ профессій. Этотъ слой отнюдь не совпадаетъ съ тѣмъ, что принято называть Lumpenproletariat'омъ. Это совершенно своеобразные соціальные элементы, отличающіеся главнымъ образомъ *непостоянствомъ* своихъ занятій, но которые по всему своему умственному укладу, по всему строю своей духовной жизни еще всецѣло принадлежатъ къ буржуазнымъ кругамъ.

Эта своеобразная хозяйственная структура еврейскаго населенія является, конечно, въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ того спеціальнаго законодательства, которое до сравнительно недавняго времени тяготѣло надъ евреями во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ оно всецѣло совпадало съ аналогичными законодательствами, существовавшими въ другихъ странахъ вплоть до начала или середины прошлаго вѣка, и сводилось къ ограниченію сферы дѣятельности евреевъ тѣснымъ кругомъ опредѣленныхъ профессій, въ рамкахъ которыхъ, въ свою очередь, устанавливалась новая система ограниченій и привилегій; такимъ образомъ, оно изъяло евреевъ изъ сферы дѣйствія общаго права —какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго и политическаго,—и создало для нихъ исключительное положеніе во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Послѣ 1848-го и—по минованіи кратковременной реакціи—1867 годовъ исключительные законы были отмѣнены. Но несмотря на это, положеніе вещей не во многомъ измѣнилось.

Среди не-евреевъ широкіе слои населенія жалуются на все растущую силу еврейства и стремятся, если не прямо, то косвенно аннулировать полученное евреями равноправіе. Съ другой стороны, неудовлетворенными остаются и широкія еврейскія массы. Существующее законодательство не обезпечиваетъ имъ даже свободу исповѣданія. Такъ оно, напримѣръ, требуетъ обязательнаго объединенія въ одну религіозную общину всѣхъ евреевъ, живущихъ въ предѣлахъ данной территоріальной единицы, и совершенно игнорируетъ существованіе различныхъ религіозныхъ и культурныхъ оттѣнковъ въ ихъ средѣ.

Полученное евреями равноправіе въ дѣйствительности существуетъ только на бумагѣ, и неудивительно, что подобное положеніе вещей вызываетъ жалобы во всѣхъ слояхъ еврейства, безъ различія партій и направленій. Разница между различными группами заключается въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что элементы, національно настроенные, одними этими жалобами не ограничиваются. Усматривая причину фактическаго неравноправія евреевъ въ ихъ

національномъ безправіи, они требуютъ отъ государства признанія евреевъ особой націей, наряду съ другими народностями Австріи. Носителемъ этого требованія, выдвигаемаго нынѣ въ довольно рѣшительной формѣ, являются широкіе круги молодой еврейской интеллигенціи, находившейся до послѣдняго времени подъ исключительнымъ вліяніемъ идей сіонизма. Политическій же вѣсъ это требованіе получило съ того времени, какъ значительная часть еврейскихъ массъ Галиціи и Буковины, національный характеръ которыхъ проявлялся до тѣхъ поръ лишь въ выполненіи религіозныхъ обрядностей, отозвалась на новый лозунгъ и примкнула къ новому движенію.

Когда рѣчь идетъ о національномъ движеніи въ средѣ австрійскаго еврейства, не слѣдуетъ забывать о той противоположности, которая существуетъ между евреями западныхъ и восточныхъ провинцій. На западѣ всѣ усилія вызвать національное движеніе среди широкихъ слоевъ еврейства оказались безрезультатными; даже въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, съ ея многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, всѣ попытки въ этомъ направленіи до сихъ поръ оказались тщетными. Причина неуспѣха коренится въ отсутствіи *еврейской среды*, въ томъ разложеніи еврейской жизни, которое наблюдается въ этихъ провинціяхъ. Напротивъ, на востокѣ піонерамъ движенія было сравнительно нетрудно вызвать въ народныхъ массахъ интересъ къ національной идеѣ. Благодаря особымъ историческимъ условіямъ, здѣсь сохранилась болѣе или менѣе замкнутая еврейская среда, болѣе или менѣе своеобразная еврейская жизнь. И совершенно понятно, что разъ національное пробужденіе евреевъ—точнѣе, тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ сферѣ восточно-еврейской культуры—наступило, оно должно было привести ихъ къ опредѣленнымъ выводамъ и по отношенію къ австрійской политической жизни.

Ощутительный толчокъ въ этомъ направленіи дали имъ національныя отношенія, сложившіяся въ средѣ другихъ національностей Галиціи, и прежде всего, въ средѣ поляковъ и русинъ. Если до тѣхъ поръ въ Галиціи евреи являлись прислужниками правящихъ польско-шляхетныхъ круговъ, то теперь все возрастающее озлобленіе, которое вызывала эта политика въ средѣ русинъ, настойчиво подсказывало евреямъ необходимость занять иную позицію, если только они не желали поставить на карту все свое будущее въ политической и хозяйственной жизни страны.

Замѣтный поворотъ обнаружился при первыхъ выборахъ въ австрійскій рейхсратъ, проведенныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Сіонистическая интеллигенція въ союзѣ съ другими національно-настроенными элементами организовала широкую просвѣтительную и агитаціонную кампанію, благодаря которой удалось пробудить къ сознательной жизни значительную часть еврей-

скаго населенія и высвободить ее изъ-подъ вліянія раввиновъ, крупныхъ капиталистовъ и всякаго рода политиковъ, тащившихъ до того времени еврейскую массу на буксирѣ у польскаго дворянства и его партій. Практическіе результаты этой агитаціи сказались въ избраніи трехъ еврейскихъ націоналистовъ въ Галиціи и одного въ Буковинѣ. Цѣлый рядъ кандидатовъ, поддерживавшихъ ту же программу, терпѣлъ зачастую пораженіе только изъ-за всякаго рода административныхъ „разъясненій“, и число голосовъ, съ которыми они выходили изъ избирательной борьбы, всегда было значительно. Важно отмѣтить, что почти во всѣхъ избирательныхъ округахъ евреи вступали въ выборныя соглашенія съ русинами, также ведущими борьбу противъ польскаго дворянства и сдѣлавшими уже значительные успѣхи въ этой области.

Господствующая политическая партія была въ немалой степени озадачена этимъ неожиданнымъ результатомъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы и она сама еще въ прежніе годы не содѣйствовала—конечно невольно и безсознательно—проведенію на выборахъ еврейскаго національнаго принципа. Господствующіе польскіе круги уже и дотого сочли нужнымъ создать такъ называемые еврейскіе избирательные округа, т. е. такіе округа, въ которыхъ большинство было бы въ большей или меньшей мѣрѣ обезпечено за евреями. Эта практика осталась въ силѣ и при распредѣленіи избирательныхъ округовъ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхсратъ, и какъ бы ни было несовершенно это распредѣленіе, все же въ немъ нельзя не видѣть уступки правящихъ сферъ Галиціи реальнымъ соотношеніямъ современной политической жизни. Это не просто тактическій пріемъ,—какъ они это полагаютъ,—и не просто актъ справедливости,—какъ они это говорятъ. И лучшимъ доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что въ округахъ съ абсолютнымъ или относительнымъ преобладаніемъ евреевъ, гдѣ до сихъ поръ еврейскіе кандидаты рѣшались выступать лишь на почвѣ національно-польской программы, выставлялись кандидатуры еврейскихъ націоналистовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, одержали побѣду.

Значительнымъ препятствіемъ для полученія такого числа мандатовъ, которое отвѣчало бы численности еврейскаго населенія Австріи, служитъ то обстоятельство, что евреи не образуютъ сплошного населенія въ той или иной части страны, а сосредоточиваются главнымъ образомъ въ городахъ, гдѣ опять-таки по большей части не составляютъ большинства населенія. Вотъ почему еврейскіе націоналисты — по крайней мѣрѣ изъ среды буржуазныхъ партій—присоединились къ требованію національныхъ курій. Ибо они разсчитываютъ при этой системѣ оказаться въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели теперь, когда огромная часть ихъ избирателей находится въ положеніи безнадежнаго меньшинства.

Само собой понятно, что ни подобнаго рода далеко идущіе планы, ни даже достигнутыя уже измѣненія, не могутъ считаться еще и первымъ шагомъ въ осуществленіи національныхъ требованій восточно-австрійскаго еврейства. Поскольку рѣчь идетъ о правительствѣ, то, если не считать тѣхъ сношеній, которыя завязалъ недавно премьеръ-министръ съ еврейской группой въ парламентѣ, позиція, занятая имъ по отношенію къ новымъ вѣяніямъ въ еврействѣ, сводится въ сущности къ простому игнорированію. Въ особенности это приходится сказать объ административной практикѣ, въ которой взглядъ на евреевъ, какъ на отдѣльную національную единицу, до сихъ поръ не нашелъ себѣ ни малѣйшаго отраженія.

Существуетъ лишь одна провинція, въ которой уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ наблюдаются чрезвычайно интересные зачатки новыхъ отношеній. Мы имѣемъ въ виду Буковину, гдѣ развитіе новой идеи находитъ себѣ опору, во-первыхъ. во все возрастающемъ вліяніи русинъ — націи, никогда не выдвигавшей, хотя бы даже въ теоріи, требованія ассимиляціи евреевъ, во-вторыхъ, въ оттѣсненіи нѣмецкаго элемента, занимавшаго прежде, несмотря на свою незначительную численность, господствующее положеніе, и наконецъ, въ пестротѣ національнаго состава этой страны. Эти первые зачатки національнаго равноправія евреевъ сказываются здѣсь и въ нѣкоторыхъ сторонахъ административной практики и въ различныхъ заявленіяхъ тѣхъ или иныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, разсматривающихъ обычное для Буковины признаніе евреевъ отдѣльной національностью, какъ нѣчто, само собой подразумѣвающееся.

Дѣло поборниковъ еврейской національной идеи—опереться на эти слабые зачатки, которымъ нельзя все же отказать въ извѣстномъ симптоматическомъ значеніи и такимъ образомъ добиться болѣе реальныхъ и болѣе внушительныхъ успѣховъ. *Однимъ* органомъ они уже и теперь располагаютъ для этой цѣли; это—клубъ національно-еврейскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ. Однако клубъ этотъ, состоящій всего-на-всего изъ четырехъ человѣкъ и въ большинствѣ вопросовъ идущій—и вполнѣ резонно—вслѣдъ за болѣе крупнымъ, русинскимъ клубомъ, не можетъ явиться самъ по себѣ достаточной силой; необходимо созданіе широкой сѣти организацій за предѣлами парламента.

Пролетарскіе элементы восточно-австрійскаго еврейства, правда, болѣе вліятельные, чѣмъ въ западныхъ провинціяхъ, все же представляютъ собою въ сущности лишь незначительный процентъ всего еврейскаго населенія. Къ тому же они, хотя и несомнѣнно проникнуты національнымъ самосознаніемъ,

все еще очень небольшой своей частью входятъ въ существующія національныя организаціи [1]).

Буржуазные еврейскіе слои, или, вѣрнѣе говоря, вся масса стараго еврейства—бѣдные и богатые, торговцы и „Luftmenschen"—въ свою очередь представляютъ собою почти совершенно неорганизованную массу. Ибо широкая избирательная кампанія 1907 г., которая въ цѣломъ рядѣ округовъ глубоко захватила еврейское населеніе, создала лишь минутную организацію, нуждающуюся еще въ дальнѣйшей фиксаціи. До настоящаго времени эта фиксація еще не произошла. Руководители сіонистской партіи, занимавшіе первое мѣсто въ минувшей избирательной борьбѣ, попытались, правда, создать параллельно со своей собственной партіей другую, чисто-національную, ставящую своей цѣлью охрану національныхъ интересовъ евреевъ въ Австріи; однако, образованіе такой партіи сильно затрудняется разногласіями во мнѣніяхъ. Одни хотятъ закрѣпить ту временную группировку, которая возникла во время избирательной кампаніи, и стало быть сохранить наряду съ сіонистской вторую, фиктивную партію, которая по существу должна однако совпадать съ сіонистской организаціей и служить ея задачамъ; другіе желаютъ уничтожить эту фиктивную партію и передать сіонистской организаціи также и руководство политической работой въ странѣ. Третьи, наконецъ, помышляютъ о созданіи одной большой національной партіи, въ которой могли бы работать рука объ руку и сіонисты, и не-сіонисты, и ортодоксы, и свободомыслящіе. Въ настоящее время не видно еще конца этому спору, и приходится опасаться, что широкіе слои еврейскаго населенія вновь впадутъ въ свой прежній національный индифферентизмъ и въ прежнюю политическую зависимость отъ польскаго дворянства.

Печальнѣе всего то, что вплоть до настоящаго времени австрійское еврейство все еще не удѣляетъ достаточнаго вниманія такимъ первостепеннымъ факторамъ культурной жизни, какими являются языкъ и школа. Въ этой области понынѣ еще приходится констатировать полное отсутствіе какихъ бы то ни было стремленій и плановъ, и это слѣдуетъ сказать не только о массахъ, но и о руководителяхъ движенія. Вопросъ о языкѣ, напримѣръ, играющій столь исключительно важную роль въ національныхъ требованіяхъ всѣхъ австрійскихъ народностей,—не выдвигается почти совершенно. Національно настроенные буржуазные классы обнаруживаютъ сильное тяготѣніе къ древнееврейскому языку, хотя и сознаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ достаточной ясностью,

[1]) Одна изъ этихъ организацій, такъ называемая „еврейская секція"—входитъ хотя въ составъ польской соціалдемократической партіи, но самый фактъ созданія этой секціи уже означаетъ уступку національному принципу. Двѣ остальныя организаціи стоятъ вполнѣ опредѣленно на національной точкѣ зрѣнія. Это—такъ называемые „нойалэ-ціонъ" – партія, стоящая вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ сіонистской программы,— и „еврейская соціалдемократическая партія".

что онъ не является тѣмъ разговорнымъ языкомъ, который можетъ служить базисомъ для предъявленія къ государству тѣхъ или иныхъ требованій. Съ другой же стороны большинство этихъ элементовъ все еще не рѣшается признать обыкновенный еврейскій „жаргонъ“, обладающій, однако, уже цѣлой литературой, національнымъ языкомъ еврейства. Что касается до пролетарскихъ и соціалистическихъ круговъ, которые относятся къ еврейскому языку совершенно иначе, то они либо несклонны, либо не имѣютъ случая съ достаточной опредѣленностью выдвинуть этотъ пунктъ.

При такихъ условіяхъ, болѣе отдаленное требованіе еврейской національной программы — національная или культурная автономія — не можетъ имѣть даже того чисто-воспитательнаго значенія, какое имѣютъ въ настоящее время національныя программы другихъ національностей Австріи. Ибо именно по отношенію къ евреямъ и именно для самихъ же евреевъ совершенно не выяснены понынѣ хотя бы общія очертанія и внутреннее содержаніе той культурной сферы, которую они хотятъ выдѣлить на автономныхъ началахъ изъ обще-политической жизни страны.

Противники еврейскихъ національныхъ стремленій усмотрятъ въ этомъ новое подтвержденіе своихъ теорій. Сторонники національной идеи увидятъ въ этомъ лишь дѣтскую болѣзнь національнаго возрожденія. Будущее покажетъ, кто правъ: суждено ли австрійскому еврейству на подобіе еврейства западныхъ странъ вступить на путь постепеннаго превращенія въ простую вѣроисповѣдную группу, въ безкровную тѣнь былой націи, или его ждетъ иная судьба, и старая Австрія еще должна будетъ внести старый еврейскій народъ, какъ новаго, равноправнего сочлена, въ фамильную книгу своихъ племенъ.

Mathias Acher (Dr. Nathan Birnbaum).

Вѣна.

ИТАЛЬЯНЦЫ.

Въ составъ населенія австрійскаго государства входитъ около 750.000 итальянцевъ, изъ числа которыхъ лишь немногимъ больше половины живетъ сплошными массами, въ то время какъ остальная часть разсѣяна среди другихъ австрійскихъ національностей. Самая крупная и сохранившая въ наиболѣе чистомъ видѣ свой національный типъ масса итальянцевъ,—приблизительно въ 350.000 человѣкъ,—живетъ въ южномъ Тиролѣ, и въ географическомъ отношеніи довольно рѣзко отмежевана отъ нѣмецкаго населенія сѣвернаго Тироля. Довольно отчетливо отграничена область итальянскаго языка также и въ провинціи Горица-Градишка, гдѣ на 120 тысячъ словенцевъ приходится 80 тысячъ итальянскаго населенія. Совершенно иную картину представляетъ собою распредѣленіе итальянцевъ по другимъ австрійскимъ провинціямъ. Такъ, на территоріи Тріеста, гдѣ живутъ въ общей сложности 30.000 словенцевъ и 140.000 итальянцевъ, городъ носитъ преимущественно итальянскій характеръ, въ то время какъ въ окрестныхъ общинахъ частью преобладаетъ, а частью и исключительно господствуетъ слвенскій элементъ. Въ Истріи живутъ 140.000 итальянцевъ, въ причудливой комбинаціи разбросанныхъ по всей провинціи: на западномъ побережьѣ, въ большинствѣ городовъ полуострова и въ нѣкоторыхъ островныхъ городахъ они образуютъ преобладающее большинство, тогда какъ всѣ деревни и села, равно какъ и восточное побережье, населены исключительно славянами. Въ Далмаціи, на населеніе въ слишкомъ $^1/_2$ милліона, офиціальная статистика насчитываетъ всего 20.000 итальянцевъ, сосредоточенныхъ въ болѣе крупныхъ приморскихъ городахъ и образующихъ большинство въ одномъ только городѣ Зара [1]).

---

[1]) Необходимо указать, что за полную достовѣрность приведенныхъ цифръ нельзя поручиться, такъ какъ собираніе статистическихъ данныхъ происходитъ очень часто подъ вліяніемъ господствующихъ въ данный моментъ національныхъ партій, которыя считаютъ полезнымъ для своей націи причислять къ ней жителей, въ дѣйствительности говорящихъ на другихъ языкахъ. Изъ данныхъ о послѣднихъ выборахъ въ рейхсратъ видно, что число хорватовъ въ Истріи и словенцевъ въ Истріи и Тріестѣ превышаетъ цифры, значащіяся въ офиціальной статистикѣ.

Такое своеобразное разселеніе итальянцевъ по австрійской территоріи и связанныя съ этимъ различія во всемъ укладѣ ихъ экономической и національной жизни, естественно, порождаютъ самыя разнообразныя формы національной борьбы. Будетъ, поэтому, цѣлесообразно остановиться въ отдѣльности на борьбѣ итальянцевъ съ нѣмцами, съ одной стороны, и со славянами—съ другой [1]).

Мы уже сказали выше, что въ Тиролѣ обѣ національности—итальянская и нѣмецкая—въ географическомъ отношеніи довольно отчетливо отграничены одна отъ другой: нѣмцы живутъ на сѣверѣ, итальянцы—на югѣ. Слабое развитіе промышленности и неблагопріятное распредѣленіе поземельной собственности создаютъ въ этой области тяжелыя условія хозяйственной жизни. Въ особенно отсталыхъ экономическихъ условіяхъ живетъ итальянское населеніе южной части Тироля, занимающееся, по большей части, сельскимъ хозяйствомъ, лѣснымъ дѣломъ и скотоводствомъ. Естественно, что при такомъ низкомъ уровнѣ хозяйственнаго развитія страны, иноязычные элементы почти совершенно не переселяются въ эту провинцію, благодаря чему Тироль сохраняетъ, особенно въ своей итальянской части, безпримѣсно чистый національный характеръ. Нѣкоторое исключеніе составляютъ лишь периферіи этихъ національныхъ территорій, а также разбросанные здѣсь и тамъ національные оазисы; впрочемъ и тѣ и другіе настолько невелики, что раздѣленіе Тироля на двѣ отдѣльныя національныя области весьма легко осуществимо.

Въ настоящее время *весь* Тироль управляется однимъ общимъ ландтагомъ и однимъ намѣстникомъ, причемъ и тотъ и другой имѣютъ свое мѣстопребываніе въ *нѣмецкомъ* городѣ—Инсбрукѣ. Высшая бюрократія провинціи также состоитъ изъ нѣмцевъ, занимающихъ, благодаря этому, господствующее положеніе въ областной администраціи и держащихъ въ политической опекѣ все итальянское населеніе страны. Такое положеніе вещей въ довершеніе ко всему влечетъ за собой и экономическій ущербъ для итальянскаго населенія, и неудивительно, что всѣ тирольскіе итальянцы, безъ различія партій, добиваются автономнаго устройства Тироля (Трентино, какъ они его называютъ) и требуютъ политическаго и административнаго раздѣленія провинціи на двѣ равнозначащія, одна отъ другой независимыя области, каждая со своимъ отдѣльнымъ ландтагомъ и со своей отдѣльной областной администраціей.

Разумѣется, нѣмцы всѣми силами противятся такому раздѣленію, которое должно лишить ихъ значительной доли вліянія, нынѣ распространяющагося на всю провинцію. Центральное австрійское правительство также

---

[1]) См. ниже статью „Южные славяне“. *Ред.*

не можетъ примириться съ этимъ планомъ, столь рѣшительно идущимъ въ разрѣзъ съ основными принципами традиціонной имперской политики.

Въ теченіе многихъ лѣтъ итальянцы придерживались политики пассивнаго бойкота. Депутаты, избиравшіеся ими въ ландтагъ, бойкотировали его, и проведеніе этой тактики было въ сущности единственнымъ наказомъ, который они получали отъ своихъ избирателей. Впослѣдствіи тактика абсентеизма смѣнилась обструкціей, благодаря которой тирольскій ландтагъ былъ нѣкоторое время совершенно неработоспособенъ.

Во время правленія Кёрбера конфликты приняли такую острую форму, что центральное правительство уже склонялось было къ признанію за южнымъ Тиролемъ извѣстной самостоятельности. Но переговоры, которые оно повело въ этомъ направленіи, потерпѣли крушеніе; причиной этому было, съ одной стороны, рѣшительное противодѣйствіе нѣмцевъ, а съ другой стороны и сами итальянцы были недовольны предложенными правительствомъ реформами, считая ихъ для себя недостаточными. И такимъ образомъ, національный вопросъ въ Тиролѣ остается неразрѣшеннымъ и понынѣ, несмотря на то, что разрѣшить его здѣсь было бы сравнительно нетрудно.

Всѣ тѣ національные эксцессы, о которыхъ отъ времени до времени появляются въ прессѣ извѣстія,—къ слову сказать, сильно преувеличенныя,—сами по себѣ не играютъ большой роли и во всякомъ случаѣ имѣютъ очень мало общаго съ тѣмъ національнымъ вопросомъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, о которомъ была рѣчь выше. И въ томъ, и въ другомъ національномъ лагерѣ имѣются представители крайняго націонализма, которымъ удается иногда взбудоражить общественное мнѣніе, но которые не въ состояніи однако оказать сколько-нибудь прочное и сколько-нибудь глубокое вліяніе на политическую и экономическую жизнь провинціи.

Что касается Горицы-Градишки, въ которой итальянцы приходятъ въ соприкосновеніе со славянскимъ населеніемъ, то и здѣсь обѣ эти народности географически отдѣлены одна отъ другой: на югъ отъ главнаго города—Горицы—живутъ итальянцы, къ сѣверу—словенцы. Въ общемъ и цѣломъ, эта бѣдная въ промышленномъ отношеніи страна не знаетъ ожесточенной національной борьбы; только въ главномъ городѣ провинціи, гдѣ итальянцы образуютъ двѣ трети населенія, а остальная треть приходится на долю словенцевъ, наблюдаются отчасти сильныя національныя тренія.

Городъ этотъ носитъ ярко выраженный итальянскій характеръ; итальянскія названія улицъ, присутственныхъ мѣстъ, общественныхъ зданій и большинства торговыхъ фирмъ, итальянскій театръ, итальянская народная школа,—все свидѣтельствуетъ о рѣшительномъ преобладаніи этой націи. Словенцы протестуютъ противъ этой гегемоніи итальянцевъ въ общественной

жизни и добиваются бо̀льшаго вліянія на городскія дѣла. Итальянцы съ своей стороны оказываютъ этимъ требованіямъ рѣшительный отпоръ и, ссылаясь на традиціонный итальянскій характеръ Горицы, отказываются признать за словенскимъ меньшинствомъ тѣхъ правъ, которыхъ оно добивается. Укажемъ хотя бы на тотъ фактъ, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ городской муниципалитетъ систематически отвергалъ требованіе словенцевъ объ учрежденіи словенскихъ народныхъ школъ, пока наконецъ не было оказано давленіе со стороны центральнаго правительства, благодаря которому школы были въ концѣ концовъ все же основаны.

Въ настоящее время между итальянцами и словенцами ведется борьба по вопросу объ учрежденіи словенскаго учительскаго института. Правительство предложило устроить этотъ институтъ въ главномъ центрѣ провинціи, съ чѣмъ естественно согласились и словенцы. Итальянцы [1]) же заявляютъ противъ этого протестъ и утверждаютъ, что словенскому учительскому институту мѣсто не въ итальянской Горицѣ, а въ какомъ-нибудь изъ словенскихъ городовъ провинціи.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что національные конфликты въ этой провинціи не имѣютъ большого значенія и не особенно глубоко затрогиваютъ жизненные интересы обитающихъ въ ней національностей.

Совершенно иначе сложились національныя отношенія въ Тріестѣ.

Городъ Тріестъ, съ окружающей его территоріей въ нѣсколько квадратныхъ километровъ, представляетъ собой одновременно и городскую общину и отдѣльную провинцію. Самый городъ имѣетъ ярко выраженный итальянскій обликъ [2]), окрестности же носятъ почти исключительно словенскій характеръ. Наиболѣе значительные капиталы, крупная торговля, промышленность и бо̀льшая часть мелкой торговли сосредоточены, главнымъ образомъ, въ рукахъ итальянцевъ; словенцы же, заселяющіе окрестности города, занимаются преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Однако благодаря неблагопріятнымъ поземельнымъ отношеніямъ, существующимъ въ этомъ краѣ, словенское населеніе все больше вытѣсняется изъ родныхъ насиженныхъ мѣстъ и все въ бо̀льшемъ количествѣ тянется въ городъ, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, ищущихъ приложенія своихъ силъ въ промышленности и торговлѣ.

Этотъ-то быстрый ростъ городского населенія и связанное съ нимъ топографическое расширеніе города гонитъ значительную часть итальянскихъ массъ въ чисто словенскія до того времени предмѣстья; и обратно, нѣко-

---

[1]) Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о національныхъ треніяхъ и борьбѣ, мы имѣемъ въ виду буржуазныя партіи данной національности.

[2]) 6000 живущихъ здѣсь нѣмцевъ могутъ въ національномъ отношеніи не приниматься въ разсчетъ.

торая часть словенскаго населенія, прежде жившая въ предмѣстьяхъ или въ сосѣднихъ деревняхъ, теперь осѣдаетъ внутри городской черты.

Въ круговоротѣ этихъ передвиженій процессъ денаціонализаціи мѣстныхъ и пришлыхъ славянскихъ элементовъ совершался въ Тріестѣ въ гораздо бо̀льшемъ масштабѣ, чѣмъ въ Горицѣ-Градишкѣ. Итальянцы располагали здѣсь несравненно болѣе обширными средствами для поддержанія своей экономической и культурной гегемоніи, и отсталое, бѣдное словенское населеніе, сохранявшее свой національный характеръ до тѣхъ поръ, пока оно оставалось въ окрестныхъ деревняхъ, чрезвычайно быстро втягивалось въ сферу вліянія итальянской культуры, едва лишь осѣдало въ городѣ. Тѣмъ не менѣе даже и здѣсь процессъ денаціонализаціи все больше и бо̀льше ослабѣваетъ. Распространеніе грамотности, развитіе хозяйственной жизни страны, все возрастающее участіе народныхъ массъ въ экономической и политической борьбѣ, возникновеніе всевозможныхъ организацій,—все это пробудило національное сознаніе словенцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способность бороться за свои права. Такимъ образомъ создалась почва для національныхъ треній.

Національная борьба между итальянцами и словенцами сосредоточивается здѣсь, главнымъ образомъ, въ области школьнаго дѣла и въ вопросѣ о правахъ словенскаго языка. Въ то время, какъ община учреждаетъ и поддерживаетъ словенскія школы лишь въ предмѣстьяхъ, словенцы добиваются учрежденія собственныхъ школъ и въ предѣлахъ самого города. Они требуютъ далѣе, чтобы коммунальное представительство, употребляющее въ своемъ дѣлопроизводствѣ только итальянскій языкъ, ввело въ употребленіе и словенскій. Итальянцы же, ссылаясь на исторически сложившійся итальянскій характеръ города, отказываютъ въ учрежденіи словенскихъ школъ въ предѣлахъ городской черты [1]). И такъ какъ словенцы составляютъ лишь ничтожное меньшинство въ коммунальномъ совѣтѣ и въ ландтагѣ (на 48 итальянскихъ представителей словенцевъ приходится всего 6), то итальянцы остаются въ этой борьбѣ побѣдителями.

Въ наиболѣе острой формѣ проявляется національный антагонизмъ въ маркграфствѣ Истріи. Судя по результатамъ послѣднихъ выборовъ въ рейхс-

---

[1]) Высшій административный судъ имперіи разрѣшилъ одну такую жалобу въ пользу органовъ итальянскаго коммунальнаго управленія, мотивируя это тѣмъ, что словенскія школы въ предмѣстьяхъ не настолько отдалены отъ города, чтобы дѣти живущія въ его предѣлахъ, не могли посѣщать этихъ школъ.

ратъ [1]), все населеніе этой провинціи, въ размѣрѣ 320.000 человѣкъ, слагается изъ 70% славянъ (словенцевъ и хорватовъ) и 30% итальянцевъ. Въ то время какъ итальянцы живутъ, большей частью, въ городахъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность, славяне образуютъ по преимуществу сельское населеніе и занимаются, главнымъ образомъ, земледѣліемъ. Первоначально итальянцы появились здѣсь въ качествѣ выходцевъ изъ Венеціанской республики, ставившихъ своей задачей колонизацію Истріи, и въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій занимали господствующее положеніе во всей политической, экономической и культурной жизни провинціи. Славянское населеніе, сохраняя свой національный обликъ въ деревнѣ, тѣмъ не менѣе быстро денаціонализировалось, какъ только попадало въ города, гдѣ заполняло собою ряды рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ. Радикальныя измѣненія, происшедшія съ тѣхъ поръ въ аграрномъ строѣ провинціи, упадокъ латифундій и развитіе мелкаго крестьянскаго хозяйства,—привели къ сосредоточенію и въ рукахъ славянскаго элемента значительной земельной собственности, что повлекло за собой огромныя перемѣны во всемъ экономическомъ и культурномъ строѣ славянскаго народа. И въ связи съ этимъ мы замѣчаемъ здѣсь то же явленіе, что и въ другихъ провинціяхъ: процессъ денаціонализаціи совершенно прекращается.

Обостренность, которой характеризуется національная борьба въ Истріи, объясняется прежде всего зависимостью славянскаго населенія отъ итальянскаго капитала и итальянской торговли, затѣмъ особенностями географическаго разселенія обѣихъ націй, живущихъ во всей провинціи вперемежку, вслѣдствіе чего борьба между ними становится повсемѣстной, и наконецъ, гегемоніей итальянцевъ въ ландтагѣ.

Уже самъ по себѣ достаточно острый антагонизмъ между сельскимъ населеніемъ, съ одной стороны, и городскими капиталистами, заимодавцами и торговцами, устанавливающими цѣны на сельскіе продукты,—съ другой, обостряется здѣсь еще больше благодаря тому, что крестьянское населеніе принадлежитъ къ славянской народности, въ то время какъ представителями городского капитала являются итальянцы; соціально-экономическая вражда усугубляется враждой національной. Экономическія, по существу своему, противорѣчія играютъ здѣсь доминирующую роль въ національно-политической борьбѣ и приводятъ къ самымъ бурнымъ эксцессамъ. Не разъ уже случалось, что славяне разрушали цѣлые виноградники и хозяйства итальянцевъ, а иные, еще болѣе острые конфликты стоили и человѣческихъ

---

[1]) Относящіяся къ этой провинціи цифры офиціальной статистики народонаселенія мало надежны, вслѣдствіе чего приходится оперировать данными о выборахъ.

жизней, и нерѣдко тотъ или иной конфликтъ, носящій на первый взглядъ чисто національный характеръ, оказывается на самомъ дѣлѣ глубоко коренящимся въ непримиримыхъ противорѣчіяхъ экономическаго порядка.

Какъ уже сказано, борьба развертывается почти на всемъ протяженіи провинціи, ибо почти повсюду итальянскіе по преимуществу города соприкасаются съ чисто славянскими деревнями. И почти вездѣ въ центрѣ этой борьбы стоитъ вопросъ о представительствѣ въ органахъ общиннаго самоуправленія.

Дѣйствующее понынѣ въ примѣненіи къ истрійскому ландтагу устарѣлое избирательное право, основанное на системѣ привилегій, также не можетъ послужить на пользу умиротворенія. Въ то время какъ славянское *большинство* имѣетъ всего только 9 представителей, итальянское *меньшинство* располагаетъ 21 мандатомъ въ ландтагѣ. Естественно, что вся областная администрація находится благодаря этому почти цѣликомъ въ рукахъ итальянцевъ, и легко себѣ представить, какъ это должно отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ національностей.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ новымъ имперскимъ избирательнымъ закономъ. Въ силу этого закона Истрія раздѣляется на 3 итальянскихъ и столько же славянскихъ избирательныхъ округа; между тѣмъ послѣдніе выборы показали, что въ двухъ итальянскихъ округахъ славяне образуютъ такой значительный процентъ населенія, что по своей численности они почти не уступаютъ здѣсь итальянскому большинству.

Крайнее обостреніе національной борьбы и результаты выборовъ въ рейхсратъ убѣдили итальянскую буржуазію въ томъ, что существующія національныя отношенія становятся въ концѣ концовъ невозможными, и заставили ее болѣе терпимо отнестись къ выдвигаемому правительствомъ компромиссу. Обсуждающійся въ настоящее время проектъ реформы избирательной системы ландтага, правда, все еще базируетъ на системѣ привилегій,—ибо центральное правительство вообще высказалось противъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права для ландтаговъ; но все же этотъ законопроектъ означаетъ значительный шагъ впередъ въ смыслѣ урегулированія національныхъ отношеній. Славянамъ предполагается предоставить 19, а итальянцамъ 25 мандатовъ. Однако, переговоры по поводу этой избирательной реформы прервались, такъ какъ славянскіе представители проявили къ ней весьма недоброжелательное отношеніе. И даже въ случаѣ возобновленія переговоровъ, большой еще вопросъ, приведутъ ли они къ какому-нибудь положительному результату.

* * *

Изъ предшествующаго изложенія видно, что итальянцамъ приходится вести борьбу на два фронта: съ одной стороны, противъ такого вліятельнаго и могущественнаго противника, какимъ являются нѣмцы,—борьбу за *завоеваніе* національныхъ правъ, а съ другой—противъ напирающихъ снизу славянскихъ народовъ,—борьбу за *сохраненіе* своихъ старыхъ національныхъ позицій. Неудивительно, что эта ожесточенная война, нерѣдко приводящая къ вытѣсненію итальянцевъ изъ многихъ принадлежавшихъ имъ позицій [1]), породила движеніе, получившее извѣстность подъ названіемъ *ирредентизма*.

Характерно, что именно во время освободительной борьбы за объединеніе Италіи, въ эпоху, когда наиболѣе рѣзко сказалось стремленіе итальянской націи къ освобожденію отъ всякаго рода чужеземнаго господства и къ созданію единаго національнаго государства, — именно въ это время итальянское населеніе нынѣшнихъ австрійскихъ провинцій совершенно равнодушно относилось къ колоссальному подъему итальянскаго національнаго самосознанія и къ судьбамъ освободительнаго движенія въ Италіи. Лишь единичные борцы изъ среды итальянскаго населенія этихъ провинцій встрѣчаются въ отрядахъ Гарибальди, въ то время какъ не одна сотня австрійскихъ итальянцевъ сражалась подъ габсбургскими знаменами *противъ* нарождавшейся единой Италіи. Связанное съ Австріей тѣсными экономическими узами и вѣковой общностью интересовъ, итальянское населеніе Австріи оставалось вѣрнымъ имперіи. И безпрерывные заговоры и возстанія, вспыхивавшіе въ различныхъ частяхъ итальянскаго королевства, не оставляли здѣсь никакихъ слѣдовъ.

Лишь успѣшный исходъ итальянскихъ освободительныхъ войнъ и вновь созданныя политическія границы, сразу отрѣзавшія отъ Венеціи и Ломбардіи немногочисленное итальянское населеніе Австріи, тѣсно связанное съ ними по своимъ культурнымъ и экономическимъ интересамъ,—пробудили въ средѣ австрійскихъ итальянцевъ чувство національной изолированности и зависимости и создали, такимъ образомъ, почву для разгорѣвшагося вслѣдъ за тѣмъ ирредентистскаго движенія. Охвативъ сначала образованные буржуазные круги, это движеніе скоро распространилось и въ средѣ мелкобуржуазнаго итальянскаго населенія и, апеллируя къ принципамъ свободы и демократіи, привлекло къ себѣ затѣмъ даже верхніе слои рабочаго класса. *Объединеніе съ свободной и единой Италіей*—вотъ та идея, которая стала политическимъ лозунгомъ значительной части итальянскаго народа въ Австріи. Без-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Далмаціи итальянцы совершенно утратили свое политическое и экономическое вліяніе, весьма значительное еще 40 лѣтъ тому назадъ, и какъ національная группа, не играютъ тамъ теперь никакой роли.

силіе, обнаруженное Австріей въ войнѣ 1866 года, въ свою очередь поддерживало въ итальянцахъ надежду на скорое распаденіе Габсбургской имперіи, а трусливая внутренняя политика правительства, видѣвшаго повсюду заговоры и не сходившаго съ пути политическихъ преслѣдованій, разжигала въ итальянской средѣ чувство ненависти къ Австріи и усиливала ирредентистскія стремленія.

Но по мѣрѣ того, какъ Австрія оправлялась отъ пораженія 1866 года, по мѣрѣ того, какъ въ связи съ ея укрѣпленіемъ таяли надежды на скорое распаденіе имперіи,—ирредентистская идея становилась все болѣе безнадежной и мало-по-малу должна была отступить на задній планъ. Съ другой стороны, натискъ пробуждавшихся къ исторической жизни молодыхъ націй также заставлялъ либеральную буржуазію—эту главную носительницу идей ирредентизма,—искать иныхъ, болѣе реальныхъ путей и цѣлей политической борьбы. Вмѣстѣ съ отказомъ отъ ирредентизма буржуазныя партіи все больше теряли свое демократическое и антиклерикальное содержаніе и превратились мало-по-малу въ обыкновенныя національно-буржуазныя партіи, въ рядахъ которыхъ мирно уживались и ирредентисты, и австрійскіе патріоты, и либералы, и клерикалы. Изъ нѣдръ этой національной коалиціи и вышло на имперскихъ выборахъ 1901 года итальянское представительство въ рейхсратѣ. Включая въ себя и либерально-ирредентистскіе, и клерикальные, и чисто національные элементы, оно называло себя однако просто національнымъ и никакихъ ирредентистскихъ тенденцій не проявляло.

Введеніе всеобщаго и равнаго избирательнаго права произвело радикальный переворотъ въ итальянскихъ партійныхъ отношеніяхъ. Соціалдемократическая партія пустила въ ходъ всѣ свои силы и добилась на выборахъ неожиданно крупныхъ успѣховъ. Клерикалы, которые при прежней избирательной системѣ, весьма выгодной для буржуазіи, предпочитали примыкать къ національной партіи, теперь выступили самостоятельно, желая использовать то вліяніе, которымъ они пользуются въ средѣ сельскаго населенія, и противъ соціалдемократовъ, и противъ либеральной буржуазіи. Изъ 19 мандатовъ, приходящихся на долю итальянцевъ, на выборахъ 1907 года клерикалы завоевали 10, соціалдемократы—5, а либеральная буржуазная партія съ трудомъ отстояла остальные 4 мандата.

Съ политическимъ крушеніемъ либерально-буржуазной партіи итальянскій ирредентизмъ въ Австріи обреченъ на быстрое и полное исчезновеніе. Нѣкоторое время онъ еще будетъ, надо полагать, накладывать свой отпечатокъ на настроеніе нѣкоторыхъ, сравнительно тѣсныхъ круговъ итальянской буржуазіи, но роли политическаго фактора онъ лишенъ уже и теперь. Ни одна изъ обѣихъ наиболѣе вліятельныхъ въ настоящее время партій не включила въ

свою программу его требованій. Католическая народная партія стоитъ на точкѣ зрѣнія австрійской государственности и настроена въ пользу автономіи, соціалдемократическая же партія приняла общую программу австрійской соціалдемократіи, стремящейся къ національной автономіи для всѣхъ народовъ Австріи. Идею ирредентизма, грозящую международному миру, соціалдемократы отвергаютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Тріестъ.

Valentino Pittoni.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ.

I.

Какъ ни велика кровная связь, объединяющая южно-славянскія народности Австро-Венгріи [1]), все же онѣ представляютъ въ настоящее время чрезвычайно пеструю въ національномъ отношеніи картину. Южно-славянскими народами въ габсбургской имперіи считаются словенцы, хорваты и сербы. Однако не всякая отдѣльная группа въ средѣ этихъ народностей съ полной отчетливостью сознаетъ свою принадлежность къ той или иной націи; въ иныхъ мѣстахъ отдѣльныя племена носятъ чисто мѣстныя названія, въ другихъ (напр. въ нѣкоторыхъ частяхъ Истріи) употребительно лишь одно общее обозначеніе „славяне“. А въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мы наталкиваемся на совершенно неправильныя наименованія: въ Босніи и Герцеговинѣ, напримѣръ, чисто славянскія племена называютъ себя турками, отождествляя въ данномъ случаѣ религію (магометанскую) съ національностью.

Вѣроисповѣдный моментъ вообще играетъ видную роль въ національныхъ отношеніяхъ южныхъ славянъ. Трудно, напримѣръ, найти какое-либо другое объективное различіе между хорватами и сербами кромѣ того, что первые принадлежатъ къ православной церкви, послѣдніе же, въ большинствѣ своемъ, — къ римско-католической. Впрочемъ и это различіе не особенно прочно, ибо въ Далмаціи, особенно въ Рагузѣ (Дубровникъ) мы встрѣчаемъ „сербовъ католическаго вѣроисповѣданія“, въ то время какъ въ Хорватіи нерѣдко можно найти и православныхъ хорватовъ. Языковыя различія между сербами и хорватами совершенно ничтожны: незначительная разница въ оттѣнкахъ разговорнаго языка менѣе существенна, чѣмъ разница между отдѣльными нарѣчіями въ средѣ самихъ же хорватовъ. То обстоятельство, что сербы употребляютъ въ письмѣ кириллицу, хорваты же поль-

---

[1]) Всего въ обѣихъ частяхъ имперіи южныхъ славянъ насчитывается свыше $4^1/_2$ милліоновъ.

зуются латинскимъ алфавитомъ, объясняется всецѣло различіемъ вѣроисповѣданій, ибо, напр., въ Рагузѣ сербскія газеты и книги печатаются тоже латинскимъ шрифтомъ.

Оставляя въ сторонѣ чисто историческіе моменты, надо признать, что хорваты и сербы это лишь два различныхъ наименованія одной и той же націи.

Болѣе крупное различіе существуетъ между хорватами и словенцами. Впрочемъ, и здѣсь рѣзкая грань наблюдается лишь между литературными языками обѣихъ этихъ націй, разговорный же языкъ хорватовъ и словенцевъ представляетъ цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ отъ одного къ другому, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершенно невозможно даже установить, гдѣ кончается хорватскій и гдѣ начинается словенскій языкъ. Съ другой стороны, между разговорнымъ языкомъ истрійскихъ хорватовъ и хорватскимъ литературнымъ языкомъ не многимъ больше общаго, чѣмъ между литературными языками хорватовъ и словенцевъ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на всѣхъ тѣхъ теоріяхъ, которыя созданы историками и филологами для объясненія отмѣченныхъ выше своеобразныхъ національныхъ группировокъ, и которыя находятъ себѣ столь же фанатическихъ противниковъ, какъ и защитниковъ. Но одно можно съ увѣренностью сказать, что современное національное дѣленіе южныхъ славянъ далеко не повсюду произошло сообразно съ требованіями разума и въ согласіи съ реальными потребностями этихъ народностей.

Какъ бы то ни было, самое дѣленіе однако на лицо, и съ нимъ приходится считаться, какъ съ существующимъ фактомъ.

Наиболѣе ощутительное для южныхъ славянъ раздѣленіе обусловливается самой конфигураціей австро-венгерской монархіи. Хорватія и Славонія, главный центръ южныхъ славянъ въ Транслейтаніи, занимаютъ особое государственно-правовое положеніе [1]). Наряду съ Хорватіей и Славоніей южные славяне (хорваты и сербы) населяютъ еще и южную часть Венгріи. Въ Цислейтаніи южно-славянское населеніе имѣется въ слѣдующихъ провинціяхъ: въ Крайнѣ, Штиріи, Каринтіи, Горицѣ-Градишкѣ, Тріестѣ (словенцы), Истріи (словенцы и хорваты) и въ Далмаціи (хорваты и сербы). Наконецъ, въ оккупированныхъ провинціяхъ Босніи и Герцеговинѣ также живетъ сербское и хорватское населеніе. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и приходится разсматривать положеніе южныхъ славянъ въ Австро-Венгріи.

---

[1]) На официальномъ языкѣ хорватская территорія носитъ названіе: „Далмація, Хорватія и Славонія“, хотя въ дѣйствительности Далмація вовсе не принадлежитъ къ Венгріи, а представляетъ собою австрійскую провинцію, не имѣющую въ политическомъ отношеніи ничего общаго съ Хорватіей.

Хорватія.

Государственно-правовое положеніе Хорватіи опредѣляется венгро-хорватскимъ соглашеніемъ 1868 г. [1]). Нельзя однако сказать, чтобы заключающіяся въ этомъ законѣ указанія отличались полной ясностью. Какъ извѣстно, взаимныя тношенія между „представленными въ рейхсратѣ королевствами и землями“ и „землями короны св. Стефана“ (офиціальное наименованіе обѣихъ частей габсбургской монархіи) регулируются соглашеніемъ, возобновляемымъ со времени 1867 г. каждыя 10 лѣтъ. Это соглашеніе разсматриваетъ Венгрію, Трансильванію, Хорватію и Славонію какъ единое отдѣльное государство съ самостоятельнымъ центральнымъ правительствомъ и съ особымъ представительнымъ органомъ въ лицѣ венгерскаго рейхстага въ Будапештѣ. Но въ то время какъ Трансильванія образуетъ de facto венгерскую провинцію, Хорватія и Славонія пользуются, на основаніи упомянутаго выше венгро-хорватскаго соглашенія, автономіей, охватывающей собою сферу внутренняго управленія, юстиціи, культа, народнаго просвѣщенія, и имѣетъ автономное правительство и ландтагъ (sabor) въ Загребѣ (Аграмѣ). Указанное соглашеніе опредѣляетъ Хорватію и Славонію, какъ „политическую территорію“ и населеніе ея какъ „политическую націю“, въ отличіе отъ другихъ не-мадьярскихъ народностей Венгріи, носящихъ на офиціальномъ языкѣ одно общее названіе „національностей“.

Вопросъ о томъ, представляетъ ли собой Хорватія на основаніи соглашенія 1868 года особое „государство“, разрѣшается отдѣльными теоретиками государственнаго права различно. Венгерскіе (точнѣе говоря мадьярскіе) государствовѣды обыкновенно отвѣчаютъ на него отрицательно и признаютъ самостоятельной государственной единицей лишь всю Венгрію, взятую въ цѣломъ. Хорваты же протестуютъ противъ этого толкованія, и съ тѣмъ большей страстностью, что мадьярскій языкъ не знаетъ двухъ словъ для обозначенія понятій „мадьярскій“ и „венгерскій“ и такимъ образомъ допускаетъ существованіе одного только *мадьярскаго* государства.

Независимо отъ этого теоретическаго спора, автономія Хорватіи въ дѣйствительности ограничена довольно тѣсными рамками, оставляющими за ея предѣлами такую важную отрасль управленія, какъ финансы, отнесенные къ числу такъ называемыхъ „общихъ“ дѣлъ. Государственные доходы Хорватіи поступаютъ въ *общегосударственныя* учрежденія, и лишь 45% всѣхъ поступленій оставляются въ распоряженіи органовъ автономнаго управленія для расходовъ на нужды края; остальные же 55% идутъ на по-

[1]) См. слѣдующую главу И. Крека. *Ред.*

крытіе „общихъ“ расходовъ Венгріи. Оказывать какое бы то ни было вліяніе на общегосударственный бюджетъ. Хорватія фактически лишена всякой возможности; правда, отчетъ о выполненіи смѣты долженъ представляться „ къ свѣдѣнію“ хорватскому ландтагу, однако до сихъ поръ правительство истолковывало этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что ландтагу не принадлежитъ въ данномъ случаѣ право критики, и что отказъ отъ „принятія къ свѣдѣнію“ недопустимъ.

Въ венгерскомъ (общемъ) правительствѣ Хорватія представлена особымъ министромъ. Въ будапештскій рейхстагъ эта страна посылаетъ 40 депутатовъ, которые однако имѣютъ право голоса лишь въ „совмѣстныхъ“ дѣлахъ. Делегируются они изъ числа членовъ ландтага самимъ же ландтагомъ, въ противоположность другимъ венгерскимъ депутатамъ, посылаемымъ непосредственно избирателями. Хорватскимъ депутатамъ предоставлено право говорить въ рейхстагѣ на хорватскомъ языкѣ, въ то время какъ остальные не-мадьярскіе представители обязаны изъясняться по-мадьярски. Въ знакъ единства, на зданіи рейхсрата во время сессіи вывѣшивается рядомъ съ венгерскимъ и хорватскій флагъ.

Автономное хорватское правительство составляется изъ бана и трехъ директоровъ департаментовъ: внутреннихъ дѣлъ, департамента исповѣданій и народнаго просвѣщенія, и юстиціи. Директоръ департамента внутреннихъ дѣлъ является вмѣстѣ съ тѣмъ вице-баномъ („подбанъ“). Назначается банъ императоромъ, дѣйствующимъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ короля Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, по докладу венгерскаго премьеръ-министра. Само собой понятно, что это право номинированія бана, принадлежащее венгерскому кабинету, въ огромной степени суживаетъ, если не уничтожаетъ совсѣмъ, хорватскую автономію [1]).

Своеобразное положеніе занимаетъ портовый городъ Фіуме. На основаніи того же „соглашенія“ онъ считается „sacrae coronae adnexum corpus“ и находится въ общемъ вѣдѣніи (condominium) Венгріи и Хорватіи. Городское управленіе автономно, но подлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ верховному контролю губернатора, назначаемаго венгерскимъ правительствомъ. Городъ посылаетъ двухъ представителей въ венгерскій рейхстагъ и столько же въ хорватскій; впрочемъ избраніе этихъ послѣднихъ депутатовъ не происходитъ уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, ибо городской муниципалитетъ (состоящій изъ итальянскихъ націоналистовъ) неуклонно отказывается назначить выборы

[1]) Автономное правительство носитъ офиціальное названіе „королевское далматско-хорватско-словенское областное правительство“; глава хорватскаго кабинета именуется „баномъ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи“; аналогично гласитъ и обозначеніе ландтага; но на дѣлѣ, какъ уже отмѣчено выше, ни правительство, ни ландтагъ не имѣютъ съ Далмаціей, присоединенной къ *Цислейтаніи*, ничего общаго.

въ хорватскій ландтагъ, а правительство на всѣ интерпелляціи по этому поводу столь же неуклонно отвѣчаетъ, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, чтобы заставить городское самоуправленіе произвести выборы.

Языкомъ государственныхъ учрежденій Хорватіи и Славоніи является хорватскій (официально—хорватскій или сербскій). Этотъ пунктъ, оговоренный „соглашеніемъ", служилъ уже объектомъ неоднократныхъ покушеній со стороны мадьярскаго правительства. Помѣщеніе мадьярскихъ надписей на зданіяхъ финансоваго управленія въ Хорватіи вызвало въ 1884 году широкое народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ „разгромъ вывѣсокъ", принявшее революціонную окраску и вынудившее власти снять мадьярскія надписи. Само движеніе было однако подавлено вооруженной силой. Въ существованіи многоязычныхъ надписей на всякаго рода почтовыхъ и телеграфныхъ бланкахъ и знакахъ и другихъ официальныхъ бумагахъ хорваты также усматриваютъ нарушеніе упомянутаго соглашенія. Особенно энергично ведется борьба противъ употребленія мадьярскаго языка на желѣзныхъ дорогахъ. Дѣло въ томъ, что венгерское правительство разсматриваетъ желѣзныя дороги какъ *„частныя* предпріятія казны", на которыя не распространяются положенія закона объ официальномъ языкѣ, въ то время какъ въ хорватскихъ кругахъ на желѣзныя дороги смотрятъ, какъ на учрежденіе *государственное*, въ которомъ на протяженіи всей хорватской территоріи долженъ поэтому употребляться исключительно хорватскій языкъ. И дѣйствительно, заявленія о частномъ характерѣ желѣзныхъ дорогъ плохо согласуются даже съ самымъ названіемъ „королевскія венгерскія желѣзныя дороги" („Magyar Kiraly Vasut"), не говоря уже о присягѣ, которую должны приносить всѣ служащіе на желѣзныхъ дорогахъ, не исключая даже и рабочихъ.

Этотъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ какъ-разъ и былъ причиной того обостренія, которое произошло за послѣднее время въ отношеніяхъ между Венгріей и Хорватіей. Когда на смѣну бану Hedervary, двадцать лѣтъ сряду правившему Хорватіей въ чисто-мадьярскомъ духѣ, бразды правленія перешли въ руки графа Pejacevic'a, хорватскимъ оппозиціоннымъ партіямъ удалось соединенными усиліями одержать на выборахъ въ ландтагъ рѣшительную побѣду. Въ это время будапештское правительство искало опоры въ борьбѣ противъ Австріи, и надѣясь найти себѣ поддержку въ Хорватіи, завязало съ сербо-хорватской коалиціей, слагавшейся изъ цѣлаго ряда оппозиціонныхъ партій, дружественныя сношенія. Банъ Пеячевичъ составилъ изъ представителей названной коалиціи автономное правительство, а хорватскимъ представителямъ въ рейхстагѣ удалось добиться кое-какихъ, правда очень незначительныхъ, уступокъ для хорватской націи. Однако въ это же

самое время министръ торговли Кошутъ внесъ въ рейхстагъ законопроектъ о службѣ на желѣзныхъ дорогахъ, который хотя въ первую голову былъ направленъ противъ свободы союзовъ и стачекъ желѣзнодорожниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ всѣхъ служащихъ знанія мадьярскаго языка. Понятно, что хорватскіе делегаты встрѣтили этотъ проектъ самой рѣшительной оппозиціей, перешедшей въ концѣ концовъ въ обструкцію. Несмотря на это законопроектъ былъ все же осуществленъ окольнымъ путемъ. Ушедшаго въ отставку бана Пеячевича смѣнилъ Rakodczay, на долю котораго выпала нелегкая задача созданія въ Хорватіи новой правительственной партіи. Задача оказалась ему не по силамъ. Хорватскій ландтагъ былъ распущенъ и Ракоци уступилъ мѣсто барону Рауху. Но на ближайшихъ выборахъ оппозиція одержала столь рѣшительную побѣду, что изъ числа сторонниковъ новаго бана въ ландтагъ не прошелъ ни одинъ. Тотчасъ вслѣдъ за конституированіемъ ландтага, его дальнѣйшія засѣданія были отсрочены.

Съ тѣхъ поръ между хорватскимъ ландтагомъ и образующими въ немъ огромное большинство партіями, съ одной стороны, и венгерскимъ правительствомъ, съ другой, установились самыя натянутыя отношенія.

Предложеніе барона Рауха передать „желѣзнодорожный конфликтъ“ на разсмотрѣніе „депутацій“ [1]) встрѣтило со стороны хорватскихъ партій рѣшительный отпоръ. Свой отказъ онѣ мотивировали тѣмъ, что нарушеніе „соглашенія“ въ данномъ случаѣ совершенно очевидно, и что прежде всего венгерское правительство и рейхстагъ должны отмѣнить въ новомъ желѣзнодорожномъ законѣ относящіеся къ Хорватіи пункты.

Характеренъ для венгро-хорватскихъ отношеній также и споръ о національномъ флагѣ. „Соглашеніе“ установило для Хорватіи особое знамя—красно-бѣло-голубое. Отсюда хорватскія національныя партіи сдѣлали тотъ выводъ, что въ Хорватіи и Славоніи допустимо *только* это одно знамя. Съ своей стороны правительство—какъ венгерское, такъ и хорватское—отстаиваетъ и за венгерскимъ знаменемъ (красно-бѣло-зеленымъ) право фигурировать на зданіяхъ *обще-государственныхъ* присутственныхъ мѣстъ въ Хорватіи, такъ что въ торжественныхъ случаяхъ оно всегда развѣвается, напримѣръ, надъ дворцомъ бана въ Загребѣ рядомъ съ хорватскимъ. Это обстоятельство ужъ не разъ вызывало враждебныя манифестаціи со стороны мѣстнаго населенія, и приводило очень часто къ вмѣшательству ландтага. Не лишне замѣтить, что такъ называемая старчевичевская партія (называемая такъ по

---

[1]) Для разрѣшенія спорныхъ пунктовъ венгро-хорватскаго соглашенія и для законодательнаго пересмотра этого соглашенія установлены такъ называемыя „депутаціи“, по аналогіи съ институтомъ „делегацій“, служащимъ для регулированія общихъ парламентскихъ дѣлъ Австріи и Венгріи.

имени ея вождя Старчевича) держится того мнѣнія, что даже на частныхъ зданіяхъ не допустимы другіе флаги, кромѣ хорватскихъ, стало быть даже и сербскіе; толкованіе, которое тоже дало уже поводъ къ самымъ ожесточеннымъ столкновеніямъ, доходившимъ иной разъ и до кровопролитія.

* * *

Главную массу населенія Хорватіи и Славоніи образуютъ хорваты, за которыми слѣдуютъ сербы. Перепись 1900 года даетъ намъ слѣдующую картину числового соотношенія различныхъ національностей въ странѣ:

Хорваты	1.487.137	61,6 %
Сербы.	614.443	25,4
Нѣмцы	136.121	5,6
Мадьяры.	90.781	3,8
Словаки.	17.476	0,7
Русины	4.673	0,2
Остальные	65.673	2,7
Всего	2.416.304	—

Процентъ, который образуютъ въ общей массѣ населенія южные славяне, выражается цифрою 87. Число это слѣдуетъ еще нѣсколько повысить, ибо въ рубрику „остальные“ входятъ преимущественно тоже славянскіе элементы.

По своему вѣроисповѣдному составу населеніе Хорватіи и Славоніи распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Римско-католич. исповѣд. . .	1.721.416
Уніатскаго.	12.871
Православнаго	616.518
Лютеранскаго	30.082
Реформатскаго	13.910
Іудейскаго	20.216

При сравненіи данныхъ о національности съ данными о вѣроисповѣдной группировкѣ, бросается въ глаза, что число сербовъ (плюсъ румыны, число которыхъ равняется 920) почти совпадаетъ съ числомъ православныхъ. Это лишній разъ подтверждаетъ, что различіе между хорватами и сербами коренится не столько въ національной, сколько въ религіозной области.

Къ этому же заключенію приводитъ насъ и статистика отдѣльныхъ

округовъ. Хорватія и Славонія распадается на восемь комитатовъ, въ которыхъ числовыя отношенія складываются слѣдующимъ образомъ:

1) *Комитатъ Belovar-Kreuz (Belovar-Krizevac).*

(5.050 кв. килом., 302.209 жит.).

Хорватовъ	223.871
Сербовъ	44.834
Мадьяръ	14.050
Нѣмцевъ	4.217

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ	252.656
Православныхъ	44.872
Лютеранъ	2.132
Іудейск. вѣроисп.	2.271

2) *Комитатъ Lika-Krbava.*

(6.211 кв. килом., 209.341 жит.).

Сербовъ	107.673
Хорватовъ	101.236
Нѣмцевъ	134
Мадьяръ	60

По вѣроисповѣданіямъ:

Православныхъ	107.176
Католиковъ	102.123

3) *Комитатъ Modrus-Fiume (Modrus-Rijeka).*

(4.879 кв. килом., 228.452 жит.).

Хорватовъ	150.934
Сербовъ	73.652
Мадьяръ	601
Нѣмцевъ	512

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ	154.276
Православныхъ	73.632
Лютеранъ	194
Іудейскаго исп.	335

4) *Комитатъ Pozega.*

(4.931 кв. килом., 226.361 жит.).

Хорватовъ	123.942
Сербовъ	59.170
Мадьяръ	13.762
Нѣмцевъ	12.965

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ	161.883
Православныхъ	59.332
Лютеранъ	5.486
Іудейск. исп.	2.390

5) *Комитатъ Syrmien (Srijem).*

(6.810 кв. килом., 336.660 жит.).

Сербовъ	164.402
Хорватовъ	98.291
Нѣмцевъ	59.941
Мадьяръ	22.783

По вѣроисповѣданіямъ:

Православныхъ	167.455
Католиковъ	162.543
Лютеранъ	27.794
Іудейск. исп.	3.248

6) *Комитатъ Varazdin.*

(2.454 кв. килом., 267.929 жит.).

Хорватовъ	261.781
Сербовъ	2.241
Нѣмцевъ	8.797
Мадьяръ	630

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ	264.681
Православныхъ	2.252
Іудейск. исп.	888

7) *Комитатъ Virovitica.*

(4.808 кв. килом., 218.171 жит.).

Хорватовъ	106.443
Сербовъ	40.062
Нѣмцевъ	31.141
Мадьяръ	31.001

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ.	168.028
Православныхъ	40.829
Лютеранъ	6.099
Іудейск. исп.	2.974

8) *Комитатъ Agram (Zagreb).*

(7.145 кв. килом., 480.240 жит.).

Хорватовъ	358.525
Сербовъ	111.429
Нѣмцевъ	1.784
Мадьяръ	1.598

По вѣроисповѣданіямъ:

Католиковъ.	360.515
Православныхъ	110.553
Іудейск. исп.	1.422
Лютеранъ	308

Абсолютное хорватское большинство имѣется въ комитатахъ Belovar-Krizevac, Modrus-Rijeka, Pozega, Varazdin и Agram; въ комитатѣ Virovitica хорваты составляютъ *относительное* большинство (для абсолютнаго имъ не хватаетъ 2.642 чел.). *Абсолютное сербское большинство* имѣется въ комитатѣ Lika Krbava; въ комитатѣ Syrmien сербы образуютъ относительное большинство (для абсолютнаго не достаетъ 3.928 чел.). Сербохорватскимъ по преимуществу является комитатъ Lika Krbava, гдѣ южнославянское населеніе равняется 208.909 чел., въ то время какъ остальныя національности достигаютъ едва числа 432.

* * *

Національныя отношенія въ Хорватіи и Славоніи не могутъ быть поняты внѣ ихъ зависимости отъ Венгріи; ибо государственно-правовое положеніе этихъ областей оказываетъ не малое вліяніе на всю *національную*

жизнь этой провинціи, и въ еще большей степени на національно-политическія стремленія отдѣльныхъ ея группъ.

Политика венгерскаго правительства, направленная къ созданію единаго венгерскаго, или вѣрнѣе мадьярскаго государства, неуклонно преслѣдуетъ въ Хорватіи и Славоніи задачи мадьяризаціи. Этой цѣли служитъ между прочимъ то право номинированія, которое принадлежитъ венгерскому премьеръ-министру по отношенію къ хорватскому бану. И еще недавно нынѣшній премьеръ-министръ заявилъ въ будапештскомъ рейхстагѣ, что хорватскій банъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ лицо, подчиненное венгерскому правительству. Преслѣдуя свои мадьяризаторскія задачи, венгерское правительство стремится пристроить возможно большее число мадьярскихъ чиновниковъ въ государственныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Въ Славоніи довольно энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи развиваетъ также мадьярскій школьный союзъ „Julian“, открывающій мадьярскія школы и привлекающій въ нихъ путемъ всякаго рода льготъ, (какъ напримѣръ безплатная раздача учебныхъ пособій) хорватскихъ и сербскихъ дѣтей.

Съ другой стороны вся экономическая и финансовая политика венгерскаго правительства по отношенію къ этой провинціи сводится къ самой беззастѣнчивой эксплоатаціи и полнѣйшему игнорированію ея хозяйственныхъ интересовъ.

Бюджетныя поступленія Хорватіи и Славоніи выразились въ 1897 г. въ общей цифрѣ 47.158.000 кронъ; за вычетомъ 8.420.000 кронъ, падающихъ на покрытіе издержекъ по взысканію податей, остается чистаго прихода 38.738.000 кронъ. Изъ этого числа было передано Венгріи на „общіе“ расходы 21.693.000 кронъ, и на нужды автономнаго бюджета осталось такимъ образомъ всего 17.045.000 кронъ. Такъ какъ Хорватія лишена возможности оказывать сколько-нибудь замѣтное воздѣйствіе на расходованіе „общихъ“ суммъ, и такъ какъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, которыя сохранены въ вѣдѣніи венгерскаго правительства, интересы этой провинціи самымъ очевиднымъ образомъ нарушаются, то неудивительно, что въ странѣ широко распространено убѣжденіе, что извлекаемыя изъ Хорватіи суммы идутъ главнымъ образомъ на удовлетвореніе нуждъ прочихъ венгерскихъ земель.

Позиція, занимаемая хорватами и сербами въ національномъ вопросѣ, варьируетъ въ зависимости отъ политическихъ оттѣнковъ отдѣльныхъ партій. До недавняго времени руководящей партіей въ странѣ была такъ-наз. „національная партія“. Во время правленія бана Гедервари она располагала квалифицированнымъ большинствомъ въ ландтагѣ, хотя число ея сторонниковъ въ странѣ было совершенно ничтожно. Ея избирательные успѣхи объ-

ясняются высокимъ цензомъ, установленнымъ для выборовъ въ ландтагъ (благодаря чему избирательнымъ правомъ пользуются едва лишь $2^1/_2\%$ всего населенія), какъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что $^2/_5$ всего числа избирателей состоятъ изъ чиновниковъ, находящихся въ зависимости отъ правительства. Подкупъ, терроризированіе избирателей и всякія иныя злоупотребленія играли къ тому же громадную роль на выборахъ. По своимъ взглядамъ, національная партія стоитъ на точкѣ зрѣнія „соглашенія“ 1868 года (подвергнутаго пересмотру въ 1873 г.); на дѣлѣ она однако съ большимъ равнодушіемъ мирилась со всѣми нарушеніями, которыя позволяло себѣ правительство противъ этого соглашенія въ ущербъ интересамъ страны.

Что касается оппозиціи, то она въ разное время слагалась изъ различныхъ составныхъ частей, и вообще вся партійная группировка подвергалась за послѣднія 20 лѣтъ неоднократнымъ измѣненіямъ.

Въ настоящее время картина партійныхъ отношеній представляется въ слѣдующемъ видѣ. Прежняя „національная партія“, съ уходомъ графа Гедервари, потерпѣла крушеніе. Во время правленія Ракоци она сдѣлала было попытку вновь собраться съ силами, но это ей не удалось, и въ настоящее время она совершенно распалась. Изъ отдѣльныхъ элементовъ, входившихъ въ ея составъ, нынѣшній банъ баронъ Раухъ думалъ было еще создать „конституціонную партію“ (ustavna stranka), на которую могло бы опереться правительство; однако члены „національной партіи“ отклонили это предложеніе. На послѣднихъ выборахъ этой партіи не удалось получить ни одного мандата, и число ея сторонниковъ въ странѣ врядъ-ли достигаетъ и тысячи.

Въ оппозиціи къ правительству находятся четыре группы: 1) сербохорватская коалиція, слагающаяся изъ „хорватской правовой партіи“ (hrvatska stranka prava), „сербской независимой партіи“, „независимаго клуба“ (samostalni klub), въ составъ котораго входятъ и нѣкоторые члены прежней „національной партіи“, и, наконецъ, изъ „хорватской прогрессивной народной партіи“ (hrvatska napredna pucka stranka); 2) „старчевичевская правовая партія“ (Starceviceva stranka prava“); 3) соціалдемократическая партія; 4) крестьянская партія (seljacka stranka). Наряду съ ними наблюдается еще рѣзко-клерикальное (католическое) движеніе, не успѣвшее еще однако отлиться въ форму особой партіи; его представители находятся преимущественно въ рядахъ обѣихъ „правовыхъ“ партій, но они энергично работаютъ надъ созданіемъ отдѣльной партійной организаціи.

Всѣ оппозиціонныя партіи, за исключеніемъ соціалдемократической и нѣкоторой части сербовъ, стоятъ на почвѣ историческаго *хорватскаго государственнаго права* (причемъ партія Старчевича ссылается вмѣстѣ съ

тѣмъ и на естественное право). Ихъ стремленія заключаются главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: возсоединеніе Далмаціи и созданіе самостоятельнаго государства въ предѣлахъ габсбургской монархіи, въ составъ котораго должны войти, кромѣ Хорватіи, Славоніи и Далмаціи, еще Боснія и Герцеговина и т. наз. Мурскій островъ — полоса, тянущаяся между рѣками Дравой и Муромъ и принадлежащая въ данное время Венгріи, — затѣмъ Истрія и, наконецъ, населенныя словенцами австрійскія области (послѣднее требованіе не высказывается еще съ полной опредѣленностью). Партія Старчевича отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго рода союзныя отношенія съ Венгріей, какъ и дѣйствующее нынѣ венгро-хорватское „соглашеніе“, исходя при этомъ изъ той доктрины, въ силу которой хорватская нація вѣдаетъ свои дѣла въ согласіи съ однимъ лишь королемъ; близко сходится съ ней въ этомъ вопросѣ и „хорватская правовая партія“, въ то время какъ остальныя партіи стоятъ принципіально на почвѣ „соглашенія“, и требуютъ только его пересмотра.

Совершенно особую позицію занимаетъ соціалдемократическая партія. Въ противовѣсъ прокламируемой историческимъ государственнымъ правомъ *территоріальной* автономіи, она выдвигаетъ *національную* автономію, оставляющую совершенно въ сторонѣ существующія областныя дѣленія. Въ этомъ смыслѣ она отстаиваетъ преобразованіе государственнаго строя всей монархіи на основѣ національной программы, принятой австрійской соціалдемократіей на брюннскомъ партейтагѣ (1899 г.). Ея стремленія сводятся не къ сліянію хорватскихъ или южно-славянскихъ *земель*, а къ объединенію отдѣльныхъ частей южно-славянскихъ *національностей* въ одно органическое автономное цѣлое.

Входящія въ составъ коалиціи оппозиціонныя партіи (какъ и соціалдемократія), отнюдь не посягаютъ на равноправіе сербовъ. Большинство этихъ партій считаютъ вообще сербовъ и хорватовъ *одной* націей, носящей лишь двойное наименованіе, и требуютъ офиціальнаго признанія обоихъ этихъ этнографическихъ названій. Существенно отличную позицію въ этомъ отношеніи занимаетъ чисто хорватская „партія Старчевича“, отрицающая равноправіе даже за самимъ наименованіемъ сербовъ. Она признаетъ въ Хорватіи одну лишь хорватскую національность, словенцевъ она предпочитаетъ обозначать „альпійскими хорватами“, а за мелкими національными группами Хорватіи эта партія совершенно отрицаетъ всякое право на національное существованіе и требуетъ отъ нихъ добровольнаго сліянія съ хорватами.

Что касается сербовъ, то они поддерживаютъ въ своемъ большинствѣ хорватскія требованія въ вопросѣ о государственной самостоятельности, требуя лишь офиціальнаго признанія ихъ этнографическаго обозначенія и національнаго флага, а также надлежащихъ гарантій для ихъ церковной авто-

номіи. Лишь незначительная часть сербовъ обнаруживаетъ велико-сербскія тенденціи, отрицая за хорватами даже свойства особой этнической единицы и считаетъ наименованіе „хорватъ“ такимъ же географическимъ обозначеніемъ, какъ и названіе—„житель Славоніи“ или „житель Далмаціи“.

Небезынтересно отмѣтить еще и ту національно-радикальную пропаганду, которая ведется въ Славоніи нѣкоторой частью *нѣмцевъ*, и которая выступаетъ обыкновенно подъ флагомъ пангерманизма. Придавать большое значеніе этой довольно сумбурной агитаціи не приходится, ибо для какой бы то ни было руководящей роли нѣмецкое меньшинство здѣсь слишкомъ незначительно. Но извѣстную роль въ мѣстной жизни оно все же играетъ. Въ Землинѣ нѣмцы образуютъ большинство мѣстнаго муниципалитета. Во многихъ городахъ они располагаютъ собственными школами; вездѣ, гдѣ только они живутъ въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ, существуютъ нѣмецкіе ферейны. Значеніе нѣмецкаго элемента сказывается также и въ прессѣ; въ различныхъ пунктахъ издается цѣлый рядъ нѣмецкихъ газетъ, въ томъ числѣ двѣ ежедневныя въ Аграмѣ и рядъ другихъ, преимущественно въ Славоніи. Полная ассимиляція съ хорватами или сербами наблюдается среди нѣмцевъ довольно рѣдко. Въ ландтагѣ они представлены однимъ депутатомъ національно-радикальной окраски.

Словаки въ національномъ отношеніи мало даютъ о себѣ знать. Они сохраняютъ свой національный обликъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усваиваютъ и хорватскій языкъ. Остальныя, еще болѣе мелкія народности не обнаруживаютъ никакихъ національныхъ тенденцій.

Венгрія.

Данными о національномъ составѣ венгерскаго населенія приходится пользоваться съ большой осторожностью. Правда, принадлежность къ той или другой націи опредѣляется здѣсь по признаку родного языка, однако дѣло не обходится при этомъ безъ извѣстнаго давленія, которое заставляетъ людей, такъ или иначе зависимыхъ, показывать своимъ роднымъ языкомъ, напримѣръ, тотъ, на которомъ они изъясняются чаще всего. Въ не-мадьярскихъ кругахъ нерѣдко раздаются жалобы и на прямую фальсификацію въ смыслѣ искусственнаго вздуванія цифръ мадьярскаго населенія. Наконецъ, зависимое экономическое положеніе зачастую заставляетъ тѣ или иные элементы, въ угоду своимъ работодателямъ, зачислять себя въ рубрику мадьярской націи.

Статистическія же данныя о южныхъ славянахъ, населяющихъ венгерскія провинціи, (внѣ предѣловъ Хорватіи) страдаютъ и еще однимъ недостаткомъ.

Во многихъ мѣстностяхъ хорваты и сербы обозначаются различными *мѣстными* наименованіями и въ такомъ видѣ заносятся въ рубрику „прочіе“, хотя по существу относятся къ той же сербо-хорватской націи. Та же судьба постигаетъ словенцевъ, живущихъ въ юго-западной части страны. Часть этой народности, повидимому фигурируетъ въ переписи подъ именемъ „иллирійцевъ“ (см. ниже), число которыхъ достигаетъ приблизительно цифры 100.000 чел.; по крайней мѣрѣ въ переписи 1890 г. мы встрѣчаемъ ихъ въ количествѣ 94.993 чел.

Хорваты и сербы обитаютъ почти исключительно въ южныхъ комитатахъ страны, гдѣ живутъ вперемежку съ другими національностями. Наиболѣе компактными массами хорваты живутъ въ комитатѣ Zala, гдѣ образуютъ 19,4% всего населенія, и въ комитатѣ Sopronj, гдѣ они составляютъ 12,3%. Сербы сосредоточены по преимуществу въ комитатахъ Pancova (41,3%), Torontal (31,2%), Bacs-Bodrog (19%) и Temes (13,7%); значительными массами живутъ они въ городахъ Zombor (40,2%), Ujvidek (33,7%) и Versecz (32,2%).

При той недостовѣрности, которой отличаются данныя переписи, и при измѣнчивости ея методовъ, трудно получить вполнѣ точную картину развитія населенія въ Венгріи по его національному составу. Со времени 1851 г. движеніе славянскаго населенія во всей Транслейтаніи представляется на основаніи официальныхъ данныхъ въ слѣд. видѣ:

Годы.	Сербо-хорватовъ.	Словенцевъ.
1851	2,160,260	47,862
1880	2,359,324	86,437
1890	2,626,126	94,993
1900	2,730,749	?

Въ процентахъ ко всему населенію это означаетъ *убыль*. На 100 жителей въ указанные годы приходилось:

Годы.	Сербо-хорватовъ.	Словенцевъ.
1851	16,4	0,3
1880	15,0	0,6
1890	15,1	0,6
1900	14,2	?

Въ противоположность этому движеніе господствующаго мадьярскаго населенія совершается по восходящей линіи:

1851	4,818,170	36,5%
1880	6,478,720	41,2
1890	7,477,332	42,8
1900	8,742,301	45,4

Въ самой Венгріи (за вычетомъ Хорватіи и Славоніи) мадьяры образуютъ 51,4% всего населенія. Конечно возростаніе числа мадьяръ носитъ въ значительной степени искусственный характеръ. Такъ напримѣръ число евреевъ [1]), показывавшихъ своимъ роднымъ языкомъ мадьярскій, возросло за время 1881—1890 г. на 23,5%, въ то время, какъ число евреевъ, говорящихъ на другихъ языкахъ, увеличилось всего на 1,2%. Въ прежнее время евреи показывали своимъ роднымъ языкомъ по преимуществу нѣмецкій. Перемѣны, происшедшія въ численномъ соотношеніи этихъ націй, нельзя также объяснить *выселеніемъ* не-мадьярскихъ элементовъ. Правда въ переселенческомъ движеніи принимаютъ участіе, наряду съ нѣмцами и словаками, также и хорваты, но все же потери, которыя понесло венгерское населеніе благодаря эмиграціи за послѣднее десятилѣтіе, равняются всего 166.746 чел., т. е. 0,95%, а не слѣдуетъ забывать, что въ за-океанскомъ выселеніи принимаютъ участіе и сами мадьяры.

Въ основѣ перегруппировки составныхъ частей населенія лежитъ слѣдовательно не что иное, какъ постоянно прогрессирующій процессъ мадьяризаціи. Трудно, конечно, установить, насколько этотъ процессъ идетъ глубоко у той или иной изъ венгерскихъ національностей, но во всякомъ случаѣ цифры, говорящія о степени распространенности мадьярскаго языка, весьма характерны въ этомъ отношеніи.

Число мадьяръ (въ Венгріи, не считая Хорватіи) возросло за десятилѣтіе отъ 1890 до 1900 г. на 1.230.898 чел. или на 16,73% (съ 7.357.936 до 8.588.834). Въ это же время число не-мадьяръ, не владѣющихъ мадьярскимъ языкомъ, возросло всего на 40.411 чел. (0,6%), а число не-мадьяръ, владѣющихъ также и мадьярскимъ языкомъ, возросло на 287.277 чел. (26,62%). Абсолютная численность не-мадьяръ, не владѣющихъ мадьярскимъ языкомъ, равнялось 1.365.764 чел. число же не-мадьяръ, говорящихъ также по-мадьярски достигаетъ цифры 6.766.976.

Вмѣстѣ съ тѣмъ число мадьяръ, владѣющихъ только однимъ своимъ роднымъ языкомъ, понизилось съ 82,5% до 81,4%, а число мадьяръ, владѣющихъ какимъ-либо другимъ языкомъ, повысилось. Явленіе это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что подвергшіеся мадьяризаціи элементы показываютъ въ качествѣ второго языка именно тотъ, который является для

[1]) Перепись 1900 г. установила въ Венгріи 851.734 евреевъ. *Ред.*

нихъ въ сущности роднымъ. Бросается въ глаза, что % говорящихъ помадьярски членовъ другихъ націй больше среди мужчинъ, нежели среди женщинъ (16,47% и 11,09%). Нѣкоторую роль въ успѣхахъ мадьяризаціи надо признать и за смѣшанными браками. Въ 1901 году изъ числа 148.494 браковъ, заключенныхъ въ Венгріи, были 4.993 такихъ, гдѣ одна сторона принадлежала къ мадьярской національности (въ 2.285 случаяхъ—женихъ, въ 2.708—невѣста); дѣти, рождающіяся отъ такихъ браковъ, почти всегда воспитываются въ мадьярскомъ духѣ.

Въ общемъ, та часть хорватскаго и сербскаго населенія, которая перешла въ ряды мадьяръ съ 1851 года, исчисляется приблизительно въ 2,2%. Наибольшіе успѣхи дѣлаетъ мадьяризація въ городахъ; въ деревнѣ она идетъ болѣе медленнымъ темпомъ.

* * *

Венгерское государственное право, какъ уже сказано выше, обозначаетъ всѣхъ не-мадьяръ общимъ названіемъ „національности“; ихъ право на свободное культурное развитіе ограждается спеціальнымъ закономъ, который однако de facto существуетъ только на бумагѣ. Сравнительно благопріятно положеніе сербовъ [1]), благодаря предоставленной имъ церковной автономіи, которая означаетъ для нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и автономію въ области школы. Она распространяется на все сербское населеніе какъ въ Венгріи, такъ и въ Хорватіи и Славоніи, и законодательнымъ органомъ ея является сербскій церковный съѣздъ.

Менѣе благопріятно положеніе хорватовъ; изъ всѣхъ признаковъ ихъ своеобразной національной жизни они сохранили только языкъ, и то лишь въ домашнемъ обиходѣ. Правда кой-гдѣ еще существуетъ нѣсколько хорватскихъ, по имени, школъ, но порядки, установленные въ этихъ школахъ, сознательно клонятся къ тому, чтобы порвать всякую связь съ хорватской культурой. Съ этой цѣлью даже въ хорватскихъ учебникахъ и молитвенникахъ, употребляющихся въ этихъ школахъ, допускается исключительно мадьярское провописаніе. Въ такомъ же положеніи находятся и венгерскіе словенцы. Единственнымъ факторомъ, охраняющимъ ихъ національную жизнь, служитъ въ сущности та изолированность, въ которой они живутъ по своимъ деревнямъ. Ни хорваты, ни словенцы не поддерживаютъ никакихъ сношеній со своими соплеменниками въ Хорватіи и Австріи.

---

[1]) Въ Венгріи сербы принадлежатъ какъ къ земледѣльческому населенію, такъ и къ разнаго рода другимъ профессіямъ и обнаруживаютъ довольно интенсивную національную жизнь.

Фіуме.

О той своеобразной автономіи, которой пользуется этотъ портовый городъ, уже говорилось въ главѣ о Хорватіи, въ составъ которой Фіуме политически входитъ. Офиціальная статистика рисуетъ здѣсь весьма своеобразную картину національнаго состава. По ея свѣдѣніямъ въ этомъ городѣ проживаютъ 17.354 итальянца, 5.136 иллирійцевъ, 2.251 словенецъ, 1.241 прочихъ славянскихъ народностей, 147 чеховъ, 2.842 мадъяра, 1.945 нѣмцевъ, 7.497 хорватовъ, 55 сербовъ и 400 принадлежащихъ къ прочимъ національмъ. Было бы совершенно непонятно, откуда перепись взяла націю „иллирійцевъ“ [1]), если бы не было извѣстно стремленіе офиціальной статистики искусственно урѣзывать число хорватовъ и сербовъ.

Городъ пользуется автономнымъ управленіемъ, находящимся въ рукахъ итальянцевъ. Столкновенія между ними и хорватами происходятъ весьма нерѣдко и переходятъ порою въ кровавыя схватки. Мадьяризація дѣлаетъ замѣтные съ виду успѣхи, хотя объемъ ея все еще остается довольно ограниченнымъ.

Боснія и Герцеговина.

Свѣдѣній о національномъ составѣ этихъ оккупированныхъ Австріей провинцій въ данныхъ офиціальной переписи не имѣется, такъ что здѣсь приходится ограничиваться одними лишь приблизительными выкладками. По даннымъ народной переписи 1885 года въ Босніи и Герцеговинѣ, а также въ санджакѣ Новый Базаръ насчитывалось 1.336.090 жит., въ томъ числѣ 705.025 мущинъ и 631.066 женщинъ, 27.000 войска оккупаціоннаго корпуса и 153.000 иностранцевъ. Къ 22 апрѣля 1895 г. численность населенія равнялось 1.591.036 чел., а въ 1900 г. оно достигло 1.737.000

Нѣкоторыя указанія для опредѣленія національнаго состава даетъ статистика вѣроисповѣданій:

---

[1]) Такъ-называемое „иллирійское“ движеніе начала XIX столѣтія (см. слѣдующую главу), ставившее себѣ задачу сліянія всѣхъ южно-славянскихъ племенъ, давно отошло въ область исторіи. Изъ всего числа южныхъславянъ врядъ ли можно было бы набрать въ настоящее время хотя бы горсть людей, склонныхъ именовать себя иллирійцами. *Примѣч. ред.*

Православныхъ . . .	571.250	42.75%
Магометанъ	492.710	36.88
Католиковъ	265.788	19.89%
Іудейск. исповѣд. . .	5.805	
Различныхъ	538	

Православное населеніе почти сплошь признаетъ себя принадлежащимъ къ сербамъ, католическое къ хорватамъ; магометане также заявляютъ себя по большей части хорватами, рѣже сербами; нѣкоторая часть ихъ называетъ себя босняками, и лишь незначительное меньшинство турками. Въ общемъ за немногими исключеніями всѣ туземные жители причисляютъ себя къ южнымъ славянамъ (сербамъ и хорватамъ).

Въ городахъ этой области весьма замѣтно сказывается вражда между сербами и хорватами. Раздувается она съ обѣихъ сторонъ радикально-настроенными кликами. Въ хорватскомъ лагерѣ пропагандируется идея объединенія съ Хорватіей и созданія единаго хорватскаго государства (мы уже видѣли выше, что партія Старчевича при этомъ доходитъ до непризнанія самого имени „сербъ“), сербскіе радикалы въ свою очередь стремятся къ соединенію съ Сербіей. Между этими двумя крайними позиціями существуетъ еще цѣлый рядъ переходныхъ оттѣнковъ; мѣсто центра между обоими полюсами занимаетъ требованіе автономіи провинціи [1]).

Наибольшимъ вліяніемъ въ странѣ пользовались до недавняго времени магометане, въ рядахъ которыхъ сосредоточенъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ (spaĥije); конечно и изъ среды этой народности значительная часть находится въ крайней бѣдности. Православное населеніе занимается главнымъ образомъ городскими промыслами, католики въ своемъ большинствѣ принадлежатъ къ земледѣльческому классу, и въ соціальномъ отношеніи находятся на самой низкой ступени. Группируются они преимущественно вокругъ францисканскихъ монастырей.

Слѣдуетъ отмѣтить еще евреевъ, количество которыхъ достигало въ 1895 году 8.213 чел. Они относятся по преимуществу къ числу такъ-наз. „эспаньоловъ“ (испанскихъ евреевъ), занимаются торговлей и принадлежатъ къ наиболѣе состоятельнымъ слоямъ.

---

[1]) Небезынтересно, что въ этихъ національныхъ распряхъ правительство всегда соблюдало нейтралитетъ и пыталось выразить его въ томъ, что всячески избѣгало употреблять и наименованіе сербовъ и наименованіе хорватовъ. Сербо-хорватскій языкъ оно офиціально называло просто „мѣстнымъ“; и лишь въ недавнее время установилось офиціальное обозначеніе: „сербо-хорватскій языкъ“.

Австрія.

Пользованіе данными австрійской національной статистики осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что офиціальная перепись, регистрируя здѣсь лишь такъ-наз. *обиходный* языкъ, допускаетъ въ качествѣ такового только *одинъ* языкъ, и притомъ тотъ, которымъ данное лицо *по преимуществу* пользуется во всякаго рода общихъ сношеніяхъ. Само собою понятно, что такая практика влечетъ за собою ущербъ для національныхъ меньшинствъ. Для южныхъ славянъ, а въ особенности для словенцевъ и истрійскихъ хорватовъ, этотъ модусъ связанъ съ значительнымъ преуменьшеніемъ ихъ численности. Не говоря уже о томъ, что почти во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ они обитаютъ, словенцы находятся въ меньшинствѣ, здѣсь даетъ себя знать и соціальная зависимость, нерѣдко заставляющая ихъ признавать своимъ обиходнымъ языкомъ языкъ тѣхъ лицъ, на службѣ у которыхъ они находятся.

По даннымъ переписи 1900 года, изъ общаго числа австрійскихъ славянъ, равнявшагося 15.494.285, на долю южныхъ приходилось:

Словенцевъ	1.192.780
Хорватовъ и Сербовъ .	711.380
Всего. .	1.904.160

По отдѣльнымъ провинціямъ южные славяне распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

а) Словенцы:

Крайна.	475.302
Штирія	409.531
Каринтія	90.495
Тріестъ и его область .	24.679
Горица-Градишка. . .	140.582
Истрія.	47.717

в) Хорваты и сербы:

Далмація.	565.276
Истрія.	143.057

* * *

Въ Далмаціи хорваты (вмѣстѣ съ сербами) образуютъ компактное большинство, составляющее 96,6% всего населенія этой провинціи.

Численное соотношеніе между хорватами и сербами можно приблизительно установить на основаніи данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ, согласно которымъ католики составляли 83,3% населенія, православные—16,5%. Впрочемъ сдѣлать изъ этихъ данныхъ сколько-нибудь точные выводы невозможно, потому что именно въ Далмаціи (особенно въ Рагузѣ) среди сербовъ имѣется большое число католиковъ [1]).

Партійная группировка въ общемъ аналогична той, какая наблюдается въ Хорватіи. Значительное большинство хорватовъ стремится къ соединенію съ Хорватіей и Славоніей. Часть сербовъ примыкаетъ въ этомъ отношеніи къ хорватамъ, другая часть отстаиваетъ требованіе автономіи; на почвѣ этого же требованія стоитъ и такъ называемая партія автономистовъ, очень слабая донынѣ и состоящая главнымъ образомъ изъ итальянцевъ.

Соціальная структура всѣхъ интересующихъ насъ національностей въ этой странѣ болѣе или менѣе одинакова; всѣ онѣ насчитываютъ въ своей средѣ самые разнообразные слои. Промышленность здѣсь развита еще очень слабо, и лишь въ самое послѣднее время наблюдаются нѣкоторые признаки подъема. Школьное дѣло поставлено по большей части на національныхъ началахъ. Имѣется нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, высшее же образованіе далматская молодежь получаетъ либо въ Загребѣ, либо въ университетскихъ городахъ Австріи.

Въ Истріи національный составъ населенія выражается слѣдующими цифрами:

Хорватовъ	143.057
Итальянцевъ . . .	136.191
Словенцевъ . . .	47.717
Нѣмцевъ	7.076
Румынъ	1.311

Между славянами и итальянцами идетъ здѣсь съ давнихъ поръ самая ожесточенная борьба. Доминирующее положеніе въ странѣ занимаютъ послѣдніе. Образуя меньшинство населенія, они все же располагаютъ подавляю-

[1]) Наряду съ южными славянами здѣсь живутъ также и итальянцы въ количествѣ 15.279 чел. (2,6%). Хотя итальянскій элементъ уже утратилъ здѣсь свое прежнее господствующее положеніе, все же итальянскій языкъ слышится еще во всей странѣ,—преимущественно въ городахъ,—и весьма употребителенъ, между прочимъ, въ средѣ славянскаго населенія; въ его широкомъ распространеніи и коренится главная причина того, что посторонніе наблюдатели обычно считаютъ Далмацію итальянской провинціей.

щимъ большинствомъ въ ландтагѣ. Отъ недавно проведенной избирательной реформы можно ожидать въ лучшемъ случаѣ лишь нѣкотораго смягченія этого зла; уничтожить его она не въ силахъ. Высшее должностное лицо провинціи также назначается изъ среды итальянцевъ. До сихъ поръ итальянская партія не допускала употребленія хорватскаго языка въ офиціальномъ обиходѣ, и вслѣдствіе этого въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ландтагъ оказывался неработоспособнымъ.

Если отдѣльныя національности Истріи и не поддаются вполнѣ точному географическому разграниченію, все же можно сказать, что западное побережье и города населены преимущественно итальянцами, въ то время какъ въ центральныхъ и восточныхъ округахъ живутъ главнымъ образомъ хорваты. Словенцы образуютъ рядъ общинъ въ сѣверной части провинціи. Сообразно съ этимъ буржуазія принадлежитъ преимущественно къ итальянской національности, крестьянство—къ числу славянъ. Рабочій классъ рекрутируется изъ обѣихъ націй, а отчасти изъ пришлыхъ элементовъ.

Дѣло школьнаго образованія находится здѣсь у южныхъ славянъ въ очень плачевномъ положеніи. Количество неграмотныхъ чрезвычайно велико (около 50%), и даже изъ числа грамотныхъ значительная часть не умѣетъ писать на своемъ родномъ языкѣ. Хозяйственная отсталость страны кладетъ естественно свой отпечатокъ на ея культурный уровень.

* * *

Крайна—это единственная провинція, въ которой словенцы образуютъ подавляющее большинство населенія и играютъ руководящую роль.

На 504 тыс. всего населенія—словенцевъ приходится 475.302 и нѣмцевъ 28.177.

Нѣмецкимъ оазисомъ въ этой словенской землѣ является городъ Gotschee (Кочевье) съ нѣсколькими окружающими его общинами. Довольно значительную группу образуютъ нѣмцы также и въ главномъ городѣ провинціи Лайбахѣ (Любляна). Благодаря дѣйствующему нынѣ избирательному закону, обезпечивающему за ними 10 мандатовъ въ куріи крупнаго землевладѣнія плюсъ мандатъ города Gotschee, нѣмцы пользуются значительнымъ вліяніемъ въ ландтагѣ. Располагая 11-ью голосами изъ общаго числа 37, они образуютъ группу, способную парализовать любое серьезное рѣшеніе.

Національное движеніе словенцевъ еще очень молодо [1]). Еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ едва ли не всѣ города находились въ рукахъ

[1]) См. ниже статью проф. Крека. *Ред.*

нѣмцевъ. Политическіе успѣхи, сдѣланные словенцами до сихъ поръ тоже весьма невелики. Въ то время, какъ автономное управленіе страны (Крайна пользуется чисто-административной автономіей, ограниченной весьма узкими предѣлами) находится въ рукахъ словенцевъ, во главѣ *имперской* администраціи области стоитъ всегда нѣмецъ, а всякаго рода государственныя должности также предпочтительно замѣщаются нѣмецкими чиновниками.

Невелики успѣхи словенцевъ и въ дѣлѣ національзаціи школы. Если низшая школа и носитъ по преимуществу словенскій характеръ, то въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишь немногіе предметы преподаются на словенскомъ языкѣ, въ большинствѣ же случаевъ преподаваніе ведется по-нѣмецки.

Въ рейхсратѣ Крайна представлена 10 словенскими и 6 нѣмецкими депутатами.

Въ *Штиріи* южную часть провинціи населяютъ преимущественно словенцы, въ то время, какъ Средняя и Верхняя Штирія заселена едва ли не сплошь нѣмцами, за исключеніемъ лишь сѣверныхъ горнозаводскихъ округовъ, въ которыхъ значительная часть населенія принадлежитъ къ словенской національности.

Въ 1900 году во всей провинціи числилось:

Словенцевъ . . .	409.531
Нѣмцевъ	902.343

Въ деревняхъ Нижней Штиріи населеніе почти сплошь словенское; въ городахъ и мѣстечкахъ преобладаютъ нѣмцы. Несмотря на притокъ сельскаго населенія въ города, численное соотношеніе обѣихъ націй продолжаетъ измѣняться къ невыгодѣ для словенцевъ, и германизація дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Въ этомъ направленіи работаютъ главнымъ образомъ двѣ организаціи: „нѣмецкій школьный союзъ“, учреждающій въ словенскихъ мѣстностяхъ нѣмецкія школы, и союзъ „южной марки“ ставящій своей задачей развитіе нѣмецкой колонизаціи; съ этой цѣлью онъ скупаетъ поступающіе въ продажу участки земли или оказываетъ нѣмцамъ помощь для подобнаго рода закупокъ.

Съ наибольшимъ напряженіемъ ведется національная борьба въ городѣ Цилли, гдѣ словенцы съ давнихъ поръ стремятся къ созданію своей гимназіи, чему нѣмцы сопротивляются всѣми силами.

Южная Штирія насчитываетъ семь словенскихъ избирательныхъ округовъ; города и мѣстечки выдѣлены въ особый нѣмецкій округъ. Въ ландтагѣ словенцы занимаютъ положеніе незначительнаго меньшинства, а въ областной управѣ они представлены въ лицѣ одного засѣдателя.

*

Въ Каринтіи, въ этомъ центрѣ бывшей нѣкогда словенской „Каринтаніи“, словенцы потерпѣли самый тяжелый уронъ.

По даннымъ переписи въ странѣ насчитывается:

Словенцевъ.	90.495
Нѣмцевъ	269.960

Изъ среды другихъ націй здѣсь встрѣчаются лишь совершенно ничтожныя группы.

Какъ уже указывалось въ общемъ введеніи, здѣсь замѣчается и относительное и абсолютное уменьшеніе численности словенцевъ. Впрочемъ во время выборныхъ кампаній послѣднихъ двухъ лѣтъ можно было наблюдать и кой-какіе благопріятные симптомы; въ нѣкоторыхъ общинахъ, обозначенныхъ въ офиціальной статистикѣ, какъ чисто нѣмецкія или, по крайней мѣрѣ, какъ имѣющія подавляющее большинство нѣмцевъ, словенскіе кандидаты едва ли не неожиданно для самихъ себя собрали значительное количество голосовъ.

Словенское населеніе носитъ здѣсь въ еще большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было, земледѣльческій характеръ. Вся интеллигенція ограничивается нѣсколькими священниками, небольшимъ количествомъ народныхъ учителей и двумя-тремя адвокатами. Словенскія народныя школы имѣются въ совершенно ничтожномъ количествѣ, словенскихъ среднихъ учебныхъ заведеній нѣтъ совсѣмъ.

То небольшее число словенскихъ организацій, которое существуетъ здѣсь, находится подъ руководствомъ священниковъ. Въ нѣкоторыхъ, сравнительно болѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи пунктахъ среди словенцевъ имѣются также и рабочіе.

Въ Горицѣ и Градишкѣ сѣверо-восточная часть населена итальянцами, вся же остальная территорія—словенцами, составляющими вообще большинство населенія этой провинціи.

Въ числѣ жителей насчитывается:

Словенцевъ.	140.582
Итальянцевъ	81.136
Нѣмцевъ	3.498

Главный городъ области Горица находится въ рукахъ итальянцевъ, но вліяніе словенскаго элемента все возрастаетъ. Избирательная система прикроена такимъ образомъ, что итальянцы обладаютъ въ ландтагѣ большинствомъ; глава мѣстной администраціи также назначается изъ ихъ среды.

Въ рейхсратъ, какъ итальянцы, такъ и словенцы посылаютъ по три депутата.

По сравненію со словенскимъ населеніемъ Крайны словенцы Горицы-Градишки находятся на болѣе высокомъ уровнѣ благосостоянія. Промышленность развита здѣсь очень слабо, но нѣкоторые признаки подъема все же наблюдаются, особенно въ окрестностяхъ главнаго города провинціи.

Національный составъ населенія *Тріеста и его области* выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Итальянцевъ	116.825
Словенцевъ	24.679
Нѣмцы	8.880.

Кромѣ того имѣется еще ничтожное число жителей другихъ націй. Словенцы населяютъ по преимуществу окрестности города (т. наз. „территорію“) и нѣкоторые пригороды.

Словенскія народныя школы имѣются лишь на „территоріи“, среднихъ же учебныхъ заведеній у словенцевъ нѣтъ. Въ муниципалитетѣ, являющимся вмѣстѣ съ тѣмъ и ландтагомъ, словенцы представлены 5-ью депутатами. Въ рейхсратъ они посылаютъ одного депутата (отъ „территоріи“), въ то время, какъ на долю итальянцевъ приходятся четыре мандата (отъ города). Главная задача, которую ставитъ себѣ словенская агитація,—это борьба за народную и среднюю школу и за равноправіе словенскаго языка.

* * *

Картина роста южно-славянскихъ народностей Цислейтаніи представляется въ далеко не розовомъ свѣтѣ. Со времени 1851 г. въ численности словенцевъ произошли, по отдѣльнымъ провинціямъ, слѣдующія измѣненія:

	Крайна.	Штирія.	Береговая земля.	Каринтія.
1851 г.	408.745	363.750	202.287	95.735
1857 „	421.398	369.246	198.451	92.767
1880 „	447.366	388.419	199.124	102.252
1890 „	466.269	400.480	207.163	101.030
1900 „	475.302	409.531	212.978	90.495

То же въ процентахъ ко всему населенію:

	Крайна.	Штирія.	Береговая земля.	Каринтія.
1851 г.	88.10	36.16	37.26	29.99
1857 „	90.15	36.55	39.07	28.61
1880 „	93.67	32.74	32.61	29.72
1890 „	94.07	32.04	31,42	28.38
1900 „	94.24	31.18	29.90	25.08

Постоянный ростъ замѣчается только въ Крайнѣ и Штиріи, но и въ этой послѣдней провинціи процентная норма за послѣднія десятилѣтія падаетъ. Здѣсь дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи германизація, происходящая, главнымъ образомъ, въ городахъ, гдѣ постоянно поглощаетъ часть пришлаго изъ деревень населенія.

Въ Береговой Землѣ наиболѣе неблагопріятные для словенцевъ результаты обнаруживаются въ Тріестѣ; здѣсь ихъ процентная норма пала за десятилѣтіе 1890—1900 г. съ 21,79 до 16,34%. Въ Гориць-Градишкѣ процентное отношеніе понизилось съ 63,00 до 62,37%; въ Истріи—съ 15,1 до 14,2%. Рѣзко выраженную убыль приходится констатировать въ Истріи, гдѣ, за время отъ 1851 до 1900 года, понизилась не только процентная норма, но и абсолютная численность словенцевъ, несмотря на то, что вплоть до 1880 г. замѣчалось довольно значительное возрастаніе.

Это явленіе станетъ отчасти понятнымъ, если принять въ разсчетъ эмиграцію въ Америку, которая достигла у словенцевъ весьма значительныхъ размѣровъ; но немалая доля потери должна быть отнесена также насчетъ онѣмеченія и романизаціи.

* * *

Для того, чтобы получить картину соціальной структуры южно-славянскаго населенія, необходимо произвести рядъ выкладокъ, пользуясь при этомъ различными данными переписи 1900 г.

Изъ статистики *жилищныхъ* отношеній небезынтересно отмѣтить слѣдующія данныя:

	Словенцевъ.	Хорватовъ и сербовъ.
На 100 квартиронанимателей приходилось	4,39	2,25
„ членовъ ихъ семействъ. .	4,68	3,18
„ квартирантовъ и ихъ семействъ.	3,10	—

На 100 челов.	Словенцевъ.	Хорватовъ и Сербовъ.
прислуги	1,92	0,80
„ персонала, занятаго въ домашнемъ хозяйствѣ . . .	7,13	—
„ ремесленниковъ-подмастерьевъ .	3,04	—
% ко всему населенію	4,50	2,72

Здѣсь бросается въ глаза, что у словенцевъ % служащихъ, занятыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, превышаетъ тотъ процентъ, который эта нація составляетъ по отношенію ко всему числу жителей; объясняется это преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ словенскаго населенія. Въ связи съ этимъ находится и слабое развитіе городовъ. *Любляна*, главный городъ Крайны и средоточіе культурной и политической жизни словенцевъ, насчитываетъ въ настоящее время всего около 40 тысячъ жителей; *Спалато*, наиболѣе крупный хорватскій городъ Далмаціи—всего 28 тысячъ.

Въ то время, какъ во всей Австріи процентъ неграмотныхъ понизился за время отъ 1890 до 1900 года съ 29,53 до 23,85, въ средѣ южныхъ славянъ въ 1900 году насчитывалось—у словенцевъ 23,92% а у хорватовъ и сербовъ 74,14% неграмотныхъ.

По профессіямъ южно-славянскія народности раздѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Словенцы.	Хорваты и Сербы.
Сельское хозяйство . .	896.080	615.907
Промышленность . . .	159.445	32.396
Торговля и транспортъ .	42.059	26.929
Госуд. служба и либ. проф.	90.722	33.552

На каждую тысячу австрійскаго населенія приходилось:

	Словенцевъ.	Хорватовъ и Сербовъ.
Въ сельскомъ хозяйствѣ . .	65	75
„ промышленности . . .	23	5
„ торговлѣ и транспортѣ .	16	11
„ госуд. службѣ и либеральныхъ профессіяхъ. .	32	12

На каждую тысячу членовъ данной націи приходилось:

	Словенцевъ.	Хорватовъ и Сербовъ.
Занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ . .	754	869
„ „ промышленности . . .	134	46
„ „ торговлѣ и транспортѣ .	35	38
„ „ госуд. службѣ и пр. .	77	47

Если однако принимать въ разсчетъ лишь *непосредственно* занятыхъ въ данной профессіи лицъ, то получатся слѣдующія цифры:

	Словенцевъ.	Хорватовъ и Сербовъ.
Сельское хозяйство . .	603.928	377.216
Промышленность . . .	79.173	13.843
Торговля и транспортъ .	18.789	9.045
Госуд. служба и пр. . .	65.218	18.152

Подавляющій перевѣсъ сельско-хозяйственнаго населенія такимъ образомъ совершенно очевиденъ.

Соціальная структура характеризуется также слѣдующими цифрами:

На каждую 1000 чел. производительнаго населенія приходилось:

	Словенцевъ.	Хорватовъ и Сербовъ.
Самостоятельныхъ	291	282
Служащихъ	10	9
Рабочихъ	195	91
Поденщиковъ	65	10
Производит. членовъ семьи .	439	608
Мужчинъ	503	531
Женщинъ	497	469

По числу женщинъ, занятыхъ въ той или иной профессіи, словенцы превосходятъ всѣ австрійскія національности; хорваты занимаютъ въ этомъ отношеніи четвертое мѣсто.

* * *

Преобладающій земледѣльческій характеръ южно-славянскаго населенія и низкій уровень его культурнаго развитія объясняетъ ту доминирующую роль, которую играютъ въ его средѣ консервативно-клерикальные элементы. Клерикальная (католическая) партія, выступающая въ различныхъ провинціяхъ подъ различными названіями, располагаетъ повсюду, за исключеніемъ лишь Горицы-Градишки, наибольшимъ числомъ сторонниковъ. Либерально-буржуазное движеніе существуетъ лишь въ Крайнѣ болѣе или менѣе долгое время; въ Горицѣ, Штиріи и Каринтіи оно значительно моложе, частью же еще только зарождается. Въ Истріи и Тріестѣ вообще еще незамѣтно никакой политической дифференціаціи, въ Далмаціи подаетъ кой-какіе признаки политической жизни группа свободомыслящихъ.

Вслѣдствіе слабости промышленнаго развитія, соціалдемократическая партія также невелика, хотя имѣетъ все же свои организаціи во всѣхъ южно-славянскихъ областяхъ.

То обстоятельство, что принадлежность къ южно-славянскимъ націямъ долгое время отождествлялась съ клерикальнымъ образомъ мыслей, въ значительной мѣрѣ объясняетъ тотъ процессъ отпаденія отъ родной національности, который наблюдался въ смѣшанныхъ областяхъ: отказъ отъ клерикализма естественно соединялся съ отказомъ отъ той національной среды, съ которой это направленіе связывалось.

Лайбахъ (Любляна).

Etvin Kristan.

II.

1. Хорваты.

Вплоть до середины XVIII вѣка королевство Хорватія обладаетъ еще до извѣстной степени государственной самостоятельностью. Его тогдашнее государственно-правовое отношеніе къ Венгріи можетъ быть опредѣлено, какъ личная унія. Лишь въ царствованіе Маріи Терезіи, когда германизаторскія и централистическія тенденціи начинаютъ сказываться съ особой силой, въ положеніи Хорватіи происходитъ крутой поворотъ.

Королевство было раздѣлено (въ 1745 году), на три комитата, къ которымъ нѣкоторое время спустя (въ 1776 году) присоединяются вновь образованный Северинскій комитатъ и Фіуме. Во главѣ комитатовъ были поставлены „жупаны“, которые, подобно тому, какъ это было въ самой Венгріи, назначались королемъ и обладали правомъ назначенія чиновниковъ и созыва комитатскихъ „конгрегацій“. Такимъ образомъ власть хорватскаго бана и значеніе ландтага оказались значительно урѣзанными. Правда, еще въ 1767 году Марія Терезія учредила для управленія краемъ такъ называемый „совѣтъ бана Хорватіи, Славоніи и Далмаціи“, но уже въ 1779 году она его вновь распустила и одновременно съ этимъ передала управленіе Хорватіей венгерскому намѣстничеству въ Пресбургѣ. Эта мѣра нанесла автономіи страны послѣдній ощутительный ударъ; Хорватія была превращена въ венгерскую провинцію.

Причины, благодаря которымъ Хорватія утратила свою самостоятельность, коренятся, однако, гораздо глубже и прежде всего въ той позиціи, какую заняло хорватское дворянство по отношенію къ тогдашнему крестьянскому движенію.

Общественное самосознаніе пробудилось въ средѣ хорватскаго крестьянства очень рано, и чрезвычайно быстро перешло здѣсь въ наступательное политическое движеніе. Особенно заразительно въ этомъ отношеніи дѣйствовало

на крестьянъ существованіе свободнаго крестьянскаго сословія у нихъ же на родинѣ, въ такъ называемой Военной Границѣ [1]).

Хорватское дворянство, напуганное пробудившимся въ крестьянствѣ демократическимъ духомъ и выставленными имъ требованіями, все въ большей степени сближалось съ мадьярскимъ дворянствомъ, ища у него опоры и защиты отъ грозившей опасности. Въ этомъ именно обстоятельствѣ слѣдуетъ искать причину того, что хорватскій ландтагъ въ 1790 году самъ формально призналъ и согласился съ новымъ положеніемъ страны, т. е. съ подчиненіемъ ея управленія пресбургскому намѣстничеству, отказавшись даже отъ права на самостоятельное распредѣленіе мѣстнаго бюджета.

Централизаторская политика вѣнскаго двора тѣмъ временемъ принимала все болѣе агрессивный характеръ. Іосифъ II, помышлявшій уже о созданіи изъ своихъ наслѣдственныхъ земель единаго нѣмецкаго государства, пошелъ еще дальше по стопамъ своей матери. Въ 1784 году имъ, между прочимъ, былъ изданъ указъ о замѣнѣ латинскаго языка, бывшаго до того времени офиціальнымъ языкомъ дѣлопроизводства въ ландтагѣ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, исключительно нѣмецкимъ, какъ въ Венгріи, такъ и въ Хорватіи. Эта новая германизаторская попытка вызвала, конечно, сильное движеніе среди мадьяръ и хорватовъ. Однако, хорватскій ландтагъ, если и настаивалъ на удаленіи нѣмецкаго языка, то требовалъ на его мѣсто (1790 г.) не введенія хорватскаго языка, а лишь сохраненія латинскаго (хорватскій языкъ онъ отстаивалъ только, какъ языкъ команды въ арміи). Здѣсь опять сказалось вліяніе феодально-аристократическаго состава ландтага, для котораго ни народъ, ни его родной языкъ не представляли значенія и интереса

Иначе дѣйствовалъ венгерскій ландтагъ. Онъ согласился съ удаленіемъ латинскаго языка, но вполнѣ послѣдовательно рѣшилъ ввести вмѣсто него не нѣмецкій языкъ, а родной мадьярскій. И воспользовавшись хорватскими

---

[1]) Пограничная полоса, идущая отъ Кульпы до Адріатическаго моря и вдоль турецкой Славоніи. Являясь главной ареной постоянныхъ войнъ съ турками, эта территорія была совершенно покинута мѣстнымъ населеніемъ. Начиная съ XVI столѣтія здѣсь возводится цѣлый рядъ крѣпостей, и по мѣрѣ того, какъ эти пограничныя мѣстности становятся все болѣе защищенными отъ турецкихъ нападеній, ихъ постепенно заселяютъ христіанскіе бѣглецы изъ сосѣднихъ турецкихъ земель, встрѣчая здѣсь самый радушный пріемъ со стороны мѣстной администраціи. Эта пограничная территорія получила чисто-военное управленіе, непосредственно подчиненное венгерскому королю. При этомъ крестьяне были всецѣло освобождены здѣсь отъ помѣщичьей власти; въ общинахъ они вполнѣ самостоятельно выбирали себѣ своихъ старостъ, а всѣ общины, составлявшія опредѣленный округъ, избирали общаго судью, который утверждался стоявшимъ во главѣ мѣстной администраціи генераломъ.

уступками, онъ постановилъ считать мадьярскій языкъ официальнымъ также и въ Хорватіи.

Хотя хорваты вначалѣ энергично боролись противъ этихъ мадьярскихъ посягательствъ, но ихъ сопротивленіе продолжалось сравнительно недолго. Уже въ 1827 году хорватскій ландтагъ самъ пошелъ навстрѣчу мадьярскимъ требованіямъ и призналъ обязательнымъ преподаваніе мадьярскаго языка во всѣхъ хорватскихъ школахъ. Съ тѣхъ поръ сфера примѣненія мадьярскаго языка все расширялась, охватывая почти всѣ правительственныя и общественныя учрежденія. Съ 1834 года мадьярскій языкъ фактически становится государственнымъ языкомъ Хорватіи.

* * *

Національное самосознаніе хорватовъ свелось, такимъ образомъ, къ нулю. Дворянство настраивалось все болѣе и болѣе на мадьярскій ладъ; народныя же массы были лишены всякаго значенія. Однако такое состояніе не могло продолжаться долго. Успѣхи, которые сдѣлала національная идея въ средѣ другихъ австрійскихъ народностей, сказались въ концѣ концовъ и въ Хорватіи. И благодаря тогдашней политической коньюнктурѣ и цѣлому ряду соціально-экономическихъ перемѣнъ, національное броженіе очень скоро вылилось здѣсь въ опредѣленныя конкретныя формы.

Начавшееся движеніе на первыхъ порахъ коснулось, главнымъ образомъ, чисто культурныхъ вопросовъ. Прежде всего были сдѣланы попытки установить общій для всѣхъ южно-славянскихъ народностей литературный языкъ, для чего было выбрано распространенное среди большинства хорватовъ и среди всѣхъ сербовъ такъ называемое „штокавческое“ нарѣчіе [1]). Быстро создавшаяся литература все болѣе содѣйствовала популяризаціи этой идеи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ южно-славянскія племена, носившія до тѣхъ поръ чисто мѣстныя названія по имени населенныхъ ими провинцій (напримѣръ, далматинцы, краинцы и т. д.), стали теперь обозначать себя однимъ общимъ именемъ, чтобы еще больше подчеркнуть свое національное единство — „иллирійцами“. Всѣ южно-славянскіе земли получили общее названіе—Иллирія, а ихъ общій языкъ—названіе иллирійскаго [2]).

Движеніе быстро разросталось и вскорѣ не замедлило перекинуться и въ политическую область. Со стороны хорватовъ все больше и больше начинаютъ

---

[1]) У южныхъ славянъ имѣется три обозначенія для слова „что“: „што“, „кай“ и „ча“. Сообразно съ этимъ они и дѣлятся на штокавцевъ, кайкавцевъ и чакавцевъ.

[2]) Для хорватовъ это наименованіе было издавна привычнымъ, какъ употребительное въ латинскомъ языкѣ; кромѣ того, у всѣхъ еще было живо воспоминаніе объ „иллирійской провинціи“, которая въ 1809 году была создана Наполеономъ (послѣ его паденія она была вновь раздроблена) изъ Каринтіи, Крайны, Истріи, Хорватіи, Далмаціи и Дубровника.

выставляться требованія о признаніи хорватскаго языка государственнымъ, объ учрежденіи особаго намѣстничества для Хорватіи и о присоединеніи къ ней Далмаціи, Босніи, Герцеговины и словенскихъ земель.

Въ этомъ духѣ и была выработана національно-политическая программа „иллирійцевъ“, на почвѣ которой началась энергичная дѣятельность. Въ 1848 году ландтагъ постановилъ ввести въ употребленіе хорватскій (иллирійскій) языкъ въ королевской академіи въ Загребѣ и во всѣхъ гимназіяхъ [1]). Но въ это время противъ иллирійскаго движенія, въ которомъ дѣятельное участіе принимали также и сербы, ужъ поднялась цѣлая буря въ мадьярской средѣ. По адресу вожаковъ посыпались обвиненія въ томъ, что они за русскія деньги служатъ идеѣ панславизма, что ихъ движеніе носитъ разрушительный для государства характеръ и пр. Въ качествѣ пугала для дворянъ выдвигался тотъ демократическій духъ, который господствовалъ въ иллирійской средѣ; чиновниковъ же застращивали тѣмъ, что въ случаѣ замѣны латинскаго языка иллирійскимъ, они потеряютъ свои мѣста. Благодаря этому въ 1841 году возникаетъ антииллирійская партія, естественно примкнувшая къ мадьярамъ и получившая за это прозвище партіи „мадьяроновъ“ (madjaronska stranka). Такимъ образомъ въ Хорватіи впервые образовались двѣ организованныя политическія партіи: иллирійская народная партія (narodna stranka) и „мадьяронская“ хорватско-венгерская партія (horvatsko-ugarska stranka). При дворѣ побѣду одержали мадьяры. Въ 1842 году баномъ былъ назначенъ завзятый мадьяръ Haller, а годъ спустя появился указъ короля Фердинанда, коимъ по-просту запрещалось всякое употребленіе словъ „Иллирія“, „иллирійскій“ и т. д.; они были замѣнены словами „хорватскій“, „хорваты“. Чтобы сломить національное движеніе хорватовъ, Галлеръ пустилъ въ ходъ въ самомъ широкомъ масштабѣ полицейскія репрессіи и жесточайшую цензуру; мадьяры, съ своей стороны, усиленно популяризировали въ цѣломъ рядѣ брошюръ свою историческую гипотезу о томъ, будто бы Хорватія была нѣкогда завоевана ими, лишь отъ нихъ получила свою конституцію и является поэтому простой провинціей Венгріи. Въ Загребѣ въ 1842 и 1845 годахъ дѣло доходило до кровавыхъ столкновеній между обѣими партіями. Національная партія, получивъ въ 1845 году въ ландтагѣ значительный перевѣсъ, предъявила королю рядъ требованій: во-первыхъ, чтобы загребская епархія была возведена на степень архіепископства, и чтобы, такимъ образомъ, была создана церковная организація, независимая отъ Венгріи; затѣмъ, чтобы былъ основанъ хорватскій университетъ, чтобы хорватскій языкъ былъ сдѣланъ обязательнымъ въ академіи и гимназіяхъ,

[1]) До того времени въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Хорватіи хорватскій языкъ не находилъ себѣ мѣста даже, какъ предметъ преподаванія; обученіе велось на латинскомъ языкѣ, а рядомъ съ нимъ изучались лишь нѣмецкій и мадьярскій языки.

чтобы существовавшій въ 1767—1779 г.г. въ Загребѣ совѣтъ бана былъ вновь возстановленъ въ качествѣ самостоятельнаго намѣстничества, чтобы, наконецъ, при канцеляріи короля въ Будапештѣ было учреждено особое отдѣленіе для Хорватіи.

Всѣ эти требованія привели только къ тому, что въ 1846 году въ загребской академіи была учреждена каѳедра хорватскаго языка. Но ландтагъ не отступалъ. Въ 1847 году онъ постановляетъ ввести въ употребленіе хорватскій языкъ на государственной службѣ, а также во всѣхъ школахъ Хорватіи.

Однако, обще-венгерскій ландтагъ въ Пресбургѣ въ это время уже всецѣло находился подъ вліяніемъ идей Людвига Кошута. Согласно съ его планами мадьярскій языкъ былъ объявленъ государственнымъ языкомъ для всей страны, и лишь во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ въ Хорватіи признанъ допустимымъ латинскій языкъ [1]). Интересно заявленіе самого Кошута, сдѣланное имъ при обсужденіи этого закона, что хорваты не являются самостоятельной націей.

* * *

Съ наступленіемъ 48-го года и совершившимся политическимъ переворотомъ въ Венгріи, хорватская народная партія, видя надвигающуюся опасность, съ тѣмъ большей энергіей принялась за осуществленіе своихъ давнишнихъ плановъ. При дворѣ ей удалось добиться назначенія баномъ Хорватіи одного изъ главныхъ вожаковъ хорватскаго движенія, барона Іосифа Елачича. Въ то же время она выработала слѣдующую программу для своей ближайшей дѣятельности: a) объединеніе всѣхъ частей Хорватіи; b) отвѣтственное національное правительство; c) постоянный ландтагъ для Хорватіи; d) уничтоженіе Военной Границы; e) обезпеченіе правъ хорватскаго языка въ школѣ, церкви и на государственной службѣ; f) освобожденіе крестьянъ отъ ѳеодальныхъ повинностей; g) хорватская армія подъ начальствомъ выборнаго главнокомандующаго.

Вновь назначенный банъ Елачичъ, стоя на почвѣ этой именно программы—о чемъ онъ ясно и недвусмысленно заявилъ въ своемъ воззваніи къ народу—тотчасъ же повелъ борьбу въ этомъ направленіи. Прежде всего онъ принялъ энергичныя мѣры противъ попытокъ венгерскаго министерства ввести въ Хорватіи мадьярскій языкъ и мадьярскій флагъ и гербъ. Затѣмъ онъ сдѣ-

---

[1]) Для Славоніи рейхстагъ назначилъ срокъ въ 6 лѣтъ, по истеченіи котораго и тамъ долженъ быть введенъ мадьярскій языкъ; въ Береговой Землѣ и Фіуме наряду съ мадьярскимъ былъ отчасти допущенъ и итальянскій языкъ. Для настроенія венгерскаго рейхстага въ то время особенно характерно постановленіе, въ силу котораго для перехода въ венгерское подданство обязательно знаніе мадьярскаго языка.

лалъ распоряженіе, чтобы правительственныя учрежденія Хорватіи не принимали ни отъ кого, кромѣ какъ отъ него самого, никакихъ предписаній и приказовъ, и этимъ ясно показалъ, что не признаетъ въ Хорватіи компетенціи венгерскаго министерства.

Національная идея южнаго славянства торжествовала побѣду. Однако и мадьяры не сложили оружія. Желая скомпрометировать Елачича, они распространяютъ слухи, что онъ, съ помощью Россіи, намѣревается завоевать австрійскую монархію и основать южно-славянское государство. А по настоянію венгерскаго министерства король назначаетъ генерала Грабовскаго своимъ особымъ уполномоченнымъ въ Хорватіи, который и отмѣняетъ всѣ распоряженія Елачича. Тѣмъ не менѣе перешагнуть границу Хорватіи Грабовскій не рисковалъ, такъ какъ его ждалъ уже тамъ приказъ объ арестѣ. Елачичъ былъ вызванъ въ Инсбрукъ, гдѣ послѣ бѣгства короля изъ Вѣны находилась королевская резиденція, но не поѣхалъ.

Собравшійся 5-го іюня хорватскій ландтагъ обратился къ королю съ просьбою передать бану также и военную власть и не допускать вмѣшательства мадьярскихъ чиновниковъ во внутреннія хорватскія дѣла. По поводу же законовъ, вотированныхъ пресбургскимъ рейхстагомъ, не были открыты даже дебаты и не приняты никакія рѣшенія. Вмѣсто этого ландтагъ сдѣлалъ самостоятельно два постановленія: объ освобожденіи крестьянъ и о всеобщемъ обложеніи. Далѣе, здѣсь же было высказано пожеланіе, чтобы Австрія была преобразована по швейцарскому образцу въ федеративное государство. Каждое отдѣльное государство, входящее въ ея составъ, должно имѣть свой отдѣльный ландтагъ и свое правительство; въ Вѣнѣ должно находиться обще-имперское министерство, вѣдающее военныя дѣла, финансы и торговлю, и отвѣтственное предъ центральнымъ парламентомъ, въ который посылаютъ своихъ представителей всѣ отдѣльныя части имперіи. Хорватія же должна включать въ себѣ всѣ земли, тянущіяся отъ рѣки Дравы до Адріатическаго моря.

10 іюня 1848 года король смѣстилъ Елачича и лишилъ его всѣхъ военныхъ чиновъ. Ландтагъ однако не сдался и въ отвѣтъ на это вручилъ Елачичу неограниченныя полномочія. Бывшій банъ сталъ, такимъ образомъ, форменнымъ диктаторомъ, тѣмъ болѣе могущественнымъ, что въ атмосферѣ необычайнаго національнаго энтузіазма были собраны значительныя денежныя средства для веденія войны. Такъ какъ мадьяры въ свою очередь готовились къ войнѣ и проводили свои планы въ Славоніи, силою оружія то и Елачичъ рѣшился открыть военныя дѣйствія, предварительно предъявивъ венгерскому министерству требованія хорватскаго ландтага, которыя заключали въ себѣ слѣдующіе пункты: военное министерство, равно какъ министерство финансовъ и иностранныхъ дѣлъ должно быть общее для всей монархіи; хорва-

тамъ должно быть предоставлено право употреблять повсюду, стало быть и въ обще-венгерскомъ парламентѣ, свой родной языкъ, и, наконецъ, должны быть удовлетворены требованія венгерскихъ сербовъ. На эти требованія послѣдовалъ отказъ. Но тѣмъ временемъ король ужъ вновь возстановилъ Елачича въ должности бана, венгерское министерство ушло въ отставку, и послѣ того, какъ назначенный на его мѣсто королевскій комиссаръ, графъ Ламберъ былъ убитъ въ Будапештѣ, на должность комиссара былъ назначенъ Елачичъ, облеченный всею полнотою власти и сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ командованіе всѣми войсками, расположенными въ Венгріи.

2 декабря на австрійскій престолъ вступилъ Францъ Іосифъ, и въ первый же день своего царствованія назначилъ Елачича губернаторомъ Фіуме и Далмаціи. Въ начавшейся вслѣдъ за этимъ войнѣ съ Венгріей, окончившейся побѣдою для Австріи, благодаря поддержкѣ русскаго оружія, хорваты стояли на сторонѣ габсбургской династіи и сражались рука объ руку съ австрійцами.

Революція была подавлена и венгерская конституція отмѣнена. Хорватія и Славонія вмѣстѣ съ Береговой Землей и Фіуме были поставлены въ независимое отъ Венгріи положеніе, и сверхъ того было обѣщано, что къ этимъ областямъ будетъ присоединена еще и Далмація.

Хорватская народная партія, не желавшая признавать центральный вѣнскій парламентъ, была недовольна новой конституціей; но несмотря на это она все же была распубликована Елачичемъ. Въ 1850 году король утвердилъ постановленія ландтага отъ 1848 г., и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Хорватіи было введено преподаваніе на хорватскомъ языкѣ.

Однако, уже въ 1851 году съ отмѣной конституціи 48-го года и возстановленіемъ абсолютистскаго режима съ ярко выраженными германизаторскими тенденціями, Хорватія опять лишается всѣхъ отвоеванныхъ ею національныхъ правъ, хорватскіе чиновники замѣняются нѣмцами, въ университетахъ снова вводится нѣмецкій языкъ, запрещается даже хорватскій флагъ.

Германизаторская дѣятельность австрійскаго министерства, а также преемника Елачича въ должности бана—Коронини,—породила въ Хорватіи глубокое недовольство и броженіе. Хорваты, такъ ярко доказавшіе свою вѣрность коронѣ, „получили въ награду то, чѣмъ были наказаны мадьяры“ (по ироническому замѣчанію одного мадьярскаго политика).

Нѣсколько измѣнилось положеніе въ 1860 году (октябрьскій дипломъ!). На постъ бана былъ назначенъ сторонникъ хорватской національной программы вице-маршалъ, Шокчевичъ, который былъ уполномоченъ королемъ немедленно опять ввести во всѣхъ школахъ хорватскій языкъ.

Національная идея вновь пробудилась къ жизни. По старому обычаю

банъ Шокчевичъ созвалъ совѣщаніе изъ политическихъ дѣятелей и видныхъ представителей науки и литературы, на которомъ было рѣшено отправить въ Вѣну депутацію для предъявленія королю слѣдующихъ требованій: 1) возстановленіе хорватскаго языка въ официальномъ дѣлопроизводствѣ; 2) присоединеніе къ Хорватіи Далмаціи, истрійскихъ острововъ и трехъ близъ-лежащихъ округовъ; 3) образованіе въ Вѣнѣ особаго учрежденія по дѣламъ Хорватіи и Славоніи; и 4) созданіе для Хорватіи и Славоніи спеціальной должности канцлера. Король пошелъ на встрѣчу этимъ требованіямъ. Онъ основалъ при дворѣ особое хорватское вѣдомство, предсѣдатель котораго долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ представлять Хорватію въ совѣтѣ министровъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внутренняго ея управленія, судопроизводства, культа и народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, за хорватскимъ языкомъ были признаны въ Хорватіи права государственнаго языка.

Однако торжество хорватовъ продолжалось недолго. Борьба между Венгріей и Австріей рѣшила и судьбу Хорватіи.

Наступилъ 1867 годъ, принесшій Венгріи конституцію независимости. Получивъ благодаря этому возможность совершенно самостоятельно распоряжаться судьбой Хорватіи, венгерскій ландтагъ въ томъ же году объявилъ эту провинцію неразрывной частью Венгерскаго государства, и правительство въ Будапештѣ немедленно приступило къ осуществленію реформы, грубо нарушая самыя элементарныя права хорватскаго народа. Хорватскій ландтагъ былъ распущенъ, всѣ національно-настроенные чиновники были смѣщены и замѣнены уніонистами [1]), національная партія подверглась жестокимъ преслѣдованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ введенъ новый избирательный законъ, благодаря которому, при усиленномъ давленіи со стороны правительственныхъ агентовъ, удалось провести въ хорватскій ландтагъ уніонистское большинство.

Мадьярскія притязанія были такъ непомѣрно велики, что даже уніонистамъ они показались непріемлемыми. Тѣмъ не менѣе, 24-го августа 1868 года соглашеніе съ Венгріей было, наконецъ, принято en bloc. Это было сдѣлано послѣ того, какъ представители національной партіи покинули ландтагъ, протестуя противъ всѣхъ постановленій этой палаты, „созванной незаконнымъ образомъ и въ противорѣчіи съ конституціей“.

Это такъ называемое „соглашеніе“, лежащее въ основѣ современнаго государственно-правового положенія Хорватіи [2]), заключалось между прочимъ въ

[1]) Бывшіе „мадьяроны“. Эта партія еще до 67-го года настаивала на безусловномъ союзѣ Хорватіи съ Венгріей.

[2]) Ст. XXX Закон. 1868 г. Впослѣдствіи соглашеніе измѣнено и дополнено ст. XXXIV Закон. 1873 г., LIV—1880 г. и XV—1881 г. Модификаціи эти коснулись главнымъ образомъ вопросовъ финансоваго управленія. Въ этомъ отношеніи права Хорватіи рѣзко отличаются отъ правъ коронныхъ земель въ Цислейтаніи. Несмотря на сравни-

слѣдующемъ. Хорватія, Славонія и Далмація образуютъ вмѣстѣ съ Венгріей и присоединенными къ ней землями *одно государственное цѣлое*, какъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ, такъ и къ самой Цислейтаніи. Венгрія обязывается выставить требованіе о возсоединеніи Далмаціи съ Хорватіей и Славоніей [1]). Городъ Фіуме съ окрестностями представляетъ собою separatum corpus corpnae и временно управляется Венгріей, при чемъ его права въ области законодательства и самоуправленія должны быть урегулированы совмѣстно венгерскимъ рейхстагомъ, хорватскимъ ландтагомъ и самимъ городомъ Фіуме. Во внутреннемъ управленіи, въ дѣлахъ культа, народнаго просвѣщенія и судопроизводства Хорватія и Славонія пользуются полной самостоятельностью. Всѣ же остальныя дѣла считаются *общегосударственными* и подлежатъ вѣдѣнію центральныхъ органовъ венгерскаго государства, т. е. рейхстага и кабинета министровъ. Хорватскій ландтагъ посылаетъ изъ своей среды 40 депутатовъ въ будапештскій рейхстагъ (кромѣ того трехъ въ верхнюю палату), которые, однако, въ обсужденіи дѣлъ, относящихся ко всѣмъ остальнымъ землямъ св. Стефана, участія принимать не могутъ. Въ преніяхъ депутаты отъ Хорватіи имѣютъ право пользоваться хорватскимъ языкомъ. Центральные органы обязаны при назначеніи чиновниковъ по дѣламъ Хорватіи отдавать предпочтеніе хорватамъ, а въ предѣлахъ самой Хорватіи языкомъ дѣлопроизводства этихъ центральныхъ учрежденій является исключительно хорватскій языкъ. Банъ, стоящій во главѣ автономнаго правительства, отвѣтственъ предъ хорватскимъ ландтагомъ и назначается королемъ; онъ номинируется, однако, венгерскимъ премьеръ-министромъ.

тельно широкую автономію въ области мѣстнаго законодательства и внутренняго управленія, въ финансовыхъ дѣлахъ Хорватія совершенно не пользуется самостоятельностью. Всѣ вопросы финансоваго характера рѣшаются венгерскимъ рейхстагомъ, а финансовое управленіе провинціи состоитъ въ вѣдѣніи *венгерскаго министра финансовъ*. Расходы Хорватіи фигурируютъ въ общегосударственномъ бюджетѣ Венгріи и, слѣдовательно, также вотируются рейхстагомъ. Нѣсколько ограничены права Венгріи въ томъ отношеніи, что эта бюджетная статья, въ отличіе отъ другихъ, *разъ на всегда фиксирована*: вначалѣ (соглашеніемъ 1868 г.) была установлена ежегодная круглая сумма въ 2.000.000 флориновъ, съ 1873 г. вмѣсто этой суммы для мѣстныхъ нуждъ Хорватіи постановлено выдавать 45% ея чистаго государственнаго дохода (ср. выше).

Прим. ред.

[1]) Этого условія, какъ впрочемъ и многихъ другихъ, Венгрія до сихъ поръ не привела въ исполненіе. Наоборотъ, когда въ 1905 г., благодаря заигрываніямъ венгерской коалиціи, искавшей поддержки хорватовъ въ борьбѣ съ Австріей, вопросъ этотъ снова всплылъ на поверхность и сдѣлался предметомъ политической демонстраціи въ хорватскомъ ландтагѣ, банъ счелъ долгомъ открыто заявить, что „отъ имени лояльнаго хорватскаго народа онъ строго осуждаетъ подобныя попытки, являющіяся посягательствомъ на единство и цѣльность монархіи, и что онъ будетъ ихъ подавлять всѣми предоставленными ему закономъ средствами“. Законъ, на который банъ сослался, разсматриваетъ эти преступленія какъ государственную измѣну, карaемую смертной казнью или, въ лучшемъ случаѣ, 10 годами каторжной работы.

Прим. ред.

Нечего и говорить, что въ странѣ это соглашеніе вызвало сильное недовольство и раздраженіе, и даже въ средѣ самыхъ умѣренныхъ элементовъ не встрѣтило сочувствія. Въ особенности недовольны остались хорваты слѣдующими пунктами: во-первыхъ, въ соглашеніи не было сдѣлано оговорки о томъ, что Хорватія и Венгрія—это два отдѣльныхъ государства, вступившихъ только въ федеративный союзъ; во-вторыхъ, такіе вопросы государственной важности, какъ опредѣленіе контигента новобранцевъ и т. п., рѣшавшіеся до сихъ поръ хорватскимъ ландтагомъ самостоятельно, теперь были поставлены въ зависимость отъ Венгріи; въ-третьихъ, Хорватія была совершенно лишена свободы дѣйствія въ сферѣ финансоваго управленія, торговли, путей сообщенія и другихъ важныхъ отраслей государственнаго хозяйства. И last not least, особенное негодованіе вызывалъ тотъ пунктъ, въ силу котораго банъ Хорватіи можетъ быть назначенъ лишь по предложенію и съ согласія венгерскаго премьеръ-министра, что въ сущности и сводило всѣ автономныя права Хорватіи къ нулю.

Политическіе дѣятели Хорватіи выступили съ протестомъ противъ этого соглашенія, доказывая его незаконномѣрность. Въ странѣ начались народныя волненія. Но всѣ усилія остались тщетными.

Оградить себя отъ тяжелыхъ ударовъ Венгріи хорваты уже были не въ силахъ.

Получивъ съ конституціей независимости полную власть надъ Хорватіей, венгерское правительство стало съ крайней жестокостью развивать здѣсь свою мадьяризаторскую дѣятельность, прибѣгая къ самымъ грубымъ средствамъ насилія и произвола. Помощью невѣроятныхъ злоупотребленій ему удалось подобрать себѣ въ ландтагѣ податливое большинство и превратить его такимъ образомъ въ покорное орудіе своей политики. Хорваты лишились почти всякой политической самостоятельности. Особой суровостью отличалась дѣятельность бана Куэна-Гедервари, правившаго Хорватіей въ теченіи 20 лѣтъ (1883 — 1903) и фактически превратившаго эту страну въ обыкновенную венгерскую провинцію.

Безпрестанное броженіе среди хорватскихъ массъ, закончившееся въ 1903 г. крупными безпорядками, заставило правительство нѣсколько измѣнить здѣсь свою систему мадьяризаціи. Однако стремленіе мадьяръ создать единое мадьярское государство,—стремленіе, являющееся главнымъ стимуломъ современной политической жизни Венгріи, какъ дамокловъ мечъ виситъ надъ судьбой Хорватіи, сильно нарушая нормальное развитіе хорватскаго народа.

2. Сербы.

Первые сербскіе поселенцы появились въ Венгріи, Хорватіи и Славоніи въ 1389 году, послѣ паденія сербскаго царства, откуда они бѣжали въ большомъ количествѣ. Здѣсь они получили отъ королей широкія привилегіи, обезпечившія имъ свободу исповѣданія и освобожденіе отъ королевскихъ повинностей, а также самостоятельное политическое управленіе. Къ 1600 году весь югъ Венгріи и значительная часть Хорватіи и Славоніи были заселены сербами, охранявшими съ оружіемъ въ рукахъ границу государства отъ турецкихъ нашествій. Наиболѣе значительный притокъ сербскихъ поселенцевъ относится, однако, къ 1690 году, когда около 40.000 сербскихъ семействъ подъ предводительствомъ патріарха Арсенія Черноевича переселились въ Венгрію и размѣстились по всему юго-западу страны. Императоръ Леопольдъ VI видѣлъ въ сербахъ серьезную силу, на которую онъ могъ опереться въ своей борьбѣ, какъ съ турками, такъ и съ венгерскими магнатами, и далъ имъ (21 августа 1690 г.) весьма значительныя привилегіи, которыя распространялись не на однихъ лишь новыхъ поселенцевъ, но и на всѣхъ членовъ „райцевской (сербской) націи православнаго исповѣданія“. Сербы были признаны *политической* націей и получили автономную церковную организацію съ архіепископомъ во главѣ, избиравшимся національнымъ конгрессомъ. Этотъ конгрессъ, въ который входили представители духовнаго и свѣтскихъ сословій, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ сербскимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ какъ духовныя, такъ и свѣтскія ихъ дѣла. Далѣе за сербами было обезпечено право употребленія ихъ стараго календаря. Они были также освобождены отъ уплаты десятины и многихъ другихъ повинностей. На эти именно привилегіи и опираются нынѣшнія національно-политическія требованія сербовъ.

Такъ какъ мадьяры были чрезвычайно недовольны этимъ привилегированнымъ положеніемъ сербовъ и отказывались даже признать ихъ венгерскими подданными, то сербы были подчинены непосредственно вѣнскому правительству; до 1746 года ихъ дѣлами управляетъ такъ называемый коронный военный совѣтъ, а затѣмъ иллирійская коронная канцелярія.

Лишь въ 1791 году венгерскій ландтагъ предоставилъ, наконецъ, православнымъ подданнымъ Венгріи полныя гражданскія права. Сербы получили, такимъ образомъ, возможность пріобрѣтать и владѣть недвижимой собственностью, занимать государственныя должности, свободно исповѣдывать свою религію и распоряжаться своими церковными имуществами.

Но новое положеніе не совсѣмъ удовлетворило сербовъ. Уже не говоря

о томъ, что государство не признавало ихъ политической націей, и права ихъ языка не были обезпечены, отнынѣ и компетенція ихъ національныхъ конгрессовъ была значительно съужена. Кругъ ихъ дѣятельности былъ ограниченъ исключительно церковными, школьными и благотворительными дѣлами, занятіе же политическими вопросами конгрессамъ строго воспрещалось.

Однако съ полученіемъ гражданскаго равноправія сербы начали быстро успѣвать въ области хозяйственной жизни. Вся торговля южной Венгріи перешла въ ихъ руки, благосостояніе ихъ быстро росло, и благодаря этому сербскій народъ получилъ возможность тратить крупныя средства на созданіе народныхъ школъ, гимназій, учительскихъ и духовныхъ семинарій, монастырей и церквей, оказывать дѣятельную поддержку родной литературѣ и, такимъ образомъ, всячески содѣйствовать развитію національной жизни и подъему своего національнаго самосознанія [1]).

Послѣ революціи 1848 года сербы не замедлили воспользоваться благопріятной ситуаціей, чтобы добиться признанія своей національности и обезпечить за собой національно-политическую автономію. Съ этими требованіями они обратились прежде всего къ венгерскому правительству и венгерскому ландтагу, гдѣ натолкнулись однако на энергичный отпоръ. Тогда сербы примкнули къ хорватамъ и повели свою борьбу рука объ руку съ ними.

14 апрѣля собрался въ Карловицахъ національный конгрессъ, потребовавшій образованія отдѣльнаго *сербскаго воеводства*, которое, оставаясь въ тѣсной связи съ „хорватскими братьями, единокровными и единоплеменными“, охватило бы тѣ округа, гдѣ сербы составляютъ большинство населенія. Сербскій воевода долженъ быть избираемъ ландтагомъ въ Загребѣ (столицѣ Хорватіи). Высшей же инстанціей въ школьныхъ и церковныхъ дѣлахъ долженъ оставаться по-прежнему національный конгрессъ въ Карловицахъ. 13-го мая конгрессъ собрался вновь, и на этотъ разъ въ немъ приняли участіе также и представители хорватовъ. На этомъ конгрессѣ архіепископъ Іосифъ Раячичъ былъ избранъ сербскимъ патріархомъ, а комендантъ Стефанъ Шуплійкацъ возведенъ въ званіе сербскаго воеводы. Хорваты съ баномъ Елачичемъ во главѣ повели при дворѣ усиленную кампанію въ пользу сербскихъ требованій, и 15 декабря 1848 года императорскій манифестъ далъ формальную санкцію сербскому воеводству [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ самостоятельномъ развитіи сербской народности въ Венгріи большую роль сыграло то обстоятельство, что, начиная съ 1743 года, положеніе сербскаго архіепископа стало совершенно независимымъ отъ константинопольскаго патріарха. Состоя предсѣдателемъ національнаго конгресса, архіепископъ являлся такимъ образомъ главою національнаго самоуправленія.

[2]) Въ конституцію 1848 года была включена между прочимъ слѣдующая статья (§ 72): „За сербскимъ воеводствомъ обезпечиваются тѣ учрежденія, которыя служатъ

Императоръ принялъ титулъ великаго воеводы; глава мѣстной администраціи долженъ былъ именоваться вице-воеводой. Воеводство охватывало Темешскій Банатъ, къ которому принадлежали комитаты Темешъ, Торонталъ и Крассо, Бачка и округа Рума и Иллокъ въ Зріемѣ. Столицей этой новой коронной земли былъ избранъ Темешваръ.

Возобновленіе абсолютистскаго режима должно было, конечно, отразиться и на сербскомъ воеводствѣ. Вѣнское правительство, вернувшись опять къ системѣ строгой централизаціи, лишило и сербовъ предоставленной имъ политической автономіи. Въ Будапештѣ же давно уже установилось мнѣніе, что образованіе этой коронной земли является нарушеніемъ правъ Венгріи.

И какъ только былъ осуществленъ дуализмъ, мадьяры сейчасъ же поспѣшили уничтожить всѣ слѣды, могущіе напомнить о существованіи самостоятельнаго сербскаго воеводства.

Съ этого момента исторія сербовъ, живущихъ въ Хорватіи и Славоніи, сливается съ исторіей хорватскаго народа. Что же касается сербовъ, живущихъ въ предѣлахъ самой Венгріи, то отъ ихъ прежней автономіи осталась только та *церковная организація*, которая была санкціонирована закономъ 1868 г.

Организація эта построена на слѣдующихъ началахъ:

Высшая церковная власть принадлежитъ синоду епископовъ, состоящему изъ карловицкаго патріарха и шести епархіальныхъ епископовъ и являющемуся высшей инстанціей въ вопросахъ богослужебнаго, каноническаго и церковно-дисциплинарнаго характера. [1])

Наряду съ синодомъ епископовъ для завѣдыванія свѣтскими дѣлами церкви, а также школами и благотворительными учрежденіями существуетъ „церковный съѣздъ“ (црквена народна скупштина), собирающійся въ Карловицахъ и засѣдающій—какъ и синодъ — подъ предсѣдательствомъ патріарха. Національный церковный съѣздъ состоитъ изъ тѣхъ же епископовъ, 25 духовныхъ и 50 свѣтскихъ выборныхъ членовъ, которые избираются на основаніи спеціальнаго порядка, установленнаго самимъ же съѣздомъ [2]).

Во главѣ всего школьнаго дѣла стоитъ такъ называемый высшій школьный совѣтъ, избираемый съѣздомъ изъ среды его членовъ; для веденія церковно-административныхъ дѣлъ съѣздомъ также избирается такъ называемый „митрополичій совѣтъ“. Кромѣ того, въ каждой епархіи дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ епископа консисторія, административная комисія и комисія по школьнымъ дѣламъ.

Избраніе патріарха производится церковнымъ съѣздомъ и восходитъ затѣмъ на

сохраненію церковнаго единства сербовъ и ихъ національности... Соединеніе воеводства съ какой-либо иной коронной землей имперіи можетъ произойти въ силу спеціальнаго законодательнаго акта и по соглашенію между представителями этихъ двухъ провинцій“.

[1]) Подчиненныя нѣкогда патріарху румынскія епархіи изъяты изъ его вѣдѣнія; сербскія епархіи въ Далмаціи также изъяты изъ его компетенціи и подчинены черновицкому архіепископу (въ Буковинѣ).

[2]) Организаціонные статуты „греко-православнаго сербскаго“ національнаго съѣзда утверждены королемъ въ 1875 году.

утвержденіе верховной власти; епископы избираются синодомъ и также утверждаются королемъ. Низшее духовенство избирается церковными общинами и санкціонируется консисторіей.

Со времени уничтоженія воеводства автономія сербовъ замыкается, такимъ образомъ, тѣсными рамками религіозно-культурныхъ вопросовъ. Но въ сербской средѣ и понынѣ не угасло еще стремленіе найти болѣе прочную опору для церковной автономіи и расширить ея границы, чтобы такимъ образомъ съ наибольшей успѣшностью обезпечить развитіе сербской національности. Въ этихъ стремленіяхъ съ сербами, живущими въ Венгріи, сходятся также ихъ единоплеменники, населяющіе другія земли Габсбургской монархіи [1]).

3. Словенцы.

Въ исторіи словенскаго народа нѣтъ такого момента, когда бы онъ обладалъ самостоятельной государственной организаціей и велъ самостоятельную политическую жизнь. Онъ безпрестанно находится подъ чужеплеменнымъ владычествомъ и, раздробленный между цѣлымъ рядомъ государствъ и провинцій, влачитъ жалкое національное существованіе. Территорія, занимаемая словенцами, съ теченіемъ времени все болѣе сокращалась. На сѣверѣ значительная часть ихъ онѣмечилась, на востокѣ произошелъ въ крупныхъ размѣрахъ процессъ мадьяризаціи, съ запада въ словенскую область глубоко врѣзались нѣмцы и итальянцы; наконецъ, вдобавокъ ко всему этому, на всемъ протяженіи словенской территоріи создались нѣмецкія колоніи, сильно разлагавшія словенскую національную жизнь. Географическое положеніе словенскаго народа создавало величайшія препятствія для единообразнаго и цѣлостнаго развитія этой націи. Словенецъ, живущій на берегахъ Дравы или Мура, отдѣленъ отъ своихъ остальныхъ соплеменниковъ высокими, трудно-переходимыми горами; словенцы, живущіе по рѣкѣ Сочѣ, также отрѣзаны отъ ядра словенскаго населенія, въ то время, какъ итальянцы и нѣмцы имѣютъ къ нему свободный доступъ, одни съ юга, другіе съ сѣвера.

[1]) Ср. выше.—Движеніе въ пользу объединенія всѣхъ населенныхъ сербами земель Австро-Венгріи и образованія вмѣстѣ съ нынѣшней Сербіей и Черногоріей единаго сербскаго государства наблюдается (въ предѣлахъ Австро-Венгріи) главнымъ образомъ среди сербовъ Босніи и Герцеговины. Въ Хорватіи идея „Великой Сербіи“ имѣетъ сравнительно мало приверженцевъ. Она утилизируется здѣсь скорѣе всего самимъ венгерскимъ правительствомъ въ цѣляхъ его мадьяризаторской политики. Политическими процессами и цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ оно намѣренно раздуваетъ велико-сербское движеніе въ Хорватіи, надѣясь, такимъ образомъ, съ одной стороны посѣять вражду между сербами и хорватами, а съ другой—создать поводъ для усиленныхъ репрессій по отношенію къ самой Хорватіи. *Прим. ред.*

Вполнѣ понятно поэтому, что отдѣльные словенскіе дѣятели, выступавшіе при столь тяжелыхъ условіяхъ въ защиту интересовъ своего народа, выдвигали не столько идею словенской націи, сколько обще-славянскую идею и связывали свои надежды на національное возрожденіе словенцевъ съ ростомъ силы и значенія славянства вообще. Въ этомъ именно духѣ высказывалась уже первая словенская политическая газета „Ljubljanske Novice“ (1797—1800 г.г.). Вполнѣ понятно также, что образованіе при Наполеонѣ Первомъ упомянутой уже выше Иллирійской провинціи было встрѣчено словенскими патріотами съ величайшей радостью. Въ этой провинціи, между прочимъ, получилъ нѣкоторыя права гражданства и словенскій языкъ, сдѣлавшійся языкомъ преподаванія въ народныхъ школахъ. Послѣ паденія Наполеона и раздробленія Иллиріи на отдѣльныя части, вновь отошедшія къ различнымъ короннымъ землямъ, словенцы опять лишились полученныхъ ими правъ.

Раздробленное въ политическомъ отношеніи, лишенное общей церковной организаціи, словенское населеніе отдѣльныхъ коронныхъ земель ставило себѣ различныя задачи, обнаруживало различныя стремленія, и провинціальный сепаратизмъ нанесъ чувствительный ущербъ чувству національнаго единства.

Иллирійское движеніе, о которомъ мы уже говорили выше, вызвало нѣкоторый поворотъ въ средѣ наиболѣе чуткихъ элементовъ словенскаго общества. Если попытки насажденія среди словенцевъ „иллирійскаго языка“ и не имѣли успѣха, то все же подъ воздѣйствіемъ иллиризма началось литературное и культурное движеніе, носившее ярко выраженную національную окраску. Но выдвинуть опредѣленную національно-политическую программу словенцы еще не были въ состояніи. Какъ указаніе на общую духовную связь всѣхъ словенцевъ, вошелъ въ употребленіе, начиная съ 1844 года, терминъ *Словенія*, съ которымъ, однако, въ то время не связывалась еще никакая конкретная политическая цѣль.

Лишь освободительное движеніе 1848 года вдохнуло новую жизнь въ среду словенской націи. Проснувшееся національное сознаніе толкнуло наконецъ словенцевъ къ выставленію политическихъ требованій, нашедшимъ себѣ выраженіе въ двухъ основныхъ пунктахъ: a) единая Словенія и b) равноправіе словенскаго языка въ школѣ и во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Небезынтересно отмѣтить, что единство Словеніи понималось словенцами чисто *территоріально*, несмотря на то, что они почти повсюду, за исключеніемъ Крайны, составляли меньшинство населенія. Наиболѣе отчетливо было формулировано это требованіе въ адресѣ, представленномъ императору словенцами города Граца: „мы желали бы, чтобы словенская территорія, раздробленная нынѣ по тремъ губерніямъ—лайбахской, грацской и тріестской, — была выдѣлена въ особую коронную землю, которая носила

бы названіе Словеніи и обладала отдѣльнымъ ландтагомъ". Въ октроированной (4 марта 1849 г.) обще-имперской конституціи, требованіе словенцевъ было, казалось, недалеко отъ осуществленія. Въ § 1 въ числѣ коронныхъ земель Австріи фигурировало между прочимъ „королевство Иллирія, состоящее изъ герцогства Крайны и Каринтіи, графства Гёрцъ и Градиска, маркграфства Истріи и города Тріеста съ его окрестностями". Въ составъ этой новой провинціи не вошла только Штирія, тоже населенная словенцами, а также венгерскіе и венеціанскіе словенцы.

Но радость словенскаго народа оказалась весьма кратковременной. Съ отмѣной конституціи „Королевство Иллирія" распалось. Централизмъ былъ возстановленъ во всей своей силѣ. И въ общей борьбѣ австрійскихъ національностей, опиравшихся на свои *историческія* права, идея единой Словеніи мало могла разсчитывать на сочувствіе и поддержку. Борьба за автономію „исторически-сложившихся государственныхъ организмовъ" плохо вязалась со стремленіемъ создать новую—словенскую—коронную землю, для которой потребовалось бы разбить „историческія территоріи".

Дальнѣйшее развитіе Габсбургской монархіи привело, между тѣмъ, словенскую народность къ еще бо́льшему раздробленію. Благодаря присоединенію Венеціи къ Италіи, около 40.000 словенцевъ очутились совершенно за предѣлами Австро-Венгріи. Съ установленіемъ дуализма свыше 100.000 словенцевъ подпало подъ власть мадьяръ. Первый пунктъ національной программы словенцевъ оказался такимъ образомъ болѣе далекимъ отъ осуществленія, чѣмъ когда бы то ни было.

Съ тѣмъ большей энергіей словенцы повели борьбу за осуществленіе второго пункта ихъ національно-политической программы, который въ сущности одинъ только и имѣетъ реальное значеніе въ современной словенской политикѣ.

Однако мысль о единой Словеніи по-прежнему продолжаетъ жить въ словенской средѣ, и служитъ главнымъ базисомъ ея политическихъ группировокъ. Большинство словенскихъ политическихъ партій по-прежнему стоитъ за соединеніе всѣхъ населенныхъ словенцами коронныхъ земель или ихъ отдѣльныхъ частей въ одну автономную провинцію. Мнѣнія расходятся только въ вопросѣ о географическихъ границахъ будущей „объединенной Словеніи". Съ 1898 года вновь выплыла наружу, уже и раньше отъ времени до времени выдвигавшаяся идея о присоединеніи словенскихъ территорій къ Хорватіи, родственной словенцамъ по языку и религіи.

Новѣйшая формула, подъ знакомъ которой ведется борьба, сводится къ требованію *національной* автономіи, въ противовѣсъ идеѣ автономіи

„коронной земли“. При разбросанности словенскаго населенія, образующаго большинство въ одной только Крайнѣ, эта болѣе широкая база для политическаго объединенія словенской націи, станетъ, надо полагать, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи прочной опорой для словенской національной программы.

Professor Dr. Ivan Krek.

Любляна (Лайбахъ).

НѢМЦЫ ВЪ ВЕНГРІИ.

Среди народностей, населяющихъ Венгрію, нѣмцы [1]) занимаютъ совершенно своеобразное положеніе. Они разселены по всей странѣ то болѣе, то менѣе густыми массами, и сосредоточены преимущественно въ городахъ и мѣстечкахъ. Благодаря тому, что они соприкасаются со всѣми національными группами Венгріи, положеніе ихъ въ различныхъ частяхъ страны совершенно различно, въ зависимости отъ той или иной окружающей ихъ среды. При этомъ они разсѣяны не только въ пространствѣ, но, если можно такъ выразиться, и во времени, ибо появлялись въ странѣ въ различныя эпохи и при различныхъ условіяхъ, и въ своей дальнѣйшей жизни шли неодинаковыми историческими путями [2]).

Среди венгерскихъ нѣмцевъ слѣдуетъ поэтому различать нѣсколько группъ, отличающихся одна отъ другой и исторически—по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ совершалась иммиграція и разселеніе каждой изъ нихъ, и по своему экономическому укладу, и по уровню образованія, и по вѣроисповѣданію, и наконецъ, по степени развитія національнаго ихъ самосознанія. Такихъ группъ четыре.

Первая, исторически старшая нѣмецкая группа населяетъ *западную Венгрію* въ количествѣ около 400.000 и распредѣляется главнымъ образомъ по комитатамъ Эйзенбургъ, Эденбургъ, Визельбургъ и Пресбургъ. По сравненію со всѣми остальными своими венгерскими соплеменниками, западновенгерскіе нѣмцы пользуются однимъ важнымъ преимуществомъ, въ которомъ можно видѣть особую гарантію для сохраненія ихъ національной иидивидуальности: они заселяютъ сплошную территорію, вдобавокъ прилегающую къ обширной нѣмецкой области Штиріи и Нижней Австріи. Хотя и на этой территоріи имѣется множество хорватскихъ оазисовъ, происхожденіе

---

[1]) Общее количество нѣмцевъ въ Венгріи составляло въ 1890 г. 2.107.577 (12,1% всего венгерскаго населенія), а въ 1900 г.—2.135.181 (11,1%).

[2]) Первая большая волна нѣмецкихъ поселенцевъ хлынула въ Венгрію въ періодъ между XI и XIV столѣтіемъ. Эти поселенцы основывали города и деревни, несли въ страну просвѣщеніе и христіанскую вѣру и пользовались за это королевской защитой и особыми привилегіями. Имъ-то и обязана главнымъ образомъ своей культурой Венгрія. Вплоть до XIX столѣтія ремесла, торговля, словомъ вся городская жизнь въ Венгріи носила преимущественно нѣмецкій характеръ. Новая полоса нѣмецкой эмиграціи начинается въ XVII столѣтіи, послѣ изгнанія турокъ, и продолжается до XIX столѣтія, достигая особенно большихъ размѣровъ при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II.

которыхъ относится еще къ турецкой эпохѣ (когда бѣжавшіе изъ Босніи хорваты селились здѣсь въ совершенно опустошенныхъ турками мѣстахъ), но эти иноязычные элементы не представляютъ для нѣмцевъ опасности и постепенно растворяются въ ихъ средѣ.

Хуже всего обстоитъ дѣло со второй, *сѣверо-венгерской* группой, и это несмотря на то, что въ сѣверной Венгріи нѣмцы имѣютъ за собой блестящее прошлое.

Въ средніе вѣка широкая полоса нѣмецкаго населенія (пролегавшая по серединѣ между словаками и мадьярами) тянулась отъ Пресбурга до Кашау и Эперіеса. Почти всѣ города верхней Венгріи нѣмецкаго происхожденія, и многіе изъ нихъ, въ настоящее время болѣе или менѣе ословачившіеся, сохраняли еще вплоть до XIX вѣка свой нѣмецкій характеръ. Въ деревняхъ также существовало многочисленное нѣмецкое населеніе. Однако въ силу цѣлаго ряда неблагопріятныхъ историческихъ условій нѣмцы начинаютъ утрачивать здѣсь свое культурное и экономическое вліяніе и терпятъ значительный уронъ. Въ эпоху господства мадьярской аристократіи, особенно въ XV столѣтіи, въ богатые нѣмецкіе города проникаютъ мадьяры и постепенно вытѣсняютъ оттуда нѣмецкое бюргерство. Затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ тяжелые удары, оставляющіе глубокіе слѣды въ развитіи нѣмецкаго населенія: турецкія войны въ XVI и XVII столѣтіяхъ, преслѣдованія протестантовъ (нѣмцы въ Венгріи и Трансильваніи приняли въ XVI столѣтіи почти всѣ лютеранство), паденіе горнаго дѣла, ослабленіе торговли съ Востокомъ и, наконецъ,—уже въ XIX столѣтіи,—гибель нѣкогда процвѣтавшаго мелкаго производства, бывшаго всецѣло въ рукахъ нѣмцевъ. Ко всему этому во 2-й половинѣ XIX вѣка присоединяется принудительная мадьяризація населенія, въ результатѣ которой нѣмецкая интеллигенція совершенно отрывается отъ своего народа.

Благодаря этимъ историческимъ катастрофамъ отъ нѣкогда столь прочныхъ національныхъ позицій нѣмцевъ теперь остались одни лишь воспоминанія. Во всей сѣверной Венгріи существуетъ теперь всего только 85 нѣмецкихъ общинъ, насчитывающихъ 87.343 человѣка нѣмецкаго населенія. Остальные же 220.000 человѣкъ, говорящихъ на нѣмецкомъ языкѣ, разбросаны въ краѣ мелкими группами, среди которыхъ находится не малое количество евреевъ [1]).

---

[1]) И въ другихъ частяхъ Венгріи въ числѣ нѣмцевъ фигурируетъ много евреевъ. Надо однако замѣтить, что евреи быстро „мадьяризуются“. Изъ 851.734 венгерскихъ евреевъ около 75% указали въ 1900 году мадьярскій языкъ, какъ родной. Въ предыдущіе же годы въ ихъ средѣ преобладалъ нѣмецкій языкъ. Этимъ, очевидно, въ значительной мѣрѣ объясняется относительная убыль нѣмецкаго населенія въ Венгріи въ сравненіи съ 1890 г. *Прим. ред.*

Сѣверо-венгерскіе нѣмцы сильно подвержены процессу ассимиляціи, которому оказываютъ лишь ничтожное противодѣйствіе. Интеллигенція въ городахъ сливается съ мадьярами; масса же нѣмецкаго населенія, огражденная отъ мадьярской опасности облегающимъ ее кольцомъ славянъ,—словаками и отчасти русинами,—подвергается воздѣйствію этихъ послѣднихъ. Выселеніе нѣмецкаго элемента и притокъ идущихъ ему на смѣну славянскихъ поселенцевъ въ значительной мѣрѣ усиливаетъ эти ассимиляціонныя тенденціи.

Третья нѣмецкая группа, такъ называемые трансильванскіе саксонцы (Siebenbürger Sachsen) живетъ среди румынъ или въ сосѣдствѣ съ ними. Эта часть венгерскихъ нѣмцевъ тоже образуетъ рядъ отдѣльныхъ, разбросанныхъ группокъ и не представляетъ единой сплоченной массы. Но если она и занимаетъ по своей численности послѣднее мѣсто среди всѣхъ венгерскихъ нѣмцевъ (въ Трансильваніи ихъ было въ 1890 г.—218.000, въ 1900 г.—233.019 т. е. 9,4% всего населенія края), то она идетъ въ другихъ отношеніяхъ впереди ихъ. Вся общественная организація трансильванскихъ саксонцевъ, ихъ церковная и культурная жизнь издревле строилась на чисто-національныхъ началахъ, благодаря чему они оказались въ силахъ оказать успѣшное противодѣйствіе мадьяризаторскимъ стремленіямъ. Школа находится у нихъ въ цвѣтущемъ состояніи. Они образуютъ самостоятельную епархію и имѣютъ собственнаго епископа. Кромѣ того, въ ихъ рукахъ находятся едва ли не всецѣло городскіе муниципалитеты и комитатское управленіе. Благодаря высокому уровню образованности и матеріальной обезпеченности, они (при существующей избирательной системѣ!) насчитываютъ въ венгерскомъ рейхстагѣ 14 депутатовъ. Надо впрочемъ замѣтить, что въ національныхъ вопросахъ депутаты эти держатся тамъ совершенно пассивно.

Это благопріятное политическое положеніе саксонцевъ, такъ не гармонирующее съ ихъ малочисленностью, объясняется отчасти и тѣмъ, что до 1848 г. они еще являются „господствующей націей“ въ Трансильваніи, а въ дѣлахъ культурныхъ понынѣ сохранили свое особое самоуправленіе, котораго не имѣютъ нѣмцы остальныхъ частей Венгріи [1]).

---

[1]) Органомъ самоуправленія трансильванскихъ саксонцевъ является такъ называемый „національный университетъ“ (Nations-Universität)—единственное учрежденіе, оставшееся имъ отъ прежнихъ ихъ политическихъ привилегій, крайне урѣзанное въ своихъ прерогативахъ. До 1848 г. Великое Княжество Трансильванія, пользовавшееся полной государственной самостоятельностью, дѣлилось въ политическомъ отношеніи на три части: на территорію мадьяръ, территорію секлеровъ и на территорію саксонцевъ (Sachsenland). Мадьяры, секлеры и саксонцы считались (по отношенію къ большинству населенія Трансильваніи—къ румынамъ, не имѣвшимъ никакихъ политическихъ правъ) „господствующими націями“ и представляли собою три самоуправляющихся единицы съ отдѣльными ландтагами и особыми политическими привилегіями.

Наконецъ, четвертую группу венгерскихъ нѣмцевъ, насчитывающую свыше милліона человѣкъ, образуютъ такъ-называемые „швабы“, живущіе на югѣ (среди сербовъ и отчасти въ сосѣдствѣ съ румынами) и въ центрѣ страны. Послѣ изгнанія турокъ они были призваны сюда Габсбургами для заселенія опустѣвшаго послѣ турецкаго нашествія края. Швабы представляли собою по преимуществу крестьянскій элементъ. Ихъ переселеніе въ Венгрію продолжается съ конца XVII вплоть до начала XIX столѣтія. Въ цѣляхъ болѣе широкаго воздѣйствія на мѣстное населеніе, новые поселенцы были разселены небольшими колоніями вперемежку съ другими народностями. Но благодаря своему экономическому превосходству, имъ удалось вскорѣ овладѣть цѣлымъ рядомъ городовъ, либо вытѣсняя мало-по-малу прежнее населеніе, либо оставляя его въ меньшинствѣ.

Хотя всѣ эти группы венгерскихъ нѣмцевъ, особенно же нѣмцы южной Венгріи, и пользовались долгое время особымъ покровительствомъ короны, но отдѣльной политической организаціи (кромѣ трансильванскихъ саксонцевъ) они не имѣли, и были до 1848 г. подчинены комитатскимъ властямъ, бывшимъ простымъ орудіемъ въ рукахъ господствовавшей мадьярской аристократіи, единственнаго въ то время политически-правоспособнаго слоя. Нѣмецкая буржуазія въ разсѣянныхъ по всей странѣ вольныхъ королевскихъ городахъ, несмотря на свои сравнительно автономныя права, тоже была лишена всякой политической иниціативы и, поскольку это допускали ея экономическіе интересы, во всемъ опиралась на мадьярскую аристократію.

Духовная связь съ нѣмецкой культурой постоянно поддерживалась, но о ясно-выраженномъ національномъ самосознаніи не приходилось говорить уже потому одному, что до 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія и въ рейхстагѣ, и въ комитатахъ, и въ судебныхъ учрежденіяхъ господствовалъ латинскій языкъ. Нѣмецкій же языкъ, этотъ офиціальный языкъ домартовскаго абсолютизма и послѣ-мартовскаго германизаторскаго

Лишь въ 1868 году, съ фактическимъ включеніемъ Трансильваніи въ составъ венгерскаго королевства и полнымъ упраздненіемъ прежнихъ „территорій“, саксонцы окончательно теряютъ свои привилегіи и свою политическую самостоятельность. Только въ области школы и вопросахъ народнаго просвѣщенія имъ были оставлены нѣкоторыя автономныя права, закрѣпленныя въ лицѣ „національнаго университета“. Это представительное учрежденіе, облеченное также и функціями административнаго характера, состоитъ изъ 20 членовъ, избираемыхъ на три года населеніемъ бывшей саксонской территоріи, раздѣленной для этой цѣли на 18 избирательныхъ округовъ. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ обладающіе цензомъ для выборовъ въ венгерскій рейхстагъ. Собранія „университета“ происходятъ только разъ въ годъ подъ предсѣдательствомъ высшаго представителя власти германнштадтскаго комитата (въ которомъ сосредоточено большинство нѣмецкаго населенія Трансильваніи) и всѣ его постановленія идутъ на разсмотрѣніе венгерскаго министерства въ Будапештѣ. Кругъ вѣдѣнія „университета“ окончательно опредѣленъ ст. XII Закон. 1876 г. *Прим. ред.*

режима, мадьяры ненавидѣли и пользованіе имъ считалось измѣной венгерскому патріотизму.

Мало могло содѣйствовать національному самосознанію венгерскихъ нѣмцевъ и возстаніе 1848 г., ибо оно представлялось въ то время не столько національнымъ дѣломъ, сколько вообще борьбой за свободу и прогрессъ. Этимъ и объясняется то горячее участіе, которое принимали въ немъ нѣмцы въ Венгріи. Только трансильванскіе саксонцы, пользовавшіеся до 1867 г. широкой автономіей, съ полнымъ основаніемъ опасались присоединенія ихъ страны къ Венгріи, и держали сторону императора.

Послѣ подавленія венгерской революціи кровавая месть австрійскаго абсолютизма обрушилась на участвовавшихъ въ возстаніи нѣмцевъ столь же жестоко, какъ и на мадьяръ. И потому австрійская политика, при всемъ своемъ германизаторскомъ характерѣ не могла стимулировать развитія національнаго сознанія венгерскихъ нѣмцевъ.

Когда послѣ Мадженто и Сольферино мадьяры вновь подняли борьбу за возстановленіе конституціи и повели аттаку противъ попытки Шмерлинга облечь централизмъ въ конституціонную форму, то въ поискахъ за союзниками они не скупились на всевозможныя обѣщанія и щедро сулили различнымъ народностямъ національное равноправіе. Это оказало свое дѣйствіе и на хорватовъ, и на сербовъ, но всѣхъ больше прельстились мадьярскими обѣщаніями нѣмцы. И дѣйствительно, послѣ осуществленія дуализма они заняли во вновь получившемъ свою самостоятельность венгерскомъ королевствѣ, и особенно въ заново съорганизованной бюрократіи, въ которой они составляли наиболѣе цѣнный элементъ, самое выдающееся мѣсто. Но именно благодаря этому они слишкомъ часто забывали о своемъ нѣмецкомъ происхожденіи и добровольно, изъ ложно понятаго чувства патріотизма начали считать себя мадьярами, мадьяризовали свои семейства и своихъ дѣтей.

Изданный во исполненіе прежде данныхъ обѣщаній законъ о равноправіи національностей (1868 г.) особенно благожелательно примѣнялся по отношенію къ нѣмцамъ, „патріотизмъ“ которыхъ поощрительно подчеркивался и прекрасно утилизировался (особенно при выборахъ въ рейхстагъ) мадьярами въ ихъ борьбѣ противъ остальныхъ венгерскихъ національностей, несравненно болѣе стойко державшихся своего родного языка, своей религіи и культуры. Мало по малу нѣмецкое населеніе въ Венгріи теряло свою интеллигенцію. Учащаяся молодежь начала стыдиться своего нѣмецкаго происхожденія, презирала и забывала свой родной языкъ и—какъ это свойственно вообще ренегатамъ—заполняла собою ряды злѣйшихъ враговъ нѣмецкой народности.

Но по мѣрѣ того, какъ вырождающееся венгерское дженгри все съ большей энергіей стало прокладывать себѣ дорогу къ государственному пирогу, по мѣрѣ того, какъ борьба остальныхъ національностей противъ ассимиляціонныхъ тенденцій, казалось, все болѣе ослабѣвала,—венгерское правительство начало показывать и нѣмцамъ свои когти.

Десятилѣтія не прошло со времени соглашенія 1867 г. и изданія закона о національномъ равноправіи, какъ министръ-президентъ Тисса уже вступилъ на путь вполнѣ планомѣрной мадьяризаторской политики. Особымъ закономъ онъ разрушилъ національную организацію трансильванскихъ саксонцевъ, вопреки всѣмъ даннымъ имъ до 1867 года обѣщаніямъ. Культурной жизни немадьярскихъ національностей, и въ томъ числѣ прежде всего нѣмцевъ, онъ нанесъ тяжелый ударъ своими законами объ обязательномъ преподаваніи мадьярскаго языка въ народныхъ школахъ (изъ которыхъ лишь одна пятая содержалась на счетъ государства, остальныя же—на счетъ коммунъ и религіозныхъ общинъ), законами о дѣтскихъ садахъ [1]), о средней школѣ и т. д. Было сдѣлано невозможнымъ существованіе нѣмецкаго театра. Начался рядъ судебныхъ процессовъ противъ нѣмецкихъ газетъ. А тѣ немногіе нѣмцы, которые имѣли мужество остаться вѣрными своему родному языку, подвергались бойкоту.

Приноровляясь къ господствующему шовинистическому теченію, чиновничество, воспитывавшееся прежде преимущественно въ нѣмецкомъ духѣ, теперь считало особой патріотической заслугой усвоить себѣ всецѣло мадьярскій обликъ и мадьярскій образъ мыслей, отречься отъ своего родного языка, хотя бы и не забывъ его на самомъ дѣлѣ, и всячески избѣгать его употребленія. Во всѣхъ областяхъ общественной жизни, въ частныхъ и государственныхъ дѣлахъ, въ сферѣ экономической и культурной дѣятельности—нѣмецкое населеніе должно было сталкиваться въ лицѣ нотаріусовъ, учителей, адвокатовъ, священниковъ, судей, коммунальныхъ, комитатскихъ и государственныхъ чиновниковъ—со своими злѣйшими національными противниками. Въ мадьярскихъ школахъ — къ тому же скверно поставленныхъ—нѣмецкія дѣти, не обучаясь болѣе грамотѣ на своемъ родномъ языкѣ, должны были механически заучивать мадьярскій языкъ, и поскольку имъ приходилось жить въ мѣстностяхъ, гдѣ этотъ языкъ въ повседневномъ обиходѣ не употребителенъ, они естественно уже нѣсколько лѣтъ спустя забывали его совершенно.

Но не одно только правительство, не одни лишь органы законодательства

---

[1]) Законъ этотъ предписываетъ каждой общинѣ содержать на свой счетъ дѣтскій садъ, въ которомъ долженъ употребляться исключительно мадьярскій языкъ. Посѣщеніе сада *обязательно* для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ трехъ до шести лѣтъ. *Ред.*

и управленія все рѣшительнѣе и все откровеннѣе преслѣдовали эту мадьяризаторскую политику, на первыхъ порахъ еще торжественно отвергая всякія обвиненія въ посягательствѣ на культуру и родной языкъ немадьярскихъ національностей и утверждая, что единственнымъ руководящимъ мотивомъ ихъ являются заботы о пользѣ самого же населенія, нуждающагося въ собственныхъ своихъ интересахъ въ знаніи государственнаго языка. Мадьярское общество также приняло активное участіе въ мадьяризаторской работѣ, не довольствуясь успѣхами правительственныхъ мѣропріятій. Съ особеннымъ рвеніемъ и жаромъ поддерживала эту дѣятельность мадьярская печать, имѣя еще безстыдство утверждать, что преслѣдуемыя національности сами нападали на мадьярство, и что всѣ мѣропріятія и законы являются лишь необходимыми средствами національной самозащиты.

Со времени министерства Банфи мадьяризація всѣхъ венгерскихъ національностей ведется подъ красиво звучащимъ лозунгомъ — „созданіе единаго мадьярскаго государства“ — и открыто признается главной задачей государственной дѣятельности въ Венгріи. Парламентскія событія послѣдняго времени—обструкція, имѣвшая цѣлью добиться введенія мадьярскаго языка въ качествѣ языка команды въ войскѣ (а стало быть вытѣсненія нѣмецкаго языка изъ венгерской части обще-имперской арміи), препятствія, которыя мадьяры ставили возобновленію таможеннаго и торговаго союза, желая создать замкнутую венгерскую таможенную область, стремленіе учредить самостоятельный венгерскій банкъ на мѣсто существующаго австро-венгерскаго государственнаго банка,—все это преслѣдовало въ конечномъ счетѣ одну задачу—освобожденіе отъ ненавистнаго нѣмецкаго вліянія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ настроеніи мадьяръ, венгерскимъ нѣмцамъ приходится выдерживать безпрерывныя аттаки.

Всѣ эти преслѣдованія и невѣроятное терроризированіе нѣмецкаго населенія задѣли, наконецъ, и наиболѣе индифферентные слои его, вызывая въ нихъ чувство протеста и раздраженія.

Однако, географическая разбросанность, жизнь отдѣльными группами безъ тѣсной органической связи, отчужденность образованныхъ слоевъ и отсутствіе всякихъ національныхъ традицій, долго тормозили сплоченіе нѣмцевъ въ Венгріи для дружнаго активнаго выступленія противъ постоянныхъ посягательствъ на ихъ національное существованіе.

Національное самосознаніе венгерскихъ нѣмцевъ все же продолжало развиваться, и въ концѣ концовъ нашло себѣ ясное выраженіе на столбцахъ основанной въ 1899 году въ Темешварѣ газетѣ „Deutsches Tagblatt für Ungarn“. Національное направленіе новаго органа встрѣтило живое сочувствіе, несмотря на то, что съ самаго начала онъ подвергся самымъ ожесточен-

нымъ нападкамъ со стороны мадьярской и мадьярофильской печати и безпримѣрнымъ гоненіямъ со стороны администраціи. Подъ его вліяніемъ уже въ 1902 г. при выборахъ въ рейхстагъ одинъ изъ нѣмецкихъ кандидатовъ впервые выступилъ съ нѣмецкой національной программой. Несмотря на административное давленіе и подкупъ избирателей, столь характерный для венгерскихъ выборовъ, онъ собралъ не одну сотню голосовъ.

Депутаты южно-венгерскихъ комитатовъ почувствовали угрожающую имъ опасность и до тѣхъ поръ осаждали министра-президента Коломана Селля,— лично относившагося довольно терпимо ко всѣмъ венгерскимъ національностямъ, — пока не было возбуждено судебное преслѣдованіе противъ указанной газеты и еще одного возникшаго тѣмъ временемъ органа того же направленія. Подъ давленіемъ мадьярской агитаціи судъ присяжныхъ вынесъ обвинительный приговоръ, благодаря чему первая газета совсѣмъ прекратила свое существованіе, а вторая попала въ „патріотическія“ руки, или иными словами—въ руки людей, стремящихся подавить всякое проявленіе нѣмецкой національной идеи.

Идея нѣмецкаго возрожденія вскорѣ нашла себѣ однако пріютъ на столбцахъ новаго еженедѣльника „Deutsch-ungarischer Volksfreund“, который сталъ проникать во все болѣе расширяющіеся круги нѣмецкаго населенія. Въ самыхъ различныхъ частяхъ страны появились читатели новой газеты и приверженцы новой идеи. Мало-по-малу установилась отсутствовавшая до тѣхъ поръ болѣе или менѣе тѣсная связь между разбросанными по всей Венгріи нѣмцами и въ особенности между отдѣльными группами швабовъ, живущихъ въ южной части страны. Стремленіе сплотиться для болѣе интенсивной національной самодѣятельности, для укрѣпленія своихъ національныхъ позицій, охватывало все болѣе широкія массы. Изъ среды немногочисленной еще интеллигенціи выдвинулись, наконецъ, и вожди новаго движенія, которые заложили основы нѣмецкой политической партіи, постепенно распространяющей свое вліяніе на нѣмецкое населеніе Венгріи.

Надо признать, что цѣлый рядъ мѣстностей съ значительнымъ нѣмецкимъ элементомъ все еще играетъ довольно пассивную роль въ зарождающемся національномъ движеніи. Особенно это относится къ городскому населенію, все еще нерѣшающемуся принять участіе въ той ожесточенной борьбѣ, которая несомнѣнно предстоитъ нѣмецкой національности въ Венгріи.

Но программа новой „нѣмецкой народной партіи Венгріи“ произвела благодаря своей неожиданности ошеломляющее впечатлѣніе на „власть имущихъ“ и на мадьярское общественное мнѣніе. Недаромъ мадьярскіе шовинисты привыкли смотрѣть на нѣмецкую націю,какъ на своего рода удобреніе для мадьярской культуры. Новой партіи не дали даже открыто заявить о себѣ, и когда она, покончивъ съ подготовительными организаціонными работами, созвала

рядъ собраній для того, чтобы довести до свѣдѣнія общества о своемъ существованіи и о своей программѣ, эти собранія были запрещены администраціей, а заявленныя по этому поводу жалобы оставлены безъ вниманія. И всетаки, къ 5.000 лицамъ, подписавшимся подъ программой партіи еще до ея опубликованія, присоединились въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—и притомъ безъ особой агитаціи,—еще 3.000 человѣкъ.

Насколько даетъ себя знать среди венгерскихъ нѣмцевъ отсутствіе чувства солидарности, можно судить по той позиціи, которую заняли въ этомъ вопросѣ трансильванскіе саксонцы. Ни одинъ изъ ихъ депутатовъ не счелъ даже нужнымъ интерпелировать министра внутреннихъ дѣлъ по поводу противозаконнаго лишенія нѣмецкихъ избирателей принадлежащихъ имъ, наравнѣ съ мадьярами, политическихъ правъ и по поводу явнаго нарушенія свободы союзовъ и собраній, практиковавшагося по отношенію къ членамъ и приверженцамъ нѣмецкой народной партіи. Эту услугу долженъ былъ оказать народной партіи румынскій депутатъ, который вскорѣ послѣ этого и подвергся со стороны своихъ мадьярскихъ коллегъ бойкоту. Понятно, что его интерпеляція была оставлена министромъ безъ отвѣта.

Программа „нѣмецкой народной партіи Венгріи“ требуетъ строгаго соблюденія всѣхъ оставшихся на бумагѣ законовъ, ограждающихъ національныя права и, стало быть, прежде всего осуществленія закона о равноправіи національностей (ст. XLIV Закон. 1868 г.). Этотъ законъ фигурируетъ какъ минимумъ того, что безусловно необходимо для свободнаго развитія нѣмецкой національной культуры. Въ частности, программа требуетъ права свободнаго пользованія нѣмецкимъ языкомъ въ общинной и муниципальной жизни, въ сношеніяхъ съ администраціей, въ школѣ и церкви; равнымъ образомъ и болѣе терпимаго отношенія къ не-мадьярской прессѣ. Кромѣ требованій національнаго характера, программа выставляетъ рядъ требованій, затрагивающихъ общегосударственныя дѣла Венгріи: законодательное обезпеченіе свободы союзовъ и собраній; введеніе всеобщаго и тайнаго избирательнаго права для выборовъ въ парламентъ; реформа комитатской избирательной системы; запрещеніе властямъ ограничивать по своему произволу чье бы то ни было избирательное право и привлеченіе ихъ къ отвѣтственности за подобные акты; мѣры противъ административнаго воздѣйствія на избирателей, и т. д.

Вопреки всѣмъ административнымъ преслѣдованіямъ и прижимкамъ, вопреки всѣмъ шовинистическимъ нападкамъ, партія крѣпнетъ и создаетъ все болѣе тѣсную связь между разбросанными по всей странѣ отдѣльными группами нѣмецкаго населенія.

Борьба ведется за *національное* освобожденіе и за пріобрѣтеніе подо-

бающаго политическаго вліянія. Въ соціальномъ отношеніи венгерскіе нѣмцы стоятъ съ мадьярами на одинаковомъ уровнѣ развитія, но *выше* всѣхъ другихъ національностей Венгріи. Съ послѣдними нѣмцы, стоя на точкѣ зрѣнія равноправія всѣхъ національностей, бо̀льшей частью находятся въ дружескихъ отношеніяхъ, хотя между ними и существуетъ противоположность экономическихъ интересовъ, все болѣе возрастающая.

Въ сравненіи съ высокоразвитымъ національнымъ самосознаніемъ румынъ, сербовъ и словаковъ, успѣхи національной идеи въ средѣ венгерскихъ нѣмцевъ, конечно, все еще оставляютъ желать много лучшаго. Но ясное и отчетливое пониманіе своего положенія и своихъ правъ все болѣе растетъ и въ ихъ средѣ.

E. Treumund.

Вѣна.

СЛОВАКИ.

Идея мадьярской государственности, создавшая столь тягостныя политическія условія для всѣхъ немадьярскихъ національностей въ Венгріи, особенно тяжелымъ бременемъ обрушились на словаковъ.

Словацкій народъ лишенъ и той мизерной доли автономности—какъ политической, такъ и церковной—въ лицѣ которой хорваты или сербы имѣютъ хоть нѣкоторый оплотъ для защиты своихъ національныхъ правъ. Находясь къ тому на крайне низкомъ уровнѣ культурнаго и экономическаго развитія, онъ лишенъ возможности, подобно нѣмцамъ, въ своемъ соціальномъ положеніи искать опору противъ мадьярскаго произвола. Словаки являются такимъ образомъ одной изъ самыхъ слабыхъ національныхъ группъ въ Венгріи, съ которой мадьяры меньше всего находятъ нужнымъ считаться. По отношенію къ нимъ національный гнетъ не знаетъ границъ, ставя ихъ въ самыя тяжелые тиски безправія и насилія.

Въ цѣляхъ обезличенія словацкой національности венгерское правительство не останавливается ни предъ какими мѣрами, доводя свою систему мадьяризаціи до виртуозности. Какъ на одинъ изъ наиболѣе яркихъ пріемовъ мадьяризаторской дѣятельности, стоитъ указать на пресловутыя „дѣтскія экспедиціи“, которыя предпринимались яко-бы съ цѣлью призрѣнія дѣтей бѣдныхъ словацкихъ семействъ. Помощью различныхъ обѣщаній, а нерѣдко и просто прибѣгая къ насилію, у словацкихъ родителей забирали дѣтей и цѣлыми транспортами отправляли въ южно-венгерскіе комитаты, гдѣ они отдавались на воспитаніе мадьярскимъ семьямъ. Какъ это призрѣніе въ данномъ случаѣ практиковалось, можно судить по тому, что въ 1887 году, напримѣръ, 190 дѣтей были привезены въ городъ Сентешъ и ежедневно выставлялись на городскомъ рынкѣ „для выбора“. Только подъ давленіемъ европейскаго общественнаго мнѣнія этимъ экспедиціямъ въ 1900 году былъ положенъ, наконецъ, предѣлъ.

Еще однимъ характернымъ способомъ мадьяризаціи, который примѣняется, впрочемъ, не къ однимъ только словакамъ, является навязываніе мадьярскихъ фамилій. Путемъ разныхъ намековъ, а иногда и въ довольно откровенной формѣ начальникъ того или иного вѣдомства предлагаетъ своимъ подчиненнымъ замѣнить свою словацкую фамилію чисто мадьярской, обѣщая при этомъ всевозможныя награды или повышеніе по службѣ. Нечего говорить, что подобная мѣра развращающе дѣйствуетъ на весь составъ администраціи.

Искорененіе словацкаго элемента проводится во всѣхъ областяхъ общественной жизни.

Понятно, что „національная политика“ правительства вноситъ страшную деморализацію и въ ряды мѣстныхъ властей. Сыскъ и взяточничество вошли въ систему, населеніе безпощадно терроризуется, подвергаясь самымъ жестокимъ гоненіямъ не только въ общественной, но и въ частной, интимной жизни и фактически лишено самыхъ насущныхъ правъ.

Словаки населяютъ сѣверо-западную Венгрію, занимая территорію, тянущуюся къ сѣверо-востоку отъ рѣки Моравы до города Унгвара (Ужгорода), гдѣ они образуютъ сплошную массу населенія (изъ 16 комитатовъ, на которые эта территорія дѣлится, 11 имѣютъ абсолютное словацкое большинство въ количествѣ 1.835.932 человѣкъ (по даннымъ офиціальной статистики) [1]).

Этнографическую границу словацкой территоріи—такъ называемой Словачины—окаймляютъ съ запада родственные словакамъ чехи, съ востока—русины (украинцы), съ сѣвера—поляки. Лишь съ юга примыкаютъ къ нимъ мадьяры. Отдѣльные оазисы словацкаго населенія раскинуты по всей Венгріи. Такъ въ Будапештѣ живетъ около 70.000 словаковъ, въ Хорватіи—17.000 и т. д. Всего въ Венгріи словаковъ насчитывается 1.980.423, или 11,8% всего населенія. Кромѣ Венгріи словаки живутъ въ значительномъ количествѣ также и въ Цислейтаніи—въ Моравіи, гдѣ статистика причисляетъ ихъ къ чехамъ. Свыше 300.000 словаковъ находится въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, куда они ежегодно переселяются большими массами.

Государственной самостоятельностью во всемъ ея объемѣ словаки не пользовались почти никогда. Въ IX столѣтіи они достигли замѣтнаго политическаго развитія, — образовавъ вмѣстѣ съ моравскими славянами Великоморавскую державу. Но это продолжалось недолго. Вторженіе мадьяръ и битва подъ Пресбургомъ въ 907 году положила конецъ великоморавскому государству. Съ этого времени словаки окончательно теряютъ свою политическую самостоятельность. При Стефанѣ Святомъ они подпадаютъ подъ власть Венгріи, судьбу которой и раздѣляютъ съ тѣхъ поръ.

Вплоть до XVI столѣтія словаки играютъ еще видную роль въ государственной жизни Венгріи.

Въ силу общихъ интересовъ словацкое высшее дворянство приходитъ во все болѣе тѣсное соприкосновеніе съ мадьярской аристократіей, постепенно сливаясь съ ней. Этотъ процессъ ассимиляціи еще болѣе усили-

---

[1]) По вѣроисповѣданію около 75% словацкой народности принадлежатъ къ католической и около 25%—къ лютеранской церкви.

вается во время турецкаго владычества, когда значительная часть мадьярскаго дворянства переселилась въ сѣверную Венгрію. Общая борьба съ Габсбургами завершила его.

Въ культурномъ отношеніи словаки всецѣло подчиняются чешскому вліянію, охватившему тогда почти всю Венгрію. Особенно это сказывается со времени реформаціи и гуситскихъ войнъ, когда съ переселеніемъ въ Словачину чешскихъ эмигрантовъ изъ Богеміи, чешскій языкъ становится литературнымъ языкомъ словаковъ.

О роли широкихъ народныхъ массъ въ то время говорить не приходится, такъ какъ онѣ послѣ кроваваго подавленія крестьянскихъ войнъ въ 1514 году очутились въ тяжеломъ угнетеніи и прозябали въ крѣпостной зависимости.

Первые признаки національнаго пробужденія словацкаго народа относятся къ царствованію Маріи-Терезіи, когда произошло нѣкоторое ослабленіе крѣпостного гнета. Словацкій языкъ вновь выступаетъ на арену общественной жизни, и въ словацкой средѣ все болѣе и болѣе начинаетъ сказываться потребность въ созданіи собственнаго литературнаго языка.

Выступленіе Антона Бернолака (1790 г.) съ его словацкой грамматикой и шеститомнымъ словаремъ, означаетъ важный этапный пунктъ въ этомъ историческомъ процессѣ. Подъ его вліяніемъ западно-словацкое нарѣчіе возводится на степень литературнаго языка и орудія культурной жизни словаковъ. Вскорѣ послѣ этого, въ 1793 году, основывается словацкое литературное общество, развивающее широкую литературную дѣятельность. Впервые появляется переводъ священнаго писанія на словацкій языкъ.

Національная идея, со всѣми тѣми соціальными и культурными стремленіями, съ которыми она связана, проникла понемногу въ широкія массы словацкаго населенія и распространилась по всѣмъ городамъ и деревнямъ Словачины. Все разростающаяся литература даетъ дальнѣйшую пищу развитію національнаго самосознанія.

Словацкое молодое поколѣніе, полное жажды работы, стремится проявить свою энергію на дѣлѣ. Повсюду создаются словацкія школы. Подъ вліяніемъ литературной дѣятельности профессора Коллара (автора „Slávy Dcera“, впервые выдвинувшаго принципъ самостоятельной словацкой національности) и подъ духовнымъ руководствомъ Людвига Штура, одного изъ наиболѣе даровитыхъ словацкихъ вождей, движеніе принимаетъ все болѣе широкіе размѣры. Возникаетъ цѣлый рядъ періодическихъ изданій, распространяющихъ идею національнаго освобожденія въ массѣ словацкаго населенія.

Штуръ издавалъ свою газету на языкѣ центральныхъ комитатовъ Словачины и положилъ этимъ основаніе современному литературному словацкому

языку. Это былъ шагъ, имѣвшій выдающееся значеніе и вызвавшій немалое негодованіе не только со стороны чешскихъ писателей, но и со стороны словаковъ, въ своемъ большинствѣ еще писавшихъ на чешскомъ языкѣ. Они усматривали въ этомъ одно лишь дробленіе силъ, въ то время какъ Штуръ и его сторонники видѣли въ обще-литературномъ языкѣ для словаковъ единственное средство для того, чтобы пробудить широкія массы къ сознательной національной жизни. И дѣйствительно, агитація Штура привела къ небываломУ до тѣхъ поръ расцвѣту движенія. Возникли общества трезвости, создались воскресныя школы и публичныя библіотеки. Понятно, что всѣ эти учрежденія становились очагами широкаго распространенія національнаго самосознанія.

Такъ развивалось словацкое движеніе до 1848 года. Революціонный взрывъ этого года и все возрастающее угнетеніе венгерскихъ національностей вызвали въ странѣ сильное броженіе. Словацкіе вожди воспользовались моментомъ и приложили всѣ свои силы къ тому, чтобы и словацкія дремлющія массы пробудить къ политической жизни. 10 мая 1848 года имъ удалось созвать первое всенародное политическое собраніе, на которомъ впервые была сформулирована національно-политическая программа словаковъ.

Въ основѣ своей она сводилась къ слѣдующему: требованіе офиціальнаго признанія словацкой національности, введенія словацкаго языка во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ въ словацкихъ комитатахъ; во всѣхъ школахъ для словаковъ преподаваніе должно вестись на словацкомъ языкѣ.

На эти требованія словаковъ, несмотря на то, что они даже еще не были офиціально предъявлены, венгерское министерство отвѣтило введеніемъ осаднаго положенія въ Словачинѣ. Словацкіе вожди—въ томъ числѣ и Штуръ—должны были бѣжать изъ Венгріи. Но репрессіи правительства еще больше раздували движеніе. Словаки обратились съ просьбой о поддержкѣ къ хорватамъ и сербамъ. Съ ихъ помощью одинъ изъ словацкихъ дѣятелей Гурбанъ организовалъ отрядъ добровольцевъ, рѣшившихся силой оружія добиться національнаго освобожденія.

На первыхъ порахъ словацкіе отряды, достигшіе вскорѣ численности 8.000 человѣкъ, дѣйствовали довольно успѣшно. Но плохо-вооруженные добровольцы скоро оказались не въ силахъ бороться на два фронта, съ императорскими войсками съ одной стороны и венгерскими гвардейцами съ другой. Возставшіе словаки должны были отступить въ Моравію.

Возстаніе мадьяръ подъ предводительствомъ Кошута вскорѣ заставило впрочемъ вѣнское правительство прибѣгнуть къ помощи тѣхъ же словацкихъ добровольцевъ, которыхъ оно раньше преслѣдовало. Несмотря на неудачный исходъ первой экспедиціи и на оскорбительно равнодушное отношеніе Виндиш-

грека, Гурбану удалось двинуть новые отряды добровольцевъ въ Словачину, которые оказали серьезную поддержку императорской арміи въ ея военныхъ дѣйствіяхъ въ верхней Венгріи.

Однако съ подавленіемъ революціоннаго движенія всѣ попытки словацкихъ вождей обезпечить своему народу возможность національнаго развитія потерпѣли крушеніе.

Для того, чтобы пустить словакамъ пыль въ глаза, вѣнское правительство роздало нѣкоторымъ представителямъ изъ ихъ среды нѣсколько государственныхъ должностей; но наиболѣе энергичные дѣятели, какъ Гурбанъ, Штуръ и др. были отданы, въ качествѣ „демагоговъ“ подъ надзоръ полиціи и обречены на бездѣятельность.

Гурбанъ удалился въ деревню, гдѣ отдался всецѣло чисто литературной дѣятельности. Штуръ вскорѣ умеръ (1856 г.).

Наступили годы суроваго абсолютизма. На мѣсто мадьяризаціи началась эра жестокаго германизаторскаго режима. Политическое движеніе словаковъ пришло въ состояніе полнаго упадка.

Въ началѣ 60-хъ годовъ съ возстановленіемъ австрійской конституціи словацкое движеніе вновь нѣсколько оживаетъ. По иниціативѣ Стефана Дакснера, въ одномъ изъ небольшихъ городовъ Словачины въ 1861 году созывается народный съѣздъ, въ которомъ принимаетъ участіе свыше 3000 словаковъ всѣхъ классовъ и сословій, не исключая даже и дворянства. Съѣздъ этотъ съ воодушевленіемъ принялъ національно-политическую программу иниціатора, извѣстную подъ названіемъ „меморандума словацкаго народа“. Признавая единство и недѣлимость венгерскаго государства, подчеркивая солидарность всѣхъ не-мадьярскихъ національностей Венгріи, программа требовала между прочимъ: введенія словацкаго языка въ церкви, низшей и средней школѣ, въ администраціи и судопроизводствѣ; изданія на словацкомъ языкѣ всѣхъ венгерскихъ законовъ; соразмѣрнаго представительства словаковъ въ венгерскомъ парламентѣ; выдѣленія территоріи, заселенной словаками, въ отдѣльную самоуправляющуюся единицу подъ названіемъ „Словацкаго Околья“ съ гарантіей правъ не-словацкихъ меньшинствъ, и такъ далѣе. Но и эта вспышка не принесла никакихъ положительныхъ результатовъ. Меморандумъ, представленный рейхстагу въ Будапештѣ, былъ обойденъ абсолютнымъ молчаніемъ.

Вскорѣ послѣ этого мадьяры добились желаннаго дуализма, и новая политическая ситуація окончательно разрушила всѣ надежды словаковъ. Вмѣстѣ со всѣми остальными національностями Венгріи словацкій народъ былъ принесенъ въ жертву молоху мадьяризма.

Становясь все болѣе беззащитными въ политическомъ отношеніи, сло-

ваки съ тѣмъ большей энергіей стали укрѣпляться, на почвѣ культурной дѣятельности. Нечего, конечно, говорить, что и здѣсь имъ приходилось на каждомъ шагу наталкиваться на препятствія со стороны мадьяръ.

Основанная вышеупомянутымъ народнымъ съѣздомъ „Матица“, имѣвшая своей цѣлью содѣйствіе развитію словацкой литературы и искусства и повышенію культурнаго уровня словацкой народности, послѣ долгой волокиты и неоднократнаго измѣненія устава получила, наконецъ, разрѣшеніе правительства (въ 1863 г.) и несмотря на стѣсненія со стороны властей стала развивать широкую и благотворную дѣятельность [1]). За корткоое время своего существованія (около 12 лѣтъ) она, конечно, не могла создать ничего выдающагося, но благодаря ея дѣятельности словацкій литературный языкъ завоевалъ себѣ надлежащее уваженіе, какъ въ средѣ самихъ словаковъ, такъ и со стороны мадьяръ. По ея же иниціативѣ министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, наконецъ, изданіе на словацкомъ языкѣ учебниковъ для народныхъ школъ.

Воспользовавшись школьнымъ патентомъ графа Туна, на основаніи котораго въ частныхъ гимназіяхъ вопросъ о языкѣ преподаванія предоставляется усмотрѣнію учредителей, словаки не замедлили развить на этой почвѣ оживленную агитацію, въ результатѣ которой возникъ цѣлый рядъ среднихъ школъ. Эти учебныя заведенія, хотя и страдали постояннымъ недостаткомъ средствъ, но, благодаря самоотверженной работѣ преподавателей—горячихъ сторонниковъ національной идеи,—достигли такихъ успѣховъ, какихъ не ожидали отъ нихъ противники словацкаго движенія.

Но именно то обстоятельство, что эти школы оказались важнымъ рычагомъ національнаго развитія словаковъ, и послужило причиной ихъ гибели. Начались усиленныя преслѣдованія „непатріотическихъ“ словацкихъ заведеній, которыя вскорѣ (въ 1874 и 1875 гг.) и были закрыты.

Вообще середина 70-хъ годовъ ознаменовалась усиленіемъ мадьяризаторской дѣятельности. Первой жертвой новаго курса сдѣлалась словацкая Матица. Въ 1875 г. ея существованію былъ положенъ конецъ. Имущество Матицы, въ размѣрѣ 200.000 кронъ, было конфисковано, и на эти средства основано новое „патріотическое“ словацкое общество, дѣйствующее въ духѣ мадьяризма [2]).

Затѣмъ послѣдовали репрессіи за репрессіями; всякія начинанія слова-

---

[1]) Для характеристики отношеній между Австріей и Венгріей интересно отмѣтить, что въ то же время вѣнскій дворъ отнесся очень сочувственно къ этому учрежденію, и императоръ сдѣлалъ въ кассу Матицы взносъ въ 2.000 кронъ.

[2]) Это общество издаетъ „патріотическую“ политическую газету „Slovenské Nowiny“ и еженедѣльный иллюстрированный журналъ „Vlast a Svet“ (Родина и Свѣтъ), которые усиленно распространяются среди словацкаго населенія офиціальнымъ путемъ, часто безплатно.

ковъ подавлялись самымъ безпощаднымъ образомъ, и правительственный гнетъ принималъ все болѣе жестокія формы.

Въ школѣ за каждое слово на словацкомъ языкѣ ученики подвергаются строгимъ наказаніямъ, за словацкую книгу — исключенію изъ училища. Въ 1900 году, напримѣръ, изъ евангелической семинаріи было исключено шесть словаковъ изъ-за фотографическаго снимка, на которомъ они снялись группой отдѣльно отъ остальныхъ слушателей, и который былъ снабженъ словацкими надписями. Характерно также исключеніе изъ одной гимназіи 8 словаковъ за „панславизмъ“. Панславизмъ заключался въ томъ, что они частнымъ образомъ читали словацкія книги...

Вѣнцомъ мадьяризаторской политики въ области школы является законъ о „вознагражденіи учителей“, изданный въ 1907 году. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ государство субсидируетъ учительскій персоналъ въ суммѣ, превышающей 200 кронъ, оно оговариваетъ за собой право назначать учителей по своему усмотрѣнію. Надзоръ надъ школой возложенъ наряду со школьной комиссіей, составленной изъ лицъ, обязательно владѣющихъ мадьярскимъ языкомъ, и на правительственнаго инспектора. Субсидируемый учитель подвергается дисциплинарному взысканію въ цѣломъ рядѣ случаевъ, между прочимъ, если онъ не научитъ дѣтей читать, писать и считать по-мадьярски.

Путемъ невѣроятныхъ злоупотребленій правительство ухитрилось также превратить и мѣстные органы самоуправленія въ свое послушное орудіе. Опираясь на многочисленный штатъ своихъ ставленниковъ, оно руководитъ выборами въ рейхстагъ, единственными въ своемъ родѣ по той невѣроятной обстановкѣ подкупа, спаиванія и насилія, въ которой они совершаются [1]).

Въ агрессивныхъ дѣйствіяхъ противъ словаковъ не отстаетъ отъ правительства и мадьярское общество. Такъ, комитатское собраніе въ Нитрѣ сочло нужнымъ образовать въ 1904 году особую комисію для выработки мѣръ противъ національнаго движенія словаковъ. Въ будапештскомъ рейхстагѣ безпрерывно раздаются голоса противъ „словацкой опасности“, и не упускается ни одинъ случай для предъявленія правительству требованій о принятіи мѣръ противъ „панславистской агитаціи“ въ верхней Венгріи.

Такъ венгерское правительство рука объ руку съ мадьярскимъ обществомъ проводитъ свою ассимиляціонную политику по отношенію къ словакамъ, нанося имъ ощутительный матеріальный ущербъ, понижая культурный уровень націи и вызывая въ ея средѣ сильный моральный упадокъ.

Но несмотря на всю ту безцеремонность, съ какой мадьяры расправляются со словацкимъ народомъ они все же не въ силахъ положить предѣлъ его на-

[1]) Отъ 57 избирательныхъ округовъ со словацкимъ большинствомъ въ рейхстагъ попало всего 7 представителей словаковъ.

ціональнымъ стремленіямъ. Усилія мадьяризаторовъ до сихъ поръ остаются безуспѣшными; словацкія народныя массы не поддались денаціонализаціи; ассимилировалась исключительно интеллигенція (около 80% ея), зажиточные горожане, единичные ремесленники. Національная идея все глубже проникаетъ въ среду народа. И съ непреодолимымъ упорствомъ, медленно, но неуклонно словацкая народность ведетъ борьбу за свое національное освобожденіе.

Замѣтную роль въ культурной и даже въ хозяйственной жизни словаковъ играютъ, между прочимъ, поселившіеся въ Америкѣ словацкіе переселенцы.

Подъ вліяніемъ безпощаднаго угнетенія, сказывающагося во всѣхъ областяхъ общественной жизни, словацкія массы, разоренныя къ тому же и матеріально, обратились къ эмиграціи. Характерно, что этотъ процессъ выселенія начался въ восточныхъ комитатахъ Словачины, т. е. именно тамъ, гдѣ національное движеніе менѣе всего давало о себѣ знать, и гдѣ народныя массы больше всего испытываютъ гнетъ мадьярскаго дворянства; лишь потомъ, сильно возрастая изъ года въ годъ, эмиграціонный потокъ захватилъ также и западные комитаты Словачины [1]).

Въ этнографическомъ отношеніи эмиграція ослабляетъ словацкую національность, но за то матеріально она оказываетъ ей немалую поддержку [2]).

Американскіе словаки поддерживаютъ культурныя и политическія начинанія своихъ соплеменниковъ въ Венгріи, оказываютъ денежную помощь словацкимъ газетамъ, подвергающимся судебнымъ карамъ, субсидируютъ избирательные фонды и жертвуютъ много на нужды народнаго образованія. Нечего и говорить о томъ, что американская словацкая пресса не мало способствовала національному подъему словаковъ и въ Венгріи. Кромѣ того, благодаря содѣйствію переселенцевъ, словаки получили возможность создать у себя на родинѣ цѣлый рядъ организацій экономической самодѣятельности и самопомощи, какъ ссудо-сберегательныя товарищества, банки, артели и т. п.

Результаты хозяйственной дѣятельности словаковъ, разумѣется, оставляютъ желать лучшаго; надо однако имѣть въ виду, что словацкія предпріятія подвергаются со стороны мадьяръ постоянному бойкоту, а правительство всегда ставитъ имъ величайшія преграды.

Е. Kuna.

Будапештъ.

---

[1]) Переселенцы,—большей частью крестьяне,—направляются по преимуществу въ Сѣверную Америку и селятся обыкновенно въ штатахъ Нью-Іоркъ и Пенсильванія.

[2]) За 1889—90 г.г., напримѣръ, чрезъ почтовыя учрежденія одного только комитата было переслано изъ Америки около 26 милліоновъ кронъ.

Примѣчаніе къ главѣ „Южные славяне“, стр. 222—223.

Боснія и Герцеговина. — Послѣ того, какъ эти строки были уже отпечатаны, былъ опубликованъ императорскій рескриптъ о включеніи оккупированныхъ провинцій въ составъ Габсбургской монархіи и объ одновременномъ эвакуированіи Новобазарскаго санджака. Вмѣстѣ съ тѣмъ рескриптъ объявляетъ о введеніи въ этихъ областяхъ (управлявшихся въ теченіе тридцатилѣтняго оккупаціоннаго періода въ строгомъ военно-абсолютистскомъ духѣ) провинціальнаго представительства, „основаннаго на представительствѣ интересовъ, которое должно служить вмѣстѣ съ тѣмъ возможно болѣе вѣрнымъ отраженіемъ *національныхъ, вѣроисповѣдныхъ* и политическихъ условій страны“. Съ этой перемѣной, происшедшей въ международномъ и государственно-правовомъ положеніи провинцій, національное движеніе вступаетъ здѣсь въ совершенно новый фазисъ. Присоединеніе Босніи и Герцеговины, нанесшее столь тяжелый ударъ великосербской идеѣ, затронуло интересы, если не *всего* населенія этихъ областей, то во всякомъ случаѣ одной изъ наиболѣе вліятельныхъ общественныхъ группъ его, наиболѣе агрессивной по своей природѣ — городской буржуазіи, рекрутирующейся преимущественно изъ сербовъ и являющейся здѣсь главной носительницей великосербскихъ идеаловъ. И нѣтъ сомнѣнія, что эта часть населенія на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, не преминетъ перенести свои ирредентистскія стремленія во вновь созданное представительное учрежденіе, гдѣ будетъ вести борьбу съ тѣмъ большей ожесточенностью, что впервые столкнется лицомъ къ лицу со своимъ національнымъ врагомъ, въ лицѣ котораго встрѣтитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезнаго классоваго противника. Интересно въ этомъ отношеніи ближе разсмотрѣть національный составъ боснійскаго населенія въ связи съ тѣми соціальными и экономическими противорѣчіями, которыя въ послѣднемъ счетѣ и являются главной движущей силой различныхъ „національно-территоріальныхъ тяготѣній“ въ краѣ. По новѣйшимъ даннымъ, исчисленнымъ на основаніи послѣдней переписи 1895 г., населеніе Босніи и Герцеговины состоитъ изъ 782.000 православныхъ (43,5% всего мѣстнаго населенія), 602.000 мусульманъ (33,5%) и 400.000 католиковъ (22%). (Выше уже было отмѣчено, что единственнымъ внѣшнимъ національнымъ признакомъ является здѣсь принадлежность къ тому или другому вѣроисповѣданію). Крупное землевладѣніе сосредоточено преимущественно въ рукахъ мусульманъ—мѣстнаго дворянства, которое съ цѣлью сохраненія своего привилегированнаго положенія приняло въ свое время магометанскую вѣру. Изъ рядовъ мусульманъ же выходитъ нарождающійся въ послѣднее время значительный слой городской интеллигенціи—врачи, адвокаты, журналисты и т. п. Городская буржуазія рекрутируется главнымъ образомъ изъ православныхъ элементовъ (сербовъ), которые держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю и промышленность края. Католики-хорваты въ своемъ большинствѣ принадлежатъ къ земледѣльческому классу. Необходимо принять еще во вниманіе, что аграрный строй Босніи и Герцеговины, берущій свое начало едва ли не со времени римскаго владычества, до сихъ поръ еще держитъ крестьянина въ полу-крѣпостной зависимости, отдавая его всецѣло на произволъ помѣщика. Отношенія крестьянина къ

обрабатываемой имъ землѣ опредѣляются юридически лишь правомъ наслѣдственнаго пользованія, за что онъ обязанъ въ свою очередь отдавать помѣщику одну треть (въ иныхъ мѣстахъ только $^1/_4$ или $^1/_5$) ежегоднаго урожая. Собственность на землю остается за помѣщикомъ, который всегда имѣетъ возможность отнять тотъ или иной участокъ у одного и передать другому по своему усмотрѣнію. Такихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ Босніи и Герцеговинѣ было еще въ 1906 году свыше 80.000. Понятно, что такой аграрный укладъ вызываетъ самыя обостренныя отношенія, принимающія нерѣдко весьма угрожающій характеръ. Съ другой стороны, крестьянинъ (хорватъ—католикъ) находится въ тяжелой кабалѣ у городского лавочника (серба), услугами котораго онъ пользуется не только для покупки предметовъ потребленія, но и для денежныхъ займовъ, уплачивая при этомъ натурой. Классовыя противорѣчія, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ конвергируютъ здѣсь съ національными отличіями и нетрудно себѣ представить, какое положеніе создастся, когда всѣ эти антагонизмы, какъ въ фокусѣ, сойдутся въ боснійскомъ ландтагѣ,—въ томъ „представительствѣ интересовъ“, которое сыграло столь печальную роль въ національной жизни Австріи. Впрочемъ, одинъ изъ главныхъ элементовъ національныхъ распрей — вопросъ о языкѣ—въ Босніи совершенно отсутствуетъ, и съ этой точки зрѣнія національный вопросъ здѣсь серьезнаго *практическаго* значенія не имѣетъ. Почти все населеніе говоритъ на одномъ языкѣ—сербскомъ (или сербо-хорватскомъ, какъ онъ официально именуется), который и является языкомъ преподаванія въ школѣ и официальнымъ языкомъ администраціи и т. д. О введеніи же въ этой провинціи одного изъ двухъ господствующихъ языковъ имперіи — нѣмецкаго или мадьярскаго—не можетъ быть и рѣчи; ибо противъ официальнаго употребленія нѣмецкаго языка въ Босніи венгерское правительство еще заранѣе выразило протестъ и этимъ обусловливало свое согласіе на присоединеніе этихъ областей; Австрія же въ свою очередь мадьярскаго языка и подавно не допуститъ.—Болѣе существенную роль въ дѣлѣ урегулированія мѣстныхъ національныхъ отношеній играетъ вопросъ о чиновникахъ. До сихъ поръ всѣ болѣе или менѣе значительныя должности въ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ отдавались преимущественно нѣмцамъ или мадьярамъ, импортированнымъ сюда изъ Австріи или Венгріи. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе можетъ стать серьезнымъ стимуломъ для національныхъ столкновеній, что численность мѣстной интеллигенціи замѣтно возрастаетъ. Понятно, что дальнѣйшія перипетіи національнаго движенія въ Босніи и Герцеговинѣ зависятъ еще отъ многихъ внѣшнихъ причинъ и въ значительной мѣрѣ отъ того, какое „мѣсто“ будетъ отведено этимъ областямъ *внутри имперіи*,— будутъ ли они присоединены къ Цислейтаніи, подпадутъ ли подъ власть крайне нетерпимой въ національныхъ вопросахъ Венгріи, или будетъ найдена какая-нибудь другая государственно-правовая формула. Но, какъ бы то ни было, вопросъ о „принадлежности“ Босніи—это новое яблоко раздора между обѣими частями имперіи—связанъ со столь многими проблемами правового и политическаго свойства, что не такъ еще скоро, надо полагать, найдетъ соотвѣтствующее разрѣшеніе.

Ред.

Часть вторая.

РОССІЯ. ФИНЛЯНДІЯ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССІИ И ВЕЛИКОРОССЫ.

I.

Изъ трехъ главныхъ государственныхъ образованій древней Россіи—Кіево-Галицкаго, Новгородско-Псковскаго и Владимірско-Московскаго,—исторически выжило только одно послѣднее—великое княжество Московское, возникшее въ Окскомъ бассейнѣ Волжской системы на территоріи великорусской вѣтви русскаго народа. Поборовъ сравнительно легко центробѣжныя стремленія въ средѣ своего племени и объединивъ вокругъ себя огнемъ, мечомъ и договорами сѣверо-восточную часть нынѣшней европейской Россіи, государство это на протяженіи вѣковъ и съ величайшимъ напряженіемъ народныхъ силъ выполнило гигантскую задачу, подчинивъ своей власти всѣ русскія племена, входившія нѣкогда въ составъ государствъ Новгородскаго и Кіевскаго и инкорпорированныя впослѣдствіи сосѣдними инородными государствами—Литвой и Польшей. Отъ этого объединенія къ нашему времени ускользнули лишь небольшіе осколки украинской вѣтви русскаго народа, живущіе въ австрійскихъ провинціяхъ Галиціи и Буковинѣ и частью въ прикарпатской Венгріи, всего около 4 милліоновъ.

Одновременно съ этимъ собираніемъ русскихъ племенъ шло расширеніе государства за счетъ всѣхъ иныхъ сосѣднихъ народовъ не только не-русскаго, но и не-славянскаго корня. Этотъ процессъ территоріальнаго роста государства, начавшійся еще на зарѣ московской исторіи, продолжался и въ императорскій періодъ, пока на сѣверѣ не была достигнута естественная преграда въ видѣ Ледовитаго океана, и пока длившіяся уже безсистемно и по исторической инерціи имперскія территоріальныя пріобрѣтенія не были пріостановлены въ Европѣ и въ передней Азіи—севастопольской кампаніей, на дальнемъ востокѣ—японской войной.

Весьма сложныя историческія компликаціи позволили этому государству въ теченіе вѣковъ не только сохранить свою самостоятельность среди огромныхъ опасностей со стороны западныхъ, южныхъ и восточныхъ сосѣднихъ государствъ-соперниковъ, но и дали возможность окрѣпнуть, вырости и превратиться изъ ничтожнаго удѣла, равнявшагося части нынѣшняго Московскаго уѣзда, въ огромную міровую имперію, занимающую около одной шестой

поверхности всей земной суши и насчитывающую свыше 150 милліоновъ жителей.

Составъ населенія современной Россійской имперіи чрезвычайно пестръ, и пестрота эта обусловливается различіями не только этнографическаго характера. Національности, вошедшія въ составъ имперіи весьма неоднородны, и по степени культуры, и по соціальной, и по экономической своей структурѣ. Эта пестрота національныхъ и иныхъ отношеній какъ въ зеркалѣ отражается въ правовомъ имперскомъ укладѣ и въ движеніи имперской національной политики. Но прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу, необходимо привести нѣсколько цифровыхъ данныхъ.

Національная структура имперіи соотвѣтствуетъ ея историческому росту и территоріальному расширенію. Цифрами переписи 1897 года это выражается слѣдующимъ образомъ:

Названіе народностей.	Тысячъ душъ.	% всего населенія.	Названіе народностей.	Тысячъ душъ.	% всего населенія.
Великороссы [1]). . .	55.673	43,30	Вотяки	421	0,33
Малороссы (украинцы)	22.415	17,41	Черемисы	375	0,26
Поляки	7.931	6,17	Грузины и др. . .	1.352	1,05
Бѣлоруссы	5.886	4,57	Армяне	1.173	0,91
Евреи.	5.063	3,94	Лезгины	601	0,47
Нѣмцы	1.790	1,40	Чеченцы и черкесы .	491	0,42
Литовцы	1.658	1,29	Сарты.	969	0,75
Латыши	1.436	1,12	Узбеки	727	0,57
Эсты	1.003	0,78	Таджики	350	0,30
Молдаване	1.122	0,87	Курды, персы и пр. персидск. нар. .	247	0,19
Шведы	340	0,29	Туркмены	281	0,21
Татары	3.738	2,91	Тюрки (Сиб.) . . .	440	0,35
Киргизы	4.084	3,18	Буряты	289	0,22
Башкиры и тептяри	1.439	1,12	Якуты.	227	0,17
Мордва	1.024	0,79	Прочіе мелкіе народы	—	—
Чуваши	844	0,66			

[1]) Количество великороссовъ несомнѣнно должно быть нѣсколько ниже показаннаго въ переписи. Цифры, говорящія о населеніи другихъ народностей, въ свою очередь должны быть выше показанныхъ; особенно это касается украинцевъ, евреевъ поляковъ, армянъ и др. Евреи, напримѣръ, какъ это видно изъ вѣроисповѣдной рубрики, составляютъ не 3,94%, а 4,13% (5,189 тысячъ) всего населенія.

Общее число жителей имперіи (съ Финляндіей) по переписи 1897 года опредѣляется въ 128.924.289 человѣкъ. Съ того времени прошло, однако, свыше десяти лѣтъ, и если можно предположить, что пропорціональное соотношеніе національностей почти не измѣнилось, то абсолютныя цифры несомнѣнно потерпѣли сильное увеличеніе. Принимая нормальнымъ для Россіи приростъ населенія въ $1^1/_2\%$ въ годъ, необходимо признать, что общее количество населенія имперіи (къ 1 января 1908 года) исчисляется въ 151,1 милліоновъ жителей всѣхъ національностей. Изъ нихъ (въ тысячахъ):

Великороссовъ	65.695
Малороссовъ (украинцевъ)	26.708
Поляковъ	9.359
Бѣлоруссовъ	6.945
Евреевъ	5.973
Нѣмцевъ	2.112
Литовцевъ	1.956
Латышей	1.694

И такъ далѣе.

Изъ приведенной выше таблицы видно, что главную массу населенія имперіи составляютъ великороссы, количество которыхъ не достигаетъ, однако, и половины имперскаго населенія (43,30%). Недостатокъ этотъ официальная статистика возмѣщаетъ съ избыткомъ, причисляя къ великороссамъ два другихъ русскихъ племени — малороссовъ (17,41%) и бѣлоруссовъ (4,57%), что вмѣстѣ даетъ почти $^2/_3$ имперскаго населенія (65,28%). Какъ мы увидимъ ниже, то обстоятельство что $^2/_3$ населенія имперіи принадлежитъ къ русскимъ племенамъ, даетъ весьма устойчивый базисъ для имперской политики въ панрусскомъ, если такъ позволительно выразиться, вопросѣ.

Кромѣ русскихъ племенъ, единственной замѣтной группой славянскаго корня въ составѣ имперскаго населенія являются поляки (6,17%), большая часть территоріи которыхъ досталась россійской имперіи въ видѣ приза за отчаянныя усилія на протяженіи вѣковъ. Прочія группы славянскаго корня по своей незначительности могутъ вовсе не идти въ счетъ; таковы болгаре (старые, новые, гагаузы, шопы), которыхъ имѣется въ разныхъ мѣстахъ Россіи около двухсотъ тысячъ; чехи, которыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ; украинизированные нынѣ сербо-хорватскіе поселенцы и пр. Наличность въ составѣ имперскаго населенія компактной массы поляковъ, составляющей едва ли не болѣе половины всего польскаго племени, и отсутствіе другихъ славянскихъ на-

родностей налагаетъ весьма опредѣленныя черты на имперскую политику въ славянскомъ вопросѣ.

Изъ группъ населенія, не принадлежащихъ къ славянскому корню, совершенно особое мѣсто занимаетъ группа евреевъ (4,13%), положеніе которыхъ въ имперіи не имѣетъ національныхъ аналогій.

Крупное значеніе для опредѣленія характера имперской національной политики по отношенію къ неславянскимъ народностямъ, имѣютъ группы: нѣмцевъ (1,40%), латышей (1,12%), литовцевъ (1,29%), армянъ (0,91%), грузинъ (1,05%) и другихъ кавказскихъ народностей; народности магометанскаго вѣроисповѣданія и народности Азіи даютъ также любопытный матеріалъ для анализа имперской національной политики.

Компактная масса великорусскаго племени продолжаетъ жить на своей исторической территоріи,—въ центрѣ и на сѣверо-востокѣ нынѣшней европейской Россіи,—расширяя эту территорію на югъ и востокъ за счетъ всякаго рода народностей восточнаго корня. Если провести на картѣ линію отъ Пскова до Ростова-на-Дону, то эта линія обозначитъ съ запада границу, за которой обрывается количественное превосходство великороссовъ. За счетъ сосѣдей европейскаго корня на сѣверо- и юго-западѣ великороссы не увеличили своей территоріи даже и тогда, когда эти сосѣди вошли въ составъ имперіи, какъ новыя завоеванныя и присоединенныя оружіемъ области. Лишь незначительныя великорусскія колоніи, главнымъ образомъ, въ лицѣ чиновниковъ разнаго рода, разсѣяны по всей имперіи, не исключая самыхъ глухихъ уголковъ ея. Болѣе слабыя на сѣверо-западѣ, колоніи эти сравнительно сильны на юго-западѣ и на югѣ, гдѣ особыя мѣстныя условія пополнили великорусскіе чиновничьи кадры извѣстнымъ количествомъ купцовъ, землевладѣльцевъ и простыхъ великорусскихъ крестьянъ и рабочихъ, уходящихъ туда на отхожіе промыслы. Колоніи эти сосредоточиваются преимущественно въ большихъ городахъ, благодаря чему города невеликорусской черты во многихъ мѣстностяхъ имѣютъ въ значительной мѣрѣ обрусѣвшій видъ, что особенно бросается въ глаза въ большихъ городахъ европейскаго юга Россіи.

Имперская граница имѣетъ линіи, рожденныя случайностями побѣдъ и пораженій. На западѣ она прошла по живому тѣлу народовъ: латышей, поляковъ, украинцевъ, молдаванъ; закавказская и сибирская границы даютъ ту же картину пограничныхъ народностей, частью вошедшихъ въ составъ Россійской имперіи, частью остающихся подъ властью иныхъ государствъ. Такимъ образомъ имперская территорія представляетъ собою комплексъ земель, центральное ядро которыхъ принадлежитъ главенствующему племени великорусскому, причемъ тѣснымъ кольцомъ вокругъ ядра лежатъ окраины, большія и меньшія, родственныя и враждебныя, европейскія и азіатскія,

одноплеменныя и пестрыя по своему составу, связанныя съ ядромъ и между собой фактомъ общеимперскаго подданства и лишь въ незначительной степени общностью историческихъ судебъ и завязавшагося въ послѣднія десятилѣтія еще слабаго обще-экономическаго оборота.

Какъ указано выше, главенствующій въ имперіи великорусскій народъ по своей массѣ ко времени переписи составлялъ лишь 43,30% всего населенія, и такимъ образомъ, къ началу XX вѣка, сохраняя за собою главенство и національное господство въ имперіи, онъ оказался въ государствѣ, имъ самимъ созданномъ, въ меньшинствѣ. Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что это положеніе когда-либо измѣнится въ пользу великороссовъ; скорѣе можно предположить, что развитіе окраинъ измѣнитъ это положеніе не въ пользу центра. Сравнивая ростъ населенія центральной и южной Россіи за время отъ Петра I, П. Н. Милюковъ пишетъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“: „Во всей сѣверной половинѣ и центрѣ Россіи (т. е. на основной великорусской территоріи) населеніе за послѣдніе два вѣка остается почти неподвижнымъ или возрастаетъ весьма медленно. Южная же половина (Россіи) растетъ съ необычайной быстротой, догоняетъ центръ и даже перегоняетъ его по плотности населенія... Можно сказать, что и въ наше время не вполнѣ обнаружились результаты перемѣщенія центра русской населенности съ сѣвера на югъ, точно также какъ и ростъ южнаго населенія далеко не остановился. Послѣднее видно изъ того обстоятельства, что ежегодный приростъ населенія на югѣ достигаетъ и теперь очень высокой цифры—2%. На сѣверѣ и въ центрѣ тотъ же приростъ колеблется всего между 1% и ½%... Ростъ сѣвернаго и центральнаго населенія Россіи, по представленнымъ нами даннымъ, очевидно, замедленъ“.

Къ интереснымъ выводамъ въ той же плоскости, къ сожалѣнію, лишеннымъ историческихъ аналогій въ прошломъ, пришелъ и покойный Менделѣевъ въ своей книгѣ: „Къ познанію Россіи“. Путемъ весьма тщательныхъ и кропотливыхъ работъ онъ, первый въ Россіи, опредѣлилъ центръ имперской территоріи и центръ имперской населенности.

Положеніе центра имперской поверхности опредѣляется 63° 29' сѣверной широты и 53°0' восточной долготы отъ Пулкова, т. е. между Обью и Енисеемъ въ Енисейской губерніи, немного южнѣе города Туруханска, лежащаго въ близости отъ сѣвернаго полярнаго круга. „Столь сѣверное положеніе центра поверхности Россіи,—лѣтописно замѣчаетъ Менделѣевъ,—опредѣляется тѣмъ, что у насъ черезчуръ много береговъ Ледовитаго океана“. Менѣе лѣтописному наблюдателю это „столь сѣверное“ положеніе центра укажетъ на полную безцѣнность огромныхъ сѣверныхъ пространствъ, инкорпорированныхъ имперіей только потому, что они лежали впустѣ, безъ хозяина.

Положеніе центра имперской населенности опредѣляется по Менделѣеву 53°20' сѣверной широты и 10°23' восточной долготы отъ Пулкова. Точка эта лежитъ въ Тамбовской губерніи, на сѣверо-востокъ отъ Козлова и на западъ отъ Моршанска. „Несомнѣнно,—добавляетъ Менделѣевъ,—что центръ русскаго населенія съ 1897 года уже успѣлъ подвинуться по направленію къ востоку, съ уклономъ на югъ". Такимъ образомъ, центръ имперской населенности далеко не совпадаетъ съ центромъ населенности главенствующаго великорусскаго народа и находится вблизи исторической границы великорусской и украинской территорій. Къ тому же центръ имперской населенности отбрасывается на востокъ сибирско-азіатскими провинціями имперіи, отнюдь нехарактерными для государства, всѣ жизненные нервы котораго безспорно лежатъ въ европейской его части. Безъ $13^1/_2$ милліоновъ сибирскаго и среднеазіатскаго населенія центръ европейской населенности имперіи отодвинется на западъ, уйдя за предѣлы территоріи главенствующаго въ имперіи великорусскаго народа, куда онъ стремится даже и при наличности сибирскаго населенія. И это несомнѣнный показатель, такъ какъ центръ населенности не статистическая случайность, которая можетъ быть игнорируема, а. по справедливому выраженію Менделѣева, „умственная точка отправленія для многихъ сужденій" для государственнаго дѣятеля и для всякаго политика, ибо „перемѣщеніе центра населенности страны указываетъ направленіе многихъ силъ страны". Историческій ходъ развитія, напримѣръ, Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, какъ нельзя лучше иллюстрируется перемѣщеніемъ центра населенности Штатовъ съ востока на западъ почти по одной параллели, что прослѣжено съ 1790 по 1900 годъ.

Въ Россіи движеніе центра имперской населенности за предѣлы господствующей народности яляется одной изъ иллюстрацій факта, совершившагося, но не получившаго государственнаго признанія и заключающагося въ томъ, что Россійская имперія, великорусская по происхожденію своему, перестала быть таковою по составу своего населенія. А это — фактъ, изъ котораго нетрудно сдѣлать самые многозначительные выводы.

II.

Имперская политика въ національномъ вопросѣ такъ же пестра и разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, какъ пестро и разнообразно имперское населеніе. Свести это разнообразіе къ какой-нибудь послѣдовательной системѣ, къ какому-либо единству невозможно, такъ какъ этого единства не существовало въ дѣйствительности. Тѣ или иныя имперскія національныя мѣропріятія всегда зависѣли отъ той или иной политической конъюнктуры,

отъ того или иного соотношенія силъ, иногда даже отъ тѣхъ или иныхъ личныхъ пристрастій и антипатій. Только въ послѣднія десятилѣтія можно замѣтить въ имперской національной политикѣ стремленіе къ единству и послѣдовательности, что выразилось въ рѣзкомъ усиленіи централистическихъ тенденцій и въ обиліи и энергичномъ примѣненіи такъ называемыхъ обрусительныхъ мѣръ, которыя къ тому же были обращены и на имперскія провинціи, находившіяся до того въ привилегированномъ положеніи.

Но если было бы напрасно искать опредѣленной системы мѣръ въ имперской національной политикѣ, то цѣли, преслѣдовавшіяся этой политикой, всегда ясны и едины во все существованіе государства, начиная отъ московскаго періода и до нашихъ дней. Цѣль эта—искорененіе политическаго сепаратизма присоединенныхъ и присоединяемыхъ провинцій и установленіе государственнаго единства на всемъ пространствѣ имперской территоріи. Цѣли эти, обычно наблюдаемыя въ исторіи всякаго государства, которое перерастаетъ этнографическія границы создавшаго его народа, столь же обычно ведутъ къ тому, что наряду съ искорененіемъ политическаго сепаратизма искореняются всѣ мѣстныя областныя и національныя особенности. А установленіе государственнаго единства, понятіе какового смѣшивается съ понятіемъ единства національнаго, ведетъ къ тому, что во имя принципа единаго государства насильственно денаціонализируются недержавныя народности.

Характеръ имперской національной политики выразился наиболѣе полно и послѣдовательно въ отношеніи къ русскимъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ Россійскаго государства. По этому вопросу имперское правительство имѣетъ не только вѣковую практику, которая достаточно краснорѣчива, но и офиціальную, такъ сказать, идеологію. Основы этой практики и идеологіи восходятъ къ московской эпохѣ россійской государственности и мало въ чемъ измѣнились и въ императорскій ея періодъ.

Въ московскую эпоху собиранія русскихъ земель государственное единство достигалось преимущественно механическими средствами, среди которыхъ фигурировали и массовое истребленіе жителей даннаго города, какъ во Псковѣ, и переселеніе болѣе зажиточной части жителей, служилыхъ людей, бояръ, купцовъ, въ Москву и замѣна ихъ соотвѣтствующими московскими людьми, какъ это случилось съ разными городами сѣвера и востока Россіи. Въ болѣе позднюю московскую эпоху и потомъ въ императорскій періодъ, когда присоединяемыя области стали болѣе обширными и болѣе отличными отъ государственнаго центра, подобныя механическія средства стали невозможными и были замѣнены другими, болѣе сложными и приноровленными ко времени и обстоятельствамъ. Практически эти средства были примѣнены Петромъ I, который въ разгаръ борьбы съ гетманомъ Мазепой объявилъ о

полномъ отказѣ отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Малороссіи и о томъ, что „въ царскую казну ни единаго пѣнязя брать не повелѣно“, а послѣ побѣды надъ Мазепой на просьбу избрать гетмана отвѣтилъ указомъ, въ которомъ говорится, что „со временъ перваго гетмана Богдана Хмельницкаго даже до Скоропадскаго, всѣ гетманы явились измѣнниками“, и учрежденіемъ извѣстной „малороссійской коллегіи“, въ которой малорусскимъ было только названіе. Отчетливое литературное выраженіе эта національная практика нашла въ словахъ Екатерины II, которая въ 1764 г. въ секретномъ наставленіи генералъ-прокурору князю Вяземскому пишетъ: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было; однако-жъ, и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на таковомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать, съ достовѣрностію, глупость. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, что бы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмана исчезло, не токмо-бъ персона какая была произведена“ [1]).

И если отмѣченная выше общая непослѣдовательность имперской національной политики сдѣлала то, что Финляндія и отчасти Лифляндія и понынѣ сохранили „конфирмованныя привилегіи“, то въ Малороссіи самое имя этихъ привилегій исчезло. По отношенію къ этой послѣдней странѣ, какъ къ населенной однимъ изъ русскихъ племенъ, имперская національная практика была непреклонной и немѣняющейся. И цѣль была достигнута: не обрусѣлъ, какъ того хотѣла Екатерина II, малорусскій народъ, но обрусѣло его дворянство и частью городскіе классы, крестьянство было пріобщено къ общеимперскому крѣпостному состоянію, исчезъ самобытный внутренній строй, національная школа, самоуправленіе, замѣнившись общеимперскими установленіями.

Съ аналогичною послѣдовательностью національная практика проведена и по отношенію къ другому русскому племени — бѣлоруссамъ; здѣсь подобная послѣдовательность была тѣмъ болѣе легка, что бѣлоруссы ко времени присоединенія ихъ къ имперіи не имѣли національнаго внутренняго распорядка, и имперскому правительству не нужно было думать о „конфирмованныхъ привилегіяхъ“.

Одновременно съ послѣдовательной и дававшей обильные результаты

---

[1]) Сборн. Русскаго Истор. Общества. Т. VII, стр. 348.

національной практикой имперскаго правительства по отношенію къ русскимъ племенамъ, наростала и развивалась оправдывавшая эту практику національная панрусская идеологія. Напрасно филологія говоритъ о томъ, что русскій языкъ былъ общимъ для нынѣшнихъ русскихъ племенъ только въ доисторическое, почти недоступное для точныхъ изслѣдованій время, что нынѣшній русскій литературный языкъ создался не на основѣ всѣхъ трехъ русскихъ языковъ, а на основѣ одного изъ поднарѣчій (московскаго) великорусскаго языка; напрасно антропологи утверждаютъ, что великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій антропологическіе типы существенно отличаются одинъ отъ другого, что общерусскаго типа не существуетъ; напрасно утверждаетъ то же этнографія и фольклоръ; напрасно исторія говоритъ о томъ, что на территоріи нынѣшней Россіи въ древній періодъ существовало нѣсколько самостоятельныхъ государствъ, среди которыхъ Московское княжество было самымъ молодымъ, что историческія традиціи и основы государства Кіевскаго, государства Московскаго и сѣверныхъ русскихъ республикъ имѣютъ между собою весьма мало общаго; напрасенъ,наконецъ, самый фактъ существованія Галиціи и Буковины, никогда и ни съ какой стороны не входившихъ въ сферу воздѣйствія Московскаго государства и оставшихся внѣ территоріи нынѣшней Россійской имперіи; все это напрасно,—официальные представители панрусской идеологіи утверждаютъ иное. По ихъ ученію, на территоріи отъ Карпатъ до Урала живетъ единый русскій народъ, говорящій на единомъ русскомъ языкѣ, жившій всегда единой исторической жизнью, приверженный къ единымъ историческимъ традиціямъ, причемъ подъ словомъ—русскій—понимается—великорусскій.

„Не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого малороссійскаго языка“—восклицалъ уже въ 1863 году министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, положившій крѣпкое начало самымъ жестокимъ цензурнымъ мѣрамъ противъ украинскаго языка. Правда, въ министерство того же Валуева и съ его вѣдома, кіевскій генералъ-губернаторъ, въ виду польскаго возстанія и движенія среди поляковъ правобережной Украины, распространялъ правительственныя прокламаціи среди населенія на томъ же „малороссійскомъ языкѣ“, котораго „не было“, но польское возстаніе закончилось благополучно для имперскихъ границъ, и малороссійскаго языка снова не стало для имперскаго правительства—вплоть до октября 1905 года, когда революція, на этотъ разъ уже общеимперская, снова поставила на очередь вопросъ о существованіи не одного русскаго. языка, а цѣлыхъ трехъ: великорускаго, украинскаго и бѣлорусскаго.

Иные моменты имперской національной политики наблюдаются въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ противъ поляковъ. Здѣсь смѣшеніе принциповъ

государственнаго единства съ единствомъ національнымъ наступило не сразу, а когда, наконецъ, наступило, то для своего теоретическаго оправданія не нашло положительной формулы и вынуждено было довольствоваться формулой отрицательнаго порядка, а именно: поляки—враги и измѣнники славянства. Эта формула удобна тѣмъ, что въ нее можно вложить любое содержаніе, что она оправдываетъ все, въ томъ числѣ и то, какимъ образомъ славянское государство, считающее себя призваннымъ къ руководительству славянами, къ защитѣ славянской идеи и къ поддержкѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, можетъ подавлять и денаціонализировать другое славянское племя.

Но польскій вопросъ оказался сложнымъ клубкомъ съ вплетенными въ него международными интересами, и къ опыту денаціонализаціи польскаго населенія, или, — какъ выражались официальные представители официальной государственности и славянофильскихъ идей, — къ „располяченію Польши", имперское правительство приступило не тотчасъ послѣ раздѣловъ исторической Польши. а лишь послѣ подавленія второго польскаго возстанія, когда призраки международнаго вмѣшательства исчезли, когда, казалось, польскій политическій сепаратизмъ былъ искорененъ безъ остатка, когда представителю официальной политики князю Черкасскому показалось возможнымъ сдѣлать заявленіе о томъ, что „нѣтъ на свѣтѣ силы, которая могла бы дать польскому вопросу новую жизнь". Сила эта, по справедливому замѣчанію проф. Погодина, нашлась, и гордое заявленіе князя Черкасскаго превратилось въ пустой звукъ. Сила эта „заключалась въ той живучести польскаго общественнаго организма, о которой въ эпоху возстанія даже не подозрѣвали наши дѣятели. Попытки обрусителей разбились о ту крѣпость народныхъ началъ, которую воздвигли противъ нихъ общими усиліями всѣ классы народа". „Располячить Польшу" имперскому правительству не удалось ни въ какомъ отношеніи, если не считать внѣшнихъ формъ мѣстнаго управленія, которыя замѣнены общеимперскими установленіями съ правомъ службы въ нихъ лишь лицъ не польскаго происхожденія, но культурный ущербъ, причиненный Польшѣ этой политикой „располяченія", внѣ всякаго сомнѣнія. Депутатъ 3-й государственной думы отъ города Варшавы Дмовскій въ своей парламентской рѣчи иллюстрируетъ этотъ ущербъ маленькимъ, какъ онъ выразился, фактомъ, а именно: „въ г. Варшавѣ въ 1828 году было больше училищъ сравнительно съ численностью населенія, чѣмъ въ 1900 году".

Въ своемъ стремленіи къ „располяченію Польши" правительство прибѣгало даже къ такимъ опаснымъ пріемамъ, какъ обостреніе мѣстныхъ классовыхъ и національныхъ противорѣчій. Ради этого оно отступило въ Польшѣ отъ своего обычнаго подозрительно-попечительнаго отношенія къ крестьянамъ и благожелательнаго къ помѣщикамъ и провело въ Польшѣ извѣ-

стную Милютинскую крестьянскую реформу, въ которой рѣзко подчеркнуто благожелательное отношеніе къ польскимъ крестьянамъ и пренебреженіе къ интересамъ польскаго дворянско-помѣщичьяго класса. Съ подобной же цѣлью въ 1864 году намѣстнику Царства Польскаго дѣлаются между прочимъ указанія на то, „что населеніе Царства состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ и вѣроисповѣданіямъ. Каждое изъ нихъ должно быть ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ; а въ школахъ общихъ, особенно же низшихъ, ввести обученіе на родномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или же на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей". И это вопреки имперскимъ традиціямъ, признающимъ лишь русскую школу.

Всѣ эти попытки сѣянія національной и классовой розни не привели къ ожидавшимся отъ нихъ результатамъ. Въ крестьянахъ польскихъ деревень національное движеніе нашло новую, свѣжую и неискоренимую опору; нѣмцы, литовцы и евреи не стали патріотами обрусительнаго типа; русскіе Царства, подъ которыми подразумѣвались уніаты-малороссы Холмщины, мѣрами имперской церковной политики были отброшены въ объятія католической церкви.

Въ настоящее время польскій вопросъ стоитъ на мертвой точкѣ, съ которой его нельзя сдвинуть тѣми способами, какіе имѣются у двухъ борющихся сторонъ. Въ 3-ей государственной думѣ лидеръ польскихъ депутатовъ заявилъ отъ имени Царства Польскаго, „что польскій народъ никогда не примирится съ положеніемъ гражданъ второй степени въ государствѣ и никогда не способенъ будетъ примириться съ государствомъ, въ которомъ ему предназначается такое мѣсто". И въ той же думѣ и въ томъ же засѣданіи высшій представитель имперскаго правительства отвѣтилъ на это заявленіе слѣдующими словами: „Сплотитесь сначала общенаціональнымъ цементомъ и тогда требуйте отъ насъ децентрализаціи.—Станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо—это быть *русскимъ* гражданиномъ, носите это званіе такъ же высоко, какъ носили его когда-то римскіе граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами перваго разряда и получите всѣ права!"

Проявленія имперской національной политики въ панрусскомъ и польскомъ вопросахъ обнимаютъ собою почти всѣ формы репрессій, направлявшихся и на другія недержавныя націи Россіи. Опытъ религіозныхъ стѣсненій, связанныхъ съ національными, произведенъ былъ почти надъ всѣми народностями, исповѣдывавшими не-православную религію. Своеобразный опытъ отождествленія съ русскимъ народомъ испытала Литва, которой

рекомендовалось принять русскій алфавитъ, русскую письменность и православіе. Опыты обостренія классовыхъ и національныхъ противорѣчій практиковались въ обширныхъ размѣрахъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ имперское покровительство поочередно направлялось то на мѣстныхъ крестьянъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ латышамъ и эстамъ, то на феодально-помѣщичій классъ, представительствуемый нѣмецкими баронами, пока, наконецъ, окончательно не укрѣпилось за баронами. Къ тому же методу во времена Бобриковскаго режима неудачно прибѣгали и въ Финляндіи, воздѣйствуя на финскихъ торпарей, живущихъ на шведскихъ земляхъ. Тому же пріему Кавказъ обязанъ извѣстной Бакинской рѣзней, татаро-армяно-грузинскими и другими національными столкновеніями.

Опыты разнообразныхъ, прямыхъ и непосредственныхъ національныхъ репрессій испытали всѣ народности Россіи, но пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ еврейскому народу, къ которому примѣнены такія средства національнаго воздѣйствія, какихъ не знаетъ никакая другая народность имперіи. Для нихъ однихъ возстановлена практика средневѣковаго гетто въ видѣ пресловутой черты осѣдлости, на тѣлѣ еврейскаго народа эта политика пролагаетъ всѣ свои изгибы—прихотливые, подчасъ полные ужаса и неожиданности...

Отношеніе имперскаго правительства къ народностямъ Сибири и средней Азіи тоже насквозь пропитано тѣмъ же духомъ національнаго гнета, хотя не всегда и не вездѣ могло принять его специфическія формы. Зато оно проявлялось въ весьма безцеремонномъ обираніи этихъ племенъ путемъ всевозможныхъ повинностей и въ крайне равнодушномъ попустительствѣ по отношенію къ разнаго рода хищникамъ, эксплоатирующимъ мѣстное населеніе. Иллюстраціи подобнаго отношенія подчасъ бывали необыкновенно красочны, хотя и очень рѣдко получали надлежащую огласку. Для средне-азіатскихъ владѣній характеренъ, напримѣръ, имѣвшій мѣсто лѣтъ 15 назадъ фактъ покупки вѣтра у сартовъ однимъ изъ начальствующихъ лицъ; лицо это впослѣдствіи, какъ владѣющее вѣтромъ, собирало долгое время съ сартовъ налогъ съ вѣтряныхъ мельницъ, съ вьющагося въ воздухѣ дыма, съ сушившагося бѣлья и пр. Для востока Сибири характеренъ другой фактъ, носящій всѣ слѣды истиннаго трагизма и происшедшій въ 1906 году, когда значительная часть чукчей на племенномъ совѣтѣ рѣшила покончить общимъ самоубійствомъ и привело это рѣшеніе въ исполненіе [1]).

Многочисленные и разнообразные методы и пріемы имперской національ-

---

[1]) Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось установить подробностей этого въ высшей степени интереснаго факта. См. „Наша Жизнь“ отъ 17-го марта 1906.

ной политики, практиковавшіеся безъ помѣхи и почти безъ активнаго сопротивленія на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, не привели къ тому, на что были разсчитаны,—къ денаціонализаціи недержавныхъ народностей. Особенно безплодной эта политика оказалась на западѣ и югѣ имперіи. Болѣе того, „національный гнетъ, ознаменовавшій „русскую“ политику на всѣхъ окраинахъ имперіи, содѣйствовалъ ихъ національному развитію въ такой же мѣрѣ, какъ нѣкогда въ 17—18 вѣкахъ гнетъ Турціи сохранилъ народности сербскую и болгарскую“ [1]).

III.

Русское (великорусское) общественное мнѣніе до самаго послѣдняго времени мало занималось національными вопросами, плохо оцѣнивая всю ихъ важность для такого пестраго въ племенномъ отношеніи государства, какъ Россію. Имперская національная политика принималась обществомъ, какъ нѣчто обычное и должное, безъ протеста, иногда съ сочувствіемъ, чаще всего съ равнодушнымъ безразличіемъ. И это относится не только къ консервативной части великорусскаго общества, но въ извѣстной мѣрѣ и къ прогрессивнымъ его кругамъ. Рѣдкіе протесты подавляемыхъ народностей выслушивались съ нетерпѣливой и неохотной скукой, какъ нѣчто надоѣвшее и постылое, какъ безнадежная тяжба обивающаго пороги истца.

Такое отношеніе явилось результатомъ многихъ причинъ, среди которыхъ главная та, что имперская національная политика для русскаго (великорусскаго) общества, хотя бы и прогрессивной его части, была зломъ лишь съ точки зрѣнія высшей справедливости; въ дѣйствительности же она не только ни съ какой стороны не касалась этого общества, не только не затрагивала прямыхъ его интересовъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была небезвыгодна для него. Насильственное обрусѣніе, будучи само по себѣ въ глазахъ прогрессивной части русскаго общества дѣломъ нечистымъ, къ которому оно старалось не прикладывать своей руки, влекло, однако, для него нѣкоторыя прямыя выгоды, вливая въ него новые кадры интеллигентовъ, среди которыхъ нерѣдко попадались и крупные таланты; единый имперскій языкъ и единые имперскіе законы и установленія открывали ему возможность удобной и легкой государственной службы на всемъ пространствѣ имперіи, удобныя сношенія со всѣми ея частями, удобное передвиженіе; принадлежность къ господствующей національности сама по себѣ создавала привилегированное положеніе во многихъ областяхъ ученой, общественной, государ-

[1]) Проф. А. Л. Погодинъ. Главныя теченія польской политической мысли. Стр. 33.

ственной и даже частной жизни. Къ этому надо прибавить и то, что, по справедливому замѣчанію проф. Грушевскаго, „въ глазахъ представителей прогрессивныхъ теченій понятіе національности слишкомъ часто компрометировалось формулами офиціальной народности, фактами шовинистическаго націонализма, націоналистическаго обскурантизма и нетерпимости“. Далѣе, само великорусское общество, испытавъ въ исторіи своей всѣ виды политическаго гнета, никогда не знало національнаго угнетенія, благодаря чему очи этого общества, зоркія въ области политическихъ и общественныхъ явленій, были поражены своего рода національной аберраціей; совѣсть его, чуткая ко всѣмъ видамъ и формамъ насилія, слабо и неувѣренно реагировала на насилія національнаго порядка.

Первый по времени протестъ недержавныхъ націй, обращенный непосредственно къ великорусскому общественному мнѣнію, не имѣлъ никакого успѣха. Протестъ этотъ раздался въ засѣданіи Екатерининской комисіи отъ имени украинскихъ депутатовъ, поддержанныхъ депутатами лифляндскими и эстляндскими, уже тогда предвидѣвшими въ перспективѣ появленіе гражданъ второй степени. Безъ протеста со стороны комисіи представитель Екатерины II маршалъ Бибиковъ объявилъ, что заявленіе означенныхъ депутатовъ о сохраненіи автономныхъ распорядковъ на ихъ родинѣ незаконно, и что комисія „не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, кромѣ того, для чего учреждена“.

Въ дальнѣйшемъ будущемъ не только консервативные или равнодушные, но даже и рѣзко оппозиціонные представители великорусскаго общества весьма мало расходились съ правительствомъ въ оцѣнкѣ разнообразныхъ моментовъ имперской національной политики.

Пестель и правительство Николая I не сходились лишь по вопросу о независимости Царства Польскаго; относительно всѣхъ прочихъ народностей авторъ „Русской Правды“ проповѣдуетъ ту политику централизма и денаціонализаціи, которая и донынѣ характерна для имперскаго правительства; „всѣхъ жителей, говоритъ онъ, населяющихъ губерніи Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую, истинными россіянами почитать;“ „всѣ племена (населяющія Россію) должны слиты быть въ одинъ народъ“ [1]).

---

[1]) Интересно отмѣтить, что въ еврейскомъ вопросѣ Пестель является рѣшительнымъ провозвѣстникомъ новѣйшихъ теченій сіонизма. Для разрѣшенія еврейскаго вопроса между прочимъ онъ рекомендуетъ способъ, который „состоитъ въ содѣйствіи евреямъ къ учрежденію особеннаго отдѣльнаго государства въ какой либо части Малой Азіи“. „Для сего нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войскъ имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся въ одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищу-

Пушкина польское возстаніе вызвало на сочиненіе извѣстныхъ стихотвореній, написанныхъ въ духѣ офиціальнаго патріотизма. Бѣлинскій нашелъ въ себѣ возможность поносить Шевченка за его мужицкій языкъ. Статья Герцена, написанная имъ въ защиту поляковъ во время второго польскаго возстанія, лишила его изданіе подписчиковъ и читателей. Старое славянофильство, устами Самарина, требовало отъ поляковъ „отреченія отъ латинства“, а въ лицѣ Хомякова опредѣляло значеніе украинскаго Кирилло-Мефодіевскаго общества, весьма близкаго по существу своего ученія къ славянофильству, словами: „нелѣпость, отсталость и безтолковость“; третья дума, предсѣдателемъ которой состоитъ сынъ Хомякова, рукоплещетъ словамъ о гражданахъ второй степени.

Эти примѣры можно было бы умножить, взявши ихъ изъ жизни различныхъ эпохъ и различныхъ общественныхъ группъ, отъ консервативныхъ до прогрессивныхъ, и всѣ они укажутъ на то, что имперское правительство, проводя свою національную политику, состоявшую въ подавленіи всѣхъ сторонъ національной жизни недержавныхъ народностей, было не одинокимъ и въ значительной мѣрѣ пользовалось общественной поддержкой господствующей великорусской народности, національнымъ представителемъ которой оно было и намѣрено остаться въ будущемъ. Можно, конечно, привести и противоположные примѣры, но ихъ было и меньше, и они имѣли меньшее общественное значеніе.

За послѣднее время сознаніе русскаго (великорусскаго) общества значительно прояснилось, и въ вопросахъ національной политики оно замѣтно дифференцировалось. Наступило пониманіе всей важности и этихъ вопросовъ и всѣхъ опасностей, которыя можетъ повлечь за собою подавленіе и даже простое неудовлетвореніе національныхъ нуждъ и запросовъ недержавныхъ народностей Россіи; смѣшеніе понятій государственнаго единства съ единствомъ національнымъ перестало характеризовать политическое мышленіе значительныхъ прогрессивныхъ круговъ.

Но такая перемѣна произошла лишь въ передовыхъ группахъ общества, широкіе же общественные круги и понынѣ блуждаютъ, какъ во тьмѣ, въ области національныхъ вопросовъ и склонны по-прежнему то къ равнодушно-презрительному, то прямо къ враждебному отношенію ко всякому проявленію національныхъ движеній въ средѣ инородческихъ племенъ, особенно въ средѣ тѣхъ племенъ (украинскаго и бѣлорусскаго), которыя офиціально

щихъ отечество, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, и, пройдя всю Европейскую Турцію, перейти въ Азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство“. Русская Правда, § 14 главы второй „О племенахъ, Россію населяющихъ“. Стр. 53.

признаются идентичными съ великорусскимъ народомъ. Прошлое никогда не уходитъ, не оставивъ своего наслѣдства будущему.

Программы русскихъ (великорусскихъ) имперскихъ политическихъ партій въ той своей части, которая говоритъ о національномъ вопросѣ, какъ нельзя лучше отражаютъ въ своемъ содержаніи преемственную связь съ пережитымъ прошлымъ. У партій, поставившихъ своей задачей поддержку стараго курса имперской національной политики, связь эта выражается въ ясной постановкѣ испытанныхъ принциповъ централизма и обрусѣнія; у партій прогрессивнаго порядка прошлое сказывается въ неясномъ, блѣдномъ, неотчетливомъ и непринципіальномъ трактованіи національныхъ вопросовъ. Попытка „претворить интеллигентскіе идеалы въ осуществимыя практическія требованія и взять изъ литературныхъ декларацій все, что можетъ быть введено въ политическую программу“, дала въ своемъ результатѣ ясные и точные партійные взгляды на соціальныя, политическія и экономическія нужды имперіи, но показала вмѣстѣ съ тѣмъ всю немощность партійныхъ идеологій въ національномъ вопросѣ. Фактъ этотъ и понятенъ и извинителенъ, ибо „интеллигентскіе идеалы“ и „литературныя декларацiи“ въ прошломъ были также дѣтски безпомощны въ вопросахъ національнаго порядка [1]).

По отношенію къ національному вопросу всѣ имперскія политическія партіи могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: правительственную и оппозиціонную.

Правительственная группа, поддерживающая во всемъ объемѣ старый курсъ имперской національной политики, состоитъ изъ двухъ большихъ партій—Союза русскаго народа и Союза 17 октября—и промежуточныхъ между ними, сравнительно мелкихъ огранизацій—Русскаго Собранія, Партіи Правового Порядка, различныхъ умѣренныхъ, правыхъ и монархическихъ группъ. Наиболѣе отчетливое выраженіе національныхъ постулатовъ этой группы дано въ программѣ Союза русскаго народа, въ которой говорится слѣдующее: „Государственная дума должна быть національно-русскою. Русской народности

---

[1]) Въ прошломъ русской научной и даже публицистической литературы почти не существуетъ работъ, посвященныхъ національному вопросу. Старый споръ между славянофилами и западниками коснулся этого вопроса лишь отчасти и въ такой отвлеченной и туманной постановкѣ, которая отнюдь не способствовала его разъясненію. Лишь въ послѣднее время національные вопросы трактуются широко и плодотворно. Можно отмѣтить, что въ позднѣйшихъ работахъ по національному вопросу лучшіе преемники, какъ славянофильства (Вл. Соловьевъ), такъ и западничества (П. Н. Милюковъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій и др.), исходя изъ разныхъ и несовмѣстимыхъ соціальныхъ и философскихъ основаній, самымъ опредѣленнымъ и недвусмысленнымъ образомъ порываютъ съ возможностью въ той или иной мѣрѣ поддерживать старый, офиціальный курсъ имперской національной политики. Этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ отразился и на программахъ имперскихъ прогрессивныхъ партій.

собирательницѣ земли русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежитъ первенствующее значеніе въ государственной жизни и въ государственномъ строительствѣ. Союзъ не дѣлаетъ различія между великороссами, бѣлоруссами и малороссами. Всѣ учрежденія государства россійскаго объединяются въ прочномъ стремленіи къ неуклонному поддержанію величія Россіи и преимущественныхъ правъ русской народности, но на строгихъ началахъ законности, дабы множество инородцевъ, живущихъ въ нашемъ Отечествѣ, считали за честь и за благо принадлежать къ составу Россійской Имперіи и не тяготились бы своею зависимостью. Русская народность—есть народность державная; прочія народности въ Россіи пользуются правами гражданскаго равенства, за исключеніемъ евреевъ. Русскій языкъ есть господствующій языкъ Россійсской Имперіи для всѣхъ населяющихъ ее народовъ".

Программы прочихъ политическихъ партій, составляющихъ правительственную группу, говорятъ о національномъ вопросѣ то же, что и Союзъ русскаго народа, но въ выраженіяхъ, не всегда столь отчетливыхъ и допускающихъ иногда двусмысленныя толкованія. Особенно неотчетлива національная программа самой лѣвой изъ партій правительственной группы—Союза 17 октября. Съ одной стороны партія высказывается за „огражденіе единства политическаго тѣла" Россіи, за ея „сложившійся исторически унитарный характеръ", за „отрицаніе идеи федерализма въ примѣненіи къ русскому государственному строю". Съ другой стороны партія „допускаетъ объединеніе отдѣльныхъ мѣстностей имперіи въ областные союзы для расширенія задачъ, входящихъ въ предѣлы мѣстнаго самоуправленія и нисколько не препятствуетъ мѣстнымъ особенностямъ и интересамъ различныхъ національностей найти себѣ выраженіе и удовлетвореніе въ законодательствѣ и управленіи, основанныхъ на признаніи безусловнаго равенства въ правахъ всѣхъ русскихъ гражданъ". Такое промежуточное стояніе партіи между принципами „исторически сложившагося Унитарнаго характера" и безусловнымъ равенствомъ всѣхъ гражданъ, обозначенное Союзомъ 17 октября въ моментъ его возникновенія, продолжалось недолго. Подъ давленіемъ развертывающихся событій партія одобрительно отнеслась къ установленію военнаго положенія въ Польшѣ, „неохотно" одобрила актъ 3 іюня 1907 года, создавшій привилегированное политическое положеніе господствующей народности и давшій правительству возможность созвать „національно-русскую" государственную думу; отсрочила ad calendas graecas возможность дарованія гражданскаго равноправія евреямъ, апплодировала авторитетнымъ словамъ о гражданахъ второй степени и т. д. Въ настоящее время союзъ 17 октября въ трактованіи вопросовъ имперской національной политики мало чѣмъ отли-

чается отъ имперскаго правительства, которое въ свою очередь, устами главы кабинета министровъ въ 3-ей государственной думы въ рѣшительныхъ выраженіяхъ подтвердило всѣ программные пункты національной политики Союза русскаго народа.

Это согласіе главныхъ имперскихъ консервативныхъ партій и имперскаго правительства во взглядахъ на національный вопросъ въ Россіи проявляется въ послѣднее время всякій разъ, когда къ тому представляется удобный и неудобный случай. И если фактическое согласіе не перешло еще въ формальное соглашеніе, то это вопросъ формы и организаціонной выдумки. Роды этого правдоподобнаго соглашенія затрудняются съ одной стороны тѣмъ, что правительству неудобно открыто опираться на такую скомпрометированную организацію, какъ Союзъ русскаго народа; съ другой стороны, и Союзу 17 октября неловко вступить въ открытое соглашеніе съ явно анти-конституціоннымъ тѣмъ же Союзомъ русскаго народа. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ нѣкотораго вниманія возникшій въ новѣйшее время Всероссійскій Національный Союзъ. Задаваясь цѣлью содѣйствовать *господству русской народности* въ предѣлахъ Имперіи, онъ уже въ § 1 своего устава отграничиваетъ себя отъ родственныхъ ему по духу партій и, наряду съ основной задачей, считаетъ необходимымъ подчеркнуть также свое стремленіе упрочить „русскую государственность на началахъ самодержавной власти царя въ единеніи съ законодательнымъ народнымъ представительствомъ“ [1]). Не лишены интереса слова, которыми одинъ изъ иниціаторовъ и вдохновителей Союза привѣтствуетъ легализацію этой новой политической партіи. „Безъ принятыхъ ужимокъ и лицемѣрныхъ оговорокъ, мы ввели въ нашъ уставъ первый догматъ національности—*господство* своего племени въ государственной чертѣ. Мы, Божіею милостью, народъ русскій, обладатель Великой и Малой и Бѣлой Россіи, принимаемъ это обладаніе какъ исключительную милость Божію, которою обязаны дорожить и которую призваны охранять всемѣрно. Намъ, Русскимъ, недаромъ далось это господство... Ни съ того, ни съ сего дѣлить добытыя царственныя права съ покоренными народцами—что же тутъ *разумнаго*, скажите на милость? Напротивъ,—это верхъ политическаго слабоумія и представляетъ собой историческое мотовство, совершенно подобное тому, какъ въ купечествѣ „тятенькины сынки“—получивъ милліонъ—начинаютъ разбрасывать его лакеямъ и падшимъ женщинамъ. Сама природа выдвинула племя русское среди многихъ другихъ, какъ наиболѣе крѣпкое и даровитое. Сама исторія доказала неравенство маленькихъ племенъ съ нами. Скажите,—чтожъ тутъ *разумнаго* идти противъ природы и исторіи

---

[1]) Ср. Уставъ Всероссійскаго Національнаго Союза (утвержд. 3-го іюня 1908 г. въ Спб).

и утверждать равенство, котораго нѣтъ? И *справедливо* ли давать одни и тѣ же права строителямъ русскаго государства и разрушителямъ его?“ [1]).

Ясно, что происходитъ процессъ концентраціи всѣхъ консервативныхъ общественныхъ силъ великорусской народности, которыя смыкаютъ свои ряды для защиты создавшагося исторически привилегированнаго своего положенія въ государствѣ и для упроченія этого положенія въ будущемъ.

Оппозиціонная группа имперскихъ политическихъ партій, отъ мирнаго обновленія и до соціалдемократіи включительно, въ частяхъ своихъ программъ, трактующихъ о національномъ вопросѣ, весьма единодушно и самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ съ традиціонной имперской національной политикой, но дѣло положительнаго національнаго устроенія представляетъ себѣ неясно, ограничиваясь общими формулами, въ которыя можетъ быть вложено самое скудное содержаніе.

Партія мирнаго обновленія, самая правая изъ оппозиціонныхъ партій, скупо роняетъ слова о равенствѣ передъ закономъ всѣхъ гражданъ, безъ различія національности, о томъ, что „предоставленіе автономнаго управленія отдѣльнымъ областямъ (опредѣленнымъ территоріальнымъ единицамъ) не должно простираться далѣе признанія за ними законодательныхъ полномочій по вопросамъ исключительно мѣстнаго значенія“, и о томъ, что „идея равноправности должна явиться связующимъ звеномъ окраинъ съ центромъ“. Въ программѣ партіи мирнаго обновленія совершенно не различаются понятія областной и національной автономій и обойденъ равнодушнымъ умолчаніемъ вопросъ о языкѣ въ школѣ, въ судахъ, въ администраціи, на собраніяхъ и пр.

Почти также скудно и неотчетливо говоритъ о національномъ вопросѣ и самая лѣвая партія въ составѣ оппозиціонной группы — соціалдемократія. „Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“, право національныхъ языковъ въ школахъ, въ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ и на собраніяхъ; и наконецъ, „областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются бытовыми условіями и составомъ населенія“. Это все, что говорится въ программѣ соціалдемократіи о національномъ вопросѣ. Въ программѣ партіи, охотно рисующей будущій соціальный и политическій строй въ самыхъ детальныхъ подробностяхъ, будущее національнаго вопроса осталось внѣ поля зрѣнія; партія не сумѣла даже различить границъ этого вопроса отъ сосѣдняго, но далеко не идентичнаго съ нимъ вопроса областного.

Другая крайняя лѣвая оппозиціонной группы—партія соціалистовъ-

---

[1]) См. „Новое Время“ отъ 5/18-го іюня 1908 г, № 11576.

революціонеровъ, въ опредѣленіи положительнаго національнаго устроенія идетъ немного дальше своей сосѣдки и соперницы. Кромѣ общихъ формулъ о равноправіи націй и ихъ языковъ, партія соціалистовъ-революціонеровъ предвидитъ для будущаго „возможно болѣе широкое примѣненіе федеративнаго начала къ отношеніямъ между отдѣльными національностями". Но затронутаго вопроса „о федеративномъ началѣ" ни въ программѣ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ имперская партія соціалистовъ-революціонеровъ не развиваетъ, и приведенная выше цитата стоитъ въ программѣ одиноко и голо, какъ намекъ, какъ нѣчто, что должно было кристаллизоваться и не кристаллизовалось.

Двѣ другія соціалистическія, близкія между собою, партіи оппозиціонной группы—народно-соціалистическая и трудовая группа—вносятъ весьма мало положительнаго содержанія въ разрѣшеніе національнаго вопроса. Народные соціалисты, подобно соціалдемократамъ, смѣшиваютъ понятія національно-областной и національной автономій, говоря о „введеніи въ тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ этого пожелаетъ населеніе, національно-областной и областной автономіи, съ предоставленіемъ областнымъ представительнымъ учрежденіямъ, организованнымъ на широкихъ демократическихъ началахъ, законодательныхъ правъ по мѣстнымъ дѣламъ". Трудовая группа высказываетъ этическія пожеланія объ уничтоженіи „всякихъ притѣсненій одной національностью другихъ", утверждаетъ за каждой національностью „право на національную автономію", заботится объ обезпеченіи въ каждой области интересовъ меньшинства, но далѣе этихъ общихъ формулъ и словъ не идетъ.

Срединная партія оппозиціонной группы—партія народной свободы, признавая, какъ и всѣ другія оппозиціонныя партіи, необходимость равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ безъ различія національности, дальнѣйшее положительное рѣшеніе національнаго вопроса откладываетъ до фактическаго упроченія новаго конституціоннаго строя въ имперіи. Въ § 24 своей программы партія народной свободы говоритъ: „Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего Россійскаго государства долженъ быть открытъ правомѣрный путь въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно потребности населенія". Особыя оговорки дѣлаются относительно Царства Польскаго и Финляндіи. Исторія возникновенія § 24 въ программѣ партіи народной свободы, въ первоначальной редакціи принятаго еще на одномъ изъ земскихъ съѣздовъ, указываетъ на то, что онъ явился результатомъ соглашенія между представителями имперскихъ прогрессивныхъ группъ и представителями національныхъ организацій недержавныхъ народностей

имперіи. Въ сжатой, но многосложной формулѣ этого параграфа содержится, съ одной стороны—утвержденіе имперскаго единства и единаго имперскаго суверенитета; съ другой — установленіе за національностями права на всестороннюю организацію національныхъ силъ. Такая постановка національнаго вопроса, не отличаясь принципіальной отчетливостью, содержитъ въ себѣ много осторожности и вводитъ вопросъ въ рамки времени и постепенности государственнаго строительства.

IV.

Интересно прослѣдить, какъ эти національныя сужденія, представлявшія собою въ сущности не болѣе какъ аморфную массу настроеній, начали кристаллизоваться въ опредѣленныя *политическія* формы.

Въ продолженіе всей хотя и не долгой законодательной дѣятельности имперскаго парламента—государственной думы—національные вопросы возникали обычно какъ элементъ вводный. И хотя они трактовались иногда бурно и страстно, но не эти вопросы создавали почву для внутреннихъ парламентскихъ конфликтовъ и треній. Тѣмъ не менѣе въ дѣятельности государственной думы можно отмѣтить нѣсколько моментовъ, которые имѣютъ крупное показательное значеніе. Самымъ яркимъ и цѣльнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи является несомнѣнно отвѣтный адресъ первой государственной думы, отразившій въ себѣ, какъ въ фокусѣ, настроеніе имперскаго населенія въ тотъ періодъ. Отношеніе къ національному вопросу въ Россіи получило здѣсь свое выраженіе въ слѣдующемъ фрагментѣ: „Государственная Дума считаетъ необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ этихъ племенъ и народностей возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Государственная Дума озаботится удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ“.

Послѣ дружныхъ рѣчей ораторовъ прогрессивнаго лагеря въ защиту приведеннаго текста эта часть отвѣтнаго адреса была принята думой единогласно. Думская правая не реагировала на нее, если не считать жалкой выходки свящ. Концевича[1]); имперское правительство, въ лицѣ тогдашняго

[1]) Свящ. Концевичъ, крайній правый, обрусѣвшій украинецъ, внесъ слѣдующую поправку: „Государственная Дума озаботится о широкомъ удовлетвореніи этихъ (національныхъ) нуждъ, чтобы Россія, населенная многочисленными племенами и народно-

предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина, прочитавшаго въ думѣ правительственную декларацію, обошло молчаніемъ эту часть адреса.

Въ дальнѣйшей дѣятельности первой думы сужденія по національному вопросу возникали главнымъ образомъ во время преній по аграрному вопросу, причемъ высказывались, однако, почти исключительно представители недержавныхъ національностей, требовавшіе предоставленія разрѣшенія аграрнаго вопроса мѣстнымъ автономнымъ учрежденіямъ. Другимъ значительнымъ поводомъ къ тому, что были высказаны національныя сужденія, въ томъ числѣ и представителями имперскихъ партій, былъ запросъ о погромѣ въ Бѣлостокѣ. Но этотъ поводъ не принадлежитъ къ тѣмъ поводамъ, при которыхъ ораторы способны оставаться невозмутимыми и спокойно строить сложныя сужденія въ плоскости чисто *національныхъ* вопросовъ.

Въ общемъ движеніе національнаго вопроса въ первой государственной думѣ не вышло изъ предѣловъ чисто отвлеченной и декларціонной постановки національной проблемы.

Вторая государственная дума, въ своихъ отношеніяхъ къ національному вопросу, во многомъ аналогична первой думѣ. Отвѣтнаго адреса вторая дума не составляла, но рѣчи многочисленныхъ депутатовъ даютъ право думать, что вторая дума создала бы идентичный адресъ, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая декларировала бы этотъ вопросъ.

Несмотря, однако, на сходство отношеній первыхъ двухъ думъ къ національному вопросу, между ними есть и крупная разница, которая является какъ бы подготовкой и введеніемъ къ національнымъ сужденіямъ третьей думы. Представители недержавныхъ народностей, декларировавшіе въ первой думѣ лишь общія національныя пожеланія, во второй думѣ говорятъ болѣе точнымъ и опредѣленнымъ языкомъ. Поляки, въ первой думѣ ограничившіеся общимъ и неопредѣленно-широкимъ заявленіемъ о своихъ правахъ, вносятъ во вторую думу подробный и довольно умѣренный проектъ автономіи Царства Польскаго; представители другихъ національностей вмѣсто общаго выраженія „мѣстныя учрежденія“ говорятъ объ опредѣленныхъ національныхъ и областныхъ автономныхъ сеймахъ; въ союзѣ автономистовъ замѣчается движеніе въ пользу конкретной постановки междунаціональной поддержки на опредѣленныхъ условіяхъ. Движеніе національнаго вопроса во второй думѣ идетъ

сями, потеряла свое своеобразіе и даже самое свое имя“. Съ достойнымъ спокойствіемъ дума перешла къ порядку дня, минуя эту поправку, какъ отвергнутую a limine и потому какъ бы не существовавшую; самъ авторъ поправки, растерявшись отъ своей выходки, голосовалъ противъ самого себя за текстъ комиссіи. (Приведенная здѣсь цитата, предыдущія и всѣ послѣдующія взяты изъ офиціальныхъ изданій стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ государственной думы).

въ направленіи отъ общаго къ частному, отъ логическихъ сужденій къ реальному осуществленію, отъ maximum'а къ minimum'у[1]).

И вотъ этотъ новый фазисъ національныхъ проявленій, отличавшійся уже большей конкретностью, вызываетъ движеніе и у представителей имперскаго правительства и у представителей правительственныхъ партій. Правительство во второй думѣ не замалчиваетъ національнаго вопроса; въ деклараціи главы имперскаго министерства находится слѣдующій фрагментъ: „Самоуправленіе на тѣхъ же общихъ основаніяхъ (что и въ коренной Россіи) съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями, предполагается ввести въ Прибалтійскомъ, Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, за выдѣленіемъ въ особую административную единицу мѣстностей, въ которыхъ сосредоточивается изстари чисто русское населеніе, имѣющее свои спеціальные интересы". Въ этихъ словахъ П. А. Столыпина, сказанныхъ въ манерѣ и тонѣ канцелярскаго слога, безъ труда можно отыскать все тѣ же руководящія начала традиціонной національной политики имперскаго правительства; эмбріонально въ нихъ усматриваются и „граждане второй степени"; рѣчи другихъ представителей кабинета, не связанныхъ декларативнымъ характеромъ своихъ сужденій, даютъ на то многочисленныя указанія.

Точно также и правая опредѣляетъ свое отношеніе къ національнымъ вопросамъ несравненно ярче, чѣмъ это было въ первой думѣ. Выходки à la Концевичъ уступаютъ мѣсто обширнымъ парламентскимъ рѣчамъ, въ которыхъ послѣдовательно проводятся націоналистическіе принципы агрессивнаго характера. Предѣлы этой послѣдовательности весьма рельефно очерчиваются въ одной изъ такихъ рѣчей, принадлежащей депутату Келеповскому[2]). Деп. Келеповскій говорилъ по аграрному вопросу. Онъ не равнодушенъ „къ народнымъ нуждамъ", онъ знаетъ, „что положеніе земледѣльческихъ классовъ русскаго народа тяжело, что слѣдуетъ напречь всѣ усилія для того, чтобы облегчить его положеніе", онъ хочетъ „приложить всѣ силы къ дѣлу исцѣленія бѣдной родины", но онъ — противникъ выставленнаго первой и второй думами принципа принудительнаго отчужденія, онъ ищетъ

---

[1]) Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ особенно характерно то, что междунаціональный союзъ, въ первой думѣ носившій названіе союза автономистовъ-федералистовъ, во второй думѣ именуется лишь союзомъ автономистовъ.

[2]) Въ свое время рѣчь деп. Келеповскаго не встрѣтила соотвѣтствующей оцѣнки и отзвучала безъ надлежащаго вниманія широкихъ круговъ имперскаго общества. Нынѣ, когда принципы, положенные въ ея основаніе, получили законодательное признаніе въ прусскомъ ландтагѣ и палатѣ господъ, когда имѣются многочисленныя устныя и печатныя извѣстія о томъ, что въ духѣ этихъ принциповъ работаетъ на окраинахъ „союзъ русскаго народа", когда въ Россіи живетъ и законодательствуетъ третья дума, состоящая въ большинствѣ изъ депутатовъ, близкихъ программно къ деп. Келеповскому, рѣчь его окрашивается въ зловѣщіе цвѣта.

„законнаго рѣшенія вопроса“ о земельной нуждѣ русскаго крестьянства—и деп. Келеповскій находитъ это „законное рѣшеніе“. Онъ находитъ „видъ земельной собственности, который принадлежитъ по праву“ русскому народу; это—территоріи завоеванныхъ и присоединенныхъ Россіей окраинъ. „Главное значеніе этихъ завоеваній, думаетъ деп. Келеповскій, въ томъ, что они образовали запасный фондъ (земельный), которымъ русскій народъ можетъ воспользоваться тогда, когда онъ ему понадобится“. Русское крестьянство, по мысли деп. Келеповскаго, можетъ быть удовлетворено землями въ центральной Азіи, которыя должны быть отобраны у киргизовъ, землями на Кавказѣ, польскими земельными владѣніями въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ, и т. д. „Если мы пойдемъ этимъ путемъ, резюмируетъ деп. Келеповскій, то громадное количество земли окажется въ рукахъ правительства—и вполнѣ согласно закону,—и эти земли могутъ пойти на удовлетвореніе земельной нужды крестьянъ“.

Рѣчи другихъ правыхъ депутатовъ, уступая приведенной рѣчи въ принципіальной полнотѣ и послѣдовательности, построены въ тѣхъ же тонахъ, и образуютъ вмѣстѣ согласный аккордъ, эхо отъ котораго съ такой чистотою отражается въ дѣйствующей нынѣ третьей государственной думѣ.

Выше было сказано о томъ положеніи, которое заняли въ третьей думѣ представители имперскаго правительства по отношенію къ полякамъ, и которое характеризуется крылатыми словами депутата Дмовскаго о гражданахъ второй степени. Это положеніе аналогично и по отношенію ко всѣмъ прочимъ недержавнымъ народностямъ Россіи. Имперское правительство принимаетъ все наслѣдіе традиціонной національной политики и своими заявленіями освѣщаетъ и на будущее принципы ея.

Національныя сужденія парламентскаго большинства третьей думы движутся въ томъ же направленіи. Пренія по національному вопросу въ третьей думѣ открылись при составленіи отвѣтнаго адреса. Предложеніе представителей недержавныхъ народностей, поддержанное имперскими прогрессивными партіями, включить въ адресъ фрагментъ о необходимости „удовлетворить справедливыя требованія народностей, входящихъ въ составъ государства“, было отвергнуто подавляющимъ большинствомъ. Голосованіе этого фрагмента, между прочимъ, явилось одной изъ тѣхъ нисходящихъ ступеней, по которымъ партія союза 17 октября сблизилась въ своихъ національныхъ сужденіяхъ съ таковыми же союза русскаго народа. Спасая положеніе этой партіи, донынѣ не вычеркнувшей изъ своей программы пункта о равноправіи національностей, одинъ изъ болѣе лѣвыхъ ея представителей, проф. Капустинъ, говорилъ о томъ, что Россія должна прогрессировать, „развиваясь эволюціоннымъ путемъ изъ началъ русской жизни, изъ нуждъ всего русскаго народа безъ различія

какихъ бы то ни было національностей". Эти слова несомнѣнно выдающагося партійнаго работника, искренняго человѣка, нечуждаго, уже по своей профессіи, научнымъ методамъ мышленія, какъ нельзя лучше характеризуютъ тотъ хаосъ, изъ котораго рождаются національныя сужденія главенствующей въ третьей думѣ партіи октябристовъ. Эти же слова даютъ психологическій ключъ къ пониманію того, почему партія 17 октября такъ легко и безъ осложненій миновала тѣ пункты своей программы, посвященные національному вопросу, которые, казалось, должны были бы навсегда отдѣлить ее отъ ея нынѣшнихъ союзниковъ справа.

Представители имперскихъ прогрессивныхъ партій, защищавшіе въ третьей думѣ вышеприведенную поправку въ отвѣтномъ адресѣ, замѣтно продвинулись въ углубленности аргументаціи, сравнительно съ таковою въ первой и второй думѣ. Аргументація эта аналогична по своему содержанію съ доводами представителей недержавныхъ народностей, но въ устахъ членовъ имперской партіи она звучитъ увѣреннѣе и значительнѣе. Наиболѣе показательная рѣчь по этому вопросу принадлежитъ депутату Милюкову, лидеру партіи народной свободы, которая сняла всѣ свои поправки къ отвѣтному адресу, кромѣ поправки по національному вопросу. Въ своей рѣчи деп. Милюковъ охарактеризовалъ традиціонную имперскую національную политику, какъ „политику вражды", и противопоставилъ ей защищаемую оппозиціонными имперскими партіями „политику, основанную на чувствѣ солидарности, на извѣстной совокупности стремленій, идей, которыя общи всему (имперскому) комплексу". — „Истинный патріотизмъ долженъ быть россійскимъ патріотизмомъ, а не патріотизмомъ великорусскимъ!" — „Если вы на мѣстѣ этого россійскаго государственнаго патріотизма хотите поставить вашъ великорусскій, то вмѣсто органическаго единства, къ которому мы стремимся, вы можете получить только механическій агломератъ центробѣжныхъ стремленій, которыя вамъ придется насильственно, искусственно сдерживать, и вы придете къ результату, противоположному вашимъ намѣреніямъ, вы изъ великой имперіи сдѣлаете колоссъ на глиняныхъ ногахъ". „Это политика ассирійская", — заключилъ свою рѣчь деп. Милюковъ: „Мы по этому пути съ вами не пойдемъ".

Третья дума пошла „по этому пути".

М. Славинскій.

Недержавныя націи и первые этапы національнаго строительства.

УКРАИНЦЫ.

I.

Приблизительно девять десятыхъ всей этнографической украинской территоріи (то есть территоріи съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ) находится въ границахъ Россіи, занимая почти всю южную часть ея—за исключеніемъ Подонья и южнаго Поволжья [1])—и сосредоточивая въ себѣ около 26 милліоновъ украинцевъ. Наиболѣе однороднымъ составомъ населенія отличается среднее Поднѣпровье (губернія Полтавская, южная часть Черниговской, восточная часть Кіевской и смежныя части Екатеринославской), гдѣ украинскій элементъ составляетъ въ общемъ не менѣе 90% населенія, колеблясь между 80% и 98% даже по офиціальной переписи. Въ западной части оно болѣе разрѣжено инородными элементами, главнымъ образомъ польскимъ и еврейскимъ.

При такой огромной численности, занимая большую и весьма разнородную территорію, живя въ различныхъ физическихъ и культурныхъ условіяхъ, соприкасаясь съ различными народностями и культурами, украинское населеніе неизбѣжно должно обнаружить извѣстныя различія, какъ въ своемъ психо-физическомъ и этнографическомъ обликѣ, такъ и въ культурномъ, экономическомъ и политическомъ складѣ своей жизни. Однако значительныя отличія въ народномъ обликѣ встрѣчается только въ наиболѣе глухихъ окраинахъ украинской территоріи—въ карпатскомъ горномъ поясѣ и въ полѣсской полосѣ, менѣе подвергавшихся колонизаціоннымъ пертурбаціямъ, которыми такъ изобиловала исторія украинскаго народа. Вся же центральная и юго-восточная часть украинской территоріи, благодаря этимъ пертурбаціямъ, вымѣшавшимъ, такъ сказать, всю массу населенія, отличается большою однородностью въ типѣ своего населенія, обнаруживая лишь второстепенныя отличія въ своемъ діалектѣ, въ этнографическомъ складѣ и въ культурѣ. И этотъ господствующій типъ,

---

[1]) Губерніи: Волынская со смежными частями Люблинской, Сѣдлецкой, Гродненской и Минской, Кіевская, Подольская, значительная часть Бессарабской, Херсонская, Екатеринославская, материковая часть Таврической, Полтавская, Харьковская, большая часть Черниговской, юго-западная часть Курской, восточныя части Воронежской и области войска Донского, значительная часть Кубанской и губерній Черноморской (Новороссійской) и Ставропольской.

къ которому относится не менѣе $^5/_6$ всей украинской народности, представляетъ вполнѣ опредѣленную національную разновидность, отличную отъ своихъ сосѣдей—поляковъ, бѣлоруссовъ, великороссовъ,—обладающую опредѣленными лингвистическими, этнографическими, культурными особенностями, органически связанную воедино вмѣстѣ со своими окраинами общими чертами и сознаніемъ этой общности, и вполнѣ ясно противопоставляющую себя другимъ народностямъ.

Подъ вліяніемъ политическихъ соображеній не было недостатка въ попыткахъ и съ польской, и съ великорусской стороны представить украинскую народность разновидностью польской или русской націи, не имѣющею самостоятельнаго значенія. Попытки эти не прекращаются и по нынѣшній день, а среди филологовъ-славистовъ до сихъ поръ продолжается споръ на тему, составляютъ ли (велико)русскій и украинскій (или малорусскій) языки два самостоятельные языка или два „нарѣчія“ одного русскаго языка. Но этотъ споръ (не говоря уже о вылазкахъ совершенно не научныхъ) является споромъ формальнымъ, а не по существу. Считать ли (велико) русскій и украинскій языки самостоятельными языками или же только нарѣчіями—не такъ важно; вполнѣ точныхъ критеріевъ для отличія языка отъ нарѣчія въ сущности не существуетъ, и если въ прежнее время офиціально принятая терминологія не допускала термина „языкъ“ для обозначенія украинской рѣчи и настойчиво называла его нарѣчіемъ, то теперь почти общепринятымъ является терминъ „украинскій (или малорусскій) языкъ“. Важнѣе то, что филологическая и историческая наука знаетъ оба языка лишь какъ явленія равнозначныя, берущія свое начало за предѣлами историческаго существованія обѣихъ группъ племенъ—сѣверной и южной,—и не признаетъ дѣйствительнаго существованія какого-либо реальнаго „общерусскаго языка“—по крайней мѣрѣ въ историческія времена: такъ называемый русскій языкъ является литературной обработкой великорусскихъ нарѣчій, и рядомъ съ нимъ обрабатывались литературно и нарѣчія украинскія. И такъ какъ литературный (велико)русскій языкъ не можетъ съ успѣхомъ служить ни органомъ народнаго просвѣщенія и популярной литературы, ни органомъ культурной жизни для всей совокупности украинской народности, не можетъ быть *роднымъ* для нея, то рядомъ съ нимъ неминуемо долженъ культивироваться и разрабатываться, какъ органъ культурной и національной жизни, языкъ украинскій уже въ силу воздѣйствія простого инстинкта самосохраненія [1]).

---

[1]) Что „русскій“ языкъ отнюдь не является языкомъ общерусскимъ и не можетъ замѣнить украинскому населенію его родного языка, основательно выяснено въ запискѣ петербургской академіи наукъ, составленной въ отвѣтъ на запросъ комитета министровъ („Императорская академія наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго

И это вполнѣ понятно: употребленіе (велико)русскаго языка требуетъ отъ украинца значительной подготовки, которая невозможна ни для народныхъ украинскихъ массъ, ни для интеллигенціи украинскихъ земель, находящихся за предѣлами Россіи. Пользованіе имъ или обрекло бы на темноту народныя массы, или привело бы въ концѣ концовъ къ существованію двухъ языковъ: украинскаго для народа и (велико)русскаго для интеллигенціи, по рецепту нѣкоторыхъ „умѣренныхъ“ сторонниковъ украинскаго языка (украинскій языкъ для народа и для домашняго употребленія). Но такое „двуязычіе“ было бы извращеніемъ нормальныхъ условій культурной жизни и неминуемо вело бы къ различнымъ ненормальностямъ: къ созданію культурнаго и всякаго иного средостѣнія между интеллигенціей и народными массами, культурному захуданію этихъ послѣднихъ и т. д.

Какъ по своему языку, этому первому и важнѣйшему показателю національной жизни, такъ и въ другихъ своихъ проявленіяхъ украинскій національный типъ отнюдь не представляетъ собою чего-нибудь новоявленнаго, а является продуктомъ всей исторической жизни украинскаго народа, всего многообразія ея условій. Какъ и дифференціація славянскихъ племенъ вообще, такъ и зачатки обособленія украинскаго племени берутъ свое начало изъ глубины до-историческихъ временъ, а позднѣйшая историческая жизнь только усиливала это обособленіе, ведя украинскія племена особымъ путемъ, только временами и отчасти совпадавшимъ съ историческою эволюціею племени великорусскаго или бѣлорусскаго—съ одной стороны и польскаго—съ другой.

На зарѣ исторіи мы встрѣчаемъ украинскія земли вмѣстѣ съ землями великорусскими и бѣлорусскими въ составѣ одного государства, въ которомъ политическая и культурная гегемонія принадлежала элементу украинскому, южному. Позже великорусскія и бѣлорусскія земли обособляются, а въ украинскихъ—политическая и культурная жизнь слабѣетъ, благодаря неблагопріятнымъ колонизаціоннымъ условіямъ, въ которыхъ очутилась восточная Украина (натискъ кочевниковъ), и въ концѣ концовъ онѣ входятъ въ составъ Польско-литовскаго государства и нѣсколько столѣтій живутъ въ условіяхъ совершенно отличныхъ отъ жизни земель великорусскихъ. Великое народное движеніе, вызванное соціальными и національными условіями

слова“, 1905 г.). Тамъ же указаны тяжелыя послѣдствія замѣны роднаго языка (велико)русскимъ въ народныхъ школахъ Украины: паденіе грамотности среди народа и общее пониженіе его культурнаго уровня (см. мою брошюру „Украинство въ Россіи“). Съ другой стороны чрезвычайно печальные результаты дали попытки извѣстной части интеллигенціи австрійской Украины — употреблять въ качествѣ культурнаго орудія (велико)русскій языкъ; послѣдствіемъ была денаціонализація въ сторону польскую, мадьярскую, румынскую, и паденіе культурной и національной жизни въ тѣхъ кругахъ, гдѣ производились эти попытки подмѣнить народный языкъ языкомъ (велико)русскимъ.

Польши, оканчивается соединеніемъ восточной Украины съ Московскимъ государствомъ въ 1654 г., между тѣмъ какъ Западная Украина, благодаря неудачной политикѣ московскаго правительства, остается подъ властью Польши и только отчасти возсоединяется съ восточными украинскими землями въ концѣ XVIII в., когда къ Россіи присоединяется Кіевщина, Волынь, Подолье, Побужье. Но галицкая Украина, вмѣстѣ съ Буковиной, отходитъ къ Австріи, а закарпатскія земли остаются въ составѣ Венгріи.

Съ 1654 г. начинаетъ свое существованіе украинскій вопросъ въ Россіи, вызванный глубокимъ противорѣчіемъ между стремленіями украинскаго народа и политикой московскаго, позже петербургскаго правительства. Украинскій народъ, точнѣе—казацкая старшина, вершившая его политику, ища опоры противъ Польши въ Москвѣ, мыслила свои отношенія къ московскому правительству въ видѣ вассальныхъ или федеративныхъ отношеній, съ сохраненіемъ широкой автономіи Украины подъ управленіемъ своего выборнаго гетмана и выборной же старшины. Московское правительство на первыхъ порахъ оставило украинскую автономію фактически неприкосновенной, сдѣлавъ рядъ принципіальныхъ уступокъ, сводившихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ связь Украины съ московскимъ государствомъ до чисто личной уніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно смотрѣло на эти уступки какъ на временныя, преходящія, имѣя въ виду превратить со временемъ Украину въ простую московскую провинцію. Въ то время какъ старшина стремилась къ тому, чтобы въ своихъ отношеніяхъ къ Москвѣ развить и формулировать принципы автономіи, заложенные въ переговорахъ и т. н. „статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго“, и выборный, вполнѣ автономный, свободный отъ всякихъ вмѣшательствъ московскаго правительства строй Украины считала за conditio sine qua non своихъ отношеній къ Москвѣ,—московское правительство, наоборотъ, старалось использовать всякую тактическую ошибку украинскихъ политиковъ, всякое ихъ затруднительное положеніе для того, чтобы шагъ за шагомъ ограничивать автономію Украины, сводить на нѣтъ конституціонныя формы ея строя и взамѣнъ ихъ расширять сферу вліянія своихъ агентовъ и своего управленія. Замѣтивъ антагонизмъ между украинскими массами и старшиной на почвѣ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, оно старается использовать и это внутреннее раздвоеніе, чтобы сбить старшину съ позиціи и принудить ее къ уступкамъ въ области ея политической программы. Но скоро обнаружилось, что народныя массы, хотя и не солидарныя со старшиной благодаря ея общественно-экономической политикѣ, все же мало сочувствовали планамъ введенія въ Украинѣ московскихъ порядковъ, администраціи и обложенія. Народное возстаніе 1668 г. показало это вполнѣ опредѣленно. Но московское правительство не отказалось и послѣ этого отъ своихъ централистическихъ плановъ, оно стало только еще осто-

рожнѣе въ ихъ проведеніи, и для обезпеченія успѣха оно теперь старается не только подорвать силу и вліяніе старшины, но и ослабить и обезсилить весь украинскій народъ, убивая въ немъ всякую силу сопротивленія, всякую возможность самоопредѣленія.

Въ этой борьбѣ московско-петербургская бюрократія осталась побѣдительницей. Украинскіе политики напрасно дѣлали отчаянныя усилія, чтобы вырваться изъ путъ московскаго централизма, опираясь на какую-либо изъ соперничающихъ державъ—Польшу, Турцію, Швецію. Полувѣковыя войны, совершенно истощивъ Украину и самое старшину, доказали безплодность этихъ усилій: при внутреннемъ антагонизмѣ между старшиною и народомъ нельзя было выдержать конкуренціи съ холодной, разсчетливой политикой Москвы. Правда, за свою борьбу съ идеей украинской автономіи московское правительство было наказано утратой правобережной Украины, которую успѣла вернуть себѣ Польша; наказано конфликтами съ Запорожьемъ и, слѣдовательно, отсрочкой своихъ успѣховъ на Черноморскомъ побережьи и въ борьбѣ съ Турціей. Но въ той части Украины, которая осталась подъ ея властью, московская бюрократія осуществила свои планы вполнѣ. Старшина, терроризуемая демагогическими заигрываніями московскихъ политиковъ и деморализуемая —съ одной стороны системой опалы, ссылокъ и казней за приверженность къ автономической программѣ, а съ другой—щедрыми наградами за всякое проявленіе уступчивости въ этой сферѣ,—не устояла въ концѣ концовъ и пошла „въ сторону наименьшаго сопротивленія“: замолчала о своихъ политическихъ требованіяхъ и получила въ награду за это утвержденіе и расширеніе своихъ правъ на захваченныя земли и на закабаленныя крестьянскія руки, т. е. созданіе крѣпостного права на развалинахъ свободной автономной Украины. А народъ, лишенный новымъ имперскимъ режимомъ всѣхъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ и отданный подъ надзоръ „десяти тысячъ полицеймейстеровъ“, уже больше не представлялъ никакой опасности.

Но покончивъ съ политическою особностью Украины [1]), правительство Россіи не удовлетворилось этимъ: оно рѣшило стереть и уничтожить также и проявленія ея національной жизни, и даже особенности украинскаго національнаго типа. Начиная съ Петра I для украинскихъ изданій вводится цензура, имѣвшая цѣлью привести ихъ къ единообразію въ языкѣ съ изданіями великорусскими. Руссифицируются украинскія школы. Вводится великорусское

[1]) Окончательно упразднено было старое управленіе Украины въ 1782—3 г., съ введеніемъ губернскихъ учрежденій и преобразованіемъ казачьихъ полковъ въ регулярные. Возстановлено оно было отчасти, и то на короткое время, при императорѣ Павлѣ. Отъ стараго автономнаго строя Украины уцѣлѣли лишь нѣкоторыя нормы гражданскаго статутоваго права гетманщины, дѣйствующія до сихъ поръ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской.

произношеніе въ богослуженіи. Всякія проявленія украинскаго патріотизма ревностно преслѣдуются и подавляются. Начиная съ половины XIX вѣка эта политика складывается въ строгую систему.

Всякое проявленіе украинскаго самосознанія преслѣдовалось всевозможными мѣрами административной опалы. „Украинскій сепаратизмъ“—это порожденіе нечистой совѣсти россійской бюрократіи, въ продолженіе столѣтій подавлявшей всякія политическія, культурныя и національныя стремленія украинцевъ—искореняется теперь во всѣхъ сферахъ: идетъ ли рѣчь о возникшемъ интересѣ къ родному слову, или къ прошлому и настоящему своего края, или наконецъ, о работѣ на пользу просвѣщенія и экономическаго развитія народа.

Особенно ожесточенному гоненію подвергаются стремленія къ литературной обработкѣ украинскаго слова, къ развитію популярной литературы для народа и для дѣтей и къ созданію на украинскомъ языкѣ научной литературы. „Не было, нѣтъ и быть не можетъ“ украинскаго языка, какъ культурнаго органа, вѣщаетъ эта правительственная политика устами министра Валуева въ 1863 г. и вѣнчаетъ свою запретительную систему извѣстнымъ указомъ 1876 г. Указъ этотъ, ограничившій украинское слово узкою сферою оригинальной, полуэтнографической беллетристики, а въ своемъ примѣненіи лишившій его всякой возможности развитія и движенія даже въ этой сферѣ, просуществовалъ вплоть до весны 1906 года.

Но этими гоненіями убить украинство не удалось.

Внѣ ихъ сферы оставались украинскія земли Австріи, и туда, начиная съ 1860-хъ годовъ, съ обостреніемъ запрещеній въ Россіи, переносится центръ тяжести всей культурной, литературной и научной работы и національнаго украинскаго движенія вообще.

Движеніе политической украинской мысли непрерывно продолжалось за все время гоненій, которымъ она подвергалась со стороны стараго режима Россіи, и въ результатѣ украинство развивалось лишь въ тѣмъ болѣе рѣзкой оппозиціи къ этому режиму.

Однако широкому развитію украинства не могло быть мѣста въ этихъ условіяхъ. Запрещенія и гоненія преграждали доступъ украинской книгѣ къ широкимъ народнымъ массамъ россійской Украины, осуждая ихъ на темноту, захуданіе и вырожденіе. Они ставили непреоборимыя препятствія развитію литературы; исключали возможность украинской прессы. Они не позволяли украинскому слову занять то мѣсто, какое принадлежитъ родному языку въ культурной и духовной жизни каждаго народа, каждаго общества, извращая такимъ образомъ естественное развитіе всей украинской жизни, закрывая для украинскаго общества возможность національнаго самоопредѣленія и вообще всякой самодѣятельности.

Вредъ былъ огромный, невознаградимый и, конечно, совершенно неустраненный простою бумажною отмѣною страшнаго указа 1876 г. Старая система угнетенія живетъ, и естественные пути развитія украинства почти также закрыты для него и сейчасъ, какъ и до этой отмѣны [1]).

II.

Современное украинское движеніе и его идейное содержаніе естественнымъ образомъ сформировалось на старыхъ демократическихъ и автономическахъ традиціяхъ, обновленныхъ и видоизмѣненныхъ, уясненныхъ и выкристаллизовавшихся подъ вліяніемъ прогрессивныхъ теченій XIX вѣка.

Историческія судьбы украинскаго народа непреодолимо толкали его въ сторону демократіи. Послѣ того, какъ всѣ высшіе общественные классы покинули украинскую народность, чтобы перейти въ ряды государственной, господствующей народности польской, — уже въ XVII вѣкѣ представителемъ украинской народности сталъ демосъ, и интересы и успѣхи украинскаго демоса становятся интересами и успѣхами украинства. Вторичное дезертирство высшаго класса, образовавшагося изъ козачьей старшины въ XVIII вѣкѣ и ушедшаго тоже „по линіи наименьшаго сопротивленія“ въ нѣдра россійскаго дворянства, къ лику котораго сопричислило его правительство въ возмездіе за отреченіе его отъ „умоначертаній прежнихъ временъ“ въ сферѣ политики, — только упрочило этотъ демократическій характеръ украинства. Крестьянство, демосъ легли въ основу самого понятія украинства; нужды и задачи крестьянства стали нуждами и задачами украинской народности. Романтическое народничество первой половины XIX вѣка со своимъ культомъ народа поддержало и санкціонировало примѣрами европейскаго романтизма и славянскаго возрожденія эту демократическую тенденцію украинства, и на украинской почвѣ народничество, носившее не только культурно-литературную, но затѣмъ и общественно-политическую окраску, развивается весьма

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи украинскаго вопроса интересующіеся найдутъ въ моей книгѣ: „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, 2 изд. 1906 г. (болѣе подробная моя исторія Украины на украинскомъ языкѣ — „Історія Україні-Руси“ доведена пока только до начала XVII вѣка,—6 томовъ; первый томъ вышелъ также на нѣмецкомъ языкѣ). Краткое изложеніе главнѣйшихъ фактовъ по украинскому вопросу читатель найдетъ въ брошюрахъ: „Украинство въ Россіи, его запросы и нужды“, 1906 г. (послѣдняя глава „Очерка“), „Украинскій вопросъ“, 1907 г., „Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX стол.“, 1907 г. Послѣднія брошюры вошли также въ мой сборникъ статей по украинскому вопросу: „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“, 1907 г., гдѣ выясняется и отношеніе прогрессивнаго украинства къ различнымъ проблемамъ настоящаго момента и его постулаты.

рано и сильно, опередивъ и по времени, и по глубинѣ своихъ проявленій хотя бы народничество великорусское.

Борьба съ крѣпостнымъ правомъ, защита человѣческихъ правъ крестьянина, „кріпака“, находитъ сильныхъ и пламенныхъ выразителей въ возрожденной украинской литературѣ, и въ эпоху, когда освобожденіе крестьянъ было злобою дня Россіи, Тургеневъ имѣлъ полное основаніе предложить великорусскому обществу сборникъ переводныхъ разсказовъ изъ украинскаго крестьянскаго быта Марка-Вовчка, сравнивая его по силѣ впечатлѣнія съ извѣстною книгою Бичеръ-Стоу. Когда крѣпостное право было упразднено, среди украинскаго общества живѣйшій интересъ возбуждаютъ вопросы устройства крестьянскаго хозяйственнаго и общественнаго быта, распространенія грамотности и образованія, созданія популярнэй литературы для народа и т. п., пока гоненія администраціи не придавливаютъ этого движенія въ Россіи. Съ тѣмъ большею силою развивается и движется въ этомъ направленіи—радикальнаго народничества и демократизма—украинство въ заграничныхъ украинскихъ земляхъ, ставя своею задачею борьбу съ остатками феодальнаго строя и защиту интересовъ трудящихся массъ. Несмотря на крайне неблагопріятныя условія, созданныя всевластнымъ господствомъ реакціонной и шовинистической польской шляхты въ Галиціи, для организаціи и подъема общественнаго и политическаго сознанія украинскихъ народныхъ массъ здѣсь сдѣлано очень много. Послѣднія событія: борьба за всеобщее и прямое избирательное право и выборы въ парламентъ обнаружили среди крестьянства, составляющаго главную массу украинскаго населенія Австріи, такую политическую сознательность, такой организаціонный тактъ, такое напряженіе общественной энергіи, какого отъ „темнаго хлопа“ никто не могъ бы ожидать еще очень недавно.

Такъ же органически, или точнѣе сказать—исторически сложилась политическая программа современнаго украинства: децентрализація, національно-территоріальный автономизмъ, федерализмъ, самое широкое участіе народа въ управленіи.

Принципы старорусскаго народоправства въ украинскихъ земляхъ не были подавлены монархически-бюрократическою самодержавностью, какъ это случилось въ земляхъ великорусскихъ, въ Московскомъ государствѣ. Наоборотъ, въ юго-восточной Украинѣ они были съ новою силою освѣжены движеніемъ общинъ противъ княжеской власти, а въ Украинѣ западной княжеская власть должна была дѣлиться полнотою своихъ правъ съ боярскимъ совѣтомъ, занявшимъ мѣсто старорусскаго вѣча. Позже, въ составѣ литовскаго и польскаго государствъ украинскія земли жили въ условіяхъ сословнаго конституціоннаго государства, а принципы городского нѣмецкаго права под-

держивали и развивали навыкъ къ корпоративнымъ, выборнымъ формамъ организаціи. Козачина, охватившая въ XVII вѣкѣ всю восточную половину Украины, построила всю общественную и политическую организацію края на принципахъ выборности и отвѣтственности. Правительство, администрація, судъ, церковь, войсковое управленіе все должно было быть „для народа и черезъ народъ“. И если этой системѣ представительнаго правленія не удалось удержаться въ полной чистотѣ и послѣдовательности благодаря вліяніямъ централистической политики Москвы и инымъ неблагопріятнымъ условіямъ, то тѣмъ не менѣе въ народномъ сознаніи эта система осталась единственно справедливой, а старая козачина, выдвинувшая этотъ строй, наряду съ отрицаніемъ всякихъ имущественныхъ и общественныхъ привилегій, въ представленіи и воспоминаніяхъ народа остается носительницей высшей правды-справедливости, и въ этомъ смыслѣ традиціи козачества были обработаны возрожденною украинскою литературою, начиная съ Шевченка и кончая плеядою второстепенныхъ писателей.

Традиціонный украинскій автономизмъ, невполнѣ вывѣтрившійся несмотря на „желаніе къ чинамъ, а особливо къ жалованію“, на которое возлагало свои надежды и которое тщательно развивало петербургское правительство въ XVIII и XIX в., [1]) разрабатывается снова въ политическую программу подъ вліяніемъ политическаго радикализма первой половины XIX в., особенно тайныхъ политическихъ обществъ 1820-хъ гг., дѣйствовавшихъ на Украинѣ. Знаменитое украинское „Кирилло-Меѳодіевское братство“ 1840-хъ гг., въ которомъ принимали участіе наиболѣе выдающіеся представители современнаго украинскаго движенія, ставитъ своею программою славянскую федерацію изъ самоуправляющихся славянскихъ народовъ, среди которыхъ равноправное мѣсто долженъ занять и украинскій народъ. Народоправное устройство отдѣльныхъ славянскихъ территорій—„такъ чтобы каждый народъ составлялъ особенную рѣчь-посполитую“,—должно было объединяться федеральнымъ совѣтомъ—„общимъ славянскимъ соборомъ изъ представителей всѣхъ племенъ“, съ выборнымъ главою—„правителемъ, избраннымъ на время“. Въ строѣ этой федераціи не оставляется мѣста для какихъ-либо сословныхъ или иныхъ привилегій, „рабства или униженія низшихъ классовъ“, никакихъ ограниченій свободы мысли, слова, религіознаго исповѣданія [2]).

Кружокъ этотъ подвергся жестокимъ преслѣдованіямъ—заключеніямъ, ссылкамъ, и многіе изъ его членовъ впослѣдствіи уже не возвращались къ смѣ-

---

[1]) Не далѣе какъ въ 1767 г., при выборахъ въ комисію уложенія, требованіе возстановленія автономнаго украинскаго строя высказано было представителями разныхъ сословій и мѣстностей Украины, какъ общее, всенародное желаніе.

[2]) См. „уставъ“ и „правило“ братства, помѣщенные въ журналѣ „Былое“ 1896, II.

лымъ мыслямъ своей юности. Эпоха правительственныхъ реформъ дала новое содержаніе общественнымъ интересамъ. Но съ усиленіемъ реакціи, въ 1870 и 1880-хъ годахъ, украинское общество возвращается къ разработкѣ старыхъ идей національнаго федерализма. Въ то время, какъ одна часть его съ головой бросается въ революціонное движеніе, на первый планъ ставившее борьбу съ самодержавнымъ режимомъ и откладывавшее рѣшеніе національныхъ проблемъ „на другой день послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ", а другая еще разъ идетъ „въ сторону наименьшаго сопротивленія", съуживая свои національные запросы и интересы до размѣровъ, невозбраненныхъ старымъ режимомъ,—то наряду съ этимъ не было недостатка въ людяхъ, развивавшихъ общими силами россійской и австрійской Украины политическую программу украинства въ духѣ его старыхъ традицій—радикальнаго демократизма съ сильной соціалистической окраской, и національнаго федерализма.

Такъ сложилась современная программа прогрессивнаго украинства, въ главныхъ чертахъ общая Украинѣ россійской и австрійской и ихъ разнымъ теченіямъ и группамъ прогрессивно-соціалистическаго направленія, какъ украинскіе демократы-радикалы, галицкіе національ-демократы и радикалы, и съ извѣстными отличіями въ общей постановкѣ, но съ значительными совпаденіями въ національной части своихъ программъ—также и украинскіе соціалдемократы, народные соціалисты или соціалисты-революціонеры. Эта современная украинская программа представляетъ собою новѣйшій этапъ того стараго общественно-политическаго движенія, предшествующія стадіи котораго представляетъ напримѣръ хартія 1710 г. или статутъ кирилло-меѳодіевцевъ 1840-хъ гг.—этапъ, конечно, не окончательный, но органически развившійся изъ историческихъ условій украинской жизни и изъ политико-общественной идеологіи предшествующихъ поколѣній украинскаго общества.

На первомъ планѣ этой современной національной украинской платформы фигурируетъ защита интересовъ трудящихся элементовъ общества и обезпеченіе ихъ интересовъ—путемъ перехода орудій производства въ руки трудящихся: машинъ, мастерскихъ и заводовъ въ руки рабочихъ, земли въ руки трудящихся земледѣльцевъ. Мотивы соціальнаго характера совпадаютъ съ національными и тѣсно сплетаются съ ними, такъ какъ трудящіяся массы представляютъ собою главный національный контингентъ, залогъ національнаго развитія и силы, между тѣмъ какъ классы крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ-фабрикантовъ за малыми исключеніями состояли изъ элементовъ чужеродныхъ, пришлыхъ или оторвавшихся отъ національной почвы, во всякомъ случаѣ чуждыхъ національной жизни и ея интересовъ. Поэтому, напримѣръ, въ аграрномъ вопросѣ ликвидація крупнаго землевладѣнія путемъ принудительнаго выкупа, съ украинской точки зрѣнія представляется исходомъ

желательнымъ не только по соображеніямъ общественной справедливости или въ интересахъ народнаго хозяйства, но и съ точки зрѣнія ликвидаціи тяжелаго наслѣдія прошлаго—подавленія украинской стихіи иными, привилегированными народностями или чуждыми ей привилегированными классами [1]).

Столь же общій характеръ по существу, но высоко цѣнимый съ точки зрѣнія интересовъ украинской народности — ея успѣшнаго и ничѣмъ не стѣсняемаго развитія,—представляетъ постулатъ возможно болѣе широкаго участія народа въ управленіи и контролѣ, проведенія выборнаго принципа въ организаціи управленія отъ низовъ до верховъ государственнаго строя, широкой децентрализаціи, устраненія всякой искусственной нивеллировки или регламентаціи культурной, общественной и національной жизни и созданія благопріятныхъ условій для общественной самодѣятельности и иниціативы, для успѣшнаго развитія областей и народностей, входящихъ въ составъ государства. Формою, лучше всего обезпечивающей безпрепятственное существованіе и развитіе народностей и областей, низводящей національныя тренія до минимума, устраняющей эксплоатацію ихъ средствъ на цѣли, чуждыя ихъ интересамъ, и могущественно способствующей развитію производительныхъ силъ областей на пользу мѣстныхъ трудящихся массъ, прогрессивная украинская платформа признаетъ *національно-территоріальную автономію* и федеративный строй государства. Она настаиваетъ на необходимости переустройства государства на принципахъ національно-территоріальной автономіи, съ обезпеченіемъ помощью общихъ законодательныхъ нормъ, правъ національныхъ элементовъ, находящихся въ меньшинствѣ, и проведеніемъ принциповъ децентрализаціи и самоуправленія въ глубину этихъ автономныхъ организацій.

Этотъ строй имѣетъ цѣлью обезпечить свободу и ненарушимость культурнаго и національнаго развитія украинскаго населенія Россіи и его территоріи. Въ нынѣшнихъ условіяхъ производительныя силы Украины, результаты труда ея національныхъ массъ, расходуются ея привилегированными классами и правительствомъ на цѣли отчасти чуждыя ея интересамъ, отчасти глубоко враждебныя послѣднимъ. Средства, собираемыя привилегированными классами съ трудящагося населенія, или пропадаютъ для него и для края благодаря ихъ абсентеизму, или идутъ на развитіе и укрѣпленіе „господской“ культуры (польской и великорусской), оттѣсняющей все болѣе и болѣе на задній планъ „мужицкую“ украинскую культуру, и деморализующей украинскія массы своей проповѣдью о томъ, что украинская культура (языкъ, литература, искусство) неспособна къ движенію и развитію. Правительство,

[1]) См. мои статьи „Вопросъ дня (аграрныя перспективы)“ и „Національные моменты въ аграрномъ вопросѣ“ въ упомянутомъ сборникѣ „Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ“.

эксплоатируя до послѣдней возможности платежныя силы украинскаго населенія, возвращаетъ Украинѣ всего около половины собираемыхъ съ нея средствъ [1]), но и возвращаемое предназначаетъ не на развитіе продуктивныхъ силъ, не на нужды культурнаго развитія населенія, а на укрѣпленіе враждебнаго народной жизни режима.

Администрація, школа, церковь, изъ которыхъ изгнанъ народный языкъ, держатъ народныя массы въ заколдованномъ кругу безысходной тьмы. Система запрещеній и репрессій изъяла изъ культурнаго употребленія народный языкъ и лишила народныя украинскія массы естественнаго, единственнаго орудія культурнаго развитія; офиціальная школа, безсильная замѣнить народный языкъ языкомъ великорусскимъ, выступая въ роли такого культурнаго орудія, лишь калѣчитъ въ конецъ національный инстинктъ, довершаетъ проповѣдь культурной непригодности народнаго языка, и оставляетъ своихъ питомцевъ „безъ языка“—лишенныхъ своего, не усвоившихъ чужого. Результатомъ является страшное культурное и экономическое захуданіе украинскаго населенія подъ денаціонализирующимъ режимомъ. Сто—двѣсти лѣтъ тому назадъ далеко превосходившее своимъ культурнымъ и общественнымъ развитіемъ великороссовъ, украинское населеніе теперь все болѣе и болѣе отстаетъ отъ нихъ вслѣдствіе утраты національной школы, національной литературы, національной интеллигенціи: процентъ безграмотныхъ въ украинскихъ губерніяхъ превосходитъ въ $1^1/_2$—3 раза процентъ безграмотныхъ въ губерніяхъ великорусскихъ; грамотность пассивная, остающаяся безъ культурнаго употребленія, и рецидивизмъ безграмотности доходятъ до размѣровъ ужасающихъ; народныя массы даютъ страшную картину оскудѣнія, полнаго упадка—культурно-экономическаго и общественнаго.

Эти пагубныя послѣдствія централистической и ассимиляціонной политики заставляютъ прогрессивныя украинскія партіи стремиться къ широкой децентрализаціи государственнаго строя. Не удовлетворяясь чисто-теоретической отмѣной національныхъ стѣсненій, и не полагаясь на попеченіе центральныхъ общеимперскихъ органовъ о національныхъ нуждахъ не-государственныхъ народностей, онѣ считаютъ единственнымъ удовлетворительнымъ исходомъ передачу попеченій о культурномъ и экономическомъ развитіи края автономнымъ, выборнымъ органамъ этого послѣдняго. Только умѣлый и тщательный уходъ со стороны самого общества, силами и средствами всей украинской территоріи Россіи, только дружныя и планомѣрныя усилія всего ея населенія могутъ загладить послѣдствія стараго централизма, тяжелыя

[1]) Вотъ цифры послѣдняго „нормальнаго“, предреволюціоннаго 1903 года: государственныхъ доходовъ съ украинской территоріи было около 520 милліоновъ, государственныхъ же расходовъ въ ея предѣлахъ—около 280 мил.

раны, нанесенныя имъ экономической и культурной жизни края. Тѣмъ болѣе, что не только культурно-національныя, но и чисто-экономическія условія мѣстной жизни таковы, что требуютъ самостоятельной хозяйственной политики въ виду коренныхъ отличій этихъ условій отъ условій центра и сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ областей Россіи. Напомню, что украинская территорія имѣетъ свои спеціальныя отрасли земледѣльческой культуры (пшеница, ячмень, свекла, табакъ), свои особыя вѣтви промышленности (свекло-сахарная, винокуренная, табачная), свои запасы минеральнаго топлива и строительнаго матеріала, свои богатыя залежи металловъ, горную промышленность, поставленную уже теперь на первое мѣсто въ Россіи. Естественныя условія заставляютъ ея торговлю тяготѣть къ „своему“ морю — Черному, открывающему передъ нею свои рынки — средне-европейскіе, между тѣмъ какъ чрезъ Балтійское море вывозятся продукты сѣверныхъ областей на рынки сѣверо-запада Европы. И если экономическая политика правительства тяжело отражалась и отражается на хозяйствѣ Украины, искусственно стягивая ея капиталы въ обще-имперскіе центры, систематически покровительствуя вывозу и ввозу балтійскому въ ущербъ черноморскому, доводя до полнаго разстройства нѣкоторыя отрасли мѣстнаго хозяйства (недавній примѣръ—упадокъ табачной культуры лѣво-бережной Украины), и т. п.,—то тѣмъ болѣе очевидно, что не только реакція противъ грѣховъ централизма, но и логическій выводъ изъ данныхъ экономической, также какъ и культурно-національной жизни края, заставляетъ стремиться къ переустройству на началахъ національно-территоріальной автономіи — не только въ интересахъ украинской народности, но и всего края, его экономическаго и культурнаго развитія.

Чуждое всякой исключительности, всякихъ притязаній на какія-либо привилегіи или историческія права, прогрессивное украинство не выдѣляетъ разрѣшенія своего національнаго вопроса изъ общей проблемы превращенія старой бюрократической централизаторской Россіи въ свободное правовое государство. Ни свобода національнаго самоопредѣленія и развитія, ни автономный строй не представляются ему удѣломъ избранниковъ, наградою за прилежаніе и успѣхи: въ нихъ оно видитъ элементарныя условія нормальной государственной жизни такого разноплеменнаго, разнороднаго государства, какъ Россія. Принадлежа сами къ одной изъ народностей, наиболѣе жестоко и несправедливо обдѣленныхъ исторіей, украинскіе прогрессисты являются элементомъ демократическимъ до конца, настаивая на равноправіи не только для единицъ, составляющихъ общество, но и для національныхъ группъ, изъ которыхъ состоитъ „имперія народовъ“ — Россія. Обезпеченіе успѣшнаго національнаго развитія украинскаго народа, автономію Украины въ ея національно-этнографическихъ границахъ, они разсматриваютъ, какъ составную часть болѣе общей

проблемы: переустройства Россіи на началахъ равноправія народностей и нестѣсняемости національной жизни, на началахъ децентрализаціи и національно-территоріальной автономіи [1]).

III.

Вполнѣ понятно въ виду вышесказаннаго крайне враждебное отношеніе къ украинству со стороны „охранителей“, стоящихъ на стражѣ интересовъ бюрократіи или плутократіи, господства національнаго или сословнаго, централизма или феодализма.

Для нихъ — это разрушительная, анархистическая стихія, враждебная общественному строю и государственному порядку, какъ они его себѣ представляютъ. Такъ какъ въ программѣ украинства соціально-экономическая сторона тѣсно и неразрывно связана съ политической и національной, такъ что нѣтъ возможности отдѣлить его „національныя требованія“ отъ его „соціальнаго радикализма“, то даже и для тѣхъ, кто былъ бы, можетъ быть, склоненъ пойти на извѣстныя уступки чисто національнымъ украинскимъ требованіямъ, но не можетъ помириться съ украинской соціально-экономической программой, нѣтъ мѣста для компромисса и соглашеній. Объ этотъ краеугольный камень украинства разбилась попытка польско-украинскаго соглашенія въ Галиціи, такъ называемаго „угода“ 1890 г. Цѣною уступокъ въ сферѣ культурно-національной польско-шляхетскіе политики хотѣли обратить украинцевъ въ охранителей политическаго и общественнаго status quo, привести ихъ къ отреченію отъ ихъ „соціальнаго радикализма“, отъ защиты интересовъ украинскихъ массъ. Это предложеніе было очень соблазнительно для тогдашняго во всѣхъ отношеніяхъ обдѣленнаго украинскаго общества Галиціи, и

---

[1]) Комбинація автономіи національной съ автономіей областной, заключающаяся въ томъ принципѣ *національно-территоріальной* автономіи, на которомъ настаиваютъ нынѣшніе представители прогрессивнаго украинства, имѣетъ цѣлью сочетать интересы національнаго развитія *народности* съ обезпеченіемъ интересовъ *края* въ его цѣломъ, интересовъ экономическаго и культурнаго преуспѣянія всего населенія. Національная автономія *экстерриторіальная*, независимо отъ серьезныхъ практическихъ трудностей ея проведенія, имѣетъ ту нежелательную сторону, что она нарушаетъ и интересы края и ослабляетъ связи экстерриторіпированной народности съ краемъ и съ прочими національными группами его населенія. Украинскіе прогрессисты предпочитаютъ поэтому обезпеченіе національныхъ интересовъ народностей, не имѣющихъ своихъ національныхъ территорій или находящихся въ меньшинствѣ, не путемъ экстерриторіальной національной автономіи, а путемъ широкаго общиннаго самоуправленія, широкаго развитія частныхъ учрежденій и гарантій интересовъ меньшинства вообще, и стоятъ за національно-территоріальную автономію не только въ приложеніи къ Украинѣ, но и какъ за общій принципъ государственнаго устройства.—См. мои статьи: „Единство или распаденіе Россіи“, „Національный вопросъ и автономія,“ „О зрѣлости и незрѣлости“, „Наши требованія“, въ вышеупомянутомъ сборникѣ.

въ его средѣ на время обнаружилось колебаніе; но логика фактовъ, логика національнаго украинскаго движенія немедленно взяла верхъ, и чечевичная похлебка національныхъ уступокъ, за которую должны были быть проданы самые жизненные интересы украинскаго движенія, была отвергнута.

Если такимъ образомъ сознательные, прогрессивные, политически и соціалистически настроенные элементы, представляющіе современное украинское движеніе, настолько рѣзко отграничены справа, что тутъ нѣтъ мѣста для какихъ-нибудь соглашеній, компромиссовъ и т. п., то слѣва — со стороны прогрессивно или соціалистически настроенныхъ слоевъ великорусскаго или польскаго общества слѣдовало бы, кажется, ожидать весьма близкаго и тѣснаго общенія, естественнаго для элементовъ созвучныхъ и въ цѣляхъ своихъ весьма близкихъ. Однако на дѣлѣ оказывается не то. И тутъ сказывается не только недостатокъ освѣдомленности, отсутствіе надлежащихъ свѣдѣній о сущности и характерѣ украинскаго движенія, но болѣе или менѣе безсознательное наслѣдіе идей офиціальной русской народности въ обществѣ великорусскомъ, традицій „исторической Польши“—въ обществѣ польскомъ, отъ вліянія которыхъ, очевидно, не успѣли вполнѣ освободиться даже наиболѣе прогрессивныя группы того и другого общества.

Это малодоброжелательное отношеніе къ украинству прогрессивнаго великорусскаго общества имѣетъ свою довольно длинную и невеселую исторію. Законоположникъ и вождь прогрессивной Россіи Бѣлинскій, какъ извѣстно, встрѣтилъ вождя и пророка новаго украинства Шевченка рѣзкими выходками, въ которыхъ сквозило не только непониманіе украинства, но и недоброжелательность къ этому, только выдвигавшемуся тогда теченію. Страстному проповѣднику европеизаціи Россіи, возможно полнаго усвоенія ею западной культуры и гражданственности, украинское народничество, романтическое козакофильство, культъ демоса казались чѣмъ-то враждебнымъ культурному развитію Россіи, отвлекающимъ силы отъ культурнаго движенія „на западъ“. Разгромъ кирилло-меѳодіевскаго кружка, тяжелыя кары, обрушившіяся на представителей этого чистѣйшаго, прогрессивнѣйшаго проявленія украинскаго движенія, вызвали въ немъ злорадныя замѣчанія, недостойныя прогрессивной Россіи и осуждаемыя по достоинству самими біографами Бѣлинскаго. Въ не столь рѣзкихъ формахъ это неблагожелательное отношеніе къ украинству давало себя постоянно чувствовать и послѣ — за немногими и довольно слабыми исключеніями. Украинство казалось представителямъ прогрессивной Россіи чѣмъ-то малосерьезнымъ и малокультурнымъ, малопрогрессивнымъ, какимъ-то узкимъ провинціальнымъ патріотизмомъ, архаическимъ партикуляризмомъ, недостойнымъ современнаго человѣка. Живая, дружная работа надъ одними и тѣми же вопросами въ

эпоху освобожденія крестьянъ нѣсколько сблизила и сгладила эти шероховатости; къ этому времени относятся полные симпатіи къ украинству отзывы Добролюбова, Тургенева, Бакунина. Но правительственныя проскрипціи еще разъ сбросили украинцевъ съ ихъ позицій, и когда они, послѣ долгаго вынужденнаго перерыва, затормозившаго украинское движеніе, начали въ 1870-хъ гг. съ того мѣста, на которомъ захватили ихъ правительственныя запрещенія,— представителямъ прогрессивной Россіи украинство снова показалось чѣмъ-то узкимъ и жалкимъ, стало предметомъ если не непріязни, то снисходительнаго сожалѣнія. Интересно констатировать, какъ напримѣръ даже украинскій радикализмъ Драгоманова, съуживавшій до минимума спеціально-украинскіе національные запросы въ интересахъ, такъ сказать, общероссійскихъ политическихъ и культурныхъ задачъ, казался все-таки представителямъ лѣвыхъ великорусскихъ теченій узкимъ, жалкимъ провинціализмомъ и вызывалъ только насмѣшливыя замѣчанія такого чуткаго показателя современнаго прогрессивнаго курса, какъ Салтыковъ, шутившаго надъ „гадяцкимъ сепаратизмомъ“.

Такое отношеніе, кромѣ неосвѣдомленности, поддерживалось также тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ украинцами, отказывавшимися идти „въ сторону наименьшаго сопротивленія“ и желавшими сочетать интересы общекультурные или общеполитическіе съ непосредственною службою своему обществу, своему народу, находилось и находится немало людей прогрессивно настроенныхъ, толковыхъ, даже даровитыхъ, которые, выросши въ атмосферѣ офиціальнаго обрусенія, утратили живую связь съ народною жизнью, съ традиціями украинства, и не считая себя какими-либо отступниками, совершенно искренно причисляя себя „тоже къ малороссамъ“ [1]), ограничиваются въ своемъ „малороссійствѣ“ болѣе или менѣе неясными и совершенно несерьезными симпатіями ко внѣшнимъ, декоративнымъ сторонамъ украинской жизни и серьезно относятся лишь къ культурѣ и государственности „общерусской“, т. е. великорусской. Съ голоса такихъ „тоже малороссовъ“ разныхъ оттѣнковъ, или „большинства малороссовъ“, какъ ихъ титулуютъ при случаѣ [2]), повторяли правительственныя сферы разные аргументы, которыми мотивировались запрещенія и репрессіи противъ украинскаго слова, противъ украинскаго движенія, и они не оставались безъ отклика и въ прогрессивныхъ кругахъ.

---

[1]) Это выраженіе „тоже малороссъ“ стало въ послѣднее время техническимъ терминомъ въ украинскихъ кругахъ для обозначенія такихъ малороссовъ „четырнадцатой пробы“.

[2]) На мнѣніе „большинства малороссіянъ“, весьма основательно доказывающихъ что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“, ссылался уже и министръ Валуевъ въ своемъ эдиктѣ противъ украинскаго слова 1863 г.— первомъ въ хронологическомъ порядкѣ.

По слабости человѣческой всѣ мы охотнѣе вѣримъ тому, что̀ намъ болѣе нравится, болѣе выгодно, и въ прогрессивныхъ, какъ и въ охранительныхъ кругахъ изъ двухъ категорій „малороссовъ“—тѣхъ, которые ставили извѣстныя требованія въ интересахъ украинской народности, и тѣхъ, кто не ставилъ никакихъ требованій, обрекая украинскую народность на служебную роль по отношенію къ (велико)русской культурѣ и государственности, эти послѣдніе, такъ сказать „общеруссы малороссійскаго происхожденія“ имѣли больше шансовъ: ихъ предпочитали считать за настоящихъ показателей украинства, представителей того, каковы настоящіе украинцы и какими имъ слѣдуетъ быть и впредь. Съ ихъ словъ и ввиду ихъ существованія повторялись ходячія фразы, что національныя стремленія украинства—это дѣло кучки фантазеровъ, не имѣющихъ почвы ни въ украинскомъ обществѣ, ни въ украинскихъ массахъ; что современное украинство вообще явленіе наносное, выдуманное; никакого собственно украинскаго языка нѣтъ и быть не можетъ; украинцевъ вполнѣ удовлетворяетъ общерусская литература и культура,—и стремленіе къ созданію украинской литературы, науки и т. п. это ненужное дробленіе силъ, вредный партикуляризмъ, противорѣчащій современнымъ тяготѣніямъ къ общечеловѣческому, и т. д.

Въ концѣ концовъ изъ-подъ уклончиваго молчанія, какимъ окружается обыкновенно все касающееся украинства, въ (велико)русскихъ прогрессивныхъ сферахъ выступаютъ мотивы вполнѣ аналогичные съ аргументами и мотивами охранительныхъ круговъ: сомнѣнія въ законности стремленій украинцевъ къ самостоятельному національному развитію, опасенія за судьбу общерусской культуры и государственности, могущей потерпѣть извѣстное ослабленіе съ развитіемъ культуры украинской, и желаніе удержать въ служебной роли украинскую народность.

Русская соціалдемократія, вообще неблагопріятно настроенная къ національнымъ вопросамъ, не помирившаяся, какъ соціалдемократія австрійская, съ неизбѣжностью національной дифференціаціи соціалдемократизма, въ частности весьма неблагопріятно относилась до сихъ поръ къ національнымъ запросамъ украинства. Находя, что привнесеніе національныхъ требованій ослабляетъ классовую солидарность вообще, она подвергаетъ сомнѣніямъ наличность національныхъ запросовъ у украинскихъ рабочихъ массъ, находитъ ихъ неумѣстными, вредными.

Наряду съ нею предпосылку объ отсутствіи наличности у украинскихъ массъ опредѣленныхъ національныхъ запросовъ усвоили и представители другихъ прогрессивныхъ направленій. Конечно, если ставить необходимымъ условіемъ, чтобы по каждому запросу болѣе сознательной части общества, были предъявлены доказательства наличности такого запроса у всей массы

населенія, можно опрокинуть любой изъ современныхъ вопросовъ (кромѣ аграрнаго), и предъявлять такое требованіе къ украинству—значитъ толкать его на путь усиленной не только національной, но и націоналистической пропаганды. Но это забывается въ данномъ случаѣ.

И въ концѣ концовъ защита національныхъ нуждъ украинскихъ массъ усердно дискредитируется кличкой „націонализма“, хотя бы эта защита не выходила за предѣлы самыхъ корректныхъ формъ, чуждыхъ всякой исключительности.

Иначе складываются отношенія въ польскомъ обществѣ. Здѣсь нѣтъ двухъ линій — правительства и общества; національную политику ведетъ само общество, и отношеніе его къ украинству вышло давно за предѣлы чисто теоретическихъ положеній, которыми все еще ограничиваются отношенія къ украинству общества великорусскаго. Благодаря этому польско-украинскія отношенія пріобрѣли больше реальности, опредѣленности и напряженности.

Старая теорія о томъ, что украинская народность представляетъ лишь разновидность польской, ея провинціализмъ, не исчезла, но должна была много потерять въ своей теоретической убѣдительности послѣ того, какъ въ послѣднія десятилѣтія съ такою силой обнаружилось полное расхожденіе польскаго и украинскаго элемента. Въ практическомъ приложеніи эти теоріи, какъ и идеалы возстановленія старой государственной Польши, „исторической Польши“, „Польши отъ моря до моря“, не перестающіе служить путеводною звѣздою значительной части польскаго общества, сводятся къ стремленіямъ удержать позиціи польскаго элемента, оставленныя ему какъ наслѣдіе былого политическаго господства,—укрѣпить господствующее положеніе польскаго элемента въ тѣхъ частяхъ Украины, какъ и Литвы и Бѣлорусіи, гдѣ въ его рукахъ сохранилось политическое, экономическое или культурное преобладаніе, удержавъ туземное украинское (также какъ и литовское и бѣлорусское) населеніе въ служебной роли, и сохранить позиціи польскаго элемента въ другихъ частяхъ „исторической Польши“, какъ опорныя базы для новаго поступательнаго движенія польскаго элемента въ иныхъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ будущаго. И если идеи исторической Польши, въ своемъ чистомъ видѣ, какъ и полное отрицаніе всякихъ правъ на національное развитіе за украинскимъ народомъ составляютъ удѣлъ шовинистически настроенной части польскаго общества, то идеи сохраненія польскаго преобладанія внѣ границъ этнографической Польши сидятъ очень глубоко, и отъ вліянія ихъ не свободны и представители прогрессивныхъ теченій польскаго общества.

Наиболѣе характернымъ показателемъ — пробнымъ камнемъ польско-

украинскихъ національныхъ отношеній — служилъ и служитъ до сихъ поръ вопросъ о границахъ польской автономной территоріи. Украинцы, являясь сторонниками автономіи національно-территоріальной, признаютъ всю законность требованія автономіи Польши въ ея *этнографическихъ* границахъ. Съ польской же стороны принципъ этнографической территоріи подмѣнивается принципомъ историческимъ: поляки домогаются автономіи для Польскаго королевства въ границахъ, установленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ. Независимо отъ принципіальнаго различія (принципъ историческихъ правъ и принципъ реальныхъ этнографическихъ и всякихъ иныхъ отношеній), это имѣетъ очень существенное значеніе: границы конгрессоваго королевства, или такъ называемаго царства Польскаго, захватываютъ въ восточной своей части не-польскія территоріи: на юго-востокѣ украинскую (части Холмской земли и Подляшья, старыхъ украинскихъ провинцій, совершенно механически присоединенныхъ къ настоящимъ польскимъ провинціямъ вѣнскимъ конгрессомъ), на сѣверо-востокѣ территорію литовскую (жмудскую), между ними небольшой клочекъ бѣлорусскій.

Логика тѣхъ посылокъ, на которыхъ опираются польскія требованія автономіи, очевидно, требуетъ, чтобы эти не-польскія пограничныя территоріи были исключены изъ польской автономной территоріи и присоединены къ сосѣднимъ своимъ этнографическимъ территоріямъ. Поляки противятся этому, обѣщая, что польскій сеймъ обезпечитъ культурныя національныя нужды этого не-польскаго населенія. Но примѣръ обезпеченія культурныхъ украинскихъ нуждъ польскимъ сеймомъ сосѣдней Галиціи, заставляетъ украинскія и другія не-польскія народности настойчиво отвергать идею включенія ихъ въ будущій польскій сеймъ. Также и усиленная фабрикація поляковъ въ украинскомъ населеніи Холмщины и Подляшья, развившаяся въ послѣднія дѣсятилѣтія на религіозной почвѣ подъ гнетомъ офиціальнаго обрусенія [1]), заставляютъ желать скорѣйшаго изъятія этихъ

---

[1]) Этотъ щекотливый вопросъ требовалъ бы болѣе пространнаго объясненія, чѣмъ то, какое можетъ быть дано въ тѣсныхъ рамкахъ настоящей статьи. Насильственная отмѣна уніи и насажденіе офиціальнаго, обрусительнаго православія русскою администраціею въ 1870-хъ гг. создали среди украинскаго населенія Холмщины и Подляшья значительныя массы „упорствующихъ уніатовъ“, которыхъ постарались взять подъ свою опеку польскіе клерикально-націоналистическіе круги подъ предлогомъ „попеченій объ уніи“. За отсутствіемъ уніи эти „упорствующіе“ были постепенно превращаемы въ католиковъ, а оппозиція офиціальному обрусенію была вообще направляема въ русло ополяченія. Когда въ 1905 г. была провозглашена свобода религіознаго исповѣданія, попечителямъ объ уніи слѣдовало возбудить вопросъ о возстановленіи этой „религіи отцовъ“ мѣстнаго украинскаго населенія, но въ дѣйствительности всякія упоминанія о ней принимались въ польскихъ кругахъ весьма недоброжелательно: съ ихъ точки зрѣнія была гораздо предпочтительнѣе дилемма католицизма въ польской оболочкѣ и офиціальнаго православія въ обрусительныхъ формахъ, и бывшимъ уніатамъ-данъ былъ пароль, не упоминая объ уніи, домогаться признанія ихъ католиками, а за-

не-польскихъ территорій изъ сферы польскаго вліянія. А солидарность съ націоналистически-настроенною частью польскаго общества, проявляемая его прогрессивными элементами въ вопросахъ, связанныхъ съ охраною „польскаго достоянія", наводитъ на грустныя мысли о силѣ вліянія идей исторической Польши и экспансіонныхъ стремленій даже на болѣе прогрессивную часть польскаго общества.

Насколько свободными отъ этого вліянія покажутъ себя польскіе элементы т. н. юго-западнаго края, или правобережной Украины, это вопросъ будущаго. Физіономія этихъ элементовъ еще только обрисовывается. Среди мѣстныхъ поляковъ не перестаютъ появляться отдѣльныя единицы, тѣсно примыкающія къ украинскому движенію, какъ представителю интересовъ мѣстнаго демоса, какъ возродителю и обновителю края, который эти единицы считаетъ своею родиною и обязанности предъ которымъ они ставятъ во главу угла. Несомнѣнно, съ ростомъ украинскаго движенія—съ одной стороны, съ нарастаніемъ прогрессивныхъ и демократическихъ элементовъ въ мѣстномъ польскомъ обществѣ—съ другой, число такихъ единицъ будетъ возрастать. Но конечно, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что этимъ путемъ пойдетъ польское общество въ цѣломъ, и такихъ претензій никто не можетъ къ нему и ставить. Признавая право польскихъ элементовъ, какъ и всякихъ другихъ, живущихъ на украинской территоріи, на національное самоопредѣленіе, прогрессивное украинство ставитъ имъ только одно пожеланіе — въ интересахъ этой общей родины, ея успѣшнаго развитія и дружной работы надъ этимъ развитіемъ; оно заключается въ томъ, чтобы эти польскіе элементы, значительные по своей численности, и еще болѣе—по тѣмъ матеріальнымъ и культурнымъ средствамъ, которыя оставила въ ихъ рукахъ эпоха ихъ національнаго господства [1]),—воспользовались ими для экономическаго и культурнаго развитія края и его населенія, его трудящихся массъ, а не для упроченія своего преобладанія надъ ними..

тѣмъ въ національной статистикѣ эти новые католики фигурировали уже въ качествѣ поляковъ. Все это, къ сожалѣнію, не нашло осужденія со стороны прогрессивной части польскаго общества, и среди нея эта клерикально-націоналистическая облава на бѣдныхъ и темныхъ пасынковъ исторической Польши и офиціальной Россіи продолжаетъ прикрываться фразами, очень хорошими сами по себѣ, но въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстными.

[1]) По переписи 1897 г. общее количество поляковъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края показано въ 118 тыс. или 1.7% всего населенія; цифра, вѣроятно, не точная, но дающая все же понятіе о числовомъ коэфиціентѣ. Что касается экономическаго и культурнаго значенія, то нужно имѣть въ виду, что въ значительныхъ частяхъ юго-западнаго края большая часть крупнаго землевладѣнія до сихъ поръ въ рукахъ поляковъ, въ другихъ—очень значительная часть его принадлежитъ имъ. Неслужилая интеллигенція, свободныя профессіи представлена также въ большей или весьма значительной части поляками.

Весьма интересно, какъ симптомъ, теченіе, носящее названіе территоріализма. „Территоріалисты“ — это поляки юго-западнаго края, сознающіе себя поляками, желающіе сохранить свою польскую національность, но признающіе свои обязанности предъ территоріею, съ которою связала ихъ исторія, передъ населеніемъ, среди котораго они выросли, а не предъ всепольскою политикою. Это теченіе, какъ видимъ, совпадаетъ съ тѣмъ пожеланіемъ, которое ставитъ украинство польскому обществу. Вопросъ только въ томъ, разовьется ли и захватитъ ли оно польское общество западной Украины?

Это послѣднее, до сихъ поръ идя въ сторону наименьшаго сопротивленія—уклоняясь отъ „политики“, за которую сыпала на нее бичи и скорпіоны русская администрація, и пользуясь поддержкой и опекой, какую она находила у нея въ своихъ экономическихъ, владѣльческихъ интересахъ жило до сихъ поръ главнымъ образомъ интересами матеріальнаго благосостоянія. Крупное землевладѣніе было основою его, и интересы землевладѣльца-аграрія и заводчика—жизненнымъ нервомъ. Если традиціи борьбы съ абсолютизмомъ и централизмомъ въ интересахъ независимой Польши поддерживали извѣстное оппозиціонное настроеніе, то интересы экономическіе, классовые заставляли тяготѣть къ „сильной власти“, обслуживавшей эти интересы. „Истинно-русскіе люди“ юго-западнаго края не разъ находили поддержку въ истинно-польскихъ людяхъ въ своей реакціонной политикѣ въ истекшихъ годахъ „конституціонной эры“ Россіи. Рядомъ съ ними прогрессивные элементы польскаго общества проявляли себя довольно слабо—и оказывались довольно слабыми.

* * *

Подведемъ итоги.

Украинство—прогрессивное, демократическое, соціальное украинство, являющееся выраженіемъ стремленій сознательной части украинскаго общества, это не теорема, произвольно-измышленная какою-то кучкой людей, но органическій результатъ историческаго процесса, логическій выводъ изъ историческихъ условій украинской жизни и фактовъ его современныхъ отношеній.

До сихъ поръ, однако, несмотря на созвучность общихъ политическихъ и соціальныхъ проблемъ, украинство не имѣло искреннихъ союзниковъ и доброжелателей ни въ прогрессивномъ обществѣ (велико)русскомъ, ни въ польскомъ. Національный постулатъ украинства до сихъ поръ встрѣчается здѣсь непріязненно, и украинскій вопросъ или недоброжелательно замалчивается, или открыто оспаривается; даже такія близкія сестры, какъ соціалдемократія украинская и (велико)русская, находятся въ весьма натянутыхъ отношеніяхъ между собою. Это отношеніе (велико) русскаго общества находило себѣ извѣстное оправданіе въ существованіи среди украинцевъ зна-

чительнаго количества людей съ атрофированнымъ національнымъ чувствомъ: оно могло поддерживать иллюзію, что національныя стремленія украинцевъ не являются чѣмъ-либо серьезнымъ и общимъ. Но въ виду вышесказаннаго я думаю, представляется яснымъ, что существованіе такихъ „тоже малороссовъ“ безъ національныхъ запросовъ должно быть понимаемо какъ явленіе патологическое, наслѣдіе анти-украинской политики стараго режима, осужденное на вымираніе въ нормальныхъ условіяхъ народной жизни; а на патологическомъ явленіи, конечно, нельзя строить никакихъ плановъ свободнаго и здороваго развитія.

Проф. **М. Грушевскій.**

П О Л Я К И.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ развитіи національнаго самосознанія польскаго общества послѣ того, какъ оно окончательно лишилось своей государственной самостоятельности, мы можемъ различать три фазиса, соотвѣтственно тому, какой изъ общественныхъ классовъ въ данный моментъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ и налагалъ свою печать на всѣ проявленія общественной мысли: первый, когда эту почетную роль играло *дворянство*, второй, когда на первый планъ выступаетъ классъ *городской буржуазіи*, и наконецъ третій, когда, въ результатѣ развитія капитализма, на исторической аренѣ появляется *рабочій*. Излишне, конечно, прибавлять, что эти фазы не разграничены рѣзко между собой, и что каждая предшествующая оставляетъ послѣ себя слѣды, которые вплетаются въ послѣдующую исторію національнаго движенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ складывались и крѣпли въ польскомъ обществѣ національно-политическіе идеалы и вырабатывались различныя средства и формы національной борьбы.

Вполнѣ понятно, что впродолженіе первыхъ десятилѣтій послѣ паденія прежней Рѣчи Посполитой всѣ усилія были направлены на то, чтобы возстановить независимость путемъ вооруженной борьбы. Этотъ путь не только больше другихъ отвѣчалъ традиціямъ господствовавшаго въ то время класса—дворянъ, но—и это придавало ему большую силу—онъ коренился въ тогдашнихъ условіяхъ хозяйственнаго строя. Польское, и въ еще большей степени русское общество покоилось тогда на натуральномъ хозяйствѣ. Отдѣльныя хозяйственныя клѣточки не были еще спаяны другъ съ другомъ ни раздѣленіемъ труда, ни новѣйшими путями сообщенія. Пока стягивались болѣе значительныя силы противника, весь край могъ быть охваченъ массовымъ движеніемъ; и организованныя силы повстанцевъ могли при такихъ условіяхъ оказать, если не побѣдоносное, то во всякомъ случаѣ продолжительное сопротивленіе. Стоитъ вспомнить, какъ медленно происходила мобилизація русскихъ войскъ еще въ 1830—31 гг., когда понадобились мѣсяцы для того, чтобы численность русской арміи пришла въ соотвѣтствіе съ польскими силами.

Тѣ же традиціи натуральнаго хозяйства сильно господствуютъ надъ

умами еще наканунѣ возстанія 1863 г., и несмотря на значительныя измѣненія во всемъ укладѣ государственной и общественной жизни, все еще вооду-шевляютъ польское общество къ вооруженной борьбѣ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что идея вооруженнаго возстанія болѣе полувѣка поддерживалась еще событіями чисто внѣшняго характера, которыми такъ богата исторія національнаго движенія XIX столѣтія. Не малую роль въ этомъ отношеніи сыграла великая эпопея Наполеона I, которая долго послѣ его паденія не утратила своего обаянія для поляковъ и держала ихъ въ состояніи политическаго энтузіазма. Еще до эпохи господства Наполеона I польская молодежь начала покидать родину, но съ того момента, какъ звѣзда корсиканца засіяла во всемъ своемъ блескѣ, пилигримство въ польскіе легіоны приняло массовый характеръ. Внѣ предѣловъ родины появилась національная армія, которая самоотверженно орошала своею кровью чужую землю въ глубокой увѣренности, что цѣною этой крови будетъ добыта свобода родины. Въ Наполеона I горячо вѣрили, мало того—его боготворили, и этотъ культъ перваго изъ Бонапартовъ перенесенъ былъ впослѣдствіи и на его племянника Наполеона III — обстоятельство, сыгравшее серьезную роль въ событіяхъ 1863 года. Легіоны оттянули отъ страны лучшія ея силы, задержали на цѣлые годы ея развитіе (даже исторія Варшавскаго герцогства представляетъ собой непрерывную мобилизацію вооруженной помощи Наполеону I), но за то они разбудили дремлющую надежду и вселили бодрость въ сердца. Преданіе влагаетъ въ уста раненаго Костюшки слова: finis Poloniae. Едва ли слова эти были когда-либо произнесены, но они несомнѣнно были на устахъ многихъ тысячъ поляковъ. Польскіе легіоны разсѣяли это мрачное настроеніе.

Наполеонъ I палъ, и вѣнскій конгрессъ призвалъ къ жизни Царство Польское, основанное на автономіи, сеймовомъ представительствѣ и обладаніи собственной арміей. Но къ этому времени уже въ самомъ польскомъ обществѣ наступилъ періодъ реакціи: изнуренное войнами, лишенное болѣе подвижныхъ элементовъ, наконецъ экономически истощенное, оно жаждетъ отдыха. Да къ тому же некогда было думать о реформахъ въ такой моментъ, когда назрѣвалъ конституціонный конфликтъ между великимъ княземъ Константиномъ и сеймомъ, конфликтъ, который раздражалъ даже элементы, по природѣ своей реакціонные и менѣе всего расположенные къ вооруженному возстанію. Сюда же присоединяется еще одно обстоятельство: офицеры тогдашней польской арміи выходили на строевую площадь съ бо́льшимъ страхомъ, чѣмъ когда-то при Наполеонѣ I они шли въ огонь. На полѣ битвы ихъ ждала въ крайнемъ случаѣ смерть, а здѣсь—нерѣдко самая страшная обида дѣйствіемъ. Духъ недовольства растетъ въ войскахъ и приводитъ, наконецъ, къ 1830—1831 гг. —къ революціи, которая была отчасти дѣломъ рукъ арміи.

Послѣдствія этого возстанія извѣстны. И вотъ начинается второй періодъ, 1831 — 1863 гг., періодъ наружнаго затишья, а по существу— періодъ медленнаго, но непрерывнаго измѣненія всего строя общественной жизни. Но на общественной аренѣ все еще господствуютъ прежнія традиціи и прежнія надежды. Болѣе подвижные элементы изъ эмигрантовъ остаются вѣрны идеѣ вооруженной борьбы, но вводятъ въ нее нѣкоторый коррективъ: нужно опереться на интересы народа (крестьянъ) и привлечь его къ національному дѣлу. Наоборотъ, болѣе умѣренные элементы обращаютъ свои взоры на дипломатовъ, и имѣютъ за собой симпатіи всей массы польскихъ землевладѣльцевъ. Разбросанный по мелкимъ усадьбамъ, въ большинствѣ случаевъ слабо ориентирующійся во всемъ томъ, что выходитъ за предѣлы приходскихъ интересовъ, обыкновенно мало образованный, классъ этотъ вмѣсто стараго сеймиковаго политиканства сталъ горячо заниматься вопросами международной политики. По примѣру Наполеона I, всколыхнувшаго политическія отношенія Европы и создававшаго государства съ той же легкостью, съ какой строятся карточные дома,—подъ кровлей каждой усадьбы нѣсколько разъ въ мѣсяцъ производился раздѣлъ всей Европы, перестраивались отношенія между государствами. Всѣ упивались неосуществимыми надеждами. Самое мелкое происшествіе служило поводомъ къ тому, чтобы строить далеко идущіе планы.

Все это было бы не болѣе какъ досужей забавой, если бы только эта политикоманія не создавала настроенія, готоваго при случаѣ воплотиться въ дѣйствія. Освобожденіе Греціи, созданіе Бельгіи, возрожденіе Италіи—всѣ эти и связанныя съ ними событія возбуждали смутную надежду на возможность вооруженнаго выступленія—въ однихъ, и упованіе на дипломатическія комбинаціи—въ другихъ. Человѣку, чуждому этой своеобразной атмосферы, трудно понять всю силу тѣхъ многообразныхъ иллюзій, которыя порождало то или другое политическое событіе. Многіе буквально переболѣли битвой подъ Седаномъ, а Гарибальди выросъ почти до размѣровъ олицетвореннаго Провидѣнія. Другіе вѣрили въ крестовый походъ, который, быть можетъ, объявитъ папа. Казалось, что вотъ—вотъ новая заря засіяетъ надъ родиной.

Дѣятели, вѣрившіе въ успѣшность вооруженной борьбы, опирались въ концѣ концовъ на эти настроенія. Масса дворянства, правда, не откликнулась бы на этотъ призывъ въ обычныхъ условіяхъ. Но когда послѣ Крымской войны сильнѣе воспрянули надежды, когда страстное воодушевленіе охватило всю страну, тогда никто не помнилъ объ осторожности. Прибавимъ еще, что такія настроенія благопріятствовали также дѣятельности агентовъ разныхъ правительствъ, которыя при всякихъ внѣшнихъ осложненіяхъ Россіи спѣшили использовать это всеобщее возбужденіе.

Соціальныя измѣненія, уничтожившія обособленность дворянской усадьбы и приводившія ее въ соприкосновеніе съ широкимъ свѣтомъ, отрезвили политикомановъ стараго покроя и постепенно искореняли вѣру въ спасительное значеніе дипломатическаго вмѣшательства. Становилось все болѣе понятнымъ, что не сентиментальныя чувства, а конкретные интересы руководятъ политикой государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ руководящая роль въ обществѣ послѣ 1863 г. перешла изъ рукъ дворянства въ руки городскихъ элементовъ, численность которыхъ росла параллельно съ развитіемъ промышленности. И вмѣстѣ съ выступленіемъ этихъ элементовъ, смотрящихъ на міръ болѣе критическимъ взглядомъ, постепенно исчезалъ всякій романтизмъ, въ томъ числѣ и политическій. Наступаетъ второй фазисъ — появляется вѣра въ то, что польскій народъ воспрянетъ и укрѣпитъ свою національную жизнь путемъ *органической работы*, т. е. путемъ развитія школьнаго дѣла, науки и экономической дѣятельности, въ особенности промышленности. Это, впрочемъ, идеи не новыя, но теперь только, съ усиленіемъ городовъ, онѣ начинаютъ господствовать въ обществѣ.

Первые призывы къ органической работѣ восходятъ еще къ періоду четырехлѣтняго сейма и послѣ паденія независимой Польши руководятъ дѣятельностью такого, напримѣръ, человѣка, какъ Чацкій (впрочемъ, лишь внѣ предѣловъ Царства Польскаго). Общество Друзей Науки, Сташицъ и другіе продолжаютъ, по крайней мѣрѣ, въ области народнаго просвѣщенія то же дѣло. Но 1831 годъ лишилъ страну автономныхъ органовъ, которые могли бы свободно работать въ этомъ направленіи, да и крестьянскій строй того времени [1]) мало благопріятствовалъ стремленію поднять уровень образованія народныхъ массъ; вся дѣятельность, все болѣе и болѣе стѣсняемая, обращается поэтому на среднія и высшія учебныя заведенія. Просвѣщеніе стало лозунгомъ, но и только лозунгомъ! Лишь послѣ 1863 г. этотъ призывъ усваивается тогдашними идеологами мѣщанства, а въ 1880—1890 гг. народныя массы начинаютъ обнаруживать съ величайшей интенсивностью стремленіе къ образованію, и это не столько съ идеологической точки зрѣнія, сколько видя въ немъ необходимое условіе матеріальнаго благополучія и обезпеченія лучшей будущности для своихъ дѣтей. Но это была именно та эпоха, когда польское общество лишено было возможности дѣлать на этомъ поприщѣ что бы то ни было, даже открывать школы. Народное просвѣщеніе было однимъ изъ тѣхъ средствъ умственнаго и экономическаго подъема, о которыхъ можно было мечтать, но которыхъ нельзя было почти обсуждать, а тѣмъ паче проводить въ жизнь.

---

[1]) Хотя личную свободу крестьянинъ получилъ въ Царствѣ Польскомъ уже въ 1807 г., но оброки и барщина остались.

Всякій же разъ, когда общество на короткое время получало возможность такой работы, оно хваталось за нее съ жаромъ и достигало подчасъ удивительныхъ результатовъ. Еще живы воспоминанія объ институтѣ въ Маримонтѣ, еще разбросаны по странѣ воспитанники Варшавской главной школы. Профессора рѣдко стояли тамъ на высотѣ научнаго знанія, но тѣмъ не менѣе подъ ихъ руководствомъ воспитывались дѣльные люди. Съ каждымъ изъ нихъ мы разошлись бы по многимъ вопросамъ, но никого изъ нихъ мы не рѣшились бы упрекнуть въ равнодушіи къ общественному дѣлу.

Идеализація школы, *польской* школы, дошла до того, что для многихъ, повидимому совершенно заурядныхъ личностей, собираніе взносовъ на цѣли просвѣщенія, предоставленіе своей квартиры подъ школу стало своего рода общественнымъ таинствомъ. А такъ какъ объ открытой польской школѣ нельзя было и мечтать, то общество дѣятельно принялось за организацію нелегальныхъ учебныхъ заведеній. 1890—1905 гг. представляютъ собой длинный періодъ работы надъ разрѣшеніемъ школьнаго вопроса частными средствами.

Польское общество, создавая такимъ путемъ собственную школу, затратило на это чрезвычайно много энергіи и силъ, но зато и достигло значительныхъ успѣховъ. Повсюду были открыты народныя школы, въ самой Варшавѣ нѣсколько тысячъ дѣтей рабочихъ обучались тайно польской грамотѣ, возникло даже нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній. А когда, наконецъ, событія 1905—1906 гг. дали возможность организовать открытыя школы, вся страна покрылась сѣтью образовательныхъ обществъ. Изъ нихъ особеннаго расцвѣта достигла закрытая вскорѣ „Матица“. Широкія массы подвергли себя добровольному самообложенію на эту цѣль, очень часто безъ всякихъ резолюцій и предписаній извнѣ, болѣе того—даже безъ особой агитаціи въ этомъ направленіи. Первый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній отчетъ „Матицы“ свидѣтельствуетъ о существованіи 781 мѣстныхъ организацій съ 400.544 членами [1]), объ открытіи 681 школы [2]), объ основаніи 317 пріютовъ, 505 библіотекъ и читаленъ, объ устройствѣ курсовъ и лекцій для взрослыхъ и т. д. Въ школахъ обучались 63.000 человѣкъ, пріютами пользовались больше 14.000 дѣтей, библіотеки и читальни обслуживали 116.341 членовъ.

Приведенныя цифры далеко не исчерпываютъ дѣятельности Матицы. Из-

---

[1]) Надо замѣтить, что не всѣ организаціи прислали свои отчеты, такъ что указанныя здѣсь цифры несомнѣнно ниже дѣйствительности. Собрано было пожертвованій 810.673 рубля, не считая стоимости недвижимостей, пожертвованныхъ въ пользу отдѣльныхъ организацій.

[2]) Въ общемъ поданы были прошенія объ открытіи 1.247 школъ, изъ коихъ 163 въ предѣлахъ Сѣлецкой губерніи вовсе не были разрѣшены, а изъ 228 школъ, предполагавшихся къ открытію въ Люблинской губ., допущены только 32.

лишне, конечно, говорить какое впечатлѣніе должно было произвести въ странѣ закрытіе этого, хотя и насквозь реакціоннаго, но *польскаго* учрежденія.

Однако, мы слишкомъ далеко забѣжали впередъ, такъ какъ и Матица, и другія просвѣтительныя учрежденія возникли только послѣ 1905 года. До того времени, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, открытая просвѣтительная дѣятельность оставалась въ области мечтаній.

Зато обстоятельства складывались болѣе благопріятно на другомъ поприщѣ органической работы—въ области индустріализаціи страны.

И этотъ лозунгъ, впрочемъ, очень рано проникъ въ среду польскаго мыслящаго общества. Князь Любецкій, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Царства Польскаго въ первый періодъ его существованія (послѣ Вѣнскаго конгресса), уже въ 20-хъ годахъ XIX ст. высказалъ мысль, что Польша прежде всего нуждается въ просвѣщеніи, а затѣмъ въ благосостояніи и богатствѣ, т. е. въ промышленности и торговлѣ. Вся его дѣятельность была направлена къ достиженію этой второй задачи. Поднять, развить и усовершенствовать польскую промышленность путемъ уничтоженія таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Россіей, открыть ей русскіе и даже азіатскіе рынки—таковъ былъ предметъ постоянныхъ заботъ Любецкаго.

Несмотря на существованіе таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и Имперіей, въ Польшѣ начинаютъ развиваться очаги фабричной промышленности—Лодзь, Згержъ, Томашовъ, Пабьяницы—и постепенно, въ особенности въ 1850—1860 гг., налагаютъ совершенно новую печать на жизнь польскаго общества. Идеи Любецкаго проводитъ въ жизнь Польскій Банкъ, который, начиная съ 1828 года, энергично работаетъ надъ развитіемъ промышленности, причемъ работаетъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ цѣлей, считая свою дѣятельность національнымъ дѣломъ. При его содѣйствіи возникаютъ новые центры промышленности — Жирардовъ, Езерна, Цехоцинокъ,—развивается металлургическая и горная промышленность въ Домбровскомъ районѣ, строятся шоссейныя и водныя сообщенія и т. д. Свою неустанную работу, носившую вообще всестороній характеръ, банкъ прерываетъ лишь послѣ 1863 года. Правда, онъ продолжаетъ существовать еще до 1870 г., но ему приходится ограничиваться исключительно ликвидаціей своихъ дѣлъ, такъ какъ самое его существованіе—это послѣднее проявленіе автономіи Польши — было признано впредь недопустимымъ.

Однако, прекращеніе его дѣятельности не повлекло за собой никакихъ серьезныхъ отрицательныхъ послѣдствій: промышленность въ Царствѣ Польскомъ уже успѣла окрѣпнуть настолько, что продолжаетъ развиваться путемъ частной самопомощи.

Въ томъ же направленіи—органической работы дѣйствуютъ до 1863 г.

болѣе зажиточные элементы изъ среды землевладѣльцевъ, которые въ періодъ 1840—1850 гг. начинаютъ проникаться новымъ духомъ, духомъ сельскаго индустріализма: винокуренные и сахарные заводы, усовершенствованное скотоводство дѣлаетъ въ это время быстрые успѣхи. На стражѣ органической работы въ качествѣ ея руководителя становится „Сельскохозяйственное Общество“ (1859—1861 г.), которое сосредоточило въ своихъ рядахъ болѣе просвѣщенные элементы дворянства.

Начинаются въ большихъ размѣрахъ сельскохозяйственныя выставки, посѣщеніе образцовыхъ хозяйствъ, популяризація новыхъ способовъ земледѣлія и скотоводства. „Мы считали каждую покупку породистаго быка или введеніе новой молотилки—исполненіемъ патріотическаго долга“, выразился шутя одинъ изъ дѣятелей этого періода.

Лозунгъ органической работы выдвинулся очень рано—за много лѣтъ до того времени, когда польскіе разночинцы семидесятыхъ годовъ, эти идеологи будущаго польскаго мѣщанства, провозгласили его въ окончательной формѣ. Все развитіе общественныхъ отношеній между 1840—1860 гг. шло медленно, но неуклонно въ этомъ направленіи. Развитіе это было прервано событіями 1863 г.

Этотъ годъ до сихъ поръ еще не дождался въ сущности надлежащей оцѣнки. Русская публицистика разсматриваетъ его всегда, какъ взрывъ, явившійся результатомъ долгой подготовительной работы, въ которой, за исключеніемъ крестьянъ, принимало участіе все общество. Взглядъ этотъ въ корнѣ невѣренъ. Въ дѣйствительности годъ этотъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными тенденціями, господствовавшими въ средѣ тогдашняго общества, и даже для многихъ участниковъ возстанія событія эти оказались въ извѣстномъ смыслѣ неожиданной волной, которая застала ихъ врасплохъ и увлекла съ собой.

Крымская кампанія, либеральныя вѣянія въ Россіи, освобожденіе Италіи, пробужденіе всей Европы послѣ реакціи, наступившей вслѣдъ за судорогами 1848 г.—все это возбуждало надежду, что права національнаго развитія Польши будутъ, наконецъ, признаны, и на боевой кличъ, давно не слышанный, національныя чувства откликнулись инстинктивно и со стихійной силой. Съ помощью рекрутскаго набора Велепольскій хотѣлъ удалить изъ страны наиболѣе легко воспламеняющіеся элементы, но этимъ мѣропріятіемъ онъ только далъ оружіе въ руки отчаявшихся людей. Тѣ, кому угрожалъ наборъ, удалились изъ городовъ и образовали вооруженные отряды; ихъ лозунгомъ было: чѣмъ умирать на чужбинѣ, лучше умереть на родной землѣ! По своимъ размѣрамъ возстаніе 1863 г. несомнѣнно уступаетъ волненіямъ латышей въ 1905—1906 г.; въ отряды соединилось около 20.000 человѣкъ, остальная

же часть общества ограничивалась лишь изъявленіемъ своего сочувствія, столь естественнаго и понятнаго. Но это слабое въ сущности движеніе послужило поводомъ къ самымъ строгимъ репрессіямъ, и не только по отношенію къ самимъ повстанцамъ, но и по отношенію къ элементарнымъ національнымъ правамъ польскихъ массъ.

II.

Начинается долгій 40-лѣтній періодъ репрессій, и вмѣстѣ съ тѣмъ на первыхъ порахъ наступаетъ полоса полнаго идейнаго междуцарствія. Только идейные „партизаны“, дѣйствующіе въ одиночку и являющіеся выразителями исключительно своихъ личныхъ взглядовъ, поднимаютъ въ это время свой голосъ, да и то, конечно, внѣ предѣловъ страны, такъ какъ въ литературѣ Царства Польскаго осталось мѣсто исключительно для благодарственныхъ адресовъ. Одни убѣждаютъ Европу, которая, кстати сказать, не обращала на нихъ никакого вниманія, что она должна освободить Польшу для своего собственнаго же блага; другіе, придя въ отчаяніе и потерявъ надежду на будущее, начинаютъ проповѣдывать идеи панславизма; третьи растравляютъ свѣжія раны своими язвительными насмѣшками; четвертые, наконецъ, нерѣшительнымъ тономъ заговариваютъ о томъ, что слѣдуетъ бороться не только оружіемъ, но и просвѣщеніемъ, а главнымъ образомъ путемъ пассивнаго сопротивленія.

Но это идейное междуцарствіе длится недолго, всего лишь нѣсколько лѣтъ. Несмотря на страшный разгромъ, Царство Польское въ развитіи матеріальнаго благосостоянія находитъ средство для заживленія полученныхъ ранъ и черпаетъ въ немъ силы для дальнѣйшей борьбы. Борьба эта ведется совершенно другими, своеобразными средствами. *Пассивная оппозиція* становится чуть ли не символомъ вѣры въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій.

Надѣленіе крестьянъ землей, контрибуціи въ городахъ, устраненіе со службы многихъ и многихъ людей—все это привело тысячи польскихъ семействъ на край гибели, разоренія и нищеты и заставляло искать новыхъ источниковъ заработка. Земля становится предметомъ лихорадочной спекуляціи; наряду съ этимъ быстро развивается промышленность, города разростаются; масса обанкротившагося дворянства бросается къ торговлѣ; накопляется небывалая дотолѣ масса представителей свободныхъ профессій. И вотъ, въ этотъ періодъ всеобщей удрученности и реакціи выступаетъ на сцену поколѣніе молодыхъ разночинцевъ, которые ищутъ теоретическаго обоснованія для новыхъ взглядовъ и новыхъ настроеній. Въ результатѣ на почвѣ такъ называемой *„органической работы“* создается новая программа національнаго возрожденія. Изъ окружающей среды эти молодые

теоретики заимствуютъ свою основную предпосылку, именно—убѣжденіе, что общество держится благосостояніемъ отдѣльныхъ личностей. Они говорятъ о необходимости индустріальнаго развитія страны, просвѣщенія массъ, рекомендуютъ бережливость и хозяйственность, защищаютъ принципъ „аршина и мѣры", отвергая старыя понятія о шляхетскомъ „гонорѣ" и выступаютъ противъ всякаго романтизма, каковъ бы онъ ни былъ. Въ соотвѣтствіи со своими идеалами они увлекаются Смайльсомъ и переводятъ его на польскій языкъ, дѣлаютъ попытки перенести на польскую почву Шульце-Делича, —цѣликомъ, со всей его рухлядью, съ его кредитными кассами, мѣщанскими идеалами и романтизмомъ умѣренности въ ѣдѣ и питьѣ.

Но этотъ новый лозунгъ органической работы, несмотря на внѣшнее сходство, существенно отличается отъ того, который господствовалъ около десяти съ лишнимъ лѣтъ назадъ, въ періодъ возникновенія Сельскохозяйственнаго Общества. Землевладѣльцы стремились къ индустріализаціи отдѣльныхъ помѣстій, къ поднятію уровня сельско-хозяйственнаго образованія, къ болѣе раціональному устройству крестьянскаго хозяйства, и главное—къ уничтоженію оброка и барщины, но во всемъ этомъ не было ни зерна идейно-философскаго радикализма. Существовалъ только просвѣщенный аграрій, который чтилъ освященные долгими вѣками авторитеты, несъ на своихъ плечахъ бремя предубѣжденій и предразсудковъ прошлаго, не безъ пренебреженія смотрѣлъ на людей, неимѣющихъ родословной, а по отношенію къ крестьянамъ руководился не столько принципами, сколько сентиментальными настроеніями. Творцами же новой школы выступили люди, оторванные отъ земли, отъ пороковъ и добродѣтелей старой шляхетской усадьбы, и не успѣвшіе еще проникнуть въ другую среду; такое положеніе не мало способствовало расширенію ихъ кругозора, и неудивительно, что они принесли съ собою на арену общественной дѣятельности невѣдомый дотолѣ философскій радикализмъ. Слѣдуетъ отдать имъ должное: благодаря имъ впервые въ теченіе девятнадцатаго столѣтія пронеслось надъ Польшей сильное вѣяніе современной научной мысли.

Начинается неумолимая страстная критика старыхъ боговъ и старыхъ идеаловъ. Со всей безпощадностью непримиримаго политическаго радикализма обнажаютъ и растравляютъ они свѣжія раны, наносятъ жестокіе удары политиканству и мечтаніямъ о вооруженномъ возстаніи, насмѣхаются надъ вѣрой въ Гарибальди и въ роль дипломатіи. Они объявляютъ себя позитивистами, считающимися въ политикѣ, общественной жизни и наукѣ лишь съ реальными отношеніями. Когда въ Царствѣ Польскомъ появились первые предвѣстники соціализма, они встрѣчаютъ ихъ враждебно, какъ наслѣдіе романтизма или просто, какъ продуктъ, импортированный изъ Россіи. Спасеніе края они видятъ въ развитіи промышленности, въ ростѣ буржуазіи. Врачъ,

учитель, главнымъ же образомъ инженеръ—вотъ настоящіе спасители отечества, провидѣніе страны; ихъ прославляетъ публицистика, романъ окружаетъ ихъ ореоломъ патріотической дѣятельности. То былъ замаскированный культъ business'a и business-men'овъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ особенности въ 1870—1885 гг., вся національная программа, хотя и съ нѣкоторыми поправками въ духѣ клерикализма и съ нѣкоторымъ налетомъ сентиментальности, сосредоточивается вокругъ „работы надъ укрѣпленіемъ основъ", вокругъ этого культа политическаго позитивизма. И если эта дѣятельность вызывала иногда недовольство, то отнюдь не по причинамъ принципіальнаго характера: пугала только „рѣзкость" апостоловъ органической работы, не признававшихъ иныхъ авторитетовъ, кромѣ авторитета факта, разума и логики.

Но жизнь шла своимъ чередомъ. Землевладѣльческій классъ, благосостояніе котораго послѣ 1863 года было поколеблено репрессіями, успѣлъ снова оправиться; онъ начинаетъ вести свое хозяйство согласно принципамъ „органической работы", что̀ не мѣшаетъ ему въ то же время относиться недоброжелательно къ философскому радикализму. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ широкимъ развитіемъ промышленности и городской жизни выростаетъ и рабочій классъ, начинающій задумываться надъ своей участью и надъ причинами своей нужды. Общество дифференцируется, и призывъ къ органической работѣ, сдѣлавъ свое дѣло, оказывается уже недостаточнымъ: по крайней мѣрѣ рабочіе видятъ въ этой программѣ только выраженіе общественной апатіи. Подростаетъ новое молодое поколѣніе, которое не помнитъ уже пораженія 1863 года. Наступаетъ, наконецъ, эпоха правленія Гурки и Апухтина, массы все больше проникаются сознаніемъ, что надежда на спасеніе Польши лояльнымъ путемъ является такимъ же романтизмомъ, какъ планы и надежды прежнихъ поколѣній. Начинается періодъ новыхъ требованій и новыхъ программъ.

Интересно приглядѣться къ тѣмъ отдѣльнымъ факторамъ, которые создали новыя формы польской національной мысли въ этомъ фазисѣ ея развитія.

Во-первыхъ, повліяли событія, происходившія въ германской Польшѣ. Массовыя преслѣдованія познанскихъ поляковъ, а впослѣдствіи спеціальныя мѣры для устраненія польскаго элемента отъ земельной собственности (колонизаціонная комиссія!) обращаютъ вниманіе польскаго общества на значеніе различныхъ слоевъ сельскаго населенія въ дѣлѣ сохраненія націи [1]). Крупный познанскій землевладѣлецъ, продающій нѣмцамъ свою землю

---

[1]) См. ниже статью Ю. Мархлевскаго: „Поляки въ Пруссіи". *Ред.*

и содѣйствующій германизаціи страны, а съ другой стороны—упорная привязанность крестьянина къ отцовской пашнѣ наводятъ на мысль, что деревенскій людъ, надѣленный землею, является болѣе крѣпкимъ и надежнымъ элементомъ въ національной жизни, чѣмъ поземельная шляхта. Въ публицистикѣ и въ художественной литературѣ начинается идеализація крестьянства. Какъ разъ къ этому времени Царство Польское переживаетъ періодъ массоваго перехода опустошенной помѣщичьей земли въ руки крестьянъ. И новымъ національнымъ лозунгомъ становится требованіе *парцелляціи*, которая должна создать сплоченныя массы польскаго населенія и воспрепятствовать внѣдренію посторонняго элемента въ національный организмъ. Въ Силезіи, напримѣръ, польское дворянство исчезло уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а народныя массы до сихъ поръ еще не утратили своихъ національныхъ особенностей и, столкнувшись съ германизаціонными теченіями, сразу почувствовали свое польское происхожденіе.

Крестьянинъ и парцелляція фигурируютъ на авансценѣ національной программы, которая остается, конечно, мертвой буквой, такъ какъ не было никакихъ реальныхъ силъ для проведенія ея въ жизнь. Возникаетъ, правда, государственный Крестьянскій банкъ, но, основанный правительствомъ, онъ стремится, не достигая впрочемъ никакихъ положительныхъ результатовъ, использовать свое положеніе для политическихъ цѣлей, идущихъ рѣшительно въ разрѣзъ съ національными стремленіями польскаго общества. Однако, даже этотъ банкъ былъ довольно благосклонно принятъ тогдашними народниками, которые надѣялись хотя бы такимъ путемъ обезпечить переходъ помѣщичьей земли въ крестьянскія, т. е. польскія руки.

Программа, стремящаяся „окрестьянить“ общество, должна была поставить себѣ еще и другую задачу: надо было сдѣлать крестьянина гражданиномъ, членомъ единаго національнаго цѣлаго, надо было поднять его культурный уровень. А для этого необходимо было отказаться отъ легальной органической работы и смѣло вступить на путь нелегальной подпольной дѣятельности, къ которой соціалисты уже успѣли тѣмъ временемъ пріучить общество. За работу принялась значительная часть такъ называемыхъ народниковъ, которые около 1886 г. начинаютъ концентрироваться вокругъ журнала „Głos“ и создаютъ нѣсколько лѣтъ спустя „народовую демократію“. Появляются систематически дешевыя изданія для народа, и хотя темы для книжекъ берутся по большей части изъ области естествознанія или же представляютъ собою невинные разсказы, чтобы не возбудить недовольства помѣщика или не задѣть приходскаго священника, все же новая литература дѣлаетъ свое дѣло и производитъ огромное впечатлѣніе, очутившись подъ соломенной крышей крестьянской избы. Вслѣдъ за этимъ проникаетъ туда

трилогія Сенкевича, вызывающая въ крестьянахъ необыкновенный энтузіазмъ, а еще позже—нелегальная брошюра, тайная школа. Наступаетъ новый періодъ работы, тоже органической, но уже нелегальной, исходящей изъ „основъ“, но не отрекающейся и отъ „мечты“.

Во-вторыхъ, сильнѣйшее вліяніе оказалъ соціализмъ, который, какъ мы уже упомянули, пріучилъ общество къ совершенно другой тактикѣ. Соціализмъ появился въ Польшѣ около 1877 года, и хотя замѣтной общественной силой онъ становится лишь послѣ 1900 года, все же и въ періодъ 1880—1890 гг. вліяніе его на развитіе общественной мысли уже непропорціонально велико въ сравненіи съ количествомъ его послѣдователей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что соціалистамъ не удалось бы оказать такого широкаго вліянія на общество, если бы не содѣйствовалъ этому періодъ правленія Гурко,—эта эпоха сильнѣйшаго отрицанія правъ народа, когда даже попытки объединенія въ цѣляхъ экономической самопомощи (напримѣръ, ссудосберегательныя кассы) встрѣчали постоянныя препятствія, а всякая легальная культурная работа стала химерой. Самые умѣренные слои должны были разочароваться въ лояльности. Ясно было, что самый лояльный, точно также, какъ и самый непримиримый полякъ вызывалъ одинаковое къ себѣ отношеніе со стороны власти, если только онъ отстаивалъ интересы польской культуры. Ярко бросалось въ глаза, что дѣло тутъ не въ укрѣпленіи политическаго союза съ Россіей, не въ борьбѣ противъ сепаратистскихъ стремленій, а въ желаніи задушить польскую національность.

Даже наиболѣе отсталые элементы теряли при такихъ условіяхъ всякія надежды, и естественно, что наиболѣе непримиримыя направленія должны были восторжествовать. Нелегальная дѣятельность проникаетъ во всѣ уголки, и общество такъ къ этому привыкаетъ, что даже и не понимаетъ, какъ могло бы быть иначе.

III.

Въ періодъ 1880—1890 гг. польское общество постепенно отбрасываетъ свои прежнія теоріи политической пассивности: политическая самодѣятельность выступаетъ все ярче, становясь впослѣдствіи главнымъ элементомъ общественнаго движенія. Надо замѣтить, что къ моменту этого перелома на сцену снова выступаютъ уцѣлѣвшіе дѣятели 1863 года. Гурко примирилъ страну съ этими старыми дѣятелями — всѣми забытыми. Эмигранты эпохи 1863 года снова завязываютъ сношенія съ родиной, стремясь вліять въ духѣ своихъ убѣжденій. На первыхъ порахъ, между 1886 и 1890 гг., въ Польшѣ водворяется такая идейная путаница, что порою даже трудно было бы опредѣлить, гдѣ кончается

соціализмъ и начинается націонализмъ, и гдѣ оба эти теченія, въ свою очередь, переходятъ въ чисто культурную дѣятельность. Это былъ какой-то вихрь идей, изъ котораго только черезъ нѣсколько лѣтъ выдѣлились опредѣленныя взаимно враждебныя направленія и оформленныя программы различныхъ общественныхъ группъ. Это было то же время воскресенія романтизма: появляются даже такія фантазіи, какъ перенесеніе Польши на какую-нибудь другую территорію, создаются планы путемъ переселенія образовать свободное польское государство въ предѣлахъ Аргентины или въ западной части Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Конечно, такіе проекты не выходятъ за предѣлы мечтаній, но все же они устанавливаютъ извѣстную связь съ американскими эмигрантами. Наряду съ этимъ воскресаетъ также старая идея вооруженнаго возстанія, которая приводитъ къ созданію (въ 1887 г.) „Національнаго фонда“, а затѣмъ—къ основанію Народной Лиги.

Если періодъ 1886 — 1890 годовъ является до нѣкоторой степени періодомъ туманности и неразберихи въ политическихъ программахъ, то уже около 1890 г. туманъ этотъ начинаетъ разсѣиваться. Начинаютъ обрисовываться контуры будущихъ политическихъ партій, а вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести программъ передвигается отъ культурной работы къ политической дѣятельности. Это, конечно, не значитъ, что культурная работа прекратилась. Наоборотъ, несмотря на тяжелое политическое положеніе и національный гнетъ, она принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, направляясь по руслу нелегальной дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ самые разнообразные общественные слои начинаютъ понимать все значеніе политической самодѣятельности. Впервые послѣ 1863 г., а можетъ быть даже послѣ 1831 г., политическіе вопросы выдвигаются на первый планъ, и выдвигаются потому, что всѣ сознаютъ невозможность развить всестороннюю культурную дѣятельность, не имѣя политической и національной свободы.

Слагающіяся въ это время партіи являются, впрочемъ, и результатомъ обрисовывающейся все яснѣе и яснѣе дифференціаціи экономическихъ интересовъ. Эта экономическая подоплека не всегда, конечно, замѣтна и ясна, но существуетъ она всегда и неизмѣнно.

На одномъ полюсѣ стоитъ соціализмъ, который первый подалъ примѣръ вступленія на новый путь. Нѣкоторыя его теченія принимаютъ національную окраску, что разбиваетъ его на два лагеря и въ каждомъ изъ нихъ порождаетъ особую тактику (соціалдемократы и польская соціалистическая партія), но оба лагеря въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ партіямъ ясно и рѣшительно придерживаются принципа классоваго антагонизма.

На другомъ полюсѣ объединяются элементы, напуганные тактикой соціалистовъ и возвратомъ къ идеѣ вооруженнаго сопротивленія, встревоженные

ростомъ непримиримыхъ патріотическихъ теченій и опасающіеся „возвратной волны“, — новаго 1863 года. Таковы „угодовцы“. Среди нихъ далеко не случайно оказываются самые отсталые элементы,—крупные землевладѣльцы и промышленники. Интересно отмѣтить, что главный ихъ органъ „Край“ выбираетъ мѣстомъ своего пребыванія Петербургъ. Въ этомъ, конечно, сыграли роль различныя причины. Въ Петербургѣ, пользуясь неизвѣстной въ Варшавѣ свободой, „Край“ имѣетъ возможность критически относиться къ тому или иному вопросу. Кромѣ того онъ является органомъ „австралійцевъ“, какъ назвала Оржешко тѣхъ поляковъ, которые, переселившись въ Россію въ поискахъ за заработкомъ, поступили на государственную и другую службу, и въ политической лояльности видѣли лучшее средство для укрѣпленія своего новаго положенія. Наряду съ ними вокругъ журнала „Край“ сосредоточивается классъ зажиточныхъ землевладѣльцевъ Литвы, составляющихъ главный польскій элементъ въ этомъ краѣ [1]). Когда впослѣдствіи „угодовцы“ организуются въ самомъ Царствѣ Польскомъ, петербургскій органъ принимаетъ замѣтное участіе въ этой организаціонной работѣ. Группа эта появляется на сцену въ періодъ паденія Гурко. Она открыто выступаетъ съ заявленіемъ о своей лояльности, а въ частныхъ разговорахъ отдѣльные члены ея утверждаютъ даже, что предпочитаютъ имѣть дѣло съ однимъ лицомъ, чѣмъ находиться въ зависимости отъ всего русскаго народа: они апеллируютъ къ русской бюрократіи и къ высочайшей власти.

Среднее мѣсто между соціализмомъ и угодовцами заняли „народовцы“ (національ-демократы) — группа, первоначально настолько же разношерстная по своему составу, насколько впослѣдствіи туманная въ своихъ программахъ. Въ нее вошли „патріотически“ настроенные соціалисты, положившіе начало этому теченію, народники, а также дѣятели, уцѣлѣвшіе послѣ 1863 г., поскольку они признавали принципъ вооруженнаго возстанія; словомъ, различные элементы, несомнѣнно радикальные по своей тактикѣ и даже ярко демократическіе по своей программной фразеологіи, но безъ опредѣленной классовой точки зрѣнія.

Около 1892 г. это былъ генеральный штабъ, въ распоряженіи котораго не было еще арміи. Въ скоромъ времени армія начинаетъ, однако, создаваться. Ее составляютъ средній зажиточный помѣщикъ, недолюбливающій нѣмцевъ и евреевъ; мелкій буржуа, которому нравится демократическая фраза, лишенная классовой остроты и окрашенная антисемитизмомъ; крестьянинъ, обязанный народникамъ своимъ пробужденіемъ. Руководство беретъ въ свои руки городская интеллигенція, чувствительнѣе другихъ ощущавшая національный гнетъ.

[1]) См. слѣдующую главу. Ред.

Подъ знаменами „народовцевъ“ и „Лиги народовой“ собираются, такимъ образомъ, представители самыхъ разнообразныхъ интересовъ и слоевъ, объединенные единственно чувствомъ протеста и потребностью въ политической свободѣ. Около 1905—1907 г. изъ этого конгломерата возникаетъ нынѣшняя „Народовая демократія“. Можно было бы подумать, что партія не въ состояніи будетъ существовать, не придавъ своей программѣ однообразнаго характера. Однако, тяжелыя ненормальныя условія, въ которыхъ очутилось Царство Польское, сдѣлали то, что націоналъ-демократы могли пользоваться программой, отдѣльные пункты которой находились въ яркомъ противорѣчіи между собой. Объединялъ эту партію ея „польскій“ характеръ. Она была „общепольской“ („wszechpolska“—подъ этимъ терминомъ скрывалось вполнѣ понятное желаніе тѣсной связи между тремя частями Польши) и, всячески устраняя изъ своей программы классовый моментъ, взяла себѣ монополію на единственное представительство польскихъ національныхъ интересовъ. Политическая ситуація и полицейскія репрессіи, которыя удерживали отъ слишкомъ острыхъ проявленій классоваго антагонизма и не допускали воплощенія настроеній въ дѣйствія, облегчали эту тяжелую задачу согласованія разнорѣчивыхъ интересовъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что программная фразеологія партіи находилась въ противорѣчіи съ ея тактикой: тактика отчетливо обнаруживала тяготѣніе къ органическо-культурной дѣятельности, программа оставалась непримиримой. Это обусловливалось необходимостью борьбы на два фронта: противъ угодовцевъ, которые были опасны для націоналъ-демократовъ, именно, въ качествѣ практиковъ, и противъ польской соціалистической партіи, которая съ сильнымъ словомъ соединяла сильное дѣйствіе.

Какъ бы то ни было, и болѣе радикальныя, и болѣе умѣренныя политическія программы выдвигаются послѣ 1890 года, когда на первый планъ ставится задача отстаиванія національныхъ правъ.

Программные лозунги доходятъ при этомъ иногда до требованія независимой Польши, но даже въ самыхъ радикальныхъ выступленіяхъ и заявленіяхъ можно подмѣтить двѣ въ высшей степени характерныя черты. Прежде всего нигдѣ нѣтъ рѣчи о томъ, каковы должны быть границы этой независимой Польши. „Нѣтъ сомнѣнія—пишетъ центральный органъ націоналъ-демократовъ въ 1899 году, слѣдовательно въ періодъ наиболѣе далеко идущихъ стремленій,—что будущая независимая Польша воскреснетъ изъ мертвыхъ не въ тѣхъ предѣлахъ и историческихъ формахъ, въ которыхъ существовала прежде польская Рѣчь Посполитая. Вообще говоря, нельзя указать напередъ этихъ формъ, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить въ подробностяхъ тѣ политическія комбинаціи, которыя создадутъ независимую Польшу“. Подъ этимъ страхомъ

заглядыванія въ будущее, подъ этимъ индифферентнымъ отношеніемъ къ данной проблемѣ скрывается кромѣ политическаго реализма, недовѣрчиво относящагося ко всякой Zukunftsmusik, еще нѣчто: отказъ отъ мысли объ *исторической* Польшѣ и все болѣе и болѣе настойчивое подчеркиваніе стремленія къ Польшѣ *этнографической*. Во-вторыхъ, много говорятъ въ эту эпоху о возможности и даже необходимости вооруженнаго сопротивленія, причемъ примѣромъ служитъ 1863 годъ, но говорятъ объ этомъ, отодвигая моментъ взрыва въ такое далекое и неопредѣленное будущее, что весь вопросъ становится проблемой не отъ міра сего. Даже польская соціалистическая партія, которая болѣе настойчиво, чѣмъ народовцы, подчеркиваетъ эту необходимость, въ своей ежедневной агитаціи занята по преимуществу организаціей классовой борьбы и развитіемъ сознанія рабочихъ, но ничего не предпринимаетъ для того, чтобы вызвать вооруженное столкновеніе. Когда же въ 1904 году она и даетъ подобный лозунгъ, организуя политическую демонстрцію на Грибной площади въ Варшавѣ, она имѣетъ въ виду совсѣмъ другую цѣль— подготовленіе массы къ активной борьбѣ за конституціонный строй. Тѣмъ не менѣе, въ продолженіе 1890—1900 гг. тактика этой партіи становится все болѣе и болѣе рѣшительной. Празднованіе перваго мая принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, и уже въ 1890 году соціалисты опередили народовцевъ, выставивъ въ числѣ своихъ лозунговъ—введеніе польскаго языка въ школахъ и судахъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, около 1899 года, полицейская власть проявила желаніе легализовать первомайскій праздникъ въ формѣ „народнаго гулянья“, но „народное гулянье“ сыграло съ ней злую шутку, становясь все болѣе и болѣе широкой политической манифестаціей. Затѣмъ начинаются систематическія и многолюдныя демонстраціи на похоронахъ товарищей. Народовцы тоже выходили на улицу, хотя дѣлали это изрѣдка, ограничиваясь платонической любовью къ этой формѣ національнаго протеста.

Положеніе дѣлъ обострялось. Даже угодовцы начали мириться съ нелегальной дѣятельностью. Оставаясь по прежнему лоялистами до мозга костей и не скрывая своего недоброжелательнаго отношенія къ антиправительственной агитаціи, они все-таки полагаютъ, что до тѣхъ поръ, пока политическое положеніе въ Царствѣ Польскомъ не измѣнится, всякая культурная дѣятельность по необходимости обречена на подпольное существованіе.

IV.

Начинается русско-японская война, и въ Россіи появляются первые предвѣстники освободительнаго движенія.

Само собою разумѣется, что населеніе Царства Польскаго относится съ безпредѣльнымъ вниманіемъ къ каждому болѣе или менѣе важному событію, происходящему въ Имперіи. Начинаетъ отчетливо ощущаться тѣсная связь съ общественными теченіями и настроеніями въ Имперіи, подъ вліяніемъ которыхъ улетучиваются недоброжелательность и шовинизмъ. Представители различныхъ партій принимаютъ участіе въ земскихъ съѣздахъ (кромѣ соціалистовъ, которые заявляли, что они тамъ не нужны). Мѣсто абстрактныхъ лозунговъ, касающихся далекаго будущаго, занимаетъ подсчетъ историческихъ возможностей, и націоналъ-демократы начинаютъ развивать теоріи, сильно напоминающія взгляды лѣвыхъ угодовцевъ: при постановкѣ реальныхъ конкретныхъ задачъ текущаго момента, надо считаться съ тѣмъ, что Польша является составной частью Россійской имперіи, и что нельзя измѣнить этого факта. Въ воздухѣ чувствуется, что въ прежнихъ лозунгахъ вообще долженъ произойти скорый переломъ. Разсчитанные на неопредѣленное будущее, основанные на предположеніи, что бюрократическій гнетъ будетъ существовать еще долгіе годы, что польская нація можетъ удовлетворять свои потребности исключительно въ подпольи, нелегальнымъ путемъ, эти лозунги не могли устоять при столкновеніи съ дѣйствительностью, полной въ то время радостныхъ мечтаній и вѣры въ будущее.

Наступаютъ снова безпрограммныя времена, такъ какъ стихійность событій влечетъ за собою постоянную смѣну тактики и плановъ. Настроеніе въ Царствѣ Польскомъ мѣняется изо дня въ день, и въ соотвѣтствіи съ этимъ мѣняются симпатіи и надежды. Рабочія организаціи идутъ во главѣ; испуганная національная демократія начинаетъ все болѣе и болѣе отказываться отъ своихъ прежнихъ непримиримыхъ фразъ.

Въ качествѣ историческаго документа—и лишь въ качествѣ таковаго—мы можемъ упомянуть о запискѣ графа Тышкевича, представленной (10 декабря 1904 г.) министру внутреннихъ дѣлъ, князю Святополку-Мирскому, и о совпадающей съ ней по времени запискѣ двадцати трехъ лицъ, составленной преимущественно представителями угодовцевъ. Волна событій вычеркнула немедленно оба эти акта изъ человѣческой памяти. И это понятно, такъ какъ обѣ эти записки были слишкомъ проникнуты традиціями прежнихъ временъ бюрократическаго гнета. Въ лучшемъ случаѣ документы эти заслуживаютъ вниманія единственно, какъ сводка жалобъ на тѣ несправедливости, которыя чувствовались сильнѣе другихъ: на устраненіе польскаго языка изъ учебныхъ заведеній и правительственныхъ учрежденій, на приниженіе религіи, невозможность культурной дѣятельности, отстраненіе поляковъ отъ государственной службы и т. д. Въ особенности о запискѣ 23-хъ надо сказать, что даже въ моментъ составленія она была уже документомъ архаическимъ, какъ по своему тону, такъ

и по сказывающемуся въ ней настроенію. Но анализъ ея содержанія столь же неблагодарная задача, какъ и попытка воспроизвести ту измѣнчивость настроеній, которая являлась тогда основной чертой общественной жизни въ Царствѣ Польскомъ. Это столь же невозможно, какъ фиксированіе на фотографической пластинкѣ движенія волнъ воды. Событія быстро смѣняютъ другъ друга, и, наконецъ, январскіе дни становятся въ Царствѣ Польскомъ днями почти стихійнаго возстановленія или точнѣе попытокъ возстановленія утерянныхъ правъ на культурное развитіе. Когда рабочія массы заполнили улицы Варшавы и Лодзи, лихорадочное волненіе охватило все польское общество; массы учащейся молодежи оставляютъ стѣны правительственныхъ учебныхъ заведеній, предъявивъ предварительно властямъ свое требованіе—преподаванія на польскомъ языкѣ. Польская рѣчь врывается въ канцеляріи и правительственныя учрежденія. Крестьяне на гминныхъ сходахъ принимаютъ резолюціи о введеніи вновь польскаго языка въ школахъ и гминахъ. Волна движенія поднимается изо дня въ день.

Но странное дѣло, казалось бы, что именно въ этотъ періодъ возрастающихъ надеждъ, безпрерывныхъ демонстрацій, а въ скоромъ времени и стачекъ—политическихъ и экономическихъ,—должны были бы съ неслыханной силой прозвучать тѣ лозунги, которые такъ демонстративно выдвигались на первый планъ въ періодъ времени 1895—1904 гг. Я имѣю въ виду требованіе независимой Польши и соединенный съ нимъ лозунгъ вооруженнаго возстанія.

Въ дѣйствительности же мы замѣчаемъ нѣчто совершенно другое—лозунги эти исчезаютъ!

Національ-демократія уже въ 1904 году отбрасываютъ требованіе независимой Польши, какъ ненужный баластъ. Польская соціалистическая партія колеблется, но, бросаясь въ круговоротъ событій, начинаетъ говорить объ автономіи (только впослѣдствіи обнаружилось, что одна изъ ея фракцій осталась при прежнемъ лозунгѣ, но узнали мы объ этомъ не изъ фактовъ жизни, а изъ резолюцій съѣзда). Со всей настойчивостью подчеркиваемъ мы этотъ фактъ отказа отъ столь громкихъ еще недавно лозунговъ. Онъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ эти требованія были прежде всего реакціей противъ тогдашняго политическаго положенія. Пока не было никакой надежды на пріобрѣтеніе національныхъ правъ при сохраненіи связи съ Россійской имперіей, до тѣхъ поръ только и оставалось мечтать о возстановленіи независимости. Но съ того момента, какъ открылась возможность улучшеній въ предѣлахъ россійскаго государства, партіи эти отказались отъ своихъ прежнихъ постулатовъ. Общественное настроеніе подвинулось даже еще дальше. Можно было слышать голоса, выражающіе надежду, что

какъ только Царство Польское пріобрѣтетъ права на свободное національное развитіе,—и въ Галиціи, и особенно въ Познани должна сказаться естественная тяга къ объединенію съ Царствомъ Польскимъ, и что объединенныя провинціи войдутъ въ составъ россійскаго государства, образуя въ немъ автономную единицу. Лишь уменьшеніе количества депутатовъ въ государственной думѣ отъ Царства Польскаго впослѣдствіи разсѣяло эти мечтанія и отрезвило умы. Но до того времени довѣріе къ Россіи было настолько сильно, что не безъ основанія немногочисленныя группы, сохранившія еще старую позицію, жаловались на то, что въ Польшѣ происходитъ примиреніе самого худшаго сорта, именно „примиреніе“ со *всѣмъ* русскимъ обществомъ.

Дѣйствительно, сразу исчезли всѣ тѣ формы отграниченія, которыя раньше систематически поддерживались: во многія польскія семейства проложила себѣ дорогу русская газета,—явленіе, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ нельзя было себѣ даже представить; польское общество,—и это не менѣе странно,—начало посѣщать русскій театръ въ Польшѣ. Это были, однако, вполнѣ естественныя явленія. Съ того момента, какъ открылась возможность свободно и открыто развивать свою собственную національную культуру, исчезало прежнее стихійное бойкотированіе произведеній русской культуры, ибо ее перестали отождествлять съ продуктами бюрократическаго творчества.

Вмѣсто разговоровъ о независимой Польшѣ, появился лозунгъ *автономіи* Царства Польскаго. Было бы слишкомъ неблагодарной и почти неисполнимой задачей заняться подробнымъ разборомъ этого новаго требованія. Оно фигурировало въ самыхъ различныхъ видахъ, постоянно измѣняясь въ зависимости отъ быстро мѣняющихся внѣшнихъ условій. Это было что-то „Werdendes“, но не „Seiendes“, нѣчто находящееся въ процессѣ образованія и кристаллизаціи. Лозунгъ автономіи былъ прежде всего *настроеніемъ*. Люди упивались звукомъ словъ, имѣя въ виду не столько то, чего требовали въ дѣйствительности, сколько то, что имъ хотѣлось бы устранить. Мы имѣемъ, конечно, въ виду только широкіе круги населенія. Въ партіяхъ происходили попытки сформулировать содержаніе автономіи, но попытки эти дѣлались чуть ли не для того только, чтобы по окончаніи одной формулировки предпринять новую попытку въ томъ же родѣ. Только такъ называемая прогрессивная демократія, которая возникаетъ въ 1906 г. составляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе. Представляя собою кучку литераторовъ, публицистовъ, интеллигентовъ, лишенныхъ всякаго вліянія на широкія массы, группу, стоящую въ сторонѣ отъ общественной жизни,—прогрессивная демократія могла излагать свои пожеланія въ формѣ абсолютныхъ заповѣдей.

Все то, что мы сказали объ автономіи, примѣнимо въ 1905 году и даже въ первой половинѣ 1906 года къ каждому пункту партійныхъ

программъ, и между прочимъ, по отношенію къ той неписанной, основанной только на чувствѣ, „программѣ“, которая скрывается въ человѣческой груди и при случаѣ обнаруживается стихійно. Все находилось въ состояніи постояннаго движенія. Былъ даже моментъ, когда эта некодифицированная, нераздѣленная на параграфы программа впродолженіе нѣсколькихъ недѣль одна только царствовала надъ умами и съ точки зрѣнія бюрократической политики надѣлала бѣды больше, чѣмъ всѣ нелегальныя предпріятія вмѣстѣ взятыя. Это октябрьскіе дни. Среди польскаго народа существуетъ легенда, что во время лютыхъ морозовъ человѣческіе голоса, стоны и рыданія умираютъ, но съ началомъ весеннихъ дней они вновь пріобрѣтаютъ свою звучность и страшнымъ шумомъ наполняютъ воздухъ. Надъ польской землей, въ предѣлахъ Царства Польскаго, такая зима продолжалась сорокъ лѣтъ. Стоны, обиды и мечты люди таили въ себѣ, далеко въ глубинахъ души. Но въ октябрьскіе дни все это судорожно вырывается наружу, все то, что страна за сорокъ лѣтъ пережила и выстрадала. Это были великіе дни экстаза и радости. Но они были чѣмъ-то еще бо́льшимъ: рабочіе, какъ классъ, и всѣ поляки, какъ нація, сдѣлали подсчетъ своимъ силамъ. Правда, это подведеніе національныхъ итоговъ въ рабочей средѣ имѣло другой характеръ, чѣмъ въ зажиточныхъ классахъ. Оно имѣло въ виду *ихъ* Польшу, будущую, идеализированную народную Польшу. Но уже среди менѣе сознательныхъ слоевъ рабочаго класса эта народная Польша сливалась съ другой Польшей, гдѣ ясныя и опредѣленныя формы стушевывались. И на этихъ итогахъ выросло убѣжденіе, что сорокалѣтній руссификаторскій, бюрократическій гнетъ скользнулъ лишь по поверхности, что сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, всѣ, но буквально всѣ, желаютъ свободы національнаго развитія (другой вопросъ, одинаково ли всѣ понимаютъ эту свободу). Октябрьскіе дни—это время полнаго господства такой стихійной, окрыленной чувствомъ, могучией программы.

V.

Во второй половинѣ 1906 г. и тѣмъ болѣе въ 1907 г. намѣчаются новые пути борьбы за національное существованіе. Періодъ этотъ заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что впервые послѣ многихъ десятилѣтій онъ сдѣлалъ возможнымъ использованіе открытыхъ, легальныхъ средствъ, позволилъ политическимъ партіямъ развернуть свои ряды и принудилъ ихъ считаться съ конкретными фактами. Прежде всего этотъ періодъ устранилъ партизанскія выступленія съ индивидуальными программами отдѣльныхъ личностей, которыя во мракѣ конспираціи могли иногда придавать своимъ выступленіямъ болѣе

серьезный характеръ и оказывать большее вліяніе, чѣмъ то, которое выпало бы на ихъ долю въ нормально развивающемся обществѣ.

Впервые, со времени 60-хъ годовъ, Царство Польское получило возможность открыто и свободно устраивать свои культурныя дѣла. Мы говоримъ „свободно“ не въ абсолютномъ смыслѣ, а относительно, въ сравненіи съ тѣми условіями, которыя существовали еще въ 1902 и 1903 г. Справедливость заставляетъ признать, что началась лихорадочная дѣятельность на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, та самая дѣятельность надъ укрѣпленіемъ „основъ“, которую возводили когда-то въ идеалъ сторонники „органической“ работы. Точнѣе слѣдовало бы сказать: началась легализація этой дѣятельности, ея расширеніе и укрѣпленіе. Существовали различныя мнѣнія насчетъ объема этой дѣятельности, и прежде всего, насчетъ ея характера: реакціонеры иначе понимали ея задачи, чѣмъ прогрессисты, классовый антагонизмъ проникалъ и въ сферу культурной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, всѣ понимали, что нужно напрячь всѣ силы для поднятія уровня родной культуры, и каждый принимался за работу согласно своимъ убѣжденіямъ.

Но уже въ первый моментъ обнаружились серьезныя помѣхи. Оказалось, что недостаетъ тружениковъ для выполненія тѣхъ колоссальныхъ задачъ, которыя стояли предъ польскимъ обществомъ послѣ столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ тискахъ безправія.

На первый планъ выдвинулся школьный вопросъ.

Нужно помнить, что массы учащейся молодежи, оставивъ правительственныя учебныя заведенія, должны были такъ или иначе получить доступъ къ наукѣ. Въ большомъ количествѣ возникаютъ польскія среднеучебныя заведенія, мужскія и женскія, какъ въ Варшавѣ, такъ и во всѣхъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ. Для всѣхъ этихъ заведеній нужны были учителя. Между тѣмъ періодъ апухтинскаго управленія извелъ почти безслѣдно польскихъ педагоговъ, и нужно было едва ли не въ одинъ моментъ создать сотни учителей по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Кромѣ этого недостатка, польскому школьному дѣлу пришлось побороть еще одно серьезное препятствіе: среднія учебныя заведенія должны были содержаться исключительно на ученическіе взносы, которыхъ, несмотря на ихъ относительно большіе размѣры, было недостаточно на покрытіе расходовъ. И обществу пришлось оказать школьному дѣлу помощь въ самыхъ различныхъ формахъ и видахъ.

Всю страну покрыла сѣть просвѣтительныхъ обществъ. Среди нихъ Матица, благодаря своей консервативной окраскѣ, достигла самаго большого расцвѣта. Мы уже приводили цифры ея оборотовъ, которые сдѣлали ее однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ Европѣ частныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Не слѣдуетъ

забывать, что она была не единственнымъ, а только однимъ изъ многихъ обществъ, что въ Радомской губерніи она имѣла соперника, равнаго себѣ во многихъ отношеніяхъ, въ лицѣ „народнаго университета Радомской земли“, а въ Люблинской—въ лицѣ общества „Святло“, что въ Лодзи, въ дѣлѣ популяризаціи науки, съ ней соперничало „Общество для развитія просвѣщенія“, что въ Варшавѣ дѣйствовалъ „Университетъ для всѣхъ“, и такъ далѣе. Наконецъ, „Общество польской культуры“ выступило съ такой обширной программой, что именно эта разносторонность его дѣятельности задержала его нормальное развитіе. Число училищъ для дѣтей и взрослыхъ, „курсы“ и „лекціи“ росли непрерывно. Въ Варшавѣ недоставало помѣщеній, и кое-гдѣ лекціи происходили на фабрикахъ, въ частныхъ квартирахъ, въ подвалахъ и мезонинахъ; въ деревняхъ же, даже зимой,—въ амбарахъ. О направленіи тѣхъ или иныхъ учрежденій, о препятствіяхъ, которыя въ скоромъ времени клерикалы начали ставить этой просвѣтительной волнѣ, можно было бы сказать многое. Одно не подлежитъ сомнѣнію: просвѣтительная дѣятельность была начата въ колоссальныхъ размѣрахъ, къ тому же по частной иниціативѣ, основываясь на добровольно вносимыя частныя пожертвованія. Это было своего рода народное ополченіе, въ которомъ приняли участіе самыя различныя въ идейномъ отношеніи группы, развивавшія свою дѣятельность съ лихорадочной быстротой, какъ бы желая использовать лучшія времена, которыя должны были вскорѣ миновать.

Вслѣдъ за этими партизанскими отрядами тянулась тяжелая артиллерія: различныя научныя общества—историковъ, математиковъ и т. д. Принялись за созданіе публичныхъ библіотекъ—роскошь, которой не знало Царство Польское, принужденное до того ограничиваться единственной университетской библіотекой въ Варшавѣ. Начали образовываться читальни.

Въ деревнѣ возникли многочисленные сельско-хозяйственные кружки, на подобіе французскихъ синдикатовъ, въ городахъ—потребительные кооперативы. Образовались могучіе профессіональные союзы, какъ напримѣръ, въ текстильной и металлургической промышленности. Возникаетъ обнимающая всю страну организація „Соколовъ“.

Мы не касаемся здѣсь направленія многихъ изъ этихъ учрежденій, намъ важно лишь подчеркнуть колоссальные размѣры той организаціонной дѣятельности, которую проявило Царство Польское въ столь непродолжительное время. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не было ни достаточныхъ силъ, ни денегъ, чтобы начать и вести столь широкую всестороннюю работу. Многія изъ этихъ учрежденій были эфемерны именно вслѣдствіе недостатка соотвѣтственныхъ руководителей и рано или поздно должны были неминуемо погибнуть. Еще сильнѣе вліяло то обстоятельство, что вся эта дѣятель-

ность была начата въ минуту самаго сильнаго подъема энтузіазма, и что въ періодъ первой же реакціи, которая наступила послѣ эпохи болѣзненнаго напряженія нервовъ, многія изъ этихъ обществъ не могли избѣгнуть разложенія. Быть можетъ, кое-гдѣ уже и начали появляться симптомы кризиса, но заботливая бюрократія не дала имъ развернуться.

Одинъ за другимъ посыпались ея удары на неокрѣпшіе еще культурные организмы.

Одинъ изъ первыхъ ударовъ палъ на голову „Соколовъ“, что, впрочемъ, не вызвало особаго сожалѣнія въ польскомъ обществѣ. Закрытіе этихъ гимнастическихъ обществъ постольку задѣло болѣзненно страну, поскольку въ этомъ усматривали предвѣстіе дальнѣйшихъ репрессій. Зато закрытіе „Матицы“ было принято совершенно иначе. Это учрежденіе любили многіе, оно уже срослось съ польскимъ обществомъ и сдѣлалось символомъ національнаго просвѣщенія. Хотя оно и было яблокомъ раздора между духовенствомъ, народовцами и безпартійными культурными дѣятелями, тѣмъ не менѣе, оно держалось въ сущности въ сторонѣ отъ политики.

Циркуляръ, закрывшій „Матицу“, былъ принятъ, какъ предзнаменованіе возврата къ прежнимъ временамъ — въ болѣе далекомъ будущемъ, и какъ предвѣстникъ затрудненной культурной и національно-политической дѣятельности—для болѣе близкаго времени.

Затрудненія эти не замедлили дать себя знать.

Людвигъ Крживицкій.

ГЛАВА ВТОРАЯ [1]).

I.

Говоря о полякахъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, необходимо прежде всего подчеркнуть, что польское населеніе не является здѣсь исключительно результатомъ колонизаціи въ точномъ смыслѣ этого слова. *Пришлые* элементы составляютъ среди польскаго населенія края лишь незначительное меньшинство; въ своей главной массѣ поляки представляютъ *мѣстный элементъ*— прежнихъ литовцевъ и бѣлоруссовъ, ассимилировавшихся и воспринявшихъ съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ особыхъ условій историческаго развитія края, польскій обликъ [2]).

Процессъ развитія литовской національной культуры пріостановился еще на зарѣ исторической жизни Литвы. Это явленіе было тѣсно связано съ ростомъ великокняжеской власти и укрѣпленіемъ литовской государственности. Государственная жизнь сложилась въ Литвѣ въ результатѣ той оборонительной борьбы, которую страна, желая отстоять самое свое существованіе, должна была вести противъ тѣснившихъ ее со всѣхъ сторонъ сосѣдей. Эта борьба поглотила львиную долю національной энергіи и потребовала весьма значительнаго напряженія жизненныхъ силъ народа. И чрезвычайно быстрый, едва

---

[1]) Вслѣдствіе краткости срока, предоставленнаго авторамъ этой главы, сюда вошли только поляки Литвы и Бѣлоруссіи. Національное движеніе поляковъ юго-западной Россіи не могло поэтому, къ сожалѣнію, быть принято во вниманіе. — Всего поляковъ въ сѣверо-западномъ краѣ (по даннымъ переписи 1897 г.)—563.854. Процентное отношеніе ихъ ко всему населенію края выражается приблизительно слѣдующими цифрами:

въ Гродненской губ.	10,08%	въ Витебской губ.	3,38%
„ Ковенской губ.	9,04	„ Минской губ.	3,01
„ Виленской губ.	8,17	„ Могилевской губ.	1,03

Прим. ред.

[2]) Нѣсколько другой характеръ имѣетъ польское населеніе на Украинѣ, Волыни и Подоліи; тамъ поляки являются въ значительной степени продуктомъ *колонизаціи*, будучи, впрочемъ, также тѣсно связаны со всѣмъ соціальнымъ и культурнымъ строемъ мѣстной жизни.

ли не стремительный ростъ литовскаго государства, выполнивъ въ большей или меньшей степени задачу огражденія Литвы отъ натиска сосѣднихъ народовъ, достигъ этого успѣха лишь цѣной чрезмѣрнаго усиленія великокняжеской власти. Опираясь на феодальную организацію, которая складывалась изъ отдѣльныхъ звеньевъ государственнаго механизма, находившихся въ извѣстной іерархической зависимости одно отъ другого, и имѣя первоначально однѣ лишь охранительныя функціи, власть эта вскорѣ перешла отъ обороны къ нападенію. Началось наступательное движеніе литовскаго государства по линіи наименьшаго сопротивленія.

Подъ напоромъ наступательнаго движенія Литвы пала Западная Русь (Бѣлоруссія), а вслѣдъ за нею также и южная, Кіевская Русь; Польша (та часть ея, которая носила названіе Малой Польши) также стала подвергаться нашествіямъ литовцевъ. Изъ государства, занятаго творческой организаціонной работой въ предѣлахъ своихъ владѣній, Литва превратилась въ крупную державу, раскинувшуюся силою захвата отъ Балтійскаго до Чернаго моря.

Литва испытала судьбы большинства тѣхъ молодыхъ государствъ, чей первоначальный ростъ, совершаясь непомѣрно быстрымъ темпомъ, требуетъ черезчуръ большого напряженія національныхъ силъ.

Стремительный ходъ государственнаго развитія ослабилъ національную устойчивость литовцевъ. Христіанская религія, чужіе вѣрованія и обычаи стали проникать въ Литву при посредствѣ того же самаго государства, которое первоначально возникло въ цѣляхъ національной защиты. Княжескіе дворы, помѣстья феодаловъ, дворы намѣстниковъ, города—стали проводниками иноплеменной культуры.

Эти культурныя вліянія, шедшія въ Литву преимущественно изъ подвластной ей Западной Руси, носили славяно-византійскій характеръ, и такимъ образомъ, Литва еще до принятія христіанства была втянута въ сферу славяно-византійской культуры. Западно-европейская культура, проникавшая въ Литву чрезъ посредство рыцарскихъ орденовъ—крестоносцевъ и меченосцевъ—и подчинившая себѣ прусскую и латышскую вѣтвь литовскаго племени, сказывалась въ собственной Литвѣ въ несравненно болѣе слабой степени. Борьба съ западнымъ вліяніемъ, создавшая литовское государство, постепенно вовлекала его въ сферу восточной культуры.

То обстоятельство, что Литва приняла христіанство съ Запада, чрезъ посредство Польши, и одновременно съ этимъ вступила съ Польшей въ политическій союзъ, послужило рѣзкой гранью въ исторіи культурнаго развитія страны.

Крупную роль сыгралъ въ этомъ отношеніи сословный укладъ литовскаго государства. Какъ уже выше было отмѣчено, литовское государственное

устройство основывалось на взаимной феодальной зависимости, объединявшей дворянство въ одно цѣлое, со всемогущей патріархальной великокняжеской властью во главѣ. Право распоряженія имуществомъ, наслѣдственное право, даже внутренніе семейные распорядки, все это подвергалось ограниченіямъ и въ извѣстной степени было подчинено непосредственно княжеской власти.

Въ Польшѣ же политически-правовое положеніе высшаго сословія—шляхты—было совершенно другое. Все болѣе укоренявшееся шляхетское народовластіе передавало государство въ непосредственное распоряженіе шляхты и давало ей возможность удовлетворять всѣ свои сословныя нужды и желанія.

Вотъ почему, когда Литва фактически соединилась съ Польшей подъ общимъ скипетромъ Ягеллоновъ, литовскіе *бояре* горячо поддержали польскія стремленія къ государственной уніи обоихъ народовъ, вопреки желаніямъ *вельможъ*, отнюдь не хотѣвшихъ равенства *всѣхъ* дворянъ и передачи государственной власти въ руки всего шляхетскаго сословія по польскому образцу.

Литовскіе и западно-русскіе вельможи стали въ то время горячими сторонниками и защитниками идеи отдѣльнаго литовскаго государства и противниками уніи съ Польшей; они предпочитали сохраненіе великокняжеской власти съ іерархическимъ подчиненіемъ дворянъ, при которомъ они могли бы лучше и полнѣе использовать свое вліяніе,—всеобщей шляхетской демократіи по польскому образцу, которая возвысила бы и уравняла съ ними въ пользованіи властью всѣ слои дворянскаго сословія.

Послѣ заключенія уніи, въ которой осуществилось желаніе литовскихъ бояръ, стремившихся перестроить литовское государство на польскій ладъ, они тѣмъ охотнѣе сближались съ поляками, чѣмъ больше это ихъ отдаляло отъ прежней политической подчиненности и закрѣпляло за ними пріобрѣтенныя права.

Благодаря всему этому, литовское государство оказалось теперь вовлеченнымъ въ сферу западно-европейскихъ теченій, которыя просачивались въ него черезъ польскую національную призму, постепенно вытѣсняя прежнее славяно-византійское вліяніе. Сильнѣе всего этотъ ассимиляціонный процессъ охватилъ наиболѣе заинтересованные круги—шляхетско-дворянское сословіе, до сихъ поръ еще составляющее главный помѣщичій элементъ въ Литвѣ и Бѣоруссіи, и крупные городскіе центры, въ особенности столицу Литвы—Вильно. Низшіе и средніе слои бояръ, болѣе близкіе къ народнымъ массамъ и менѣе связанные государственной службой, дольше сохранили свою культурно-національную индивидуальность и языкъ предковъ, несмотря на то, что въ политическомъ отношеніи они въ силу своихъ сословныхъ интересовъ были наиболѣе заинтересованы въ государственномъ единеніи Литвы съ Польшей. Только въ восточныхъ провинціяхъ этнографической Литвы и въ западныхъ провинціяхъ Бѣлоруссіи ли-

товскій и бѣлорусскій языки и національный укладъ быта стали даже и въ среднихъ слояхъ дворянства сравнительно быстрѣе уступать польскому культурному вліянію. Этому все прогрессирующему сліянію сильно способствовала иммиграція пришлыхъ дворянскихъ элементовъ; такъ напримѣръ, вдоль сѣверной полосы края поселилось много дворянскихъ родовъ (старо-германскаго и шведскаго происхожденія) изъ сосѣднихъ прибалтійскихъ земель, спасавшихся отъ политическихъ неурядицъ у себя на родинѣ и становившихся въ своемъ новомъ отечествѣ проводниками польской культуры. Въ промежуточной же полосѣ, отдѣляющей этнографическую Литву отъ Бѣлоруссіи, а также на югѣ и на юго-западѣ Литвы и Бѣлоруссіи селились въ довольно значительномъ количествѣ польскіе роды.

Эта промежуточная полоса вообще представляла собой самую благопріятную почву для процесса полонизаціи. Еще до принятія Литвой христіанства, въ то время, когда еще только складывалось и крѣпло литовское государство, указанныя нами славяно-византійскія теченія проникали въ этнографическую Литву чрезъ восточную и юго-восточную окраину; подъ ихъ систематическимъ вліяніемъ восточныя и юго-восточныя литовскія окраины изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе все въ большей мѣрѣ воспринимали эти внѣшніе, чуждые имъ культурные элементы и, не находя твердой опоры въ самостоятельной и окрѣпшей національной жизни, постепенно стали терять свой прежній національный обликъ. Подъ напоромъ славянской волны сила сопротивленія все болѣе ослабѣвала, и предъ денаціонализирующими вліяніями открылась широкая дорога. Когда восточное славяно-византійское теченіе, шедшее изъ Западной Руси, смѣнилось иной волной, западной, надвигавшейся изъ Польши, то вполнѣ естественно было, что, направляясь по линіи найменьшаго сопротивленія, эти вліянія и свили себѣ гнѣздо въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ національная устойчивость была наиболѣе слаба, т. е. въ восточныхъ и юго-восточныхъ литовскихъ окраинахъ, представлявшихъ къ тому по своему этнографическому составу переходную ступень отъ литовскаго къ бѣлорусскому населенію (въ полосѣ нынѣшней Виленской и отчасти Гродненской губерній). Эта полоса представляла собой какъ бы губку, въ высшей степени приспособленную къ тому, чтобы механически воспринимать всякія вліянія извнѣ. Ярко сказавшееся послѣ принятія христіанства и послѣ установленія государственной уніи съ Польшей польское культурное вліяніе нашло себѣ здѣсь извѣстнаго рода очагъ, изъ котораго расходилось дальше, проникало на востокъ въ Бѣлоруссію, идя рука объ руку съ католичествомъ, и на западъ въ Литву по направленію къ ея національному сердцу, къ Жмуди; здѣсь—въ жмудской провинціи Литвы—вѣрность національному языку и обычаямъ сохранилась дольше всего, и изъ рядовъ мѣстной шляхты вышли впослѣдствіи, въ первой половинѣ XIX сто-

лѣтія первые наиболѣе видные провозвѣстники наступившаго національнаго возрожденія литовцевъ.

И еще до сихъ поръ польскій элементъ находитъ въ этой промежуточной полосѣ свою естественную опору не только въ средѣ высшаго сословія и горожанъ, но также и среди мѣстнаго сельскаго населенія.

Эпоха, предшествовавшая раздѣлу польско-литовской республики (Рѣчи Посполитой), и историческое развитіе страны послѣ раздѣла углубили и ускорили процессъ ополяченія бѣлорусско-литовской шляхты. Геройскія усилія Рѣчи Посполитой, въ концѣ XVIII вѣка напрягавшей всѣ свои силы для того, чтобы отстоять свое государственное существованіе, стремленіе къ коренному преобразованію всего государственнаго строя путемъ далеко идущихъ органическихъ реформъ, работы великаго четырехлѣтняго сейма, возстаніе Костюшки,—все это не могло не благопріятствовать ослабленію литовскаго сепаратизма. Общая опасность толкала къ сплоченію и объединенію всѣхъ силъ. Идея двухъ государствъ, самостоятельныхъ и соединенныхъ лишь уніей, померкла и отступила на задній планъ предъ идеей единаго государства, ведущаго рѣшительную борьбу за свое политическое бытіе. Вотъ почему въ средѣ патріотической партіи того времени,—такъ называемой партіи реформъ—ясно кристаллизуется идея единаго народа, вытѣсняя старые дуалистическіе взгляды. И эта идея въ сущности лишь санкціонируетъ совершившееся уже раньше политическое сліяніе польскаго и литовскаго народовъ въ одно государственное цѣлое.

Процессъ этого сліянія совершился, такимъ образомъ, не путемъ насилія и захвата, а въ результатѣ естественной политической эволюціи литовскаго и бѣлорусскаго дворянства, т. е. тѣхъ слоевъ, которыми въ сущности исчерпывался тогда политическій составъ *націи*. Другія сословія представляли собой лишь аморфную этнографическую массу, они не были гражданами въ точномъ смыслѣ этого слова, и указанный процессъ въ значительной мѣрѣ остался имъ чуждъ. Не слѣдуетъ забывать, что если дѣло политически-государственнаго возрожденія Рѣчи Посполитой, начатое въ концѣ XVIII столѣтія, и вело въ своемъ послѣдовательномъ развитіи къ демократизаціи политическаго устройства государства, то исходило оно все же изъ среды высшаго сословія, создавшаго четырехлѣтній сеймъ, и стало быть, формулировало идеи и принципы, которые вытекали, главнымъ образомъ, изъ исторической эволюціи даннаго общественнаго слоя.

Ходъ политической жизни послѣ раздѣла и паденія польско-литовскаго государства не только не ослабилъ, но еще и упрочилъ совершившееся наканунѣ паденія Польши сліяніе польскаго и литовскаго дворянства. Всѣ позднѣйшія политическія движенія опирались на традиціи, созданныя поли-

тически-національнымъ возрожденіемъ конца XVIII столѣтія. Пышный расцвѣтъ польской культуры въ Литвѣ въ началѣ XIX столѣтія, достигшій своего апогея въ виленскомъ университетѣ, въ лицѣ польскихъ національныхъ геніевъ Мицкевича, Словацкаго и др., еще больше укрѣпилъ польское культурное вліяніе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Казалось, что почва для окончательнаго національнаго сліянія Литвы съ Польшей подготовлена вполнѣ. Однако, съ момента выступленія народныхъ массъ на политическую арену, съ момента зарожденія политической демократіи, положеніе дѣла должно было измѣниться. Особенно отчетливо проявилось это въ Литвѣ.

Дѣло въ томъ, что тотъ кризисъ, который наступилъ для литовской національной культуры со времени принятія христіанства и государственной уніи съ Польшей, и который оторвалъ отъ литовской національности высшія сословія,—бояръ и горожанъ,—благополучно разрѣшился втеченіе столѣтій въ низшихъ слояхъ народныхъ массъ и преимущественно въ средѣ крѣпостного крестьянства. Въ теченіе столѣтій крестьянское населеніе находилось въ условіяхъ, дѣлавшихъ его наименѣе способнымъ къ культурному развитію. Въ то время, какъ другія сословія испытывали на себѣ постоянное воздѣйствіе извнѣ, крестьянинъ оставался какъ бы въ скорлупѣ, отдѣлявшей его отъ внѣшняго міра, и представлялъ собою наиболѣе изолированную и неподвижную общественную клѣточку. Скованный крѣпостной зависимостью, онъ былъ почти всецѣло отрѣзанъ отъ всякаго общенія съ людьми внѣ границъ своего родного прихода, и если онъ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ высшими сословіями, то почти исключительно на почвѣ текущихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Крестьянская народная масса составляла, такимъ образомъ, элементъ наиболѣе консервативный въ культурномъ отношеніи и сдѣлалась единственнымъ хранителемъ національныхъ традицій, лучшимъ выразителемъ національнаго прошлаго.

Весь обширный комплексъ народныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, народнаго творчества и языка, вся такъ называемая народная культура носила въ крестьянской средѣ прочный, устойчивый характеръ. Тотъ глубокій переворотъ, который ознаменовалъ переходъ отъ язычества къ христіанству, совершился въ крестьянской средѣ постепенно и органически въ предѣлахъ длинной цѣпи поколѣній, сливая новыя цѣнности въ единое цѣлое со старыми культурными традиціями.

Задача сохраненія національности, которую послѣ принятія христіанства не въ состояніи были разрѣшить бояре, оказалась рѣшенной крестьянской народной массой. Въ лицѣ крестьянства литовская національная культура побѣдоносно вышла изъ кризиса.

Когда, съ паденіемъ крѣпостного права и развитіемъ демократическаго движенія въ XIX столѣтіи, крестьянство стало постепенно играть все болѣе актив-

ную роль въ общественной и политической (конечно, неофиціальной и преимущественно нелегальной) жизни страны, то наиболѣе крупнымъ явленіемъ, сопутствовавшимъ демократическому движенію на Литвѣ, стало національное возрожденіе. Этотъ процессъ литовскаго національнаго возрожденія совершенно естественно, съ логической необходимостью вытекалъ изъ пробужденія самодѣятельности литовскаго крестьянина. Получивъ толчекъ со стороны первыхъ представителей литовской интеллигенціи, вышедшей изъ среды народа, онъ въ непродолжительномъ времени принялъ форму мощнаго массоваго движенія и получилъ въ 1905 году первое огненное крещеніе въ освободительныхъ стремленіяхъ литовскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, наряду съ завершающимся въ высшемъ дворянскомъ сословіи и въ болѣе крупныхъ городахъ процессомъ литовско-польскаго сліянія, намѣтился и окрѣпъ едва ли не на глазахъ современнаго поколѣнія иной процессъ — возрожденіе литовской національности.

Что касается этнографической Бѣлоруссіи, то здѣсь положеніе вопроса и соотношеніе національныхъ силъ нѣсколько иное.

Бѣлорусскій народъ самъ по себѣ не столь ярко выраженная національно-культурная индивидуальность, какъ литовскій; въ славянской семьѣ бѣлоруссы представляютъ переходный типъ, промежуточную ступень между поляками и русскими. Несомнѣнно, что первые симптомы сплоченія бѣлорусскихъ элементовъ въ одно національное цѣлое начинаютъ уже обнаруживаться, но несомнѣнно также, что это движеніе понынѣ еще несравненно слабѣе, нежели движеніе литовцевъ. Западная, католическая часть Бѣлоруссіи въ весьма сильной степени подверглась воздѣйствію польскаго культурнаго вліянія, находившаго здѣсь въ славянскомъ и христіанскомъ населеніи болѣе благопріятную почву, нежели въ воспитанномъ на языческой культурѣ и этнически чуждомъ литовскомъ народѣ.

Въ восточной же, болѣе обширной части Бѣлоруссіи, въ которой католичество играло меньшую роль, и которая со времени царствованія Николая I насильно „возвращена“ въ лоно православной церкви, родственная связь мѣстной народной культуры съ польской представляется весьма шаткой. Здѣсь сильно русское вліяніе, особенно окрѣпшее въ теченіе послѣдняго столѣтія. Польскій же элементъ является въ этой полосѣ довольно изолированнымъ [1]).

---

[1]) См. ниже статью „Бѣлоруссы“. *Ред.*

II.

Въ соціальной структурѣ населенія Литвы и Бѣлоруссіи [1]) поляки составляютъ прежде всего классъ средняго и крупнаго землевладѣнія, затѣмъ разбросанный неравномѣрно по всей территоріи классъ мелкой шляхты, далѣе главную массу христіанскаго населенія городовъ и болѣе крупныхъ мѣстечекъ Литвы и западной (католической) Бѣлоруссіи и наконецъ, за нѣкоторыми малыми исключеніями, крестьянское населеніе упомянутой выше промежуточной полосы (отдѣляющей этнографическую литовскую область отъ бѣлорусской—преимущественно въ Виленскомъ уѣздѣ), а также юго-западной части Гродненской губерніи.

Продержавшійся въ теченіе 40 лѣтъ запретъ „лицамъ польскаго прохожденія“ пріобрѣтать во всѣхъ этихъ губерніяхъ недвижимыя имущества внѣ городовъ не лишилъ, однако, поляковъ господствующаго положенія въ средѣ крупнаго и средняго землевладѣнія въ краѣ; лишь на восточныхъ окраинахъ Бѣлоруссіи, въ Могилевской губерніи и въ восточной части Витебской, польское землевладѣніе уступило господствующее положеніе пришлому—русскому. Запрещеніе пріобрѣтенія земельной недвижимости иначе, какъ путемъ законнаго наслѣдованія, создало среди польскихъ аграріевъ въ теченіе послѣдняго сорокалѣтія стремленіе возможно прочнѣе закрѣпить за собою землю. Удержаніе унаслѣдованной земли въ своихъ рукахъ было возведено на степень національной и общественной добродѣтели; продажа земли считалась позоромъ и измѣной. Надо однако замѣтить, что польское возстаніе 1863—4 гг., послѣдствіемъ котораго явилось это запрещеніе, вырвало изъ рядовъ аграріевъ всѣ болѣе культурные и прогрессивно-демократическіе элементы, и это обстоятельство отразилось на польскомъ землевладѣльческомъ обществѣ весьма неблагопріятно. Общество не въ силахъ было выдвинуть болѣе широкую идею для оправданія своего лозунга — сохраненія земли. Идея „сохраненія земли“ держалась какъ своего рода самоцѣль, и если она и оказала несомнѣнныя услуги польскому землевладѣнію и поддержала его въ борьбѣ съ правительственнымъ гнетомъ, то толчка къ болѣе плодотворной и широкой общественно-экономической дѣятельности все же не дала [2]).

---

[1]) Говоря о польскомъ населеніи Литвы, мы должны принять во вниманіе также большую часть Сувалкской губерніи, административно входящей въ составъ Царства Польскаго, но въ этнографическомъ отношеніи составляющей часть Литвы (за исключеніемъ уѣздовъ: Августовскаго, Сувалкскаго и части Сейненскаго).

[2]) Сравнительно крупнымъ проявленіемъ общественной самодѣятельности этой группы до 1904 года являются сельскохозяйственныя общества (въ особенности минское) и Виленскій земельный банкъ.

Второй группой польскаго населенія въ краѣ является мелкая шляхта. Мелкошляхетское населеніе, разбросанное по всему краю, образуетъ то сплошныя колоніи, такъ называемая „околицы“, съ ярко выраженными бытовыми и кастовыми особенностями, то встрѣчается въ изолированномъ видѣ среди иныхъ группъ населенія, составляя классъ мелкихъ земельныхъ арендаторовъ и собственниковъ, или сельскохозяйственныхъ приказчиковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Мелкая шляхта чрезвычайно консервативна, ревностно хранитъ старыя традиціи и обычаи и чуждается общенія съ „простымъ народомъ“. Въ особенности это приходится сказать о сплоченныхъ „околицахъ“, чрезвычайно изолированныхъ отъ внѣшняго міра. Въ культурно-бытовомъ отношеніи мелкая шляхта представляетъ своеобразный типъ: по своимъ историческимъ и сословнымъ традиціямъ она имѣетъ вполнѣ польскій обликъ, сознаетъ свою принадлежность къ польской національности, говоритъ на польскомъ языкѣ, значительно насыщенномъ, правда, провинціализмами; но въ то же время, въ качествѣ группы, вышедшей первоначально изъ среды мѣстнаго коренного населенія (литовцевъ и бѣлоруссовъ), или по крайней мѣрѣ прожившей въ теченіе столѣтій въ этой пестрой этнической средѣ, она въ значительной степени усвоила себѣ характерныя особенности окружающей ее литовской или бѣлорусской народной массы.

Третьей составной частью польскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи является городское населеніе. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить столицу края, его культурный центръ—Вильно, гдѣ процессъ полонизаціи сказался наиболѣе ярко и оставилъ самые глубокіе слѣды на мѣстномъ населеніи. Вильно по языку, по традиціямъ, по содержанію своей культурной жизни до сихъ поръ еще является почти всецѣло польскимъ центромъ. Польская національная культура настолько глубоко укоренилась въ жизни этого города, что въ теченіе нѣкотораго времени (въ первой четверти XIX столѣтія) Вильно было даже центромъ культурно-національной жизни всего польскаго народа. Польская культура, привившаяся здѣсь, принесла во многихъ отношеніяхъ болѣе богатые плоды, нежели на коренной территоріи Польши. Этому городу и его культурной средѣ польскій народъ въ значительной степени обязанъ такими національными геніями, какъ Мицкевичъ, Словацкій, такимъ расцвѣтомъ науки, какъ во времена бывшаго виленскаго университета (братья Снядецкіе, Лелевель, Юндзиллъ, дѣятельность Чарторійскаго и въ особенности Чацкаго). Все это наложило на Вильно и его жителей печать польской національной культуры. Польскимъ по преимуществу является также христіанское населеніе другихъ болѣе или менѣе значительныхъ городовъ (но не мѣстечекъ) Литвы и западной Бѣлоруссіи. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что и въ болѣе крупныхъ литовскихъ городахъ, наряду съ господствующимъ польскимъ элементомъ, среди

христіанскаго населенія изъ году въ годъ растетъ также литовскій элементъ, въ особенности въ средѣ рабочихъ, мелкихъ частныхъ служащихъ и городской интеллигенціи.

Четвертую группу польскаго населенія въ краѣ составляютъ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей западной Бѣлоруссіи, непосредственно примыкающихъ къ этнографической Литвѣ [1]), и юго-запада Гродненской губерніи (см. выше). Впрочемъ, юго-западная часть Гродненской губерніи (уѣзды: Бѣлостокскій, Сокольскій и Бѣльскій), почти сплошь населенная поляками, скорѣе всего должна быть отнесена къ этнографической Польшѣ, какъ естественное продолженіе ея территоріи; принадлежность этихъ трехъ уѣздовъ къ Литвѣ и Бѣлоруссіи основывается лишь на административно-политическомъ, но отнюдь не на этнографическомъ дѣленіи.

Этотъ своеобразный соціальный составъ польскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи оказался одной изъ основныхъ причинъ шаткаго положенія поляковъ въ краѣ, несмотря на то, что вся мѣстная культурная и общественная жизнь всецѣло находилась подъ ихъ вліяніемъ. Представляя въ большинствѣ своемъ верхній (въ сословномъ и экономическомъ отношеніи) слой населенія, замкнутое въ своихъ узкихъ сословныхъ рамкахъ, польское общество, въ особенности въ Литвѣ и центральной и восточной Бѣлоруссіи, съ первымъ выступленіемъ пробудившихся національностей сразу почуяло ту изолированность, въ которой оно можетъ очутиться. Оно поняло опасность узкихъ націоналистическихъ тенденцій въ этой атмосферѣ соціальныхъ и національныхъ антагонизмовъ. И для упроченія своихъ позицій въ краѣ, чтобы не оказаться—по мѣткому выраженію А. Ледницкаго — покрышкой безъ дна, оно должно было искать здѣсь болѣе тѣсныхъ *гражданскихъ* связей съ большинствомъ населенія.

Эти условія должны были наложить особую печать на всю эволюцію польской національной жизни въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ значительной мѣрѣ направляя ее по другому руслу, чѣмъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ.

Понятно, что въ долгій періодъ всеобщей политической летаргіи, когда вообще не могло быть рѣчи о какой бы то ни было общественной жизни, физіономія польской общественности на первый взглядъ мало чѣмъ отличалась здѣсь отъ общаго уклада польской жизни въ самой Польшѣ.

Государство, поставившее себѣ задачей полную руссификацію края, вело от-

---

[1]) Бывшіе литовцы, потерявшіе, какъ уже выше было отмѣчено, подъ вліяніемъ католической церкви и шляхты, весь свой національный обликъ.—Бѣлорусскій элементъ тѣмъ слабѣе и тѣмъ менѣе индивидуаленъ, чѣмъ онъ ближе къ западной литовской границѣ, и тѣмъ болѣе крѣпокъ и самобытенъ, чѣмъ ближе къ своему центру въ Минской губерніи.

крытую и рѣшительную борьбу со всѣми мѣстными національными элементами. Подъ вліяніемъ тяжелаго правительственнаго гнета общество находилось въ состояніи полной апатіи и бездѣйствія. Шла только тихая, внутренняя культурная работа, которая рѣдко-рѣдко пробивалась наружу и постороннему наблюдателю была мало доступна.

Поскольку же литовскіе и бѣлорусскіе поляки вообще принимали участіе въ чисто-политическомъ движеніи, то они, за исключеніемъ соціалистическихъ партій, распадались, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, на тѣ же двѣ основныя группы, отличавшіяся только нѣкоторыми локальными оттѣнками, на такъ называемыхъ „угодовцевъ“ и на національ-демократовъ [1]).

Но какъ только по всей Россіи прошли первыя судороги общественнаго подъема, какъ только открылись первые пути къ самодѣятельности и организованной работѣ, въ средѣ литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ сейчасъ же дала себя чувствовать вся та своеобразная ситуація, въ которой они находятся, и которая ставила предъ ними совершенно другія задачи, нежели передъ ихъ соплеменниками въ Царствѣ. Польское общество въ Литвѣ и Бѣлоруссіи столкнулось съ новой, доселѣ незамѣтной для него средой, оно увидѣло рядомъ съ собою серьезнаго противника, съ которымъ отнынѣ нельзя не считаться, и это сознаніе не могло не вызвать въ немъ реакціи противъ увлеченія односторонними національстическими стремленіями. Поляки поняли,

---

[1]) Партія или, вѣрнѣе, направленіе „угодовцевъ“ сложилась хронологически раньше національ-демократовъ. Ихъ программа—неписанная, основанная на устномъ взаимномъ договорѣ,—сводилась главнымъ образомъ къ тому, чтобы путемъ систематическихъ уступокъ, путемъ выраженія при удобномъ случаѣ монархическихъ симпатій и полнаго довѣрія къ проектамъ бюрократіи сохранить господствующее положеніе польскаго дворянства въ краѣ. Вся дѣятельность этой „партіи“ состояла въ „хожденіи“ по частнымъ дѣламъ извѣстнаго круга лицъ путемъ использованія связей съ высшими вліятельными сферами. Органомъ „угодовцевъ“, отражающимъ, а отчасти диктующимъ систему „угоды“, былъ петербургскій „Kraj“, единственная газета, имѣвшая возможность (по цензурнымъ условіямъ) касаться польскаго вопроса въ Западномъ краѣ. Единственнымъ политическимъ выступленіемъ „угодовцевъ“ было ихъ участіе, въ числѣ 60 человѣкъ, въ торжествѣ открытія памятника Екатеринѣ II въ Вильнѣ осенью 1904 г.; это выступленіе, чрезвычайно рѣзко осужденное всѣмъ польскимъ обществомъ, окончательно дискредитировало „партію“; ряды угодовцевъ разсѣялись, отдѣльныя же лица изъ нихъ среды вошли въ различныя вновь образовавшіяся группы.—Дѣятельность національ-демократіи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи была направлена къ развитію польскаго національнаго самосознанія, и ограничивалась въ то время главнымъ образомъ просвѣтительной работой и слабымъ воздѣйствіемъ на общественное мнѣніе путемъ прокламацій, брошюръ и т. п. Партія медленно, но систематически стремилась сгруппировать людей, патріотически настроенныхъ и чуждающихся всякаго компромисса на національной почвѣ; для этихъ цѣлей національ-демократія пользовалась такими средствами, какъ устройство съѣздовъ съ участіемъ гостей изъ Варшавы, участіе чрезъ своихъ представителей въ національныхъ торжествахъ и т. п.

какъ важно для нихъ теперь устранить все то, что можетъ способствовать ихъ изоляціи въ краѣ; создалось стремленіе установить по возможности тѣсную связь со *всѣми* мѣстными этническими группами. А такая точка соприкосновенія могла быть найдена только на почвѣ совмѣстной работы для удовлетворенія реальныхъ нуждъ и потребностей родного края. Это новое теченіе мы назовемъ *гражданскимъ*, такъ какъ основная его мысль состоитъ въ томъ, что литовскіе и бѣлорусскіе поляки, сохраняя свою культурно-національную связь съ польской общественностью, входятъ на основаніи принципа гражданственности въ составъ всего населенія Литвы и Бѣлоруссіи, какъ единаго политическаго и общественнаго цѣлаго.

III.

Борьба между *гражданскими* и *національностическими* теченіями представляетъ характерную черту, красной нитью проходящую черезъ всѣ проявленія дѣятельности польскихъ элементовъ въ краѣ, начиная съ 1905 года.

Такъ какъ въ организаціонно-политической работѣ, какъ въ фокусѣ, преломляется вся общественная жизнь, и національныя стремленія проявляются наиболѣе интенсивно, то для большей наглядности прослѣдимъ національное движеніе поляковъ въ краѣ на ихъ политическихъ группировкахъ въ ихъ постепенномъ развитіи.

Прежде всего коснемся лагеря аграріевъ, клерикаловъ и умѣренно-прогрессивныхъ элементовъ.

Послѣ того, какъ движеніе угодовцевъ пришло въ упадокъ, и политическій престижъ былъ имъ утраченъ, аграріи оказались на распутьи. Общій политическій кризисъ въ государствѣ, развитіе революціоннаго движенія, шаткое положеніе правительства — не способствовали идеѣ „угоды“, искавшей мирнаго соглашенія съ правительствомъ на основѣ компромисса и частичныхъ уступокъ. Необходимо было найти иное основаніе для своей политической программы. Къ тому же открытое выступленіе угодовцевъ, ихъ лебединая пѣсня—участіе въ торжествѣ открытія памятника Екатеринѣ II,— настолько подорвало ихъ авторитетъ въ общественномъ мнѣніи, что не было никакой возможности сохранить старыя формы. Съ другой стороны, запросы жизни и быстро развертывающіяся въ революціонное время событія требовали отъ аграріевъ столь же быстрой оріентировки и строго опредѣленныхъ дѣйствій. Въ особенности принуждалъ къ рѣшительности и энергіи аграрный вопросъ. Все это должно было привести въ ихъ лагерѣ къ сильной сумятицѣ. Нѣкоторая часть аграріевъ примкнула къ національностическому теченію и растворилась въ національ-демократіи, придавъ послѣдней болѣе консервативную

окраску и приспособивъ ее отчасти къ роли орудія для защиты землевладѣльческихъ интересовъ. Другая часть стала искать исхода либо въ принципѣ гражданственности, либо въ клерикальной организаціи, либо, наконецъ, въ нарождающемся кадетскомъ теченіи.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ попытокъ, которыя дѣлались аграріями, чтобы выйти изъ критическаго положенія, и остановимся только въ частности на кадетскомъ теченіи, которое одно въ то время вступило на путь систематической организаціонной работы. Кадетское движеніе зародилось въ средѣ литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ еще подъ вліяніемъ московскихъ земскихъ съѣздовъ, и въ лицѣ прогрессивно настроенныхъ элементовъ изъ городской профессіональной интеллигенціи идеи кадетской политической платформы нашли себѣ сильную опору въ краѣ. Центромъ зарождающагося кадетскаго движенія былъ Вильно. Къ этому кадетскому движенію стали теперь примыкать отдѣльные болѣе передовые дѣятели изъ среды бывшихъ угодовцевъ и также отдѣльныя лица изъ среды аграріевъ, либо болѣе прогрессивно настроенныя, либо сознающія необходимость принять прогрессивную платформу на срокъ переходнаго революціоннаго времени [1]). Въ то же время на восточныхъ окраинахъ Бѣлоруссіи, преимущественно въ Могилевской губерніи въ уѣздахъ съ преобладающимъ польскимъ землевладѣльческимъ элементомъ, польскіе помѣщики приступили даже къ практической организаціонной работѣ на почвѣ кадетской политической платформы.

Въ началѣ декабря 1905 года сдѣлана была первая попытка слить всѣ эти отдѣльныя проявленія кадетскаго движенія и создать единую организацію на основѣ кадетской программы. Съ этой цѣлью былъ созванъ въ Вильнѣ съѣздъ, который ограничился, однако, только тѣмъ, что рѣшилъ выработать нѣкоторыя поправки къ общей программѣ партіи, примѣнительно къ мѣстнымъ національнымъ, культурнымъ и экономическимъ особенностямъ. Поправки имѣли, главнымъ образомъ, въ виду церковныя и школьныя дѣла, проведеніе политической децентрализаціи, открывающей возможность перехода къ автономной организаціи края, затѣмъ—аграрный вопросъ; въ этомъ пунктѣ соотвѣтствующій отдѣлъ общей программы партіи к.-д. замѣненъ совершенно новымъ текстомъ, характерными чертами котораго являются: законодательное уравненіе всѣхъ видовъ земельной собственности, законодательная и правительственная защита мелкой земельной собственности, автономное рѣшеніе аграрнаго вопроса въ предѣлахъ края (Литвы и Бѣлоруссіи), ограниченіе права владѣнія и распоряженія лѣсной собственностью, передача государственныхъ, удѣльныхъ и церковныхъ земель во владѣніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Этотъ

[1]) Одно время кадетскія стремленія нашли даже отзвукъ въ редакціи виленскаго польскаго безпартійнаго органа аграріевъ—„Курьера Литовскаго“.

проектъ измѣненной кадетской программы разсматривался затѣмъ уже въ болѣе тѣсномъ кругу иниціаторовъ, которые, впрочемъ, тоже не пришли къ окончательному опредѣленному рѣшенію. Попытки созданія польско-кадетской организаціи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи хотя и не закончились этимъ, но съ теченіемъ времени постепенно ослабѣвали, пока не потерпѣли окончательное фіаско. Основной причиной, обусловившей эти неудачи, была неоднородность составныхъ частей кадетскаго теченія. Для многихъ лицъ, въ особенности изъ среды аграріевъ, кадетская платформа была лишь соломенкой для утопающаго, и съ наступленіемъ общей реакціи въ государствѣ, когда революціонно-аграрная опасность миновала, вожди и иниціаторы кадетскаго движенія оказались штабомъ безъ рядовыхъ.

Наряду съ распространеніемъ кадетскаго движенія, временно привлекшаго къ себѣ вниманіе и симпатіи нѣкоторой, впрочемъ немногочисленной части аграріевъ, стала зарождаться въ той же средѣ другая партія, принявшая названіе: „Краевой партіи Бѣлоруссіи и Литвы“ [1]). Въ основу политической и соціальной программы этой партіи легъ проектъ платформы аграріевъ Минской губерніи (минскаго сельскохозяйственнаго товарищества), среди которыхъ, какъ извѣстно, классовое самосознаніе и классовая дисциплина наиболѣе ярко выражены благодаря долголѣтней организованности. Новая партія носила ярко выраженный консервативный и контръ-революціонный характеръ и по своимъ политическимъ и соціальнымъ идеаламъ соотвѣтствовала въ общихъ чертахъ октябристскому направленію въ русскомъ обществѣ. Она подчеркивала основы манифеста 17 октября и конституціонно-монархическіе принципы, и имѣла цѣлью прежде всего бороться за сохраненіе неприкосновенности соціальнаго порядка. Эта партія, конечно, гораздо болѣе соотвѣтствовала классовымъ интересамъ аграріевъ, нежели кадетское направленіе. Ея отличительной чертой была классовая искренность и прямолинейность. Несмотря на это, она все же не выполнила своей задачи и въ скоромъ времени замерла, не успѣвъ даже приступить къ конкретной дѣятельности. Погубила ее именно ея прямолинейность, которая въ переходное революціонное время казалась опасной и ненадежной; даже наступившее съ начала 1906 г. реакціонное движеніе не было еще въ состояніи настолько успокоить аграріевъ, чтобы они рѣшились смѣло развернуть свое классовое знамя; потребовалось еще полтора года реакціи, чтобы „Краевая партія“ могла вновь открыто выступить на сцену.

Въ то же время, въ началѣ 1906 года, по личной иниціативѣ виленскаго

---

[1]) Въ названіи партіи опредѣленіе „краевая“ было употреблено для обозначенія мѣстнаго, территоріальнаго характера партіи.

римско-католическаго епископа барона Эдуарда фонъ-Роппа, образовалась новая партія, носившая строго-клерикальный характеръ, подъ названіемъ „Конституціонно-католической партіи“. Иниціаторы новой партіи попытались придать ей нѣкоторую демократическую окраску, отведя извѣстное мѣсто интересамъ крестьянскаго сословія и рабочихъ. Въ изданномъ отъ имени иниціаторовъ партіи первоначальномъ проектѣ программы мы находимъ такія положенія, какъ всеобщее, равное, прямое, тайное и *принудительное* выборное право, далѣе, въ сферѣ аграрныхъ отношеній, защита интересовъ мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ, борьба съ экономической эксплоатаціей крестьянъ и рабочихъ, поощреніе крестьянской колонизаціи на государственныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ при широкой правительственной поддержкѣ, законодательная охрана интересовъ мѣстнаго населенія въ области лѣсного хозяйства, предполагающая въ случаѣ надобности *право экспропріаціи*, и т. п. Новая партія стремилась занять *внѣнаціональное* положеніе. Объединяющимъ элементомъ долженъ былъ стать не національный, а вѣроисповѣдный факторъ, и основнымъ принципомъ была провозглашена безусловная справедливость по отношенію ко всѣмъ, независимо отъ національности и соціальнаго положенія. По мысли иниціаторовъ, новая партія должна была охватить и объединить на общей вѣроисповѣдно-политической платформѣ литовцевъ, католиковъ-бѣлоруссовъ и мѣстныхъ поляковъ, хотя не отталкивались и иновѣрческіе элементы, поскольку они согласились бы примкнуть къ католическому знамени партіи. Клерикальный характеръ партіи сказывался не только въ ея названіи, но также въ цѣломъ рядѣ другихъ признаковъ: вѣроисповѣдные и церковные вопросы и нужды духовенства заняли видное мѣсто въ программѣ; наиболѣе активной силой предполагаемой организаціи должно было стать мѣстное католическое духовенство; наконецъ, въ общегосударственной организаціи школы и даже въ арміи долженъ быть положенъ въ основу вѣроисповѣдный принципъ: школы должны быть раздѣлены по вѣроисповѣданіямъ—на католическія, православныя и т. д., отбываніе воинской повинности также должно происходить по вѣроисповѣданіямъ—въ отдѣльныхъ полкахъ для католиковъ, православныхъ и т. д. Смѣшанный клерикально-демократическій характеръ программы былъ вызванъ, понятно, желаніемъ сохранить и упрочить въ краѣ вліяніе католической церкви и духовенства.

Опубликованный проектъ конституціонно-католической программы вызвалъ сильный переполохъ въ лагерѣ сознательныхъ аграріевъ. Демократическая часть программы, въ особенности же нѣкоторыя радикальныя положенія, какъ всеобщее избирательное право и ненавистное для аграріевъ слово „экспропріація“, фигурировавшее въ аграрной части программы, вызвали цѣлую бурю негодованія; и оно было тѣмъ сильнѣе, что иниціаторомъ затѣи былъ

епископъ, а исполнителемъ должно было быть все духовенство, пользующееся столь огромнымъ вліяніемъ въ народной средѣ. Неудивительно, поэтому, что органъ аграріевъ—„Kurjer Litewski“—не замедлилъ открыть рѣшительную кампанію противъ этого предпріятія Роппа. И энергическая атака была настолько удачной, что предотвратила опасность и принудила епископа пойти на компромиссъ.

Въ новомъ органѣ епископа—„Nowiny Wileńskie“,—ставшемъ партійнымъ органомъ конституціонныхъ католиковъ, все чаще стали встрѣчаться оговорки, умаляющія значеніе радикальныхъ пунктовъ программы. Было заявлено, напримѣръ, что группа иниціаторовъ вовсе не сочувствуетъ всеобщему избирательному праву и, если все-таки внесла данное требованіе въ программу, то лишь по утилитарнымъ соображеніямъ, считаясь съ тѣмъ, что этотъ принципъ въ настоящее время сталъ необычайно популяренъ въ народѣ. Эти и тому подобныя признанія конституціонныхъ католиковъ означали крупную побѣду для аграріевъ: имъ удалось добиться отъ противника признанія въ демагогическихъ стремленіяхъ; то, что представлялось принципіальнымъ, оказалось лишь преходящимъ и неискреннимъ; оказалось, что принципіально точки зрѣнія враговъ соприкасаются, и что ихъ раздѣляетъ лишь различіе агитаціонныхъ методовъ. Когда же, въ результатѣ ряда частныхъ интимныхъ конференцій и переговоровъ, выяснилось, что оба мнимыхъ врага нужны и полезны другъ другу, то окончательное ихъ примиреніе стало лишь дѣломъ времени (впрочемъ, весьма краткаго). Первоначальная программа конституціонныхъ католиковъ подверглась переработкѣ, и въ ея новой редакціи звучали уже вполнѣ умѣренныя и, въ глазахъ аграріевъ, благонадежныя нотки. Внесенныя измѣненія были не особенно многочисленны, но зато весьма существенны и характерны. Радикальные пункты либо совершенно исчезли (въ той части, которая касалась аграрныхъ отношеній), либо сильно потускнѣли, либо, наконецъ, отошли въ область далекихъ и едва ли осуществимыхъ платоническихъ пожеланій (всеобщее избирательное право). Партія вышла изъ этой реформы безцвѣтной и слабой.

Въ началѣ февраля 1906 года состоялся въ Вильнѣ большой организаціонный и агитаціонный съѣздъ партіи съ участіемъ многочисленныхъ аграріевъ, провинціальнаго приходского духовенства и приглашенныхъ крестьянъ,—преимущественно изъ Виленской губерніи—поляковъ, бѣлоруссовъ и литовцевъ. Съѣздъ былъ снабженъ всѣми необходимыми атрибутами внѣшней пышности; епископа чествовали, какъ иниціатора партіи, ораторы на польскомъ и литовскомъ языкѣ призывали къ единенію всѣхъ сословій и національностей, къ единенію бѣдныхъ съ богатыми, ко всеобщей справедливости; въ результатѣ программа въ измѣненной редакціи была, конечно, принята. Но сила партіи была уже подорвана; ея крутой поворотъ и компромиссъ съ аграріями носилъ всѣ признаки капиту-

ляціи. Вскорѣ органъ партіи, „Nowiny Wileńskie“, слился съ враждебнымъ ему доселѣ органомъ аграріевъ — „Kurjer Litewski“, а затѣмъ, въ мартѣ того же года партія официально перестала существовать вслѣдствіе запрещенія правительства. Но еще до правительственнаго запрещенія фактическая дѣятельность партіи была уже сведена къ нулю и не соотвѣтствовала первоначальнымъ планамъ ея основателей.

Такимъ образомъ, ни конституціонно-демократическая, ни консервативно-классовая, ни клерикальная идея не оказалась въ состояніи объединить аграріевъ въ эпоху рѣзкаго политическаго кризиса.

Съ упроченіемъ общей реакціи и ослабленіемъ революціоннаго движенія попытки созданія политическихъ и соціальныхъ платформъ начались снова. Такъ лѣтомъ 1907 года, послѣ роспуска государственной думы второго созыва, возродилась „Краевая партія Литвы и Бѣлоруссіи“. Однако, провозглашая принципъ гражданственности Литвы и Бѣлоруссіи, она такъ односторонне формулировала свои гражданско - территоріальныя стремленія, что умолчала совершенно о національныхъ правахъ литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ. Это въ значительной степени подрывало авторитетъ партіи, стремившейся прежде всего къ объединенію землевладѣльческаго элемента.

Возрожденная „краевая“ партія не сыграла крупной роли и въ средѣ аграріевъ, хотя фактически продолжаетъ существовать и понынѣ [1]).

Почти одновременно съ „Краевой партіей“, лѣтомъ того же 1907 года, возникъ „Польскій демократическій союзъ въ Бѣлоруссіи“. Основателями союза была группа лицъ, преимущественно изъ Могилевской и Минской губерній, усилія которыхъ были направлены къ объединенію болѣе передовой части бѣлорусскихъ поляковъ. Платформа союза совмѣщала общегражданскіе принципы съ принципомъ національной самостоятельности поляковъ въ Бѣлоруссіи, и въ то же время старалась конкретно опредѣлить условія мирнаго сожительства различныхъ національно-этническихъ группъ на демократической основѣ гражданственности. И эта организація не пустила глубокихъ корней въ жизни края.

Остается еще упомянуть о такъ называемомъ „Польскомъ союзѣ обще-

---

[1]) По своей основной идеѣ партія эта является классовой партіей аграріевъ par excellence, какъ это и было вполнѣ открыто высказано однимъ изъ ея иниціаторовъ; въ ней польскіе аграріи Литвы и Бѣлоруссіи ищутъ спасенія отъ той участи, которая въ революціонное время постигла нѣмецкихъ прибалтійскихъ бароновъ. Въ школьномъ вопросѣ, наряду съ элементарнымъ требованіемъ обученія на родномъ языкѣ учащихся, сказываются и клерикальныя стремленія. Въ политическомъ отношеніи программа подчеркиваетъ стремленіе къ самоуправленію Литвы и Бѣлоруссіи, не объясняя, однако, каковъ долженъ быть характеръ этого самоуправленія.

ственной дѣятельности въ Литвѣ и Бѣлоруссіи", возникшемъ въ концѣ 1907 и началѣ 1908 года. Иниціатива созданія этого союза исходила отъ лицъ умѣренно-демократическаго направленія, преимущественно изъ среды высшаго слоя профессіональной интеллигенціи въ Вильнѣ, и нѣкоторыхъ передовыхъ аграріевъ (приблизительно та же среда, изъ которой осенью 1905 года исходили попытки созданія кадетской платформы). Характерной чертой „союза общественной дѣятельности" является стремленіе къ созданію внѣполитической организаціи, объединяющимъ моментомъ которой должна стать конкретная общественная дѣятельность на почвѣ культурныхъ и экономически-соціальныхъ потребностей низшихъ классовъ населенія. Демократическій и гражданскій характеръ союза проявляется въ томъ, что въ противоположность націоналистическимъ и классовымъ стремленіямъ въ основу дѣятельности его кладется польза родной Литвы и Бѣлоруссіи и интересы широкихъ народныхъ круговъ этихъ провинцій [1]).

IV.

Наиболѣе яркой выразительницей *націоналистическаго* движенія среди поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи является „Націоналъ-демократическая партія, организаціонно связанная съ націоналъ-демократами въ Царствѣ Польскомъ, но пользующаяся правами автономной партійной организаціи. Націоналъ-демократы, какъ мы уже упомянули выше, существовали и работали среди литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ еще до 1905 года. Составъ этой партіи пополняется отчасти изъ рядовъ аграріевъ, отчасти изъ городской интеллигенціи и мелкобуржуазныхъ ремесленныхъ круговъ.

Участіе аграріевъ, въ особенности начиная съ 1905 года, оказало, какъ уже выше было отмѣчено, замѣтное вліяніе на направленіе партіи и придало ей болѣе консервативную окраску. Отличительной чертой націоналъ-демократіи является выдвигаемый ею „интересъ *всего* польскаго народа". Этотъ „интересъ" доминируетъ въ ея платформѣ надъ всѣми прочими соображеніями и въ частности надъ нуждами даннаго края. Историческую Литву, т. е. Литву и Бѣлоруссію, націоналъ-демократы считаютъ не живымъ соціальнымъ организмомъ, а лишь исторической территоріальной единицей, не могущей претендовать на самостоятельное существованіе. Соціальные и экономическіе вопросы поглощаются въ націоналъ-демократической программѣ націоналистическими стремленіями.

---

[1]) Въ возникновеніи „союза общественной дѣятельности" значительная доля иниціативы принадлежитъ газетѣ „Kurjer Litewski", которая вела энергичную пропаганду основной идеи союза.

Націоналъ-демократія является одной изъ наиболѣе сплоченныхъ и дѣятельныхъ организацій среди литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ. Особенно разрослась и окрѣпла она послѣ 1905 года [1]).

Однимъ изъ крупныхъ политическихъ успѣховъ партіи было установленіе организаціонной связи между польскими депутатами Литвы и Бѣлоруссіи и депутатами Царства Польскаго въ государственной думѣ (въ особенности, во второй и третьей думѣ).

Какъ мы уже сказали выше, однимъ изъ главныхъ составныхъ элементовъ польскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи являются аграріи. Это обстоятельство оправдываетъ въ глазахъ аграріевъ едва-ли не полное отождествленіе ихъ классовыхъ интересовъ съ національными и даетъ имъ возможность прикрывать свои стремленія польско-національной „raison d'ètat". И въ интересахъ партійной пропаганды націоналъ-демократія слишкомъ часто мирится съ такимъ злоупотребленіемъ національнаго знамени, все болѣе удаляясь отъ того демократическаго и даже народническаго направленія, изъ котораго она нѣкогда выросла.

Недостаточное уваженіе къ принципу гражданственности Литвы и Бѣлоруссіи и полное отрицаніе національныхъ правъ мѣстныхъ этническихъ группъ, характерное для націоналъ-демократіи, повлекло за собой рѣзкое ухудшеніе польско-литовскихъ отношеній въ Литвѣ и создало почву для конфликта между польскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ. Литовцы и возрождающіеся бѣлоруссы съ неудовольствіемъ смотрятъ на ту часть поляковъ которая основываетъ свою дѣятельность на внѣшнихъ—по отношенію къ данному краю—соображеніяхъ. Къ тому же націоналъ-демократы чрезвычайно мелочными придирками и полной нетерпимостью сами еще больше разжигаютъ польско-литовскій и бѣлорусскій споръ.

Съ точки зрѣнія идеи общей гражданственности и упорядоченія польско-литовскихъ и польско-бѣлорусскихъ отношеній націоналъ-демократы являются несомнѣнно въ высшей степени отрицательнымъ факторомъ въ мѣстной жизни. Хотя и надо замѣтить, что въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи нельзя отрицать извѣстныхъ заслугъ за этой организаціей, по иниціативѣ которой въ краѣ зародилось не одно полезное начинаніе. Объ этомъ будетъ еще рѣчь ниже.

Что касается третьей категоріи партійныхъ образованій среди поляковъ Литвы и Бѣлоруссіи—именно группы радикальныхъ и народническихъ организацій, то центромъ ихъ является опять-таки Вильно, такъ какъ вокругъ

---

[1]) Въ 1906 году она опубликовала свою общую политическую платформу и основала партійный органъ—„Dziennik Wileński".

этого города преимущественно сосредоточенъ польскій крестьянскій элементъ; здѣсь же наиболѣе развита польская городская интеллигенція, изъ среды которой исходятъ первоначальные импульсы къ образованію радикальныхъ организацій; Вильно наконецъ, является тѣмъ культурнымъ центромъ края, въ которомъ скрещиваются и взаимно переплетаются основные узлы политически-культурнаго движенія различныхъ національныхъ элементовъ, и потому проблема урегулированія взаимныхъ отношеній національно-этническихъ группъ, хотя и болѣе сложна здѣсь, но имѣетъ больше шансовъ на правильное разрѣшеніе—на почвѣ взаимныхъ переговоровъ и соглашеній. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ принципъ взаимнаго соглашенія былъ фактически осуществляемъ въ организаціонныхъ попыткахъ польскихъ радикальныхъ элементовъ въ Вильнѣ.

Еще до 1905 года, когда революціонный кризисъ въ государствѣ еще только сталъ намѣчаться, группа молодой радикальной интеллигенціи въ Вильнѣ основала политическій кружокъ подъ названіемъ кружка автономистовъ, въ который входили и поляки, и литовцы. Основной задачей кружка было выясненіе и пропаганда идеи полной автономіи Литвы и Бѣлоруссіи на строго-демократическихъ началахъ, гарантирующихъ равныя права и свободное развитіе для всякаго національнаго меньшинства въ предѣлахъ края.

Для пропаганды своихъ идей, а также для сплоченія воедино радикальныхъ элементовъ въ краѣ кружокъ автономистовъ созывалъ въ Вильнѣ совѣщательные съѣзды радикальной интеллигенціи съ участіемъ гостей изъ другихъ городовъ Литвы и Бѣлоруссіи. Съѣзды эти носили по своему національному составу смѣшанный характеръ, ибо въ нихъ принимали участіе радикальные элементы изъ среды мѣстныхъ поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и евреевъ. Главный принципіальный споръ на этихъ съѣздахъ вращался вокругъ вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли считать Литву съ Бѣлоруссіей однимъ общимъ политически-соціальнымъ цѣлымъ, основываясь на исторической общности обѣихъ странъ и на ихъ экономической и культурной связи, или же принять въ основаніе политически-соціальнаго дѣленія этнографическій критерій и признать полную *двойственность* Литвы и Бѣлоруссіи. Въ то время какъ поляки, бѣлоруссы и евреи защищали идею политически-автономной общности Литвы и Бѣлоруссіи, литовцы являлись горячими сторонниками двойственности. Поляки и евреи исходили изъ того, что какъ польскій, такъ и еврейскій элементъ Литвы и Бѣлоруссіи составляютъ въ національномъ отношеніи единое цѣлое; для бѣлоруссовъ общность автономическихъ стремленій Литвы и Бѣлоруссіи была также по національнымъ соображеніямъ болѣе выгодна, нежели двойственность, такъ какъ ихъ національное движеніе еще настолько молодо и слабо, что добиться автономіи собственными усиліями представлялось имъ чрезвычайно труднымъ. Для литовцевъ же общность обѣ-

ихъ странъ казалась нежелательной, такъ какъ въ ихъ сознаніи автономія должна быть логическимъ завершеніемъ совершившагося въ XIX столѣтіи національнаго возрожденія литовскаго народа и, стало быть, должна охватить территорію этнографической Литвы и тѣхъ граничащихъ съ ней мѣстностей, которыя по экономическимъ, культурнымъ и соціальнымъ условіямъ должны быть отнесены къ Литвѣ (намѣчалась приблизительно территорія Литвы и католической западной Бѣлоруссіи). Включеніе же въ одинъ общій съ Литвою автономный организмъ всей Бѣлоруссіи было съ точки зрѣнія литовцевъ нежелательнымъ въ національномъ отношеніи, такъ какъ ставило ихъ въ положеніе національнаго меньшинства и не соотвѣтствовало фактическимъ условіямъ развитія, такъ какъ и въ культурномъ отношеніи, и въ религіозномъ, и въ экономическомъ восточная Бѣлоруссія сильно отличается отъ Литвы и смежной съ нею западной Бѣлоруссіи.

Съѣзды радикальной интеллигенціи различныхъ національностей края, устраивавшіеся кружкомъ автономистовъ, если и не привели къ окончательному соглашенію по вопросу о единой или двойственной автономіи, то по крайней мѣрѣ способствовали взаимному уясненію автономистскихъ стремленій и создавали почву для сближенія и группировки радикальныхъ элементовъ.

Болѣе осязательное значеніе имѣлъ образовавшійся въ концѣ 1905 г. въ Вильнѣ „Народный союзъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи“, формулировавшій народническія стремленія и отражавшій преимущественно крестьянскіе интересы и крестьянское политическое движеніе. „Народный союзъ“ возникъ въ результатѣ ряда частныхъ совѣщаній въ Вильнѣ, въ которыхъ принимала участіе группа польской радикальной интеллигенціи совмѣстно съ группой польскихъ крестьянъ изъ различныхъ волостей преимущественно Виленскаго уѣзда. Аграрное движеніе, событія, происходившія въ средѣ крестьянъ-литовцевъ въ Ковенской и Сувалкской губерніяхъ, необходимость урегулированія хаотическихъ крестьянскихъ вспышекъ въ польской полосѣ края и созданія стройнаго и сознательнаго организованнаго движенія — все это побудило наиболѣе сознательныхъ людей изъ среды крестьянъ соединиться съ радикальными городскими элементами польской интеллигенціи, и привело къ созданію „Народнаго союза“ на основѣ народнической платформы. „Народный союзъ“ преслѣдовалъ двоякую цѣль: съ одной стороны онъ стремился къ выработкѣ цѣльнаго плана крестьянскаго движенія, а съ другой— къ созданію общей программы реформъ, отвѣчающей крестьянскимъ нуждамъ и обще-демократическимъ требованіямъ. „Народный союзъ“ de facto находился подъ сильнымъ вліяніемъ „Литовскаго крестьянскаго союза“, и на своихъ делегатскихъ совѣщаніяхъ въ Вильнѣ сознательно стремился къ тому, чтобы

сообразовать свои дѣйствія и привести въ соотвѣтствіе свою организацію съ дѣйствіями и организаціей этого послѣдняго.

Идеи „Народнаго союза“ стали быстро распространяться среди польскихъ и бѣлорусско-католическихъ крестьянъ (преимущественно въ Виленскомъ уѣздѣ), но прежде, чѣмъ сказались первые реальные результаты его дѣятельности, союзъ былъ почти въ корнѣ разбитъ наступившей реакціей и суровыми репрессіями. „Народный союзъ“ просуществовалъ короткое время; тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ весьма характерное явленіе въ политической жизни польскаго крестьянскаго населенія Литвы и Бѣлоруссіи.

Слѣдующимъ проявленіемъ радикальнаго направленія въ средѣ литовскихъ и бѣлорусскихъ поляковъ была основанная въ началѣ 1906 г. ежедневная газета—„Gazeta Wileńska“. Иниціатива созданія радикальнаго польскаго органа печати въ Вильнѣ исходила отъ небольшого кружка лицъ изъ Вильна и изъ провинціи. Задача органа состояла въ томъ, чтобы сплотить польскіе радикальные круги въ краѣ и открыть для нихъ возможность путемъ печатнаго слова вліять на общественное мнѣніе. „Gazeta Wileńska“, оставаясь польскимъ органомъ и стремясь къ сохраненію культурно-національныхъ связей поляковъ, живущихъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи со всѣмъ польскимъ народомъ, въ то же время въ политическомъ и соціальномъ отношеніи стояла на почвѣ самостоятельной гражданственности Литвы и Бѣлоруссіи, рѣзко подчеркивая тотъ основной принципъ, въ силу котораго поляки Литвы и Бѣлоруссіи должны въ своей общественной дѣятельности руководствоваться исключительно интересами родного края и отказаться отъ точки зрѣнія *колонизаторовъ*, считающихся съ интересами той страны, которую они въ національномъ отношеніи признаютъ своей „метрополіей“. Газетой была сдѣлана также попытка болѣе тѣснаго сближенія польскаго элемента съ литовскимъ, и съ этой цѣлью рѣшено было открыть особый литовскій отдѣлъ для систематическаго ознакомленія польскаго общества съ литовскимъ національнымъ движеніемъ. Редактированіе этого отдѣла, который пользовался полной автономностью, было передано въ руки самихъ же литовцевъ (членовъ „демократической“—или народнической партіи). Общее политическое направленіе газеты было радикально-демократическое съ ясно выраженными симпатіями къ освободительному движенію и къ кореннымъ демократическимъ реформамъ въ соціальной и экономической области.

Хотя въ началѣ изданія газеты въ составѣ ея редакціи и сотрудниковъ находились также и публицисты изъ Царства Польскаго, но руководство органомъ находилось въ рукахъ мѣстныхъ дѣятелей. Вокругъ газеты группировались польскіе радикальные элементы края, преимущественно изъ среды

интеллигенціи; въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи газета стала встрѣчать также все возрастающія симпатіи въ средѣ рабочаго и отчасти ремесленнаго городского населенія. Однако, матеріальныя трудности заставили издателей закрыть ее (въ іюлѣ 1906 года) прежде чѣмъ она успѣла еще достаточно окрѣпнуть.

Усилившаяся къ этому времени общая правительственная реакція, наступившая вскорѣ общественная апатія и разочарованіе въ революціонныхъ надеждахъ на быстрое осуществленіе идеаловъ освободительнаго движенія—все это сильно мѣшало дальнѣйшему развитію политической дѣятельности радикаловъ; радикальные элементы обратились теперь, главнымъ образомъ, къ работѣ на обще-культурномъ поприщѣ [1]).

V.

Событія 1831-го и, въ особенности, 1863 года рѣзко оборвали развитіе научной и обще-культурной дѣятельности поляковъ. Послѣ блестящаго періода виленскаго университета, сыгравшаго столь крупную роль въ исторіи польской культуры (виленскому университету польская культура обязана Мицкевичемъ и такъ называемымъ „обществомъ филаретовъ“, изъ котораго развилась вся дѣятельность тогдашняго, безусловно наиболѣе блестящаго поколѣнія), въ культурно-національной жизни поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи сразу наступилъ страшный переломъ. Послѣдовало закрытіе всѣхъ польскихъ училищъ и полное изгнаніе польскаго языка изъ правительственной школы всѣхъ ступеней и типовъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ гимназіяхъ, въ городскихъ сельскихъ и волостныхъ училищахъ, даже законъ Божій преподавался польскимъ дѣтямъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ. Ни одинъ польскій учебникъ не могъ проникнуть въ стѣны школы, ученикамъ строго воспрещалось образованіе какихъ бы то ни было союзовъ и обществъ—даже для цѣлей спорта,—ученическія квартиры находились подъ суровымъ контролемъ надзирателей, наблюдавшихъ якобы за нравственностью учениковъ, но на самомъ дѣлѣ прослѣживавшихъ малѣйшее проявленіе польскихъ національныхъ стремленій. Учащейся молодежи польскій разговорный языкъ внѣ семьи былъ строго воспрещенъ, мѣстныя власти ввели обязательное посѣщеніе всей учащейся молодежью (не исключая иновѣрцевъ, а стало быть и католиковъ) православныхъ церквей въ такъ называемые табельные дни, что первоначально вызвало кое-гдѣ даже нѣкоторое сопротивленіе. Въ качествѣ

[1]) Характеристика четвертой категоріи польскихъ теченій въ Литвѣ и Бѣлоруссіи—соціалистическаго движенія и его роли въ національной жизни края—не входитъ въ задачи этой главы. Объ этомъ см. ниже статью Вл. Медема.

Прим. ред.

мѣры наказанія за малѣйшіе проступки, такъ или иначе затрагивающіе политическую и національную область, было широко примѣняемо къ школьной молодежи изгнаніе съ лишеніемъ права поступленія въ какое бы то ни было другое учебное заведеніе въ предѣлахъ государства. Въ полной мѣрѣ водворилась система искорененія „польскихъ вліяній“ изъ всѣхъ сферъ общественной жизни—и изъ литературы, и изъ народнаго обученія, и даже изъ торговли. Послѣдовало закрытіе польскихъ книжныхъ магазиновъ въ Вильнѣ, запрещеніе печатанія въ краѣ польскихъ книгъ за исключеніемъ молитвенниковъ, запрещеніе благотворительныхъ обществъ [1]) и всякихъ публичныхъ выступленій на польскомъ языкѣ—публичныхъ чтеній, концертовъ, хоровъ, любительскихъ спектаклей (даже въ частныхъ домахъ). Всякое совмѣстное обученіе было запрещено, частныя же польскія школы сохранились единственно въ качествѣ нелегальныхъ и тайныхъ (почти исключительно женскіе пансіоны) и въ такомъ видѣ функціонировали въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ; преподаваніе въ нихъ имѣло характеръ преимущественно домашняго воспитанія и обученія, не стѣсненнаго рамками опредѣленной программы. Просвѣтительная дѣятельность выражалась также въ устройствѣ лекцій въ частныхъ домахъ и въ обученіи грамотѣ дѣтей въ имѣніяхъ.

Землевладѣльческое польское дворянство въ значительной степени равнодушно относилось къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Польское католическое духовенство, сравнительно малочисленное, стѣсненное исключительными мѣрами (запрещеніе переѣзда изъ одного прихода въ другой безъ разрѣшенія полицейскихъ властей, запрещеніе всякихъ религіозныхъ публичныхъ манифестацій,—процессій, похоронныхъ рѣчей и т. п.), за рѣдкими исключеніями не принимало вовсе участія въ просвѣтительной дѣятельности, а если и принимало, то преимущественно въ формѣ обученія дѣтей въ костелахъ основнымъ началамъ религіи на польскомъ языкѣ, или обученію закону Божію въ сельскихъ школахъ (на основаніи частныхъ соглашеній съ мѣстными низшими властями), тамъ, гдѣ католическое населеніе употребляло польскій языкъ. Въ деревняхъ обученіе дѣтей закону Божію и польской грамотѣ (въ тѣхъ же мѣстностяхъ съ бѣлорусско - польскимъ населеніемъ) обыкновенно производилось странствующими учителями, оплачиваемыми крестьянами путемъ складчины; характеръ такого обученія былъ преимущественно религіозный, стоялъ на низкомъ уровнѣ и вслѣдствіе слабой подготовленности учителей могъ принести лишь весьма незначительную пользу.

---

[1]) Сохранилось лишь „виленское благотворительное общество“, давнишнее римско-католическое учрежденіе, не преслѣдующее, впрочемъ, никакихъ культурныхъ цѣлей, и въ національномъ отношеніи безцвѣтное.

Популярныхъ народныхъ изданій не было вовсе, школьныя пособія въ весьма ограниченномъ количествѣ были выписываемы изъ Варшавы; оттуда же выписывалась народная газета „Gazeta Swiąteczna"—выходившая начиная съ 1881 года и бывшая въ теченіе многихъ лѣтъ единственнымъ популярнымъ органомъ печати, обслуживавшимъ польское населеніе Россійской имперіи.

Въ 90-годахъ, несмотря на усиленіе въ 1892 году отвѣтственности за тайное (въ частности польское) обученіе, въ краѣ организуется группа лицъ, ставящая своей задачей распространеніе польскаго просвѣщенія среди ремесленниковъ и учащейся молодежи въ городахъ и среди сельскаго католическаго населенія въ окрестностяхъ Вильна, Гродна и вдоль границы Царства Польскаго, т. е. въ средѣ населенія либо польскаго, либо католически-бѣлорусскаго, представляющаго подходящій матеріалъ для воспринятія польскихъ культурныхъ вліяній. Это общество, работавшее, конечно, нелегально, развивало свою дѣятельность не всегда строго систематически, будучи вынуждено примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, но дѣйствовало на широкихъ принципіальныхъ основаніяхъ [1]).

Кромѣ того открывались школы, укрывавшіяся подъ фирмой благотворительныхъ учрежденій или существовавшія подъ предлогомъ обученія ручнымъ работамъ. Наконецъ, создавались курсы для народныхъ учительницъ, формировавшія изъ сельскихъ дѣвушекъ кадры работницъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія.

Обученіе носило по преимуществу патріотически-религіозный характеръ. Активныя силы, работавшія въ этихъ школахъ, набирались главнымъ образомъ изъ среды городской интеллигенціи—особенно виленской, гдѣ преимущественно была сосредоточена дѣятельность тайныхъ школъ,—и отчасти изъ среды помѣщичьихъ семей. Участіе послѣднихъ, а также и духовенства съ теченіемъ времени стало все увеличиваться, что въ дальнѣйшемъ развитіи повлекло за собою все большее усиленіе консервативно-клерикальнаго направленія этихъ школъ.

Однако, культурно-просвѣтительная дѣятельность поляковъ, развиваясь изъ года въ годъ и проявляясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, какъ то: учрежденіе народныхъ библіотекъ, летучихъ читаленъ для учащейся молодежи, курсовъ польской исторіи и литературы, публичныхъ чтеній, любительскихъ

---

[1]) „Что касается преподаванія вообще, а преподаванія религіи и исторіи въ частности, то желательна терпимость въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова. Должна быть развиваема любовь къ ближнему, стремленіе къ правдѣ и глубокое уваженіе къ мученикамъ, пострадавшимъ за національные и общечеловѣческіе идеалы... Воспитать *человѣка-поляка* и вести его по пути идеаловъ добра, правды и красоты" (отрывокъ изъ наказа частнымъ 2-хъ класснымъ польскимъ школамъ).

спектаклей (съ цѣлью ознакомленія молодежи съ лучшими произведеніями національнаго творчества) и т. д., начинаетъ постепенно принимать (особенно съ 1905 года) болѣе планомѣрный и организованный характеръ.

Видную роль въ этомъ отношеніи играютъ націоналъ-демократы, работавшіе, конечно, въ духѣ своихъ политическихъ идеаловъ.

Въ февралѣ 1905 года состоялось въ Вильнѣ первое организаціонное собраніе націоналъ-демократовъ, въ которомъ приняли участіе кромѣ партійныхъ націоналъ-демократовъ также многія лица, симпатизирующія національно-демократическимъ стремленіямъ. Главная цѣль собранія состояла въ томъ, чтобы намѣтить опредѣленную программу дѣятельности, направленную къ развитію *польскаго* элемента въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, а также политической и общественной агитаціи въ умѣренно-прогрессивномъ духѣ. На этомъ собраніи избранъ былъ организаціонный комитетъ и делегаты для работы въ провинціи, и образованъ такъ называемый „Союзъ національной работы". Уже въ маѣ того же года состоялся съѣздъ этого союза, который и принялъ цѣлый рядъ постановленій, касающихся выборной агитаціи, добровольнаго самообложенія на нужды союза и т. д. Постановлено добиваться учрежденія легальныхъ частныхъ школъ съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ и точнаго примѣненія въ правительственныхъ школахъ указа 17 апрѣля о вѣротерпимости, стремиться къ достиженію солидарности съ литовцами въ вопросѣ о введеніи параллельнаго преподаванія обоихъ языковъ въ школахъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ литовско-польскимъ населеніемъ, и т. д.

Для болѣе успѣшнаго осуществленія своихъ задачъ союзъ намѣтилъ себѣ, между прочимъ, устройство цѣлаго ряда благотворительныхъ учрежденій, клубовъ для спорта, дѣтскихъ пріютовъ и лѣтнихъ колоній. Работа союза быстро прогрессировала и пользовалась успѣхомъ, въ особенности среди болѣе консервативныхъ деревенскихъ элементовъ; союзъ завязалъ также сношенія съ поляками въ Украинѣ и всемъ юго-западѣ Россіи. Въ уѣздныхъ городахъ онъ учредилъ рядъ мелкихъ школъ и дѣятельно занялся введеніемъ преподаванія польскаго языка въ городскихъ училищахъ и гимназіяхъ; для этой цѣли онъ воспользовался учрежденными при училищахъ родительскими комитетами.

Далѣе, по иниціативѣ націоналъ-демократовъ учреждаются въ 1906 году въ городахъ польскія гимнастическія общества подъ названіемъ „Соколъ", носящія рѣзко выраженный національный характеръ.

Тѣмъ временемъ въ Могилевѣ, Витебскѣ, Пинскѣ, Гроднѣ и въ другихъ, менѣе значительныхъ провинціальныхъ городахъ совершенно самостоятельно возникаютъ общества, преслѣдующія тѣ же просвѣтительныя и благотворительныя задачи. Наблюдаются все новыя проявленія національной жизни поляковъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Націоналъ-демократія не за-

медлила воспользоваться этимъ, чтобы охвативъ общей системой разрозненныя частныя усилія и образовать стройную культурно-политическую организацію. Съ этой цѣлью она добивается офиціальнаго утвержденія „Общества польскаго народнаго просвѣщенія“ („Oswiata“) въ Вильнѣ съ территоріей дѣятельности, охватывающей всѣ 6 губерній Литвы и Бѣлоруссіи. Однако, власти соглашаются на разрѣшеніе такого общества лишь для каждой губерніи въ отдѣльности. Это препятствіе не удержало, конечно, націоналъ-демократовъ отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Въ 1906 году легализуются „Общества просвѣщенія“ въ Минской губерніи, въ Виленской и въ Могилевской; всѣ эти общества съ центромъ въ губернскомъ городѣ имѣютъ сходную программу и уставъ и располагаютъ цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ отдѣленій въ уѣздахъ. Однако, практически дѣятельность „обществъ просвѣщенія“ была парализована мѣстными властями. Въ 1908 году виленское губернское „общество просвѣщенія“ („Oswiata“) по распоряженію властей было закрыто.

Наряду съ націоналъ-демократами широкую дѣятельность въ области культуры, благотворительности и народнаго просвѣщенія развиваетъ католическое польское духовенство, значительно содѣйствуя, конечно усиленію въ краѣ узко-клерикальнаго теченія.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, какъ начиная съ 1905 года, національно-культурная жизнь поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи быстро развернулась, охватила самыя разнообразныя стороны умственной дѣятельности, обнаруживая жизнеспособность польскаго элемента, какъ одного изъ видныхъ культурныхъ факторовъ въ краѣ.

Михаилъ Рѳмеръ.
Елена Рѳмеръ-Охенковская.

БѢЛОРУССЫ.

Перепись 1897 года насчитываетъ въ Россійской имперіи 5.885.547 бѣлоруссовъ. Однако, цифра эта врядъ ли можетъ считаться точной; различныя соображенія мѣстной политики, предвзятость, съ которой подходили къ собиранію данныхъ организаторы переписи, отсутствіе національнаго самосознанія среди широкихъ народныхъ массъ,—все это дѣлаетъ данныя о національномъ составѣ вообще, а въ частности о числѣ бѣлоруссовъ мало достовѣрными.

Болѣе довѣрія заслуживаютъ научныя изслѣдованія по этому вопросу, принадлежащія проф. Карскому, который, руководясь лингвистическими особенностями бѣлоруссовъ, исчисляетъ ихъ количество въ Бѣлоруссіи цифрою свыше 8 милліоновъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ бѣлоруссы распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ *Виленской губерніи* бѣлоруссовъ 1.076.435 человѣкъ; они занимаютъ почти всю губернію, исключая уѣзды: Трокскій (населенный преимущественно литовцами), сѣверную часть Виленскаго и около одной трети Лидскаго и Свѣнцянскаго, гдѣ проходитъ этнографическая граница съ Литвой. Въ *Витебской губерніи* (въ Витебскомъ, Полоцкомъ, Городокскомъ, Велижскомъ, Дриссенскомъ, Лепельскомъ, Люцинскомъ и Невельскомъ уѣздахъ) живетъ 976.638 бѣлоруссовъ. Въ *Гродненской губерніи* ихъ 861.640 человѣкъ; живутъ въ большей части губерніи, сливаясь на югѣ (въ Бѣльскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ) съ украинцами, на западѣ (въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ) съ поляками, а на сѣверѣ—на окраинѣ Гродненскаго уѣзда, сѣвернѣе Друскеникъ—съ литовцами. Въ *Минской губерніи*, не считая Пинскаго уѣзда и половины Мозырскаго (вслѣдствіе особенностей говора Карскій и Довнаръ-Запольскій относятъ эту часть губерніи къ Украинѣ), мы находимъ 1.755.069 бѣлоруссовъ. *Могилевскую губернію* они заселяютъ сплошь, достигая здѣсь цифры 1.650.069. Въ *Смоленской губерніи* почти цѣлая половина (восточная) занята сплошь великоруссами; однако, проф. Карскій все же считаетъ эту губернію бѣлорусской и опредѣляетъ число живущихъ здѣсь бѣлоруссовъ цифрою 947.826 человѣкъ.

Кромѣ этихъ шести губерній бѣлоруссы сплошной массой врѣзываются еще въ иноплеменное населеніе нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній. Такъ, въ

чисто литовской Ковенской губерніи треть населенія Новоалександровскаго уѣзда составляютъ бѣлоруссы (около 60.000 чел.), въ Августовскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи (по даннымъ 1888 г.) число бѣлоруссовъ достигаетъ 22.390 (возможно, что въ настоящее время эта цифра уменьшилась вслѣдствіе быстрой ассимиляціи), въ Иллукстенскомъ уѣздѣ Курляндской губерніи — 20.981 (по свѣдѣніямъ 1902 г.), наконецъ, въ Черниговской губерніи численность бѣлоруссовъ достигаетъ 700.000 чел.; здѣсь почти весь Городнянскій, Новозыбковскій, Суражскій, Мглинскій и Стародубскій, а также часть Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда населены бѣлоруссами [1]).

Бѣлоруссы дѣлятся въ настоящее время на двѣ неравныя вѣроисповѣдныя группы — православныхъ и католиковъ, причемъ численное отношеніе первыхъ ко вторымъ равно приблизительно 3:1 (установить съ точностью соотвѣтствующія цифры трудно, такъ какъ со времени объявленія закона о вѣротерпимости переходъ изъ православія въ католичество достигъ значительныхъ размѣровъ). Мы подчеркиваемъ этотъ религіозный дуализмъ потому, что послѣдствія его сказываются на всей культурной жизни бѣлорусскаго народа: бѣлоруссы-католики болѣе подвержены вліянію польской культуры (они употребляютъ также польскій алфавитъ), въ то время какъ бѣлоруссы-православные легче поддаются (велико) русскому культурному вліянію.

Но если въ послѣдніе вѣка въ жизни Бѣлоруссіи важную роль играютъ поляки и великороссы, то въ болѣе отдаленномъ прошломъ на судьбы бѣлоруссовъ оказала сильное вліяніе Литва.

Въ теченіе XII—XIV вѣковъ она подчинила себѣ всѣ западно-русскія области и объединила вокругъ себя всѣ западно-русскія племена, не подпавшія подъ вліяніе Москвы. Это вновь образовавшееся литовско-русское государство, лишь въ незначительной части населенное литовцами, не только не уничтожило самобытной культурной жизни подчиненныхъ племенъ, но наоборотъ всецѣло подчинилось ихъ культурному вліянію. Завоеватели переняли у завоеванныхъ языкъ, отчасти религію и т. д. При Ольгердѣ бѣлорусскій языкъ, общій объединеннымъ западнорусскимъ племенамъ, сталъ офиціально государственнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго и вошелъ во всеобщее употребленіе у культурныхъ слоевъ литовскаго народа; вплоть до временъ Стефана Баторія всѣ грамоты, всѣ государствен-

[1]) Проф. Карскій насчитываетъ еще до 200.000 бѣлоруссовъ въ слѣдующихъ трехъ великорусскихъ губерніяхъ: въ Брянскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ Орловской губ. бѣлоруссы составляютъ, по его словамъ, почти $^1/_8$ всего населенія (около 38.484); въ южныхъ частяхъ Великолуцкаго, Торопецкаго и Опочецкаго уѣздовъ Псковской губерніи около 42.400. Затѣмъ въ Тверской губерніи въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія было до 125.000 бѣлоруссовъ; однако, въ виду сильнаго поглощенія ихъ великорусской культурой эта цифра, вѣроятно, значительно уменьшилась.

ные акты составлялись въ литовскомъ государствѣ на бѣлорусскомъ языкѣ. Создалась печатная бѣлорусская литература довольно разнообразнаго содержанія. Въ концѣ XV столѣтія на бѣлорусскомъ языкѣ былъ изданъ Статутъ Казимира Ягеллона; въ XVI-омъ — Статутъ Литовскій, исправлявшійся и переиздававшійся нѣсколько разъ, Трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго и цѣлый рядъ другихъ изданій.

Множество бѣлорусскихъ литературныхъ памятниковъ оставили по себѣ религіозные диспуты между православными и католиками въ концѣ XVI и началѣ XVII в. [1]).

Однако, уже въ XVII вѣкѣ начинается упадокъ бѣлорусской общественности и культуры. Литература глохнетъ и мало-по-малу совершенно исчезаетъ. Бѣлорусскій языкъ вытѣсняется изъ государственной жизни и выходитъ изъ употребленія въ общественномъ и домашнемъ обиходѣ не только среди литовской, но и среди чисто бѣлорусской интеллигенціи. Его мѣсто занимаетъ польскій языкъ. То, чего не въ состояніи были сдѣлать въ свое время литовцы, сдѣлали теперь поляки. Польское владычество совершенно измѣнило общую картину Бѣлоруссіи и сообщило этому краю совершенно новый колоритъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ соціально-политическомъ отношеніи.

Надо однако замѣтить, что во времена польскаго владычества бѣлоруссы все же не теряютъ своего національнаго своеобразія. Они продолжаютъ жить самобытной жизнью, сохраняя свои обычаи, вѣрованія и, что важнѣе всего, свою народную (устную) литературу и свой языкъ [2]).

Совершенно новую эру въ національной жизни бѣлоруссовъ открываетъ собою обрусительная политика русскаго правительства.

Въ 1839 году упраздняется унія, служившая крѣпкимъ оплотомъ бѣлорусской народности. Въ 1867 году воспрещается печатаніе бѣлорусскихъ произведеній, — въ особенности латинскимъ шрифтомъ. Въ то же время усиленныя репрессіи противъ поляковъ ведутъ къ тому, что они, борясь за сохраненіе своей національности въ такъ-называемомъ Сѣверо-западномъ краѣ,

---

[1]) Между прочимъ сохранился богатый матеріалъ и въ частныхъ письмахъ, старинныхъ инвентаряхъ и прочихъ документахъ, писанныхъ по-бѣлорусски. Дошли до насъ даже образцы бѣлорусскаго ораторскаго краснорѣчія, напр. рѣчь Ивана Мелешки, смоленскаго каштеляна, произнесенная имъ на сеймѣ въ Варшавѣ въ присутствіи короля.

[2]) О развитіи бѣлорусскаго языка даетъ нѣкоторое представленіе бѣлорусскій словарь Ив. Носовича, изданный въ 1870 г. Академіей Наукъ и содержащій въ себѣ свыше 30 тысячъ словъ. Карскій находитъ, однако, что въ числѣ этихъ 30 тыс. отсутствуютъ еще весьма многія бѣлорусскія слова, не говоря уже о словахъ общихъ бѣлорусскому нарѣчію съ великорусскимъ и малорусскимъ. См. также труды Романова, Штейна, Федоровскаго и др. Библіографія у проф. Карскаго: „Бѣлоруссы“ (Варшава, 1903 г.).

дѣлаютъ всевозможныя усилія для увеличенія мѣстнаго польскаго элемента и тратятъ немало силъ и энергіи на ополяченіе бѣлорусскаго населенія. Польская культура, оказывавшая и прежде немалое вліяніе на бѣлоруссовъ совершенно независимо отъ политическихъ соображеній, становится теперь орудіемъ политической борьбы. И пока поляки укрѣпляли свое вліяніе на католическую часть бѣлоруссовъ, руссификаторы овладѣли всѣми сколько-нибудь интеллигентными силами изъ среды православнаго населенія. Къ тому же русскій элементъ получалъ еще спеціальное подкрѣпленіе въ лицѣ множества чиновниковъ, присланныхъ изъ коренной Россіи и постепенно пропитывавшихъ казеннымъ патріотизмомъ сверху до низу всю мѣстную жизнь.

Такова была политическая и культурная обстановка, въ которой протекала до послѣдняго времени жизнь бѣлоруссовъ. Еще тягостнѣе экономическое положеніе края — въ значительной мѣрѣ результатъ тѣхъ же ненормальныхъ политическихъ условій.

Въ то время какъ большинство бѣлоруссовъ занимается земледѣліемъ (76% населенія), имъ принадлежитъ всего 47% земли, и у значительной части бѣлорусскихъ крестьянъ земли не хватаетъ даже для прокормленія семьи. А отсутствіе денежныхъ средствъ и дороговизна кредита (меліоративнаго кредита здѣсь нѣтъ; земство, которое могло бы въ этомъ направленіи оказать извѣстное вліяніе, въ трехъ губерніяхъ „упрощено“, въ двухъ—совершенно отсутствуетъ) еще болѣе обостряетъ экономическое положеніе крестьянства, тѣмъ болѣе, что земля, послѣ запрещенія покупать ее лицамъ польскаго происхожденія (1863 г.), долгое время была совершенно изъята изъ обращенія. Правда, надѣленіе крестьянъ землею происходило въ Бѣлоруссіи при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, такъ какъ правительство, желая повидимому опереться на крестьянство въ своей борьбѣ съ поляками, взяло его подъ свое покровительство (тогда какъ надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ колеблются между 2,2 и 2,9 десятинъ на душу, они въ Бѣлоруссіи варьируютъ между 3,6 и 5,1 десятинъ у помѣщичьихъ крестьянъ и между 5,6 и 6,6 десятинъ — у государственныхъ). Однако, *способъ* надѣленія и здѣсь отличался тѣми же недостатками, что и во всей остальной Россіи, и сдѣлалъ правильное развитіе крестьянскаго хозяйства невозможнымъ [1]).

---

[1]) Впрочемъ, несмотря на неблагопріятныя условія, въ крестьянскомъ хозяйствѣ сѣверо-западнаго края можно отмѣтить нѣкоторый прогрессъ, или, по крайней мѣрѣ, тенденцію къ прогрессу. Господствующая трехпольная система мѣстами смѣняется четырехпольной; примитивныя орудія понемногу вытѣсняются болѣе усовершенствованными; нерѣдко встрѣчается и искусственное удобреніе. Стремленіе къ пе-

Въ очень жалкомъ состояніи находится также и мѣстная промышленность. Кустарное производство служитъ существеннымъ подспорьемъ населенію лишь въ очень немногихъ мѣстахъ. Фабрично-заводская промышленность, производящая ежегодно во всемъ краѣ на незначительную сумму въ 70—80 милліоновъ рублей, не въ состояніи занять и десятка тысячъ рабочихъ. Къ тому же своеобразныя политическія условія поставили Бѣлоруссію въ своего рода автономное положеніе весьма своеобразнаго свойства: мы имѣемъ въ виду хотя бы тѣ повышенные тарифы, которые установлены для экспорта нѣкоторыхъ товаровъ изъ Бѣлоруссіи, въ то время какъ тарифы для импорта тѣхъ же товаровъ изъ Россіи понижены [1]).

Забитость и апатія — вотъ продуктъ историческихъ, политическихъ и экономическихъ условій, въ которыхъ складывалась жизнь бѣлоруссовъ. Неудивительно, что о національномъ самосознаніи долгое время здѣсь не приходилось и говорить: лишенный правъ, приниженный и оскорбляемый бѣлоруссъ сталъ самъ смотрѣть на себя, какъ на низшее существо, сталъ самъ стыдиться всего, что отличало его отъ „пановъ“, сталъ презирать свой родной языкъ и отрекаться отъ него. И если бѣлорусская народная масса и сохранила свой языкъ и свои бытовыя особенности, то все же для ея эмансипаціи и національнаго возрожденія нуженъ былъ сильный толчокъ извнѣ. И такой толчекъ былъ данъ лишь начавшимся въ послѣдніе годы во всей Россіи освободительнымъ движеніемъ.

Необходимо отмѣтить, что спорадическія попытки возстановить бѣло-

---

реходу къ хуторскому хозяйству въ Бѣлоруссіи и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ проявляется сильнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Въ то же время среди помѣщичьихъ хозяйствъ часто встрѣчаются образцовыя, поставленныя на капиталистическихъ основахъ. Въ относительномъ (по сравненію съ большей частью Россіи) прогрессѣ сельскаго хозяйства у бѣлоруссовъ сильно сказывается близость границы, культурное вліяніе Запада, шедшее черезъ Польшу, и торговыя сношенія съ Европой, установившіяся еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ, благодаря удобнымъ путямъ сообщенія (напримѣръ по рѣкамъ Нѣману и Западной Двинѣ). На укрѣпленіе и развитіе торговли съ заграницей оказала свое вліяніе и хорошо организованная внутренняя торговля. Послѣдняя сосредоточивается не только въ немногочисленныхъ большихъ городахъ, но производится, что особенно важно, въ массѣ мелкихъ мѣстечекъ, населенныхъ преимущественно евреями, играющими, какъ извѣстно, чрезвычайно видную роль въ мѣстной торговлѣ; и такимъ образомъ, сельское населеніе имѣетъ возможность на мѣстныхъ рынкахъ сбывать все, что только даетъ сельское хозяйство равно, какъ и получать нужные ему продукты, что понятно, имѣетъ огромное значеніе для крестьянскаго хозяйства.

[1]) Промышленность Бѣлоруссіи тѣсно связана съ промышленностью Литвы страдающей отъ тѣхъ же причинъ; и заслуживаетъ вниманія, что въ лицѣ различныхъ синдикатовъ и союзовъ промышленники стремятся объединить здѣсь производство *всего* Сѣверо-западнаго края. Таковы союзы пивоваровъ, кожевенниковъ, спичечный синдикатъ, союзъ лѣсопромышленниковъ и т. п.

русскую письменность, заглохшую много лѣтъ тому назадъ, имѣли мѣсто въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Въ концѣ XVIII вѣка появилось на бѣлорусскомъ языкѣ первое послѣ долгой спячки бѣлоруссовъ, художественное произведеніе, написанное на ихъ родномъ языкѣ—„Энеида наизнанку“, написанная въ подражаніе „Энеидѣ“ Котляревскаго. XIX вѣкъ даетъ цѣлый рядъ художественныхъ бѣлорусскихъ произведеній (перечень ихъ можно найти у Карскаго—„Бѣлоруссы“); одни изъ нихъ являются передѣлками или подражаніемъ произведеніямъ народной поэзіи, другія — носятъ дидактическій характеръ, третьи—религіозный и политическій. Къ послѣднимъ относятся прокламаціи объ Уніи и о польскомъ возстаніи 1863 года, изданныя революціонерами, равно какъ и антипольскіе листки, издававшіеся русскимъ правительствомъ.

Характерно отношеніе къ бѣлорусскому языку авторовъ бѣлорусскихъ произведеній въ различныя эпохи. Въ XVI в. Скорина, Будный, Ходкевичъ, Тяпинскій и др. печатали свои труды по-бѣлорусски ради „вырозумѣнія простыхъ людей“ (Гр. Ходкевичъ—предисловіе къ Учит. Еванг. 1569 г.). Но уже въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ бѣлорусскіе писатели смотрятъ на родной языкъ иначе: въ ихъ глазахъ это не только средство для достиженія практическихъ цѣлей, но уже въ извѣстномъ смыслѣ и самоцѣль. Стремленіе къ возрожденію бѣлорусскаго языка ясно выражено также въ предисловіи къ сборнику стихотвореній Мацея Бурачка (Ф. Богушевича) „Dudka bielaruskaja“ [1]).

Творенія бѣлорусскихъ поэтовъ и писателей прошлаго вѣка не смогли, однако, дать толчокъ развивающемуся на нашихъ глазахъ бѣлорусскому національному движенію. Политически неосвѣдомленныя, забитыя народныя массы, къ которымъ лишь въ очень скудномъ количествѣ проникала бѣлорусская литература, не могли быть выбиты изъ своей спячки силой одного отвлеченнаго лозунга. Зачатки бѣлорусскаго движенія носили характеръ болѣе спорадическій и отличались полной неорганизованностью. Лишь въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка было положено начало первой, весьма ничтожной организаціи. Это былъ кружокъ учащейся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Минска молодежи, къ которому примыкали и нѣкоторые по-

[1]) „Абъ нашай бацькавай спрадвечнай мове—говоритъ авторъ,—каторую мы самп, да и не адны мы, а усе людзе цёмные „мужыцкай“ завуць, а завецца яна „Беларускай“... Мова наша ёсць такая-ж людзкая и панская, якъ и французская, альбо нямецкая, альбо и иншая якая... Яно добра, а навэт трэба знаць суседзкую мову але найперш трэба знаць сваю... Шмат было такихъ народоу, што найперш страцили мову сваю,... а потым и сусим замёрли. Не пакидайце-ж мовы нашай беларускай, каб не умёрли. Пазнаюць людзей па адзежы, хто якую носиць,... язык и ёсць адзежа душы“.

сторонніе элементы. Цѣлью кружка было изученіе Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ, собираніе народныхъ произведеній, изданіе современныхъ художественныхъ произведеній, а также разработка бѣлорусскаго національнаго вопроса. Кружокъ былъ проникнутъ чисто демократическими идеями, и въ его средѣ вскорѣ стала выдвигаться мысль о томъ, что эмансипація бѣлорусса, какъ человѣка и гражданина, неразрывно связана съ эмансипаціей бѣлорусской національности. Эта мысль легла въ основу всего бѣлорусскаго движенія. Нѣсколько энергичныхъ членовъ этого кружка попали въ Петербургъ въ высшія учебныя заведенія и тотчасъ же приступили къ организаціи бѣлорусской молодежи. На ихъ призывъ откликнулось нѣсколько десятковъ уроженцевъ Бѣлоруссіи, которыхъ объединяло общее желаніе поднять бѣлорусскую культуру, развивать бѣлорусскій языкъ и добиваться признанія за этимъ языкомъ правъ гражданства, какъ въ общественной жизни, такъ и въ школѣ. Для пропаганды бѣлорусскихъ идей въ 1902 году было основано въ Петербургѣ „Общество бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія“ [1]). И въ то время, какъ это общество работало надъ національнымъ возрожденіемъ бѣлоруссовъ, оставаясь въ рамкахъ чисто культурной дѣятельности, въ его средѣ намѣтилось иное направленіе, ставившее культурныя задачи въ тѣсную связь съ политической самодѣятельностью и экономической борьбой. Зимой 1902 — 3 г. эта радикальная группа, къ которой примкнулъ рядъ отдѣльныхъ лицъ въ провинціи, положила основаніе первой бѣлорусской *политической* организаціи, подъ названіемъ „Белоруская рэволюцыйная громада“, ставившей себѣ цѣлью борьбу за политическое и экономическое освобожденіе и призывавшей вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлорусскую интеллигенцію къ культурной работѣ для развитія и поддержанія бѣлорусской національности. По своимъ политическимъ взглядамъ она приближалась къ народникамъ.

Въ концѣ 1903 года „Белоруская рэволюцыйная громада“ переименовалась въ „Белорускую соціалистычную громаду“, съ ярко выраженной соціалистической программой, содержащей между прочимъ и требованіе для Бѣлоруссіи возможно болѣе широкой самостоятельности. Отмѣтимъ, что бѣлорусскій языкъ, на которомъ въ этотъ періодъ издается различная нелегальная литература, является пока лишь служебнымъ орудіемъ для распространенія въ народѣ демократическихъ идей.

Въ 1904—5 годахъ, на ряду съ прочими вопросами, выдвинутыми на очередь дня, поднимается и вопросъ о самоуправленіи для бѣлорусскаго

---

[1]) Въ 1903—4 гг. вышли въ свѣтъ два первыхъ изданія Общества: „Колядная Чытанка“ и „Великодная Чытанка“ — небольшіе литературные сборники новѣйшихъ произведеній на бѣлорусскомъ языкѣ.

края. Этотъ вопросъ горячо обсуждается на съѣздахъ интеллигентовъ въ Вильнѣ, на которыхъ встрѣчаемъ представителей всѣхъ національностей, населяющихъ Сѣверо-западный край. Поднимался онъ и въ союзѣ автономистовъ-федералистовъ, въ которомъ принимали участіе и представители отъ бѣлоруссовъ. Въ Минскѣ онъ вызвалъ къ жизни особую организацію — кружокъ автономистовъ, занявшійся разработкой проекта автономіи Бѣлоруссіи и опредѣленіемъ круга функцій мѣстнаго сейма и отношенія его ко всероссійскому парламенту. Мѣстомъ сейма предполагалось Вильно, что вызвало, между прочимъ, горячіе споры съ литовцами, не желавшими общей автономіи для всего сѣверо-западного края. Требованіе автономіи для Бѣлоруссіи находимъ мы и въ программѣ Белоруской соціалистычной громады, принятой вторымъ партійнымъ съѣздомъ въ самомъ началѣ 1906 года. Программа эта заключаетъ въ себѣ еще два небезынтересныхъ пункта, относящихся къ области національныхъ требованій: культурно-національная автономія (пропорціональный культурный бюджетъ) для всѣхъ мѣстныхъ народностей и націонализація школы.

За два года сильнѣйшаго революціоннаго подъема особеннаго развитія достигла также и бѣлорусская революціонная *поэзія*. Вся эта литература, брошенная въ народъ въ благопріятный моментъ, не могла не оказать сильнаго вліянія на народную психику. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ гражданскаго достоинства, какъ логическое послѣдствіе его, въ забитыхъ бѣлоруссахъ стало пробуждаться и національное чувство. То тутъ, то тамъ, въ періодъ повсемѣстныхъ митинговъ, раздаются не только на крестьянскихъ сходахъ, но уже и на собраніяхъ рабочихъ бѣлорусскія рѣчи. Кромѣ партійныхъ ораторовъ говорятъ съ трибуны по-бѣлорусски ораторы-самородки, не имѣвшіе ранѣе никакого контакта съ политическими организаціями. На митингахъ въ Вильнѣ, Нововилейскѣ и другихъ мѣстахъ цѣлыя группы рабочихъ, послѣ рѣчей бѣлорусскихъ ораторовъ, объявляли себя бѣлоруссами и выражали желаніе присоединиться къ бѣлорусской партіи. При Белоруской соціалистычной громадѣ въ Минскѣ основывается особая рабочая организація; тамъ же, позднѣе, образовался союзъ мелкихъ чиншевиковъ и арендаторовъ, носившій бѣлорусскій національный оттѣнокъ. Съ другой стороны, по иниціативѣ возникшаго въ до-думскій періодъ „Бѣлорусскаго крестьянскаго союза“, въ первую государственную думу посылаются крестьянскіе приговоры и наказы, въ которыхъ, между прочимъ, заключаются требованія автономіи Бѣлоруссіи съ сеймомъ въ Вильнѣ и національной бѣлорусской школы.

Вмѣстѣ съ ростомъ бѣлорусскаго національнаго движенія въ немъ замѣчается нѣкоторая дифференціація, ведущая къ обособленію двухъ теченій: культурническаго и революціоннаго — тѣхъ же теченій, впрочемъ, которыя

существовали и въ до-революціонное время, но въ рѣшительный моментъ политическаго подъема, слились въ одно русло. Явленіе это стало сказываться уже во время первой думы, и съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ пониженія революціонной волны, культурническое теченіе крѣпнетъ и выдвигается на первый планъ. Произошло это, однако, далеко не сразу.

Революціонное теченіе еще долго занимаетъ видное мѣсто, постепенно расширяя даже свою дѣятельность. Разроставшееся движеніе достигло той точки, когда нелегальные листки, политическія брошюры и сборники стихотвореній оказались не въ силахъ удовлетворять его запросы. Чувствовалась необходимость созданія бѣлорусской легальной періодической прессы, безъ которой все движеніе могло бы заглохнуть. И вотъ, въ первыхъ числахъ сентября 1906 года въ Вильнѣ выходитъ въ свѣтъ первый номеръ легальной еженедѣльной газеты „Наша Доля“ на бѣлорусскомъ языкѣ. Чтобы удовлетворить и католиковъ и православныхъ, „Наша Доля“ печаталась сразу двумя отдѣльными изданіями: русскимъ и латинскимъ шрифтомъ. Успѣхъ газеты былъ чрезвычайно великъ, но существованіе ея было непродолжительно: послѣ неоднократныхъ конфискацій она на шестомъ номерѣ прекратила свое существованіе. Газета эта явилась послѣднимъ проявленіемъ яркаго революціонизма, если не считать еще двухъ небольшихъ политическихъ брошюръ, вышедшихъ уже послѣ ея закрытія.

Культурническое теченіе, между тѣмъ, крѣпнетъ и расширяется. Вопросъ о національзаціи школы становится злободневнымъ, и идея введенія въ школахъ бѣлорусскаго языка ждетъ немедленной реализаціи. Является потребность въ учебникахъ; для удовлетворенія ея въ Петербургѣ основывается бѣлорусское издательское товарищество (выдауницкая суполка ,,Загляне сонцэ и у нашэ ваконцэ“). Въ 1906 г. оно издаетъ ,,Беларуски лемэнтар“ (букварь) и ,,Першае чытаньне“—книжку для первоначальнаго чтенія. Каждая книжка выходитъ двумя изданіями—русскимъ и латинскимъ шрифтомъ (въ послѣднемъ введены чешскія сокращенія: č вмѣсто *cz*, š вмѣсто *sz*). Въ слѣдующемъ году появляется третья книжка для школы: „Гутарки аб неби и зямли“, изданная лишь русскимъ шрифтомъ. Кромѣ школьныхъ пособій „Суполка“ приступила къ печатанію произведеній бѣлорусскихъ ,,песьняроу“. Кромѣ того въ 1907 г. въ Минскѣ учреждается второе издательское товарищество ,,Минчукъ“.

Главной выразительницей идеи національнаго возрожденія бѣлоруссовъ становится ,,Наша Нива“ — бѣлорусскій еженедѣльникъ, издающійся съ ноября 1906 г. въ Вильнѣ (латинскимъ и русскимъ шрифтомъ). Шагъ за шагомъ, расширяя кругъ читателей, преимущественно деревенскихъ и мѣстечковыхъ, ,,Наша Нива“. проникаетъ въ самые глухіе углы Бѣлоруссіи. Подъ ея вліяніемъ начался между прочимъ замѣтный поворотъ во взглядахъ народ-

ныхъ учителей на введеніе „простого“ языка въ школу. Въ маѣ 1907 г. состоялся съѣздъ бѣлорусскихъ учителей, приведшій къ организаціи „Бѣлорусскаго учительскаго союза“, въпрограммѣ котораго мы встрѣчаемъ требованіе первоначальнаго обученія дѣтей на родномъ бѣлорусскомъ языкѣ, а для подготовки учителей — изученія мѣстныхъ языковъ въ учительскихъ семинаріяхъ. Вслѣдъ за этимъ образовалась „Беларуская національная хэура“ — союзъ учащихся въ Глуховскомъ учительскомъ институтѣ (въ Черниговской губ.), который также ставитъ своей цѣлью націонализацію школы.

Идея національной школы мѣстами уже реализуется. Намъ извѣстенъ рядъ школъ,—конечно частныхъ,—гдѣ обученіе дѣтей ведется по-бѣлорусски (въ Могилевской, Минской и Виленской губ.). Спросъ на учителей для такихъ школъ растетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ среди нѣкоторой части бѣлоруссовъ возникъ вопросъ о созданіи національной церкви, которая уничтожила бы антагонизмъ, нынѣ искусственно раздуваемый, между католиками и православными бѣлоруссами. Мысль иниціаторовъ естественно обратилась къ уніи—старой вѣрѣ бѣлоруссовъ. Однако, до настоящаго времени для возстановленія ея почти ничего реальнаго не сдѣлано. Не сдѣлано ничего и для введенія бѣлорусскаго языка въ католической церкви: слишкомъ сильна оппозиція духовенства.

Таковъ путь, таковы формы національнаго движенія у бѣлоруссовъ. Каковы будутъ конечные результаты его—предугадать трудно: здѣсь приходится учитывать, во-первыхъ, совершенно неизбѣжное и естественное вліяніе двухъ великихъ сосѣднихъ цивилизацій, а во-вторыхъ,—искусственную руссификацію и полонизацію, о которыхъ уже говорилось выше; въ какой мѣрѣ бѣлорусскому движенію суждено будетъ парализовать силу обоихъ этихъ факторовъ, трудно сказать.

Интересно отмѣтить отношеніе къ бѣлорусскому національному движенію со стороны русскихъ и польскихъ консервативныхъ круговъ. Д-ръ І. Святицкій характеризуетъ это отношеніе слѣдующимъ образомъ: „если лозунги русской консервативной группы можно свести къ формулѣ офиціальнаго патріотизма—самодержавіе, православіе и народность, съ соотвѣтствующими дополненіями, вродѣ «кто не признаетъ этой формулы,—бунтовщикъ и измѣнникъ», «бѣлоруссы могутъ быть только православными», «злѣйшіе враги бѣлоруссовъ—поляки и евреи», «бѣлоруссы не должны создавать своей особой литературы—русская ихъ вполнѣ удовлетворяетъ»,—то польская шовинистическая группа внесла въ приведенную формулу лишь незначительныя измѣненія: вмѣсто самодержавія она поставила

всепольскую идею, вмѣсто православія—католицизмъ; врагами бѣлоруссовъ оказываются великоруссы; бѣлоруссы должны удовлетворяться польскою литературой и т. д.“ И въ то время, какъ польскіе консерваторы въ бѣлорусскомъ движеніи видятъ антипольскую интригу, обрусители считаютъ все движеніе интригой польскихъ ксендзовъ и пановъ.

Но если при враждебномъ отношеніи со стороны наиболѣе вліятельныхъ въ культурномъ смыслѣ народностей бѣлорусское національное движеніе все же крѣпнетъ и развивается, если особые циркуляры и всякаго рода правительственныя мѣропріятія не въ состояніи задержать его ростъ, то это несомнѣнно доказываетъ значительную силу движенія и жизненность бѣлорусской національности.

Антонъ Новина.

ЕВРЕИ.

I.

Новѣйшая эволюція еврейской національной идеи.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ еврейской исторіи, вслѣдствіе великой политической катастрофы, отъ понятія „національности“ отпали признаки *государственности* и *территоріальности*, это понятіе срослось съ признакомъ *вѣроисповѣднымъ*. Въ теченіе среднихъ вѣковъ, новаго и большей части новѣйшаго времени, національное въ „евреѣ“ совершенно сливалось съ религіознымъ. Слово „еврей“ означало лицо іудейскаго исповѣданія и относилось къ той же категоріи понятій, какъ: христіане, мусульмане, буддисты, католики, протестанты etc. Но группа „христіанъ“, напримѣръ, или подгруппа „католиковъ“ вмѣщали въ себѣ различныя племена и національности, и всѣмъ здѣсь было ясно различіе національнаго и религіознаго признаковъ; въ еврейской же религіозной группѣ всегда фигурировала только одна нація—того же имени [1]), и поэтому здѣсь „національность“ и „вѣроисповѣданіе“ совершенно слились и отождествились, причемъ болѣе яркій съ внѣшней стороны религіозный признакъ покрылъ собою внутреннюю національную подкладку еврейскаго бытія.

Съ утратою государственныхъ рамокъ, національныя функціи еврейскаго народа перешли въ сферу вліянія религіи, которая желѣзнымъ кольцомъ охватила всю народную жизнь. Религіозная дисциплина, замѣнивъ государственно-правовую, вобрала въ себя многіе ея элементы (талмудико-раввинское законодательство). Совокупность всѣхъ пріобрѣтеній національной культуры, извѣстная подъ именемъ „іудаизма“, стала пониматься въ узкомъ смыслѣ, какъ совокупность догмъ еврейскаго вѣроученія и предписаній культа. Культъ покрылъ собою культуру, религія заслонила національность со всей сложностью ея психофизическихъ и историческихъ факторовъ. Дѣйствительнымъ двигателемъ еврейской жизни была воля или энергія національнаго индивида, окрѣпшая въ долгомъ процессѣ исторіи; но этотъ внутренній двигатель не

[1]) Такое исключительное и временное явленіе, какъ группа хазаръ-іудеевъ, не можетъ быть принято въ разсчетъ; составляя только частицу хазарскаго племени, она съ теченіемъ времени растворилась въ еврейскомъ народѣ, преимущественно среди караимовъ.

былъ виденъ невооруженному глазу, такъ какъ онъ скрывался подъ густой, непроницаемой тканью религіозныхъ установленій. Онъ терялся здѣсь, какъ теряется въ гигантской многоэтажной фабрикѣ тотъ главный паровой или электрическій двигатель, который скромно пріютился гдѣ-то въ подвалѣ, незримо вливая энергію во всю эту массу гудящихъ машинъ, какъ будто самостоятельно дѣйствующихъ.

Вслѣдствіе господствовавшихъ до новѣйшаго времени смутныхъ понятій о природѣ національности вообще и сугубо-неясныхъ представленій о еврейской національной эволюціи въ частности,—указанная ошибка укоренилась и пріобрѣла значеніе непререкаемой догмы. Не замѣчали, что въ высшихъ стадіяхъ развитія націи объективные или формальные признаки отступаютъ предъ субъективными, психическими; что корень единства націи — въ своеобразіи ея культуры, быта и нравовъ, въ общности ея историческихъ судебъ, наконецъ въ *автономности ея внутренняго жизненнаго строя*, все равно, выражается ли эта автономность въ особой территоріально-политической организаціи или въ организаціи культурно-бытовой, общинной, духовной. А въ послѣднемъ смыслѣ еврейская нація была, въ большей или меньшей степени, автономна на всемъ протяженіи міровой діаспоры [1]). Не говоримъ уже о томъ, что даже изъ трехъ внѣшнихъ признаковъ національности—территорія, государство, языкъ—третій не былъ всецѣло утраченъ еврействомъ: *древній національный языкъ* сохранялся и вѣками развивался въ литературѣ, богослуженіи, публичныхъ актахъ и частной перепискѣ; разговорная же рѣчь евреевъ, принимавшая въ каждой странѣ матеріалъ мѣстныхъ языковъ, большею частью перерабатывала этотъ матеріалъ въ сочетаніи съ формами своего національнаго языка и образовывала свои *особые діалекты*, въ родѣ эспаньольскаго „ладино“ у сефардовъ (испано-португальской вѣтви) или нѣмецко-еврейскаго „жаргона“ у ашкеназовъ (германо-польской группы). Но даже съ ослабленіемъ объединительной силы языка, продолжали еще дѣйствовать въ процессѣ національнаго роста еврейства такіе два могучихъ фактора, какъ *автономная община* и *автономная школа*. Въ крупныхъ историческихъ центрахъ діаспоры общинная организація имѣла широкое развѣтвленіе и охватывала почти всю народную жизнь цѣлою сѣтью учрежденій, мѣстныхъ и центральныхъ (экзилархатъ и гаонатъ въ Вавилоніи, Aljama и оффиціальный раввинатъ въ Испаніи, кагалъ и кагально-раввинскіе сеймы въ Польшѣ и Литвѣ); въ другихъ странахъ самоуправленіе еврейскихъ общинъ, хотя и не въ центра-

---

[1]) *Діаспора*—техническій терминъ для обозначенія еврейства, разсѣяннаго по разнымъ странамъ (внѣ Палестины).

лизованной формѣ, также не оспаривалось государственными законами. Что же касается еврейской школы, отъ низшей до высшей, то она до новѣйшаго времени была автономна, въ смыслѣ отсутствія государственной опеки. Эти двѣ автономіи—общины и школы—давали народу наиболѣе существенныя орудія національной консолидаціи, причемъ количественный недостатокъ національныхъ факторовъ возмѣщался качествомъ наличныхъ факторовъ, ихъ интенсивною работою. Это проявленіе внутренней автономіи давала юдофобомъ разныхъ странъ поводъ упрекать евреевъ въ томъ, что они повсюду образуютъ status in statu; но подъ status'омъ обвинители обыкновенно подразумѣвали крѣпкую церковную (синагогальную) организацію, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ аналогичное обвиненіе выдвигалось противъ іезуитовъ и другихъ вліятельныхъ духовныхъ орденовъ.

Секуляризація еврейской національной идеи, т. е. отдѣленіе ея отъ религіи, должна была начаться въ тотъ „вѣкъ просвѣщенія", когда началось и отдѣленіе государства отъ церкви. Когда для передовой части еврейства религія перестала быть главнымъ регуляторомъ жизни, національное сознаніе могло проявляться въ болѣе открытыхъ общественныхъ формахъ. Въ борьбѣ за свою гражданскую эмансипацію „свѣтское" еврейство должно было отнынѣ выступать какъ народная, а не вѣроисповѣдная единица. Но этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ совершался крайне медленно. Ему препятствовали не только старые навыки и предразсудки, но и рядъ внѣшнихъ толчковъ, благопріятствовавшихъ обратному процессу національнаго обезличенія евреевъ въ Западной Европѣ. Со времени великой французской революціи, когда на очередь сталъ вопросъ о гражданской эмансипаціи евреевъ, противники послѣдней изъ реакціонно-клерикальнаго лагеря всегда выступали съ доводомъ, что евреи не могутъ быть полноправными гражданами, такъ какъ они—чужіе, иностранцы, члены особой націи, которая никогда не сольется съ „кореннымъ населеніемъ" въ сферѣ культуры и общественности. На это защитники равноправія возражали, что евреи со времени утраты своего государства уже не составляютъ націи, что они только—члены международной религіозной группы, части которой въ каждой странѣ могутъ слиться съ господствующей національностью во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ религіи. И защищаемые такимъ способомъ евреи tacitu consensu, или даже открытыми заявленіями, подтверждали этотъ доводъ, отъ котораго зависѣло удовлетвореніе насущной ихъ нужды въ равноправіи, въ реабилитаціи своей человѣческой личности.

Впервые этотъ конфликтъ права съ правдой обнаружился въ дебатахъ по еврейскому вопросу во французскомъ Національномъ собраніи. Когда въ засѣданіи 21 декабря 1789 г. лидеръ либеральной партіи Клермонъ-Тон-

неръ внесъ формулу закона, что никто не можетъ быть ограниченъ въ правахъ „активнаго гражданства“ вслѣдствіе своей профессіи или вѣроисповѣданія,—онъ въ связи съ этимъ произнесъ блестящую рѣчь въ защиту равноправія евреевъ. И тутъ, зная доводы своихъ противниковъ, онъ счелъ нужнымъ торжественно заявить: „Евреямъ, какъ націи, слѣдуетъ отказать во всемъ; но евреямъ, какъ людямъ, слѣдуетъ все предоставить“. На это вождь клерикальной оппозиціи, аббатъ Мори, возразилъ: „Слово *еврей* не есть названіе секты, а названіе націи, которая имѣетъ свои законы, постоянно слѣдовала имъ и желаетъ слѣдовать имъ дальше“ [1]). Споръ шелъ, такимъ образомъ, о фактѣ: еслибы французскіе евреи сами объявили себя націей, имѣющей и желающей имѣть свой автономный культурный строй, то и либералы отказали бы имъ въ равноправіи. Ясно, что маску „вѣроисповѣдной группы“ надо было носить изъ чувства самосохраненія. И вотъ этой-то „замаскированной“ части націи Конституанта, послѣ двухлѣтнихъ преній и проволочекъ, дала наконецъ гражданское равноправіе (1791 г.).

Печальная альтернатива: либо національное самоотреченіе, либо гражданское безправіе—висѣла дамокловымъ мечемъ надъ головами евреевъ. Былъ моментъ, когда этотъ мечъ готовъ былъ опуститься на голову этихъ „условныхъ гражданъ“. Наполеонъ I, подъ вліяніемъ юдофобской агитаціи въ Эльзасѣ, былъ склоненъ отнять у французскихъ евреевъ дарованное имъ революціей равноправіе, но воздержался и рѣшилъ предварительно опредѣлить степень ихъ „обособленности“. Строгій экзаменъ былъ произведенъ представителямъ еврейства, созваннымъ по приказу императора въ 1806 и 1807 гг. въ Парижъ (собраніе нотаблей и „Великій Синедріонъ“). Они должны были дать категорическіе отвѣты на рядъ поставленныхъ имъ вопросовъ касательно ихъ гражданской лояльности. Отвѣчая на вопросы объ отношеніи „еврейскаго закона“ къ христіанскимъ согражданамъ, собраніе не ограничивалось засвидѣтельствованіемъ еврейскаго цивизма, но сочло нужнымъ заявить, что „нынѣ евреи больше не составляютъ націи и предпочитаютъ войти въ составъ великой (французской) націи, считая это какъ бы политическимъ искупленіемъ“ (Aujourd'hui que les juifs ne forment plus une nation, et qu' ils ont l'avantage d'être incorporés dans la grande nation, ce qu'ils regardent comme une rédemption politique“) [2]). Офиціальное отреченіе отъ еврейской національности спасло

[1]) *Дубновъ*, Эмансипація евреевъ во время великой французской революціи (Изд. „Правда“ 1906), стр. 28—32.

[2]) *Kahn*, Les juifs de Paris pendant la Révolution. Paris, 1898, p. 333; *Halphen* Recueil des lois concernants les israelites depuis la Révolution de 1789, Paris, 1851, pp. 239—40.

эмансипацію: евреевъ великодушно утвердили въ званіи французскихъ гражданъ и одарили ихъ *консисторіальной* организаціей общинъ, превратившей народъ въ религіозную секту, въ группы прихожанъ разныхъ синагогъ.

До второй половины XIX в. какъ въ наукѣ, такъ и въ политической практикѣ господствовало еще полное смѣшеніе понятій „государство и нація". На этомъ смѣшеніи основывалась идея „государственнаго націонализма"—стремленіе господствующей въ данномъ государствѣ націи ассимилировать съ собою въ языкѣ и культурѣ всѣ несамостоятельныя національныя группы. Но въ то время какъ по отношенію къ „подчиненнымъ" территоріальнымъ народностямъ этотъ гнетъ со стороны „коренныхъ" сдерживался еще опасеніемъ внутреннихъ или международныхъ осложненій, экстерриторіальному еврейскому населенію безцеремонно ставилась вышеупомянутая альтернатива: отрекись или оставайся безправнымъ! Къ этой грубой политикѣ государственнаго націонализма должна была приспособляться борьба за эмансипацію евреевъ. Фактъ существованія культурно обособленной еврейской *національности* служилъ для юдофобовъ и реакціонеровъ самымъ сильнымъ орудіемъ противъ гражданскаго равноправія евреевъ въ каждой странѣ. Подчиняясь этой господствующей догмѣ, евреи и ихъ либеральные защитники изъ христіанъ повсюду въ одинъ голосъ кричали: нѣтъ еврейской націи, а есть только люди еврейской вѣры, входящіе въ составъ германской, французской націи и т. д. Когда въ 1830 г. гейдельбергскій теологъ Паулусъ выступилъ съ брошюрой „О еврейскомъ національномъ обособленіи" („Die jüdische Nationalabsondrung"), знаменитый борецъ за эмансипацію Габріель Риссеръ отвѣтилъ ему горячей защитою евреевъ противъ „обвиненія" въ національномъ обособленіи, причемъ въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на вышеуказанныя офиціальныя резолюціи Наполеоновскаго Синедріона. Риссеръ считалъ несокрушимыми доводы, обращенные имъ къ противнику: „А гдѣ же у насъ второе отечество, кромѣ Германіи; гдѣ нашъ государственный законъ, кромѣ германскаго?"—не замѣчая полнаго смѣшенія здѣсь государственной идеи съ національной, политическаго сепаратизма съ національно-культурной автономіей. Даже послѣ мартовской революціи 1848 г. этотъ вождь германскихъ либераловъ, сражаясь во франкфуртскомъ парламентѣ за еврейское равноправіе, могъ осмѣлиться только на такую фразу: „Вы хотите ограничить права евреевъ, утверждая, что они члены особой націи и не входятъ въ составъ нѣмецкаго народа! Но еслибы даже это было такъ, то почему вы даете всѣ гражданскія права славянамъ въ Познани и въ Австріи, которые открыто заявляютъ, что они ничего общаго не имѣютъ съ нѣмецкой національностью? Развѣ оттого, что евреи

причисляютъ себя къ нѣмцамъ, они менѣе доброкачественные граждане"? [1]). Защитникъ еврейства былъ уже на пути къ истинѣ, ссылаясь на примѣръ славянскихъ народностей; но онъ убоялся этой истины и допустилъ ее только въ видѣ доказательства отъ противнаго.

Такого же образа мыслей и дѣйствій держались, за рѣдкими исключеніями, всѣ другіе дѣятели западнаго еврейства въ эпоху борьбы за эмансипацію. Они могли такъ говорить и дѣйствовать *bona fide*, ибо въ культурно-національномъ отношеніи значительная часть новаго поколѣнія евреевъ дѣйствительно ассимилировалась съ окружающими народами. Въ этомъ процессѣ *ассимиляціи*, вызванномъ глубокими соціальными переворотами и окрашивающемъ собою всю еврейскую исторію XIX вѣка, стихійное раствореніе обезличенныхъ элементовъ еврейства въ окружающей средѣ соединялось съ политикою гражданской самозащиты и ею оправдывалось. Всѣ эти „нѣмцы, французы, поляки еврейскаго исповѣданія" не имѣли никакихъ притязаній на внутреннюю автономію внѣ стѣнъ своей синагоги. Жалкій остатокъ былой общинной организаціи сохранился въ новомъ консисторіальномъ строѣ, по французскому образцу, или въ германскихъ *Kultusgemeinden* съ ихъ узкими религіозно-благотворительными функціями, которыми едва ли кто интересовался, кромѣ самихъ синагогальныхъ функціонеровъ. Если нѣкогда подъ вывѣской религіи дѣйствовала сильная національно-автономная организація, то теперь подъ этой вывѣской осталось почти пустое мѣсто.

Только въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка среди евреевъ началось движеніе въ сторону національнаго возрожденія. Этому содѣйствовали въ равной мѣрѣ и соціальный прогрессъ, и соціальная реакція: съ одной стороны—медленный переходъ отъ теоріи государственнаго націонализма къ теоріи „государства національностей" въ прогрессивныхъ кругахъ общества, а съ другой—жестокая антисемитская реакція, убѣдившая многихъ евреевъ въ практической безплодности ассимиляціи. Въ среду еврейскихъ политическихъ дѣятелей брошенъ былъ новый освободительный лозунгъ — „національныхъ правъ". Въ Западной Европѣ новому движенію приходится еще вести упорную борьбу со столѣтними наростами ассимиляціоннаго процесса. Лишь въ Австріи, типичномъ гнѣздѣ національныхъ движеній, эта борьба впервые увѣнчалась недавно частичнымъ успѣхомъ. Но съ большей широтою—пока преимущественно теоретическою, программною—національное движеніе среди евреевъ развернулось въ Россіи, особенно въ послѣдніе революціонные годы.

---

[1]) *Eisler*, Gabriel Riessers Leben („Gesam. Schriften." изд. 1871, т. I); *Bernfeld*, Gabriel Riesser (hebr., ed. Tuschijah, Варш. 1899).

II.

Національныя стремленія евреевъ въ Россіи.

Эволюція еврейской національной мысли въ Россіи сложилась нѣсколько иначе, чѣмъ на Западѣ. Пятимилліонная компактная масса евреевъ, обреченная въ странѣ деспотизма на безправную жизнь, таила въ себѣ огромное количество національной энергіи. Русское правительство первой половины XIX вѣка, не давая евреямъ общихъ гражданскихъ правъ, старалось въ то же время разрушить остатки ихъ былого широкаго самоуправленія, унаслѣдованнаго отъ временъ польскаго владычества; оно деморализовало и затѣмъ разрушило кагалъ, подчинило своему контролю общинныя учрежденія и школу („казенный" раввинатъ, казенныя училища etc.). Когда уже поколебались устои стараго самобытнаго строя, въ верхніе слои еврейскаго общества хлынула волна эпохи реформъ Александра II. Эта эпоха почти ничего не дала евреямъ въ смыслѣ гражданской равноправности, но она втянула извѣстные слои ихъ въ общерусскую культуру— экономическую и духовную. Въ интеллигентныхъ и буржуазныхъ верхахъ начался процессъ обрусѣнія. Пошла полоса ассимиляціи всякаго рода: идеологической, культурной, карьеристской,—полоса широкая, но не глубокая, ибо народные низы почти не были затронуты ею.

Не успѣла еще эта разлагающая сила проникнуть въ толщу еврейскихъ массъ, какъ началась та тяжелая реакція (1881), которая для многострадальнаго народа воскресила самыя мрачныя переживанія его исторіи. Позорнѣйшее безправіе народа со сравнительно высокимъ культурнымъ уровнемъ, погромы сверху и снизу, фараоновская система угнетенія и униженія во всѣхъ сферахъ жизни — въ правѣ жительства, промысловъ, участія въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, въ правѣ на школьное образованіе и т. п.,—все это должно было пробудить дремлющую энергію гонимой націи и толкнуть ее на путь самосознанія и самопомощи. Подъ вліяніемъ невыносимыхъ бѣдствій и начавшагося эмиграціоннаго движенія зарождается своеобразное рѣшеніе національной проблемы въ лицѣ палестинофильства, позже—сіонизма [1]).

Но въ то время, какъ въ горячихъ головахъ зрѣла идея „исхода изъ „голуса" (разсѣянія), еврейская національная мысль работала и въ иномъ направленіи: придумывались способы примѣненія движущей національной энергіи къ переустройству жизни въ діаспорѣ. Результаты этой глубокой народной думы врывались и въ конгрессы сіонистовъ, которые должны были включить

[1]) См. ниже статью Д. Пасманика „Сіонизмъ". Ред.

въ свою базельскую программу пунктъ объ „организаціи и сплоченіи всего еврейства посредствомъ соотвѣтствующихъ мѣстныхъ и общихъ учрежденій, по законамъ каждой страны"; они сказались и въ такъ называемомъ „культурномъ сіонизмѣ", въ возрожденіи еврейскаго языка и литературы, въ стремленіи къ націонализаціи школы и прочихъ общинныхъ учрежденій. Система „духовнаго націонализма" или „культурнаго автономизма", съ ея императивомъ выступленія евреевъ, какъ націи, для повсемѣстной борьбы за свои гражданскія и *національныя права*,—эта система развивалась параллельно съ сіонизмомъ и въ практической работѣ на мѣстахъ часто сходилась съ нимъ [1]). Въ то же время идея національно-культурной автономіи пролагала себѣ путь и въ еврейскія пролетарскія организаціи.

Но вотъ обстоятельства измѣнились: началось освободительное движеніе, русская революція, конституціонная эра (употребляя „техническіе термины" различныхъ партій), и публицистическія доктрины и резолюціи съѣздовъ должны были претвориться въ плоть и кровь политической практики. Предстояло на дѣлѣ рѣшить кардинальный вопросъ: выступаетъ ли русское еврейство въ освободительномъ движеніи, подобно западнымъ соплеменникамъ, подъ флагомъ — точнѣе, маской — вѣроисповѣдной группы, съ изъявленіемъ полной національной „покорности" господствующему народу, или же оно выступаетъ какъ объединенная нація среди другихъ націй, добивающихся и гражданской, и національной свободы? Вопросъ былъ рѣшенъ на практикѣ въ послѣднемъ смыслѣ — и въ этомъ историческое значеніе момента. Всѣ еврейскія партіи, организаціи и политическія программы въ Россіи выставили, наряду съ демократическимъ принципомъ, требованіе національныхъ правъ, начиная съ отвлеченной „свободы самоопредѣленія" и кончая конкретными требованіями національно-культурной автономіи, возможной для экстерриторіальнаго народа. Различія партійныхъ программъ заключаются только въ мотивахъ и размѣрахъ этихъ требованій.

Въ разгаръ революціоннаго движенія, въ концѣ марта 1905 г., состоялся въ Вильнѣ съѣздъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, учредившій „Союзъ для достиженія полноправія еврейскаго народа въ Россіи". Цѣль Союза была формулирована такъ: „Осуществленіе въ полной мѣрѣ гражданскихъ, политическихъ и *національныхъ правъ* еврейскаго народа въ Россіи" [2]). Объемъ „національныхъ правъ" былъ установленъ тамъ въ

[1]) Система, разработанная авторомъ этихъ строкъ въ серіи „Писемъ о старомъ и новомъ еврействѣ", печатавшихся въ книгахъ „Восхода" 1897—1902 г. (См. отдѣльное, систематически обработанное и дополненное изданіе „Писемъ", Спб. 1907). Часть ихъ появилась въ нѣмецкомъ переводѣ: „Die Grundlagen des Nationaljudentums", (Berlin, Jüd. Verlag 1905).

[2]) Программа Союза въ общеполитическихъ вопросахъ имѣла характеръ конституціонно-демократическій.

слѣдующей краткой формулѣ: „Свобода національно-культурнаго самоопредѣленія во всѣхъ его проявленіяхъ, въ частности выражающаяся въ самой широкой *автономіи общинъ, свободѣ языка и школьнаго обученія*“. Второй съѣздъ Союза, созванный въ ноябрѣ 1905 г., послѣ страшныхъ октябрскихъ погромовъ, сдѣлалъ еще одинъ шагъ по направленію къ реализаціи національной программы, принявъ слѣдующую резолюцію: „Въ цѣляхъ осуществленія во всей полнотѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа въ Россіи, безотлагательно приступить къ созыву—на началахъ всеобщаго etc. избирательнаго права—всероссійскаго *Еврейскаго національнаго собранія* для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ и принциповъ его національнаго самоопредѣленія и *основъ внутренней его организаціи*“. Эта резолюція, однако, не могла быть осуществлена, ибо вслѣдъ затѣмъ началась кипучая избирательная кампанія въ первую государственную думу, поглотившая всю энергію общества. Третій съѣздъ Союза (февраль 1906 г.) занимался почти исключительно вопросами избирательной тактики. Въ связи съ нарождающимся парламентскимъ режимомъ, была принята съѣздомъ еще одна важная резолюція національнаго характера: объ образованіи совѣщательной группы еврейскихъ депутатовъ въ думѣ. Резолюція гласила: „Съѣздъ признаетъ необходимымъ, чтобы будущіе еврейскіе депутаты въ государственной думѣ при всѣхъ различіяхъ своихъ общихъ программъ, въ твердомъ сознаніи своего національнаго единства, при обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся въ той или иной мѣрѣ правъ еврейскаго народа, объединялись для коллективнаго обсужденія и возможныхъ совмѣстныхъ дѣйствій въ цѣляхъ достиженія полноправія евреевъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Съѣздъ признаетъ недопустимымъ для евреевъ вступленіе въ нееврейскія (парламентскія) національныя группы“ [1]). Эта умѣренная резолюція не удовлетворила значительной части членовъ съѣзда, которые настаивали на образованіи еврейской парламентской фракціи съ обязательной дисциплиной по вопросамъ, касающимся евреевъ. Вокругъ этого пункта разгорѣлась сильная борьба на четвертомъ съѣздѣ Союза (въ маѣ 1906 г.), но во избѣжаніе раскола сторонники національной фракціи, имѣвшіе большинство голосовъ, уступили сторонникамъ упомянутой умѣренной резолюціи.

Въ обѣихъ избирательныхъ кампаніяхъ (въ первую и вторую думу, начало 1906 и начало 1907 г.) широкія массы еврейскихъ избирателей шли подъ демократическимъ и національнымъ флагомъ. Первой кампаніей руководили Союзъ полноправія и Сіонистская организація, и результатомъ

[1]) Протоколы III делегатскаго съѣзда Союза полноправія, Спб., 1906 г., стр. 106—107.

ея было избраніе 12 еврейскихъ депутатовъ, изъ которыхъ пять принадлежали къ партіи сіонистовъ, пять раздѣляли въ общемъ программу Союза полноправія, и только двое относились индифферентно къ національному вопросу. Вторая кампанія велась уже при болѣе тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ разгаръ реакціи, и безъ организованнаго руководства, вслѣдствіе чего она оказалась неудачной (во вторую думу вошли только три еврейскихъ депутата, безъ опредѣленной окраски въ національно-политическомъ смыслѣ); но и тутъ національное настроеніе избирателей проявлялось нерѣдко въ весьма опредѣленной формѣ. Еще болѣе неудачной оказалась третья (послѣдняя) избирательная кампанія, проведенная по реакціонной куріально-классовой системѣ 3 іюня и при подавленномъ состояніи еврейскихъ политическихъ организацій (результатъ—два случайныхъ еврейскихъ депутата въ третьей думѣ).

Въ первой государственной думѣ 12 еврейскихъ депутатовъ образовали совѣщательную фракцію по вопросамъ еврейскаго равноправія. Общія директивы вырабатывались въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ этой фракціи съ центральнымъ комитетомъ Союза полноправія. Но кратковременная и бурная жизнь первой думы не дала возможности еврейскимъ депутатамъ поставить въ ней еврейскій вопросъ не только въ его полномъ національномъ объемѣ, но даже въ элементарной формѣ гражданскаго равноправія. Правительство въ своей знаменитой декларації 13-го мая умышленно умолчало о гражданскомъ равноправіи, противъ чего энергично протестовалъ въ своей рѣчи еврейскій депутатъ М. М. Винаверъ, отъ имени „одной изъ самыхъ истерзанныхъ національностей въ странѣ“. Въ началѣ іюня, когда въ думѣ уже приступили къ предварительному обсужденію вопроса о гражданскомъ равенствѣ, это обсужденіе прерывалось страстными дебатами по поводу разразившагося тогда погрома въ Бѣлостокѣ,—дебатами, которые могли дискредитировать общую политику правительства, но не могли помочь еврейскому дѣлу. А спустя мѣсяцъ первая дума была уже распущена. Во второй думѣ надежда на постановку еврейскаго вопроса была сведена почти къ нулю, а въ третьей—къ минусу, къ юдофобской вакханаліи реакціоннаго большинства.

„Союзъ полноправія“, составившійся изъ разнородныхъ общественныхъ и партійныхъ группъ, поддался вскорѣ процессу дифференціаціи. За исключеніемъ безпартійнаго элемента, болѣе или менѣе національно настроеннаго, и „Еврейской демократической группы“, еще не выработавшей своей національной программы,—въ Союзѣ обозначились три направленія по національному вопросу: направленіе сіонистовъ, „Народной партіи“ („Volkspartei“) и „Еврейской народной группы“.

Въ реальную программу (Gegenwartsprogramm) сіонистовъ освободи-

тельное движеніе въ Россіи внесло много новаго. Прежнее отрицательное или скептическое отношеніе къ политической и культурной работѣ въ діаспорѣ смѣнилось рѣшимостью бороться повсемѣстно за гражданское и національное равноправіе евреевъ. Готовая къ исходу въ Сіонъ партія, подъ давленіемъ дѣйствительности, должна была санкціонировать стремленіе народа къ автономному устройству своей жизни въ мѣстахъ своего нынѣшняго пребыванія, хотя она и признала это только этапомъ къ Сіону. На III всероссійскомъ съѣздѣ сіонистовъ въ Гельсингфорсѣ (нояб. 1906 г.) была принята программа политической дѣятельности въ Россіи, состоящая изъ слѣдующихъ основныхъ пунктовъ: 1) демократизація государственнаго устройства на началахъ строгаго парламентаризма, широкой политической свободы, автономіи національныхъ областей и гарантіи правъ національнаго меньшинства; 2) полная и безусловная равноправность еврейскаго населенія; 3) обезпеченіе представительства меньшинства на выборахъ государственныхъ, областныхъ и мѣстныхъ; 4) признаніе еврейской національности, какъ единаго цѣлаго, съ правами самоуправленія во всѣхъ дѣлахъ національнаго быта; 5) созывъ всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для выработки основъ внутренней организаціи; 6) права національнаго и разговорнаго языка въ школѣ, судѣ и публичной жизни.—Четвертый пунктъ (о самоуправленіи) разработанъ съѣздомъ подробнѣе. Въ основу самоуправленія положена еврейская община, которая осуществляетъ свою автономію въ сферѣ народнаго образованія и культа, народнаго здравія, взаимной и трудовой помощи, руководства переселеніемъ и т. п. Наряду съ мѣстными общинными совѣтами, намѣчены областные и всероссійскіе съѣзды еврейскихъ представителей для общаго регулированія дѣла національнаго самоуправленія. Всѣ эти резолюціи III съѣзда были подтверждены IV-мъ съѣздомъ русскихъ сіонистовъ въ Гаагѣ (августъ 1907) [1]).

Свой лозунгъ „національныхъ правъ“ сіонисты ревностно отстаивали при выборахъ въ первыя двѣ государственныя думы. Центральный комитетъ Россійской сіонистской организаціи разсылалъ по всей чертѣ осѣдлости агитаторовъ для поддержки тѣхъ кандидатовъ, которые кромѣ гражданскаго равноправія евреевъ признаютъ и національное. Въ первую кампанію эта агитація имѣла блестящій успѣхъ: дѣйствуя вмѣстѣ съ „Союзомъ полноправія“ и въ его составѣ, сіонисты успѣли провести въ думу пять еврейскихъ депутатовъ изъ своей партіи. Во время второй избирательной кампаніи эти совмѣстныя дѣйствія двухъ организацій разстроились. Вслѣдствіе принятой на гельсингфорскомъ съѣздѣ резолюціи, что сіонисты въ Россіи должны

[1]) Отчетъ о III съѣздѣ Р. С. О. въ Гельсингфорсѣ (газ. „Евр. Народъ“ 1906 г. № 7); о IV съѣздѣ въ Гаагѣ—см. августовскіе №№ еврейскихъ газетъ 1907 г.

въ политической дѣятельности на мѣстахъ выступать самостоятельно, подъ своимъ партійнымъ флагомъ, изъ Союза полноправія выдѣлилась группа антисіонистовъ, которая подъ именемъ „Еврейской народной группы“ организовала свою отдѣльную выборную агитацію, повсюду противодѣйствуя кандидатурамъ сіонистовъ.

Еврейская народная группа составилась частію изъ бывшихъ членовъ Союза полноправія, частію изъ лицъ, стоявшихъ внѣ организаціи, имѣющихъ ясную программу достиженія гражданскаго равноправія, но не выяснившихъ своего отношенія къ еврейскому національному вопросу. „Группа“ не выразила своего отрицательнаго отношенія къ ассимиляціи съ той опредѣленностью, съ какой она это сдѣлала по отношенію къ политическому сіонизму. Признавая формулу „національнаго самоопредѣленія“, она не стремится раскрыть эту формулу въ рядѣ конкретныхъ пунктовъ; она не устанавливаетъ ни общихъ принциповъ автономіи, ни способовъ внутренней организаціи еврейства, какъ цѣлаго. На учредительномъ съѣздѣ Еврейской народной группы (февраль 1907) намѣченъ только планъ преобразованія нынѣшнихъ религіозныхъ общинъ, безъ расширенія ихъ функцій въ сторону общенаціональныхъ задачъ и безъ образованія союза общинъ съ центральными органами самоуправленія. Автономность школы въ программѣ Еврейской народной группы выражается только въ правѣ „свободнаго выбора языка преподаванія“, безъ предуказанія народнаго характера элементарной еврейской школы и обязательнаго преподаванія въ ней на родномъ языкѣ учащихся. Вообще, въ этой программѣ принятъ сравнительно скудный минимумъ національныхъ правъ [1]).

Наиболѣе систематически разработана программа національныхъ правъ въ проектѣ „Volkspartei“ („Еврейская народная партія“), основанной въ концѣ 1906 г. на началахъ вышеупомянутаго культурнаго автономизма. Не вѣря въ возможность упраздненія еврейской діаспоры путемъ образованія общенароднаго территоріальнаго центра по догмѣ сіонизма, Volkspartei добивается для разсѣяннаго народа того максимума гражданскихъ и національныхъ правъ, какой возможенъ въ существующихъ уже центрахъ и какой допустимъ для всякаго другого національнаго меньшинства въ правовомъ государствѣ. Программа партіи, имѣя въ виду экстерриторіальность еврейскаго народа, кладетъ въ основу его внутренняго самоуправленія не область, а *общину*—эту историческую ячейку еврейской автономіи; но это—

[1]) „Учредительный Съѣздъ Е. Н. Гр.“. *Свобода и Равенство* 1907 г., № 15.— Существующая съ 1905 г. „Еврейская демократическая группа“, какъ уже указано выше, не выработала своей національной программы; но, судя по ея общимъ принципамъ, она бы въ этомъ отношеніи не пошла дальше „Народной группы“. Въ первомъ воззваніи Е. Д. Г. (май 1905) пункту о „защитѣ еврейскихъ культурно-національныхъ интересовъ“ отводится второстепенное мѣсто.

не религіозная община среднихъ вѣковъ и не жалкая *Kultusgemeinde* современности, а *національная община*, т. е. опредѣленная частица народа, въ качествѣ мѣстной единицы самоуправленія. Органомъ ея является выборный общинный совѣтъ. Всѣ общины въ Россіи объединяются въ союзъ общинъ, органами котораго являются періодическіе съѣзды делегатовъ и его постоянный исполнительный комитетъ. Мѣстнымъ и центральнымъ органамъ самоуправленія подвѣдомственны всѣ дѣла и учрежденія, перечисленныя выше въ программѣ сіонистовъ, причемъ центральные органы имѣютъ право сношеній съ имперскими и областными конституціонными учрежденіями (подача петицій, посылка депутацій и т. п.). Важное мѣсто отведено автономіи еврейской народной школы—главному фактору національной культуры. Окончательное установленіе всѣхъ основъ автономіи зависитъ отъ учредительнаго національнаго собранія, избраннаго всѣмъ народомъ на демократическихъ началахъ [1]).

Если отъ группы внѣклассовыхъ партій перейти къ группѣ еврейскихъ пролетарскихъ организацій, то и здѣсь мы замѣтимъ ростъ національнаго правосознанія, хотя и въ различныхъ степеняхъ. Здѣсь старый соціалистическій интернаціонализмъ еще борется съ новыми національными теченіями въ организованномъ пролетаріатѣ. Отсюда—различіе программныхъ требованій еврейскихъ соціалистическихъ партій по національному вопросу. Въ то время какъ „Бундъ“ ограничивается минимумомъ національной автономіи, „Еврейская соціалистическая рабочая партія“ (сеймовцы) идетъ въ своихъ требованіяхъ даже дальше сіонистовъ и „Volkspartei“, централизуя все еврейское общинное самоуправленіе въ верховномъ органѣ—„еврейскомъ національномъ сеймѣ“. Между этими двумя партіями стоятъ смѣшанныя группы „Сіонистовъ-соціалистовъ“ (С. С.) и „Поалей-ціонъ“ (П. Ц.), у которыхъ автономистскія стремленія парализованы перспективою „исхода“ изъ діаспоры [2]).

Чтобы дать наглядное представленіе о сходствахъ и различіяхъ въ національныхъ программахъ различныхъ еврейскихъ партій и группъ, мы даемъ здѣсь сравнительную таблицу этихъ программъ, съ указаніемъ наиболѣе важныхъ пунктовъ, по опредѣленнымъ рубрикамъ:

---

[1]) *Volkspartei*—программа со вступительной статьей С. М. Дубнова. Спб. 1907. То же—въ еврейскихъ газетахъ „Hasman“ и „Fraind“, февраль 1907.

[2]) Подробнѣе о національныхъ программахъ еврейскихъ соціалистическихъ партій, какъ и вообще объ участіи соціалистическихъ партій россійскихъ національностей въ національномъ движеніи,—см. ниже статью Вл. Медема. *Прим. ред.*

Россійская Сіонистская Организація.	Союзъ Полноправія.	Volkspartei.	Еврейская Народная Группа.

I. Общія

„Принимая во вниманіе, что организація еврейскаго народа для національной самодѣятельности является... однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для достиженія задачъ сіонизма", Р. С. О. „санкціонируетъ присоединеніе сіонистовъ къ освободительному движенію среди территоріальныхъ народовъ Россіи и считаетъ необходимымъ... объединеніе россійскаго еврейства на началахъ признанія еврейской національности и законно-утвержденнаго самоуправленія во всѣхъ дѣлахъ еврейскаго національнаго быта"... „Національныя права еврейскаго населенія устанавливаются и гарантируются общегосударственнымъ законодательнымъ учрежденіемъ для всей территоріи государства Россійскаго и не могутъ быть измѣняемы отдѣльными областными законодательствами". (Резолюціи III съѣзда, разд. II, вступленіе; ср. „Проектъ программы Росс. С. О.", гл. I).

„Цѣль Союза: осуществленіе въ полной мѣрѣ гражданскихъ, политическихъ и *національныхъ правъ* еврейскаго народа въ Россіи". (Резол. I съѣзда 1906 г., „Виленская платформа").

„Еврейская Народная Партія ставитъ себѣ цѣлью, сверхъ требованія демократическаго народнаго представительства и полнаго осуществленія гражданскихъ и политическихъ свободъ — развить и провести въ жизнь начала еврейскаго національнаго равноправія... Демократическій строй долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ Россію народностямъ свободу *національнаго самоопредѣленія*, т. е. возможность широкаго проявленія и развитія своихъ національныхъ особенностей... Права *національной автономіи* должны быть предоставлены, въ соотвѣтствующихъ формахъ, какъ цѣлымъ областямъ съ опредѣленнымъ національнымъ большинствомъ, такъ и національному меньшинству въ этихъ областяхъ. Общеимперскій парламентъ, устанавливая автономію данной области на основахъ сеймоваго или иного строя, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать для національнаго меньшинства этой области полную неприкосновенность его гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ, на основахъ имперской конституціи". (Программа, ч. II, п. *А.*).

Нѣтъ.

II. Организація и объемъ на

„Функціи національнаго самоуправленія осуществляются на мѣстахъ *общинными совѣтами*, въ автономныхъ областяхъ —областными съѣздами, въ предѣлахъ всего государства — всероссій-

„Въ области національныхъ правъ союзъ добивается:

а) свободы національно-культурнаго самоопредѣленія, въ частности выражающейся въ

„Національная автономія евреевъ, не составляющихъ большинства ни въ одной изъ областей Россіи, выражается въ формѣ не областной, а общинной организаціи.

Единицей самоуправленія является еврейская *національная община*.

Органомъ самоуправленія въ каж-

„Органомъ управленія и представительства общины является Совѣтъ изъ надлежащаго числа лицъ (смотря по размѣрамъ общины), из-

Бундъ.	С. С.	П. Ц.	Е. С. Р. П. (сеймовцы).
положенія.			
„Въ виду того, что національное угнетеніе.... вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, а на рабочій классъ угнетаемой націи падаетъ всей своей тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ жизни и искажая его классовую борьбу, — соціалдемократія обязана бороться противъ всякаго національнаго гнета и... стремиться къ завоеванію возможнаго въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ... Такимъ обезпеченіемъ, помимо общей демократизаціи государственнаго строя etc., является созданіе государственно - правовыхъ учежденій, открывающихъ каждой націи возможность свободнаго культурнаго развитія... При разноплеменномъ составѣ населенія Россійскаго государства и невозможности территоріальнаго разграниченія населяющихъ его національностей... указанныя учрежденія могутъ вылиться лишь въ экстерриторіальную форму національно - культурной автономіи". (Резол. VI съѣзда 1905 г.).	„Еврейскій пролетаріатъ въ странахъ діаспоры можетъ удовлетворять только тѣ изъ своихъ національныхъ нуждъ, которыя состоятъ въ полученіи воспитанія на своемъ родномъ языкѣ. Учрежденія же вообще необходимыя для удовлетворенія національныхъ потребностей, не могутъ въ еврейской дѣйствительности получить фактическую принудительную силу" (Резолюція I съѣзда 1906 г., п. 5 „О нашихъ національныхъ требованіяхъ").	„Партія выставляетъ требованіе національно-политическихъ автономій со всеобъемлющею политическою, культурною и финансовою компетенціей во всѣхъ внутреннихъ національныхъ дѣлахъ, для тѣхъ народностей, интересы которыхъ не могутъ быть удовлетворены территоріальною (областною) автономіей"... „Партія однако подчеркиваетъ, ...что до реализаціи территоріальной автономіи никакія ...національныя права въ діаспорѣ не даютъ рѣшенія еврейскаго вопроса". (Проектъ программы 1906 г., разд. III, пп. 2 и 4).	„Каждый народъ, живущій въ предѣлахъ Россіи, независимо отъ занимаемой имъ территоріи, конструируется въ автономную группу, которая самостоятельно удовлетворяетъ и регулируетъ всѣ свои національныя потребности на основахъ демократическаго строя"... „Каждая національность въ совокупности всѣхъ частей, разсѣянныхъ въ различныхъ областяхъ и пунктахъ государства, образуетъ вмѣстѣ одинъ національный союзъ, который завѣдуетъ всѣми своими національными дѣлами совершенно автономно" (Проектъ программы, разд. IV, пп. 24 и 26).
ціональнаго самоуправленія.			
„Національно-культурная автономія: изъятіе изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народное об-	Нѣтъ.	Нѣтъ.	„Единицей національнаго самоуправленія на мѣстахъ является еврейская національная община, въ составъ которой входятъ всѣ члены еврейскаго національнаго союза, живущіе въ предѣлахъ данной, точно очерченной въ административномъ отношеніи, мѣстности.

Россійская Сіонистская Организація.	Союзъ Полноправія.	Volkspartei.	Еврейская Народная Группа.
скими еврейскими съѣздами. Органы національнаго самоуправленія распоряжаются суммами, пропорціонально отчисляемыми изъ государственныхъ или мѣстныхъ средствъ на еврейскія нужды, и пользуются, кромѣ того правомъ принудительнаго дополнительнаго обложенія еврейскаго населенія. Органы національнаго самоуправленія имѣютъ право учреждать, содержать и поддерживать всевозможные институты, предназначенные для цѣлей: 1) народнаго просвѣщенія, 2) народнаго здравія, 3) взаимной и трудовой помощи, 4) руководства переселеніемъ и 5) религіознаго культа, а также издавать для своихъ учрежденій, въ предѣлахъ законовъ государства и области, уставы и инструкціи" (Ibid. *A*, пп. 2, 4, 5).	*самой широкой автономіи общинъ* . . . . . . b) Въ связи съ реорганизаціей еврейской общины, упраздняются всѣ тяготѣющіе надъ евреями спеціальные налоги и сборы (коробочный, свѣчной и др.), съ передачей накопившихся по нимъ остатковъ въ распоряженіе мѣстныхъ еврейскихъ обществъ" (Ibid. 2).	дой общинѣ является *Общинный Совѣтъ*, періодически избираемый ея членами, на основѣ 4-хъ членной формулы безъ различія пола. Для объединенія дѣятельности всѣхъ общинъ въ Россіи образуется *Союзъ еврейскихъ общинъ*, являющійся представителемъ объединеннаго россійскаго еврейства. Органами Еврейскаго Общиннаго Союза являются: a) *періодическіе съѣзды* делегатовъ отъ общинъ, созываемые одинъ разъ въ годъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и чаще; б) постоянный *Исполнительный Комитетъ*, избираемый съѣздомъ и отвѣтственный передъ нимъ. Рѣшенія съѣздовъ по общееврейскимъ вопросамъ обязательны для всѣхъ органовъ національнаго самоуправленія. Органы національнаго самоуправленія, какъ мѣстные, такъ и центральные, имѣютъ право, каждый въ сферѣ своей дѣятельности, учреждать, содержать и поддерживать всевозможные институты и корпораціи, предназначенныя для цѣлей: a) народн. просвѣщенія, b) взаимной и трудовой помощи, c) руководства переселеніемъ (эмиграція), d) благотворительности, — а также издавать для своихъ учрежденій — въ предѣлахъ законовъ государства и области — уставы и инструкціи. Центральные органы еврейскаго самоуправленія (учредительныя собранія, съѣзды и исполнительные комитеты) имѣютъ еще право подачи петицій и посылки депутацій въ общеимперскія и областныя конституціонныя учрежденія по дѣламъ, касающимся всего россійскаго еврейства или опредѣленной его группы. Какъ центральные, такъ и мѣстные органы еврейскаго самоуправленія пользуются всѣми правами юридическихъ лицъ. Имъ принадлежитъ право принудительнаго обложенія еврейскаго населенія для тѣхъ спеціальныхъ мѣстныхъ и общенародныхъ нуждъ, которыя не обезпечены суммами изъ общегосударственнаго бюджета, пропорціонально отчисляемымъ въ распоряженіе еврейскихъ обществъ.	бираемыхъ на опредѣленный срокъ всѣми совершеннолѣтними членами общины безъ различія пола, путемъ прямого и тайнаго голосованія. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды Исполнительный Комитетъ и комиссіи для завѣдыванія отдѣльными частями общиннаго управленія (школы, больницы, финансы, культъ и т. д.). Функціи общины остаются, впредь до реформы мѣстнаго самоуправленія, въ нынѣшнемъ ихъ объемѣ, т. е. въ сферу компетенціи общины входятъ заботы о школахъ, благотворительности и учрежденіяхъ, вызываемыхъ религіозными потребностями. Сборы, коробочный и свѣчной, подлежатъ отмѣнѣ. Расходы общины должны покрываться изъ средствъ, выдѣленныхъ въ ея распоряженіе изъ бюджетовъ областного и муниципальнаго. До осуществленія такого порядка, а равно для пополненія недостающихъ суммъ, долженъ быть введенъ прогрессивный подоходный налогъ на покрытіе общинныхъ потребностей" (Резолюція Учр. Съѣзда Е. Н. Гр., „Своб. и Рав." 1907, № 15).

Бундъ.	С. С.	П. Д.	Е. С. Р. П. (сеймовцы).
разованіе и пр.) и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій, мѣстныхъ и центральныхъ, избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія“ (Ibid. п. 3).			Органомъ дѣятельности общины является общинный совѣтъ, избираемый еврейскимъ населеніемъ данной мѣстности на основѣ всеобщаго etc. голосованія. Въ цѣляхъ систематизаціи и объединенія дѣятельности еврейскихъ общинъ, разсѣянныхъ по территоріи страны, образуются областные союзы еврейскихъ общинъ. Верховнымъ органомъ еврейскаго національнаго самоуправленія и представителемъ объединеннаго россійскаго еврейства является всероссійскій еврейскій Національный Сеймъ, созываемый на основѣ всеобщаго etc. избир. права одинъ или два раза въ годъ, въ точно опредѣленные закономъ сроки. Рѣшенія Сейма публикуются во всеобщее свѣдѣніе и приводятся въ исполненіе черезъ особый исполнительный комитетъ, на началахъ обязательности для всѣхъ подчиненныхъ ему органовъ еврейскаго національнаго самоуправленія. Сейму принадлежитъ также право обращаться съ петиціями и требованіями въ общегосударственныя, областныя и національныя учрежденія. Въ кругъ вѣдѣнія всѣхъ перечисленныхъ еврейскихъ національныхъ учрежденій, при условіи строго установленнаго въ законѣ начала ихъ внутренняго соотношенія и соподчиненія общимъ основамъ демократическаго строя, входятъ слѣдующія нужды и проблемы еврейской жизни въ Россіи: a) организація народнаго образованія; b) созданіе учрежденій, способствующихъ развитію національной культуры; c) организація профессіональнаго образованія; d) организація общественнаго призрѣнія и народнаго здравія; e) организація взаимной и трудовой помощи; f) организація распространенія сельскохозяйственныхъ знаній; g) организація статистики; h) руководство эмиграціоннымъ и переселенческимъ дѣломъ, въ цѣляхъ огражденія интересовъ еврейскаго труда и урегулированія этого крупнаго явленія народной жизни въ направленіи территоріальной концентраціи народныхъ массъ... (Ibid., IV, пп. 31—38).

Россійская Сіонистская Организація.	Союзъ Полноправія.	Volkspartei.	Еврейская Народная Группа.
		III. Національный языкъ	
„Право національнаго и разговорнаго языковъ въ школѣ, судѣ и публичной жизни“ (Ibid. II, 6).	„Свобода языка и школьнаго преподаванія“ (Ibid. II, a).	„Въ порядкѣ общегосуд. законодательства устанавливаются: a) право евреевъ употреблять свой *языкъ* повсемѣстно въ публичной жизни; b) обязанность административныхъ и судебныхъ учрежденій и органовъ мѣстнаго самоуправленія считаться съ равноправіемъ еврейскаго языка среди другихъ языковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еврейское населеніе достигаетъ опредѣленнаго процента. *) Начальное и среднее образованіе находится въ вѣдѣніи мѣстнаго самоуправленія, которое, по требованію каждой изъ мѣстныхъ національныхъ группъ, вводитъ преподаваніе ея національнаго языка въ общихъ школахъ. Органы національныхъ самоуправленій пользуются правомъ учреждать собственныя школы на отчисляемыя (по заявленію нац. органовъ) средства пропорціонально числу учащихся; недостающія средства добываются общинами путемъ самообложенія. *Начальное образованіе* евреевъ находится въ вѣдѣніи *еврейскаго общиннаго самоуправленія*, которое само учреждаетъ начальныя школы или субсидируетъ частныя и общественныя школы, отвѣчающія извѣстной программѣ; оно же отстаиваетъ право евреевъ изучать свой національный языкъ и спеціальные предметы въ общихъ школахъ. Средства на содержаніе общинныхъ школъ отпускаются пропорціонально изъ общегосударств. и мѣстныхъ суммъ, предназначенныхъ на народн. образованіе; недостающія средства добываются общинами путемъ самообложенія“. (Ibid. §§ 11-12).	„Полная свобода обученія и открытія школъ, съ правомъ свободнаго выбора языка преподаванія. Право на возмѣщеніе изъ государственнаго, областного или муниципальнаго бюджета расходовъ по содержанію національно - общинныхъ школъ, если объемъ преподаванія въ нихъ общихъ предметовъ соотвѣтствуетъ нормальной программѣ обязательнаго обученія; при чемъ вопросъ о языкѣ преподаванія, а равно объ объемѣ преподаванія національныхъ предметовъ всецѣло предоставляется на усмотрѣніе общины. Преподаваніе предметовъ еврейскихъ знаній во всѣхъ типахъ школъ для средняго образованія въ мѣстностяхъ съ опредѣленнымъ составомъ еврейскаго населенія“.. (Ibid. разд. II, пп. 1, 3, 4).
			IV. Спеціаль
1) „Повсемѣстное право (для евреевъ) на замѣну обязательнаго воскреснаго отдыха субботнимъ; 2) признаніе субботняго отдыха и еврейскаго ритуала для желающихъ въ общей школѣ всѣхъ степеней и на государственной службѣ, поскольку оно не препятствуетъ правильному исполненію обязанностей; 3) сохраненіе нормъ еврейскаго обычнаго брачнаго права“ (Ibid. *B*).	Нѣтъ.	„Къ числу національныхъ правъ евреевъ въ Россіи относится: a) признаніе за ними повсемѣстнаго права на замѣну обязательнаго воскреснаго отдыха субботнимъ; b) признаніе субботняго отдыха и еврейскаго ритуала для желающихъ въ общей школѣ всѣхъ степеней, признаніе того же права на государственной службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, поскольку это не противорѣчитъ кореннымъ образомъ правильному исполненію обязанностей; c) свободное регулированіе нормъ еврейскаго обычнаго брачнаго права“. (Ibid. § 13). *) Этотъ пунктъ въ проектѣ рограммы представленъ въ двухъ редакціяхъ.	„Выборъ свободнаго дня (въ недѣлю) долженъ быть предоставленъ служащимъ въ зависимости отъ ихъ вѣроисповѣданія“ (Ibid. III).

Бундъ.	С. С.	П. Ц.	Е. С. Р. П. (сеймовцы).
и національная школа.			
„Обезпеченная закономъ возможность для еврейскаго населенія употреблять *родной языкъ* въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областнаго самоуправленія“ (Ibid. п. 2; о „народномъ образованіи“ мимоходомъ упомянуто выше).	„Стоя на точкѣ зрѣнія демократическихъ требованій — всеобщаго, обязательнаго и безплатнаго обученія и права преподаванія на *родномъ языкѣ* — конференція высказывается за пропорціонально финансируемые государствомъ *школьные союзы*, обнимающіе различныя общественныя группы въ еврейскомъ народѣ, сообразно съ признаніемъ ими школьнымъ языкомъ еврейскаго или мѣстнаго“. (Извѣщеніе о II конференціи С. С. Р. П., стр. 8).	„Свобода національнаго воспитанія, равноправіе языковъ“ (Ibid.).	„Признаніе равноправія языковъ всѣхъ безъ исключенія національностей въ школѣ, судѣ, администраціи, въ частныхъ документахъ, телеграфныхъ сношеніяхъ, на публичныхъ собраніяхъ и вообще повсемѣстно въ общественной жизни. При достиженіи въ какой-либо мѣстности данной національностью опредѣленнаго, установленнаго закономъ процента, органы мѣстной власти обязаны пользоваться языкомъ этой національности во всѣхъ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ съ ея членами“ (Ibid. пп. 22, 23. Объ организаціи народнаго образованія — выше, въ рубрикѣ „Самоуправленіе“).
ныя права.			
Нѣтъ.	Нѣтъ.	Нѣтъ.	Нѣтъ.

Российская Сіонистская Организація.	Союзъ Полноправія.	Volkspartei.	Еврейская Народн. Группа.

V. Учредительное на

„Созывъ всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія для выработки основъ національной организаціи.

Національныя права еврейскаго населенія устанавливаются общегосударственною законодательною властью на основаніи петиціи всероссійскаго еврейскаго національнаго собранія, избраннаго еврейскимъ населеніемъ безъ различія пола и мѣстожительства, путемъ всеобщаго etc. избирательнаго права“ (Рез. II, 6; пр. I).

„Въ цѣляхъ осуществленія во всей полнотѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ еврейскаго народа въ Россіи, безотлагательно приступить къ созыву—на началахъ всеобщаго etc. избирательн. права всеросс. евр. національнаго собранія для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, формъ и принциповъ его національнаго самоопредѣленія и основъ внутренней его организаціи“ (Рез. 2-го съѣзда).

„Формы автономіи какъ областной, такъ и самоуправляющихся національныхъ меньшинствъ, первоначально устанавливаются для первыхъ областными, а для вторыхъ—*національными учредительными собраніями*, созванными для этой цѣли на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Согласованіе требованій, выработанныхъ различными учредительными собраніями, входитъ въ компетенцію общеимперскаго законодательства.

Для выработки и окончательнаго установленія всѣхъ основъ еврейской національ. автономіи, созывается Еврейское Національное Учредительное Собраніе, на основѣ 4-хъ членной формулы безъ различія пола. Ibid. §§ 3 и 14).

Нѣтъ.

VI. Политическое представитель

„Народные представители въ Госуд. Думу, областные сеймы и органы мѣстнаго самоуправленія избираются всеобщею etc. подачей голосовъ, при коррективѣ избирательныхъ правъ меньшинства.

Отъ кандидатовъ-евреевъ (въ Государ. Думу) требуется... вступленіе въ еврейскую національную парламентскую группу, дѣйствующую на федеративныхъ началахъ“ (Проектъ III, 4. Резол. IV, 5).

„Необходимо внести въ выборную систему коррективъ, обезпечивающій представительство меньшинства“ (резол. I-го съѣзда).

„IV съѣздъ союза полноправія признаетъ необходимымъ, чтобы евреи-депутаты въ Госуд. Думѣ образовали еврейскую группу для совмѣстныхъ дѣйствій по всѣмъ вопросамъ еврейскаго полноправія... Члены этой группы не связаны принудительной дисциплиной; въ твердомъ сознаніи своего національнаго единства, они, по взаимному соглашенію, вырабатываютъ принципы координаціи своихъ дѣйствій“.

„Въ видахъ справедливаго политическаго представительства національнаго меньшинства соразмѣрно его численности, выборы народныхъ представителей въ Госуд. Думу, областные сеймы и органы мѣстнаго *самоуправленія должны производиться по пропорціональной системѣ*, съ сохраненіемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ“. (II. § 4).

По вопросу о представительствѣ меньшинства, съѣздъ (учредит.) рѣшилъ, въ виду его сложности, образовать особую комиссію для дальнѣйшей разработки его (Ibid. IV).

Бундъ.	С. С.	П. Ц.	Е. С. Р. П. (сеймовцы).
ціональное собраніе.			
„VI съѣздъ Бунда считаетъ лозунгъ отдѣльныхъ учредительныхъ собраній не отвѣчающимъ интересамъ пролетаріата и революціи“ (Ibid.).	Нѣтъ.	Нѣтъ.	„Формы и строй національно жизни для каждаго народа въ от дѣльности первоначально устана ливаются національными учредител ными собраніями, созванными дл этой цѣли на основахъ всеобщаг безъ различія пола, равнаго, пря мого и тайнаго голосованія, и полу чаютъ утвержденіе въ порядкѣ об щаго законодательства; при этомъ производится тщательное согласо ваніе различныхъ положеній, выра ботанныхъ отдѣльными національ ными учредительными собраніями какъ между собою, такъ и съ об щими основами демократическаго строя, опредѣляемыми общегосудар ственными законами“. (Ibid. 27).
ство; парламентская группа.			
Нѣтъ.	I съѣздъ высказался противъ національныхъ избирательн. курій и за пропорціональное представительство *по партіямъ*. (Ibid. 3).	Пропорціональное представительство въ законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ органахъ. (Ibid. II, 5).	„Пропорціональное представитель ство... во всѣхъ существующихъ в государствѣучрежденіяхъ“ (Ibid. II.7

III.

Отношеніе русскихъ и польскихъ политическихъ партій къ національнымъ требованіямъ евреевъ.

Опирающаяся на „Союзъ русскаго народа“ политика реакціонныхъ круговъ признаетъ за евреями одно специфически „національное“ право: быть объектомъ репрессій и погромовъ. Программа „Союза русскаго народа“, требуетъ чтобы евреямъ, сверхъ репрессивнаго поощренія къ эмиграціи изъ Россіи, было оказано и дипломатическое содѣйствіе въ дѣлѣ переселенія ихъ „въ свое царство“—Палестину [1]).

Какъ-же относятся къ еврейскому національному вопросу болѣе или менѣе конституціонныя партіи? Начнемъ съ наименѣе конституціонной партіи—„Союза 17 октября“. Консервативные октябристы, рѣшившіе, что съ равноправіемъ евреевъ надо еще повременить, заранѣе однако ставятъ условіемъ будущей концессіи гражданскихъ правъ „сліяніе евреевъ съ русскимъ народомъ“ [2]). Если партію октябристовъ страшитъ даже гражданское равноправіе евреевъ, то въ ихъ скромныхъ національныхъ требованіяхъ она, конечно, усмотритъ посягательство на принципъ нераздѣльности Россіи. Съ этой стороны слѣдуетъ ожидать упорнаго сопротивленія. Впрочемъ, политика октябристовъ въ третьей думѣ все болѣе обнаруживаетъ враждебность партіи къ самому принципу равноправія евреевъ.

Какъ отнесется къ дѣлу дѣйствительно конституціонная „Партія народной свободы“? Въ программѣ к.-д. о насильственной руссификаціи евреевъ не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, тамъ имѣется ясный пунктъ о томъ, что основной законъ Россіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ, помимо полной гражданской и политической равноправности,

---

[1]) См. программы и воззванія „Союза Рус. Нар.“, сборникъ *Водовозова*: Программы политическихъ партій, выпускъ VI, стр. 19—20 (Спб. 1906).

[2]) „Признавая за всѣми россійскими гражданами безъ различія національности и вѣроисповѣданія, равенство предъ закономъ, съѣздъ Союза 17 октября, въ виду экономическихъ и культурныхъ условій нашей родины, не находитъ возможнымъ немедленное и безусловное разрѣшеніе еврейскаго вопроса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая, что дѣйствующее русское законодательство о евреяхъ способствуетъ обособленію еврейства, препятствуетъ сліянію и примиренію его съ русскимъ народомъ, что отзывается вредно на интересахъ государства,—съѣздъ считаетъ необходимымъ поставить на очередь пересмотръ этого законодательства во всемъ его объемѣ“ (Резолюціи, принятыя на съѣздѣ „Союза 17 октября“ въ маѣ 1907 г. См. отчетъ въ *Свободѣ и Равенствѣ* 1907 г. № 26). Идя все дальше по пути сближенія съ правыми монархистами, Союзъ 17 октября занявшій мѣсто центра въ третьей думѣ, недавно обѣщалъ своимъ черносотеннымъ союзникамъ совершенно снять съ очереди вопросъ о еврейскомъ равноправіи. См. газеты отъ первыхъ чиселъ ноября 1907 г.

„право свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія учебныхъ заведеній и всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью развитіе культуры каждой народности“ (§ 11 „Программы“ изд. 1906 г.). Такимъ образомъ, въ своихъ требованіяхъ національныхъ правъ евреи должны были бы разсчитывать на сильное содѣйствіе ка-детской партіи. Но и въ либеральныхъ русскихъ кругахъ такъ мало знакомы съ новѣйшей внутренней эволюціей еврейства, что и тутъ на первыхъ порахъ можно наткнуться на противодѣйствіе. Лучшіе представители русской интеллигенціи до того свыклись съ мыслью о добровольномъ культурномъ сліяніи или ассимиляціи евреевъ съ окружающими націями, что не могутъ себѣ представить, чтобы въ этомъ народѣ назрѣли потребности правомѣрной культурной автономіи, чтобы еврей отстаивалъ свой языкъ, свою школу, свое общинное самоуправленія такъ же горячо, какъ отстаиваетъ, напримѣръ, полякъ свои болѣе смѣлыя автономистскія требованія. Отсюда—прорывающіяся еще въ ка-детскихъ кругахъ симпатіи къ ассимиляціи евреевъ.

Стоящая между к.-д. и соціалистическими партіями „Трудовая группа“ выяснила, незадолго до созыва второй думы, свое общее отношеніе къ вопросу національно-культурной автономіи въ конкретныхъ чертахъ, и надо ждать, чтобы группа подтвердила примѣнимость этой программы—mutatis mutandis—къ еврейскому національному вопросу [1]).

Изъ общерусскихъ соціалистическихъ партій до послѣдняго времени особенно неохотно мирилась съ идеей національно-культурной автономіи евреевъ „Россійская соціалдемократическая рабочая партія“. Представленія о неизбѣжномъ процессѣ ассимиляціи евреевъ съ русскимъ народомъ мѣшали этой партіи признать даже ту минимальную программу еврейскаго національнаго самоопредѣленія, которую отстаивалъ „Бундъ“. Большее вниманіе удѣлила еврейскому національному вопросу „Партія соціалистовъ-революціонеровъ“, которая на конференціи россійскихъ національно-соціалистическихъ партій

[1]) „Платформа Трудовой группы“ (проектъ, стран. 11 — 12): „Каждой изъ народностей должна быть обезпечена свобода ея самоопредѣленія въ вопросахъ, затрагивающихъ ея національные интересы. Каждой изъ нихъ должна быть дана возможность широко пользоваться въ школѣ, въ мѣстныхъ судахъ и учрежденіяхъ роднымъ языкомъ. Никакой національности нельзя препятствовать въ созданіи учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе ея національной литературы, искусства, языка и т. п. За всѣми національностями должно быть признано основнымъ закономъ государства какъ право на свободное національно-культурное развитіе, такъ и право на національную автономію... Осуществленіе національной автономіи, поскольку она будетъ связана съ той или иной территоріей, должно быть поставлено въ связь съ организаціей мѣстнаго самоуправленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обезпечить въ каждой области интересы меньшинства населенія, принадлежащаго къ другимъ національностямъ“.

(апрѣль 1907) рѣшила разработать вопросъ о созданіи экстерриторіальныхъ національныхъ союзовъ публично-правового характера“ [1]).

Гораздо больше препятствій встрѣчаетъ еврейское національное движеніе въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ догма еврейской ассимиляціи пустила глубокіе корни въ обществѣ. Польскія соціалистическія партіи (P. P. S., P. S. D., P. S. P. P.), добиваясь для Царства Польскаго въ Россіи широкой областной автономіи, долгое время совсѣмъ игнорировали требованія національныхъ меньшинствъ въ этомъ краѣ—литовцевъ, евреевъ и др. Въ послѣдніе годы, подъ давленіемъ обстоятельствъ, онѣ однако включили въ свои программы пункты о „культурной автономіи для національнаго меньшинства, о равноправіи всѣхъ языковъ, о пропорціональномъ распредѣленіи бюджета между мѣстными органами самоуправленія, не исключая и „общественныхъ совѣтовъ“, сообразно численности національныхъ группъ. Программа партіи „Пролетаріатъ“ (P. S. P. P.) признаетъ права языка національныхъ меньшинствъ въ школѣ, судѣ и администраціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они составляютъ не менѣе 15% населенія,—условіе, которому евреи въ Царствѣ вполнѣ удовлетворяютъ [2]). Тѣмъ не менѣе, коль скоро евреи особо не поименованы въ группѣ этихъ національныхъ меньшинствъ, остается еще широкій просторъ спорамъ о томъ, признать ли ихъ національною или только вѣроисповѣдною группою, и въ зависимости отъ этого—какъ установить объемъ ихъ культурной автономіи. Исходъ этого спора будетъ зависѣть отъ того, насколько въ лѣвыхъ польскихъ партіяхъ прежняя ассимиляціонная угодливость еврейскихъ членовъ уступитъ свободному національному правосознанію.

Большія опасенія возбуждаетъ и программа прогрессивной „Polskiej Partji Postępowej“. Тамъ говорится о „поддержаніи автономныхъ стремленій отдѣльныхъ народностей и правъ національнаго меньшинства *въ Имперіи*“, но нѣтъ однородной оговорки въ параграфѣ объ автономіи Царства Польскаго. Въ этомъ параграфѣ, требующемъ для Польши полной сеймовой автономіи, сдѣлана только уступка признанію правъ литовскаго и русскаго языковъ въ районахъ, заселенныхъ этими народностями. Ни о евреяхъ, ни объ ихъ языкѣ ничего не говорится, и офиціальныя разъясненія партіи впослѣдствіи доказали, что это сдѣлано съ умысломъ, и что польскіе прогрессисты не склонны къ признанію за евреями правъ національной группы [3]).

Точку надъ і въ еврейскомъ національномъ вопросѣ поставила вліятельнѣйшая консервативная польская партія „Народовая демократія“. § 12 программы „наро-

---

[1]) См Коссовскій, Вопросы національности, стр. 5—30 (Вильна 1906); Протоколы конференціи національно-соціалистическихъ партій (Спб. 1908), стр. 77.

[2]) См. программы названныхъ партій и отчеты послѣднихъ съѣздовъ.

[3]) Zasadnicze punkty programmy Polskiej Partji Postępowej—листокъ, изданный безъ обозначенія мѣста и года, разд. I пп. 2 и 3; разд. II, п. 1.

довцевъ“ гласитъ [1]): „Еврейскій элементъ, не имѣющій отдѣльной территоріи, но въ большей или меньшей степени перемѣшанный съ польскимъ населеніемъ на всемъ протяженіи края, націоналъ-демократическая партія не признаетъ политической народностью, борется противъ всѣхъ его стремленій къ политической организаціи и, предоставляя его волѣ поддаться или нѣтъ культурной ассимиляціи (съ поляками), требуетъ безусловной зависимости его отъ интересовъ польскаго народа“. При этомъ программа различаетъ три разряда евреевъ: 1) разрядъ сторонниковъ центральнаго правительства (русскаго) долженъ быть совершенно вытѣсненъ изъ всѣхъ сферъ экономической и соціальной жизни; 2) разряду „безразличныхъ“, равнодушныхъ къ польскому національному дѣлу, дается „толеранція“, выражающаяся въ томъ, что ихъ удаляютъ только изъ тѣхъ областей промышленной и общественной жизни, гдѣ вліяніе ихъ явно вредитъ интересамъ польскаго народа; 3) отдѣльныя лица изъ евреевъ, которыя, принявъ польскую культуру, совершенно слились съ польскимъ обществомъ и раздѣляютъ даже его стремленія, направленныя къ ослабленію еврейскаго элемента,— эти праведники достойны вступить въ польскій рай и „признаются вполнѣ поляками“.

„Націоналъ-демократы добросовѣстно выполняютъ свою программу. Ихъ тактика во время выборовъ въ первую государственную думу, когда они путемъ угрозъ и насилій не пропустили ни одного еврейскаго депутата отъ Царства Польскаго, достаточно характерна для ихъ позиціи по еврейскому вопросу. Лидеры польскаго „Коло“ во второй думѣ прямо заявили, что народовцы не признаютъ евреевъ націей и будутъ бороться съ ихъ „экстерриторіальными національстическими вожделѣніями“ [2]). Польскіе націоналисты, очевидно, хотятъ добиться политической автономіи края безъ гарантій правъ находящихся тамъ національныхъ меньшинствъ; въ крайнемъ случаѣ, они сдѣлаютъ уступку въ этомъ отношеніи литовцамъ и русскимъ, но упорно будутъ стоять противъ признанія правъ національнаго меньшинства за евреями, за которыхъ некому заступаться. Однако, нѣтъ сомнѣнія, что когда въ русской государственной думѣ будетъ поставленъ на очередь вопросъ о польской автономіи, народовцы не будутъ единственными рѣшителями судебъ еврейства въ краѣ.

Всѣ еврейскія политическія партіи являются горячими сторонниками автономіи Польши, ибо онѣ понимаютъ душу угнетенной народности; но онѣ не могутъ допустить, чтобы польская нація осуществила это свое законное право путемъ посягательства на неотъемлемыя права другого народа, отстаивающаго свою многовѣковую культуру и національную индивидуальность.

С. Дубновъ.

---

[1]) Program Stronnictwa Demokratyczno-narodowego., Krakow 1903, str. 21—22

[2]) См. ст. „Націоналъ-демократъ о евреяхъ“, *Своб. и Рав.* 1907, № 23 (заявленія депутатовъ Жуковскаго и Дмовскаго).

ЛИТОВЦЫ.

I.

Этнографическая граница Литвы опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Начинаясь у побережья Балтійскаго моря, тамъ, гдѣ Курляндская губернія граничитъ съ Пруссіей, граница проходитъ въ предѣлахъ Курляндіи на протяженіи верстъ 30 по морскому берегу, затѣмъ она отклоняется къ сѣверо-востоку и идетъ приблизительно по границѣ Ковенской и Курляндской губерній, немного вдаваясь то въ первую (въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ), то въ послѣднюю (особенно въ Иллукстенскомъ уѣздѣ). Далѣе она тянется по Виленской губерніи въ видѣ полукруга и обнимаетъ собою сѣверную часть Свѣнцянскаго уѣзда, западную часть Виленскаго, Трокскій уѣздъ, сѣверную часть Лидскаго, западную часть и нѣсколько этнографическихъ „острововъ“ Ошмянскаго уѣзда и наконецъ, два выступа въ восточную часть Виленскаго уѣзда. Въ Гродненской губерніи этнографическая граница захватываетъ сѣверный уголокъ Гродненскаго уѣзда около мѣстечка Друскеники. Здѣсь она пересѣкаетъ Нѣманъ и направляется по Сувалкской губ. къ сѣверо-западу до прусской границы, обнимая собою уѣзды Владиславовскій, Волковышскій, Маріампольскій, Кальварійскій, большую часть Сейненскаго и часть Сувалкскаго уѣздовъ, и далѣе, около озера Выштинецъ, углубляется въ Пруссію [1]). Въ предѣлахъ этой территоріи деревенское населеніе повсюду является почти исключительно литовскимъ, и только въ городахъ литовцы составляютъ очень незначительный процентъ (5—10%). Впрочемъ, въ послѣднее время число ихъ стало и здѣсь быстро возрастать [2]).

Общее количество литовцевъ, живущихъ на этой территоріи, исчисляется по даннымъ всеобщей переписи 1897 г. слѣдующимъ образомъ:

въ Ковенской губ.—1.019.774 или 66,02% всего населенія губерніи;

въ Сувалкской	304.548
„ Виленской	279.720
„ Курляндской	16.531
„ Гродненской	3.366

[1]) Въ Пруссіи литовцы населяютъ сѣверо-восточную окраину ея въ количествѣ 121 тыс. человѣкъ, гдѣ составляютъ 29% всего мѣстнаго населенія; въ деревняхъ, однако, они образуютъ тамъ почти всюду большинство.

[2]) Главную массу городскихъ жителей въ Литвѣ составляютъ, какъ извѣстно, евреи, достигая иногда 80% и болѣе. Второе мѣсто занимаютъ, особенно въ крупныхъ городахъ поляки, или вѣрнѣе, ополяченные литовцы; далѣе идутъ русскіе (главнымъ образомъ чиновничество).

Во всей Россіи, въ 1897 г., литовцевъ было согласно переписи 1.658.532 [1]). Цифра эта, конечно, значительно увеличится, если принять во вниманіе, что во время переписи многіе счетчики отмѣчали литовцевъ, особенно на окраинахъ Литвы, поляками, бѣлоруссами, латышами, и др. Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона общее количество литовцевъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края показано въ размѣрѣ 2.458.825 человѣкъ [2]); цифра едва ли преувеличенная, во всякомъ случаѣ, она гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ цифра, указанная въ переписи 1897 года. Если къ этому количеству прибавимъ 121 тысячу прусскихъ литовцевъ, затѣмъ около полмилліона литовцевъ-эмигрантовъ, переселившихся въ Сѣверную Америку (отчасти въ Англію и въ Африку и наконецъ, около 100 тысячъ, проживающихъ въ разныхъ городахъ Россіи [3]), то общая цифра литовцевъ, говорящихъ на литовскомъ языкѣ, достигнетъ около 3.000.000.

Интересно отмѣтить, что наблюдавшееся еще не такъ давно постепенное суженіе этнографическихъ границъ Литвы въ настоящее время почти прекратилось. Если исключить прусскую Литву, гдѣ процессъ онѣмеченія и по сіе время еще продолжается въ сильной степени, то въ русской Литвѣ ни ополяченіе, ни обрусеніе уже не имѣютъ никакого успѣха; послѣ того, какъ пробужденіе народнаго самосознанія стало совершившимся фактомъ, литовскія этнографическія границы склонны скорѣе къ расширенію, чѣмъ къ суженію. Пробужденіемъ національнаго самосознанія объясняется отчасти и отмѣченное выше возрастаніе числа литовцевъ въ городахъ.

Такъ какъ поверхность земли въ Литвѣ представляетъ почву въ общемъ удобную для земледѣлія, частью покрытую лѣсами и озерами, и не заключающую въ себѣ минеральныхъ богатствъ, то край этотъ является по преимуществу земледѣльческимъ. Но земли на долю литовскаго крестьянства приходится такъ мало, что не менѣе одной трети литовскаго населенія надо отнести къ разряду малоземельныхъ и безземельныхъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется дешевизна рабочихъ рукъ въ Литвѣ, а также въ значительной степени и громадное количество ежегодно выселяющихся изъ родины литовцевъ [4]).

---

[1]) Въ эту цифру входятъ также 448.022 такъ-называемыхъ жмудинъ, которыхъ перепись совершенно неправильно выдѣлила въ особую группу. Жмудины принадлежатъ къ той же литовской національности, и ихъ языкъ представляетъ собою одинъ изъ литовскихъ говоровъ, распространенный по нижнему Нѣману.

[2]) Эта цифра исчислена на основаніи данныхъ «Статистики племеннаго состава народонаселенія Сѣв.-зап. края» и «Календаря Сѣв.-зап. края на 1890 годъ».

[3]) Въ С.-Петербургѣ и Ригѣ—по 30—40 тыс., въ Либавѣ—15 тысячъ, Одессѣ—7 тысячъ, Москвѣ—2 тысячъ.

[4]) Въ одни Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты переселяется ежегодно до 18.000 литовцевъ; въ 1907 г. цифра эта дошла даже до 30.000! Наряду съ этимъ,

Въ мѣстной промышленности литовцы принимаютъ очень малое участіе. Въ странѣ нѣтъ крупныхъ промышленныхъ центровъ, но даже и на имѣющихся фабрикахъ и заводахъ литовскіе рабочіе составляютъ лишь небольшой процентъ. Ремеслами, особенно городскими, литовцы также занимаются крайне мало, за исключеніемъ развѣ портняжества. Торговля края до самаго послѣдняго времени почти вся находилась въ рукахъ евреевъ и отчасти поляковъ и русскихъ. Лишь въ послѣдніе годы литовцы начали заниматься торговой дѣятельностью; открываютъ по большей части мелочныя лавки, пивныя, постоялые дворы и т. п.

Въ настоящее время можно отмѣтить цѣлый рядъ литовскихъ потребительныхъ товариществъ, возникшихъ по большей части на почвѣ пробудившейся національной самодѣятельности. Въ одной Ковенской губ. къ началу 1908 г. ихъ насчитывалось 60. Кромѣ того начинаютъ зарождаться и сельско-хозяйственныя общества. Членами всѣхъ этихъ обществъ являются почти исключительно литовцы-крестьяне. Вообще нужно замѣтить, что какъ въ экономической, такъ и въ культурной жизни литовскаго народа, главными и едва ли не единственными дѣятелями являются крестьяне и вышедшая изъ крестьянской среды интеллигенція. Ни національнаго дворянства, ни мѣщанъ, ни сколько-нибудь крупной буржуазіи у литовцевъ нѣтъ. И это обстоятельство наложило на все національное движеніе литовцевъ печать демократизма.

Переходя къ обзору культурнаго состоянія литовскаго народа, мы не можемъ не упомянуть о томъ, что черезъ всю современную культурную дѣятельность литовцевъ красной нитью проходитъ борьба за просвѣщеніе. Народное образованіе, особенно казенное, находится въ Литвѣ въ очень жалкомъ состояніи. Высшаго учебнаго заведенія, какъ извѣстно, въ краѣ нѣтъ. Прекрасно поставленный въ свое время виленскій университетъ былъ закрытъ по мотивамъ обрусительной политики еще въ 1832 году; по тѣмъ же соображеніямъ послѣ польскаго мятежа по всей Литвѣ былъ закрытъ цѣлый рядъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержавшихся на частныя средства, а также множество низшихъ школъ. Дѣлалось все это съ цѣлью противодѣйствія польскому вліянію и насажденія на его мѣсто „русскихъ началъ“. Польское вліяніе было дѣйствительно парализовано, но вмѣстѣ съ нимъ на нѣкоторое время было едва ли не въ корнѣ убито и все просвѣщеніе въ Литвѣ. Правда, въ среднія учебныя заведенія,— въ правительственныя гимназіи и реальныя училища, хотя и проникнутыя духомъ руссификаціи,—мѣстное населеніе еще отдавало своихъ дѣтей; но зато

существенными причинами выселенія, начавшагося еще со времени подавленія польскаго возстанія и неурожайныхъ 1867 и 1868 годовъ, надо считать отчасти политическія преслѣдованія, особенно усилившіяся въ эпоху національнаго движенія.

низшихъ школъ края, совершенно чуждыхъ населенію и по языку преподаванія, и по религіи, и по учительскому составу, литовцы почти совсѣмъ стали избѣгать, и только крайняя нужда въ просвѣщеніи мало-по-малу приручила ихъ къ министерскимъ школамъ; школы же церковнаго вѣдомства посѣщаются литовцами и по сію пору въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ, если процентъ грамотныхъ литовцевъ по сравненію съ другими народностями Россіи довольно высокъ (52%), то этимъ они обязаны не заботамъ правительства, а самимъ себѣ; литовцы грамотны вопреки „видамъ правительства“, вопреки всевозможнымъ преслѣдованіямъ и карамъ, налагавшимся на нихъ за тайное обученіе родной грамотѣ. Литовскіе родители считали и считаютъ своей обязанностью хоть тайно обучать своихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, чтенію на литовскомъ языкѣ, чтобы дать имъ возможность молиться по литовскому молитвеннику.

Для болѣе нагляднаго представленія о положеніи народнаго образованія въ Литвѣ приведемъ нѣкоторыя цифры, относящіяся къ двумъ губерніямъ—Ковенской и Сувалкской. Въ 1904 году по офиціальнымъ даннымъ въ этихъ губерніяхъ, при общемъ количествѣ населенія въ 2.286 тысячъ человѣкъ, начальныхъ училищъ различныхъ типовъ имѣлось--709; но изъ нихъ 140 принадлежали церковному вѣдомству и стало быть, были совершенно непригодны для литовскаго населенія [1]), и не посѣщались имъ. Мужскихъ и женскихъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ въ этихъ двухъ губерніяхъ до послѣдняго времени насчитывалось около 25 (Ковенск. губ. — 15, Сувалкская — 10). Кромѣ того имѣются 2 католическія духовныя семинаріи, одна въ Ковнѣ и другая въ Сейнахъ (Сувалкск. губ.), гдѣ большинство воспитанниковъ—литовцы, и двѣ учительскихъ семинаріи, изъ которыхъ въ поневѣжскую, находящуюся почти въ центрѣ Литвы, литовцы до послѣдняго времени вовсе не принимались.

Со времени освободительнаго движенія, когда литовскій народъ отвоевалъ себѣ нѣкоторыя права на просвѣщеніе, въ Литвѣ стало открываться замѣтное количество частныхъ (какъ низшихъ, такъ и среднихъ) учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподавателями являются литовскіе учителя и учительницы. Число литовцевъ, обучающихся въ начальныхъ училищахъ, опредѣлить трудно; въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ [2]) числилось около 1.400 учащихся литовцевъ.

---

[1]) Изъ всего числа литовцевъ въ Россіи около 14.000—кальвинистовъ и лютеранъ; остальные всѣ—католики. Прусскіе литовцы—лютеране.

[2]) Свѣдѣнія эти относятся къ началу 1908 года; собраны частнымъ путемъ по даннымъ, доставленнымъ учащими и учащимися.

Въ то же время стали учреждаться на легальныхъ началахъ разнаго рода культурно-просвѣтительныя общества [1]). Возникъ также цѣлый рядъ литовскихъ газетъ. Наиболѣе вліятельныя изъ нихъ издаются товариществами на вѣрѣ, причемъ участники товариществъ являются нерѣдко и сотрудниками издаваемой ими газеты. Эти же товарищества отчасти занимаются и книгоиздательствомъ. Въ настоящее время на литовскомъ языкѣ выходитъ 44 періодическихъ изданія (газетъ и журналовъ). Изъ нихъ въ Россіи — 12, въ Пруссіи — 9, въ Америкѣ — 21 и въ Шотландіи — 2. Небольшое сравнительно съ заграницей число выходящихъ въ Россіи литовскихъ газетъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что здѣсь онѣ начали издаваться только послѣ того, какъ былъ снятъ запретъ съ литовской печати, т. е. съ конца 1904 г.; до того времени всѣ книги и газеты, предназначаемыя спеціально для русской Литвы, печатались исключительно заграницей. Большинство издающихся въ Россіи литовскихъ газетъ выходитъ разъ въ недѣлю; существуетъ нѣсколько ежемѣсячниковъ и всего одна ежедневная газета. Объясняется это частью недостаткомъ времени у деревенскаго читателя заниматься чтеніемъ въ будни, а главнымъ образомъ почти полнымъ отсутствіемъ сельской почты въ Литвѣ, вслѣдствіе чего корреспонденція въ деревню попадаетъ въ среднемъ не болѣе 1 раза въ недѣлю.

Слѣдуетъ еще упомянуть о дѣятельности нѣсколькихъ спеціальныхъ издательскихъ обществъ для изданія на литовскомъ языкѣ популярныхъ книгъ для народа; наиболѣе крупное изъ нихъ, имѣющее до 5.000 членовъ, занимается изданіемъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, другія же вы-

[1]) Отмѣтимъ главнѣйшія изъ нихъ: 1) „Свѣтило“ (Žiburys) въ Сувалкской губ. съ числомъ членовъ, простирающимся до нѣсколькихъ тысячъ. Имѣетъ нѣсколько начальныхъ училищъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на литовскомъ языкѣ, женскую гимназію въ г. Маріамполѣ, нѣсколько десятковъ библіотекъ-читаленъ и т. п. Направленіе—клерикальное. Въ виду существованія издавна сложившейся крѣпкой епархіальной организаціи обществу удалось быстро покрыть всю губернію своими отдѣлами (около 50). Общество имѣетъ свой еженедѣльный органъ „Источникъ“ (Šaltinis). 2) Аналогичное съ нимъ общество „Солнце“ (Saulė),—въ Ковенской губ.,—располагающее нѣсколькими школами, какъ, напримѣръ, курсы для взрослыхъ, подготовительные учительскіе курсы, 2-хъ классное училище и т. д. 3) Культурно-просвѣтительное общество „Свѣтъ“ (Šzviesa), въ Сувалкской губ., обнимающее прогрессивные слои населенія; оно имѣетъ 18 отдѣленій, около 700 членовъ, больше 10 библіотекъ-читаленъ, нѣсколько театральныхъ труппъ, хоръ; занимается распространеніемъ прогрессивной литературы. Между этимъ обществомъ и вышеупомянутымъ „Свѣтиломъ“ идетъ постоянная борьба. Слѣдуетъ еще упомянуть „Общество распространенія литовскихъ библіотечекъ“, которое учреждаетъ главнымъ образомъ въ болѣе отсталыхъ мѣстностяхъ Литвы маленькія дешевыя библіотеки. Затѣмъ образовавшееся недавно „Литовское ученое общество“, имѣющее свой небольшой музей и библіотеку. Лѣтомъ 1907 года сорганизовались два общества литовскихъ женщинъ, стремящіяся къ достиженію равноправія женщинъ. Одно изъ нихъ носитъ нѣсколько клерикальный, другое болѣе радикальный оттѣнокъ. Кромѣ того въ Вильнѣ образовался еще и спеціальный „Союзъ для возстановленія правъ литовскаго языка въ римско-католической церкви въ Литвѣ“.

пускаютъ книги свѣтскаго содержанія, изложенныя по возможности популярно, равно какъ и беллетристическія произведенія, доступныя для широкихъ массъ [1]).

II.

Современное литовское національное движеніе возникаетъ послѣ усмиренія польскаго мятежа (1863 г.) и послѣ начавшейся вслѣдъ за нимъ усиленной руссификаторской дѣятельности въ Литвѣ.

Первые проблески національнаго возрожденія литовцевъ появляются еще во времена реформаціи [2]). Піонеры реформаціи впервые издаютъ литовскія книги (въ XVI в.) и идутъ къ народу съ проповѣдью на его родномъ языкѣ. Когда католическое духовенство увидѣло опасность, грозившую ему отъ распространенія въ народѣ протестантскихъ книгъ, оно, съ своей стороны, стало издавать католическія книги на литовскомъ языкѣ. Это соревнованіе двухъ церквей породило цѣлую литературу на литовскомъ языкѣ,—большею частью духовнаго содержанія. И лишь послѣ того, какъ католичество одержало въ Литвѣ верхъ надъ реформаціей, и въ дальнѣйшемъ изданіи литовскихъ книгъ, особенно свѣтскихъ, уже не было необходимости—вмѣсто литовскихъ стали опять распространяться польскія книги. Только въ нынѣшней Пруссіи, гдѣ побѣда оказалась на сторонѣ реформаціи, развилась довольно богатая литовская литература, которая, помимо ряда болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей и ученыхъ, еще въ XVIII вѣкѣ дала одного изъ величайшихъ литовскихъ поэтовъ Дуоналейтиса, написавшаго своеобразную, чисто литовскую поэму изъ крестьянскаго быта. Здѣсь же появляется въ 1832 г. и первая литовская газета. Впрочемъ и въ остальной Литвѣ начавшееся литовское литературное движеніе не прекратилось всецѣло. Литовская литература, постепенно развиваясь, успѣла уже къ серединѣ XIX в. дать рядъ славныхъ именъ: кромѣ вышеуказаннаго Дуоналейтиса, отмѣтимъ имена Даукантаса, Пошки, Стразделиса, Волончевскаго, Куршатиса, Барановскаго, Юшкевича и друг., работавшихъ на поприщѣ литовской поэзіи, исторіи и филологіи. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что почти никто изъ литовскихъ писателей того времени не принадлежалъ непосредственно къ народнымъ мас-

[1]) Нѣкоторое представленіе о состояніи литовскаго книжнаго дѣла до освободительнаго движенія могутъ дать слѣдующія цифры: согласно „Сборнику библіографическихъ матеріаловъ для географіи, исторіи, статистики и этнографіи Литвы“ С. Балтромайтиса, съ 1553 года по 1903 годъ, т. е. отъ начала книжнаго дѣла въ Литвѣ до разрѣшенія въ Россіи литовской печати, на литовскомъ языкѣ вышло разнаго рода книгъ 2.665 названій; изъ нихъ около 800 относятся къ времени до запрещенія литовской печати въ Россіи (1865 г.), остальныя же къ позднѣйшему времени и были изданы почти всѣ за предѣлами Россіи.

[2]) См. выше статью М. Рёмера. *Ред.*

самъ; всѣ они вышли изъ духовенства или дворянства, или вѣрнѣе, изъ тѣхъ весьма немногочисленныхъ дворянскихъ круговъ, которые еще не успѣли окончательно ополячиться и потерять связь съ народомъ. Что же касается всего остального литовскаго дворянства, оставшагося литовскимъ лишь по имени, на дѣлѣ же совершенно ополячившагося, то хотя оно и выдвинуло въ ту эпоху (конецъ XVIII и первая половина XIX вѣка) цѣлый рядъ писателей и ученыхъ, напримѣръ, Мицкевича, Кондратовича (Сырокомля), Крашевскаго Нарбута и др., но они всѣ писали на польскомъ языкѣ. Если взять въ цѣломъ литовское дворянство, равно какъ и стоящіе близко къ нему духовенство и бюргерство, то, какъ общее положеніе, придется признать, что эти слои не только не способствовали сохраненію культурной самобытности литовскаго народа, но, наоборотъ, въ огромной мѣрѣ содѣйствовали его ополяченію: въ административныхъ учрежденіяхъ, въ костелѣ, въ школѣ, въ дѣлѣ частнаго обученія, всегда и всюду со стороны этихъ круговъ исходили всевозможныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы искоренить все литовское, чтобы навязать литовцамъ польскій языкъ, чтобы привить народу взглядъ на родной языкъ, какъ на нѣчто постыдное, холопское, языческое (chłopska mowa, pogańska mowa). Во всѣхъ литовскихъ школахъ преподаваніе велось исключительно на польскомъ языкѣ, за произнесеніе литовскаго слова на мальчиковъ надѣвали „ослиный колпакъ“; богослуженіе почти повсюду также отправлялось только на польскомъ языкѣ. Даже молитвамъ духовенство обучало литовцевъ по-польски, и нерѣдко можно было встрѣтить литовца, не знающаго ни слова по-польски, но „Отче нашъ“ и другія молитвы твердящаго съ грѣхомъ пополамъ на этомъ языкѣ.

Однако, несмотря на всѣ эти столь благопріятныя для ополяченія условія, простой литовскій народъ, если и асимилировался, то лишь въ городахъ и пограничныхъ съ другими этнографическими территоріями областяхъ; въ общемъ же и цѣломъ онъ продолжалъ хранить въ чистотѣ и свой древній языкъ, и свою національную культуру. Такимъ образомъ, въ XIX вѣкѣ, ко времени уничтоженія крѣпостничества литовская національность распадается на двѣ части: съ одной стороны—*простой народъ*, хранитель древнихъ національныхъ традицій сохранившій въ своемъ міровоззрѣніи также немало пережитковъ языческихъ временъ; съ другой—*высшіе классы*,—помѣщики, шляхта, ксендзы, чиновники, вполнѣ подчинившіеся чуждой народу польской культурѣ и ополячившіеся настолько, что сплошь да рядомъ даже не понимали литовскаго языка. Различіе національной окраски соединялось съ антагонизмомъ между крѣпостными крестьянами и землевладѣльческимъ дворянствомъ.

Уничтоженіе крѣпостного права (въ Литвѣ въ 1861 году, въ Сувалк-

ской губ. въ 1864 г.) и усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году составляютъ поворотный пунктъ въ исторіи литовской національности. Неудачное возстаніе и послѣдовавшія за нимъ суровыя репрессіи сильно ослабили помѣщичій элементъ, въ то время какъ къ крестьянамъ отошло значительное количество земельной собственности. Въ Ковенской губ. въ настоящее время имъ принадлежитъ почти столько же земли, сколько помѣщикамъ, въ Сувалкской — крестьяне имѣютъ въ три раза бо́льше земли, нежели помѣщики. Дворянскія привилегіи были урѣзаны, правовое положеніе крестьянъ улучшилось. Для крестьянскихъ дѣтей открылись двери среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, и литовцы устремились туда въ значительномъ количествѣ. Надо имѣть въ виду, что приблизительно между 70—86 годами прошлаго столѣтія въ Литвѣ были хорошіе урожаи, и цѣны на хлѣбъ держались высокія; это давало возможность той части литовскихъ крестьянъ, которые получили при освобожденіи удовлетворительные надѣлы, пользоваться извѣстнымъ достаткомъ и отдавать своихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Съ тѣхъ поръ число учащихся литовцевъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ весьма замѣтно возрастаетъ [1]).

Такимъ образомъ, постепенно создалась довольно многочисленная свѣтская и духовная литовская интеллигенція,—по происхожденію своему плоть отъ плоти, кость отъ кости простого народа. Конечно, часть этой интеллигенціи и теперь еще пропадаетъ для литовской національности, благодаря ополяченію или обрусѣнію, но бо́льшая часть все же остается въ тѣсномъ общеніи съ народомъ. И это уже не прежняя господская, дворянская интеллигенція, а чисто народная, демократическая, отдающая себѣ полный отчетъ во всей важности національнаго движенія, стремящаяся къ пробужденію національнаго самосознанія въ средѣ своего народа и готовая всѣми силами защищать его самобытность отъ всякихъ покушеній извнѣ.

А защита эта, послѣ подавленія польскаго мятежа, оказалась особенно нужной. Если прежде литовцамъ приходилось отстаивать свою національность отъ ополяченія, то теперь наряду съ этимъ выступила на сцену и обрусительная политика, неутомимо проводимая новыми господами края—русскими администраторами. Завѣдомо ложно или просто въ силу невѣжества, наперекоръ всякимъ даннымъ исторіи, филологіи и этнографіи, они утверждали, что Литва—это „искони русскій край“, что литовцы—это тѣ же славяне, русскіе,

---

[1]) Число учащихся литовцевъ выражается въ процентахъ слѣдующимъ образомъ: въ маріампольской гимназіи въ 1903—4 учебномъ году литовцевъ было 40%, въ митавской въ 1901/2 г.—30%, въ либавской въ 1900 г.—30%, въ поневѣжскомъ реальномъ училищѣ въ 1901 г.—21%, въ вейверской учительской семинаріи въ 1903 г.—50% (см. M. Römer. Litwa).

только выродившіеся, ополяченные, говорящіе на испорченномъ языкѣ; исходя изъ этого, обрусители рѣшили въ извѣстномъ смыслѣ „вернуть“ литовцевъ къ ихъ первобытной народности, т. е. распольчить ихъ, а затѣмъ—обрусить; за одно уже предполагалось обратить ихъ изъ католичества въ православіе. Конечно, всѣ эти вещи не назывались прямо своими именами, объ обрусеніи даже и не упоминалось; указывалось, главнымъ образомъ, на необходимость принятія мѣръ противъ колонизаціи и католицизма, занявшихъ неподобающее имъ мѣсто среди бѣлорусскаго населенія; но при этомъ забыли выдѣлить изъ него милліоны католиковъ литовцевъ. Въ этихъ цѣляхъ по всей Литвѣ у католиковъ было отнято множество храмовъ и монастырей и превращены въ православные, сплошь да рядомъ, за неимѣніемъ прихожанъ, совершенно пустующіе; закрыты были всѣ частныя учебныя заведенія, и на ихъ мѣсто учреждены въ совершенно несообразномъ количествѣ церковно-приходскія школы; изъ всѣхъ, даже низшихъ школъ были совершенно изгнаны мѣстные языки; учителя для народныхъ школъ выписывались исключительно русскіе, изъ коренной Россіи; были даже приняты мѣры для колонизаціи края русскими переселенцами, большей частью старовѣрами [1]).

Для того, чтобы обезпечить за дѣломъ обрусенія быстрый и вѣрный успѣхъ, уже въ самомъ началѣ обрусительной кампаніи было рѣшено насильно навязать литовской печати чуждую ей русскую азбуку. Въ 1865 году, въ цѣляхъ якобы все той же борьбы съ полонизаціей, русское правительство, по почину генералъ-губернаторовъ Муравьева, фонъ-Кауфмана и министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, запрещаетъ употребленіе латинскаго,—на офиціальномъ языкѣ „латино-польскаго“—шрифта въ литовской печати,—шрифта, употребляемаго литовцами съ начала XVII столѣтія. Въ предѣлахъ Россіи могутъ имѣть обращеніе литовскія книги, лишь печатанныя русскими буквами, дабы, по выраженію одного изъ русскихъ дѣятелей того времени (Милютина),

---

[1]) Въ сѣверо-западномъ краѣ всѣ учителя, всѣ чиновники и даже волостные писаря до 1905 г. должны были быть православными и русскими. Какую пользу приносили эти учителя литовскому народу, можно судить хотя бы по тому, что во время освободительнаго движенія, когда литовскій народъ потребовалъ ихъ удаленія, они на своемъ съѣздѣ въ Ковнѣ сами заявили, что недовольство литовцевъ русскими школами и ими—русскими учителями—совершенно основательно, и что они дѣйствительно должны уступить мѣсто литовскимъ учителямъ. Что касается русскихъ колонистовъ-крестьянъ, то нѣкоторые изъ нихъ слились съ литовцами; многіе же, пользуясь сугубымъ попечительствомъ со стороны властей, представляютъ собою довольно яркій примѣръ деморализующаго вліянія подобнаго исключительнаго положенія. Въ общемъ эти переселенцы плохо освоились съ новыми мѣстами, гдѣ и мѣстному населенію не хватаетъ земли, и въ самое послѣднее время старовѣры Сувалкской и Ковенской губерній стали подавать прошенія губернаторамъ объ ихъ переселеніи въ Сибирь. Просьбы эти, впрочемъ, до сихъ поръ отклонялись.

„русскія письмена докончили въ краѣ то, что начато мечомъ". На первый взглядъ казалось бы, что нѣсколько иное начертаніе алфавита не должно было имѣть особаго вліянія на дальнѣйшее развитіе литовской жизни, тѣмъ болѣе, что въ началѣ XVII вѣка литовцы уже разъ перемѣнили свой шрифтъ, замѣнивъ готическій латинскимъ, не говоря уже о болѣе древней замѣнѣ языческой литовской письменности готически-латинскою. На дѣлѣ оказалось, однако, не то. Образованные слои народа сразу поняли скрытую обрусительную цѣль этой правительственной мѣры, простой же народъ кромѣ того заподозрѣлъ въ измѣненіи шрифта духовныхъ книгъ покушеніе на вѣру. Послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется, между прочимъ, неизмѣнное сжиганіе раздававшихся народу даромъ и даже насильно печатанныхъ гражданкой (такъ называли русскій шрифтъ) молитвенниковъ и букварей.

Запрещеніе латинскаго алфавита на дѣлѣ оказалось полнымъ запрещеніемъ книгопечатанія на литовскомъ языкѣ [1]). Понятно, что литовцы единодушно ополчились противъ „гражданки", и по мѣрѣ того, какъ возрастала настойчивость правительства въ проведеніи своей политики, борьба за литовскую печать сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ всего литовскаго національнаго движенія, которое лишь затѣмъ постепенно разрослось въ общую борьбу за національную самостоятельность. За невозможностью печатать литовскія книги въ Россіи, литовское книгоиздательство перешло заграницу, въ сосѣднюю Пруссію (Тильзитъ), а затѣмъ въ Америку и Англію, откуда всѣ произведенія на литовскомъ языкѣ, начиная съ молитвенниковъ и букварей и кончая газетами, контрабандным путемъ переправлялись черезъ русскую границу и широко распространялись по всей Литвѣ. О количествѣ литовскихъ книгъ, печатав-

---

[1]) Литовскій языкъ, самый близкій изъ всѣхъ живыхъ языковъ къ древнему санскритскому, вмѣстѣ съ латышскимъ и уже вымершимъ древне-прусскимъ составляетъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ особую группу,—такъ называемую балтійскую. Къ латышскому языку литовскій въ настоящее время такъ же близокъ, какъ, напримѣръ, польскій къ русскому или эстонскій къ финскому. По произношенію и употребленію тѣхъ или другихъ словъ и оборотовъ, литовскій языкъ, какъ и всякій живой языкъ, дѣлится на нѣсколько говоровъ, которые, однако, различаются между собою гораздо менѣе, чѣмъ, напримѣръ, языки великорусскій и бѣлорусскій, и свободно понимаются всѣми литовцами. Нынѣшній литературный литовскій языкъ, употребляемый всею литовскою печатью, образовался изъ говора литовцевъ Сувалкской губ. (окрестности Маріамполя и Волковышекъ), пополненнаго нѣкоторыми словами и грамматическими формами изъ другихъ говоровъ.—Надо еще замѣтить, что у поляковъ слова „литовскій языкъ", „литовецъ" (litwin) сплошь да рядомъ связываются съ понятіями чисто географическими; „литвинъ"—это для нихъ полякъ, живущій на территоріи Литвы или ополяченный литовецъ (gente lithuanus, natione polonus), а литовскимъ языкомъ они нерѣдко называютъ тотъ польскій языкъ съ особымъ литовскимъ акцентомъ, на которомъ говоритъ почти все ополячившееся литовское дворянство, и съ которымъ, какъ и съ русскимъ языкомъ, настоящій литовскій языкъ не имѣетъ, конечно, ничего общаго.

шихся внѣ Россіи, но предназначавшихся для русской Литвы, можно судить хотя бы по тому, что въ теченіе десяти лѣтъ (за годы 1891—1902) таможенными властями на прусской границѣ было арестовано 174.259 экземпляровъ всевозможныхъ литовскихъ изданій, не говоря уже о тѣхъ, которыя были найдены и конфискованы полиціей и жандармами внутри страны. Всѣ арестованныя изданія, не исключая молитвенниковъ и букварей, предавались сожженію.

Русское правительство употребляло всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства для того, чтобы заставить литовцевъ принять русскій алфавитъ. Однако, ни даровая раздача отпечатанныхъ русскимъ шрифтомъ молитвенниковъ и букварей, ни отбираніе литовскихъ молитвенниковъ у прихожанъ при выходѣ изъ костела, ни ссылка въ восточныя губерніи Россіи за распространеніе литовскихъ книжекъ заграничнаго изданія, ни помощь прусскихъ властей, содѣйствовавшихъ русской администраціи на основаніи взаимнаго соглашенія, ни полное запрещеніе домашняго обученія,— ничто не помогало. Въ 1903 г. князь Святополкъ-Мирскій, тогдашній виленскій генералъ-губернаторъ, въ своей докладной запискѣ о литовскомъ шрифтѣ пишетъ, что никакія силы не въ состояніи остановить постоянно увеличивающагося распространенія литовскихъ книгъ. И 24 апрѣля 1904 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, разрѣшающій литовцамъ пользоваться въ своей печати „латинскимъ или какимъ угодно шрифтомъ“. Хотя, такимъ образомъ, роковая ошибка правительства была исправлена, и литовскій алфавитъ возстановленъ въ правахъ, но результаты этой ошибки будутъ еще долго сказываться.

III.

Мы нарочно остановились болѣе подробно на борьбѣ за литовскій алфавитъ, такъ какъ ей-то главнымъ образомъ и обязано литовское національное движеніе послѣднихъ лѣтъ своимъ зарожденіемъ и развитіемъ. Именно во время этой борьбы и въ тѣсной связи съ нею и началась настоящая культурная работа молодой литовской интеллигенціи среди народа. Особенно интенсивной сдѣлалась эта работа послѣ того, какъ въ 1883 г. въ прусской Литвѣ стала выходить первая литовская газета „Auszra“ (Заря), посвященная дѣлу возрожденія литовцевъ и оказавшая огромное вліяніе на литовское общество. По своему содержанію Auszra не была политическимъ органомъ; политики она по возможности избѣгала. Это была газета прежде всего національная, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, газета, посвященная культурнымъ интересамъ литовскаго народа. Національно-культурный

идеалъ ея: „Литва—національно возродившаяся, т.-е. Литва, говорящая, думающая, чувствующая по-литовски и свободно трудящаяся на національно-культурной нивѣ. Ближайшее желаніе Auszr'ы — свобода печати, право употребленія литовскаго языка въ судахъ, администраціи, въ костелѣ, литовскія школы...“ Особенно заботилась Auszra о пробужденіи въ литовцахъ любви къ своей родинѣ, къ своей исторіи, языку, пѣснямъ и поэзіи. Указанный выше идеалъ Auszr'ы какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ національнымъ стремленіямъ всѣхъ лучшихъ литовцевъ того времени; онъ проходитъ красной нитью и черезъ всѣ позднѣйшія литовскія газеты, черезъ программы всѣхъ партій вплоть до настоящаго времени. Около газеты быстро стали группироваться литовскіе интеллигенты всѣхъ оттѣнковъ: радикалы, соціалисты, націоналисты, клерикалы. Въ то время они еще не были разбиты на партіи; будущія литовскія партіи въ Auszr'ѣ еще едва лишь намѣчались. Всѣ выступали только въ качествѣ патріотовъ-борцовъ за національное возрожденіе Литвы.

Съ появленіемъ этой газеты національное движеніе литовцевъ впервые обратило на себя вниманіе сосѣдей и, за исключеніемъ однихъ лишь латышей, встрѣтило со всѣхъ сторонъ враждебное отношеніе: въ Россіи не безъ основанія усмотрѣли въ Auszr'ѣ опаснѣйшаго врага руссификаціи; и въ результатѣ—ее стали обвинять въ томъ, что она будто субсидируется Бисмаркомъ; нѣмцы усмотрѣли въ ней органъ панславизма, и стали высылать изъ предѣловъ Германіи ея редакторовъ; наконецъ, поляки то усматривали въ ней руссофильскія тенденціи, то называли ея сторонниковъ „литвоманами“, то сепаратистами, стремящимися къ обособленію отъ поляковъ, и т. д.

Неоцѣнимое значеніе Auszr'ы состояло въ томъ, что она открыто заявила о стремленіи литовскаго народа къ національному возрожденію и сконцентрировала вокругъ себя всѣхъ поборниковъ этой идеи. И хотя она изъ-за матеріальныхъ затрудненій должна была въ 1886 году прекратить свое существованіе, но дѣло литовской печати съ ея закрытіемъ не остановилось; разъ начавшееся движеніе разросталось все шире и шире. Издаются всевозможныя литовскія книжки, календари, газеты, прокламаціи, основываются тайные кружки среди литовскихъ студентовъ, крестьянъ и гимназистовъ, идетъ работа надъ очисткой и совершенствованіемъ литературнаго языка, зарождается литовскій театръ, вырабатывается орѳографія, появляется цѣлая плеяда молодыхъ писателей и публицистовъ [1]), начинаются всевозможные съѣзды, зарождаются и организуются литовскія политическія партіи.

---

[1]) Особенно слѣдуетъ отмѣтить имена нынѣ уже умершихъ поэта Петра Арминаса, публициста, поэта и композитора Викентія Кудырка (автора литовскаго національнаго гимна), публициста Павла Вышинскаго и филолога ксендза Яунис.

Все это, конечно, организаціи тайныя, которыя терпятъ сильныя преслѣдованія, подвергаются отъ времени до времени болѣе или менѣе чувствительнымъ разгромамъ и, въ силу этого, все рѣзче становятся въ оппозицію къ правительству.

Прежде всего и сильнѣе всего національное движеніе литовцевъ развилось въ Сувалкской губерніи; отсюда оно постепенно, но съ неменьшей интенсивностью, охватило Ковенскую губернію, а въ послѣдніе годы послѣдовательно распространяется по Виленской губ. и по всей русской Литвѣ. Движеніе это было общенародное, оно захватило всѣ слои литовскаго общества: и свѣтскую интеллигенцію, и духовенство, и широкія крестьянскія массы, и городскихъ рабочихъ. Главной силой, ядромъ всего движенія былъ довольно многочисленный въ Литвѣ средній крестьянскій классъ, среди котораго и начала свою работу вышедшая изъ него же духовная и свѣтская интеллигенція.

Эти два слоя интеллигенціи недолго, впрочемъ, шли рука объ руку. Когда появившаяся въ 1889 году духовная наслѣдница Ausz'ы газета „Varpas“ (Колоколъ) [1]) стала принимать явно радикальный оттѣнокъ, часть духовенства отдѣлилась отъ нея (въ 1890 году; другая часть продолжала еще участвовать въ ней до 1894 г.) и стала издавать свой собственный органъ „Apzvalga“, на мѣсто котораго въ 1896 году начинаетъ издаваться новая газета „Tėvynės Sargas“, выходившая до 1904 г. Такимъ образомъ, намѣчаются двѣ партіи, обѣ съ національной окраской: радикально-демократическая и клерикальная. Послѣднее названіе, впрочемъ, не вполнѣ точно, такъ какъ организованной партіи духовенства съ явно выраженнымъ клерикальнымъ направленіемъ и клерикальной программой въ литовской средѣ нѣтъ. Чтобы не возвращаться болѣе къ клерикальной партіи, отмѣчу здѣсь, что въ 1905 году во время виленскаго съѣзда литовцевъ, въ средѣ съѣхавшагося литовскаго духовенства было принято въ принципѣ рѣшеніе основать „союзъ литовскихъ христіанскихъ демократовъ“ (Lietuvių Krikszczionių Demokratų Sąjunga) и даже была выработана его программа, въ основу которой была положена программа русской конституціонно-демократической партіи, дополненная извѣстными религіозными элементами и нѣсколько видоизмѣненная примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ; она включала въ себя, между прочимъ, требованіе автономіи для Литвы. Программа эта, однако, утверждена не была.

Съ другой стороны, изъ среды тѣхъ же varpas'овцевъ въ 1895 году

[1]) Она закрылась, какъ и многія другія, только въ 1905 г., когда уже не было надобности въ заграничныхъ органахъ.—Число издававшихся заграницей литовскихъ газетъ достигло въ 1899 году цифры 18; изъ нихъ 11 выходило въ Америкѣ и 7—въ прусской Литвѣ. Послѣднія предназначались исключительно для Россіи, такъ какъ прусскіе литовцы относятся совершенно равнодушно къ литовскому національному движенію.

выдѣляются соціалдемократы, которые въ 1896 г. входятъ въ ближайшія сношенія съ работавшими уже ранѣе въ Вильнѣ и Ковнѣ польскими соціалистами и организуются въ „литовскую соціалдемократическую партію". Первый журналъ литовскихъ соціалдемократовъ выходитъ на литовскомъ и польскомъ языкахъ (въ 1896 г.), за нимъ слѣдуютъ уже чисто литовскіе журналы. Литовская соціалдемократическая партія работаетъ сначала исключительно въ городахъ; среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ работа пошла болѣе интенсивно только ко времени освободительнаго движенія.

Такимъ образомъ, вокругъ Varpas'a остаются сгруппированными только радикалы, демократы и націоналисты-демократы. Кромѣ своего главнаго органа Varpas'a они основываютъ въ 1890 году издающуюся въ томъ же направленіи, но посвященную главнымъ образомъ интересамъ крестьянства газету „Ukininkas" (Крестьянинъ), а въ 1901 г. еще третью газету „Naujienos" (Новости), имѣвшую цѣлью обслуживаніе культурныхъ потребностей широкихъ народныхъ массъ и совершенно чуждую политики. Съ теченіемъ времени, между чистыми націоналистами и болѣе радикально настроенными демократами въ свою очередь произошло раздѣленіе: послѣдніе въ 1902 году оформили, наконецъ, свою программу и приняли названіе „литовской демократической партіи"; націоналисты же, недовольные радикальнымъ отношеніемъ демократовъ къ правительству и проникнутые болѣе крайнимъ націонализмомъ, мало-по-малу отошли отъ нихъ и въ концѣ 1905 года рѣшили образовать особую партію, такъ называемую „національную партію литовцевъ-демократовъ". Одной изъ своихъ главныхъ задачъ эта партія поставила всестороннюю защиту правъ литовскаго языка. Окончательно программа ея не была сформулирована, и партію нельзя еще считать съорганизовавшейся и до сихъ поръ. Зато въ томъ же 1905 г. образовался близкій къ литовской демократической партіи и дѣйствующій солидарно съ ней „крестьянскій союзъ Литвы" (Lietuvos Valstiecziu Sajunga), имѣющій главною цѣлью бороться за волю и землю для безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Этотъ союзъ, напоминающій собою „всероссійскій крестьянскій союзъ", въ настоящее время занимается преимущественно изданіемъ культурно-просвѣтительныхъ книгъ для народа, но во время освободительнаго движенія сыгралъ въ Литвѣ громадную роль. Союзъ, какъ мы уже отмѣтили, имѣетъ программу, близкую къ программѣ литовской демократической партіи, къ изложенію которой мы и переходимъ.

Составленная въ 1902 году программа литовской демократической партіи подверглась зимою 1905—1906 гг., послѣ окончательнаго отдѣленія отъ этой партіи націоналистовъ, пересмотру и получила нѣкоторыя измѣ-

ненія, изъ которыхъ одно, важное по существу, привело даже къ измѣненію самого названія партіи. Изъ „литовской демократической партіи“ (дословно—Партія демократовъ-литовцевъ, или по-литовски „Lietuviu Demokratu Partija“) она превращается въ „партію демократовъ Литвы“ (Lietuvos Demokratu Partija), иными словами принципъ *территоріальный* ставится выше принципа *національнаго*, и сфера дѣятельности партіи распространяется уже не на однихъ лишь литовцевъ, но на всѣ проживающіе въ Литвѣ демократическіе элементы, независимо отъ ихъ національности. Отдаленнымъ идеаломъ партіи программа выставляетъ „свободную независимую Литву“,—идеалъ, который имѣлся въ программахъ почти всѣхъ литовскихъ партій, и который объясняется тѣмъ, что программы эти вырабатывались подъ впечатлѣніемъ самаго тяжелаго, самаго безпросвѣтнаго гнета, тяготѣвшаго надъ литовскимъ народомъ, находившимся въ тискахъ русской бюрократіи. Оставаясь на бумагѣ въ видѣ пережитка и впослѣдствіи, идеалъ этотъ во время освободительнаго движенія получаетъ уже иное содержаніе, и программа литовской демократической партіи выставляетъ въ качествѣ конкретнаго требованія уже только широкую демократическую автономію для этнографической Литвы съ сеймомъ въ Вильнѣ, избраннымъ всѣмъ населеніемъ края на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Къ автономному этнографическому ядру Литвы могутъ присоединиться и другія сосѣднія инородныя части съ обоюднаго согласія, на основаніи плебисцита; права меньшинства гарантируются общегосударственными основными законами. Свою автономію Литва получаетъ съ согласія обще-имперскаго собранія народныхъ представителей. Программа требуетъ далѣе возможно большей децентрализаціи государственнаго строя, которая должна быть проведена на демократическихъ началахъ, и также обычныхъ конституціонныхъ свободъ. Въ аграрномъ вопросѣ она признаетъ *за сеймомъ Литвы* право принудительнаго отчужденія частной земельной собственности. Въ судебныхъ дѣлахъ Литва должна пользоваться полной автономіей и располагать своими собственными высшими инстанціями. Иноплеменнымъ меньшинствамъ для удовлетворенія ихъ культурныхъ нуждъ предоставляется спеціальный бюджетъ, пропорціонально численности даннаго меньшинства. Офиціальнымъ языкомъ въ автономной Литвѣ является языкъ литовскій, въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ — наряду съ литовскимъ допускается и мѣстный языкъ. Вѣдѣнію центральнаго правительства Имперіи подлежатъ иностранныя сношенія, таможенное вѣдомство, монетное дѣло, общіе по всему государству платежи, оборона государства и т. п.

Общественные круги, на которые опирается литовская демократическая партія, —это свѣтская интеллигенція и крестьянство, среди котораго партія, послѣ образованія Крестьянскаго союза Литвы, работала сообща съ этимъ

послѣднимъ. Въ знаменательные 1904—1906 гг. литовская демократическая партія проявила весьма интенсивную дѣятельность, часто совмѣстно съ литовской соціалдемократической партіей.

Послѣдняя, такъ же, какъ и литовская демократическая партія и даже нѣсколько раньше ея, — лѣтомъ 1905 г.—произвела пересмотръ своей программы, причемъ и у нея принципъ національный былъ замѣненъ принципомъ территоріальнымъ; партія начала работать на территоріи Литвы не только среди литовскаго пролетаріата, но также среди еврейскаго, польскаго и русскаго. Программа этой партіи тоже заключала требованіе самостоятельной Литвы („литовская демократическая республика, соединенная съ сосѣдними землями на федеративныхъ началахъ, съ сеймомъ въ Вильнѣ"). Въ 1907 г. она подверглась вновь пересмотру на объединенномъ съѣздѣ съ работавшими въ краѣ польскими соціалистами, съ коими партія и слилась. Въ настоящее время литовская соціалдемократическая партія настолько сблизилась съ россійской соціалдемократической рабочей партіей, что на томъ же съѣздѣ 1907 года было постановлено принять мѣры къ возможно скорѣйшему объединенію обѣихъ партій въ одно цѣлое. При этомъ однимъ изъ главнѣйшихъ условій объединенія выставляется предоставленіе литовской соціалдемократической партіи права агитаціи и пропаганды автономіи Литвы, сохраненіе за партіей нѣкоторыхъ автономныхъ правъ въ общепартійной организаціи и самостоятельное разрѣшеніе земельнаго вопроса въ Литвѣ. Въ виду трудностей агитаціи среди помѣщичьихъ рабочихъ въ Литвѣ и нѣкоторыхъ другихъ неблагопріятныхъ условій, литовская соціалдемократическая партія въ уѣздахъ работаетъ меньше; работа ея сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ, но и здѣсь не столько среди литовскаго рабочаго населенія, сколько среди польскаго и еврейскаго. Вообще, въ виду слабаго развитія промышленности въ Литвѣ, отсталости сельскихъ рабочихъ и массоваго выселенія литовскаго пролетаріата въ Америку, соціалдемократія не пустила до сихъ поръ глубокихъ корней въ литовскомъ населеніи.

Говоря о литовскихъ партіяхъ, такъ или иначе борющихся за національное возрожденіе народа, необходимо отмѣтить еще одну организацію, носящую отчасти характеръ профессіональнаго союза и имѣющую весьма важное значеніе для литовскаго національнаго движенія,—это „союзъ учителей-литовцевъ", съорганизовавшійся въ іюлѣ 1905 г. Членами его были народные учителя-литовцы изъ Сувалкской и другихъ губерній Царства Польскаго (въ Ковенской губ. народныхъ учителей-литовцевъ нѣтъ; здѣсь учителями назначались исключительно русскіе-православные). Программа союза заключала въ себѣ слѣдующія требованія: „I. Борьба за коренную реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія въ Литвѣ, а именно: а) націонализація всѣхъ школъ

Литвы, б) возрожденіе и національзація виленскаго университета, в) введеніе въ Литвѣ всеобщаго безплатнаго обязательнаго обученія, г) концентрическій строй всѣхъ типовъ школы (по образцу Швейцаріи), д) переходъ завѣдыванія и надзора надъ школами въ руки мѣстныхъ органовъ самоуправленія. II. Борьба за автономію Литвы". Союзъ этотъ объединилъ весьма многихъ учителей-литовцевъ и проявилъ немалую дѣятельность во время освободительнаго движенія. Нечего, конечно, говорить, что какъ этотъ союзъ, такъ и всѣ другіе партіи и союзы, о коихъ упоминалось выше, носили характеръ нелегальный, почему мы и избѣгаемъ приводить какія-либо имена дѣятелей литовскаго національнаго движенія.

Кончая обзоръ литовскихъ политическихъ партій, отмѣтимъ общіе пункты, объединяющіе всѣ эти организаціи: всѣ онѣ требуютъ автономіи Литвы, всѣ стоятъ за полное возстановленіе правъ литовскаго языка, всѣ въ своихъ программахъ признаютъ принудительное отчужденіе земли. Кромѣ того необходимо отмѣтить, что въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ національностямъ, населяющимъ Литву, литовскіе демократы, соціалдемократы и крестьянскій союзъ проявляютъ полную толерантность, въ то время какъ клерикалы и націоналисты не лишены большей или меньшей дозы нетерпимости, особенно по отношенію къ евреямъ и полякамъ. Эти послѣдніе,—конечно, далеко не всѣ—своими излишними притязаніями и агрессивными тенденціями по отношенію къ литовцамъ (напримѣръ, духовенство Виленской губ.) нерѣдко сами вызываютъ къ себѣ непріязненное отношеніе. Въ послѣднее время литовцы стараются сблизиться съ латышами. Съ представителями бѣлорусскаго національнаго движенія были завязаны сношенія въ началѣ 1905 года на происходившихъ въ Вильнѣ совѣщаніяхъ автономистовъ сѣверо-западнаго края, на которыхъ обсуждался даже вопросъ объ объединеніи Литвы и Бѣлоруссіи въ одну автономную единицу.

* * *

Благодаря долгой и упорной борьбѣ, охватившей всѣ слои литовскаго народа и научившей его стойко и умѣло отстаивать свои національныя права, разлившееся по всей Россіи освободительное движеніе не застало литовцевъ неподготовленными. При первыхъ вѣяніяхъ „весны", уже въ 1904 году, по всей Литвѣ въ деревняхъ и городахъ начались собранія, сначала тайныя, потомъ перешедшія въ открытые громадные митинги, на которыхъ обсуждались мѣстныя и общенародныя нужды и выносились соотвѣтствующія резолюціи. Эти обсужденія и резолюціи вскорѣ были перенесены на собираемые въ обычномъ порядкѣ волостные и гминные сходы, и постепенно началось фактическое исполненіе принятыхъ явочнымъ порядкомъ постановленій. Всѣ кружки, союзы и партіи, которые прежде имѣлись только въ зародышѣ, стали

теперь быстро организоваться и вырабатывать свои программы, свое политическое credo. А credo это было у всѣхъ одно: автономія Литвы. Для болѣе авторитетной и единодушной формулировки народныхъ желаній чувствовалась необходимость въ возможно болѣе полномъ собраніи представителей всего литовскаго народа. По почину виленскихъ литовцевъ, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей, 21-го и 22-го ноября 1905 г. состоялся въ Вильнѣ съѣздъ литовцевъ, на который съѣхалось свыше 2.000 человѣкъ. Однихъ делегатовъ, выбранныхъ отъ гминъ, волостей и селеній, а также отъ рабочихъ и иныхъ организацій, собралось не менѣе 1.000 человѣкъ. Кромѣ того многіе крестьяне и другія лица явились самостоятельно, въ качествѣ гостей. Всѣ организованные или еще только зарождавшіеся партіи и союзы были представлены на съѣздѣ своими лучшими силами. Пріѣхало много гостей и представителей отъ литовскихъ организацій и изъ другихъ городовъ Россіи: изъ Риги, Петербурга, Либавы, Одессы и т. д. Были гости и изъ прусской Литвы. И недаромъ этотъ съѣздъ получилъ въ народѣ названіе Великаго Виленскаго Сейма. Изъ постановленій съѣзда, затрагивавшихъ такъ или иначе различные политическіе и соціальные вопросы, наиболѣе характернымъ для національныхъ стремленій литовцевъ является требованіе автономіи, которая должна охватить современную этнографическую Литву, какъ ядро, и тѣ окраины, которыя по экономическимъ, культурнымъ, національнымъ или инымъ причинамъ тяготѣютъ къ этому ядру; отношенія къ сосѣднимъ областямъ Россіи предполагалось построить на федеративныхъ началахъ.

Насколько постановленія съѣзда соотвѣтствовали воззрѣніямъ народа, видно изъ того, что они съ необычайной быстротой распространились по всѣмъ отдаленнѣйшимъ уголкамъ Литвы, и что чуть ли не во всѣхъ наказахъ литовскимъ депутатамъ государственной думы всѣхъ трехъ созывовъ неизмѣнно повторяется пунктъ объ автономіи [1]).

А. Булатъ.

---

[1]) Выборы во всѣ три думы происходили у литовцевъ или совершенно самостоятельно, или же въ блокѣ съ демократическими элементами городовъ т. е. съ евреями; ни съ поляками, ни съ помѣщиками-дворянами, которые по воззрѣніямъ своимъ много консервативнѣе литовцевъ и вообще враждебно относятся къ литовскому возрожденію, блоковъ не было. Въ первой и во второй думѣ литовскіе депутаты, вѣрные наказамъ объ автономіи, входили въ Союзъ автономистовъ. Въ частности же по партійнымъ взглядамъ въ первой думѣ изъ 7 литовскихъ депутатовъ (отъ Ковенской и Сувалкской губ.) были два кадета, три трудовика и два безпартійныхъ, во второй думѣ—1 кадетъ, 1 трудовикъ и 5, какъ члены Л. С. Д. П., примыкавшихъ къ соціалдемократической фракціи; наконецъ, въ третьей думѣ изъ 4 депутатовъ 3 принадлежатъ къ трудовикамъ и 1 членъ къ соціалдемократической фракціи. При этомъ необходимо отмѣтить, что во всѣхъ трехъ думахъ, къ какой бы фракціи литовскіе депутаты ни примыкали, они вездѣ выговаривали себѣ самостоятельность въ литовскихъ вопросахъ.

ЛАТЫШИ.

I.

По переписи 1897 г. населеніе Прибалтійскаго края [1]) распредѣляется по національностямъ слѣдующимъ образомъ:

	Латышей.	Эстовъ.	Нѣмцевъ.	Русскихъ.	Евреевъ.	Поляковъ.	Литовцевъ.	Друг. націон.	Всего.
Въ Лифляндіи .	563.829	518.594	98.573	69.614	23.728	15.132	6.594	3.301	1.299.365
% ко всему населенію . . .	*43,40*	*39,91*	*7,57*	*5,36*	*1,83*	*1,16*	*0,51*	*0,76*	
Въ Курляндіи .	505.994	—	51.017	38.276	37.689	19.688	16.531	4.839	674.034
% ко всему населенію	*75,07*	—	*7,57*	*5,68*	*5,59*	*2,92*	*2,45*	*0,72*	
Въ Эстляндіи . .	472	365.959	16.037	20.899	1.269	1.237	86	6.757	412.716
% ко всему населенію	*0,11*	*88,67*	*3,90*	*5,07*	*0,31*	*0,29*	*0,02*	*1,63*	
Всего въ Прибалтійскомъ краѣ.	1.070.295	884.553	165.627	128.789	62.686	36.057	23.211	14.897	2.386.115
% ко всему населенію	*44,84*	*37,08*	*6,94*	*5,39*	*2,65*	*1,51*	*0,97*	*0,61*	

Въ главнѣйшихъ городахъ края группировка народностей выражается слѣдующими цифрами:

---

[1]) Кромѣ трехъ губерній, вошедшихъ въ эту таблицу, къ такъ называемому Прибалтійскому краю принадлежатъ въ *этнографическомъ* отношеніи также три уѣзда Витебской губ. (т. н. Инфляндія), нѣсколько приходовъ Ковенской губ. (раньше входившихъ въ составъ Лифляндіи), заселенные латышами и, наконецъ, нѣкоторыя части Псковской и Петербургской губ., населенныя эстами.

	Латышей.	Эстовъ.	Нѣмцевъ.	Русскихъ.	Евреевъ.	Поляковъ.	Литовцевъ.	Прочихъ.	Всего.
Рига [1])	106.541	3.523	65.332	43.338	16.521	12.869	5.853	—	255.879
% ко всему населенію	*41,64*	*1,38*	*25,53*	*16,94*	*6,45*	*5,03*	*2,29*	—	
Юрьевъ	426	29.039	7.020	3.689	1.449	500	34	—	42.308
% ко всему населенію	*1,01*	*68,63*	*6,59*	*8,72*	*3,43*	*1,18*	*0,08*	—	
Митава	16.053	47	9.719	4.234	3.191	845	498	—	35.131
% ко всему населенію	*45,69*	*0,13*	*27,67*	*12,05*	*9,08*	*2,41*	*1,42*	—	
Либава	24.918	238	15.353	7.731	5.488	6.015	3.587	—	64.489
% ко всему населенію	*38,64*	*0,37*	*23,80*	*11,99*	*8,51*	*9,33*	*5,56*	—	
Ревель	250	40.501	10.382	10.318	1.058	1.000	63	—	64.572
% ко всему населенію . . .	*0,39*	*62,72*	*16,08*	*15,98*	*1,64*	*1,55*	*0,10*	—	

Изъ этой таблицы видно, что изъ всего числа нѣмцевъ, населяющихъ Прибалтійскій край (165.267), подавляющее большинство (107.809) сосредоточено въ пяти городскихъ центрахъ, составляя въ общемъ $^5/_6$ всего нѣмецкаго городского населенія въ этихъ трехъ губерніяхъ [2]).

Внѣ городовъ въ Прибалтійскомъ краѣ было въ 1897 г. всего 35.944 нѣмца (въ Лифляндіи — 17.619, въ Курляндіи — 14.000, въ Эстляндіи—4.325) [3]). Такимъ образомъ лишь третья часть, всѣхъ остзейскихъ нѣмцевъ живетъ въ деревнѣ. Громадное большинство ихъ составляютъ дворяне-помѣщики и высшіе чины полиціи, администраціи и судебнаго вѣдомства.

До сихъ поръ было обращено очень мало вниманія на то чрезвычайно интересное явленіе, что численность нѣмецкаго элемента въ краѣ значительно

---

[1]) Къ 1906 году численность населенія г. Риги достигла 287.358. Въ томъ числѣ латышей 119.731, нѣмцевъ 73.359, русскихъ 48.658, евреевъ 18.000, поляковъ 14.000, эстовъ 3.900. Значительный приростъ нѣмцевъ объясняется, повидимому, тѣмъ, что за послѣднее время многіе латыши были перечислены въ рубрику нѣмцевъ. Объ этомъ еще будетъ рѣчь ниже.

[2]) Во всѣхъ остальныхъ городахъ края процентъ нѣмецкаго населенія крайне низокъ. Такъ изъ 10 городовъ Лифляндіи (кромѣ Риги) только въ трехъ нѣмецкое населеніе достигаетъ 17—25% всего числа жителей. Въ Эстляндіи оно образуетъ въ городахъ (кромѣ Ревеля) всего 4—10% общаго населенія. Сравнительно большая численность нѣмцевъ въ городахъ Курляндской губ. объясняется отчасти тѣмъ, что въ нихъ рядахъ фигурируетъ замѣтное количество евреевъ.

[3]) Эти цифры не совсѣмъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, такъ какъ сюда входитъ много латышей, считающихъ удобнымъ изъ-за соображеній карьеры и т. п. переименоваться въ нѣмцевъ. То же надо сказать, впрочемъ, и о цифрѣ городского нѣмецкаго населенія, значительно пополняемой множествомъ латышскихъ „перебѣжчиковъ“.

понижается. Между тѣмъ, на немъ стоитъ нѣсколько подробнѣе остановиться и для лучшей оріентировки бросить бѣглый взглядъ на прошлое.

Еще въ 1771 году (въ пятомъ столѣтіи нѣмецкаго господства) нѣмцы составляли въ Лифляндіи всего 4,5% населенія (20.400 нѣмцевъ на общее количество въ 447.360). Изъ этого числа $^2/_3$ жили въ городахъ, не достигая, однако, полной половины всѣхъ городскихъ жителей. Со второй половины XIX столѣтія число нѣмцевъ быстро возрастаетъ, образуя къ 1870 году 15% всего населенія губерніи. Но начиная съ этого года въ ростѣ нѣмецкаго населенія, достигшемъ своего кульминаціоннаго пункта, наступаетъ переломъ. Наблюдается пониженіе, въ первое время очень рѣзкое,—процентная норма дѣлаетъ внезапный скачекъ и падаетъ въ теченіе перваго десятилѣтія съ 15% (1871 г.) до 9,7% (1881 г.). Въ 1897 году процентное отношеніе равняется уже всего 7,6%. По всѣмъ тремъ губерніяхъ это пониженіе выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

Число нѣмцевъ.	По переписи 1881 г.	% ко всему населенію.	По переписи 1897 г.	% ко всему населенію.
Въ Лифляндіи . . .	113.373	9,7	98.573	7,6
„ Курляндіи . . .	49.953	8,7	51.017	7,6
„ Эстляндіи	21.856	5,8	16.037	3,9
Прибалтійскій край .	185.182	8,8%	165.627	6,9%

Абсолютно число нѣмцевъ уменьшилось за эти 16 лѣтъ на 19.500 чел. (по другимъ даннымъ на 14.800). Особенно сильно сократился нѣмецкій элементъ въ Эстляндіи и Лифляндіи. Что касается Курляндіи, то абсолютно число нѣмцевъ возросло на 1.000 чел., относительно же оно упало на 1%. Даже въ Ригѣ, гдѣ сосредоточена почти треть всего числа нѣмцевъ, и гдѣ нѣмецкій элементъ сильнѣе всего, число нѣмцевъ за періодъ 1891—1897 гг. возрастаетъ въ весьма незначительной степени; число мужчинъ потерпѣло даже абсолютное уменьшеніе (въ 1881 г.—30.944, въ 1897 г.—30.568).

Эти быстрые и внезапные скачки въ развитіи нѣмецкаго населенія не могутъ быть объяснены иначе (эмиграціи или иммиграціи нѣмецкаго элемента за это время не замѣчалось), какъ приливомъ и отливомъ латышей изъ нѣмецкихъ рядовъ. Внезапный ростъ нѣмецкаго элемента въ городахъ совпадаетъ какъ разъ съ періодомъ значительнаго выселенія изъ деревень крестьянъ-латышей, потерявшихъ свою землю и отправившихся въ поискахъ за заработкомъ въ города. Въ семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія нѣмцы были еще безраздѣльно господствующимъ слоемъ; и естественно, что мотивы матеріальнаго характера заставляютъ латышей зачисляться въ кадры нѣмецкой національности. Со времени 1884 г., какъ только нѣмецкое вліяніе начинаетъ нѣсколько ослабѣ-

вать, масса „перебѣжчиковъ“ вновь отливаетъ обратно, возвращаясь къ своей родной національности. Такимъ образомъ, нѣмецкій элементъ держится не столько благодаря своимъ собственнымъ силамъ, сколько благодаря постоянной наличности національныхъ прозелитовъ. Если число нѣмцевъ къ 1906 году снова повысилось, то это произошло именно благодаря реакціи, террору нѣмецкихъ боевыхъ дружинъ (такъ называемой „самообороны“), бойкоту и проч.

Что касается численности латышскаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ, то первыя сравнительно точныя данныя объ этомъ заключаетъ въ себѣ перепись 1881 г., хотя и она, подъ давленіемъ заинтересованныхъ нѣмецкихъ круговъ, несомнѣнно показываетъ болѣе низкія, нежели въ дѣйствительности, цифры. Согласно этимъ даннымъ число латышей достигло въ 1881 г. 970.323 человѣкъ. По переписи 1897 года латышское населеніе Прибалтійскаго края, сосредоточенное исключительно, какъ уже выше было указано, въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской, исчислялось въ 1.070.295 человѣкъ [1]).

Для хозяйственной жизни прибалтійскихъ нѣмцевъ наиболѣе характернымъ является, съ одной стороны, отсутствіе въ ихъ средѣ крестьянства и городского пролетаріата, и съ другой—громадное, несоразмѣрное значеніе дворянства. Отсутствіе наиболѣе продуктивныхъ классовъ, являющихся въ сущности основой націи, сообщаетъ всему нѣмецкому элементу въ краѣ характеръ извѣстнаго рода безпочвенности, неувѣренности. И этотъ характеръ еще болѣе оттѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣмцы составляютъ по отношенію ко всему населенію края лишь незначительное меньшинство.

Соціальная структура всего населенія края характеризуется слѣдующей таблицей, показывающей численность отдѣльныхъ сословій въ %.

	Дворянъ. Потомственныхъ.	Личн. и чиновник.	Крестьянъ.	Мѣщанъ	Купцовъ и потомственн. почетн. гражданъ.	Духовныхъ лицъ.	Иностранц.	Прочихъ
Лифляндія	0,98	0,53	84,45	11,86	0,81	0,19	0,93	0,25
Курляндія	1,15	0,48	81,54	15,50	0,36	0,12	0,62	0,23
Эстляндія	0,91	0,52	89,15	7,66	0,44	0,15	6,52	0,65

Въ составъ нѣмецкаго населенія входятъ потомственные дворяне, иностранцы, часть личныхъ дворянъ, духовныхъ лицъ, купцовъ и 3—4% мѣщанъ. Дворяне образуютъ около $^1/_7$ нѣмецкаго населенія. Эта седьмая часть взяла, однако, рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми остальными слоями; она наложила свой феодальный отпечатокъ на всю политическую, общественную

[1]) Слѣдуетъ еще отмѣтить латышей, издавна осѣдлыхъ въ губерніяхъ Витебской (217.000), Псковской (11.000) и Ковенской (2.600); далѣе, латышей, выселившихся во внутреннія губерніи Россіи, въ Сибирь, на Кавказъ (гдѣ много латышскихъ колоній), равно какъ и эмигрировавшихъ въ Сѣверную Америку и Бразилію. Въ общемъ число латышей въ настоящее время превышаетъ $1^1/_2$ милліона.

и культурную жизнь прибалтійскихъ нѣмцевъ и до сихъ поръ оттѣсняетъ на задній планъ всѣ другіе сословія и слои.

Но не въ одной только средѣ своихъ единоплеменниковъ нѣмецкое дворянство занимаетъ исключительно вліятельное положеніе. Оно держитъ въ своихъ рукахъ весь край, является хозяиномъ мѣстной администраціи и налагаетъ свою руку на всю общественную жизнь. Въ его рукахъ находятся всѣ земскія установленія, какъ-то: ландтаги, всякаго рода конвенты и коллегіи, и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ участію въ земскомъ самоуправленіи—и притомъ участію самому незначительному—допущены города и въ столь же рѣдкихъ случаяхъ—пасторы и крестьяне. Уѣздная полиція вся заполнена баронами, губернская—въ значительной мѣрѣ; функціи такъ называемой мызной полиціи исполняются ими же; въ сильной зависимости отъ нихъ находится и судъ. Дворянамъ принадлежитъ право назначенія проповѣдниковъ въ приходахъ (право патроната), пользуясь которымъ они оказываютъ огромное вліяніе на всю приходскую жизнь. До послѣдняго времени они имѣли монопольное право винокуренія и корчмарства и отказались отъ него лишь за многомилліонное вознагражденіе со стороны правительства. Совмѣстно съ городскими муниципалитетами и биржевымъ комитетомъ (въ Ригѣ) они распоряжаются учебными заведеніями—высшими (юрьевскій университетъ, рижскій политехникумъ), средними и отчасти низшими. Пособія, выдаваемыя этимъ школамъ, черпаются изъ земскихъ средствъ, но средства эти взимаются и расходуются дворянствомъ совершенно безконтрольно. Въ его же распоряженіи находятся также и кредитныя поземельныя общества. Это сословіе, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ такую полноту власти, представляетъ, даже и взятое въ цѣломъ, весьма немногочисленный классъ; но и въ его средѣ вся сила и вліяніе ограничивается предѣлами еще болѣе тѣсной группы—крупныхъ землевладѣльцевъ. И эта-то ничтожная по своей численности группа и является хозяиномъ края.

Нѣмецкому дворянству принадлежитъ громадная часть всей обрабатываемой земли въ Прибалтійскомъ краѣ. По даннымъ 1897 года вся площадь Лифляндіи, за вычетомъ озеръ, обнимаетъ 41.225,$_4$ кв. верстъ. Изъ этого числа мызной помѣщичьей земли было 1.735.114,$_{66}$ десятинъ; такъ называемой квотной земли (которою на извѣстныхъ условіяхъ пользуются также и дворяне)—267.912 дес.; крестьянской же земли всего было 1.331.194,$_{57}$ дес. плюсъ 353.835,$_{39}$ дес. земли казенныхъ крестьянъ [1]). *Вся помѣщичья земля раздѣлена на 1053 имѣнія, которыя находятся въ рукахъ*

[1]) Кромѣ того считалось: казенныхъ лѣсовъ и отдѣльныхъ участковъ—190.466,$_{97}$ дес, казенныхъ имѣній и оброчныхъ статей—61.690,$_{99}$ дес., земель разныхъ установленій—49.163,$_{79}$ дес.

800 собственниковъ. По даннымъ Тобина въ 1906 году въ Лифляндіи имѣлось всего 985 волостей съ 3.794.252 дес. земли; изъ нихъ дворянской земли (безъ квотной)—1.664.315 дес., или за вычетомъ проданныхъ усадебъ—1.597.288 дес.; крестьянской же земли всего 1.233.344 десят., которыя распадаются на 25.456 усадебъ, причемъ въ полную собственность крестьянъ проданы 22.272 усадьбы или 1.093.152 дес.

Въ Курляндіи въ 1887 году считалось всего земли 2.427.935 дес., распредѣлявшихся слѣдующимъ образомъ: помѣщичьей земли—979.705 дес., крестьянской—898.249 дес., казенной—525.318 дес., прочей—24.363 дес. Помѣщичья земля распадалась на 648 имѣній или мызъ; въ этомъ числѣ, однако, *десять мызъ* имѣютъ отъ 10.000 до 67.000 десятинъ каждая, что составляетъ около 220.000 дес., т. е. почти $^1/_4$ *всей дворянской и* $^1/_{10}$ *всей вообще земли въ Курляндіи.*

При наслѣдованіи дворянскія земли не дѣлятся; наслѣдуетъ почти исключительно одинъ членъ семейства (старшій сынъ), такъ что земли эти постоянно остаются сосредоточенными въ немногихъ рукахъ. Прочіе члены дворянскихъ семействъ находятъ себѣ мѣсто въ мѣстной администраціи, судѣ, полиціи или же—что бываетъ рѣже—становятся адвокатами, пасторами. Часть пристраивается въ рядахъ бюрократіи въ коренной Россіи. Изъ рядовъ крупнаго землевладѣнія выходитъ, такимъ образомъ, вся мѣстная бюрократія; дворянство держитъ ее благодаря этому въ своихъ рукахъ и оказываетъ сверхъ того вліяніе и на петербургское чиновничество. По своей замкнутости прибалтійское дворянство напоминаетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ большую семью: чѣмъ меньше членовъ, тѣмъ больше выгодъ для каждаго. Отсюда—крайне затрудненный доступъ въ его среду не только для русскихъ дворянъ, но даже и для нѣмцевъ, не принадлежащихъ къ этому сословію.

Совершенно иную картину представляетъ соціальная и экономическая структура латышей. Здѣсь преобладаетъ крестьянство. И лишь съ нѣкотораго времени замѣчается быстрое развитіе и другихъ классовъ, характерныхъ спутниковъ капиталистическаго процесса.

По даннымъ 1897 года въ Лифляндіи земледѣліемъ занимались 918.584 чел., или 70,7% всего населенія губерніи. Вся крестьянская земля раздѣлена на 43.864 усадьбы, 6.370 мелкихъ участковъ и 1.231 солдатскій участокъ; всего, такимъ образомъ, въ Лифляндіи 51.465 отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Если принять во вниманіе, что на каждое хозяйство приходится здѣсь по 4,6 чел., то общее число крестьянъ, снабженныхъ землей, выразится въ цифрѣ 236.739 чел. обоего пола. Изъ нихъ крестьянъ *собственниковъ* 181.783 (39.518 хозяйствъ) и *арендаторовъ*—54.956. Остальные 681.835 сельскихъ жителей, за вычетомъ нѣкотораго количества, приходящагося на долю

управляющихъ, арендаторовъ казенныхъ имѣній и отдѣльныхъ участковъ, образуютъ классъ безземельныхъ крестьянъ. Если даже сократить эту цифру до 600.000—цифра, несомнѣнно, слишкомъ низкая—то все же найдемъ, что уже въ 1897 году *безземельный пролетаріатъ составлялъ 65% сельскаго населенія.* Теперь онъ образуетъ свыше 70%. Надо еще замѣтить, что изъ 236.739 крестьянъ, снабженныхъ землей (собственниковъ и арендаторовъ), достаточнымъ количествомъ земли (среднимъ числомъ по 37 дес.) пользовались 43.864 хозяина, т. е. вмѣстѣ съ семьями—201.774чел. Всѣ остальные (бобыли, имѣющіе по 4,4 дес., солдаты—1,36 дес.), въ количествѣ 34.965 человѣкъ, должны быть отнесены къ разряду малоземельныхъ.

Въ Курляндіи въ 1897 году земледѣліемъ занимались 518.273 чел., или 76,89%. На каждое хозяйство приходится по 5,6 чел. Крестьянская земля (всего 898.249 дес.) дѣлилась на 26.864 хозяйственныя единицы; изъ нихъ 1.280 солдатскихъ участковъ (по 1—3 дес.) и 6.210 бобыльскихъ (по 3,66 дес.). Къ разряду малоземельныхъ относятся, такимъ образомъ, 7.490 семей или 35.000 человѣкъ. Достаточно снабженныхъ землей (среднимъ счетомъ по 33,5 дес.) было 19.374 семьи или 106.557 чел. Всего крестьянъ собственниковъ и арендаторовъ было, слѣдовательно, 141.557. Все остальное сельское населеніе, въ количествѣ 377.716 чел. (болѣе 66% сельскаго и 50% всего населенія) представляетъ собою совершенно безземельный пролетаріатъ.

Приводимъ небольшую сравнительную таблицу по обѣимъ губерніямъ:

	Всего населенія.	Земледѣльч. населенія.	Обезпеч. крестьянъ (собствен.).	Дворянъ-собств.	Безземельн. пролетар.
Лифляндія.	1.299.365	918.584	181.783	800	650.000
Курляндія	674.034	518.273	106.557	648	377.000
Итого. .	1.973.399	1.436.757	288.340	1.448	1.127.000

Мы видимъ, такимъ образомъ, что бо́льшая половина всей площади земли—около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ—принадлежитъ въ этихъ двухъ губерніяхъ 1.500 дворянамъ; другая, меньшая половина—2 милліона десятинъ—находится въ пользованіи 1.500.000 чел. На каждаго дворянина приходится столько же земли, сколько на 1.000 крестьянъ. Иначе говоря, тысячная часть всего сельскаго населенія, не занимающаяся къ тому же сама земледѣльческимъ трудомъ, владѣетъ половиной всей земли. Далѣе, лишь одна пятая сельскаго населенія (288.340 чел.) имѣетъ достаточное количество земли; двѣ трети его (около милліона человѣкъ), обрабатывающія на дѣлѣ *всю* землю, не владѣютъ землей совсѣмъ.

Итакъ, почти три четверти всего латышскаго населенія заняты земледѣ-

ліемъ, и недаромъ латышей нерѣдко называютъ „народомъ пахарей“ — „aгajнtauta“. Однако, „народъ пахарей“ уже издавна не является однородной массой. Разслоеніе крестьянства беретъ свое начало еще съ 1804 и 1817 годовъ, т. е. со времени такъ называемаго „освобожденія крестьянъ“ (по существу сводившагося къ предоставленію одной лишь *личной* свободы безъ политическихъ правъ и, главное, *безъ земли*), послѣ котораго ихъ положеніе стало еще хуже, чѣмъ въ эпоху крѣпостной зависимости. Земля была отнята, положена была непомѣрная „барщина“, и къ тому же былъ запрещенъ уходъ изъ волости (право „свободнаго передвиженія“ было дано гораздо позже). Бароны, сдавая крестьянамъ землю, назначали арендную плату по своему произволу, ибо крестьяне, не имѣя права ухода, были вынуждены платить, сколько у нихъ требовали; они были, такимъ образомъ, головой выданы помѣщику. Лишь голодные крестьянскіе бунты 20-хъ, а затѣмъ 40-хъ и 50-хъ годовъ заставили, наконецъ, бароновъ нѣсколько облегчить положеніе крестьянъ. Но облегченіе это отнюдь не распространялось на массу безземельныхъ, оно способствовало только нарожденію новаго класса хозяевъ-арендаторовъ. Дальнѣйшее экономическое развитіе въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и земельной ренты, невозможность повысить барщину и оброки, заставили дворянъ обратиться къ продажѣ своихъ усадебъ. Но для того, чтобы крестьяне-собственники получили возможность платить высокія цѣны за усадьбы, надо было сдѣлать имъ еще различнаго рода „послабленія“, дать имъ возможность передвиженія, предоставить нѣкоторыя политическія права; все это нашло себѣ выраженіе въ реформахъ 60-хъ годовъ. Реформы преслѣдовали сверхъ того и еще одну цѣль: создать консервативный классъ зажиточныхъ крестьянъ, который могъ бы сыграть роль противовѣса безземельнымъ батракамъ и извѣстнаго рода плотины, ограждающей отъ крестьянскихъ бунтовъ.

Послѣдствіемъ этихъ реформъ и было дальнѣйшее разслоеніе крестьянства и латышскаго населенія вообще. Образуется классъ зажиточныхъ, крупныхъ крестьянъ-собственниковъ, съ усадьбами въ 100—200 десятинъ; постепенно нарождается классъ арендаторовъ дворянскихъ имѣній, появляются латышскіе помѣщики, сельскіе фабриканты и промышленники (пивоваренные заводы, мельницы, лѣсопильни) и такъ далѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался отливъ рабочихъ рукъ изъ деревни въ города. И по мѣрѣ того, какъ подъ давленіемъ экономическаго развитія падали одна за другой юридическія перегородки, латыши все въ большей мѣрѣ прокладывали себѣ дорогу къ „благамъ культуры“, и рука объ руку съ этимъ процессомъ шелъ все дальше процессъ расчлененія въ ихъ средѣ.

Такимъ образомъ, изъ „народа пахарей“ выдѣлилось мало-по-малу сильное городское населеніе, насчитывающее въ своихъ рядахъ крупныхъ коммерсан-

товъ (съ милліонными оборотами), промышленниковъ, судовладѣльцевъ, домохозяевъ и представителей всевозможныхъ либеральныхъ профессій—врачей, адвокатовъ, учителей, пасторовъ.

Особенную интенсивность и быстроту темпа это развитіе пріобрѣтаетъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. И если нѣмцы относятъ начало процвѣтанія „балтійской культуры“ къ серединѣ XIX столѣтія [1]), то носителями этой культуры были именно—латыши. Та же роль принадлежитъ въ Эстляндіи эстамъ.

Чтобы получить нѣкоторое представленіе о культурномъ уровнѣ латышскаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ, приведемъ нѣкоторыя сравнительныя данныя о постановкѣ мѣстнаго школьнаго дѣла и о грамотности.

Къ 1 января 1905 г. въ Лифляндіи было начальныхъ школъ (волостныхъ, городскихъ, казенныхъ, православныхъ-приходскихъ, общественныхъ и др.) 1.624, частныхъ—159, церковныхъ—16 [2]). Израсходовано было на начальныя школы въ 1904 году—1.025.823 р. Почти половину всѣхъ расходовъ несутъ крестьяне—латыши и эсты—въ размѣрѣ 399.179 руб.; за ними слѣдуютъ города, тратящіе 146.082 р., и казна—110.397 р. Дворянство платитъ вдесятеро меньше, нежели крестьяне—39.450 р.; сами учащіеся, наконецъ, (опять тѣ же крестьяне) платятъ 171.257 р. Въ Курляндіи волостныхъ школъ числится 338, министерскихъ—19, прочихъ (въ городахъ и деревняхъ)—109, всего—456.

Не слѣдуетъ забывать, что нѣмецкое дворянство всегда ставило величайшія преграды просвѣщенію крестьянскихъ массъ. Первыя латышскія школы были основаны не въ эпоху господства нѣмцевъ, а лишь тогда, когда краемъ завладѣли шведы. Тогда же впервые и библія была переведена на латышскій языкъ (1689 г.). Вообще шведскій періодъ, который продолжался, впрочемъ, недолго (100 лѣтъ), отличался широкой культурной работой въ краѣ. Нѣмецкіе же феодалы смотрѣли всегда на Прибалтійскій край, какъ на *колонію*, изъ которой слѣдуетъ только извлекать побольше выгодъ, и въ этомъ духѣ складывалась вся ихъ культурная дѣятельность.

Посмотримъ на тѣ результаты, которыхъ, несмотря на всѣ препятствія, латыши достигли въ области просвѣщенія, благодаря движущимъ силамъ развивающагося капитализма и культурнымъ стремленіямъ, характернымъ для ранняго, прогрессивнаго періода націонализма.

---

[1]) См. отчеты лифляндскаго нѣмецкаго общества („Deutscher Verein in Livland“).

[2]) До 1887 года (въ этомъ году были введены русскія школы) въ Лифляндіи, по даннымъ, представленнымъ, правда, дворянствомъ, имѣлись 123 приходскія и 974 волостныя начальныя школы; въ 1904 году число приходскихъ понизилось до 111, волостныхъ до 826; общее уменьшеніе равняется 160.

Грамотность населенія Прибалтійскаго края выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ Лифляндіи число грамотныхъ составляетъ 77,7%, въ Курляндіи—70,9%, въ Эстляндіи—79,2%; во всѣхъ трехъ губерніяхъ вмѣстѣ взятыхъ—76% (въ Россіи — около 30%). Иная картина получится, если выдѣлить цифры, относящіяся къ однимъ лишь латышамъ. Въ 1897 г. въ Лифляндіи изъ всего числа сельчанъ-латышей (не считая дѣтей моложе 10 лѣтъ и стариковъ старше 60 лѣтъ) неграмотныхъ было всего 8.540 мужского пола и 7.632 женск., или 5,47% (мужч.) и 4,34% (женщ.),— это означаетъ почти поголовную грамотность. Аналогичныя цифры для Курляндіи: неграмотныхъ 8.892 мужчинъ и 10.025 женщинъ, т. е. 6,48% и 6,49%; число грамотныхъ латышей равняется здѣсь, слѣдовательно, 93,52% [1]).

Такимъ образомъ, процентъ грамотныхъ среди латышей на 23—24% выше средней нормы грамотныхъ въ краѣ; уровень грамотности эстовъ приблизительно таковъ же. Ясно, что элементомъ, понижающимъ процентъ грамотности въ краѣ, являются русскіе и нѣмцы. Въ 1897 году въ Лифляндіи число грамотныхъ нѣмцевъ равнялось лишь 73% всего нѣмецкаго населенія, т. е. ниже средней мѣстной нормы на 3,7%; неграмотныхъ нѣмцевъ-сельчанъ было 1.540 мужчинъ, или 27% (у латышей 5,5%) и 883 женщины, или 13,7% (латышей 4,3%). По возрастамъ: отъ 10 до 19 лѣтъ—16,7% неграмотныхъ, отъ 20 до 29 лѣтъ—36,5%; отъ 30 до 39 лѣтъ—34,59%. Но большинство нѣмцевъ живетъ въ городахъ, и незнакомый съ мѣстной жизнью естественно ожидаетъ, что здѣсь-то скажется нѣмецкая культурность. Ожиданіе оказывается ошибочнымъ. Въ Лифляндіи на 30.349 нѣмцевъ-горожанъ (отъ 10 до 60 лѣтъ) приходится неграмотныхъ 9.752, или 32,13%. Процентъ неграмотныхъ здѣсь даже больше, чѣмъ въ деревнѣ. Въ возрастѣ отъ 20 до 29 лѣтъ % неграмотныхъ еще выше: 38%. Въ Курляндіи встрѣчаемъ почти тѣ же цифры: неграмотныхъ нѣмцевъ-сельчанъ 25,35% (женщинъ 11,9%). По возрастамъ: отъ 10 до 19 лѣтъ — 10,7%, отъ 20 до 29 лѣтъ — 29,7%, отъ 30 до 39 лѣтъ—35,7%. Можно было бы ожидать, что по крайней мѣрѣ дворянское сословіе дастъ наибольшій процентъ грамотныхъ. На дѣлѣ и это оказывается не такъ. Среди курляндскихъ дворянъ въ возрастѣ отъ 10 до 19 лѣтъ имѣется 17% неграмотныхъ (у латышей — 6,77%), въ возрастѣ отъ 20 до 29 л. — 6,8%, отъ 30 до 39 лѣтъ— 4,5%. Общій процентъ дворянской безграмотности—8,98 (у крестьянъ 6,48%).

---

[1]) Число неграмотныхъ латышей еще болѣе понизится, если произвести расчлененіе по возрасту. Въ Лифляндіи неграмотныхъ латышей мужчинъ въ возрастѣ отъ 10 до 19 лѣтъ всего 2,96% (женщ. 2,38%), отъ 20 до 29 лѣтъ—4,35% (1,35%). Въ Курляндіи въ возрастѣ отъ 10 до 19 лѣтъ—6,77%, отъ 20 до 29 лѣтъ—4,32%.

Такимъ образомъ, курляндскіе дворяне, будучи много грамотнѣе своихъ городскихъ сородичей, все же далеко уступаютъ по степени грамотности своимъ крестьянамъ и батракамъ - латышамъ. Языкъ этихъ цифръ слишкомъ ясенъ. Нѣмцы являются однимъ изъ наименѣе образованныхъ элементовъ въ краѣ; болѣе низкій процентъ грамотности мы встрѣчаемъ только у бѣднѣйшихъ слоевъ русскихъ, литовцевъ и поляковъ.

Въ высшей степени знаменательный фактъ: господствующіе въ странѣ классы оказываются по своему культурному уровню ниже своихъ „подданныхъ“.

Прежніе учителя латышей становятся нынѣ излишними, теряютъ способность что-либо давать, ибо въ атмосферѣ феодальныхъ традицій сами идутъ назадъ, падаютъ въ культурномъ отношеніи. Нѣмецкій элементъ теряетъ свою культурную гегемонію.

II.

Первые признаки пробужденія національнаго самосознанія у латышей замѣчаются лишь начиная съ XIX столѣтія. Если до того времени и существовала извѣстная культурная связь, объединявшая весь народъ (богатая устная словесность, пѣсни, сказки), то во всякомъ случаѣ, сознаніе этого единства не дозрѣло еще до такой степени, чтобы получить какое-либо общественное или политическое выраженіе. Сознательному національному движенію должны были предшествовать извѣстныя соціальныя предпосылки — полученіе элементарныхъ правъ и первыя попытки урегулированія экономическихъ, точнѣе, аграрныхъ отношеній.

Первыми проявленіями общественной самодѣятельности латышскаго крестьянина, получившаго въ началѣ столѣтія личную „свободу“, были голодные бунты, попытки бѣгства въ „теплую страну“, въ Россію (въ 20-ыхъ годахъ) и переходъ въ православную вѣру (въ 40-ыхъ годахъ) [1]).

Лишь къ серединѣ столѣтія въ средѣ латышской интеллигенціи, вышедшей изъ болѣе зажиточныхъ слоевъ горожанъ и крестьянъ, начинаетъ пускать нѣкоторые корни національная идея. Въ 1848 году мы уже встрѣчаемъ кружки молодежи, занимающіеся латышскимъ языкомъ и исторіей, работающіе надъ просвѣщеніемъ народа и изучающіе Меркеля — нѣмецкаго публициста, игравшаго видную роль въ освободительной реформѣ 1817 года. Нѣмецкое дворянство отнеслось къ этимъ первымъ представителямъ національной идеи съ естественной подозрительностью и опаской и не замедлило окрестить ихъ революціонерами. На дѣлѣ эти первые латышскіе націоналисты — называвшіеся

[1]) Крестьяне полагали, благодаря пущеннымъ правительствомъ слухамъ, что переходъ въ православіе дастъ имъ землю и хлѣбъ, и приняли господствующее исповѣданіе въ количествѣ 140.000 человѣкъ.

тогда младо-латышами—не имѣли ничего общаго ни съ революціей 1848 года, ни съ національными идеалами другихъ народовъ, стремившихся къ возстановленію самостоятельныхъ національныхъ государствъ. Они мечтали лишь о нѣкоторомъ просторѣ для культурнаго развитія крестьянства и объ употребленіи латышскаго языка, какъ средства для достиженія этой цѣли.

Какъ уже выше было сказано, „освобожденіе“ крестьянъ безъ земли и непомѣрныя аренды повлекли за собой вслѣдъ за неудачными бунтами массовый отливъ изъ деревни въ городъ и разслоеніе крестьянства на пролетаріатъ и мелкую буржуазію. Вышедшіе изъ среды этого послѣдняго слоя младо-латыши и были его идеологами, о чемъ ясно свидѣтельствовали тѣ цѣли, которыя они себѣ ставили. Наряду съ задачей поднятія общей культуры крестьянства, а вмѣстѣ съ нимъ и всего края, младо-латыши формулировали, напримѣръ, такія задачи, какъ распространеніе техническихъ сельскохозяйственныхъ знаній, пропаганда усовершенствованныхъ плуговъ, машинъ и искусственнаго удобренія; младо-латышъ Вольдемаръ, секретарь московскаго мореходнаго общества, рекомендуетъ латышамъ заняться мореплаваніемъ, и съ этой цѣлью было даже основано спеціальное общество. Латышскій языкъ разсматривался только, какъ орудіе просвѣщенія. Но для того, чтобы онъ могъ сыграть роль такого орудія, его надо было развить; отсюда филологическіе труды, работы надъ фольклоромъ и литературой.

Средства пропаганды латышской національной идеи были на первыхъ порахъ чрезвычайно ограничены: кружки, чтенія, брошюры и одна газета въ Петербургѣ (черезъ годъ закрытая благодаря кознямъ нѣмецкихъ дворянъ). Первой дозволенной общественной организаціей былъ рижскій „Комитетъ для помощи голодающимъ въ Эстляндіи“ (въ 1868 году), которому были разрѣшены впервые въ Ригѣ 5 лекцій *на латышскомъ языкѣ* и одинъ спектакль. Въ томъ же году было разрѣшено существующее еще и понынѣ „Латышское общество“, ставившее себѣ просвѣтительныя задачи и сдѣлавшееся центромъ латышскаго національнаго движенія. Основатели его вышли изъ круговъ мелкой, но отчасти уже и крупной латышской буржуазіи. И начиная съ этого времени движеніе идетъ быстрыми шагами, не взирая на всю „полноту власти“ нѣмецкихъ бароновъ. Основывается масса обществъ. Въ 1871 году получается разрѣшеніе на первый „съѣздъ латышскихъ сельскихъ хозяевъ“ (514 участниковъ); въ 1873 году устраивается первый латышскій „всеобщій пѣвческій праздникъ“, первый „конгрессъ латышскихъ учителей“ (520 участниковъ), второй конгрессъ сельскихъ хозяевъ. Всѣ эти съѣзды знаменуютъ собою важнѣйшіе этапы въ латышскомъ движеніи, причемъ особенное значеніе имѣлъ первый и послѣдующіе (1880, 1888, 1895 г.г.) пѣвческіе праздники.

Нечего и говорить, что нѣмецкое дворянство относилось къ латышскому движенію съ крайней враждебностью и старалось всѣми силами его подавить. Латышскіе общественные дѣятели, пресса, организаціи, подвергались непрестаннымъ преслѣдованіямъ, но больше всѣхъ терпѣли зажиточные слои крестьянства. Дворянство видѣло въ немъ, и не безъ основанія, главнаго носителя новаго движенія.

Не менѣе дворянства ополчилось противъ „младо-латышества“ и нѣмецкое бюргерство. Его страшилъ наплывъ сельской массы, направлявшейся въ городъ и осѣдавшей тамъ въ видѣ ремесленниковъ, торговцевъ, служащихъ, становившихся для него опасными конкурентами. Только рижскіе патриціи— крупная буржуазія, предприниматели, фабриканты, — не опасаясь этой конкуренціи, издавна поощряли притокъ въ городъ дешевыхъ рабочихъ рукъ, мастеровъ и мелкихъ предпринимателей [1]). Притокъ конкурентовъ-латышей въ города впервые вызвалъ со стороны нѣмцевъ *національную* вражду къ латышамъ, и крайнее шовинистическое настроеніе.

Интересно, что противъ гоненій нѣмцевъ младо-латыши искали себѣ защиту у русскихъ славянофиловъ, враговъ „гнилого запада“, ссылаясь при этомъ на яко бы славянское происхожденіе латышскаго народа (и только такимъ образомъ, союзъ латышскихъ прогрессивныхъ культурниковъ-націоналистовъ съ русскими реакціонерами сталъ по крайней мѣрѣ теоретически мыслимъ). Нельзя, впрочемъ, не замѣтить здѣсь того инстинктивнаго тяготѣнія къ Россіи, того ощущенія политической и общественной неразрывности, которое сказывалось уже въ 20-ые и 40-ые годы, и которое становилось все болѣе интенсивнымъ; буржуазія возлагаетъ при этомъ свои надежды на русское правительство, пролетаріатъ—на прогрессивное общество.

Въ 80-хъ годахъ, въ общественномъ и экономическомъ развитіи латышей наступаетъ новый періодъ, отличающійся глубокими измѣненіями.

Мы уже указывали на то, что до того времени мелкая буржуазія была вождемъ латышскаго національнаго движенія. Въ эти годы (1873 — 1881) латышская сельская буржуазія усиленно занималась укрѣпленіемъ своихъ позицій: скупала усадьбы у дворянъ (въ одинъ 1881 г. куплено усадебъ на $3^1/_2$ милліона рублей), работала надъ поднятіемъ технической культуры. Но это удавалось лишь одной, болѣе зажиточной части крестьянства. Другая часть, закупивъ усадьбы по непомѣрно высокимъ цѣнамъ, вздутымъ баронами, обнищала и пе-

[1]) Еще до „освобожденія“ 1817 г. патриціи охотно брали подъ свое покровительство крѣпостныхъ латышей и избавляли отъ помѣщиковъ, записывая ихъ въ „нѣмцы“. Изъ этихъ элементовъ уже тогда стало складываться латышское мѣщанство, а впослѣдствіи и буржуазія, хотя и надо отмѣтить, что большинство этого слоя онѣмечилось и образуетъ нынѣ „коренное“ нѣмецкое населеніе.

решла въ ряды безземельныхъ. Въ то же время—въ серединѣ 80-хъ годовъ — на Прибалтійскій край обрушивается обрусительная политика правительства съ ея обычными спутниками—насиліемъ и произволомъ. Правда, послѣ сенаторской ревизіи 1884 года были введены нѣкоторыя реформы: преобразованъ судъ, полиція, школьное дѣло, но онѣ отличались крайней половинчатостью. Главные вопросы—аграрный и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи, настоятельно нуждавшемся въ освобожденіи отъ дворянской опеки, остались совершенно незатронутыми. Мызная полиція по прежнему осталась въ рукахъ бароновъ. А русская школа, на первыхъ порахъ сочувственно встрѣченная населеніемъ, какъ оплотъ противъ онѣмеченія, оказалась только грубымъ орудіемъ обрусенія.

Надежды на славянофиловъ и „кровное родство“ оказались тщетными.

Этотъ новый періодъ, тянувшійся вплоть до 1905 года, былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для латышей, какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи [1]). Прежній нѣмецкій гнетъ не исчезъ, онъ лишь усугубился новымъ—русскимъ.

Прогрессирующее обѣднѣніе крестьянской массы, наплывъ въ города, двойной гнетъ,—все это постепенно измѣняло общественную идеологію. Латышская мелкая буржуазія росла и численно, и по своей силѣ, но часть ея подверглась пролетаризаціи, часть пробралась въ ряды крупной буржуазіи; разслоеніе пошло все глубже, и старая идеологія, объединявшая на „пѣвческихъ праздникахъ“ весь народъ, поблекла.

Въ яркомъ свѣтѣ аграрныхъ волненій памятнаго 1905 года отчетливо выступило измѣнившееся соотношеніе общественныхъ силъ. Наиболѣе рѣзко это обнаружилось въ процессѣ образованія политическихъ партій.

Раньше и успѣшнѣе другихъ—хотя и по совершенно различнымъ причинамъ—сложились, конечно, наиболѣе крайнія партіи въ краѣ: партія нѣмецкаго дворянства, съ одной стороны, и партія латышскаго городского пролетаріата, съ другой. Дворянамъ было сравнительно нетрудно съорганизоваться уже потому одному, что этотъ слой образуетъ весьма небольшую по своей численности—и притомъ господствующую—группу, съ совершенно тождественными интересами, издавна сплоченную и въ извѣстномъ смыслѣ уже съорганизованную. Подъ воздѣйствіемъ дворянства составилась и изъ буржуазныхъ нѣмецкихъ группъ такъ называемая „Балтійская конституціонная партія“, — составилась такъ быстро и гладко, какъ любая комисія

[1]) Характерными для экономическаго положенія латышей въ этотъ періодъ могутъ служить, напримѣръ, данныя о продажѣ крестьянскихъ усадебъ; такъ, за три года, отъ 1894 до 1896 года было продано съ торговъ 3.743 крестьянскихъ усадьбы—16% всего крестьянскаго владѣнія! Здѣсь-то и нужно искать объясненія той интенсивности, съ какой разразился взрывъ 1905 года.

дворянскаго ландтага. Что касается партіи латышскаго пролетаріата, то и она могла выступить сразу послѣ октября 1905 года на арену общественной жизни, а въ частности въ избирательной кампаніи, какъ внушительная сила, ибо латышскій пролетаріатъ имѣетъ свою организацію уже съ 90-хъ годовъ [1]).

Труднѣе всего было съорганизоваться латышской буржуазіи. Она распадалась на цѣлый рядъ отдѣльныхъ группъ, преслѣдующихъ каждая свои отдѣльныя задачи и имѣющихъ свои особые интересы. Объединяло всѣ эти группы лишь единство національной идеологіи; но капитализмъ разрушилъ и это единство, а новая связь не успѣла еще установиться на его мѣсто. И такимъ образомъ, во время выборовъ въ государственную думу латышская буржуазія, будучи неспособной объединиться въ одну партію, скоро раскололась.

Крайніе консерваторы-монархисты основали такъ называемую „Латышскую народную партію“, основные постулаты которой: сильная монархическая власть, объединеніе всѣхъ латышей на почвѣ національной идеи (главный пунктъ программы), культивированіе религіознаго начала, искорененіе революціоннаго движенія, реформа самоуправленія, поднятіе сельскаго хозяйства, и т. д. Въ избирательныхъ кампаніяхъ Латышская народная партія не могла выставить своего кандидата и вообще роли не играла. Приблизительно ту же программу, что и Латышская народная партія, но лишь не столь послѣдовательно проведенную и нѣсколько прикрашенную „либерализмомъ“, выставляетъ другая группа консерваторовъ, конкурирующая съ первой: это—„Латышская реформистская партія“. Въ своей программѣ Латышская реформистская партія выражаетъ желаніе содѣйствовать развитію латышской національности мирнымъ путемъ, на почвѣ манифеста 17 октября, требуетъ „національныхъ правъ“ (латышскій языкъ въ школѣ, судѣ, самоуправленіи), поощренія мелкаго и средняго землевладѣнія и поднятія сельскохозяйственной культуры;

[1]) Съ ростомъ городского населенія едва ли не въ геометрической прогрессіи росъ и пролетаріатъ; въ Ригѣ, напримѣръ, въ 1867 году на 102.000 жителей приходилось 5.000 рабочихъ; въ 1901 г. на 282.000 жителей было уже 50.000 рабочихъ. По даннымъ переписи 1897 г. въ Лифляндіи на 1.300.000 жителей фабричныхъ рабочихъ было 53.424. Этотъ крупный ростъ пролетаріата объясняетъ его политическое значеніе и ту выдающуюся роль, которую онъ игралъ и въ событіяхъ 1905 года, и въ избирательной кампаніи, и въ процессѣ группировки политическихъ партій Прибалтійскаго края: онъ далъ толчокъ различнымъ группамъ мелкой буржуазіи къ созданію политическихъ организацій и заставилъ латышскую крупную буржуазію отчетливо обнаружить свою классовую физіономію. При выборахъ во вторую государственную думу (первую они бойкотировали) соціалдемократы провели въ Ригѣ своего кандидата; вступивъ въ блокъ съ прогрессистами и демократами, они собрали здѣсь 9.350 голосовъ или 51,1% общаго количества избирателей. При выборахъ въ третью думу они получили въ Ригѣ 4.757 голосовъ (36,7%), а при вторичныхъ выборахъ соціалдемократическій кандидатъ былъ избранъ, собравъ при помощи кадетовъ и демократовъ 49,1% всѣхъ голосовъ. Пролетаріатъ въ Прибалтійскомъ краѣ организованъ по національностямъ, но принципы солидарности и общности интересовъ соединили и здѣсь, какъ и вездѣ, рабочихъ въ одну партію, въ которую вошли и нѣмцы.

отвергаетъ свободу стачекъ и демократизацію самоуправленія. Требованія этой партіи формулируются съ чрезвычайно характерной неопредѣленностью.

Въ качествѣ третьей партійной организаціи латышской буржуазіи выступила „Латышская конституціонно-демократическая партія", программа которой по внѣшнему виду сходна съ программой русскихъ к.-д. Главнѣйшія требованія этой партіи состоятъ въ слѣдующемъ: широкое мѣстное самоуправленіе, основанное, однако, на имущественномъ цензѣ и платежѣ коммунальныхъ налоговъ; латышскій языкъ въ школѣ и пр.; надзоръ надъ школами сосредоточивается въ рукахъ самоуправленія; передача всей *крестьянской* земли крестьянамъ; нормированная законодательнымъ путемъ такса для земельныхъ выкуповъ; отмѣна нѣкоторыхъ дворянскихъ привилегій и ограниченій правъ крестьянъ; страхованіе рабочихъ, свобода стачекъ и т. д. Латышская конституціонно-демократическая партія, — какъ и впослѣдствіи Латышская реформистская партія,—происходитъ изъ тѣхъ же круговъ „Рижскаго латышскаго общества", на которые опирается и Латышская народная партія. Взгляды этой части латышской буржуазіи еще не успѣли прочно установиться; и программа, и тактика партіи колебались между кадетизмомъ и октябризмомъ, смотря по надобности и по вліянію свыше.

Болѣе отчетливо выкристализовалась организація латышской мелкой буржуазіи (городской и сельской), къ тому же первая по времени изъ всѣхъ латышскихъ буржуазныхъ партій (программа опубликована 17 ноября 1905 года). Въ программѣ этой партіи, носящей названіе Латышской демократической партіи, мы находимъ требованія истинно демократическаго характера: гарантіи неприкосновенности личности и жилища, свобода совѣсти (пункты, которыхъ нѣтъ ни у одной изъ трехъ вышеназванныхъ партій); всеобщее избирательное право безъ ценза, какъ для общегосударственнаго представительства, такъ и для органовъ самоуправленія; поднятіе мелкаго землевладѣнія, право органовъ самоуправленія покупать съ этой цѣлью, принудительно раздроблять и продавать мелкимъ землевладѣльцамъ крупныя имѣнія, какъ общественныя, такъ и частныя; третейскіе суды для установленія арендъ; крестьянскій банкъ; свобода стачекъ, инспекція изъ рабочихъ, законодательство для охраны труда городскихъ и сельскихъ рабочихъ; государственное финансированіе школъ; отдѣленіе церквей отъ государства и передача ея имуществъ органамъ самоуправленія и т. д. Національную идею эта партія выдвигаетъ не въ цѣляхъ духовной опеки надъ низшими классами, а какъ средство конкуренціи съ нѣмецкой мелкой буржуазіей. Партія объединяетъ довольно значительную часть латышской мелкой буржуазіи и играла видную роль на выборахъ въ думу, несмотря на то, что избирательный законъ оставляетъ за бортомъ значительное число ея избирателей.

Сходную съ Латышской демократической партіей программу имѣли и другія демократическія организаціи, напримѣръ, „Прогрессистская“ и „Радикально-демократическая партія“, которыя, однако, мало были замѣтны [1]).

Упомянутая выше Балтійская конституціонная партія, образовавшаяся 27 октября 1905 г. (въ нее вошли: Монархически-конституціонная партія въ Митавѣ, Либерально-конституціонная партія въ Либавѣ и Конституціонная партія въ Эстляндіи) и объединившая всю нѣмецкую буржуазію, пыталась также втянуть въ свои ряды латышей и русскихъ. Однако, изъ 6.500 членовъ ея, въ декабрѣ 1906 года, было—русскихъ 189, латышей 139. Интересенъ соціальный составъ ея: фабрикантовъ числится въ ея рядахъ 400, служащаго персонала, чиновниковъ, литераторовъ—1.300, купцовъ—560, приказчиковъ—1.300, ремесленниковъ-хозяевъ—500, подмастерьевъ, рабочихъ, служителей—1.500. Дворяне, какъ имѣющіе свое особое представительство, сюда не вошли, но держатъ въ своихъ рукахъ всѣ нити. Эта партія ближе всего къ „монархистамъ“, но программа ея (августъ 1906 года), составленная въ характерныхъ по своей неопредѣленности фразахъ (между ними встрѣчаются и „либеральныя“ заявленія), похожа на октябристскую: „твердая“ государственная власть и—свобода совѣсти, слова и проч.; введеніе административныхъ судовъ (Verwaltungsgerichte) и—самостоятельность органовъ самоуправленія; равноправіе гражданъ, но ни слова объ отмѣнѣ дворянскихъ аграрныхъ привилегій и о демократизаціи самоуправленія—самыхъ больныхъ пунктовъ, изъ-за которыхъ и произошли волненія 1905 года. Программа партіи не допускаетъ даже отмѣны такого института, какъ патронатъ [2]).

---

[1]) Другія національности—русскіе, поляки, евреи, литовцы, также имѣютъ въ Ригѣ свои группы, по большей части демократическія, прогрессистскія или лѣвѣе демократовъ. Болѣе зажиточная часть русскихъ идетъ съ нѣмцами или входитъ въ группу октябристовъ. На выборахъ во вторую думу всѣ демократическія группы различныхъ національностей образовали блокъ съ соціалдемократами, латышскими демократами и прогрессистами и получили 9.350 голосовъ, или 55,1%. На выборахъ въ третью думу русскіе и еврейскіе кадеты получили 1.048 голосовъ (8,1%), при вторичной баллотировкѣ часть ихъ подала свои голоса за соціалдемократовъ.

[2]) Дворянство не желаетъ отказаться ни отъ одной изъ своихъ привилегій, и нѣмецкая буржуазія поддерживаетъ его въ ущербъ развитію всей страны и даже—въ извѣстной степени—въ ущербъ своимъ же интересамъ. Даже умѣренно-консервативная часть нѣмецкой крупной и мелкой буржуазіи была не въ силахъ до сихъ поръ избавиться отъ „нестерпимаго консервативнаго деспотизма“. На первыхъ выборахъ въ Ригѣ Балтійская конституціонная партія имѣла 37,8% всѣхъ голосовъ, въ то время какъ соединенныя латышскія (безъ с.-д., бойкотировавшихъ думу), русскія и еврейскія партіи собрали 62,1%. На выборахъ во вторую думу нѣмецкій кандидатъ получилъ 5.800 голосовъ (34,5%); въ третьей избирательной кампаніи партія собрала во 2-й куріи вмѣстѣ съ латышскими реформистами 5.480 голосовъ (42,2%); при вторичномъ голосованіи—46,2%; въ 1-й куріи прошелъ, съ помощью тѣхъ же рефсрмистовъ, нѣмецъ, противъ латышскаго демократа.

Въ виду тѣхъ невѣрныхъ взглядовъ, которые существуютъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ латышскаго движенія, слѣдуетъ на нихъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Прежде всего о такъ называемой „латышской революціи“. Необходимо констатировать, что въ освободительномъ движеніи 1905 года нѣтъ характерныхъ національныхъ моментовъ; не было *латышской* революціи, было *крестьянское* движеніе, направленное противъ дворянъ-помѣщиковъ; не было рѣчи о „латышской республикѣ“, тѣмъ менѣе о какихъ-то „360 (!) латышскихъ республикахъ“, а были—приблизительно въ такомъ же количествѣ волостей—аграрныя волненія, при чемъ выставлялось требованіе демократическаго самоуправленія волостей. Чтобы запугать русскую бюрократію и общество, бароны прозвали самоуправляющіяся волости—„республиками“.

Далѣе, вопросъ о *латышской автономіи*. Даже и болѣе серьезные изъ нѣмецкихъ публицистовъ иногда говорятъ (а вслѣдъ за ними повторяютъ и русскіе), что у латышей имѣется стремленіе отдѣлиться отъ Россіи; „славянофилы“, въ свою очередь, усматриваютъ подобныя стремленія у нѣмцевъ. Излишне говорить, что объ этомъ никто не думаетъ, даже и нѣмцы. Ни принадлежность къ Германіи, ни полная государственная самостоятельность не могла бы дать дворянству большей возможности эксплуатировать крестьянъ, нежели теперь; въ данномъ отношеніи дальше итти некуда. Для латышей же отдѣленіе отъ Россіи было бы, понятно, самоубійствомъ. Къ чему дѣйствительно стремятся бароны,—это къ обособленію края, къ возстановленію старыхъ ландтаговъ и привилегій, къ уменьшенію русскаго вліянія; далѣе они желаютъ возможно болѣе тѣснаго сплоченія всѣхъ трехъ губерній, въ которыхъ они хотѣли бы имѣть одного общаго генералъ-губернатора, отдѣльную судебную палату и высшее административное вѣдомство, съ тѣмъ разсчетомъ, что руководящая роль будетъ принадлежать въ краѣ нѣмецкому дворянству и нѣмецкому языку. Бароны желаютъ возвращенія назадъ, къ временамъ до 1886 и 1860 годовъ. Латышская буржуазія и крестьянство не могутъ, конечно, раздѣлять этихъ стремленій; для буржуазіи ихъ реализація означала бы затрудненную конкуренцію съ нѣмцами, для крестьянъ—крѣпостную зависимость. Латышская буржуазія скорѣе хотѣла бы соединенія трехъ губерній въ *двѣ*, одну съ латышскимъ, другую съ эстонскимъ населеніемъ, что устранило бы необходимость употребленія четырехъ языковъ въ Лифляндіи, сократило бы расходы и облегчило бы конкуренцію съ нѣмецкой буржуазіей. Практически требованія латышской буржуазіи сводятся не къ автономіи, а по-просту къ *земству*. Что касается латышскаго пролетаріата, то для него вопросъ объ автономіи стоитъ, какъ вопросъ объ истинно-демократическомъ самоуправленіи края, которое одно

только можетъ создать условія, необходимыя для культурнаго подъема, и о конституціонномъ строѣ во всемъ государствѣ, отъ котораго скорѣе можно ожидать *соціальнаго* законодательства, нежели отъ органовъ мѣстной автономіи.

Въ связи съ вопросомъ объ автономіи стоитъ третій вопросъ—о *національной враждѣ*. Мы уже видѣли, что вплоть до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія вообще нѣтъ рѣчи о національномъ антагонизмѣ: есть антагонизмъ между крестьянами и ихъ притѣснителями—дворянами. Въ это время нѣмцы еще даютъ латышамъ возможность вступать въ ряды нѣмецкой національности, этого единственнаго въ то время источника культуры и благосостоянія. Но параллельно съ тѣмъ, какъ возрастаетъ притокъ латышей въ города и растетъ въ ихъ средѣ тяга къ пользованію всѣми благами культуры, параллельно съ тѣмъ, какъ въ ихъ лицѣ нѣмцы начинаютъ видѣть конкурентовъ въ ремеслахъ, торговлѣ, промышленности,—намѣчается стремленіе заградить имъ путь; нѣмцы становятся національно-агрессивными. Тогда-то выступаютъ младо-латыши съ латышской національной идеей. „Національная вражда“ достигаетъ своего апогея въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Наплывъ въ города, однако, продолжается, создаются всѣ необходимыя условія для развитія капиталистическихъ отношеній, складывается классъ латышской крупной буржуазіи и городского пролетаріата, и въ связи съ этимъ національный вопросъ переходитъ въ новую фазу. Если нѣмецкая буржуазія продолжаетъ еще видѣть въ латышскомъ буржуазномъ классѣ своего конкурента, то въ лицѣ пролетаріата они оба видятъ своего общаго противника; необходимъ союзъ. Около 1905 года латышскіе и нѣмецкіе консерваторы уже идутъ рука объ руку въ борьбѣ противъ латышскаго пролетаріата и прогрессивныхъ группъ латышской буржуазіи, противъ ихъ прессы, общественныхъ организацій и пр.; въ 1905-мъ и слѣдующихъ годахъ они вмѣстѣ „искореняютъ латышскую революцію“. На выборахъ въ первую думу (въ которыхъ пролетаріатъ не участвовалъ) и во вторую (когда опять-таки не разсчитывали на то, что пролетаріатъ можетъ имѣть успѣхъ) они еще спорятъ о томъ, долженъ ли быть посланъ въ думу нѣмецъ или латышъ. Но въ третьей избирательной кампаніи, убѣдившись изъ опыта предыдущихъ выборовъ въ той силѣ, какую представляетъ рабочая партія, они уже вступаютъ въ союзъ, и въ союзъ далеко не случайный; въ главномъ *національномъ* вопросѣ—о языкѣ — достигнуто извѣстное соглашеніе. Нѣмецкая „Балтійская конституціонная партія“ признаетъ уже „свободу опредѣленія языка преподаванія сообразно потребностямъ мѣстнаго населенія“ и „допущеніе мѣстныхъ языковъ въ общественномъ самоуправленіи и въ правительственныхъ учрежденіяхъ“.

Но борьба между нѣмецкой и латышской буржуазіей не прекратилась.

Борьба идетъ, если не на почвѣ собственно національной, то на почвѣ хозяйственной. „Національная идея“ выдвигается только, какъ руководящій лозунгъ, особенно въ нѣмецкой средѣ.

Нѣмецкая и латышская буржуазія борятся теперь, главнымъ образомъ, за рынокъ, за подряды, за доходныя мѣста: пасторовъ (споръ о патронатѣ), чиновниковъ, служащихъ въ органахъ самоуправленія, въ промышленныхъ заведеніяхъ и мызахъ, за мѣста врачей, адвокатовъ и т. п. Въ этой экономической борьбѣ нѣмцы пропагандируютъ — какъ средство вытѣсненія — бойкотъ латышей. Рижская городская дума (находящаяся въ рукахъ нѣмцевъ), напримѣръ, даетъ мѣста почти исключительно нѣмцамъ; члены лифляндскаго ландтага уговорились (такъ по крайней мѣрѣ сообщаютъ газеты) не допускать латышей на должности съ окладомъ свыше 500 рублей, и такъ далѣе.

Въ качествѣ одного изъ средствъ борьбы бароны практикуютъ также выписку изъ Поволжья и изъ-заграницы нѣмецкихъ колонистовъ — земледѣльцевъ, служащихъ, лѣсниковъ, управляющихъ. Но это не привело пока въ полной мѣрѣ къ желаннымъ результатамъ; многіе изъ колонистовъ, не получая обѣщанныхъ суммъ, бѣгутъ назадъ или нищенствуютъ. Агентами по доставкѣ колонистовъ нерѣдко служатъ пасторы [1]).

Кромѣ того общественная борьба концентрируется вокругъ городскихъ думъ, главнымъ образомъ въ большихъ городскихъ центрахъ; въ мелкихъ городахъ большинство думъ уже перешло въ руки латышей и эстовъ.

За самое послѣднее время замѣчается нѣкоторая перемѣна въ ходѣ національной борьбы въ Прибалтійскомъ краѣ; она вступаетъ въ новый фазисъ. Единство нѣмцевъ, казалось бы, столь крѣпкое и неразрывное, начинаетъ распадаться. Нѣмецкая буржуазія начинаетъ сознавать, что дворянство и не можетъ, и не хочетъ отстаивать ея интересовъ, далеко не тождественныхъ съ интересами феодально-землевладѣльческими. Нѣмецкая буржуазія начинаетъ понемногу считать болѣе выгоднымъ для себя „жить дружно и мирно съ другими балтійцами“, „работать вмѣстѣ на общее благо родины“; она уже тяготится военными и прочими исключительными положеніями, выгодными для бароновъ при усмиреніи крестьянства, выколачиваніи изъ него высокихъ арендъ и т. д., но тормазящими развитію торговой и промышленной дѣятельности и суживающими размахъ капиталистическаго оборота.

---

[1]) Нѣмцы основали также нѣсколько обществъ,—изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ „Нѣмецкое общество въ Лифляндіи“, учрежденное въ 1906 г., устроили бюро для пріисканія мѣстъ нѣмцамъ, агитируютъ въ пользу союза всѣхъ нѣмецкихъ обществъ въ Россіи и привлеченія заграничныхъ соплеменниковъ къ матеріальной поддержкѣ балтійскихъ нѣмецкихъ обществъ.

И въ области національнаго вопроса это новое теченіе въ средѣ нѣмецкой буржуазіи выразилось въ нѣкоторыхъ примирительныхъ тенденціяхъ. Уже въ 1906 г. появляется небольшая газета „Das freie Wort“ которая трактуетъ именно въ этомъ духѣ національную проблему въ Прибалтійскомъ краѣ и даетъ мѣсто ряду статей, излагающихъ латышскія національныя требованія въ формулировкѣ самихъ же латышей. Подъ натискомъ „истинныхъ нѣмцевъ“ газета, впрочемъ, скоро закрылась. Однако, вскорѣ появилась ежедневная газета, издававшаяся въ томъ же духѣ (Rigaische Neueste Nachrichten).

Надо замѣтить, что въ теоріи теперь почти уже всѣми нѣмецкими партіями и почти всей нѣмецкой прессою признается допустимымъ употребленіе латышскаго языка въ начальной (нѣкоторые относятъ это и къ средней) школѣ, въ волостныхъ судахъ и органахъ самоуправленія. На практикѣ часть этихъ требованій уже давно удовлетворена; такъ, напр., устное волостное дѣлопроизводство происходило и происходитъ на латышскомъ языкѣ. Другая же часть требованій лежитъ внѣ сферы вліянія нѣмцевъ; таково, напр., употребленіе латышскаго языка въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ и прочихъ судовъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ административныхъ установленіяхъ, употребленіе его, въ качествѣ языка преподаванія въ школахъ—начальныхъ и среднихъ и т. п. Но даже и та часть латышскихъ національныхъ требованій, удовлетвореніе которыхъ на практикѣ находится въ рукахъ нѣмцевъ, встрѣчаетъ все еще различныя препятствія.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ кругахъ латышскаго общества выдвигается вопросъ объ учрежденіи при богословскомъ факультетѣ Юрьевскаго университета латышской и эстонской каѳедры практической теологіи для подготовленія пасторовъ къ произнесенію проповѣдей на языкѣ своихъ прихожанъ. Дворянство это невинное требованіе отвергаетъ, какъ отвергаетъ оно и требованіе отмѣны патроната; оно хорошо понимаетъ, что созданіе кадровъ пасторовъ, знающихъ хорошо языкъ и нужды прихода, и предоставленіе вдобавокъ приходу права выбора своего проповѣдника, означаетъ не что иное, какъ переходъ цѣлаго ряда доходныхъ мѣстъ [1]) изъ его рукъ въ руки латышей и эстовъ.

Другой стоящій на очереди вопросъ, относящійся также къ той области національной проблемы, которая можетъ быть разрѣшена путемъ соглашенія

---

[1]) Въ Прибалтійскомъ краѣ пастора въ деревенскихъ приходахъ получаютъ сверхъ платы за исполненіе требъ нерѣдко еще и сельскохозяйственные продукты отъ прихожанъ, взимаемые на основаніи разныхъ уставовъ еще со временъ крѣпостничества (и это очень часто служитъ предметомъ споровъ между пасторомъ и приходомъ), а въ видѣ жалованья имъ предоставляется пользованіе т. н. пасторскими имѣніями. Доходы отъ этихъ имѣній нерѣдко очень велики, до 12000 руб. въ годъ. Вообще пасторскій трудъ оплачивается среднимъ числомъ 5000 руб. въ годъ; ниже 2000 р. эта цифра опускается рѣдко. Отсюда понятна энергичная борьба бароновъ за право патроната.

между нѣмцами и латышами,—это вопросъ о *городскомъ* латышскомъ театрѣ въ Ригѣ, гдѣ существуютъ уже городскіе театры нѣмецкій и русскій. Нѣмецкая буржуазія въ этомъ вопросѣ оказалась болѣе склонною къ соглашенію съ латышами. Рижская городская дума въ принципѣ признала справедливость этого національнаго требованія. И въ данномъ случаѣ, конечно, эта была только уступка латышской буржуазіи, въ поддержкѣ которой нѣмецкая буржуазія стала сильно нуждаться въ послѣднее время, особенно передъ выборами въ городскую думу, когда ея позиціи начало угрожать демократическое мѣщанство, рекрутирующееся изъ среды всѣхъ національностей.

Упомянемъ еще объ одномъ т. н. національномъ требованіи латышей, о латышскихъ надписяхъ на улицахъ, городскихъ пристаняхъ, трамваяхъ и т. д.

Р. Петерсонъ.

ГРУЗИНЫ.

Для такъ называемой „большой публики“ *Кавказъ* заслоняетъ собою всѣ мѣстныя различія и оттѣнки, какъ бы значительны они ни были. За „Кавказомъ“ большинство не различаетъ ни Грузіи, ни Арменіи, не говоря уже о какой-нибудь Чечнѣ, или Дагестанѣ... Грузинъ, кабардинецъ, закавказскій турокъ (или татаринъ) сливается на разстояніи въ одинъ расплывчатый шаржированный образъ „кавказца“, „восточнаго человѣка“, съ такими атрибутами, какъ акцентъ, черный цвѣтъ волосъ и, по возможности, кинжалъ.

Несомнѣнно, что сложившееся въ Россіи представленіе о „кавказцахъ“, какъ о видовомъ явленіи,—образовалось путемъ индуктивнымъ, путемъ постепеннаго обобщенія. И представленію этому, при всей его неотчетливости, соотвѣтствуютъ, по всей вѣроятности, извѣстные общіе признаки, присущіе различнымъ кавказскимъ племенамъ. Общность эта, подмѣченная—хотя бы совершенно поверхностно—со стороны, не ограничивается однимъ лишь сходствомъ нѣкоторыхъ свойствъ и внѣшнихъ чертъ; она коренится глубже и обусловливается географическимъ сосѣдствомъ, воздѣйствіемъ одинаковыхъ, до извѣстной степени, историческихъ факторовъ и одинаковыхъ условій быта. Но эта общность не вошла еще въ сознаніе кавказскаго населенія. Развитіе ея, упроченіе и, быть можетъ, организація, есть дѣло будущаго [1]).

Путь къ ней лежитъ, однако, черезъ самосознаніе національное или племенное. Но первые шаги этого сознанія скорѣе враждебны мыслимой кавказской общности; и враждебны потому, что патріотизмъ захудалыхъ или просто не свободныхъ (во всѣхъ смыслахъ) народовъ поневолѣ и легко пріобрѣтаетъ характеръ узости и исключительности. А такъ какъ Кавказъ есть „гора языковъ“, страна племенъ разнаго развитія и калибра, разной вѣры и разнаго происхожденія, то, пропорціонально всѣмъ этимъ различіямъ, затрудняется и

---

[1]) Сближенію кавказскихъ народностей содѣйствуетъ общеніе на почвѣ экономическаго оборота, т. е. на почвѣ развитія *кавказскаго* капитализма. Впрочемъ, индустріализація края весьма пока незначительна. Необходимо также отмѣтить вліяніе русской образованности: русскій языкъ является неизбѣжнымъ и весьма полезнымъ орудіемъ повседневныхъ сношеній между различными народностями (поскольку, конечно, этой роли не можетъ играть какой-нибудь другой изъ туземныхъ языковъ, напр., грузинскій, часто употребляющійся въ сношеніяхъ между армянами и грузинами, татарскій и т. д.).

отдаляется достиженіе единства и, напротивъ, все осложняются взаимныя тренія и шероховатости.

Закавказье не складывается изъ *ряда* законченныхъ, замкнутыхъ территорій съ рѣзко выраженнымъ національнымъ характеромъ—и не образуетъ *одной* территоріи съ населеніемъ сплошь смѣшаннымъ. Рядомъ съ Грузіей, страной *сравнительно* однородной по составу населенія (см. ниже) или Дагестаномъ [1]), мы имѣемъ въ армяно-татарскихъ провинціяхъ, по общему правилу, національную черезполосицу [2]).

Въ Закавказьѣ еще больше, чѣмъ на Сѣверномъ Кавказѣ населеніе славится своимъ разнообразіемъ и пестротой (въ племенномъ отношеніи), а также смѣшанностью.

Но, не слѣдуетъ чрезмѣрно преувеличивать запутанности здѣсь національно-сосѣдскихъ отношеній. Правда, не существуетъ еще научно-составленной этнографической карты Закавказья (изданіе ея разсѣяло бы много предразсудковъ)—но нѣкоторыя схемы этихъ отношеній вырисовываются безъ особеннаго затрудненія [3]).

---

[1]) Въ Дагестанской области, по свѣдѣніямъ переписи 1897 г., всего населенія было 571.154. Отсюда на долю *лезгинскихъ племенъ* приходилось 450.903, или 78,9% Изъ 9 округовъ этой области лезгины образуютъ подавляющее большинство (отъ 94% до 99,8%) въ семи округахъ; въ одномъ (Кайтаго-Табасаранскомъ) ихъ 56,9%; наконецъ, въ округѣ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ лезгинъ было лишь 26%; половину населенія (51%) здѣсь составляли кумыки.

[2]) Условнымъ наименованіемъ „армяно-татарскихъ провинцій“ мы здѣсь обозначаемъ: губерніи Эриванскую и Елисаветпольскую и Карсскую область.

[3]) Не лишнимъ будетъ привести здѣсь схему національнаго состава Закавказья, по даннымъ (очевидно, устарѣвшимъ) 1897 года. *Закавказье* слагается изъ *шести* губерній: Тифлисской, Кутаисской, Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и Черноморской; *двухъ* областей: Дагестанской и Батумской, и *двухъ* округовъ: Сухумскаго и Закатальскаго. Здѣсь насчитывалось:

1. Татаръ	1.475.322	или	26	проц.	всего	населенія.
2. Грузинъ.	1.341.437	„	23,7	„	„	„
3. Армянъ.	1.086.970	„	19,4	„	„	„
4. Лезгинъ.	584.538	„	10,3	„	„	„
5. Русскихъ	278.252	„	4,9	„	„	„
6. Турокъ	137.011	„	2,4	„	„	„
7. Курдовъ.	99.813	„	1,7	„	„	„
8. Татовъ	95.037	„	1,6	„	„	„
9. Грековъ.	92.359	„	1,6	„	„	„
10. Осетинъ	72.474	„	1,2	„	„	„
11. Абхазцевъ	59.554	„	1,0	„	„	„
12. Кумыковъ.	51.314	„	1,9	„	„	„
13. Остальныхъ народностей, составляющихъ менѣе 40.000, вмѣстѣ	308.040	„	5,4	„	„	„
Всего. . .	5.663.246					

Грузины, армяне и татары—вотъ важнѣйшія и, съ точки зрѣнія національнаго вопроса, пока интереснѣйшія части туземнаго населенія Закавказья; въ совокупности они составляютъ 70%.

Что касается другихъ кавказскихъ племенъ, то отмѣтимъ лишь, на всякій случай, что тѣ, что прославились „проворствомъ ногъ и силой длани"—черкесы, эти „кавказцы", „горцы" par excellence, принадлежатъ нынѣ (за исключеніемъ кабардинцевъ) больше исторіи и литературѣ, нежели практической политикѣ. Жалкіе остатки адигейскихъ племенъ прозябаютъ по закоулкамъ Черноморской губерніи и Кубанской области [1]). Не существуетъ и кабардинскаго „вопроса", какъ нѣтъ пока національнаго вопроса осетинскаго, чеченскаго или дагестанскаго.

I.

Очень трудно въ настоящее время дать точную, соотвѣтствующую дѣйствительности, картину жизни грузинскаго народа—такъ какъ для этого мы не располагаемъ ни достаточными статистическими свѣдѣніями, ни изслѣдованіями отдѣльныхъ сторонъ народной жизни.

По даннымъ переписи 1897 г. грузины составляли около четверти всего населенія Закавказья, именно, 23,7% (1.341.437 изъ 5.663.246). По численности они лишь немногимъ уступаютъ татарамъ (1.475.322), образующимъ 26% закавказскаго населенія—и оставляютъ за собой армянъ (1.086.970 и 19,4%).

Прежде всего бросимъ взглядъ на грузинскую территорію—подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ часть Закавказья съ преобладающимъ на ней грузинскимъ населеніемъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ эта территорія ко всей площади грузинскихъ земель (царствъ и княжествъ), вошедшихъ, съ начала XIX вѣка, въ составъ Россійской имперіи?

Нынѣшняя грузинская территорія, разумѣется, нѣсколько меньше этой площади, такъ какъ послѣдняя охватывала и мѣстности съ преобладающимъ негрузинскимъ населеніемъ, которыя въ настоящее время не могутъ уже причисляться къ „грузинской" территоріи. Въ общемъ же можно сказать, что грузины сохранили территорію, ими населенную въ моментъ присоединенія къ Россіи.

---

[1]) Массовая эмиграція черкесъ въ турецкіе предѣлы произошла въ началѣ 60-хъ годовъ. Нынѣ ихъ всего на Кавказѣ 43.332, т. е. меньше, чѣмъ *нѣмцевъ*, коихъ насчитано въ 1897 г.—56.729. Знаменательныя цифры! Въ большомъ количествѣ выселились и *абхазцы*, которыхъ остается на Кавказѣ 72.103 чел., преимущественно въ Сухумскомъ округѣ.

Въ сравненіи съ рамками грузинскаго царства въ эпоху его могущества (XI—XIII вѣковъ) размѣры этой территоріи весьма скромные; но все же она представляетъ извѣстное единство и законченность; она не слишкомъ страдаетъ отъ черезполосности, и въ этомъ отношеніи является даже наиболѣе однородной и связной частью Закавказья, простираясь отъ Закатальскаго округа на западъ до Чернаго моря и включая долины рѣкъ: средняго теченія Куры, ея притоковъ Іоры и Алазани на востокѣ, Ріона и Ингура на западѣ.

Сюда входятъ: Тифлисская губернія безъ уѣздовъ Борчалинскаго, Ахалцихскаго и Ахалкалакскаго, т. е. уѣзды Сигнахскій, Телавскій и Тіонетскій (Кахетія), Горійскій, Душетскій и Тифлисскій (Карталинія); Кутаисская губернія со всѣми уѣздами: Кутаисскимъ, Рачинскимъ и Шорапанскимъ (Имеретія), Озургетскимъ (Гурія), Лехчумскимъ, Сенакскимъ и Зугдидскимъ (Мингрелія), наконецъ, Батумскій округъ съ преобладающимъ грузино-мусульманскимъ населеніемъ.

Въ указанныхъ предѣлахъ грузинская территорія насчитываетъ 1.593.097 душъ населенія.

Изъ числа этого населенія грузинъ 1.266.085, т. е. почти 80% (79,8%) [1]).

Подъ „грузинами“ здѣсь разумѣются всѣ отрасли картвельской породы. Необходимо замѣтить, что провинціально-племенные оттѣнки разныхъ частей Грузіи далеко еще не нивелировались, и при обозначеніи этихъ оттѣнковъ въ учебникахъ, справочныхъ изданіяхъ и т. д. сплошь и рядомъ за различіями упускается изъ виду единство грузинскаго народа, не достигшее, правда, полноты и выпуклости, но достаточно прочное и основанное на давней культурной традиціи [2]).

---

[1]) Вотъ разсчетъ, подтверждающій сказанное. Въ Тифлисской губ. съ Закатальскимъ округомъ всего насчитывалось (въ 1897 г.) 1.051.032 жителей. Вычитая отсюда цифру населенія Закатальскаго округа и уѣздовъ: Борчалинскаго, Ахалкалакскаго и Ахалцихскаго, т. е. 353.857, получимъ для грузинской части Тифлисской губ. общую цифру населенія въ 697.175; а вычитая изъ общаго числа грузинъ Тифлисской губерніи (467.631) тѣхъ, которые живутъ въ названныхъ выше ея частяхъ (38.918), получаемъ для грузинскаго населенія Тифлисской губ. на грузинской территоріи цифру 428.713. Въ Кутаисской губ. насчитывалось всего 1.058.241. Вычитая отсюда 162.319 жит. Сухумскаго и Артвинскаго округовъ, получимъ здѣсь общую цифру населенія въ 895.922 чел. А вычитая грузинское населеніе упомянутыхъ округовъ (31.394) изъ цифры грузинскаго населенія всей губерніи, получимъ здѣсь на грузинской территоріи 837.372 грузина. Такимъ образомъ, на сплошной грузинской территоріи обѣихъ губерній оказывается всего населенія 1.593.097 (895.922+697.175), изъ коихъ грузинъ 1.266.085 (837.372+428.713), т. е. 79,8%.

[2]) Вотъ какъ высказывается по этому предмету авторитетнѣйшій спеціалистъ, проф. Марръ: „Грузія есть терминъ прежде всего національно-культурный. Грузія распадалась лингвистически и въ древности (тогда еще въ болѣе рѣзкой степени) на

Важнѣйшія подраздѣленія, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя у лицъ неосвѣдомленныхъ или тенденціозно настроенныхъ заслоняютъ общее понятіе грузинъ—таковы: карталинцы и кахетинцы съ пшавами, хевсурами и тушинами—въ восточной половинѣ Грузіи; имеретины, гурійцы и мингрельцы—въ западной.

Такимъ образомъ, становясь не на историческую точку зрѣнія принадлежности земель къ составу старыхъ грузинскихъ царствъ, а на точку зрѣнія преобладающаго нынѣ населенія, необходимо исключить изъ состава реальной Грузіи, какъ негрузинскія, тѣ провинціи, которыя входили (отчасти до конца XVIII-го вѣка) въ составъ исторической Грузіи, но затѣмъ, по разнымъ причинамъ, измѣнили свою національную физіономію. Это возможно безъ всякаго ущерба для закругленности и цѣльности грузинской территоріи, и ограничивая послѣднюю райономъ дѣйствительнаго разселенія грузинъ, мы получаемъ, какъ сказано, Грузію съ населеніемъ (въ 1897 г.) около 1.600.000 жит., изъ которыхъ грузинъ почти 80%,—соотношеніе вполнѣ благопріятное для признанія опредѣленнаго національнаго характера за данною территоріею.

Изъ національныхъ группъ, составляющихъ меньшинство на этой территоріи, особенную важность представляютъ армяне (мы оставляемъ, конечно, въ сторонѣ русскій націонализмъ, представленный здѣсь не только извѣстными кругами русскаго населенія, но и всѣмъ государственнымъ порядкомъ). Можно даже сказать, что однимъ изъ наиболѣе острыхъ моментовъ грузинскаго націонализма является отношеніе къ армянамъ, и главнымъ образомъ, не къ армянству въ его цѣломъ, и даже не къ закавказскому армянству вообще, а именно къ армянамъ, посколько они живутъ въ видѣ вкрапленій или, точнѣе, въ видѣ національнаго меньшинства, въ различныхъ мѣстностяхъ Грузіи, особенно восточной. Здѣсь армяне являются по преимуществу скупщиками, шинкарями и лавочниками, словомъ, исполняютъ тѣ экономическія функціи, которыя

различные родственные языки, нарѣчія и говоры. Она распадалась обыкновенно и на различныя царства, но тѣмъ не менѣе, Грузія была едина, какъ національно-культурная единица. Ее единили съ введенія христіанства, между прочимъ, церковь и литературный языкъ. Литература... еще сильнѣе сплотила грузинскія племена. Образовалась мѣстная національная культура съ однимъ литературнымъ языкомъ. Этотъ литературный языкъ принято называть грузинскимъ. Такое названіе правильно лишь съ точки зрѣнія лингвистическаго опредѣленія его діалектической основы. . Съ шестого-седьмого вѣка въ развитіи этого литературнаго языка начинаютъ принимать участіе помимо грузинъ-карталинцевъ всѣ прочія грузинскія племена (гурійцы, мингрельцы, лазы, сваны и пр.) и они дѣлаютъ въ общегрузинскую литературу въ общемъ, конечно, большій вкладъ, чѣмъ сами грузины-карталинцы. И, такимъ образомъ, литература становится изъ племенной національною, литературный же языкъ изъ діалектически-грузинскаго, областного, обще-грузинскимъ". См. *проф. Н. Марръ*, Исторія Грузіи, культурно-историческій набросокъ. Спб. 1906 г. Стр. 57. См. тамъ же о мертворожденной попыткѣ православнаго вѣдомства повредить культурному единству Грузіи сочиненіемъ особаго письма (изъ русскаго алфавита) для мингрельцевъ.

въ сельскомъ быту обыкновенно ведутъ къ антагонизму между ихъ носителями и кліентами послѣднихъ: обѣднѣвшимъ феодаломъ и крестьяниномъ, одинаково связаннымъ сельско-хозяйственною рутиною и одинаково чувствующимъ свою зависимость отъ этого класса [1]). Армянинъ, такимъ образомъ, выступаетъ здѣсь одновременно, какъ фигура національная и экономическая, и эти противорѣчія, конечно, создавали всѣ данныя для зарожденія, въ части грузинскаго населенія, армянофобіи, которая, затѣмъ, отрываясь отъ породившихъ ее, чисто мѣстныхъ, впечатлѣній, направлялась уже на армянскій народъ, какъ таковой. Само собою, армяне отвѣчали полною взаимностью, и хотя объ этомъ большею частью не говорятъ, а исповѣдуемыя въ теоріи большинствомъ политическія начала запрещаютъ всякую національную вражду, тѣмъ не менѣе съ этимъ антагонизмомъ приходилось и придется считаться.

Но несмотря на бытовые факты, указанные выше, миръ между армянами и грузинами не былъ, къ чести ихъ, нарушенъ въ самые смутные моменты новѣйшаго періода. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что, напримѣръ, въ Тифлисѣ два общества, двѣ интеллигенціи—армянская и грузинская—живутъ параллельно, безъ всякаго взаимодѣйствія, не зная другъ друга и мало интересуясь взаимно одна другою—отъ чего обѣ стороны, понятно, лишь теряютъ.

Враждебныхъ, непріязненныхъ треній съ мусульманами въ Грузіи не замѣчается. Старыя раны зажили, а реальныхъ основаній для новыхъ конфликтовъ здѣсь пока не имѣется.

II.

Обзоръ важнѣйшихъ проявленій національной жизни умѣстно начать съ языка, этого яркаго показателя особности и, по мнѣнію многихъ, основного признака національности. Не подлежитъ сомнѣнію, что до сихъ поръ грузинскій языкъ (или родственные ему безписьменные діалекты) является живымъ, повседневнымъ и роднымъ языкомъ подавляющей массы грузинской народности, безъ различія классовъ и сословій. Для нѣкоторой, численно незначительной части этой народности, вторымъ обиходнымъ языкомъ является языкъ русскій; и, наконецъ, для уцѣлѣвшей горсти аристократіи, а также, отчасти, для дворянства средней руки и разношерстной интеллигенціи русскій языкъ выдвигается на первое мѣсто; грузинскій же отходитъ далеко на второй планъ, опускаясь иногда даже до степени жаргона, которымъ говорятъ съ прислугой, крестьянами и т. д.

Не описывая здѣсь механизма руссификаціи, замѣтимъ лишь, что по-

[1]) См. слѣдующую главу „Армяне“. Ред.

сколько грузины желали учиться и служить въ службѣ военной и гражданской (а они тяготѣли и къ тому и къ другому, особенно къ службѣ), имъ нельзя было миновать путей русскаго языка. Русская казарма, русская канцелярія, русскія гимназіи, семинаріи и высшія школы разомъ открылись передъ грузинами—и сначала единицами, затѣмъ десятками, и наконецъ, сотнями они устремились въ эти двери. Къ великому вліянію русской выучки присоединяется еще вытѣсненіе грузинскаго языка изъ всей широкой сферы официальныхъ отношеній.

Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ слѣдующему: во-первыхъ, съузилась область примѣненія грузинскаго языка, и соотвѣтственно уменьшилось практическое его значеніе; во-вторыхъ, грузинскій языкъ былъ вытѣсненъ изъ обихода нѣкоторой части грузинскаго общества; и, наконецъ, въ-третьихъ, существенно понизилась *культура* этого языка: это было неминуемымъ слѣдствіемъ и того, что не существовало, такъ сказать, европейской образованности на грузинскомъ языкѣ, и того, что въ среднихъ и высшихъ школахъ вся масса культурныхъ понятій и терминовъ усвоивалась на русскомъ языкѣ; и, наконецъ, оскудѣвалъ грузинскій языкъ вслѣдствіе изгнанія его изъ практики государственныхъ учрежденій.

Затѣмъ, надо помнить еще слѣдующее: грузинскій языкъ сложился подъ вѣковымъ вліяніемъ разныхъ цивилизацій Востока. Въ частности, персидская словесность оставила яркіе слѣды на грузинской литературѣ и языкѣ. Вообще, культура Передней Азіи и Ирана была резервуаромъ, изъ котораго грузины привыкли черпать издавна. Присоединеніе же къ Россіи вырыло постепенно не только политическую, но и культурную пропасть между грузинами и ихъ азіатскими сосѣдями. Грузинскій языкъ подвергся массовому нашествію русскихъ словъ и руссицизмовъ, что пока не содѣйствуетъ его украшенію и не можетъ быть имъ легко и быстро усвоено.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій общій уровень грузинскаго языка и живой рѣчи въ образованныхъ или полуобразованныхъ кругахъ на рубежѣ XX вѣка и, особенно, среди младшихъ поколѣній оказался сильно понизившимся.

Однако, рядомъ съ тенденціями и условіями, благопріятными для выцвѣтанія верховъ грузинской народности, необходимо отмѣтить, въ теченіе XIX вѣка, и цѣлый рядъ симптомовъ, если и не національнаго возрожденія, то, во всякомъ случаѣ, народной живучести. Для правильной оцѣнки этихъ явленій необходимо помнить, что Грузія въ началѣ XIX вѣка перемѣнила азіатское средневѣковье на россійскій казарменно-канцелярски-патріархальный строй; что двѣ почти трети этого вѣка заполнены были на Кавказѣ военной эпопеей, въ которой грузины принимали живое участіе; что духовное и политическое возрожденіе народовъ-неудачниковъ (sit venia verbo) есть продуктъ европей-

скаго свободолюбія,—а для послѣдняго куда какъ вреденъ климатъ азіатской окраины Россіи, бокъ-о-бокъ съ Турціей и Персіей. Если все это вспомнить, а также не забыть, что книгопечатанія, за немногими исключеніями, въ Грузіи не было до XIX вѣка, что крѣпостныя отношенія до сихъ поръ не ликвидированы, что, опять-таки, за немногими исключеніями, хозяйственный бытъ страны поражаетъ своей отсталостью,—въ виду всего этого приходится признать успѣхи гражданственности въ Грузіи довольно значительными, при всей ихъ абсолютной скромности и блѣдности.

Художественная литература имѣла въ Грузіи очень талантливыхъ представителей, достигающихъ въ области лирики несомнѣнной высоты и большого совершенства формы,—что̀ не удивительно при многовѣковой культурѣ слова. Грузинскимъ поэтамъ часто мѣшаетъ дидактическій тонъ и патріотическая нотка—поскольку она отдаетъ іереміадой или сказывается риторикою. Писатели послѣднихъ формацій уже менѣе владѣютъ стихіей родного языка, и поэтому сухи, безцвѣтны.

Само собою разумѣется, что обращеніе къ „великому“ прошлому, сѣтованія на дѣйствительность и призывы къ лучшему будущему, риѳмованіе патріотическихъ настроеній, этотъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ „національныхъ“ литературъ, не миновалъ и Грузіи.

Съ 60-хъ годовъ существуетъ грузинская пресса, которая, однако, до сихъ поръ не получила сколько нибудь широкаго развитія,—въ чемъ легко убѣдиться хотя бы изъ крайне незначительнаго числа изданій, недолговѣчности ихъ (которая далеко не всегда объясняется деспотической системой управленія), а также изъ того обстоятельства, что грузинская провинція не имѣетъ своихъ газетъ и обслуживается изъ Тифлиса. Въ послѣдніе годы, съ появленіемъ новаго круга читателей изъ народа, тиражъ произведеній печати замѣтно возросъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзче обозначился партійный характеръ ея.

Необходимо также имѣть въ виду, что грузины-журналисты всегда принимали дѣятельное участіе въ органахъ мѣстной печати на русскомъ языкѣ, которые читаются, въ концѣ концовъ, больше всего опять-таки туземцами-армянами, грузинами и др.

Въ числѣ другихъ формъ европейской жизни, усвоенныхъ грузинами, назовемъ и театръ, знавшій дни шумныхъ успѣховъ, но переживающій кризисъ, благодаря недостатку личныхъ силъ, недостатку средствъ, отсутствію разумнаго меценатства и учрежденій, желающихъ и способныхъ оказать широкую поддержку. Здѣсь, какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ явленій, оказываетъ свое вліяніе національное безразличіе или денаціонализація тѣхъ элементовъ общества, которые всюду являются главными цѣнителями и посѣтителями театровъ.

Во всякомъ случаѣ, театральное дѣло пустило кое-какіе корни въ народной почвѣ. Имѣются въ немаломъ количествѣ пьесы переводныя и оригинальныя. Изъ послѣднихъ бытовыя, по большей части, уже устарѣли; историческія часто сбиваются на мелодраму. Упадокъ, въ новѣйшее время, грузинской литературы и языка пагубно отражается и на театрѣ.

Что касается различныхъ обществъ и союзовъ — ученыхъ, профессіональныхъ, спортивныхъ, музыкальныхъ и пр.,—служащихъ всюду орудіемъ національной культуры, то эта сторона дѣла находится еще въ зародышевомъ состояніи. Помѣхою является здѣсь не только полицейскій режимъ, но также инертность верхнихъ слоевъ населенія, ихъ, такъ сказать, оцѣпенѣлость—наслѣдіе вѣковой азіатчины. Тщетно было бы искать здѣсь „соколовъ“,—несмотря на то, что физическая сила и, особенно, ловкость въ грузинскомъ населеніи далеко не рѣдкость—или альпинистовъ—хотя вся страна или прилегаетъ къ горнымъ хребтамъ, или состоитъ изъ предгорій. Не существуетъ ни мѣстныхъ обществъ сельскаго хозяйства, ни кружковъ естествоиспытателей и врачей,—нѣтъ той фаланги разсыпанныхъ по странѣ добровольцевъ знанія—чистаго и прикладнаго,—безъ которыхъ малочисленныя, лишенныя политической самостоятельности націи обречены на неминуемое прозябаніе.

Изъ существующихъ въ Грузіи грузинскихъ обществъ назовемъ Общество распространенія грамотности среди грузинъ, недавно учрежденныя общества—филармоническое и историко-этнографическое.

При отсутствіи какой бы то ни было организаціи, извѣстное національное значеніе, въ самой, конечно, слабой степени, пріобрѣталось органами дворянскаго самоуправленія, и также кредитными учрежденіями. И тѣми, и другими дѣлались довольно крупныя отчисленія на нужды культурнаго характера, особенно на содержаніе училищъ. Впрочемъ, вообще дворянскія учрежденія Тифлисской и Кутаисской губерній (вмѣстѣ съ двумя дворянскими земельными банками) играли весьма видную роль въ общественной жизни страны до послѣдняго періода. Здѣсь благодаря собраніямъ, рѣчамъ, игрѣ партій и котерій создавалась иллюзія общественной самодѣятельности, пріобрѣтались и утрачивались репутаціи.

Школьное дѣло въ Грузіи находится всецѣло въ рукахъ Кавказскаго учебнаго округа и, разумѣется, менѣе всего служитъ интересамъ національной культуры. Число учебныхъ заведеній возрастаетъ непрерывно, но школьная система вызываетъ нареканія со всѣхъ сторонъ. Общій кризисъ русской школы осложняется въ Грузіи тѣмъ, что при первенствующемъ значеніи русскаго языка въ преподаваніи и при слабой распространенности его въ преобладающей крестьянской массѣ населенія, преподаваніе не можетъ быть успѣшнымъ, грамотность получается сомнительная, русскій языкъ усваивается

въ изуродованномъ видѣ, грузинскій же не совершенствуется. Въ области средняго образованія, гдѣ знаніе русскаго языка является неотъемлемымъ условіемъ, и которое, служа преддверіемъ высшаго образованія, открываетъ путь къ службѣ, либеральнымъ профессіямъ и т. д.,—достигаются бо̀льшіе успѣхи, но цѣною, такъ сказать, національнаго линянія; причемъ вылинявшій грузинъ все еще не дѣлается русскимъ, а есть просто полинялый грузинъ. Благодаря всему характеру этой системы, носители средняго и высшаго образованія, по общему правилу, не владѣютъ съ полной точностью ни грузинскимъ, ни русскимъ языкомъ; русскія культурныя традиціи имъ все таки остаются чуждыми, отъ собственной же исторіи, отъ своего прошлаго они отрѣзаны пропастью своего, отчасти вынужденнаго, отчасти добровольнаго невѣжества. Картина, повторяющаяся во многихъ странахъ, находящихся въ томъ же положеніи!

При отсутствіи національныхъ учрежденій и школъ, *церковь* могла бы сдѣлаться средоточіемъ народной жизни. Въ Грузіи этого не произошло; не только потому, что съ присоединеніемъ къ Россіи не надо было уже отстаивать своего православія и подчеркивать его передъ исламомъ (приходилось, скорѣе, спасаться отъ чрезмѣрности синодальнаго россійскаго православія); но главнымъ образомъ потому, что церковь эта уже застыла въ опредѣленной обрядности и догмѣ, а лишеніе ея автокефаліи, включеніе въ составъ русской церкви въ видѣ экзархата съ русскимъ экзархомъ во главѣ и синодальною конторою, и привитіе ей русской семинарской культуры не могло оживить и оздоровить грузинскаго православія. Синодальное политиканство думало выпотрошить изъ него все грузинское и оставить лишь одно православное; однако, повидимому, „ребенокъ былъ выплеснутъ изъ ванны вмѣстѣ съ водой“.

Въ послѣдніе годы обозначилось въ средѣ грузинскаго духовенства теченіе въ пользу возстановленія автокефаліи грузинской церкви. Но теченіе это затормазилось, благодаря противодѣйствію офиціальныхъ сферъ и равнодушію значительной части населенія, мнившей, что оно стоитъ на порогѣ соціальной республики, гдѣ можно обойтись безъ православія, даже автокефальнаго.

Во всякомъ случаѣ, въ немногочисленной пока, нестройной и безглавой арміи грузинскихъ націоналистовъ духовныя лица занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Среди нихъ встрѣчаются дилетанты-знатоки исторіи и древностей, не говоря уже о языкѣ, котораго они, по положенію своему, не могутъ не знать лучше, чѣмъ, напримѣръ, адвокаты, офицеры и т. п.

III.

Грузія—это, можно сказать, страна неосуществившихся возможностей. Многообѣщавшее культурное и политическое ея развитіе, подготовленное рядомъ вѣковъ подъ скрещивающимся вліяніемъ нѣсколькихъ христіанскихъ и мусульманскихъ цивилизацій, прерывается въ своемъ нормальномъ теченіи монгольскимъ нашествіемъ—начала XIII-го вѣка. Съ тѣхъ поръ культурный уровень народа понижается, политическое единство слабѣетъ; во всѣхъ отрасляхъ жизни обнаруживается застой, складывается рутина. Дробленіе Грузіи, имѣющее корни въ географическихъ и этническихъ условіяхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ осложнялись различіемъ вліяній въ обѣихъ ея половинахъ—восточной и западной,—въ послѣднія столѣтія грузинской исторіи уже не оставляло мѣста для политическаго единства; до самаго конца существуютъ, въ качествѣ отдѣльныхъ единицъ, „царства“ Карталинское и Кахетинское (во 2-ой половины XVIII-го вѣка соединенныя подъ однимъ скипетромъ), царство Имеретинское и княжества Гурія и Мингрелія, съ преобладаніемъ въ первыхъ двухъ персидскаго, въ остальныхъ—турецкаго вліянія. Во всѣхъ этихъ земляхъ сложились мѣстныя династіи, въ Карталиніи, Кахетіи и Имеретіи—вѣтви стараго грузинскаго дома Багратидовъ; здѣсь властители носили званіе „царей“. Въ Мингреліи и Гуріи они именовались иначе и считались ниже рангомъ. Междоусобицы и недоразумѣнія между грузинскими владѣтелями были общимъ явленіемъ.

Ликвидація мѣстныхъ династій Грузіи произошла на такихъ условіяхъ, которыя лишали ихъ потомство всякаго значенія. За исключеніемъ нѣсколькихъ давно забытыхъ эпизодовъ, Грузія не знала „претендентовъ“ [1]).

Итакъ, культура Грузіи, послѣ расцвѣта въ эпоху единовластія и политическаго могущества, приходитъ постепенно, начиная съ монгольскаго нашествія XIII-го вѣка, въ упадокъ; во всѣхъ отрасляхъ жизни замѣчается хирѣніе, отмираніе или, лучше, окостенѣніе; и, несмотря на нѣкоторые признаки духовнаго и политическаго возрожденія въ XVII—XVIII вѣкахъ, грузинскія земли, присоединенныя къ Россіи въ началѣ XIX-го вѣка, являли довольно печальную картину страны, полной развалинъ, кое-какъ прозябавшей подъ гнетомъ отсталости и всякихъ невзгодъ.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи, сопровождавшееся для первой утратой политической независимости (этому присоединенію предшествовалъ съ 1783 г. протекторатъ надъ Карталиніею и Кахетіею), исподволь подготовлялось цѣлымъ

---

[1]) Потомки этихъ династій, въ настоящее время, или по-просту захудали, или фигурируютъ въ качествѣ болѣе или менѣе знатнаго дворянства.

рядомъ содѣйствующихъ факторовъ. Общность вѣроисповѣданія, сближавшая грузинъ съ Россіей; давнишнее стремленіе съ ея помощью или подъ ея покровомъ обезопасить себя со стороны мусульманскихъ державъ,—Турціи и Персіи; постепенное развитіе и укрѣпленіе русскаго вліянія въ предѣлахъ Кавказа, по мѣрѣ историческаго движенія къ морямъ и т. д.—все это подготовляло почву для установленія тѣсной связи между грузинскими областями и Россіей.

Связь эта мыслилась грузинскими династіями въ видѣ вассальныхъ отношеній; на самомъ же дѣлѣ послѣдовала инкорпорація съ упраздненіемъ мѣстныхъ династій. Вообще, присоединеніе Грузіи не было процессомъ безболѣзненнымъ, но въ общемъ, можно сказать, что недоразумѣнія, сопровождавшія это присоединеніе, и шероховатости (сразу же рѣзко обнаружившіяся) россійскаго режима не могли извратить своеобразнаго факта *добровольнаго*, въ своей основѣ, присоединенія Грузіи къ Россіи [1]).

Отчасти вслѣдствіе особыхъ условій этого присоединенія, отчасти же вслѣдствіе того, что политическое и общественное состояніе Грузіи въ концѣ XVIII-го вѣка было слишкомъ неприглядным и безпросвѣтнымъ, чтобы дать почву и пищу для живой и непосредственной политической традиціи,—у грузинъ не могло сложиться настроенія народа, насильственно утратившаго свою независимость. И если не считать нѣсколькихъ вспышекъ, имѣвшихъ чисто мѣстное значеніе, большей частью вызванныхъ безобразнымъ поведеніемъ властей, особеннаго недовольства новымъ режимомъ—или, по крайней мѣрѣ, сознательныхъ, общихъ проявленій въ этомъ смыслѣ—не обнаруживается [2]).

Присоединеніе совершилось. Верхи грузинскаго общества постепенно начинаютъ подвергаться руссификаціи—при посредствѣ школы, и службы, военной и гражданской.

Русскіе порядки въ Грузіи могли быть, конечно, лишь отпрыскомъ россійскаго дореформеннаго строя, ни больше, ни меньше; о достоинствахъ ихъ говорить не приходится, но ихъ было достаточно для достиженія ближайшихъ и наиболѣе простыхъ задачъ—замиренія края, насажденія въ немъ хотя бы чисто внѣшняго благочинія.

Въ эпоху намѣстничества извѣстнаго кн. М. С. Воронцова (1844—54) особенно подчеркивается культурно-просвѣтительная миссія русскаго правительства. Вотъ какими словами характеризуетъ дѣятельность этого государственнаго человѣка довольно безпристрастный историкъ „Гражданскаго управленія Закавказьемъ“, г. Иваненко: „Онъ правилъ Закавказьемъ такъ, какъ будто

---

[1]) Подробности объ этомъ см. у *З. Авалова.* Присоединеніе Грузіи къ Россіи 2 изд. Спб. 1906 г.

[2]) Объ упомянутыхъ вспышкахъ см. *прив.-доц. И. Джавахова.* Общественное движеніе въ Грузіи. Спб. 1907 г.

бы этотъ край былъ его родиной. Благо и счастье туземнаго населенія были главною цѣлью его заботъ, основнымъ признакомъ для оцѣнки хорошаго и дурного въ области администраціи и суда. Для него не существовало коллизіи между интересами Россіи и интересами этой окраины. Онъ хорошо понималъ, что главный интересъ Россіи состоялъ, по тому времени, только въ томъ, чтобы связать съ собой этихъ новыхъ подданныхъ нерастяжимыми узами [1])"...

Для полноты картины и въ качествѣ отголоска,—если не общественнаго мнѣнія, то чувствъ наиболѣе „обласканной" части грузинскаго населенія, а именно, дворянства,— приведемъ слѣдующія выраженія изъ адреса Николаю I (въ 1848 г.): „Теперь мы пользуемся совершеннымъ спокойствіемъ внутри; съ врагами деремся не у себя дома, а у нихъ; дѣтей нашихъ воспитываемъ, не опасаясь, а радуясь ихъ будущности. Не проходитъ дня, чтобы каждый изъ насъ не видѣлъ доказательства высокой объ насъ попечительности нашего русскаго государя; не проходитъ дня, чтобы для благосостоянія нашего не проливалась кровь русскихъ древнихъ братій нашихъ по чувству и вѣрѣ. Каждый изъ насъ чувствуетъ чистую, святую любовь и преданность къ русскому нашему самодержавному монарху. Наше благо въ сердцѣ царя, явившаго намъ милость сліянія нашей родины съ единовѣрною намъ Россіею. Мы все это чувствуемъ и желаемъ, чтобы потребована была наша служба и внѣ нашего края, въ какихъ бы то ни было предѣлахъ, или и за предѣлами государства, если безпорядки, волнующіе Западъ Европы, могутъ грозить благосостоянію царства, къ которому Грузія имѣетъ честь принадлежать" [2]).

Конечно, есть доля риторики въ заявленіяхъ подобнаго рода, но основная мысль, преобладающее настроеніе далеко не были фальшью.

Настроеніе это выражено и въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ Грузіи, писавшихъ тогда; мы найдемъ его, напр., у Григорія Орбеліани, который въ своей „Здравицѣ" дѣлаетъ смотръ прошлому Грузіи и безъ всякой (для себя) натяжки и усилія переходитъ отъ старыхъ грузинскихъ царей и воителей къ императору Николаю I и грузинамъ, павшимъ подъ его знаменами— и у Бараташвили, воинственнымъ стихотвореніемъ привѣтствовавшаго участіе грузинъ въ кавказскихъ походахъ, т. е. въ войнѣ Россіи съ горцами. Эта нотка вѣрноподданничества и монархическихъ экстазовъ уживается съ іереміадами — по поводу утраты „великаго" прошлаго — и тоской по той, давно, въ сущности, вѣка назадъ, канувшей въ вѣчность, Грузіи, знаніемъ которой грузины XIX-го вѣка далеко не могли похвастать.

[1]) *В. Н. Иваненко.* Гражданское управленіе Закавказьемъ, отъ присоединенія Грузіи до Намѣстничества Великаго князя Михаила Николаевича. Тифлисъ, 1901 г. Стр. 348.

[2]) Іb. 350.

Разъ сложившееся лояльное настроеніе скоро сдѣлалось стереотипнымъ, вошло въ обиходъ жизни—и неминуемо опошлилось. Послѣдняя шумная демонстрація этой лояльности произошла въ 1901 г., по поводу столѣтія со времени присоединенія Грузіи къ Россіи.

Начиная съ 60-хъ годовъ, давшихъ и Грузіи освобожденіе крестьянъ, отношенія начинаютъ замѣтно усложняться.

Разложеніе грузинской старины идетъ все быстрѣе, объ органическомъ развитіи *народной* культуры не можетъ быть и рѣчи, но сильно увеличивается число людей, вкусившихъ отъ россійскаго образованія. Замѣчается оживленіе въ литературѣ, печать на грузинскомъ языкѣ начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторое значеніе. Проясняется, конечно, и національное сознаніе. Но и это послѣднее, и всякія вообще проявленія общественности (въ рамкахъ обычнаго обще-россійскаго либерализма) по мѣрѣ своего обнаруженія оказываются въ противорѣчіи съ офиціальными началами кавказскаго административнаго строя и политики. Постепенно начинаетъ тускнѣть политическая идиллія, и если намѣстничество великаго князя Михаила Николаевича (1861—1883) въ извѣстной степени продолжаетъ традиціи кн. Воронцова, то дальнѣйшая эпоха „главноначальствующихъ гражданской частью на Кавказѣ“ есть эпоха постепеннаго взаимнаго отчужденія власти и общества, эпохи дискредитированія первой и дезорганизаціи второго.

Сословная гегемонія дворянства въ Грузіи сильно расшатывается. Въ умахъ интеллигенціи отражаются либеральныя и радикальныя (общероссійскія) теченія 60-хъ и 70-хъ годовъ. Въ изящной литературѣ довольно ярко выражается національное чувство, главнымъ образомъ, въ формѣ идеализаціи прошлаго, тоски по утраченному, сѣтованія на жалкую дѣйствительность и т. д.

Если въ дореформенное время, въ эпоху воронцовскаго просвѣщеннаго абсолютизма, вообще не можетъ быть рѣчи ни о національномъ вопросѣ или національномъ движеніи въ Грузіи, ни объ отчетливыхъ народныхъ стремленіяхъ, то позже, въ послѣднія десятилѣтія XIX-го вѣка можно отмѣтить нѣкоторое повышеніе національнаго сознанія и ростъ общественнаго мнѣнія; впрочемъ, все это въ скромныхъ размѣрахъ. Желанія, въ общемъ, не идутъ дальше признанія извѣстныхъ правъ за грузинскимъ языкомъ (особенно, въ школѣ) и распространенія на Грузію земской реформы и суда присяжныхъ.

Какъ бы то ни было, къ концу XIX-го вѣка въ Грузіи не было ни прочныхъ устоевъ органически сложившейся національной культуры, ни условій для успѣшнаго расцвѣта на старой почвѣ новыхъ началъ, привитыхъ уже при русскомъ управленіи. Общественная самодѣятельность выражалась лишь въ блѣдныхъ, зачаточныхъ формахъ. Подцензурная печать (2—3 изданія), театръ, кое-какъ перебивающійся, учрежденія поземельнаго кредита, „Общество

распространенія грамотности среди грузинъ"—вотъ чѣмъ исчерпывались проявленія національной жизни.

Лишенный совершенно самоуправленія народъ находился въ полномъ распоряженіи правительства, лозунги котораго въ концѣ XIX-го вѣка совершенно не совпадали съ выше обрисованными завѣтами кн. Воронцова. Однако, возникновеніе и обостреніе антагонизма между властью и населеніемъ, хотя и отражало на себѣ вліяніе своеобразныхъ мѣстныхъ условій, но въ существѣ своемъ было проявленіемъ того общаго и глубокаго разлада между обществомъ и государственнымъ строемъ, который постепенно обозначился во всей Россіи и привелъ, уже въ наши дни, къ рѣзкому кризису.

IV.

Начиная съ первой половины девяностыхъ годовъ, въ общественную жизнь Грузіи клиномъ врѣзывается новое явленіе—соціалистическая пропаганда. Каковы были ея результаты по истеченіи десяти съ небольшимъ лѣтъ, объ этомъ узнала вся образованная Россія, во-первыхъ, изъ такихъ отдѣльныхъ эпизодовъ закавказской исторіи новѣйшаго времени, какъ напр. событія въ Гуріи 1905—6 гг., во-вторыхъ, обращала на себя вниманіе рѣзкая соціалдемократическая окраска большинства депутатовъ грузинъ въ государственной думѣ трехъ созывовъ [2]).

Условія, благопріятно вліявшія на ростъ соціалистической пропаганды въ Грузіи, въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ общими условіями экономическаго и общественнаго развитія всего Кавказа за послѣднія десятилѣтія. А развитіе это, какъ извѣстно каждому, тѣснымъ образомъ связано, прежде всего, съ политико-экономическими отношеніями Россіи, а затѣмъ, и съ международнымъ идейнымъ и хозяйственнымъ оборотомъ. Однако, эта сторона дѣла, свидѣтельствующая объ общности извѣстныхъ теченій и распространенности опредѣленныхъ догмъ, насъ въ данномъ случаѣ не интересуетъ. Соціалдемократическое движеніе въ Грузіи, какъ таковое, т. е. если брать буквально его лозунги, относится, конечно, не къ области національнаго вопроса, а къ сферѣ международнаго соціализма, причемъ не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что грузинская соціалдемократія является составною частью россійской, и что нигдѣ національный принципъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, не изгонялся такъ настойчиво и такъ прямолинейно—изъ программъ, тезисовъ, платформъ и пр.—какъ въ дѣятельности

---

[2]) Изъ 7 депутатовъ-грузинъ перваго созыва было 5 с.-д.; въ думѣ 2-го созыва 6 грузинъ с.-д. Въ 3-й думѣ, съ сокращеніемъ, по акту 3-го іюня 1907 г., окраиннаго представительства, изъ 3 депутатовъ-грузинъ 2 с.-д.

именно грузинской соціалдемократіи [1]). Какъ бы то ни было, возможно формулировать слѣдующее положеніе: въ началѣ XX-го вѣка въ Грузіи наибольшимъ успѣхомъ пользовалась партія, наиболѣе равнодушная къ вопросамъ національной культуры и, въ частности, къ вопросу объ автономіи или самоуправленіи Грузіи.

Это тѣмъ интереснѣе, что вопросъ о политической самодѣятельности Грузіи, въ теченіе предшествовавшаго времени не возбуждавшійся, выдвигается спустя нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ успѣховъ соціалдемократической пропаганды. А именно, небольшой кружокъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, относясь отрицательно къ централистическимъ увлеченіямъ и предразсудкамъ грузинскихъ соціалдемократовъ, выступилъ съ проповѣдью такой программы, въ которой идея автономіи Грузіи совмѣщалась бы съ началами соціализма. Въ этомъ духѣ издавался въ теченіе нѣкотораго времени въ Парижѣ органъ „Сакартвело“ (т. е. Грузія), съ французскимъ приложеніемъ („La Géorgie“), вызвавшій рѣзкую критику со стороны соціалдемократовъ. Послѣдніе упрекали первыхъ чуть ли не въ роялизмѣ, клерикализмѣ и затаенномъ крѣпостничествѣ, хотя на самомъ дѣлѣ группа „Сакартвело“, особенно въ началѣ тяготѣла, въ сущности, къ федеративному *анархизму*.

Въ дальнѣйшемъ изъ этой (первоначально, подпольной) группы вышла такъ называемая грузинская партія соціалистовъ-федералистовъ, отстаивающая автономію Грузіи. Своимъ націоналистическимъ складомъ она рѣзко отличается отъ партіи соціалдемократовъ. По общимъ же взглядамъ своимъ она, повидимому, не чужда партіи соціалистовъ-революціонеровъ; связь эта, однако, чисто идейная—въ противоположность органическому единенію грузинской соціалдемократіи съ россійскою [2]).

Особеннаго успѣха въ Грузіи „федералисты“ пока не имѣли — это сказалось, между прочимъ, и въ исходѣ парламентскихъ выборовъ. Но, во всякомъ случаѣ, наряду съ соціалдемократіей, они являются пока единственною группою, заслуживающею наименованія партіи. Нельзя сказать того же ни объ обломкахъ грузинскаго консерватизма, не такъ давно задававшаго тонъ, если не въ широкихъ слояхъ народа, то въ „обществѣ“,—ни о „буржуазныхъ“ автономистахъ, или просто либералахъ, ни объ „умѣренныхъ“ элементахъ, имѣющихся, конечно, и въ Грузіи, но не представляющихъ сплоченной, организованной силы [3]).

---

[1]) Какъ показано будетъ дальше, эта словесная, показная сторона далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ конкретной роли грузинскихъ с.-д.

[2]) См. „Протоколы конференціи Россійскихъ національно-соціалистическихъ партій“. Спб. 1908.

[3]) О томъ, что и среди грузинъ консерваторы не совсѣмъ перевелись, краснорѣчиво напомнили Россіи генералы Карангозовъ и Думбадзе.

Бросается въ глаза, что обѣ вышеназванныя партіи, т. е. и соціалдемократы и соціалисты-федералисты являются какъ бы отраженіями въ грузинской средѣ двухъ основныхъ теченій революціонной Россіи. Впрочемъ, это надо понимать не въ смыслѣ одной пассивной подражательности установленнымъ въ Россіи образцамъ, а какъ симптомъ вліянія Россіи и русской общественности, нашедшаго воспріимчивую почву.

Во всякомъ случаѣ, въ грузинскомъ общественномъ движеніи (и это особенно интересно отмѣтить при сравнительномъ изученіи національныхъ вопросовъ) нѣтъ и тѣни хотя бы малѣйшей враждебности или даже простой отчужденности отъ Россіи (разсматриваемой какъ культурное цѣлое); а самая распространенная въ Грузіи политическая группа является даже, какъ уже упомянуто, не болѣе, какъ филіальнымъ отдѣленіемъ россійской соціалдемократической партіи.

Всякій безпристрастный наблюдатель политическаго развитія Грузіи не можетъ не задаться вопросомъ: откуда этотъ избытокъ „соціализма“ въ странѣ съ преобладаніемъ сельскаго населенія, еще вчера патріархальной, православной, дворянской, лояльной; въ странѣ, гдѣ фабричная труба и дѣловая контора — рѣдкое исключеніе, а разоренная полунищая усадьба или рутинное, жалкое крестьянское землецарапанье (земледѣліемъ его назвать нельзя)— составляетъ общее правило?

Весьма распространено мнѣніе, что внѣшній успѣхъ соціализма, ни мало не соотвѣтствующій степени хозяйственнаго развитія страны и нынѣшней стадіи ея классоваго расчлененія [1]) въ значительной мѣрѣ вызванъ искусственно тѣмъ обстоятельствомъ, что отсталая и враждебная или по крайней мѣрѣ равнодушная къ народу, рутинная и не популярная система кавказскаго управленія задерживала естественное развитіе народа, не удовлетворяла его запросамъ и потребностямъ, и, хуже того, не только не заботилась объ ихъ удовлетвореніи, но методически гасила всякія попытки критики, всякіе проблески національной и общественной мысли, ставя ей всяческія препоны и ревниво предупреждая самую возможность національнаго возрожденія путемъ разнообразныхъ пріемовъ полицейской дѣятельности и руссификаціи. Система эта довела народъ до крайней степени раздраженія и толкнула его въ ряды тѣхъ, кто особенно упорно, страстно и непримиримо отрицаетъ исто-

[1]) Дѣйствительно, Грузія страна по преимуществу сельская: за рѣдкими исключеніями здѣсь нѣтъ развитой промышленности. Преобладаетъ мелкое ремесло, мелкая торговля, мелкое землевладѣніе, либо малоземелье. О капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ съ широкимъ примѣненіемъ наемнаго труда нѣтъ и рѣчи. Словомъ, эта картина не пролетаризаціи, связанной съ расцвѣтомъ капитализма, а бѣдности и захудалости, вызываемой, по преимуществу, слабымъ развитіемъ производительныхъ силъ.

рически сложившійся государственный строй—т. е. въ ряды соціалистовъ, сторонниковъ ученія, выросшаго на *иной* почвѣ, разсчитаннаго на *иныя* условія.

Въ этомъ соображеніи много правильнаго. Выступленіе подъ соціалистическимъ флагомъ элементовъ недовольныхъ и настроенныхъ не столько пролетарски, сколько ультра-радикально,—это явленіе довольно распространенное—и тѣмъ болѣе распространенное, чѣмъ хуже вообще условія политической борьбы, и чѣмъ болѣе пищи даютъ существующіе порядки для оппозиціоннаго пыла радикально-настроенныхъ буржуазныхъ элементовъ. Въ Грузіи эти „Mitläufer"-ы являются, по всей вѣроятности, главнымъ оплотомъ соціалдемократіи—т. е. не дополнительной оболочкой, окружающей основное ядро пролетаріата, носителя новыхъ идеаловъ,—а слоемъ настолько значительнымъ, что черезъ толщу его трудно разглядѣть это ядро истинныхъ соціалистовъ-пролетаріевъ.

Но спрашивается, почему же недовольное существующимъ строемъ населеніе Грузіи такъ прислушивалось именно въ соціалистической пропагандѣ? Причину этого слѣдуетъ видѣть вотъ въ чемъ. Русскій режимъ въ Грузіи, парализовавъ естественное развитіе начатковъ старой грузинской культуры, не могъ, конечно, дать взамѣнъ ея иную культуру, которая могла бы войти быстро и органически въ плоть и кровь народа. Съ другой стороны, грузины, вступившіе въ жизнь XIX-го вѣка со всѣми особенностями народа среднихъ вѣковъ, не могли — въ качествѣ націи подневольной и притомъ въ обстановкѣ Закавказья за истекшее столѣтіе, — не могли сами поднять свою культуру до высоты требованій, предъявляемыхъ условіями существованія народовъ въ наше время.

При отсутствіи законченной и отвѣчающей времени національной культуры, обезпеченной спеціальными учрежденіями, при отсутствіи власти, считающей интересъ народа своимъ интересомъ и при постепенномъ накопленіи, осложненіи и обостреніи вопросовъ огромнаго общественнаго и политическаго значенія, разрѣшить которые нынѣшняя власть не умѣла и не желала,—получалась угнетающая картина. Нація, несмотря на отсталось свою, принадлежащая все же, въ концѣ концовъ, къ числу старыхъ народовъ христіанской культуры, увидѣла себя (и прошло много времени, пока это чувство выяснилось и окрѣпло) обманутой въ лучшихъ чаяніяхъ, матеріально безпомощной, лишенной надлежащихъ средствъ и орудій борьбы за существованіе. Основнымъ зломъ, при этомъ, являлась далеко не полная, не завершенная ликвидація крѣпостныхъ порядковъ. Здѣсь корень аграрнаго вопроса, которымъ Грузія давно болѣла. Недовольство и броженіе крестьянъ; нарожденіе, въ извѣстномъ количествѣ, промышленныхъ рабочихъ (при всей своей малочислен-

ности явившихся все же очень интенсивнымъ бродиломъ); увеличеніе числа разночинной интеллигенціи, вербующейся въ значительной степени (какъ и въ Россіи) изъ обѣднѣвшаго дворянства и духовенства; стѣсненное матеріальное положеніе дворянства, до-нельзя многочисленнаго и въ значительной части не приспособленнаго къ экономическому соперничеству; упадокъ и униженіе грузинской православной церкви, — всѣ эти условія, при отсутствіи національныхъ учрежденій, обязанныхъ своевременно отвѣчать на неотступные запросы властными рѣшеніями, должны были способствовать именно яркому обострѣнію соціальнаго вопроса въ его самой общей формѣ соціальнаго недомоганія и томленія; объ успѣхѣ же рядомъ съ нимъ еще вопроса національнаго, для самой постановки котораго требуется извѣстная культурная устойчивость и политическая дисциплина, не могло быть и рѣчи.

Когда грузинскій народъ ощутилъ всю горечь своего положенія, и когда къ тому же поблекла старая тысячелѣтняя вѣра его, онъ особенно внимательно прислушался къ словамъ проповѣди, хотя и ссылавшейся на „научное міровоззрѣніе“, но дѣйствовавшей, прежде всего, законченностью и догматичностью своихъ утвержденій и фанатической вѣрой въ грядущее торжество тружениковъ и обездоленныхъ. Соціализмъ не только проповѣдывался, но еще болѣе воспринимался въ Грузіи какъ *религіозное* ученіе.

Аналогію между проповѣдью христіанства и соціализма проводили неоднократно. Въ Грузіи она особенно напрашивается.

Благодаря старой культурѣ и вѣковой борьбѣ за лучшее будущее, въ грузинскомъ народѣ прочно сложилась извѣстная идеалистическая складка; на смѣну старыхъ изжитыхъ формулъ должны были явиться новыя; а какое ученіе могло дать ихъ съ большимъ успѣхомъ, какое слово могло быть ближе народу наивному, обездоленному и искавшему выхода изъ „тьмы“, какъ не слово соціализма, въ особенности если оно проповѣдуется не въ видѣ системы, выростающей изъ земли какъ бы вмѣстѣ съ фабричными трубами, въ чаду машинъ и подъ гудѣніе колесъ,—а въ видѣ ученія о грядущемъ, неизбѣжно справедливомъ строѣ, царствѣ труда и счастья? Элементы извѣстнаго мессіанства и, въ особенности, естественнаго права присущи соціализму даже тамъ, гдѣ онъ выступаетъ въ наиболѣе дѣловой, сухой и цифрами обоснованной формѣ. Въ наивысшей же степени черты эти присущи соціализму въ такой странѣ, какъ Грузія. Въ этомъ залогъ его, на первый взглядъ, непонятнаго успѣха; въ этомъ же причина его расплывчатости, безплодности—въ смыслѣ практической программы, и иллюзорности.

Торжество его надъ національной идеей объясняется, какъ мы видѣли, выступленіемъ впередъ, на фонѣ обезличенной и не организованной народ-

ности, вопросовъ соціальныхъ. При такихъ условіяхъ, идея національнаго возрожденія легко смѣшивалась—иногда благодаря святой невинности, иногда благодаря подтасовкѣ—съ идеей реставраціи прежней Грузіи—царской, дворянской, церковной. Національный нигилизмъ [1]) казался, поэтому, единственнымъ выходомъ, а соціализмъ представлялся единственнымъ знаменемъ будущаго.

Но не имѣя подъ собой достаточно разработанной интенсивнымъ хозяйствомъ почвы, не будучи въ Грузіи порожденіемъ культуры, которая-бы рвалась изъ слишкомъ тѣсныхъ для нея рамокъ буржуазнаго строя, грузинскій соціализмъ, въ сущности, являлся и является знаменемъ, за которымъ кроются явленія и стремленія иного порядка, и прежде всего крестьянскія аграрныя стремленія, мѣстами доходившія до жакеріи, вообще же, направленныя не столько на соціализацію земли, сколько на освобожденіе ея отъ пережитковъ средневѣковыхъ повинностей и зависимости и къ надѣленію безземельныхъ.

Подъ то же знамя охотно становился и малоземельный дворянинъ, изнывающій на своемъ клочкѣ земли, не говоря уже о рабочемъ, отвѣдавшемъ бакинской или батумской фабрично-заводской дисциплины, или о разночинцѣ, задѣтомъ агитаціей и льнущемъ къ новому, яркому и модному.

Все это понятно. Но отсюда же легко выясняется и *условность* грузинскаго соціализма, необходимость оцѣнивать его не по *формуламъ* и *словамъ*, имъ изрекаемымъ, а по сути тѣхъ явленій, которыя происходятъ подъ его знаменемъ.

V.

Относительно соціализма соціалистовъ-федералистовъ можно бы повторить все сказанное выше: т. е. и этотъ соціализмъ является флагомъ, покрывающимъ различный грузъ. Главнымъ элементомъ этой партіи являются радикалы-автономисты, силою вещей пребывающіе пока въ первоначальной стадіи общихъ настроеній и выкладокъ принципіальнаго свойства. Найдутся здѣсь и немногочисленные анархисты кропоткинской школы, и рѣдкіе могикане стараго народовольчества, и кающіеся дворяне, считающіе, что по нынѣшнимъ временамъ никакъ не обойдешься безъ предиката „соціалъ“. Крестьянъ и рабочихъ въ этой партіи, повидимому, много меньше, чѣмъ у соціалдемократовъ — и это отчасти можно объяснить болѣе позднимъ выступленіемъ федералистовъ, по принципу: tarde venientibus ossa.

Но, затѣмъ, коль скоро большой успѣхъ уже выпалъ—и мы видѣли, по-

[1]) Договаривались до возгласовъ „долой Грузію“.

чему—на долю соціалдемократіи, задѣвшей народъ за живое и больное мѣсто *соціальныхъ* неустройствъ и невзгодъ, и коль скоро вниманіе его сосредоточилось на этой сторонѣ дѣла, пропаганда *національнаго* вопроса въ связи съ соціальнымъ легко могла производить двойственное впечатлѣніе: недовѣрчивые люди могли дѣйствительно вообразить, что ихъ хотятъ одурачить, что подъ „автономіей“ скрывается крѣпостное право, а подъ „національною культурою“—политическая реакція. Тѣмъ болѣе, что о крѣпостномъ правѣ они кое что помнили, къ идеѣ же автономіи мысль ихъ совсѣмъ не была привычна. На самомъ же дѣлѣ программа революціоннаго федерализма, если чѣмъ и грѣшила, то безмѣрностью своихъ требованій, а также сложностью и крайнимъ оптимизмомъ предпосылокъ (федерація Россійская, Кавказская и т. п.)

Значеніе соціалдемократической партіи въ Грузіи, ея заслуги дѣйствительно велики. Въ худшія времена, цѣною риска и полицейскихъ гоненій она внесла въ самую глубь народа проповѣдь новыхъ для него идей, открыла передъ нимъ точки зрѣнія и перспективы, которыхъ онъ и не рисовалъ себѣ въ своей замкнутости отсталаго земледѣльческаго быта; она связала его духовными нитями и живыми симпатіями съ движеніемъ общеевропейскимъ; она распалила страсти обездоленныхъ пламенемъ не одной только ненависти, но и опредѣленнаго общественнаго идеала. Близкіе къ народу, именно, они нашли доступъ къ сердцу простолюдина и противопоставили себя вмѣстѣ съ нимъ обломкамъ разложившагося строя, старой, нѣкогда блестящей Грузіи, Грузіи епископовъ и феодаловъ.

Съ партіей соціалистовъ-федералистовъ, выдвигается впередъ, какъ мы сказали, идея автономіи, самоопредѣленія и самоуправленія въ предѣлахъ грузинской территоріи. Весьма еще далекая отъ тщательной разработки и широкаго признанія, идея эта является, однако, дѣйствительной и первой по времени попыткою формулировать грузинскій національный вопросъ, какъ вопросъ объ организаціи, въ интересахъ народнаго процвѣтанія, грузинскаго самоуправленія въ рамкахъ россійскаго государства.

До того національный вопросъ, собственно говоря, не возбуждался; проявленія національнаго духа въ области театра, печати, общественности сводились къ патріотическимъ намекамъ, проявленіямъ національной чувствительности, ламентаціямъ шаблоннаго свойства объ угнетеніи грузинскаго языка и церкви и т. д.

Наиболѣе національный изъ грузинскихъ дѣятелей 2-й половины XIX-го вѣка, Илья Чавчавадзе (убитый въ 1907 году) старался пробуждать общественное и народное грузинское сознаніе, вывести его изъ состоянія летаргическаго оцѣпенѣнія, напомнить о прошломъ, возбудить національную

активность и т. д. Другой видный грузинъ этой эпохи, Н. Николадзе задачей своей поставилъ пріобщеніе грузинъ къ техникѣ современной европейской общественности и къ экономическому прогрессу. Въ конечномъ счетѣ, оба были культуртрегерами въ лучшемъ смыслѣ слова, съ преобладаніемъ у одного элегической національной нотки, у другого—дѣловой складки.

Открытая постановка національнаго вопроса въ новѣйшее время тѣмъ знаменательнѣе, что въ сущности и въ соціалдемократическомъ движеніи, особенно, когда оно получило въ нѣкоторыхъ районахъ Грузіи массовой характеръ, подъ фирмою соціалдемократіи обнаруживались чисто стихійныя стремленія національнаго характера, въ родѣ требованія національной школы, администраціи и судопроизводства на родномъ языкѣ.

Провозглашеніе принципа автономіи Грузіи, не имѣя ближайшаго практическаго значенія, является лишь весьма интереснымъ симптомомъ живучести и въ Грузіи того національнаго начала, того стремленія порабощенныхъ народовъ къ самостоятельности, которое въ различныхъ странахъ различными путями осложняетъ содержаніе государственной жизни, играя зачастую роль руководящаго стимула, и которое умираетъ лишь тогда, когда перестаетъ биться пульсъ націи.

Все сказанное выше имѣло цѣлью представить общія очертанія тѣхъ условій и тѣхъ явленій, которыми опредѣляется, въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, постановка національнаго вопроса въ Грузіи. Неотчетливость этого вопроса и, вообще, хилость грузинскаго національнаго движенія оказывается прямымъ послѣдствіемъ общественнаго склада, при которомъ верхи легко подвергаются ассимиляціи и обезличенію, а народныя массы, въ большей своей части окованныя отсталымъ сельскимъ бытомъ, представляютъ изъ себя скорѣе этнографическій матеріалъ, чѣмъ націю, связанную единствомъ сознанія. По этой же причинѣ, въ революціонную эпоху 1905—6 годовъ бурное движеніе въ различныхъ мѣстностяхъ Грузіи протекало, въ общемъ, по руслу стихійнаго соціальнаго протеста, но не національнаго возмущенія.

Движеніе это не имѣло своего дальнѣйшаго роста: оно было, въ связи съ общерусской реакціей, подавлено чисто-внѣшнимъ воздѣйствіемъ физической силы.

Съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что могло-бы внести измѣненіе въ общую атмосферу грузинской національной жизни: политическій кризисъ вызвалъ на Кавказѣ глубокія нравственныя и матеріальныя потрясенія, но пока не подвинулъ впередъ ни на шагъ реформу края, основное условіе его культурнаго роста.

Подъ вліяніемъ репрессій, въ обстановкѣ административнаго террора,

естественно поблекли, потускнѣли и пришли въ упадокъ умоначертанія, обрисованныя выше.

Нельзя, поэтому, указать и на какіе-нибудь новые симптомы въ развитіи собственно національной идеи. Впрочемъ, косвенно ея успѣху начинаютъ служить такія обстоятельства, какъ полное крушеніе отвлеченныхъ лозунговъ революціонной Грузіи, а также выступленіе весьма аггрессивнаго русскаго (т. е. „истинно-русскаго“) націонализма въ Закавказьи. Острая враждебность этого націонализма къ туземцамъ Закавказья, означаетъ конецъ русско-закавказской идилліи добраго стараго времени и несомнѣнно содѣйствуетъ пробужденію дремлющаго національнаго чувства даже въ тѣхъ кругахъ, которые вытравленіе всякихъ слѣдовъ національнаго эгоизма ставили одной изъ своихъ задачъ.

Во всякомъ случаѣ, ясно одно: съ точки зрѣнія національнаго развитія—на почвѣ началъ европейскаго націонализма—грузины произносятъ пока лишь первыя буквы алфавита.

Но кто станетъ сомнѣваться, что Кавказу предстоитъ сдѣлаться классическою страною національныхъ вопросовъ, треній, столкновеній? Предъ русской властью открывается достаточный просторъ, чтобы обнаружить политическій смыслъ; мѣстнымъ народамъ есть, гдѣ показать мѣру своей энергіи и благоразумія.

Прив.-доц. **З. Аваловъ.**

АРМЯНЕ.

Катастрофа, разразившаяся надъ Арменіей съ тюрко-монгольскимъ нашествіемъ въ XI столѣтіи, оказалась роковой для армянскаго народа и въ корнѣ измѣнила дальнѣйшій ходъ его историческаго развитія.

Впродолженіе четырехъ вѣковъ многочисленныя тюрко-монгольскія племена безпрерывно наводняли страну, осѣдая въ ней и заселяя лучшія ея мѣстности. Національно-политическія организаціи армянъ были упразднены; національный владѣтельный классъ (царскія династіи, феодальная аристократія) уничтоженъ, и, въ концѣ концовъ, отъ политической самостоятельности армянскаго народа не осталось и слѣда.

Покинутая и одинокая предъ лицомъ сильнѣйшаго врага, истощенная въ отчаянной борьбѣ, Арменія становится добычей мусульманскаго владычества и окончательно входитъ въ составъ Турціи и Персіи [1]). Народъ подвергается коренной нивеллировкѣ—въ равномъ и всеобщемъ рабствѣ; цѣликомъ, безъ различія сословій, въ качествѣ единой покоренной крѣпостной массы (райя), онъ подпадаетъ подъ власть господствующей націи и, прежде всего и больше всего, конечно, ея имущихъ классовъ. Представляя собой до того времени націю съ сильно развитой феодальной аристократіей и вообще съ рѣзкими сословными дѣленіями, армяне превращаются въ единый, безсословный „демосъ“. Подъ жестокими ударами тюркскаго варварства, Арменія вынуждена была прервать, оживленныя дотолѣ, сношенія съ культурными народами Запада. И въ то время, какъ прежде, благодаря древнимъ связямъ армянъ съ европейскими народами, впродолженіе ряда вѣковъ установилось не только тѣсное общеніе съ ними, но и извѣстное единство культурной жизни, нынѣ, въ затхлой атмосферѣ вынужденной изолированности, культурный уровень армянскаго народа замѣтно понижается. Съ другой стороны, обезлюденіе цѣлыхъ округовъ, вымираніе населенія и сокращеніе прироста дали въ итогѣ очень чувствительную убыль націи, результатомъ чего было упроченіе также и физическаго преобладанія тюркскихъ завоевателей; это послѣднее обстоятельство остается и до сихъ поръ больнымъ мѣстомъ армянскаго вопроса.

[1]) Эти два имени мы употребляемъ для обозначенія цѣлаго ряда политическихъ образованій, распадавшихся, вновь соединявшихся и въ общемъ группировавшихся вокругъ двухъ государственныхъ мусульманскихъ центровъ: западнаго (османскаго, суннитскаго, турецкаго) и восточнаго (татарскаго, шіитскаго, персидскаго).

Но придавленный варварскимъ ярмомъ армянскій народъ имѣлъ за собою многовѣковую школу культурной жизни; еще въ V—VI вѣкѣ онъ создалъ свою національную литературу и воспринялъ цивилизацію передовыхъ націй того времени. Истребить физически такой народъ, пожалуй, можно было бы, если бы это было подъ силу дикимъ ордамъ завоевателей и не противорѣчило жизненнымъ интересамъ этихъ кочевыхъ пастушескихъ массъ, едва ли способныхъ прокормить себя собственнымъ производительнымъ трудомъ и жившихъ главнымъ образомъ на счетъ покореннаго земледѣльческаго народа, но о денаціонализаціи и ассимиляціи армянъ полудикими татарами, конечно, не могло быть и рѣчи. Правда, тюркскій языкъ оказалъ извѣстное вліяніе на армянскій; мѣстами армянская національная рѣчь даже уступила мѣсто тюркской, и въ нѣсколькихъ провинціяхъ все это, въ соединеніи съ насильственнымъ принятіемъ ислама, повело даже къ потерѣ и самой національности. Но все же, въ общемъ и цѣломъ, широкія армянскія массы сохранили свои культурныя и бытовыя отличія. Съ другой стороны, и обратная ассимиляція татаръ армянами была невозможна, благодаря численному превосходству татарскаго элемента, еще болѣе усиливавшагося вслѣдствіе постояннаго притока новыхъ соплеменниковъ. Нахлынувъ цѣлымъ потокомъ и внѣдрившись въ сердцевину Арменіи, татары, такимъ образомъ, не оказались въ состояніи ни растворить въ себѣ армянской національности, ни самимъ раствориться въ ней. Органическая политическая связь также не могла установиться между ними, и, такимъ образомъ, оба народа, живя рядомъ, остались въ механическомъ сцѣпленіи безъ внутренняго единства. Глубокій и многосторонній антагонизмъ между побѣдителями и побѣжденными осложнялся и усугублялся еще цѣлымъ рядомъ контрастовъ и различій: христіане и мусульмане; представители осѣдлаго быта и кочевники—пастухи; нація, усвоившая въ теченіе ряда вѣковъ извѣстную цивилизацію, и племена, еще не имѣвшія общенія съ культурой; нація съ развитыми навыками общественной жизни, и племена, находящіяся на весьма низкомъ уровнѣ общественности.

Мусульманскія государства передней Азіи недолго, однако, сохранили свою силу и могущество. Мощь и престижъ военной деспотіи смѣнились разложеніемъ. Упадокъ и распаденіе Турціи (Карловицкій миръ 1699 года) и Персіи создали объективныя условія для подъема обезсиленнаго армянскаго народа.

Среди армянъ, мало-по-малу, начинаетъ развиваться просвѣтительная и общественная дѣятельность, на первыхъ порахъ подъ сильнымъ вліяніемъ и при содѣйствіи армянскихъ колоній и армянъ-эмигрантовъ (армяне Венеціанской республики, Голландіи, Индіи). Появляются первыя печатныя книги. Въ самой Арменіи возстанавливаются монастырскія школы. Главными работниками на просвѣтительномъ поприщѣ являются въ то время духовныя лица, въ особенности вартапеты(ученые монахи—учителя).

Параллельно съ культурнымъ возрожденіемъ стали намѣчаться и національно-политическія стремленія (вполнѣ опредѣлившееся движеніе этого рода мы встрѣчаемъ уже въ концѣ XVII вѣка), первыми піонерами которыхъ являются потомки древнихъ владѣтельныхъ армянскихъ фамилій окраинныхъ областей древней Арменіи (Карабахъ и Лори). Отъ нихъ не отстаютъ католикосы, какъ Гандзасарскіе (въ Карабахѣ), такъ и Араратскіе (Эчміадзинскіе); далѣе, выдвигаются патріотически настроенные купцы, въ особенности изъ среды эмигрантовъ.

Стремленія къ національной независимости раньше всѣхъ проявились у армянъ Персіи, переживавшей въ XVIII столѣтіи эпоху близкую къ безнадежному развалу, анархіи и разслабленности. Въ Турціи, напротивъ, въ первую половину XIX столѣтія армянское движеніе въ общемъ еще чуждо національныхъ требованій, оставаясь всецѣло въ рамкахъ общеконституціоннаго движенія и борьбы за гражданское равноправіе. Такой тактики армяне придерживались въ особенности въ Константинополѣ и, вообще, въ приморскихъ городахъ. Со стороны Порты дѣлались попытки пойти въ этомъ направленіи навстрѣчу предъявлявшимся ей требованіямъ (конституціонные акты „Гаттишерифъ“ 1837 г. и „Гатти-гумаюнъ“ 1856 г., изданные подъ вліяніемъ волненій ея христіанскихъ подданныхъ и подъ давленіемъ европейскихъ державъ). Но полная и злостная неудача всѣхъ этихъ мѣръ, неспособность старой Турціи усвоить и примѣнять къ своимъ подданнымъ, и въ особенности — къ христіанамъ, европейскіе пріемы управленія, естественно, создавали иныя настроенія, какъ въ турецкихъ христіанахъ, такъ въ частности, и въ армянахъ.

Армяне не могли не понимать, что добиться политическихъ гарантій національной независимости однѣми своими силами имъ невозможно. Отсюда— обращеніе за помощью къ „христіанскимъ“ державамъ Западной Европы и въ особенности къ Россіи [1]). Отсюда же породилась и болѣе сложная формулировка національно-политическихъ стремленій: не полная независимость, не вполнѣ самостоятельное, политически обособленное государственное существованіе, а

[1]) Надежду на защиту и помощь „христіанъ“ Запада въ значительной мѣрѣ поддерживали и католическіе миссіонеры, покровительствуемые европейскими державами, въ особенности Франціей. На этой почвѣ часть армянъ вошла даже въ унію съ Римомъ, создавъ общины армянъ-католиковъ. Впрочемъ, армяно-католицизмъ является католическимъ исповѣданіемъ лишь въ смыслѣ организаціоннаго разобщенія съ армяно-григоріанской церковью и іерархическаго подчиненія Римскому папѣ (конечно, имѣются и кое-какіе католическіе богословскіе догматы, несходные съ догматами, исторически признававшимися армянскою церковью; но догматическая сторона отступала совершенно на задній планъ). Что же касается наиболѣе существеннаго, съ точки зрѣнія интересовъ армянской націи вопроса—церковнаго языка, то для католиковъ-армянъ таковымъ признанъ армянскій, а не латинскій; это, въ связи съ нѣкоторыми другими чертами, отличающими армяно-католицизмъ, сохраняетъ за ихъ общинами характеръ національныхъ организацій.

*

нѣчто другое: достиженіе безопасности и частичной независимости подъ эгидой культурной („христіанской“) могущественной державы.

Эти завѣтныя мечты начинаютъ реализоваться съ первой четверти XIX столѣтія, хотя и въ значительно урѣзанномъ и обезцвѣченномъ видѣ.

Центромъ армянскихъ надеждъ становится въ это время Россія. Армяне и раньше обращались къ этой державѣ, но кружнымъ путемъ—черезъ Западную Европу; прямой путь былъ прегражденъ не столько кавказскимъ хребтомъ, сколько обитавшими къ сѣверу отъ Арменіи и Грузіи, враждебными народами. Да и Россія еще была далека не только отъ Кавказа, но и отъ Прикавказья. Въ концѣ XVIII в., съ покореніемъ Крыма и заселеніемъ Новороссіи, Россія почти вплотную подошла къ Прикавказью и стала строить болѣе или менѣе опредѣленные политическіе планы по отношенію къ передней Азіи. Къ этому времени и относится взаимное сближеніе армянскаго народа и Россійской имперіи [1]), диктовавшееся главнымъ образомъ общностью политическихъ интересовъ на ближнемъ Востокѣ [2]). Совпаденіе интересовъ и стремленій было настолько полно и гармонично, что Россія не проводила различія между армянами и русскими (напр. для укрѣпленія и защиты своихъ южныхъ границъ она заселяла ихъ армянами), армяне же, въ свою очередь, видѣли въ Россіи свою спасительницу.

Въ XIX столѣтіи значительная часть Арменіи была присоединена къ Россіи [3]). И съ этого момента для данной части армянъ наступаетъ новая эра культурнаго существованія.

По даннымъ всеобщей переписи въ 1897 г. армянъ въ Россіи числилось 1.173.471; изъ нихъ главнѣйшая масса сосредоточена въ предѣлахъ южнаго Кавказа. Изъ 1.120 тысячъ армянъ, живущихъ на Кавказѣ, только 31 тысяча населяетъ (1897 г.) сѣверный Кавказъ.

Сравнительно съ двумя другими значительными народностями Закавказья—грузинами и татарами—армяне являются націей, наиболѣе разбросанной. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ возможность очертить область сплошного армянскаго населенія съ численнымъ преобладаніемъ его, оставивъ въ сторонѣ формальныя

---

[1]) См. капитальное изданіе съ богатыми архивными матеріалами, Г. А. Эзова „Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ“.

[2]) Эта общность интересовъ порождала такое единство тактики, что европейскія державы — соперницы Россіи — начали смотрѣть на армянъ, какъ на аванпостъ русскаго движенія вглубь Азіи, а армянское движеніе разсматривать какъ результатъ русской агитаціи, интригу завоевательной политики Россіи. (См. А. В. Амфитеатровъ. Армянскій вопросъ).

[3]) Арменія нынѣ раздѣлена на три части между Россіей (сѣв.-вост.), Турціей (зап.) и Персіей (юго-вост.); наибольшая часть принадлежитъ Турціи, наименьшая—Персіи.

межи существующаго административнаго дѣленія края, мало соотвѣтствующія реальнымъ границамъ племенного разселенія.

Центромъ армянскаго населенія является Эриванская губ.; здѣсь размѣстилось немногимъ менѣе половины армянъ всего Кавказа, составляя 55% населенія губерніи (татаръ въ губерніи приблизительно 38%, курдовъ—6%). Вокругъ Эриванской губерніи, какъ центра наибольшого сосредоточенія армянъ, расположены, непосредственно прилегая къ ней сплошными полосами со всѣхъ сторонъ, этнографическіе армянскіе участки смежныхъ Елизаветпольской и Тифлисской губерніи и Карсской области. Елизаветпольская губ. распадется на двѣ части, рѣзко отличныя одна отъ другой по этнографическому составу; въ то время какъ восточная и сѣверная (низменная и прикуринская) полоса—почти исключительно населена татарами, вся западная и южная, т. е. примыкающая къ Эриванской губ. (нагорная и предгорная)—является мѣстомъ преобладанія армянъ, составляющихъ болѣе 70% мѣстнаго населенія [1]). Въ Тифлисской губерніи армяне населяютъ преимущественно юго-западную часть ея; изъ 230 тысячъ армянъ этой губерніи здѣсь сосредоточено 200 тысячъ, образуя непосредственно прилегающую къ Эриванской губерніи полосу преобладанія армянской народности (Ахалкалакскій и Борчалинскій уѣзды, южная часть Тифлисскаго и восточная Ахалцыхскаго уѣздовъ). Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ армяне составляютъ $^4/_5$ всего населенія; въ Борчалинскомъ—35% (татаръ—30%, грузинъ—5%, русскихъ—6%); въ Тифлисскомъ уѣздѣ изъ 16 тысячъ проживающихъ здѣсь армянъ—14 тысячъ съ лишнимъ сосредоточены въ южной полосѣ западной части его, прилегая (и врѣзываясь) непосредственно къ территоріи Борчалинскаго уѣзда [2]). Карсская область самая пестрая въ южномъ Кавказѣ по племенному составу; наиболѣе многочислены здѣсь армяне (25%) и турки (21%). Если разсматривать отдѣльныя части области, то окажется, что главная масса турокъ сосредоточена преимущественно въ западномъ районѣ (Олтинскій и Ардаганскій округа); армяне же размѣщены главнымъ образомъ на востокѣ (округа Карсскій и Кагызманскій), рѣзко преобладая надъ остальными народностями (армяне образуютъ здѣсь 35%, при чемъ остальные 65% сильно раздроблены: курдовъ 19%, грековъ 12%, русскихъ 11%, турокъ 8% и т. д.). И эта армянская часть Карсской области непосредственно прилегаетъ къ Эриван-

---

[1]) Для выясненія этого соотношенія мы пользовались подробнымъ официальнымъ изданіемъ: „Сводъ статистическихъ данныхъ населенія закавказскаго края, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ 1886 г.“; изд. по распоряженію Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ Закавказскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

[2]) См. „Кавказскій Календарь на 1907 годъ“, изданіе Закавказскаго Статистическаго Комитета, стр. 209.

ской губерніи съ запада, составляя съ ней единую сплошную территорію съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, въ центральной части Закавказья вырисовывается сплошной (географически компактный) районъ съ численнымъ преобладаніемъ армянской народности. Однако, по сравненію съ двумя другими національными районами южнаго Кавказа, грузинскимъ—на сѣверо-западѣ и татарскимъ—на юго-востокѣ, россійская Арменія все-же является наиболѣе пестрой по этнографическому составу населенія. Въ общемъ, россійская Арменія, занимая пространство около 70.000 кв. верстъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, насчитываетъ, приблизительно, два милліона населенія, изъ коихъ значительно болѣе милліона, около 55%, приходится на долю армянъ (около 70% всего армянскаго населенія Россіи); слѣдующая за армянами по своей численности народность—татары—составляютъ 28% мѣстнаго населенія[1]).

I.

Россійское владычество застаетъ Закавказье въ патріархальной атмосферѣ средневѣковаго строя, быта и нравовъ, и притомъ въ атмосферѣ, ярко окрашенной азіатскимъ колоритомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію всей внѣшней обстановки, въ условіяхъ которой развивалась армянская нація, разсмотримъ внутреннюю структуру послѣдней, тогда уже рѣзко выдѣлявшуюся на общемъ фонѣ закавказскихъ народностей. Въ армянской средѣ къ тому времени наиболѣе могущественные классы средневѣковаго міра—феодалы и духовенство—занимаютъ совершенно иное положеніе, нежели въ средѣ сосѣднихъ націй; отсюда и характерныя отличія жизни армянъ конца XVIII столѣтія и дальнѣйшей ея эволюціи. Хотя армяне и продолжали жить въ условіяхъ клерикально-феодальнаго строя Грузіи и мусульманскихъ владѣній, но эти внѣшнія условія не имѣли рѣшающаго вліянія на формированіе ихъ собственнаго идейнаго уклада; иноплеменный и иновѣрческій феодальный порядокъ въ глазахъ армянъ оставался явленіемъ неправомѣрнымъ, имѣющимъ лишь фактическую, но отнюдь не моральную и правовую силу. Собственный же національный классъ феодаловъ съ его традиціями и тенденціями былъ выженъ изъ организма армянской націи татарскимъ завоеваніемъ; незначительные осколки древней армянской феодальной знати, сохранившіеся въ лицѣ карабахскихъ меликовъ,

[1]) Армяне въ Россіи не ставятъ вопроса о территоріальной автономіи. Тѣмъ не менѣе, установленіе границъ россійской Арменіи и выясненіе этнографическаго состава отдѣльныхъ районовъ южнаго Кавказа имѣетъ большое значеніе хотя бы для предстоящаго административнаго перераспредѣленія края, которое станетъ особенно необходимымъ съ введеніемъ въ южномъ Кавказѣ земскихъ учрежденій.

и двѣ-три феодальныя фамиліи сравнительно поздняго происхожденія (берущія свое начало отъ персидскихъ шаховъ и грузинскихъ царей), конечно, не могли создать феодальнаго землевладѣльческо-крѣпостническаго міросозерцанія.

Армянское духовенство, въ свою очередь, мало напоминало собою западно-европейскій (католическій) классъ феодальнаго духовенства: ему не доставало для этого соотвѣтствующей соціально-политической почвы. Не опираясь на значительную земельную собственность, лишенное вообще экономической силы, гонимое властителями-иновѣрцами, оно не могло властвовать надъ своей паствой; напротивъ, оно само нуждалось въ ея поддержкѣ. Клерикализмъ въ армянской средѣ былъ явленіемъ не столько сословнаго и политическаго порядка (экономической эксплоатаціи и юридическаго властвованія), сколько культурнаго свойства (схоластика, догматизмъ). Это не былъ клерикализмъ господствующей церкви, воинствующей и властвующей надъ народомъ и претендующей на гегемонію надъ единовѣрнымъ („христіанскимъ“) государствомъ и „христіаннѣйшими“ монархами. Лишенное матеріальной силы и власти, оно, однако, въ лицѣ лучшихъ, наиболѣе просвѣщенныхъ своихъ представителей, пользовалось глубокимъ моральнымъ вліяніемъ. Но, и въ этой формѣ, вліяніе духовенства отнюдь не было безраздѣльнымъ. Наряду съ духовенствомъ, дѣйствовали и свѣтскіе элементы, вышедшіе изъ среды успѣвшаго болѣе или менѣе опредѣлиться городского сословія—бюргерства.

Это городское бюргерство—купечество и верхи ремесленнаго сословія—составляло другой вліятельный элементъ въ средѣ армянскаго народа. Если мы прибавимъ еще сельское сословіе, — крестьянство, которое, впрочемъ, несмотря на подавляющую свою численность, не представляло собою замѣтной величины въ отношеніи идейнаго руководства, то этимъ мы исчерпаемъ соціальный составъ армянской націи.

Отсутствіе феодальной аристократіи, и несравненно болѣе слабая, чѣмъ на Западѣ, позиція духовенства, при сравнительно сильномъ вліяніи бюргерства—вотъ отличительныя черты внутренней соціальной структуры армянскаго общества конца XVIII вѣка.

Совершенно особую роль и значеніе имѣла въ жизни армянской націи церковь. Въ ней мы встрѣчаемъ одну изъ типичнѣйшихъ національныхъ церквей. Уже одинъ составъ налагалъ на нее, въ этомъ отношеніи, свой характерный отпечатокъ: почти всѣ армяне входили (и входятъ понынѣ, за незначительными исключеніями) въ составъ армянской церкви; а съ другой стороны, исключительно армяне и составляютъ ее. Вполнѣ національная по своему составу и характеру, армянская церковь была такой же и въ своей внутренней организаціи. Церковное управленіе не было монополіей духовенства; руководителемъ церковной жизни являлся также и мірской, свѣтскій элементъ. Церковь и духовенство—

— два понятія, не покрывавшія въ армянской жизни другъ друга; церковь была шире; она являлась не сословной организаціей властвующаго клира, а организаціей дѣйствительно національной. Благодаря этому, съ паденіемъ политической самостоятельности Арменіи, армянскій народъ не лишился окончательно своей національной организованности; онъ сохранилъ ее въ лицѣ церкви. Въ свою очередь, и сама церковь, съ паденіемъ армянской государственности и съ исчезновеніемъ феодальнаго класса, утратила свой феодальный характеръ и вступила на путь демократизаціи. Во многихъ сторонахъ армянской жизни церковь заняла мѣсто политическаго союза, исполняя его функціи, ивъ этомъ смыслѣ она являлась, можно сказать, не только или даже не столько религіозной, сколь свѣтской организаціей, и, какъ единственное національное учрежденіе, служила цѣннымъ символомъ единства, внутренней самостоятельности и извѣстной внѣшней независимости націи. И армянская церковь пользовалась этими не чисто-религіозными функціями тѣмъ болѣе успѣшно и широко, что онѣ признавались (и признаются понынѣ) Турціей и Персіей [1]), и, въ извѣстной мѣрѣ, на подобную же точку зрѣнія стала и россійская государственная власть [2]).

При такихъ отношеніяхъ между армянской церковью и націей, первая представляла собой одно изъ орудій для достиженія національныхъ цѣлей и разрѣшенія національныхъ задачъ. Армянскихъ католикосовъ (выборный глава церкви у армянъ) мы встрѣчаемъ всегда среди борцовъ за національное освобожденіе; роль, которую въ сношеніяхъ Грузіи съ Россіей исполняли грузинскіе цари, въ сношеніяхъ армянъ съ Россіей брали на себя, главнымъ образомъ, католикосы, какъ офиціальные представители армянской націи.

Въ результатѣ, церковь реально совпадала съ націей и идеально отождествлялась съ ней.

Но въ началѣ XIX вѣка „нація“ понималась еще болѣе или менѣе узко; въ качествѣ ея представителей выступали, какъ мы уже указывали, духовенство и бюргерство, съ которыми сливались и ничтожные по своей численности наслѣдственно-аристократическіе элементы. Эти-то слои и придавали свою окраску армянской церкви, какъ и всей національной жизни, внося въ содержаніе армянской національной идеи клерикально-бюргерскія тенденціи, принимавшія все болѣе умѣренный и охранительный характеръ и застывавшія въ схоластической неподвижности.

---

[1]) Изъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ см. „Конституцію армянскаго народа“—въ Турціи 60-хъ годовъ и „Конституцію Адербеджанской армянской епархіи“, изданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

[2]) См. „Положеніе объ управленіи дѣлами армяно-григоріанской церкви въ Россіи“ 1836 года.

Оппозиція, возникшая противъ этихъ тенденцій въ широкихъ демократическихъ кругахъ, борьба и побѣда этихъ послѣднихъ и составляютъ содержаніе культурной эволюціи, свершенной армянами въ періодъ русскаго владычества на Кавказѣ.

Традиціонная просвѣтительная дѣятельность армянскаго духовенства въ Закавказьѣ уже въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія подверглась коренному преобразованію; церковныя школы изъ рукъ духовенства перешли въ руки приходскихъ общинъ [1]), въ результатѣ чего весь характеръ этихъ школъ сразу измѣнился. Преподованіе было поставлено на почву европейской педагогики; учебная программа значительно расширена, изученію родины, исторіи и географіи Арменіи на родномъ языкѣ стало удѣляться болѣе видное мѣсто. Словомъ, было положено основаніе новой (въ противоположность старой средневѣковой) армянской школѣ, которая, по сію пору, не перестаетъ быть предметомъ особой заботливости націи, и сыгравшей крупную роль въ культурной эволюціи армянъ въ Россіи.

Съ тридцатыхъ годовъ идеи армянскаго возрожденія начинаютъ принимать все болѣе конкретныя формы, въ пятидесятыхъ годахъ новое направленіе можно считать уже сформировавшимся. Въ литературѣ и публицистикѣ середины XIX вѣка мы находимъ уже почти все идейное содержаніе, всѣ характерныя черты, отличающія новый періодъ армянской жизни и мысли: гуманизмъ, свѣтскій духъ, борьба со схоластикой, реализмъ, послѣдовательный демократизмъ, глубокія народническія симпатіи и боевой темпераментъ. Тогда же были завоеваны права гражданства для новаго (живого, народнаго) литературнаго армянскаго языка, вытѣснившаго древній церковно-книжный, и предприняты первые шаги для его окончательной литературной обработки. Послѣдующія десятилѣтія не внесли въ этомъ отношеніи существенно новаго; основные устои общественныхъ идеаловъ и національныхъ тенденцій остаются тѣ же, лишь болѣе проясняясь, углубляясь и широко распространяясь въ народныхъ массахъ.

Благопріятнымъ моментомъ въ возрожденіи россійскихъ армянъ надо считать многосторонность и разнообразіе тѣхъ идейныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ имъ пришлось зародиться и расти. Первыми общественно-литературными дѣятелями были питомцы Дерптскаго университета, перенесшіе съ собой на родную почву нѣмецкія идеи первой половины XIX вѣка, въ частности идеалы „Молодой Германіи“. Черезъ турецкихъ армянъ (въ особенности константинопольскихъ) оказывала косвенное вліяніе французская культура, подъ исключительнымъ и одностороннимъ вліяніемъ которой и

[1]) Главнымъ распорядителемъ школы является общинное попечительство, избираемое на общемъ собраніи прихожанъ, безразлично, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ.

совершалось ихъ эволюція. Наконецъ, съ шестидесятыхъ годовъ начинаетъ сказываться русское культурное вліяніе, съ теченіемъ времени, естественно, получавшее все большее преобладаніе. Впрочемъ, какъ ни интенсивенъ былъ процессъ, увлекшій армянъ въ русло русской общественной и культурной жизни, все же никогда вліяніе послѣдней не становилось исключительнымъ и единственнымъ. Въ особенности, въ національномъ вопросѣ, не могла удовлетворить запросовъ армянской интеллигенціи даже передовая русская мысль, упорно проявлявшая, въ данномъ случаѣ, нѣкотораго рода дальтонизмъ.

Національный вопросъ является центральнымъ пунктомъ армянской общественной жизни не только въ Турціи, но и въ Россіи въ теченіе всего XIX столѣтія; вокругъ него группировались, имъ обусловливались всѣ остальные интересы. Судьбы національной борьбы, ея успѣхи и неудачи, планы и перспективы давали направленіе и окраску всѣмъ другимъ сторонамъ общественной жизни армянъ. Среди національностей Кавказа армяне представляютъ едва ли не наиболѣе цѣльный, національно-цементированный коллективъ. Не говоря уже о татарахъ, во многихъ отношеніяхъ страдающихъ еще племенной разобщенностью и совершающихъ лишь первые шаги на пути національнаго сплоченія, даже грузины нѣсколько уступаютъ армянамъ въ этомъ отношеніи. Армянская національность сложилась много столѣтій тому назадъ. Національно-самобытный языкъ, національная сплоченность въ связи съ неизгладимыми воспоминаніями о древней Арменіи, о многовѣковой единой культурной и политической жизни, развиваютъ въ этой народности сильное чувство національнаго единства. И, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и новыхъ идейныхъ факторовъ, національная идея среди армянъ не только не ослабѣваетъ, но пріобрѣтаетъ болѣе широкій и ясный характеръ.

Прежде всего подвергается коренному измѣненію само представленіе о націи; оно освобождается отъ пережитковъ узкихъ олигархическихъ представленій. Укрѣпляется взглядъ на націю, какъ на *весь* народъ, безъ различія привилегированныхъ и низшихъ слоевъ его. Эмансипируется идея націи и отъ конфессіональной узости, связанной съ отождествленіемъ націи съ національной церковью; армяне, не числящіеся въ исторически-армянской (армяно-григоріанской) церкви, въ равной мѣрѣ признаются родными сынами единой націи (армяно-католики, протестанты, православные).

Въ связи съ этими же общими принципами демократизма и секуляризаціи, новое направленіе выступаетъ въ 60-хъ годахъ съ программой реформы армянской церкви,—программой, вызвавшей нѣкоторый переполохъ въ охранительныхъ кругахъ.

Вопросъ о реформѣ церкви, какъ подчеркивали и сами его иниціаторы, не имѣлъ никакого касательства къ догматическимъ и богословскимъ вопро-

самъ, и всецѣло диктовался интересомъ къ церкви, какъ къ національному, а не какъ къ религіозному институту. Реформа имѣла въ виду исключительно организаціонную и административную сторону церковной жизни: вопросъ объ участіи широкихъ общественныхъ слоевъ въ церковномъ управленіи, вопросъ объ армянскихъ школахъ, о національно-церковныхъ имуществахъ, объ общественномъ призрѣніи (церковная благотворительность), объ избраніи верховнаго католикоса всѣхъ армянъ, представляющаго націю во внѣшнихъ ея сношеніяхъ. Церковь имѣлось въ виду преобразовать въ органъ національнаго и народнаго самоуправленія, въ церковной формѣ создать истинную демократію. Эта реформаторская дѣятельность не была аналогична реформаціонному движенію XVI в. въ Западной Европѣ. Чисто-религіознаго момента, интереса къ вопросамъ вѣры, исканій истинной религіи и религіозной истины мы не встрѣчаемъ въ процессѣ развитія общественной мысли армянъ новаго времени [1]). Чуждое по существу религіознаго элемента, требованіе церковной реформы такъ и провозглашалось, какъ лозунгъ національнаго движенія.

Новый, народническій патріотизмъ выступаетъ съ критикой прежняго патріотизма, одновременно съ этимъ развивая и свою положительную программу. И въ поэзіи, и въ публицистикѣ онъ бичуетъ традиціонное содержаніе патріархальнаго быта и міровоззрѣнія; въ особенности онъ порицаетъ рожденный и вскормленный на старой почвѣ самодовольный націонализмъ, отмѣченный духомъ фарисейскаго самолюбованія, празднаго квіетизма и благодушной инертности. Въ связи съ отреченіемъ отъ догматизма и переоцѣнкой всѣхъ національныхъ традицій, подвергается критикѣ и сама идея, само основаніе національности. Освобождаясь отъ догмы, освященной глубокой традиціей вѣковыхъ страданій и жертвъ, являвшейся какъ бы аксіомой, не нуждающейся въ доказательствахъ, націонализмъ стремится найти себѣ разумное обоснованіе въ новомъ міросозерцаніи, подняться до сознательнаго убѣжденія, просвѣтиться въ своемъ содержаніи.

Старый націонализмъ былъ склоненъ къ формуламъ „самобытной“ армянской культуры; проникнутый такимъ стремленіемъ, онъ легко могъ увязнуть въ трясинѣ застывшей патріархальности и исключительности. Новый патріотизмъ, наоборотъ, не имѣлъ притязаній ни на обладаніе и сохраненіе, ни на самостоятельное созданіе самобытно-національной, специфически армянской культуры; стремленіе его къ національному самоутвержденію отнюдь не клонилось къ реставраціи формы и содержанія минувшаго, хотя бы и „славнаго“ про-

---

[1]) Нѣкогда армянскій народъ жилъ самой интенсивной религіозной жизнью. Во времена до-мусульманскаго владычества Арменія кипѣла догматическими и богословскими спорами, борьбой школъ и направленій; и не только образованные слои общества, но и народныя массы не оставались безучастными къ религіознымъ вопросамъ.

шлаго. Лозунги армянскаго самоутвержденія и самобытности для него имѣли смыслъ, какъ противопоставленіе себя и своего народа затхлой азіатщинѣ, и неразрывно сплетались съ неудержимымъ тяготѣніемъ къ европейской культурѣ.

II.

Обрисованный здѣсь въ общихъ чертахъ переворотъ въ умахъ сопровождался, или, вѣрнѣе, явился слѣдствіемъ переворота, какъ въ общественныхъ отношеніяхъ внутри армянской національной среды, такъ и во взаимоотношеніяхъ ея съ окружающими націями.

Соціальное содержаніе эволюціи армянъ за истекшее столѣтіе можно характеризовать, какъ эпоху развитія армянской демократіи въ южномъ Кавказѣ, выступленія широкихъ народныхъ слоевъ на арену общественной жизни и пріобщенія ихъ къ тому демократическому міросозерцанію, которое было перенесено армянской демократической интеллигенціей съ Запада еще въ половинѣ XIX столѣтія и переработано затѣмъ согласно мѣстнымъ и національнымъ условіямъ. Этотъ общественный подъемъ новыхъ народныхъ слоевъ, естественно, долженъ былъ натолкнуться на сопротивленіе, какъ внутри національной среды, со стороны ея вліятельныхъ верховъ, такъ и внѣ ея—со стороны господствовавшихъ элементовъ. И насколько первое сопротивленіе было слабо и легко преодолимо, настолько второе было упорно и тяжело, въ зависимости отъ характера и силы сопротивлявшихся факторовъ.

Съ общественной структурой армянской націи мы уже отчасти знакомы; познакомимся теперь съ внѣшней соціальной и политической средой: съ иноплеменнымъ, грузинскимъ и татарскимъ общественнымъ строемъ, съ одной стороны и—россійскимъ политическимъ порядкомъ, съ другой.

Для уразумѣнія эволюціи во взаимоотношеніяхъ кавказскихъ народностей въ XIX столѣтіи, необходимо сначала охарактеризовать соціальный укладъ каждой изъ нихъ и ихъ междунаціональныя отношенія въ до-россійскомъ политическомъ режимѣ.

Всѣ три народности были, прежде всего, массами земледѣльческими въ широкомъ смыслѣ этого слова, массами крестьянскими—по преимуществу. Если въ настоящее время, пользуясь данными переписи 1897 г. о сословіяхъ и занятіяхъ, мы можемъ сказать, что крестьянскій и земледѣльческій элементъ представленъ у всѣхъ трехъ закавказскихъ народностей почти равномѣрно—приблизительно 75—85%, то въ началѣ XIX столѣтія процентъ земледѣльцевъ среди армянъ и грузинъ былъ еще выше [1]); только среди татаръ онъ

[1]) Сазоновъ исчислялъ % армянъ-крестьянъ въ россійской Арменіи по статистическимъ даннымъ за время до первой переписи „свыше 95%“ (см. его статьи „Нѣсколько цифръ объ армянахъ на Кавказѣ“.—„Русская Мысль“, 1896 г. №№ 9, 10).

былъ меньше, ибо нѣкоторый процентъ приходился здѣсь на долю кочевого скотоводства. Итакъ, въ отношеніи главной массы населенія всѣ три народности сословно не отличались рѣзко одна отъ другой; это не мѣшало, конечно, различіямъ культурнаго характера: осѣдлое, типично земледѣльческое грузинское и армянское крестьянство съ одной стороны; съ другой же — татарское, даже и въ наши дни сохранившее традиціи и черты кочевого и пастушескаго быта. Но, составляя по своей численности главную массу населенія, крестьяне, въ смыслѣ общественнаго вліянія, совершенно отступали на задній планъ предъ верхними пластами. И по отношенію къ этимъ верхнимъ классамъ, обнаруживается уже рѣзкій контрастъ въ строѣ указанныхъ народностей. У грузинъ и татаръ мы встрѣчаемъ столь же многочисленное, сколь и привилегированное, господствующее сословіе дворянъ; у армянъ — полное его отсутствіе. А взамѣнъ этого сословія, какъ бы для усугубленія противоположности, у армянъ мы находимъ городское бюргерство (торговое и ремесленное сословіе), отсутствующее у грузинъ и, отчасти, у татаръ. Какъ крестьянское населеніе, такъ и дворянство жило преимущественно въ деревняхъ. Подавляющее же большинство населенія въ городахъ почти повсюду состояло изъ армянъ [1]). Только въ нѣкоторыхъ городахъ восточнаго Закавказья съ ними, отчасти, конкурировали татарскіе купцы.

Итакъ, если бы мы захотѣли охарактеризовать національную физіономію трехъ кавказскихъ народностей въ зависимости отъ того, какіе слои руководили общественной жизнью каждой изъ нихъ, то для начала XIX столѣтія грузинъ и татаръ можно было бы назвать дворянскими, феодальными націями, армянъ же—бюргерской [2]).

---

[1]) См. статистическія данныя, собранныя въ 20-хъ годахъ XIX вѣка грузинскимъ и армянскимъ духовнымъ начальствомъ, у Ерицяна „Католикосы всѣхъ армянъ и кавказскіе армяне въ XIX столѣтіи“, томъ I, стр. 139, 140. И въ настоящее время изъ 40 приблизительно городовъ южнаго Кавказа въ 15-ти армяне образуютъ большинство. (См. „Кавказскій календарь на 1907 г.“. Изд. Закавказск. Статистич. Комитета, стр. 320 - 328). По даннымъ переписи, въ южномъ Кавказѣ число горожанъ среди грузинъ менѣе 10%, среди татаръ около 12%, а среди армянъ болѣе 21%. Процентное же отношеніе дворянъ къ общей численности каждой націи — обратное: потомственныхъ дворянъ среди грузинъ 5% съ лишнимъ, среди татаръ 4%, а среди армянъ всего 0,6%; при этомъ большинство армянскаго дворянства сосредоточено въ Елизаветпольской губерніи (1,5%), въ Эриванской же и Карсской области величина процента падаетъ до 0,12%. Соотвѣтственно этому, среди массы кавказскаго дворянства армяне занимаютъ совершенно незначительное мѣсто; напримѣръ, въ типично армянской Эриванской губерніи татары составляютъ 44% всѣхъ потомственныхъ дворянъ губерніи, русскіе—31%; армяне же лишь 15%.

[2]) Необходимо указать еще на то, что въ отличіе отъ грузинскаго дворянства татарское—главнымъ образомъ мелкое дворянство—отличалось особенно безпокойнымъ характеромъ и много напоминало европейское средневѣковое рыцарство, разбойничавшее на дорогахъ. Вся его дѣятельность сводилась къ безпрерывнымъ феодальнымъ междуусобицамъ и вооруженнымъ наѣздамъ.

Надо добавить, что это была эпоха безраздѣльнаго господства военной и землевладѣльческой аристократіи. Армянское бюргерство и высшее духовенство, хотя и пользовались вліяніемъ въ предѣлахъ своей національной среды, но лишенныя территоріальной власти и военной силы, не имѣли никакого значенія во внѣ. Армянская народность, такимъ образомъ, не имѣла такого класса, который по своему соціальному и политическому вѣсу могъ бы быть противопоставленъ феодальнымъ слоямъ господствовавшихъ національностей. Съ другой стороны, крестьянская армянская масса, не подчиненная ни политически, ни экономически своей національной городской олигархіи и духовенству, пребывала въ полномъ подданствѣ у „инородческаго“ дворянства, главнымъ образомъ, у татарскаго.

Безправное бюргерство, подвластное крестьянство, иноплеменный властвующій феодальный классъ—таково было положеніе армянъ въ общемъ соціальномъ строѣ Закавказья къ началу XIX вѣка.

На этой почвѣ сложился извѣстный, чисто дворянскій взглядъ владѣльческаго (татарскаго и грузинскаго) сословія на армянъ; онъ тождественъ съ обычнымъ барскимъ взглядомъ на крестьянъ, какъ на своихъ подданныхъ, какъ на людей низшей породы, самой природой созданныхъ для того, чтобы раболѣпствовать передъ господами, вносить оброкъ, сносить побои... Это специфическое отношеніе еще усугублялось презрѣніемъ военно-феодальнаго и вооруженнаго сословія къ армянамъ, какъ къ элементу мирному, безоружному и „трусливому“. Этотъ дворянски-сословный взглядъ на армянъ, со всѣми отличающими его чисто сословными предразсудками и тенденціями, былъ общъ и грузинскому, и татарскому феодальному классу (конечно, у грузинъ онъ сказывался въ болѣе культурной формѣ). И такъ какъ дворянство было той средой, которая олицетворяла главнымъ образомъ націю того времени, то этотъ типично сословный взглядъ обратился въ своего рода національную традицію, пріобрѣлъ роль традиціоннаго „грузинскаго“ и „татарскаго“ сужденія объ „армянахъ“.

Установленіе россійскаго государственнаго порядка, въ началѣ XIX столѣтія, явилось фактомъ кардинальнаго значенія для дальнѣйшаго развитія Кавказа. Разваливавшійся отъ феодальнаго сепаратизма безчисленныхъ разрозненныхъ владѣній (царствъ, княжествъ, ханствъ), терявшійся въ хаосѣ пестрѣйшихъ усобицъ, не знавшій различія между господскимъ произволомъ и административной властью, Кавказъ долженъ былъ теперь пріучаться къ совершенно иному порядку — къ строгому централизму, организованному административному аппарату и упорядоченному управленію.

Россійское завоеваніе не только упразднило въ покоренныхъ областяхъ политическое владычество мусульманскихъ государствъ (Персіи и Турціи), но лишило господствующаго положенія и феодальныя мусульманскія сословія.

Русская власть, сама по себѣ далеко не чуждая дворянскихъ симпатій, была настроена на Кавказѣ, въ особенности въ первое время, не только на антидворянскій ладъ, но въ общемъ даже едва ли не демократически, въ смыслѣ нѣкотораго покровительства низшимъ, главнымъ образомъ, крестьянскимъ массамъ. Желая ослабить своихъ политическихъ соперниковъ въ краѣ, русская власть стремилась заручиться симпатіями кавказскаго крестьянства, чтобы лишить, такимъ образомъ, мѣстный феодальный классъ его поддержки. Соображенія же внѣшней политики и наступательныя цѣли по отношенію къ сосѣднимъ мусульманскимъ государствамъ, еще болѣе увеличивали значеніе борьбы съ кавказскимъ мусульманскимъ феодализмомъ. Русскому полицейскому государству суждено было сыграть на южномъ Кавказѣ роль реформатора, призваннаго къ коренному преобразованію туземнаго средневѣковаго порядка и къ замѣнѣ его формами новаго времени.

Впрочемъ, подрывая *политическое* значеніе феодальной аристократіи, новая власть не касалась въ такой же мѣрѣ ея соціальныхъ привилегій. Она, правда, не отрицала своего права вмѣшиваться и въ эту область и прибѣгала къ принудительнымъ мѣропріятіямъ въ интересахъ „народнаго блага“, но, подобно „просвѣщенному“ абсолютизму Запада, и россійскій абсолютизмъ на Кавказѣ не проявлялъ ни послѣдовательности, ни рѣшительности въ отношеніяхъ своихъ къ *туземному* феодализму.

Изъ россійскихъ государственныхъ дѣятелей на Кавказѣ наиболѣе убѣжденнымъ противникомъ мѣстнаго феодальнаго сословія былъ знаменитый Ермоловъ. Имъ было предпринято, хотя и не закончено, общее нормированіе обязанностей крѣпостныхъ и крестьянъ. При немъ же было издано въ 1818 г. „Положеніе“, ограничившее владѣльческія права татарскаго дворянства и строго регламентировавшее оставленныя за нимъ права вотчинной полиціи и суда. И еще въ тридцатыхъ годахъ, для разсмотрѣнія ходатайствъ армянскихъ крестьянъ—объ освобожденіи ихъ отъ зависимости агаларовъ и бековъ—(мелко-феодальные элементы на Кавказѣ) была назначена особая комисія, которая постановила испросить Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи всѣхъ крестьянъ Закавказья отъ крѣпостничества, ссылаясь при томъ на законъ 1802 г., воспрещающій магометанамъ владѣть христіанами. А въ 1841 году Высочайше было повелѣно: „званіе агаларовъ и меликовъ для блага жителей и пользы правительства уничтожить, деревни отнять отъ нихъ безъ всякаго вознагражденія, и вмѣсто этого каждому изъ нихъ до смерти выдавать отъ казны тѣ доходы, кои онъ получалъ отъ жителей татарскихъ, но не армянскихъ деревень“.[1]) Ту же мѣру правительство намѣревалось распространить на всѣ

[1]) Иваненко: „Гражданское управленіе Закавказья“, историческій очеркъ (Т. XII изданія „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ“), стр. 342.

части центральнаго и восточнаго Закавказья. Но уже въ сороковыхъ годахъ, при намѣстникѣ кн. Воронцовѣ, правительство вступаетъ на иной путь, порывая со своими демократическими экспериментами на Кавказѣ. Оно становится на путь покровительства дворянскихъ интересовъ и продолжаетъ итти по этому направленію все время, вплоть до нашихъ дней, почти безъ уклоненій. Воронцовъ задался мечтою создать изъ агаларовъ и бековъ преданное престолу сословіе и использовать, такимъ образомъ, то вліяніе, которымъ они пользовались въ народѣ, въ интересахъ культурныхъ и административныхъ задачъ. Онъ находилъ, что, какъ по соображеніямъ удобства управленія мусульманскими массами, такъ и считаясь съ политическимъ положеніемъ края вообще „надлежитъ не только не посягать на права высшаго сословія, но всѣми мѣрами стараться объ огражденіи и утвержденіи оныхъ, ибо одно только аристократическое начало можетъ побороть то демократическое направленіе, противъ котораго, къ сожалѣнію, до-нынѣ, кромѣ оружія, никакого оплота противопоставлено не было“ [1]). Въ результатѣ, въ отмѣну акта 1841 г. былъ изданъ новый Высочайшій рескриптъ въ 1846 г., которымъ „въ ознаменованіе особой милости и благоволенія къ ханамъ, бекамъ, агаларамъ и прочимъ лицамъ высшаго мусульманскаго сословія, а также меликамъ изъ армянъ“ повелѣвалось: агаларамъ „даровать“ земли, населенныя и ненаселенныя, отобранныя отъ нихъ въ 1841 г., „утвердивъ земли сіи за ними на правахъ собственности“; крестьянъ — обязать платить землевладѣльцамъ разнаго рода повинности, въ вознагражденіе за пользованіе землей; владѣльцамъ предоставляются права полицейскаго управленія поселянами, которые обязаны оказывать имъ „повиновеніе и подчиненіе“; населенныя земли не могутъ быть продаваемы лицамъ, не принадлежащимъ къ дворянству. Эта система взаимныхъ отношеній дворянскаго сословія и крестьянскихъ массъ была, затѣмъ, распространена на всѣ разновидности мусульманскаго феодальнаго класса на всемъ пространствѣ центральнаго и восточнаго Закавказья.

„Аристократизмъ“ правительственной системы принималъ различные виды. Изъ „просвѣщеннаго“ аристократизма кн. Воронцова у его послѣдователей развился, съ теченіемъ времени, полицейскій феодализмъ, въ особенности въ 90-хъ годахъ, въ эпоху общеимперской дворянской реставраціи. Крестьянская реформа носила характеръ чего-то половинчатаго, недодѣланнаго, да и то касалась, главнымъ образомъ, грузинскихъ областей. Въ остальныхъ (бывшихъ мусульманскихъ) областяхъ хотя формально крѣпостного права не было, но необходимость крестьянской реформы и здѣсь была не менѣе очевидна. Между тѣмъ, Положеніе 1870 г. „о поземельномъ устройствѣ

[1]) Ibid, стр. 354, 355.

государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія, а равно и меликовъ изъ армянъ въ губерніяхъ Елизаветпольской, Эриванской и части Тифлисской" доказывало, по мнѣнію М. Н. Кучаева (вице-президента Имп. кавказскаго общества сельскаго хозяйства и члена совѣта главноначальствующаго), что „заботы правительства направлены были преимущественно къ созданію имущественныхъ и сословныхъ правъ высшихъ сословій, вопросъ же объ обезпеченіи быта поселянъ имѣлъ второстепенное значеніе, и ему была отведена роль подчиненная и зависимая" [1]).

Но и примиреніе русскаго правительства съ туземнымъ кавказскимъ дворянствомъ никогда не было полнымъ. Меньше всего правительство благоволило къ татарскому дворянскому сословію. Такъ дворяне бывшихъ мусульманскихъ владѣній и до нашего времени не получили еще сословной организаціи, дарованной въ свое время дворянству грузинскому (Тифлисской и Кутаисской губерній).

Какъ бы то ни было, мѣропріятія русскаго правительства, выступившаго противъ традиціоннаго господства кавказскаго дворянства, миновали армянскую націю, чуждую феодальнаго класса. Напротивъ, стремленіе правительства поддержать мѣстныя анти-феодальныя силы болѣе всего было благопріятно для армянской народности, ничего не получившей отъ кавказскаго феодализма, и больше всѣхъ терявшей и терпѣвшей отъ него. И если у грузинъ и татаръ въ дефеодализаціи края былъ заинтересованъ одинъ лишь крестьянскій классъ, то у армянъ выигрывала вся нація. Соображенія иностранной (ближне-восточной) политики Россіи и необходимость привлеченія симпатій заграничныхъ армянъ, еще болѣе повышали шансы послѣднихъ. Въ этомъ смыслѣ русская власть отступала отъ того междунаціональнаго нейтралитета, котораго она держалась по отношенію къ кавказскимъ народностямъ,—отступала во вредъ мусульманамъ и въ пользу армянъ. Изъ туземныхъ феодальныхъ элементовъ наименьшимъ расположеніемъ правительства пользовалось, какъ уже выше было отмѣчено, мусульманское дворянство, т. е. та именно группа дворянъ, которой преимущественно и было подвластно армянское крестьянство; крестьяне, подчиненные грузинскому дворянству, встрѣчали со стороны правительства уже меньшую готовность содѣйствовать ихъ освободительнымъ стремленіямъ, чѣмъ крестьяне подвластные дворянству татарскому; и, въ свою очередь, изъ среды подчиненныхъ татарскому дворянству крестьянъ, армяне, какъ издавна тяготѣвшіе къ культурной христіанской Россіи, пользовались большей поддержкой, чѣмъ крестьяне-

---

[1]) „Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края". Томъ I. часть II, стр. 69.

татары, не высказывавшіе особенной склонности промѣнять свою зависимость отъ туземныхъ феодаловъ на проблематичное покровительство русской власти.

Освобожденіе городовъ отъ феодальнаго гнета также благопріятствовало болѣе всего армянамъ въ лицѣ ихъ вліятельнаго бюргерства и городской демократіи; изъ безправной массы армянское городское сословіе поднялось до положенія сильнаго и опаснаго соперника феодальнаго класса.

Такимъ образомъ, внѣшнія общеполитическія условія на Кавказѣ складывались наиболѣе благопріятно для развитія армянской демократіи.

III.

Мы уже указывали на тотъ поворотъ, совершившійся во взглядахъ армянъ на сущность націи, и приведшій къ признанію равноправія всѣхъ ея членовъ, поворотъ, начавшійся еще въ 40-хъ годахъ. Постепенно на арену общественной жизни выступаетъ новый слой, болѣе демократическій, чѣмъ вліятельное въ то время олигархическое бюргерство, которое, хотя и не знало „аристократизма“ и свойственныхъ ему рѣзкихъ сословныхъ перегородокъ, но, тѣмъ не менѣе, признавало нѣкоторую соціальную градацію, и, въ извѣстномъ смыслѣ, противопоставляло себя, какъ своего рода оптиматовъ, остальному демосу, „простонародію“,—это былъ слой интеллигенціи, которая и по своему происхожденію, и по соціальному и экономическому положенію, — не говоря уже объ идейномъ демократизмѣ,—была тѣсно связана, объединена, слита съ народомъ и съ его низами.

Не слѣдуетъ забывать, что наличность городского класса, при отсутствіи феодальнаго слоя, вообще налагала характерный демократическій отпечатокъ на весь строй армянской національной жизни; въ составѣ націи не оказывалось классовъ взаимно-подчиненныхъ. И если между вліятельнымъ бюргерствомъ и городскимъ и сельскимъ демосомъ проходила извѣстная соціальная грань, то это было лишь въ смыслѣ бо́льшей или меньшей хозяйственной привилегированности и уровня образованія, но не въ смыслѣ отношеній подчиненности Армянское городское общество, уже однимъ своимъ существованіемъ, такъ сказать, способствовало идейному раскрѣпощенію армянскаго крестьянства.

При этихъ условіяхъ въ армянскомъ народѣ, все шире разросталось стремленіе къ самостоятельности; онъ почувствовалъ себя хозяиномъ своей жизни и захотѣлъ устранить тѣ преграды, которыя мѣшали ему выйти на широкій путь развитія.

Но демократія имѣетъ свою специфическую соціально-политическую физіономію, свои особыя требованія и желанія, которыя не могли соотвѣтствовать,

конечно, вкусамъ господствовавшаго правительственнаго порядка. Режимъ, требовавшій отъ всѣхъ и каждаго обезличенія, сокрушавшій всякое проявленіе общественной самодѣятельности, естественно, не могъ относиться равнодушно къ разростающемуся демократическому движенію.

Вскорѣ къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, сыгравшее большую роль въ отношеніяхъ правительства къ армянамъ: общій поворотъ во внѣшней политикѣ Россіи. Мы уже упомянули о томъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ армянамъ русское правительство, въ значительной степени, сообразовывалось съ характеромъ своей политики на ближнемъ Востокѣ. Вслѣдъ за послѣдней русско-турецкой войной, какъ извѣстно, въ этой политикѣ произошли существенныя измѣненія. Разочарованія, постигшія Россію подъ вліяніемъ неудачъ на берлинскомъ конгрессѣ, „неблагодарность“ Болгаріи, непріязнь къ „Европѣ“, лишившей побѣдительницу возможности использовать свои побѣды, все это привело Россію къ „дружбѣ“ съ султаномъ. Армяне уже больше не были нужны.

Итакъ, факторы, побуждавшіе въ свое время русское правительство щадить армянъ на Кавказѣ, потеряли свою силу. Внутреннее развитіе армянской народности, косвенно вызванное отчасти этими факторами, теперь толкало правительство къ обратнымъ, репрессивнымъ дѣйствіямъ.

Отсюда, обостреніе отношеній между бюрократической администраціей и армянами, приведшее, наконецъ, къ тяжелымъ конфликтамъ.

Преслѣдованіе армянъ на Кавказѣ въ основѣ своей не было, конечно, явленіемъ исключительнымъ; оно было составной частью, такъ сказать, эпизодомъ всероссійскаго гнета и реакціи. Но общій режимъ, господствовавшій въ Россіи, сталъ усугубляться здѣсь преслѣдованіями на національной почвѣ. Приступлено было къ уничтоженію всѣхъ остатковъ національной самобытности армянскаго народа.

Наиболѣе чувствительный ударъ реакціонной системы былъ нанесенъ армянскимъ школамъ. Уже въ 1874 году начинаются ограниченія и притѣсненія этихъ учебныхъ заведеній, находившихся въ полномъ и самостоятельномъ вѣдѣньи національной церкви; постепенно онѣ переходятъ въ собственность министерства народнаго просвѣщенія, пока, наконецъ, въ 1897 году окончательно не закрываются [1]). Такая же печальная участь постигла и другія армянскія общественныя учрежденія: благотворительныя, издательскія и т. п. (Всѣ эти, болѣе чѣмъ скромныя и безобидныя учрежденія, нынѣ вновь призваны къ жизни). Наконецъ, въ 1903 г. правительственная реакція разразилась распоряженіемъ объ ото-

[1]) 1-го августа 1905 г. опять возстановлено Высочайшимъ указомъ право армянскаго общества открывать собственныя школы, но пока безъ достаточныхъ гарантій ихъ самостоятельности.

браніи въ казенное управленіе имуществъ армянской церкви. Хотя правительство пыталось освѣтить этотъ актъ хищенія и репрессій, какъ либеральную мѣру, принятую якобы въ цѣляхъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, въ интересахъ самаго же армянскаго народа, но послѣдній разгадалъ смыслъ этой мѣры, направленной, по существу, къ упраздненію послѣднихъ остатковъ его общественно-національнаго самоуправленія.

И отвѣтомъ на это правительственное распоряженіе были народныя волненія и массовые протесты (лѣтомъ и осенью 1903 г.). При напряженномъ состояніи всей націи распоряженіе это подверглось своеобразному бойкоту.

Національный протестъ (въ которомъ приняли участіе и заграничные армяне) поставилъ вопросъ на широкую основу.

Суровый и слѣпой режимъ административныхъ притѣсненій далъ, такимъ образомъ, энергичный толчокъ къ широкой общественной организаціи армянскаго народа. И если въ 40-хъ и 50-хъ годахъ армянское движеніе содержало въ себѣ еще много смутнаго, неопредѣленнаго, и практическая работа еще не отлилась въ рельефныя программныя формы, то въ 80-хъ годахъ мы уже имѣемъ дѣло съ ясно опредѣлившимся демократическимъ теченіемъ, какъ явленіемъ массовымъ, а лихорадочное оживленіе послѣдующихъ лѣтъ ведетъ къ дальнѣйшему сплоченію общественныхъ силъ на почвѣ соціальной и національной борьбы [1]).

Безпрестанныя преслѣдованія армянской демократіи привели къ національному пробужденію армянскихъ народныхъ массъ; съ идеей соціальнаго равенства тѣсно сплетались идеи національнаго освобожденія.

Здѣсь своевременно устранить то ложное освѣщеніе, которое часто давалось армянскому движенію на Кавказѣ, и разсѣять преувеличенное значеніе, которое, въ этомъ отношеніи, приписывалось армянской буржуазіи и развитію армянскаго капитализма.

Армянская крупная буржуазія на Кавказѣ вся исчерпывается двумя-тремя бакинскими нефтепромышленниками, которые, кстати сказать, наиболѣе равнодушны къ національной жизни и интересамъ армянской народности, и наиболѣе денаціонализировались. Средняя буржуазія (сосредоточенная, главнымъ обра-

---

[1]) Первый опытъ созданія партіи, сплоченной единствомъ общественной программы, исходитъ изъ кружка лицъ, сгруппировавшихся вокругъ газеты „Мшакъ“, которая начала издаваться въ 1872 году. Отсюда и такъ называемое теченіе „мшакаканства“, послужившее подготовительной школой для дальнѣйшаго развитія армянскихъ политическихъ партій. Идейнымъ вождемъ мшакаканства и редакторомъ „Мшака“ былъ Григорій Арцруни, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей и даровитыхъ армянскихъ публицистовъ XIX ст.

зомъ, въ Тифлисѣ) тоже не достигла значительнаго развитія въ этой странѣ, отсталой, какъ культурно, такъ и экономически.

Вотъ какъ характеризуетъ положеніе дѣла авторъ, изучившій вопросъ по статистическимъ даннымъ. „Фабричная и заводская промышленность края (за исключеніемъ нефтяного дѣла въ Баку) развита весьма слабо, несмотря на обиліе и разнообразіе сырыхъ продуктовъ ископаемыхъ; по всѣмъ почти отраслямъ, промышленность не стала еще фабричной, а носитъ характеръ кустарный и ремесленный... Ни внѣшняя торговля Кавказа, ни промышленность фабричная и заводская—не находятся въ рукахъ армянъ, причемъ ни въ одной изъ отраслей производства армяне не занимаютъ господствующаго положенія... Вся почти крупная торговля сосредоточена въ губерніяхъ Кутаисской, Бакинской и Тифлисской (а не въ районѣ россійской Арменіи) и находится главнымъ образомъ въ рукахъ иностранцевъ... Вся же мѣстная торговля края носитъ характеръ розничномелочного торга; городовъ мало и они малолюдны“ [1]). При такихъ условіяхъ говорить объ армянскомъ капитализмѣ и буржуазіи, и притомъ въ странѣ, по преимуществу примитивно-земледѣльческой, располагающей лишь рѣдкими индустріальными центрами, вообще не приходится [2]). Сравнительно съ двумя другими туземными народностями, у армянъ, пожалуй, дѣйствительно, буржуазія болѣе развита; но сравнительная мѣрка въ данномъ случаѣ мало пригодна. У армянъ развита не буржуазія, а то, что можно назвать мелкимъ бюргерствомъ. Изъ живущихъ въ городахъ армянъ, свыше 90% занимаются ремеслами и только 6% торговлей—мелкой и средней [3]).

И если армяне, сравнительно съ сосѣдними народностями, даютъ большій процентъ городского населенія, то это отнюдь не знаменуетъ развитія буржуазіи.

Приведемъ еще нѣсколько статистическихъ данныхъ о занятіяхъ армянскаго населенія по переписи 1897 г. Торговлей занимается—3,4% армянъ, добывающей и обрабатывающей промышленностью — 10% (и 70% — сельскимъ хозяйствомъ); это во всей Имперіи. Въ южномъ же Кавказѣ,

---

[1]) А. Н. Сазоновъ „Нѣсколько словъ объ армянахъ на Кавказѣ“ („Русская Мысль“ 1896 г. № 9, 10).

[2]) Слѣдующая таблица даетъ сравнительную картину процентнаго отношенія числа лицъ, занимающихся промышленностью и торговлей, къ общему числу населенія Европ. Россіи и Кавказа по даннымъ переписи 1897 г.

% распредѣленіе населенія по занятіямъ.	Европейская Россія.			Кавказъ.		
	въ уѣздахъ.	въ городахъ.	Всего.	въ уѣздахъ.	въ городахъ.	Всего.
Промышленность .	9,01%	44,9%	13,6%	7,1%	39,2%	11,2%
Торговля.....	2%	16,6%	3,8%	1,6%	16%	3,4%

[3]) А. Н. Сазоновъ ibid.

въ Эриванской губ. торговлей занимается—2,8% армянскаго населенія, ремеслами, обрабатывающей и добывающей промышленностью — 5% (и болѣе 87% сельскимъ хозяйствомъ). Въ той же губерніи среди татарскаго населенія торговлей занимаются—2,4%, ремеслами, обрабатывающей и добывающей промышленностью—2,2% и около 86%—земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ Елизаветпольской губ. у армянъ торговлей занимается около 4%, и столько же у татаръ; ремеслами, обрабатывающей и добывающей промышленностью занимается—10% армянъ и 5%—татаръ [1]).

Посмотримъ теперь, какое отношеніе породилъ къ себѣ національный подъемъ армянскихъ массъ въ окружающихъ народностяхъ, или вѣрнѣе, въ господствующихъ классахъ послѣднихъ.

Мы уже указывали на то, что соціальный составъ и разслоеніе кавказскихъ народностей не были тождественны. Съ одной стороны, владѣльческія сословія были сосредоточены въ грузинскомъ и татарскомъ населеніи края, демократическіе же и притомъ наиболѣе сознательные слои были представлены армянской народностью. Благодаря этому, и здѣсь чисто соціальныя отношенія принимали внѣшній видъ національныхъ; борьба противъ феодализма получала довольно яркую окраску борьбы армянъ якобы противъ грузинъ и татаръ, тѣмъ болѣе, что демократическіе элементы этихъ народностей, въ особенности послѣдней, еще не выступили противъ своей феодальной знати и все еще оставались подъ вліяніемъ дворянскаго класса, умѣвшаго свои сословные интересы и стремленія выдавать за общенаціональные.

Процессъ подъема демократіи наблюдался и въ городахъ, и въ деревняхъ; въ послѣднихъ, конечно, сравнительно позже. И здѣсь, и тамъ пробужденіе армянской демократіи должно было столкнуться съ сопротивленіемъ и оппозиціей несравненно болѣе сильными и глубокими, чѣмъ тѣ, которыя имѣли мѣсто въ собственной (армянской) національной средѣ, по отношенію къ вліятельному бюргерству. Во внѣнаціональныхъ отношеніяхъ сословныя перегородки были гораздо крѣпче и толще, а главное, съ ихъ упраздненіемъ, съ установленіемъ демократическаго равноправія были связаны слишкомъ рѣзкія перемѣны и чувствительныя лишенія въ сферѣ насущныхъ интересовъ феодальнаго класса.

Демократическое движеніе сопровождалось, прежде всего, культурно-національной эмансипаціей. Армянскій языкъ, до того низведенный въ общественномъ обиходѣ до степени языка второстепеннаго, теперь занялъ надлежащее

---

[1]) См. „Первая всеобщ. перепись населенія Росс. Имп. 1897 г.“, „Общій Сводъ“ томъ II, „LXIII—Елизаветпольская губ.“, „LXXI—Эриванская губ.“.

мѣсто въ частной и народной жизни армянъ, вытѣсняя изъ этой среды языки грузинскій и татарскій, потерявшіе, съ утвержденіемъ русскаго владычества, значеніе языковъ господствующихъ. Эта національно-культурная перемѣна въ жизни армянской народности уже, сама по себѣ, понятно, не пришлась по душѣ кавказскому феодальному классу. Но, наряду съ культурной эмансипаціей, шло утвержденіе соціальнаго равенства. Такъ какъ преобладающимъ населеніемъ во многихъ городахъ Закавказья являются армяне, то, съ введеніемъ общественнаго самоуправленія, главенство въ этихъ городахъ, естественно, перешло въ руки армянъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ данной мѣстности армяне даютъ наибольшій контингентъ домовладѣльцевъ и городскихъ землевладѣльцевъ [1]). Къ тому же, избирательныя права мусульманъ были сильно ограничены, что еще больше способствовало усиленію вліянія армянъ въ городахъ.

Болѣе чувствительна была перемѣна въ деревнѣ, гдѣ дворянство, главнымъ образомъ татарское, должно было мириться съ ростомъ самостоятельности армянскихъ крестьянъ, на которыхъ оно, однако, все еще продолжало смотрѣть какъ на своихъ подданныхъ. Подъяремный „райатъ“, цѣлые вѣка кланявшійся беку въ поясъ и чуть-ли не прикладывавшійся къ рукѣ теперь дерзалъ проходить мимо, не сгибая спины, безъ рабскаго поклоненія. Эти элементы къ тому же вносили „язву свободомыслія“ и въ татарскую крестьянскую массу, чѣмъ еще болѣе возбуждали противъ себя властнаго феодала.

На почвѣ этихъ соціально-экомомическихъ противорѣчій, столкновенія между армянами, съ одной стороны, и грузинскимъ и татарскимъ дворянствомъ — съ другой, должны были принимать все болѣе обостренный характеръ.

Грузинское дворянство выступило, прежде всего, съ оппозиціей литературной. Главными вдохновителями анти-армянской, доходившей порой до армянофобства, кампаніи были видные представители грузинской литературы, какъ князь И. Чавчавадзе, князь Ак. Церетелли и др. Кампанія эта была чисто дворянская по своей основѣ и подкладкѣ; въ ней не принимали участія и, наоборотъ, являлись даже ея противниками, представители слабаго еще въ то время грузинскаго демократическаго теченія [2]). Тѣмъ не менѣе, благодаря общему фону

---

[1]) Появленіе и водвореніе феодальныхъ элементовъ въ городахъ началось лишь съ недавняго времени. Напр. въ 1803 году изъ 2700 домовъ въ Тифлисѣ только 18 принадлежало грузинамъ, а остальные были собственностью армянъ (см. Владыкинъ „Путеводитель по Кавказу“ стр. 330); въ настоящее время распредѣленіе недвижимой собственности, какъ и численность населенія измѣнились въ пользу грузинъ.

[2]) Такъ армянофобскія нападки поэта кн. Церетели въ его „Сборникѣ Акакія“, напр., встрѣтили убѣжденную отповѣдь („Новое Обозрѣніе“ 1898 г. февраль) со стороны проф. Марра (грузина), высокое безпристрастіе и ученый авторитетъ котораго внѣ сомнѣній.—Когда кн. Накашидзе, бакинскій губернаторъ и главный виновникъ рѣзни, былъ убитъ, реакціонные дворянскіе элементы грузинскаго общества провозгласили

и условіямъ грузинской національной жизни, дворянамъ, въ общемъ, удавалось потерю своихъ дворянскихъ преимуществъ рядить въ скорбь за національныя потери и національный ущербъ. Не ограничиваясь литературной борьбой, грузинскій феодальный классъ не брезгалъ и косвенными путями, морально поддерживая, между прочимъ, репрессивныя мѣры реакціоннаго правительства, направленныя противъ армянъ. Извѣстны также симпатіи грузинскаго дворянства къ татарскому феодальному рыцарству, особенно рельефно выразившіяся во время армяно-татарской войны.

Иначе складывалось выступленіе татарскаго феодализма. Плоскость треній здѣсь значительно шире; къ тому же за татарскимъ рыцарствомъ было обезпечено содѣйствіе преданнаго ему, отчасти вооруженнаго татарскаго крестьянства [1]). Столкновеніе должно было вылиться здѣсь въ болѣе острыя, интенсивныя формы.

Активное выступленіе татаръ произошло, однако, значительно позже. Для этого требовалось болѣе благопріятное стеченіе обстоятельствъ и болѣе подходящая политическая обстановка. Татарскіе феодалы должны были, прежде всего, убѣдиться въ томъ, что россійское правительство, этотъ традиціонный защитникъ армянъ, дѣйствительно уже больше не заступится за послѣднихъ. Затѣмъ, — и это едва ли не самое существенное, — требовалась увѣренность, что плодами побѣды надъ армянами, воспользуются одни только феодалы, и имъ не придется сложить своихъ трофеевъ къ ногамъ русской бюрократіи. Вотъ почему, напримѣръ, ни правительственныя распоряженія объ отобраніи армянскихъ церковныхъ имуществъ, ни дальнѣйшія репрессіи, слишкомъ явно, казалось бы, порвавшія традиціонныя связи правительства съ армянами, еще не были достаточны для того, чтобы вывести татаръ изъ ихъ выжидательнаго положенія. Впрочемъ, и въ то время уже раздавались голоса среди татарскаго рыцарства, призывавшіе „усмирить“ армянъ. Но это были голоса единичные, татарское дворянство in corpore еще не откликнулось на этотъ зовъ.

смерть его „національнымъ горемъ“, его самого—„гордостью грузинскаго народа“ и выпустили прокламацію къ грузинамъ, призывавшую послѣднихъ „присоединиться къ татарамъ и бить армянъ“. Всѣ эти происки не имѣли, однако, успѣха, встрѣтивъ протестъ сознательныхъ передовыхъ элементовъ грузинскаго общества, (см. Шахназарянъ „Крестьянское движеніе въ Грузіи и соціалдемократія“ стр. 97, Карибя, „Оглянемся назадъ!“ стр. 13—14, 21).

[1]) Татарское крестьянство понынѣ еще пребываетъ въ полномъ подчиненіи у своего дворянства. Татарское феодальное сословіе de facto до сихъ поръ еще сохранило многія сеньёральныя права, помимо тѣхъ, которыя вообще признаны за нимъ россійскими законами въ той или иной формѣ. Крестьянинъ подчиняется вотчинной юстиціи феодала и его полицейской власти, платитъ оброкъ и натуральныя повинности въ пользу сеньёра, на землѣ котораго живетъ, сеньёру предоставлено право регламентированія промысловъ и установленія таможенныхъ заставъ, и т. д.

Съ другой стороны, если упадокъ и безсиліе татарскаго феодализма въ значительной степени являлись результатомъ роста армянской демократіи, то главнымъ факторомъ его крушенія было именно господство русской бюрократіи. Борьба татаръ, по существу своему, неминуемо должна была быть направлена, такимъ образомъ, не только противъ армянской демократіи, но, въ неменьшей мѣрѣ, и противъ самого русскаго владычества. И нѣтъ ничего удивительнаго, если татарское дворянство до тѣхъ поръ, пока этотъ главный врагъ казался сильнымъ и непобѣдимымъ, не вело борьбы противъ своего второго, болѣе слабаго соперника, ибо не было политическаго резона вооружать противъ себя армянъ, и безъ личной пользы оказать только лишнюю услугу правительству, тѣснившему и самихъ татаръ. Такимъ образомъ, татарское дворянство самымъ положеніемъ вещей было осуждено на пассивную роль, что еще больше усиливало вражду и антагонизмъ между этими двумя народностями.

Съ наступленіемъ всеобщаго кризиса въ Имперіи и съ крушеніемъ бюрократіи—положеніе сразу измѣнилось въ пользу татаръ.

Полное паденіе военнаго престижа Имперіи со времени японской войны, революція, усиливавшаяся въ странѣ и подрывавшая власть правительства,—все это создало въ татарскомъ феодальномъ классѣ, не забывшемъ еще о своемъ быломъ господствѣ, иллюзію наступающей ликвидаціи россійскаго владычества на Кавказѣ. Давнишнія завѣтныя мечты татаръ—о возстановленіи своего политическаго главенства въ странѣ—казались близкими къ осуществленію. И такъ какъ до россійскаго завоеванія восточная и центральная (армянскія) области Закавказья находились во владычествѣ мусульманъ, или, точнѣе—ихъ феодальной знати, то и представлялось, что, съ упраздненіемъ россійской власти. Закавказье вновь вернется къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, т. е. въ руки татарскихъ феодаловъ; армяне же, бывшіе во времена мусульманскаго владычества національностью негосударственной, подчиненной, теперь вновь будутъ низведены до положенія подданныхъ и подвластныхъ татарскому феодальному сословію.

Стремленія эти невольно напоминаютъ, по аналогіи, европейскій легитимизмъ начала XIX в. На западѣ паденіе Наполеона сопровождалось реакціей и реставраціей, и легитимизмъ означалъ борьбу за возстановленіе до-революціоннаго status quo. Кавказскій легитимизмъ имѣлъ, конечно, и своеобразныя черты, соотвѣтствовавшія характеру до-русскаго туземнаго режима и новыхъ россійскихъ порядковъ, но суть его та же: реакціонныя попытки ликвидировать новыя соціальныя и политическія завоеванія, ради возстановленія стараго порядка.

Въ лагерѣ кавказскаго легитимизма было, впрочемъ, не только та-

тарское, но и грузинское дворянство [1]). Конечно, послѣднее, лишенное всякой силы и почвы вслѣдствіе побѣдоноснаго возстанія собственныхъ крестьянъ, оказалось въ положеніи командира безъ солдатъ, и ему оставалось лишь, съ теплымъ чувствомъ и не безъ зависти, смотрѣть на возрожденіе и выступленіе татарскаго феодализма.

Какъ бы то ни было, выдвинувъ вопросъ о переработкѣ политической карты южнаго Кавказа, кавказскіе „союзники", татарское и грузинское дворянство—подражая европейскимъ „союзникамъ" временъ Вѣнскаго конгресса, вовсе не имѣли въ виду считаться съ реальными національными факторами. Сознательно игнорировались права и чуть ли не самый фактъ существованія армянской народности. Но если можно было игнорировать права армянъ, то нельзя было не считаться съ ихъ силой; ее надо было сломить, какъ это было сдѣлано за нѣсколько столѣтій до того предками современныхъ татаръ. На этой почвѣ интересы татарскаго дворянства теперь—въ эпоху освободительнаго движенія—очень близко совпали съ интересами русской бюрократіи. Какъ ни противоположны были конечныя цѣли обѣихъ этихъ сторонъ, и какъ ни сильна была оппозиція татарскаго феодолизма русскому централизму, все же общая вражда къ армянамъ и общее стремленіе обезсилить врага породили извѣстную солидарность между обоими противниками, закрѣпленную вмѣстѣ съ тѣмъ традиціоннымъ сословнымъ единомыслiемъ.

Обѣ стороны ясно сознавали своеобразность и двойственность этихъ взаимоотношеній. Но каждая, преслѣдуя свои цѣли, старалась, по возможности, использовать другую. Для бюрократіи татары, предводительствуемые дворянствомъ, были пока готовой силой для укрощенія всякихъ нежелательныхъ, „неспокойныхъ" элементовъ. Татарскіе же феодалы съ своей стороны, преслѣдуя въ сущности другіе планы, пользовалось этимъ, чтобы удержать союзника, по крайней мѣрѣ, отъ вмѣшательства въ ихъ борьбу съ армянами. Отсюда, афишированіе своей лояльности и готовности стать на защиту самодержавія.

Россійское освободительное движеніе дало, такимъ образомъ, первый толчекъ къ обнаруженію всѣхъ накопившихся, въ теченіе десятилѣтій, антагонизмовъ между армянами и татарами. Возродившійся татарскій феодализмъ воспользовался моментомъ и „объявилъ" армянамъ войну, имѣвшую столь крупныя послѣдствія не только для судебъ россійской Арменіи, но и для

---

[1]) Такъ петиціи грузинскаго (Тифлисскаго и Кутаисскаго) дворянства заключали въ себѣ проектъ автономіи Грузіи, причемъ исходя изъ правъ исторической Грузіи онѣ включали въ границы предполагаемой автономной грузинской территоріи области, по своему этнографическому составу отнюдь не грузинскія. См. А. С. Хахановъ, „Грузинская печать о Государственной Думѣ и автономіи Грузіи" („Русская Мысль", 1906 г. іюнь).

всей политической жизни Закавказья. Началась вооруженная борьба, партизанская, на пространствѣ многихъ уѣздовъ и городовъ, длившаяся съ перерывами около двухъ лѣтъ (съ 6-го февраля 1905 г. по осень 1906 г.). Организовались ополченія и дружины, производились укрѣпленія позицій, штурмы, осады, словомъ, велась систематическая война [1]).

Сохранившійся въ быту татарскаго населенія, феодальный укладъ доставилъ татарскому дворянству вѣрное и послушное войско, и это участіе отсталаго татарскаго крестьянства, да еще наиболѣе темныхъ его элементовъ [2]), придавало армяно-татарской войнѣ характеръ національной борьбы. Но соціальная и политическая подкладка этой войны ясна. По существу, это была не національная борьба армянъ и татаръ, а непосредственное столкновеніе демократіи (армянской) съ феодализмомъ (татарскимъ), хотя не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что одинъ феодальный классъ не былъ бы въ состояніи произвести столь крупныхъ событій. Наряду съ соціальнымъ антагонизмомъ выступили всѣ тѣ историческіе и бытовые контрасты и несходства, о которыхъ мы говорили въ началѣ настоящаго очерка, и которые въ значительной мѣрѣ еще проявлялись и въ началѣ XX столѣтія [3]).

* * *

Натискъ татарскаго феодализма не произвелъ депримирующаго дѣйствія на армянъ. Весною 1905 г. выборные представители армянскаго населенія съѣхались почти со всего Закавказья, и въ рядѣ засѣданій выработали петицію [4]) (для подачи въ Совѣтъ Министровъ и Намѣстнику Кавказа), въ которой, между прочимъ, имѣлся слѣдующій пунктъ „Введеніе на Кавказѣ

---

[1]) Разрушены или понесли крупныя потери съ обѣихъ сторонъ 252 деревни и 7 городовъ: потерпѣли и разорились до 15.000 семействъ. Число человѣческихъ жертвъ, по нашему разсчету, доходитъ до 10.000, изъ нихъ половина зарѣзаны и пали жертвами пули и огня, а другая половина умерла отъ выселенія, холода, недостатка пищи и т. п. Исторія войны и описаніе отдѣльныхъ эпизодовъ см. А-до „Армяно-татарское столкновеніе на Кавказѣ 1905—06 г. съ фактическимъ, статистическимъ и топографическимъ освѣщеніемъ“.

[2]) Наиболѣе культурные слои татарскаго и мусульманскаго населенія, къ тому же эмансипировавшіеся отъ вліянія феодальной знати (татары-сунниты) или вовсе не имѣющіе феодальнаго сословія (турки въ Карсской обл.), какъ извѣстно, не откликнулись на агрессивные призывы татарскаго феодализма, и районы ихъ преобладанія остались неомраченными армяно-мусульманскими „столкновеніями“.

[3]) Объясняя причины, создавшія почву для агрессивныхъ выступленій татаръ противъ армянъ, мы не коснулись тѣхъ вліяній извнѣ, которыя сыграли весьма видную роль въ анти-армянскомъ движеніи. Наличность внѣшнихъ стимуловъ не отрицается даже многими изъ мусульманъ.

[4]) Чалхушьянъ, „Армянскій вопросъ въ Россіи“, стр. 29. „Новое Обозрѣніе“ 1905 г. № 88, „Разсвѣтъ“ 1905 г. № 74.

земскаго безсословнаго самоуправленія на широкихъ основаніяхъ съ учрежденіемъ: а) самоуправляющейся мелкой земской единицы, б) уѣзднаго (безъ губернскаго) земства, съ выдѣленіемъ городскихъ общественныхъ учрежденій въ отдѣльныя единицы, и в) одного общекавказскаго Земскаго Собранія—съ правомъ законодательной иниціативы и предварительнаго обсужденія всѣхъ законоположеній, касающихся Закавказья".

Болѣе радикальную программу выставляетъ партія „Дашнакцутюнъ", крайняя лѣвая армянской демократіи. Въ числѣ политическихъ требованій она провозглашаетъ слѣдующія: демократическая федерація для Закавказья на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; полное равноправіе всѣхъ входящихъ въ федерацію національностей и вѣроисповѣдныхъ общинъ; уничтоженіе всѣхъ сословныхъ привилегій. Закавказье составляетъ нераздѣльную федеративную часть Россіи, связанную съ ней задачами общегосударственной обороны, внѣшней политики, монетной системы и таможни. Закавказье независимо въ своихъ внутреннихъ вопросахъ—административныхъ, хозяйственныхъ, культурныхъ и судоустройства. Оно имѣетъ представительное собраніе, собирающееся въ центрѣ Закавказья, въ Тифлисѣ. Закавказье дѣлится на округа, пользующіеся самымъ широкимъ самоуправленіемъ въ мѣстныхъ вопросахъ, касающихся округа и не затрагивающихъ интересовъ всей Закавказской Федераціи. При дѣленіи на округа долженъ быть принятъ во вниманіе этнографическій составъ населенія и культурно - экономическія особенности его быта (съ цѣлью созданія по возможности однородной группировки). Всѣ должностныя лица округовъ и общинъ обязаны знать хотя бы два главныхъ мѣстныхъ языка. При веденіи дѣлъ въ округахъ и общинахъ употребляется языкъ части населенія, численно преобладающей въ данной мѣстности. Для высшихъ должностныхъ лицъ, служащихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ Закавказья, обязательно знаніе двухъ главныхъ мѣстныхъ языковъ помимо русскаго.

Армяне въ Россіи не добиваются автономіи спеціально для своей національной территоріи на Кавказѣ (россійской Арменіи); они проектируютъ не территоріальныя, а персональныя автономно - національныя организаціи, которыя должны замѣнить ихъ современное національно-церковное самоуправленіе. Они не имѣютъ ничего противъ мѣстныхъ національно-территоріальныхъ автономій, охватывающихъ отдѣльныя части Закавказья, напр. автономной Грузіи, если, конечно, въ ея предѣлы не будутъ включены негрузинскія мѣстности и если живущимъ на ея территоріи гражданамъ-армянамъ будутъ гарантированы избирательныя и вообще политическія и національныя права, путемъ опредѣленной системы выборовъ и установленія извѣстныхъ правовыхъ гарантій, которыя не могутъ быть отмѣнены органами мѣстной автономіи.

Но, какъ вопросъ о междунаціональныхъ отношеніяхъ, такъ и всѣ, вообще, важнѣйшіе культурно-экономическіе вопросы Закавказья могутъ найти наиболѣе соотвѣтственное и компетентное разрѣшеніе лишь при условіи установленія организованнаго единства всего южнаго Кавказа. За это единство ратуютъ всѣ демократическіе элементы грузинской и татарской народности. Армяне также всецѣло отстаиваютъ это требованіе [1]).

---

[1]) Матеріаломъ для настоящаго очерка послужила рукопись бывшаго члена 2-ой государственной думы С. Ѳ. Тиграняна. Ред.

На зарѣ національной эволюціи.

ИНОРОДЦЫ.
ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Терминъ и н о р о д е ц ъ понимается на языкѣ правительства и націоналистической прессы въ двоякомъ смыслѣ—политическомъ и технико-юридическомъ. Въ политическомъ и главнѣйшемъ значеніи этого слова основнымъ признакомъ инородчества является я з ы к ъ. Только населеніе, говорящее на великорусскомъ нарѣчіи, имѣетъ привилегію на званіе русскаго народа. Ни раса, ни даже религія, ни политическая лояльность не играютъ существенной роли. Поляки, будучи славянской крови, говоря на славянскомъ діалектѣ, все же считаются инородцами. Грузины, хотя и православные, все же остаются инородцами. Даже украинцы, родные братья по крови съ великороссами, такіе же православные, какъ послѣдніе, но имѣющіе дерзость говорить на собственномъ малорусскомъ нарѣчіи, хотя и столь близкомъ великорусскому, не перестаютъ во многихъ отношеніяхъ считаться на положеніи инородцевъ. Остзейскіе нѣмцы, славящіеся своей лояльностью, остаются такими же инородцами, какъ и „бунтовщики“ поляки. Но русскіе сектанты, даже самые яростные враги православія, даже самые подозрительные въ глазахъ правительства по своимъ соціальнымъ ученіямъ, но сохранившіе великоруссій говоръ, остаются неизмѣнно въ спискахъ настоящаго русскаго народа. И всѣмъ хорошо извѣстно, что за этой классификаціею кроется серьезная политическая сущность, цѣлый комплексъ политическихъ отношеній огромной важности.

Но официально терминъ этотъ имѣетъ еще и другое, болѣе узкое и не менѣе странное значеніе.

Въ технико-юридическомъ смыслѣ подъ инородцами подразумѣвается цѣлый рядъ не-славянскихъ племенъ, которыя въ законодательномъ отношеніи поставлены въ особое положеніе, каковы: 1) сибирскія туземныя племена; 2) самоѣды; 3) калмыки Астраханской и Ставропольской губерніи (но

Примѣчаніе. Въ основу этого очерка легли, помимо литературнаго матеріала, свѣдѣнія, добытыя путемъ бесѣдъ и переписки съ представителями различныхъ народностей, затрагиваемыхъ въ этой статьѣ. Всѣмъ этимъ лицамъ авторъ приноситъ свою искреннюю признательность.

почему-то не Донской области); 4) киргизы; 5) горцы Кавказа; 6) туземцы Туркестана; 7) ордынцы Закаспійской области и, наконецъ, 8) евреи!

Уже простой перечень категорій инородцевъ, среди которыхъ наряду съ самоѣдами фигурируютъ и евреи, и въ то же время отсутствуютъ татары, чуваши, вотяки, башкиры, цыгане, зыряне, показываетъ, что о какой-либо хотя бы практической пригодности этой классификаціи рѣчи быть не можетъ, и свидѣтельствуетъ лишь о той безцеремонности, съ какой наши былые сочинители законовъ творили свои quasi кодификаціонныя обобщенія.

Для нашей задачи—обзора національнаго пробужденія инородческихъ племенъ—ни первое, ни тѣмъ менѣе второе толкованіе термина „инородецъ“ не можетъ найти примѣненія. Мы не можемъ классифицировать народы Россіи по языкамъ, потому что самъ по себѣ языкъ, къ какой бы лингвистической группѣ онъ ни принадлежалъ, нисколько не характеризируетъ ни уровня культуры, ни степени національнаго самосознанія его носителя. Эсты говорятъ на языкѣ урало-алтайской группы, но въ національномъ и культурномъ отношеніяхъ стоятъ гораздо выше многихъ народностей Россіи, говорящихъ на арійскихъ языкахъ. Мордва говоритъ на діалектѣ, весьма близкомъ къ эстонскому, и тѣмъ не менѣе между этими двумя народностями гораздо больше разницы въ національномъ самосознаніи, чѣмъ между эстами урало-алтайцами и поляками арійскаго корня. Еще менѣе годится для насъ классификація Свода законовъ, по которой соединены въ одну группу народности различнаго культурнаго и національнаго уровня, какъ самоѣды и евреи, и совершенно не входятъ народности весьма близкія въ этихъ отношеніяхъ, какъ татары, чуваши и т. п.

Для нашей задачи—характеристики національнаго движенія—терминъ „инородцы“ можетъ имѣть только одно толкованіе, именно то, которое ему придается въ *этнографическомъ* пониманіи слова, т. е. группы народовъ, либо совсѣмъ чуждыхъ, либо только въ очень незначительной степени пріобщившихся къ европейской культурѣ. Поэтому ни расовый элементъ, ни языкъ, ни даже религія не играютъ рѣшающей роли. Поэтому, напримѣръ, въ эту категорію войдутъ поволжскіе финны, вродѣ мордвы, вотяковъ, но не войдутъ финны западные, какъ эсты и финны Финляндіи, вполнѣ или въ значительной степени пріобщившіеся къ европейской культурѣ. Конечно, и между народностями первой категоріи возможны крупныя градаціи. Тутъ встрѣтятся такія народности, какъ бродячіе чукчи, едва вышедшіе изъ культуры каменнаго вѣка, и такія, какъ татары, исповѣдующіе міровую религію и обладающіе письменностью, равно какъ и народы Туркестана, создавшіе высокую культуру и государственность, но имѣющіе всѣ одинъ общій признакъ — непріобщенность ни

путемъ своего собственнаго языка и литературы, ни путемъ языка другого народа къ европейскому просвѣщенію.

Но не всѣ изъ непріобщенныхъ къ европейской культурѣ народностей Россіи могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія этого очерка.

Одни,—какъ напримѣръ, палеазіаты, бродячіе тунгусы, самоѣды, вогулы, остяки,—настолько малочисленны, настолько разбросаны на громадныхъ территоріяхъ, настолько низко стоятъ на лѣстницѣ культуры и, наконецъ, благодаря географическимъ условіямъ, находятся въ обстановкѣ столь неблагопріятной для общенія, какъ между собою, такъ и съ болѣе культурнымъ населеніемъ, что, несмотря на свою самобытность, до національнаго самосознанія подняться не могли и едва-ли когда-либо дойдутъ до него.

Предметомъ нашего обзора послужатъ тѣ изъ непріобщенныхъ или весьма слабо пріобщенныхъ къ европейской культурѣ народностей, которыя въ періодъ освободительнаго движенія вступили или, по крайней мѣрѣ, въ той или другой степени двинуты были на путь національнаго самоопредѣленія.

Сюда войдутъ изъ народовъ Европейской Россіи татары, волжскіе и крымскіе, и ихъ пріуральскіе соплеменники — башкиры, мещеряки, тептяри, — группа, достигающая въ своей численности $4^1/_2$ милліоновъ. Къ нимъ въ Сибири примыкаютъ ихъ единовѣрцы и соплеменники, татары разныхъ наименованій—около 350.000; тюрки средней Азіи, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ киргизъ-кайсаки, свыше 4 мил., далѣе кара-киргизы, кара-калпаки, туркмены, узбеки и проч. кочевники—всего около $1^1/_2$ милліона, далѣе культурные сарты (1 мил.) и таджики (400.000),—группа народовъ, различныхъ по культурѣ и національной индивидуальности, но объединенныхъ могучимъ цементомъ единой религіи, насчитывающихъ въ общей сложности 12 мил. и имѣющихъ за собой симпатіи многочисленныхъ кавказскихъ мусульманъ.

За этой многомилліонной группой мусульманскихъ народовъ слѣдуютъ поволжскіе православные финны — мордва (1.200.000), черемисы— (430.000), вотяки и пермяки (около 600.000), зыряне (175.000)— народы, значительно ассимилировавшіеся въ культурномъ и религіозномъ отношеніи съ русскимъ населеніемъ, но достаточно сохранившіе свои національно-индивидуальныя черты, чтобы при благопріятныхъ условіяхъ выступить на путь національнаго возрожденія; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить по той значительной энергіи, которую они проявили въ освободительномъ движеніи. Къ этой группѣ географически и культурно примыкаетъ компактный и крѣпкій тюркскій народъ—чуваши, численностью до 1 мил., народъ близкій къ татарамъ по языку, но въ будущемъ скорѣе естественный союзникъ поволжскихъ финновъ, чѣмъ татаръ.

Еще одинъ маленькій народъ (свыше 200.000 чел.) въ Европейской Россіи представляетъ интересъ въ національномъ отношеніи; это калмыки, большей своей массой скопившіеся въ Астраханской губ., мало проявившіе себя въ освободительномъ движеніи, но имѣющіе всѣ данныя для національнаго самоопредѣленія. По расѣ, языку и религіи, отчасти соціальному строю и культурѣ, имъ родственно маленькое племя бурятъ (330 тыс.), разселившееся въ степяхъ Забайкалья и въ Иркутской губ., племя, которое по яркости своей національной индивидуальности, по энергіи своихъ политическихъ проявленій должно быть поставлено въ первомъ ряду разсматриваемыхъ нами народовъ. Наконецъ, еще далѣе къ сѣверо-востоку разбросалось маленькое якутское племя (260.000), огромная національная энергія котораго, восторжествовавъ надъ неблагопріятными условіями климата и географическаго положенія, надъ всѣми попытками руссификаціи, заслуживаетъ вниманія и интереса.

I.

Въ самомъ дальнемъ углу Забайкалья затерялось нѣсколько полуосѣдлыхъ родовъ тунгусовъ, давно отколовшихся отъ другихъ вѣтвей своего племени, наполовину обрусѣвшихъ, наполовину обурятившихся. Еще нѣсколько лѣтъ, и отъ этого маленькаго народца едва бы сохранилось его историческое названіе. Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, въ періодъ освободительнаго движенія они внезапно выступили на сцену, впереди другихъ мѣстныхъ инородцевъ.

Въ 1904 г. они наиболѣе стойко сопротивлялись введенію института крестьянскихъ начальниковъ, упорно отказываясь выбирать должностныхъ лицъ, и вызвали противъ себя цѣлый рядъ репрессій, а послѣ манифеста 17 октября они одни на собственный страхъ и рискъ стали отбирать у кабинета отрѣзанныя у нихъ земли... Ихъ лидеромъ и любимымъ ораторомъ на митингахъ былъ пылкій „народникъ“, говорившій имъ о самоопредѣленіи, автономіи и возрожденіи. На сугланахъ снова раздалась тунгусская рѣчь... И когда на совмѣстномъ съ бурятами сугланѣ для выборовъ депутата въ думу разгорѣлась борьба между умѣреннымъ и лѣвымъ кандидатомъ, тунгусскіе голоса доставили побѣду лѣвому...

То, что произошло въ психологіи крошечнаго обломка тунгусскаго народа, какъ въ каплѣ воды отражаетъ то, что происходило въ то время въ самыхъ различныхъ формахъ и въ различной степени среди инородцевъ по всему протяженію великой Имперіи отъ полярныхъ равнинъ Якутской земли, степей Монголіи, Прибайкалья и Средней Азіи, до дикой Башкиріи, заби-

той Біарміи, въ глухихъ деревняхъ поволжскихъ татаръ, среди стойкой Мордвы, въ самыхъ глухихъ ущельяхъ Кавказа, на выжженныхъ солнцемъ степяхъ Крыма. Зашевелились даже всѣми забытые зыряне.

Что вызвало этотъ взрывъ, мы знаемъ: это великій лозунгъ свободы, громкимъ эхомъ отозвавшійся во всѣхъ углахъ огромной имперіи. Но прежде чѣмъ этотъ великій лозунгъ былъ произнесенъ, произошло событіе, одинаково подготовившее и эру свободы, и взрывъ національнаго пробужденія — это японская война. Безпримѣрныя пораженія русской арміи и флота ни на кого не производили такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ на инородцевъ. Каждое изъ инородческихъ племенъ испытало на себѣ въ той или другой степени мощь русскаго оружія. Каждое изъ нихъ знало десятки героическихъ и стойкихъ попытокъ протеста, и всѣ онѣ кончились безнадежнымъ и безпощаднымъ пораженіемъ. Давно уже забыто былое рыцарство, смѣнившееся покорнымъ смиреніемъ передъ непобѣдимымъ колоссомъ всемогущаго и безчисленнаго побѣдителя. Никто такъ не идеализировалъ военной мощи Россіи, какъ инородцы. Въ то же время никто такъ остро и ежечасно не чувствовалъ всей тяжести гнета и произвола, какъ инородцы, для которыхъ самое маленькое начальство являлось богомъ и царемъ. Сами представители власти порой недостаточно учитывали этотъ безотчетный страхъ инородца передъ силой Россіи. Неоднократно и безъ нужды они устраивали запугивающія, иногда и кровавыя демонстраціи, чтобы внушить страхъ и безъ того энервированному инородцу.

За годъ до японской войны, проѣздомъ въ Японію, военный министръ Куропаткинъ, бывшій тогда въ зенитѣ своей славы и силы, во время смотра войскъ въ Читѣ вызвалъ къ себѣ представителей бурятскаго народа, волновавшагося въ то время по случаю готовившихся нововведеній въ области землевладѣнія и самоуправленія, и, грозясь кулакомъ, клялся перепуганнымъ на смерть инородцамъ, что „за малѣйшее ослушаніе“ буряты будутъ стерты съ лица земли, не останется ни слѣда, ни пылинки! „Вотъ видите, кричалъ онъ, идутъ войска, Россія можетъ привести еще сотни тысячъ такихъ... Такъ могущественна она!“ [1]).

Его угроза была совершенно напрасна; буряты и раньше не сомнѣвались въ полномъ своемъ безсиліи и тщетности борьбы. Черезъ годъ этотъ грозный генералъ сталъ получать пораженія за пораженіями отъ маленькаго монгольскаго народа, вызывавшаго до тѣхъ поръ однѣ лишь насмѣшки со стороны даже русскихъ простолюдиновъ.

Пораженія русскихъ принимались суевѣрными инородцами, какъ кара

---

[1]) „Право“, 1905 г., № 48—49, стр. 3889.

Божія [1]) за нанесенныя имъ обиды, а мощное возрожденіе маленькой Японіи казалось символомъ ихъ собственнаго національнаго возрожденія. Инстинктивно чувствовалось ими, что за неудачной войной, въ конецъ дискредитировавшей старые порядки, должна наступить новая эра новыхъ отношеній къ власти. Событія оправдали эти предчувствія.

Словно колоссальная тяжесть свалилась съ плечъ, и какъ во снѣ едва вѣрилось инородцу, что это реальная дѣйствительность. И то, что въ послѣдовавшій періодъ бури и натиска, всеобщаго энтузіазма и борьбы, пришлось пережить всей Россіи, быть можетъ еще въ болѣе интенсивной степени было пережито сугубо терпѣвшимъ инородцемъ. Замѣчательный фактъ: въ этотъ бурный моментъ не раздалось ни одного сепаратистскаго голоса, всѣ народы были охвачены однимъ чувствомъ, всѣ жаждали только свободы, всѣ жаждали національнаго самоопредѣленія!

Но за эмоціями момента должны были скрываться важные реальные интересы, запросы, потребности, традиціи, словомъ, весь тотъ сложный комплексъ элементовъ и условій, изъ которыхъ слагается національная индивидуальность, національное самосознаніе. Весьма неодинаковы были какъ по формѣ, такъ и по содержанію, эти элементы у каждой изъ разсматриваемыхъ нами народностей, и неодинаково, поэтому, каждая изъ нихъ реагировала въ періодъ національнаго порыва. На первомъ планѣ выступаетъ въ этомъ отношеніи географическое положеніе тѣхъ или другихъ народностей. Однѣ изъ нихъ, какъ татары, мордва, вотяки, чуваши, башкиры, ставропольскіе и донскіе калмыки, зыряне, черемисы, нѣкогда занимавшія обособленныя территоріи на окраинѣ страны, съ давнихъ поръ уже оказались инкорпорированными, окруженными мощными пластами господствующаго племени. Ни одна изъ этихъ народностей не обладаетъ въ настоящее время единой непрерывной территоріей. Самыя счастливыя изъ нихъ въ этомъ отношеніи (чуваши, напримѣръ) сохранились въ видѣ бо́льшихъ или меньшихъ острововъ, раздѣленныхъ большими проливами русскаго населенія. Въ другихъ мѣстахъ послѣднее врѣзалось многорукавными потоками, образуя амальгаму чередующихся русскихъ и инородческихъ поселеній. Потерявъ свою территоріальную индивидуальность, эти народности потеряли свои индивидуальныя черты въ насущнѣйшихъ сторонахъ своего соціальнаго быта. Очутившись въ близкомъ сосѣдствѣ съ россійской государственностью, они неизбѣжно уравнились съ русскимъ населеніемъ въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ

[1]) „Простые татары считаютъ неудачи русскихъ въ Японіи Божьей карой за незаконныя, по ихъ мнѣнію, дѣйствія миссіонеровъ противъ мусульманъ“. С. В. Чичерина. „О приволжскихъ инородцахъ“, СПБ., 1906 г., стр. 26.

этихъ народностей, какъ мордва, вотяки, чуваши, получили отъ этой государственности и русскую религію.

Правда, у всѣхъ этихъ народностей сохранился языкъ, сохранились многіе исконные обычаи, а у нѣкоторыхъ въ полной силѣ сохранилась и національная религія, какъ у татаръ, у калмыковъ ставропольскихъ и донскихъ (роль этихъ элементовъ мы увидимъ впослѣдствіи), но наиболѣе насущные интересы этихъ народностей (по крайней мѣрѣ, среди наиболѣе многочисленной части ихъ — крестьянскаго, земледѣльческаго населенія) не представляли собою ничего индивидуальнаго, ничего рѣзко отличающагося отъ интересовъ и правъ общаго населенія. При такихъ условіяхъ, въ періодъ революціи, политическія требованія и политическія выступленія этихъ народностей въ общемъ естественно шли въ одномъ направленіи съ общерусскими. Ораторъ на митингахъ у мордвы или чувашей говорилъ тѣ же рѣчи, что въ сосѣднемъ русскомъ селеніи, только въ одномъ селеніи онъ говорилъ по-русски, въ другомъ — по-мордовски, и такъ какъ аграрный и правовой вопросы были самыми жгучими, то объ обособленной національной платформѣ, а тѣмъ болѣе объ обособленномъ выступленіи и рѣчи быть не могло. Вотъ почему, несмотря на выдающееся участіе мордвы и чувашей въ освободительномъ движеніи — ихъ протесты терялись въ общемъ аккордѣ россійскаго Поволжья [1]).

Совершенно въ другомъ положеніи очутились народности *окраинныя*, далекія отъ центра, обладавшія сплошной территоріей, и земельныя права и самоуправленіе которыхъ исторически сложились отлично отъ русскаго населенія. Здѣсь національное самосознаніе покоилось на широкой, совершенно специфической — экономической и правовой — базѣ. Таково положеніе 4-хъ милліоннаго народа к и р г и з ъ-скотоводовъ, безпредѣльно доминиро-

---

[1]) Впрочемъ, даже среди народностей этого типа, каждая даже второстепенная болячка, специфическая для той или другой народности, въ этотъ горячій періодъ особенно болѣзненно чувствовалась и выдвигалась наружу. Такъ, напримѣръ, у вотяковъ есть спеціальная болячка, такъ называемая *кумышка*. Подъ послѣдней подразумѣвается самодѣльная водка, которую испоконъ вѣковъ вотяки выдѣлывали для своихъ религіозныхъ празднествъ. До введенія монополіи кумышка добывалась совершенно свободно. Затѣмъ пошли гоненія, которыя создали состояніе непрерывной войны между администраціей и фанатически преданными кумышкѣ вотяками. Ни штрафы, ни тюрьмы не ослабили кумышечнаго пыла вотяковъ, которые въ этой общей борьбѣ проявили удивительную солидарность. „Кумышка“ стала поэтому гвоздемъ агитаціи. Съ кумышки начиналъ обыкновенно свою рѣчь агитаторъ, и отъ нея, какъ отъ исходнаго пункта, онъ увѣренно переходилъ къ самодержавію, свободѣ совѣсти, учредительному собранію, соціализаціи земли.—У чувашей, при всей ихъ солидарности съ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ, былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свой больной вопросъ—это спорныя луговыя земли, которыя чуть ли не при Грозномъ были насильно отняты у нихъ и переданы русскимъ переселенцамъ. И вотъ, несмотря на популярность въ ихъ средѣ идеи соціализаціи земли, ими былъ вдвинутъ въ обще-русскую аграрную платформу пунктъ о restitutio statu quo ante съ луговыми землями.

вавшихъ на своей необъятной степи, съ ихъ кочевымъ хозяйствомъ, съ ихъ родо-общинной территоріей, своей вѣрой, своими обычаями, и хотя и урѣзаннымъ, но все же своимъ самоуправленіемъ. Въ такомъ же положеніи — калмыки Калмыцкой степи, хотя и въ значительной степени утратившіе свое старинное самоуправленіе, но сохранившіе свою территорію и съ ней всѣ исконныя особенности своего земельнаго и хозяйственнаго строя, свои вѣковые обычаи и религію. Въ такомъ же положеніи — забайкальскіе буряты, удержавшіе до самаго послѣдняго времени свою исконную территорію на границѣ Монголіи и сохранившіе свое широкое самоуправленіе по закону Сперанскаго, типичные скотоводы, для которыхъ неприкосновенность ихъ земельнаго фонда и формъ землевладѣнія составляетъ основной нервъ ихъ существованія. Сюда же должны быть причислены и якуты, фактическіе хозяева единой огромной территоріи, сохранившіе остатки своего родового самоуправленія, языкъ и обычаи.

Всѣмъ этимъ народамъ грозятъ двѣ опасности: полная потеря послѣднихъ остатковъ самоуправленія, отданнаго всецѣло подъ опеку чиновничества, и самая грозная опасность — потеря исконныхъ земельныхъ владѣній и, какъ неизбѣжное послѣдствіе, разрушеніе хозяйственнаго строя и разореніе.

Съ самого момента присоединенія къ Россіи сибирскихъ инородцевъ, закрѣпленныя за ними указами и манифестами земли, несмотря на всѣ запреты центральнаго правительства, подвергались, при содѣйствіи мѣстныхъ властей, систематическимъ захватамъ со стороны пришлаго элемента; но за послѣднее время само центральное правительство, въ видахъ вящей руссификаціи инородцевъ и въ интересахъ будущей русской колонизаціи, вступило на путь планомѣрнаго урѣзыванія угодій инородцевъ. Признавъ территоріи ихъ казенными оброчными статьями, правительство приступило уже въ киргизской и бурятской степяхъ къ такъ называемымъ землеустроительнымъ работамъ, которыя въ сущности сводятся къ отмежеванію милліоновъ десятинъ инородческихъ земель!

Какъ въ настоящій моментъ обстоитъ дѣло съ аграрнымъ вопросомъ у кочевниковъ, лучше всего свидѣтельствуетъ рѣчь, произнесенная начальникомъ переселенческаго управленія г. Глинкой въ государственной думѣ, сказавшимъ буквально слѣдующее (цитир. по отчету газ. „Рѣчь“ отъ 12 марта 1909 г.): „Прежде всего, у киргизъ нѣтъ права собственности на землю, которую они занимаютъ. Земля эта казенная и лишь оставлена въ пользованіе киргизъ. Для поселенія 25 русскихъ дворовъ приходится потревожить 1 киргизскій дворъ. Говорить, слѣдовательно, объ экспропріаціи киргизскихъ земель нельзя. Вопросъ о киргизскихъ степяхъ долженъ, наконецъ, рѣшиться. Въ гос. думу будетъ внесенъ проектъ о киргизскомъ землевладѣніи, и она

рѣшитъ, должна ли киргизская степь остаться во владѣніи кочевого киргизскаго населенія или быть заселенной русскимъ осѣдлымъ населеніемъ".

Трагедія, создаваемая этой новой политикой, тѣмъ ужаснѣе, что инородцы сами терпятъ отъ малоземелья, что кочевья ихъ въ общемъ совершенно непригодны къ земледѣлію, къ которому они по собственной иниціативѣ и сами бы перешли, если бы къ этому была дѣйствительная возможность. Въ дѣйствительности и киргизы, и буряты, и калмыки, гдѣ только возможно, занимаются и сѣнокошеніемъ и полеводствомъ, буряты прибѣгаютъ даже къ искусственному орошенію; но въ цѣломъ ихъ территорія для земледѣлія непригодна. Нетрудно понять, какимъ могучимъ стимуломъ національнаго возбужденія и цементомъ для объединенія должна была послужить такая опасность, какъ полное крушеніе исконнаго хозяйственнаго быта, опасность полнаго хозяйственнаго разоренія!

Не всѣмъ, впрочемъ, кочевникамъ грозила эта опасность въ одинаковой мѣрѣ, не всѣми эта опасность была одинаково сознана, и не у всѣхъ осталась надежда на спасеніе. Башкиры, напримѣръ, уже успѣли пасть подъ тяжестью этого несчастія, и тяжесть оказалась столь подавляющей, что въ теченіе 3-хъ десятковъ лѣтъ послѣ этого удара они потеряли уже всякое мужество, всякую способность къ сопротивленію и приспособленію къ новымъ формамъ быта; народъ, исторія котораго въ теченіе вѣковъ была сплошной поэмой рыцарской борьбы, теперь совершенно потерялъ національный обликъ, и въ лучшемъ случаѣ, если судьба спасетъ его отъ окончательнаго вымиранія, ему предстоитъ совершенно потонуть въ общетатарскомъ теченіи.

Недостаточно ощущается грядущая опасность астраханскими калмыками, песчаныя степи которыхъ пока мало соблазняютъ переселенцевъ, хотя лучшія части ихъ территоріи исподволь, при содѣйствіи администраціи, переходятъ въ руки пришлаго элемента[1]). Болѣзнь пока въ начальномъ періодѣ, и, хотя не остро ощущаемая, она время отъ времени, при каждомъ отдѣльномъ посягательствѣ, приводитъ въ содроганіе весь народный организмъ, покоящійся на мощномъ принципѣ земли. Порабощенные до 90-хъ годовъ аристократіей, до сихъ поръ не вышедшіе изъ-подъ ея моральнаго авторитета, отданные подъ опеку попечителей калмыцкаго народа, калмыки имѣютъ одно общее достояніе, на которое каждый послѣдній бѣднякъ имѣетъ такое же неотъемлемое право, какъ и самый крупный ханъ—это ихъ кормилица-степь, и эта степь сковала ихъ, помимо общаго историческаго прошлаго, помимо

---

[1]) На послѣднемъ калмыцкомъ съѣздѣ въ 1906 г., созванномъ администраціей, всѣ пренія вертѣлись исключительно около вопроса о превращеніи степи въ оброчную статью.

устоевъ родового союза, неразрывной цѣпью общей земли, и въ этомъ—даже при отсутствіи другихъ элементовъ—залогъ ихъ національнаго единства.

Такой же базой національнаго единства служитъ общая, всѣмъ одинаково доступная земля у киргизъ, у бурятъ, у якутовъ, у минусинскихъ инородцевъ. Но въ особомъ положеніи очутились ко времени освободительнаго движенія первые два народа. На нихъ всей тяжестью обрушилась колонизаціонная политика новѣйшаго періода. Еще съ 1901 г. надъ головой бурятъ виситъ дамокловъ мечъ куломзинскаго закона о душевой нарѣзкѣ земли съ конфискаціей всей остальной въ пользу будущихъ переселенцевъ. Бурятамъ въ утѣшеніе предоставлено перейти къ земледѣлію, для котораго ихъ родная степь абсолютно непригодна. То же съ киргизами, у которыхъ землеустроители „отмежевываютъ“ не только земли, но даже и водные источники, безъ которыхъ существованіе въ степи невозможно. Вотъ почему національное возбужденіе нигдѣ не достигло такого напряженія, какъ именно у этихъ племенъ, и болѣе всего у бурятъ, которымъ особенно остро угрожаетъ земельная опасность.

Если у такихъ народностей, какъ у киргизъ, у бурятъ, рѣшающими въ національномъ вопросѣ являются аграрныя отношенія, то для другихъ ту же роль играетъ вопросъ религіозный. Даже для такихъ народностей, какъ мордва, вотяки, чуваши, громадная масса которыхъ присоединилась къ православію, религіозный вопросъ тѣсно переплетается съ національнымъ. Прежде всего, довольно значительная часть только механически присоединена къ православію, она остро чувствуетъ экономическій гнетъ духовенства и при первомъ удобномъ случаѣ готова освободиться отъ навязанной религіи, ибо старая вѣра для нихъ прежде всего вѣра ихъ предковъ, вѣра ихъ собственнаго народа [1]).

Вотъ нѣкоторыя данныя о поволжскихъ инородцахъ, принадлежащія наблюдателю, котораго менѣе всего можно заподозрить въ пристрастіи. „Изъ 110.000 старо-крещеныхъ татаръ не менѣе 40.000 отступниковъ... Изъ 400.000

---

[1]) Это очень хорошо понимаютъ даже болѣе толковые изъ миссіонеровъ. Одинъ изъ нихъ (покойный Ильминскій) говоритъ, что по взгляду шаманствующихъ инородцевъ христіанская вѣра—есть *русская* вѣра; священникъ тотъ же шаманъ; молитвы—тѣ же шаманскія заклинанія. Поэтому шаманствующіе инородцы не отрицаютъ христіанства, а только признаютъ его вѣрой не *своей*, а *русской*, почему вопросъ объ обращеніи ограничивается (недурно сказано! Л. Ш.) для нихъ перемѣной *народности* („Казанская Центр. Крещ.-Татарская школа“. Казань, 1887, стр. 3, 4, цит. у Чичериной)... Исходя изъ этой вѣрной идеи, авторъ ея видѣлъ одинъ только исходъ для привлеченія инородцевъ къ христіанству, именно, національзированіе послѣдняго путемъ перевода священнаго писанія на инородческіе языки, богослуженія на родномъ языкѣ и т. д., т. е. превращенія христіанства въ національную религію каждой отдѣльной народности.

вотяковъ—язычниковъ около 17.000, мусульманъ около 3.000, остальные христіане, но по вѣрованіямъ и образу жизни многіе изъ этихъ христіанъ мало отличаются отъ язычниковъ... Изъ 350.000 черемисъ — одна часть коснѣетъ въ язычествѣ, другая отпалаетъ въ исламъ, третья „склоняется“ (sic!) къ православію. Мордва.... очень благочестива (Темниковскій и Спаскій уѣзды Тамбовской губ.), съ усердіемъ посѣщаетъ церковь, но въ то же время усердно приноситъ языческія жертвы. Въ другихъ мѣстахъ языческія моленія отмѣчены у мордвы, крещенной 200 лѣтъ тому назадъ. Аналогичныя явленія у чувашей“ [1]).

„Первый видимый результатъ освободительнаго движенія, — жалуется священникъ Вятской губерніи,—что изъ церквей бѣгутъ на старыя моленья“ [2]). „1.000 семействъ въ Яранскомъ уѣздѣ подали въ февралѣ 1908 г. прошеніе губернатору о возвращеніи въ „доавраамовскую“ вѣру“ [3]). Такое же явленіе отмѣчено у бурятъ Иркутской губ., гдѣ десять тысячъ крещеныхъ возбудили ходатайство о переходѣ въ язычество. Нечего говорить о вѣчномъ страхѣ, въ которомъ жили оставшіеся формально въ язычествѣ и въ благовѣстѣ свободы увидѣвшіе начало освобожденія отъ миссіонеровъ. Но даже и окрѣпшіе въ христіанствѣ элементы имѣли достаточно основаній жаловаться на національное угнетеніе въ религіозной области. Въ этомъ дѣлѣ жалобы различныхъ народностей однѣ и тѣ же. Съ тупымъ упорствомъ консисторіи, на зло просьбамъ прихожанъ, назначали зачастую въ инородческія селенія священниковъ русскихъ, и, наоборотъ, въ русскія селенія священниковъ изъ инородцевъ, и часто инородцы отказываются посѣщать церковь въ своемъ селеніи, предпочитая предпринимать далекія путешествія за нѣсколько верстъ въ русскія селенія, гдѣ служитъ священникъ-инородецъ.

Гораздо большую роль въ національномъ отношеніи играетъ религія у народовъ мусульманскихъ, особенно у тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ вперемежку съ русскимъ населеніемъ, и по отношенію къ которымъ миссіонерство дѣйствуетъ наиболѣе аггрессивно, именно, у поволжскихъ татаръ. У мусульманъ религія проникаетъ во всѣ поры національной жизни, начиная съ обрядоваго костюма и кончая высшими проявленіями духовной культуры, моралью, школой, письменностью, наукой, соціальной солидарностью. Можно различно относиться къ тому, что называется мусульманскимъ фанатизмомъ, но нельзя отрицать, что то, чѣмъ каждый членъ народа дорожитъ больше, чѣмъ своей жизнью, составляетъ могучій цементъ національной со-

---

[1]) Чичерина, ор. с., стр. 28 и сл.

[2]) Сообщено мнѣ И. К. Зеленовымъ.

[3]) „Бирж. вѣд.“, вечерній вып. 21 февр. 1908 г.

лидарности и объединенія. Можно критически относиться къ цѣнностямъ мусульманской образованности, но нельзя отрицать, что то, что даетъ она въ духовномъ отношеніи мусульманскимъ массамъ, ставитъ ихъ въ умственномъ отношеніи несравненно выше окружающаго русскаго населенія. Громадная сѣть мектебе и медресе, созданная частной иниціативой, столь рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ школьнаго убожества русскаго населенія, даетъ милліонамъ татарскаго населенія не только грамоту, но и значительную духовную пищу. Какъ относятся татары къ своей конфессіональной школѣ, достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ Казанской губ. среди русскаго населенія одинъ учащійся приходится на 14 чел. муж. населенія и одна учащаяся на 55 женскаго; у магометанъ же одинъ учащійся на 9 мусульманъ и одна учащаяся на 12 мусульманокъ [1]).

Религія мусульманская дорога не однѣмъ массамъ, она дорога и значительной части интеллигенціи. „Исламъ, говоритъ одинъ образованный татаринъ, связанъ съ нашей національностью. Если исламъ не религія, то это прекрасная философія нашихъ предковъ. Если Магометъ не былъ пророкомъ, то онъ былъ философомъ... Вѣрующихъ же мусульманъ никогда нельзя будетъ обратить въ христіанство, потому что они имѣютъ прекрасную религію, которая не хуже христіанства“ [2]). Такова внутренняя сила мусульманской религіи. Внѣшнія условія русской религіозной политики еще болѣе укрѣпили этотъ могучій цементъ національности. Прежде всего мусульманство является источникомъ цѣлаго ряда политическихъ ограниченій, начиная съ процентной нормы въ школахъ и самоуправленіи и кончая государственной службой. Далѣе, слѣдуетъ опека надъ внутреннимъ строемъ церковной жизни, доходящая до анекдотическихъ эксцессовъ вродѣ того, что петербургскимъ муллой былъ назначенъ въ свое время безграмотный извощикъ. Наконецъ, источникомъ вѣчнаго національнаго раздраженія является аггрессивная дѣятельность миссіонеровъ, вызывающая необходимость въ постоянныхъ мѣрахъ самообороны и самодѣятельности, въ конечномъ итогѣ только укрѣпляющихъ и углубляющихъ чувство религіозно-національнаго самосознанія.

Какъ дѣйствуютъ посягательства миссіонеровъ на распространеніе вліянія ислама, видно особенно ярко на киргизахъ. „Пока не было миссіонеровъ въ киргизской степи,—разсказываетъ одинъ мусульманинъ,—киргизы не знали мусульманства и не учили ему своихъ дѣтей за исключеніемъ немногихъ богачей, которые нанимали учителей-татаръ. Когда же явились миссіонеры и стали бранить исламъ, когда киргизы подумали, что правительство хочетъ ихъ обратить въ христіанство, всѣ, даже самые бѣдные, стали обу-

[1]) Чичерина, ор. c., стр. 24.
[2]) Ibid., стр. 25, 26.

чать дѣтей мусульманской грамотѣ, нанимая учителями на лѣто татаръ-учениковъ медресе. Тогда полиція стала запрещать татарамъ-мулламъ и ученикамъ ѣздить къ киргизамъ. Но они стали ѣздить туда подъ видомъ торговцевъ, и киргизы стали еще усерднѣе отатариваться. Мусульманскіе миссіонеры въ 50 лѣтъ не могли бы такъ отатарить киргизъ, какъ это сдѣлали русскіе миссіонеры за 15—20 лѣтъ“ [1]). Теперь будетъ понятно, какимъ образомъ съ такой поразительной легкостью могъ образоваться въ освободительный періодъ замѣчательный Мусульманскій союзъ, объединившій народы самыхъ различныхъ частей Россіи, начиная съ арійцевъ Туркестана, продолжая киргизами, башкирами, татарами (поволжскими и крымскими) и кончая мусульманскими народами Кавказа...

Крупную роль національнаго цемента играетъ религія и у народовъ ламаистской вѣры, у бурятъ, у калмыковъ. Введенный сравнительно недавно—два вѣка тому назадъ—и, что всего страннѣе, не безъ содѣйствія русскаго правительства, ламаизмъ сросся неразрывно со всѣмъ комплексомъ народной жизни, ставъ ея духовнымъ фокусомъ. Какъ татары — исламу, такъ монгольскіе народы ламаизму обязаны всѣмъ, что у нихъ есть хорошаго,—своей моральной и умственной культурой. И вѣчная опасность потери своего религіознаго достоянія, постоянная необходимость самообороны не могли, понятно, не содѣйствовать національному цементированію и самосознанію.

Какую роль игралъ ламаизмъ въ національномъ самосохраненіи монголовъ, особенно наглядно можно видѣть на донскихъ калмыкахъ, которые, несмотря на полную ассимиляцію во внѣшнемъ строѣ жизни съ русскимъ казачествомъ, духовно остались совершенно самобытными.

Другой важный элементъ народной индивидуальности—языкъ.

Это—одинъ изъ тѣхъ національныхъ элементовъ, который труднѣе всего поддается внѣшнему давленію и обыкновенно утрачивается позже другихъ. Онъ способенъ устоять даже тогда, когда носитель его черезъ посредство другого, болѣе развитого языка пріобщился уже къ другой, болѣе высокой культурѣ. Это „упорство“ мѣстныхъ языковъ мы наблюдаемъ въ полной мѣрѣ у нашихъ инородцевъ, для которыхъ русская образованность является еще чуждой. Русскій языкъ естественно все болѣе и болѣе проникаетъ въ инородческую среду, но вытѣснить родные языки даже среди наиболѣе обрусѣвшихъ элементовъ онъ оказался не въ состояніи. Въ православныхъ мордовскихъ селеніяхъ, по виду совершенно обрусѣвшихъ, рядомъ съ русскимъ въ полной силѣ сохранился мордовскій языкъ. Но большая часть инородцевъ сохранила полное *одноязычіе*. Чуваши, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ настолько чужды русскаго языка, что въ

[1]) Ibid., стр. 25, 26.

городахъ купцы вынуждены держать особыхъ приказчиковъ для объясненій съ пріѣзжающими въ базарные дни чувашами. Нечего говорить о болѣе изолированныхъ отъ русскаго вліянія калмыкахъ, киргизахъ, среднеазіатцахъ, бурятахъ, якутахъ [1]).

И понятно, что не одной только эмоціальной стороной ограничивается привязанность инородцевъ къ родному языку. Съ нимъ въ той или другой степени связаны высоко-цѣнныя культурныя завоеванія. У мусульманскихъ народовъ на живомъ народномъ языкѣ есть громадная литература мусульманской образованности, которая накопилась въ теченіе 2-хъ вѣковъ усиленной дѣятельности интеллигенціи и духовенства, и на которой воспитались цѣлыя поколѣнія; и съ каждымъ днемъ литература все болѣе приближается къ жизни, становясь проводникомъ и европейской образованности въ народныя массы [2]). То же можно сказать о бурятскомъ и калмыцкомъ языкахъ, впитавшихъ въ себя, благодаря ламаистскимъ школамъ и переводной литературѣ, всѣ утонченности буддійской философіи и индусской образованности. Приспособить такой языкъ для преподаванія на немъ всѣхъ сокровищъ европейской культуры—дѣло одного поколѣнія.

Но не одними лишь народами мусульманской и буддійской культуры сознана важность сохраненія и развитія родного языка и письменности. Сознаніе это проникло и къ такимъ мало-культурнымъ племенамъ, какъ чуваши, якуты, вотяки, мордва и т. д. И у этихъ народностей начинаетъ развиваться родная письменность. Иниціаторами ея часто являлись миссіонеры, которые въ цѣляхъ пропаганды переводили на инородческіе языки священныя книги. Долгое время эти переводы оставались мертвыми для народа, но исподволь одиночки интеллигенты, выходцы изъ нѣдръ народа, успѣли оцѣнить эти несовершенные опыты и, несмотря на всѣ преграды, сумѣли извлечь изъ нихъ пользу для просвѣщенія народа. Инородческая книга стала попадать въ церковь, въ школу, въ избы поселянъ. И эти сѣмена не пропали даромъ. Въ періодъ освободительнаго подъема на этихъ младенче-

---

[1]) Въ то же время можно указать много примѣровъ, когда русское населеніе, вкрапленное въ среду инородцевъ, постепенно теряетъ родной языкъ и усваиваетъ доминирующій инородческій, какъ это случилось на сѣверѣ Якутской, Енисейской и Тобольской губерній.

[2]) Вотъ нѣсколько данныхъ. Общее число изданій, напечатанныхъ въ Казани въ 1903 г.,—свыше 250 названій и $2^1/_2$ мил. экземпляровъ; но татарскія книги печатаются не въ одной Казани, а и въ Петербургѣ, Оренбургѣ, Москвѣ, Ташкентѣ, Баку и Бахчисараѣ. Каталоги книжныхъ лавокъ заключаютъ въ себѣ кромѣ сотенъ названій по мусульманской учености, книги по математикѣ и изящнымъ искусствамъ (романы, повѣсти, разсказы, сказки). (Чичерина ор. с., 21). Это до 1905 г. Съ тѣхъ поръ появились и политическія газеты всѣхъ направленій, а въ послѣднее время явился цѣлый рядъ школьныхъ учебниковъ по общеобразовательнымъ предметамъ.

скихъ языкахъ не только заговорили о самыхъ серьезныхъ предметахъ, но дерзнули печатать газеты, брошюры, сочинять учебники. Родная письменность стала мечтою интеллигенціи.

Къ этимъ высокимъ чаяніямъ присоединялись и жгучіе вопросы повседневности. Отъ безправія языка инородцы терпѣли если не такъ же остро, то столь же сильно, какъ и болѣе культурные народы Россіи. Прежде всего, это безправіе особенно тяжело сказывалось въ области народнаго суда и управленія. Уже не говоря о томъ, что безправіе мѣстныхъ языковъ въ этихъ областяхъ является оскорбленіемъ національнаго самолюбія и офиціальнымъ признаніемъ приниженности данной народности въ глазахъ русскаго населенія, порядокъ этотъ фактически лишаетъ населеніе всякой судебной и административной защиты. На мѣстѣ судьи и закона становится пресловутый писарь, профессіональный переводчикъ! Какое поле для вымогательства, безсудности, произвола! Это испытали особенно остро такія народности, какъ буряты, калмыки, еще очень недавно имѣвшіе собственное управленіе и судъ. Достаточно видѣть безпомощнаго инородца, выслушивающаго резолюцію крестьянскаго начальника или получающаго копію рѣшенія на непонятномъ ему языкѣ, чтобы понять и обиду, и злобу, загорающуюся въ его душѣ.

Въ школьной области безправіе языка испытывалось одинаково всѣми народностями; притомъ въ двухъ направленіяхъ. Родной языкъ либо совершенно запрещается преподавать, напримѣръ, у мордвы, вотяковъ, чувашей, черемисовъ, либо его преподаваніе ограничивается ничтожнымъ количествомъ времени, ему посвящаемаго, какъ у калмыковъ и бурятъ. Съ другой стороны, языкомъ преподаванія въ начальной школѣ былъ обязательно русскій. Эта директива проводилась съ такой послѣдовательностью, что, напримѣръ, бурятъ и калмыковъ не принимали въ учительскія семинаріи, содержащіяся зачастую на инородческія деньги. И если случайно инородцу удастся добиться званія учителя, то его нарочито назначаютъ въ русскія школы. Только татары и чуваши (по счастливому исключенію, благодаря авторитету извѣстнаго ученаго миссіонера Н. И. Ильминскаго) имѣли свою учительскую семинарію, но языкомъ преподаванія былъ и тутъ русскій.

Наконецъ, послѣдняя и немаловажная область безправія языка— это область печати. Конечно, не всѣ инородцы одинаково остро чувствовали это лишеніе, но такія народности, какъ татары и буряты, доросшіе до потребности въ органахъ печати и вообще въ печатныхъ произведеніяхъ, испытали его въ полной мѣрѣ. Буряты до 1905 г. имѣли только одну газету, и то офиціозную, исключительно для пропаганды православія и благонамѣренности, въ то время какъ даже богослужебныя книги печатались тайкомъ въ дацанахъ. Въ Казани до послѣднихъ лѣтъ ни

одна татарская газета не разрѣшалась, и свѣтская интеллигенція была лишена какой бы то ни было возможности утилизировать свои знанія на пользу народа.

II.

Для превращенія народа въ національный коллективъ, сознающій себя таковымъ, недостаточно, конечно, одной наличности тѣхъ или другихъ обычныхъ элементовъ народнаго бытія, какъ территорія, языкъ, вѣра, сходство обычаевъ и образа жизни и т. д. Это все сырые матеріалы, требующіе особой огненной спайки въ горнилѣ общаго организованнаго сотрудничества, общей борьбы за самосохраненіе, общихъ историческихъ дѣйствій или, по крайней мѣрѣ, общихъ историческихъ эмоцій— какъ результата совмѣстной борьбы или переживаній; необходимы кромѣ того благопріятныя условія, чтобы такія эмоціи не теряли своей живости и яркости въ памяти народа. Но эти эмоціи, это сотрудничество могутъ ослабнуть. Бываетъ и такъ, что эти факторы и не возникали или не достигали той интенсивности, при которой аморфный народный организмъ превратился бы въ самосознающееся единое цѣлое. Такимъ образомъ, мы видимъ народности, національно угасшія, и народности, никогда не достигавшія національнаго самосознанія и существованія.

Какъ для возрожденія національности, такъ и для рожденія ея необходимы еще могучіе внѣшніе стимулы, необходимъ моментъ или повторяющійся рядъ моментовъ высокаго эмоціональнаго общенія. Для аггрегата народности необходимъ внѣшній толчекъ, чтобы побудить разрозненные, неспаянные элементы къ общему дѣйствію, къ общей борьбѣ, къ эмоціямъ національнаго сознанія, которыя, будучи повторяемы, превратившись въ традицію, становятся обычнымъ психическимъ признакомъ даннаго этническаго коллектива. Ирокезы вѣками жили бокъ-о-бокъ разрозненными племенами, не сознававшими себя націей. Но все возраставшая опасность отъ агрессивности инородныхъ племенъ побудила ихъ создать оборонительно-наступательный союзъ, и эта форма организованнаго общенія создала въ свое время ирокезскую націю. Киргизы, по свидѣтельству В. В. Радлова, изучавшаго ихъ лѣтъ 35 назадъ, не смотря на тождество языка, образа жизни, вѣры, не только не сознавали себя единымъ народомъ, но не имѣли на своемъ языкѣ даже надлежащаго слова, которое выражало бы это понятіе. Но когда руссификаторская политика создала общую опасность потери ихъ учрежденій и, главное, земель, они начали сознавать себя народомъ. То же съ бурятами. Когда эти послѣдніе вступили въ русское подданство, они представляли собою аггрегатъ родовъ, племенъ, но

не народъ. Общій гнетъ, общая опасность потери своихъ правъ и земель постепенно сплачивали роды и племена въ одно цѣлое, и на нашихъ глазахъ, въ моментъ величайшей опасности для ихъ существованія, моментъ потери самоуправленія и земель, совпавшій съ другимъ великимъ стимуломъ— освободительнаго движенія, окрылившаго ихъ надежды и внушившаго мужество — обѣ бурятскія вѣтви поднялись до національнаго самосознанія. Въ этомъ случаѣ мы видимъ кромѣ внѣшняго стимула гнета, опасности, другой великій стимулъ рожденія и возрожденія національности—стимулъ извнѣ пришедшей идеи свободы.

Но кромѣ вышеуказанныхъ моментовъ для процесса возрожденія національности необходимы еще благопріятныя условія. И не только благопріятныя условія объективнаго свойства, какъ выгодное географическое положеніе, слабость давящей національности, внѣшняя помощь и т. д. Необходимы условія, кроющіяся въ самой структурѣ данной народности. Необходимъ аппаратъ, черезъ который всѣ стимулы, всѣ эмоціи съ наибольшей силой и быстротой проводились по всему организму народа. Необходима наличность либо той или другой соціальной организаціи (напр., родовой, племенной), способной въ нужную минуту направить разрозненныя дѣйствія въ одно общее русло, либо, если всѣ слѣды исторической организаціи успѣли сойти со сцены, наличность интеллигенціи,—духовной или свѣтской, смотря по обстоятельствамъ — способной заразить массу собственнымъ энтузіазмомъ къ борьбѣ за національное освобожденіе. Безъ организаціи, безъ фермента интеллигенціи, возрожденіе невозможно.

Съ этой схематической точки зрѣнія интересно взглянуть на разсматриваемыя нами народности. Всѣ онѣ въ большей или меньшей степени пережили въ свое время періодъ борьбы за національную индивидуальность, всѣ онѣ одинаково потерпѣли пораженіе, хотя однѣ кончили борьбу раньше, другія—позже. Но неодинаковы были послѣдствія этого трагическаго финала [1]).

Многіе вмѣстѣ съ инкорпораціей потеряли не только свои территоріи и соціальныя организаціи, но и тѣ національныя традиціи, которыя являются зерномъ для будущаго возрожденія. У татаръ, у мордвы, у вотяковъ, чувашей, черемисовъ, башкиръ, у зырянъ и т. п. народностей прошлая независимость едва ли не пустой звукъ, не говорящій ни уму, ни сердцу. Конечно, тому были могущественныя причины—какъ потеря сплошной территоріи, давленіе русскаго

[1]) Нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться странной сама возможность говорить о прошлой борьбѣ такихъ племенъ, какъ вотяки, мордва, башкиры и т. д. Но это плодъ малаго знакомства съ исторіей Россіи. Въ дѣйствительности забытая нынѣ борьба этихъ племенъ за свою внѣшнюю и духовную независимость составляетъ одну изъ трогательнѣйшихъ страницъ русской исторіи.

элемента, или земельное раззореніе, но—каковы бы ни были эти причины—фактъ налицо, не только національно-политическія эмоціи, но въ значительной степени чисто національныя эмоціи и самосознаніе исчезли. Послѣ инкорпораціи мы не видимъ никакихъ проявленій коллективной дѣятельности, никакой самообороны. Огромную роль въ этомъ трагическомъ фактѣ играла, разумѣется, не только малая культурность, но и безпощадность борьбы. Въ этой вѣковой борьбѣ погибли, безъ сомнѣнія, наиболѣе энергичные элементы, а новыя условія жизни были слишкомъ мало благопріятны для выработки индивидуальностей. Извѣстный примѣръ крестьянина мордвина Кузьмы Алексѣева, по прозвищу „Кузька—мордовскій богъ", сумѣвшаго своей проповѣдью обновленной старой вѣры вызвать массовое движеніе среди мордвы, увлекшаго за собою тысячи народа и на моментъ воскресившаго въ мордовскомъ народѣ старыя національныя эмоціи, — только ярче подчеркиваетъ національное безсиліе подобныхъ народностей.

Ко времени освободительнаго движенія указанныя нами народности очутились такъ или иначе въ такомъ положеніи, что не только старыя національно-политическія эмоціи, но и самый стимулъ самосохраненія, стимулъ опасности и борьбы оказался утраченнымъ, ибо въ политической области они безнадежно потеряли все, что возможно только потерять, — вплоть до надежды.

Въ одной только области стимулъ опасности сохранился—въ области религіи; но болѣе или менѣе организованную самооборону и сотрудничество среди этихъ народностей мы находимъ только у народностей магометанскихъ, и то преимущественно у татаръ, у которыхъ исламъ пустилъ глубокіе корни. Высокія культурныя достоинства этой религіи поддерживали въ массахъ татарскаго народа стойкость въ борьбѣ и, главное, вѣру въ несокрушимость. Всякій ударъ въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, вызывая стойкій отпоръ, сейчасъ же передавался въ самые отдаленные углы татарской осѣдлости, удесятеряя бдительность и энергію всей остальной массы.

Лишенные политическихъ организацій, татары имѣли естественныя организаціи въ своихъ обособленныхъ религіозныхъ общинахъ, руководители которыхъ—муллы и ревнители вѣры изъ свѣтскихъ лицъ—постоянно сносились между собою по общимъ дѣламъ вѣры, служа, такимъ образомъ, элементомъ объединенія для общей самообороны и сотрудничества. Эта общая работа создала десятки тысячъ школъ, многочисленныхъ ревнителей магометанской письменности, пламенныхъ пропагандистовъ и полемистовъ противъ миссіонерскихъ выпадовъ по адресу ислама и образовала постоянный контингентъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, tacitu consensu стоявшихъ во главѣ религіозной самообороны. Силу этой организованности оцѣнило въ достаточной степени

само правительство, которое въ свое время дало ей официальныя рамки, учредивъ неизвѣстный исламу институтъ муфтіата.

Этотъ стимулъ религіозной опасности, вызванная ею потребность въ самообороне и самодѣятельности, наконецъ, эта спонтанейная организація главъ религіозныхъ общинъ, безъ сомнѣнія должны были сыграть огромную роль въ пробужденіи національнаго самосознанія. Но этого было недостаточно. Острота религіозной борьбы значительно парализовала народную энергію, направивъ ее въ узкое русло односторонних эмоцій. Въ то же время всѣ другія области коллективной дѣятельности оставались закрытыми. Въ этомъ отношеніи татары оказались въ томъ же положеніи, что и менѣе культурные народы Поволжья. У всѣхъ этихъ народовъ, старая соціальная структура рушилась вмѣстѣ съ послѣдними пораженіями въ борьбѣ за независимость. Усиленная иммиграція русскаго элемента наряду съ административной руссификаціей давнымъ давно разрушили старый родовой строй, замѣнивъ и самоуправленіе, и судъ обще-русскими учрежденіями. Только конспиративно, и то въ мѣстахъ со сплошнымъ инородческимъ населеніемъ возможны были соглашенія и сговоры отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и волостей. И если, какъ мы видѣли, татары да еще донскіе и ставропольскіе калмыки, благодаря иновѣрію и самостоятельности церковной организаціи, имѣютъ пути и средства для общенія и общихъ дѣйствій, то православная мордва, вотяки и др. и этой формы общенія не имѣютъ. Всѣмъ этимъ народностямъ еще предстоитъ, если имъ суждено возродиться, создать ту или другую форму организованнаго соціальнаго или культурнаго общенія. Старыя общественныя организаціи умерли, умерли и классы, раньше стоявшіе во главѣ борьбы, и нужны были новые элементы, которые воскресили бы пепелъ потухшаго очага. Эти элементы, какъ мы увидимъ, явились въ лицѣ интеллигенціи.

Въ другомъ положеніи были нѣкоторыя народности, которыя—благодаря особымъ политическимъ, экономическимъ, а главное географическимъ условіямъ,—до самого послѣдняго времени успѣли сохранить въ той или другой степени исконные устои своей соціальной организаціи, каковы киргизы, астраханскіе калмыки, буряты, якуты. И ихъ исторія—конечно, полна эпизодами угнетенія, насилій, вымогательствъ, и главное, безпрестанными попытками ломки коренныхъ устоевъ быта и денаціонализаціи. Но географическое положеніе, въ связи съ кочевымъ бытомъ, не разъ постоянно приходило имъ на помощь.

Съ одной стороны, сосѣдство съ пограничными малонаселенными территоріями сосѣднихъ странъ Азіи вызывало постоянное опасеніе, что въ случаѣ остраго конфликта—какъ это бывало съ калмыками—то или другое кочевое племя легко можетъ покинуть территорію Россіи. Съ другой стороны, нѣкоторыя

изъ этихъ народностей, какъ напримѣръ, б у р я т ы, являлись естественными защитниками отдаленныхъ границъ отъ напора кочевниковъ и въ то же время служили посредниками съ сосѣдними территоріями и племенами востока. Наконецъ, въ виду окраиннаго положенія всѣхъ этихъ народностей и удаленности отъ центровъ русской осѣдлости, правительство было фактически лишено возможности опираться на силу мѣстнаго русскаго элемента, крайне немногочисленнаго. Все это вмѣстѣ взятое заставляло центральное правительство сдерживать руссификаторскій пылъ мѣстной администраціи и оставить этимъ народностямъ до извѣстной степени ихъ внутреннюю самостоятельность. Въ одномъ отношеніи русское владычество принесло этимъ инородцамъ огромную пользу. Оно дало имъ *внутренній миръ*. Оно прекратило тѣ губительныя распри, которыя никогда раньше не прекращались между отдѣльными родами и племенами, и энергія, которая до того уходила на разрушительную внутреннюю борьбу, теперь могла направляться не только на мирную культурную работу, но и на національное объединеніе и сотрудничество. Такъ или иначе, но эти народности, наряду со своей территоріей и земельнымъ устройствомъ, сохранили до послѣдняго времени и свою с т а р у ю с о ц і а л ь н у ю о р г а н и з а ц і ю.

Какъ ни придавлено было инородческое самоуправленіе, но органы его такъ или иначе жили, дѣйствовали, боролись, хотя бы оборонительно, и въ этой борьбѣ укрѣплялось сознаніе національнаго бытія и единства.

Не забудемъ, что въ основѣ инородческаго самоуправленія лежалъ р о д ъ или союзъ родовъ—п л е м я. А родъ или племя—микрокосмъ не только національнаго, но и соціально-политическаго организма. Родъ не только кровный союзъ и хранитель общихъ историческихъ традицій и эмоцій, но и распорядитель всего родового богатства, *земли*, регуляторъ всѣхъ гражданскихъ отношеній. Возьмите какое-нибудь такъ называемое *инородческое вѣдомство*. Это совершенно обособленный цѣльный организмъ (племя), состоящій изъ лицъ общаго происхожденія, связанныхъ общей исторіей, общими героями, общими дорогими всѣмъ дѣяніями и событіями прошлаго, общими авторитетными родоначальниками. У членовъ этого союза единая *общая территорія*, принадлежащая всѣмъ и никому въ отдѣльности. У нихъ свои родовые боги и свои религіозныя празднества, свои судьи и свои управители, своя самая интенсивная соціальная работа. Въ чистомъ видѣ это настоящее ультра-національное государство.

Какимъ бы примитивнымъ для нашихъ понятій ни казался р о д о в о й строй, каковы бы ни были дефекты и искаженія его, въ смыслѣ ли правительственной опеки, въ смыслѣ ли злоупотребленій родовой аристократіи,—въ національномъ отношеніи онъ сыгралъ огромную роль. Внутри родовыхъ и племен-

ныхъ союзовъ съ ихъ сугланами хотоновъ, аймаковъ, улусовъ, наконецъ, сугланами изъ представителей цѣлыхъ племенъ—изо дня въ день, начиная съ повседневныхъ насущныхъ нуждъ въ дѣлахъ земельныхъ, судебныхъ, продовольственныхъ и кончая моментами общенаціональныхъ бѣдствій, объединявшими представителей разныхъ племенъ въ одно единое цѣлое—шла незамѣтная, но непрерывная совмѣстная работа, накоплялись навыки общаго сотрудничества, общихъ эмоцій и традицій. И если всѣ эти психическіе элементы обычно дремали въ тяжелую и долгую ночь общаго гнета, то они нервно просыпались при первой острой опасности, грозившей дорогимъ учрежденіямъ, и смыкали цѣпь общенаціональнаго самосознанія. А эти опасности—къ счастію или несчастію—возникали безъ всякаго перерыва, и даже въ моменты затишья напуганное воображеніе не переставало ожидать грядущихъ опасностей и вызывало постоянно напряженное состояніе самообороны.

Хорошей иллюстраціей этого постояннаго „pars bellum“ служитъ существовавшій у всѣхъ народностей разсматриваемой группы институтъ такъ называемыхъ „темныхъ поборовъ“—всенародное регулярное самообложеніе для защиты отъ административныхъ притѣсненій! Поводы къ подобной самозащитѣ никогда не прекращались. Прежде всего, это бывали систематическіе захваты инородческихъ земель пришлыми элементами или даже самой администраціей для раздачи казакамъ и переселенцамъ. Далѣе, тѣ классическія „обиды и раззоренія“ со стороны мѣстныхъ властей, которыми переполнены старинныя челобитныя инородцевъ,—„обиды и раззоренія“, конечно, выходящія изъ ряда вонъ, ибо на обычныя вымогательства и притѣсненія инородецъ не имѣлъ никакой возможности реагировать. Немаловажнымъ поводомъ для мѣръ самообороны служили обиды миссіонеровъ, насильственныя крещенія, репрессіи противъ старой вѣры Наконецъ, инородцамъ приходилось безпрерывно слѣдить за всякими законодательными и административными проектами, затѣвавшимися въ той или другой инстанціи, чтобы во время предупредить или по крайней мѣрѣ уменьшить опасности, грозившія ихъ интересамъ. Получается, положимъ, извѣстіе, что тотъ или другой министръ или мѣстный администраторъ готовитъ важный антинаціональный проектъ. И вотъ начинается переписка между родоначальниками или обще-признанными представителями. Собираются со всѣхъ концовъ территоріи „нотабли“, избираютъ депутацію, которая отправляется въ резиденцію того или другого администратора, часто и въ столицу [1]). На дорогу требуются деньги, и не на одни пу-

[1]) У калмыковъ было въ обычаѣ посылать депутаціи ко всякому новому министру внутреннихъ дѣлъ, „для смазыванія кресла“ по ихъ выраженію, которое въ свое время имѣло, вѣроятно, значеніе нефигуральное. Послѣдняя такая депутація имѣла мѣсто при В. К. Плеве.

тевыя издержки: еще болѣе требовалось въ свое время для ублаготворенія вліятельныхъ особъ, на оплату ходатаевъ, посредниковъ, адвокатовъ и т. д. Тутъ-то на сцену выступаетъ фондъ, составившійся изъ „темныхъ поборовъ“. Случалось, что опасность грозная, а темнаго фонда мало; тогда нотабли устраиваютъ между собою подписку. Въ такихъ случаяхъ корысть отступаетъ на задній планъ, и лица, слывущіе въ обыденной жизни за людей скаредныхъ и даже кулаковъ, поражаютъ своей щедростью.

Существуетъ преувеличенное мнѣніе, будто „темные поборы“ служили, главнымъ образомъ, для обогащенія общественныхъ воротилъ. Злоупотребленія, конечно, бывали, поборы были очень тягостны для населенія, достигая иногда до 1 рубля съ души; это правда, но что эти поборы дѣйствительно шли обыкновенно на патріотическія цѣли, несомнѣнно. Въ періодъ „куломзинской паники“ у бурятъ извѣстны примѣры, когда самые прославленные міроѣды раскрывали сундуки, предлагая взять всѣ свои накопленія для общаго дѣла.

Отсюда становятся понятными эти безконечныя депутаціи въ Петербургъ, наполняющія, начиная съ конца XVII в., историческую лѣтопись инородцевъ, кажущіяся намъ въ настоящее время безцѣльными прогулками, а въ глазахъ инородцевъ имѣющія первостепенное значеніе. [1]).

Конечно, не самыя депутаціи важны и даже не ихъ результаты, а та психика, которая вокругъ нихъ создавалась. Въ этомъ воспитательномъ смыслѣ важны были, быть можетъ, еще болѣе и другія формы самообороны,—съ нашей точки зрѣнія нелѣпыя, съ точки зрѣнія инородцевъ самыя сильныя,—требовавшія не только матеріальныхъ жертвъ, но и всеобщаго народнаго напряженія. Мы говоримъ о всенародныхъ религіозныхъ мѣропріятіяхъ (посты, молитвы, заклинанія, и т. п.), которыя принимались по иниціативѣ нотаблей по случаю грозныхъ политическихъ бѣдствій.

Какъ ни нелѣпы, съ нашей точки зрѣнія, эти примитивныя мѣры самообороны, но онѣ, въ силу обще-національныхъ эмоцій, ими вызываемыхъ, въ силу организованности этихъ мѣръ, требовавшихъ и матеріальнаго, и духовнаго напряженія, должны быть учтены въ активѣ динамики тѣхъ силъ, которыя создавали національное самосознаніе и сотрудничество.

Такъ дѣйствовала родовая организація изо дня въ день во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ интересовъ обыденныхъ и мѣстныхъ и кончая интересами высокой важности и общенародными, создавая сложный психи-

---

[1]) Характерно отношеніе администраціи къ этимъ депутаціямъ въ послѣднее время. Одно время инородческимъ депутаціямъ вовсе запрещалось пріѣзжать въ Петербургъ. Въ самые послѣдніе годы бывали случаи, когда депутатовъ выдворяли изъ столицы (бурятъ) или возвращали уже съ дороги (якутовъ), или даже подвергали суровымъ репрессіямъ—ссылкѣ и заточенію—за телеграммы въ Петербургъ (буряты).

ческій аппаратъ общихъ навыковъ, традицій, симпатій и эмоцій. Въ этомъ процессѣ естественно создавался и воспитывался тотъ общественно-необходимый классъ дѣятелей, та соціальная интеллигенція, которая хранила традиціи общественнаго интереса, стояла на стражѣ его и являлась иниціаторомъ во всѣхъ національныхъ дѣлахъ.

До поры до времени это была родовая аристократія, а въ позднѣйшее время и духовенство. Постепенно къ нимъ присоединялась другая аристократія—ума, личныхъ дарованій, богатства; наконецъ, весьма недавно явилась на сцену новая, безродная аристократія—интеллигенція.

Не всегда, конечно, родовая аристократія играла демократическую роль. Часто она являлась и въ роли угнетателей своихъ же соплеменниковъ, какъ это было, напримѣръ, у астраханскихъ калмыковъ, у якутовъ; но даже въ худшихъ случаяхъ она все же являлась единственнымъ элементомъ, стоявшимъ на стражѣ общенаціональныхъ интересовъ, и въ глазахъ массы была символомъ національнаго единства. Астраханскіе калмыки, получившіе въ 1891 г. свободу отъ своихъ деспотическихъ хановъ и зайсанговъ, до сихъ поръ не отвыкли отъ того, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ естественныхъ защитниковъ... Нужно помнить, что самый ненавистный родовичъ-аристократъ все же ближе инородцу, чѣмъ русскій чиновникъ, ибо живетъ той же жизнью, что и онъ, и національное высокомѣріе ему незнакомо [1]).

Многое, безъ сомнѣнія, въ родовомъ строѣ стало архаичнымъ и регрессивнымъ, и время дѣлаетъ свое дѣло. Аристократія вырождается и теряетъ свое вліяніе, родовое сожительство смѣняется территоріальнымъ. Все, что отжило свой вѣкъ, отпадаетъ, какъ засохшія вѣтви, но здоровые корни демократизма, общественнаго землевладѣнія, народной солидарности крѣпко сидятъ въ землѣ и ждутъ только благопріятныхъ условій, чтобы пустить богатые ростки обновленной жизни. Въ бурный моментъ освобожденія мы увидимъ этотъ процессъ здороваго роста и жизни.

Но если исторія на своемъ пути отметаетъ отжившіе элементы сословности, то на смѣну имъ являются новые элементы, элементы личнаго дарованія, ума, просвѣщенія. На сцену является интеллигенція, этотъ удивительный духовный ферментъ, который, подобно ферментамъ органическаго

---

[1]) Была аристократія и у другихъ народовъ разсматриваемой группы, напр., у татаръ, въ лицѣ помѣстнаго дворянства, но въ виду потери родоваго строя и самоуправленія, она никакой роли въ національной жизни не играла, ничѣмъ не связанная съ народомъ. Впрочемъ, въ освободительный періодъ даже у этого отжившаго въ національномъ отношеніи класса проявились національныя симпатіи. Въ Поволжьи представители татарскаго дворянства приняли живое участіе въ мусульманскихъ съѣздахъ и избирательной агитаціи. Только въ Крыму татарскіе мурзы вмѣстѣ съ муллами остались совершенно равнодушными къ національнымъ и народнымъ интересамъ.

міра, обладаетъ свойствомъ не только безконечной размножаемости, но и даромъ превращать инертное въ активное, мертвое въ живое.

Такая интеллигенція, которая съ глубокимъ знаніемъ прошлаго видѣла бы ясно горизонты настоящаго, могла народиться только подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, въ данномъ случаѣ черезъ посредство русской культуры и русскаго просвѣщенія. Изъ этого само собою ясно, что явленіе это—новѣйшаго времени.

Съ національной точки зрѣнія исторія европейскаго просвѣщенія у инородцевъ прошла нѣсколько фазисовъ. Въ первый періодъ само правительство, въ видахъ обрусенія, принуждало инородцевъ отдавать своихъ дѣтей въ общія школы. Результаты этого насильственнаго просвѣщенія оказались довольно печальными. Оторванные насильно отъ родной среды, перенесенные въ условія, часто физически невыносимыя для дѣтей природы, инородцы при первомъ удобномъ случаѣ бросали непривычную и ненавистную среду и возвращались съ радостью къ старой жизни, словно намѣренно сбрасывая съ себя всѣ путы чуждаго просвѣщенія. Съ другой стороны—особенно среди татаръ, городскихъ жителей—лица, добившіяся европейскаго образованія, отходили отъ своего народа, порвавъ съ нимъ всякія связи. Но жизнь брала свое. Все увеличивавшійся контактъ съ русскими, сознаніе утилитарнаго значенія знанія для цѣлей торговыхъ и для сношеній съ администраціей, распространеніе школъ, отчасти христіанства—постепенно создавали потребность въ образованіи. Въ этотъ періодъ, наоборотъ, замѣчается часто тенденція къ противодѣйствію инородческому просвѣщенію, особенно на окраинахъ. Доступъ къ просвѣщенію для цѣлыхъ народностей (бурятъ, напримѣръ,) —является иногда преміей за крещеніе. Сверхъ того, тѣ низшія школы, которыя создавались для инородцевъ, носили явно обрусительный характеръ и мало достигали цѣли, такъ какъ языкомъ преподаванія былъ языкъ, совершенно чуждый для учащихся. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, интеллигенція, хотя и медленно, наростала. Правда, большая часть все еще отходила отъ своего народа, стараясь какъ можно скорѣе смыть съ себя пятно инородчества, чтобы затеряться въ русской массѣ, и даже лучшіе элементы, тѣ, которые въ силу своего профессіональнаго положенія, какъ священники, учителя и т. д., не оказывались по отношенію къ своимъ въ роли добровольныхъ обрусителей, даже и они меньше всего думали о какомъ-либо національномъ возрожденіи: это въ большинствѣ случаевъ были скромные культуртрегеры, которые, скорбя душой о духовномъ убожествѣ своихъ соплеменниковъ, пытались своими единичными усиліями внести какой нибудь свѣтъ въ эту среду распространеніемъ грамотности, переводами священныхъ книгъ на инородческіе языки, что, кстати говоря, поощрялось и самимъ правительствомъ; и едва ли не идеаломъ этихъ луч-

шихъ элементовъ было мирное обрусеніе. Но приближался моментъ, когда эта аморфная интеллигенція силой самой жизни должна была стать на путь національной работы.

Толчекъ пришелъ извнѣ, изъ того родника общечеловѣческой культуры, для которой нація—только индивидуальность въ великомъ цвѣтникѣ народовъ. Наступила пора, когда соціально-политическія идеи изъ головъ одинокихъ интеллигентовъ стали переходить сначала въ городскія, а потомъ въ сельскія массы. Носители этихъ идей, прежде одиноко бродившіе по большимъ городамъ въ поискахъ адептовъ, стали такъ же часты въ провинціальныхъ городахъ и селеніяхъ, какъ и въ столицахъ. Идеи распространялись уже не пріѣзжими агитаторами, а мѣстными культурными одиночками. Вотъ тутъ-то въ инородческой средѣ явился камень преткновенія: доступъ въ нее открывался только черезъ дверь національнаго: русскій языкъ, русская литература оказались безсильными. Инородческій языкъ былъ единственнымъ каналомъ, который могъ соединить родное племя съ общимъ русломъ всероссійской рѣки новыхъ идей. Этотъ языкъ надо было возродить, многимъ даже вновь изучить, обогатить его новыми словами и сдѣлать изъ него языкъ литературный.

Это была огромная работа, но она дала и огромные успѣхи, и вмѣстѣ съ ними росла любовь къ этому побѣдоносному оружію, росла любовь къ его носителю, росла любовь къ познанію его, его психики, его прошлаго, его лучшихъ сторонъ, его страданій и чаяній и, наконецъ, нашелся лозунгъ для этой работы въ таинственномъ словѣ—самоопредѣленіе.

Но тутъ мы подходимъ уже къ моменту освободительнаго движенія.

III.

Освободительное движеніе застало инородцевъ далеко не врасплохъ. Никогда еще агрессивная политика центра не велась съ такой послѣдовательностью, какъ именно наканунѣ освободительнаго періода. Во всѣхъ областяхъ жизни, начиная съ земли и кончая школой, вѣрой, гражданскими правами, репрессіи шли за репрессіями; а для болѣе строптивыхъ національностей предпринимались спеціальныя мѣры...

Неудивительно, что первые раскаты освободительнаго движенія, наиболѣе яркія и раннія политическія выступленія начались именно на окраинахъ, въ центрахъ инородческой осѣдлости.

Уже не говоря о Западномъ краѣ или о Кавказѣ и въ частности Гуріи, гдѣ движеніе началось за три года до японской войны и завершилось

въ началѣ 1905 г. всеобщимъ возстаніемъ и смѣной всѣхъ мѣстныхъ властей,—вспомнимъ далекое Забайкалье, гдѣ маленькій изолированный народецъ, доведенный до крайности аггрессивными мѣрами противъ его исконныхъ учрежденій, начиная съ 1902 г. шагъ за шагомъ мужественно отстаиваетъ свои старыя вольности, вплоть до поголовныхъ отказовъ выбирать сверху навязываемыхъ властей и до насильственнаго возвращенія земель (буряты, тунгусы) [1]).

Не вездѣ, разумѣется, участіе инородческихъ группъ во всеобщемъ подъемѣ одинаково рельефно выступало на поверхность. У такихъ народностей, какъ буряты, якуты, киргизы, уже въ силу ихъ географическаго положенія, въ силу особыхъ условій культуры, борьба носила ярко индивидуальный характеръ національно-освободительнаго движенія; у такихъ народностей, какъ мордва, чуваши, татаро-башкиры, живущихъ вперемежку съ русскимъ населеніемъ, а главное въ одинаковыхъ съ нимъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, движеніе, особенно среди сельскаго населенія, ничѣмъ не отличалось отъ общерусскаго. Тѣ же приговоры, тѣ же наказы ходокамъ и депутатамъ, тѣ же сельско-хозяйственныя забастовки, тѣ же общепартійныя группировки, та же агитація въ выборную кампанію и тѣ же формы протеста противъ администраціи [2]).

Но за этимъ общимъ процессомъ, казавшимся столь однороднымъ, шелъ другой процессъ, менѣе замѣтный, но не менѣе знаменательный. Когда русскій крестьянинъ прислушивался къ рѣчи оратора, у него слезы навертывались на глаза потому, что впервые въ ясныхъ, сильныхъ и трогательныхъ словахъ онъ услышалъ то, чѣмъ смутно болѣла его душа въ теченіе вѣковъ. У мордвина, у чуваша, вотяка, черемиса, татарина, которому его собственный языкъ казался бѣднымъ, жалкимъ, презрѣннымъ, интеллигенція котораго была до сихъ поръ столь чужда ему, эти слова, помимо ихъ содержанія, вызывали особый энтузіазмъ еще и потому, что они произносились роднымъ человѣкомъ, давно покинувшимъ его, еще вчера казавшимся ему чуждымъ, сегодня снова ставшимъ ему братомъ, и произносились на его собственномъ языкѣ, еще вчера считавшемся отверженнымъ.

И на этомъ, отнынѣ ставшемъ для него вдвое дороже родномъ языкѣ

---

[1]) "Право", 1905 г. №№ 48—49, ст. „О томъ, какъ развивалось правосознаніе у бурятъ".

[2]) Въ этомъ движеніи приняло участіе даже такое отсталое племя, какъ зыряне, которые дѣйствовали совершенно солидарно съ мѣстнымъ прогрессивнымъ крестьянствомъ Вологодской губ. и въ избирательную кампанію поддерживали лѣвыхъ. Единственное, кажется, исключеніе составляли корелы Тверской губерніи, которые, несмотря на сосѣдство съ прогрессивнымъ русскимъ населеніемъ, остались совершенно индифферентными. Повидимому, главными причинами этого служили: отсутствіе интеллигенціи, потеря всякихъ историческихъ традицій и полная обособленность отъ внѣшнихъ вліяній, благодаря языковой изолированности.

ему говорили о правѣ его въ общественной жизни и школѣ, о правѣ на національное самобытное существованіе, а еще черезъ нѣкоторее время онъ самъ распѣвалъ на этомъ языкѣ захватывающія строфы марсельезы, читалъ прокламаціи съ пылкими призывами, брошюры о естественномъ правѣ человѣка, свободѣ, землѣ, братствѣ народовъ. Тутъ создавались невѣдомыя ему раньше, но отнынѣ неизгладимыя національныя эмоціи, закладывался фундаментъ національнаго самосознанія. Незамѣтно со стороны, глубоко внутри происходилъ психическій процессъ, который одновременно пересоздавалъ въ одномъ горнилѣ и массу, и ея интеллигенцію, сливая ихъ въ одно неразрывное цѣлое.

Возвращеніе инородческой интеллигенціи къ народу—знаменательнѣйшій фактъ освободительнаго движенія.

Ни въ одной средѣ интеллигенція не была такъ чужда массѣ, какъ въ инородческой. Вкусивъ плоды русскаго образованія, интеллигентъ пуще всего заботился о томъ, чтобы какъ можно скорѣе смыть съ себя печать инородческаго происхожденія, печать отверженія и приниженности. И народъ, самъ тяготившійся своей отверженностью, платилъ ему глухой враждебностью, видя въ немъ одновременно и барина, и ренегата. Освободительный порывъ вернулъ многимъ народностямъ ихъ интеллигенцію. Такъ было съ татарами, немногочисленная европейская интеллигенція которыхъ была совершенно чужда народу. Такъ же было и у такихъ народностей, какъ вотяки, чуваши, башкиры, черемисы, интеллигенція которыхъ въ буквальномъ смыслѣ слова стыдилась своего происхожденія.

Конечно, интеллигенція эта, какъ ни великъ былъ ея энтузіазмъ, врядъ ли могла бы использовать его, если бы въ ея рядахъ не было элементовъ, успѣвшихъ еще ранѣе занять въ средѣ народа кой-какія позиціи. Эти сравнительно немногочисленные, но вліятельные своимъ положеніемъ элементы составляли сельскіе учителя, священники, писаря изъ инородцевъ, которые до того, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, ничѣмъ особеннымъ себя не проявляли, но въ нужный моментъ сумѣли воспользоваться своимъ положеніемъ. Это они вдругъ въ школахъ, церквахъ, на народныхъ собраніяхъ заговорили на народномъ языкѣ, разъясняли событія, будили симпатіи къ освободительному движенію и вызывали къ себѣ симпатіи массъ. Главнымъ образомъ чрезъ эти элементы и проникли соціалистическія идеи въ крестьянскія массы, и мы увидимъ ниже, какъ идеи эти привели къ неожиданному результату, къ образованію національно-соціалистическихъ организацій.

Но говоря о роли интеллигенціи, никоимъ образомъ нельзя довольствоваться пониманіемъ этого термина въ ограничительномъ, европейскомъ смыслѣ этого слова.

У нѣкоторыхъ народностей, у которыхъ контингентъ лицъ съ европей-

скимъ образованіемъ былъ недостаточенъ, роль интеллигенціи выполняли, и весьмо энергично, или лица духовныя по профессіи, или лица, получившія религіозное образованіе. Это можно было наблюдать у поволжскихъ татаръ, у калмыковъ, у бурятъ. Не безъ вліянія въ этомъ случаѣ остались европейскія идеи, проникшія въ духовенство,—какъ это ни странно,—не черезъ Россію, а черезъ косный востокъ, черезъ Турцію и Египетъ. Стѣсненія въ организаціи высшихъ разсадниковъ мусульманской образованности издавна гнали сотни молодыхъ людей въ школы Константинополя и Каира, гдѣ они сталкивались со своими единовѣрцами изъ всѣхъ странъ міра. Здѣсь, особенно въ Каирѣ, забитые татарскіе юноши могли видѣть, какъ чудотворно дѣйствуетъ тотъ режимъ свободы, который ввели англичане въ Египтѣ. Здѣсь, точно такъ же, какъ въ Индіи, англійская свобода породила въ мусульманствѣ идеи, которымъ быть можетъ суждено измѣнить всю психику исламистскаго міра. И съ чудодѣйственной подвижностью всякой идеи это теченіе, повидимому, начинаетъ дѣйствовать въ средѣ сокровеннаго для насъ міра нашихъ мусульманъ. Съѣзды муллъ, участіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ учительскихъ организаціяхъ, союзы студентовъ медресе—характерные признаки новаго теченія. Повидимому, еще болѣе видную роль играло ламаистское духовенство у бурятъ и начинаетъ играть у калмыковъ [1]).

Таковъ былъ, такъ сказать, аморфный процессъ національнаго пробужденія, такъ шла та невидимая психическая работа, которая протекала въ тиши народныхъ глубинъ. Аморфный процессъ неизбѣжно долженъ былъ перейти въ процессъ кристаллизаціи.

У народностей, у которыхъ были къ тому благопріятныя условія—въ видѣ ли вліятельнаго городского класса (поволжскіе татары), въ видѣ ли національнаго духовенства (мусульманскія народности, ламаисты), въ видѣ ли, наконецъ, стариннаго родового самоуправленія, какъ у бурятъ и киргизъ, калмыковъ, якутовъ,—начинается періодъ образованія національныхъ организацій, періодъ обще-національныхъ дѣйствій и выступленій.

Изъ этихъ организацій, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе „Мусульманскій союзъ“, родившійся на свѣтъ Божій 15 августа 1905 г. среди водъ Оки, на пароходѣ „Густавъ Струве“, гостепріимно пріютившемъ

---

[1]) Были, конечно, среди инородческаго духовенства и реакціонные элементы. Особенно отличались въ этомъ отношеніи крымскіе городскіе муллы, прислужники татарскаго дворянства, доводившіе свою реакціонную ярость до насильственныхъ столкновеній съ населеніемъ (Симферополь). Консервативную роль играло духовенство и въ калмыцкой степи, издавна державшее руку дворянства. Но въ другихъ мѣстахъ, на Волгѣ, среди башкиръ, среди бурятъ, духовенство какъ мы сказали, оказывало поддержку, и часто очень сильную, свѣтской интеллигенціи. Трудно, конечно, сказать, какъ долго удержится духовенство въ своей необычно-прогрессивной роли, но въ національномъ движеніи ему еще надолго обезпечено значительное вліяніе.

и укрывшемъ отъ запрета администраціи представителей россійскаго мусульманскаго міра.

По офиціальному титулу своему („собраніе мусульманъ всѣхъ сословій изъ разныхъ губерній и областей Россіи") Союзъ представлялъ собою только какъ бы л и г у л и ц ъ, объединенныхъ общностью религіи и общностью правового положенія въ государствѣ; но это только по названію, на самомъ же дѣлѣ, въ основѣ своей, это не былъ аморфный аггрегатъ лицъ, а с о ю з ъ н а р о д н о с т е й, союзъ народныхъ организацій. Въ дѣйствительности, народности, естественно входившія въ этотъ союзъ, какъ татары, адербейджане, киргизы,— представляли собою обособленныя національныя группы, образовавшія свои особыя организаціи, имѣвшія свои съѣзды [1]). Иначе и быть не могло. Народности, вошедшія въ союзъ, были слишкомъ отличны другъ отъ друга въ историческомъ, экономическомъ, бытовомъ и соціальномъ отношеніяхъ; каждая изъ этихъ народностей имѣла свои обособленные верховные интересы, для которыхъ естественно требовалась своя собственная національная организація. Достаточно вспомнить, что коренными вопросами у киргизъ, напримѣръ, были вопросы о землеустройствѣ и родовомъ самоуправленіи, которые въ жизни татаръ или у городского населенія Туркестана никакой роли не играли. То, что спаяло эти столь разнообразные народы, это были общія религіозныя эмоціи, общіе религіозные идеалы, общая религіозная опасность и общія правоограниченія и, наконецъ,—верховный мотивъ—общая жажда культурнаго возрожденія на почвѣ сближенія мусульманства съ европейскимъ просвѣщеніемъ и съ новыми политическими идеалами и условіями.

Что „Союзъ" ставилъ во главу угла всестороннее развитіе именно автономныхъ культурно-національныхъ организацій, это явственно показываетъ послѣдній пунктъ (5) резолюціи перваго же съѣзда Союза, гласящій: „Для успѣшнаго достиженія всѣхъ намѣченныхъ цѣлей на мѣстахъ образуются *свои меджилисы*, руководимые періодическими съѣздами мусульманъ". И мы видимъ эти зачаточные меджилисы въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ съѣздовъ муллъ, учителей, горожанъ—у татаръ, всенародныхъ и мѣстныхъ съѣздовъ—у киргизъ, учительскихъ организацій—у башкиръ и т. д. Эти-то отдѣльныя организаціи и имѣли своихъ представителей на послѣдующихъ съѣздахъ.

Національный характеръ этихъ съѣздовъ особенно рельефно сказывается въ томъ, что не только всѣ сословія, но и всѣ партіи имѣли на нихъ своихъ представителей. Національный подъемъ, такимъ образомъ, оказался сильнѣе всѣхъ партійныхъ и классовыхъ антагонизмовъ, и это лучшій показатель его интенсивности.

---

[1]) Только культурное мусульманское населеніе Туркестана, еще не оправившееся отъ вѣкового гнета азіатскаго деспотизма и послѣдствій завоеванія, лишенное пока европейской интеллигенціи, осталось, повидимому, безъ организаціи.

Выступленіе на сцену Мусульманскаго союза представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ фактовъ какъ освободительнаго, такъ и національнаго движенія въ Россіи. Онъ съ величайшей очевидностью показываетъ колоссальную силу психическаго подъема въ этотъ историческій моментъ. Только въ такіе моменты народы съ различнымъ историческомъ прошлымъ, отдѣленные другъ отъ друга огромными разстояніями, совершенно отличные въ культурномъ и бытовомъ отношеніи, связанные между собою только религіей, могли съ полной вѣрой объединиться не только для общей борьбы, но и для общаго духовнаго возрожденія (см. 1—4 пункты 1-го съѣзда).

И если мы вспомнимъ, что душой Союза явились волжскіе татары, то интересъ этого факта будетъ еще болѣе значителенъ. У татаръ до 1905 г. никакой общенародной организаціи не было, если не считать официальной церковной организаціи, никакимъ авторитетомъ у населенія не пользующейся. Связи между волжскими и крымскими татарами почти не было. Сельское населеніе не занимало сплошной территоріи. Но татары имѣли одно важное преимущество. Они имѣли городское населеніе. Въ каждомъ городѣ Поволжья, гдѣ имѣлось татарское населеніе, оно, объединенное религіей, языкомъ и обычаями, образовывало обособленную общину, члены которой связаны были узами солидарности. Далѣе, большинство городского населенія принадлежало къ торговому классу. Отдѣльные видные представители этого класса были связаны торговыми узами со своими единовѣрцами во всемъ поволжскомъ краѣ. И если прибавить, что въ Казани, самомъ крупномъ пунктѣ татарской осѣдлости, естественно образовался центръ мусульманской религіозной письменности и религіозной интеллигенціи, поневолѣ привлекавшій къ себѣ всѣ элементы духовнаго сословія, если прибавимъ, что въ медресе Каира, Константинополя и Бухары представители самыхъ различныхъ мѣстъ мусульманской осѣдлости сталкивались между собою и завязывали духовныя связи, если, наконецъ, прибавить, что всѣ эти элементы обладали общей письменностью и общимъ языкомъ, не только татарскимъ, но и арабскимъ, то будетъ понятно, что условія для объединенія были налицо. И когда насталъ часъ всеобщаго клича къ объединенію, эти атомы потянуло другъ къ другу, и потребовалось немного дней, чтобы въ пловучемъ домѣ на Окѣ, среди всеобщаго энтузіазма были заложены основы огромнаго союза мусульманскихъ народностей Россіи. И такъ какъ татары изъ всѣхъ этихъ народностей одни имѣли сильное городское населеніе, въ силу географическаго своего положенія больше другихъ соприкасались съ русскими прогрессивными элементами и, слѣдовательно, имѣли большій сравнительно съ другими контигентъ интеллигенціи, то имъ выпало на долю играть доминирующую роль въ союзѣ.

Мусульманскій союзъ, имѣвшій 3 съѣзда (послѣдній въ 1907 г.), далъ

огромный толчокъ самосознанію мусульманскихъ народовъ и создалъ вліятельную и многочисленную фракцію въ первыхъ двухъ думахъ. Съ этой фракціей, хотя и малочисленной теперь, считаются даже въ реакціонной и враждебной къ инородцамъ 3-ей Думѣ, видя въ ней олицетвореніе крупной силы мусульманства [1]).

Своеобразный интересъ представляетъ Якутскій союзъ, сформировавшійся въ январѣ 1906 г. въ моментъ наиболѣе бурнаго для Якутской области подъема и принявшій сразу революціонный характеръ.

Сознавая себя въ этотъ бурный моментъ хозяевами края (изъ 270 тыс. насел. области — 250 тыс. якутовъ), организаторы Союза, поставивъ себѣ цѣлью соединенными силами прочно установить свои гражданскія и экономическія права, выставили слѣдующія требованія: 1) признанія всѣхъ земель собственностью самихъ инородцевъ, 2) предоставленія якутамъ право имѣть своего представителя въ государственной думѣ, 3) скорѣйшаго утвержденія положенія о земскомъ самоуправленіи, 4) немедленнаго уничтоженія опеки полиціи надъ инородческими общественными учрежденіями и прекращенія всякаго сношенія съ ними администраціи. Впредь до удовлетворенія этихъ требованій, которыя были ультимативно предъявлены по телеграфу предсѣдателю Совѣта министровъ, члены Союза отказывались: 1) отъ всякаго сношенія съ чинами полиціи и 2) отъ платежа податей и повинностей.

На учредительномъ съѣздѣ Союза участвовало до 400 человѣкъ, въ томъ числѣ много представителей съ мѣстъ, тойоны, писаря, уважаемыя лица, благодаря чему на призывъ учредителей откликнулись со всѣхъ сторонъ цѣлые улусы, спѣшившіе не только со своими подписями, но и съ выполненіемъ бойкотныхъ требованій Союза. На моментъ Якутская область вышла изъ подъ власти администраціи. Подати не посылались, лошади не отпускались и сообщенія съ полиціей прекратились [2]).

Кратковременно было существованіе „Якутской республики“, организаторы были арестованы и преданы суду, масса смирилась, но въ психикѣ якутовъ оно оставило властное впечатлѣніе.

Революціонный характеръ Союза, вызванный, конечно, особенностями момента, находитъ свое объясненіе и во всей исторіи якутской жизни. Жизнеспособное, талантливое племя якутовъ, сумѣвшее колонизовать суровую поляр-

---

[1]) О будущемъ Союза трудно сказать что-либо опредѣленное, Уже и теперь западническіе и косные элементы ведутъ между собою глухую борьбу. Классовыя противорѣчія неизбѣжно выступаютъ на сцену; мѣстные интересы отдѣльныхъ народностей будутъ на время отодвигать общіе.

[2]) Подробности см. „Отчетъ о судебномъ засѣданіи по дѣлу о „Якутскомъ Союзѣ“ въ газетѣ „Якутскій Край“, 1907 г., №№ 21—26, 28, 29—33, 35, 37.

ную страну и покорить ея природу, насадить въ странѣ льдовъ и болотъ скотоводство и земледѣліе, претерпѣло за послѣдніе 3 вѣка болѣе, чѣмъ какое-либо другое инородческое племя. Гнетъ администраціи здѣсь не зналъ предѣловъ: еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка находились исправники, которые возили съ собою цѣлыя телѣги съ розгами, которыми истязали якутовъ, вымогая взятки. Ссыльные, которые безпрерывно присылались съ XVII ст., безпрестанно чинили убійства, грабежи, насилія надъ женщинами, а вдобавокъ ихъ приходилось кормить и отдавать имъ по распоряженію администраціи лучшія обработанныя земли, каждая пядь которыхъ стоила нечеловѣческихъ усилій и трудовъ. Въ 1858 г. были закрыты степныя думы, и остатки родового управленія были отданы во власть писарей и засѣдателей. Тѣмъ не менѣе, родовая жизнь, родовыя традиціи не умерли. Каковы бы ни были злоупотребленія отдѣльныхъ тойоновъ и родоначальниковъ, они все же были единственными хранителями національныхъ интересовъ и традицій. Это они безъ устали ходатайствовали о возстановленіи самоуправленія, объ охранѣ земельныхъ правъ, о защитѣ отъ обидъ администраціи. Дѣлали они это, конечно, въ самыхъ благонамѣренныхъ формахъ, но отказы слѣдовали за отказами. Въ 80-хъ годахъ родоначальники молили ген.-губернатора *колѣнопреклоненно* о возстановленіи степной думы, и на колѣнопреклоненіе послѣдовало въ отвѣтъ распоряженіе объ отобраніи 500 десятинъ для ссыльныхъ скопцовъ. Въ 1904 году якуты пожелали воспользоваться рожденіемъ Наслѣдника и стали собирать деньги на депутацію, но послѣдовало запрещеніе губернатора. Понятно, что все то, что не было забыто въ худшіе дни гнета, съ огромной силой ожило при первомъ дуновеніи свободы. Когда по распоряженію ген.-губернатора былъ созванъ съѣздъ для выработки земскаго положенія, якуты горячо откликнулись, но, встрѣтивъ оскорбительное отношеніе къ себѣ со стороны губернатора и офиціальныхъ участниковъ съѣзда, они, хотя терпѣливо довели дѣло до конца, но письменно выразили свой протестъ съ такимъ высокимъ достоинствомъ и благородной простотой, которыхъ трудно было ожидать отъ еще недавно столь покорныхъ, забитыхъ инородцевъ. Между тѣмъ настроеніе наростало, митинги шли за митингами, собранія за собраніями и появленіе революціоннаго Якутскаго союза не должно казаться неожиданностью. И мы увидимъ, что движеніе, хотя и принявшее легальную форму, не заглохло. Національное сознаніе получило толчокъ, который не даетъ заглохнуть новой психикѣ, поддерживаемой юнымъ національнымъ энтузіазмомъ молодой, но очень чуткой и талантливой якутской интеллигенціи.

Мы такъ долго останавливались на мусульманской и якутской національныхъ организаціяхъ потому, что это организаціи совершенно новыя, выросшія всецѣло на почвѣ освободительнаго движенія. У другихъ народностей нашей

группы національныя организаціи стали складываться гораздо раньше; во время освободительнаго движенія мы видимъ ихъ только окрѣпшими, принимающими болѣе опредѣленную физіономію. Такъ, напримѣръ, у бурятъ, благодаря высоко развитому родовому строю, организованное національное общеніе въ той или другой формѣ никогда не прерывалось; освободительное движеніе придало старымъ формамъ общенія только новый характеръ: вмѣсто съѣздовъ тайшей — съѣзды всенародные, вмѣсто голыхъ ходатайствъ—планомѣрные проекты организаціи народной жизни и т. д. У одной части бурятъ—именно иркутскихъ, у которыхъ давно ослабли было объединяющіе элементы, мы видимъ вновь нарожденіе національной организаціи, и наконецъ, впервые въ этотъ періодъ обѣ отрасли бурятскаго народа, потерявшіе навыки взаимнаго общенія, вступили въ тѣсный обще-національный союзъ культурнаго возрожденія. То же, что о бурятахъ, до извѣстной степени можно сказать и о киргизахъ [1]).

И чтобы покончить съ Сибирью, упомянемъ маленькій союзъ минусинскихъ инородцевъ, впрочемъ, оставившій очень мало слѣдовъ, и, наконецъ, попытку организовать всеобщій союзъ всѣхъ инородцевъ Сибири, попытку очень энергичную, но неожиданно прерванную, благодаря наступившимъ репрессіямъ.

Таковы были организаціи, которыя можно назвать чисто національными, а потому и внѣпартійными. Рядомъ съ ними, одни позже, другіе раньше, существовали союзы тоже національные, дѣйствовавшіе то параллельно, то совмѣстно съ упомянутыми организаціями, но, во всякомъ случаѣ, съ ними не смѣшивавшіеся. Мы говоримъ о союзахъ учительскихъ и національно-соціалистическихъ.

Толчкомъ къ образованію національныхъ учительскихъ союзовъ послужила дѣятельность Всероссійскаго союза народныхъ учителей, гдѣ впервые столкнулись учителя разныхъ инородческихъ группъ, имѣвшіе возможность сблизиться между собою и уразумѣть всю важность учительскихъ союзовъ въ дѣлѣ національнаго возрожденія.

Но толчокъ былъ чисто внѣшняго характера. Ему соотвѣтствовала серьезная внутренняя потребность. Учителя представляли самый чуткій, свѣжій и энергичный элементъ, ближе всего стоявшій къ массѣ. Черезъ нихъ въ сущности всѣ новыя идеи и лозунги проникали въ самые глубокіе слои народа. Они были его естественными вождями въ періодъ движенія. Наконецъ, на нихъ выпала вся тяжесть культурно-національныхъ задачъ, возрожденія языка, выработки новыхъ методовъ преподаванія, изданія инородческихъ учеб-

[1]) Подробнѣе о послѣднихъ двухъ народностяхъ см. ниже статьи: „Буряты“ и „Киргизы“.

никовъ, словомъ, вся та творческая работа, которая составляла истинное содержаніе національнаго самоопредѣленія.

У нѣкоторыхъ народностей учительскіе союзы являлись единственными національными организаціями. Такъ оно было у крымскихъ татаръ, гдѣ вліятельныя сословія—духовенство и мурзы—оказались враждебными движенію, и гдѣ Союзъ учителей, возникшій въ концѣ 1906 г. и сумѣвшій объединить всѣ демократическіе элементы, являлся единственной политически-національной организаціей, вынесшей на своихъ плечахъ все движеніе. Его делегаты были представителями крымскихъ татаръ на съѣздахъ Мусульманскаго союза. Онъ же далъ и представителя во 2-ю государственную думу. Такъ же обстоитъ дѣло въ настоящее время у калмыковъ, у которыхъ, благодаря спеціальнымъ условіямъ, національное движеніе не успѣло вылиться въ осязательныя формы, и „Союзъ учителей и дѣятелей по народному образованію“ („Хальмакъ тангачинъ тукъ“), образовавшійся въ 1907 г.[1]), является единственнымъ центромъ культурно-національной работы. То же мы видимъ у башкиръ, многомилліоннаго народа, экономически и соціально ослабѣвшаго и нынѣ всецѣло отдавшагося гегемоніи татаръ; единственнымъ символомъ національности здѣсь является Союзъ учителей. Наконецъ, такими же единственными зародышами національнаго возрожденія явились подобные союзы у вотяковъ, мордвы, черемисовъ. Нечего и говорить о томъ, что учительскія организаціи имѣлись у такихъ народностей, какъ буряты, якуты, чуваши, пережившіе высокій подъемъ національнаго самосознанія.

По внѣшней своей конструкціи учительскіе союзы носили профессіональный характеръ. Въ такомъ духѣ, по крайней мѣрѣ, составлялись ихъ уставы, и подъ профессіональнымъ флагомъ они пытались легализоваться. Въ дѣйствительности, и по составу, и по задачамъ, и по своей дѣятельности союзы менѣе всего были профессіональными. Въ виду бѣдности силъ инородческой интеллигенціи, союзы являлись естественными центрами, къ которымъ примыкали всѣ демократическіе элементы; вокругъ нихъ группировались всѣ просвѣтительныя общества (у якутовъ, бурятъ, чувашей), къ нимъ примыкали союзы молодежи высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. По дѣятельности своей даже въ чисто учительской сферѣ, какъ это мы увидимъ ниже, члены учительскихъ союзовъ являлись не узкими педагогами, а духовными реформаторами умственнаго и культурнаго быта народа.

Во имя успѣха своего главнаго—національнаго дѣла они формально признали себя внѣ-партійными, но въ дѣйствительности подавляющее большинство членовъ каждаго учительскаго союза, иногда союзы цѣликомъ, принимали общую

[1]) Отдѣльные съѣзды учителей бывали, впрочемъ, и раньше.

политическую платформу. Иначе и быть не могло: большинство союзовъ зародилось въ самый разгаръ движенія, въ которомъ учителя принимали самое дѣятельное участіе. Выдающуюся роль играли учительскіе союзы и въ избирательную кампанію; учителей въ первую голову выбиралъ народъ уполномоченными, выборщиками, и ихъ было бы въ Думѣ преобладающее количество изъ сельскихъ инородческихъ округовъ, если бы не особенности избирательной системы и безцеремонная практика разъясненій и высылокъ.

Дѣятельность учительскихъ союзовъ завершилась уже въ періодъ реакціи образованіемъ федераціи національныхъ и территоріальныхъ союзовъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію. На учредительномъ съѣздѣ этой федераціи, состоявшемся въ Петербургѣ 24—25 апрѣля 1907 г., участвовали, судя по отчету съѣзда, въ числѣ другихъ народностей (армянъ, грузинъ, евреевъ, бѣлоруссовъ) и представители нашихъ инородцевъ—бурятъ, якутовъ, калмыковъ, крымскихъ татаръ и башкиръ; разгромы среди учителей помѣшали присутствію делегатовъ отъ чувашей, черемисовъ и др. народностей.

Наряду съ этими организаціями, формально внѣ-партійными, народились и организаціи партійныя. То были преимущественно организаціи національно-соціалистическія, т. е., организаціи, во 1-хъ, поставившія себѣ цѣлью, исключительную работу въ средѣ той или другой народности, во 2-хъ, принимавшія сверхъ того національную платформу.

Сложились эти организаціи самимъ ходомъ вещей. Инородческія племена, даже тѣ изъ нихъ, которыя уже потеряли свои территоріи, тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ живутъ сплошными массами, такъ что по мѣрѣ того, какъ движеніе стало болѣе или менѣе массовымъ, дѣятели каждой инородческой группы естественно сплачивались въ территоріально-національныя единенія, къ которымъ постепенно примыкали дѣятели другихъ мѣстъ инородческой осѣдлости. Съ другой стороны, для успѣшности пропаганды поневолѣ приходилось прибѣгать къ родному языку инородцевъ, создавать на этомъ языкѣ агитаціонную литературу, приходилось считаться съ духомъ, культурными и соціальными условіями родной народности, и такимъ образомъ, даже индиферентные въ національномъ отношеніи элементы приходили къ необходимости принять національную платформу.

IV.

Таковы были организаціи, народившіяся или получившія особенное развитіе въ періодъ революціи. Посмотримъ, каковы были ихъ чаянія, насколько онѣ выразились въ ихъ платформахъ.

Прежде всего интересно отмѣтить, что ни въ одной платформѣ мы не видимъ никакихъ сепаратистскихъ тенденцій. Наоборотъ, всѣ онѣ проникнуты твердымъ убѣжденіемъ, что только въ единеніи со всѣми народами Россіи, въ общей свободѣ, въ обще-демократическомъ строѣ каждая народность обрѣтетъ свое попранное право. Исходя изъ этого, не только національно-партійныя платформы, но и внѣпартійныя организаціи требуютъ энергичнаго участія въ общероссійскомъ движеніи. Наиболѣе умѣренная платформа перваго мусульманскаго съѣзда много мѣста посвящаетъ именно этому вопросу. „Необходимо — гласить 1 пунктъ этой платформы — и своевременно сближеніе мусульманъ всѣхъ областей Россіи на почвѣ общественно-культурныхъ и политическихъ запросовъ и задачъ современной русской жизни“. И далѣе: „въ достиженіи и осуществленіи этихъ задачъ прогрессивная часть мусульманъ, раздѣляя идеалы передового русскаго общества, дѣйствуетъ въ смыслѣ установленія въ странѣ правового порядка на началахъ участія свободно избранныхъ народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи государствомъ (п. 3). Дѣятельность свою мусульмане направляютъ сообразно съ потребностями и запросами *общегосударственной* жизни въ Россіи“ и т. д. (п. 4).

Таково же отношеніе, только еще болѣе опредѣленное, и другихъ народностей. Правда, на многихъ обще-національныхъ съѣздахъ общеполитическія требованія обходились молчаніемъ, но только потому, что это казалось само собою яснымъ, какъ необходимая предпосылка національнаго освобожденія. Но въ платформахъ учительскихъ союзовъ эта сторона оттѣнена съ достаточной опредѣленностью. Такъ, напримѣръ, Союзъ бурятскихъ учителей „каждому члену Союза вмѣняетъ въ обязанность вести систематическую пропаганду *народническихъ* идей въ своей средѣ“, а подъ національной автономіей онъ подразумѣваетъ „широкое демократическое самоуправленіе“,— принципъ, очевидно, весьма далекій отъ сепаратизма [1]).

Правда, у нѣкоторыхъ народностей, какъ у бурятъ, татаръ, замѣчалась интенсивная тенденція сближенія съ родственными имъ народами внѣ Россіи, что подало поводъ говорить о панмонголизмѣ, панисламизмѣ и т. д., но сближеніе имѣло въ виду интересы чисто духовные и, что замѣчательнѣе всего, въ центрѣ сближенія опять таки стояла Россія, правда, свободная Россія. Вообще, изученіе документовъ національнаго движенія съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что ни въ одинъ моментъ русской исторіи связь инородцевъ съ Россіей не была столь крѣпка духовно, какъ въ годы освободительнаго движенія.

За общими требованіями въ программахъ инородцевъ слѣдуютъ требованія

---

[1]) См. „Сибирскіе вопросы“, 1907 г. № 18, стр. 22 и 25.

тоже общеполитическаго характера, но спеціально интересующія ту или другую народность. Такъ, напримѣръ, Мусульманскій союзъ требуетъ во имя равноправія народностей „отмѣны всѣхъ изъятій и ограниченій, которыя установлены въ отношеніи мусульманъ дѣйствующими узаконеніями, правительственными распоряженіями и административной практикой, и полнаго уравненія мусульманъ съ населеніемъ русскаго государства во всѣхъ правахъ политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ". Аналогичныя требованія имѣются и во всѣхъ остальныхъ платформахъ. Народности, живущія въ спеціальныхъ условіяхъ быта, какъ киргизы, буряты, якуты — выставляютъ на первый планъ требованія, вытекающія изъ этихъ именно особенностей быта. Они требуютъ сохраненія основъ стараго самоуправленія, неприкосновенности національныхъ правъ на ихъ территорію и, наконецъ, отдѣльнаго національнаго представительства въ Думѣ (буряты и якуты).

Требованія въ области самоуправленія, землевладѣнія и землепользованія чрезвычайно характерны. Легко было ожидать, что эти требованія либо будутъ носить характеръ архаизма, слѣпой преданности обычаямъ старины, безнадежно осужденнымъ на исчезновеніе подъ напоромъ новыхъ экономическихъ условій и идей, либо они сведутся къ абстрактной формулѣ „автономіи".

Въ дѣйствительности, ни того, ни другого не случилось. Инородцы не ограничивались ни простымъ требованіемъ сохраненія старыхъ устоевъ быта, ни общими формулами автономности. Они вырабатывали всесторонніе проекты (проекты земства у иркутскихъ и забайкальскихъ бурятъ [1]), у якутовъ), и въ этихъ проектахъ, и въ ихъ мотивировкѣ они обнаружили не только юридическое творчество, не только проникновенное пониманіе условій своего быта, но и сознательное усвоеніе новыхъ идей демократизма.

Они требовали сохраненія родового устройства, потому что навыки его гарантировали лучшія формы общественнаго сотрудничества и солидарности, но въ то же время тщательно устраняли изъ него всѣ вредные историческіе элементы аристократизма, вводя въ свои проекты самоуправленія всѣ принципы демократизма: всеобщее избирательное право безъ различія пола, выборность властей, независимость отъ администраціи, передачу школьнаго дѣла въ руки органовъ самоуправленія, и т. д. Они настаивали на сохраненіи исконнаго родоваго владѣнія землей, ибо оно гарантировало наибольшую равномѣрность въ ея распредѣленіи, и въ этомъ справедливо видѣли залогъ

---

[1]) См. напр., „Протоколы засѣданій Общаго съѣзда бурятъ Иркутской губ. для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ земской реформой". Иркутскъ, 1905 г. (изд. Иркут. Отд. И. Р. Геогр. Общества). Ср. также „Сибирск. вопр." 1905 г. № 2, стр. 171.

роста соціальной солидарности [1]). Они возставали противъ посягательства на кочевой бытъ, но въ то же время вотировали мѣры, споспѣшествующія переходу къ болѣе прогрессивнымъ формамъ культуры (сельско-хозяйственныя школы, курсы, фермы и пр.).

Интересны попытки творчества въ области *автономизма*. Забайкальскіе буряты, напр., не довольствуются требованіями широкаго самоуправленія и требуютъ созданія органа національнаго объединенія въ лицѣ періодическихъ съѣздовъ представителей „вѣдомствъ". Иркутскіе буряты вырабатываютъ мѣры защиты бурятскаго меньшинства [2]) въ губернскомъ земствѣ, якуты надѣются осуществить свою національную автономность благодаря своему подавляющему большинству въ земскихъ учрежденіяхъ. Татары требуютъ образованія мѣстныхъ меджилисовъ, руководимыхъ періодическими съѣздами мусульманъ, и такъ далѣе.

Въ области *языка* требованія различны. У народностей съ самостоятельными территоріями, какъ буряты, категорически требуется введеніе роднаго языка въ области суда и самоуправленія. Наоборотъ, у такихъ народностей, какъ татары, это требованіе не фигурируетъ. Зато въ области духовнаго самоопредѣленія и школы всѣ платформы сходятся. Всѣ требуютъ прежде всего самой широкой свободы открытія школъ, курсовъ и всякихъ просвѣтительныхъ учрежденій, всеобщаго и обязательнаго образованія. Всѣ одинаково требуютъ, чтобы языкомъ преподаванія былъ родной языкъ, чтобы дѣло народнаго образованія перешло въ руки органовъ самоуправленія.

Наконецъ, всѣ говорятъ о *культурномъ самоопредѣленіи и національзаціи*. И опять-таки, и въ эту формулу инородцы вкладываютъ свое опредѣленное содержаніе, подразумѣвая подъ этимъ возрожденіе роднаго языка, созданіе изъ него орудія европейскаго просвѣщенія и внесеніе въ циклъ школьнаго преподаванія всѣхъ тѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній, которыя народъ создалъ на своемъ родномъ языкѣ. Отдавая себѣ полный отчетъ въ огромныхъ трудностяхъ новаго дѣла, инородческія платформы возлагаютъ всѣ надежды на самодѣятельность народа и отъ государства требуютъ только устраненія препонъ къ народному творчеству.

Таковы были платформы инородческихъ группъ.

---

[1]) Сочинскіе буряты, напр., исходя изъ обще-бурятскаго требованія о предоставленіи племени и общинамъ всѣхъ фактически обрабатываемыхъ орудіями и скотомъ земель съ лѣсами, водами и нѣдрами и изъ идеи обобществленія всѣхъ дѣлъ, касающихся нуждъ и пользъ всего населенія, требовали, чтобы „всѣ продукты скотоводства, въ особенности кожа, были обрабатываемы внутри самой общины подъ вѣдѣніемъ органовъ самоуправленія" (Сиб. вопр. № 2. 1905 г. стр. 171).

[2]) „Протоколы", op. cit, § 29.

Но таковы были платформы и всѣхъ лѣвыхъ партій. Вотъ почему всѣ симпатіи инородцевъ были на сторонѣ лѣвыхъ. Были, правда, элементы правые, но то были антинаціональные, реакціонные элементы, страха или интереса ради тяготѣвшіе къ бюрократіи. Такую роль играли духовныя правленія татаръ въ Крыму, жившія казеннымъ жалованьемъ и обирательствомъ паствы. Такую же роль играло здѣсь татарское помѣстное дворянство. Была маленькая группа, прозванная иркутскими бурятами „обрусителями-подлизовцами“, всячески противодѣйствовавшая всякимъ новшествамъ и требованіямъ. Была кучка „шоломовцевъ“, истинно-русскихъ якутовъ, вопившихъ, что прогрессивные элементы разрушаютъ основы стараго народнаго быта. Образовался союзъ „истинно-русскихъ“ среди татаръ въ Казани при участіи нѣкоторыхъ купцовъ и муллъ. Но въ общей сложности всѣ эти элементы представляли ничтожные отбросы, которые, особенно въ освободительный періодъ, никакой роли не играли. Въ періодъ реакціи, конечно, эти элементы, раньше опасавшіеся открытаго выступленія, стали смѣлѣе.

Теперь посмотримъ, въ чемъ проявила себя національная энергія въ освободительный періодъ. A priori можно сказать, что она естественно должна была проявляться въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ она проявлялась въ общероссійскомъ движеніи. Въ періодъ довѣрія и предъ-думья на сценѣ фигурировали депутаціи, конечно, отъ тѣхъ народностей, у которыхъ и до того существовали формы организованнаго общенія. Поэтому, конечно, ни мордва, ни чуваши, ни башкиры и т. п. народности никакихъ депутацій не посылали. Зато такія народности, какъ татары, буряты, якуты принялись за снаряженіе депутацій, составленіе записокъ, ходатайствъ, телеграммъ. Особенно упорны и многочисленны были ходатайства бурятъ. Своеобразная судьба постигла депутацію якутовъ, посланную послѣ изданія манифеста 9-го іюня для исходатайствованія особаго представительства. Депутація была признана опасной и телеграфнымъ распоряженіемъ возвращена съ дороги въ Якутскъ.

За депутаціями послѣдовалъ періодъ съѣздовъ. Такіе съѣзды мы видимъ у бурятъ (больше всего), у киргизъ, якутовъ, татаръ. Способы конституированія общихъ съѣздовъ не совсѣмъ выяснены. Во всякомъ случаѣ, они были весьма различны. На мусульманскихъ съѣздахъ, напримѣръ, преобладали нотабли, созывавшіеся по выбору иниціаторовъ, хотя были представительства и отъ цѣлыхъ группъ (напримѣръ, союза крымскихъ учителей, отъ отдѣльныхъ конференцій муллъ и, кажется, отъ киргизъ). У народностей съ родовымъ бытомъ значительную роль играли родоначальники, но преобладающую массу составляли выборные отъ отдѣльныхъ районовъ, среди которыхъ было много мѣстныхъ интеллигентовъ (учителя, писаря). Большую роль играло на всѣхъ съѣздахъ духовенство. Наиболѣе организованный харак-

теръ носили съѣзды у бурятъ, гдѣ почти на каждую тысячу населенія имѣлось по одному представителю. Всѣ съѣзды ихъ отличались многолюдствомъ (200—300—400 чел.). Представители интеллигенціи особенно охотно приглашались, помимо всякихъ полномочій. Общіе съѣзды продолжались по нѣсколько дней и были весьма продуктивны. На нѣкоторыхъ вырабатывались сложные проекты (о земствѣ, судѣ, землепользованіи и т. д.), обсуждались самыя разнообразныя стороны быта и, судя по протоколамъ, участники проявили, несмотря на царившее возбужденіе и страстность преній, самое серьезное и умѣлое отношеніе къ дѣлу. Нѣкоторые общіе съѣзды были созваны самой администраціей или по ея почину (у якутовъ, бурятъ, астраханскихъ калмыковъ; у послѣднихъ это былъ и единственный съѣздъ).

Наряду со съѣздами обще-національными шли всевозможныя конференціи—учителей, партійныхъ дѣятелей, группъ духовенства, городскихъ нотаблей (у татаръ). Но истинная сила движенія вылилась въ районныхъ и мѣстныхъ собраніяхъ, которыя носили всенародный характеръ. Здѣсь самъ народъ непосредственно пріобщался къ движенію и копилъ эмоціи и воспоминанія для будущей перманентной культурной работы. Здѣсь братались впервые интеллигенція съ народомъ.

Всѣ эти съѣзды не носили аггрессивнаго характера. Большинство изъ нихъ занималось, какъ мы уже указали, выработкой требованій, проектовъ, или же, какъ мусульманскій съѣздъ, кромѣ того и организаціонными работами. Изъ самостоятельныхъ активныхъ выступленій можно отмѣтить: отказъ отъ выборовъ должностныхъ лицъ по новому закону 1901 г. — у бурятъ; насильственное возвращеніе отъ Кабинета отчужденныхъ земель—забайкальскими тунгусами; возстановленіе степныхъ думъ у бурятъ, отказъ отъ податей и сношеній съ администраціей—у якутовъ (см. выше).

Когда началась избирательная кампанія, дѣятельность національныхъ организацій была перенесена въ область избирательной агитаціи. Къ ней всѣ элементы инородческаго населенія отнеслись съ величайшимъ энтузіазмомъ. Вѣдь отъ Думы и ея представителей зависѣло осуществленіе тѣхъ pia desideria, которыя провозглашались на митингахъ и съѣздахъ.

Сознательно и безсознательно избирательная агитація сводилась къ двумъ лозунгамъ: на всѣхъ стадіяхъ избирать наиболѣе лѣвыхъ, а изъ этихъ послѣднихъ пользоваться всякой возможностью проводить своихъ, и только въ случаѣ невозможности послѣдняго отдавать свои голоса за другихъ. Но нужно отдать справедливость инородческому элементу: никогда онъ не злоупотреблялъ своимъ большинствомъ, всегда уступая справедливое число мѣстъ меньшинству. Съ тѣмъ большей гордостью и энтузіазмомъ каждая инородческая группа встрѣчала каждое избраніе своихъ въ выборщики или въ депутаты парламента. Депутаты

первой и второй Думы встрѣчались съ величайшимъ энтузіазмомъ, имъ устраивались торжественные проводы, и когда они пріѣзжали на побывку на родину, каждый готовъ былъ на жертвы, лишь бы послушать своего депутата, повѣствовавшаго на ихъ родномъ языкѣ о перипетіяхъ думской работы. Мордва не единственное инородческое племя, которое съ наивной, но трогательной гордостью бережетъ память о своихъ единоплеменникахъ—депутатахъ первой Думы, Аникинѣ и Адріановѣ. Лѣво-національные лозунги инородцевъ играли не малую роль въ партійной окраскѣ депутатовъ всего востока Россіи, гдѣ даже въ третью Думу, благодаря именно инородцамъ, прошли сравнительно наиболѣе лѣвые элементы.

Распредѣленіе депутатовъ между тѣми или другими лѣвыми партіями зависѣло отъ причинъ чисто мѣстныхъ. Отъ татаръ, напримѣръ, Кавказа въ однихъ мѣстахъ прошли крайніе лѣвые, въ другихъ—кадеты; отъ татаръ поволжскихъ съ торговымъ городскимъ населеніемъ прошли кадеты; отъ крымскихъ—с.-р. Отъ демократическаго бурятскаго народа по чисто мѣстнымъ условіямъ прошелъ кадетъ. Отъ чувашей, какъ чисто сельскаго народа, прошелъ с.-р.

Инородцы не довольствовались однимъ участіемъ въ выборахъ. Они зорко слѣдили за своими избранниками, посылали имъ вслѣдъ наказы и особыхъ нотаблей, которые въ частныхъ совѣщаніяхъ руководили депутатами, помогали имъ и контролировали ихъ въ то же время.

Въ самой Думѣ только мусульманскіе депутаты, составлявшіе внушительную величину въ первыхъ двухъ Думахъ (28), образовали самостоятельную фракцію, которая сохранилась и въ III-ей Думѣ, хотя и въ значительно меньшемъ количествѣ. Депутаты другихъ народностей входили во фракціи тѣхъ партій, къ которымъ они принадлежали по своимъ убѣжденіямъ. Представители сибирскихъ инородцевъ кромѣ того участвовали въ работахъ сибирской группы.

Въ парламентѣ инородческіе представители примыкали всѣ безъ исключенія къ прогрессивнымъ группамъ (не правѣе к.-д.) и кромѣ того всѣ поголовно вошли въ думскую группу автономистовъ, функціонировавшую во время первыхъ двухъ Думъ.

* * *

Таковы политическія проявленія инородческихъ группъ за періодъ освобожденія. Но наряду съ этимъ шла другая работа, менѣе видная, но, быть можетъ, еще болѣе значительная, работа культурнаго возрожденія, та работа, которая должна была заполнить грядущія политическія формы національнаго быта національнымъ содержаніемъ. Работа эта въ тусклое время стараго режима

могла казаться безнадежной. То, въ чемъ духъ народности наиболѣе полно проявляется, и что въ то же время является единственнымъ проводникомъ общечеловѣческаго знанія и идеаловъ въ массу,—ея языкъ, подъ давленіемъ вѣкового запрета оказался въ состояніи атрофіи. Цѣлыя племена, какъ мордва, чуваши, вотяки не имѣли никакой письменности, кромѣ переводовъ—и то неудовлетворительныхъ—священныхъ книгъ, а у тѣхъ, которые имѣли ее, какъ татары, буряты, она была приспособлена для узкаго круга церковности. Все, что создала культура и наука за послѣдніе вѣка, было почти чуждо этой письменности, ибо школа была только конфессіональная, а въ свѣтской—народный языкъ былъ запрещенъ. Предстояла гигантская задача—перескочить за вѣка омертвенія и влить въ старые языковые организмы новое содержаніе, новыя идеи, новыя формы, новыя слова. И піонеры инородческихъ народностей не испугались трудностей.

Въ одинъ прекрасный день въ народныхъ школахъ учителя заговорили на родномъ языкѣ учащихся. На родномъ языкѣ массы заговорили ораторы на митингахъ. У народовъ, не знавшихъ письменности, являются прокламаціи, гектографированные листки газетъ (мордва). Вотяки распѣваютъ марсельезу на родномъ языкѣ. Киргизы, захлебываясь, читаютъ въ переводѣ манифестъ 17-го октября и разучиваютъ наизустъ переложенную въ стихахъ программу к.-д. У чувашей въ теченіе многихъ мѣсяцевъ издается радикальная, политическая газета „Хыпаръ“, является цѣлый рядъ политическихъ брошюръ, а у татаръ нарождается сразу нѣсколько партійныхъ органовъ, даже юмористическія изданія и цѣлый рядъ иллюстрированныхъ учебниковъ и брошюръ. У бурятъ возникаетъ издательство учебниковъ и переводныхъ книгъ. Въ далекой якутской окраинѣ возникаетъ газета на русскомъ и якутскомъ языкахъ („Якутскій край“). Нарождается даже національный театръ. Въ Якутскѣ въ разгаръ движенія открывается національный клубъ, гдѣ ставятъ не только драмы изъ якутской жизни, но даже оперы, съ якутскими мотивами и настоящими актерами и пѣвцами изъ народа. Въ Астрахани калмыки ставятъ на сценѣ калмыцкую свадьбу... Это была работа, требовавшая энтузіазма и огромнаго запаса настойчивости и энергіи.

Нужно помнить, что освободительное движеніе застало инородческую интеллигенцію въ состояніи полной руссификаціи въ умственномъ отношеніи. Какъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, можно указать, что на первомъ съѣздѣ крымскихъ учителей татаръ дебаты велись на русскомъ языкѣ. То же происходило у чувашей, у калмыковъ, кажется, даже у бурятъ и якутовъ (?). Среди мордвы, напримѣръ, на первыхъ митингахъ ораторы говорили по-русски и только для иллюстраціи приводили бытовые примѣры на мордовскомъ языкѣ. Понятно поэтому, почему тѣ самые интеллигенты, которые, въ качествѣ поли-

тическихъ дѣятелей, являлись пылкими агитаторами, на собраніяхъ учительскихъ съѣздовъ не менѣе пылко дебатировали вопросы объ алфавитѣ, орѳографіи, терминологіи, реформѣ преподаванія въ мусульманскихъ и ламаистскихъ школахъ, проектировали факультеты національнаго знанія (у бурятъ, проекты преподаванія въ высшихъ дацанскихъ школахъ), и строили планы издательствъ, толковали объ обще-финскомъ алфавитѣ и т. д.

Но освободительный періодъ, полный бурь, головокружительныхъ побѣдъ и безпощадныхъ пораженій, промчался слишкомъ быстро. На смѣну явилась реакція, и центральнымъ пунктомъ ея воздѣйствія сталъ инородецъ. Многочисленныя народности, какъ киргизы, сарты, буряты, якуты и др. потеряли право представительства. Роковыя опасности, грозившія многимъ изъ нихъ, какъ потеря земельнаго фонда и самоуправленія, стали еще болѣе грозными, чѣмъ когда-либо. Нечего и говорить о чаяніяхъ культурныхъ автономій, ушедшихъ въ общую Лету общихъ погребенныхъ надеждъ освободительнаго періода. Да, впрочемъ, и самая обыденная культурная работа встрѣчаетъ на каждомъ шагу подчасъ непреодолимыя преграды.

И при всемъ томъ о національномъ движеніи можно сказать то же, что о россійскомъ движеніи вообще.

Исторія не мѣритъ своихъ успѣховъ масштабомъ мимолетныхъ побѣдъ или пораженій. Истиннымъ, историческимъ критеріемъ народнаго роста служатъ его психическія завоеванія. Если въ психикѣ народъ остался на старомъ мѣстѣ или пошелъ назадъ, тогда онъ потерпѣлъ дѣйствительное пораженіе. Тотъ психическій переворотъ, который произошелъ въ народномъ сознаніи за освободительный періодъ, не поддается никакимъ внѣшнимъ давленіямъ.

Психика инородца радикально измѣнилась. Онъ созналъ свое право, онъ увѣровалъ въ себя, онъ проникся уваженіемъ къ себѣ, у него явились идеалы, онъ обрѣлъ вѣрную, преданную интеллигенцію, онъ ступилъ, наконецъ, на путь самодѣятельности. Онъ уже началъ творить литературу и политику на своемъ родномъ языкѣ, и онъ упорно продолжаетъ дальше творить.

И довольно характеренъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ средѣ русской интеллигенціи реакція породила настроеніе унынія и растерянности, это настроеніе меньше всего коснулось инородческой интеллигенціи, которая не только не поддалась общему унынію, но, наоборотъ, проявляетъ особенную жизненность. Уже въ періодъ реакціи начинаютъ являться попытки національныхъ организацій тамъ, гдѣ онѣ раньше не существовали, напримѣръ, у калмыковъ. Выростаетъ федерація учителей инородцевъ. У интеллигентовъ изъ мордвы, которые въ періодъ общаго подъема, мало удѣлили вниманія культурно-національной работѣ, теперь, наоборотъ, проявляется

особенный интересъ къ родному языку, родной словесности. Среди татаръ возникаетъ широкое феминистское движеніе; въ разныхъ мѣстахъ татарской осѣдлости явились легализованныя культурно-просвѣтительныя общества (между прочимъ въ Петербургѣ, Москвѣ), была попытка, хотя и тщетная, легализовать всероссійскую мусульманскую партію [1]). Инородческая издательская дѣятельность разростается.

Конечно, реакція жестоко повредила національному движенію, вырвавъ лучшихъ дѣятелей, разогнавъ лучшихъ учителей, нагромоздивъ тысячи препонъ къ росту литературы, расколовъ, наконецъ, культурные элементы. Но энтузіазмъ остался, и энтузазмъ здоровый, энтузіазмъ, который мечтаетъ не объ обособленіи, а о присоединеніи къ общечеловѣческому, но не цѣной національнаго, а черезъ національное. И лучшимъ признакомъ этого здороваго настроенія служитъ тенденція къ *анализу*, исканіе въ своей народности лучшихъ, здоровыхъ элементовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго роста, и отметаніе старыхъ, отрицательныхъ.

Л. Штернбергъ.

---

[1]) Заслуживаетъ также быть отмѣченной попытка объединенія мусульманскихъ народностей Россіи на экономической почвѣ, путемъ открытія банковъ въ крупныхъ центрахъ мусульманской осѣдлости...

КИРГИЗЫ.

I.

Начиная съ XIII вѣка, со времени Чингисхана, киргизы [1]) и каракиргизы живутъ въ Средней Азіи, занимая главнымъ образомъ обширную равнину, окаймленную съ сѣвера рѣкою Джайкъ (Уралъ или Яйкъ), съ запада—Аму-Даріей (Оксъ), съ востока—Иртысомъ (Иртышъ) и съ юга горными хребтами. Кромѣ того они заселяютъ также и Астраханскую губернію.

Объ абсолютной и относительной численности киргизскаго населенія данной территоріи даетъ представленіе слѣдующая таблица:

	Названіе областей.	Всего жителей.	Въ т. ч. киргизъ.
Киргизскій край.	1. Семипалатинская . . .	761.095	655.971
	2. Акмолинская	934.612	484.456
	3. Тургайская	550.510	422.401
	4. Уральская	644.000	466.000
Туркестанъ.	5. Закаспійская	463.407	71.367
	6. Сыръ-Дарьинская . .	1.480.000	888.000
	7. Семирѣченская . . .	1.088.217	844.405
	8. Ферганская.	1.837.418	374.981
	9. Самаркандская. . . .	986.554	79.083
	10. Астраханская губ. . .	1.005.000	213.000
		9.750.813	4.499.664

По переписи 1897 года число лицъ, назвавшихъ своимъ роднымъ языкомъ киргизскій, равнялось 4.084 тыс. По численности своей киргизы занимаютъ среди различныхъ народностей, населяющихъ Россію, шестое мѣсто. Если принять коэффиціентъ естественнаго прироста равнымъ $1{,}_5$ (для всей

[1]) Подъ общимъ именемъ „киргизъ“ или „киргизъ-кайсаковъ“ въ литературѣ объединены тюркскіе родственные „ру“ (родъ, племя), извѣстные въ исторіи Востока подъ именами Усынь, Дулатъ, Канглы, Джалаиръ, Кыпчакъ, Найманъ, Конгратъ, Уакъ-Керей, Аргынъ и Алчинъ. Сами они обозначаютъ себя именемъ „казахъ“: слово „кайсакъ“ и есть искаженное „казахъ“. Древнее тюркское ру „кыргызъ“ въ литературѣ извѣстно подъ названіемъ „каракиргизъ“ или „дикаменныхъ киргизъ“. Очевидно, слово „киргизъ“, которымъ официальныя бумаги, а вслѣдъ за ними и литература обозначаютъ „казаховъ“, беретъ свое начало отъ названія даннаго племени.

Россіи онъ равенъ 1,55), то въ настоящее время численность киргизъ выразится въ цифрѣ 4.696.600.

Процентное соотношеніе между киргизами, русскими и др. національностями, населяющими названную территорію, видно изъ слѣдующей таблицы:

Названіе областей.	Киргизъ.	Русскихъ.	Другихъ народн.
1. Семипалатинская . . .	86,2%	7,5%	6,3%
2. Акмолинская.	52	48	
3. Тургайская	76,5	23	0,5
4. Уральская.	72,5	25	2,5
5. Закаспійская.	15	6,7	78,3 [1]
6. Сыръ-Дарьинская . . .	60	4	36 [2]
7. Семирѣченская	77,6	12,6	9,8
8. Ферганская	20,3	0,7	79 [3]
9. Самаркандская	8	1,3	90,7 [4]
10. Астраханская губ. . .	21	79 [5]	
	51	49	

Во всѣхъ же 10 областяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, киргизы, каракиргизы [6]), кыпчаки [7]) составляютъ 51% всего населенія, но распредѣлены они не равномѣрно: процентъ киргизскаго населенія сильно понижается на крайнемъ югѣ и западѣ, доходя въ Самаркандской до 8%, Закаспійской — 15%, Ферганской — 20,3% и Астраханской — 21%; въ этихъ 4 областяхъ живутъ, въ общей сложности, 738.431 киргизъ, или почти 1/6 (16,5%) всего киргизскаго населенія. Въ остальныхъ 6 областяхъ, занимающихъ немного менѣе 3/4 (73%) всей площади названныхъ 10 областей, сосредоточиваются 5/6 (83,5%) всего киргизскаго населенія. Такъ, въ Акмолинской области киргизы составляютъ 52% (только въ 3-хъ сѣверныхъ уѣздахъ ея они достигаютъ всего 44%); къ Акмолинской обл. примыкаетъ въ этомъ отношеніи Сыръ-Дарьинская, гдѣ киргизы образуютъ 60%, или менѣе 2/3; въ Уральской области киргизы составляютъ нѣсколько менѣе 3/4 (72,5%) населенія, а въ Семирѣченской и Тургайской нѣсколько болѣе 3/4 (77,6% для первой и — 76,5% для второй). Особенно замѣтно преобладаніе киргизъ въ Семипалатинской области, гдѣ численность ихъ достигаетъ почти 6/7 (86,2%). Во всѣхъ этихъ 6 областяхъ, взятыхъ вмѣстѣ, киргизы достигаютъ въ

[1]) Въ томъ числѣ туркменовъ 55,2%. [2]) Въ томъ числѣ сартовъ и таджиковъ 21%, каракалпаковъ 7%, узбековъ 5%. [3]) Въ томъ числѣ сартовъ и таджиковъ 65%, узбековъ 8,7%, каракалпаковъ 1%. [4]) Въ томъ числѣ узбековъ 45,5%, таджиковъ 44,2%
[5]) Въ томъ числѣ калмыковъ 13%.
[6]) Каракиргизы живутъ въ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской обл.
[7]) Кыпчаки—въ Ферганской.

среднемъ 69%, или болѣе $^2/_3$ всего населенія. На всемъ пространствѣ отъ Сыръ-Дарьи до Иртыша и отъ Тянь-Шаня до р. Урала киргизы составляютъ большинство, превышающее 65%.

Переходя къ внутреннему быту киргизъ, должно замѣтить, что современная хозяйственная жизнь послѣднихъ не укладывается въ простую формулу примитивной экономики полудикаго кочевника, постоянно мѣняющаго мѣсто стоянки и передвигающагося со своими стадами, въ поискахъ для нихъ подножнаго корма и лучшаго водопоя. Былое, чисто пастушеское хозяйство киргиза, постепенно уступаетъ мѣсто смѣшанному *земледѣльчески*—пастушескому типу; это наблюдается, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ естественно-историческія условія и экономическая конъюнктура оказались благопріятными для развитія земледѣлья. Въ этомъ отношеніи киргизскій край (Семипалатинская, Акмолинская, Тургайская и Уральская обл.) можно схематически разбить на два района: сѣверный, лежащій выше 50-ой параллели, благопріятный для земледѣлія, и южный,—гдѣ плохая почва, скудость атмосферическихъ осадковъ и отдаленность отъ рынковъ дѣлаютъ земледѣлье въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ невозможнымъ. На одно хозяйство приходится:

Въ районахъ:	Десятинъ посѣва.	Пудовъ сѣна.
Сѣверномъ	3,3	1120,4
Южномъ.	0,2	168,6

Въ сѣверной полосѣ киргизское хозяйство, имѣя въ среднемъ 3,3 десятины посѣва, производитъ количество хлѣба, превышающее норму собственнаго потребленія и сбываетъ его на сторонѣ; сѣна оно потребляетъ въ 6 съ лишнимъ разъ болѣе южанъ, у которыхъ нѣтъ даже собственнаго хлѣба. Понятно, что приведенныя среднія цифры даютъ лишь общую картину киргизскаго хозяйства, разнообразнаго и пестраго, какъ сама киргизская степь. Объ этомъ разнообразіи киргизскаго хозяйства и степени преобладанія въ немъ земледѣлія даетъ понятіе слѣдующая таблица:

Области и уѣзды.		% хозяйствъ сѣющихъ хлѣбъ.	Приходится десятинъ посѣва: Въ среднемъ на одно хозяйство.	На каждое сѣющее хозяйство.
Тургайская.	Кустанайскій	77	2,8	3,6
	Актюбинскій	94,4	5,8	6,16
Акмолинская.	Атбасарскій	30,4	0,47	1,5
	Акмолинскій	61,5	1,44	2,3
Семипалатинская.	Каркаралинскій . . .	11,7	0,1	0,8
	Семипалатинскій. . .	40	0,73	1,8
	Устькаменогорскій . .	69	1,9	2,7

*

Въ то время, какъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ почти всѣ киргизы (94,4%) являются заправскими земледѣльцами (на одно хозяйство приходится 6,16 десятинъ посѣва), въ Каркаралинскомъ уѣздѣ земледѣльемъ занимаются всего 11,7% хозяйствъ, и на каждое приходится въ среднемъ 0,8 десятины посѣва.

По даннымъ киргизскихъ бюджетовъ, земледѣльемъ занимаются 63% киргизскихъ хозяйствъ, причемъ на каждое приходится въ среднемъ 2,25 десятинъ посѣва. Однако, главнымъ промысломъ киргизъ является еще и теперь скотоводство, и основное богатство ихъ составляетъ скотъ [1]), какъ это видно изъ слѣдующей таблицы о распредѣленіи доходовъ въ киргизскомъ хозяйствѣ:

	Доходы (въ процентн. отнош.) отъ:		
	Скотоводства.	Земледѣлія.	Другихъ источниковъ.
По киргизскимъ бюджетамъ . .	73,76	13,96	12,28
„ крестьянскимъ „ . .	23,69	50,87	25,44

Такимъ образомъ, киргизское хозяйство извлекаетъ, почти 3/4 (73,76%) своего дохода отъ скотоводства, которое доставляетъ крестьянскому хозяйству менѣе 1/4 (23,69%) его общихъ доходовъ. Земледѣліе даетъ киргизскому хозяйству 1/7 (13,96%) дохода; крестьянское же—добываетъ изъ этого источника 1/2 (50,87%) своего ежегоднаго заработка. Изъ другихъ источниковъ дохода характерны для киргизскаго хозяйства „личные промыслы“, дающіе 2,96% дохода (11,13% для крестьянскаго хозяйства).

---

[1]) Если выразить численность всего скота въ переводѣ на цифру лошадей, то такихъ „единицъ-лошадей“ придется на:

	одно хозяйство.	одну душу.
По переписи	20,14	3,5
„ бюджетамъ	24,65	3,9

Эта средняя цифра сильно измѣняется въ зависимости отъ зажиточности даннаго хозяйства. Число „единицъ-лошадей“ различно въ различныхъ группахъ:

	На одно хозяйство.	На одну душу.
Въ группѣ безлошадныхъ	3,77	0,86
„ „ свыше 100 лошадей.....	287,85	34,75

Соотношеніе между владѣніемъ бѣдныхъ и богатыхъ группъ выразится въ цифрахъ: 1:75 и 1:40. Огромное большинство киргизъ приближаются къ категоріи маломочныхъ, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Группы хоз. по количеству лошад.	% хозяйствъ данной группы къ общему числу хозяйствъ.	Единицъ скота приходится: на одно хоз.	на одну душу.
I—III (отъ безлош. до 5 лошад.).....	60,52	отъ 3,77— 9,94	отъ 0,86— 1,79
IV (отъ 6 до 10 лош.).....	17,53	17,48	2,83
V—VIII (отъ 11 до 100 и болѣе лош.) .	21,95	„ 31,48—287,85	„ 4,67—34,75
	100%	20,14	3,5

Около 3/5 киргизъ можетъ быть, такимъ образомъ, отнесено къ маломочнымъ. Современное киргизское хозяйство подверглось сильной дифференціаціи, разслоившись на бѣдный и имущій слой. Первый составляетъ огромное большинство: 60,52% противъ 21,95%.

Преобладающей является натуральная форма дохода:

	Доходы: (въ процентахъ).	
	Натуральные.	Денежные
По киргизскимъ бюджетамъ . . .	61,36	38,64
„ крестьянскимъ „ . . .	54,80	45,20

Киргизское хозяйство, хотя и вступившее на путь дифференціаціи и перешедшее отъ чисто-кочевого скотоводческаго и натуральнаго характера къ смѣшанному, земледѣльчески-скотоводческому, все же остается, по преимуществу, натуральнымъ и значительно превосходитъ по своей примитивности крестьянское хозяйство Россіи.

Киргизы осѣли на землю. Привычное, старое представленіе о нихъ, какъ о вѣчно-кочующемъ народѣ, какимъ рисовала себѣ киргизъ комисія Булыгина, составляя положеніе о государственной думѣ, является простымъ анахронизмомъ и свидѣтельствуетъ лишь о невѣжествѣ нашей бюрократіи.

Всѣ киргизы живутъ 8—10 мѣсяцевъ въ году осѣдло на одномъ мѣстѣ. Киргизскій поселокъ называется „кстау“, отъ словъ „кс“—зима и „тау“—гора. Въ былое время, когда киргизы зиму проводили въ кошомныхъ юртахъ, они выбирали для зимняго времени защищенныя мѣста въ горахъ, отчего ихъ селенія и носили названіе „кстау“. Въ настоящее время, только самая незначительная часть киргизъ живетъ зимою въ кошомныхъ юртахъ въ своихъ „кстау“; послѣднія расположены въ полосѣ Голодной Степи, гдѣ малая производительность почвы гонитъ киргизъ зимою съ одного „кстау“ на другое, вынуждая оставаться въ юртѣ, въ этомъ символѣ кочевого быта.

О размѣрахъ киргизскаго поселка—„кстау“—свидѣтельствуетъ слѣдующая таблица, составленная на основаніи переписи 194,000 хозяйствъ въ 29,500 „кстау“ахъ, расположенныхъ въ такъ называемомъ Киргизскомъ краѣ, т. е. на территоріи, простирающейся отъ рѣки Урала до Алтая и отъ Сибирской жел. дор. до Аралокаспійской котловины:

Приходится на 1 кстау хозяйствъ:												
Въ Каркаралинскомъ у.	Въ Зайсанскомъ у.	Въ Атбасарскомъ у.	Въ Семипалатинск. у.	Въ Устькаменогор. у.	Въ Акмолинскомъ у.	Въ Кокчетавскомъ у.	Въ Павлодарскомъ у.	Въ Петропавловск. у.	Въ Омскомъ уѣздѣ.	Въ Кустанайскомъ у.	Въ Актюбинскомъ у.	Во всѣхъ уѣздахъ.
4	5	5	6	7	7	8	8	9	9	9	15	**7**

Приведенныя здѣсь цифры нѣсколько округлены (усѣчены дроби). Размѣры „кстау“, какъ это a priori можно было предполагать, варьируютъ въ зависимости отъ естественно-историческихъ условій уѣзда; въ его величинѣ какъ бы

фиксируется производительность пастбища и покоса. Тамъ, гдѣ покосъ сѣна даетъ возможность извлечь изъ почвы больше, нежели оставляя скотъ на подножномъ корму, размѣры „кстау“ возрастаютъ: такъ, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, занимающемъ горы Аралоиртышскаго водораздѣла и упирающемся съ юга въ озеро Балташъ, на 1 кстау приходится всего 4 хозяйства-семьи; въ Актюбинскомъ у., гдѣ почва по своимъ свойствамъ приближается къ черноземной Самарской губ., съ богатою ковыльной степью, на одно кстау приходится въ среднемъ 15 хозяйствъ. На Тарбагатаѣ (Зайсанскаго у.), Чингисѣ (Семипалатинскаго у.) и въ Голодной Степи (югъ Каркаралинскаго, Акмолинскаго и Актюбинскаго уу.) величина „кстау“ понижается до 2 и даже до 1 хозяйства,—а въ поемныхъ лугахъ Иртыша, Ишима, Нуры доходитъ до 20, 30, 50 и даже до 80 хозяйствъ, приближаясь, такимъ образомъ, къ размѣрамъ добраго крестьянскаго поселка. Киргизское „кстау“ представляетъ собой, подобно крестьянской сельской общинѣ, элементарную земельную единицу. Важнѣйшія угодья—покосы на сѣверѣ, запасныя, охраняемыя на черный день пастбища—„корыкъ“ на югѣ и овечье пастбище, такъ называемый „койболыкъ“,—находятся въ исключительномъ пользованіи и владѣніи „кстау“. Писанный законъ считаетъ эти угодья, какъ и всю киргизскую землю, казенными, предоставленными лишь въ пользованіе кочевниковъ; но это, однако, нисколько не мѣшаетъ киргизамъ арендовать, дарить, завѣщать, продавать другъ другу покосы, „корыкъ“ и овечьи пастбища. Въ горахъ Тарбагатай, Чингисъ и др. покосы, а иногда и овечье пастбище подѣлены въ предѣлахъ „кстау“ между отдѣльными хозяйствами, и каждое изъ нихъ распоряжается своею долей на правахъ частной собственности. Далѣе, слѣдующая категорія пастбищъ находится въ совмѣстномъ пользованіи 2—3 и болѣе „кстау“. Такая группа „кстау“ въ статистической литературѣ получила названіе „общинно-аульной“, представляющей послѣдующую за „кстау“ поземельную единицу въ киргизскомъ быту.

Киргизы группируютъ свои пастбища по времени пользованія ими и по ихъ относительной важности: на зимнее, осеннее, весеннее и лѣтнее.

Первыя три категоріи находятся въ пользованіи отдѣльныхъ „общинно-аульныхъ группъ“. Лѣтними же пастбищами сообща пользуются одна, двѣ и болѣе „группъ“. Величина „общинно-аульной группы“, какъ и размѣры отдѣльнаго „кстау“ опредѣляются производительностью почвы и богатствомъ пастбища, но зависитъ она также и отъ того, въ какой мѣрѣ крѣпко въ данной мѣстности родовое начало: чѣмъ прочнѣе и устойчивѣе оно, тѣмъ шире (при прочихъ равныхъ условіяхъ) предѣлы.

Въ 3.600 „общинно-аульныхъ группахъ“ одинадцати уѣздовъ было 143.000 хозяйствъ.

Уѣзды.	Въ Кончетавскомъ	„ Павлодарск.	„ Семипалат.	„ Каркал.	„ Омскомъ	„ Акмолинск.	„ Петропавл.	„ Атбасарск.	„ Кустанайск.	„ Устькам.	„ Актюбинск.	Во всѣхъ
Приходится на 1 общ.-аульн. гр. хозяйствъ—семей.	25	28	29	33	36	37	41	45	59	64	107	*40*
Приходится на 1 общ.-аульн. гр. „кстау“.	3	3	5	8	4	5	4	9	6	9	7	*6*

Въ среднемъ на одну общинно-аульную группу приходится 40 хозяйствъ или 6 „кстау“. Три главныхъ вида киргизскихъ пастбищъ: зимнее, осеннее и весеннее находятся во владѣніи и пользованіи общинно-аульной группы, которая соотвѣтствуетъ крестьянской сложной общинѣ, пользующейся сообща пашнею, покосами или поскотиною. На территоріи общинно-аульной группы киргизы проводятъ отъ 8 до 10 мѣсяцевъ въ году, покидая ее весною на 2—4 мѣсяца и возвращаясь обратно осенью. Пастбища на лѣтнихъ стоянкахъ находятся въ общемъ пользованіи многихъ общинноаульныхъ группъ. Раіонъ кочевокъ съ каждымъ годомъ сокращается. Въ сѣверной части киргизскаго края лѣтнія стоянки расположены на границѣ зимней территоріи, въ разстояніи 2—5 верстъ отъ усадьбы; здѣсь киргизы кочуютъ въ теченіе всего лѣта по одному разу, и, такимъ образомъ, отъ былой кочевки на 500—1.000 верстъ остается одно лишь воспоминаніе. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ еще сохранились значительныя лѣтнія кочевки—въ 50—100—500 верстъ, встрѣчаются киргизы, владѣющіе малымъ количествомъ рабочаго скота, а потому весь годъ живущіе на зимней территоріи „кстау“ и совершенно не кочующіе. Эти осѣдлые киргизы носятъ названіе „джатакъ“ (лежачихъ).

Въ 10 уѣздахъ киргизской степи на 170.000 хозяйствъ приходилось 10.789 или 6,3% осѣдлыхъ хозяйствъ—джатаковъ.

Въ процентахъ—джатаки составляютъ въ уѣздахъ.	Кустанайскомъ	Павлодарск.	Акмолинск.	Каркарал.	Атбасарск.	Петропавл.	Кокчетавск.	Устькамен.	Семипалат.	Зайсанскомъ.	Во всѣхъ
	0.74	3.16	4.3	4.4	6.4	4.64	4.65	9.99	11.5	13.5	*6.3*

Въ двухъ уѣздахъ: Омскомъ и Актюбинскомъ, кочевки въ такой мѣрѣ сохранились, что джатаки не отличаются отъ прочаго населенія.

Выходя весною на лѣтнюю стоянку, киргизы соединяются въ аулы; аулъ состоитъ, слѣдовательно, или изъ одного „кстау“, или изъ нѣсколькихъ соединяющихся вмѣстѣ по хозяйственнымъ соображеніямъ: для найма пастуховъ, охраны покосовъ, взаимнаго обмѣна рабочимъ скотомъ во время кочевки и т. д. Такой лѣтній аулъ носитъ названіе „котанъ“. Понятно, что въ созданіи „котана“ важную роль играетъ общность лѣтнихъ водопоевъ и пастбищъ.

Такимъ образомъ, схема соціально-хозяйственной структуры киргизскаго населенія выражается въ слѣдующемъ видѣ: основной ячейкою ея, какъ и всюду, является киргизская семья — дворъ, „чангаракъ“; объединенныя общностью наиболѣе важныхъ въ хозяйствѣ угодій, „чангараки“ образуютъ киргизскій поселокъ „кстау“ или „хозяйственный аулъ“, какъ ихъ именуетъ статистическая литература; отдѣльныя „кстау“, объединенныя также общностью землепользованія, слагаются въ болѣе сложную поземельную общину— „общинно-аульную группу“. Какъ хозяйственный аулъ, такъ и общинно-аульная группа возникли подъ покровительствомъ рода и поддерживаются родовой связью, и потому обѣ эти формы соціально-хозяйственной жизни киргизъ совпадаютъ пока съ родомъ, хотя основа ихъ жизнеспособности кроется въ потребностяхъ землепользованія.

Какъ надъ русскимъ Иваномъ Босыхъ, такъ и надъ киргизомъ царитъ „власть пастбища“.

II.

Политическій строй киргизъ регламентируется особыми, спеціально для киргизскаго населенія изданными законами: „Степнымъ и Туркестанскимъ Положеніями“. Киргизское населеніе разбито на аульныя общества, (сельскіе сходы), заключающія отъ 100 до 200 „податныхъ кибитокъ“— семей; не менѣе 70 аульныхъ обществъ составляютъ волость. Слѣдующей за волостью единицей является уѣздъ. На каждое трехлѣтіе аульный сходъ абсолютнымъ большинствомъ избираетъ аульнаго (сельскаго старосту), который является также сборщикомъ податей; въ должности утверждаетъ его крестьянскій начальникъ. Служба аульнаго настолько обременительна и сопряжена, при нашихъ политическихъ условіяхъ, съ такими униженіями, что киргизы прозвали аульнаго „дозахы“ — адскимъ жителемъ. Тотъ же сходъ избираетъ абсолютнымъ большинствомъ на каждыя 50 кибитокъ одного выборнаго; съѣздъ волостныхъ выборныхъ такимъ же большинствомъ избираетъ народныхъ судей—по одному на аульное общество, волостного управителя (волостного старшину) и кандидата на эту должность. Народный судья рѣшаетъ дѣла

на основаніи обычнаго права; жалованья онъ не получаетъ, но пользуется извѣстнымъ процентомъ съ суммы иска. Уголовныя преступленія, грозящія лишеніемъ правъ, какъ и дѣла между киргизомъ и некиргизомъ, изъяты изъ компетенціи киргизскаго народнаго суда и рѣшаются имперскими судами. Народный судья и управитель утверждаются губернаторомъ. Впрочемъ, по представленію крестьянскаго начальника, губернаторъ можетъ утвердить управителемъ любого киргиза, хотя бы уже забаллотированнаго на выборахъ, и этотъ обходъ закона широко практикуется администраціей. Всѣ должностныя лица киргизскаго общественнаго управленія подчинены въ полицейскомъ отношеніи урядникамъ и уѣздному начальнику, а въ юридически-административномъ — крестьянскому начальнику (на уѣздъ — послѣднихъ приходится отъ 2 до 4).

Какъ и на другихъ окраинахъ Россіи, и въ киргизской степи искони ведется обрусительная политика. Русскіе чиновники здѣсь не блещутъ ни образовательнымъ цензомъ, ни знаніемъ мѣстныхъ условій [1]). Обычные спутники обрусительной политики—грубость, произволъ, безцеремонное третированіе всего того, что составляетъ святыню населенія, усугубляются въ степныхъ областяхъ тѣмъ, что правители не знаютъ языка народа и сносятся черезъ переводчиковъ, также лишенныхъ всякаго образовательнаго ценза. Наиболѣе ловкіе переводчики захватываютъ въ свои руки всю неограниченную власть уѣзднаго или крестьянскаго начальника и являются настоящими диктаторами своего уѣзда или участка. Не только бывшіе армейскіе офицеры, промѣнявшіе военную службу на должность уѣзднаго или крестьянскаго начальника, или разнаго рода неудачники, не окончившіе даже средней школы, попавшіе случайно въ правители киргизъ, но даже слѣдователь и судья нерѣдко становятся игрушкою въ рукахъ своихъ переводчиковъ. Штатныя должности переводчиковъ киргизскаго языка занимали (до 17 окт. 1905 г.) въ учрежденіяхъ, вѣдающихъ киргизскія дѣла, русскіе, незнающіе ни киргизскаго языка, ни киргизской грамоты. Это дѣлалось нарочно, какъ говорилъ пишущему эти строки старшій дѣлопроизводитель канцеляріи степного генералъ-губернатора: „сами киргизы должны возвыситься до насъ; мы же не обязаны учиться ихъ языку!“ Еще при Плеве крестьянскіе начальники не принимали прошеній на киргизскомъ языкѣ, и лишь дни свободы положили этому конецъ. Въ степныхъ областяхъ вся переписка и дѣлопроизводство, даже въ канцеляріи волостного управителя, ведутся на русскомъ языкѣ. Вся волость и самъ управитель въ рукахъ малограмотнаго писаря-дѣльца.

Изъ многолѣтней практики русскаго управленія киргизскій народъ

---

[1]) См. списокъ лицъ, служащихъ по вѣд. м. в. д. 1905 г. IV часть II. Спб.

вывелъ свои заключенія, которыя, въ формѣ народныхъ афоризмовъ, широко распространены въ степи. Такъ, киргизы говорятъ: „орысданъ досынболса, койнгда балсынъ“,—если имѣешь русскаго друга, то имѣй за пазухой топоръ; „орысъ нан джесе, ахча алады“—если русскій ѣстъ хлѣбъ, то онъ беретъ взятки; „казахъ тюлегень тюе, орысъ бута“, киргизъ—это линяющій верблюдъ, а русскій—кустарникъ“ (весною линяющій верблюдъ оставляетъ на кустахъ клочья собственной шерсти). Киргизка мать, унимая капризнаго ребенка, пугаетъ его, говоря: „орысъ кельды! орысъ кельды! каскыръ-кельды! каскыръ-кельды!“,—пріѣхалъ русскій! пріѣхалъ русскій! пришелъ волкъ! пришелъ волкъ! Какъ видно изъ приведенныхъ народныхъ поговорокъ, киргизы отождествляютъ съ чиновниками-волками (волкъ, какъ главный врагъ скотовода), не только русское правительство, но и всѣхъ вообще русскихъ.

Еще лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ киргизская степь приходила въ соприкосновеніе съ русскимъ народомъ только въ лицѣ чиновниковъ-правителей и на степныхъ ярмаркахъ—съ русскими купцами; послѣдніе, въ качествѣ рыцарей эпохи первоначальнаго накопленія, переживаемой киргизскою степью, не могли способствовать созданію лучшихъ отношеній между киргизами и русскими. Съ другой стороны, все возрастающее переселеніе русскихъ въ степь, борьба за землю между киргизомъ и переселенцемъ и грубыя формы, въ которыхъ эта борьба протекаетъ, немало углубляютъ и обостряютъ, установившійся и безъ того на почвѣ русскаго беззаконія, національный антагонизмъ.

На переселенческомъ вопросѣ, имѣющемъ столь роковое значеніе для всей жизни киргизъ и для ихъ дальнѣйшаго развитія, слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Переселенцы изъ Европейской Россіи заселяютъ, главнымъ образомъ, сѣверные уѣзды степныхъ областей. По губернаторскимъ отчетамъ за 1905 годъ насчитывалось:

Въ уѣздахъ и областяхъ.	Киргизъ.	Крестьянъ.	% отношеніе крестьянъ къ киргизамъ.
Актюбинскомъ и Кустанайскомъ.	230.707	86.376	37%
Тургайской обл.	422.401	93 732	22%
Петропавловскомъ, Омскомъ и Кокчетавскомъ . . .	214.696	148.941	69%
Акмолинской обл.	484.456	205.515	42%

Въ Тургайской области крестьяне составляютъ 22% или болѣе $^1/_5$ киргизъ, а въ сѣверныхъ уѣздахъ ея—37% или немного менѣе $^2/_5$ ихъ.

Въ Акмолинской обл. соотвѣтственныя отношенія равны 42% и 69%,

иными словами, численность крестьянскаго населенія въ этой области превышаетъ $^2/_5$, а въ сѣверныхъ ея уу. $^2/_3$—киргизскаго. За послѣдніе три года, особенно въ 1907 году, наплывъ переселенцевъ былъ особенно силенъ, такъ что приведенныя отношенія, значительно измѣнились въ пользу крестьянъ. Такъ, по даннымъ Переселенческаго Управленія, въ 1907 г. переселилось семей:

Въ Акмолинскую	область	12.000
„ Тургайскую и Уральскую	„	3.133
„ Сыръ-Дарьинскую . .	„	487
„ Семипалатинскую . . .	„	1.987
„ Семирѣченскую. . . .	„	1.211
что составляетъ въ общемъ . .		18.818

или 28,4% всѣхъ переселенцевъ, зарегистрированныхъ по 1-ое ноября 1907 г. въ Сызрани и Челябинскѣ. За одинъ 1907 годъ отведено подъ переселенческіе участки и отчуждено отъ киргизскихъ земель въ киргизской степи 54 тысячи душевыя доли (считая по 3 души обоего пола въ семьѣ) или 810 тысячъ десятинъ, въ томъ числѣ въ одной Акмолинской области 36 т. душевыхъ долей или 540 т. десятинъ, падающихъ, главнымъ образомъ, на сѣверные уѣзды области, гдѣ земельная тѣснота довела уже киргизъ, говоря канцелярскимъ языкомъ, до „сопротивленія властямъ“. Киргизы Кокчетавскаго уѣзда, подъ угрозою побоевъ, не допустили землемѣра Пересел. Управл. произвести повторное межеваніе для прирѣзки къ Всеволодскому участку. Это было въ іюнѣ 1907 года. Кто знаетъ классическое миролюбіе киргизскаго народа, тотъ пойметъ, какъ сильно должно было быть угнетеніе киргиза, терроризованнаго административною ссылкою и прекрасно освѣдомленнаго о томъ, что представляетъ собою чрезвычайная охрана, на положеніи которой тогда находился Кокчетавскій уѣздъ, чтобы этотъ покорный рабъ рѣшился на открытый протестъ въ такой рѣзкой формѣ. Земли ихъ были уже окружены съ 3-хъ сторонъ крестьянскими надѣлами; землемѣръ хотѣлъ отрѣзать ихъ и съ четвертой, открытой еще стороны, затянувъ, такимъ образомъ, надъ киргизами мертвую петлю. Этого осилить они не могли.

Киргизы признаютъ лишь естественныя границы земли: хребты горъ, луга, рѣки, озера, увалы, долины-водостоки. Крестьяне же, считая за предѣлъ владѣнія вспаханную борозду, совершенно не понимаютъ своихъ киргизскихъ сосѣдей. На этой почвѣ обычно и возникаютъ столкновенія, начинающіяся съ перехода киргизскаго скота чрезъ межу крестьянскаго надѣла и его потравы. Крестьяне загоняютъ скотъ, берутъ выкупъ, и притомъ, настолько круп-

ный, что киргизы стараются при первой же возможности уйти отъ такого сосѣдства куда-нибудь, хотя бы на новомъ мѣстѣ пришлось арендовать или покупать пастбища. И такъ какъ крестьяне злоупотребляютъ иногда своимъ правомъ и загоняютъ скотъ, пасущійся и не на ихъ землѣ, а лишь вблизи межи, на землѣ киргизъ, то послѣдніе стали сѣять хлѣбъ вокругъ крестьянскаго надѣла, окаймляя его, такимъ образомъ, своей пашней. Киргизы мстятъ переселенцамъ по—своему, выкрадывая у нихъ скотъ. Въ этомъ отношеніи между киргизами установилось своего рода молчаливое соглашеніе.

Въ 1901 г. въ одномъ крестьянскомъ поселкѣ Омскаго уѣзда безслѣдно пропало 109 овецъ,—случай невѣроятный въ киргизской степи, гдѣ нельзя скрыть покражу даже одной овцы. Но въ данномъ случаѣ это было возможно потому, что стадо принадлежало переселенцамъ. Судебныя учрежденія имѣли уже дѣло со случаями убійства киргизъ переселенцами на почвѣ поземельныхъ столкновеній. Всѣмъ памятны побоища между киргизами и крестьянами въ Петропавловскомъ уѣздѣ въ іюнѣ 1906 года. Въ этомъ столкновеніи принимали участіе сотни вооруженныхъ переселенцевъ и киргизъ; въ результатѣ — нѣсколько убитыхъ съ той и другой стороны.

Киргизы считаютъ всю степь своею; въ ней нѣтъ и пяди земли, на которой не пасся бы, въ то или иное время года, киргизскій скотъ; разумѣется, за исключеніемъ негодныхъ для пастбища мѣстъ, коими изобилуетъ киргизская степь. По закону же вся земля, на которой живутъ киргизы, считается, какъ уже выше было отмѣчено, казенною. По горькой ироніи судьбы право собственности на землю въ степи имѣютъ только нѣсколько лицъ изъ среды киргизъ, предкамъ которыхъ была пожалована земля за сомнительныя для киргизскаго народа заслуги.

Такимъ образомъ, удобныя для земледѣлія и лучшія земли—на законномъ основаніи отчуждаются отъ киргизскихъ владѣній, при чемъ коренное населеніе водворяется на новыя мѣста, а казна уплачиваетъ при этомъ только за сносимыя киргизскія постройки, если усадьба киргизъ попадаетъ въ надѣлъ переселенческаго участка. Чтобы не платить киргизамъ денегъ, чины переселенческаго управленія тщательно обходятъ усадьбы киргизъ на разстояніи нѣсколькихъ саженей, ставя межевые столбы на углу ихъ землянокъ, на колодцахъ, изъ которыхъ киргизы берутъ воду, и т. д. И это вѣрнѣйшій способъ заставить киргизъ уйти, не получивъ платы даже за постройки.

Въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія Министерство Земл. и Госуд. Имущ., нынѣ Главное Управленіе Земл.-Устр. и Земл., желая опредѣлить тотъ излишекъ земель, который, безъ ущерба киргизскому хозяйству, можетъ быть

отчужденъ подъ переселенческіе участки, снарядило статистическую экспедицію, во главѣ которой стоялъ статистикъ Ф. А. Щербина [1]).

Экспедиція, на основаніи своихъ богатѣйшихъ данныхъ, относящихся къ милліонамъ душъ киргизъ двѣнадцати уѣздовъ, расположенныхъ отъ р. Урала до Алтая и отъ Арало-Иртышскаго водораздѣла до линіи сибирской ж. д., приняла за норму для киргизскаго хозяйства отъ 18 до 24 единицъ скота и отъ 5 до 8 десятинъ годового пастбища на каждую единицу скота, что составляетъ 90—192 дес. земли на дворъ.

До послѣднихъ лѣтъ, при отчужденіи изъ киргизскихъ земель надѣловъ подъ крестьянскіе поселки, чины Переселенческаго Управленія считались съ этими нормами, еще повышенными надбавкою въ 25%.

Эта надбавка установлена была въ интересахъ защиты киргизъ, какъ коррективъ къ нормамъ упомянутой экспедиціи. Но и это не спасло киргизъ отъ потери существенныхъ угодій,—пашни, покоса и водопоя, отводившихся въ надѣлъ крестьянамъ. Впрочемъ, это были обычные въ русской жизни „маленькіе недостатки механизма“. Какъ ни обширна киргизская степь, лучшія земли ея заняты киргизскими кстау,—поселками, пашнями и покосами. И чины Переселенческаго Управленія вмѣсто того, чтобы самостоятельно изслѣдовать свойства почвы, просто отнимали пашни и пастбища у киргизъ, довѣряя агрономическимъ знаніямъ послѣднихъ и полагая, что занятыя ими земли должны оказаться пригодными для крестьянъ.

Благодаря такому оригинальному методу иные киргизы, трижды теряли свои пастбища и пашни, невольно играя роль развѣдочныхъ агентовъ Переселенческаго Управленія.

Вѣра въ агрономическія знанія киргизъ была до нѣкоторой степени полезна, но случались и ошибки, въ результатѣ которыхъ крестьянамъ приходилось бросать полученный надѣлъ, какъ непригодный для земледѣлія. Изъ киргизскихъ земель отводились не только участки для переселенцевъ, но и казенныя дачи. Въ свое время этотъ отводъ мотивировался высшими, такъ сказать, государственными соображеніями, охраною драгоцѣннаго въ киргизской степи лѣса, которымъ страна чрезвычайно бѣдна. Такъ какъ киргизскіе поселки расположены близъ лѣса, а покосы въ самомъ лѣсу, то чины лѣсного вѣдомства, какъ и ихъ товарищи изъ Переселенческаго Управленія,—виртуозы въ дѣлѣ обхода закона,—тщательно обхватили межою на разстояніи нѣсколькихъ саженей всю киргизскую осѣдлость, дѣлая ея хозяина вѣчнымъ объектомъ протоколовъ и штрафовъ; въ конечномъ результатѣ—киргизъ самъ уходилъ отъ такого житья.

---

[1]) Экспедиція собрала богатѣйшій матеріалъ по первобытной культурѣ киргизъ и издала матеріалы о киргизскомъ хозяйствѣ въ 13 томахъ.

Нынѣ государственныя соображенія относительно лѣсного богатства оставлены въ сторонѣ, и казенныя лѣсныя дачи, наравнѣ съ оброчными статьями, отданы подъ переселенческіе участки; лѣсу киргизской степи грозитъ совершенное истребленіе. Впрочемъ, когда горитъ домъ—бьютъ стекла.

Во время поѣздки по Сибири кн. Васильчикова, лѣтомъ 1907 года, степной генералъ-губернаторъ Надаровъ, по его предложенію, отмѣнилъ законъ о предварительномъ разсмотрѣніи отводимыхъ переселенцамъ участковъ во временной комисіи [1]). Киргизы съ этого времени лишены права и возможности даже обжаловать несправедливый отводъ, а переселенцы рискуютъ всегда сѣсть на негодный участокъ.

Въ настоящее время, упомянутая 25% надбавка къ киргизскимъ нормамъ уже игнорируется, что также является нарушеніемъ закона, создавая зато новые излишки для нарѣзки переселенческихъ участковъ. Какъ видно изъ одного доклада въ Переселенч. Упр., въ мартѣ 1907 года нормы Щербины были найдены высшими, и поэтому произведена повторная перепись киргизъ Кокчетавскаго уѣзда, гдѣ они испытываютъ наибольшее стѣсненіе въ землѣ и гдѣ послѣдняя въ наибольшемъ количествѣ отрѣзана для крестьянъ, которыхъ, по губер. обзору за 1905 годъ, было въ 88 пос.—83.945, или 40% всего крестьянскаго населенія области, въ то время какъ число киргизъ равнялось 86.969 душамъ обоего пола. Какъ было уже указано выше, за эти три года крестьянское населеніе значительно увеличилось въ этомъ уѣздѣ.

Нормамъ экспедиціи угрожаетъ, такимъ образомъ, опасность, и киргизы лишатся части тѣхъ земель, которыя имъ раньше были предоставлены на основаніи нормъ Щербины. Съ другой стороны, переселенческіе надѣлы уменьшены съ 15 десятинъ до 10, очевидно, съ той цѣлью, чтобы на мѣстѣ двухъ размѣстить трехъ.

Въ виду этихъ шаговъ, предпринятыхъ Переселенч. Упр., чтобы устроить въ киргизской степи наибольшее количество переселенцевъ, нельзя не удивляться торопливости депутата Маркова 2-го: въ переселенческой комисіи государств. думы онъ заявилъ, что киргизы — потомки ордъ Чингисхана и Тамерлана и что съ ними нужно поэтому поступать такъ, какъ поступали съ краснокожими въ Америкѣ [2]).

Свою рѣчь о Чингисханахъ и Тамерланахъ и о круговой порукѣ современныхъ киргизъ за ихъ давнишніе грѣхи, г. Марковъ позаимствовалъ у директора департамента земледѣлія Главнаго Упр. З. У. и З., г. Крюкова, высказавшаго такой взглядъ на киргизъ на совѣщаніи, бывшемъ въ мартѣ 1907 года при названномъ Управленіи.

---

[1]) „Рѣчь“ № 229, отъ 28 IX, 1907 г.

[2]) „Товарищъ“. № 442, отъ 6 декабря 1907 г.

Въ справочной брошюрѣ, изд. Переселенч. Упр. для депутатовъ государственной думы III созыва, на 13 стр. напечатано: „для множества крестьянскихъ хозяйствъ, стѣсненныхъ малоземельемъ и совершенно неподготовленныхъ для перехода къ улучшеннымъ способамъ землепользованія и земледѣлія, переселеніе представляетъ единственный (?) исходъ изъ тяжелаго экономическаго положенія". Правительство рѣшило поэтому „колонизовать" киргизскія степи маломочными крастьянами, неспособными къ улучшеннымъ пріемамъ хозяйства, надѣливъ ихъ 10-десятиннымъ душевымъ надѣломъ, чтобы на мѣсто двухъ посадить трехъ; съ законами, ограждающими права, киргизъ, при этомъ не церемонятся, и желанія г. Маркова въ сущности уже исполнены.

Особый вопросъ,—что ожидаетъ въ будущемъ крестьянъ и киргизъ? Лучшія земли сѣвернаго раіона киргизской степи сходны съ землями Самарской губ. Въ 80-ыхъ г.г. степь служила мѣстомъ колонизаціи и даже числилась въ ряду многоземельныхъ губ. Нынѣ—она сама даетъ ежегодно не менѣе 6—9 тыс. душъ переселенцевъ. При спѣшномъ и массовомъ переселеніи крестьянъ въ киргизскую степь весьма возможно, что ея цѣлина будетъ выпахана раньше, нежели крестьянское хозяйство успѣетъ принять болѣе интенсивную форму. Киргизская степь, лишившись вѣковой цѣлины, окажется безплодной и, при современной техникѣ крестьянскаго хозяйства, перестанетъ давать урожаи. Здѣсь повторятся знакомые неурожаи юговосточной Россіи. Распыливъ превосходныя пастбища киргизской степи и обративъ ее въ пустыню, крестьянинъ окажется у разбитаго корыта, а киргизы, лишившись къ тому времени своихъ пастбищъ, окончательно обнищаютъ, если только, пролетаризованные новыми условіями жизни, они не переселятся на горные заводы и въ города.

III.

Перейдемъ теперь къ той культурно-политической обстановкѣ, въ которой складывалась жизнь киргизской народности.

Кровная связь между тюркскими племенами, вошедшими въ составъ такъ называемой большой, средней и малой орды, крѣпко держится съ давнихъ поръ. На вопросъ „кто ты?" каждый киргизъ отвѣтитъ: „ушъ джуздынгъ баласымызъ", т. е. „мы дѣти трехъ ордъ". Если вопросъ исходитъ отъ киргиза же, то вопрошаемый назоветъ одну изъ ордъ или какой либо родъ изъ ихъ среды. Каждый киргизскій родъ имѣетъ свой боевой кличъ—по имени самаго популярнаго въ немъ лица, жившаго когда-либо. У казаховъ такимъ кличемъ стало имя миѳическаго лица Алаша.

Въ XVIII вѣкѣ въ киргизской степи чрезвычайною популярностью пользовался ханъ казаховъ *Аблай*, и въ средней ордѣ (Семипалатинская и Акмолинская обл.) это имя стало боевымъ кличемъ. Остаться дома, когда раздается родовой боевой кличъ, считается величайшимъ позоромъ, — и кто имъ отмѣченъ, за того ни одинъ честный киргизъ не выдастъ своей дочери. Кличъ Аблай распространенъ даже среди сибирскихъ казаковъ — русскихъ. Одинъ изъ нихъ, провожая сына на японскую войну, давалъ ему да же напутствіе: „Аблай! Аблай! депъ кійпкетъ!“, т. е. „Аблай! Аблай! нападай“!

Благодаря стараніямъ обрусительной политики правительства, съ одной стороны, и пропаганды ислама—съ другой, старое родовое объединеніе киргизской народности получило религіозно-политическій характеръ.

Киргизы, еще недавно, въ половинѣ XIX вѣка были довольно равнодушны къ религіи, въ частности, къ исламу. Въ Мекку ѣздили тогда лишь единичныя личности, въ то время, какъ въ 1905 году въ одномъ только Омскѣ изъ канцеляріи степного ген.-губ. для поѣздки въ Мекку получили заграничные паспорта 500 человѣкъ. И это при наличности такихъ незаконныхъ препятствій, какъ лишеніе права на поѣздку въ Мекку тѣхъ, за чьею волостью есть недоимки.

Бывало и такъ, что сердобольный крестьянскій начальникъ не пускалъ въ Мекку киргиза, находя, что у него для этого слишкомъ мало средствъ, и судилъ онъ объ этомъ на основаніи данныхъ, записанныхъ въ податной тетради, гдѣ, какъ извѣстно и самому крестьянскому начальнику, фигурируютъ завѣдомо ложныя цифры. Въ видахъ воспрепятствованія пропагандѣ ислама администрація изгоняла изъ киргизской степи всякаго татарина; гонимый пріобрѣталъ, благодаря этому ореолъ мученичества, оставаясь преспокойно въ степи, такъ какъ киргизы его скрывали.

Администрація требовала, чтобы въ киргизскихъ мектебахъ—національныхъ начальныхъ школахъ — учитель зналъ русскій языкъ. Для того, чтобы открыть школу или построить мечеть, требовалось особое разрѣшеніе, которое, обыкновенно не давалось.

Въ результатѣ этого, и мектебы, и мечети устраивались нелегально.

Подъ молельни стали строить дома безъ минаретовъ, чтобы скрыть ихъ отъ взора полиціи.

Нужно замѣтить, что въ вопросахъ религіи и политики низшіе агенты полиціи и администраціи, избираемые изъ среды самихъ же киргизъ, дѣйствуютъ въ согласіи съ послѣдними: они также чувствуютъ себя сынами даннаго народа, такъ что тайныя школы и молельни остаются неизвѣстными только уѣзднымъ и крестьянскимъ начальникамъ и высшему начальству.

Въ киргизской степи работаютъ православные миссіонеры, но результаты ихъ дѣятельности ничтожны. Православіе принимаютъ или малолѣтнія безпріютныя сироты, оторвавшіяся отъ степи и случайно оказавшіяся въ русскихъ селеніяхъ, или влюбленная пара—женихъ и невѣста, чтобы, перейдя въ православіе, получить свободу. Понятно, что такихъ новообращенныхъ въ православіе, не можетъ быть много, такъ какъ въ степи призрѣніе сиротъ лежитъ на обязанности рода, и общественное мнѣніе не признаетъ свободы выбора жениха и невѣсты.

Лѣтъ 6 тому назадъ, по доносу волостного писаря, уволеннаго киргизомъ-управителемъ, администрація познакомилась впервые съ киргизскою прокламаціею, напечатанною на гектографѣ и получившею широкое распространеніе въ степи. Въ этой первой киргизской прокламаціи, авторы на арабскомъ и киргизскомъ языкахъ призывали дѣтей *Алаша* подняться, какъ одинъ человѣкъ, противъ посягательствъ русскаго правительства на религію—исламъ и противъ попытки обратить киргизскій народъ въ „крестьянъ“ и православную вѣру. Эта основная идея прокламаціи богато иллюстрировалась частными фактами обрусительной политики. Авторы прокламаціи, усмотрѣли желаніе обратить киргизъ въ „крестьянъ“ въ томъ, что съ 1902 года въ Акмолинской области введенъ институтъ „крестьянскихъ“ начальниковъ; свои опасенія относительно обращенія въ православіе они строили на томъ, что тогда же въ Акмолинской области стали открывать для киргизскихъ мальчиковъ аульныя школы, въ которыхъ киргизскихъ дѣтей обучали киргизскому письму въ русской транскрипціи; арабскія же буквы, которыми пользуются киргизы, изгонялись изъ употребленія. Киргизы, видя въ этомъ покушеніе на свою грамоту и на священную книгу—коранъ—просили у администраціи преподавать въ аульныхъ школахъ ученіе ислама и грамоту по-киргизски. Въ этой просьбѣ имъ было отказано. Тогда киргизамъ оставалось лишь признать справедливость того, что говорили о намѣреніяхъ правительства авторы прокламаціи [1]).

---

[1]) Вотъ еще небольшая иллюстрація той политики, которая до сихъ поръ царитъ въ киргизской степи: „Омская духовная консисторія имѣетъ честь покорнѣйше просить И. И. объявить киргизу ввѣреннаго Вамъ уѣзда, А. волости, К—у Б—у, что на прошеніе его, препровожденное на имя Его Преосвященства, г. мировымъ судьею А.—скаго уѣзда 23 марта за № 238, о привлеченіи къ отвѣтственности А—скаго священника, оскорбившаго его и мухаммеданскую вѣру, резолюція Архипастыря 4 апрѣля за № 124 послѣдовала такая: „дерзкій клеветникъ киргизъ забылъ, что онъ живетъ не въ Турціи, а въ Россіи православно-христіанской. Оставить безъ послѣдствій“. Въ глубокой степи, за 700 верстъ отъ Сибирской ж. д., сидя въ гостепріимной юртѣ богатаго киргиза, я разсказывалъ собравшимся старикамъ и молодежи о русскихъ писателяхъ и, въ частности, о Л. Н. Толстомъ. Хозяинъ дома, богатый вліятельный киргизъ, выслушавъ меня, улыбнулся, попросилъ жену достать его шкатулку, гдѣ онъ держитъ свой архивъ

Въ связи съ этою прокламаціею были произведены впервые политическіе обыски въ киргизской степи у извѣстнѣйшихъ киргизъ, у муллъ и учителей; были арестованы библіотеки и переписка, возвращенныя только въ дни свободы, спустя 2 — 3 года. Изъ Кокчетава были административно высланы извѣстнѣйшій во всей киргизской степи ученый — мулла Наузбай Паласовъ со своими учениками. Науанъ (подъ этимъ не переводимымъ ласкательнымъ именемъ онъ извѣстенъ въ степи) 15 лѣтъ учился въ Бухарѣ, кончилъ тамъ высшую школу и сдѣлалъ блестящую ученую карьеру, исключительно благодаря своему необычайному дарованію. Онъ былъ сыномъ бѣднаго киргиза Кокчетавскаго уѣзда, и въ Бухару поѣхалъ, какъ нѣкогда Ломоносовъ въ Москву. Въ Бухарѣ Науанъ занималъ мѣсто преподавателя въ высшей школѣ, откуда его вызвали кокчетавскіе киргизы, послав̀ъ особыхъ делегатовъ. Если бы правительство сознательно пожелало отдалить киргизскій народъ отъ русскаго просвѣщенія и толкнуть его въ объятія панисламизма, то ничего лучшаго нельзя было для этого и придумать, какъ начать преслѣдованія противъ популярнаго Науана.

Въ недавно еще поголовно безграмотной киргизской степи, нынѣ часто встрѣчаются ученые муллы типа Науана, окончившіе высшія мусульманскія школы въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Константинополѣ, Казани и др мусульманскихъ центрахъ. Трудно сказать, какой % киргизъ грамотенъ, такъ какъ обученіе у нихъ ведется тайно, и свѣдѣнія не попадаютъ въ статистическую литературу. Губернаторскіе отзывы совершенно не отмѣчаютъ киргизскихъ національныхъ школъ грамоты; о нихъ впервые даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія экспедиція г. Щербины. По губернаторскимъ обзоромъ за 1905 г. было:

Въ областяхъ.	Аульн. школъ.	Учащихся.
Семирѣченской	13	257
Семипалатинской . . .	27	?
Акмолинской	14	301
Тургайской	94	1.672

Въ этомъ числѣ ничтожный % приходится на долю дѣвочекъ. Таково положеніе низшихъ школъ въ киргизской степи, гдѣ дѣтей обучаютъ русскому языку. Число киргизъ, обучающихся въ городахъ совершенно ничтожно; въ сред-

---

и, вынувъ оттуда бумагу, передалъ мнѣ. Съ нея я и снялъ выше-приведенную копію. Оказалось, что всѣ киргизы знали ея содержаніе и, не желая обидѣть подозрѣніемъ мой разсказъ, они выказали мнѣніе, что всѣ „они“, т. е. русскіе писатели, вѣроятно *нерусскіе*, особенно Л. Н. Толстой. Всѣ они должно быть мусульмане, иначе и быть не можетъ. „Кто знаетъ, они, можетъ быть, киргизы“, замѣтилъ одинъ старикъ.

нихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ—ихъ очень мало,—окончившихъ высшее образованіе можно, говоря фигурально, перечислить по пальцамъ.

По даннымъ экспедиціи г. Щербины было:

Въ уѣздахъ:	Учителей-Муллъ.	Изъ нихъ приходится на 1.000 д. о. п.
Въ Устькаменогорскомъ . . .	97	6,4
„ Павлодарскомъ	261	1,9
„ Каркаралинскомъ . . .	134	1,3
„ Петропавловскомъ . . .	154	2,3
„ Омскомъ	167	4,4
„ Кокчетавскомъ	164	2,
„ Акмолинскомъ	267	2,4
„ Атбасарскомъ	97	1,3
„ Актюбинскомъ	259	2,5
„ Кустанайскомъ	159	1,4

Нельзя не пожалѣть о томъ, что экспедиція разработала данныя о числѣ грамотныхъ и учащихся только въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ. Въ нихъ приходилось на 1.000 д. о. п.:

	Грамотныхъ.		Учащихся.	
	По-кирг.	По-русски.	По-кирг.	По-русски.
въ Актюбинскомъ уѣздѣ .	42,3	2,7	94	1,5
„ Кустанайскомъ „ .	38	3,6	19	0,97,

въ томъ числѣ ничтожный процентъ приходится на грамотныхъ учащихся женскаго пола.

Судя по приведеннымъ даннымъ, уровень грамотности въ степи весьма невеликъ, но трудно предположить, чтобы экспедиціею было учтено число всѣхъ учащихся и учителей, такъ какъ условія нелегальнаго преподаванія врядъ ли способны расположить къ откровенности. Нельзя не обратить вниманія на процентное отношеніе между учащимися въ національной школѣ нелегальной и въ школѣ правительственной: въ Актюбинскомъ уѣздѣ оно равно 62,6 и въ Кустанайскомъ—19,6.

Обрусительная политика даетъ повсюду одни и тѣ же результаты.

На киргизскомъ языкѣ пока нѣтъ ни одной газеты [1]), точно также киргизы

[1]) Русскія газеты (только лѣвыя до ка-де включительно) выписываются въ степи единицами или десятками людей. Послѣ роспуска I Думы безплатно посылались въ киргизскую степь черносотенныя газеты, но киргизы оказались къ нимъ равнодушными, и нѣкоторые вспоминали по этому поводу народный афоризмъ о волкѣ, который, найдя на дорогѣ отравленный кусокъ сала, обошелъ его, говоря: „тяжелъ и вкусенъ ты, кусокъ сала, однако, по какой загадочной причинѣ оказался ты лежащимъ на дорогѣ?“.

*

не располагаютъ до сихъ поръ своею типографіей. Мысль о томъ и другомъ возникала въ киргизской степи въ счастливые дни свободы, но не осуществилась.

Въ киргизской степи въ большомъ количествѣ выписываются татарскія газеты и книги татарскихъ издателей; за послѣдніе годы, начиная съ 1905, вышло изъ татарскихъ типографій нѣсколько книжекъ на киргизскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ; авторы ихъ киргизы.

IV.

Киргизская степь покорно несла иго беззаконія, глубоко затаивъ ненависть и злобу. Не безъ зависти слушала она бродячаго выходца изъ Туркестана и Турціи, повѣствовавшаго о великомъ халифѣ—султанѣ турецкомъ, о справедливости царящей въ его царствѣ и благоденствіи его народа. Разсказчикъ, изучившій киргизскую жизнь, зналъ чѣмъ привлечь вниманіе слушателей: говорилъ слѣпому о свѣтѣ, глухому о музыкѣ, а киргизамъ о справедливости и законѣ, властвующемъ будто-бы въ Турціи и въ прочихъ мусульманскихъ странахъ.

Степь слушала эти разсказы съ глубокой завистью къ подданнымъ восточныхъ деспотовъ.

Началась русско-японская война. Крестьянскіе начальники, желая проявить патріотизмъ, принялись собирать у подчиненныхъ деньги въ пользу раненыхъ; по существу, это былъ полупринудительный сборъ, который не вызвалъ въ киргизахъ симпатій къ правительству.

Телеграммы приносили вѣсти о непрерывныхъ японскихъ побѣдахъ. Степь, знавшая со словъ бродячаго апологета ислама о томъ, что все хорошее и справедливое связано съ исламомъ, и на опытѣ обрусительной политики также убѣдившаяся, что ничего хорошаго не можетъ быть внѣ ислама,—живо восприняла легенду о томъ, будто японцы—это тѣ же мусульмане, съ которыми киргизы соединены родственною національною связью. Послѣднее обстоятельство, по ихъ мнѣнію, подтверждалось сходствомъ японскихъ портретовъ съ типомъ киргизскаго лица. Все это вызывало въ нихъ глубокій интересъ къ войнѣ. Въ степь впервые стали проникать въ большомъ количествѣ русскія газеты, не говоря уже о татарскихъ.

При такихъ обстоятельствахъ степь, пропустившая мимо ушей указъ 12 декабря 1904 года, эпоху банкетовъ,—съ восторгомъ встрѣтила рескриптъ 18 февраля: о созывѣ „довѣріемъ народа облеченныхъ людей“ и о разрѣшеніи подавать петиціи по вопросамъ о народныхъ нуждахъ. Вся степь была вовлечена въ сферу политики и захвачена потокомъ освободительнаго

движенія. Началась оживленная переписка о нуждахъ киргизскаго народа. Указъ 17 апрѣля о вѣротерпимости еще болѣе приподнялъ настроеніе. Весною 1905 года, съ наступленіемъ привольной жизни, въ степи на лѣтнихъ стоянкахъ начались съѣзды, на которыхъ обсуждались мѣстныя нужды и нужды всей киргизской народности. Всѣ большія степныя ярмарки этого года стали ареной киргизскихъ политическихъ съѣздовъ, гдѣ киргизы обсуждали и подписывали, поданныя потомъ на Высочайшее имя, петиціи. На этихъ же съѣздахъ были избраны делегаты, уполномоченные лично подать эти петиціи.

Религіозные и земельные вопросы стояли у киргизъ впереди вопросовъ политической свободы.

Въ составленіи петиціи принимала участіе, съ одной стороны, интеллигенція, воспитанная на русской литературѣ, вѣрующая въ европейскую культуру, видящая счастье родины въ здоровомъ претвореніи плодовъ западной культуры и считавшая религіозные вопросы второстепенными, при наличности обѣщанной 17 апрѣля свободы вѣротерпимости. Съ другой стороны, выступала и интеллигенція, воспитывавшаяся въ духѣ восточной ортодоксіи и національно-религіозной исключительности. Эта послѣдняя выдвигала религію на первый планъ; въ мусульманской схоластикѣ она видѣла и продолжаетъ видѣть современную науку, которой никто и никогда не превзойдетъ; киргизскій народъ, и вообще магометанъ, она ставитъ выше всѣхъ народовъ, искренно и сознательно отождествляя религіозное единство съ единствомъ національнымъ. Если провести нѣкоторую аналогію съ русскою интеллигенціею, то первую группу киргизской интеллигенціи можно было бы назвать *западниками*, а вторую *тюркофилами* и поборниками *панисламизма*. Какъ показали киргизскіе съѣзды (замѣчу въ скобкахъ,— тайные), широкія массы, какъ вездѣ, были нейтральны къ вопросамъ политическимъ и обнаруживали только нѣкоторый интересъ къ вопросамъ религіознымъ, на которыхъ и базируютъ наши тюркофилы-панисламисты. Но даже въ наиболѣе активныхъ слояхъ киргизскаго народа тюркофилы были въ большинствѣ. Благодаря обрусительной политикѣ, до сихъ поръ царящей въ киргизской степи, послѣдняя съ подозрѣніемъ относится къ западному просвѣщенію и культурѣ.

Въ іюнѣ 1905 года въ центрѣ киргизской степи, въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, на кояндинской ярмаркѣ 14.500 киргизами была отправлена на имя предсѣдателя Комитета министровъ петиція, въ которой, между прочимъ, говорилось слѣдующее:

„Не считаясь ни съ интересами народа, ни съ его историческими правами, преслѣдуя лишь одну обрусительную политику, мѣстная администрація стремилась къ уничтоженію всего того, что не согласовалось съ этой полити-

кой. Правительство совсѣмъ упустило изъ виду, что киргизскія степи не завоеваны, а добровольно присоединились къ Россіи. Киргизы приняли русское подданство въ видахъ внѣшней защиты, не предполагая какого-либо вмѣшательства во внутреннія дѣла. Въ насильственномъ же вторженіи государства въ сферу религіозныхъ дѣлъ киргизы видѣли и видятъ явное посягательство на ихъ вѣру и относятся съ недовѣріемъ къ дѣйствію правительства...

„Считая землю своею собственностью, пріобрѣтенною кровію отцовъ, киргизы, при вступленіи въ русское подданство, не подумали, что государство позволитъ себѣ посягнуть на частную собственность; между тѣмъ, русское правительство создало законы, по которымъ безъ всякой мотивировки, просто по праву сильнаго, всѣ киргизскія степи признаются государственною собственностью, послѣдствіемъ чего создалось переселенческое движеніе въ киргизкія степи, и самые лучшіе участки земли перешли къ переселенцамъ, а худшіе—остались за киргизами“...

„Говоря короче, введеніе въ странѣ степного положенія, созданнаго бюрократическимъ путемъ, безъ всякаго соображенія съ истинными потребностями населенія, неуваженіе къ закону со стороны власти, ставящей на мѣсто послѣдняго свое усмотрѣніе, полное пренебреженіе къ правамъ личности, административное насиліе, вторгающееся во всѣ стороны жизни, пренебреженіе къ духовнымъ и экономическимъ интересамъ киргизъ, искусственно поддерживаемое невѣжество народной массы—все это привело населеніе къ обѣднѣнію, а его культурное развитіе къ застою“.

Благодаря побѣдѣ тюркофиловъ, которыхъ поддерживало активное большинство народа, пункты петиціи начинались съ требованія освободить киргизское духовенство отъ подчиненія мин. внутр. дѣлъ и создать особый духовный органъ, либо-же подчинить киргизское духовенство оренбургскому мезортіату; затѣмъ слѣдовалъ пунктъ о землѣ, и, въ самомъ концѣ, говорилось о необходимости созыва государственной думы и участія въ ней депутатовъ отъ киргизъ.

Настали незабвенные дни свободы. Манифестъ 17 октября былъ переведенъ на киргизскій языкъ, при содѣйствіи стараго цензора вице-губернатора напечатанъ въ акмолинской областной типографіи и разосланъ по всей киргизской степи. Киргизы, живущіе въ городахъ, ликовали, получивъ телеграммы съ краткимъ изложеніемъ манифеста. По степи и въ степныхъ городахъ начались впервые публичные митинги. Въ городахъ киргизы присоединились къ ликующей интеллигенціи, говорившей о равенствѣ всѣхъ, о свободѣ совѣсти, о народовластіи. Киргизы впервые услышали изъ устъ русскихъ подобныя рѣчи, и краеугольный камень будущаго сближенія обѣихъ народовъ тѣмъ уже былъ заложенъ. Киргизы увидѣли, что не всѣ русскіе похожи

на ихъ старыхъ знакомыхъ, вѣками дискредитировавшихъ въ степи имя русскаго народа.

Начались выборы въ государственную думу. Съѣзды такъ наз. выборныхъ избирали въ киргизской степи выборщиковъ, которые, какъ было раньше указано, въ свою очередь, избираются на каждое трехлѣтіе для выборовъ должностныхъ лицъ киргизскаго общественнаго управленія. Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что киргизы вѣчно враждуютъ между собою, добиваясь избранія на эти должности и потому выборамъ въ государственную думу угрожала величайшая опасность: они могли ограничиться обычными мелкими раздорами и сведеніемъ личныхъ счетовъ. Но свобода передвиженія въ киргизской степи, ея способность быстро распространять и разносить повсюду всякія вѣсти и связанная съ этими благопріятными условіями возможность широкой политической агитаціи,—устранили эту опасность.

Въ степи появились рукописные переводы политическихъ листковъ. Изъ „Биржевыхъ Вѣд.“ былъ перепечатанъ, переведенный на киргизскій языкъ, краткій катехизисъ партіи народной свободы, и кто-то даже переложилъ этотъ переводъ на стихи. На сходѣ, собранномъ крестьянскимъ начальникомъ, убѣждавшимъ киргизъ не особенно увлекаться манифестомъ и агитаторами, сидящими въ тюрьмахъ, выступилъ пѣвецъ или симулянтъ-юродивый и распѣвалъ катехизисъ партіи народной свободы. Въ рамкахъ казеннаго схода велась живая агитація.

* * *

Въ массѣ киргизскаго населенія политическія партіи находятся еще въ зачаточномъ состояніи. Политическіе взгляды избирателей еще аморфны и не успѣли вылиться въ опредѣленную программу. Какъ и всѣ окраины, испытавшія на себѣ тяжесть обрусительной политики, киргизская народность настроена оппозиціонно къ правительству стараго режима и тяготѣетъ къ русскимъ оппозиціоннымъ партіямъ. Въ ближайшемъ будущемъ, въ степи, вѣроятно, сорганизуются двѣ политическія партіи, соотвѣтственно двумъ политическимъ направленіямъ, складывающимся въ киргизской средѣ. Одно изъ нихъ можетъ быть названо національно - религіознымъ, и идеаломъ его является религіозное единеніе казаховъ съ прочими мусульманами. Другое, западническое направленіе, видитъ будущее киргизской степи въ сознательномъ претвореніи западной культуры—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Первое, вѣроятно, возьметъ за образецъ мусульманскія—татарскія партіи, а второе—оппозиціонныя русскія, въ частности, партію народной свободы.

Въ I и II думѣ всѣ депутаты-киргизы примкнули къ мусульманской фракціи и фракціи народной свободы.

Законъ 3 іюня 1907 г. лишилъ $4^1/_4$ милліонную киргизскую народ-

ность избирательныхъ правъ. Правительство, очевидно, сочло лишнимъ присутствіе въ государственной думѣ представителей отъ того народа, котораго оно столь насильственно лишило его земель.

А. Букейхановъ.

БУРЯТЫ.

I.

Буряты—группа монгольскихъ племенъ и родовъ, которые частью добровольно, частью путемъ покоренія окончательно присоединились къ Россіи въ періодъ между 1660—1710 г.г. Въ настоящее время они занимаютъ огромную территорію по обѣимъ сторонамъ Байкала въ предѣлахъ Иркутской губ. и Забайкальской области, отъ рѣкъ Іи и Оки на западѣ до р. Онона на востокѣ и отъ верховьевъ Лены и Витима на сѣверѣ до китайской границы на югѣ, захватывая, такимъ образомъ, всю Иркутскую губ., кромѣ сѣверной и юго-западной части, а въ Забайкальи сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, въ западной части, къ западу отъ 82° в. д., и по южной окраинѣ. Общая численность бурятъ, по переписи 1897 г.—288.663 ч., что позволяетъ считать ихъ нынѣшнюю численность около 320.000; изъ нихъ по переписи въ Забайкальской области было 179.487 ч., и въ Иркутской губ.—108.867. По отношенію къ общему населенію они составляютъ въ первой свыше $^1/_4$, а во второй—свыше $^1/_5$. Но эти пропорціи не даютъ вѣрнаго представленія о взаимоотношеніи областей осѣдлости русскаго и бурятскаго населенія. При обширности территоріи и ничтожной плотности населенія (0, 7 на 1 кв. версту въ Иркутской губ. и 1, 4 въ Забайкальской обл.) взаимное давленіе областей осѣдлости невозможно, тѣмъ болѣе, что буряты, особенно забайкальскіе, въ силу своего скотоводческаго строя, занимаютъ по преимуществу тѣ нагорныя мѣста, которыя для русскаго населенія совершенно непригодны. Въ національномъ смыслѣ, правда, территорія бурятъ въ ея цѣломъ въ настоящее время не можетъ считаться непрерывной, но каждое

Примѣчаніе. Настоящій очеркъ составленъ, какъ на основаніи соотвѣтственнаго литературнаго матеріала, такъ и многократныхъ бесѣдъ съ бурятами, близко стоявшими къ національному движенію. Въ литературѣ это движеніе полнѣе всего представлено въ статьяхъ г. Ц. Жамцарано въ журналѣ „Право“ (1905 г., №№ 48—49) и „Сибирскихъ вопросахъ“ (1905 г., № 2, 1907 г. №№ 7, 12, 18, 19). По другимъ вопросамъ бурятской жизни (исторія, экономика, самоуправленіе) отсылаю читателя къ общей богатой литературѣ о бурятахъ; въ частности, для нѣкоторыхъ мѣстъ этого очерка авторъ пользовался слѣд. работами: „Труды Высочайше учрежднной комисіи для изслѣдованія землевлад. и землепольз. въ Забайкальской области“; Крюковъ, „Западное Забайкалье“, его же, „Восточн. Забайкалье“ 1895 и 96 г.г. Неизв. автора брош. „Хори-буряты“, СПБ. 1899 г. Ф. Шперкъ, Буряты (Энцикл. Слов. Брокгауза) и нѣкот. др.

бурятское племя, каждое такъ называемое вѣдомство, занимаетъ свою обособленную сплошную территорію, составляющую общее владѣніе всѣхъ членовъ племени.

Какъ факторъ національнаго самосохраненія, это обстоятельство должно было играть немаловажную роль.

По традиціонной терминологіи, бурятъ принято называть кочевниками, понимая подъ этимъ типъ примитивнаго бродячаго скотовода. Но дѣйствительно вѣрно только то, что основной промыселъ бурятъ—скотоводство, и что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по топографическимъ и почвеннымъ условіямъ земледѣліе невозможно или крайне убыточно, владѣльцы стадъ вынуждены для обезпеченія ихъ кормомъ на зиму перекочевывать туда, гдѣ съ лѣта запасенъ ими кормъ. Такъ, напр., въ Агинской степи, гдѣ земледѣліе абсолютно невозможно, и гдѣ даже сѣнокосныя мѣста попадаются лишь по дну падей, владѣльцы небольшихъ стадъ лѣто проводятъ въ горахъ, а на зиму перекочевываютъ въ долины, гдѣ ими заблаговременно приготовлено сѣно, крупные же стадовладѣльцы принуждены кочевать постоянно, не имѣя возможности заготовить достаточно сѣна на зиму. Но буряты не застыли на одномъ скотоводствѣ. Въ теченіе послѣдняго столѣтія они съумѣли использовать для земледѣлія всѣ годныя земли и далеко превзошли въ этомъ промыслѣ русское населеніе. Около 20.000 дес. земель хоринскихъ бурятъ заняты хлѣбопашествомъ. Оросительными сооруженіями въ Балегинскомъ улусѣ превратили много сотенъ десятинъ совсѣмъ безплодной земли въ цвѣтущіе луга и пашни. То же въ Иркутской губерніи, напр., въ Балаганскомъ округѣ, гдѣ на каждое хозяйство еще въ 80-хъ годахъ приходилось не менѣе 12 дес. пахотной земли. Самый поучительный фактъ, что 80% сельско-хозяйственныхъ машинъ, расходящихся въ Иркутской губерніи, приходится на долю бурятъ. Отличительная особенность бурятскаго хозяйства—стремленіе къ коллективности: въ каждомъ улусѣ производится сообща запродажа хлѣба, пріемъ и исполненіе подрядовъ, пользованіе машинами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проектировалось даже открытіе общественныхъ заводовъ для выдѣлки кожъ. Распространены среди бурятъ и ремесла—столярное, рѣзное, малярное, шорное, сѣдельное, въ которыхъ они достигли высокой степени совершенства: среди забайкальскихъ бурятъ насчитывается до 10% ремесленниковъ. Благодаря земельному приволью, взаимопомощи, а главное, относительной культурности и трудолюбію, буряты въ массѣ живутъ безбѣдно. Среднее хозяйство въ Забайкальѣ въ 80-хъ годахъ насчитывало 5—10 лошадей, 15—20 головъ крупнаго скота и 20 — 30 мелкаго. Хозяйствъ безъ скота не болѣе 1%. Зажиточные хозяева имѣютъ по 100 и болѣе лошадей при соотвѣтствующемъ количествѣ рогатаго скота. Продукты бурятскаго скотоводства и земле-

дѣлія находятъ широкій сбытъ въ Приамурскомъ краѣ и на мѣстныхъ пріискахъ, и буряты, такимъ образомъ, обладаютъ достаточными оборотными средствами для удовлетворенія своихъ культурныхъ потребностей.

Въ умственномъ отношеніи, по общему мнѣнію, буряты гораздо выше русскаго населенія. Преступность, особенно въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ русскаго вліянія, почти неизвѣстна.

Огромную роль въ выработкѣ моральнаго типа этого народа сыгралъ буддизмъ, введенный въ началѣ XVIII вѣка. Впрочемъ, по отношенію къ религіи, нужно различать бурятъ забайкальскихъ и иркутскихъ. Первые, за исключеніемъ небольшого % крещеныхъ, почти всѣ ламаисты; христіанскіе миссіонеры въ ихъ средѣ никакого успѣха не имѣли. Иркутскіе же буряты въ большинствѣ остались вѣрны шаманству, около 40.000 присоединено, впрочемъ, формально, къ христіанству, и только небольшая часть (около 12 тыс.) ламаисты. Однако, за послѣднее время идетъ и среди иркутскихъ бурятъ сильное движеніе въ пользу ламаизма, а крещеные элементы стараются воспользоваться новымъ закономъ о вѣротерпимости, чтобы вернуться къ старой вѣрѣ. Ламаизмъ и его организація оказываютъ свое вліяніе не въ одной только религіозно-моральной области. Многочисленные дацаны (монастыри), содержащіе тысячи ламъ, дѣятельныхъ проповѣдниковъ-учителей народа, въ то же время служатъ разсадниками просвѣщенія. Здѣсь тысячи юношей слушаютъ курсы богословія, морали, логики, исторіи, философіи, тибетской медицины, и какъ ни схоластична и примитивна эта наука, она шлифуетъ умы, насаждаетъ возвышенныя и благородныя идеи. Здѣсь же печатается ежегодно множество религіозныхъ и философскихъ книгъ, которыя широко распространяются по странѣ. [1]) Нужно имѣть въ виду, что ламаизмъ не только не враждебенъ европейскому просвѣщенію, но, наоборотъ, покровительствуемъ ему, и мы видимъ, что дацаны всячески поощряютъ молодежь къ поступленію въ русскія школы, щедро даютъ степендіи учащимся въ столицахъ и жертвуютъ на устройство европейскихъ школъ.

Во время освободительнаго движенія проектировалось даже устройство университета при дацанахъ, и на съѣздѣ въ Читѣ духовенство первое внесло требованіе объ обязательномъ обученіи, въ томъ числѣ и женщинъ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что буряты очень воспріимчивы къ европейской культурѣ, охотно учатся въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и обнаруживаютъ большія способности. Любовь къ про-

---

[1]) Изъ школъ дацановъ вышла та плеяда ученыхъ монголовѣдовъ и патріотовъ, которые пріобрѣли себѣ почетную извѣстность далеко за предѣлами своего народа, Банзаровы, Ринчины Номтоевы, Гомбаевы и т. д.

свѣщенію стала потребностью большихъ массъ. Въ самыхъ глухихъ углахъ степи можно встрѣчать бурятъ, не учившихся ни въ какой школѣ, вѣрныхъ обычаямъ народа и своей вѣры, и тѣмъ не менѣе, самоучками пріобщившихся къ европейскому просвѣщенію, имѣющихъ у себя европейскія библіотеки и живо слѣдящихъ за міровой жизнью. Благотворное вліяніе въ смыслѣ политическаго и умственнаго развитія бурятской интеллигенціи безспорно оказало пребываніе въ краѣ нѣсколькихъ поколѣній политическихъ ссыльныхъ, начиная съ декабристовъ; они и непосредственно, и косвенно, черезъ русскую интеллигенцію, находившуюся подъ ихъ сильнымъ вліяніемъ, внесли много новыхъ идей и культурныхъ начинаній въ бурятскую среду.

Къ сожалѣнію, интенсивное стремленіе бурятъ къ европейскому просвѣщенію встрѣчало сильное противодѣйствіе со стороны миссіонеровъ и руссификаторской администраціи. Хотя буряты внесли около 100.000 руб. на устройство Читинской гимназіи и участвовали въ содержаніи учительской семинаріи въ Иркутской губ., бурятскихъ дѣтей въ это заведеніе вовсе не принимали. Пріемъ являлся преміей за крещеніе. Много лѣтъ буряты хлопотали объ открытіи на ихъ счетъ сельско-хозяйственной школы, и они не добились этого до настоящаго времени. Въ учительскую семинарію стали попадать отдѣльныя лица только тогда, когда въ память проѣзда Наслѣдника въ 1891 г. агинскіе буряты внесли 7.000 руб. на учрежденіе стипендіи, противъ чего мѣстная администрація, разумѣется, протестовать не посмѣла. Не находя доступа въ русскія школы, молодежь поневолѣ возвращалась въ дацаны.

Болѣе благосклонно относилось правительство къ иркутскимъ бурятамъ, давшимъ 40.000 крещеныхъ. Здѣсь — въ Балаганскѣ, въ Унгинскѣ, въ Аларскомъ вѣдомствѣ, были школы съ преподаваніемъ на монгольскомъ языкѣ, но въ концѣ-концовъ онѣ всѣ оказались закрытыми. Въ настоящее время въ 70 школахъ для бурятъ Иркутской губерніи около 20 учителей бурятъ, остальные—русскіе, ни слова не знающіе по-бурятски. Въ Забайкальѣ всего 22 министерскихъ школы, въ нихъ бурятъ съ учительскимъ образованіемъ—1. Насколько успѣшно идетъ обученіе въ этихъ русско-бурятскихъ школахъ, можно видѣть изъ того, что учителя сплошь и рядомъ, потерявъ надежду втолковать что-нибудь своимъ ученикамъ, не знающимъ ни слова по-русски, вынуждены бываютъ во время урока выбѣгать на базаръ въ поискахъ за случайнымъ бурятомъ, который знаетъ по-русски и могъ бы быть переводчикомъ между нимъ и учениками. Неудивительно, что изъ 100 грамотныхъ въ Забайкальѣ 90 грамотны лишь по-монгольски, и только 10—по-русски; обратное отношеніе въ Иркутской губ. Если среди бурятъ огромный % грамотныхъ, то этимъ они обязаны, главнымъ образомъ, учителямъ-добро-

вольцамъ, которые имѣются въ каждомъ улусѣ и безвозмездно принимаютъ къ себѣ дѣтей на обученіе. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ—при полной свободѣ открытія школъ и свободѣ въ выборѣ языка преподаванія—бурятскую школу ожидаетъ блестящая будущность, когда монгольскій языкъ, обогащенный двухвѣковой философско-богословской литературой, претворитъ въ себѣ всѣ богатства европейской науки. Но и теперь уже, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, маленькій бурятскій народъ имѣетъ достаточный слой интеллигентныхъ людей, пріобщившихся къ европейскимъ идеаламъ умственной и политической жизни и способныхъ вести свой народъ по пути просвѣщенія, культуры и демократизма. И самая драгоцѣнная черта бурятской интеллигенціи: она не оторвалась отъ своего народа. Этой вѣрности и преданности своей интеллигенціи бурятская народность въ значительной мѣрѣ обязана особенностямъ своей соціальной организаціи.

II.

Основой бурятскаго строя служитъ родовой бытъ. Два съ половиною вѣка тому назадъ, когда впервые буряты вступили въ переговоры съ Россіей о принятіи ихъ въ русское подданство, они представляли собою организованныя родовыя группы съ наслѣдственными или выборными родоначальниками во главѣ, которые вели переговоры съ русскими властями. Родовыми союзами буряты осѣли на своихъ территоріяхъ,—въ Иркутской губ. въ чистомъ видѣ, въ Забайкальѣ болѣе или менѣе перемѣшанно, такъ какъ одни роды явились раньше, другіе—позже. И эти родовыя организаціи безъ всякихъ измѣненій и подъ старыми своими названіями сохранились и по настоящее время [1]).

Въ теченіе перваго столѣтія правительство совершенно не вмѣшивалось во внутреннія дѣла бурятъ. Обложивъ ихъ опредѣленнымъ ясакомъ, оно предоставило имъ въ предѣлахъ признанныхъ за ними территорій управляться и судиться по своимъ исконнымъ обычаямъ.

Каждая мелкая единица имѣла свои сугланы, своихъ выборныхъ или наслѣдственныхъ начальниковъ, а общія дѣла отдѣльныхъ племенъ вѣдались

---

[1]) Въ Иркутской губ. буряты дѣлятся на слѣдующія территоріально-племенныя группы: тункинскихъ—14 родовъ, китойскихъ—3, кудинскихъ—16, капсальскихъ—4, аларскихъ—11, балаганскихъ—24, идинскихъ—29, верхоленскихъ—7, ленскихъ—7, ольхонскихъ—9. Въ Забайкальѣ—баргузинскихъ—5, кударинскихъ—4, селенгинскихъ—18, отъ которыхъ отдѣлилось нѣсколько родовъ, составившихъ закаменскую и армакскую управы; хоринскихъ—14, отъ которыхъ отдѣлилась группа родовъ агинскихъ.

родовыми конторами изъ зайсанговъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго тайши, должность котораго была выборная и пожизненная, а на дѣлѣ часто обращалась въ наслѣдственную.

Такъ дѣло шло до 1822 года, когда правительство, въ лицѣ гр. Сперанскаго, впервые вмѣшалось въ дѣло самоуправленія инородцевъ, издавъ Положеніе объ инородцахъ. Бывали случаи вмѣшательства—и очень сильнаго—и раньше, но то было вмѣшательство не законодательнаго характера, а, такъ сказать, злоупотребительнаго. Наряду со всякаго рода вымогательствами, незаконными поборами, посягательствами на бурятскія земли, насильственными крещеніями, администрація охотно вмѣшивалась въ не невыгодныя для нея распри между народомъ и тайшами, но этимъ вмѣшательство въ самоуправленіе и ограничивалось. Для уничтоженія бурятскихъ учрежденій сибирской администраціи не хватало ни умѣнія, ни храбрости, ибо какъ ни какъ буряты были естественными защитниками китайской границы. Часть бурятъ добровольно организовала на свой счетъ бурятскіе казачьи полки, сохранившіеся до настоящаго времени. Но вмѣшательство Сперанскаго было благожелательное. Въ дѣйствительности, Положеніе узаконило лишь уже существовавшій порядокъ, подчинивъ его, правда, надзору администраціи, и этому узаконенію, быть можетъ, буряты обязаны тѣмъ, что самоуправленіе приняло болѣе демократическій характеръ и значительно ослабило значеніе родовой аристократіи.

Такъ или иначе, всѣ стороны самоуправленія, начиная со сложныхъ аграрныхъ распорядковъ и кончая судомъ, юридическими обычаями, продовольственнымъ дѣломъ, культомъ, повинностями и полиціей, остались всецѣло въ рукахъ бурятскаго народа. Въ краткихъ чертахъ эта организація сводится къ слѣдующему. Низшей родовой единицей является хотонъ (3—4 юрты)—маленькая семейная община. Нѣсколько хотоновъ образуютъ *аймакъ*, родъ въ тѣсномъ смыслѣ (нѣсколько семействъ, связанныхъ общимъ происхожденіемъ отъ одного предка по мужской линіи, признающихъ авторитетъ старѣйшаго въ аймакѣ лица) или *булукъ*, если хотоны разнородны и связаны между собою территоріальнымъ сожительствомъ. Аймакъ и составляетъ низшую административную единицу—*улусъ*, имѣющую свое *родовое правленіе*. Нѣсколько аймаковъ (родовыхъ правленій) образуютъ *отокъ* (родъ въ обширномъ смыслѣ, разросшійся аймакъ), административно—*инородную управу*, а нѣсколько управъ—*вѣдомство* или *степную думу*. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои сходы, *сугланы*, на которыхъ обсуждаются и рѣшаются общественныя дѣла.

Для функцій судебныхъ и исполнительно-административныхъ во главѣ улуса стоитъ *старшина*, во главѣ родового управленія—*родовой староста* (шуленга), во главѣ управы—*голова*, выборные и письмоводитель, а во главѣ думы—выборный *тайша* (раньше, обыкновенно, наслѣдственный или пожизненный,

нынѣ выборный) и нѣсколько засѣдателей выборныхъ. Всѣ эти должности утверждаются губернаторомъ, а старшіе тайши—генералъ-губернаторомъ. Общій надзоръ за инородческимъ управленіемъ принадлежитъ окружной полиціи и губернскимъ правленіямъ. Въ Иркутской губерніи степныя думы уничтожены были въ 1890 г.; остались только управленія и управы, регулирующіяся особой инструкціей примѣнительно къ быту бурятъ; сохранился и родовой судъ.

Надзоръ администраціи сводился лишь къ наблюденію за правильнымъ поступленіемъ повинностей: ни въ судебныя и аграрныя дѣла, ни въ вопросы о распредѣленіи повинностей она не вмѣшивалась, и такимъ образомъ, уставъ Сперанскаго гарантировалъ бурятамъ самое широкое и въ то же время демократическое самоуправленіе и народный судъ. Какъ ни архаична по своей формѣ родовая организація, она оказалась наиболѣе соотвѣтствующей укладу жизни бурятъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ крупныя родовыя дѣленія совпадали съ территоріальными и, слѣдовательно, родовая организація суда и самоуправленія совершенно соотвѣтствовали современному европейскому типу территоріальности. Въ мелкихъ территоріальныхъ единицахъ со смѣшаннымъ населеніемъ булучные сугланы отлично приспособлялись въ своихъ экономическихъ дѣлахъ, и недоразумѣній не возникало. Но самое важное: пастбищныя территоріи бурятъ искони являлись общинной собственностью „вѣдомствъ“ и родовъ и, слѣдовательно, всѣ аграрные распорядки, надѣлы, передѣлы, раскладка поземельныхъ повинностей самымъ неразрывнымъ образомъ связаны были съ родовой организаціей. Двухвѣковая практика блестяще оправдала цѣлесообразность этого строя. Ему буряты обязаны аграрнымъ миромъ, матеріальнымъ благосостояніемъ, прекрасной постановкой продовольственваго дѣла, народнымъ судомъ, демократизмомъ и культурно-просвѣтительными учрежденіями. Ему, наконецъ, русское правительство обязано крайней лояльностью бурятъ, которая устояла, несмотря на всѣ эксцессы мѣстныхъ властей, несмотря на суровыя правовыя ограниченія, несмотря на религіозныя посягательства миссіонеровъ.

Но пробилъ часъ для устоевъ бурятской жизни. Со второй половины 90-хъ годовъ, со времени учрежденія комисіи статсъ-секретаря Куломзина для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области, была предрѣшена участь, какъ аграрнаго строя, такъ и самоуправленія бурятъ. Исконныя территоріи бурятъ, признававшіяся до того неприкосновенной собственностью соотвѣтствующихъ родовъ и племенъ, признаны были *оброчными статьями*, подлежащими сокращеніямъ по усмотрѣнію властей. Лѣса превращены въ дачи кабинета и казны, и установлена лѣсная пошлина. Что касается пастбищныхъ, покосныхъ и пахотныхъ земель, то за послѣдніе годы производятся межевыя работы, которыя имѣютъ цѣлью выдѣлить изъ бурятскихъ территорій весь излишекъ, превышающій норму въ 15—30 дес. (и

болѣе, съ разрѣшенія центральнаго правительства) на душу (вмѣсто прежней нормы 9—100 дес. и болѣе), вырѣзавъ изъ нихъ участки для переселенцевъ. Никто, конечно, не можетъ оспаривать суверенаго права государства въ интересахъ общаго блага прибѣгать въ извѣстныхъ случаяхъ и къ земельной экспропріаціи, но такая мѣра должна имѣть санкцію цѣлесообразности. Въ данномъ случаѣ цѣлесообразность весьма сомнительнаго свойства. Прежде всего, въ такой области, какъ Забайкальская, гдѣ приходится по 1 чел. на 1 кв. версту, едва ли есть надобность урѣзывать у однихъ, чтобы надѣлять другихъ: земли хватило бы на всѣхъ! Затѣмъ, большая часть бурятской территоріи абсолютно безполезна для русскихъ переселенцевъ, какъ негодная для земледѣлія. Такимъ образомъ, дѣло сведется къ отрѣзанію сѣнокосныхъ и пахотныхъ участковъ, которые являются необходимымъ подспорьемъ скотоводческому хозяйству самихъ бурятъ, а это значитъ— либо совсѣмъ разорить, либо, въ лучшемъ случаѣ, лишить ихъ навсегда возможности перейти къ земледѣльческой культурѣ, о чемъ такъ хлопочетъ на словахъ мѣстная администрація. Но одіозность этой мѣры усугубляется специфической системой, по которой проектируется обмежеваніе. Система эта явно не хозяйственная, а политико-руссификаторская. Вмѣсто того, чтобы отъ сплошныхъ территорій вѣдомствъ отрѣзать причитающуюся сплошную площадь для переселенческихъ участковъ, послѣдніе отмежевываются съ такимъ разсчетомъ, чтобы раскрошить бурятскую территорію, прорѣзавъ ее по всѣмъ направленіямъ русскими поселками, отводя для послѣднихъ самую лучшую часть. Такимъ образомъ, буряты теряютъ не только свои земли, но и свое территоріальное и національное единство. Неудивительно, что по мѣрѣ выясненія характера размежеванія у бурятъ все болѣе и болѣе зрѣетъ мысль о поголовномъ выселеніи въ Монголію... Такъ дѣло обстоитъ съ вопросомъ аграрнымъ.

Вопросъ о самоуправленіи былъ окончательно рѣшенъ въ 1902 г., когда въ одно прекрасное утро, несмотря на всѣ депутаціи, телеграммы, просьбы и мольбы, старое родовое устройство въ Забайкальѣ было упразднено, и на сцену явились русскія территоріальныя единицы, волости съ крестьянскими начальниками, волостными писарями, русскимъ дѣлопроизводствомъ, словомъ, тотъ пресловутый строй осѣдлыхъ сибирскихъ инородцевъ, при которомъ послѣдніе, по выраженію Ядринцева, „представляютъ стадо, запуганное земской полиціей..., писарь является судьей и хозяиномъ волости и посредникомъ между ней и властями“.

Но для бурятъ эта реформа имѣла сугубо-губительное значеніе. Она не только отдавала ихъ старыя учрежденія всецѣло въ руки писарей и крестьянскихъ начальниковъ, но вносила непоправимое разстройство въ позе-

мельныя отношенія. Разрушивъ родъ и племя исконныхъ хозяевъ и распорядителей земельныхъ владѣній и поставивъ на ихъ мѣсто разнородную волость, она однимъп очеркомъ пера уничтожила юридическаго хозяина пастбищныхъ территорій и создала истинный хаосъ и почву для раздоровъ въ самой коренной области жизни — области землевладѣнія. Административная реформа явилась дополненіемъ аграрной, и обѣ вмѣстѣ ведутъ къ неминуемому разоренію.

Такимъ образомъ, почти одновременно занесена была рука надъ самыми важными и цѣнными устоями жизни бурятской народности, поставившая передъ нимъ роковой вопросъ: быть или не быть? И на этотъ вопросъ бурятскій народъ не могъ не реагировать.

III.

Національное самосознаніе бурятскаго народа выросло на почвѣ родового строя. Какъ мы сказали, буряты, при столкновеніи съ русскими, уже представляли собою организованные союзы родовъ или племена. Племенами и родами они осѣли на своихъ территоріяхъ и сохранили эти свои организаціи неприкосновенными до настоящаго времени. Каждая такая организація по всему своему habitus'у въ сущности представляла собою самый полный типъ особой національности, ибо какой этническій или соціальный коллективъ способенъ заключать въ себѣ больше элементовъ единенія, чѣмъ родовой союзъ? А родовой союзъ у бурятъ—одинъ изъ самыхъ типичныхъ, самыхъ высокоразвитыхъ! Бурятскій родъ не только кровный союзъ, объединенный общностью происхожденія, общими родовыми богами. Это не только соціальный организмъ, объединенный общей территоріей пастбищъ. Это и политическій организмъ, имѣющій превосходный аппаратъ совмѣстнаго сотрудничества, съ богатыми вѣковыми историческими традиціями, воспоминаніями и эмоціями. Бурятскія племена имѣютъ не только богатыя легенды о своихъ родоначальникахъ, теряющіяся въ дали миѳа, но и свои лѣтописи и лѣтописцевъ. Но если каждое бурятское племя въ отдѣльности и представляло собою политически организованную національность, и, слѣдовательно, имѣлись налицо самыя благопріятныя условія для быстраго объединенія всѣхъ бурятскихъ племенъ въ одно цѣлое, тѣмъ не менѣе, до поры до времени этого не случилось, и бурятскіе роды и племена, въ совокупности, такъ же мало имѣли между собою единенія, какъ и съ тѣми родственными имъ племенами Монголіи, съ которыми каждое въ отдѣльности вело безпощадныя войны. Распри, и часто кровавыя, были обычнымъ modus vivendi бурятскихъ племенъ.

*

Существовали селенгинцы, хоринцы и т. д., разсказывались легенды даже объ общности происхожденія всѣхъ бурятъ отъ общаго родоначальника, но бурятскаго народа, бурятской національности не было, ибо общей арены сотрудничества, общихъ стимуловъ общенія не было. Благопріятныя условія для активнаго общенія между отдѣльными племенами бурятъ наступили только съ момента присоединенія ихъ къ Россіи. Каково бы ни было русское управленіе, но оно установило внутренній миръ.

Война, которая до того времени была повседневнымъ дѣломъ бурятскихъ родовъ, и которую они вели между собою и съ сосѣдними монголами, прекратилась. Буряты вступили въ мирный фазисъ жизни. Тогда то явилась впервые почва для сближенія и сотрудничества. Вскорѣ на сцену явился другой факторъ объединенія—буддизмъ, который за самое короткое время уничтожилъ религіозно-родовыя перегородки между племенами, образовавъ—въ Забайкальи—всепроникающую національную организацію. Дѣятельные проповѣдники этой религіи гуманности не дѣлали различія между своими и чужеплеменными, и, переходя съ мѣста на мѣста, развертывали нескончаемую нить духовнаго единства. Въ лицѣ крупныхъ дацановъ—монастырей-школъ явились на сцену постоянные духовные центры.

Здѣсь создавалась та объединяющая нынѣ бурятскій народъ новая монгольская письменность, которая, благодаря буддизму, оплодотворялась новыми возвышенными идеями религіи, морали и философіи. Здѣсь среди стекавшейся со всѣхъ сторонъ бурятской молодежи завязывались на всю жизнь дружескія связи, не мало способствовавшія общественному объединенію бурятъ. Будущіе ламы, ширетуи и гелуны, они вступали между собою впослѣдствіи въ общеніе не по однимъ религіознымъ дѣламъ: бурятскія духовныя лица стоятъ близко къ населенію, они такіе же сородичи, какъ и обслуживаемые ими міряне, и на съѣздахъ и во всѣ моменты испытаній народное духовенство проявляетъ самое активное участіе. Бурятское духовенство имѣетъ уже съ 1764 г. легальную организацію, по характеру своему, предполагающую наличность организаціи національной.

Согласно положенію о ламайскомъ духовенствѣ Восточной Сибири 15 мая 1851 г.. во главѣ буддійскаго духовенства стоитъ т. наз. Бандидо - Хамбо, опредѣляемый изъ трехъ кандидатовъ, *избираемыхъ собраніемъ бурятскихъ родоначальниковъ и депутатовъ приходовъ* и утверждаемый въ должности Высочайшей властью. Ему подчинены всѣ 32 дацана и, кромѣ того, въ его непосредственномъ вѣдѣніи и при его резиденціи въ Гусиноозерскомъ монастырѣ находится высшая буддійская школа, гдѣ получаетъ свое образованіе все духовенство. Такимъ образомъ, въ его вѣдѣніи не только культъ, но и народное просвѣщеніе, осуществляемое

на частныя средства бурятъ, и веденіе этого крупнаго дѣла, поэтому, требуетъ постоянныхъ съѣздовъ и совѣщаній съ представителями племенъ и родовъ.

Мы видѣли, что присоединеніе бурятскихъ племенъ къ Россіи, однимъ фактомъ водворенія мира, создало почву для объединенія и широкаго общенія между бурятами. Но и совершенно другимъ путемъ, отрицательнымъ своимъ вліяніемъ, русское управленіе фатально создавало объединеніе бурятъ, притомъ объединеніе организованное и дѣйствовавшее повседневно.

Внося наружный миръ, русское управленіе вмѣстѣ съ тѣмъ давало себя остро чувствовать своими аггрессивными дѣйствіями. Если управленіе Трескиныхъ и Пестелей вызывало ужасъ въ русскомъ населеніи, то легко себѣ представить, что должны были испытать инородцы. Всѣ виды произвола, начиная съ грабительскихъ поборовъ, произвольнаго захвата земель, насильственныхъ крещеній и кончая опытами просвѣщеннаго деспотизма, вродѣ принудительнаго занятія земледѣліемъ, и, наконецъ, безумными капризами, вродѣ созданія въ одинъ прекрасный день начальникомъ нерчинскихъ заводовъ краснаго гусарскаго полка изъ бурятъ, которымъ онъ бралъ мирные города —представляли обычный спутникъ бурятской жизни. Какъ ни безсильно бывало бурятское населеніе противъ административнаго произвола, но борьба, самооборона во многихъ случаяхъ могли предотвращать или уменьшить грядущее бѣдствіе.

Такимъ образомъ, *общая* перманентная опасность, естественно, должна была выработать и *общую организацію*. Такая организація дѣйствительно создалась въ лицѣ съѣздовъ и совѣщаній представителей бурятскаго народа, дѣйствовавшихъ подъ общественнымъ контролемъ, и рѣшенія которыхъ приводились въ исполненіе мѣстными племенами и родами. Организація эта, конечно, могла быть только нелегальная, но при родовомъ устройствѣ она образовалась чрезвычайно просто. Каждое племя или каждый крупный родъ имѣлъ, какъ мы видѣли, во главѣ своего избраннаго или наслѣдственнаго тайшу или шуленгу. Эти немногія главы племенъ состояли между собою въ перепискѣ по разнымъ общественнымъ дѣламъ и держали другъ друга au courant всего происходящаго. Крупное общественное бѣдствіе—и возникаетъ инициатива для созыва всеобщаго суглана представителей племенъ. Постепенно выработалось такое положеніе. Для общественной самообороны, для контроля распредѣленія поборовъ на эту самооборону, каждый родъ на своемъ сугланѣ избираетъ одного довѣреннаго. Довѣренные разныхъ родовъ вмѣстѣ съ общепризнанными нотаблями (послѣдніе не обязательно родоначальники, а уважаемыя просвѣщенныя лица) составляютъ *степной* сугланъ, т. е. сугланъ вѣдомства, племени. Такимъ образомъ, каждое племя имѣетъ наготовѣ свой аппаратъ на случай выборовъ на общебурятскій сугланъ. Созывъ обще-

народнаго суглана обыкновенно принимаетъ на себя Хамбо-Лама по иниціативѣ тайшей, причемъ разсылаются по родамъ приглашенія либо личныя (нотаблямъ и довѣреннымъ), либо съ предложеніемъ выбрать кого-либо по усмотрѣнію.

Любопытно, что съ 70-хъ годовъ прекращается участіе иркутскихъ бурятъ въ общебурятскихъ сугланахъ, и причина очень поучительна: къ тому времени Забайкалье отошло отъ иркутскаго генералъ-губернаторства, враги стали разные, да и основной вопросъ—аграрный—сталъ совершенно различнымъ для обѣихъ областей; опасность, такимъ образомъ, перестала быть общей или, по крайней мѣрѣ, стала менѣе общей. И, наоборотъ, мы видимъ, что чужеплеменные тунгусы Забайкалья, въ виду общности интересовъ съ бурятами, участвуютъ на общенародныхъ сулагнахъ, какъ часть бурятскаго народа! Главная задача общенародной организаціи бурятъ, какъ мы видѣли, состояла въ защитѣ выговоренныхъ при вступленіи въ русское подданство правъ, въ самооборонѣ противъ посягательствъ на ихъ территорію и притѣсненій мѣстныхъ властей.

Но дѣятельность бурятской національной организаціи не ограничивается одной только самообороной. Она имѣетъ и созидательныя задачи. Она заботится объ обезпеченіи культа, народномъ образованіи, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣятельности отдѣльнаго племени недостаточно. Крупныя суммы на устройство гимназіи, субсидіи на поддержаніе буддизма въ Иркутской губ., продовольственная помощь въ случаѣ крупнаго бѣдствія — все это дѣло общенаціональное. Такимъ-то образомъ на почвѣ родоплеменной организаціи стимулируемая необходимостью въ защитѣ своихъ правъ, выросла общенародная организація бурятъ.

Сначала въ этихъ организаціяхъ играла почти исключительную роль аристократія—тайши, шуленги, зайсанги. Но съ теченіемъ времени, съ ростомъ культуры, ростомъ образованности, выступаютъ на сцену люди таланта, ума, просвѣщенности, независимо отъ богатства или родовитости Наконецъ, въ послѣднее время явились новые люди, представители европейской интеллигенціи, горячо преданные интересамъ своего народа. Въ періодъ борьбы послѣдняго времени и въ освободительную эпоху они внесли въ національное движеніе начала европейскаго демократизма и европейскихъ идей, которыя являются широкой базой національнаго возрожденія.

IV.

Мы уже указывали, что пока правительство не посягало на основы бурятскаго строя, аграрнаго и родового, буряты оставались чрезвычайно ло-

яльными, мирясь со многими ограниченіями и репрессіями въ менѣе существенныхъ областяхъ. Апогея эти отношенія лояльности достигли въ срединѣ 90-хъ годовъ, когда во вліятельныхъ сферахъ Петербурга явилась идея воспользоваться бурятами, какъ посредниками для привлеченія симпатіи монголовъ Китая... Посредникомъ между правительствомъ и бурятами явился небезызвѣстный тибецкій лѣкарь въ Петербургѣ, г. Бадмаевъ. Откуда-то у него оказались большіе капиталы, и онъ явился въ Забайкалье съ самыми заманчивыми проектами облагодѣтельствованія своихъ земляковъ. Для начала онъ основываетъ въ Читѣ типографію, въ которой безъ предварительной цензуры начинаетъ печататься первая бурятская газета, составляемая и набираемая самими бурятами.

Въ Петербургѣ Бадмаевъ открываетъ пансіонъ-гимназію для бурятскихъ дѣтей. Буряты приходятъ въ волненіе. Начались съѣзды, оживленная агитація, пошли мечты о всеобщемъ обученіи, о самостоятельной обработкѣ скотоводческихъ продуктовъ... Молодежь бросается въ университеты, сельскохозяйственныя училища, 50 мальчиковъ въ первый же годъ поступаютъ въ Бадмаевскую школу. Но поистинѣ пиръ былъ краткій и кончился бѣдой. Газета г. Бадмаева оказывается низкопробнымъ листкомъ для пропаганды офиціальнаго патріотизма и православія. Еще черезъ нѣкоторое время, въ 1897 году, въ частной гимназіи г. Бадмаева вводится православный Законъ Божій. Мальчики разбѣгаются, и отъ всего фейерверка Бадмаева остается одинъ чадъ. Въ томъ же году снаряжена была въ Забайкалье экспедиція Куломзина, рѣшившая судьбу бурятской народности. Буряты переполошились. Депутаты ихъ безвыѣздно сидятъ въ Петербургѣ, слѣдя за работами Куломзинской комисіи, но участь ихъ была рѣшена. 5 іюня 1900 г. выходитъ законъ о землеустройствѣ, 23 апрѣля 1901 года—законъ объ общественномъ управленіи и судѣ, окончательно лишившій бурятъ ихъ прежняго самоуправленія. Въ теченіе двухъ лѣтъ шла глухая борьба. Населеніе рѣшительно отказалось отъ выборовъ, приверженцы правительства избивались, и дѣло доходило до насильственныхъ столкновеній съ властями. Въ 1903 г. реформа была введена насильственно—путемъ *назначенія* должностныхъ лицъ. Старая лояльность бурятъ кончилась, и съ этого момента начинается поворотъ, который мало-по-малу склонилъ симпатіи бурятъ въ сторону освободительнаго движенія.

Сейчасъ же послѣ появленія указа 12 декабря 1904 г., буряты стали проявлять изумительную дѣятельность. Во всѣхъ углахъ бурятской осѣдлости начался рядъ съѣздовъ, частныхъ и общихъ. Первыми выступили на сцену забайкальцы, у которыхъ уже за первые 6 мѣсяцевъ 1905 г. состоялось, не считая множества частныхъ, четыре общихъ съѣзда: въ Верхне-

удинскѣ (январь), Читѣ (апрѣль), Гусиноозерскомъ дацанѣ (іюнь) и Цугальскомъ (іюль). Первый—верхнеудинскій,—такимъ образомъ, состоялся уже черезъ мѣсяцъ послѣ декабрьскаго указа, когда русское населеніе области еще и не думало откликаться на событія. Самый замѣчательный изъ общихъ съѣздовъ этого періода былъ съѣздъ, состоявшійся въ Читѣ (26—29 апр.) съ офиціальнаго разрѣшенія губернатора. Участвовало 180 человѣкъ (иначе говоря, по одному представителю отъ каждой 1.000 чел.) отъ бурятъ и тунгусовъ Забайкалья, причемъ были представители духовенства, интеллигенціи и должностныхъ лицъ. Администрація предоставила съѣзду полную свободу обсужденія, категорически запретивъ только требовать возвращенія къ уставу Сперанскаго и предупредивъ, что буряты никакихъ правъ на землю не имѣютъ, такъ какъ „письменнаго договора съ правительствомъ не заключили“. На съѣздѣ были обсуждены всѣ основные вопросы бурятской жизни — самоуправленіе, судъ, народное образованіе, культъ, землевладѣніе, и, несмотря на царившее возбужденіе и горячность преній, резолюціи и проекты съѣзда поражаютъ хладнокровіемъ и зрѣлостью сужденій. Если внѣшняя форма этихъ документовъ свидѣтельствуетъ объ участіи интеллигентовъ съ русскимъ образованіемъ, то содержаніе ихъ свидѣтельствуетъ не менѣе ясно, что составители прошли долгую и хорошую школу народнаго самоуправленія. Весьма тонко справился съѣздъ съ проектомъ самоуправленія, надъ которымъ висѣлъ запретъ губернатора о недопустимости возврата къ родовому строю. Формально, съѣздъ дѣйствительно исходитъ изъ территоріальнаго принципа. Низшей административной единицей онъ принимаетъ не аймакъ, а *булукъ*; слѣдующая административная единица—опять-таки территоріальная: инородная управа изъ представителей булуковъ, но третьей объединяющей инстанціей является дума, территорія которой неизбѣжно совпадаетъ съ прежнимъ вѣдомствомъ. Получился, такимъ образомъ, серьезный коррективъ противъ замѣшательствъ, внесенныхъ территоріальнымъ принципомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляется племенное объединеніе. Наконецъ, для объединенія интересовъ *всѣхъ* бурятъ и тунгусовъ Забайкальской области вводится институтъ періодическихъ съѣздовъ изъ представителей (отъ 3 до 5) отъ каждаго вѣдомства. Не входя въ детали этого проекта, который въ связи съ проектомъ о культѣ, народномъ образованіи и землевладѣніи далъ бы бурятамъ достаточную національно-культурную автономію, укажемъ только, что проектъ самоуправленія построенъ на самыхъ широкихъ принципахъ демократизма: 1) всеобщее и равное избирательное право, безъ различія пола 2) избраніе должностныхъ лицъ сходами и независимость этихъ лицъ отъ администраціи; 3) органы самоуправленія вѣдаютъ не только хозяйственныя дѣла, но и полицію, и дѣла народнаго образованія, и совершенно незави

симы отъ администраціи, кромѣ представленія отчетовъ; 4) языкъ дѣлопроизводства—бурятскій и русскій, послѣдній только при сношеніяхъ съ администраціей.

Въ области суда проектъ предусматриваетъ три категоріи выборныхъ судовъ: 1) почетный третейскій; 2) инородческій судъ (коллегіальный—первой инстанціи) и 3) съѣздъ инородческихъ судей (изъ предсѣдателей инородческихъ судовъ съ особымъ выборнымъ предсѣдателемъ — вторая и послѣдняя инстанція). Компетенція суда—мелкія уголовныя дѣла и гражданскія безъ ограниченія суммы иска. *Языкъ суда — бурятскій.* Судъ руководствуется обычнымъ правомъ, которое должно быть кодифицировано. Въ дѣлѣ народнаго образованія съѣздъ требуетъ введенія всеобщаго обязательнаго обученія монгольской грамотѣ всѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 7—12 лѣтъ съ соотвѣтствующимъ типомъ школъ содержимыхъ на средства мѣстнаго самоуправленія. Слѣдующая ступень, — гдѣ наряду съ монгольскимъ языкомъ преподается русскій языкъ и общеобразовательные предметы по типу министерскихъ школъ; преподаваніе на монгольскомъ языкѣ. Затѣмъ требуется учрежденіе сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ школъ и отмѣна всѣхъ ограниченій пріема въ среднія и высшія школы, какъ для буддистовъ, такъ и для шаманистовъ, равно какъ и полученіе ими казенныхъ стипендій. Въ области землевладѣнія съѣздъ высказался не только за полное сохраненіе за бурятами старыхъ территорій, но и за окончательное обмежеваніе ихъ и, сверхъ того, за нарѣзки дополнительныхъ надѣловъ той части бурятъ, которые въ таковыхъ нуждаются.

Въ области культа съѣздъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ разныхъ ограниченій (ограниченіе печатанія религіозныхъ книгъ въ дацанахъ, пошлина на провозъ бурхановъ и предметовъ тибетской мецицины, регламентація передвиженія духовенства и т. д.), освобожденіи отъ повинностей штатнаго духовенства и объ официальномъ именованіи ламаистовъ буддистами.

Замѣчательно постановленіе, по которому земли, отведенныя по закону 1853 года штатному духовенству, отбираются и передаются въ пользу школъ и учащихся при дацанахъ, со включеніемъ въ программу преподаванія европейскихъ наукъ въ размѣрахъ среднихъ, а впослѣдствіи и высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ области самодѣятельности съѣздъ призналъ необходимымъ: увеличивать съ каждымъ годомъ стипендіи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; изданіе литературно-экономической газеты на монгольскомъ языкѣ явочнымъ порядкомъ и безъ предварительной цензуры, образованіе фонда народнаго просвѣщенія и общества съ той же цѣлью.

Губернаторъ отнесся отрицательно къ требованіямъ съѣзда, по-своему

совершенно правильно находя, что въ случаѣ введенія самоуправленія у бурятъ того же потребуетъ и русское населеніе, что пока, по его мнѣнію, преждевременно. Въ виду этого буряты снова снарядили депутацію въ Петербургъ, которой, наряду съ поддержаніемъ требованій съѣзда, въ то же время поручено было ходатайствовать о правѣ особаго представительства для забайкальскихъ бурятъ въ государственной думѣ.

Еще болѣе интенсивно шло движеніе среди бурятъ *иркутскихъ*. Они потеряли, какъ мы видѣли, свое самоуправленіе съ 1890 года, съ этого же года начинается эра насильственнаго массоваго крещенія, и поэтому, быть можетъ, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность (120 тыс. душъ), они проявили такую изумительную энергію за короткій періодъ освободительнаго движенія.

И тутъ началось дѣло съ оффиціальнаго указа, именно съ указа 1905 г.—о введеніи земства въ Иркутской губ. Буряты воспользовались случаемъ и открыли цѣлую кампанію съѣздовъ по улусамъ и уѣздамъ. Резолюціи всѣхъ этихъ частныхъ съѣздовъ довольно однообразны, но весьма характерны; всѣ онѣ одинаково исходятъ изъ національнаго самоопредѣленія, требуя мелкой инородческой земской единицы, народнаго суда, народнаго языка въ школѣ, демократическихъ выборовъ, свободы вѣры, собраній, курсовъ, чтеній, союзовъ и, наконецъ, особаго представительства отъ иркутскихъ бурятъ въ государственной думѣ.

Особый характеръ носилъ съѣздъ тункинскихъ бурятъ, на которомъ, ссылаясь на указъ 17 апр. о вѣротерпимости, представители 16 тыс. крещеныхъ бурятъ постановили перейти въ старую вѣру. На частномъ съѣздѣ въ Балаганскѣ, выработавшемъ проектъ самоуправленія, обнаружилась уже партійная дифференцировка въ лицѣ либеральнаго и въ то же время націоналистическаго большинства (націоналъ-демократія) и незначительнаго ассимиляторскаго меньшинства, прозваннаго большинствомъ „обрусителями-подлизовцами“.

Наконецъ, 21—26 августа состоялся общій съѣздъ иркутскихъ бурятъ въ составѣ представителей 13 вѣдомствъ Балаганскаго уѣзда, 6 вѣдомствъ Иркутскаго у. и 7 вѣдомствъ Верхоленскаго у., всего 77 чел. (1 представитель на 1.500 душъ насел.). Резолюціи этого съѣзда, особенно проектъ организаціи земства и суда представляютъ выдающійся интересъ. Бурятамъ пришлось здѣсь рѣшить сложную задачу: съ одной стороны присоединиться къ общему желанію русскаго населенія о скорѣйшемъ введеніи земства и въ то же время не быть задавленными въ вопросахъ обложенія и національно-культурныхъ преобладающимъ русскимъ элементомъ, со-

храняя по возможности свою хотя бы маленькую автономность. Остановились на слѣдующемъ компромиссѣ.

Такъ какъ, въ виду малой культурности русскаго сельскаго населенія, самой опасной земской инстанціей является уѣздное земство, буряты вводятъ только двѣ земскія инстанціи. Первая—*мелкая земская единица*, соотвѣтствующая у русскаго населенія волости, у бурятъ—вѣдомству, т. е. племени, союзу родовъ; русскому волостному земскому собранію и его предсѣдателю соотвѣтствуетъ инородческій сугланъ во главѣ съ головой управы. Вторая инстанція—губернское земство со своеобразной гарантіей правъ меньшинства, а именно: разногласія между гласными—русскими и инородческими разсматриваются въ третейскомъ судѣ, избираемомъ на каждый случай отдѣльно изъ гласныхъ, въ равномъ числѣ отъ инородцевъ и русскихъ, причемъ, въ случаѣ равенства голосовъ, судъ избираетъ особаго посредника, рѣшающаго вопросъ окончательно (§ 29).

Другая особенность проекта самоуправленія въ отличіе отъ забайкальскаго—это установленіе низшей административно-хозяйственной единицы—*родового* общества, которое, въ виду того, что мѣстные буряты осѣли сразу родами, является въ то же время единицей и территоріальной. Такимъ образомъ, если бы этотъ проектъ получилъ осуществленіе, иркутскіе буряты могли бы сохранить безъ ущерба для культуры свое исконное родовое самоуправленіе, со всѣми тѣми преимуществами, которыя даютъ новые принципы выборовъ.

Что касается земской избирательной системы, независимости должностныхъ лицъ, права языка, землевладѣнія, свободы вѣры, инородческаго суда, религіознаго равноправія, кодификаціи обычнаго права, равно какъ и права особаго представительства для иркутскихъ бурятъ — то по всѣмъ этимъ вопросамъ резолюціи иркутскаго съѣзда совершенно аналогичны читинскимъ. Прибавимъ требованіе съѣзда объ открытіи спеціальной учительской семинаріи для подготовки учителей бурятскихъ школъ. Съѣздъ закончился національной манифестаціей въ память перваго ученаго бурята и патріота Банзарова, 50-лѣтіе смерти котораго совпало съ днями съѣзда. Единогласно рѣшено было поставить ему памятникъ, учредить въ память его стипендіи въ гимназіи и учительскую семинарію его имени для учащихся обоего пола и, наконецъ, восторженно принято предложеніе объединиться обѣимъ отраслямъ бурятскаго народа вокругъ этого славнаго имени [1]).

---

[1]) Любопытно, что нашелся „обруситель“, предложившій вмѣсто памятника Банзарову открыть школу имени ген.-губернатора, графа Кутаисова. На это раздался характерный отвѣтъ: „Довольно и того, что триста лѣтъ кланялись чиновникамъ. Докланялись, что нами понукаютъ писаря и крестьянскіе начальники“.

V.

Такъ шло дѣло до августа 1905 г. Съ этого момента дѣло усложняется. Съ одной стороны, чтобы осуществить desiderata съѣздовъ, не прекращается посылка депутацій въ Петербургъ. По свидѣтельству г. Жамцарано, съ осени 1905 г. до весны 1906 г. перебывало въ Петербургѣ до 20 депутатовъ все съ тѣми же ходатайствами, объ отмѣнѣ одіозныхъ законовъ о самоуправленіи и землевладѣніи, о свободѣ совѣсти и, наконецъ, о правѣ представительства. Изо всѣхъ этихъ ходатайствъ удовлетворено было только одно—именно забайкальскимъ бурятамъ предоставлено было особое представительство, которымъ они успѣли только воспользоваться во 2 й думѣ и котораго были лишены по новому избирательному закону. Такъ обстояло дѣло на верхахъ въ Петербургѣ. Съ другой стороны, тѣмъ временемъ революціонная волна, докатившаяся до Забайкалья, захватила и бурятъ. Наступила пора митинговъ, горячихъ рѣчей, ажитаціи. А когда власти растерялись, и наступила пора „сибирскихъ республикъ", начался и періодъ явочныхъ дѣйствій и протестовъ.

Забайкальскіе буряты Харинской степной думы позакрывали ненавистные имъ волостныя правленія и суды, возстановили явочнымъ порядкомъ свои старыя учрежденія, избрали новыхъ должностныхъ лицъ степного самоуправленія, начиная съ тайшей и кончая старостами подродовъ. Разное начальство—крестьянскіе и уѣздные начальники—поспѣшили стушеваться. Повсемѣстно въ то же время пошли протесты противъ захватовъ инородческихъ земель и противъ землеустроительныхъ работъ (особенно сильно въ Иркутской губ.). Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ множества столкновеній съ начальствомъ и тѣми инородческими элементами, которые были заинтересованы въ новыхъ порядкахъ. До попытокъ къ насильственному возвращенію отмежеванныхъ земель у бурятъ дѣло не дошло. На это дерзнули болѣе рѣшительные и крайне настроенные тунгусы, которые поплатились за это жестокими репрессіями, отнявшими охоту слѣдовать за ними у болѣе умѣренно-настроенныхъ бурятъ. Съ прибытіемъ экспедиціи генерала Ренненкампфа, буряты понесли повинную, старыя учрежденія были возстановлены, и буряты снова принялись за старые методы—съѣзды, ходатайства. Такъ, въ концѣ весны мы снова видимъ обще-забайкальскій съѣздъ, возбудившій цѣлый рядъ вопросовъ, изъ которыхъ любопытенъ вопросъ о допущеніи представителя отъ буддійскаго духовенства въ государственный совѣтъ и о предоставленіи избирательныхъ правъ настоятелямъ дацановъ. Изъ другихъ вопросовъ важнѣйшій—о немедленномъ пріостановленіи всякихъ посягательствъ на земли бурятъ со стороны казны и кабинета.

Около этого же времени пытались собраться на общій съѣздъ и иркутскіе буряты, но разрѣшенія не послѣдовало, и съ тѣхъ поръ общіе съѣзды этой вѣтви бурятъ, повидимому, прекратились. Среди забайкальскихъ бурятъ еще въ теченіе лѣта и осени 1906 года продолжались съѣзды общіе и частные, снова возбуждались ходатайства, на этотъ разъ предъ мѣстной администраціей, и, конечно, безуспѣшно.

Остается еще сказать о послѣдней стадіи освободительнаго движенія, о періодѣ избирательныхъ кампаній. Въ первую Думу, какъ мы сказали, забайкальскіе буряты не успѣли послать депутата. Иркутскіе буряты, лишенные особаго представителя, бойкотировали выборы (въ Иркутскомъ, Верхоленскомъ и одной части Балаганскаго уѣздовъ), возбудивъ еще разъ ходатайство объ особомъ представительствѣ. Избирательная борьба среди забайкальцевъ во 2-ую кампанію прошла довольно своеобразно. Борьба шла между лѣвымъ и болѣе консервативнымъ, пожилымъ кандидатомъ. Буряты готовы были отдать предпочтеніе второму, не за его умѣренность, а за его возрастъ, который въ ихъ глазахъ гарантировалъ большую вѣрность принятой имъ клятвѣ. Голоса рѣшительныхъ тунгусовъ рѣшили споръ въ пользу перваго (кадета).

Теперь о партійной группировкѣ. О націоналъ-демократахъ и „обрусителяхъ“ среди иркутскихъ бурятъ мы уже говорили. Первымъ соотвѣтствуетъ у забайкальцевъ партія стародумцевъ, вторымъ—„партія прогрессивныхъ бурятъ“. Первая проникнута горячимъ націонализмомъ и стоитъ за возвращеніе къ уставу Сперанскаго, видя въ сохраненіи родового строя основу „автономности“, солидарности и уравнительнаго распредѣленія земли и оплотъ противъ денаціонализирующихъ факторовъ. „Между вожаками стародумцевъ, говоритъ Жамцарано, великое разнообразіе. Найдутся - прямо таки мошенники, играющіе на чувствахъ массы и безпощадно ее эксплоатирующіе, но больше всего безкорыстные крайніе народники“. Такъ или иначе, за ними были симпатіи огромнаго большинства народа.

Прогрессивная партія, очень немногочисленная, можетъ быть названа партіей ассимиляторской. Въ вопросѣ аграрномъ она солидарна со стародумцами, въ дѣлѣ народнаго образованія она за всеобщее обученіе, за родной языкъ, но и за обязательное преподаваніе русскаго языка; она высказывается также за отмѣну временныхъ правилъ 1901 г. и института крестьянскихъ начальниковъ, но въ вопросѣ о самоуправленіи кореннымъ образомъ расходится со стародумцами, требуя, вмѣсто возвращенія къ закону Сперанскаго, введенія земства на демократическихъ началахъ. Среди прогрессистовъ много людей съ образованіемъ, но стоящихъ близко къ администраціи. Къ ней примыкаютъ, главнымъ образомъ, богачи и тѣ культурные

элементы, которые заинтересованы въ новыхъ порядкахъ,—волостные старшины, писаря, судьи и т. д.

Изъ съѣздовъ этой партіи извѣстенъ одинъ въ началѣ 1906 г. въ Агинской степи, по протоколу котораго изложена нами ихъ программа. Между стародумцами и прогрессистами „смертельная“ вражда, по выраженію г. Жамцарано; между прочимъ, любопытно, что послѣдніе въ печати брапятъ первыхъ реакціонерами, хотя зачастую принимаютъ на себя полицейскія обязанности по отношенію къ „крамольникамъ“ стародумцамъ. Такъ или иначе, на сторонѣ стародумцевъ—вся масса и почти вся лѣвая часть интеллигентной молодежи, энергичный и дѣятельный элементъ, полный энтузіазма.

Среди крайнихъ лѣвыхъ элементовъ—два теченія, одно „западническое“, скорѣе марксистское, другое—крайнее народническое. „Западники“ исходятъ изъ неизбѣжности экономической эволюціи, которая унесетъ всѣ старые экономическіе и соціальные устои бурятской жизни и вмѣстѣ съ ними всѣ индивидуально-національныя черты бурятскаго народа. Въ силу той же эволюціи уйдетъ отъ бурятскаго народа его интеллигенція, которая предпочтетъ отдать свой трудъ на широкій и богатый рынокъ европейской культуры. Всякая работа въ пользу сохраненія бурятской національности, помимо своей тщетности, явленіе реакціонное, отдаляющее бурятскій народъ отъ вступленія въ міровую армію соціалистическаго пролетаріата. Поэтому они противъ возвращенія къ уставу Сперанскаго, предпочитая ему демократическое земство, противъ кочевого хозяйства, противъ націонализаціи школы и т. д. Въ силу такого отношенія къ національному вопросу группа западниковъ очень немногочисленна и особенной роли не играетъ. Любопытно, что на съѣздахъ эта группа поддерживала „обрусителей“ прогрессистовъ.

Полную противоположность имъ представляютъ „крайніе народники“, совершенно своеобразная группа, едва-ли имѣющая себѣ аналогію. По своимъ политико-соціальнымъ воззрѣніямъ она ближе всего подходитъ къ русскимъ с.-р. Въ политикѣ они за полное народовластіе, соединенное съ федеративно-автономнымъ строемъ отдѣльныхъ областей и національностей. Въ экономической области они требуютъ прежде всего соціализаціи земли. По тактикѣ они — мирные соціалъ-реформисты и культурники. Въ родовомъ строѣ и родо-общинномъ владѣніи землей они видятъ здоровое и крѣпкое зерно правильнаго соціальнаго развитія въ духѣ демократизма, автономности и дальнѣйшаго обобществленія производства. Въ національно-культурномъ отношеніи ихъ конечный идеалъ—возродить бурятскую народность на почвѣ европейскаго просвѣщенія, сдѣлавъ его авангардомъ общаго національнаго возрожденія и объединителемъ всего монгольскаго народа. Ихъ программа - минимумъ — широкое самоуправленіе, сохраненіе и

развитіе современнаго аграрнаго строя, національзація школы, установленіе общей монгольской письменности, широкая культурная работа. Въ религіозной сферѣ, несмотря на исповѣданіе ими идей свободомыслія, они приверженцы буддизма, какъ религіи наиболѣе прогрессивной, и охотно готовы поддержать ее въ борьбѣ съ шаманствомъ среди части иркутскихъ бурятъ. Въ культурной работѣ они держатся тактики — вносить европейское просвѣщеніе въ массы, пользуясь старыми, авторитетными въ глазахъ народа учрежденіями [1]).

Эта группа имѣетъ уже свою исторію. Еще въ строгія времена Сипягина и Плеве,—разсказываетъ одинъ изъ ея дѣятелей г. Жамцарано,—группой бурятскихъ дѣятелей „было положено начало попыткамъ организаціи и пропаганды, ставящей себѣ цѣлью объединить всѣ группы бурятскаго населенія, развивать правосознаніе массы до общечеловѣческихъ принциповъ, поддерживать и способствовать развитію существующихъ коммунистическихъ началъ, все болѣе и болѣе расширять поле ихъ дѣятельности. Это предпріятіе встрѣтило, за исключеніемъ немногихъ родоначальниковъ, горячую поддержку въ средѣ бурятской интеллигенціи и въ простой массѣ. Въ самый разгаръ Плевенскаго режима появились уже активные продолжатели этихъ начинаній, нашлись убѣжденные пропагандисты среди интеллигентой молодежи“.

Въ періодъ освободительнаго движенія обнаружились результаты этой пропаганды. Послѣдователи ея оказались вездѣ, гдѣ нужно было ихъ горячее слово и совѣтъ. Ихъ идеи легли въ основаніе важнѣйшихъ резолюцій и проектовъ. Они же и теперь работаютъ больше всего въ культурной области. Подъ вліяніемъ ихъ сложилась въ маѣ 1906 года профессіонально-политическая организація учителей и дѣятелей по народному образованію („Бурядъ заной тугъ“), объединяющей до 60 учителей бурятской школы. Образовавшись въ бурный годъ освобожденія, Союзъ, естественно, принялъ политическую платформу, и, несмотря на формальную внѣпартійность, вмѣнялъ въ обязанность своимъ членамъ вести систематическую пропаганду „народническихъ“ идей; но основная его задача—національно-культурная. Задачи союза, гласитъ § 1 устава: 1) способствовать національному возрожденію бурятъ, 2) способствовать просвѣщенію бурятъ въ широкомъ смыслѣ слова, 3) національзировать школу и 4) добиваться національнаго самоопредѣленія и автономіи. Главнѣйшая его практическая задача—сдѣлать бурят-

[1]) Хорошей иллюстраціей этого можетъ служить тенденція превратить дацаны въ смѣшанные буддійско-европейскіе университеты, съ 4 факультетами: 1) медицинскимъ (тибетская и европейская медицина); 2) естественно-философскимъ (опытныя науки, индійско-буддійская и европейская философія); 3) филологическимъ (тибетскій, санскритскій, монгольскій и русскій языки) и 4) математико-таирійскимъ (символика).

скій языкъ языкомъ преподаванія, и потому самымъ существеннымъ вопросомъ оказался вопросъ объ алфавитѣ, такъ какъ правительство настаиваетъ на русскомъ, а буряты — на обще-монгольскомъ, какъ на элементѣ, объединяющемъ ихъ съ ихъ единоплеменниками въ Монголіи. Союзомъ принятъ реформированный монгольскій шрифтъ А. Доржіева. Шрифтъ этотъ бурятскіе народники надѣются сдѣлать обще-монгольскимъ.

Болѣе сложная задача—созданіе учебниковъ, хрестоматій, вообще популярной литературы. Для выполненія этой задачи болѣе года функціонируетъ особое издательство, редактируемое извѣстными бурятскими дѣятелями. Намѣченъ былъ цѣлый рядъ переводовъ книгъ научно-популярнаго и научнаго характера и цѣлая серія учебниковъ. Въ настоящее время печатается хрестоматія (басни и пр.).

Но потребность въ широкой національной работѣ овладѣла не одной интеллигентной молодежью. Она проникла въ сознаніе широкихъ круговъ. На читинскомъ съѣздѣ было рѣшено образовать фондъ и общество народнаго просвѣщенія. Агинское вѣдомство успѣло осуществить эту идею. Тамъ же положено начало національнаго музея. На иркутскомъ съѣздѣ рѣшено открыть бурятскую учительскую семинарію. То же было и на всякихъ частныхъ съѣздахъ, даже у прогрессистовъ, настаивающихъ на всеобщемъ образованіи, открытіи сельско-хозяйственныхъ школъ, изданіи газетъ и т. д.

Реакція не остановила рвенія бурятъ къ національному возрожденію, и теперь, когда въ другихъ областяхъ національной жизни (самоуправленіи и землевладѣніи) надежды ихъ очень шатки, энергія этого стойкаго племени болѣе, чѣмъ когда-либо направлена на духовное возрожденіе.

Л. Штернбергъ.

ФИНЛЯНДІЯ.

I.

Основную массу населенія Финляндіи (по фински Suomi) составляютъ финны (Suomi alaiset), заселяющіе почти всю страну въ количествѣ 2.350.000 человѣкъ (86,75% всего населенія). Другимъ замѣтнымъ этническимъ элементомъ являются шведы, въ количествѣ 350.000 чел. (12,9%). Послѣдніе живутъ узкой полосой вдоль Финскаго залива (приблизительно отъ г. Котки до Або), такой же линіей вдоль Ботническаго залива и, кромѣ того, на Аландскихъ островахъ.

Количественное отношеніе между этими двумя этническими группами не остается повсюду равнымъ. Наоборотъ, процентъ финскаго населенія равномѣрно и постоянно увеличивается, въ то время, какъ шведскаго—уменьшается. Надо замѣтить, что процессъ этотъ совершается въ городахъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ сельскихъ общинахъ въ 1890 г. количество лицъ, говорящихъ по фински достигало 88,4% и по шведски—11,4%, а въ 1880 году—говорящихъ по фински 87,7% и по шведски 12,2%. Въ городахъ же въ 1890 г. говорило по фински 70% и по шведски 30%, въ то время, какъ въ 1880 г. по фински говорило 60%, а по шведски 40%[1]). Убыль шведскаго элемента среди сельскаго населенія объясняется тѣмъ, что шведы въ значительно-большемъ количествѣ эмигрируютъ, нежели финны[2]). Къ тому же, въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, шведы подвергаются обыкновенно культурному вліянію болѣе развитого въ умственномъ отношеніи, финскаго населенія и постепенно сливаются съ нимъ.

Что касается городовъ, здѣсь причину быстраго усвоенія ими финскаго облика надо искать въ ускоренномъ темпѣ торгово-промышленной жизни, вызвавшей значительный приливъ сельскаго населенія въ города. Такіе города какъ Гельсингфорсъ, Таммерфорсъ, Або, бывшіе 30—40 лѣтъ тому назадъ шведскими центрами, гдѣ лишь изрѣдка можно было услышать финскую рѣчь, теперь всецѣло, или, по крайней мѣрѣ, на половину носятъ финскій

---

[1]) Цифры взяты круглыя. См. „Статистическій ежегодникъ Финляндіи.“ Гельсингфорсъ 1907 года.

[2]) См. „Къ свѣдѣнію шведоманской партіи“, А. Мермана.

характеръ. И только небольшіе города на югѣ, вродѣ Лоизы и Экенеса, еще сохранили свою шведскую физіономію.

Кромѣ финновъ и шведовъ, въ Финляндіи живутъ еще около 6.000 русскихъ (большей частью въ предѣлахъ Выборгской губерніи), около 2.000 нѣмцевъ и столько же, приблизительно, лицъ другихъ національностей.

Такимъ образомъ, по этнографическому составу, населеніе Великаго Княжества Финляндскаго довольно однородно.

Несмотря на то, что до 1809 г. Финляндія была чисто шведской провинціей, шведы всегда отличали ее отъ другихъ, шведскихъ областей. Установленію такого взгляда способствовала отдаленность этой страны отъ метрополіи, этнографическій составъ населенія и многія другія особенности края. Съ конца XVI вѣка Финляндія именуется Великимъ Княжествомъ, въ офиціальныхъ актахъ XVII ст. попадаются выраженія: „дворянство Швеціи и Финляндіи“, въ историческихъ сочиненіяхъ говорится о „Швеціи и Финляндіи съ подчиненными имъ провинціями“. Финляндія имѣла свое войско, и военная защита страны лежала всецѣло на финскихъ войскахъ. На сеймахъ финляндскія дѣла разсматривались отдѣльно; бывали и случаи, что короли созывали въ Финляндіи отдѣльные сеймы.

Исторія Финляндіи знаетъ и попытки полнаго отдѣленія отъ Швеціи. Въ серединѣ XVI ст. герцогъ Іоганнъ, сынъ Густава Вазы, задумалъ образовать самостоятельное Финляндское герцогство. Въ концѣ того же вѣка, штатгальтеръ Финляндіи, король Флемингъ поднялъ знамя возстанія противъ правителя Швеціи, герцога Карла (впослѣдствіи короля Карла IX).

Россія давно уже обратила вниманіе на этотъ дуализмъ. Въ 1742 г., Императрица-Елизавета издала манифестъ, направленный къ жителямъ Финляндіи, предлагая имъ добровольно присоединиться къ Россіи, подъ условіемъ сохраненія за Финляндіей полной государственной обособленности. Манифестъ этотъ успѣха не имѣлъ, но онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что идея финляндской обособленности уже тогда носилась въ воздухѣ. Во время войны 1788—90 г.г. часть финскихъ офицеровъ составила заговоръ, извѣстный подъ именемъ „Аньяласкаго союза“. Заговорщики вступили въ переговоры съ русскимъ правительствомъ и предложили образовать изъ Финляндіи нейтральное государство подъ протекторатомъ Россіи. Екатерина выслушала ихъ, но объявила, что вступитъ въ переговоры только съ законными представителями страны. Заговоръ, такимъ образомъ, не удался, заговорщики бѣжали въ Россію и поступили на русскую государственную службу. Здѣсь они дѣятельно пропагандировали идею финляндской самостоятельности. Во главѣ ихъ стоялъ шведскій эмигрантъ (впослѣдствіи генералъ русской службы) Геранъ Спренгпортенъ. По его совѣту идея нейтральнаго государства, какъ непрактичная и

неосуществимая, была оставлена и замѣнена идеей политической автономіи (но не провинціальной, а государственной). Мы видимъ, слѣдовательно, что прообразъ финляндской самостоятельности уже давно носился въ воздухѣ.

Когда Россія, въ концѣ концовъ, завладѣла Финляндіей, финляндскіе патріоты воспользовались либеральнымъ настроеніемъ Александра I и убѣдили его сохранить за страной ея религію, гражданскіе законы, конституцію, которою она пользовалась, собственную администрацію и самостоятельное государственное хозяйство. Не дожидаясь заключенія мира со Швеціей, Александръ I созвалъ сеймъ въ Борго и 17/19 марта 1809 года торжественно прочелъ передъ представителями Финляндіи грамоту, содержавшую обѣщаніе сохранить основные законы страны; затѣмъ, сеймъ принесъ присягу Императору Всероссійскому и Великому Князю Финляндскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ присягнулъ на вѣрность конституціи страны. Такіе же манифесты (или „удостовѣренія“, какъ ихъ называютъ финляндцы) издавались и послѣдующими государями при вступленіи на престолъ [1]).

---

[1]) Кстати, не лишне ознакомить вкратцѣ читателей съ государственнымъ строемъ Финляндіи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ Александромъ I и вырабатывался въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, вплоть до нашихъ дней. Законодательная власть принадлежитъ монарху совмѣстно съ сеймомъ. Ни одинъ законъ не можетъ воспріять силу безъ одобренія сейма и утвержденія его монархомъ. Впрочемъ, монарху принадлежатъ весьма широкія полномочія и въ области такъ называемаго „экономическаго“ законодательства: онъ можетъ, безъ участія народныхъ представителей, издавать постановленія, имѣющія силу закона, по вопросамъ, касающимся общественнаго хозяйства и государственнаго управленія. Если, однако, по данному вопросу издано постановленіе при участіи сейма, то оно можетъ быть измѣнено, или отмѣнено не иначе, какъ съ согласія послѣдняго. Насколько широка область экономическаго законодательства, видно изъ того, что сюда относятся, напр., законы таможенные, и до 1906 года отнесены были также законы о печати. Сеймъ состоялъ прежде изъ 4-хъ сословныхъ палатъ, избиравшихся на основаніи весьма несовершеннаго избирательнаго права. Теперь (съ 1906 г.) онъ избирается всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, причемъ избирательнымъ правомъ, какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ, пользуются и женщины. Сеймъ состоитъ изъ 200 депутатовъ, образующихъ одну палату. Онъ пользуется правомъ законодательной инціативы. Бюджетныя права его ограничены правомъ вотированія лишь временныхъ налоговъ (bevillningar); правда, безъ его согласія не могутъ быть установлены новые налоги или увеличены существующіе, но ординарнымъ бюджетомъ распоряжается монархъ. Во главѣ управленія стоятъ генералъ-губернаторъ и финляндскій сенатъ. Сенатъ состоитъ изъ двухъ департаментовъ: судебнаго и хозяйственнаго. Первый является высшею судебною инстанціею; второй раздѣляется на экспедиціи, соотвѣтствующія министерствамъ. Сенаторы назначаются Высочайшею властью; генералъ-губернаторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель сената. Докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ передъ Государемъ является министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Финляндіи. Въ административномъ отношеніи Финляндія раздѣляется на губерніи. Всѣ должности на государственной службѣ замѣщаются коренными финляндцами. Финляндія имѣетъ свой государственный банкъ и свою монету (марка-франку). Воинская повинность отбывалась прежде по поселенной системѣ; въ 1878 году былъ изданъ уставъ о воинской повинности, въ силу котораго финляндцы несли службу исключительно въ финскихъ частяхъ, расположенныхъ въ Финляндіи же и содер-

Подъ владычествомъ Швеціи Финляндія всецѣло поддалась ея культурному вліянію, перенявъ общественный строй, политическія учрежденія, религію и т. д. Высшіе классы усвоили языкъ, нравы и обычаи шведовъ, и только масса оставалась по духу и языку финской. Шведское правительство хотя и требовало отъ финляндскихъ чиновниковъ и судей знанія финскаго языка, но это формальное требованіе не исполнялось; одно только духовенство, въ силу необходимости, обращалось къ народу на единственно — понятномъ ему финскомъ языкѣ. Этимъ объясняется взаимо-отношеніе между потребностями церкви и развитіемъ финской письменности. Первую книгу на финскомъ языкѣ—молитвенникъ—издалъ въ XVI столѣтіи абоскій епископъ Михаилъ Агрикола, и до средины прошлаго столѣтія финская азбука считалась пригодною лишь для библіи, псалтиря, молитвенниковъ и, пожалуй еще, для популярныхъ руководствъ по сельскому хозяйству.

Но съ распространеніемъ просвѣщенія и съ пробужденіемъ въ финнахъ политическаго и національнаго самосознанія, толчкомъ къ которому послужило отдѣленіе отъ Швеціи и присоединеніе къ Россіи — народъ сталъ требовать образованія на своемъ родномъ языкѣ, назначенія чиновниковъ, понимающихъ его родную рѣчь, устройства школъ, въ которыхъ чиновники и судьи могли бы получать подготовку, изданія финскихъ книгъ и газетъ.

Такимъ образомъ, національный вопросъ сразу же отлился въ форму вопроса о языкахъ, и національное движеніе выразилось въ борьбѣ за права языковъ—финскаго и шведскаго.

Пробужденіе національнаго самосознанія среди финновъ можно, впрочемъ, прослѣдить еще и въ шведскія времена. Такъ, уже въ концѣ XVIII в. Портанъ, профессоръ университета въ Або, съумѣлъ внушить своимъ слушателямъ любовь къ изученію финскаго языка, народныхъ пѣсенъ, памятниковъ старины, этнографіи. Шведы говорили про послѣдователей Портана, что они охвачены „маніей“ ко всему финскому; оттуда и названіе—„финноманы“. Но послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, это движеніе вспыхиваетъ съ новой силой. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія національное броженіе замѣчается опять среди молодежи Абосскаго университета. „Мы перестали быть шведами — говорилъ доцентъ Арвидсонъ, стоявшій въ центрѣ

жавшихся на финляндскія средства. При генералъ-губернаторѣ Бобриковѣ, въ 1901 году, этотъ уставъ былъ отмѣненъ, и введенъ, вопреки отказу сейма, административнымъ путемъ, новый; вслѣдъ за тѣмъ финскія войска были расформированы. Въ 1905 году дѣйствіе устава было пріостановлено, впредь до разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Взамѣнъ личной повинности, финляндцы уплачиваютъ временно въ русское государственное казначейство ежегодно на военныя надобности 10 милліоновъ марокъ.

кружковъ молодежи,—русскими мы не хотимъ быть, такъ будемъ же финнами". Афоризмъ этотъ можетъ, съ перваго взгляда, показаться фразой, ибо естественно, что финнъ не можетъ не быть финномъ; но по отношенію къ образованному классу того времени, онъ имѣлъ сокровенный смыслъ и глубокое значеніе. Пылкіе патріоты, окружавшіе Арвидсона, не разсчитали, однако, своихъ силъ и забыли объ условіяхъ момента. Реакція эпохи конгрессовъ, видѣвшая въ національныхъ движеніяхъ причину революціоннаго броженія умовъ, не могла оставаться равнодушной къ мечтаніямъ финской молодежи. Газеты, издававшіяся кружкомъ Арвидсона, погибли, а самому ему пришлось переселиться въ Швецію.

Рѣзкая перемѣна въ настроеніи Александра I, сказавшаяся во второй половинѣ его царствованія, имѣла для Финляндіи серьезныя послѣдствія: сеймъ больше не созывался. Нечего было думать о созывѣ народныхъ представителей и въ теченіе долгаго, 30-лѣтняго царствованія Николая I.

Вступая на престолъ, Николай I, въ особомъ манифестѣ къ финскому народу, гарантировалъ неприкосновенность кореннныхъ законовъ страны. Но обходясь безъ сейма, онъ, съ своей точки зрѣнія, еще не нарушалъ этимъ обѣщанія, такъ какъ по шведскимъ государственнымъ законамъ созывъ сейма зависѣлъ отъ воли монарха. Въ рукахъ короны находились обширныя полномочія—по изданію постановленій въ порядкѣ управленія, чѣмъ она и пользовалась для урегулированія несложныхъ запросовъ жизни, не останавливалась, впрочемъ, передъ тѣмъ, чтобы, въ неотложныхъ случаяхъ, перешагнуть и за предѣлы этихъ полномочій. Судя по всему, имѣлось въ виду постепенно, безъ ломки, ввести новый строй, пріучивъ населеніе къ иному порядку вещей, въ разсчетѣ, что оно, съ теченіемъ времени, забудетъ обѣщанія Александра I, данныя имъ въ порывѣ „либеральныхъ увлеченій". Велась своего рода медленная осада, которая, однако, успѣха не имѣла. Финны не забыли своихъ вольностей. Вмѣстѣ съ пробужденіемъ національнаго чувства, росло и политическое сознаніе, выжидавшее только благопріятнаго момента, чтобы вспыхнуть яркимъ пламенемъ.

Реакція николаевскаго времени загнала движеніе внутрь. Втиснутое въ рамки отдѣльныхъ кружковъ и ученыхъ обществъ, оно не только не заглохло, но оформилось и окрѣпло. Въ мрачной атмосферѣ политическаго застоя общественная мысль упорно работала; намѣчались и складывались идеалы и стремленія, которые впослѣдствіи воплотились въ жизнь. Это была пора расцвѣта финской литературы, первыхъ всходовъ финской науки. Тогда же создалъ свои лучшія произведенія поэтъ Рунебергъ, написанныя на шведскомъ языкѣ, но проникнутые истинно финскимъ духомъ. Рунебергъ дѣйствительно—національный поэтъ Финляндіи, произведенія котораго передаютъ чувства и желанія,

воодушевляющія самые широкіе слои финскаго народа. Современникъ Рунеберга, Эліасъ Ленротъ, познакомилъ интеллигенцію съ финской народной поэзіей; въ 30-хъ годахъ появилось первое изданіе его „Калевалы", сборника финскихъ рунъ (пѣсенъ), составляющихъ обширную и, болѣе или менѣе, законченную поэму. Для національнаго развитія финновъ это было событіемъ чрезвычайной важности, по своему значенію столь же выдающимся, какимъ, напримѣръ, для чеховъ, опубликованіе „Краледворской рукописи" (съ той, впрочемъ, разницей, что подлинность „Калевалы" никогда не возбуждала сомнѣній). Къ той же полосѣ относится дѣятельность І. В. Снельмана, основателя современнаго финноманства, его теоретика и апостола. Это былъ одновременно философъ, публицистъ, профессоръ и практическій государственный дѣятель, которому Финляндія обязана и важной мѣстной реформой, заключавшейся въ установленіи особой монетной единицы—„марки" вмѣсто рубля; это упрочило финансовую независимость страны, укрѣпило кредитъ и упорядочило государственное хозяйство. Вліянію того же Снельмана, и притомъ личному вліянію его на Александра II, приписываютъ изданіе перваго важнаго указа въ пользу равноправія финскаго и шведскаго языковъ (въ 1863 г.). Это распоряженіе признавало, въ принципѣ, равноцѣнность финскаго языка со шведскимъ, но для изученія перваго устанавливало 20-лѣтній срокъ, такъ какъ въ то время лишь очень немногіе чиновники владѣли этимъ языкомъ.

Финскіе національные дѣятели группировались вокругъ Финскаго литературнаго общества, основаннаго въ началѣ 30-хъ годовъ, съ цѣлью изученія и совершенствованія финскаго языка и исторіи, для фольклористическихъ и этнографическихъ изслѣдованій финской народности. Рядомъ съ чисто-научными, оно преслѣдовало и просвѣтительныя цѣли: переводило на финскій языкъ произведенія европейской литературы, издавало учебники, руководства, субсидировало газеты и пр. Общественная заслуга этой организаціи заключалась въ томъ, что она сплотило вокругъ себя выдающихся дѣятелей національнаго движенія. Финскимъ патріотамъ предстояло рѣшить двойную задачу: поднять общую культурность страны и привлечь къ пользованію благами цивилизаціи тѣ слои населенія, которые до того времени были лишены этого. Шведская культура коснулась лишь чиновниковъ, духовнаго сословія, немногочисленнаго дворянства, и, еще менѣе многочисленнаго въ то время, торговаго и промышленнаго классовъ, которые къ тому еще смотрѣли на Финляндію, какъ на частицу Швеціи, насильственно отъ нея оторванную. Главная же масса населенія — крестьяне — оставались, какъ уже было отмѣчено, почти незатронутыми шведскими культурными вліяніями, и коснѣли въ невѣжествѣ.

Снельманъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ тогдашнее положеніе родины: „Вѣковая зависимость привела къ тому, что въ Финляндіи нѣтъ патріотизма; между образованнымъ классомъ и народомъ лежитъ пропасть. Первый не сознаетъ потребности поднять народъ до себя, а въ народѣ отсутствуетъ сознаніе своего достоинства... Правда, со шведскихъ временъ у насъ образовалось нѣчто въ родѣ умственной аристократіи, хранящей древнія традиціи, но это аристократія чисто-бюрократическая, не имѣющая корней въ народѣ. Мы, финны, малочисленны, намъ нужно восполнить нашу численную слабость широкимъ распространеніемъ просвѣщенія". Въ этихъ словахъ заключена программа дѣятельности Снельмана и его первыхъ единомышленниковъ: они призывали интеллигенцію къ сближенію съ народомъ и къ культурной работѣ въ его средѣ. Своей національной задачей и лозунгомъ они провозглашали: культурность, просвѣщеніе, демократизмъ. Лишь опираясь на эти силы, маленькій финскій народъ способенъ сохранить въ неравной борьбѣ свою политическую самостоятельность и культурную индивидуальность. Такова была идеологія первыхъ финномановъ; таковыми были они въ дни юности. Чѣмъ они стали позднѣе, возмужавъ, мы увидимъ ниже.

II.

До тѣхъ поръ пока въ странѣ не было политической жизни, и господствовала реакція, финноманство оставалось чисто-литературнымъ направленіемъ; въ политическую партію (назвавшуюся „Національной партіей") они сорганизовались лишь послѣ того, какъ съ 1863 года начали созываться сеймы. Этотъ годъ — историческая дата въ жизни Финляндіи, поворотный пунктъ въ новѣйшей исторіи этой страны.

Созванію сейма предшествовалъ подъемъ въ хозяйственной жизни, вызвавшій общее ускореніе жизненнаго темпа. Внезапно наступившее тогда оживленіе въ экономическихъ отношеніяхъ объясняется быстрымъ увеличеніемъ на англійскомъ рынкѣ спроса на лѣсъ, составляющій главное богатство Финляндіи. Но для того, чтобы использовать благопріятное для страны состояніе торговаго рынка, надо было создать торговый флотъ, улучшить пути сообщенія, перестроить на раціональныхъ началахъ сельское хозяйство, упрочить кредитъ, упорядочить финансы, привлечь къ лѣсной промышленности и сельскому хозяйству капиталы, отмѣнить устарѣвшіе законы, стѣснявшіе свободу труда и передвиженія. Жизнь быстро шла впередъ, властно требуя освобожденія изъ тисковъ, наложенныхъ на нее тридцатилѣтнею реакціей. Правительство понимало необходимость реформъ, но приступивъ, къ нимъ, стал-

кивалось съ основнымъ препятствіемъ: почти всѣ реформы требовали, по законамъ страны для своего проведенія, согласія сейма. Общественное мнѣніе громко и единодушно требовало созыва народныхъ представителей; слово „сеймъ“ стало лозунгомъ момента. Въ Петербургѣ къ тому времени повѣяло новымъ теченіемъ, условія благопріятствовали. Однако, правительство уступило не сразу; оно попробовало предложить вмѣсто сейма фальсифицированное представительство, въ видѣ комисіи изъ 12 депутатовъ отъ каждаго сословія. И только убѣдившись, что финскій народъ никогда не помирится съ такимъ суррогатомъ, и увидѣвъ, какое впечатлѣніе произвелъ въ странѣ указъ о созывѣ комисіи (получившей названіе январской),—оно рѣшилось созвать сеймъ.

Серьезныя основанія заставляютъ полагать, что, кромѣ давленія финляндскаго общественнаго мнѣнія, здѣсь сыграли извѣстную роль также и соображенія международнаго свойства. Лично открывая сеймъ въ 1863 году, въ то время когда въ Польшѣ бушевало пламя возстанія, Александръ II сказалъ, какъ бы обращаясь черезъ головы депутатовъ по адресу „клеветниковъ Россіи“: „Вамъ, представителямъ Великаго Княжества, надлежитъ показать достоинствомъ и умѣренностью вашихъ преній, что въ рукахъ народа мудраго, готоваго работать въ согласіи съ монархомъ, либеральныя учрежденія, далеко не бывъ опасными, становятся гарантіей порядка и благоденствія“.

На первыхъ же сессіяхъ сейма выдвинулась Національная партія; руководимая талантливыми вождями; она скоро окрѣпла и пріобрѣла большое вліяніе. Въ 80-хъ годахъ шведскому языку и шведской культурѣ стала грозить опасность отъ примѣненія, вступившихъ тогда въ силу, правилъ о финскомъ языкѣ, и тогда образовалась изъ прежнихъ либераловъ новая партія—свекоманская. Позднѣе, въ началѣ 90-хъ годовъ, отъ финской партіи отдѣлилась фракція „молодыхъ“, недовольная слишкомъ консервативнымъ направленіемъ „старыхъ финномановъ“. Такимъ образомъ, уже въ 90-хъ годахъ создалась группировка національно-политическихъ партій, сохранившаяся—частью подъ другими названіями—до нашихъ дней [1]).

Центральнымъ пунктомъ разногласія между національными партіями былъ и остается „вопросъ о языкахъ“ (о другихъ программныхъ и тактическихъ разногласіяхъ скажемъ ниже). Борьба изъ-за языка велась: въ школѣ, администраціи, судѣ, коммунальныхъ учрежденіяхъ. Высшаго своего напряженія она достигла въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, не утративъ, впрочемъ, своего значенія и до сего времени. Разница лишь въ томъ, что противники нѣсколько помѣнялись мѣстами. Было время, когда

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія по исторіи національ. движенія—см. сборникъ „Финляндія“, подъ ред. Протопопова, СПБ. 1898. Статья: „Національное движеніе и партіи.“

финноманы являлись піонерами, встрѣчая на каждомъ шагу сопротивленіе, такъ какъ администрація, судъ и муниципалитеты находились въ рукахъ свекомановъ; это было въ ту пору, когда открыто заявлялось, что не только высшая, но и средняя школа должна оставаться шведской; для финскаго же населенія достаточно и низшихъ школъ когда серьезные юристы сомнѣвались въ возможности примѣненія финскаго языка въ судѣ, не только потому, что этотъ языкъ не былъ достаточно обработанъ, а потому что шведскіе законы категорически запрещали употреблять въ судѣ „чужіе языки“. Все это давно миновало. Теперь финноманы сразили своихъ противниковъ: въ присутственныхъ мѣстахъ, судебныхъ учрежденіяхъ и коммунахъ преобладаютъ чиновники и служащіе, говорящіе по фински. Только нѣкоторыя муниципальныя учрежденія, какъ напр. городская дума въ Гельсингфорсѣ, благодаря цензовой системѣ, находится въ рукахъ шведовъ, хотя городъ болѣе чѣмъ на половину финскій.

Равноправіе языковъ давно признано въ теоріи и проведено въ жизнь. Крайніе финноманы, т. е. старо-финноманы (сами они себя называютъ „Финской національной партіей“), однако, не довольствуются этимъ и хотятъ сдѣлать финскій языкъ единственнымъ офиціальнымъ языкомъ страны. Ихъ девизъ: одинъ народъ, одинъ языкъ. „Какъ національный языкъ Финляндіи, финскій языкъ долженъ быть офиціальнымъ языкомъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій страны“, говорится въ первомъ пунктѣ ихъ программы (за населеніемъ шведскихъ мѣстностей сохраняется только право обращаться въ учрежденія на шведскомъ языкѣ и получатъ на этомъ языкѣ рѣшенія). Свекоманы же и лѣвые финноманы (младофинны) отстаиваютъ равноправіе языковъ, ратуютъ за историческія и культурныя права шведскаго языка, которымъ пользуется меньшинство. „На шведскомъ языкѣ говоритъ многочисленный слой населенія, и потому этотъ языкъ долженъ считаться однимъ изъ языковъ страны—говорится въ петиціи, поданной сейму 1907 года; сверхъ того шведская форма просвѣщенія имѣетъ свои національныя, какъ и историческія права, и сохраненіе ея принесетъ пользу для прогресса страны“.

Мы уже говорили, что финноманы достигли настоящаго положенія послѣ упорной и долгой борьбы. Въ школьномъ дѣлѣ эта борьба велась, главнымъ образомъ, за преобладаніе въ средней школѣ, такъ какъ и свекоманы не отрицали того, что первоначальное образованіе народъ долженъ получать на своемъ родномъ языкѣ. Только въ сельскихъ мѣстностяхъ, со смѣшаннымъ населеніемъ происходили постоянныя тренія вслѣдствіе того, что бюрократія, въ то время почти сплошь шведская, отказывала нерѣдко финскимъ школамъ въ казенной субсидіи. Къ средней же школѣ отношеніе пра-

вящихъ сферъ было иное. Потому ли, что шведская бюрократія, какъ думаютъ финноманы, боялась демократизаціи средней школы, или потому, что свекоманы, какъ они сами говорятъ, считали усвоеніе средней школой финскаго облика процессомъ медленнымъ, для котораго не имѣлось тогда на лицо необходимыхъ условій,— какъ бы то ни было, средняя школа долго служила яблокомъ раздора. Однако, въ этой именно области финноманы уже въ 80-хъ годахъ одержали рядъ крупныхъ побѣдъ. Имъ отказывали въ казенной субсидіи, но они сами собирали средства и открывали частные лицеи, гдѣ преподаваніе велось на финскомъ языкѣ, (первый лицей открытъ въ 1858 году), и это немедленно отозвалось на состояніи шведскихъ лицеевъ: число учениковъ въ послѣднихъ начало быстро падать. Успѣхъ первыхъ финскихъ лицеевъ вынудилъ правительство сперва субсидировать, а затѣмъ и взять ихъ въ свои руки [1]).

Мы привели нѣкоторыя данныя относящіяся только къ лицеямъ; но тотъ же процессъ, даже въ значительно болѣе интенсивной формѣ, происходилъ и въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (т. н. элементарныхъ, реальныхъ, подготовительныхъ и др. школахъ). Только университетъ, несмотря на всѣ стремленія финномановъ, остается по языку преподаванія и до сего времени на половину шведскимъ, хотя громадное большинство студентовъ признаетъ своимъ роднымъ языкомъ финскій. Стремленія финномановъ направлены теперь въ этой области къ тому, чтобы всѣ лекціи читались по-фински, и чтобы этотъ языкъ сталъ единственнымъ официальнымъ языкомъ университетскаго преподаванія.

Первое распоряженіе, признавшее въ принципѣ равноправіе языковъ въ судѣ и администраціи, относится къ 1863 году. На смотрѣ войскъ въ Тавастгустѣ Государь подписалъ манифестъ, объявлявшій равноправіе финскаго народа со шведскимъ „во всемъ, что касается финскаго населенія“. Актъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Снельману, бывшему въ то время сенаторомъ. Немедленное введеніе финскаго языка въ официальное дѣлопроизводство въ то время представляло непреодолимыя трудности, такъ какъ очень немногіе чиновники знали этотъ языкъ. Поэтому для обязательнаго примѣненія правилъ о равноправіи былъ установленъ 20-ти лѣтній срокъ, а тѣмъ време-

---

[1]) Въ 1880 году было 4 казенныхъ финскихъ лицея и 8 частныхъ (общихъ для мальчиковъ и дѣвочекъ), а шведскихъ—10 казенныхъ и 3 частныхъ. Въ 1905—06 уч. г. финскихъ казенныхъ было уже 18 и 18 же частныхъ, а шведскихъ—только 8 казенныхъ и 10 частныхъ. Учащихся въ лицеяхъ было въ 1880 году (какъ въ казенныхъ, такъ и частныхъ) въ финскихъ—1500, въ шведскихъ—2100, а въ 1905—06 г. въ финскихъ—8245, въ шведскихъ—3700; или въ процентахъ: въ 1880 г было 40% учащихся въ лицеяхъ—финновъ и 60%—шведовъ; въ 1905—06—финновъ 66%, шведовъ—33%. Цифры эти заимствованы изъ „Статистическаго ежегодника Финляндіи за 1907 годъ.“

немъ разрѣшено было принимать прошенія и другія бумаги на финскомъ языкѣ; канцеляріямъ на наемъ переводчиковъ начали отпускать спеціальныя средства. Черезъ двадцать лѣтъ съ небольшимъ появляется новое распоряженіе — рескриптъ 1886 года, въ силу котораго „для окончательнаго уравненія“ правъ финскаго и шведскаго языковъ „разрѣшается присутственнымъ мѣстамъ, правительственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ употреблять въ дѣлопроизводствѣ и служебныхъ сношеніяхъ, какъ шведскій, такъ и финскій языкъ“; генералъ-губернатору совмѣстно съ сенатомъ поручено „безотлагательно представить“ проектъ правилъ употребленія того или другого языка. Эти два основныхъ акта — манифестъ 1863 г. и рескриптъ 1886 г. — въ позднѣйшее время были дополнены цѣлымъ рядомъ постановленій, изъ которыхъ послѣднее, въ хронологическомъ порядкѣ, относится къ 1902 году и регулируетъ до сего времени вопросы о языкахъ.

По закону 1902 года общинныя учрежденія (городскія и сельскія) опредѣляютъ языкъ своего дѣлопроизводства, сообразуясь съ языкомъ большинства населенія. Присутственныя мѣста и суды, простирающіеся на нѣсколько общинъ съ однимъ языкомъ, ведутъ дѣлопроизводство на этомъ языкѣ; обнимающіе нѣсколько общинъ съ разными языками — ведутъ дѣлопроизводство на языкѣ большинства, но въ сношеніяхъ съ общинами пишутъ исходящія бумаги на языкѣ соотвѣтствующей общины. Наконецъ, центральныя учрежденія сами опредѣляютъ языкъ своего дѣлопроизводства, но въ сношеніяхъ съ низшими употребляютъ языкъ даннаго учрежденія. Въ коллегіальныхъ органахъ каждый членъ можетъ говорить, по своему желанію, на финскомъ или шведскомъ языкѣ.

Всѣ эти распоряженія, какъ уже сказано выше, изданы административнымъ путемъ, безъ участія сейма. Хотя обѣ враждующія партіи сознавали ненормальность такого порядка, однако, придти къ соглашенію онѣ не могли: партійныя стремленія заслоняли принципіальную важность вопроса. Свекоманы, въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ, стояли на конституціонной точкѣ зрѣнія, обвиняя своихъ противниковъ въ склонности прибѣгать къ окольнымъ „петербургскимъ путямъ“. Финноманы оправдывались тѣмъ, что ихъ толкаетъ на этотъ путь упорство противниковъ. „Недовольные антинаціональнымъ образомъ дѣйствій администраціи, крайніе представители финноманства склонялись къ мысли разрубить гордіевъ узелъ однимъ ударомъ“ [1]). Финноманы не имѣли шансовъ провести свои проекты черезъ сеймъ, такъ какъ въ прежнемъ сословномъ сеймѣ двѣ верхнія куріи — дворянъ и горожанъ — находились въ рукахъ свекомановъ.

---

[1]) Е. Г. Пальменъ „О партійной борьбѣ въ Финляндіи“ (Tankar om partistriden i Finland). Helsingfors 1905 г.

При голосованіи два сословія противостали бы двумъ, и проектъ былъ бы безусловно отвергнутъ.

Послѣ реформы финляндскаго представительства, введенія всеобщаго голосованія и пропорціональной системы выборовъ—условія рѣзко измѣнились. Отнынѣ, въ сеймѣ громадное большинство депутатовъ считаетъ своимъ роднымъ языкомъ финскій; свекоманы представлены были въ послѣднемъ сеймѣ всего 26-ю депутатами (изъ 200). Всѣ партіи согласны теперь въ томъ, что урегулированіе вопроса о языкахъ должно свершиться законодательнымъ путемъ, и что законъ о языкахъ долженъ быть причисленъ къ числу основныхъ. Уже передъ роспускомъ перваго сейма были внесены петиціи о языкахъ: старо-финноманы внесли свой проектъ, построенный на строго—проведенномъ принципѣ: „одинъ народъ—одинъ языкъ“; младо-финноманы и свекоманы внесли свои предложенія, весьма близкія другъ къ другу и допускающія полную возможность согласованія. Старофинны будутъ, конечно, голосовать противъ проекта, исходящаго отъ свекомановъ и ихъ союзниковъ—младо-финновъ, и рѣшающее значеніе будетъ имѣть позиція соціалдемократовъ. Хотя отношеніе послѣднихъ къ вопросу о языкѣ и неясно, но можно съ увѣренностью сказать, что за старо-финнами они не пойдутъ.

Сеймовая комисія, разсматривающая петиціи о языкахъ, рѣшила въ основу своего заключенія положить младо-финскій проектъ. Строго проводя мажоритарный принципъ, проектъ этотъ стремится также оградить и интересы меньшинства. Для устраненія часто происходящихъ на практикѣ треній, въ него введено точное опредѣленіе того, что должно понимать подъ большинствомъ: страна дѣлится на служебные участки, и отъ участокъ, въ которомъ на второмъ языкѣ говоритъ 20% населенія или больше, считается двуязычнымъ, въ противномъ случаѣ—одноязычнымъ. Въ одноязычныхъ участкахъ судьи и должностныя лица говорятъ на языкѣ большинства, однако, рѣшенія выдаются, по просьбѣ истца или просителя, на его родномъ языкѣ. Въ двуязычныхъ—судьи и присутственныя лица, въ дѣлахъ гражданскихъ и возникшихъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, говорятъ на языкѣ истца или просителя, а если послѣднихъ много и особаго заявленія не послѣдовало, или если дѣло возникло въ порядкѣ публичнаго обвиненія, то пользуются языкомъ, на которомъ говоритъ большинство округа. Уголовныя дѣла ведутся на языкѣ обвиняемаго. Прошенія и заявленія могутъ подаваться во всѣ суды и учрежденія (какъ казенныя, такъ и общественныя) на томъ и другомъ языкѣ. Шведская печать встрѣтила этотъ проектъ очень сочувственно, считая его, по условіямъ времени, самымъ пріемлемымъ.

Дальнѣйшая судьба злополучнаго вопроса о языкахъ зависитъ, такимъ образомъ, отъ соціалдемократовъ; ихъ же отношеніе къ этому вопросу, какъ мы указывали выше, не вполнѣ опредѣлилось. Въ программѣ, написанной по

образцу соціалдемократическихъ программъ другихъ странъ, опредѣленныхъ указаній на этотъ счетъ мы не находимъ [1]). Въ своихъ воззваніяхъ и резолюціяхъ партія неоднократно подчеркивала, что она противница націоналистическихъ стремленій и не допуститъ угнетенія меньшинства. Въ теоріи соціалдемократы стоятъ на почвѣ космополитическихъ воззрѣній, и, вѣроятно, вполнѣ искренно желаютъ ихъ проведенія, но на практикѣ извѣстные психологическіе мотивы часто не позволяютъ имъ строго придерживаться началъ, провозглашенныхъ въ принципѣ. Вся соціалдемократическая партія рекрутируется почти исключительно изъ финновъ (изъ 85 депутатовъ соціалистовъ въ послѣднемъ сеймѣ—было только два шведа); всѣ соціалдемократическія газеты—финскія; вся литература по рабочему вопросу, имѣющаяся въ Финляндіи—тоже финская, и хотя существуетъ шведскій отдѣлъ соціалдемократической партіи, но онъ немноголюденъ и влачитъ довольно жалкое существованіе. Незначительное участіе въ рабочемъ движеніи шведскаго элемента объясняется тѣмъ, что шведское населеніе въ Финляндіи, кромѣ верхнихъ слоевъ буржуазіи, состоитъ преимущественно изъ земледѣльческихъ элементовъ; притомъ въ умственномъ отношеніи оно стоитъ ниже финскаго. „Національное движеніе—говоритъ одинъ видный представитель финляндской соціалдемократіи—разбудило классовое сознаніе финскаго рабочаго. Между тѣмъ свекоманская партія все свое вниманіе обращала всегда на чиновничество и городское сословіе сейма; о народѣ, говорящемъ по шведски, (т. е. о жителяхъ южныхъ шхеръ), она забыла и вспомнила только, когда уже было поздно“ [2]).

Въ финляндцахъ, говорящихъ по шведски—рабочій видитъ „господъ“, представителей бюрократіи, капитала и поземельнаго дворянства. Поддерживать привилегіи такого меньшинства онъ склонности не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что „господа“ уже и теперь всѣ знаютъ финскій языкъ, а со временемъ естественный ходъ вещей приведетъ къ тому, что они станутъ финнами. Къ тому же, двуязычіе невыгодно и въ экономическомъ отношеніи. Вотъ почему финляндскій соціалдемократъ готовъ поддерживать и защищать права шведскаго языка лишь въ той мѣрѣ, въ какой этого требуютъ реальные интересы коренного шведскаго населенія шхеръ. Въ этомъ духѣ высказался недавно соціалдемократическій митингъ, на которомъ обсуждался вопросъ о языкахъ и объ отношеніи къ нему парламентской фракціи. Насколько извѣстно, партія не выработала до сихъ поръ своего собственнаго законопроекта о языкахъ, но

---

[1]) На русскомъ языкѣ программа финл. соц.-демокр. партіи напечатана въ брошюрѣ *Коллонтай*: „Финляндія и соціализмъ“. Спб. 1906 г.

[2]) *Аф Урсинъ*. Arbetarefrogan in Finland („Рабочій вопросъ въ Финляндіи“. Имѣется нѣмецкій переводъ) Helsingfoirs 1903 г.

тѣ предложенія, которыя выдвигались на упомянутомъ собраніи, должны быть признаны, во всякомъ случаѣ, менѣе отвѣчающими требованіямъ терпимости, нежели проектъ младо-финномановъ.

III.

Теперь, когда послѣ событій 1905 года, о чемъ рѣчь будетъ ниже, происходитъ общая соціально-политическая перетасовка, создаются новыя группировки, и нарождаются новыя теченія,—въ финляндскихъ партійныхъ отношеніяхъ разобраться нелегко. Процессъ броженія еще далеко не кончился; находясь въ центрѣ его, мы не всегда можемъ даже уловить сливающіяся очертанія и скрещивающіяся направленія.

Волна 1905 года смыла старые устои, выдвинувъ новыя силы. Соціалъ-демократическая рабочая партія, имѣвшая въ прежнемъ сословномъ сеймѣ двухъ или трехъ случайныхъ представителей, „допущенныхъ“ другими партіями, въ первомъ сеймѣ всеобщаго избирательнаго права оказалась уже наиболѣе сильной партіей; свекоманы же, имѣвшіе на своей сторонѣ двѣ верхнія куріи сейма, теперь сведены до роли второстепенной партіи. Подъ вліяніемъ неотложныхъ требованій момента, національныя партіи, оставаясь, по существу, прежними, вливаютъ все же новое вино въ старые мѣха, сознавая, что оставаться при старыхъ національныхъ, или—точнѣе: „языковыхъ“ лозунгахъ уже нельзя. Жизнь неудержимо влечетъ въ сторону соціальныхъ реформъ, а интересъ къ спору о языкахъ слабѣетъ и теряетъ свою прежнюю остроту. Угрожающее положеніе, занятое рабочими, вынудило національныя партіи сдѣлать важныя уступки. Съ другой стороны, тѣ же причины, которыя вызвали эти уступки, т. е. натискъ рабочей партіи, обострили классовую вражду и неудержимо толкаютъ національныя партіи, къ сближенію. Изъ либеральныхъ свекоманскихъ рядовъ раздается призывъ къ объединенію всѣхъ несоціалистическихъ партій для борьбы съ общимъ врагомъ, но призывъ этотъ остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: застарѣлая партійная вражда финномановъ къ свекоманамъ вспыхиваетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ, хотя формально блокъ и не заключенъ все же радикальныя предложенія соціалистовъ, фактически, встрѣчаютъ отпоръ со стороны несоціалистическаго большинства сейма, состоящаго изъ старофиновъ, свекомановъ (или „шведской народной партіи“, какъ называется теперь свекоманская партія) и младофинновъ. Распутать сложную сѣть существующихъ отношеній не такъ легко. Попробуемъ все же дать бѣглую характеристику національныхъ партій, руководствуясь не только тѣмъ, что изображено въ ихъ новыхъ программахъ, но также тѣмъ, чѣмъ партіи эти были до 1905 года.

Въ программѣ, выработанной на послѣднемъ партійномъ съѣздѣ (1906 г.) старо-финновъ, мы находимъ довольно широкій размахъ по части соціальныхъ и политическихъ реформъ, нѣсколько необычный для партіи, не безъ основанія считающеюся консервативной. Тутъ—и всеобщее, равное, прямое и тайное голосованіе; и расширеніе правъ сейма,—въ особенности бюджетныхъ; и распространеніе принципа всеобщаго голосованія на коммунальные выборы въ городахъ и сельскихъ общинахъ; и введеніе государственнаго прогрессивнаго подоходнаго налога; упорядоченіе арендныхъ отношеній; надѣленіе безземельныхъ землею, для чего государство, коммуны и спеціально для этой цѣли учреждаемыя кооперативныя товарищества должны скупать земли для земельнаго фонда, изъ котораго безземельные будутъ надѣляться участками на льготныхъ условіяхъ выплаты. Въ области рабочаго вопроса, финноманы требуютъ обязательнаго страхованія (съ участіемъ казны) на случай смерти, инвалидности и старости; учрежденія примирительныхъ камеръ и третейскихъ судовъ; развитія профессіональнаго образованія. Финноманы—сторонники трезвости и желаютъ полнаго запрещенія изготовленія и продажи спиртныхъ напитковъ. Въ области административнаго устройства они требуютъ: сокращенія штатовъ и уменьшенія жалованья чиновникамъ. Словомъ, старо-финская партія обѣщаетъ стать партіею національною и демократическою. „Мы открыто совершаемъ разрывъ со старыми предразсудками, мѣшающими всѣмъ классамъ соединиться въ общей національной работѣ“—говорится въ брошюрѣ, объясняющей иностранцамъ новую программу партіи [1]). Насколько этотъ разрывъ искрененъ, покажетъ ближайшее будущее. Противники старо-финновъ справа и слѣва относятся къ ихъ демократизму весьма скептически и указываютъ на то, что партія сдѣлала слишкомъ уже крутой поворотъ влѣво. Въ кардинальномъ вопросѣ, напримѣръ, — объ избирательномъ правѣ—старо-финны недавно еще не шли въ своихъ пожеланіяхъ дальше чисто-палліативной мѣры: измѣненія системы выборовъ депутатовъ отъ городского сословія; выработанный же старо-финскимъ сенатомъ при Бобриковѣ проектъ измѣненія политическихъ выборовъ, устанавливалъ высокій цензъ и плюральный вотумъ по бельгійской системѣ. Указываютъ и на другія противорѣчія — на то, напримѣръ, что теперь партія требуетъ сокращенія жалованья чиновниковъ, въ то время какъ при Бобриковѣ сенаторы старо-финны не стѣснялись получать усиленные оклады.

Мы не пойдемъ, однако, за партійными противниками, старо-финновъ и не будемъ утверждать вслѣдъ за ними, что радикализмъ ихъ политической и соціальной программы есть не что иное, какъ продуктъ демагогіи и при-

[1]) Le parti finnois en Finlande. Helsinfors, 1907.

способленія къ духу времени. Если присмотрѣться къ тому, какіе слои населенія пополняютъ ряды старо-финской партіи, можно легко убѣдиться, что извѣстная доля демократизма соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ этихъ слоевъ населенія, и она нужна партіи не только для привлеченія широкихъ массъ и отвлеченія ихъ отъ путей соціализма. Къ партіи принадлежатъ крестьяне-собственники, сельское и городское духовенство; въ городахъ—мелкая и средняя буржуазія. Вмѣстѣ съ оттѣнкомъ демократизма, этотъ классовый составъ наложилъ на партію отпечатокъ консерватизма, узкаго національзма, выражающагося въ ненависти къ „шведской бюрократіи“, и того оппортунизма въ тактикѣ, который всего ярче обнаруживается въ позиціи, занимаемой старо-финнами по отношенію къ русской бюрократіи. Въ дѣлахъ вѣроисповѣдныхъ и церковныхъ старо-финны значительно консервативнѣе свекомановъ; они не хотятъ выпустить народной школы изъ-подъ опеки духовенства. Они также противятся всякимъ улучшеніямъ въ положеніи евреевъ [1]).

Старо-финны являются сторонниками вмѣшательства государства въ экономическія отношенія, хотя—до извѣстныхъ только предѣловъ; ихъ противники,

---

[1]) Послѣднихъ здѣсь немного, но участь ихъ тяжела: они не могутъ пріобрѣтать правъ финляндскаго гражданства; имѣютъ право жить только въ нѣкоторыхъ городахъ и заниматься перечисленными въ законѣ промыслами; не могутъ пріобрѣтать недвижимой собственности. Этими „скромными“ правами пользуются очень немногія еврейскія семьи, потомки служившихъ здѣсь русскихъ солдатъ. Вообще, же Финляндія для еврейской осѣдлости закрыта, и еврею можетъ быть разрѣшено лишь временное пребываніе въ странѣ; даже еврей, родившійся въ Финляндіи, высылается изъ предѣловъ ея въ случаѣ вступленія въ бракъ. Эти несправедливости не разъ вызывали со стороны свекомановъ петиціи объ измѣненіи законодательства о евреяхъ въ болѣе гуманномъ духѣ, но подобныя попытки встрѣчали упорное сопротивленіе со стороны финномановъ. Антисемитизмъ послѣднихъ объясняется тѣмъ, что евреи конкуррируютъ съ ремесленниками, мелкими торговцами и другими бюргерами; духовенство же противится расширенію правъ евреевъ по религіознымъ побужденіямъ. Въ послѣднее время состоялось запрещеніе убоя скота согласно требованіямъ еврейскаго ритуала. Мы коснулись еврейскаго вопроса въ Финляндіи мимоходомъ, для характеристики старо-финской партіи. Что касается положеніе другихъ народностей живущихъ въ Финляндіи, то остается сказать еще нѣсколько словъ о живущихъ въ странѣ русскихъ. Нечего и говорить о томъ, что отправленіе православной вѣры пользуется полной свободой (Финляндія составляетъ отдѣльную епархію). Кромѣ того, русскіе уроженцы имѣютъ право пріобрѣтать въ Финляндіи недвижимую собственность, Нѣсколько ограничены только ихъ права по отношенію къ поступленію на государственную и общественную службу, праву заниматься промыслами и торговлей; въ этомъ отношеніи они приравнены къ иностранцамъ. Со стороны русскихъ раздаются жалобы на „безправное“ положеніе соотечественниковъ, на что финляндцы возражаютъ, что это положеніе вытекаетъ изъ существа финляндской автономіи, а въ практическомъ отношеніи—вызывается необходимостью самообороны отъ „наплыва культуртрегеровъ съ востока“. Финляндскій сенатъ составилъ недавно проектъ закона, облегчающаго полученіе русскими уроженцами правъ финляндскаго гражданства; сеймъ этотъ законопроектъ одобрилъ, но въ Петербургѣ его не утвердили по мотивамъ полицейскаго свойства (возможность укрываться революціонерамъ); и, такимъ образомъ, если вопросъ этотъ понынѣ остается открытымъ, то вина въ этомъ лежитъ не на финляндцахъ.

свекоманы, упорные сторонники принципа laisser faire. На сторонѣ свекомановъ, какъ мы уже говорили, дворянство,—крупная буржуазія, чиновники, интеллигенція. Свекоманская партія переименовала себя въ 1906 году въ „Шведскую народную партію", подчеркивая этимъ, что она намѣрена опираться на, говорящее по шведски, сельское населеніе. Эта партія стремится къ объединенію всей шведской части населенія для защиты шведскаго языка и шведской,—а черезъ нее и европейской—культуры, для отпора націоналистическимъ стремленіямъ противниковъ. Шведская народная партія объединяетъ довольно разнородные элементы; она имѣетъ правое—болѣе консервативное и лѣвое—болѣе прогрессивное крыло. Этимъ объясняется неопредѣленность ея программы, выработанной въ 1906 году, особенно въ соціальной ея части. Съ большей опредѣленностью выдвинутъ въ ней моментъ политическій: требованіе конституціонной хартіи и расширенія бюджетныхъ и общихъ законодательныхъ правъ сейма. Финляндская конституція зиждется на отдѣльныхъ актахъ; попытки кодификаціи финляндскихъ основныхъ законовъ постоянно терпѣли крушеніе въ Петербургѣ, и изданіе общаго конституціоннаго акта—„формы правленія", какъ его называютъ въ Финляндіи, является очередною политическою задачею.

Сила свекомановъ—въ политикѣ. Они являются хранителями свободолюбивыхъ шведскихъ традицій, и въ ихъ глазахъ вытѣсненіе шведскаго культурнаго вліянія—равносильно гибели финляндской свободы. Они строго оберегаютъ чистоту конституціоннаго принципа, тогда какъ ихъ противники не стѣснялись прибѣгать къ окольнымъ, такъ называемымъ, „петербургскимъ" путямъ, для достиженія своихъ цѣлей. Про финномановъ, не безъ нѣкотораго основанія, говорятъ, что они готовы подписать какой угодно договоръ и съ кѣмъ угодно, лишь бы онъ былъ написанъ по-фински. Во времена Бобрикова свекоманы въ союзѣ съ младофиннами несли всю тяжесть защиты конституціоннаго строя, тогда какъ старо финны, оставаясь въ принципѣ конституціоналистами, на практикѣ, изъ оппортунистическихъ соображеній, на каждомъ шагу измѣняли конституціоннымъ принципамъ. Свекоманы занимаютъ прогрессивную позицію въ вопросахъ церковномъ, школьномъ, женскомъ, еврейскомъ, но въ другихъ—партійные и классовые интересы толкаютъ ихъ вправо. Они упорно не хотятъ признавать за государствомъ права вмѣшательства въ частно-хозяйственныя отношенія, придерживаясь вообще въ экономическихъ и соціальныхъ вопросахъ устарѣлыхъ взглядовъ. Изъ партійныхъ соображеній, они прежде противились расширенію политическаго избирательнаго права, а теперь отстаиваютъ существующую, основанную на плутократическомъ началѣ множественности голосовъ, систему коммунальныхъ выборовъ.

Не слѣдуетъ забывать, что свекоманы, какъ и финноманы—партіи національныя. Вопросъ о языкѣ занимаетъ въ ихъ программахъ центральное мѣсто.

*

И какъ національныя партіи онѣ объединяютъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ группамъ, имѣющимъ разныя политическія убѣжденія. Потому-то къ нимъ такъ трудно привѣсить ярлыки, заимствованные изъ европейскаго политическаго обихода. Вообще же, про нихъ можно сказать, что въ вопросахъ политическихъ они либеральны, а въ соціальныхъ—консервативны.

Намъ остается дать, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, характеристику младо-финской партіи. Это фракція, отдѣлившаяся отъ финской партіи въ то время, когда послѣдняя приняла узко-націоналистическое и, во многихъ вопросахъ, анти-прогрессивное направленіе. Младо-финны проявляютъ больше терпимости въ спорѣ о языкахъ, желая обезпечить за финскимъ языкомъ господствующее положеніе государственнаго языка, но признавая и за шведскимъ право на существованіе рядомъ съ финскимъ, въ качествѣ „второго“ языка страны. Въ вопросахъ политическихъ они солидарны со свекоманами; соціальная часть ихъ программы примыкаетъ къ „обновленной“ финноманской [1]). Въ прежнія времена, до образованія самостоятельной рабочей партіи (1899 г.) и еще нѣкоторое время послѣ того, младо-финны защищали въ сеймѣ рабочіе интересы; теперь рабочая партія не имѣетъ съ младофиннами ничего общаго. Трудно сказать опредѣленно, почему эта партія, подававшая при своемъ возникновеніи большія надежды, не пользуется особой популярностью. Вѣроятно,—для тѣхъ, кто голосуетъ за соціалдемократовъ она не достаточно радикальна и демократична, а для „финскихъ“ теченій—не достаточно націоналистична. Во всякомъ случаѣ, массы за ней не идутъ; она остается по своему составу партіею типично-интеллигентской: въ ея рядахъ насчитывается много ученыхъ, писателей, художниковъ, адвокатовъ. Первые выборы въ новый сеймъ дали ей всего 24 мѣста. Старые финноманы относятся къ ней свысока, презрительно называя ее „партіей шведовъ, говорящихъ по-фински“.

IV.

Различіе въ настроеніи, темпераментѣ и тактическихъ пріемахъ ни въ чемъ не обнаружилось такъ рѣзко, какъ въ отношеніяхъ различныхъ національныхъ партій къ русской бюрократіи. Съ стороны русскаго правительства финноманы

[1]) Впрочемъ, въ соціальныхъ вопросахъ и среди этой партіи нѣтъ единства, какъ нѣтъ его и среди свекомановъ; лѣвое крыло младо-финновъ болѣе многочисленно и сильнѣе, чѣмъ въ шведской народной партіи. Въ послѣднее время лѣвые младо-финны основали свой органъ печати.

встрѣчали гораздо болѣе благосклонное отношеніе, чѣмъ, „сепаратисты“, свекоманы. Желая найти опору въ общественныхъ силахъ страны, русское правительство поддерживало финномановъ. Не даромъ еще генералъ-губернаторъ Бергъ говорилъ, пародируя Вольтера: „если бы финноманства не существовало, его нужно было бы выдумать“ [1]). Финноманы, въ свою очередь, разсчитывали, при помощи русскаго правительства, добиться своихъ цѣлей. И дѣйствительно, важнѣйшія распоряженія о финскомъ языкѣ были проведены, какъ мы уже указывали, при содѣйствіи Петербурга.

Оппортунизмъ крайняго праваго крыла финномановъ ярко обнаружился въ бобриковское время (1898—1904). Въ эти, печальной памяти, годы, закрѣпленныя историческимъ эпитетомъ „годовъ беззаконія“, „народнаго бѣдствія“— старофинская партія считалась партіей правительственной. Сенатъ состоялъ изъ ея представителей; на всѣ важнѣйшія должности Бобриковъ назначалъ финномановъ. Какими тактическими соображеніями руководствовались при этомъ старофинны, мы скажемъ ниже, но предварительно ознакомимся съ важнѣйшими моментами этого яркаго и поучительнаго періода въ исторіи Финляндіи.

Реформы генералъ-губернатора Бобрикова начались съ арміи. Финляндцамъ предложили отказаться отъ своего войска, выставлять столько солдатъ, сколько потребуетъ военное министерство, и посылать ихъ на службу въ Россію. Сверхъ того, имъ было предложено уплачивать 10 милліоновъ марокъ ежегодно для уравненія финансовой тяготы военнаго бюджета. Въ предположеніи, что сеймъ откажетъ въ этихъ требованіяхъ, изданъ былъ манифестъ 3 — 15 февраля 1899 года, заключавшій основныя положенія объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Этимъ актомъ финляндская конституція фактически упразднялась. По манифесту, такъ называемыя, „общегосударственныя дѣла“ передавались на „уваженіе сейма“ и затѣмъ поступали въ государственный совѣтъ; роль сейма по этимъ вопросамъ низводилась до степени чисто—совѣщательной функціи. При этомъ не давалось точнаго обозначенія того, что слѣдуетъ понимать подъ общегосударственными дѣлами; и подъ это понятіе легко можно было подвести все то, что хоть отдаленно касалось интересовъ Россіи; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ монархъ самъ рѣшалъ: считать ли данный законъ общегосударственнымъ или мѣстнымъ.

Понятно, какую тревогу вызвалъ въ странѣ этотъ государственный переворотъ. Финляндскій сенатъ—высшее административное учрежденіе края— получившій манифестъ для обнародованія, долго колебался, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ. Сенаторы—свекоманы были противъ обнародованія; финноманы (исключая немногихъ)—за. Наконецъ, большинствомъ одного

---

[1]) Авг. Шауманъ. Воспоминанія (Fran sexaorstionden).

голоса, сенаторы рѣшили манифестъ обнародовать, а затѣмъ отправились въ Петербургъ просить объ его отмѣнѣ, въ чемъ, конечно, получили отказъ. Съ этого момента начался расколъ между старо-финнами съ одной стороны, и свекоманами и младо-финнами—съ другой. Старо-финны пошли своей дорогой, вѣрнѣе, покатились по наклонной плоскости—отъ одной уступки къ другой. Зато народные представители не послѣдовали примѣру бюрократіи: сеймъ отвѣтилъ подробно мотивированнымъ отказомъ [1]). Желая, однако, сдѣлать извѣстныя уступки, отвѣчающія требованіямъ справедливости, онъ предложилъ увеличить финское войско до 12,000 человѣкъ и ввелъ нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствовавшій тогда уставъ о воинской повинности.

Проектъ военнаго министра, вмѣстѣ съ мнѣніемъ финляндскаго сейма, поступилъ въ государственный совѣтъ; большинство высказалось противъ министерскаго проекта, но Государь согласился съ меньшинствомъ, и въ 1901 году отвергнутый сеймомъ уставъ былъ утвержденъ. Финскія войска были упразднены, за исключеніемъ двухъ частей (изъ которыхъ одна вскорѣ тоже была расформирована, изъ-за отказа офицеровъ принести присягу по новой формѣ, въ которой не упоминалось объ обязанности защищать основные законы). Новый уставъ о воинской повинности во всемъ былъ тождественъ съ русскимъ, но чтобы не раздражать народа, боявшагося службы въ русскихъ войскахъ, рѣшили, „въ видѣ временной мѣры“, не посылать финскихъ новобранцевъ въ Россію, а назначать ихъ въ оставшіяся финскія части, и вслѣдствіе этого количество ежегодно—призываемыхъ „временно“ было уменьшено. Конституціи былъ нанесенъ смертельный ударъ; однако нанести его постарались въ наименѣе чувствительной и понятной народу формѣ.

Вслѣдъ за военною, послѣдовали и другія „реформы“: уничтоженіе свободы союзовъ и собраній, введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство сената и центральныхъ учрежденій, гоненіе на прессу, смѣщеніе чиновниковъ и судей, назначеніе на губернскія должности русскихъ уроженцевъ. Чтобы сломить въ конецъ всякую оппозицію, Бобриковъ выхлопоталъ себѣ чрезвычайныя, почти диктаторскія, полномочія; вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали аресты выдающихся дѣятелей, высылки и обыски. Эта разрушительная работа повлекла разстройство въ дѣлахъ управленія, застой въ общественной жизни и общую деморализацію, выразившуюся, между прочимъ, въ развитіи сыска и добровольнаго шпіонства.

Агрессивной дѣятельности Бобрикова общественныя силы противопоставили политику оборонительную и охранительную. Свекоманы и младо-

---

[1]) См. Всеподданнѣйшій отзывъ земскихъ чиновъ Финляндіи отъ 1899 года (Имѣется официальный русскій переводъ, изданный финляндскимъ сенатомъ).

финноманы составили блокъ, получившій названіе блока „конституціоналистовъ“. Этимъ названіемъ подчеркивалось, что блокъ будетъ отстаивать конституцію, пользуясь при этомъ законными, конституціонными средствами, въ противовѣсъ старо-финнамъ, остававшимся въ принципѣ и на словахъ конституціоналистами, но, изъ оппортунистическихъ соображеній, нарушавшими конституцію на каждомъ шагу. Лозунгомъ конституціоналистовъ сдѣлалось „пассивное сопротивленіе“. Подъ этимъ понималось невооруженное противодѣйствіе обрусительной политикѣ, выражавшееся въ отказѣ подчиняться незаконнымъ, съ точки зрѣнія существующаго права, дѣйствіямъ и распоряженіямъ властей. Оставаясь на строго конституціонной почвѣ, граждане отказывались признавать незакономѣрныя дѣйствія правительства, содѣйствовать проведенію ихъ въ жизнь и повиноваться имъ.

Сторонникамъ пассивнаго сопротивленія мерещилась та политика, смыслъ и значеніе которой венгерскій государственный дѣятель Деакъ опредѣлилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Наше единственное оружіе—законность и правота нашего дѣла; опираясь на право, мы должны бороться съ насиліемъ. Для того, чтобы обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ, мы не должны отступать отъ закона никогда, ни въ чемъ, ни подъ какимъ предлогомъ, ибо только на этой почвѣ мы, обезоруженные, устоимъ передъ вооруженной силой“. Пассивисты прибѣгали къ различнымъ формамъ бойкота, коллективнымъ петиціямъ и адресамъ, устройству демонстранцій, агитаціи въ заграничной прессѣ, устной и печатной пропагандѣ идеи пассивнаго сопротивленія; они имѣли свой органъ, издававшійся заграницей (еженедѣльникъ „Fria Ord“,—„Свободное слово“), аккуратно доставлявшійся подписчикамъ, несмотря на всѣ цензурныя и таможенныя строгости. Самымъ выдающимся явленіемъ въ области коллективныхъ заявленій былъ, такъ наз., „массовый адресъ“, собравшій 500,000 подписей и поданный Государю въ мартѣ 1899 г. (черезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія февральскаго манифеста), но не принятый имъ. Такая же участь постигла „культурный адресъ“, подписанный выдающимися европейскими политическими дѣятелями, писателями и учеными, и привезенный въ Петербургъ лѣтомъ того же года депутаціей, во главѣ съ французскимъ сенаторомъ Траріе.

Что касается бойкота, то ему подверглись сенаторы „промульганты“ (такъ назывались сенаторы, подавшіе голосъ за обнародованіе февральскаго манифеста), русскіе чиновники, поступившіе на финляндскую службу, русскіе коробейники, которыхъ подозрѣвали въ шпіонствѣ. Бойкотировался незаконный уставъ о воинской повинности, и здѣсь бойкотъ достигъ своего высшаго предѣла: пасторы отказывались читать въ церквахъ манифестъ о новомъ законѣ, а тѣмъ, которые рѣшились его читать, публика устраивала враждебныя демонстраціи; коммуны отказывались избирать членовъ въ воинскія при-

сутствія; бургомистры отказывались отъ содѣйствія властямъ; губернаторы подавали протесты, указывая на несоотвѣтствіе закона о воинской повинности съ финлядскими основными законами; молодые люди, подлежащіе призыву, не являлись въ воинскія присутствія. Несмотря на контръ-агитацію сторонниковъ правительства, въ первый призывъ 1902 года не явилось отбывать повинности 60% призывныхъ.

Это былъ моментъ высшаго подъема пассивнаго сопротивленія, послѣ чего послѣдовалъ упадокъ; на количествѣ неявившихся къ призыву въ слѣдующіе годы онъ особенно нагляденъ: въ 1903 году цифра упала до 32%, а въ 1904 году—до 22%. Пассивное сопротивленіе пошло на убыль, смѣнилось разочарованіемъ.

Не касаясь здѣсь подробнаго анализа причинъ конечнаго неуспѣха пассивнаго сопротивленія, мы лишь укажемъ главнѣйшія изъ нихъ, и остановимся нѣсколько подробнѣе на той, которая относится непосредственно къ нашей темѣ, а именно—на расколѣ среди національныхъ партій. Пассивистамъ приходилось работать въ очень неблагопріятной обстановкѣ: въ высшей степени неравномѣрное соотношеніе борющихся силъ, неподготовленность народа, классовая вражда, рознь среди руководящей интеллигенціи—вотъ противодѣйствующія силы, разстроившія ряды сторонниковъ пассивнаго сопротивленія. Борьба легальными средствами съ противникомъ, отрицающимъ право и опирающимся на грубую силу, представляла, поистинѣ, неимовѣрныя трудности. Трагизмъ положенія заключался въ томъ, что лояльное—въ глазахъ финляндцевъ—считалось съ русской точки зрѣнія бунтомъ; чиновникъ „придерживавшійся закона", смѣщался за непослушаніе; коммуны, не желавшія избирать членовъ въ „незаконныя воинскія присутствія", облагались штрафомъ; видные общественные дѣятели подвергались ссылкѣ за дѣятельность, по финляндскимъ понятіямъ не заключавшую въ себѣ ничего противозаконнаго; либеральныя газеты закрывались одна за другой.

Тяжелыя репрессіи, въ концѣ концовъ, обезсилили оппозицію; наступила реакція, разочарованіе; самые энергичные элементы потеряли вѣру въ возможность достиженія чего-либо легальными путями. Выдѣлилась группа „активистовъ", немногочисленная, но сильная своей энергіей и самоотверженностью. Она задалась цѣлью подготовить страну къ активному противодѣйствію обрусительной политикѣ. Въ тактику свою она ввела терроръ; первой жертвой его палъ Бобриковъ, убитый Евгеніемъ Шауманомъ въ 1904 году. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ, неслыханныхъ прежде въ Финляндіи, политическихъ убійствъ и покушеній (убитъ прокуроръ сената Іонсонъ, совершены покушенія на жизнь помощника генералъ-губернатора Дейтриха, на губернатора Мясоѣдова и др.). Террористическіе акты свидѣтельствовали не только о рас-

падѣ политики пассивнаго сопротивленія, но и о разложеніи, вѣками сложившагося, закономѣрнаго строя жизни; это былъ непосредственный результатъ разрушительной политики, яркимъ представителемъ которой являлся Бобриковъ.

Впрочемъ, даже въ эпоху упадка, конституціоналистамъ удалось провести еще одинъ крупный актъ пассивнаго сопротивленія—„забастовку“ очереднаго сейма 1904—1905 года. Сеймъ подалъ петицію, въ которой нарисовалъ картину бѣдственнаго положенія страны подъ растлѣвающимъ режимомъ беззаконія и постановилъ: передать всѣ текущія дѣла въ комисію, и, до полученія отвѣта на петицію, не разсматривать въ общихъ собраніяхъ никакихъ дѣлъ, за исключеніемъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ возстановленію законнаго порядка. Резолюція мотивировалась тѣмъ, что при дѣйствіи исключительныхъ положеній нѣтъ почвы для нормальной работы сейма.

Иначе совершенно относились широкія массы къ борьбѣ съ обрусеніемъ. Надо замѣтить, что реформы Бобрикова не задѣвали непосредственно насущныхъ будничныхъ интересовъ низшихъ слоевъ народа. Русское правительство, безпощадно преслѣдуя лояльную оппозицію, дѣйствовало по отношенію къ массамъ осторожно. Затѣмъ, борьба за военную реформу велась, въ сущности, въ области абстрактныхъ принциповъ права. Народъ боялся воинской повинности, уклонялся отъ нея, эмигрировалъ въ Америку, но вскорѣ убѣдился, что вопросъ сводился на практикѣ всего лишь къ призыву 200 новобранцевъ для финской части, квартировавшей въ Финляндіи (финны особенно боялись службы въ Россіи). Крестьяне слушали агитаторовъ пассивистовъ, но и сторонники правительства находили сочувственную аудиторію, и, въ концѣ концовъ, — „успокоительныя“ рѣчи послѣднихъ одержали верхъ.

Болѣе развитые въ политическомъ отношеніи промышленные рабочіе были заняты своими партійными и профессіональными дѣлами. Бобриковъ не преслѣдовалъ рабочихъ организацій и рабочую прессу, и, въ то время, когда либеральныя газеты закрывались одна за другою, соціалдемократическую газету можно было свободно купить на улицѣ. Рабочіе поддерживали конституціоналистовъ въ ихъ начинаніяхъ: давали свои подписи подъ массовый адресъ, принимали дѣятельное участіе въ бойкотѣ воинской повинности, но совмѣстно дѣйствовать съ ними не хотѣли и не могли; мѣшало взаимное недовѣріе, глубокая классовая рознь. Въ самое мрачное время Бобриковскаго гнета устраивались враждебныя демонстраціи противъ сословнаго сейма, а послѣдній, съ близорукимъ упорствомъ, отдалялъ реформу избирательнаго права.

Мы уже сказали, что одной изъ главныхъ причинъ, ослаблявшихъ силу пассивнаго сопротивленія, была рознь среди руководившей интеллигенціи. Старо-

финны,—по крайней мѣрѣ большинство ихъ—не присоединились къ пассивистамъ и заняли самое враждебное по отношенію къ нимъ положеніе. Суометаріанцы—(такое названіе старо-финская партія получила по газетѣ „Uusi Suometar“) считали пассивное сопротивленіе вреднымъ, такъ какъ оно, силой вещей, должно было привести къ активному сопротивленію, т. е. къ революціи и гибели страны. Такъ какъ открытая борьба съ русскимъ правительствомъ не имѣла, по ихъ мнѣнію, шансовъ на успѣхъ, они избрали оппортунистическій путь—приспособленія, уступокъ, дипломатіи. Такимъ путемъ они хотѣли спасти то, что было еще возможно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выиграть время. „Финская партія находила, что благоразуміе требуетъ временнаго подчиненія силѣ обстоятельствъ. Но подчиняясь, мы протестовали и сохраняли за собою свободу въ будущемъ“ [1]). Они придавали первостепенное значеніе сохраненію чиновниковъ исключительно финскаго состава. Они шли въ сенатъ и на другія должности, по ихъ словамъ, „какъ на подвигъ“,—исполнять гражданскій долгъ. Надо удержать во что бы то ни стало власть въ нашихъ рукахъ—разсуждали они подобно своему знаменитому французскому предшественнику, говорившему что „годъ власти плодотворнѣе десяти лѣтъ самой героической оппозиціи“. Они возлагали всѣ надежды на будущее, на то, что условія перемѣнятся, что въ Петербургѣ поймутъ ошибочность бобриковской политики. А пока—не надо дѣлать ничего такого, что могло бы затруднить возвратъ къ старому. „Долгъ нашего національнаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы ослабить, насколько возможно, силу обрушившагося на насъ несчастія и этимъ сохранить тотъ мостъ, который могъ бы снова соединить монарха съ народомъ“. Такъ писалъ лидеръ партіи, профессоръ Даніельсонъ [2]).

Бобриковъ опирался на суометаріанцевъ, хотя и не довѣрялъ имъ; но онъ назначалъ ихъ на разныя должности; сенатъ состоялъ сплошь изъ членовъ этой партіи, ставшей дѣйствительно, партіей, правительственной. Въ обществѣ суометаріанцы скоро потеряли всякій кредитъ. Уступчивость, не знающая границъ, слѣпая нетерпимость къ политическимъ противникамъ—оттолкнули отъ нихъ даже многихъ консервативныхъ финноманновъ. Уже на выборахъ въ сеймъ 1904—1905 г. они потерпѣли пораженіе, а всеобщая забастовка лишила ихъ власти.

V.

Національной стачкой въ октябрѣ 1905 года закончилась борьба финновъ съ бобриковскимъ режимомъ, продолжавшимся, въ болѣе мягкой формѣ, и при его преемникѣ, князѣ Оболенскомъ.

[1]) „Le parti finnois en Finlande“.

[2]) Брошюра: „По какому направленію идти?“ (имѣется русскій переводъ).

Забастовку начали рабочіе. Конституціоналисты вначалѣ были противъ нея, но затѣмъ, увидѣвъ стихійный характеръ движеніе, присоединились къ бастующимъ. Забастовка началась съ желѣзно-дорожной линіи Петербургъ—Гельсингфорсъ. Имѣя вначалѣ своей цѣлью демонстративное выраженіе сочувствія россійскому движенію, она быстро разбила эти рамки и превратилась во всеобщую политическую забастовку, охватившую не только пути сообщенія, промышленныя и торговыя заведенія, но и школу—отъ низшей до высшей включительно, и всѣ казенныя и общественныя учрежденія.

Лозунгами забастовки были чисто-политическія требованія: возстановленіе законности, отмѣна распоряженій бобриковскаго времени, отставка суометаріанскаго сената и замѣна его сенатомъ, пользующимся довѣріемъ населенія, всеобщее избирательное право, реформа народнаго представительства на демократическихъ началахъ и установленіе гражданскихъ свободъ. Общая солидарность была, однако нарушена, разногласіями между рабочими и конституціоналистами въ вопросѣ о способахъ проведенія реформъ; не довѣряя сословному сейму, рабочіе требовали созыва учредительнаго собранія; конституціоналисты же стояли за проведеніе роформы законнымъ путемъ, т. е. черезъ сеймъ. На этой почвѣ едва не произошелъ серьезный конфликтъ, избѣгнутый на этотъ разъ, благодаря своевременному отказу рабочихъ отъ своего требованія. 22 октября былъ подписанъ манифестъ, пріостановившій дѣйствіе манифеста 3 февраля 1899 года и отмѣнившій всѣ незаконныя постановленія бобриковскаго времени. Грамотой отъ того же числа созывался чрезвычайный сеймъ для составленія проекта новаго сеймоваго устава, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, а также для выработки законовъ о свободахъ и объ отвѣтственности сената передъ сеймомъ.

Старо-финскій сенатъ вышелъ въ отставку; его замѣнилъ сенатъ изъ членовъ конституціонной партіи, во главѣ съ извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ—Лео Мехелиномъ. Сеймъ 1906 г. — послѣдній сеймъ стараго порядка—принялъ реформу представительной системы. Хотя многіе члены дворянской и городской куріи не сочувствовали реформѣ, находя ее слишкомъ радикальной и демократичной, однако, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ тревожныхъ событій, они все же голосовали за нее. Выработанные тѣмъ же сеймомъ законы о печати, союзахъ и отвѣтственности правительства не были утверждены въ Петербургѣ.

Первые всеобщіе выборы, произведенные въ 1907 году, дали очень интересные результаты. Наибольшее число голосовъ получили соціалдемократы, за ними — старо-финны. Первые послали 80 депутатовъ, старо-финны—58, младо-финны получили 25 мѣстъ, шведская народная партія—24, аграрный союзъ (такъ называется парламентская группа, представляющая интересы мел-

кихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ)—11, и 2 мѣста досталось рабочей христіанской партіи. Въ числѣ депутатовъ было 19 женщинъ.

Въ началѣ второй сессіи сеймъ перваго созыва былъ распущенъ (въ мартѣ 1908 года), и назначены, согласно сеймовому уставу, черезъ 3 мѣсяца новые выборы. Причиной роспуска была резолюція сейма по вопросу о русско-финскихъ отношеніяхъ. Конституціоналисты (т. е. шведская партія и младо-финны), а также старо-финны предложили сейму запросить правительство о томъ, что оно намѣрено предпринять для защиты финляндской автономіи. Интерпелляція была вызвана финлянцскими запросами въ государственной думѣ и антифинской агитаціей русской правой печати. Каждая фракція внесла свой проектъ резолюціи. Благодаря маневру старо-финновъ, давно искавшихъ случая свергнуть конституціонный сенатъ, прошла крайне рѣзкая резолюція соціалдемократовъ. Сеймъ былъ распущенъ, и вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку конституціонный сенатъ, замѣненный „коалиціоннымъ“ изъ представителей всѣхъ трехъ несоціалистическихъ партій.

Выборы въ сеймъ, произведенные лѣтомъ 1908 года, мало измѣнили составъ народнаго представительства. Соціалдемократы, младо-финны и шведская партія выросли на нѣсколько мѣстъ за счетъ старо-финновъ (въ его составѣ было 83 соціалдемократа, 54 члена -старо-финской партіи, 25—шведской, 27—младо-финской, 9—аграрнаго союза, 2 рабочихъ-христіанъ). Этотъ результатъ ясно показалъ, что выборы велись подъ знаменемъ борьбы за автономію: убыль понесла та именно партія, которая въ этомъ вопросѣ обнаруживаетъ наибольшую уступчивость. Вторичная побѣда соціалдемократовъ, собравшихъ около 40% избирательныхъ записокъ, опровергла мнѣніе, будто первые выборы, происходившіе въ атмосферѣ революціоннаго подъема, не отражали истиннаго настроенія избирателей.

Вторичные выборы протекли уже при иной обстановкѣ: общественное возбужденіе улеглось, жизнь вошла въ обычную колею; и, тѣмъ не менѣе, соціалдемократическая партія осталась самой сильной въ сеймѣ. Причину этого надо искать не въ случайномъ настроеніи, а глубже — въ отсталости соціальнаго законодательства, не поспѣвающаго за ростомъ политическаго и классоваго сознанія народа, въ отсутствіи другихъ, дѣйствительно демократическихъ партій, и, наконецъ, въ классовомъ антагонизмѣ, развившемся на почвѣ быстраго роста промышленности.

Въ преобразованномъ представительствѣ эти антагонизмы сказались очень ярко; національная рознь поблѣднѣла передъ ними; соціальные интересы отодвинули на задній планъ интересы національные, и въ этомъ заключается наиболѣе характерное отличіе новой палаты отъ прежняго сословнаго сейма. Широкія соціальныя начинанія соціалдемократической партіи встрѣчаютъ

упорное сопротивленіе со стороны партій буржуазныхъ. Если, тѣмъ не менѣе, соціалдемократамъ удалось провести во второмъ сеймѣ цѣлый рядъ очень важныхъ реформъ (напр., запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ, законъ объ арендѣ земель, реформу общиннаго самоуправленія и др.), то это произошло потому, что съ ними нерѣдко голосовали старо-финны, поддерживающіе въ цѣляхъ національныхъ, демократическія реформы по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку послѣднія не идутъ въ разрѣзъ съ этими цѣлями. Конституціоналисты, игравшіе такую видную, можно сказать, героическую роль въ тяжелыя времена беззаконія, заняли въ палатѣ, въ вопросахъ соціальныхъ, консервативную позицію.

Новое народное представительство стало вполнѣ финскимъ; шведскій элементъ составляетъ въ немъ незначительное меньшинство. Шведская партія утрачиваетъ, не смотря на свои громадныя культурныя заслуги въ прошломъ, значеніе въ жизни страны, тѣмъ болѣе, что партійные интересы въ области соціальныхъ вопросовъ все сильнѣе толкаютъ ее вправо.

Какъ бы ни была сильна, однако, классовая и національная рознь въ Финляндіи, есть одинъ вопросъ—одинаково больной для всѣхъ,—на которомъ всѣ сходятся, несмотря на различія языка, настроенія, принадлежности къ той или другой партіи. Этотъ общій интересъ — автономія страны, ея національная независимость.

А. В. Игельстромъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Германія.

ПОЛЯКИ ВЪ ПРУССІИ.

I.

Численное отношеніе польскаго и нѣмецкаго населенія въ той части Польши [1]), которая нынѣ входитъ въ составъ прусскаго королевства, выра-

---

[1]) Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ историческихъ условій, которыя привели къ частичному вытѣсненію польскаго населенія изъ мѣстъ его осѣдлости нѣмецкимъ элементомъ, и той роли, которую при раздѣлѣ Польши сыграла Пруссія, отмѣтимъ только два существенныхъ момента. Во-первыхъ—не всѣ области, въ которыхъ поляки живутъ нынѣ сплоченными массами, перешли лишь при раздѣлѣ Польши; и во-вторыхъ—еще во время существованія польской Рѣчи Посполитой въ нѣкоторыхъ ея областяхъ, нынѣ входящихъ въ составъ прусскаго государства, значительная часть населенія принадлежала къ нѣмецкой національности. Уже послѣ эпохи переворотовъ, связанныхъ съ династической борьбой князей изъ рода Піастовъ, въ 1335 г., отъ Польши была окончательно отдѣлена Силезія; западная ея часть быстро и всецѣло онѣмечилась; въ восточной же, въ такъ наз. Верхней Силезіи, процессу германизаціи подверглись лишь дворянство и городскія сословія, народныя же массы остались польскими. Около того же времени (въ 1343 г.) король Казиміръ Великій отказался отъ Помераніи (Поморья), которая перешла подъ владычество ордена крестоносцевъ, и съ тѣхъ поръ германизація стала дѣлать въ этой провинціи быстрые успѣхи. — Еще раньше, благодаря господству того же ордена крестоносцевъ, всесильное вліяніе нѣмцевъ распространилось также на земли, расположенныя между устьями Вислы и Нѣмана, на область, носившую нѣкогда названіе Княжеской Пруссіи (нынѣ провинція—Восточная Пруссія), населенную въ сѣверной своей части литовцами, а въ южной—поляками. Провинція же, называвшаяся во времена Рѣчи Посполитой—Королевской Пруссіей (нынѣ Западная Пруссія), находилась всегда подъ нѣмецкимъ вліяніемъ. Не только портовый городъ Гданскъ (нѣмецкій Данцигъ), но и другіе города этой провинціи—Мальборъ (нѣмецкій Маріенбургъ), Торунь (Торнъ), Квидзынь (Маріенвердеръ), Хелмно (Кульмъ)—въ средніе вѣка были населены почти исключительно нѣмцами. Вообще нѣмецкій элементъ постоянно возросталъ во всѣхъ городахъ прежней Польши, даже въ Краковѣ. Но въ западныхъ провинціяхъ Рѣчи Посполитой, особенно въ упомянутой уже Королевской Пруссіи и въ западной области Велико-польской земли (нынѣ—провинція Познань), мы уже въ средніе вѣка встрѣчаемъ многочисленныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, занимающихся земледѣліемъ. Удѣльные князья, а впослѣдствіи и дворянство, стремившееся извлекать возможно больше доходовъ изъ земли, рады были всякому, кто изъявлялъ желаніе поселиться на ней и готовность платить дань. Поэтому, нѣмецкимъ пришельцамъ не только не оказывали противодѣйствія, но напротивъ, поощряли ихъ къ поселенію на польской землѣ. Эта колонизація продолжалась на протяженіи всей исторіи Рѣчи Посполитой, постепенно увеличивая въ этой части Польши численность и значеніе нѣмецкаго элемента.

жается, по даннымъ офиціальной статистики 1905 г., въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Нѣмцы.	Поляки.	Проц. отнош. нѣмцевъ.	поляковъ.
Познань.	761.301	1.216.206	38,2	61,8
Западная Пруссія. .	1.061.675	576.318	64,9	35,1
Верхняя Силезія . .	757.187	1.158.789	39,5	60,5
Итого . .	2.580.163	2.951.313		

Въ предѣлахъ этой территоріи встрѣчаются округа, сплошь заселенные поляками, гдѣ нѣмцы составляютъ едва лишь нѣсколько процентовъ, и наоборотъ—округа вполнѣ нѣмецкіе, гдѣ поляки въ ничтожномъ меньшинствѣ.

Кромѣ указанныхъ областей, польское населеніе образуетъ плотную массу въ южной части Восточной Пруссіи (такъ называемые мазуры), а также на побережьи Балтійскаго моря, въ Помераніи (кашубы). Численность кашубовъ—около 100.000, мазуровъ—около 150.000 человѣкъ.

Мы находимъ, наконецъ, поляковъ въ значительномъ количествѣ разсѣянными по всей остальной Германіи. Общее ихъ число во всей Имперіи достигало въ 1890 г. 2.978.000, а въ 1900 г. возросло до 3.420.000 [1]).

Чтобы разобраться во всѣхъ перипетіяхъ борьбы поляковъ въ Пруссіи за сохраненіе своей національности, мы, прежде всего, должны присмотрѣться къ соціально-экономической структурѣ населяемыхъ ими областей [2]).

Западная Пруссія и Познань представляютъ собою области по преимуществу земледѣльческія: земледѣліемъ занимаются здѣсь $^2/_3$ населенія. Верхняя Силезія обнимаетъ округъ горнозаводской желѣзодѣлательной промышленности съ высоко развитой крупной индустріей. Въ общемъ, эти провинціи принадлежатъ къ числу тѣхъ областей прусскаго государства, гдѣ крупныя помѣстья занимаютъ наибольшую площадь: въ Западной Пруссіи—46%, въ Познани—55%, а въ Верхней Силезіи—39%.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ здѣсь и огромное раздробленіе земли: 310.000 хозяйствъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи менѣе

---

[1]) За указанный періодъ численность поляковъ увеличилось на 14,8%, между тѣмъ, какъ общее населеніе прусскаго государства возросло за тотъ же періодъ на 16%. Эти цифры явно опровергаютъ слова канцлера Бюлова и жалобы гакатистовъ на якобы быстрое размноженіе поляковъ въ Пруссіи. Съ другой стороны, изъ тѣхъ же цифръ слѣдуетъ, что, несмотря на отчаянныя германизаторскія усилія, численность поляковъ не уменьшается.

[2]) Болѣе подробныя данныя по этому вопросу читатель найдетъ въ моей монографіи на польскомъ языкѣ: „Соціально-экономическія отношенія въ польскихъ земляхъ подъ владычествомъ Пруссіи“. (Львовъ 1903).

двухъ гектаровъ [1]) земли каждое; 77.378 — отъ 2 до 5 гектаровъ; 98.457 — отъ 5 до 20 гектаровъ; 30.700 — отъ 20 до 100 гектаровъ. По мѣстнымъ условіямъ надѣлъ менѣе чѣмъ въ 5 гектаровъ не можетъ прокормить крестьянской семьи; такимъ образомъ, 75% мелкихъ собственниковъ приходится отнести къ категоріи малоземельныхъ. Кромѣ того, мы здѣсь встрѣчаемъ еще довольно многочисленный слой сельскаго безземельнаго пролетаріата, но въ точности установить его численность нѣтъ возможности. Мы знаемъ только, что, по переписи 1895 года, въ этихъ провинціяхъ насчитывалось до 717.913 человѣкъ, назвавшихъ главнымъ своимъ занятіемъ наемный земледѣльческій трудъ. Сюда входитъ, однако, значительное количество мелкихъ собственниковъ, которые, владѣя избою и полосой земли, все же живутъ наемнымъ трудомъ.

Этимъ и объясняется, почему здѣсь такъ сильно развиты отхожіе промыслы, и почему польскія провинціи поставляютъ такое огромное количество странствующихъ работниковъ на полевыя работы въ западныя провинціи Германіи. Въ то же время громадное предложеніе рабочихъ рукъ ведетъ къ тому, что заработки сельскихъ рабочихъ здѣсь гораздо ниже, чѣмъ во всей остальной Германіи, и условія жизни сельскаго населенія неимовѣрно тяжелы.

Основная причина такого состоянія страны коренится, главнымъ образомъ, въ ея историческомъ прошломъ. Въ прежней Польшѣ, какъ и вообще на востокѣ Европы, крѣпостная зависимость была тяжелѣе и просуществовала дольше, чѣмъ на Западѣ. Когда же наступилъ моментъ крестьянскаго освобожденія (крестьянская реформа была произведена въ Пруссіи въ 1816 г.), то, при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, польскіе крестьяне были обдѣлены въ интересахъ дворянства.

Каковы же въ настоящее время тенденціи дальнѣйшаго развитія? Дѣлаетъ ли успѣхи мелкая земельная собственность? Происходитъ-ли парцелляція?

Изъ офиціальныхъ цифръ явствуетъ, что за періодъ 1882—1895 годовъ крупная собственность не сократилась. А между тѣмъ, это тотъ именно періодъ, когда и правительственная колонизаціонная комисія, и польскія парцелляціонныя товарищества усиленно занимались парцелляціей. Это доказываетъ, что, наряду съ парцелляціей, которая несомнѣнно наблюдается, происходитъ параллельный процессъ концентраціи.—Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что условія крестьянскаго хозяйства улучшаются. Ростъ городовъ, равно какъ и расширеніе желѣзнодорожной сѣти, значительно облегчили сбытъ продуктовъ и вызвали экономическій подъемъ. Это касается, однако, исключительно хозяйствъ, владѣющихъ землей. Положеніе же сельскаго пролетаріата

[1]) Гектаръ=0.915 десятины.

не измѣнилось къ лучшему: цѣны на съѣстные продукты быстро растутъ во всей Германіи; заработная же плата сельскихъ рабочихъ (лишенныхъ по германскимъ законамъ права коалицій) повышается гораздо медленнѣе.

Обратимся теперь къ промышленности и торговлѣ.—Источникомъ нашихъ свѣдѣній здѣсь, опять-таки, являются статистическія данныя 1882 и 1895 годовъ. Они свидѣтельствуютъ, что число лицъ, занятыхъ въ промышленности и торговлѣ, равнялось:

	Въ 1882 г.	Въ 1895 г.
Въ Западной Пруссіи . . .	132.883	158.309
„ Познани	138.359	176.261
„ Верхней Силезіи	213.681	291.918

Иными словами, на 1.000 самостоятельно зарабатывающихъ, приходилось занятыхъ:

	Въ промышленности:		Въ торговлѣ:	
	въ 1882 г.	въ 1895 г.	въ 1882 г.	въ 1895 г.
Въ Западной Пруссіи . . .	195,2	203,0	66,9	72,6
„ Познани	168,9	186,8	54,5	64,24
„ Верхней Силезіи . . .	323,0	365,2	51,1	65,5

Мы видимъ отсюда, что во всѣхъ трехъ провинціяхъ число людей, занятыхъ промышленностью и торговлей, возрастаетъ какъ абсолютно, такъ и относительно. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ 1895 г. во всей Пруссіи на 1.000 человѣкъ приходилось въ среднемъ занятыхъ въ промышленности 359,1. Такимъ образомъ, менѣе развитой въ промышленномъ отношеніи по сравненію съ Познанью, является только Восточная Пруссія (172 на 1.000); болѣе развитой, чѣмъ Силезія,—одна только Вестфалія (508 на 1.000).

Промышленность въ Познани и Западной Пруссіи носитъ характеръ мѣстнаго производства, разсчитаннаго преимущественно на нужды мѣстнаго населенія; на вывозъ разсчитано здѣсь лишь производство сахару и спирта. Тѣмъ не менѣе, и при этихъ условіяхъ капиталистическое развитіе дѣлаетъ свое дѣло: статистика 1882 и 1895 годовъ обнаруживаетъ упадокъ мелкаго ремесла и ростъ фабричнаго производства. Мелкихъ ремесленниковъ, не пользующихся наемными рабочими, въ 1882 г. было—72.000, въ 1895 г.—62.000; фабрикъ, съ количествомъ рабочихъ свыше 50 человѣкъ: въ 1882 г. было—223, а въ 1895 г.—439.

Это развитіе влечетъ за собой ростъ крупныхъ городовъ. Останавливаясь только на городахъ съ населеніемъ свыше 20.000, мы получаемъ слѣдующія цифры:

	Въ 1800 г.	Въ 1905 г.
Западная Пруссія:		
Эльблонгъ (нѣмецкій Эльбингъ) . . .	36.000	56.000
Гданскъ (Данцигъ)	109.000	160.000
Торунь (Торнъ)	21.000	32.000
Грудзіонтъ (Грауденцъ)	17.000	36.000
Провинція Познань:		
г. Познань (нѣмецкій Позенъ) . . .	66.000	137.000
Иноврацлавъ (Гогензальца)	12.000	24.000
Быдгощъ (Бромбергъ)	34.000	54.000
Гнезно (Гнезенъ)	14.000	24.000
Пила (Шнейдемюль)	12.000	22.000

О темпѣ развитія капитализма свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія цифры: на желѣзныхъ дорогахъ въ предѣлахъ провинціи Познань товарное движеніе выражается въ слѣдующихъ размѣрахъ (въ тоннахъ [1]):

	Въ 1890 г.	Въ 1905 г.
Прибыло товаровъ	1.550.000	3.550 000
Выслано товаровъ	750.000	1.450.000
Перевезено въ предѣлахъ провинціи	1.000.000	1.600.000

Въ конторахъ государственнаго банка въ провинціи Познань общій оборотъ за 1902 г. выразился въ—2.241 милліонахъ, а въ 1906 г. въ—3.165 милл. марокъ.

Словомъ, хотя мы и имѣемъ дѣло со страной земледѣльческой, тѣмъ не менѣе, и здѣсь наблюдается, относительно, быстрый ростъ капитализма.

Болѣе быстрымъ шагомъ и значительно шире разростается крупно-капиталистическая промышленность въ Верхней Силезіи. Здѣсь находятся безмѣрно-богатыя каменно-угольныя копи, относящіяся къ такъ называемому, силезско-польскому каменно-угольному бассейну, раздѣленному искусственной границей между Россіей, Пруссіей и Австріей. Этотъ бассейнъ отличается не только своимъ богатствомъ, но и большей легкостью извлеченія угля. Кромѣ того, здѣсь добывается также желѣзная, свинцовая и оловянная руда.

Горная и желѣзодѣлательная промышленность Верхней Силезіи уже имѣетъ

---

[1]) Тонна=1.000 килограммовъ=61 пуд.

за собой длинное прошлое, но крупно-капиталистическій характеръ она принимаетъ лишь со второй половины XIX вѣка [1]).

Ростъ крупнаго производства вызвалъ къ жизни и цѣлый рядъ другихъ отраслей промышленности, и въ настоящее время, въ этомъ уголкѣ страны наблюдается въ высшей степени интенсивное развитіе экономической жизни.

Съ точки зрѣнія національныхъ отношеній, небезынтересно отмѣтить слѣдующее: каменноугольныя копи и желѣзодѣлательные заводы сосредоточены въ рукахъ нѣмцевъ; собственниками ихъ являются отчасти — акціонерныя общества, отчасти крупные феодалы; преобладаютъ послѣдніе. Точно также изъ нѣмцевъ рекрутируется весь штатъ служащихъ; одни только рабочіе— поляки.

Развитіе капитализма со всѣми сопутствующими ему послѣдствіями, произвело цѣлую перетасовку населенія въ польскихъ провинціяхъ. Плотность населенія городовъ и промышленныхъ округовъ быстро возрастаетъ и притомъ за счетъ деревни. Въ Верхней Силезіи весь приростъ народонаселенія сосредоточивается въ горномъ и желѣзодѣлательномъ районѣ; этотъ округъ не только всасываетъ въ себя жителей окрестныхъ сёлъ, но привлекаетъ людей и изъ болѣе отдаленныхъ областей. Нѣсколько иное явленіе наблюдается въ Познани и Западной Пруссіи: если города, какъ мы видѣли, и здѣсь ростутъ довольно быстро, то все же они не въ состояніи поглотить всего прироста сельскаго населенія, вслѣдствіе чего, наряду съ временнымъ переселеніемъ сельскихъ рабочихъ, мы наблюдаемъ весьма значительную постоянную эмиграцію изъ этихъ областей въ западныя провинціи Германіи, гдѣ развитіе капитализма идетъ несравненно болѣе усиленнымъ темпомъ и, естественно, порождаетъ постоянный недостатокъ въ рабочихъ силахъ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ складываются въ польскихъ областяхъ, на почвѣ очерченныхъ выше экономическихъ условій, отношенія національныя.

---

[1]) Еще въ 1864 г. (къ этому году впервые относятся достовѣрныя цифры) въ Верхней Силезіи угля было добыто всего 3,9 мил. тоннъ, въ 1885 г.—20,8, въ 1900 г.—27,8, въ 1906 г.—29,6 мил. тоннъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ желѣзодѣлательной промышленностью: производство чугуна въ 1865 г. исчислялось въ 413.000 тоннъ, въ 1906 г.—901.000 тоннъ. Горная и металлургическая промышленность привлекаетъ 160.000 рабочихъ рукъ.

[2]) Германская статистика позволяетъ намъ прослѣдить на цифровыхъ данныхъ это явленіе. Такъ какъ при народныхъ переписяхъ отмѣчается не только мѣсто жительства, но и мѣсто рожденія каждаго, то можно, слѣдовательно, вычислить, сколько человѣкъ, рожденныхъ въ польскихъ областяхъ, проживаетъ въ другихъ провинціяхъ, и наоборотъ. По этимъ вычисленіямъ видно, что въ 1890 г. провинція Познань отдала нѣмецкимъ областямъ на 243.000 человѣкъ больше, чѣмъ получила отъ нихъ, а Западная Пруссія—на 105.000 человѣкъ. Подробности см. въ цитированной выше монографіи: „Соціально-экономическія отношенія и т. д“.

Въ половинѣ XIX вѣка, когда Западная Пруссія и Познань представляли собой чисто-земледѣльческіе районы, а Верхняя Силезія еще только вступала на путь крупнокапиталистическаго развитія,—въ городахъ преобладалъ нѣмецкій элементъ. Господствующій классъ — дворянство — въ Силезіи онѣмечился давнымъ-давно. Въ Западной Пруссіи и Познани дворянство хотя и осталось польскимъ, но постепенно, въ погонѣ за государственными должностями, утрачивало свои національныя особенности, и среди высшей и низшей нѣмецкой бюрократіи насчитывается немало польскихъ именъ: Посадовскихъ, Подбѣльскихъ, Богуславскихъ и т. п. Только народныя массы — деревня — сохранила свою національность. Совершенно пассивный въ политическомъ отношеніи, народъ оставался польскимъ, говорилъ по-польски, хранилъ свои національные обычаи, свою тысячелѣтнюю культуру — не отдавая себѣ, конечно, отчета въ своей національной самобытности. Но великій капиталистическій переворотъ начинаетъ совершаться въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, сперва медленнымъ, а потомъ все болѣе и болѣе ускоряющимся темпомъ. Населеніе хлынуло изъ деревни въ городъ. Города, до того испоконъ вѣковъ нѣмецкіе, начинаютъ ополячиваться!

Пришлое населеніе образуетъ пролетарскія массы. Мѣщанство, на первыхъ порахъ, остается еще нѣмецкимъ. Но, съ теченіемъ времени, часть пролетаріата проникаетъ въ ряды мелкой буржуазіи, а, съ другой стороны, притокъ послѣдняго и самъ по себѣ оказываетъ извѣстное вліяніе. Въ прежнее время мелкій буржуа, полякъ по происхожденію, дѣлалъ всяческія усилія, чтобы стать нѣмцемъ: это было ему выгодно, т. к. кліентами были почти исключительно нѣмцы. Теперь, при новомъ порядкѣ вещей, на сцену выступаетъ массовый польскій потребитель; польскій рабочій, конечно, предпочитаетъ покупать товаръ въ лавкѣ, гдѣ говорятъ по-польски, имѣть дѣло со своимъ единоплеменникомъ. И вотъ мелкій буржуа, лавочникъ, наполовину онѣмеченный, начинаетъ всячески подчеркивать свой польскій патріотизмъ: „мы—свои, мы—поляки“—вотъ лозунгъ, при помощи котораго польскій лавочникъ старается одолѣть своего конкуррента-нѣмца.

Передвиженію центра тяжести въ сторону польскаго элемента способствовала также, въ извѣстной степени, и эмиграція. Дѣло въ томъ, что нѣмецкій элементъ эмигрируетъ отсюда въ большемъ количествѣ, чѣмъ польскій. Если сопоставить число людей, переселившихся изъ польскихъ областей въ другія провинціи, съ числомъ лицъ въ послѣднихъ, говорящихъ по-польски,—первыхъ окажется гораздо больше. Такъ, напримѣръ, въ 1890 г. въ Берлинѣ и Бранденбургской провинціи число уроженцевъ Западной Пруссіи и провинціи Познань равнялось 205.670;

между тѣмъ, въ Берлинѣ и Бранденбургской области говорило по-польски всего 29.199 человѣкъ. Если допустить даже, что значительную часть этихъ пришельцевъ составляли онѣмечившіеся поляки, то все же слѣдуетъ предположить, что большая доля иммигрантовъ, выселившихся изъ польскихъ областей, принадлежитъ къ нѣмецкой національности. Такое явленіе, впрочемъ, вполнѣ понятно: подъ ударами капитализма мелкій ремесленникъ теряетъ подъ ногами почву и потому, въ поискахъ хлѣба, эмигрируетъ въ крупные города въ качествѣ ремесленника или фабричнаго рабочаго; ремесленники же эти, какъ уже указано было выше, рекрутировались преимущественно изъ среды нѣмецкаго населенія. Къ тому же, нѣмцы легче рѣшаются на эмиграцію, такъ какъ они переселяются въ нѣмецкія же страны и знаютъ языкъ своего новаго мѣста жительства; какъ исконные городскіе жители, они вообще гораздо подвижнѣе и предпріимчивѣе польскихъ крестьянъ.—То же самое наблюдается и въ торговой средѣ: правда, торговля развивается и въ польскихъ областяхъ; но здѣсь нѣтъ той соблазнительной возможности быстраго обогащенія путемъ спекуляціи, какую представляютъ крупные центры; и потому купеческіе сыновья устремляются изъ небольшихъ городовъ въ крупные пункты. Въ связи съ этимъ, между прочимъ, наблюдается уменьшеніе количества евреевъ въ польскихъ областяхъ: въ 1885 г. провинція Познань насчитывала 47.657 евреевъ, а въ 1905 г. число ихъ упало до 19.045. Надо замѣтить при этомъ, что евреи, почти всѣ безъ исключенія, считаютъ себя здѣсь нѣмцами, такъ что и ихъ эмиграція значительно содѣйствуетъ уменьшенію нѣмецкаго элемента въ городахъ.

Такимъ образомъ, совершается вполнѣ естественный процессъ: болѣе интенсивный ходъ капиталистическаго развитія на Западѣ привлекаетъ въ западныя провинціи нѣмецкое населеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, капиталистическое развитіе успѣшно наростаетъ и въ польскихъ областяхъ; оно порождаетъ спросъ на наименѣе квалифицированную рабочую силу, а послѣднюю поставляетъ польская деревня. Такъ, постепенно, въ городахъ и въ промышленномъ районѣ Силезіи, въ силу самой экономической эволюціи, крѣпнетъ польскій элементъ.

Къ экономическимъ условіямъ присоединяется еще одно весьма важное обстоятельство—политическаго характера.

Послѣдніе 60 лѣтъ—это время политическаго переустройства страны: Германія становится конституціоннымъ государствомъ, и народныя массы начинаютъ, мало-по-малу, принимать участіе въ политической жизни. Но въ деревнѣ этотъ переворотъ чувствуется весьма слабо; новыя теченія лишь въ весьма малой степени доходятъ до сознанія крестьянскихъ массъ. Начиная съ 1848 года, главный факторъ соціально-политической жизни—аграрный

вопросъ—который могъ бы воздѣйствовать на крестьянскую массу, теряетъ свое значеніе, т. к. утрачиваетъ политическій характеръ. Непосредственныхъ національныхъ или религіозныхъ гоненій широкія народныя массы на себѣ также не испытывали. До семидесятыхъ годовъ прусское правительство всячески избѣгало всего, что могло бы затронуть національное и религіозное чувство народа. Германизаціонная политика ограничивалась тѣмъ, что урѣзывала самоуправленіе и устраняла поляковъ отъ государственныхъ должностей, чего сельское населеніе непосредственно на себѣ не могло чувствовать; оно и раньше не принимало никакого участія въ самоуправленіи, и благами его могли пользоваться лишь привилегированные слои; тѣмъ менѣе затрагивало интересы крестьянъ устраненіе поляковъ отъ государственной службы. Далѣе, германизаторская политика хотя и проводилась въ школахъ, но такъ какъ прямымъ преслѣдованіямъ польскій языкъ не подвергался, и преподаваніе закона Божія допускалось на польскомъ языкѣ, то и на этой почвѣ конфликтовъ не возникало. Къ тому же, въ прусской части Польши польская шляхта никогда не вліяла на народныя массы въ смыслѣ развитія національнаго самосознанія. Наоборотъ, если шляхта здѣсь чего-либо опасалась, то именно народнаго движенія. Потому-то ни въ 1830, ни въ 1863 г., когда въ Царствѣ Польскомъ вспыхнуло вооруженное возстаніе, народъ въ Познани не тронулся съ мѣста. Единственная попытка вызвать народное возстаніе, сдѣланная въ 1846 году Мирославскимъ, ничѣмъ не завершилась, т. к. шляхта сдѣлала съ своей стороны все, чтобы парализовать, обращенный къ сельской массѣ, призывъ къ борьбѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если польская деревня оставалась чуждой всякой политической жизни. Конституціонный строй также внесъ въ этомъ отношеніи мало новаго. Въ деревнѣ онъ сказывался лишь въ самой незначительной мѣрѣ. Въ выборахъ въ прусскій ландтагъ и германскій парламентъ активную роль играетъ, опять-таки, шляхта и духовенство; крестьяне же и сельскіе рабочіе, хотя и подаютъ свои голоса, но къ избирательной кампаніи относятся безучастно.

Иначе обстояло дѣло въ городѣ. Здѣсь, съ введеніемъ конституціоннаго строя, наблюдается значительный подъемъ политической жизни. Населеніе стало пробуждаться къ политическому сознанію, и это сказалось, прежде всего, въ національной сферѣ, такъ какъ городъ сталкиваетъ лицомъ къ лицу обѣ національности—польскую и нѣмецкую; здѣсь создаются конфликты, здѣсь развертывается политическая борьба между націями.

Достаточно представить себѣ психологію польскаго крестьянина, переселившагося въ городъ, чтобы уяснить себѣ вліяніе послѣдняго на умъ и душу сельскаго человѣка. Полякомъ онъ былъ, правда, и до тѣхъ поръ, но вопросъ

о національной принадлежности даже и не вставалъ передъ нимъ, и національная проблема не затрагивала его совершенно. Но стоило ему очутиться въ городѣ, въ этомъ фокусѣ національныхъ и политическихъ треній, какъ сейчасъ же вопросъ этотъ проникаетъ въ его сознаніе, и лишь съ этого момента онъ начинаетъ отдавать себѣ отчетъ въ принадлежности къ польской націи; теперь только онъ сознательно противопоставляетъ себя нѣмцу.

Ясно поэтому, что, по мѣрѣ того, какъ центръ тяжести передвигается изъ деревни въ городъ, какъ возрастаетъ притокъ сельскаго населенія въ городскіе центры, увеличиваются и ряды сознательнаго польскаго населенія.

А затѣмъ, съ развитіемъ торговыхъ сношеній, городъ начинаетъ воздѣйствовать и на деревню; послѣдняя вовлекается въ круговоротъ политической борьбы и, постепенно, выводится изъ состоянія повседневной косности.

Перейдемъ теперь къ соотношеніямъ общественныхъ классовъ въ средѣ самого польскаго населенія.

Господствующее положеніе все еще принадлежитъ дворянству. Правда, экономическія основы господства этого класса находятся, со времени отмѣны крѣпостного права, на пути къ разложенію, но, несмотря на это, почти все сельское населеніе—какъ сельскій пролетаріатъ, такъ и малоземельные крестьяне—все еще въ экономической зависимости отъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія [1]).

Поведеніе польскаго дворянства по отношенію къ прусскому правительству отличалось въ продолженіе долгаго времени ультра-лояльностью. Уже непосредственно вслѣдъ за раздѣломъ Польши, мы видимъ польское дворянство пресмыкающимся передъ прусскими властями и прусскимъ дворомъ; оно всячески норовитъ проникнуть въ ряды бюрократіи и арміи; оно усердно подчеркиваетъ свою лояльность, чтобы заручиться милостью правительства въ дѣлѣ регулированія крѣпостныхъ отношеній. За все время прусскаго владычества мы лишь разъ встрѣчаемся съ повстанческимъ движеніемъ—возстаніемъ Мирославскаго въ 1846 г.,—которое, какъ уже выше было отмѣчено, дворянство поддержало, однако, очень вяло, и которое, въ силу этого, было подавлено въ зародышѣ. Въ теченіе послѣдующаго періода дворянство съ удвоеннымъ рвеніемъ подслуживается къ правительству. Только

---

[1]) Неудивительно поэтому, что въ деревенскихъ избирательныхъ округахъ дворянство безъ труда завоевываетъ мандаты въ парламентъ и прусскій сеймъ. Только въ Верхней Силезіи, благодаря главенству онѣмеченнаго дворянства, въ деревенскихъ округахъ господствуетъ католическая партія—т. наз., центръ.

въ 1871 году, въ первомъ германскомъ парламентѣ, депутатъ Неголевскій отъ имени „польскаго кола“ вноситъ протестъ противъ захвата Польши, но это былъ лишь политическій выпадъ, дискредитированный, вдобавокъ, ссылкой на обветшавшую бумажку—на Вѣнскій трактатъ. Вслѣдъ за тѣмъ, мы видимъ, какъ то же польское дворянство голосуетъ за увеличеніе арміи и флота [1]). И даже въ эпоху самыхъ ярыхъ національныхъ гоненій Коло остается невозмутимо—лояльнымъ.

Но не одна только лояльность характеризируетъ дворянство и его представителей: своимъ политическимъ положеніемъ этотъ классъ пользуется для защиты своихъ крайне узкихъ интересовъ. Лучшій примѣръ этому мы имѣемъ въ дебатахъ по поводу таможеннаго тарифа и торговыхъ трактатовъ. Врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что для польскихъ областей Пруссіи затрудненія въ торговлѣ съ Россіей крайне невыгодны; развитіе промышленности и торговли въ этомъ краѣ требуетъ возможно-болѣе интенсивнаго обмѣна товаровъ съ сосѣднимъ Царствомъ Польскимъ, которое доставляетъ промышленности сырые продукты и является естественнымъ потребителемъ произведеній этой промышленности. Къ тому же, польскія области, хотя и земледѣльческія по преимуществу, принуждены нынѣ ввозить хлѣбъ; увеличеніе благодаря пошлинамъ, цѣнъ на хлѣбъ и мясо, ухудшаетъ положеніе громаднаго большинства населенія,—какъ пролетаріата, такъ и малоземельныхъ крестьянъ. Наконецъ, тѣсная экономическая связь между областями, расположенными по ту и другую сторону государственной границы, можетъ быть только благотворна для культурнаго сближенія этихъ польскихъ областей, разъединенныхъ искусственной гранью. Тѣмъ не менѣе, польское коло, во имя интересовъ горсти крупныхъ землевладѣльцевъ-аграріевъ, вотировало за увеличеніе пошлинъ. Это, впрочемъ, лишь одно изъ проявленій общей политики кола: польскіе крупные землевладѣльцы, чувствуютъ себя, прежде всего, аграріями.

Но лояльность его находитъ свой источникъ и въ общей архиконсервативной позиціи: въ силу своего классоваго положенія, оно не можетъ не относиться враждебно къ соціальному и политическому прогрессу.

Естественнымъ союзникомъ дворянства является, конечно, католическое духовенство.

Какъ мы уже видѣли, экономическое развитіе способствовало непосредственно возникновенію польской буржуазіи и, особенно, буржуазіи мелкой. Естественно, что послѣдняя стремится занять соотвѣтствующее полити-

---

[1]) Бывало, что польское коло спасало своими голосами проекты Вильгельма II—объ увеличеніи флота, въ виду чего лидеръ кола, Косцельскій, удостоился во всей Германіи ироническаго прозвища „адмирала“.

ческое положеніе; она должна вытѣснить дворянство, какъ классъ, клонящійся къ упадку, изъ его позицій и наложить свою печать на всю политическую жизнь. Но въ наше время буржуазія не въ силахъ уже играть той руководящей роли въ общественной жизни, какъ сто лѣтъ тому назадъ, въ пору своего торжества, въ эпоху французской революціи. Она чувствуетъ, что ея интересы въ противорѣчіи съ интересами громаднаго большинства, съ интересами пролетаріата. Буржуазія боится пролетаріата, и этотъ страхъ парализуетъ ея политическій размахъ въ польскихъ областяхъ. Она не имѣетъ мужества противопоставить себя дворянству и остается реакціонной и клерикальной.

Но тутъ наблюдается и другой факторъ. Польская мелкая буржуазія сталкивается на каждомъ шагу съ нѣмецкимъ элементомъ, и эти столкновенія принимаютъ, наконецъ, самую откровенную форму торговой конкуренціи. Кто привлечетъ больше потребителей, кто овладѣетъ позиціей въ торговлѣ—полякъ или нѣмецъ?—вотъ животрепещущій вопросъ, стоящій предъ рыцарями наживы. Польскій и нѣмецкій лавочники ведутъ между собою борьбу изъ-за прибавочной стоимости, произведенной рабочимъ. Нажить состояніе—вотъ единственная идея, воодушевляющая ихъ въ борьбѣ. Въ этой борьбѣ за наживу буржуазія видитъ свою идейную миссію: „Мы, поляки, должны быть такъже богаты, какъ нѣмцы, намъ необходимо обогащаться!“—вотъ къ чему сводится въ этомъ классѣ „національная идея“—грубое тривіальное *„enrichissez vous, messieurs“*.

Въ этой погонѣ за обогащеніемъ гибнутъ, конечно, всѣ болѣе возвышенныя стремленія. Провинція Познань стала польской Беотіей. И въ самомъ дѣлѣ, въ Царствѣ Польскомъ внѣшнія условія отнюдь не были болѣе благопріятными для развитія польской науки и польскаго искусства, чѣмъ въ предѣлахъ прусскаго государства: и тамъ до послѣднихъ лѣтъ не было польскихъ школъ, и тамъ польскій языкъ подвергался гоненіямъ. Наоборотъ—въ Царствѣ Польскомъ условія были несравненно хуже, потому что наукѣ и искусству приходилось выдерживать борьбу съ цензурой. И все же въ Варшавѣ издаются сотни научныхъ книгъ; существуетъ, несмотря ни на какія препятствія, богатая литература; искусство достигло значительнаго расцвѣта. Въ Познани же—абсолютный застой: новая научная книга—большая рѣдкость; провинція Познань за послѣдніе тридцать лѣтъ не выдвинула ни одного ученаго, ни одного художника; познанская печать стоитъ на поразительно низкомъ уровнѣ; не существуетъ ни одного прогрессивнаго органа. Познань дала лишь два имени, занявшихъ выдающееся мѣсто въ умственной жизни Польши,—Пшибышевскаго и Каспровича; но и они бѣжали изъ польской Беотіи, потому что оставшись здѣсь, они бы неминуемо погибли.

А рабочія массы, пролетаріатъ? О нихъ только, какъ о гранитную скалу, разбиваются германизаторскія стремленія прусскаго правительства. Они остаются непоколебимо—вѣрны польскимъ началамъ, и не во имя гешефтмахерства, а потому, что не быть польскими не могутъ, точно такъ же, какъ не можетъ камень не быть каменнымъ. Но до яснаго сознанія своихъ классовыхъ идеаловъ, до способности проникнуться идеей почетной общественной миссіи своего класса, находящей свое выраженіе въ соціалистической борьбѣ, — рабочія массы еще не дошли. Польскій рабочій, какъ въ Познани и Западной Германіи, такъ и въ Верхней Силезіи, остается еще до сихъ поръ человѣкомъ деревенскаго типа. Онъ принадлежитъ еще къ тому поколѣнію, которое было извлечено изъ сельской обстановки и брошено въ водоворотъ городской промышленной жизни. Новое міросозерцаніе, пролетарскій взглядъ на вещи и классовое самосознаніе не успѣли еще пустить цѣпкихъ корней. Къ тому же, пролетаріатъ не встрѣчаетъ здѣсь ни малѣйшей поддержки со стороны идеологовъ, интеллигентныхъ выходцевъ изъ другихъ классовъ. Соціалистической интеллигенціи здѣсь нѣтъ.

Съ другой стороны, гоненія дѣлаютъ свое: національный гнетъ слишкомъ осязателенъ, слишкомъ тяжелъ, чтобы не вызвать отчаяннаго сопротивленія, противодѣйствія, и не разжечь до высшей степени національныхъ страстей.

II.

Съ момента раздѣла Польши прусская политика стремилась къ искорененію польской національности. Примѣнялись различныя мѣры: то болѣе мягкія, то болѣе рѣзкія; но ни на одно мгновеніе не могло возникнуть сомнѣнія въ томъ, какова цѣль, преслѣдуемая этой политикой. Создавать себѣ на этотъ счетъ иллюзіи могло развѣ лишь польское дворянство, безпредѣльно-циничное въ отождествленіи своихъ сословно-классовыхъ интересовъ съ интересами народа. Какъ уже замѣчено выше, дворянство сначала стремилось показать себя ультра-лояльнымъ. Правительство одобряло эти „благія намѣренія“ и терпѣло, въ извѣстныхъ размѣрахъ, нѣкоторое самоуправленіе, въ которомъ польское дворянство, наравнѣ съ нѣмецкими юнкерами, выполняло руководящія функціи; дворянству былъ открытъ доступъ къ придворнымъ должностямъ и почестямъ. Но и при всемъ этомъ школа оставалась орудіемъ германизаціи; офиціальнымъ языкомъ былъ исключительно нѣмецкій. Впослѣдствіи, самоуправленіе подверглось ограниченіямъ; поляки были отстранены отъ государственной службы, но шляхта все же не утратила своей лояльности. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что прусское правительство, на

первыхъ порахъ послѣ присоединенія края, избѣгало насилій и острыхъ конфликтовъ. Оно дѣлало свое дѣло медленно, но неуклонно. Ихъ система была тѣмъ болѣе успѣшна, что, какъ мы уже указывали выше, значительную часть населенія края составляли нѣмцы; городское населеніе было онѣмечено.

Шляхта стремилась быть лояльной—во что бы то ни стало; городское польское населеніе было слабо; крестьянская же масса пребывала въ состояніи инерціи,—и не могло быть и рѣчи поэтому объ открытомъ отпорѣ германизаторской политикѣ.

Въ эпоху абсолютизма, до 1848 года, отпоръ противъ этой систематической денаціонализаціи трудно было представить себѣ иначе, какъ въ видѣ вооруженнаго возстанія. Подобныя возстанія вспыхивали въ русской части Польши, гдѣ варварскія преслѣдованія доводили населеніе до отчаянія, и гдѣ, вслѣдствіе слабости русской арміи, имѣлись извѣстные шансы на побѣду. Но не могло быть этихъ вспышекъ въ Пруссіи, гдѣ администрація съумѣла провести свою систему, не доходя до такихъ эксцессовъ, и гдѣ военная сила государства была такъ велика, что уничтожала всякіе разсчеты на возможную побѣду повстанцевъ.

Впервые нѣкоторые шансы на освобожденіе появляются въ 1848 году. И дѣйствительно, когда разразилась революція, все, что было живого и отважнаго среди шляхты и городского польскаго населенія, бросилось въ водоворотъ революціонной борьбы. Вездѣ, гдѣ шла борьба за освобожденіе Германіи отъ власти абсолютизма, также обильно лилась и польская кровь.

Но революція была разбита; нѣмецкая буржуазія предала ее; и однимъ изъ первыхъ проявленій измѣны буржуазіи, было отношеніе Національнаго Собранія къ польскому вопросу. Демократы и поляки требовали выдѣленія княжества Познанскаго изъ состава германскаго государства,—большинство Собранія отвергло это требованіе. Карлъ Марксъ писалъ тогда въ „Рейнской Газетѣ“: „Измѣна по отношенію къ полякамъ была первымъ оплотомъ начинавшейся контръ-революціи“. Но уступки, вырванныя у абсолютизма, все же принесли извѣстную пользу также и полякамъ. Цензура была упразднена; установлено право собраній и союзовъ. Революція завершилась полупобѣдой.

Въ польскомъ обществѣ началась тогда усиленная культурная дѣятельность; стали создаваться ученыя и просвѣтительныя общества, оживилось литературное движеніе. Это былъ единственный моментъ послѣ раздѣла Польши, когда Познань сыграла выдающуюся роль въ исторіи польской культуры. Во главѣ этого движенія стояли ученые: Либельтъ, Кремеръ, Цѣшковскій; рядомъ съ ними выдвинулись интеллигентные меценаты изъ среды аристократіи, какъ Рачинскій, Дзялынскій. Впрочемъ, широкихъ размѣровъ это движеніе все же

не приняло, такъ какъ не было еще опредѣленно—сформировавшагося городского польскаго населенія, которое могло бы стать его носителемъ.

Между тѣмъ, общественное развитіе дѣлало свое; народныя массы постепенно развивались и по мѣрѣ того, какъ народъ въ все большей мѣрѣ пріобщался въ политической жизни, выросталъ польскій элементъ; однако до 1870 года это развитіе идетъ еще очень медленнымъ темпомъ. Судьбы Германіи послѣ 1870 г. извѣстны: быстрое развитіе промышленности способствовало росту пролетаріата; съ поразительной быстротой возникла и развилась соціалъ-демократическая рабочая партія, послѣдствіемъ чего было отреченіе нѣмецкой буржуазіи отъ своихъ либеральныхъ стремленій; она бросилась въ сторону реакціи, и оказала поддержку юнкерски-реакціоннымъ планамъ Бисмарка. Это реакціонное вліяніе сказалось и въ польскихъ областяхъ: усиливаются полицейскія репрессіи; вдохновителямъ новаго вѣянія нужны жупелы, которыми можно было бы запугивать филистеровъ — на сцену выступаетъ польская крамола. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ начинается эра мелочныхъ и злостныхъ полицейскихъ гоненій противъ поляковъ.

Серьезное вліяніе имѣлъ, въ данномъ случаѣ, и созданный Бисмаркомъ конфликтъ съ католицизмомъ—такъ называемый *Kulturkampf*. Въ настоящее время стимулы этого движенія выяснены: борьба съ католицизмомъ должна была послужить для правительства однимъ изъ средствъ къ тому, чтобы разжечь нѣмецкій шовинизмъ и создать щитъ, прикрывающій всю реакціонность имперской политики.

Въ Польшѣ, странѣ ярко католической, духовенство всегда пользовалось огромнымъ вліяніемъ на народныя массы.

Послѣ раздѣла страны, духовенство, также какъ и дворянство, старалось сохранить лояльность по отношенію къ правительству и не ставило помѣхъ германизаціи. Теперь, когда начались гоненія, и возгорѣлась борьба между правительствомъ и духовенствомъ, послѣднему пришлось по необходимости опереться на народныя массы, т. к. вліяніе на эти массы и составляетъ всю основу его истиннаго могущества. Неудивительно поэтому, что гоненія противъ католицизма въ понятіи народныхъ массъ отожествлялись съ гоненіями противъ польской національности: правительство преслѣдуетъ ксендзовъ—это значитъ: нѣмцы преслѣдуютъ католиковъ; понятія „полякъ“ и „католикъ“ для народныхъ массъ — синонимы. Слѣдовательно, поляки должны защищать католическую вѣру, должны стать на защиту ксендзовъ противъ германскаго правительства.

Такимъ образомъ, эта борьба въ высокой степени способствовала росту національнаго самосознанія народныхъ массъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она дала осязательный толчекъ небывалому развитію клерикализма.

*

Вотъ почему польскія провинціи Пруссіи и являются самой клерикальной частью Польши.

Kulturkampf завершился пораженіемъ правительства,—Бисмаркъ пошелъ въ Каноссу; между римской куріей и германскимъ правительствомъ установилось согласіе.

Съ этого времени польское духовенство, преимущественно высшее, вновь архи-лояльно, и о сопротивленіи германизаторской политикѣ правительства для него не можетъ уже быть и рѣчи. Такія мѣры, какъ запрещеніе обученія въ школахъ закону Божію на польскомъ языкѣ, не встрѣтили бы никакого противодѣйствія, если бы дѣло касалось исключительно духовенства; и польское духовенство, подчиняясь желаніямъ римской куріи, стремящейся къ доброму миру съ правительствомъ, не рискнуло бы оказать сопротивленіе. Но народныя массы иначе смотрятъ на это дѣло: онѣ не понимаютъ той дипломатіи, которая въ эпоху *Kulturkampf'a* повелѣвала ксендзамъ отожествлять польскую національность съ католицизмомъ, а затѣмъ, въ цѣляхъ сохраненія мира между папой и императоромъ, рекомендовала дѣтямъ отказаться отъ молитвы на польскомъ языкѣ. И въ то время, когда польскія дѣти становятся жертвами палачей-педагоговъ, исполняющихъ полицейскія и германизаторскія функціи, католическое духовенство предаетъ этихъ маленькихъ мучениковъ; оно отрекается отъ нихъ и стремится вновь проявить свою лояльность по отношенію къ варварскимъ германизаторамъ.

Лояльность духовенства привела его къ острому конфликту съ народными массами въ Верхней Силезіи. Такъ какъ въ этой провинціи — какъ мы уже знаемъ—дворянство давнымъ-давно онѣмечилось, а мелкая буржуазія находилась лишь въ процессѣ развитія, то, до недавняго времени здѣсь польской интеллигенціи не было вовсе; народныя массы, не созрѣвшія еще для самостоятельной политики, всецѣло подчинялись духовенству. Послѣднее, въ свою очередь, тоже подверглось процессу германизаціи, охватившему господствующій классъ населенія: силезскіе ксендзы уже давно проводятъ политику нѣмецкой католической партіи — центра. Въ эпоху Kulturkampf'a они прекрасно использовали наивное отожествленіе католицизма съ польской національностью, но теперь, когда партія центра стремится занять положеніе правительственной,—силезское духовенство, съ бреславльскимъ епископомъ Коппомъ во главѣ, снова взяло на себя роль вдохновителей германизаціи.

Сельское населеніе въ Силезіи до того пассивно въ политическомъ отношеніи, что не взирая на это, все же избираетъ въ депутаты или ксендзовъ, или же аристократовъ, принадлежащихъ къ партіи центра. Но въ промышленныхъ районахъ рабочіе настолько уже политически-созрѣли, что выступаютъ про-

тивъ этой партіи, именно въ виду ея германизаторскихъ стремленій, и это обстоятельство создало возможность образовать въ Силезіи національно-польскую политическую партію, съ народнодемократическимъ оттѣнкомъ,—съ успѣхомъ боровшуюся съ центромъ во время двухъ послѣднихъ избирательныхъ кампаній [1]),

---

Въ 1886 году Бисмаркъ открылъ генеральную кампанію противъ поляковъ. Были внезапно высланы изъ предѣловъ прусскаго государства десять съ лишнимъ тысячъ поляковъ, не удостовѣрившихъ своего прусскаго подданства; среди нихъ и такіе, которые родились и съ дѣтства жили въ польскихъ областяхъ Пруссіи. Имъ приказано было, немедленно и безъ всякихъ объясненій, выселиться въ Австрію или въ Россію, причемъ выселеніе проводилось съ варварской грубостью. Съ тѣхъ поръ, вопреки всякимъ конституціоннымъ правамъ, укоренился обычай, воспрещающій полякамъ, особенно рабочимъ—русскимъ или австрійскимъ подданнымъ—постоянное пребываніе въ предѣлахъ Пруссіи. Сельскіе и фабричные рабочіе, массами переселяющіеся сюда изъ Царства Польскаго и Галиціи, принуждены покидать прусскую территорію по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль въ году, во избѣжаніе просрочки ихъ права жительства. Эта мѣра представляетъ собою наглое нарушеніе всѣхъ международныхъ обычаевъ, такъ какъ около 800.000 нѣмецкихъ подданныхъ безвыѣздно живетъ внѣ предѣловъ Германіи (въ одной Россіи — около 150.000). Но такъ какъ рѣчь шла о полякахъ, то ни русское, ни австрійское правительства не выступили въ защиту своихъ подданныхъ, насильно изгоняемыхъ исключительно за принадлежность къ преслѣдуемой національности.

Въ томъ же 1886 г. Бисмаркъ провелъ въ прусскомъ ландтагѣ такъ наз. законъ о „Колонизаціонной комисіи“, долженствовавшей на казенный счетъ

---

[1]) Можетъ показаться страннымъ, что въ этихъ крупно-промышленныхъ округахъ, съ громаднымъ рабочимъ населеніемъ, мандаты получаетъ національная польская партія, а не соціалдемократія. Слѣдуетъ, однако, помнить, что горнопромышленные рабочіе составляютъ повсюду элементъ, крайне туго поддающійся соціалистической организаціи и пропагандѣ. Въ Англіи они составляютъ самую консервативную часть тред-юніоновъ; въ Бельгіи они долгое время,—а въ извѣстной своей части еще и теперь,—служили опорой клерикализма; въ Германіи, до недавняго времени, партія центра нераздѣльно господствовала въ промышленныхъ округахъ Вестфаліи и Прирейнской провинціи, и только за послѣдній десятокъ лѣтъ соціалдемократія пробила здѣсь брешь. Въ виду этого, неудивительно, что соціалдемократія не смогла занять твердой позиціи въ Верхней Силезіи. Однако, есть признаки, которые позволяютъ предполагать, что политическое пробужденіе рабочихъ массъ, проявляющееся пока въ недовольствѣ германизаторскимъ духовенствомъ и увеличеніемъ симпатій къ національной партіи, подготовляетъ почву для позднѣйшихъ успѣховъ соціализма.

скупать земли польскихъ собственниковъ и перепродавать ихъ нѣмецкимъ крестьянамъ-колонистамъ. Этотъ законъ—такова иронія судьбы!—былъ направленъ, въ сущности, противъ польскаго дворянства, такъ много разсчитывавшаго на свою лояльность. Бисмаркъ утверждалъ, будто единственнымъ элементомъ въ Польшѣ, оказывающимъ противодѣйствіе прусскому правительству, является именно дворянство. Его планъ состоялъ поэтому въ томъ, чтобы выкупить землю изъ рукъ этого класса и поселить на ней нѣмецкихъ крестьянъ.

Исторія дѣятельности Колонизаціонной комиссіи, позорная для характеристики юнкерски-прусскаго хозяйничанья, въ высшей степени поучительна для каждаго интересующагося вопросами внутренней колонизаціи.

Ассигнованныхъ комиссіи для выкупныхъ операцій 100 мил. марокъ хватило ненадолго. Уже въ 1898 г. прусскій ландтагъ предоставилъ новые 100 милліоновъ, а въ 1902 г.—еще 150. Въ общемъ, комиссія имѣла, такимъ образомъ, въ своемъ распоряженіи 350 миліоновъ марокъ (162 мил. рублей). На эти деньги она купила 325.993 гектара (около 210.000 десятинъ) земли; но только часть ее была пріобрѣтена у польскаго дворянства, — всего 103.059 гектаровъ или 31,6%; остальная земля была куплена у нѣмцевъ же. Дѣло въ томъ, что польское общественное мнѣніе со всей силой обрушилось на польское дворянство, продавшее свои земли: крупный землевладѣлецъ, уступающій землю Колонизаціонной комиссіи подверженъ опасности остракизма со стороны всего общества и потому лишь въ исключительныхъ случаяхъ рѣшается на подобный шагъ.

Между тѣмъ, спросъ на землю со стороны Колонизаціонной комиссіи вызвалъ громадное ея вздорожаніе: въ теченіе перваго трехлѣтія она платила, въ среднемъ, по 583 марки за гектаръ, затѣмъ цѣна повысилась до 700 – 800 марокъ, а въ послѣдніе три года за гектаръ земли платили уже по 1181 мар. Благодаря дѣятельности вышеназванной комиссіи цѣны на землю за 20 лѣтъ возросли больше, чѣмъ на 100%. Это возбудило зависть прусскихъ юнкеровъ, и они добились, чтобы комиссія покупала земли и у нѣмецкихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. И такимъ образомъ, комиссія, имѣвшая своей задачей экспропріацію польскихъ землевладѣльцевъ,—превратилась въ орудіе выкупа, по необычайно взвинченнымъ цѣнамъ, имѣній крупныхъ земельныхъ собственниковъ, какъ поляковъ, такъ и нѣмцевъ. Комиссія затратила на покупку земли 292,5 милліона марокъ, и затѣмъ очутилась предъ новой трудностью: не оказалось покупателей! Крестьяне изъ западной Германіи нелегко рѣшались пріобрѣтать землю въ совершенно чужой для нихъ странѣ, особенно по столь высокимъ цѣнамъ. Комиссіи пришлось прибѣгнуть къ спеціальной пропагандѣ:

ея агенты разъѣзжали по Вестфаліи, Баваріи, Бадену и сулили крестьянамъ золотыя горы; въ результатѣ—пріѣзжіе колонисты тотчасъ же бѣжали обратно. Комисія убѣждалась въ томъ, что о продажѣ участковъ за наличныя не можетъ быть и рѣчи. Пришлось прибѣгнуть къ долгосрочному кредиту и разсрочкѣ. Въ настоящее время колонисты платятъ ренту, составляющую неполныхъ 3% суммы, потраченной комисіей на землю; а такъ какъ Пруссія по своимъ государственнымъ долгамъ платитъ свыше 4%, то операція совершается за счетъ всего податного населенія.

Но этого мало: практика научила, что еще недостаточно разбить землю на участки, нужно помимо того сдѣлать ее пригодной для колонизаціи. А это требуетъ значительныхъ денежныхъ затратъ; должно проводить дороги, производить дренажъ, и проч. и проч. Такимъ образомъ, каждый колонистъ обходится государству въ нѣсколько тысячъ марокъ.

Результаты этого хозяйничанья слѣдующія: до настоящаго времени на купленной комисіей землѣ поселилось 11.957 нѣмецкихъ колонистовъ. Однако, не всѣ они были водворены трудами Колонизаціонной комисіи, такъ какъ изъ нихъ 2.940 (24,6%) и до того жили въ польскихъ областяхъ. Кромѣ того, часть пришельцевъ, быть можетъ, и помимо дѣятельности комисіи поселилась бы въ этихъ провинціяхъ; среди нихъ мы находимъ, напримѣръ, около 2.400 нѣмцевъ, прибывшихъ изъ Россіи.

Такимъ образомъ, цѣною 350 мил. марокъ комисія поселила въ польскихъ областяхъ 9.000 нѣмецкихъ колонистовъ! На покупку земли израсходовано 292,5 милліоновъ марокъ, остальное—поглотили расходы на амеліорацію и административныя издержки; въ особенности, послѣднія составляютъ громадныя суммы, такъ какъ была создана огромная бюрократическая машина, въ которой работало около 600 чиновниковъ.

Таково было положеніе до 1907 года, когда правительство провело въ прусскомъ ландтагѣ новый исключительный законъ противъ поляковъ: Колонизаціонной комисіи было дано право *принудительно* отчуждать по своему усмотрѣнію земельныя владѣнія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ законъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ элементарными требованіями справедливости; и если въ защиту права принудительнаго отчужденія правительство ссылалось на требованія общественнаго блага, то совершенно ясно, что это лишь софизмъ. Разумѣется, если отчуждается участокъ земли для проведенія желѣзной дороги или шоссе,—этотъ актъ ограниченія частной собственности дѣйствительно диктуется соображеніями о благѣ всего общества, которое и пользуется плодами этой мѣры. Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о совершенно иномъ. Здѣсь землевладѣлецъ полякъ подвергается экспропріаціи исключительно для того,

чтобы дать мѣсто такому же землевладѣльцу — нѣмцу. Слѣдовательно, надъ данной группой земельныхъ собственниковъ учиняется насиліе только потому, что они принадлежатъ къ преслѣдуемой націи.

Противники этого законопроекта въ прусскомъ ландтагѣ, и въ особенности, представители партіи центра, пытались въ немъ усмотрѣть соціалистическія тенденціи. Но это очевидная нелѣпость. Соціалисты стремятся уничтожить частную собственность, исходя изъ интересовъ общества, какъ цѣлаго; прусское же правительство нарушаетъ право собственности въ ущербъ значительной части общества, съ исключительной цѣлью—проведенія своей истребительной политики. Одно надо дѣйствительно признать, что это нарушеніе права собственности, во имя яко бы государственныхъ интересовъ, создаетъ, на самомъ дѣлѣ, опасный для собственниковъ прецедентъ, и недаромъ въ средѣ консервативныхъ партій прусскаго ландтага возникла значительная оппозиція противъ такого расширенія компетенціи государства. Оппозиція добилась того, что размѣры отчужденія были ограничены: комисіи было предоставлено право закупить въ Познани и западной Пруссіи путемъ принудительнаго отчужденія не болѣе 70.000 гектаровъ земли.

Въ такомъ измѣненномъ видѣ законъ прошелъ въ палатѣ господъ большинствомъ 143 голосовъ противъ 111. Интересно отмѣтить, что цѣлый рядъ прусскихъ аристократовъ голосовали противъ даннаго закона, въ томъ числѣ и шуринъ императора—герцогъ Эрнстъ Гюнтеръ Шлезвигъ-Гольштинскій. Законъ проведенъ въ верхней палатѣ голосами городскихъ представителей—бургомистровъ, засѣдающихъ въ силу занимаемой ими должности, и представителей „науки“, профессоровъ, делегированныхъ университетами; во главѣ этихъ ученыхъ наемниковъ государства стоялъ извѣстный экономистъ, профессоръ Шмоллеръ. Въ нижней палатѣ за новый законъ голосовали всѣ національ-либералы и огромное большинство консерваторовъ, представленныхъ здѣсь, въ значительной части, мелкими аграріями и чиновниками (ландратами); противъ—голосовали кромѣ поляковъ,—центръ и свободомыслящіе (соціал-демократы, какъ извѣстно, лишь въ 1908 году завоевали нѣсколько мандатовъ въ прусскомъ ландтагѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ—истощенный уже фондъ Колонизаціонной комисіи былъ пополненъ новой ассигновкой въ 300 милліоновъ марокъ.

Цѣль новаго закона совершенно ясна. Поскольку закупка земли у польскихъ землевладѣльцевъ по добровольному соглашенію становится все болѣе затруднительной, правительство вынуждено прибѣгнуть къ насилію, чтобы не обнаружить полнаго банкротства своей колонизаціонной политики. Играетъ роль при этомъ и еще одно обстоятельство: поселенные съ такимъ трудомъ колонисты, попадая въ польскую среду, ополячиваются, и потому Колонизаціонная комисія, чтобы избѣжать этого, стремится создать

сплошныя нѣмецкія поселенія, цѣлые нѣмецкіе острова, и такимъ образомъ, совершенно изолировать колонистовъ отъ мѣстнаго населенія. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, комисія будетъ прежде всего, конечно, закупать польскія земли, лежащія въ районѣ этихъ поселеній. И новый законъ угрожаетъ, такимъ образомъ, не аграріямъ, а польскимъ крестьянамъ, ибо въ настоящее время съ землями нѣмецкихъ колонистовъ граничатъ только владѣнія послѣднихъ.

Небезынтересно нѣсколько остановиться на судьбѣ этихъ колонистовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что землю они получаютъ на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ, и плата взимаемая съ нихъ низка, ниже затратъ правительства при закупкѣ земли. Кромѣ того, Колонизаціонная комисія тщательно заботится о своихъ кліентахъ: открываетъ имъ дешевый кредитъ; доставляетъ имъ домашній скотъ, сѣмена, сельскохозяйственныя орудія; посылаетъ инструкторовъ и т. д. И въ докладахъ комисіи дѣло представляется такъ, будто ей удалось создать образцовое, во всѣхъ отношеніяхъ, хозяйство. А между тѣмъ, нѣмецкіе авторы, писавшіе по этому вопросу—Sehring, Stumpfe, Bernhard и др.—изображаютъ дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. По ихъ словамъ, бѣда въ томъ, что искусственно поддерживаемые правительственной комисіей переселенцы, не срослись органически съ колонизуемой страной. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вездѣ, гдѣ только происходитъ самостоятельная колонизація, переселенцы по необходимости приспособляются къ условіямъ почвы, климата, рынка,—всей вообще мѣстной обстановки; въ этомъ процессѣ приспособленія многіе изъ нихъ разоряются, но зато остальные становятся прочно на ноги. Здѣсь дѣло происходитъ совершенно иначе. Для колонистовъ, переселяющихся изъ Бадена, Вюртемберга, Баваріи или Вестфаліи, польскія области представляютъ собой край совершенно чуждый. У себя дома они привыкли къ такимъ формамъ хозяйства, которыя не могутъ быть перенесены въ эти новыя мѣста; приспособиться же къ новымъ условіямъ можно было бы только, придя въ тѣсное соприкосновеніе съ мѣстнымъ населеніемъ. Но отъ этого Колонизаціонная комисія всячески ограждаетъ колонистовъ, и потому не мудрено, что хозяйство послѣднихъ не развивается и поддерживается съ помощью искусственныхъ мѣръ.

Свѣдущіе люди утверждаютъ, что стоитъ лишь колонистамъ выйти изъ подъ опеки комисіи — большинству изъ нихъ угрожаетъ неминуемое банкротство. По большей части это элементы паразитическіе, и судьба ихъ всецѣло зависитъ отъ политической конъюнктуры: стоитъ прусскому ландтагу отказать въ дальнѣйшихъ милліонахъ на поддержаніе колонизаціи, и переселенцы на пути къ разоренію. Вслѣдствіе этого колонисты образуютъ элементъ, и въ соціальномъ и политическимъ отношеніи, насквозь реакціон-

ный. Будучи въ экономической зависимости отъ бюрократическаго правительства, они становятся послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. И это единственный результатъ, котораго добилось правительство: оно создало себѣ нѣчто вродѣ преторіанцевъ, обязанныхъ поддерживать правительство всегда и во всемъ. Оплачивать послѣднихъ приходится, конечно, населенію всего государства, а обходятся они не дешево. По вычисленію профессора Бернгарда [1]) арендная плата колонистовъ составляетъ меньше 2% съ капитала, вложеннаго правительствомъ въ колонизаціонное дѣло. А такъ какъ создался послѣдній путемъ займа, проценты же по государственному долгу равняются четыремъ со ста, то такимъ путемъ получается дефицитъ въ 2%. Въ общей сложности, комисія поглотила уже (считая послѣдніе 300 милліоновъ) 650 мильоновъ марокъ; два процента съ этой суммы составляютъ въ годъ— тринадцать милліоновъ марокъ. Такова та сумма, которую приходится ежегодно выплачивать прусскому населенію на колонизаціонную авантюру правительства. Въ виду отчаяннаго положенія германскихъ финансовъ, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы населеніе было склонно впредь долго нести это бремя.

Интересно отмѣтить, что въ то время, какъ искусственная правительственная колонизація, поглощая громадныя суммы, подвигается впередъ съ такимъ трудомъ, происходитъ интенсивная парцелляція земли, сопровождающаяся переходомъ ея въ руки польскихъ крестьянъ, и это обстоятельство привело къ совершенно неожиданнымъ результатамъ.

Вслѣдствіе аграрнаго кризиса, свирѣпствовавшаго какъ разъ въ то время, когда правительство открыло свою колонизаціонную кампанію, въ продажу поступило значительное количество помѣщичьихъ имѣній; помѣщики спѣшили продать часть своихъ земель, чтобы добыть нужныя деньги для веденія болѣе интенсивнаго хозяйства на оставшейся за ними землѣ. И безъ труда покупатели нашлись въ лицѣ польскихъ крестьянъ. Остановка была лишь за облегченіемъ имъ сдѣлокъ въ кредитъ. Съ этой цѣлью поляками были созданы кредитные институты, акціонерные банки, парцелляціонныя товарищества, берущія на себя посредничество для парцелляціи земли между крестьянами. Во главѣ всего этого дѣла стоялъ ксендзъ Вавжинякъ, человѣкъ обладавшій огромнымъ организаторскимъ талантомъ. Результаты этой кампаніи были весьма серьезны, и число польскихъ поселенцевъ далеко превышало число колонистовъ нѣмцевъ. Къ тому же, дѣло это и само по себѣ оказалось для польской буржуазіи весьма выгоднымъ, потому что банки и товарищества даютъ значительный доходъ, платя среднимъ числомъ 8% годовыхъ.

---

[1]) Die Polenfrage. Leipzig 1907.

Другой вопросъ, можетъ ли быть прочно мелкое землевладѣніе, создавшееся такимъ путемъ. За послѣднее время польскія крестьянскія хозяйства, возникшія при участіи парцелляціонныхъ товариществъ, сдѣлали громадные успѣхи, въ экономическомъ отношеніи они поставлены лучше, нежели хозяйства правительственныхъ колонистовъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: польскія хозяйства не представляютъ собою чего-либо искусственно-надуманнаго, а являются результатомъ естественнаго процесса, имѣющаго въ своей основѣ экономическое развитіе. Но вопросъ надо поставить шире: имѣетъ ли вообще будущность мелкая собственность?

Парцелляціонный процессъ, совершающійся въ настоящее время, еще ничего не доказываетъ, ибо онъ—повторяемъ—явился въ результатѣ аграрнаго кризиса, вызваннаго конкурренціей американскаго хлѣба. Этотъ кризисъ проходитъ, и ростъ земельной ренты, по всей вѣроятности, вновь вызоветъ концентрацію земельной собственности.

Но все это дѣло будущаго; въ настоящее же время—фактъ тотъ, что въ результатѣ парцелляціи къ полякамъ перешло большее количество земли изъ нѣмецкихъ рукъ, нежели къ нѣмцамъ—изъ польскихъ. Это подтверждаетъ, между прочимъ, профессоръ Бернгардъ: по его вычисленіямъ перевѣсъ въ пользу поляковъ выражается, за время отъ 1896 г., до 1905 года, цифрою—60.799 гектаровъ, и онъ приходитъ къ выводу, что „поляки располагаютъ достаточными силами, чтобы и дальше съ успѣхомъ вести борьбу за землю [1]).

Дѣятельность Колонизаціонной комисіи повлекла за собою и варварскія репрессіи со стороны правительства противъ крестьянъ, дерзавшихъ пріобрѣтать тѣ земли, которыя намѣтила для покупки комисія. Въ 1904 году былъ изданъ законъ, предоставляющій администраціи право запрещать землевладѣльцу постройку жилыхъ зданій на его же собственной землѣ. Такимъ образомъ, крестьянинъ, купивъ участокъ земли, не можетъ поселиться на немъ безъ разрѣшенія власти. Это приводитъ къ такимъ трагикомическимъ казусамъ, какъ, нашумѣвшій въ свое время, случай съ крестьяниномъ Држиналой, который, послѣ долгой и упорной борьбы съ администраціей за право постройки избы на купленномъ имъ участкѣ, въ концѣ концовъ, поселился въ фургонѣ; и такъ какъ законъ имѣетъ въ виду постройку домовъ, власти вынуждены были оставить его въ покоѣ.

---

[1]) Die Polenfrage. S 667.

Наряду съ этими энергичными попытками вытѣсненія поляковъ изъ ихъ земель, начались ожесточенныя, ни передъ чѣмъ не останавливающіяся, преслѣдованія всего того, что только носитъ польскій обликъ.

Одно изъ наиболѣе печальныхъ проявленій этой травли — походъ противъ польскихъ дѣтей. Польскій языкъ былъ изгнанъ изъ школы, а въ послѣднее время воспрещенъ даже въ частномъ обученіи дѣтей. Бывали случаи, что женщины, собиравшія у себя по нѣсколько ребятъ для обученія ихъ польской грамотѣ, подвергались тюремному заключенію. Въ концѣ концовъ, такое положеніе дѣлъ не могло не вызвать взрыва. Правительство предписало преподавать законъ Божій на нѣмецкомъ языкѣ вездѣ, гдѣ только дѣти въ достаточной степени владѣютъ этимъ языкомъ. Но такъ какъ народные учителя, будучи въ этомъ заинтересованы, постоянно утверждаютъ, будто обучающіяся въ ихъ школахъ дѣти знаютъ нѣмецкій языкъ, преподаваніе закона Божія фактически стало вестись на нѣмецкомъ языкѣ повсюду. А такъ какъ въ представленіи народныхъ массъ польскій языкъ отождествляется съ католицизмомъ, а нѣмецкій—съ лютеранствомъ, то и дѣти, и родители не могли не усмотрѣть въ этомъ нововведеніи посягательства на самое для нихъ дорогое—на ихъ вѣру; послѣдовалъ отпоръ. Началась, единственная въ своемъ родѣ, мученическая борьба дѣтей съ государствомъ. Несмотря на побои и истязанія, они демонстративно отказывались молиться на чуждомъ для нихъ языкѣ. Возмущеніе матерей само собой понятно. Во Врешенѣ (Вжесня), напримѣръ, во время крупныхъ ученическихъ безпорядковъ, матери учащихся неоднократно наносили оскорбленія мучителямъ своихъ дѣтей, и присуждались къ тюремному наказанію.

Надо добавить, что прусское правительство систематически развращаетъ учителей: въ польскихъ провинціяхъ установлены прибавки къ жалованью учителямъ, „ревностно исполняющимъ свою службу“, или, иными словами, усердно работающимъ во славу германизаціи. Эта усердная работа совершается, главнымъ образомъ, при помощи палки [1]).

---

[1]) Приведемъ одинъ изъ многочисленныхъ документовъ, подтверждающихъ это. Въ городѣ Выжиска мѣстный врачъ выдалъ слѣдующее свидѣтельство: „Юзефа Теплавъ заявила, что 12 с. м. была бита неоднократно палкой по спинѣ и плечамъ. Это отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ плечи ея сплошь покрыты синяками, на спинѣ видны многочисленные рубцы, зеленовато-багроваго цвѣта. На правомъ плечѣ имѣется багровый рубецъ, длиной и шириной въ 8 сантиметровъ. На лѣвомъ плечѣ—черное пятно, длиной въ 14 и шириной въ 6 сантиметровъ. Оба плеча сильно припухли. Всѣ эти поврежденія производятъ ужасное впечатлѣніе: словно плечи ребенка подвергались бичеванію. Не подлежитъ сомнѣнію, что указанныя поврежденія вызваны жестокимъ избіеніемъ тупымъ орудіемъ“. Несмотря на это свидѣтельство врача, судъ призналъ, что учитель, „подвергая Юзефу Теплавъ тѣлесному наказанію за неповиновеніе и дерзость, не превысилъ своихъ правъ“. Дерзость заключалась въ томъ, что ребенокъ отказывался читать молитву на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ 1906 году на почвѣ этихъ преслѣдованій разразилась школьная забастовка. Свыше 120.000 дѣтей отказались посѣщать школу до тѣхъ поръ, пока законъ Божій не будетъ преподаваться на польскомъ языкѣ.

Начались жесточайшія преслѣдованія; жандармы насильно сгоняли дѣтей въ школы; родители подвергались денежнымъ штрафамъ; сотни людей были посажены въ тюрьму за агитацію. Но верхомъ гнусности былъ судебный приговоръ въ Забожѣ. Существуетъ законъ, въ силу котораго родители, морально павшіе, могутъ быть лишены права воспитывать своихъ дѣтей; ихъ дѣти могутъ быть, по постановленію суда, отданы въ воспитательныя заведенія. И вотъ состоялось постановленіе суда, въ силу котораго подъ данную категорію были подведены родители, не желавшіе принуждать своихъ дѣтей молиться на нѣмецкомъ языкѣ. Такова „культурная“ дѣятельность полицейскаго государства.

Менѣе трагическій, скорѣе комическій характеръ, носитъ борьба правительства съ польскимъ языкомъ въ другихъ сферахъ. Производится замѣна польскихъ названій различныхъ мѣстностей — нѣмецкими, причемъ встрѣчаются комическіе и небезынтересные для лингвистовъ случаи. Существуетъ, напримѣръ, деревня, носящая названіе Przyjezierze (по русски: Приозерье); это названіе было переведено на нѣмецкій языкъ Amsee; населеніе, однако, сразу передѣлало нѣмецкое слово на свой ладъ и называетъ деревню — Tamza; другое названіе—Charlottenhof, населеніе передѣлало на Szarlotowo. Усердіе германизаторовъ порой вызываетъ невольную усмѣшку: Колонизаціонная комисія покупаетъ, напримѣръ, имѣніе, называющееся Swiniary и переименовываетъ его въ Bismarksruhe. Всеобщій смѣхъ возбудилъ слѣдующій казусъ: существуетъ старинный городъ Иноврацлавъ, недавно переименованный въ Hohensalza; нѣсколько дней спустя, пассажиръ потребовалъ въ желѣзно-дорожной кассѣ билетъ въ Иновроцлавъ, — кассиръ отказалъ: такого города нѣтъ. Послѣ долгихъ препирательствъ, билетъ былъ всетаки выданъ, и на немъ отчетливо красовалась все та же польская надпись, ибо новыхъ билетовъ еще не успѣли отпечатать. Къ той же категоріи слѣдуетъ отнести и траги-комическій споръ за фамильныя имена: идетъ ожесточенная борьба между бюрократами и... грамматикой. Бюрократы не хотятъ признавать, что, напримѣръ, жена или дочъ Вольскаго носитъ имя: „Вольская“, (Вольска) и предписываютъ ей называться госпожей „Вольскій“ (Вольски по-нѣмецки). Въ эту травлю вовлечена и почта. Если на письмѣ, отправляемомъ въ Познань, съ самымъ точнымъ обозначеніемъ адреса, значится слово „панъ“, почта не считаетъ себя способной прочесть это слово, отсылаетъ письмо въ бюро переводовъ и доставляетъ его съ опозданіемъ на нѣсколько дней. Зато если въ адресѣ имѣется французское или англійское обозначеніе, почта въ переводѣ уже не

нуждается. Немудрено, если поляки становятся англофилами и начинаютъ титуловать другъ друга: esquire.

Но есть и другія формы борьбы за языкъ, не менѣе трагичныя, чѣмъ истязанія дѣтей. Сюда относится законъ 1908 года—о союзахъ и собраніяхъ. Онъ даетъ администраціи право запрещать употребленіе на публичныхъ собраніяхъ польскаго языка во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по даннымъ статистики, число жителей, говорящихъ по-польски, не достигаетъ 60% всего мѣстнаго населенія. А такъ какъ во многихъ пунктахъ количество польскаго народонаселенія ниже этого %, то поляки оказываются, сплошь и рядомъ, фактически лишенными, гарантированнаго конституціей, права собраній. Принятіе этого закона свидѣтельствовало объ окончательномъ вырожденіи нѣмецкаго либерализма, такъ какъ партія свободомыслящихъ, входящая, какъ извѣстно, въ составъ правительственнаго блока, подала свой голосъ за этотъ исключительный законъ. Надо добавить, что новый законъ нанесъ ощутительный ударъ и рабочему движенію; отъ него страдаютъ не только рабочіе польскихъ провинцій, но встрѣчаетъ большія препятствія и дѣло организаціи тѣхъ польскихъ рабочихъ, которые, какъ извѣстно, въ большомъ количествѣ живутъ во всѣхъ промышленныхъ районахъ Германіи. Вестфальскимъ горнорабочимъ, напримѣръ, весьма важно привлечь къ участію въ профессіональныхъ союзахъ тысячи польскихъ пролетаріевъ, работающихъ вмѣстѣ съ ними,—и запрещеніе польскихъ собраній создаетъ въ этомъ отношеніи огромныя трудности. Такимъ образомъ, этотъ варварскій законъ, лишающій поляковъ права пользоваться свободой слова, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ орудіемъ насилія надъ рабочимъ классомъ.

* * *

Ожесточенныя репрессіи правительства противъ польской націи встрѣчаютъ сочувственный откликъ въ средѣ нѣмецкой буржуазіи, находящейся подъ вліяніемъ, такъ называемыхъ, „гакатистовъ“. Терминъ этотъ составленъ, какъ извѣстно, изъ начальныхъ буквъ фамилій трехъ главныхъ вдохновителей извѣстнаго антипольскаго общества—„Ostmarkenverein“—Ганеманна, Кеннеманна и Тидельманна. Общество это ставитъ своей задачей, якобы, защиту нѣмецкаго населенія польскихъ провинцій отъ „польской опасности“; на самомъ же дѣлѣ оно всячески возбуждаетъ шовинистическіе инстинкты нѣмцевъ въ цѣляхъ преслѣдованія поляковъ. И тотъ фактъ, что гакатизмъ оказался въ силахъ въ огромной мѣрѣ проникнуть въ широкіе круги населенія, что онъ оказываетъ весьма сильное вліяніе на большинство органовъ печати,—служитъ лишь лишнимъ доказательствомъ общей реакціи, царящей въ настоящее время въ Германіи.

Недаромъ въ нѣмецкомъ парламентѣ замѣчено, что чѣмъ реакціоннѣе данная партія, тѣмъ ожесточеннѣе преслѣдуетъ она поляковъ. Политическое банкротство нѣмецкаго либерализма рельефнѣе всего сказалось въ позорномъ голосованіи за законъ о собраніяхъ.

Противъ всѣхъ этихъ преслѣдованій польской національности только одна германская соціальдемократія ведетъ принципіальную и рѣшительную борьбу. Политика ея диктуется не только соображеніями этическими и гуманными, но и опредѣленными политическими принципами,—ибо борьба польской націи за право есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и борьба противъ реакціи.

Ю. Мархлевскій.

Д А Т Ч А Н Е.

Рѣка Эйдеръ съ незапамятныхъ временъ была границей Даніи, и южная Ютландія (герцогство Шлезвигъ) входила въ составъ датскаго государства.

Въ XIII ст. южная Ютландія становится леннымъ владѣніемъ младшихъ сыновей королевскаго дома, а въ XIV переходитъ отъ несовершеннолѣтняго короля къ одному изъ гольштинскихъ графовъ, который принимаетъ титулъ шлезвигскаго герцога (dux slesvicensis). Въ 1460 году, послѣ смерти бездѣтнымъ послѣдняго гольштинскаго графа, шлезвигскимъ герцогомъ и гольштинскомъ графомъ становится Христіанъ I, первый датскій король ольденбургской династіи, объединяющій, такимъ образомъ, подъ своимъ правленіемъ обѣ провинціи. Вопреки принятому соглашенію, провинціи втеченіе слѣдующихъ столѣтій, неоднократно подвергаются раздѣлу между мужскими потомками королевскаго дома, и вслѣдствіе этого между шлезвигскими правителями возникаютъ и долгіе годы тянутся столкновенія на почвѣ ихъ ленныхъ обязанностей. Во время несчастной для Даніи войны со Швеціей, въ серединѣ XVII ст., герцогъ Готторпскій вступилъ въ союзъ съ послѣдней противъ Даніи, и, при заключеніи мира, ему была гарантирована независимость герцогства впредь до тѣхъ поръ, пока править будутъ его прямые наслѣдники. Но уже въ 1721 году герцогская часть южной Ютландіи опять была присоединена къ Даніи, какъ „несправедливо отторгнутая въ тяжкую годину отъ датской короны“, а въ 1773 году Готторпская династія навсегда отреклась отъ своихъ шлезвигскихъ владѣній и отъ наслѣдственнаго права на герцогство.

Осѣвъ въ южной Ютландіи, гольштинскіе графы стали покровительствовать переселенію въ Шлезвигъ гольштинскаго дворянства; нѣмецкое вліяніе возросло въ такой мѣрѣ, что даже въ чисто-датской части страны нѣмецкій языкъ сталъ офиціальнымъ языкомъ правительства. Со времени реформаціи онъ получаетъ также преобладаніе въ церкви и школѣ, а нѣсколько позже вводится и въ судебномъ вѣдомствѣ. Южные города подверглись онѣмеченію еще въ средніе вѣка; причину этого надо искать отчасти въ притокѣ нѣмецкаго населенія, отчасти въ культурномъ воздѣйствіи. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ нѣмецкій языкъ постепенно проникаетъ все глубже и

усвоивается народными массами даже въ нѣкоторыхъ округахъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ старой границы.

Съ 1815 г. шлезвигъ-гольштинское рыцарство начинаетъ обнаруживать стремленіе къ отдѣленію отъ Даніи. Послѣ іюльской революціи эти же идеи охватили и либеральную буржуазію, и наконецъ, въ 1837 г., герцогъ Христіанъ Августъ фонъ Аугустенбургъ, послѣ прекращенія мужской вѣтви королевскаго дома, предъявляетъ свое ленное наслѣдственное право на оба герцогства. На этой почвѣ возникаетъ *шлезвигъ-гольштинское* движеніе, поставившее себѣ съ 1840 года задачей онѣмечить Шлезвигъ и, оторвавъ отъ Даніи оба герцогства, образовать изъ нихъ самостоятельное государство—Шлезвигъ-Гольштинію.

Чтобы парализовать эту опасность, всѣ жители сѣвернаго Шлезвига, говорившіе по датски, выступили съ рѣзкимъ отпоромъ, всѣми силами противодѣйствуя нѣмецкимъ стремленіямъ. Они положили начало датской прессѣ (въ 1838 г.), устраивали массовыя народныя собранія, основали въ 1844 г. первый датскій народный университетъ въ Рёддингѣ, откуда движеніе въ пользу народныхъ университетовъ позднѣе перекинулось дальше на сѣверъ, распространилось по всей Даніи, а затѣмъ и по Норвегіи, Швеціи, Финляндіи и т. д. Вслѣдъ за тѣмъ, въ собраніи сословій (Ständeversammlung), при сильномъ противодѣйствіи со стороны шлезвигъ-гольштинцевъ, они потребовали введенія ихъ роднаго, датскаго языка, въ качествѣ офиціальнаго языка—суда и администраціи. Когда же въ 1848 г. шлезвигъ-гольштинцы возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ Даніи и избрали временное правительство въ Килѣ, сѣверные шлезвигцы, вѣрные своимъ традиціямъ, тѣснѣе примкнули къ Даніи, и въ отдѣльныхъ случаяхъ оказывали даже вооруженное сопротивленіе распоряженіямъ временнаго правительства.

Шлезвигъ-гольштинцы, поддерживаемые Германіей, продолжали войну съ Даніей до 1850 г., пока они не потерпѣли окончательное пораженіе при Идстэдѣ. Возстаніе было подавлено, и возстановленъ прежній порядокъ. Съ согласія великихъ державъ, въ томъ числѣ Пруссіи и Австріи, по окончаніи войны былъ введенъ новый порядокъ престолонаслѣдія, какъ для Даніи, такъ и для обоихъ герцогствъ. Герцогомъ шлезвигъ-гольштинскимъ сталъ принцъ Христіанъ изъ дома Глюксбурговъ, провозглашенный въ 1864 г.—въ виду прекращенія мужской линіи датской королевской династіи—датскимъ королемъ, подъ именемъ Христіана IX.

Съ 1850 г. въ управленіи обоими герцогствами начинаетъ господствовать ярко-выраженное датское вліяніе. Въ сѣверномъ Шлезвигѣ, съ его чисто-датскимъ населеніемъ, въ школѣ, церкви, судебныхъ установленіяхъ и въ

администраціи датскому языку было предоставлено нераздѣльное господство. Въ южномъ Шлезвигѣ, гдѣ населеніе съ теченіемъ времени усвоило нѣмецкій языкъ, послѣдній сохранилъ господствующее значеніе во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Наконецъ, въ среднемъ Шлезвигѣ, гдѣ сталкивались оба языка, былъ созданъ смѣшанный округъ изъ 49 церковныхъ приходовъ, въ которыхъ оба языка пользовались равными правами въ церкви, администраціи и судѣ; и только въ школѣ языкомъ преподаванія былъ установленъ датскій, хотя, наряду съ нимъ, имѣли мѣсто также и уроки нѣмецкаго языка.

Этотъ порядокъ сохранился лишь до 1864 г. Установленіе общей датско-шлезвигской конституціи послужило для Пруссіи желаннымъ предлогомъ къ тому, чтобы, вмѣстѣ съ Австріей, вовлечь Данію въ войну. Въ результатѣ, Данія вынуждена была уступить Пруссіи и Австріи не только нѣмецкія герцогства—Лауэнбургъ и Гольштинію, но и старую датскую коронную провинцію—Шлезвигъ, никогда раньше не принадлежавшую къ Германскому Союзу. По Пражскому миру, завершившему два года спустя австро-прусскую войну, Австрія уступила Пруссіи свои права на эти герцогства. Отмѣтимъ § 5 мирнаго трактата, оказавшій чрезвычайно сильное вліяніе на развитіе національныхъ отношеній въ Шлезвигѣ. Параграфъ этотъ гласилъ:

„Его Величество императоръ австрійскій передаетъ Его Величеству королю прусскому всѣ свои, пріобрѣтенныя по Вѣнскому миру отъ 30 октядря 1864 г., права на герцогства Шлезвигъ и Гольштинію, съ тѣмъ, если населеніе сѣверныхъ округовъ Шлезвига выразитъ свободнымъ голосованіемъ желаніе быть присоединеннымъ къ Даніи, оно должно перейти къ послѣдней“.

Въ сѣверномъ Шлезвигѣ, гдѣ датское населеніе при заключеніи мира заявило протестъ противъ отдѣленія герцогствъ отъ Даніи и послѣ войны неоднократно проявляло свое тяготѣніе къ послѣдней,—обѣщаніе мирнаго договора о возсоединеніи сѣвернаго Шлезвига съ Даніей было встрѣчено бурнымъ восторгомъ. Рядомъ депутацій и адресовъ, устами своихъ представителей въ прусскомъ ландтагѣ и германскомъ рейхстагѣ, сѣверошлезвигцы пытались побудить прусское правительство осуществить § 5 мирнаго трактата. На первыхъ порахъ казалось, что и правительство было съ этимъ солидарно. По крайней мѣрѣ, когда трактатъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе прусскаго ландтага, Бисмаркъ отстаивалъ § 5 Пражскаго договора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я всегда былъ того мнѣнія, что населеніе, которое дѣйствительно—недвусмысленно и неоднократно выражая свою волю—не хочетъ быть прусскимъ или нѣмецкимъ, и хочетъ—ясно выражая свою волю—принадлежать сосѣднему, непосредственно съ нимъ граничащему государству одной съ нимъ національности,—что такое населеніе не усили-

ваетъ мощи той державы, отъ которой оно стремится отдѣлиться". „Мы должны, поэтому—продолжалъ онъ—выполнить взятыя на себя обязательства; но мы желаемъ ихъ выполнить такъ, чтобы голосованіе, которое должно быть взято въ основу нашихъ дѣйствій, не оставляло никакихъ сомнѣній относительно опредѣленности той воли, о которой оно должно свидѣтельствовать".

Тѣмъ не менѣе, голосованіе было все-таки отложено. Предложеніе сѣверошлезвигскаго депутата Крюгера—объ осуществленіи § 5, внесенное имъ десять лѣтъ спустя въ германскій рейхстагъ, было отклонено. А затѣмъ, безъ опроса сѣверо-шлезвигцевъ, право на возсоединеніе которыхъ съ Даніей признавалось и выдающимися германскими политиками, былъ заключенъ, послѣ русско-турецкой войны, австро-германскій трактатъ 1878 г., въ силу котораго оговорка: „съ тѣмъ, если населеніе сѣверныхъ округовъ Шлезвига выразитъ въ свободномъ голосованіи желаніе быть присоединеннымъ къ Даніи, то часть Шлезвига должна перейти къ послѣдней"—была аннулирована.

Это обстоятельство кореннымъ образомъ измѣнило положеніе сѣвернаго Шлезвига. Какого бы мнѣнія ни было населеніе о законности трактата,—налицо былъ фактъ, съ которымъ оно, въ виду реальной силы Пруссіи, не могло не считаться. Начавъ свою національную и политическую борьбу на государственно-правовой почвѣ, въ надеждѣ на близкое возсоединеніе сѣвернаго Шлезвига съ Даніей, они теперь продолжаютъ вести ее, какъ борьбу за національное самоопредѣленіе, образовавъ, въ рамкахъ конституціи и на почвѣ существующихъ законовъ, стройную національную организацію и создавъ, такимъ образомъ, прочную и непреодолимую преграду противъ германизаціи сѣвернаго Шлезвига.

Во время послѣдней прусско-датской войны порядокъ, которымъ регулировалось въ Шлезвигѣ употребленіе того или иного языка, былъ окончательно уничтоженъ. Исчезъ смѣшанный округъ въ среднемъ Шлезвигѣ; семинаріи и гимназіи герцогства были онѣмечены; нѣмецкій языкъ сталъ даже и въ сѣверномъ Шлезвигѣ офиціальнымъ языкомъ судебныхъ установленій и администраціи. Съ 1878 г. преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ стало обязательнымъ для всѣхъ народныхъ школъ сѣвернаго Шлезвига. Въ послѣдующіе годы были закрыты всѣ датскія частныя школы и строго воспрещено всякаго рода частное преподаваніе на датскомъ языкѣ. Дѣло дошло до того, что родителей, посылавшихъ своихъ дѣтей въ датскія школы или воспитательныя заведенія, находящіяся за предѣлами Пруссіи, подвергали строгимъ карамъ. Въ 1889 году окончательно было отмѣнено преподаваніе на датскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ сѣвернаго Шлезвига. Если оставить въ сторонѣ церковь, въ сферѣ которой германизація совершается значительно медленнѣе, то нѣмецкому

языку въ Шлезвигѣ въ настоящее время принадлежитъ нераздѣльное господство во всѣхъ областяхъ публично-правовой жизни.

Въ Шлезвигѣ — 445.000 населенія. Изъ этого числа 160.000 говоритъ по-датски, 30.000 — по-фризски, и 255.000 — по-нѣмецки. *Датчане* живутъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ, *фризы* — въ западномъ, *нѣмцы* — въ южномъ.

Южная граница сѣвернаго Шлезвига тянется отъ города Фленсбурга на востокѣ—до города Тондера на западѣ. Граница языка проходитъ нѣсколько южнѣе, такъ какъ 10—15.000 датчанъ живетъ въ самомъ Фленсбургѣ и въ бывшихъ смѣшанныхъ округахъ средняго Шлезвига. Изъ 154.000 жителей сѣвернаго Шлезвига, 144.000 говорятъ по-датски, и лишь около 10.000—бо́льшею частью переселившіеся туда прусскіе чиновники и ихъ семейства—по-нѣмецки.

Въ сѣверномъ Шлезвигѣ, обнимающемъ 3.892 кв. километра, плотность населенія—39 челов. на одинъ кв. килом.; въ южномъ Шлезвигѣ—60. Слѣдовательно, по густотѣ населенія сѣверный, *датскій* Шлезвигъ значительно отстаетъ отъ нѣмецкаго, южнаго. Объясняется это отчасти тѣмъ, что болѣе крупные города герцогства находятся внѣ сѣвернаго Шлезвига, но главнымъ образомъ—*эмиграціей*. 60.000 датчанъ сѣвернаго Шлезвига, больше $^1/_4$ всего датскаго населенія страны, эмигрировало въ первыя же десятилѣтія отторженія Шлезвига отъ Даніи, не будучи въ состояніи примириться съ прусскимъ господствомъ. Къ концу прошлаго вѣка эмиграція прекратилась, и населеніе опять стало увеличиваться. Съ 1895 — 1905 г. ежегодный приростъ населенія въ сѣверномъ Шлезвигѣ составлялъ, въ среднемъ, 0,7%, и количество жителей достигло, наконецъ, уровня 1867 г., т. е. года присоединенія Шлезвига къ Пруссіи.

Изъ 154.000 жителей сѣвернаго Шлезвига, больше 30.000 живетъ въ городахъ, остальные — въ сельскихъ округахъ. Поземельныя отношенія сложились здѣсь весьма благопріятно. Во всемъ сѣверномъ Шлезвигѣ всего около 20 помѣстій и, приблизительно, 6000 крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ, въ среднемъ, отъ 20—40 гектаровъ земли каждый. Встрѣчаются, впрочемъ, крестьянскіе дворы съ участками въ 250 гектаровъ, какъ и множество мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ—въ 2—20 гект. Крестьяне уже сравнительно очень давно—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приблизительно еще въ XIX столѣтіи—освобождены отъ крѣпостной зависимости, и пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Сѣверо-шлезвигское населеніе стоитъ, поэтому, и въ культурномъ отношеніи на очень высокомъ уровнѣ развитія.

Въ сѣверномъ Шлезвигѣ развито торговое пароходство и кирпичное производство, но главный источникъ существованія составляетъ сельское

хозяйство. Оно ведется по датскому образцу и стоитъ на очень высокой ступени. Многочисленныя товарищества занимаются обработкой сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и въ каждомъ приходѣ существуетъ одна или нѣсколько такихъ кооперацій.

На первыхъ выборахъ въ рейхстагъ Сѣверо-германскаго союза въ Шлезвигѣ было подано 25.598 датскихъ и 24.664 нѣмецкихъ голоса. Несмотря на свое большинство, датчане, въ виду неблагопріятнаго раздѣленія избирательныхъ округовъ, получили только одинъ изъ четырехъ мандатовъ герцогства; остальные три достались нѣмцамъ. Эту позицію датчане съ тѣхъ поръ удержали за собой; только разъ имъ случайно удалось послать двухъ представителей. Въ прусскомъ ландтагѣ они все время имѣютъ двухъ депутатовъ.

Съ 1867—1887 г. количество датскихъ голосовъ въ Шлезвигѣ равномѣрно падало, благодаря упомянутой выше сильной эмиграціи датскаго населенія. Но съ 1887—1908 г. замѣчается обратное явленіе, именно, вслѣдствіе прекращенія эмиграціи. Ростъ населенія не открываетъ, конечно, датчанамъ какихъ-либо перспективъ въ смыслѣ увеличенія числа мандатовъ, такъ какъ онъ совершается въ предѣлахъ все той же территоріи, но для повышенія жизнеспособности національной идеи онъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

До 1878 года, пока Пруссія съ согласія Австріи не отмѣнила § 5 пражскаго договора, датскіе представители въ рейхстагѣ всячески добивались его осуществленія т. е., возсоединенія сѣвернаго Шлезвига съ Даніей. Начиная съ 1878 года, вся дѣятельность ихъ въ національномъ отношеніи сводится главнымъ образомъ къ тому, чтобы охранять датскій языкъ и національность отъ германизаціонныхъ посягательствъ прусскаго правительства. Они ведутъ борьбу съ національнымъ гнетомъ во всѣхъ его современныхъ формахъ, по той программѣ, которую въ 1867 г. выставили первые сѣверо-шлезвигскіе депутаты въ прусскомъ ландтагѣ отъ имени избравшаго ихъ населенія: *„Мы—датчане, мы желаемъ остаться датчанами и въ качествѣ датчанъ требуемъ, чтобы съ нами обращались согласно принципамъ международнаго права“.*

Въ административномъ отношеніи сѣверный Шлезвигъ раздѣляется на *округа* и *общины*. Каждый округъ имѣетъ въ лицѣ т. н. крейзтага (окружное собраніе) свой представительный органъ—въ составѣ не менѣе 20 членовъ. Возможность датскаго большинства въ крейстагахъ исключена заранѣе, благодаря классовой системѣ выборовъ, причемъ для каждаго округа въ отдѣльности установленъ особый цензъ. Но имѣя все же сильное меньшинство, вліяніе датчанъ на коммунальныя дѣла довольно велико. Въ сельскихъ общинныхъ самоуправленіяхъ они, обыкновенно, располагаютъ большинствомъ.

Церковныя дѣла вѣдаетъ въ каждомъ церковномъ приходѣ *церковное правленіе* и *приходская* коллегія. Кромѣ того существуютъ еще *окружные синоды* и *общій синодъ*—для всей провинціи. Въ 100 слишкомъ церквахъ сѣверо-шлезвигскихъ приходовъ богослуженіе отправляется еще на датскомъ языкѣ. За немногими исключеніями, датчане располагаютъ большинствомъ во всѣхъ церковныхъ правленіяхъ и приходскихъ коллегіхъ. Таково же положеніе ихъ и въ окружныхъ синодахъ, состоящихъ изъ священниковъ даннаго округа и двойного количества мірянъ. За то въ общемъ синодѣ датчане имѣютъ всего лишь 8 представителей. Втеченіе продолжительнаго времени датчане ведутъ въ синодахъ упорную, и пока, къ сожалѣнію, безуспѣшную борьбу за введеніе преподаванія на датскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ.

Въ новѣйшее время въ сѣверномъ Шлезвигѣ возникло шесть евангелически-лютеранскихъ *свободныхъ общинъ*, построившихъ собственныя церкви и содержащихъ своихъ собственныхъ, свободно-избранныхъ пасторовъ. Это путь, которымъ населеніе пытается эмансипироваться отъ прусскаго господства въ области церковной жизни. Всепрогрессирующая германизація господствующей церкви стимулируетъ это движеніе и даетъ ему жизненную силу. Число приверженцевъ свободныхъ общинъ безпрерывно растетъ; надо полагать, что количество такихъ общинъ въ ближайшемъ будущемъ еще увеличится.

Трактатъ 11 октября 1878 г. убѣдилъ датчанъ сѣвернаго Шлезвига въ необходимости крѣпче съорганизоваться для энергичнаго отпора германизаціоннымъ вождѣленіямъ Пруссіи. Строго придерживаясь существующихъ законовъ, но стараясь, въ то же время, въ полной мѣрѣ использовать свои политическія и гражданскія права, они создали, въ слѣдующіе послѣ заключенія трактата годы, три организаціи, охватывающія весь сѣверный Шлезвигъ, каждая изъ которыхъ выполняетъ весьма важныя функціи въ общемъ національномъ дѣлѣ.

Политической агитаціей руководитъ „*Союзъ избирателей сѣвернаго Шлезвига*“ („Wählerverein für Nord-Schleswig“), во главѣ котораго, кромѣ предсѣдателя и секретаря, избираемыхъ общимъ собраніемъ членовъ, стоитъ главный совѣтъ (Aufsichtsrat). Послѣдній состоитъ изъ парламентскихъ представителей и двадцати пяти членовъ, избираемыхъ по отдѣльнымъ округамъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Расходы „Союза избирателей“ покрываются частью изъ членскихъ и добровольныхъ взносовъ, частью изъ процентовъ „желѣзнаго фонда“, основаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и ежегодно возрастающаго. „Союзъ избирателей“ насчитываетъ по всему сѣверному Шлезвигу приблизительно 4.000 членовъ. Правленію союза — въ числѣ 29 лицъ предоставлена полнѣйшая свобода политической иниціа-

тивы, оно выставляетъ кандидатовъ на выборахъ и защищаетъ — при содѣйствіи своихъ представителей (Vertrauensmänner), въ количествѣ 500 человѣкъ — датскіе интересы на всѣхъ выборахъ, какъ коммунальныхъ, такъ и парламентскихъ. Въ послѣднее время „Союзомъ избирателей“ организованы консультаціи, въ которыхъ населенію даются разъясненія по вопросамъ его политическихъ и гражданскихъ правъ и оказывается безвозмездная юридическая помощь несостоятельнымъ датчанамъ.

Національная работа, въ собственномъ смыслѣ слова, ведется двумя другими организаціями, также охватывающими весь сѣверный Шлезвигъ — *„Союзомъ для сохраненія родного языка“* и *„Школьнымъ союзомъ“*. Первый занимается распространеніемъ литературныхъ произведеній на датскомъ языкѣ, второй — заботится о посылкѣ молодыхъ людей въ Данію для полученія общаго и спеціальнаго образованія.

Во главѣ „Союза для сохраненія языка“ стоитъ совѣтъ изъ девяти членовъ, опирающійся въ своей дѣятельности на 150 окружныхъ предсѣдателей (Kreisvorsitzende), разсѣянныхъ по всему сѣверному Шлезвигу. Кромѣ взносовъ наличными деньгами, Союзъ получаетъ въ немаломъ количествѣ ежегодныя приношенія книгами, поступающими частью и изъ Даніи. Союзомъ основана большая центральная библіотека для сѣвернаго Шлезвига, въ которой имѣется цѣнная коллекція произведеній по исторіи Даніи и Шлезвига; кромѣ того, Союзъ раскинулъ по сѣверному Шлезвигу сѣть изъ 140 народныхъ библіотекъ, выдающихъ каждому книги безвозмездно. Ежегодно производится общая закупка книгъ, которыя, вмѣстѣ съ пожертвованными, разсылаются, въ размѣрѣ около 4.000 томовъ ежегодно, по всѣмъ народнымъ библіотекамъ. Кромѣ того, ежегодно же раздается, уже въ полную собственность, главнымъ образомъ несостоятельнымъ семьямъ, отъ 8—10.000 томовъ, большею частью датскихъ азбукъ и книгъ для дѣтскаго чтенія. Вмѣстѣ съ книгами разсылаются обыкновенно въ подарокъ членамъ и жертвователямъ Союза копіи съ выдающихся датскихъ картинъ. За время своей дѣятельности Союзъ, сверхъ всего перечисленнаго, распространилъ популярную датскую исторію—въ количествѣ 14.000 экземпляровъ и 25—30.000 экземпляровъ датскаго сборника пѣсенъ и стихотвореній, составленнаго изъ датскихъ, норвежскихъ и шведскихъ лирическихъ произведеній. Наконецъ, Союзомъ издается датскій народный календарь— съ разсказами, очерками и стихотвореніями сѣверо-шлезвигскихъ писателей, ежегодно распространяющійся въ количествѣ 12.000 экземпляровъ, и датская иллюстрированная дѣтская газета, выходящая два раза въ мѣсяцъ и расходящаяся по всему сѣверному Шлезвигу въ количествѣ 16.000 экземпляровъ.

Школьный союзъ, организованный подобнымъ же образомъ, основанъ лишь въ 1893 г., послѣ того какъ полная германизація народныхъ школъ привела датскую молодежь къ необходимости обучаться родному языку внѣ школы. Вначалѣ Союзъ пытался достигнуть цѣли, между прочимъ, путемъ разсылки по провинціи странствующихъ учителей, задача которыхъ состояла въ организаціи внѣшкольнаго домашняго обученія. Но полицейскія власти, ссылаясь на старые прусскіе рескрипты 1834 и 1839 гг., запретили Союзу эту отрасль дѣятельности. Въ 1898 г. администрація попыталась также воспрепятствовать сѣверо-шлезвигскому юношеству получать образованіе въ Даніи; при этомъ они прибѣгли къ такому средству, какъ лишеніе—изъ „нравственныхъ“ соображеній — родителей, посылающихъ дѣтей въ датскія школы, права на воспитаніе своихъ дѣтей. Однако, противъ этого неслыханнаго посягательства на священнѣйшее право родителей, рейхстагъ въ 1899 г. энергично запротестовалъ, такъ что правительство принуждено было взять свое распоряженіе обратно уже послѣ того, какъ суды, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, оправдали своими приговорами образъ дѣйствія властей. Та же участь постигла аналогичную попытку, во время польской школьной забастовки. Теперь Союзъ безпрепятственно можетъ отдаваться намѣченной имъ задачѣ. Послѣ конфирмаціи молодежь посылается въ Данію, гдѣ для нея устроены школы почти непосредственно у прусско-датской границы. Программы этихъ школъ именно разсчитаны на датскую молодежь сѣвернаго Шлезвига, которая до 15 лѣтъ обучается исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Стипендіатовъ старше 18 лѣтъ Союзъ посылаетъ въ народные университеты, которые, по своей живой, своеобразной системѣ преподаванія, имѣли столь глубокое вліяніе на высокое культурное развитіе сѣверныхъ странъ, особенно крестьянства и, какъ нельзя лучше, приспособлены къ тому, чтобы укрѣпить силу національнаго сопротивленія сѣверо-шлезвигскаго юношества. Если ученикъ, окончившій курсъ одной изъ вышеназванныхъ школъ, изъявляетъ желаніе получить спеціальное образованіе, ему выдается степендія для посѣщенія техническихъ, сельскохозяйственныхъ или коммерческихъ училищъ Даніи. Школьный союзъ поддерживаетъ, такимъ образомъ, ежегодно отъ 200—300 молодыхъ малосостоятельныхъ сѣверо-шлезвигцевъ, что обходится приблизительно въ 30.000 марокъ. Главная часть этой суммы покрывается въ самомъ Шлезвигѣ членскими взносами и добровольными пожертвованіями. Такъ какъ сѣверошлезвигское населеніе, какъ уже упомянуто выше, пользуется, въ общемъ, значительнымъ благосостояніемъ, то немало сотенъ молодыхъ людей обучается въ Даніи и на собственныя средства.

По созыву „Союза избирателей“, каждое лѣто происходитъ *годичное собраніе датчанъ*, на которое съѣзжаются делегаты отъ

всѣхъ датскихъ приходовъ. Въ связи съ этимъ тогда же происходятъ общія собранія трехъ вышеназванныхъ національныхъ союзовъ: „Союза избирателей“, „Союза для сохраненія родного языка“ и „Школьнаго союза“. На годичныхъ собраніяхъ, которыя, обыкновенно, продолжаются два дня, при участіи болѣе тысячи человѣкъ, союзы отдаютъ отчетъ въ своей дѣятельности, обсуждаются тѣ или иные политическіе и національные вопросы; при этомъ различныя внутреннія противорѣчія находятъ здѣсь, такъ или иначе, примиреніе, дабы имѣть возможность выступить тѣсно сплоченными противъ общаго „внѣшняго“ врага.

Въ народной жизни и, въ частности, въ дѣлѣ національнаго возрожденія большую роль играютъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ, т. наз., *„дома собраній“*. За время съ 1898 — 1900 г. полиція, по приказанію оберъ-президента Кёллера, наиболѣе яркаго представителя репрессивной политики, закрыла для датскихъ собраній всѣ общественныя помѣщенія, всѣ отели и рестораны. Но датчане не позволили лишить себя своего законнаго права— свободы собраній, и „Стройте дома для собраній!“ — стало лозунгомъ времени. За послѣдніе 10 лѣтъ, истративъ больше 420.000 мар., датчане построили 40 такихъ домовъ.

Въ этихъ домахъ устраиваются — обыкновенно — по почину мѣстныхъ союзовъ или комитетовъ—политическія собранія, чтенія избранныхъ произведеній датской литературы, рефераты, музыкальные вечера, любительскіе спектакли. Послѣдніе всегда пользуются большимъ успѣхомъ, т. к. выступленіе датскихъ артистовъ-профессіоналовъ и датскіе спектакли въ театрахъ воспрещены. Вокругъ этихъ же „домовъ собраній“ группируются обыкновенно также *гимнастическія общества и общества трезвости*. Въ сѣверномъ Шлезвигѣ датскихъ гимнастическихъ обществъ около 70; всѣ они объединены въ одну общую организацію; юношамъ, моложе 18 лѣтъ, возбраняется принимать въ нихъ участіе.

Въ національномъ движеніи датчанъ важную роль играетъ также печать. Въ сѣверномъ Шлезвигѣ существуютъ четыре датскія ежедневныя газеты, изъ нихъ три съ особыми приложеніями; нѣсколько еженедѣльниковъ; значительное количество церковныхъ газетъ; сельскохозяйственная газета и историческій журналъ.

Въ области экономической жизни, въ сѣверномъ Шлезвигѣ работаетъ 8 большихъ сельскохозяйственныхъ союзовъ, объединенныхъ въ одну общую организацію, 4 большихъ банка и 24 сельскія ссудо-сберегательныя кассы. Экономическая независимость датскаго населенія покоится, такимъ образомъ, на твердой основѣ.

Нарушивъ свои обязанности по отношенію къ датчанамъ, Пруссія разсѣяла тѣ политическія мечтанія, которыя ихъ такъ воодушевляли

когда-то. Но аттака, которой подверглась датская національность со стороны государственной власти, способствовала пробужденію въ датчанахъ чувства національнаго самосохраненія. И несмотря на свою малочисленность, они нашли въ себѣ и силы и способность для созданія цѣлаго ряда крупныхъ организацій, содѣйствующихъ ихъ національному, культурному и экономическому развитію. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, эти организаціи окрѣпли и развились во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на растущее противодѣйствіе со стороны прусскихъ властей.

Эта работа еще не закончена, но она принесла уже богатые плоды и значительно подняла силу сопротивленія датчанъ по отношенію къ угрожающей германизаціи.

Въ одной изъ своихъ статей о польскомъ вопросѣ, извѣстный нѣмецкій историкъ, профессоръ Дельбрюкъ, резюмируетъ результаты той гигантской борьбы, которую прусское государство вело противъ поляковъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ, слѣдующими краткими словами: „Пруссія не достигла ничего, рѣшительно ничего“. Доказавъ это положеніе на отдѣльныхъ примѣрахъ, онъ продолжаетъ: „Кто надлежащимъ образомъ взвѣситъ этотъ опытъ, тотъ долженъ придти къ тому выводу, что національная идея представляетъ въ наше время совершенно непреодолимую силу. Это—стихія, противъ которой безсильно даже высшее напряженіе политической власти“.

Въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, но при столь же трудныхъ обстоятельствахъ, датчане сѣвернаго Шлезвига на своемъ примѣрѣ еще разъ доказали нерушимость могучей силы національной идеи.

Берлинъ. **H. P. Hanssen.**

СІОНИЗМЪ.

Сіонизмъ представлетъ собою одно изъ самыхъ своеобразныхъ проявленій національнаго движенія. Въ то время, какъ у другихъ народовъ оно исходитъ изъ историческаго прошлаго и сплетается съ дѣйствительностью, стремясь лишь къ согласованію настоящаго съ минувшимъ,—сіонизмъ, по существу, находитъ свой источникъ въ полномъ отрицаніи современной дѣйствительности, характеризуемой для евреевъ *діаспорой*, т. е. отсутствіемъ собственной территоріи и разсѣяніемъ среди другихъ народовъ. Сіонизмъ, слѣдовательно, имѣетъ въ виду, прежде всего, реставрацію того прошлаго, когда еврейство находилось въ нормальныхъ условіяхъ народа, живущаго, болѣе или менѣе компактной массой, на *собственной* территоріи. Но своеобразіе сіонизма не ограничивается лишь этимъ моментомъ. Всѣ другія національныя движенія имѣютъ своимъ объектомъ *культурное* самоопредѣленіе и, большую или меньшую, *политическую* независимость; при этомъ соціально-экономическій моментъ является слѣдствіемъ—непосредственнымъ (Германія, Италія), или же косвеннымъ (всѣ славянскія народности). Между тѣмъ, въ сіонизмѣ соціальный моментъ играетъ, если не доминирующую, то, во всякомъ случаѣ, не меньшую роль, чѣмъ культурный. Соціальная проблема, какъ исходная точка сіонизма, сводится къ слѣдующему: еврейство представляетъ собою экономически-ненормальную народность, лишенную земледѣльческаго класса и здороваго индустріальнаго пролетаріата, такъ какъ еврейство всѣхъ странъ, даже тѣхъ, въ которыхъ оно признано равноправнымъ, занимается исключительно тремя профессіями: ремеслами — куда включается и домашняя индустрія, торговлей и, такъ называемыми, либеральными профессіями. Экономическое оздоровленіе еврейства требуетъ созданія въ немъ нормальной экономической дифференціаціи—класса земледѣльцевъ, обрабатывающей промышленности, посредническихъ занятій и интеллегенціи. Но все это въ суммѣ составляетъ не что иное, какъ *національное хозяйство*.

Итакъ, сіонизмъ по содержанію своему отличается отъ другихъ національныхъ движеній тѣмъ, что объектомъ своихъ стремленій, кромѣ національной культуры и политики, онъ имѣетъ еще и національное хозяйство. Точнѣе говоря: сіонизмъ содержитъ въ себѣ всѣ элементы другихъ національныхъ движеній плюсъ соціально-территоріальный элементъ. Своеобразіе

это, само собой понятно, не случайное, а созданное объективными причинами: евреи—единственный народъ въ мірѣ, не обладающій собственной территоріей. Когда новѣйшіе теоретики національнаго вопроса говорятъ о замѣщеніи территоріальнаго принципа персональнымъ, исходнымъ пунктомъ въ данномъ вопросѣ является для нихъ реальный фактъ: всѣ другіе народы имѣютъ компактное зерно на опредѣленной, притомъ *своей* территоріи, чего евреи лишены.

I.

Сіонизмъ, какъ движеніе организованное, существуетъ лишь недавно; но, какъ выраженіе народнаго сознанія, имѣетъ за собой 18 столѣтій, т. е. весь періодъ со времени потери евреями своей самостоятельности. Историческій источникъ сіонизма—*мессіанизмъ*, спасавшій евреевъ въ продолженіи долгихъ вѣковъ отъ соціальной смерти. Сущность мессіанизма—не вѣра въ чудо, а вѣра въ возрожденіе евреевъ на собственной землѣ—въ Палестинѣ [1]). Мессіанскія движенія заполняютъ почти всю исторію евреевъ до конца 17-го столѣтія, т. е. до неудачной попытки Саббатая Цви. Но идея пережила и это крушеніе и сохранилась въ народѣ въ такой мѣрѣ, что и нееврейскій міръ продолжалъ смотрѣть на евреевъ, какъ на націю, которая, раньше или позже, снова возродится въ Палестинѣ. Такъ, Наполеонъ, во время своего похода въ Египетъ, обращается съ призывомъ къ евреямъ Африки и Азіи стать подъ его знамя, обѣщая имъ помочь въ дѣлѣ завоеванія Іерусалима. Здѣсь, конечно, важно констатировать лишь самый фактъ, не касаясь степени его искренности. Пестель, одинъ изъ вождей декабристовъ, видитъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса въ возстановленіи ихъ независимости въ Палестинѣ (См. его трудъ: „Русская Правда“). Даже успѣхи эмансипаціи и, соотвѣтствующей ей, ассимиляціи неспособны уничтожить этого элемента въ сознаніи нееврееъ. Эрнестъ Лагараннъ въ 1848 году обращается къ евреямъ съ призывомъ: „Впередъ, евреи всѣхъ странъ! Старая родина васъ зоветъ!“

Швейцарскій профессоръ Pétavel нѣсколько десятковъ лѣтъ продолжаетъ неутомимо свою сіонистскую проповѣдь [2]).

Понятно, что христіане могли выступать съ подобными проповѣдями

---

[1]) См. *Heman*: Geschichte des jüdischen Volkes seit der Zerstörung Jerusalems. 1908.

[2]) *Pétavel*: Israël ressuscité comme nation. (Paris. 1851). *Его же*: Israel peuple de l'avenir. (Paris. 1861). *Его же*, La fille de Sion. (Paris 1868).

только благодаря тому, что въ самомъ еврействѣ жило ясное сознаніе своей національности и глубокая привязанность къ своему прошлому. И это не было достояніемъ лишь избранныхъ личностей, а неоцѣнимымъ богатствомъ всей народной массы, выражавшей свои надежды на возрожденіе въ единственно доступныхъ для массы формахъ: въ молитвахъ и пѣсняхъ. Но уже съ самаго начала 19-го столѣтія національное сознаніе еврейства начинаетъ принимать болѣе опредѣленныя формы и главнымъ образомъ тамъ, гдѣ еврейству живется, сравнительно, лучше: во Франціи, въ Германіи и Италіи. Въ 1830 году И. Сальвадоръ, въ 1836 году Альбертъ Когенъ, въ 1854 г. Луццати и, наконецъ, соратникъ Маркса—Мозесъ Гессъ вполнѣ ясно формулировали основныя положенія сіонизма, сводящіяся къ слѣдующему: еврейство—нація, которая должна и можетъ возродиться только въ Палестинѣ. Особенно знаменательно произведеніе Гесса [1]): оно рѣшительно отвергаетъ возможность ассимиляціи и перемирія между „Римомъ и Іерусалимомъ“. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса онъ видитъ въ возрожденіи еврейства въ Палестинѣ, въ пріобрѣтеніи тамъ законныхъ правъ и основаніи національнаго хозяйства, покоящагося „на земледѣліи, промышленности и торговлѣ“. Даже, когда подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра, еврея Кремье основывается въ Парижѣ Alliance Israélite, идея возрожденія еврейства въ Палестинѣ не исчезаетъ изъ сознанія „ассимилированныхъ“ французскихъ евреевъ. Неттеръ, представитель Alliance Israélite, посланный этимъ обществомъ въ Палестину, основываетъ тамъ земледѣльческую школу: „Микве Израиль“, надѣясь проложить путь къ „завоеванію Св. Земли“. Въ успѣхъ онъ глубоко вѣритъ. „То, что сегодня кажется мечтой, завтра—станетъ дѣйствительностью“—пишетъ онъ въ докладѣ командировавшему его обществу. Точно также защитники этой идеи встрѣчались и среди евреевъ восточной Европы еще до наступленія реакціи. Достаточно назвать имена писателей Гордона, Бенъ-Іегуды и Смоленскина, выступившихъ съ проповѣдью сіонизма еще до погромнаго періода восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы исключить всякую мысль о сіонизмѣ, какъ о слѣдствіи одного лишь антисемитизма. Наличность еврейскаго національнаго сознанія, какъ выраженія стремленія къ самоутвержденію и къ самостоятельному развитію, предшествуетъ антисемитизму, который, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, констатируетъ лишь объективный фактъ: наличность семитизма, т. е. еврейства, претендующаго жить собственной жизнью [2]). Но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что внѣшнія причины вовсе не имѣли вліянія на развитіе сіонизма. Въ еврействѣ была накоплена потенціальная энергія, ко-

[1]) Moses Hess: Rom und Ierusalem (1862 и 1899).

[2]) Этотъ взглядъ на сущность антисемитизма поддерживается и Каутскимъ. См. его статью по поводу кишиневскаго погрома.

торую внѣшній толчекъ, рано или поздно, долженъ былъ превратить въ живую силу. Но спичка, брошенная въ бочку съ порохомъ, отнюдь не есть *причина* послѣдовавшаго взрыва, а лишь „освобождающая сила“; безъ нея, накопленная въ бочкѣ пороху, потенціальная сила еще долго могла бы хранить свое равновѣсіе, т. е. спокойствіе. Таково истинное соотношеніе между развитіемъ сіонизма и внѣшними причинами. Національное сознаніе еврейства, его тяготѣніе къ политической независимости и свободному культурному развитію въ Палестинѣ, неспособность къ полной и цѣльной ассимиляціи, все это—результатъ собственнаго національнаго творчества въ продолженіе долгихъ вѣковъ палестинской жизни до разсѣянія. Благодаря накопленнымъ въ эту эпоху цѣнностямъ, еврейство и могло просуществовать столько вѣковъ, полныхъ страданій и преслѣдованій. Но внѣшніе поводы, несомнѣнно, ускорили процессъ превращенія этой исторической потенціальной энергіи, таившейся въ глубокомъ національномъ сознаніи народа,—въ живую энергію національнаго строительства.

Этими внѣшними поводами послужили національно-освободительныя движенія у другихъ народовъ въ XIX столѣтіи—съ одной стороны, и усилившіяся преслѣдованія евреевъ не только въ Россіи, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, но почти и во всей Европѣ—съ другой. Первая причина заключаетъ въ себѣ два момента: положительный и отрицательный.

Демократизація общественнаго строя, выступленіе широкой народной массы на арену сознательнаго творчества и борьба за товарный и рабочій рынки—должны были выдвинуть впередъ и національную борьбу,—стремленіе всѣхъ націй, даже и „неисторическихъ“—по выраженію Энгельса—къ полной независимости. Этимъ самымъ подрѣзывалась въ корнѣ идея космополитизма, созданная первоначально религіознымъ мистицизмомъ различныхъ временъ, и выдвигалась идея интернаціонализма, признающая за *каждой* націей *право* на полное самоопредѣленіе. Нація стала самоцѣлью, ибо конкретное существованіе человѣчества выражается исключительно въ жизни самоопредѣляющихся націй. Эта новая, въ высшей степени плодотворная идея, проникшая и въ область практической политики, оказала вліяніе и на еврейскую интеллигенцію не только Россіи, но, главнымъ образомъ, Западной Европы, гдѣ, въ Австріи по преимуществу, національная борьба приняла особенно рѣзкія формы: то, что хорошо для всѣхъ народовъ, должно быть хорошо и для евреевъ—вотъ положительная сторона вліянія національнаго движенія среди другихъ народовъ. Отрицательная сторона проявлялась въ слѣдующемъ: чѣмъ сильнѣе разгоралась борьба среди другихъ націй, тѣмъ ненормальнѣе становилось положеніе евреевъ. Живя среди борющихся народностей, они *должны* были опредѣлить свое отношеніе къ послѣднимъ: за нѣмцевъ или за чеховъ, за поляковъ или за украинцевъ, за славянъ или за итальянцевъ—такъ ставился вопросъ. И, въ концѣ концовъ,

евреи оказались въ рискованномъ положеніи: между молотомъ и наковальней. *Каждая* изъ борющихся націй требовала ихъ полной поддержки. Мало по малу евреи были доведены до сознанія того, что они должны оставаться въ сторонѣ отъ борьбы другихъ національностей и защищать свою народность. Но здѣсь—то, со всей рѣзкостью, сказалась ненормальность положенія еврейскаго народа: отсутствіе собственной исторической территоріи. Въ такомъ положеніи не пребывала ни одна другая нація. Исходя изъ этого факта, даже защитники персональнаго принципа націи, отказываютъ еврейству въ національномъ признаніи [1]) и это обстоятельство должно было привести къ мысли, что возрожденіе еврейской націи возможно лишь на собственной территоріи.

Дальнѣйшими поводами появленія сіонизма послужили: антисемитизмъ, усилившійся во всей Европѣ, и еврейскіе погромы въ Россіи—въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Что касается послѣднихъ, то они воздѣйствовали, какъ на теоретическую мысль, такъ и на практичекую дѣятельность еврейства. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду еврейскую интеллигенцію, по крайней мѣрѣ, значительную ея часть, которая до тѣхъ поръ вѣрила въ ассимиляцію. Выразителемъ перелома въ этой средѣ русскаго еврейства явился д-ръ Пинскеръ, который, въ своей знаменитой брошюрѣ „Авто-эмансипація“, призываетъ евреевъ къ національной самодѣятельности, признавая абсолютную неискоренимость антисемитизма. Лишь тогда исчезнетъ юдофобія, когда евреи перестанутъ скитаться среди другихъ народовъ и обрѣтутъ свою собственную территорію. Въ этой брошюрѣ мы находимъ всѣ зародыши политическаго сіонизма въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь. Понятно, что брошюра Пинскера имѣла вліяніе лишь на ассимилированные круги еврейства, такъ какъ широкія еврейскія массы не нуждались въ антисемитизмѣ для обоснованія своего національнаго идеала. Выразителемъ послѣднихъ явился другой еврейскій писатель—Перецъ Смоленскинъ, который еще до погромовъ защищалъ еврейскій національный идеалъ—не какъ орудіе для борьбы съ антисемитизмомъ, а во имя положительныхъ еврейскихъ цѣнностей, во имя божественнаго творчества еврейскаго народа, его національнаго достоинства. Еврейская интеллигенція, выросшая подъ вліяніемъ этого писателя, реагировала на погромы эмиграціей въ Палестину. Отсюда беретъ начало интенсивное палестинофильское движеніе.

Мы уже указали раньше, что основаніе еврейскихъ колоній въ Палестинѣ было положено въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Еще до еврейскихъ погромовъ въ Россіи были основаны въ Палестинѣ около Яффы земледѣльческая

[1]) См.: *Otto Bauer*, Die Nationalitätenfrage und die Socialdemokratie, § 23. (Wien, 1907).

школа „Микве-Израиль“ и колонія „Песахъ-Тикво“ (дверь Надежды)—въ двухъ часахъ ѣзды на сѣверѣ отъ Яффы. Но, несомнѣнно, что погромы придали этой колонизаціи болѣе активный характеръ. Первыми піонерами были еврейскіе студенты Харьковскаго университета, основавшіе вмѣстѣ съ другими интеллигентами въ 1882 году колонію „Ришонъ-Леціонъ“. Въ томъ же году румынскими евреями заложены колоніи Рошъ-Пина и Зихронъ-Яковъ. Въ слѣдующемъ году былъ созданъ подъ предсѣдательствомъ д-ра Пинскера центральный комитетъ для объединенія всей палестинофильской дѣятельности. Въ началѣ имѣлась въ виду всеобщая организація евреевъ различныхъ странъ, для чего и былъ созванъ съѣздъ въ Каттовицахъ (1884 г.), но впослѣдствіи оказалось, что зап.-европейское еврейство совершенно не сочувствуетъ „ховевесіонизму“, т. е. палестинофильскому движенію. Въ рядахъ сочувствующихъ оставался лишь баронъ Ротшильдъ, который посмотрѣлъ на дѣло лишь съ филантропической точки зрѣнія. Колонизація евреевъ въ Палестинѣ обошлась ему во много милліоновъ: при его помощи удалось основать около $1^1/_2$ десятка колоній, но широкаго общественнаго движенія онъ не создалъ. Такимъ образомъ, палестинофильское движеніе замыкалось долгое время исключительно въ средѣ русскихъ евреевъ, которымъ удалось, наконецъ, съорганизоваться въ „Общество вспомоществованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Палестинѣ и Сиріи“, центральный комитетъ котораго и по сію пору находится въ Одессѣ. Это общество дало толчекъ къ образованію подобныхъ же палестинофильскихъ организацій въ Румыніи, Австріи, Германіи; оно основывало новыя колоніи (Гедера и Кастини), устраивало школы въ Палестинѣ, въ которыхъ преподаваніе велось на воскресшемъ къ новой жизни древне-еврейскомъ языкѣ,—но *народнаго* движенія оно не создало. По существу, и это общество обращалось не къ массѣ, а къ состоятельнымъ національно-настроеннымъ евреямъ, призывая ихъ на помощь своей „меньшей братіи“. Палестинофильство исходило, прежде всего, изъ національно-культурныхъ моментовъ, а не изъ соціально-политическихъ интересовъ; рѣчь шла не о возрожденіи *народа*, а о возрожденіи родной страны Палестины и народно-культурнаго творчества. Понятно, что и возрожденіе народа было желанно и дорого, но оно оставалось въ области туманныхъ мечтаній, а главный теоретикъ палестинофильства, высокоталантливый Ахадъ-Гаамъ, создавшій философско-художественную публицистику на древне-еврейскомъ языкѣ, прямо заявилъ, что еврейская масса осуждена оставаться въ разсѣяніи, и что лишь избранные должны создать въ Палестинѣ культурный центръ, изъ котораго будетъ исходить яркій свѣтъ новоеврейскаго творчества.

Палестинофильство оставалось, такимъ образомъ, движеніемъ національно-еврейской буржуазіи, чувствовавшей гораздо больше свою связь съ великимъ прошлымъ еврейства, чѣмъ съ его печальнымъ настоящимъ. Еврейская масса искала

и нашла другой исходъ; она прибѣгла къ испытанному евреями средству— къ массовой эмиграціи, и прежде всего въ Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты. Съ 1881 по 1905 г. эмигрировали изъ Россіи 1.133.000 евреевъ, изъ которыхъ 890.000 нашли себѣ пріютъ исключительно въ Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ. (Кстати замѣтимъ, что и изъ Галиціи евреи эмигрировали въ неменьшемъ количествѣ). Такая массовая эмиграція не могла быть вызвана исключительно погромами и внѣшними притѣсненіями,—ясно, что здѣсь дѣйствовали болѣе глубокія причины соціальнаго характера. И дѣйствительно, при болѣе точномъ анализѣ выясняется, что, независимо отъ внѣшнихъ причинъ, экономическое положеніе евреевъ не только въ Россіи, но во всѣхъ странахъ, включая сюда и Сѣв. Америку, по чисто историческимъ причинамъ обрекаетъ ихъ на *вытѣсненіе* [1]). Евреи вытѣсняются изъ области ремесла, благодаря развитію фабричной индустріи, въ которую они проникаютъ въ очень маломъ количествѣ и въ качествѣ предпринимателей, и въ качествѣ наемныхъ рабочихъ; они вытѣсняются и изъ области торговли, благодаря развитію путей сообщенія и концентраціи сношеній между производителемъ и потребителемъ. Несмотря на всѣ попытки со стороны евреевъ, имъ не удалось проникнуть ни въ русскую, ни въ американскую промышленность. Евреи лишены повсемѣстно земледѣльческаго класса, этой основы всякаго нормальнаго хозяйства, и спасшіеся въ Америку, очутились въ томъ же положеніи: они устроились въ качествѣ мануфактурнаго пролетаріата (главнымъ образомъ въ иголочной индустріи), но не въ качествѣ земледѣльцевъ или пролетаріата крупно-капиталистическаго

Такимъ образомъ, жизнь выдвинула соціальную сторону еврейской проблемы въ формѣ опредѣленнаго постулата: необходимости создать національно-еврейское хозяйство. Послѣднее обстоятельство привело къ выводу о необходимости превратить *еврейскую эмиграцію въ національную колонизацію*. Въ этомъ—основа, хотя и не исчерпывающая, сущности политическаго сіонизма, имѣющаго въ виду интересы широкой массы. Другой основой послужило крушеніе ассимиляціоннаго идеала среди западно-европейскаго еврейства.

Когда Мозесъ Гессъ выступилъ со своей книгой о возрожденіи еврейскаго государства,—никто не придалъ ей серьезнаго значенія, такъ какъ еврейство Зап. Европы искренно вѣрило тогда въ возможность ассимиляціи—полной, или компромиссной (т. е. съ сохраненіемъ одной религіи). Остроумный критикъ совершенно вѣрно замѣтилъ по поводу этой книги: „Это новая идея, которая приходитъ со своими теоріями очень поздно, ибо основная мысль ея очень стара, и очень рано—со своими практическими предложеніями“.

---

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ объ экономич. положеніи евреевъ въ Россіи. II. Т. Спб. 1904.; *Д. Пасманикъ*: Экономич. полож. евреевъ въ Россіи. 1905. *Я. Лещинскій*: Евр. рабочій въ Россіи.

Нужна была антисемитская волна семидесятыхъ, восьмидесятыхъ и въ особенности, девяностыхъ годовъ въ Германіи, Австріи, и главнымъ образомъ, во Франціи—этой классической странѣ „равенствъ и братствъ“—для того чтобы евреи не только поняли, но и почувствовали, какъ невозможность ассимиляціи, такъ и всю ненормальность своего современнаго положенія. Выразителемъ этого перелома въ сознаніи западно-европейскаго еврейства явился Теодоръ Герцль, творецъ и организаторъ современнаго политическаго сіонизма. Въ 1895 году онъ написалъ свою знаменитую брошюру: „Еврейское Государство“. Со дня появленія этой книги начинается новая эра въ развитіи сіонизма, а по нашему личному мнѣнію—и въ исторіи еврейскаго народа.

II.

„Я считаю еврейскій вопросъ ни соціальнымъ, ни религіознымъ, хотя онъ иногда и принимаетъ эту окраску. Это—вопросъ національный, и чтобы его разрѣшить, мы должны его сдѣлать вопросомъ всемірной политики, который и будетъ разрѣшенъ совѣтомъ культурныхъ народовъ. Мы—народъ, объединенный народъ“ [1]). Для того чтобы понять эту основную мысль Герцля, надо уяснить себѣ, что̀ подразумѣвалъ онъ подъ терминомъ: „соціальный вопросъ“. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что еврейскій вопросъ—не только вопросъ о еврейскихъ бѣднякахъ, какъ это полагали различные еврейскіе филантропы. И еврейскіе богачи въ равной мѣрѣ находятся въ ненормальныхъ условіяхъ: антисемитизмъ *внѣшнимъ образомъ*, раньше всего, направляется противъ нихъ. Еврейскій вопросъ интересуетъ всѣхъ евреевъ—безъ различія экономическаго положенія и религіозныхъ вѣрованій; онъ касается всего еврейскаго народа, ибо „мы—*одинъ* народъ“. Въ виду этого, сіонизмъ аппелируетъ не къ тому или иному классу еврейства, не къ той или иной его части, а ко всему народу: къ богатымъ и бѣднымъ, глубоко-религіознымъ и свободомыслящимъ, консерваторамъ и революціонерамъ и даже... къ уже ассимилированнымъ евреямъ. Когда еврейская масса будетъ въ Палестинѣ, оставшіеся на старыхъ мѣстахъ евреи обрѣтутъ полный душевный покой: они не будутъ раздражаться ни видомъ еврейскихъ страданій, ни криками антисемитовъ, которые потеряютъ почву подъ ногами въ виду значительнаго уменьшенія ненавистныхъ „инородцевъ“. Слѣдовательно, еврейскій вопросъ,—вопросъ національный, въ разрѣшеніи котораго заинтересованы всѣ евреи и

[1]) *Dr. Theodor Herzl*, „Der Judenstaat“. VI. Auflage, стр. 9.

всѣ культурные народы, сами страдающіе отъ антисемитизма. Изъ этого общаго взгляда на сущность еврейскаго вопроса проистекаютъ и всѣ практическія мѣры для осуществленія намѣченной цѣли: съ одной стороны — организація всего еврейскаго народа, объединеніе всѣхъ его разрозненныхъ частей, укрѣпленіе національной воли; съ другой — дипломатическіе переговоры съ правительствами культурныхъ народовъ и Турціи.

Поскольку это зависитъ отъ дѣятельности одного человѣка, обѣ эти задачи были блестяще выполнены Герцлемъ. 29-го августа 1897 года открылся первый сіонистскій конгрессъ въ Базелѣ. Онъ представлялъ собою микрокозмъ еврейской націи: въ немъ участвовали евреи различныхъ странъ и классовъ, ортодоксальные и свободомыслящіе, ибо сіонизмъ, по мѣткому выраженію Герцля, представляетъ собою возвратъ къ е в р е й с т в у еще до возвращенія въ е в р е й с к у ю с т р а н у. Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ; за это время состоялось 8 конгрессовъ: шесть—въ Базелѣ, одинъ въ Лондонѣ, послѣдній — въ Гаагѣ. За этотъ періодъ еврейство вообще и сіонизмъ въ частности пережили рядъ тяжелыхъ кризисовъ: еврейство—кишиневскую трагедію, затяжныя муки октябрьскихъ дней и, небывалыя до тѣхъ поръ, преслѣдованія въ Румыніи; сіонизмъ—угандскій кризисъ, появленіе территоріализма, о чемъ рѣчь будетъ впереди и — смерть вождя сіонистскаго движенія Герцля (въ 1904 г.). Несмотря на все это, сіонистская организація, созданная Герцлемъ, существуетъ и представляетъ собою въ настоящее время наиболѣе сплоченную организацію среди всемірнаго еврейства. Еще разъ повторяемъ: поскольку это зависитъ отъ энергіи одного человѣка, Герцль блестяще выполнилъ свою первую задачу—организацію еврейства. Подъ его импульсомъ въ различныхъ странахъ возникли организаціи, охватывающія различные слои еврейскаго населенія. Удалась-ли ему вторая задача—привели-ли его дипломатическіе переговоры съ правительствами къ конкретнымъ результатамъ? Раньше чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны остановиться на программѣ сіонизма, выработанной на цѣломъ рядѣ конгрессовъ.

Уже на первомъ конгрессѣ были установлены два основныхъ фактора въ еврейской жизни, приводящіе въ логической послѣдовательности къ сіонизму: національно-культурный и соціально-экономическій. Удовлетвореніе, какъ культурныхъ потребностей, основанныхъ на единствѣ языка, на народномъ творчествѣ, необусловленномъ никакими внѣшними соображеніями, на полномъ раскрытіи народной души и полной свободѣ духовнаго развитія,—такъ и экономическихъ—основанныхъ на нормальной дифференціаціи въ народѣ хозяйственныхъ функцій, возрожденіи въ немъ земледѣльческаго класса и прочной связи человѣка съ землей,—требуетъ к о н ц е н т р а ц і и еврейства на одной территоріи; въ виду же историческихъ причинъ территорія конкретизирова-

лась въ Палестину. Программа сіонизма, принятая на первомъ конгрессѣ и сохранившая свою формулировку до сихъ поръ, гласитъ: „Сіонизмъ стремится создать для еврейскаго народа правоохраненное убѣжище въ Палестинѣ. Для достиженія этой цѣли конгрессъ имѣетъ въ виду слѣдующія средства: 1) Цѣлесообразное способствованіе заселенію Палестины еврейскими земледѣльцами и ремесленниками. 2) Организація всего еврейскаго народа посредствомъ подходящихъ мѣстныхъ и общихъ союзовъ сообразно законамъ различныхъ странъ. 3) Усиленіе еврейскаго національнаго чувства и самосознанія. 4) Подготовительные шаги къ полученію согласія державъ на приведеніе въ исполненіе цѣлей сіонизма".

Если вникнуть въ программу, выясняются отличительныя черты политическаго сіонизма отъ предшествующаго палестинофильства. Если, съ одной стороны, признавалось необходимымъ продолжать палестинофильскую работу,—содѣйствіе заселенію Палестины еврейскими земледѣльцами и ремесленниками и усиленіе національнаго чувства и самосознанія, то, съ другой—политическій сіонизмъ выдвигалъ на первый планъ *организацію* всемірнаго еврейства и дипломатическіе переговоры съ правительствами различныхъ странъ. На самомъ же дѣлѣ, сіонистская организація, за весь періодъ до смерти Герцля, сконцентрировала всю свою работу на этихъ послѣднихъ задачахъ, прекративъ всякую колонизаціонную дѣятельность въ Палестинѣ. Соображенія Герцля были слѣдующаго характера: когда еврейство создастъ организацію, могущую гарантировать исполненіе взятыхъ на себя обязательствъ; когда сіонистская организація, дѣйствительно, будетъ имѣть право говорить отъ имени всего народа, или, по крайней мѣрѣ, его большинства,—тогда правительства, заинтересованныя въ ликвидаціи еврейскаго вопроса, придутъ на помощь еврейству и помогутъ ему создать правоохраненное убѣжище въ Палестинѣ, тѣмъ болѣе, что возрожденіе Палестины означало бы, въ то же время, созданіе новаго культурнаго центра, крайне полезнаго для цивилизованнаго міра. Но, въ такомъ случаѣ, вся мелкая колонизація, не удовлетворяя непосредственнымъ интересамъ широкой массы, теряетъ всякое значеніе. Разсчетъ Герцля былъ ошибоченъ въ двухъ пунктахъ. Во-первыхъ: еврейство въ продолженіи вѣковъ разучилось дѣйствовать *активно*, сосредоточивъ всю свою энергію на пассивномъ сопротивленіи соціальной смерти. Оно должно было снова *пріучаться* къ самопомощи и къ проявленію своего національнаго достоинства. И благодаря этому, не взирая на организаторскій геній Герцля, сіонистская организація росла, сравнительно, медленно. Отъ перваго до шестого конгресса, т. е. за 7 лѣтъ, число „шекелей" (членскій взносъ, установленный сіонистской организаціей) возросло съ 78.000 до 221.566. Для партіи это блестящій результатъ, но въ сравненіи съ десяти-

милліоннымъ еврейскимъ населеніемъ цифра ничтожная — ровно десятая часть того числа, которое позволило бы говорить отъ имени еврейскаго народа. Вѣрно, что равной по количеству—организаціи въ еврействѣ нѣтъ. Но сіонизмъ ставитъ себѣ громадную задачу національнаго возрожденія *всего* народа. Вторая ошибка—въ переоцѣнкѣ заинтересованности правительствъ въ ликвидаціи еврейскаго вопроса. Антисемитизмъ—язва, но отъ него страдаетъ только еврейскій народъ и меньше всего правительства. При обостренности международныхъ отношеній не такъ легко превратить еврейскій вопросъ въ объектъ дипломатическихъ переговоровъ, въ особенности, до тѣхъ поръ, пока евреи не составляютъ никакой реальной силы въ Палестинѣ. Вотъ почему всѣ дипломатическіе переговоры Герцля съ европейскими правительствами имѣли лишь моральное значеніе, но не могли дать никакихъ осязательныхъ результатовъ. Моральное же значеніе было, дѣйствительно, огромно: правительства впервые услышали голосъ объединеннаго еврейства, стремящагося къ возрожденію; впервые разрывалась густая ткань лжи, самообмана и униженія, созданная ассимиляціей, увѣрявшей міръ, что еврейская нація исчезла; впервые еврейскій вопросъ былъ поставленъ на почву реальной политики. Но отсюда до осуществленія сіонизма путь еще далекъ. Герцль очень скоро сознался свою ошибку. На третьемъ конгрессѣ (1899) онъ провозглашаетъ новый лозунгъ: „Ближайшей задачей сіонистской политики должно быть пріобрѣтеніе отъ турецкаго правительства чартера [1]) на Палестину“ на основаніи принципа do ut des. Это первый шагъ по пути къ конкретизаціи сіонистской политики. Чартеръ!—это слово стало лозунгомъ политическаго сіонизма, причемъ очень часто въ него вкладывалось различное содержаніе.

Практически оно означало: Турція заинтересована въ превращеніи своихъ пустырей въ заселенныя области; обладая землями, способными вмѣстить, сверхъ своего коренного населенія, до 80 милліоновъ людей, Турція ничего не можетъ имѣть противъ колонизаціи маленькой части ея обширной имперіи евреями.

Организованное еврейство предоставитъ Турціи извѣстныя выгоды за разрѣшеніе устроить *автономное* еврейское общежитіе въ Палестинѣ. Такимъ образомъ, сіонистская политика поставила себѣ конкретную задачу: путемъ переговоровъ съ Турціей получить отъ нея чартеръ на Палестину, а обращеніемъ къ европейскимъ правительствамъ—заручиться ихъ содѣйствіемъ или, по крайней мѣрѣ, благосклоннымъ нейтралитетомъ. И дѣйствительно, фактически правительства, почти безучастныя къ сіонистскому рѣшенію еврейскаго вопроса, сильно заинтересованы будущимъ Турціи вообще и различныхъ ча-

[1]) См. *Г. А. Бѣлковскій:* „Чартеръ“. Историко-сравнительное наслѣдованіе. 1900 г. и *Д. Пасманикъ:* „Чартеръ и концессія„. 1906. Изданіе Кадима.

стей этой имперіи, въ частности. При этомъ, что весьма характерно, признавая сіонизмъ объектомъ реальной политики, съ которымъ такъ или иначе надо считаться, они не разъ, при случаѣ, совершенно ясно давали почувствовать свое отношеніе къ сіонизму. И надо признать, что въ *этомъ* смыслѣ Герцль очень много успѣлъ... Онъ создалъ еврейству всемірную трибуну, съ которой раздается голосъ стремящагося къ возрожденію народа — періодическіе конгрессы и организацію, развѣтвленную по всѣмъ странамъ свѣта. Этого мало. Онъ стремился создать и орудія для осуществленія сіонизма: „Еврейскій колоніальный банкъ“ и „Національный фондъ“.

Уже на второмъ конгрессѣ было рѣшено основать *еврейскій колоніальный банкъ*, призванный служить не для дивидендовъ, а какъ финансовое орудіе сіонистской дѣятельности; конечная цѣль банка—„способствовать созданію для еврейскаго народа правоохраненнаго убѣжища въ Палестинѣ“. Еврейскій колоніальный банкъ по идеѣ своей является тѣмъ юридическимъ лицомъ, съ которымъ Турція могла бы вести переговоры, такъ какъ всемірное еврейство не имѣетъ иного публично-правового учрежденія, способнаго гарантировать исполненіе взятыхъ на себя обязательствъ. Банкъ былъ основанъ 20-го марта 1899 года въ Лондонѣ, причемъ номинальный капиталъ опредѣленъ 2 милліонами фунтовъ стерлинговъ (приблизительно 20.000.000 рублей), раздѣленными на столько же акцій, по одному фунту стерлинговъ каждая. Но еврейство, про богатства котораго кричитъ весь міръ и во главѣ котораго стоитъ богатое филантропическое общество, созданное барономъ Гиршемъ, обладающее капиталомъ въ 200 милліоновъ франковъ, до сихъ поръ не собрало этой суммы. Дѣятельность банка началась въ 1902 году, но и то только благодаря англійскому закону, которому онъ подчиненъ, допускающему открытіе банка, когда выкуплена хотя бы лишь $^1/_8$ его акцій. По послѣднему отчету (30 іюня 1908 г.) оплаченныхъ акцій 254.859; иными словами, еврейскій колон. банкъ владѣетъ чистымъ капиталомъ въ 6.380.000 франковъ (приблизительно $2^1/_2$ милліона рублей). При этомъ, однако, важно отмѣтить, что капиталъ банка представленъ 140.000 акціонерами, что въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ соціальное положеніе послѣднихъ: мелкую еврейскую буржуазію. Но до чартера при такомъ ничтожномъ капиталѣ еще далеко; и здѣсь-то Герцль столкнулся лицомъ къ лицу съ инертностью самыхъ состоятельныхъ слоевъ еврейства. Достигнуть, поставленной имъ передъ всѣмъ еврействомъ, великой цѣли, со столь слабыми средствами, Герцлю оказалось невозможнымъ.

Въ политическомъ сіонизмѣ назрѣлъ первый кризисъ, приведшій къ цѣлому ряду послѣдствій. Впервые зародилось сомнѣніе въ возможности быстраго осуществленія задачъ сіонизма. Впервые же было сознано, что *сіо-*

низмъ есть историческій процессъ, начинающійся съ воспитанія еврейскаго народа, въ смыслѣ пробужденія въ немъ *не національнаго сознанія*, никогда не исчезавшаго въ широкой массѣ, а *національной энергіи* и самодѣятельности. Этотъ кризисъ нашелъ свое выраженіе въ образованіи *демократической фракціи*, которая, потерявъ вѣру въ быстрые успѣхи сіонистской дипломатіи, предлагала обратить особенное вниманіе на 3-ій пунктъ Базельской программы, требующій „усиленія еврейскаго національнаго чувства и самосознанія". Началась эпоха сіонистскаго культуртрегерства: основывались библіотеки, училища для распространенія еврейскаго языка и еврейскихъ знаній; велась усиленная борьба противъ инертной ортодоксіи и за демократизацію сіонистскихъ учрежденій; въ особенности же, усилилась агитація противъ ассимиляціи во всѣхъ ея формахъ. На пятомъ конгрессѣ (въ декабрѣ 1901 года) демократическая фракція занимала видное мѣсто, и несмотря на это, она была осуждена на преждевременную смерть, потому что возбуждала національную энергію въ идеологической формѣ, лишенной всякаго реальнаго содержанія.—Демократическая фракція не поняла, что сіонизмъ—своеобразное національное движеніе, своеобразное своимъ *соціальнымъ* содержаніемъ, почему онъ и долженъ стремиться къ возбужденію еврейской энергіи въ области *соціальнаго* творчества. Это глубоко понималъ Герцль. И на пятомъ конгрессѣ онъ создалъ второе орудіе сіонизма — *національный фондъ*, идея котораго принадлежитъ проф. Шапиро. Національный фондъ образуется изъ добровольныхъ пожертвованій; его цѣль—покупка въ Палестинѣ земли, которая должна оставаться вѣчной собственностью всего еврейскаго народа, а не отдѣльныхъ лицъ: земля не можетъ быть продана, а лишь уступлена въ аренду еврейскимъ земледѣльцамъ. Но такъ какъ покупка земли до полученія правовыхъ гарантій казалась рискованной, конгрессъ постановилъ: пріобрѣтеніе земли на средства національнаго фонда можетъ начаться лишь съ того момента, когда онъ будетъ владѣть капиталомъ въ 5 милліоновъ франковъ (1.880.000 рублей). И здѣсь, опять-таки, еврейская энергія оказалась довольно слабой: за 6 лѣтъ собрано всего 1.800.000 франковъ (около 700.000 рублей).

Такимъ образомъ, стало ясно, что сіонизмъ не можетъ разсчитывать на быстрое осуществленіе. Кризисъ былъ уже наканунѣ рѣзкихъ и опредѣленныхъ формъ, если бы въ это время не произошло нѣчто ужасное, прервавшее послѣдовательно-нормальное развитіе сіонизма. Мы имѣемъ въ виду кишиневскій погромъ.

III.

„Кишиневъ“ поразилъ весь міръ. Анахронизмъ, но грозный анахронизмъ. Застонало русское еврейство. Эхомъ пронесся этотъ стонъ по всему міру и отозвался во всѣхъ еврейскихъ сердцахъ. Всѣ были подняты на ноги; одни предлагали денежную помощь, а тѣ, въ комъ живо человѣческое достоинство, поднялись на борьбу. Но борьба слабаго народа могла кончиться лишь крахомъ. Чтобы сразить грозные пережитки необходимо было соціальное творчество; лишь оно могло вернуть народу живой источникъ его силы. Но еврейство еще не развернуло своихъ творческихъ силъ и не было еще способно на актъ *самодѣятельнаго* героизма. Сіонистская организація—могучая въ сравненіи съ прошлымъ—была пока ничтожна предъ огромностью задачи. Собранныя ею средства—какъ матеріальныя, такъ и духовныя—прямо поразительныя въ сравненіи съ аморфностью прежняго еврейства,—тѣмъ не менѣе, ничтожны въ виду огромности и неотложности дѣла; импонировать турецкому правительству они, во всякомъ случаѣ, не могли.

Въ рукахъ Герцля было слишкомъ мало реальныхъ средствъ, которыми онъ могъ бы свободно располагать. А тутъ подоспѣлъ Кишиневъ съ послѣдовавшей за нимъ массовой эмиграціей. Въ то же самое время Англія и Сѣв. Америка, какъ страны иммиграціи, еще ухудшили положеніе: онѣ закономъ ограничили наплывъ иммигрантовъ.

Тогда Герцль рѣшился на рискованный шагъ. Онъ принялъ предложеніе англійскаго правительства заселить Уганду (въ восточной Африкѣ). Это и явилось главнымъ предметомъ обсужденія шестого конгресса (1903). Для Герцля угандскій проектъ не былъ уклоненіемъ отъ сіонизма, а лишь *временнымъ* отвѣтомъ на запросы мучительной еврейской жизни. „Это не Сіонъ и имъ никогда не станетъ“, заявилъ онъ, а Максъ Нордау окрестилъ Уганду остроумнымъ, но нѣсколько вульгарнымъ эпитетомъ—„ночлежнаго убѣжища“. Герцль же видѣлъ въ Угандѣ только средство для ускоренія момента осуществленія сіонизма.

„Уганда“ могла поднять еврейскую энергію и самодѣятельность и явиться убѣжищемъ въ данный же моментъ для тѣхъ евреевъ, которые дальше ждать не могли, равно какъ и школой соціальнаго воспитанія еврейства. VI конгрессъ, большинствомъ 295 противъ 178, рѣшилъ принять это предложеніе и послать экспедицію для изслѣдованія страны. Здѣсь важно отмѣтить, что на данномъ конгрессѣ не возникало и мысли объ отказѣ отъ Палестины и о замѣнѣ ея другой территоріей. И несмотря на это, громадное меньшинство въ 178 голосовъ категорически протестовало противъ угандскаго проекта.

Отмѣтить мотивы обоихъ лагерей въ высшей степени важно, такъ какъ данный анализъ бросаетъ яркій свѣтъ на составъ сіонистской организаціи въ эту эпоху. 178 членовъ меньшинства представляли то теченіе въ сіонизмѣ, которое, прежде всего, обусловливается національно-культурными мотивами, подчиняя имъ соціальныя нужды. Это меньшинство представляло интегральный іудаизмъ, неразрывно связанный съ исторической родиной еврейской культуры—съ Палестиной. Здѣсь идетъ рѣчь не объ удовлетвореніи временныхъ задачъ, а о возрожденіи еврейскаго творчества, имѣющаго свои корни въ далекомъ прошломъ.

Совершенно иное представляло большинство. Оно не составляло однородной массы, а содержало въ себѣ три группы. Первая состояла изъ герцлистовъ, людей слѣпо слѣдовавшихъ за вождемъ, не задававшихся никакими самостоятельными вопросами. Большинство изъ нихъ впослѣдствіи присоединилась къ палестинцамъ. Вторая — изъ филантроповъ, стремившихся поскорѣе облагодѣтельствовать „меньшую братію“ предъ страшными видѣніями Кишинева и въ полномъ забвеніи вѣчныхъ идеаловъ еврейства. Наконецъ, третья группа представляла теченіе, исходящее въ обоснованіи своего сіонистскаго идеала изъ соціально-экономическихъ мотивовъ: сіонизмъ—возрожденіе автономно-національнаго хозяйства, безразлично гдѣ бы то ни было. Такимъ образомъ, угандскій проектъ послужилъ пробнымъ камнемъ для выясненія сущности сіонизма. При этомъ, однако, возникло одно недоразумѣніе, по существу очень крупное, но выясненное лишь впослѣдствіи. Затяжной характеръ сіонистскаго рѣшенія вопроса принимался за аксіому, въ виду трудносокрушимыхъ препятствій на пути къ этой цѣли. Разрѣшеніе еврейскаго вопроса такимъ путемъ отодвигается въ туманную даль, въ то время какъ осуществленіе угандскаго проекта, дѣло если и не ближайшихъ лѣтъ, то, во всякомъ случаѣ, недалекаго будущаго. Такимъ образомъ, основываясь на логическихъ выводахъ, палестинцы должны были признать, что они не въ состояніи дать отвѣта на злободневные запросы жизни, а угандисты—констатировать, что ихъ цѣлью служитъ *территоріализмъ*, т. е. полученіе автономной территоріи для *немедленной* колонизаціи еврейскихъ массъ. А такъ какъ еврейскій пролетаріатъ былъ болѣе всего заинтересованъ въ эмиграціонномъ вопросѣ, то вполнѣ понятно, что онъ составлялъ главный контингентъ территоріальной организаціи.

Рѣшеніе этого горячаго спора было предоставлено седьмому конгрессу, въ Базелѣ въ 1905 году. Герцлю не суждено было дожить до него: онъ умеръ 3-го іюля 1904 года. Несомнѣнно, что отсутствіе этой геніальной личности, объединявшей въ себѣ всѣ лучшія стороны еврейства и являвшейся всегда примиряющимъ началомъ въ ожесточенныхъ спорахъ про-

тивниковъ, еще болѣе обострило борьбу между обоими лагерями. Она завершилась въ пользу сіонизма.

Территоріалисты покинули конгрессъ и основали свою территоріалистскую организацію. Миновавъ вопросъ объ Угандѣ они выдвинули принципъ немедленной помощи еврейству, путемъ заселенія автономной территоріи, гдѣ бы то ни было.

Но всѣ исканія территоріи не приводили ни къ какимъ результатамъ [1]). И руководствуясь своимъ принципомъ *немедленной* помощи еврейству, территоріалистамъ ничего не осталось дѣлать, какъ взяться за „регулированіе эмиграціи“; иными словами, не имѣя возможности заняться *государственно-колонизаторской* дѣятельностью, они должны были пойти по проторенной дорожкѣ *филантропическо-эмиграціонной* практики. Вскорѣ и было приступлено къ отправкѣ еврейскихъ эмигрантовъ въ Гальвестонъ (Сѣв. Амер.). Мы здѣсь не будемъ давать оцѣнки успѣшности этой дѣятельности, но несомнѣнно лишь то, что, исходя изъ принципа немедленной помощи евреямъ, территоріализмъ долженъ былъ дойти до отрицанія своихъ основоположеній: вмѣсто концентраціи евреевъ на одной автономной территоріи, онъ фактически способствуетъ разсѣянію еврейства по различнымъ странамъ.

И выясняется лишь одно: территоріализмъ, имѣющій въ виду государственно-колонизаціонную дѣятельность, отнюдь не *быстрѣе* подвигается по пути къ разрѣшенію еврейской проблемы, чѣмъ сіонизмъ, такъ какъ, и при наличности территоріи, колонизація не совершается сразу, а наростаетъ постепенно. Это поняло большинство 7-го конгресса, принявшее послѣ долгой борьбы слѣдующую резолюцію: „Сіонистская организація придерживается непоколебимо основного принципа Базельской программы, который имѣетъ въ виду „созданіе правоохраненнаго убѣжища для еврейскаго народа *въ Палестинѣ*“ и отвергаетъ — какъ средство и какъ цѣль — всякую колонизаціонную дѣятельность внѣ Палестины и ея ближайшихъ сосѣднихъ областей“. Кризисъ этимъ былъ завершенъ, но впереди предстояла громадная работа реорганизаціи сіонистской дѣятельности.

Логическимъ послѣдствіемъ этого кризиса было превращеніе утопическаго сіонизма въ эволюціонный.

Сіонизмъ — національное еврейское движеніе, обусловленное, одновременно, національно-культурными и соціально-экономическими причинами; осу-

[1]) Послѣдняя комисія, изслѣдовавшая Киренаику (въ сѣв. Африкѣ), вернулась недавно съ отрицательнымъ отвѣтомъ, такъ какъ страна оказалась совершенно непригодной для колонизаціи. Въ ближайшее время предполагается приступить къ изслѣдованію другихъ намѣченныхъ территорій.

ществленіе его — дѣло возрождающагося еврейства, постепенно, накопляющаго свою энергію въ странѣ своего идеала — въ Палестинѣ, т. е. результатъ историческаго процесса. Сообразно съ этимъ, VII конгрессъ принялъ слѣдующія резолюціи: „VII сіонистскій конгрессъ рѣшаетъ, что параллельно съ политико-дипломатической дѣятельностью, въ качествѣ ея реальной подкладки и для ея усиленія, согласно пункту первому Базельской программы, должно происходить систематическое развитіе нашихъ позицій въ Палестинѣ, при помощи:

1) всесторонняго изслѣдованія страны;

2) способствованія развитію земледѣлія, промышленности и т. д.

3) культурной и экономической организаціи палестинскаго еврейства, посредствомъ привлеченія новыхъ интеллектуальныхъ силъ;

4) достиженія необходимыхъ для развитія Палестины реформъ въ области администраціи и права.

Конгрессъ, однако, отклоняетъ всякую безсистемную, непродуманную и филантропическую мелкую колонизацію, которая не соотвѣтствовала бы размѣрамъ 1-го пункта Базельской программы".

Лишь съ принятіемъ этихъ резолюцій Базельская программа перешла цѣликомъ въ сіонистскую практику. Только теперь создана реальная почва для воспитанія и накопленія національно-еврейской энергіи, и стало ясно, что никакая колонизація не совершается сразу. И если чартеръ на всю Палестину былъ бы полученъ евреями въ данный моментъ, оказалось бы, что ни страна не подготовлена для народа, ни народъ для страны. Лишь въ процессѣ осуществленія сіонизма, хотя бы и въ малыхъ размѣрахъ, возростетъ еврейская энергія, довѣріе къ собственнымъ силамъ и создастся реальная почва для переговоровъ съ правительствами и народами. До тѣхъ поръ пока сіонисты не проявили своей дѣятельности въ области положительнаго творчества, ихъ стремленія могутъ казаться, извнѣ, фантастическими. Такова участь піонеровъ всѣхъ національныхъ и соціальныхъ движеній, но накопленіе положительныхъ результатовъ ихъ дѣятельности обезпечиваетъ имъ довѣріе. Это уловили и сіонисты, и со времени VII конгресса они значительно больше заняты реальной работой въ Палестинѣ, чѣмъ дипломатіей. Но раньше, чѣмъ перейти къ характеристикѣ послѣдней, необходимо указать, хотя бы вкратцѣ, на эволюцію сіонизма въ Австріи и Россіи, вызванную событіями послѣдняго времени.

Осуществленіе сіонизма—дѣло долгихъ лѣтъ, а вопросъ даннаго момента—какъ реагировать на неотложныя задачи и требованія еврейской жизни. Нѣкоторые сіонисты его совершенно игнорируютъ, утверждая, что здѣсь, на мѣстѣ, ничего положительнаго сдѣлать нельзя. Сіонистская органи-

зація, какъ таковая, не можетъ вторгаться въ политическую дѣятельность различныхъ странъ и предписывать общеобязательные диррективы политическимъ организмамъ, вмѣщающимъ въ себя разсѣянное еврейство. Жизнь англійскаго еврея, съ точки зрѣнія гражданскихъ и политическихъ правъ, такъ рѣзко отличается отъ быта еврея русскаго, что не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо общихъ правилахъ. Но нѣкоторые сіонисты даже Австріи и Россіи настаиваютъ на полномъ невмѣшательствѣ во внутреннюю политику страны. При этомъ они руководствуются слѣдующими соображеніями: 1) сіонистская организація каждой страны обнимаетъ столь разнородные элементы въ соціальномъ и культурномъ отношеніи, что нельзя говорить о единодушномъ выступленіи въ политической жизни. Каждый сіонистъ, какъ личность, можетъ, за собственный страхъ и рискъ, поступать какъ ему угодно, но организація, какъ цѣлое, должна оставаться нейтральной; 2) результаты политической дѣятельности ничтожны по существу, потому что, въ лучшемъ случаѣ, она можетъ дать лишь бумажныя права, но не въ состояніи разрѣшить ни культурной, ни соціальной проблемы еврейства; 3) сіонисты не должны дробить своей энергіи, а напротивъ, сосредоточить ее на реальной работѣ въ Палестинѣ. Этимъ даннымъ другіе сіонисты противополагаютъ свои соображенія: 1) несмотря на все различіе въ соціальномъ положеніи сіонистовъ данной страны, всѣхъ ихъ роднитъ общая цѣль—гражданское равноправіе и право свободнаго культурнаго развитія; въ этихъ элементарныхъ правахъ нуждаются всѣ евреи, безъ различія класса и состоянія. Слѣдовательно, выработка общей платформы, въ самыхъ существенныхъ формахъ—возможна; 2) хотя достиженіе правъ еще не разрѣшитъ радикально еврейскаго вопроса, ибо равноправіе нигдѣ, ни въ какой странѣ не уничтожитъ еврейскаго культурно-политическаго вопроса, однако, оно внесетъ нѣкоторое улучшеніе въ экономическое и матеріальное положеніи евреевъ, что въ значительной мѣрѣ важно и для цѣлей сіонизма, т. к. вѣчно преслѣдуемый, унижаемый и голодный народъ не въ состояніи проявлять творческой энергіи. Ошибочно мнѣніе, будто девизъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ является лозунгомъ сіонизма и рычагомъ въ его поступательномъ движеніи: спокойствіе за завтрашній день дастъ еврейству возможность творить свое будущее. И нуждаясь въ свободѣ пропаганды своихъ идей и организаціи своихъ послѣдователей, сіонизмъ, тѣмъ болѣе, долженъ развивать политическую дѣятельность; 3) политическая дѣятельность не ослабитъ, а усилитъ сіонистскую энергію, т. к. приведетъ къ организаціи еврейства, а лишь объединенное и организованное оно сможетъ дать матеріальныя и духовныя силы, необходимыя для осуществленія сіонизма.

Таковы основные пункты спора о такъ называемой „работѣ въ діаспорѣ“. Онъ не рѣшенъ и по-сегодня.

Программа, выработанная съѣздомъ русскихъ сіонистовъ въ Гельсингфорсѣ и исходящая изъ признанія необходимости борьбы за улучшеніе положенія евреевъ въ діаспорѣ, въ силу своей двойственности, рождаетъ тяжкую трагедію въ душѣ каждаго сіониста. Діаспора, по существу, какъ нѣчто временное, преходящее, требуетъ полнаго отрицанія. А съ другой стороны, безучастность къ насущнымъ запросамъ массы, грозитъ потерею всякаго довѣрія и расположенія со стороны послѣдней. Опытъ послѣднихъ 3 — 4 лѣтъ доказалъ, что эта двойственность привела къ оппортунизму, къ затушевыванію чисто - сіонистскаго идеала, и особенно рѣзко это сказалось въ дѣятельности депутатовъ-сіонистовъ первой государственной думы.

Но какъ бы то ни было, никто изъ сіонистовъ не разсматриваетъ политической дѣятельности въ діаспорѣ, какъ самоцѣль, а лишь какъ средство для увеличенія сіонистской энергіи. Споръ идетъ лишь о значеніи этого средства, и вызванъ онъ не въ такой мѣрѣ внѣшними причинами, сколь внутреннимъ кризисомъ въ самомъ сіонизмѣ: осуществленіе сіонизма—дѣло не завтрашняго дня, а результатъ длительнаго историческаго процесса. Понятно также, что чѣмъ шире развивается работа въ Палестинѣ, тѣмъ болѣе отвлекается сіонистская энергія отъ политической дѣятельности *здѣсь*, на мѣстѣ; и въ сіонистской средѣ постепенно растетъ сознаніе въ томъ, что самымъ лучшимъ агитаціоннымъ средствомъ въ пользу сіонизма являются успѣхи въ Палестинѣ. Вотъ почему VIII конгрессъ (1907) былъ всецѣло посвященъ вопросамъ реальной работы въ Палестинѣ. Наступила пора мелкой, но систематической дѣятельности, эпоха собиранія кирпичей для будущаго зданія, требующаго большого строительнаго матеріала. Настала полоса не широкаго размаха, а конкретныхъ, ясныхъ и потому доступныхъ всеобщему пониманію дѣлъ.

Въ чемъ же проявилась до настоящаго времени работа сіонистовъ въ самой Палестинѣ? Какими реальными средствами обладаетъ сіонистская организація для осуществленія своихъ цѣлей? Каковы ея „орудія производства“?

IV.

Еврейскій колоніальный банкъ, о которомъ рѣчь была выше, до сихъ поръ не возросъ до того состоянія, когда цѣль, намѣченная при его основаніи, могла-бы быть проведена въ жизнь: средства его еще незначительны, и въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи не только о пріобрѣтеніи чартера, но даже о принятіи какихъ-либо концессій въ Палестинѣ. Но имъ создано другое учрежденіе: *Англо-Палестинская Компанія*—съ капиталомъ въ одинъ милліонъ, развивающая планомѣрную дѣятельность въ самой Палестинѣ. Отдѣленія этого банка: въ Яффѣ, Іерусалимѣ, Бейрутѣ и въ Константинополѣ. Цѣль банка — оказывать кредитъ промышленнымъ, сельскохозяйственнымъ и торговымъ предпріятіямъ, устраиваемымъ евреями въ Палестинѣ. За короткое время своего существованія (всего 6 лѣтъ) палестинскій банкъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе не только еврейства, но и всего населенія Палестины, что выражается въ количествѣ

получаемыхъ имъ вкладовъ. Онъ же способствовалъ расширенію дѣятельности нѣсколькихъ еврейскихъ фабрикъ и многочисленныхъ сельскохозяйственныхъ колоній. Такимъ образомъ, банкъ является наилучшимъ средствомъ *для возбужденія частной инициативы* среди евреевъ, желающихъ переселиться въ Палестину, или же уже живущихъ въ этой странѣ. Понятно, что его дѣятельность будетъ возрастать съ увеличеніемъ его капитала и распространеніемъ его акцій.

Еврейскій національный фондъ, о которомъ мы уже сказали нѣсколько словъ, тоже приступилъ къ работѣ, благодаря рѣшеніямъ послѣднихъ конгрессовъ. Онъ пріобрѣлъ нѣсколько имѣній, представляющихъ цѣнность приблизительно въ 100.000 рублей, а часть денегъ отпустилъ подъ гарантію для постройки домовъ въ нѣкоторыхъ городахъ Палестины (въ Яффѣ и Іерусалимѣ). На спеціальныя суммы онъ насадилъ оливковыя рощи (роща Герцля), доходъ съ которой предназначенъ на культурныя цѣли, главнымъ образомъ, на устройство школъ въ Палестинѣ.

Громадное значеніе имѣетъ недавно основанная „Палестинская землеустроительная компанія“, которая ставитъ себѣ цѣлью создать классъ мелкихъ земледѣльцевъ: на земляхъ, принадлежащихъ этой Компаніи, еврейскіе рабочіе будутъ обучены, подъ руководствомъ опытныхъ агрономовъ, лучшимъ методамъ сельскаго хозяйства, причемъ они, кромѣ заработной платы, будутъ участвовать и въ доходахъ Компаніи, что имъ дастъ возможность дѣлать сбереженія, необходимыя для выкупа своего надѣла земли. Къ устройству такого хозяйства уже приступлено.

Кромѣ того, существуетъ цѣлый рядъ частныхъ организацій для пріобрѣтенія земли, какъ, напримѣръ, Геула, благодаря которой въ еврейскія руки перешло около 10000 дунамовъ земли; „Агудатъ Нотаимъ“—плантаціонное общество, наконецъ, „Палестина“—также плантаціонное общество, дающее возможность каждому еврею стать владѣльцемъ одного дунама земли. Цѣль послѣдняго—не созданіе собственниковъ, а основаніе рынка земледѣльческаго труда для еврейской массы [1]). Недавно и среди сѣверо-американскихъ и южно-африканскихъ евреевъ образовались такіе же плантаціонныя общества.

Съ другой стороны, сіонисты начали развивать въ Палестинѣ и культурную дѣятельность. Во всѣхъ колоніяхъ существуютъ хорошо организованныя школы; преподаваніе ведется на древне-еврейскомъ языкѣ, обновленномъ и ставшемъ языкомъ повседневной разговорной рѣчи. „Одесскій комитетъ палестинскаго общества“ въ этой области играетъ видную роль. Въ Яффѣ недавно устроена еврейская гимназія, гдѣ обученіе ведется тоже на языкѣ Библіи и пророковъ, при самыхъ усовершенствованныхъ методахъ преподаванія. Недавно другая организація — Общество нѣмецкихъ евреевъ — рѣшила устроить въ Палестинѣ еврейскій техникумъ, который долженъ способствовать развитію тамъ промышленности.

Особенно интереснымъ учрежденіемъ является „Бецалелъ“—художественно-промышленная школа въ Іерусалимѣ, имѣющая цѣлью насадить среди палестинскаго еврейства художественные промыслы: выдѣлка ковровъ, рѣзьба по дереву, гипсолитейное и каменотесное дѣло.

Для руководства всей многосложной работой въ Палестинѣ основанъ въ Берлинѣ спеціальный Палестинскій отдѣлъ; ему подчинено Палестинское управленіе, находящееся въ самой Палестинѣ, которое со временемъ превратится въ центральный органъ всей колонизаціонной дѣятельности.

Вся сіонистская работа подчинена, избранному конгрессомъ, т. н. малому исполнительному комитету.

Мало по малу назрѣла новая мысль—о необходимости приступить къ непосредственной аграрной колонизаціи въ Палестинѣ; и образованіи для

[1]) См. „Органы экономическаго возрожденія Палестины“. Вильна. 1908.

этой цѣли спеціальнаго аграрнаго фонда, который оказывалъ бы долгосрочный кредитъ евреямъ, способнымъ *собственными руками* обрабатывать землю.

Сущность этой мысли заключается въ томъ, что лишь возвратившееся къ землѣ еврейство можетъ создать почву для возрожденія Израиля; возвратъ же евреевъ къ землѣ можетъ совершаться лишь постепенно,—во-первыхъ потому, что евреи въ настоящее время мало приспособлены къ *земледѣлію*, а, во-вторыхъ, потому, что сіонисты обладаютъ слишкомъ малыми средствами.

Созданіе аграрнаго фонда въ 4—5 милліоновъ франковъ сдѣлаетъ возможнымъ постепенную колонизацію піонеровъ-земледѣльцевъ. Ихъ успѣхъ подниметъ среди евреевъ довѣріе къ палестинскому земледѣлію, докажетъ выгодность примѣненія капитала—еврейскаго и не-еврейскаго—для аграрной колонизаціи евреевъ въ Палестинѣ.

Идея о созданіи аграрнаго фонда составляетъ центральный пунктъ современной сіонистской мысли. Возникнувъ уже давно, она пріобрѣла новую силу подъ вліяніемъ послѣднихъ событій въ Турціи, создавшихъ увѣренность въ прочности палестинской работы и превратившихъ Турцію въ страну желанной еврейской иммиграціи.

Надо, однако, признать, что въ этой области сіонисты не могутъ претендовать на оригинальность: Еврейское колонизаціонное общество, извѣстное еврейское филантропическое учрежденіе, уже начало примѣнять эту систему колонизаціи еврейскихъ земледѣльцевъ (а не землевладѣльцевъ, какъ это дѣлалъ раньше баронъ Ротшильдъ), и сіонисты хотятъ расширить лишь то, что уже, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, успѣшно примѣняетъ названное общество.

Окинувъ взоромъ всѣ разнородныя проявленія сіонистской дѣятельности, невольно останавливаешься предъ огромностью предстоящей трудной работы и предъ успѣхами пройденнаго пути. Осуществленіе сіонизма требуетъ еще очень многаго: мало членовъ сіонистской организаціи, мало денегъ въ сіонистскихъ финансовыхъ институтахъ, мало евреевъ въ Палестинѣ (около 100.000), мало очень энергіи и рѣшимости въ стремленіи къ новой жизни. Тѣмъ не менѣе—успѣхи очень велики, если мы не забудемъ, что сіонизмъ представляетъ собою самое сложное національное движеніе, не имѣющее себѣ подобнаго ни въ современности, ни въ исторіи. Національныя движенія другихъ народовъ имѣютъ въ виду культурное и политическое возрожденіе; сіонизмъ, кромѣ того, еще и экономическое, что значительно осложняетъ его задачу. Другія національности могутъ соединять въ своемъ движеніи настоящее съ будущимъ на родной почвѣ; сіонизмъ долженъ начать эмиграціей въ обновленную страну. Наконецъ, ни одинъ народъ не подвергся столь сильному разложенію и вырожденію, какъ еврейскій: вѣка преслѣдованій и ненормальной

жизни атрофировали въ немъ, въ значительной степени, чувство національнаго достоинства и силу активной энергіи.

Принимая все это во вниманіе, можно сказать, что сіонизмъ среди массы препятствій за 11 лѣтъ своего существованія успѣлъ очень много. Онъ несомнѣнно разбудилъ еврейскую совѣсть, ту совѣсть, которая ведетъ къ самоутвержденію, къ самостоятельному творчеству, къ вѣрности своему національному генію; онъ возбудилъ еврейскую энергію; онъ положилъ основаніе процессу накопленія положительныхъ цѣнностей.

Д-ръ Д. Пасманикъ.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО.

Антропологія до сихъ поръ далеко не выяснила вопроса, что такое національность; болѣе того, самый вопросъ о томъ, существуетъ ли она, какъ реальное антропологическое явленіе, или же представленіе о національномъ типѣ есть не болѣе, чѣмъ одна изъ человѣческихъ иллюзій, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Никто не сомнѣвается, однако, что если не какъ антропологическій фактъ, то по крайней мѣрѣ какъ иллюзія, національность не только существуетъ, но имѣетъ могущественное вліяніе на умы человѣчества и является причиной многихъ и притомъ весьма важныхъ политическихъ событій; въ этомъ смыслѣ она—вполнѣ конкретный историческій фактъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ антропологическую сторону національнаго вопроса, попробуемъ разсмотрѣть его исключительно съ государственно-правовой точки зрѣнія, поставивъ его, слѣдовательно, такъ: какъ государство нормируетъ отношенія между отдѣльными національностями, живущими на его территоріи, чтобы избавить себя отъ той упорной и тяжелой, иногда кровавой борьбы, которую ведутъ національности почти во всѣхъ государствахъ съ пестрымъ въ этнографическомъ смыслѣ населеніемъ.

Не задаваясь, такимъ образомъ, задачею выяснить сущность національныхъ различій и дать точное опредѣленіе понятія національности, мы все же должны предварительно условиться относительно терминовъ. Несмотря на то, что термины: народъ, народность, нація, національность—являются терминами ходячими, они, тѣмъ не менѣе, не имѣютъ строго опредѣленнаго и общепринятаго смысла.

Словомъ „народъ“ переводятъ обыкновенно латинскій populus, французскій peuple, нѣмецкій Volk, англійскій people, тогда какъ „нація“ есть латинское слово (natio), совершенно одинаково пишущееся по нѣмецки, по французски и англійски (Nation). По нѣмецки словомъ народъ (Volk) обыкновенно обозначается совокупность гражданъ одного государства, такъ что выраженіе „нѣмецкій народъ“ покрываетъ обыкновенно и нѣмцевъ, и датчанъ, и поляковъ, поскольку они являются гражданами Германской имперіи, но не австрійскихъ, тѣмъ паче не швейцарскихъ нѣмцевъ; терминомъ же „нація“ обозначается обыкновенно совокупность людей, не организованныхъ въ единое государство, но связанныхъ единствомъ языка, единствомъ культуры, един-

ствомъ исторіи, или по крайней мѣрѣ, единымъ національнымъ сознаніемъ. Подъ польской національ, такимъ образомъ, разумѣются поляки, говорящіе по польски и чувствующіе себя именно поляками, безразлично, являются ли они гражданами Германской, Австрійской, Россійской имперіи, или даже Заатлантической республики.

Говоря иначе, „народъ“ есть терминъ государственнаго права, а „нація“—терминъ этнографическій, съ которымъ государственному праву приходится, однако, считаться. „Національность“ въ этомъ словоупотребленіи является терминомъ производнымъ отъ націи, для отвлеченнаго понятія, означающаго психологическую принадлежность отдѣльной ли человѣческой личности или цѣлой націи. Говорятъ: „этотъ человѣкъ отличается чертами своей національности“; „въ немъ говоритъ его національность“; „его національность сказалась въ этомъ его поступкѣ“. „Каждая народность (Volksstamm)—гласитъ § 19 австрійской конституціи—имѣетъ право охранять и развивать свою національность (Nationalität) и свой языкъ“.

По-французски и по-англійски термины „нація“ и „народъ“ употребляются обыкновенно какъ-разъ въ противоположномъ смыслѣ: выраженіе „французская нація“ обыкновенно означаетъ во Франціи совокупность гражданъ французской республики, а не совокупность людей, объединенныхъ общностью французскаго національнаго сознанія; по-французски говорится о договорахъ, соглашеніяхъ и войнахъ между „націями“, тогда какъ нѣмецкій языкъ предпочитаетъ въ этомъ случаѣ говорить о „народахъ“; въ самомъ наименованіи международнаго права (Völkerrecht) интернаціональнымъ правомъ (droit international) звучитъ отголосокъ именно такого употребленія термина „нація“.

Нѣмецкое употребленіе терминовъ несомнѣнно ближе къ первоначальному смыслу латинскихъ словъ и потому филологически правильнѣе; бѣда только въ томъ, что проводится оно далеко не послѣдовательно. Такъ, въ нѣмецкомъ текстѣ венгерскаго закона 1868 года о національностяхъ говорится, что „всѣ граждане Венгріи въ силу основныхъ принциповъ конституціи образуютъ недѣлимую, единую венгерскую націю (Nation), членомъ коей является каждый гражданинъ отечества, къ какой бы національности (Nationalität) онъ ни принадлежалъ“. Здѣсь терминъ „нація“ употребленъ такъ, какъ онъ обыкновенно употребляется по-французски, а вмѣсто термина „нація“ въ обычномъ нѣмецкомъ смыслѣ употребленъ отвлеченный терминъ „національность“, обыкновенно имѣющій на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько другое значеніе или, по крайней мѣрѣ, другой оттѣнокъ значенія [1]).

---

[1]) Вообще въ Венгріи, какъ въ законодательныхъ актахъ, такъ и въ обиходномъ разговорѣ, терминъ нація и національность понимается именно такъ, какъ онъ употребленъ въ приведенной статьѣ закóна, и это пониманіе отражается и въ официаль-

Русское словоупотребленіе отличается еще меньшею послѣдовательностью и точностью. Въ общемъ оно ближе къ нѣмецкому. Мы тоже охотнѣе говоримъ о „народѣ“ въ государственномъ смыслѣ, чѣмъ въ смыслѣ этнографическомъ; для насъ въ понятіе „русскій народъ“ можетъ войти и полякъ, и еврей, и украинецъ, тогда какъ говорить о „русской націи“ въ этомъ смыслѣ мы рѣшительно не въ состояніи. Мы говоримъ, что русскій народъ велъ войну съ японцами, не смущаясь тѣмъ, что въ рядахъ русскихъ войскъ были и поляки, и евреи; но рядомъ съ этимъ мы можемъ сказать, что въ Россіи живутъ разные народы: русскіе, поляки и т. д., хотя охотнѣе выразимся: „національности“ или „народности“. Слово „нація“ вообще звучитъ для насъ, какъ слово иностранное, недостаточно усвоенное рускимъ языкомъ, и до сихъ поръ ему чуждое. Вмѣсто него мы почти безразлично употребляемъ термины „національность“ и „народность“, причемъ придаемъ имъ не характеръ отвлеченно-психологическій или не только такой характеръ, а одновременно и характеръ этнографическій, обозначая ими совокупность людей, объединенныхъ общностью историческаго происхожденія, культуры, языка или, по крайней мѣрѣ, національнаго сознанія. Нѣкоторое различіе въ оттѣнкахъ между этими двумя терминами можно видѣть въ томъ, что терминъ „національность“ обозначаетъ единство національнаго самосознанія независимо отъ какихъ бы то ни было объективныхъ признаковъ, а терминъ „народность“ обозначаетъ совокупность людей, объединенныхъ именно таковыми объективными признаками: общностью языка или чего нибудь другого.

До сихъ поръ мы говорили о культурѣ и языкѣ съ одной стороны и національномъ самосознаніи съ другой, какъ о явленіяхъ совпадающихъ. Въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ. Національность создается цѣлымъ рядомъ признаковъ. Сюда входятъ общее происхожденіе, общая культура, общая исторія, создавшая историческія традиціи, единая территорія и иногда государственная организація; сюда входятъ далѣе религія, языкъ; но ни одинъ изъ этихъ моментовъ (даже помимо государственной организаціи, съ которой національность совпадаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ) не является безусловно обязательнымъ для созданія національности.

ныхъ и неофиціальныхъ нѣмецкихъ переводахъ венгерскихъ актовъ и книгъ. Въ этомъ словоупотребленіи вольно или невольно скрывается опредѣленная тенденція, или, по крайней мѣрѣ, опредѣленное политическое направленіе находитъ въ немъ очень удобную опору для себя. Опредѣляя теоретически „венгерскую націю“, какъ совокупность всѣхъ гражданъ венгерскаго королевства, тогда какъ обычное словоупотребленіе склонно называть венгерской націей именно мадьяръ, венгерскіе акты и политическ.е писатели противополагаютъ ей нѣмцевъ, румынъ, словаковъ, хорватовъ, евреевъ, какъ „національности“, живущія на территоріи Венгріи. При помощи такой передержки или подтасовки можно довольно легко приходить къ желательнымъ выводамъ.

Объективныхъ признаковъ для опредѣленія національности часто нѣтъ вовсе, и тогда для него приходится довольствоваться признакомъ чисто-субъективнымъ. Если человѣкъ считаетъ себя полякомъ, значитъ — онъ полякъ, хотя бы онъ не былъ католикомъ, хотя бы онъ былъ оторванъ отъ польской территоріи и хотя бы даже онъ забылъ свой языкъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ по большей части себя полякомъ считать не будетъ). Если человѣкъ, происходящій отъ польскихъ родителей, отказывается отъ наименованія поляка, то, хотя бы онъ былъ католикомъ, хотя бы онъ жилъ въ Польшѣ, его все же не слѣдуетъ признавать за поляка. Таковъ единственный раціональный принципъ, котораго слѣдовало бы держаться и при статистическихъ вычисленіяхъ національнаго состава даннаго государства, и при созданіи разныхъ культурныхъ учрежденій (школъ, академій и т. д.) для отдѣльныхъ національностей. Въ дѣйствительности, однако, въ большинствѣ случаевъ государства ищутъ признаковъ объективныхъ. Даже при статистическихъ опросахъ обыкновенно отсутствуетъ вопросъ о національности, который замѣняется вопросомъ о родномъ языкѣ или о языкѣ обиходномъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ приводитъ къ множеству статистическихъ недоразумѣній и часто лишаетъ статистика возможности правильно опредѣлить національный составъ населенія.

Именно національное сознаніе, исторически выросшее изъ многихъ элементовъ, но въ каждый данный моментъ не связанное обязательно съ какимъ бы то ни было изъ нихъ въ отдѣльности, именно оно лежитъ въ основѣ всѣхъ національныхъ притязаній, предъявляемыхъ національностями къ государству. Характеръ и объемъ этихъ притязаній весьма разнообразенъ [1]), но ихъ основа—національное сознаніе—остается одна и та же. Національное сознаніе заставляетъ польскихъ націоналистовъ стремиться, по крайней мѣрѣ, въ своихъ крайнихъ мечтаніяхъ, къ государственному возсозданію исторической Польши, не смущаясь тѣмъ, что историческая Польша включила бы въ свои границы значительное населеніе не-католическое и говорящее не по-польски; то же національное сознаніе, но склонившееся передъ неумолимыми требованіями дѣйствительности, въ томъ числѣ національное сознаніе польскаго пролетаріата, поскольку онъ представленъ польской партіей соціалистичной, а отчасти и польской соціалдемократіей, требуетъ по крайней мѣрѣ автономной Польши въ предѣлахъ десяти губерній Царства Польскаго.

Національное сознаніе чешскихъ націоналистовъ добивается чешскаго государственнаго права, сводящагося къ объединенію трехъ земель австрійской короны (Богеміи, Моравіи, Силезіи) въ одну государственную единицу, свя-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. выше, въ статьѣ Рудольфа Шпрингера. *Ред.*

занную съ остальной Австріей на началахъ реальной уніи или федераціи, внѣшнимъ символомъ чего должно служить коронованіе австрійскаго императора историческою чешскою короною св. Венцеслава; требуетъ оно этого тоже, нисколько не смущаясь тѣмъ, что въ объединенной такимъ образомъ Чехіи окажется весьма значительное не-чешское населеніе.

Національное сознаніе большинства негосударственныхъ національностей лежитъ въ основѣ стремленія къ образованію такового государства, суверенъ-наго или хотя бы несувереннаго, или въ крайнемъ случаѣ автономной провинціи. Стремясь обратить свою націю въ народъ, т. е. облечь ее въ государственную форму, національное сознаніе негосударственной національности *въ теоріи* признаетъ обыкновенно подобныя же стремленія и другихъ національностей и опирается на теорію національнаго государства.

„При современныхъ требованіяхъ, говоритъ сторонникъ этой теоріи А. Градовскій [1]), политическая власть должна быть органически связана съ народомъ [2]), который она представляетъ, и, наоборотъ, каждое національное общество, способное къ самостоятельной исторической жизни, имѣетъ право образовать свою политическую форму, согласно своимъ стремленіямъ и потребностямъ. Другими словами, національный принципъ отнынѣ формулированъ слѣдующимъ образомъ:

„Каждая народность, т. е. совокупность лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія, языка, цивилизаціи и историческаго прошлаго, имѣетъ право образовать особую политическую единицу, т. е. особое государство.

„Такова *политическая* основа національнаго вопроса въ современномъ смыслѣ этого слова. Новый принципъ, очевидно, былъ враждебенъ системѣ *искусственныхъ* государствъ, сложившихся въ прежнее время и организованныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, т. е. трактатами 1815 г.“.

„Мы говоримъ, говоритъ Градовскій далѣе [3]), что *по общему правилу* государство тогда только прочно, правильно обезпечено въ своемъ внутреннемъ развитіи, когда оно построено на основѣ народности и служитъ національнымъ цѣлямъ,—что искусственныя государства не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ потребностямъ народнаго развитія, что они не могутъ обезпечить коренныхъ условій гражданской свободы. Созданныя обыкновенно насиліемъ, они должны направить всѣ свои стредства на сохраненіе и поддержаніе своего искусственнаго единства. Они, въ силу вещей, должны бываютъ подавлять всякое свободное проявленіе жизни и даже мысли. Развитіе

---

[1]) А. Д. Градовскій. Собраніе сочиненій, Т. 6. Спб. 1901 г. Стр. 13—14.

[2]) Здѣсь слово „народъ“ употреблено, очевидно, вмѣсто „нація“ или „національность“.

[3]) Градовскій, ibid., стр. 27.

свободы кажется имъ опаснымъ потому, что оно можетъ напомнить насильственно сплоченнымъ народностямъ объ ихъ правахъ. Признаніе даже административнаго самоуправленія кажется невозможнымъ, потому что за нимъ можетъ явиться требованіе самостоятельности политической. Такія государства безпрерывно живутъ между страхомъ внутренней революціи и внѣшняго нападенія. Малѣйшее пробужденіе общественной жизни внутри кажется предвѣстникомъ грознаго переворота. Усиленіе сосѣда вызываетъ тревожныя опасенія. Правительство такого государства поставлено въ весьма фальшивое положеніе. Оно вѣчно должно питать подозрѣніе къ собственному обществу, зависть къ сосѣдямъ.

„Можетъ ли оно разрѣшить великія нравственныя и экономическія задачи, къ которымъ призвано государство?“

Итакъ, нація должна совпадать съ народомъ, всякая негосударственная нація естественно стремится стать государственной націей, создать для себя государственную форму; въ этомъ стремленіи сказывается здоровое чувство; наоборотъ, всякое государство должно стремиться стать національнымъ, всякое же ненаціональное государство по общему правилу есть государство искусственное, неудовлетворяющее своему естественному назначенію, держащееся на насиліи, и потому слабое, не прочное.

Такова націоналистическая теорія государственнаго права въ своей чистой и яркой формѣ, весьма популярная у сторонниковъ національныхъ притязаній негосударственныхъ національностей, но находящая своихъ адептовъ также среди національностей государственныхъ (особенно у венгерцевъ, у итальянцевъ; большую симпатію къ ней питали наши славянофилы, явственные отголоски ученія которыхъ слышатся у Градовскаго, несмотря на его постоянную полемику со славянофилами; она популярна также среди пангерманистовъ и т. д.). Правда, теоретики національностей государственныхъ обыкновенно тотчасъ же забываютъ о ней, какъ только приходится примѣнять ее къ національностямъ подчиненныхъ [1]), но смыслъ теоріи отъ этого не измѣняется.

На пути къ своему практическому осуществленію въ жизни націоналистическая теорія встрѣчала однако непреодолимыя препятствія. Государство тѣсно связано съ единствомъ территоріи; хотя государства безъ такового существуютъ и понынѣ (Баварія, Пруссія), а раньше существовали въ гораздо большемъ числѣ, но именно къ нимъ наименованіе ненормальныхъ, искусственныхъ можетъ

[1]) Такимъ же забвеніемъ своей собственной теоріи страдаетъ и Градовскій, когда ему приходится говорить о полякахъ, которыхъ, по его мнѣнію, „губитъ“ мечта о польскомъ государствѣ, вполнѣ оправдывающая „подозрительное отношеніе русскихъ къ каждому движенію на берегахъ Вислы“. Ibid, стр. 605.

быть приложено съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ къ государствамъ, населеннымъ разными національностями; если они могутъ сохраняться долгое время, то только либо при условіи полнѣйшаго деспотизма, когда государство является вотчиной правителей, совершенно не заинтересованныхъ интересами и чувствами подвластныхъ имъ народовъ [1]), либо когда на нихъ, какъ на государствахъ несуверенныхъ, не лежатъ важнѣйшія обязанности государства. Напротивъ, лишь весьма и весьма немногія современныя національности связаны съ опредѣленною округленною территоріею. Поэтому весьма нерѣдко національное стремленіе къ государственному бытію становится въ явное и рѣшительное противорѣчіе съ офиціально проповѣдуемою его собственными сторонниками національною теоріею государства; весьма нерѣдко оно заключаетъ въ себѣ элементы національнаго шовинизма, стремленіе къ подчиненію и подавленію чужихъ національностей, и не можетъ обойтись безъ нихъ въ силу непреодолимыхъ условій.

Таковъ почти всегда націонализмъ государственныхъ національностей; таковъ націонализмъ русской, или, точнѣе, великорусской національности въ Россіи, нѣмецкой въ Германіи и Австріи, венгерской въ Венгріи. Этотъ націонализмъ исходитъ изъ убѣжденія, что господствующая національность имѣетъ право на власть (конкретно это выражается въ стремленіи предоставлять мѣста на государственной и общественной службѣ преимущественно людямъ своей національности), что ея языкъ долженъ пользоваться всѣми преимуществами языка государственнаго и быть языкомъ суда, школы, общественныхъ учрежденій, арміи и т. д., а что всѣ остальныя національности подлежатъ насильственной руссификаціи въ Россіи, германизаціи въ Германіи и Австріи, мадьяризаціи въ Венгріи и т. д.

Если государственныя національности предъявляютъ такія притязанія совершенно открыто, обосновывая ихъ на фактѣ побѣды, мотивируя ихъ интересами государства, которое должно быть національнымъ, чтобы быть сильнымъ и прочнымъ, то ихъ же иногда предъявляютъ въ скрытой формѣ національности не государственныя, но стремящіяся и надѣющіяся стать таковыми. Идеаломъ чешскихъ націоналистовъ въ Австріи является образованіе чешскаго государства, въ которомъ по необходимости имѣлось бы весьма значительное число нѣмцевъ, (а также поляковъ и евреевъ), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы этотъ идеалъ осуществился, то въ этомъ государствѣ чехи явились бы національностью господствующей, ихъ языкъ былъ бы признанъ государственнымъ, и нѣмцы были бы сведены на то самое поло-

[1]) Прекрасный примѣръ этого: Австрія, соединенная въ 1714—1797 гг. т. е. въ теченіе почти всего XVIII вѣка съ территоріально отдѣленнымъ отъ нея Миланскимъ герцоргствомъ въ одно государство.

женіе, въ которомъ въ настоящее время оказываются въ Австріи чехи. Поляки въ Галиціи не создали особаго польскаго государства, хотя бы и не суверенаго; но они добились положенія господствующей націи, ихъ языкъ тамъ пользуется положеніемъ государственнаго, и это отражается на приниженномъ положеніи украинцевъ.

Такимъ образомъ, стремленіе національности къ государственному бытію далеко не всегда порождается только желаніемъ охранить свою національность отъ поглощенія другими; не рѣдко оно порождается не въ меньшей степени жаждой власти и господства, нерѣдко оно подразумѣваетъ подчиненіе какой нибудь другой національности. Поэтому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ борьба одной національности за государственное бытіе не вызываетъ протеста во имя такого же національнаго чувства, причемъ такой протестъ исходитъ не только отъ господствующей національности, противъ которой непосредственно направлена борьба, а также отъ другой тоже подавленной націи. Если итальянцы, боровшіеся за національно-государственное бытіе противъ Австріи и собственныхъ династій, вызывали среди широкихъ массъ всей Европы горячее сочувствіе, если почти такое же сочувствіе досталось на долю поляковъ, боровшихся (1863) за національное освобожденіе, то это сравнительно рѣдкія исключенія. Напротивъ, венгерцы, боровшіеся въ 1848–49 г. за свою національную свободу, встрѣтили сильное противодѣйствіе среди хорватовъ и не вызвали къ себѣ симпатіи со стороны другихъ столь же, какъ они сами, или даже болѣе подавленныхъ національностей Австріи. И это понятно: въ націоналистическихъ притязаніяхъ венгерскихъ революціонеровъ хорваты явственно слышали противопоставленіе негосударственныхъ національностей—государственной или долженствующей стать таковой мадьярской націи. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали это опасеніе. Точно также во имя національнаго объединенія Германіи принесены были въ жертву національныя чувства датчанъ и эльзасъ-лотарингцевъ.

Очевидная невозможность разрѣшенія національнаго вопроса посредствомъ образованія государствъ изъ всѣхъ нынѣ существующихъ націй, другими словами, посредствомъ обращенія всѣхъ націй въ народы, и вытекающая отсюда очевидная (при современныхъ условіяхъ) аристократичность этой идеи заставила искать другого разрѣшенія національнаго вопроса и привела къ совершенно иной постановкѣ его.

Вопросъ ставится въ большинствѣ случаевъ такъ.

Имѣется ли способъ, и если да, то въ чемъ онъ состоитъ, чтобы урегулировать взаимныя отношенія различныхъ національностей, живущихъ въ одномъ государствѣ?

Задача, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, чтобы найти условія мирнаго сожительства національностей, смѣшанныхъ на общей территоріи.

Какъ извѣстно, въ настоящее время эта задача не разрѣшена въ полномъ объемѣ нигдѣ, гдѣ только дѣйствительно существуютъ разныя національности. Она *кажется* разрѣшенной лишь въ такихъ странахъ, какъ Швейцарія и Бельгія. Въ дѣйствительности, однако, въ нихъ собственно говоря нѣтъ различныхъ національностей, противополагающихъ себя другъ другу и имѣющимъ различное національное сознаніе; поэтому въ нихъ нѣтъ національной борьбы, и, слѣдовательно, національный вопросъ не только не разрѣшенъ, но, въ сущности, даже и не поставленъ.

Объединенныя, а не разъединенныя общимъ *національнымъ* сознаніемъ, *народы* Швейцаріи и Бельгіи, говорящіе на разныхъ языкахъ, но чувствующіе свое культурное и политическое единство, не имѣютъ стремленія властвовать одинъ надъ другимъ и питаютъ самое полное уваженіе къ правамъ другъ друга.

Въ Швейцаріи, правда, раньше было нѣчто иное. Образованіе швейцарской національности есть дѣло сравнительно недавняго прошлаго. Въ XVIII вѣкѣ она только зарождалась и скорѣе предчувствовалась въ сочиненіяхъ такихъ патріотовъ единой Швейцаріи, какъ историкъ Іоганъ Мюллеръ, чѣмъ была на дѣлѣ; тогда жители каждаго кантона чувствовали себя самостоятельнымъ народомъ или націею [1]); то же самое національное самосознаніе сохранялось въ первой половинѣ XIX в., и только со времени конституціи 1848 года, положившей начало швейцарской федераціи, эта національная обособленность начала сглаживаться и уступать мѣсто обще-швейцарскому національному сознанію. Это стало возможно именно благодаря тому, что швейцарскія народности вступили въ союзъ на федеративныхъ началахъ, договариваясь другъ съ другомъ, какъ равныя, сохранивъ всѣ свои права. При такомъ процессѣ образованія швейцарской національности не было времени для возникновенія національнаго вопроса. Если въ Швейцаріи имѣется національность, не вполнѣ

---

[1]) „Gesch. der Republik Zürich“ Блунчли (1-й томъ вышелъ въ Цюрихѣ въ 1847 г.) предназначалась, какъ объясняетъ самъ авторъ въ предисловіи, „для цюрихскаго народа“. Въ различныхъ сочиненіяхъ по исторіи отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ мы постоянно встрѣчаемъ выраженіе „цюрихскій народъ“, „шафгаузенскій народъ“, „швицкій народъ“ и т. д.; при этомъ одинъ такой народъ противополагается другому не какъ государство только, а какъ опредѣленная культурная индивидуальность, имѣющая рѣзко выраженное національное самосознаніе. Совершенно то же самое имѣло мѣсто въ древней Греціи: несмотря на сознаніе расоваго и культурнаго единства всѣхъ эллиновъ, аѳиняне сознавали себя отдѣльной націей, со своими національными чертами, со своими собственными богами, и въ этомъ смыслѣ противополагали себя спартанцамъ или ѳиванцамъ; совершенно также, какъ въ израильскомъ народѣ во времена судей отдѣльныя колѣна имѣли каждое свое національное сознаніе.

слившаяся въ національномъ отношеніи съ остальными швейцарцами, то это романы, въ небольшомъ числѣ живущіе въ Граубюнденѣ; они говорятъ на особомъ романскомъ языкѣ (Romansch), не имѣющемъ ни въ Швейцаріи вообще, ни въ Граубюнденѣ въ частности, тѣхъ правъ, которыми пользуются остальные три языка страны.

Инымъ путемъ, но приблизительно къ тѣмъ же результатамъ пришла Бельгія. Экономическія причины заставили валлонцевъ и фламандцевъ почувствовать единство своихъ интересовъ и ихъ противоположность интересамъ фламандцевъ Голландіи. Такимъ образомъ, и тамъ не было времени для постановки національнаго вопроса, и на очередь былъ поставленъ (и довольно удачно разрѣшенъ) лишь вопросъ о равноправіи языковъ, вопросъ сравнительно легкій, когда онъ не осложненъ болѣе острымъ національнымъ вопросомъ.

Иногда указываютъ на Соед. Штаты, какъ на страну, гдѣ національный вопросъ разрѣшенъ; но это совершенно не вѣрно. Правда, многіе иммигранты изъ Европы по большей части чрезвычайно быстро ассимилируются съ американцами и обращаются въ настоящихъ янки, такъ что у нихъ не хватаетъ времени, чтобы достаточно рѣзко поставить свой національный вопросъ. Правда и то, что по отношенію къ иммигрантамъ изъ Азіи, китайцамъ и японцамъ, можно ставить вопросъ лишь объ отношеніи государства къ иностранцамъ, но ни въ коемъ случаѣ къ инородцамъ, т. е. не національный вопросъ въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ этого слова. Но таковой стоитъ въ Соед. Штатахъ въ формѣ вопроса негрскаго и индѣйскаго, и стоитъ въ весьма острой формѣ. Именно между неграми и индѣйцами съ одной стороны (въ особенностями первыми) и бѣлыми американцами, съ другой, существуетъ антагонизмъ, имѣющій всѣ признаки антагонизма національнаго: антагонизмъ, сказывающійся во всевозможныхъ стѣсненіяхъ, въ преслѣдованіяхъ, въ дикихъ проявленіяхъ суда Линча съ дикими его приговорами, произносимыми представителями одной національности (или скорѣе расы) надъ представителями другой.

Приблизительно такъ же дѣло обстоитъ вездѣ, гдѣ только на территоріи одного государства живутъ различныя націи.

Вездѣ ведется упорная борьба между господствующей и остальными національностями, и вездѣ стоитъ на очереди донынѣ еще окончательно не разрѣшенный вопросъ. Вездѣ господствующая національность стремится сохранить, укрѣпить или углубить свое господство, вездѣ остальныя національности ведутъ упорную борьбу за то, чтобы избавиться отъ лежащаго на нихъ гнета и добиться уравненія національностей или даже положенія господствующей — для себя. Взаимное недовѣріе и внутренняя борьба между подавленными національностями, вызываемая именно тѣмъ, что лишь находящіяся въ исключительныхъ условіяхъ національности мечтаютъ о полномъ

уравненіи, тогда какъ остальныя стремятся къ господству, является главнымъ препятствіемъ для ихъ побѣды; тѣмъ важнѣе хотя бы теоретическое разрѣшеніе вопроса о возможности дѣйствительнаго равенства и мирнаго сожительства національностей на одной территоріи.

Въ ряду другихъ принциповъ демократіи нашего времени имѣется идея національной равноправности, какъ политическая идея, которую демократическія партіи стремятся положить въ основу государственной политики по отношенію къ національностямъ. Эта идея выражена въ 19 ст. австрійскаго конституціоннаго закона 21 декабря 1867 г. „Объ общихъ правахъ гражданъ“. Вотъ эта статья:

„Всѣ народности государства равноправны и каждая народность (Volksstamm) имѣетъ неотъемлемое право охранять и развивать свою національность и свой языкъ. Равноправность всѣхъ нарѣчій, существующихъ въ странѣ, признается государствомъ въ школѣ, управленіи и общественной жизни. Въ земляхъ, гдѣ живетъ нѣсколько народностей, общественныя образовательныя учрежденія должны быть устроены, такимъ образомъ, чтобы каждая народность, не будучи принуждена изучать второй языкъ, могла получать необходимыя для обученія на своемъ языкѣ средства“.

Съ перваго взгляда на эту статью конституціи можно подумать, что національный вопросъ въ Австріи разрѣшенъ и что національная вражда не можетъ въ ней имѣть мѣста. Въ дѣйствительности, однако, при болѣе внимательномъ взглядѣ на эту статью и при изученіи ея въ свѣтѣ жизненной практики, дѣлается яснымъ, что она даетъ безграничный просторъ толкованію въ любомъ направленіи, не имѣетъ конкретнаго содержанія и потому вопроса вовсе не разрѣшаетъ [1]).

Еще общѣе и какъ будто еще справедливѣе выражена та же идея въ ст. 4 прусской конституціи. „Всѣ пруссаки равны передъ закономъ. Сословныя привилегіи отмѣняются. Публичныя должности при соблюденіи установленныхъ закономъ условій равно доступны для всѣхъ, способныхъ къ ихъ отправленію“. Такъ какъ слово „пруссаки“ употреблено здѣсь не въ національномъ, а въ государственномъ смыслѣ, такъ что подъ ними слѣдуетъ разумѣть и поляковъ, и датчанъ, то ясно, что по буквѣ конституціи ни о какомъ національномъ угнетеніи не можетъ быть и рѣчи. И, однако, несмотря на наличность этой статьи конституціи, на практикѣ оказывается возможнымъ внесеніе въ ландтагъ законопроекта о принудительномъ выкупѣ земель у польскихъ землевладѣльцевъ для усиленія нѣмецкой колонизаціи.

---

[1]) См. выше статью А. Фишеля „Нѣмцы“. *Ред.*

Въ февралѣ 1908 г. проектъ, принятый обѣими палатами ландтага, сталъ закономъ [1]).

Этотъ законъ—особенно яркое проявленіе національной борьбы и національнаго гнета, притомъ выразившагося не въ формѣ стѣсненія правъ языка или религіи; законъ этотъ питается грубо-эгоистическими матеріальными вожделѣніями небольшой кучки людей, прикрывающихъ ихъ борьбою за германизацію польскихъ областей. Мотивомъ къ этому закону откровенно выставляется стремленіе къ „усиленію нѣмецкаго элемента въ Познани и Зап. Пруссіи“ и желаніе распространить въ данной мѣстности нѣмецкій языкъ; однако, при опредѣленіи лицъ, имѣнія которыхъ подлежатъ принудительному выкупу, рѣшающимъ моментомъ служитъ не то, знаетъ или не знаетъ данное лицо польскій языкъ, а его польская національность, т. е. именно польское чувство и настроеніе, поскольку мѣстныя власти съумѣютъ о нихъ освѣдомиться. Такимъ образомъ, въ силу этого закона у поляка, который пріобрѣлъ себѣ землю въ Познани, отнимаютъ эту землю только потому, что онъ пруссакъ-полякъ, а не пруссакъ-нѣмецъ. Такой же характеръ имѣетъ школьный законъ 1886 г., въ мотивахъ къ которому прямо говорилось о необходимости назначать въ польскія общины учителей „съ опредѣленно нѣмецкимъ образомъ мыслей и чувствъ“. Ясно, что теоретическое признаніе въ законѣ или конституціи національнаго равенства не только не гарантируетъ такого равенства въ жизни, но можетъ уживаться съ совершенно откровенно выраженнымъ стремленіемъ къ полному уничтоженію всякой не государственной національности.

Если такое отношеніе къ національностямъ мыслимо тамъ, гдѣ конституція гарантируетъ равноправіе всякой человѣческой личности, то тѣмъ болѣе мыслимо оно тамъ, гдѣ нѣтъ конституціи, гдѣ человѣческая личность не имѣетъ даже въ теоріи неотъемлемыхъ правъ.

Какъ образецъ закона, ясно и откровенно выражающаго націоналистическое чувство господствующей національности, не желающей ничемъ дѣлиться съ подчиненной ей національностью, можетъ быть приведена ст. 464 русскаго Учрежденія Судебныхъ Установленій (Судебные Уставы 1864).

„464: Судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго судебнаго округа происходитъ на русскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Въ гминныхъ судахъ можетъ быть допускаемо употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ языка рус-

---

[1]) См. выше статью Ю. Мархлевскаго „Поляки въ Пруссіи. Ред.

скаго. Но и въ сихъ случаяхъ приговоры, рѣшенія, вообще всѣ акты, отъ суда исходящіе, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ“,

т. е. языкѣ, котораго не знаютъ стороны, и который часто плохо знакомъ даже судьямъ.

Это, очевидно, не путь къ разрѣшенію національнаго вопроса, даже не путь смягченія національной розни, а путь ея обостренія.

Совершенно иное отношеніе къ вопросу объ языкахъ мы видимъ въ Бельгіи.

Ст. 23-я конституціи гласитъ.

„Пользованіе языками, употребляемыми въ Бельгіи, факультативно: оно можетъ быть регулируемо только закономъ и исключительно для актовъ правительственной власти и для судебныхъ дѣлъ“.

Мы видѣли уже, что подобная статья конституціи можетъ прекрасно уживаться съ практикой самаго беззастѣнчиваго, самаго неприкрытаго человѣконенавистничества, и потому не можемъ удовлетвориться ею одною. Но именно въ Бельгіи, такъ же какъ въ Швейцаріи, мы безъ труда найдемъ доказательство того, что эта статья не есть пустой звукъ, какъ въ Австріи или Пруссіи.

Закономъ 17 августа 1873 г., однимъ изъ тѣхъ законовъ, которые были предусмотрѣны приведенною сейчасъ статьею 23 конституціи, было регулировано употребленіе языковъ въ судѣ.

Согласно съ этимъ закономъ въ мѣстностяхъ съ господствующимъ фламандскимъ населеніемъ, языкомъ суда признается фламандскій; но если подсудимый (въ уголовныхъ дѣлахъ) или отвѣтчикъ (въ гражданскихъ) требуетъ языка французскаго, то слѣдствіе и пренія ведутся по французски и приговоръ выносится по французски же. Но каждое участвующее въ дѣлѣ лицо (свидѣтель, истецъ, экспертъ и т. п.) можетъ говорить на любомъ языкѣ. Протоколъ ведется на обоихъ языкахъ, или, точнѣе, къ протоколу, какъ и ко всѣмъ документамъ, которыми пользуется судъ или которые исходятъ отъ суда, обязательно прилагается переводъ на другой языкъ, причемъ всѣ издержки по переводамъ возлагаются на казначейство. Всякое нарушеніе этихъ правилъ, всякое стѣсненіе правомъ пользованія любымъ языкомъ для кого бы то ни было изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ является вполнѣ достаточнымъ кассаціоннымъ поводомъ; но пользоваться имъ сторонамъ почти не приходится, такъ какъ случаевъ его нарушенія почти не бываетъ.

Закономъ 22 мая 1878 года нормировано употребленіе фламандскаго языка въ администраціи. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ всѣ обращенія власти къ гражданамъ должны дѣлаться на обоихъ языкахъ; должностныя лица обязаны сноситься съ коммунальными управленіями и частными лицами по фла-

мандски, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти управленія и лица сами желаютъ сношеній на языкѣ французскомъ. Напротивъ, въ округѣ (arrondissement) Брюссель (провинція Брабантъ) языкомъ сношеній признается французскій, если коммунальныя управленія или частныя лица не выразятъ желанія сноситься съ правительственными учрежденіями по фламандски [1]).

Изъ этого видно, что господствующимъ языкомъ, языкомъ учрежденій во фламандской Бельгіи признается фламандскій, но французскій языкъ пользуется защитой и соотвѣтствующими правами, какъ языкъ меньшинства. Напротивъ, въ валлонской Бельгіи господствуетъ языкъ французскій, а языкъ меньшинства (фламандскій) особой защитой закона не пользуется (за исключеніемъ Брюссельскаго округа). Тѣмъ не менѣе, фламандцы не жалуются на національное угнетеніе въ Намюрѣ или Ліежѣ, какъ валлонцамъ не приходится на него жаловаться въ Антверпенѣ. Это объясняется тѣмъ, что практика толкуетъ законы, касающіеся языковъ, расширительнымъ, а не ограничительнымъ образомъ, а это, въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что въ Бельгіи нѣтъ національнаго антагонизма, несмотря на разноязычность населенія.

Между тѣмъ, поводъ для такого антагонизма могъ бы легко найтись, если бы исторія не спаяла бельгійцевъ въ достаточно прочное государственное, пожалуй даже національное цѣлое, проведя въ то же время достаточно рѣзкую грань между соціальными классами, размежевавшимися главнымъ образомъ не по этнографическимъ границамъ. Дѣло въ томъ, что приведенные законы требуютъ, чтобы во фламандской Бельгіи съ Брюссельскимъ округомъ всѣ правительственныя учрежденія знали оба языка, а жизненная практика почти столь же настоятельно требуетъ того же и въ валлонской Бельгіи. Между тѣмъ, лица, для которыхъ родной языкъ—фламандскій, гораздо легче и охотнѣе изучаютъ языкъ французскій, сближающій ихъ съ великою культурой, чѣмъ наоборотъ; поэтому, по общему правилу, фламандцу въ Бельгіи нѣсколько легче добиться мѣста на государственной службѣ, чѣмъ валлонцу. Тѣмъ не менѣе, это различіе не настолько серьезно, чтобы можно было въ основу партійныхъ дѣленій положить національныя притязанія; поэтому-то націоналистическихъ партій въ Бельгіи нѣтъ.

Еще дальше проведенъ принципъ равноправія трехъ языковъ въ Швейцаріи. „Три главныхъ языка Швейцаріи, гласитъ 116 ст. швейцарской конституціи, суть національные языки Союза“. Всѣ законы, почти всѣ обращенія власти къ гражданамъ публикуются на трехъ языкахъ и всѣ три

---

[1]) Изложеніе этихъ законовъ см. въ Annuaire de législation étrangère, Paris 1873 и 1878 и у J. J. Thonissen, La constitution belge annotée, 3-me éd., Bruxelles 1879, стр. 102 и сл.

текста признаются одинаково офиціальными; если нѣкоторые второстепенные акты (напримѣръ, касающіеся желѣзнодорожнаго движенія) не публикуются по итальянски, то это только потому, что сами итальянцы, имѣющіе органъ для выраженія своихъ желаній въ лицѣ правительства Тессинскаго кантона, не предъявляютъ соотвѣтственнаго требованія. Въ федеральномъ собраніи ораторы говорятъ на любомъ языкѣ, и всѣ рѣчи стенографируются и офиціально печатаются, на какомъ бы изъ трехъ языковъ онѣ ни были сказаны. Федеральныя власти сносятся съ кантональными и общинными учрежденіями и частными лицами на ихъ языкѣ. Для того, чтобы эта задача была осуществима, наблюдается, чтобы въ каждомъ правительственномъ учрежденіи были представлены всѣ три національные языка: для суда это предписано конституціей (ст. 107), для другихъ учрежденій—либо отдѣльными законами, либо требованіями самой жизни и общимъ стремленіемъ не создавать національнаго вопроса [1]).

Такимъ путемъ разрѣшается вопросъ о языкахъ въ наиболѣе свободныхъ и прогрессивныхъ (въ этомъ отношеніи) государствахъ. Но разрѣшеніе его здѣсь сравнительно просто, такъ какъ рядомъ съ нимъ тутъ вовсе не поставленъ національный вопросъ во всемъ его грозномъ объемѣ.

Вся задача тутъ сводится лишь къ тому, чтобы примирить интересы различныхъ людей, говорящихъ на различныхъ языкахъ, а не къ тому, чтобы удовлетворить противоположныя притязанія, примирить противоположные интересы различныхъ національностей. Тамъ, гдѣ существуетъ нація, какъ совокупность людей, объединенныхъ общностью національнаго самосознанія, и выражающихъ притязанія на признаніи за ними именно правъ отдѣльной національности, тамъ она не можетъ удовлетвориться такою жалкою подачкою, какъ возможность подавать прошеніе въ судъ на своемъ языкѣ. Она неизбѣжно будетъ требовать участія въ государственной власти, именно, какъ таковая; она будетъ требовать права вліять на организацію школы и характеръ преподаванія въ ней въ своемъ національномъ духѣ, и т. д.

Нужно сознаться, что такъ поставленный вопросъ не только не разрѣшенъ еще нигдѣ дѣйствующимъ государственнымъ правомъ, но даже программами наиболѣе заинтересованныхъ въ его разрѣшеніи политическихъ, хотя бы и національныхъ партій, слѣдовательно, даже въ теоріи разрѣшеніе далеко не вполнѣ удовлетворительно.

Большинство націоналистическихъ партій выдвигаетъ впередъ интересы своей національности, причемъ разрѣшаетъ ихъ при помощи территоріальной

---

[1]) W. Burckhardt, Kommentar zur Schweizerischen Bundes-Verfassung vom 29. Mai 1874, Bern. 1905. Стр. 820, 870 и сл.

автономіи, другими словами, стремясь къ тому, чтобы придать своей національности государственный характеръ. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда національность вполнѣ совпадаетъ съ территоріей, вопросъ этимъ для нея и рѣшается; но онъ совершенно не рѣшается ни для меньшинства иной національности, живущей на той же территоріи, ни для той же національности, имѣющей свои экстерриторіальныя части.

Для нихъ онъ разрѣшается только болѣе радикальнымъ способомъ: посредствомъ признанія за каждой національностью, какъ таковою, права и возможности вѣдать свои собственныя національныя дѣла, слѣдовательно, *національнымъ* самоуправленіемъ и федераціею *національностей*.

В. Водовозовъ.

НАЦІОНАЛЬНОСТЬ И ПРОЛЕТАРІАТЪ.

Національное движеніе и національныя соціалистическія партіи въ Россіи.

I.

Рабочее движеніе не является на свѣтъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Лишь въ медленномъ процессѣ творчества оно выростаетъ въ ярко очерченную индивидуальность. Оно выходитъ изъ нѣдръ буржуазнаго общества, сплошь да рядомъ покрытое шлаками—наслѣдіемъ этого общества. Постепенно очищается, ищетъ путей, и въ процессѣ исканія создаетъ партіи—соціалистическія партіи.

Соціалистическія партіи—это еще не рабочее движеніе. Не всегда даже это часть рабочаго движенія. Не всегда онѣ этапы на его пути; иной разъ—блуждающіе огоньки въ сторонѣ отъ дороги. Иной разъ—это щупальцы, которыя выдвинула изъ своей среды партія имущихъ людей, ищущая опоры въ средѣ рабочихъ и съ этой цѣлью вправляющая въ свой политическій фонарь красноватое стекло; развѣдчики и вербовщики, высланные ею въ рабочіе кварталы. Иной разъ—это помѣсь рабочихъ слоевъ съ значительными массами интеллигенціи, слетѣвшейся со всѣхъ сторонъ на огонекъ вновь народившейся силы,—интеллигенціи, принесшей съ собой свои традиціи, симпатіи, капризы и предразсудки.

Это пестрая лѣстница различныхъ политическихъ формацій, начиная отъ однихъ—съ еле замѣтнымъ соціалистическимъ налетомъ,—и кончая другими, дозрѣвшими до состоянія дѣйствительно рабочихъ партій съ ясно и четко очерченной классовой физіономіей.

И если эта пестрота наблюдается во всемъ обликѣ партіи, то въ особенно сильной степени сказывается она въ области интересующаго насъ вопроса.

Быть можетъ ни одинъ другой вопросъ (не считая аграрнаго) не находится въ такой мѣрѣ въ сферѣ исканій, какъ вопросъ національный. Дѣло идетъ не о чемъ иномъ, какъ о включеніи національной проблемы въ общую систему соціалистическаго міросозерцанія въ видѣ органической составной части его. Надо пригнать это отдѣльное звено къ общей цѣпи; такъ, чтобы не страдало звено и не нарушалась стройность цѣлаго. Это трудно, и сплошь да рядомъ ущербъ терпитъ либо цѣпь, либо ея новое звено.

Этотъ процессъ совершался и совершается понынѣ въ различныхъ формахъ. Въ зависимости отъ того, въ какой обстановкѣ складывалась данная партія. Каковы внѣшнія условія, въ которыхъ находится та нація, въ средѣ которой она дѣйствуетъ, каково внутреннее соотношеніе силъ въ предѣлахъ данной націи, и каковъ, наконецъ, тотъ моментъ, въ который зародилась и оформилась интересующая насъ партія.

Мы уже говорили о томъ, что соціалистическія партіи сплошь да рядомъ зарождаются въ ближайшемъ контактѣ съ иными, не соціалистическими теченіями и въ числѣ своихъ приверженцевъ насчитываютъ немалое количество лицъ, продѣлавшихъ свою предшествующую эволюцію въ рядахъ буржуазныхъ организацій и принадлежащихъ по своему соціальному положенію къ интеллигентскимъ и мелко-буржуазнымъ слоямъ. И это обстоятельство накладываетъ яркій отпечатокъ какъ на весь ихъ обликъ, такъ и въ особенности на національную политику этихъ партій. Выступая на политическую арену, они уже находятъ національную проблему. Поставлена она не ими, но наслѣдство ложится на ихъ плечи. И они оказываются у него въ плѣну. У большинства угнетенныхъ націй соціалистическому движенію по времени предшествуетъ буржуазно-національное движеніе, въ формѣ ли политическаго творчества, въ формѣ ли культурной обще-національной работы, въ которой наряду съ радикальными и просто-прогрессивными элементами участвуютъ и будущіе работники соціализма. Ко времени выступленія соціализма опредѣленныя націоналистическія настроенія уже успѣваютъ сложиться и наложить отпечатокъ на всю общественную атмосферу. Мы видимъ это у поляковъ, гдѣ національныя традиціи несравненно старше соціалистическихъ и гдѣ, ко времени выступленія пролетаріата, непролетарскіе слои уже имѣли за собой историческое прошлое. То же у литовцевъ, гдѣ политическому движенію рабочихъ предшествовала интенсивная культурная борьба, исходившая отъ нѣкоторыхъ слоевъ интеллигенціи и крестьянства. То же у армянъ, то же у украинцевъ. Въ чѣмъ большей мѣрѣ успѣваютъ окрѣпнуть и сложиться ко времени появленія соціализма эти интеллигентскія и мелко-буржуазныя теченія, чѣмъ болѣе яркій слѣдъ они успѣваютъ оставить во всемъ духовномъ укладѣ прогрессивнаго общества, тѣмъ въ большей мѣрѣ опредѣляютъ они и идейный строй молодыхъ соціалистическихъ партій.

И происходитъ это въ двухъ направленіяхъ. Либо идейное наслѣдство буржуазнаго радикализма или культурничества широкой струей вливается въ молодую соціалистическую партію, и она съ готовностью воспринимаетъ это наслѣдство въ большемъ или меньшемъ объемѣ. Либо, наоборотъ, новая партія стремится сознательно отгородить себя отъ этого; и чѣмъ сильнѣе бываетъ вліяніе старыхъ традицій, тѣмъ сильнѣе отпоръ, самозащита, и тѣмъ больше опасность— впасть въ противоположную крайность и вмѣстѣ съ буржуазнымъ отвѣтомъ на національный вопросъ выбросить за бортъ и самое проблему.

Каково же это наслѣдство? Движеніе мелко-буржуазныхъ и радикальныхъ элементовъ въ средѣ угнетенныхъ націй является—за немногими исключеніями—націоналистическимъ par excellence. Національный гнетъ вообще вызываетъ рано или поздно повышенную національную возбудимость, болѣзнен-

ное развитіе національнаго чувства. И если у иныхъ классовъ эта гипертрофія національнаго чувства въ большей или меньшей мѣрѣ парализуется ярко выраженными соціальными стремленіями, то въ мелко-буржуазныхъ (отчасти и въ интеллигентскихъ) кругахъ именно въ силу безнадежности ихъ соціальныхъ мечтаній и шаткости ихъ соціальнаго положенія, націоналистическія настроенія принимаютъ особенно острую всеохватывающую форму. Національный моментъ оттѣсняетъ на задній планъ все остальное. Національная идея становится высшимъ регулятивомъ. Національная борьба принимаетъ характеръ самоцѣли.

И вотъ поскольку та или иная соціалистическая партія складывается въ интимномъ контактѣ съ подобными настроеніями, въ обстановкѣ, обильно насыщенной подобными элементами, эта гипертрофія національнаго чувства становится ея отличительной чертой. Конечно, не въ столь острой формѣ, какъ это мы встрѣчаемъ у буржуазныхъ партій.

Идейная работа подобнаго рода соціалистическихъ партій полна конфликтовъ между классовымъ содержаніемъ ихъ агитаціи и націоналистическими мотивами, рѣзко врывающимися въ эту агитацію. Получается нѣчто смѣшанное и пестрое. Проповѣдь классовой борьбы и подчеркиваніе общенаціональныхъ задачъ и общенаціональной работы, пропаганда пролетарской солидарности и явственныя шовинистическія нотки, все это вноситъ путаницу и хаосъ и подготовляетъ почву для „паденій“ въ области практической политики.

Въ общемъ перечнѣ соціалистическихъ партій Россіи, этотъ типъ — наиболѣе эклектическій и по своему идейному облику, и по своему личному составу—мы встрѣчаемъ его почти сплошь въ средѣ той плеяды національныхъ партій, группъ и группокъ, которыя такъ или иначе (идейно или организаціонно) примыкаютъ или тяготѣютъ къ с. р-амъ. Эта категорія партій, чуждая марксистскаго „ригоризма“ и настроенная болѣе широко и хлѣбосольно ко всякаго рода идейнымъ ересямъ, естественно открываетъ болѣе свободный доступъ и элементамъ націонализма. Иной разъ эта „терпимость“ опредѣляется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что данная партія являлась на первыхъ порахъ организаціей буржуазно-радикальнаго характера и лишь впослѣдствіи стала принимать нѣкоторую соціалистическую окраску. Таковы, напримѣръ, армянскіе дрошакисты. Само собой понятно, что о выдержанномъ взглядѣ на національный вопросъ, покоящемся на строгой классовой концепціи, у такихъ партій не можетъ быть и рѣчи, и классовые элементы едва просвѣчиваютъ изъ подъ густого слоя націоналистическихъ и просто шовинистическихъ фразъ.

Этой группѣ партій естественно противопоставляется соціалдемократія. Мы не желали бы, однако, противопоставлять ее огульно, столь же огульно

идеализируя ея позиціи. Если партіи перваго типа зарождались въ средѣ съ опредѣленными національными настроеніями и подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ ихъ, то и соціалдемократическія организаціи зарождались не въ безвоздушномъ пространствѣ и отнюдь не замыкались (фактически!) рамками одной лишь рабочей среды. И въ ихъ рядахъ нашли себѣ мѣсто съ первыхъ же шаговъ обильные интеллигентскіе элементы, и на первыхъ порахъ своего развитія соціалдемократія нерѣдко носитъ на себѣ яркій отпечатокъ преобладанія (не численнаго, но идейнаго) этихъ интеллигентскихъ слоевъ.

Но если въ партіяхъ перваго типа не-пролетарскіе элементы являлись носителями расплывчатаго соціализма и націоналистическихъ мечтаній, то въ ряды соціалдемократіи шла интеллигенція совершенно иного уклада: то была носительница строгаго марксизма, порой утрированно-строгаго въ своей ригористичности; и въ этой утрировкѣ и связанной съ нею сектантской исключительности явственно сказывалась политическая незрѣлость и кружковщина. Въ сущности оба эти явленія — и „широкій“ размахъ соціалистическихъ націоналистовъ и узкая „нетерпимость“ соціалдемократическихъ догматиковъ, оба отражаютъ на себѣ тогдашнюю слабость рабочаго движенія и сравнительную силу непролетарскихъ идейныхъ вліяній. Разница между двумя этими типами въ томъ, что первый капитулировалъ предъ буржуазными настроеніями, второй же отмежевывался отъ нихъ съ такой непомѣрной страстностью, что вмѣстѣ съ буржуазнымъ хламомъ оставлялъ по ту сторону межи много цѣннаго и необходимаго; и вмѣсто расплывчатаго націонализма получалъ въ наслѣдство столь же несостоятельныя космополитическія настроенія.

„Я знаю только двѣ націи—націю эксплуататоровъ и націю эксплуатируемыхъ“ — это классическое изреченіе одного изъ персонажей русской беллетристики производитъ впечатлѣніе шаржа, но по отношенію къ недавнему еще прошлому это далеко не шаржъ. Это довольно точная формулировка настроенія незрѣлыхъ элементовъ въ марксизмѣ. Люди боялись — и въ этомъ они были конечно правы—перенять буржуазную постановку національнаго вопроса. Но отбрасывая ложную постановку, они, отъ излишней старательности, отбрасывали и самый вопросъ и на его мѣстѣ оставляли пустое мѣсто. Вмѣстѣ съ водой выплескивали изъ ванны и ребенка.

Это дѣтская болѣзнь многихъ соціалдемократическихъ группъ. Въ ярковыраженной формѣ ее трудно найти въ настоящій моментъ. Но отзвуки ея до сихъ поръ еще даютъ себя знать.

Съ этимъ типомъ— мы бы его назвали анти-національнымъ—граничитъ еще и другой типъ—анаціональный. Онъ тоже отражаетъ на себѣ незрѣлое состояніе партіи. Но онъ не является, подобно предыдущему типу, убѣжденнымъ противникомъ національной идеи; онъ по-просту игнорируетъ ее, безъ

своей воли. Національный вопросъ еще не вошелъ въ поле зрѣнія молодой рабочей партіи. Рабочей организаціи, выступающей на арену политической жизни, приходится заново создавать себѣ весь политическій арсеналъ, заново переоцѣнивать всѣ традиціонныя политическія цѣнности. И поскольку мы имѣемъ дѣло съ группой, зарождающейся не въ смѣшанной средѣ мѣщанскаго радикализма и интеллигентной богемы, а складывающейся сразу же, какъ рабочая группа, рѣзко отмежеванной отъ прочаго политическаго міра, постольку вполнѣ естественно, что мысль піонеровъ прежде всего обращается къ вопросамъ чисто соціальнаго характера, къ теоріи и практикѣ классовой борьбы въ наиболѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Ибо здѣсь, въ этихъ вопросахъ, имъ приходится искать того позвоночника, вокругъ котораго въ послѣднемъ счетѣ и строится все движеніе. Немудрено далѣе, что вслѣдъ за этими общесоціальными проблемами выдвигаются на очередь и проблемы обще-государственныя,—въ которыхъ опять-таки рѣзче и яснѣе сказывается классовый моментъ,—и что лишь насыщенная этими двумя элементами партійная атмосфера способна породить интересъ къ національной идеѣ.

Съ этимъ связывается кромѣ того и нѣкоторое не то скептическое, не то брезгливое отношеніе къ національной проблемѣ. Представляется, что заинтересована въ ея рѣшеніи одна лишь буржуазія, что рабочій, этотъ пасынокъ современнаго государства и современной цивилизаціи все равно не сможетъ воспользоваться плодами національной побѣды. Онъ обойденъ теперь, онъ будетъ обойденъ и впредь; зачѣмъ же ему вмѣшиваться въ эту чуждую для него распрю имущихъ людей?.. Это настроеніе національнаго абсентеизма падаетъ, конечно, по мѣрѣ созрѣванія и роста партіи, но держится подчасъ съ большимъ упорствомъ.

Всѣ эти три типа, само собою понятно, отнюдь не представляютъ собою застывшихъ схемъ. Это скорѣе отдѣльные моменты въ исторіи развитія рабочаго движенія. И существуетъ четвертый типъ, къ которому объективно тяготѣютъ всѣ остальные,—поскольку въ нихъ имѣется здоровое зерно, изъ котораго способна развиться выдержанная и широкая соціалистическая партія. Они подходятъ къ нему иногда вплотную, иногда лишь обнаруживая эволюцію по направленію къ нему, иногда претворяясь въ него всецѣло.

Этотъ четвертый типъ гармонически сочетаетъ борьбу за національное освобожденіе съ высшимъ критеріемъ классовой борьбы пролетаріата. Этотъ типъ—мы встрѣтимся еще ниже какъ съ нимъ, такъ и съ другими—характеризуетъ собою зрѣлое состояніе рабочей партіи и притомъ партіи соціалдемократической. И поскольку въ направленіи къ нему эволюціонируютъ иныя партіи, стоящія внѣ соціалдемократіи, эта эволюція ихъ въ частномъ—національ-

нальномъ—вопросѣ неизмѣнно связывается съ общей эволюціей: въ направленіи къ соціалдемократической политикѣ и марксистскому міровоззрѣнію.

Каковы же тѣ силы, подъ вліяніемъ которыхъ мѣняется позиція соціалистическихъ партій въ національномъ вопросѣ?

Несомнѣнно, что немалую роль играетъ въ этомъ взаимодѣйствіе партій. Несомнѣнно, что даже буржуазныя партіи въ этомъ отношеніи оказываютъ подчасъ замѣтное вліяніе на рабочихъ. Особенно въ томъ процессѣ, который ведетъ отъ анти-національныхъ къ національнымъ настроеніямъ. И это вполнѣ понятно: ибо, если естественно, что для рабочей партіи первыми по времени и по степени интереса становятся вопросы соціальные, то для буржуазіи (угнетенной націи) несравненно раньше выдвигается національная проблема—эта наиболѣе удобная для нея оболочка, въ которую она окутываетъ свои классовые интересы. Въ постановкѣ національнаго вопроса буржуазія обгоняетъ рабочихъ (конечно, лишь по времени, отнюдь не по доброкачественности рѣшенія), и разъ поставивъ вопросъ, она бросаетъ лозунги въ массы, она заставляетъ своихъ противниковъ отнестись къ нимъ критически и переоцѣнить съ соціалистической точки зрѣнія тѣ идейныя цѣнности буржуазнаго націонализма, которыя она пустила въ обращеніе.

Но если мы и упомянули объ этомъ воздѣйствіи, то мы безконечно далеки отъ того, чтобы видѣть въ немъ главную движущую силу. Какъ разъ напротивъ. Основной факторъ нужно видѣть не внѣ, а внутри рабочаго движенія. Мы указывали уже выше, что въ однихъ партіяхъ причиной ихъ идейныхъ уклоненій является сравнительная слабость рабочихъ элементовъ по сравненію съ не-рабочими; въ иныхъ партіяхъ ту же роль играетъ кружковщина, замкнутость и естественно связывающееся съ этимъ сектантство; въ третьихъ, наконецъ, скудость и узость движенія, сжимающая кругозоръ, затирающая широкіе вопросы. Во всѣхъ этихъ случаяхъ есть нѣчто общее—слабость и неразвитость рабочаго движенія. И единственной терапіей, которую сама жизнь выдвигаетъ противъ всѣхъ этихъ недуговъ, является ростъ массоваго движенія. Принимая участіе въ политической борьбѣ и культурной работѣ, пролетаріатъ данной націи волей-неволей выступаетъ не только какъ членъ опредѣленнаго класса, но и какъ членъ опредѣленной націи; волей-неволей онъ накладываетъ на свою партію національный отпечатокъ, волей-неволей становится огромнымъ факторомъ національной жизни. И дѣлая это объективно, не можетъ не придти въ концѣ концовъ къ тому, чтобы сознать это и поставить себѣ субъективно національныя задачи. По мѣрѣ того, какъ онъ пробуждается къ сознательной жизни, растетъ сумма его запросовъ, охватывая всѣ стороны жизни,—стало-быть и національную проблему. А съ другой стороны, чѣмъ болѣе ростутъ размѣры, вліяніе, сила партіи, тѣмъ

невозможнѣе становится для нея уклоняться отъ отвѣта на какіе бы то ни было вопросы, выдвигаемые жизнью опредѣленной общественной среды. И національный вопросъ, столь болѣзненный и жгучій, менѣе всего терпитъ уклоненіе отъ отвѣта; безнаказанно оно никогда не проходитъ. Положеніе обязываетъ; и та роскошь безразличія, которую можетъ себѣ позволить кружокъ пропагандистовъ, становится невозможной для массовой рабочей партіи,—партіи политическаго дѣйствія.

И если такимъ образомъ ростъ партіи излѣчиваетъ болѣзнь національнаго индифферентизма, то столь же цѣлебное дѣйствіе оказывается и на обратный недугъ—національстическую гипертрофію. Онъ дезинфицируетъ. Онъ разгоняетъ гипнозъ національстической фразы. Онъ заставляетъ подчинить національную программу классовому критерію.

Классовой инстинктъ очищаетъ и отрезвляетъ партію. И онъ гонитъ ее туда же, куда ведетъ ее строгая и холодная теоретическая мысль.

II.

Если *постановка* національной проблемы обусловливается по преимуществу *внутренними* общественными отношеніями въ средѣ данной націи, характеромъ данной партіи, ея отношеніемъ къ рабочей массѣ и къ другимъ партіямъ, то самое *рѣшеніе* проблемы опредѣляется, если не всецѣло, то все же въ очень значительной мѣрѣ, тѣмъ *внѣшнимъ* положеніемъ, которое данная нація занимаетъ въ государственной средѣ. Это не значитъ, конечно, что въ рядахъ одной и той же націи не существуетъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ національныхъ программъ, рѣзко разнящихся одна отъ другой. Но внѣшнее положеніе накладываетъ очень характерный отпечатокъ.

Въ пестрой коллекціи національныхъ программъ можно намѣтить цѣлую скàлу національно-политическихъ постулатовъ. Полная государственная независимость, федерація, территоріальная автономія, наконецъ персональная-экстерриторіальная автономія. Это не считая отдѣльныхъ поправокъ и пунктовъ компромисснаго характера.

Впрочемъ, постулатъ государственной независимости въ настоящій моментъ не выдвигается никѣмъ (кромѣ лишь одной такъ называемой „революціонной фракціи“ П. П. С., отживающаго обломка расколовшейся партіи); остальныя же программы мы можемъ раздѣлить, по нѣсколько упрощенной схемѣ, на два основные типа: территоріальный и экстерриторіальный.

Территоріальное рѣшеніе національнаго вопроса—это старая и глубоко коренящаяся традиція. Это наслѣдіе тѣхъ временъ, когда національная про-

блема подвергалась разработкѣ исключительно со стороны буржуазныхъ и, если идти дальше, феодальныхъ элементовъ. Здѣсь не мѣсто подвергать его подробному анализу.

Сущность его заключается въ томъ, что вопросъ о національности отождествляется съ вопросомъ о территоріи. На мѣсто живого національнаго организма ставится географическая единица. На мѣсто поляковъ—Польша, литовцевъ—Литва, украинцевъ—Украйна. И такъ далѣе. Игнорируется то обстоятельство, что эти двѣ вещи (сумма членовъ данной *націи* и населеніе данной *территоріи*) отнюдь не совпадаютъ, подчасъ рѣзко расходятся; что не менѣе милліона поляковъ живетъ за предѣлами географической Польши, что въ границахъ Литвы рядомъ съ литовцами живутъ милліонныя массы евреевъ и бѣлоруссовъ и т. д., и т. д.

Забываютъ—или не знаютъ—что процессъ этнографической перетасовки идетъ, все ускоряясь и усиливаясь, параллельно тому, какъ возрастаетъ и усиливается капиталистическая мобилизація населенія вообще; и что однородный національный составъ населенія той или иной территоріи все болѣе начинаетъ становиться исключеніемъ изъ общаго правила.

Мы вернемся еще ниже къ сравнительной характеристикѣ территоріальнаго и экстерриторіальнаго принципа. Совершенно естественно, что территоріализмъ держится съ тѣмъ большей силой, чѣмъ въ большей степени удержалась еще географическая концентрація данной народности. И обратно, чѣмъ больше подвергалась данная нація мобилизующему вліянію капитализма, тѣмъ сильнѣе подрыта въ ея средѣ территоріалистская традиція, тѣмъ благопріятнѣе почва для усвоенія новой идеи. Польская нація, напримѣръ, является сравнительно сильно консолидированной въ смыслѣ географическаго разселенія; большинство—и очень крупное большинство—націи живетъ „у себя дома“; здѣсь на „своей“ территоріи поляки опять-таки образуютъ большинство населенія, играютъ роль господствующей націи; въ широкихъ кругахъ общества еще живы воспоминанія о государственной самостоятельности—а государственная самостоятельность уже конечно связана съ „землей“. Естественно, что идея территоріализма держится здѣсь съ величайшимъ упорствомъ.

Упорство это не есть еще доказательство правоты; и не такъ уже трудно было бы показать, что приведенныя выше обстоятельства, объясняющія это упорство, именно только *объясняютъ* его, въ его каузальной зависимости, но отнюдь не *оправдываютъ*...

Если взять, далѣе, литовцевъ. Здѣсь уже встрѣчается нѣкоторое,—правда, пока еще очень мало ощутительное,—колебаніе. И это нетрудно понять, если принять во вниманіе ту бьющую въ глаза пестроту этнографи-

ческой среды, которая такъ характерна для современной Литвы. Впрочемъ, по сравненію съ той убѣдительностью, съ какой объективное положеніе дѣлъ въ Литвѣ прямо-таки навязываетъ экстерриторіальное рѣшеніе вопроса, тѣ робкія оговорки, которыя можно—съ нѣкоторымъ трудомъ—найти въ литературѣ литовскихъ соціалистовъ, болѣе чѣмъ слабы. Мы познакомимся съ ними ниже.

Въ еще менѣе выгодной позиціи—съ точки зрѣнія территоріалиста—находятся армяне; ибо они въ весьма значительной своей части образуютъ національное меньшинство въ обитаемыхъ ими областяхъ. Неудивительно, что здѣсь экстерриторіальный принципъ накладываетъ явственный отпечатокъ на ихъ національно-политическія требованія.

Существуетъ, наконецъ, нація, по существу своему спеціально приспособленная для усвоенія идеи экстерриторіальности. И это по той простой причинѣ, что у нея вообще нѣтъ своей территоріи. Я имѣю въ виду, конечно, евреевъ. И дѣйствительно въ ихъ средѣ эта идея пользуется наиболѣе широкой распространенностью и лежитъ въ основѣ національныхъ программъ всѣхъ почти партій. Первая экстерриторіальная программа въ Россіи была выдвинута еврейской соціалдемократіей—Бундомъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы обратимся къ разсмотрѣнію—съ интересующей насъ точки зрѣнія—соціалистическихъ партій въ средѣ отдѣльныхъ національностей Россіи. Намъ не удастся исчерпать всѣ національности, и мы ограничиваемся пятью наиболѣе интересными въ данномъ отношеніи: польской, литовской, еврейской, украинской и армянской.

Чрезвычайно характерна исторія польскаго соціалистическаго движенія. Наиболѣе ранняя эпоха его организованныхъ проявленій связывается съ именемъ партіи „Пролетаріатъ“—этой первой соціалистической организаціи въ Польшѣ, развернувшей свою дѣятельность въ первой половинѣ 80-ыхъ годовъ прошлаго вѣка. Это движеніе такъ же относится къ современному польскому соціализму, какъ—mutatis mutandis—относятся къ современному русскому движенію народническое и народовольческое направленіе 70-ыхъ и 80-ыхъ годовъ. Кстати, „Пролетаріатъ“ и былъ связанъ съ ними идейно, а съ „Народной Волей“ и организаціонно. То былъ первый проблескъ соціалистической мысли, ослѣпленной раскрывшимися передъ нею перспективами соціальнаго переворота и устранявшей изъ поля зрѣнія тѣ политическія задачи, который опредѣляютъ собою такъ называемую программу минимумъ современныхъ соціалистическихъ партій. Затирается вмѣстѣ съ ними и національный вопросъ, и это нашло себѣ яркое выраженіе въ словахъ, сказанныхъ Л. Варынскимъ въ 1881 г.: „не политическая независимость нужна нашему трудовому люду; ему нужны орудія труда, ему нужна общественная организація труда“.

Въ равнодушномъ отношеніи „Пролетаріата“ къ національному вопросу, наряду съ незрѣлостью самой партіи и примитивностью движенія, сказывалась, прежде всего, та реакція по отношенію къ политическому націонализму, которая охватила польское общество послѣ катастрофы 1863 года.

Послѣ крушенія повстанческой идеи польское общество вступило въ періодъ долгаго и тяжелаго похмелья. Правда, общественная энергія не была сломлена. Но она двинулась въ иныя русла, прочь отъ политики, прочь отъ національной борьбы, на поприще хозяйственнаго строительства и культурной работы. Казалось, что идея національнаго освобожденія была выжжена въ корнѣ. И немудрено, что національная апатія сказалась и на идейномъ обликѣ молодой соціалистической партіи.

Лишь позднѣе, въ началѣ 90-хъ годовъ, національному вопросу суждено было занять видное мѣсто въ теоріи и практикѣ польскаго соціализма.

Въ концѣ 80-ыхъ и началѣ 90-ыхъ годовъ національное движеніе вновь оживаетъ, преимущественно въ средѣ интеллигенціи, и въ тѣмъ болѣе интенсивной формѣ, чѣмъ интенсивнѣе становится къ тому времени обрусительная политика правительственной власти. Барометръ національной возбудимости начинаетъ вновь подыматься; атмосфера насыщается націоналистическими настроеніями.

Къ этому присоединяется еще одно обстоятельство. Въ началѣ 80-ыхъ годовъ революціонная борьба въ коренной Россіи находилась въ состояніи высокой напряженности и остроты; движеніе въ Польшѣ было несравненно слабѣе, и понятно, что надежды польскихъ революціонеровъ неразрывно связывались съ успѣхами русскаго движенія и съ судьбами россійскаго государства въ цѣломъ. Къ началу 90-ыхъ годовъ положеніе рѣзко измѣнилось. Въ польскомъ движеніи начался подъемъ—массовыя волненія рабочихъ, стачки, импозантное празднованіе 1-го мая и пр.,—въ Россіи же, напротивъ, настала пора глубокаго затишья. Надежды на побѣду русскихъ соціалистовъ рухнули, а съ ними вмѣстѣ рухнули и ожиданія общегосударственнаго переворота. Изъ источника надеждъ связь съ Россіей превратилась въ тормазъ. Представлялось, что эта мрачная страна какъ тяжелая гиря тянетъ внизъ молодое польское движеніе. Въ результатѣ—стремленіе вырваться и уйти. Стремленіе порвать ту цѣпь, которая приковываетъ прогрессирующую Польшу къ неподвижной колесницѣ россійскаго государства.

Вотъ та почва,—глубокій пессимизмъ по отношенію къ судьбамъ Россіи, глубокій оптимизмъ по отношенію къ освободительнымъ перспективамъ въ Польшѣ,—въ которой пустили корни націоналистическія настроенія, естественно отлившіяся въ форму политическаго сепаратизма.

Въ этой атмосферѣ и подъ замѣтнымъ вліяніемъ проснувшихся въ интел-

лигентскихъ кругахъ повстанческихъ традицій возникла въ началѣ 90-хъ годовъ новая политическая группа, вскорѣ занявшая по своему вліянію на рабочихъ первое мѣсто: „Польская соціалистическая партія“, такъ называемая п. п. с.

Программа партіи была выработана осенью 1892 года на парижскомъ съѣздѣ представителей отдѣльныхъ соціалистическихъ группъ. И центральнымъ пунктомъ ея стало требованіе *независимости Польши*.

Новая программа не могла по тому времени не создать почвы для извѣстнаго сближенія соціалистическихъ и патріотическихъ круговъ; или вѣрнѣе она сама явилась результатомъ этого сближенія. „Радикально настроенные патріоты —пишетъ объ этомъ одинъ изъ руководителей партіи [1])—съ нескрываемой радостью привѣтствовали новую соціалистическую программу, видя въ ней гарантію присоединенія организованной массы рабочихъ къ общенаціональной революціонной арміи... Лѣвая національной партіи, состоящая изъ людей съ нѣкоторыми соціалистическими симпатіями, стала громко говорить о своей солидарности съ п. п. с.“. Правда, это продолжалось, по словамъ автора, недолго. Но дружба съ патріотами оставила свой слѣдъ; и во всякомъ случаѣ она была яркимъ симптомомъ болѣе глубокаго родства. Широкой струей влились въ партію элементы, обладавшіе лишь „нѣкоторыми соціалистическими симпатіями“. Это констатируетъ уже въ 1894 году видный теоретикъ партіи—нынѣ покойный—Люсня [2]).

Струя эта несла съ собою гипертрофію національнаго чувства, доходящую до шовинистическихъ настроеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ специфическія традиціи повстанческаго романтизма.

Идея независимости была тѣсно связана съ идеею возстанія. Точнѣе: не возстанія, а войны: войны Польши съ Россіей. Да быть можетъ и не одной только Польши и не съ одной лишь Россіей. Независимое польское государство мыслилось, какъ возсоединеніе воедино всѣхъ трехъ „заборовъ“, на которые была разбита старая Польша въ результатѣ раздѣловъ—русской, германской и австрійской части. Вопросъ невольно ставился какъ проблема международной политики. Мысль естественно обращалась ко всевозможнымъ комбинаціямъ изъ области между-государственныхъ отношеній. Соперничество державъ, внутреннія революціи, военныя столкновенія, дипломатическое воздѣйствіе, все это давало достаточный матеріалъ и болѣе чѣмъ достаточный

---

[1]) Л. Василевскій (Плохоцкій), Современная Польша. Спб. 1906, стр. 155.

[2]) Говоря объ элементахъ, носящихъ въ польской литературѣ названіе „соціалъ-патріотовъ“, онъ замѣчаетъ: „въ дѣятельности нашихъ товарищей, въ рядахъ нашей партіи безусловно имѣются элементы, заслуживающіе этого названія. Элементами этими опредѣляется извѣстная тактика, или, лучше сказать,—часть тактики“. Цитир. по книгѣ Мазовецкаго „Исторія соціалист. движенія въ Польшѣ“. Стр. 135.

просторъ для самыхъ фантастическихъ построеній [1]). Немалую роль играли и вопросы стратегіи — техническая и тактическая подготовка грядущей войны. Вставали далѣе вопросы государственнаго строительства—въ географическомъ смыслѣ: вопросъ о территоріальныхъ границахъ будущей Польши: войдутъ ли въ ея составъ Литва, Бѣлоруссія, Остзейскій край. И такъ далѣе.

Выше уже было указано, что однимъ изъ основныхъ факторовъ, стимулировавшихъ націоналистическій курсъ въ польскомъ соціализмѣ, было недовѣріе къ русскому освободительному движенію. Мало-по-малу это недовѣріе ихъ становится своего рода самоцѣлью. Его сознательно культивируютъ, поддерживаютъ и разогрѣваютъ,—чтобы поддержать курсъ. „Даже въ конституціонной Россіи—пишетъ въ 1897 году Przedswit, заграничный органъ п. п. с.—перевѣсъ окажется на сторонѣ элементовъ неразвитыхъ или реакціонныхъ". И потому никакихъ надеждъ на будущую свободную Россію возлагать не приходится. Поляки должны разсчитывать только на свои силы. „А если имъ приходится надѣяться только на себя, то исчезаетъ побужденіе, склоняющее насъ къ отреченію отъ мысли о возстаніи Польши" [2]).

Прошелъ рядъ лѣтъ, положеніе дѣлъ въ Россіи измѣнилось, но п. п. с. продолжала твердить свое. Россійскія событія—пишетъ тотъ же Przedswit,— „не должны насъ выводить изъ равновѣсія, не должны создавать никакихъ надеждъ на близость русской революціи. Будемъ же вѣрить лишь, какъ и понынѣ, въ свои собственныя силы, будемъ работать, не разсчитывая на чужую помощь" [3]). Это писалось въ 1902 году!

Уже въ первый годъ послѣ образованія п. п. с. — въ 1893 году изъ ея состава выступаетъ группа рабочихъ, не нашедшихъ для себя возможнымъ примириться съ національной программой этой партіи. Группа эта приняла названіе „Соціалдемократія Польши" (п. с. д.), и въ 1894 году состоялся ея первый съѣздъ.

Съѣздъ высказался противъ постулата независимости Польши. Но что было въ высшей степени характерно для дѣятельности этой партіи, это (какъ ни странно) то выдающееся мѣсто, которое занялъ въ ея идейной работѣ именно этотъ постулатъ. Но только съ обратной стороны. Не защита, а нападеніе

[1]) См. выше статью Л. Крживицкаго „Поляки". Ред.

[2]) Мазовецкій, стр. 139/140.

[3]) Ibid, стр. 269. До какихъ крайностей могли доводить партію соціалъ-патріотическія настроенія, свидѣтельствуютъ хотя бы слѣдующія строки, заимствованныя изъ крестьянскаго органа партіи „Gazeta Ludowa" (№ 2): „Самая насущная необходимость для рабочаго люда—это освобожденіе нашей отчизны, нашей дорогой Польши отъ москалей. Москаль на польской землѣ хозяйничаетъ, какъ у себя дома. Забрался онъ въ нашу страну, какъ свинья въ огородъ, и угнетаетъ да преслѣдуетъ насъ... Начнемъ же объединяться въ польскую соціалистическую партію, тогда одолѣемъ всѣхъ враговъ нашихъ и создадимъ Польшу свободную, Польшу безъ мрака, эксплоатаціи и гнета, Польшу соціалистическую". Цитата говоритъ сама за себя...

на него. Насколько настойчиво отстаивала его п. п. с., настолько же энергично разбивала его п. с. д. Дѣйствіе порождало равное и противоположное противодѣйствіе. Повышенной національной чувствительности съ одной стороны отвѣчала притупленность національнаго чувства съ другой. Сепаратизму одной—централизмъ другой. Создалась своего рода п. п. с. на изнанку. Только болѣе слабая.

Вотъ какъ аргументировалъ въ 1895 году лидеръ партіи Maciej Rózga въ своей брошюрѣ „Niepodległość Polski a sprawa robotnicza“: „въ независимой Польшѣ не измѣнится ни наша нужда, ни нашъ тяжелый трудъ, ни безработица, какъ не измѣнилось это въ другихъ независимыхъ государствахъ“. Всякій политическій строй, всякое правительство служитъ интересамъ буржуазіи—продолжаетъ авторъ.—„Стало быть нѣтъ основанія надѣяться, что въ независимой, но капиталистической Польшѣ будетъ иначе: мы можемъ смѣло утверждать, что всякое правительство, свое ли оно или чужое, давитъ и обираетъ рабочихъ, и въ независимой Польшѣ правительство было бы то же, что и въ другихъ странахъ“. „Свобода рабочихъ *совершенно не зависитъ* (курс. нашъ) отъ того, со своимъ ли правительствомъ они имѣютъ дѣло или съ чужимъ“. Авторъ готовъ допустить, что въ независимой Польшѣ „никто бы не преслѣдовалъ нашей національности, никто бы намъ не навязывалъ чужого языка. Тѣмъ не менѣе, это утѣшеніе является не чѣмъ инымъ, какъ *каплей въ морѣ* (курсивъ нашъ) при нашихъ страданіяхъ“ [1]).

Два года спустя послѣ своего возникновенія группа эта была совершенно разбита; возрождается она лишь въ 1900 году подъ названіемъ „Соціалдемократія Польши и Литвы“ и до 1904/5 года пользуется весьма незначительнымъ вліяніемъ.

Для полноты картины упомянемъ еще о третьей группѣ, выступившей на сцену въ 1900/1901 году и избравшей себѣ старое названіе „Пролетаріатъ“. Въ національномъ вопросѣ эта группа занимала среднее положеніе. Не отказываясь въ принципѣ отъ идеи независимости Польши, она не ставила ее въ числѣ очередныхъ задачъ, находя, что условій возможности ея осуществленія въ настоящее время предвидѣть нельзя. На первое мѣсто она выдвигала борьбу за общероссійское освобожденіе. Группа эта была и осталась количественно незначительной и реальной силы не представляла.

Въ этомъ положеніи застала польскій соціализмъ война и революція. Націоналистическій соціализмъ п. п. с. и сектантская незрѣлость п. с. д. Неспособность обѣихъ партій сочетать національную проблему съ соціалистическимъ credo; у п. с. д.—въ ущербъ первой, у п. п. с.—въ ущербъ послѣднему.

[1]) Мазовецкій, стр. 149/150.

Развернувшіяся въ Россіи событія сдвинули обѣ партіи съ тѣхъ мертвыхъ точекъ, на которыхъ стояла каждая изъ нихъ.

Для п. п. с. рѣшающимъ оказался подъемъ русскаго революціоннаго движенія. Психологическая основа, на которой выросъ п. п. с-овскій сепаратизмъ, была подрыта. Создалась почва для новаго курса.

На п. с. д. не могъ не воздѣйствовать широкій ходъ движенія въ самой Польшѣ и процессъ внутренняго созрѣванія самой партіи: превращеніе изъ интеллигентской группы въ партію рабочихъ массъ.

Мы остановимся сперва на п. п. с. Эволюція, продѣланная ею, чрезвычайно ярка и, при всей своей постепенности, въ высшей степени рѣшительна.

На первыхъ порахъ развитіе протекаетъ еще въ рамкахъ и подъ флагомъ прежней программы. Сама программа остается нетронутой. Но происходитъ нѣкоторое передвиженіе перспективъ. Если раньше независимость Польши являлась первой, непосредственной задачей, — теперь она начинаетъ оттѣсняться назадъ. Между нею и современнымъ моментомъ вдвигается нѣчто новое. То самое, что столь рѣшительно отвергалось раньше: борьба за переустройство всего россійскаго государства.

Характерны дебаты на съѣздѣ такъ назыв. „рады“ (совѣты) при центр. ком. п. п. с. въ іюнѣ 1905 г. Дебаты и резолюціи подводятъ итоги измѣненіямъ, происшедшимъ въ партійныхъ взглядахъ въ теченіе двухъ лѣтъ подъема. Старые взгляды на возстаніе характеризуются уже какъ „революціонный романтизмъ“ [1]), „никто не вѣритъ, что революція приметъ видъ кратковременнаго взрыва“, „идея возстанія въ формѣ войны польско-русской не имѣетъ въ нашихъ рядахъ ни одного защитника“. Большинство ораторовъ подчеркивали въ своихъ рѣчахъ необходимость разъ навсегда офиціально отбросить взглядъ, „будто-бы польскій пролетаріатъ можетъ самостоятельно, независимо отъ хода революціонной борьбы въ Россіи, завоевать нужныя ему политическія права, и будто бы безъ сверженія абсолютизма возможно достигнуть политической свободы въ Польшѣ“. „Наше движеніе можетъ многое совершить самостоятельно, но во всякомъ случаѣ сбросить ярмо абсолютизма оно не въ состояніи. Мы можемъ согласиться съ тѣмъ, что при особенно благопріятныхъ условіяхъ польскій пролетаріатъ могъ бы завоевать независимую польскую демократическую республику, но въ настоящій моментъ это—возможность теоретическая, а не практическая“. Независимая республика остается программнымъ требованіемъ. Но не всякое программное требованіе можетъ быть лозунгомъ дня. Ближайшая задача: „идти

[1]) Цитир. офиц. отчетъ Przedświt'a по книжкѣ В. Коссовскаго, Вопросы національности. Вильна, 1907.

рука объ руку съ революціоннымъ движеніемъ въ Россіи для свержения абсолютизма".

Лозунгомъ дня —еще до указаннаго съѣзда „рады"—становится Учредительное Собраніе въ Варшавѣ. Его задача—установить „пока" автономію. Отношенія къ Россіи установятся путемъ договора, путемъ свободнаго соглашенія петербургской и варшавской конституантъ.

Такимъ образомъ, уже лѣтомъ 1905 года идея независимой Польши вплотную подходитъ къ превращенію въ простой орнаментъ политической программы. Разъ начавшись, процессъ быстро двинулся впередъ.

Мы не имѣемъ возможности сколько-нибудь подробно остановиться на всѣхъ перипетіяхъ его. Необходимо указать на то, что параллельно съ тѣмъ разслоеніемъ, которое происходило въ рядахъ п. п. с. на почвѣ національнаго вопроса, происходилъ и другой процессъ въ другой области политической дѣятельности партіи.

Мы имѣемъ въ виду такъ называемыя „партизанскія выступленія", экспропріаціи и нападенія на солдатъ, ставшія въ свое время эпидемическими въ Польшѣ. Связь между подобнаго рода политическими дѣйствіями и романтической—„боевой"—психологіей „польско-русской" войны достаточно очевидна. Столь же очевидно и то, что какъ „боевая" дѣятельность, такъ и соціалъ-патріотическая пропаганда должна была въ наибольшей степени привязывать къ себѣ тѣ партійные элементы, которые болѣе другихъ были оторваны отъ широкой рабочей массы. И націонализмъ, и „боевыя" настроенія являли собой всѣ признаки вырожденія отмирающаго крыла партіи. Борьба между этимъ и противоположнымъ ему крыломъ, между „стариками" и „молодыми" шла, такимъ образомъ, одновременно и по линіи ликвидаціи старыхъ націоналистическихъ традицій, и по линіи искорененія экспропріаторскаго и „партизанскаго" авантюризма, начавшаго вырождаться въ простое хулиганство.

Въ концѣ 1906 года произошелъ расколъ. „Старики" ушли изъ партіи и образовали свою „революціонную фракцію".

Это означало громадный шагъ впередъ къ очищенію партіи отъ остатковъ повстанческой старины. Закрѣпилъ новое положеніе X съѣздъ п. п. с., состоявшійся въ концѣ 1907 года. Съѣздъ этотъ ознаменовалъ рѣзкій разрывъ со всѣмъ прошлымъ партіи. Не говоримъ уже о тактическихъ резолюціяхъ, словно задавшихся спеціальной цѣлью произвести основательную очистку партіи отъ всѣхъ пережитковъ романтическаго авантюризма. Интереснѣе вопросъ о программѣ. Если въ партійныхъ заявленіяхъ 1905 года независимость Польши все же фигурировала,—хотя и на заднемъ планѣ,—какъ программный постулатъ, если въ проектѣ программы, выработанномъ въ 1906 году, все еще

говорится о „соединеніи трехъ частей Польши въ независимую демократическую республику“, то теперь ничего подобнаго нѣтъ. Независимость Польши начисто вычеркнута изъ программы п. п. с.

Болѣе того. Требованіе отдѣльнаго Учредительнаго собранія въ Варшавѣ, выдвинутое на смѣну постулату независимости (въ видѣ нѣкотораго, хотя и смягченнаго псевдонима той же независимости) и поддерживавшееся еще недавно съ величайшей настойчивостью,—это требованіе также отсутствуетъ. Программный постулатъ, которымъ исчерпывается нынѣ національная программа п. п. с.,—это автономія. Естественно, что общность задачъ всего россійскаго освободительнаго движенія подчеркивается въ самой полной мѣрѣ. Такова эволюція, совершенная п. п. с. Мы не рѣшимся утверждать, что она закончилась всецѣло. Трудно было бы ожидать, чтобы въ тѣхъ или иныхъ литературныхъ заявленіяхъ не встрѣчались еще отголоски прежнихъ взглядовъ. Но самое главное сдѣлано. Эволюція была связана со многими болѣзненными явленіями, съ расколомъ, стало быть и съ нѣкоторымъ ослабленіемъ вліянія, но она свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о жизненности той партіи, которая оказалась въ силахъ ее продѣлать.

Въ обратномъ направленіи эволюціонировала п. с. д., но въ менѣе яркихъ формахъ; уже потому одному, что эта партія не обладала ни тѣмъ обильнымъ багажомъ специфическихъ традицій, ни той спеціальной программой, которая была такъ характерна для п. п. с. Ея эволюція должна была выразиться не столько въ формальномъ измѣненіи программы, сколько въ нѣкоторомъ нюансированіи настроенія.

И въ самомъ дѣлѣ. Съ давнишнихъ поръ въ литературѣ п. с. д. встрѣчается требованіе автономіи Польши. Но существуя—или появляясь отъ времени до времени—на бумагѣ, оно, въ общей системѣ взглядовъ партіи, ютилось гдѣ-то на задворкахъ. Характерно въ этомъ отношеніи, что на первомъ съѣздѣ партіи политическій рефератъ, формулировавшій основныя требованія политической программы-минимумъ, объ автономіи Польши совершенно не упоминаетъ. Главную задачу партія видѣла въ оспариваніи національныхъ заблужденій, въ борьбѣ съ тѣмъ, *противъ* чего она была; отстаиваніе же того, *за* что она высказывалась сама, какъ-то отпадало, и въ этомъ смыслѣ работа въ области національнаго вопроса носила скорѣе отрицательный характеръ.

Начиная съ 1904 года п. с. д. пускаетъ болѣе глубокіе корни въ массахъ; изъ группы соціалдемократовъ, идейныхъ противниковъ „независимости“, превращается въ политическую партію. Начинаетъ—по степени своего вліянія—догонять, а впослѣдствіи, пожалуй, и обгонять п. п. с. А рядомъ съ этимъ должно было идти и повышеніе чуткости къ реальнымъ по-

литическимъ задачамъ. Когда въ октябрьскіе дни 1905 года въ Польшѣ всколыхнулись широчайшія народныя массы, требованіе автономіи Польши выдвинулось на первый планъ, какъ одна изъ центральныхъ, жгучихъ задачъ. Партія, равнодушная къ этому пункту, сдѣлала бы себя прямо невозможной въ Польшѣ.

П. с. д. не могла этого не ощутить, и съ этого времени требованіе автономіи выдвигается ею съ несравненно большею настойчивостью. И уже въ резолюціи V съѣзда — 1906 г.—по вопросу о конституантѣ достиженіе автономіи Польши называется одной изъ важнѣйшихъ задачъ партіи.

Послѣдній—6-ой съѣздъ п. с. д. (въ концѣ 1908 г.) принялъ по этому вопросу спеціальную весьма обширную резолюцію.

Такъ, отправляясь отъ двухъ различныхъ исходныхъ точекъ, эволюціонировали оба крыла польскаго соціализма. И приблизились къ общему пункту схожденія. Очищеніе отъ постороннихъ пролетарскому движенію элементовъ характерно для одного крыла, выростаніе изъ пеленокъ—для другого. Сила реальныхъ потребностей гнала и гонитъ и тѣхъ, и другихъ въ направленіи къ общему руслу.

Литовское соціалистическое движеніе во многомъ сходно съ польскимъ. Оно и происходило не безъ идейнаго и организаціоннаго вліянія перваго (и въ самой Литвѣ сливалось съ движеніемъ мѣстныхъ нольскихъ рабочихъ). Продѣлало аналогичную эволюцію. Только несравненно блѣднѣе. Менѣе развитая промышленность, менѣе интенсивная общественная жизнь, менѣе остро стоящая національная проблема—все это дѣлало движеніе болѣе тусклымъ. Его исторія менѣе содержательна, хотя тоже весьма характерна.

Первыя организаціи литовскихъ соціалистовъ сложились въ Вильнѣ въ серединѣ 90-ыхъ годовъ. На первыхъ порахъ мы встрѣчаемъ двѣ группы. Одна, родственная по характеру п. п. с.,—подъ названіемъ „литовская соціалдемократическая партія“ (л. с. д.); другая, ближе стоящая по своему облику къ п. с. д.—„союзъ литовскихъ рабочихъ“. Эта послѣдняя въ 1900 году слилась съ п. с. д. и продолжала существовать больше на бумагѣ.

На сценѣ осталась только одна л. с. д. И эволюція литовскаго соціалистическаго движенія вылилась не въ форму борьбы двухъ партій между собой,—какъ это было въ Польшѣ, — а въ форму внутренняго разслоенія одной и той же партіи. Существовало, правда, на Литвѣ, кромѣ л. с. д. еще и офиціальное отдѣленіе п. п. с., принявшее впослѣдствіи (1906 г.) названіе „соціалдемократической партіи Литвы“ (с. д. п. л.); но, во-пер-

выхъ, группа эта имѣла связи преимущественно съ польскими рабочими, а не съ литовскими; а затѣмъ, будучи отдѣлена отъ л. с. д. организаціонно, она, однако, не представляла особаго рѣзко отличнаго теченія; ихъ рознь объяснялась преимущественно организаціонными причинами и не далѣе, какъ въ 1906 г., состоялось объединеніе, сперва временное, а затѣмъ, годъ спустя, окончательно закрѣпленное.

По своей первоначальной программѣ, выработанной въ 1896 г. л. с. д. являлась представительницей сепаратистскаго теченія. Хотя по сравненію съ польскимъ, его сепаратизмъ былъ нѣсколько болѣе умѣреннымъ. Рѣчь шла о независимой демократической республикѣ, въ составъ которой должны были входить „Литва, Польша и другія страны", объединенныя на началахъ „свободной федераціи".

Замѣтную эволюцію въ рядахъ литовскихъ соціалистовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе революціонныхъ годовъ (до того времени о дѣятельности партіи вообще почти ничего не слышно).

Въ 1906 году Центральный комитетъ уже офиціально констатируетъ наличность двухъ теченій въ рядахъ партіи: одно поддерживаетъ старую *федералистическую* точку зрѣнія, другое—ограничивается *автономіей*. Параллельно съ этимъ расходятся мнѣнія и въ вопросѣ о политическомъ лозунгѣ: отдѣльная конституанта въ Вильнѣ или всероссійское учредительное собраніе.

Интересными документами являются опубликованные въ томъ же 1906 г. проекты программы, выработанные обоими крылами партіи. Программа федералистовъ характерна для ихъ идейнаго уклада уже по своей архитектурѣ. Прежде всего, если не исключительно, она исходитъ изъ интересовъ даннаго *края*. Причемъ слышны нотки, нѣсколько напоминающія мотивы старой п. п. с. дореволюціоннаго времени [1]). До полной независимости Литвы федералисты, впрочемъ, не доходятъ и ограничиваются требованіемъ федеративнаго устройства россійскаго государства „съ широчайшей автономіей Литвы".

Проектъ автономистовъ носитъ иной характеръ. Исходный пунктъ аргументаціи—это общность интересовъ пролетаріата всего россійскаго государства. Указывается между прочимъ на то, что рядъ географическихъ пунктовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ нѣкоторую часть литовскихъ рабочихъ, находится за предѣлами Литвы, и что это обстоятельство еще въ большей мѣрѣ сплетаетъ воедино интересы литовскихъ рабочихъ съ интересами иныхъ составныхъ частей

---

[1]) Напримѣръ, пунктъ 11-ый мотивировки гласитъ: „Принимая во вниманіе, что помимо исключительнаго и всесторонняго гнета, которому Литва подвергается въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, она съ точки зрѣнія экономическаго и культурнаго развитія стоитъ выше коренной Россіи, и что въ силу этого общегосударственное законодательство и общегосударственныя учрежденія задержали бы развитіе общественныхъ отношеній въ нашемъ краѣ..."

россійскаго пролетаріата. Лишь во второй части резолюціи говорится о томъ, что „съ другой стороны“ Россія, какъ огромное и многообразное государство, нуждается въ децентрализаціи; въ частности Литва представляетъ собой особое цѣлое, не только въ культурномъ, но до извѣстной степени и въ экономическомъ отношеніи (аграрный вопросъ). Исходя изъ этого, проектъ выставляетъ требованіе автономіи Литвы.

Еще прежде, чѣмъ вопросъ о программѣ успѣлъ быть вырѣшенъ въ ту или иную сторону, партіи пришлось заняться другимъ, неразрывно связаннымъ съ нимъ, въ сущности, вопросомъ: объ учредительныхъ собраніяхъ. Это было на конференціи 1906 года. И самое рѣшеніе, и мотивы были весьма просты. Отъ политическаго лозунга—справедливо разсуждаетъ конференція — требуется прежде всего одно: онъ долженъ быть популяренъ. Лозунгъ отдѣльнаго учредительнаго собранія въ Вильнѣ этому требованію не отвѣчаетъ. Онъ не встрѣчаетъ отклика въ населеніи. И потому долженъ быть снятъ и замѣненъ лозунгомъ всероссійской конституанты.

Это постановленіе въ сущности предрѣшало вопросъ о программѣ. Можно, конечно, спорить о томъ, находится ли требованіе отдѣльнаго учредительнаго собранія въ неразрывной логической связи съ федералистской программой, но психологическая и политическая связь между ними несомнѣнна, и отказъ отъ одного неизбѣжно влечетъ за собой отказъ отъ другого. Такъ и случилось. Въ 1907 г. съѣздъ партіи принялъ новую программу. Требованіе федераціи было исключено. Осталась *автономія*, хотя и съ весьма широкими предѣлами [1]).

Нетрудно замѣтить, что при всѣхъ программныхъ различіяхъ, раздѣляющихъ или раздѣлявшихъ между собою тѣ или иныя изъ перечисленныхъ выше польскихъ или литовскихъ партій, всѣ они стоятъ на точкѣ зрѣнія территоріализма. Мы уже указывали выше, что условія литовской жизни съ бо̀льшей силой подкапываютъ этотъ принципъ, нежели это дѣлаетъ современное положеніе Польши, и что вслѣдствіе этого вопросъ хотя бы о коррективахъ не могъ не встать предъ соціалистами даннаго края.

Любопытно отмѣтить, что этимъ вопросомъ заинтересовался какъ разъ тотъ литературный органъ литовской соціалдемократіи, который ставилъ своей задачей пропаганду идей партіи въ средѣ одного изъ національныхъ *меньшинствъ* края: издававшаяся литовскими соціалистами *еврейская* газета („Die Arbeiterstimme vun Lite) [2]). Несмотря на вѣскія соображенія, которыя

---

[1]) Программа опредѣляетъ компетенцію литовскаго сейма въ видѣ слѣдующихъ пунктовъ: 1) культурныя дѣла; 2) аграрный вопросъ; 3) областная администрація и хозяйство; 4) налоги на нужды края; 5) судъ; 6) милиція.

[2]) „Ни одна нація (въ Литвѣ)—пишетъ этотъ партійный органъ—не представляетъ собой абсолютнаго большинства, и кромѣ поляковъ, бѣлорусовъ, литовцевъ и евреевъ, численность которыхъ мѣстами почти одинакова, Литву населяютъ меньшими

она высказываетъ противъ территоріальнаго (вѣрнѣе, противъ *исключительно* территоріальнаго) рѣшенія, охарактеризовавъ его, какъ „въ весьма малой степени разрѣшающій всѣ вопросы, касающіеся школъ, культуры данной націи", тотъ же органъ, однако, остается все-таки на территоріальной точкѣ зрѣнія [1]). Съ своей стороны, газета предлагаетъ извѣстный коррективъ, представляющій уже серьезный шагъ впередъ. Такимъ коррективомъ является пропорціональный культурный бюджетъ для всѣхъ національностей Литвы. „Это значитъ, — поясняетъ цитируемый органъ, — что мѣстный парламентъ долженъ раздѣлить общую сумму денегъ, назначенную для народнаго образованія пропорціонально между всѣми національностями и культурными группами Литвы. Это представляетъ гарантію того, что всеобщее обязательное элементарное образованіе будетъ каждой болѣе или менѣе значительной группой людей установлено такъ, *какъ они сами найдутъ нужнымъ* (курсивъ нашъ), и на какомъ языкѣ они захотятъ".

Совершенно очевидно, что въ своемъ логическомъ развитіи „пропорціональный бюджетъ" съ предоставленіемъ членамъ каждой націи устраивать свои дѣла „такъ, какъ они сами найдутъ нужнымъ" ведетъ непосредственно къ *національно-культурной* (экстерриторіальной) автономіи. Это не мѣшаетъ, однако, цитированной газетѣ высказываться *противъ* національно-культурной автономіи самымъ рѣзкимъ образомъ.

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что проектъ пропорціональнаго бюджета такъ и остался предположеніемъ указанной газеты. Въ программу литовской партіи онъ *не* включенъ.

Неменѣе характеренъ территоріализмъ польскихъ и литовскихъ соціалистовъ въ другой сферѣ: въ вопросахъ внутренняго организаціоннаго строительства партіи. Къ этому мы будемъ еще имѣть случай вернуться ниже въ другой связи.

III.

Переходимъ къ еврейскому движенію.

Съ первыхъ же шаговъ мы наталкиваемся на характерную особен-

группами нѣмцы, русскіе. Поэтому территоріальный способъ ликвидиціи національнаго вопроса на Литвѣ лишь въ весьма малой степени разрѣшилъ бы всѣ вопросы касающіеся школъ, культуры каждой національности въ отдѣльности, поскольку, конечно, такія потребности имѣются у той или другой націи". Die Arbeiterstime vun Lite, 1907, № 4.

[1]) „Прежде всего, для того, чтобы національный вопросъ въ Литвѣ могъ хотя бы настолько разрѣшиться, насколько это возможно при существующихъ въ капиталистическомъ строѣ производственныхъ отношеніяхъ, необходимымъ условіемъ, безъ котораго нельзя сдѣлать и перваго шага въ данномъ направленіи, является полная политическая самостоятельность для литовской территоріи во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ мѣстной жизни". Ibidem.

ность. Литовскіе федералисты и автономисты, польскіе централисты и сепаратисты спорятъ между собой о способахъ рѣшенія національной проблемы. Спорятъ и о томъ, какое мѣсто должна занять эта проблема въ дѣятельности рабочей партіи. Спорятъ, наконецъ, о томъ, должна ли она вообще занять въ ней какое бы то ни было мѣсто. Но никогда здѣсь не было спора о томъ, существуетъ ли вообще сама проблема.

У евреевъ *этотъ* споръ налицо. Сомнѣнію подвергается *самое существованіе національнаго вопроса*. И на почвѣ этого сомнѣнія сложилась цѣлая полоса—антинаціональная полоса—еврейской соціалистической мысли.

Ходъ мысли простъ. Евреи страдаютъ—говорятъ защитники даннаго взгляда—не отъ національнаго гнета, а исключительно отъ гражданскаго безправія. Еврейской національной культуры, еврейскихъ національныхъ требованій нѣтъ. Одни обломки, спаянные желѣзнымъ кольцомъ исключительныхъ законовъ. Падетъ кольцо—и еврейство разсосется, растворится безъ остатка въ окружающей средѣ. Этотъ *ассимиляціонный* процессъ и неизбѣженъ, и необходимъ. Ему нужно способствовать, и не пытаться повернуть обратно колесо исторіи, стараясь искусственно навязать еврейской массѣ національную проблему.

Таково credo ассимиляціоннаго теченія среди еврейскихъ соціалистовъ. Оно отражаетъ на себѣ то тяготѣніе, которое обнаруживаетъ широкій слой еврейской интеллигенціи къ тому, чтобы уйти изъ душной для нея еврейской среды. Уходя,—возводятъ уходъ въ принципъ. Ищутъ теоретическаго оправданія. Желаютъ, чтобы всѣ послѣдовали ихъ примѣру.

Въ еврейской рабочей средѣ эти элементы не образуютъ особой партіи, въ лучшемъ случаѣ они выступаютъ въ роли отростковъ русскихъ, польскихъ или литовскихъ партій, борясь противъ всѣхъ національныхъ программъ и національныхъ теченій еврейскаго соціализма. Ихъ вліяніе въ еврейской жизни весьма невелико. Въ національномъ движеніи они, естественно, играютъ чисто отрицательную роль.

За вычетомъ этихъ группъ, остающихся за предѣлами національнаго спектра (хотя по своему объективному облику также являющихся характернымъ продуктомъ еврейской общественной жизни, еврейской національной среды), остается еще пестрая картина различныхъ соціалистическихъ партій, въ той или иной мѣрѣ ставящихъ и, по мѣрѣ своего разумѣнія, разрѣшающихъ національный вопросъ.

Онѣ распадаются на двѣ основныя категоріи.

Въ одной мы находимъ изстари центральную фигуру еврейскаго рабочаго движенія, сложившуюся съ первыхъ же шаговъ какъ рабочая организація и въ качествѣ таковой переживающую свою дальнѣйшую эволюцію:

Бундъ. Въ другую рубрику войдетъ цѣлая плеяда партій и группъ, вышедшихъ изъ нѣдръ сіонизма.—Вмѣстѣ съ соціалистической доктриной онѣ несутъ въ рабочую партію свое сіонистское наслѣдство.

Исторія развитія въ Бундѣ національной проблемы типична для постепеннаго созрѣванія рабочей партіи. Первые шаги—въ восьмидесятыхъ годахъ и началѣ девяностыхъ—зародышевое состояніе движенія. Робкое нащупываніе путей. Суммарное усвоеніе общихъ, самыхъ общихъ истинъ соціализма,—элементарныхъ основъ классовой политики. Національная проблема еще не вошла въ поле зрѣнія. Представленіе о данномъ движеніи, какъ о движеніи еврейскаго пролетаріата,—именно *еврейскаго*, входящаго въ составъ еврейской націи,—отсутствуетъ, находится за порогомъ сознанія. Да это еще не есть настоящее движеніе пролетаріата. Всего лишь маленькія группы, кружки піонеровъ. Утверждаютъ иногда, что эти старые дѣятели-піонеры были ассимиляторами. Это врядъ ли было такъ. Національная проблема—просто не вставала передъ ними. Ни въ утвердительной, ни въ отрицательной формѣ. Правда—они вышли изъ рядовъ ассимилированной интеллигенціи или по своему настроенію были къ ней болѣе или менѣе близки. Правда, они занимались въ кружкахъ по-русски, и иной разъ курсу политическихъ наукъ или естествознанія предшествовалъ курсъ русской азбуки и русской грамматики. Но при этомъ отнюдь не ставились какія бы то ни было ассимиляторскія цѣли, въ этомъ не сказывались какіе бы то ни было ассимиляторскіе взгляды. Все это дѣлалось естественно и безсознательно, во имя непосредственныхъ нуждъ соціалистической пропаганды, и мотивомъ русскаго преподаванія было отнюдь не принципіальное тяготѣніе къ русской культурѣ, а чисто практическая невозможность обходиться безъ русскаго языка въ виду отсутствія еврейской литературы.

И также искусственно и неизбѣжно, подъ вліяніемъ чисто практическихъ стимуловъ развивающагося движенія, началъ совершаться процессъ „національзаціи“ по мѣрѣ того, какъ движеніе изъ кружкового превратилось въ массовое. Въ началѣ 90-хъ годовъ происходитъ рѣшительная борьба между сторонниками массовой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ широкихъ рабочихъ слоевъ и сторонниками кружковой пропаганды, въ цѣляхъ выработки сознательныхъ и развитыхъ личностей. И параллельно съ этой борьбой, ведется споръ о русскомъ и еврейскомъ языкѣ. Побѣждаетъ первое теченіе, идея массовой агитаціонной тактики. И вмѣстѣ съ ней побѣждаетъ и еврейскій языкъ. Нарождаются первые зачатки еврейской соціалистической литературы (мы говоримъ все время о такъ наз. „жаргонѣ“, оставляя въ сторонѣ интересныя во многихъ отношеніяхъ попытки созданія соціалистической литературы на древне-еврейскомъ языкѣ, дѣлавшіяся въ 70-хъ годахъ). Движеніе начинаетъ прокладывать себѣ путь вглубь національной жизни.

Уже въ первой половинѣ 90-хъ годовъ, мы находимъ въ литературѣ вполнѣ сознательное констатированіе этого процесса.—Мы имѣемъ въ виду брошюру, неоднократно цитированную уже: „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія“ [1]). Отмѣтимъ еще одинъ литературный памятникъ, не опубликованный до сихъ поръ полностью и ходившій по рукамъ въ гектографированномъ видѣ,—„Письмо къ агитаторамъ“ (1894 г.). Авторъ опредѣленно ставитъ вопросъ объ особенностяхъ еврейскаго рабочаго движенія, о его необходимости и цѣнности, говоритъ о еврейскомъ языкѣ, какъ орудіи агитаціи и проч.

Въ 1897 г. объединеніе отдѣльныхъ группъ въ общую организацію—Бундъ—опять вызвало потребность въ формулировкѣ задачъ движенія и опредѣленіи его характера. Въ слѣдующемъ же году первое столкновеніе съ п. п. с. вновь толкаетъ къ отстаиванію идеи отдѣльнаго еврейскаго движенія.

Сознаніе *организаціонной* отдѣльности и своеобразія еврейскаго движенія къ этому времени проявляется въ литературѣ въ достаточно отчетливомъ видѣ. Но національная проблема, какъ вопросъ *государственной* жизни, еще не встаетъ во весь ростъ. И поскольку затрагивается вопросъ о спеціальныхъ задачахъ еврейской организаціи, дальше борьбы съ гражданскимъ безправіемъ дѣло не заходитъ. Правда, въ этой *части* національной проблемы, въ вопросѣ объ уничтоженіи спеціальныхъ законовъ и ограниченій, направленныхъ противъ евреевъ, Бундъ проявляетъ уже тогда значительную энергію. Мы подчеркиваемъ это, потому что въ литературѣ приходилось встрѣчать заявленія, будто въ бундовской дѣятельности спеціально-еврейскія требованія скрывались за обще-государственными. Это утвержденіе рѣшительно невѣрно. Стоитъ просмотрѣть бундовскую агитаціонную литературу, начиная съ самыхъ раннихъ временъ, повсюду требованіе гражданскаго равноправія для евреевъ подчеркивается самымъ настойчивымъ образомъ, повсюду выдвигается на самое видное мѣсто. Но, повторяемъ, это лишь часть національнаго вопроса и часть наименѣе характерная, не заключающая еще въ себѣ позитивной національной программы. Это еще только предпосылка программы. Національная проблема въ ея полномъ объемѣ, какъ

---

[1]) „Поставивъ въ центръ программы массовое движеніе, мы должны были приспособить нашу пропаганду и агитацію къ массѣ, т. е. сдѣлать ихъ болѣе еврейскими“—писалъ въ 1895 г. авторъ.—Раньше мы смотрѣли на себя—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„только какъ на придатокъ къ общерусскому рабочему движенію“. Между тѣмъ „національная пассивность еврейской массы является препятствіемъ и для возбужденія классоваго самосознанія“. „Рабочій классъ, который мирится съ долей низшаго племени, такой рабочій классъ не возстанетъ и противъ доли низшаго класса“. Наша цѣль—„создать спеціально еврейскую рабочую организацію, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейскаго пролетаріата въ борьбѣ за экономическое, гражданское и политическое освобожденіе“.

вопросъ о правовыхъ гарантіяхъ свободнаго національнаго развитія, прокладываетъ себѣ дорогу медленно и осторожно.

Рѣшительный моментъ наступаетъ ко времени IV съѣзда Бунда въ 1901 году.

Уже на предыдущемъ съѣздѣ (1900 годъ) фигурируетъ національный вопросъ, и, по словамъ отчета, разсматривается съѣздомъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на которомъ сосредоточивается все вниманіе участниковъ. Былъ высказанъ взглядъ, согласно которому „вопросъ о спеціальныхъ требованіяхъ еврейскаго пролетаріата ставится еврейской соціалдемократіей слишкомъ узко“, и что пунктъ гражданскаго равноправія необходимо замѣнить болѣе широкимъ требованіемъ „національнаго равноправія“. Предложеніе не встрѣтило сочувствія. Съѣздъ опасался, что требованіе національнаго равноправія отвлечетъ вниманіе еврейскаго пролетаріата отъ насущныхъ политическихъ задачъ и затемнитъ его классовое сознаніе. Проектъ измѣненія программы былъ отклоненъ.

Годъ спустя четвертый съѣздъ своими постановленіями уже обозначилъ новый курсъ. Принимается національная программа [1]). Правда, она была сформулирована нѣсколько сбивчиво. Снабжена оговорками на счетъ того, что „пока“ новыя національныя требованія еще не должны „выставляться“. Но переходъ былъ совершенъ. Національная программа была принята. И надо отмѣтить, что въ лицѣ Бунда *впервые* еврейская партія выставила національную политическую программу. И впервые же была принята національная программа, стоящая на почвѣ экстерриторіальной идеи.

Послѣдовали годы закалки, дальнѣйшаго продумыванія и шлифовки вопроса. Неясности и оговорки резолюціи 1901 года свидѣтельствуютъ о томъ, что авторы программы не чувствовали еще подъ ногами твердой почвы. Программа еще только нащупывалась, и ни для кого не тайна, что въ рядахъ

---

[1]) Резолюція IV съѣзда гласитъ:

„Съѣздъ признаетъ, что по смыслу соціалдемократической программы недопустимъ никакой гнетъ не только одного класса надъ другимъ, не только правительства надъ гражданами, но и одной національности надъ другой, господство одного языка надъ другимъ.

Съѣздъ признаетъ, что государство, подобное Россіи, состоящее изъ множества національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной національной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи. Съѣздъ признаетъ, что понятіе „національность“ примѣнимо и къ еврейскому народу.

Считая, однако, преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованія національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ отмѣчать и протестовать противъ проявленій угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму“.

партіи имѣлось весьма значительное количество людей, относившихся къ „новому курсу“ либо индифферентно, либо рѣзко отрицательно.

Въ ближайшіе годы новый программный пунктъ не фигурируетъ еще въ агитаціонной литературѣ. Не даромъ съѣздъ счелъ нужнымъ опредѣленно заявить, что „при нынѣшнихъ условіяхъ“ выставленіе этого требованія является преждевременнымъ. Но прошелъ рядъ лѣтъ и принесъ съ собой значительныя измѣненія. Съ одной стороны національная идея пустила болѣе глубокіе корни въ партійныхъ кругахъ. Съ другой—стало ясно, что опасенія насчетъ могущихъ возникнуть „шовинистическихъ“ настроеній не имѣютъ подъ собой достаточной почвы. И наконецъ, „нынѣшнія условія“ политической жизни измѣнились. Приблизился моментъ рѣшительной ликвидаціи стараго строя. Политическія требованія, казавшіяся раньше далекими и абстрактными, игравшія раньше роль путеводныхъ свѣтлыхъ точекъ, лишенныхъ реальнаго значенія для даннаго момента, облеклись въ плоть и кровь, стали на очередь дня. То, что могло раньше казаться преждевременнымъ, стало нынѣ не терпящимъ отлагательства. И уже зимой 1904 года, въ банкетную эпоху, центральный комитетъ Бунда счелъ себя вынужденнымъ, совершая формальное нарушеніе съѣздовской резолюціи, бросить лозунгъ національной автономіи въ повседневную агитацію.

„Усиленная охрана“ была снята съ національной программы. Осенью 1905 года шестой съѣздъ Бунда формулируетъ эту программу окончательно въ ясной и категорической формѣ.

Разработка національной платформы происходила въ Бундѣ подъ перекрестнымъ огнемъ и перекрестнымъ вліяніемъ съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, ассимиляторски настроенные „искровцы“, съ другой—націоналисты изъ сіонистскаго лагеря. Съ обѣихъ сторонъ предъ Бундомъ красовались извѣстнаго рода отпугивающіе примѣры того, чѣмъ не надо быть. И въ немалой степени это обстоятельство помогло ему найти свой собственный путь: одинаково чуждый націоналистическихъ фіоритуръ, свойственныхъ его противникамъ справа и, „анаціональныхъ“ традицій ассимилированной еврейской интеллигенціи, аттаковавшей его изъ среды Росс. соціалдемократич. рабочей партіи.

Красная нить, проходящая черезъ всѣ бундовскіе взгляды по этому предмету,—это стремленіе ввести національную проблему въ общую систему марксистскаго міровоззрѣнія, какъ составное звено, *подчиненное* общему классовому принципу, не нарушающее монизма классового міросозерцанія. Національная проблема ставится, такимъ образомъ, не рядомъ съ классовой, а внутри ея. Анализируется національная борьба и національныя стремленія. Въ нихъ вскрываются движущія пружины классовыхъ интересовъ. Выдѣляются элементы, выросшіе на почвѣ пролетарскихъ интересовъ; отмежевываются отъ

прочихъ. Послѣдніе отбрасываются, первые принимаются въ общую систему цѣлей и задачъ рабочей партіи.

Задачи пролетаріата опредѣляются въ данномъ вопросѣ однимъ: обезпечить каждой націи возможность свободнаго культурнаго развитія—конечно въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это вообще возможно въ рамкахъ капиталистическаго строя. А съ этой цѣлью необходимо добиться отъ государства извѣстныхъ правовыхъ гарантій [1]).

Каковы же эти гарантіи? Прежде всего, конечно, общая демократизація строя. Но ея недостаточно. Недостаточно и торжественнаго провозглашенія равноправія націй. Кто будетъ осуществлять эти „равныя права“ націй? Кто будетъ обслуживать эти равноправныя націи? Общегосударственныя учрежденія — центральныя, областныя и мѣстныя? Но они разноплеменны. Но они будутъ являться ареной нескочаемыхъ треній, постоянныхъ конфликтовъ. Изъ-за каждой новой школы, изъ-за каждаго новаго учителя, изъ-за каждаго новаго учебника—грызня. Примѣромъ тому Австрія, гдѣ на бумагѣ права націй давно провозглашены. Но только на бумагѣ. Для того, чтобы „права“ были осуществлены, нуженъ носитель правъ, субъектъ права, юридическое лицо. Каждая нація должна быть политически *организована* какъ коллективное цѣлое, само завѣдующее тѣми дѣлами, въ которыхъ заинтересовано оно одно. Націи должны размежеваться между собой. Лишь тогда возможно мирное сожительство. Каждая нація должна въ извѣстной мѣрѣ обслуживать самое себя. Должна имѣть автономію.

Принципъ автономіи не новъ. Но въ программѣ Бунда рѣчь идетъ не объ обычной автономіи. Не объ областной, не о территоріальной; а *о національно-культурной*.

Что такое національно-культурная автономія? Исправленный принципъ территоріальной автономіи. Областная автономія стремится къ самостоятельности націи, но вмѣсто *націи* подставляетъ *территорію*. И предназначавшаяся для націи самостоятельность достается цѣлому клубку націй, живущихъ подъ одной территоріальной крышей. И сказка объ угнетеніи одной

---

[1]) „Въ виду того—гласитъ вступительная часть резолюціи VI-го съѣзда—, что національное угнетеніе во всѣхъ его формахъ самымъ вреднымъ образомъ отражается на интересахъ освободительной борьбы всего пролетаріата даннаго государства, затемняя его классовое сознаніе, а на рабочій классъ угнетенной націи падаетъ всей своей тяжестью, задерживая развитіе его силъ во всѣхъ областяхъ его жизни, и искажая его классовую борьбу. Соціалдемократія обязана бороться противъ всякаго національнаго гнета, какъ прямого, такъ и косвеннаго, и считаясь съ тѣмъ, что лишь соціализмъ, уничтоживъ въ корнѣ всѣ формы классоваго господства, принесетъ съ собой и полное освобожденіе отъ всякаго національнаго гнета,—должна въ предѣлахъ капиталистическаго строя стремиться къ завоеванію возможнаго въ буржуазномъ обществѣ максимума гарантій противъ національныхъ конфликтовъ“.

націи другою начинается внутри этой территоріи—сначала. И это понятно. Потому что географическое размежеваніе націй невозможно; а по мѣрѣ развитія капиталистическихъ отношеній національная черезполосица все усиливается. Стало быть, *національному* вопросу не соотвѣтствуетъ *территоріальный* отвѣтъ. Бундъ и говоритъ: воздайте кесарево—кесарю, а божіе—Богу. Областная автономія—нужна; для обслуживанія нуждъ *края*, для извѣстной децентрализаціи огромнаго государства. Но *національнаго* вопроса она не рѣшаетъ. На національный вопросъ должна дать отвѣтъ національная же автономія. Самоуправляющейся единицей при національной автономіи является такимъ образомъ не населеніе *области*, а сумма всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ данной *націи*, хотя бы и живущихъ островами на „чужой“ территоріи. Въ противоположность территоріальному выдвигается такъ наз. „персональный“ (по терминологіи австрійцевъ) принципъ. Разумѣется, нація не можетъ самоуправляться во всѣхъ сферахъ государственной жизни. Въ вопросахъ экономическихъ, напримѣръ, она составляетъ неразрывное цѣлое со всѣмъ населеніемъ данной области; здѣсь, стало быть, областная автономія (или общегосударственный суверенитетъ) вступаетъ въ свои права. Въ противоположность этому—*культурныя* дѣла могутъ свободно обслуживаться каждой націей отдѣльно. И должны обслуживаться отдѣльно во избѣжаніе треній и гнета. Отсюда и названіе „національно-культурная автономія“[1]).

Таковъ центральный пунктъ національной программы Бунда. Мы считали полезнымъ нѣсколько остановиться на немъ: онъ сравнительно мало извѣстенъ и представляетъ собой немало непривычнаго съ точки зрѣнія традиціонныхъ воззрѣній[2]).

---

[1]) Формулировка, которую даетъ этому принципу VI-ой съѣздъ Бунда, такова: „Изъятіе изъ вѣдѣнія государства и органовъ мѣстнаго и областного самоуправленія функцій, связанныхъ съ вопросами культуры (народное образованіе и пр.), и передача ихъ націи въ лицѣ особыхъ учрежденій—мѣстныхъ и центральныхъ—избираемыхъ всѣми ея членами на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

„*Примѣчаніе.* Нац.-культ. автономія не исключаетъ сохраненія за центральной законодательной властью права устанавливать нѣкоторыя обязательныя нормы по вопросамъ, общимъ всѣмъ населяющимъ Россію національностямъ, какъ-то: обязательность начальнаго образованія, свѣтскій характеръ обученія и пр. и права контроля за соблюденіемъ этихъ нормъ“.

[2]) Для полноты приведу два пункта той же резолюціи, предпосланныхъ вышецитированному пункту: „1) Полное гражданское и политическое равноправіе евреевъ. „2) Обезпеченная закономъ возможность для еврейскаго населенія употребленія роднаго языка въ сношеніяхъ съ судомъ, государственными учрежденіями и органами мѣстнаго и областного самоуправленія. Вмѣстѣ съ приведеннымъ уже 3-имъ пунктомъ о нац.-культурной автономіи, эти пункты образуютъ полную формулировку „программы Бунда по еврейскому національному вопросу“.

Не лишне будетъ отмѣтить еще одно: нѣкоторую, сравнительно новую струю въ области бундовскихъ настроеній.

До послѣднихъ лѣтъ всѣ вопросы государственнаго строительства, а стало быть и національный вопросъ, оставались въ плоскости „теоріи“. Осуществленіе рисовалось къ далекомъ будущемъ, по ту сторону нѣкоего историческаго перелома. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ къ этому перелому подошли вплотную,—отчасти перешли,—отчасти перевалили обратно,—отчасти увязли,—и грань, которая издали казалась тонкой чертой, развернулась въ широкое и нудное политическое болото,—съ тѣхъ поръ вопросы невольно стали въ иной плоскости. Пришлось сойти съ небесъ въ сѣрые будни, сѣрые вопросы политическаго дня.

Въ еврейской средѣ существуетъ интереснѣйшее учрежденіе. Тоже своего рода національная автономія. Мы имѣемъ въ виду *общину*[1]). Конечно, по всему своему характеру, по объему своихъ функцій, по своему правовому положенію, по своему внутреннему строенію, община самымъ рѣзкимъ образомъ отличается отъ того типа автономныхъ учрежденій, къ которому стремится Бундъ. И все же въ этомъ учрежденіи можно было бы видѣть не только рудиментъ стараго, но, въ извѣстномъ смыслѣ, съ извѣстными оговорками,—и эмбріонъ новаго.

Въ эпоху того идейнаго „максимализма“, который характеренъ для недавней еще полосы въ жизни всѣхъ революціонныхъ партій, Бундъ мало интересовался жизнью общины. За послѣдніе годы отношеніе мѣняется. И это свидѣтельствуетъ о все повышающемся чутьѣ дѣйствительности, о все углубляющемся желаніи проникнуть во всѣ уголки еврейской жизни, во всѣхъ эволюціяхъ, продѣлываемыхъ еврейской массой, быть съ нею.

Уже весной 1906 года вопросъ объ общинѣ предполагалось поставить на обсужденіе очередной конференціи. Тогда этого сдѣлать не удалось. Съ большей интенсивностью выдвинулся онъ послѣ выборовъ во вторую Думу; избирательная кампанія, поставившая партію лицомъ къ лицу съ широчайшими слоями массы, явилась немаловажнымъ стимуломъ въ этомъ направленіи.

Первые шаги въ этомъ направленіи дѣлаются. По крайней мѣрѣ въ прессѣ уже предпринимались попытки намѣтить основные штрихи общинной политики. Въ началѣ 1908 года совѣщаніе партійныхъ дѣятелей поставило общинный вопросъ въ числѣ очередныхъ вопросовъ партійной работы. Трудно сказать, въ какой мѣрѣ работа соціалдемократіи можетъ при существующихъ условіяхъ быть успѣшной въ данной области. Во всякомъ случаѣ, симптоматическое значеніе возросшаго интереса къ данной сферѣ общественной жизни несомнѣнно и характерно, какъ для самаго Бунда, такъ и для еврейскихъ партій

[1]) См. выше статью „Евреи“ С. Дубнова. Ред.

вообще. Надо отмѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ выдвинули данный вопросъ еще раньше и дѣлали уже попытки нѣкоторыхъ практическихъ шаговъ.

IV.

Если бундовское движеніе съ первыхъ же шаговъ развивалось, какъ рабочее движеніе, въ которомъ сразу же растворились немногочисленные кружки піонеровъ изъ интеллигенціи, то сіонистско-соціалистическія группы и партіи продѣлали свой „доисторическій періодъ“ развитія въ сторонѣ отъ рабочей борьбы, въ нѣдрахъ ярко-выраженнаго буржуазнаго теченія.

Онѣ вышли изъ среды сіонистской организаціи,—переняли отъ нея значительную часть своей программы, и лишь постепенно начали всасываться въ рабочую среду. Это и есть тѣ щупальцы, которыя тянутся отъ этой партіи въ рабочую массу. Вступаютъ съ ней во взаимодѣйствіе. Путемъ почкованія превращаются въ самостоятельныя политическія группы, оторвавшіяся отъ материнскаго организма, и вступаютъ съ нимъ въ концѣ концовъ въ борьбу.

Попытки создавать рабочія сіонистскія группы мы встрѣчаемъ уже съ конца девяностыхъ годовъ. Эти первыя группы „пойалэ-ціонъ“ (рабочіе сіонисты) еще совершенно ничтожны. Чужды политики; занимаются сіонистской агитаціей и „экомомической“ работой: артели, кассы, впослѣдствіи—стачки.

Поворотъ наступаетъ въ 1903 г. Рѣшающимъ моментомъ оказывается кишиневскій погромъ.

Глубоко взволновавъ всѣ слои еврейства, онъ вышибъ наиболѣе демократическіе элементы сіонизма изъ состоянія политической апатіи, столь характерной для сіонизма. Толкнулъ къ политической активности. Но толкнуть къ политической активности значило толкнуть къ рабочимъ. Ибо въ то время они были единственнымъ въ еврействѣ очагомъ политической энергіи. И на лѣвомъ флангѣ сіонизма началось комбинированіе сіонистской идеи съ соціалистической политикой.

Вся исторія этихъ группъ, пестрыхъ и многообразныхъ,—это исторія попытокъ связать воедино эти два элемента, сіонизмъ и соціализмъ. Различными путями и въ различныхъ видахъ. Пестрая картина теоретическихъ исканій; усиленная мозговая работа надъ созданіемъ новыхъ теорій, новыхъ формулъ.

Всѣ эти группы выросли на почвѣ надлома, и этотъ надломъ проходитъ красной нитью черезъ весь ихъ идейный обликъ. Стремленіе къ дѣятельному участью въ россійской освободительной борьбѣ связывается со стремленіемъ уйти прочь изъ „голуса“, изъ страны изгнанія, на свою, свободную землю.

Боевая активность и отзвуки паники. Отсюда неизбѣжная раздвоенность, двуликость. И вѣчные поиски словесныхъ формулъ, которыя могли бы замазать неустранимую расщелину.

Всѣ эти партіи имѣютъ одну, если не общую, то сходную, національную программу-максимумъ: свободная еврейская территорія. Для однихъ это Палестина, для другихъ невѣдомая земля; но у всѣхъ идея собственной земли. Это сближаетъ ихъ на первый взглядъ съ большинствомъ національныхъ партій другихъ націй: тоже территоріалисты. И въ этомъ сходствѣ дѣйствительно есть нѣчто въ достаточной мѣрѣ характерное. Поскольку территоріализмъ характеренъ для традиціонной постановки національнаго вопроса, не могущаго себѣ представить національнаго освобожденія внѣ освобожденія географическаго.

Но съ другой стороны именно въ этомъ территоріализмѣ еврейскихъ партій лежитъ нѣчто, рѣзко отличающее ихъ отъ всѣхъ другихъ и дѣлающее изъ нихъ своего рода unicum. Ибо партіи другихъ націй стремятся къ политическому освобожденію заселенныхъ ими областей. Данныя же партіи стремятся еще только къ *заселенію* областей, и то еще отсутствующихъ; стало быть, прежде всего къ пріобрѣтенію ихъ. Территоріализмъ другихъ партій—часть ихъ политической программы. Территоріализмъ же этихъ партій выдвигаетъ задачи, имѣющія болѣе, чѣмъ слабое касательство къ какой бы то ни было политической дѣятельности.

Такова національная „программа максимумъ“. Но рядомъ съ ней существуетъ и національная программа минимумъ: національныя задачи, которыя ставятся здѣсь, въ „странѣ изгнанія“—„пока“ впредь до осуществленія сіонистскаго идеала. Въ этомъ вопросѣ, который и составляетъ, собственно, интересующую насъ здѣсь тему, отдѣльныя группы даннаго лагеря расходятся между собою. Остановимся на двухъ важнѣйшихъ.

Первое мѣсто занимаетъ такъ наз. „Сіонистско-соціалистическая рабочая партія“, въ сокращенномъ наименованіи—партія „с. с.“.

„Надрывное“ настроеніе особенно характерно именно для этой партіи. Вторая характерная черта ея—стремленіе облечь свои теоретическія построенія въ форму марксистскихъ схемъ. По „діалектическому“ методу: въ формѣ смѣны контрастовъ. Суть схемы. Еврейская нація лишена „самостоятельнаго національнаго хозяйства“; вкраплена въ чужое хозяйство; слаба и менѣе приспособлена къ борьбѣ за существованіе. Вслѣдствіе этого еврейскій рабочій выбрасывается на задворки[1]). Еврейскій рабочій „не индустріализируется“. Не получая до-

[1]) „При той безпощадной борьбѣ за трудъ, которая теперь происходитъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, еврейскому пролетаріату, какъ группѣ, неорганизованной въ національно-экономическомъ смыслѣ, приходится либо оставаться въ отжившихъ от-

ступа къ машинной индустріи, онъ не является даже „настоящимъ“ пролетаріемъ. Его борьба безплодна. Чисто разрушительная борьба: она „не содержитъ въ себѣ позитивныхъ моментовъ, необходимыхъ для созданія соціалистическаго строя“. „Только разрушаетъ существующее, такъ какъ его (евр. раб.) экономическая база не содержитъ въ себѣ исторической возможности перехода къ высшему производственному порядку“. Взятая сама по себѣ она, „вмѣстѣ съ могучими тенденціями окружающаго капитализма *неизбѣжно привела бы его къ вырожденію*“. (Курсивъ нашъ. В. М.).

Гдѣ же выходъ? Отвѣчаютъ по-марксистски: явленіе превращается въ собственную противоположность. „Вытѣсненіе“ евреевъ создаетъ *эмиграцію*. А эмиграція—это и есть путь къ высшему производственному порядку.

Это мыслится такъ. Стремясь къ высшимъ формамъ хозяйства и наталкиваясь въ этомъ стремленіи на каменную стѣну, не могущія по настоящему пролетаризоваться рабочія массы „вынуждены эмигрировать изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ и концентрируются въ новыхъ странахъ“. Но и здѣсь они наталкиваются на сложившійся „чужой“ хозяйственный организмъ. Та же стѣна. Отсюда новая тенденція—послѣдній этапъ: сосредоточеніе на свободной, незанятой еще, своей собственной землѣ. „Концентрація еврейскихъ народныхъ массъ на свободной территоріи, гдѣ должны возникнуть нормальныя экономическія условія и гдѣ, наконецъ, сможетъ проявиться творческій моментъ его (пролет.) классовой борьбы“. Основная мысль, такимъ образомъ: чрезъ вырожденіе къ возрожденію. Вырожденіе—здѣсь, въ странѣ изгнанія. Возрожденіе—„тамъ“. Все „творческое“ связывается съ территоріализмомъ, съ работой, ведущей къ нему. Національное творчество „здѣсь“ отвергается.

Съ этой точки зрѣнія „с. с.“ отвергаютъ какую бы то ни было національную программу. Никакихъ національныхъ задачъ въ „странѣ изгнанія“. Новыхъ формъ общественной или національной жизни еврейскій рабочій не можетъ создать для себя въ „голусѣ“. „Масштабъ его творческихъ соціалистическихъ стремленій слишкомъ великъ для мизерныхъ формъ нашей „голусной экономики... То же самое происходитъ по отношенію къ національному положенію еврейскаго пролетаріата. У него не могутъ появляться никакія положительныя національныя задачи по отношенію къ „голусу“. Въ національномъ смыслѣ онъ ничего здѣсь не можетъ создать“. „Мы не можемъ въ странахъ діаспоры выставлять положительныхъ національныхъ требо-

---

расляхъ производства, либо создавать, наряду съ существующимъ машиннымъ производствомъ, мануфактурную и домашнюю индустрію (sweating-system), компенсируя техническую отсталость послѣдней кровью и потомъ старыхъ и молодыхъ, женщинъ и дѣтей“. Эту и слѣдующія выдержки беру изъ офиц. брошюры: „Евр. пролетарій“. С.П.Б. 1906. Стиль подлинника.—

ваній“ [1]). Къ тому же, здѣсь, въ діаспорѣ комплексъ „уже имѣющихся и предвидѣнныхъ національныхъ потребностей еврейскаго пролетаріата довольно незначителенъ“. И такъ какъ сумма этихъ потребностей слишкомъ мала, то мы не можемъ требовать для ихъ удовлетворенія никакихъ сложныхъ національныхъ или государственныхъ институтовъ, подобно бундовской автономіи. „Въ странахъ діаспоры еврейскій пролетаріатъ можетъ и долженъ выставить только общедемократическія требованія [2]). Такимъ образомъ, у. „с. с.“ нѣтъ національной программы. Чрезвычайно любопытную черту представляетъ собою этотъ національный максимализмъ. Высокая степень напряженности національнаго чувства и безплодность его для еврейской дѣйствительности: оно уходитъ цѣликомъ въ поиски „земли обѣтованной“, за предѣлы реальныхъ отношеній; въ результатѣ—національный пустоцвѣтъ.

Иначе комбинируется сіонистскій максимумъ съ національнымъ минимумомъ у другой партіи—слѣдующей по размѣрамъ и по старшинству (сложилась въ концѣ 1905 г.; „с.с.“—въ началѣ того же года)—въ такъ называемой „Еврейской соціалистической рабочей партіи“. Въ сокращенномъ наименованіи—„е. с.“ или „сеймовцы“.

И для этой партіи, такъ же какъ для „с.с.“, еврейство представляется въ видѣ отдѣльнаго соціально-экономическаго цѣлаго, врывающагося въ тѣла другихъ націй. Это отдѣльное экономическое цѣлое „служитъ объектомъ соціально-экономической эксплоатаціи для такъ называемыхъ „настоящихъ“ націй, непосредственно дѣлающихъ исторію“ [3]). Такъ же какъ господствующій классъ извлекаетъ изъ эксплоатируемаго класса прибавочную цѣнность, такъ же извлекаетъ „прибавочную цѣнность“ господствующая нація изъ угнетенной. Рядомъ съ борьбой классовъ—борьба націй. Надо замѣтить, что та старательность, которую обнаруживаютъ „с.с.“ по отношенію къ марксизму, у „е. с.“ совершенно отсутствуетъ. Въ смыслѣ теоретическаго міровоззрѣнія они не являются представителями какой-бы то ни было опредѣленной доктрины. Въ партійномъ отношеніи они стоятъ близко къ с. р-амъ.

Несмотря на теорію національной эксплоатаціи, взгляды „е. с.“ на судьбы еврейства рѣзко отличаются отъ безнадежно скептическихъ сужденій „с. с.“. Правда, они признаютъ вмѣстѣ съ послѣдними, что „переходъ еврейской массы къ высшимъ формамъ производительнаго труда чрезвычайно затруднителенъ [4]), подчеркиваютъ „отсталость и убожество сферъ приложенія труда для еврейскихъ рабочихъ“ [5]). Заявляютъ, что рано или поздно

[1]) Нищукъ. Наши нац. требованія стр. 9—10.
[2]) Ibidem. стр. 12, 16.
[3]) Сборникъ „Возрожденіе“ стр. 12.
[4]) „Возрожденіе“, стр. 15.
[5]) Сборникъ „Серпъ“ № 1, 1907 г. стр. 32.

„исходъ“ изъ странъ изгнанія и сосредоточеніе на своей землѣ неизбѣжно и необходимо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрятъ въ возрожденіе еврейской націи здѣсь въ діаспорѣ. Пусть это лишь возрожденіе - минимумъ, за которымъ должно послѣдовать возрожденіе - максимумъ въ собственной странѣ. Важно, что къ этому конечному этапу ведетъ путь не чрезъ вырожденіе—какъ у „с. с.“,—а наоборотъ, чрезъ повышеніе, чрезъ „лучшее“ къ „самому лучшему“.

Естественно, что національную программу мы у этой партіи встрѣчаемъ. Основной пунктъ—сеймъ; отсюда названіе — сеймовцы. Дѣло идетъ о „національной автономіи“. Но не о „національно-культурной“, какъ у Бунда, а „національной“ tout court. Основной признакъ обѣихъ одинаковъ. Это—экстерриторіальность, персональный принципъ. Но на этомъ сходство кончается. Для Бунда автономія—это отвѣтъ на еврейскій вопросъ, разрѣшаемый здѣсь въ Россіи, для „е. с.“ автономія—это путь къ созданію самостоятельнаго еврейскаго общества на свободной землѣ. Чрезъ національную автономію въ Россіи—къ территоріальной самостоятельности „тамъ“. Это тотъ способъ „организаціи народныхъ силъ, при которомъ сможетъ опредѣлиться организованная національная воля еврейскаго народа, дающая то или иное направленіе его историческимъ судьбамъ. Могучее идейное вліяніе пролетаріата направитъ эту волю къ окончательному освобожденію отъ цѣпей національнаго рабства къ самостоятельной территоріи [1]). Сеймъ будетъ въ состояніи это сдѣлать, какъ „могущественный и прочный національный союзъ, являющійся юридическимъ лицомъ и обладающій внѣшними и внутренними средствами для проведенія своей воли“. Но сеймъ—это не только организація для ухода. Это органъ возрождающейся еврейской націи, обслуживающій ея нужды, отвѣчающій ея интересамъ въ странѣ изгнанія. И здѣсь у е. с. проявляется типичное тяготѣніе къ максимальному расширенію его задачъ и сферы дѣятельности. Это понятно, ибо въ представленіи партіи автономный органъ долженъ концентрировать въ себѣ всесторонне „народную волю“. Бундовская автономія признается „куцой“. Автономія должна быть всесторонней; самостоятельность—максимальной. Совпадетъ ли это съ максимальной цѣлесообразностью—вопросъ особый. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ конкретной программѣ живѣйшее стремленіе къ расширенію ограничивается волей неволей сравнительно небольшими поправками къ „куцой“ программѣ. Но само стремленіе все же налагаетъ специфическій отпечатокъ на постановку проблемы.

За вычетомъ „с. с.“ и „е. с.“ можно было бы насчитать еще цѣлый рядъ группъ и группокъ сіонистическаго соціализма. Большинство ихъ сошло

[1]) „Возрожденіе“, стр. 77.

со сцены. Отмѣтимъ одну, существующую и теперь (по крайней мѣрѣ формально): „Евр. соціалдемократ. рабоч. партія пойалэ-ціонъ“. Группа эта раздѣляетъ съ „с. с.“ отрицательное отношеніе къ автономіи. Въ ея національной программѣ-максимумъ фигурируетъ Палестина.

V.

Переходимъ къ *украинскому* движенію. Здѣсь та же любопытная особенность, съ которой мы встрѣтились, говоря о евреяхъ. И здѣсь подвергается сомнѣнію самая наличность національной проблемы.

Національное своеобразіе сохранилось у украинцевъ, главнымъ образомъ, въ деревняхъ. Городское населеніе вообще, а интеллигенція въ особенности— въ огромной части своей обрусѣло. Отсюда то же явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ еврейской средѣ: ассимиляціонная полоса въ настроеніи соціалистической интеллигенціи [1]). Отсюда—совершенное отрицаніе какой бы то ни было національной программы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрицаніе національной организаціи украинскаго пролетаріата. Выразителемъ этого настроенія является украинская „спілка“Россійской соціалдемократической рабочей партіи. Иную позицію занимаетъ и иное настроеніе выражаетъ „Украинская с. д. рабочая партія“. Одна изъ наиболѣе молодыхъ и небольшихъ соціалистическихъ партій Россіи, она успѣла продѣлать довольно типичную эволюцію. Офиціальный докладъ этой партіи, представленный ею международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ (въ 1904 году), разсказываетъ объ этомъ такъ: „Дѣятельность Р. У. П. (первоначальное названіе партіи было „Революціонная украинская партія“. В. М.) на первыхъ порахъ развивалась въ двухъ направленіяхъ, соотвѣтственно съ тѣми двумя теченіями, которыя находили себѣ мѣсто въ ея средѣ—соціалистическому и радикально-націоналистическому. Этотъ смѣшанный составъ партіи долженъ былъ отразиться и на партійной литературѣ“. Наряду съ популярной брошюрой „Дядько Дмитро“, выдержанной въ соціалдемократическомъ духѣ, издается для интеллигенціи „Самостійна Украіна“, „про которую можно сказать все, что угодно, но только не то, что она имѣетъ что-либо общее съ соціализмомъ“.

---

[1]) „На нашъ взглядъ,—пишетъ П. Лукашевичъ въ соціалдемократическомъ „Вѣстникѣ Жизни“ (1907 г. № 1)—дѣло состоитъ въ томъ, что жизнь украинскаго народа слишкомъ переплелась съ жизнью русскаго народа и не только въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, но и въ *культурномъ*. Самостоятельной, украинской культуры нѣтъ“. „Поскольку Украйна живетъ культурной жизнью, она живетъ культурной жизнью *русской*. Русская литература, русская печать, русская наука для каждаго культурнаго обитателя Украйны несомнѣнно столь же свои, родныя, сколько и для любого культурнаго жителя Калуги, Москвы, Петербурга“.

„Несмотря однако на такую „терпимость“ партійныхъ редакцій—продолжаетъ отчетъ — первый же номеръ партійной газеты „Гасло“, газеты, соціализмъ которой былъ по указаннымъуже причинамъ весьма невысокаго свойства, такъ раздразнилъ націоналъ-демократовъ, что они рѣшили выступить изъ Р. У. П. и заложить новую организацію“. Въ январѣ 1904 г. центральный комитетъ выпускаетъ декларацію, въ которой констатируется рѣшительное вступленіе партіи на соціалдемократическій путь. Окончательную ликвидацію остатковъ украинофильства означаетъ второй съѣздъ партіи въ концѣ 1905 года. Принимается новая программа и новое названіе.

Національная программа Украинск. соціалдемокр. партіи опирается на требованіе автономіи для Украйны. „Принимая во вниманіе—гласитъ резолюція II-го съѣзда,—что національный гнетъ, какъ одно изъ проявленій господства капитала въ современномъ буржуазномъ обществѣ, ведетъ къ культурной, экономической и политической отсталости угнетенныхъ націй и этимъ препятствуетъ развитію классоваго сознанія и классовой борьбы пролетаріата этихъ націй; „что національный гнетъ, порождая среди всѣхъ классовъ „господствующей“ и „угнетенной“ націи идею націонализма и солидарности классовъ, затемняетъ противоположность классовыхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи; что благодаря всему этому усугубляется господство буржуазіи надъ пролетаріатомъ; Съѣздъ заявляетъ: „Образуя одинъ изъ отрядовъ международной соціалдемократіи, возстающей не только противъ экономической, но и противъ всякой эксплоатаціи и всякаго угнетенія, противъ кого бы оно ни направлялось, — У. С. Д. П. будетъ самымъ энергичнымъ образомъ вести борьбу противъ національнаго гнета, за равныя права всѣхъ націй на свободное существованіе и свободное развитіе, твердо отстаивая права націй на культурное и политическое самоопредѣленіе [1]).

Исходя изъ этихъ предпосылокъ и переходя къ вопросу объ Украйнѣ, партія находитъ, что:

„процессъ экономической централизаціи является лишь одной стороной экономической эволюціи, другой же стороной ея является экономическая децентрализація, влекущая за собой децентрализацію политическую;

„что политическія формы приспособляются къ индивидуальнымъ, экономическимъ, бытовымъ, психологическимъ и культурнымъ условіямъ каждой націи;

„что демократизація государственнаго строя требуетъ децентрализаціи законодательства, администраціи и суда; что въ интересахъ устраненія—поскольку это возможно въ капиталистическомъ обществѣ національнаго гнета

---

[1]) „Вільна-Україна“ ежемѣсячникъ, СПБ. 1906 г. № 3, стр. 109.

необходима передача всѣхъ тѣхъ дѣлъ, въ средѣ которыхъ проявляется національный гнетъ, въ руки представительнаго учрежденія національно-территоріальной единицы".

Въ виду всего этого съѣздъ, „въ интересахъ развитія классовой борьбы и производительныхъ силъ Украйны включаетъ въ свою программу постулатъ автономіи Украйны съ областнымъ сеймомъ, компетентнымъ въ тѣхъ дѣлахъ, которыя касаются лишь населенія украинской территоріи" [1]).

Болѣе точнаго опредѣленія компетенціи автономныхъ учрежденій съѣздъ не далъ. Интересно одно. Въ программномъ вопросѣ партія стоитъ на обычной территоріалистической точкѣ зрѣнія. Правда, въ аргументаціи фигурируютъ мотивы, говорящіе въ пользу иного воззрѣнія—ссылки на культурныя, психологическія и бытовыя особенности націи (эти особенности различны для различныхъ націй, живущихъ на одной и той же общей территоріи),— но восходъ гласитъ все же: національно-*территоріальная* автономія. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ вопросѣ организаціоннаго строительства партіи, У. С. Д. Р. П. становится на иную точку зрѣнія, на точку зрѣнія Бунда, отстаивающаго и проводящаго въ жизнь принципъ національныхъ организацій, „не ограниченныхъ районными рамками" [2]).

Въ соціалистическомъ движеніи *армянъ* тоже можетъ быть отмѣчена идейная полоса, родственная по своему настроенію „анаціональнымъ" теченіямъ, съ которыми мы встрѣчаемся среди евреевъ и украинцевъ. И здѣсь она находитъ себѣ мѣсто въ рядахъ организацій Росс. С. Д. Р. Партіи. Это отзвуки тѣхъ взглядовъ, которые когда-то „Искра" сформулировала характерными словами: „не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализацію и національную автономію; не дѣло пролетаріата выставлять подобныя требованія, неминуемо сводящіяся къ требованію создать автономное классовое государство. Дѣло пролетаріата тѣснѣе сплачивать какъ можно болѣе широкія массы

---

[1]) Ibid. стр. 110.

[2]) „Лишь такія національныя организаціи,—говоритъ резолюція того же съѣзда,— выростающія изъ всей суммы конкретныхъ условій жизни пролетаріата каждой данной націи, могутъ лучше всего выяснить противоположность классовыхъ интересовъ, бороться съ націоналистическими тенденціями въ средѣ каждой націи, развивать классовое сознаніе, вести и направлять классовую борьбу пролетаріата каждой націи въ общей экономической и политической борьбѣ рабочаго класса всего государства". Вмѣстѣ съ Бундомъ украинская партія представляетъ собой наиболѣе совершенный типъ общегосударственной рабочей партіи, какъ федеративное соединеніе національныхъ соціалдемократическихъ организацій.

[3]) Ibid, стр. 110.

рабочихъ всѣхъ и всяческихъ національностей, сплачивать для борьбы на возможно болѣе широкой аренѣ".

На противоположномъ полюсѣ армянскаго соціализма фигурируетъ движеніе, нѣсколько напоминающее собою наиболѣе націоналистическіе моменты въ дѣятельности П. П. С., но съ еще болѣе сильнымъ преобладаніемъ чуждыхъ соціализму патріотическихъ элементовъ надъ соціалистическими. Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого движенія является партія армянскихъ федералистовъ: „Дашнакцутюнъ", иначе именуемая (по названію ихъ органа) „партіей дрошакистовъ". Первоначально—это была партія, сосредоточивавшая свою дѣятельность исключительно въ Турецкой Арменіи, и лишь въ девятисотыхъ годахъ перенесшая свою дѣятельность въ русское Закавказье. Партія, сложившаяся въ полудикой обстановкѣ, при полномъ почти отсутствіи современныхъ классовъ, современныхъ условій политической борьбы. Воспиталась главнымъ образомъ на борьбѣ физической; не столько на идейной работѣ, сколько на вооруженныхъ столкновеніяхъ. Съ соціализмомъ имѣла мало общаго. Впослѣдствіи соціалистическая струя начала пробиваться нѣсколько сильнѣе. Но элементы боевого революціонизма по прежнему играютъ рѣшающую, если не доминирующую, роль.

Очень расположенный къ этой партіи органъ соц.-рев. „Знамя труда" пишетъ объ этомъ [1]): „соціалистическому ядру грозила опасность совершенно расплыться и утонуть въ массѣ... элементовъ, часто равнодушныхъ, а иногда даже враждебныхъ соціализму". „Часть армянской буржуазіи пыталась создать внутри Дашнакцутюна анти-соціалистическую реакцію. Съ другой стороны татарскія нападенія (рѣчь идетъ о печальной памяти армяно-татарской рѣзнѣ. В. М.) заставили Дашнакцутюнъ создать многочисленные кадры дружинниковъ, своего рода національную защитную милицію, сдѣлавшую своей спеціальностью борьбу съ татарами. Въ этой борьбѣ разжигалось національное чувство, улетучивались общечеловѣческіе идеалы. Послѣ примиренія съ татарами цѣлый рядъ дружинъ оказался совершенно чуждымъ всѣмъ болѣе глубокимъ задачамъ партійной работы".

На этой почвѣ возникъ процессъ, аналогичный тому, который мы констатировали въ П. П. С. Стремленіе соціалистическихъ элементовъ къ очищенію отъ чуждыхъ имъ элементовъ буржуазнаго патріотизма и революціоннаго авантюризма. Процессъ этотъ весьма труденъ и сдѣлалъ еще всего лишь первые шаги. Начались расколы, дробленіе на фракціи, выступленія изъ партіи и прочее. Къ чему приведетъ эта эволюція, трудно сказать.

Національная программа русской части Дашнакцутюнъ требуетъ феде-

---

[1]) № 5, 1907 г. 12 стр. стр. 5—6.

ративнаго устройства Россіи, въ составъ которой Закавказье будетъ входить на началахъ широчайшей автономіи. Считаясь съ пестротой національнаго состава Закавказья, партія требуетъ далѣе созданія „кантоновъ“, пользующихся широкой автономіей въ коммунальныхъ вопросахъ. „При обозначеніи границъ кантоновъ необходимо считаться съ топографическими и этнографическими особенностями страны въ цѣляхъ образованія возможно болѣе однородныхъ группировокъ“. „Наконецъ, для огражденія правъ національныхъ меньшинствъ программа предлагаетъ „распредѣленіе бюджета на просвѣтительныя цѣли въ государствѣ и кантонахъ пропорціонально численности различныхъ національностей. Спеціально избранные для этой цѣли органы должны будутъ слѣдить за примѣненіемъ этого бюджета, равно какъ и за организаціей самого просвѣщенія“. Особый пунктъ программы оговариваетъ вопросъ о языкахъ въ администраціи [1]).

Рядомъ съ Дашнакцутюнъ фигурируетъ партія „Гнчакъ“. Характернымъ для первоначальнаго облика этой партіи является то же смѣшеніе соціалистическихъ и радикально-буржуазныхъ элементовъ. Характернымъ для дальнѣйшей эволюціи то же стремленіе соціалистическихъ элементовъ къ очищенію отъ постороннихъ наростовъ. Если соціалистическіе элементы Дашнакцутюна обнаруживаютъ извѣстное тяготѣніе къ соціалистамъ-революціонерамъ, то въ средѣ „Гнчака“ намѣтилось тяготѣніе къ с.-д. Уже въ 1904 году эта партія прислала Плеханову мандатъ для представительства отъ ея имени на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ. На выборахъ въ государственную думу партія выступала совмѣстно съ соціалдемократами противъ федералистовъ.

Отдѣльное мѣсто занимаетъ „Армянская соціалдемократическая рабочая Организація“. Это организація еще болѣе молодая, чѣмъ украинская партія. Сложилась въ 1904 году. Съ рѣзкимъ отрицаніемъ относится къ націоналистической политикѣ Дашнакцутюна; отмежевываетъ себя съ другой стороны и отъ національнаго индифферентизма, характернаго для нѣкоторой части „искровскихъ“ соціалдемократовъ. Центральнымъ пунктомъ расхожденія ея съ кавказскими организаціями Росс. с. д. р. партіи былъ тотъ же организаціонный вопросъ, изъ-за котораго еще раньше возникъ и обострился конфликтъ Росс. с. д. р. п. съ Бундомъ. Вмѣстѣ съ Бундомъ и украинцами, армянская с.-д. организація стоитъ на точкѣ зрѣнія національныхъ организацій.

---

[1]) „Обязательное знаніе двухъ главныхъ мѣстныхъ языковъ для должностныхъ лицъ кантоновъ и общинъ, трехъ мѣстныхъ языковъ для администраціи всего края. Государственный языкъ обязателенъ“.

VI.

Не задаваясь цѣлью исчерпать въ своемъ изложеніи всѣ національныя соціалистическія партіи Россіи, мы ограничимся охарактеризованными выше организаціями; онѣ въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ отличительныя черты движенія.

Мы разсматривали ихъ до сихъ поръ во-первыхъ изолированно, брали ихъ порознь, какъ отдѣльныя самостоятельныя единицы. А во-вторыхъ, мы останавливались преимущественно на ихъ программахъ, на ихъ заявленіяхъ, а не на ихъ практикѣ. Необходимо разсмотрѣть національныя партіи въ ихъ практической дѣятельности и въ ихъ взаимодѣйствіи.

Идея интернаціональнаго единства и интернаціональной солидарности красной нитью проходитъ чрезъ весь идейный укладъ современнаго соціалистическаго движенія. Этотъ наиболѣе отвлеченный и вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, наиболѣе глубокій принципъ пролетарскаго движенія, завершающій и закругляющій міровоззрѣніе современнаго соціализма, является вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно торжественной, какъ бы праздничной идеей рабочаго класса. Имъ дорожатъ и гордятся. И всякое заподазриваніе въ невѣрности ему воспринимается, какъ глубокое оскорбленіе. Это повсюду такъ, и въ Россіи не меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. И, несмотря на это, соціалистическое движеніе Россіи—столь пестрое по своему національному составу—представляется разрозненнымъ и раздробленнымъ въ чрезвычайно сильной степени. И его исторія съ избыткомъ полна всевозможныхъ внутреннихъ конфликтовъ, въ которыхъ отдѣльныя національныя организаціи выступаютъ, какъ враждебныя стороны, тяжущіяся между собой.

Казалось бы,—это противорѣчіе. Но это лишь кажется такъ. И краткій обзоръ междунаціональныхъ отношеній въ средѣ соціалистическихъ партій обнаружитъ это съ достаточной очевидностью.

Прежде всего, необходимо исключить одинъ весьма важный моментъ, создающій распри, но не имѣющій ничего общаго съ національной враждой. Это то обстоятельство, что соціалистическія партіи въ Россіи распадаются на двѣ основныя группы, различающіяся между собой по всему своему принципіальному міровоззрѣнію, программѣ и тактикѣ,—группу соціалдемократическую и группу, такъ или иначе примыкающую къ с.-р—овскому типу. Этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ обусловливаетъ собою дробленіе россійскаго соціалистическаго движенія; въ силу нѣкотораго оптическаго обмана можетъ иной разъ казаться, что рѣчь идетъ о контрастѣ между различными національными группами — когда въ столкновеніе приходятъ, скажемъ, *русскіе*

соціалдемократы и *армянскіе* дрошакисты. Ясно, однако, что по существу рѣчь идетъ о совершенно другой линіи раздѣленія, проходящей по существу внутри каждой націи, а не между ними.

Но есть другая категорія конфликтовъ, которая протекаетъ въ рамкахъ одного и того же направленія: борьбы отдѣльныхъ національныхъ организацій за право существованія. Сюда относится небезызвѣстный даже и въ широкой публикѣ долгій споръ между Бундомъ и Россійской соц.-дем. раб. партіей, отрицавшей за нимъ право на самостоятельное существованіе; еще болѣе старые конфликты между Бундомъ и п. п. с.; болѣе новыя столкновенія между Бундомъ же и п. с. д.; соперничество между той же Росс. соц.-дем. р. п. и украинской соціалдемократіей; борьба той же партіи съ армянскими соціалдемократами; наконецъ, старые конфликты между п. п. с. и литовской соціалдемократіей.

Длинный рядъ столкновеній, и на этотъ разъ враждующими сторонами выступаютъ уже дѣйствительно національныя организаціи, какъ таковыя; споръ вертится въ той или иной формѣ вокругъ національнаго вопроса.

Остановимся сперва на фактической сторонѣ этой длительной распри. Непосредственнымъ источникомъ ея былъ и остается все тотъ же территоріализмъ, о которомъ мы уже неоднократно говорили выше. Но территоріализмъ не программный, а организаціонный. Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ тяжущіяся стороны распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Въ одномъ лагерѣ—въ лагерѣ нападающихъ—партіи территоріальныя, желающія включить въ свои ряды всѣхъ рабочихъ данной территоріи, данной области, страны или государства, безъ различія національностей, высказывающіяся противъ національныхъ группировокъ. Таковы: п. п. с., п. с. д. и росс. с.-д. р. партія. Въ другомъ лагерѣ—въ лагерѣ обороняющихся,—національныя партіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. партіи, ставящія своей задачей руководство и организацію борьбы рабочихъ *данной національности*, и *только* данной національности. Таковъ Бундъ, Украинская партія, Армянская организація. И такъ какъ эти національныя партіи работаютъ на тѣхъ же земляхъ, на которыя заявляютъ свои претензіи территоріальныя партіи, то естественно и неизбѣжно отсюда вытекаетъ конкурренція, борьба за сферу вліянія и затяжные конфликты.

Особенно упорный и длительный характеръ носила (отчасти не прекратившаяся еще и понынѣ) борьба съ Бундомъ. Ибо, во-первыхъ, движеніе еврейскихъ рабочихъ съ первыхъ же шаговъ сложилось въ самостоятельную силу, съ величайшей рѣшительностью отвергающую всякія покушенія, откуда бы они ни исходили. А во-вторыхъ, оно охватило цѣлый рядъ районовъ, сталкиваясь въ Польшѣ съ польскими, на Литвѣ—съ литовскими партіями,

на югѣ—съ „россійскими“ комитетами. Всѣ они желали во что бы то ни стало включить еврейскихъ рабочихъ въ свои ряды, а для этого необходимо было уничтожить еврейскую организацію. Отсюда острая борьба.

Хронологически первое мѣсто заняла въ этомъ отношеніи п. п. с. Съ ея стороны аттаки шли еще въ 90-ыхъ годахъ. И въ самой рѣзкой формѣ—вплоть до обвиненія въ руссификаціи, вплоть до упрековъ въ воскрешеніи традицій Муравьева и т. п. Рѣзкость впослѣдствіи притупилась, но аттаки продолжались. Впрочемъ, въ борьбѣ п. п. с. противъ Бунда очень видное мѣсто игралъ чисто программный вопросъ—о требованіи независимости Польши, котораго Бундъ не хотѣлъ поддержать,—и этотъ вопросъ придавалъ взаимнымъ отношеніямъ партіи особую остроту. Впослѣдствіи къ аттакамъ п. п. с. присоединились п. с. д. и л. с. д. Въ русской литературѣ вела небезызвѣстную кампанію заграничная „Искра“. Это былъ долгій и—для нападающихъ, по крайней мѣрѣ,—безплодный споръ. Потому что уничтожить Бундъ не удалось. Для этого нужно было бы уничтожить нѣчто большее—еврейское рабочее движеніе, естественнымъ выразителемъ котораго онъ служитъ. Этого никто не хотѣлъ.

Единственнымъ результатомъ былъ организаціонный расколъ, благодаря которому Бундъ, стоявшій въ рядахъ Росс. соціалдем. рабоч. партіи съ самаго момента ея созданія (1898 г.) находился въ теченіе трехъ лѣтъ (1903—1906) внѣ ея. Въ 1906 году произошло вновь объединеніе, на началахъ нѣкотораго компромисса. Устойчивое равновѣсіе нельзя еще считать достигнутымъ. Аналогичныя аттаки велись Р. с. д. партіей противъ украинскихъ и противъ армянскихъ соціалдемократовъ. Съ послѣдними лондонскій съѣздъ 1907 года постановилъ объединиться.

Такова фактическая сторона дѣла. Во враждебной соціалдемократіи литературѣ не разъ дѣлались попытки истолковать эти конфликты, какъ проявленія національной вражды. Намъ думается, однако, что эти попытки страдаютъ величайшей поверхностностью. Интересно отмѣтить, прежде всего, одно чрезвычайно характерное обстоятельство. Въ борьбѣ съ національными организаціями—Бундомъ, украинцами,—нападающая сторона, эта принципіальная противница организаціонной группировки пролетаріата по національностямъ, видѣла себя вынужденной въ цѣляхъ конкурренціи создавать спеціальныя организаціи для дѣятельности среди еврейскаго или, скажемъ, украинскаго пролетаріата, создавать свои собственные маленькіе „бундики“. На этотъ путь давно вступила п. п. с., недавно—л. с. д., ранѣе ея — росс. с.-д. р. п. Это очень любопытный результатъ борьбы съ „національнымъ обособленіемъ“, и этотъ результатъ свидѣтельствуетъ о томъ, что движущимъ факторомъ этой борьбы была не національная рознь, а простое организаціонное недо-

мысліе. И въ самомъ дѣлѣ, руководящимъ мотивомъ наступательныхъ дѣйствій всегда являлось нѣчто діаметрально противоположное національной враждѣ: стремленіе къ возможно болѣе тѣсной интернаціональной связи. Въ глазахъ нападавшихъ національныя партіи представлялись не тѣмъ, чѣмъ они являются на самомъ дѣлѣ,—естественной и совершенно необходимой формой пролетарской организаціи,—а чѣмъ-то вродѣ средостѣній, искусственно разбивающихъ пролетарское единство. И они хотѣли уничтожить эти средостѣнія въ интересахъ международнаго единенія. Пусть опытъ показалъ, что аттакующіе жестоко заблуждались, что ихъ аттаки только разрушали единство, что ихъ неловкія объятія грозили задушить движеніе. Субъективныя стремленія ихъ, однако, были самыя благія.

И затѣмъ еще одно. Говоря о еврейскомъ движеніи, мы отмѣчали уже наличность обширнаго слоя ассимилированной еврейской интеллигенціи, покинувшей еврейскую среду. Аналогичный слой мы встрѣчаемъ и у армянъ, и у украинцевъ, и у литовцевъ. Эти элементы въ изобиліи разсѣяны по всякаго рода политическимъ партіямъ другихъ націй—русской, польской,—и въ значительномъ количествѣ находятся въ рядахъ соціалистическихъ партій. И вотъ, въ той борьбѣ, которую „территоріальныя“ партіи ведутъ противъ самостоятельной еврейской, или украинской, или какой-либо иной національной организаціи, эти выходцы изъ данной національной среды, эта обрусѣвшая или ополяченная интеллигенція играетъ чрезвычайно важную, быть можетъ, рѣшающую роль.

Эта интеллигенція, покинувшая свой національный лагерь, естественно въ силу всего своего психологическаго уклада настроена противъ всего того, что такъ или иначе напоминаетъ о своеобразіи этой національной среды, о самостоятельности національной жизни. Она то, естественно выступающая въ роли эксперта по „инородческимъ“ вопросамъ, поддерживаетъ и питаетъ эти конфликты. И если принять это во вниманіе, то вся борьба, рисующаяся на первый взглядъ въ видѣ борьбы между представителями разныхъ націй, оказывается въ значительной мѣрѣ не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ внутренняго домашняго спора, идущаго въ средѣ *одной и той же націи* между отдѣльными ея теченіями—ассимиляторскимъ и національнымъ.

Несмотря на всѣ эти споры, осложняющіе и засоряющіе взаимныя отношенія, тяга къ объединенію или хотя бы сближенію сказывается съ давнихъ поръ, одерживая зачастую верхъ надъ всѣмъ тѣмъ, что такъ или иначе гонитъ врозь отдѣльныя организаціи. По своей объективной тенденціи (въ значительной мѣрѣ совпадающей и съ субъективными пожеланіями) этотъ объединительный процессъ клонится къ образованію двухъ, если можно такъ

выразиться, россійскихъ интернаціоналовъ (впрочемъ, весьма не схожихъ между собой и отнюдь не равноцѣнныхъ) — одного, соціалдемократическаго и другого смѣшаннаго, болѣе или менѣе с.-р.—скаго типа.

Внутреннее скрѣпленіе соціалдемократическихъ организацій подготовлялось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Происходили общія конференціи, ставившія своей цѣлью установленіе общихъ политическихъ директивъ — первая конференція такого рода засѣдала въ январѣ 1905 года, — а въ отдѣльныхъ городахъ, едва ли не повсюду, гдѣ только существовали параллельныя національныя организаціи, во времена „событій“ происходило сплоченіе и координированіе, преимущественно на началахъ федеративнаго объединенія, или же — въ случаѣ невозможности этого — простого информированія и соглашенія. Создавались общіе комитеты—„федеративные“, „объединенные“, „информаціонные“, которые подчасъ руководили „выступленіями“, издавали общіе листки и проч. Въ настоящее время соціалдемократическій интернаціоналъ является болѣе или менѣе оформленной организаціей. За исключеніемъ литовцевъ и украинцевъ, остальныя организаціи — П.С.Д., Бундъ, Латышская с. д. и Армянская с. д. (объединеніе съ послѣдней еще не завершено) входятъ въ составъ общей Россійской с. д. партіи. Впрочемъ, объединеніе это фактически проведено лишь въ центральныхъ учрежденіяхъ; мѣстныя организаціи почти повсюду ведутъ еще и понынѣ вполнѣ самостоятельное существованіе. Несмотря на довольно централистическій уставъ, партія носитъ въ настоящее время de facto скорѣе федеративный характеръ.

С.-р.—скій интернаціоналъ выражается частью въ идейной близости, частью въ форменныхъ блокахъ. Изъ области организаціонныхъ шаговъ отмѣтимъ конференцію соціалистическихъ организацій, созванную въ началѣ 1907 г. с. р-ами со спеціальной задачей — обсудить національный вопросъ. Приглашены были исключительно партіи и группы с. р-овскаго типа или почему-либо сопричисленныя къ нему иниціаторами. Въ числѣ приглашенныхъ фигурировали армянскіе дрошакисты, п. п. с., грузинскіе „соціалисты-федералисты-революціонеры“, еврейскіе сеймовцы, а затѣмъ и такія безвѣстныя организаціи, какъ „чувашскій союзъ партіи с. р.“, „эстонская партія с. р.“, „якутскій союзъ с. р.“, „бурятскій союзъ с. р.“, „греческая группа с. р.“ и т. д. Всего пятнадцать. Присутствовали на конференціи, однако, только пять. Рѣшено образовать секретаріатъ, издавать органъ, созывать съѣзды и пр. Повидимому, все это осталось на бумагѣ.

Дѣлались, наконецъ, попытки сближенія соціалдемократическихъ съ несоціалдемократическими организаціями. Попытки центральнаго соглашенія терпѣли фіаско. На мѣстахъ же, во времена „событій“ сплошь да рядомъ создавались общія информаціонныя и координирующія учрежденія.

VII.

Условія русской политической жизни давали до сихъ поръ соціалистическимъ партіямъ сравнительно мало простору для конкретныхъ національныхъ „дѣйствій“, для реальной „національной практики“. Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить три области, въ которыхъ все же проявилась эта практика: выборы въ государственную думу, борьба съ погромами и профессіональное движеніе.

На выборахъ въ государственную думу (мы имѣемъ въ виду вторую и третью кампанію, въ первой соціалисты не участвовали) національный вопросъ далеко еще не былъ поставленъ во всемъ своемъ объемѣ. Тѣмъ не менѣе на окраинахъ національный моментъ игралъ весьма значительную роль. Избирательная борьба—по крайней мѣрѣ въ средѣ буржуазныхъ партій—велась здѣсь въ значительной мѣрѣ, едва ли не главнымъ образомъ, по линіи *національнаго* дѣленія. Кандидатура „русскаго человѣка“ противъ инородца—былъ лозунгъ окраинныхъ истинно русскихъ людей. Борьба за польское представительство противъ „еврейской опасности“ окрашивало въ яркій антисемитическій цвѣтъ тактику польскихъ народовцевъ. „Выбирайте только еврея!“—гласили призывы еврейскихъ избирательныхъ комитетовъ. Національныя программы не были оформлены; въ чемъ яблоко раздора между этими націями—не было выяснено. Но не взирая на это, національная борьба налагала свой отпечатокъ на весь ходъ предвыборнаго движенія.

Предъ соціалистическими партіями стояла задача: противопоставить національнымъ антагонизмамъ антагонизмы иной категоріи—классовые и общеполитическіе; противопоставить національной враждѣ буржуазіи международную солидарность рабочихъ. Эта задача была сознана съ полной ясностью, и по мѣрѣ возможности она была осуществлена. Въ этомъ отношеніи наибольшія трудности представлялъ сѣверо-западный край. Прогрессивныя силы въ христіанскомъ населеніи представлены здѣсь весьма слабо, рабочее движеніе въ христіанской средѣ не образуетъ еще достаточно внушительной силы, а въ мелкихъ городкахъ отсутствуетъ совершенно. Поэтому, борьба между прогрессивными и реакціонными элементами сплошь да рядомъ совпадала съ борьбой за еврейскую или не-еврейскую кандидатуру. Идея же солидарности рабочихъ различныхъ націй, образующихъ единую армію въ борьбѣ противъ буржуазныхъ партій всѣхъ націй, оставалась здѣсь скорѣе абстрактнымъ принципомъ, находившимъ лишь слабую опору въ конкретныхъ условіяхъ политической жизни края. Вотъ почему предъ еврейскимъ рабочимъ движеніемъ, играющимъ доминирующую роль въ соціалистическомъ движеніи края, на первомъ

планѣ стояла не столько задача согласованія своихъ дѣйствій съ дѣйствіями не еврейскихъ организацій (конечно, въ тѣхъ болѣе крупныхъ центрахъ, гдѣ эти организаціи имѣлись, эта задача стояла и разрѣшалась почти всегда удовлетворительно, создавались общіе избирательные комитеты, выставлялись общіе кандидаты и пр.), сколько задача—болѣе трудная—внутренняго „раскалыванія“ еврейства. Необходимо было парализовать работу еврейскихъ буржуазныхъ заправилъ, которые во имя внѣшней опасности стремились объединить подъ своимъ крылышкомъ всю еврейскую массу и закрѣпить свою власть надъ ней. Главною задачей являлось поэтому высвобожденіе широкихъ народныхъ массъ изъ подъ гипноза этихъ „заправилъ“ и срываніе маски съ той идеи національнаго единства, подъ которою скрываются корыстные интересы имущихъ слоевъ.

Но конечно, тамъ, гдѣ въ видѣ компенсаціи за разрывъ съ буржуазіей еврейская масса встрѣчала союзниковъ въ лицѣ не еврейскихъ рабочихъ массъ или демократіи вообще, тамъ работа соціалдемократіи находилась въ тѣмъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Это было кое-гдѣ и на сѣверо-западѣ. Но главнымъ образомъ въ Польшѣ и на югѣ. Здѣсь рабочее движеніе разлилось болѣе равномѣрно среди различныхъ національныхъ группъ. И здѣсь, ведя въ средѣ *своей* націи борозду, откалывающую рабочія массы отъ имущихъ слоевъ, соціалдемократія видѣла ведущуюся въ сосѣдней націи аналогичную работу, создающую ей союзниковъ и друзей: здѣсь рабочее движеніе различныхъ націй взаимно создавало прочную опору для международнаго единства. Въ лицѣ общихъ кандидатуръ разноплеменный рабочій классъ противопоставлялъ свою общую волю стремленіямъ буржуазныхъ партій разныхъ націй.

Избирательная кампанія въ 3-ю Думу ознаменовалась, какъ извѣстно, введеніемъ національныхъ курій въ чрезвычайно значительномъ числѣ пунктовъ. Тамъ, гдѣ эти куріи были введены, избирательная кампанія естественно разбилась по націямъ и замкнулась въ національныя рамки; исчезла и почва для національной грызни и условія для взаимной международной поддержки. Задача внутренняго разслоенія каждой націи стала въ еще болѣе оголенной и острой формѣ.

Въ вопросѣ о борьбѣ съ погромами идейная позиція современныхъ соціалистическихъ партій въ общемъ ясна; въ деталяхъ — варіируетъ довольно значительно. Иныя партіи считаютъ нужнымъ подчеркивать специфическій національный моментъ погромовъ, другія — выдвигаютъ на первый планъ моментъ политическій. Одни смотрятъ на самооборону, какъ на обще-національное дѣло, въ которомъ должны объединиться всѣ, оставляя въ сторонѣ

партійныя различія, другіе—разсматриваютъ ее, какъ отдѣльное звено общеполитической работы и заботятся о проведеніи въ ней того же партійнаго размежеванія, что и въ другихъ политическихъ „выступленіяхъ“. Но важнѣе всего съ интересующей насъ точки зрѣнія вопросъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя складывались въ данной сферѣ между рабочими различныхъ національностей, и спеціально вопросъ о той роли, которую играетъ рабочая масса „господствующей національности“.

Это вопросъ, къ которому приходится подходить съ тѣмъ большей осторожностью, что нѣтъ возможности располагать какими-либо точными и провѣренными данными. Строишь на частныхъ и организаціонныхъ свѣдѣніяхъ, подчасъ противорѣчивыхъ [1]).

Есть еще одна область, въ которой соприкасаются между собой соціалистическія партіи или по крайней мѣрѣ ихъ члены, развертывая въ извѣстной мѣрѣ свою „національную практику“. Это — *профессіональное* движеніе. Въ теоріи, почти всѣ соціалистическія и всѣ безъ исключенія соціалдемократическія организаціи Россіи относятся отрицательно къ національному дробленію профессіональной борьбы. На практикѣ, однако, и профессіональные союзы не чужды національной группировки. Впрочемъ, причина этому покоится отнюдь не въ области собственно національнаго вопроса; она лежитъ въ совершенно иной плоскости. Именно: въ вопросѣ объ отношеніяхъ между профессіональными союзами и политическими партіями.

Нѣкоторыя партіи стоятъ на точкѣ зрѣнія „партійности“ профессіональнаго движенія. Профессіональные союзы должны формально примыкать къ политической партіи, признавать ея руководство; но поскольку сама партія національна, и объединеніе отдѣльныхъ національныхъ партій не проведено

---

[1]) Въ различныхъ органахъ печати усердно коллекціонировались всякія сообщенія, слухи и сплетни, позволявшія говорить о томъ или иномъ участіи русскихъ рабочихъ въ погромномъ движеніи. Само собой понятно, что ко всѣмъ сообщеніямъ этого рода слѣдуетъ относиться cum maximo grano salis. Только тенденціозный шовинизмъ можетъ усмотрѣть въ погромной „дѣятельности“ деклассированныхъ элементовъ рабочей среды что-либо характерное для русскаго рабочаго класса въ цѣломъ. Останавливаться на этомъ не приходится. Хотимъ лишь затронуть другой вопросъ—объ участіи русскихъ рабочихъ въ *активномъ отпорѣ* погромамъ. Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ объ этомъ, очень скудны. Въ газетахъ мы можемъ найти рядъ резолюцій рабочихъ митинговъ, выражающихъ готовность оказать самое рѣшительное противодѣйствіе всякимъ погромнымъ попыткамъ, и несомнѣнно, что эти категорическія заявленія не разъ оказали свое дѣйствіе. Но это относится уже къ болѣе поздней эпохѣ—1906 году,—когда главная погромная волна уже отхлынула. Изъ болѣе ранней эпохи—разгара погромовъ—пишущему эти строки извѣстенъ цѣлый томъ фактовъ, когда въ дѣлѣ самообороны русскіе рабочіе и русская интеллигентная молодежь играла замѣтную роль. Такъ было въ Одессѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ и др. мѣстахъ. Конечно, нетрудно указать и обратные случаи, когда русскіе рабочіе держались пассивно.

еще вполнѣ, постольку принадлежность къ данной партіи связывается съ принадлежностью къ данной націи. Вмѣстѣ съ партійностью политическая партія переноситъ въ профессіональный союзъ и національное раздѣленіе. Конечно, невольно. И, конечно, временно, впредь до объединенія.

Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности національное дѣленіе существуетъ — въ силу тѣхъ или иныхъ объективныхъ причинъ — въ самомъ производствѣ; цѣлый рядъ ремеслъ заполненъ, напримѣръ, исключительно еврейскими рабочими, въ нѣкоторыя же профессіи евреи доступа не имѣютъ. Естественно, что здѣсь профессіональныя организаціи также являются однородными по своему національному составу. Но это отнюдь не потому, чтобы онѣ желали быть національными, а просто потому, что рабочихъ другой націи въ данномъ ремеслѣ нѣтъ или они почему-либо не испытываютъ еще потребности въ организаціи.

Вообще говоря, потребность къ созданію единаго профессіональнаго движенія сказывается все сильнѣе, и такъ какъ принципіальныхъ защитниковъ національнаго раздѣленія нѣтъ, то и національная изолированность все больше исчезаетъ. Въ юго-западныхъ и южныхъ губерніяхъ профессіональные союзы едва ли не сплошь интернаціональны, на сѣверо-западѣ и западѣ можно было бы также насчитать очень значительное количество профессіональныхъ организацій, смѣшанныхъ по своему составу; по всей вѣроятности, онѣ образуютъ крупное большинство. Впрочемъ, точныхъ данныхъ объ этомъ нѣтъ.

О взаимныхъ отношеніяхъ внутри разноплеменныхъ союзовъ мы не находимъ въ печати почти никакихъ данныхъ. Вообще говоря, въ практикѣ рабочаго движенія Россіи извѣстно нѣкоторое количество конфликтовъ, возникавшихъ между рабочими одной и той же профессіи на почвѣ національнаго соперничества. Весьма острую форму носила борьба между польскими и еврейскими ткачами въ Лодзи и Бѣлостокѣ по вопросу о допущеніи евреевъ къ механическимъ станкамъ. Извѣстно, однако, что въ Бѣлостокѣ, напримѣръ, послѣ долгихъ треній установилось общее соглашеніе, опредѣленно нормирующее данный вопросъ (принята 50% норма). Существуетъ общій профессіональный союзъ, слѣдящій за соблюденіемъ договора. Эти отдѣльные случаи конфликтовъ относятся, впрочемъ, не столько къ практикѣ профессіональныхъ союзовъ, сколько къ практикѣ неорганизованнаго или слабо организованнаго рабочаго движенія. За ихъ вычетомъ можно въ общемъ и цѣломъ констатировать въ профессіональномъ движеніи мирное сотрудничество рабочихъ разныхъ національностей [1]).

[1]) Позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя сообщило мнѣ лицо, близко стоящее къ профессіональному движенію, о проф. союзахъ въ Вильнѣ и окрестныхъ пунктахъ. „Общество рабочихъ по обработкѣ кожъ насчитывало

Упомянемъ еще объ одной сторонѣ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, которая находится пока еще въ зародышѣ, но которая со временемъ, развившись, должна будетъ до извѣстной степени выдвинуть все же національный моментъ. Мы имѣемъ въ виду собственно культурную, просвѣтительную дѣятельность, также входящую въ кругъ задачъ профессіональныхъ союзовъ. Посколько союзъ ведетъ такую работу, ему уже приходится считаться съ различіями культурнаго облика, духовныхъ потребностей, языка и психологіи рабочихъ отдѣльныхъ націй. Культурную, какъ и политическую работу необходимо вести, приспособляясь къ особенностямъ данной національной среды. Отсюда необходимость національныхъ секцій. Своего рода національно-культурная автономія въ предѣлахъ общаго союза. Этотъ принципъ выдвинулъ еще на своей VII-ой конференціи (весной 1906 года) Бундъ; въ томъ же смыслѣ высказываются и сеймовцы, и украинцы. Осуществленіе его еще въ зародышѣ.

* * *

Мы начали свою статью съ указанія на то, что рабочее движеніе всегда стремится идти своимъ особымъ путемъ, отличнымъ отъ того пути, по которому движутся другіе классы той же націи. Мы указывали на то,

---

(до послѣдняго времени; теперь, какъ и всѣ союзы, оно находится въ упадкѣ. Письмо писано лѣтомъ 1908 г.) около 650 евреевъ и 150 христіанъ (литовцевъ и поляковъ). Въ правленіи преобладаютъ евреи; кандидаты выставляются „фахами“ (ремеслами). Еврейскихъ „фаховъ“ существуетъ нѣсколько (сапожники, заготовщики, перчаточники), христіане всѣ сосредоточены въ одномъ „фахѣ“—сапожниковъ. На собраніяхъ употребляется обыкновенно и русскій, и еврейскій языкъ. Отношенія были и остаются хорошими; тренія происходили „фаховыя“, профессіональныя, но *никогда* не было столкновеній на національной почвѣ“... „Общество рабочихъ по металлу насчитывало приблизительно столько же членовъ. Большую половину составляли христіане. Въ правленіи также преобладали послѣдніе. Отношенія такія же, что у рабочихъ по кожѣ; треній было больше, но опять таки не на національной почвѣ“... „Существовалъ еще смѣшанный союзъ строительныхъ рабочихъ, закрытый администраціей. Во главѣ его стояли евреи. Отношенія были самыя хорошія“. „Въ Сморгони существуетъ союзъ кожевенниковъ, насчитывающій около 2.000 членовъ — почти поровну христіане и евреи. Отношенія вполнѣ дружескія“... „Многоязычіе причиняло техническія затрудненія; нѣсколько тормазило работу (преимущественно дѣловую часть), но никакіе факты столкновеній или серьезныхъ треній на національной почвѣ ни мнѣ, ни другимъ, близко знакомымъ со смѣшанными союзами, неизвѣстны... Въ союзѣ рабочихъ по кожѣ одно время замѣчалось недовольство христіанъ по поводу того, что „стачкизмъ“, которымъ еврейскіе рабочіе были болѣе заражены, часто опоражнивалъ кассу. Но ни къ какимъ послѣдствіямъ это глухое недовольство не привело. При этомъ же союзѣ существуетъ библіотека-читальня. При составленіи списка журналовъ и газетъ представители „націй“ обнаруживали почти трогательную взаимную заботливость о томъ, чтобы было достаточно органовъ на всѣхъ трехъ языкахъ“. Само собой понятно, что Вильно не является въ данномъ случаѣ какимъ-либо исключеніемъ, и наблюденія, сдѣланныя надъ этимъ городомъ, характерны и для остальныхъ.

что эта характеристика примѣнима не ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ въ одинаковой мѣрѣ. Не всѣ ведутъ свою линію отчетливо и рѣзко. Иныя еще слишкомъ ярко ощущаютъ свое родство съ мѣщанскими слоями.

Мы хотѣли бы подчеркнуть здѣсь одно. Отчетливость и рѣзкость классовой политики отнюдь не находится въ противорѣчіи съ выдающейся ролью въ дѣлѣ національнаго возрожденія. Для того, чтобы сыграть эту роль, нѣтъ надобности присягать на вѣрность сверхклассовому націонализму. Позволю себѣ привести въ качествѣ примѣра еврейскую соціалдемократію. Бундъ всегда стремился самымъ неуклоннымъ образомъ четко и чисто вести свою классовую борозду. И вмѣстѣ съ тѣмъ, преслѣдуя классовыя задачи и ставя ихъ во главу угла, онъ оказался громаднымъ факторомъ *національной* жизни еврейства. Пробудилъ общественную энергію, стимулировалъ въ огромной степени культурное развитіе, создалъ обширную литературу, сыгралъ огромную роль въ дѣлѣ развитія народнаго языка.

Рабочее движеніе это позвоночный столбъ освободительнаго движенія вообще, національнаго — въ частности... И чѣмъ рѣзче опредѣляется его классовая индивидуальность, чѣмъ отчетливѣе выступаетъ она изъ-подъ налетовъ буржуазнаго наслѣдства, тѣмъ крѣпче этотъ позвоночный столбъ. Въ его силѣ—залогъ будущаго всего національнаго организма.

Вл. Медемъ.

Соціалдемократія и національный вопросъ въ Австріи.

Исторія соціалдемократическаго рабочаго движенія въ Австріи, къ сожалѣнію, еще не написана ни въ ея полномъ объемѣ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ. Имѣющіяся у насъ историческія работы представляютъ изъ себя по большей части отрывочные, неглубокіе и потому малоцѣнные наброски. Будущему историку предстоитъ трудная задача, особенно по отношенію къ болѣе ранней эпохѣ движенія, и многое изъ того, что несомнѣнно заслуживало бы передачи потомству, уже безвозвратно потеряно.

Отсутствіе подготовительныхъ работъ представляетъ серьезное препятствіе всякой попыткѣ прагматически изобразить даже и какую-нибудь отдѣльную сторону движенія. Если тѣмъ не менѣе я все же беру на себя эту задачу, то лишь потому, что мое непосредственное участіе въ движеніи, можетъ нѣсколько облегчить ея исполненіе.

Въ то время, когда въ Австріи зародилось рабочее движеніе, я былъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Живой интересъ къ нему уже тогда заставилъ меня внимательно слѣдить за его развитіемъ; мнѣ тогда же удалось лично познакомиться съ большинствомъ его руководителей. Съ глубочайшимъ интересомъ продолжалъ я присматриваться къ движенію до тѣхъ поръ, пока самъ не вступилъ въ его ряды.

Поэтому, какъ ни скудны фактическія данныя, заключающіяся въ слѣдующихъ строкахъ, въ особенности по отношенію къ эпохѣ, предшествующей 1897 году,— мнѣ все же кажется, что мое изложеніе имѣетъ нѣкоторую самостоятельную цѣнность уже по одному тому, что я самъ пережилъ то, о чемъ разсказываю, и внимательно наблюдалъ событія и людей того времени.

Я считаю нужнымъ подчеркнуть еще одинъ субъективный моментъ, хотя указаніе на него можетъ породить въ иномъ читателѣ нѣкоторое сомнѣніе въ моемъ безпристрастіи. Уже въ студенческіе годы я былъ убѣжденнымъ соціалистомъ и въ то же время всегда питалъ горячую любовь къ родному мнѣ нѣмецкому народу. Однако, свойственое мнѣ національное чувство никогда не приводило меня къ шовинизму. Но долгое время оно удерживало меня отъ формальнаго вступленія въ ряды соціалдемократіи: хотя я скоро убѣдился въ томъ, что борьба, которую вела соціалдемократія въ защиту угнетенныхъ пролетаріевъ, страдающихъ подъ гнетомъ матеріальной нужды и интеллектуаль-

ныхъ лишеній, есть великое національное дѣло, — я все-таки не могъ не замѣчать того, по меньшей мѣрѣ, равнодушнаго отношенія, которое соціал-демократія проявляла къ вопросу о политическихъ судьбахъ нації и о развитіи ея національнаго могущества [1]).

Могучій боевой кличъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“, брошенный Карломъ Марксомъ пробуждающемуся пролетаріату всего міра, съ непреодолимой силой проповѣдывалъ идею солидарности, идею объединенія рабочихъ всѣхъ націй; онъ указывалъ имъ на общность ихъ классовыхъ интересовъ въ борьбѣ противъ общаго врага, того общаго врага, который несмотря на всѣ національныя различія дружно отстаиваетъ капиталистическій строй, при которомъ пролетаріатъ никогда не добьется полнаго освобожденія.

Послѣ непродолжительнаго періода первыхъ смутныхъ исканій, австрійское рабочее движеніе также примкнуло къ идеѣ международной классовой борьбы пролетаріата. Первый толчекъ ему былъ данъ Лассалемъ. Когда въ 1867 г. въ Австріи была установлена дѣйствующая и понынѣ въ своихъ главныхъ чертахъ конституція (измѣненію подвергся въ настоящее время лишь одинъ, правда, въ высшей степени важный пунктъ — избирательное право), и вмѣстѣ съ конституціоннымъ строемъ страна получила свободу собраній и союзовъ, — рабочіе, лишенные до тѣхъ поръ какой бы то ни было организаціи, не замедлили воспользоваться своимъ новымъ правомъ. Въ болѣе крупныхъ фабричныхъ центрахъ, особенно въ Вѣнѣ, возникли столь важные и плодотворные для австрійскаго рабочаго движенія образовательные рабочіе союзы. Въ то же время на большихъ собраніяхъ рабочіе горячо обсуждали соціальный вопросъ, при чемъ видное мѣсто занималъ споръ, поднятый еще Лассалемъ и Шульце-Деличемъ о государственной помощи или самодѣятельности рабочихъ. Буржуазные политики пытались въ то время пріобрѣсти вліяніе на рабочее движеніе, но эти попытки продолжались недолго и не привели ни къ какимъ результатамъ.

Изъ восьми націй, населяющихъ Австрію, серьезное значеніе для рабочаго движенія имѣли тогда только двѣ: нѣмецкая и чешская. Промышленность западной Австріи, уже тогда достигшая значительнаго развитія, находилась почти исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ предпринимателей. Рабочіе рекрутировались большею частью изъ нѣмецкой среды, хотя уже тогда изъ отсталыхъ земледѣльческихъ областей со славянскимъ населеніемъ—Богеміи, Силезіи и Моравіи, наблюдался значительный притокъ рабочихъ рукъ въ промышленные центры; такъ какъ переселенцы, шедшіе изъ мѣстностей съ

---

[1]) См. также мою статью „Der nationale und internationale Gedanke“ въ августовской книгѣ „Sozialistische Monatshefte“ за 1905 (Berlin).

особенно печальными матеріальными условіями, содѣйствовали пониженію заработной платы, то предприниматели охотно поощряли это движеніе. Характерной особенностью австрійскаго рабочаго движенія было то, что оно прежде всего пустило корни среди ремесленниковъ и что его наиболѣе выдающіеся представители вышли изъ среды ремесленныхъ подмастерьевъ. Хотя нѣмецкіе рабочіе и занимали по своей численности и вліянію первенствующее мѣсто, все же славянскій (почти исключительно чешскій) элементъ также игралъ уже тогда несомнѣнно крупную роль. Тѣмъ не менѣе, національныя различія въ началѣ не создавали какихъ-либо національныхъ требованій. Ожесточенныя распри, бушевавшія въ 70 годахъ въ рядахъ рабочихъ, въ особенности въ Вѣнѣ, касались преимущественно вопросовъ программныхъ и еще болѣе тактическихъ. Борьбу вели между собой два направленія: умѣренное и радикальное. Эти два направленія ожесточенно боролись другъ съ другомъ, и въ результатѣ этой распри, столь много обѣщавшее австрійское рабочее движеніе въ серединѣ 80-хъ годовъ было совершенно разбито; только благодаря особому искусству и самоотверженной работѣ Виктора Адлера удалось опять поставить его на ноги. Разсказывать о томъ, какъ была совершена эта работа и чѣмъ стала партія за послѣдніе 18 лѣтъ—не входитъ въ мою настоящую задачу. Играла ли при этомъ возрожденіи партіи какую-нибудь роль національная идея? Новая партійная организація, въ основу которой легли постановленія, принятыя на Гайнфельдскомъ партейтагѣ 1889 года, на который съѣхались уполномоченные отъ разсѣянныхъ остатковъ партіи, не внесла никакихъ измѣненій въ прежнюю позицію партіи въ національномъ вопросѣ. Рѣшенія съѣзда ограничивались общими вопросами программы и тактики.

То, что имѣло такое важное значеніе для пролетаріата всего культурнаго міра, то естественно должно было въ еще большей степени быть примѣнимо и къ разноплеменному пролетаріату западной Австріи. Австрійская соціалдемократическая рабочая партія сложилась какъ единая партія, обнимающая собой все государство. Развитіе капитализма вызвало къ жизни соціалистическое движеніе и въ средѣ другихъ, меньшихъ націй Австріи (итальянцевъ, словенцевъ, поляковъ, украинцевъ). Но соціалистамъ всѣхъ этихъ націй было ясно, что въ борьбѣ съ могучими силами капиталистическаго строя и съ тѣмъ грубымъ полицейскимъ государствомъ, какимъ была Австрія еще до недавняго времени и какимъ она настойчиво стремится стать снова, — они смогутъ создать крѣпкую партію, внушающую къ себѣ уваженіе и способную достигнуть успѣха въ своей дѣятельности, только въ томъ случаѣ, если вся ихъ организаціонная и агитаціонная дѣятельность будетъ вестись съ возможно бо̀льшимъ единодушіемъ и сплоченностью.

Само собою разумѣется, что различіе языковъ въ разныхъ мѣстностяхъ

Австріи было при этомъ принято во вниманіе. Но о національной идеѣ и національномъ самосознаніи соціалдемократы заговаривали лишь тогда, когда имъ случалось высмѣивать буржуазныя національныя партіи различныхъ народностей Австріи. Они подчеркивали всю лживость буржуазнаго націонализма, и указывали на то, что эти партіи по существу лишь препятствуютъ истиннымъ эмансипаціоннымъ стремленіямъ своихъ соплеменниковъ, злоупотребляя національнымъ знаменемъ, которое служитъ имъ лишь для прикрытія ихъ корыстнаго классоваго эгоизма.

Въ западной Австріи нѣмецкій народъ пользовался на первый взглядъ нѣкоторымъ національнымъ главенствомъ, сохранившимся отчасти и понынѣ, но не имѣющимъ въ дѣйствительности серьезнаго національнаго значенія. Нѣмецкій языкъ былъ офиціальнымъ языкомъ высшихъ учрежденій и арміи. Изъ этого обстоятельства извлекала, однако, пользу одна только средняя и высшая нѣмецкая буржуазія, дѣлавшая изъ своихъ сыновей чиновниковъ и офицеровъ. Правда, это обстоятельство еще въ продолженіе всей первой половины девятнадцатаго вѣка способствовало процессу германизаціи, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ это обыкновенно полагаютъ [1]).

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ (въ половинѣ прошлаго столѣтія) другихъ національностей Австріи къ сознательной жизни, въ цѣломъ рядѣ мѣстностей, въ которыхъ, казалось, уже удалось было привить нѣмецкій языкъ (напр. кое гдѣ въ славянскихъ и полуславянскихъ земляхъ), былъ вновь возстановленъ прежній, родной языкъ населенія. Несомнѣнно, однако, что значительный контингентъ славянскаго ремесленнаго и промышленнаго пролетаріата прочно германизировался. Достаточно указать на Вѣну, населеніе которой возрастаетъ, главнымъ образомъ, благодаря притоку пришлаго славянскаго населенія. Вопросъ о языкѣ—единственная форма, въ которой выдвигался въ то время національный вопросъ какъ государственная проблема,—тогда не имѣлъ непосредствен-

[1]) „Если сравнить нынѣшнюю численность національностей и нынѣшнюю площадь ихъ распространенія съ численностью и площадью лѣтъ 50 (по даннымъ Czörnig'a), 100 и даже 500 тому назадъ, то обнаружится поразительный фактъ: въ теченіе столѣтій перемѣна произошла крайне незначительная. Даже внутреннія передвиженія населенія, вызванныя процессомъ индустріальнаго развитія, въ цѣломъ не произвели сколько-нибудь замѣтной перемѣны. Урокъ, который вынесла Пруссія изъ своей борьбы съ поляками, въ еще большей мѣрѣ примѣнимъ къ Австріи;—если вѣрить даннымъ Hasse (Das Deutsche Reich als Nationalstaat), австрійскіе нѣмцы устояли еще въ большей степени, нежели пруссаки. Мы, австрійцы, доказали на опытѣ, что площадь и относительная численность національностей за одно, два столѣтія почти не измѣняются и могутъ быть принимаемы за величину постоянную". См. Р. Ширингеръ, „Grundlagen und Entwicklungsziele der Öster.-Ung. Monarchie. Politische Studie". (Вѣна и Лейпцигъ. 1906). Стр. 49. Знакомство съ этой превосходной работой совершенно необходимо для всякаго, желающаго получить отчетливое представленіе объ исторіи Австріи и ея нынѣшнемъ положеніи.

наго значенія для пролетаріата. Въ сущности, рабочему было въ достаточной степени безразлично, на какомъ языкѣ вело свои дѣла чиновничество.

Ни на судѣ, ни въ чиновничьихъ канцеляріяхъ онъ не могъ ждать справедливаго къ себѣ отношенія; особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло такъ или иначе касалось его отношеній къ предпринимателю, его политической дѣятельности и его классоваго положенія вообще. Начиная съ конца 80-хъ годовъ развитіе соціалдемократической партіи неустанно шло впередъ. Движущими силами его были съ одной стороны ростъ капиталистической индустріи, съ другой — упорная агитація, стоившая не мало жертвъ. Идея интернаціональной солидарности объединяла всѣхъ. Въ руководящемъ общепартійномъ комитетѣ въ Вѣнѣ совмѣстно засѣдали и работали представители различныхъ національностей.

Члены рабочей партіи тщательно воздерживались отъ всякаго вмѣшательства въ національныя распри буржуазныхъ партій. Это было тѣмъ болѣе умѣстно, что распри эти сплошь да рядомъ принимали характеръ совершенно недостойной грызни, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ велись въ менѣе отталкивающей формѣ, онѣ все же представляли собою борьбу исключительно за политическую власть.

И все таки рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ, когда и въ средѣ соціалдемократіи необходимо было поднять національный вопросъ. Уже съ самаго начала партія носила рѣзко выраженный политическій характеръ. Она отразила цѣлый рядъ попытокъ, исходившихъ изъ круговъ, тяготѣвшихъ къ анархизму, — ограничить всю дѣятельность пролетаріата одной лишь экономической организаціонной и агитаціонной работой. Это было тѣмъ болѣе важно, что за спиной руководителей этого экономическаго движенія нерѣдко стояли феодально-реакціонные элементы, которые хотѣли бы воспользоваться пролетаріатомъ, какъ тараномъ противъ крупной финансовой и промышленной бружуазіи, которая, въ свою очередь, являлась носительницей либерализма, правда очень умѣреннаго, который у насъ не рѣдко характеризовали, какъ „биржевой либерализмъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта феодально-реакціонная группа надѣялась этимъ способомъ удержать рабочихъ отъ выставленія политическихъ требованій, отвлечь вниманіе рабочихъ отъ дворянскихъ слоевъ, съ ихъ громадными богатствами и земельными владѣніями и направить ихъ ненависть противъ магнатовъ промышленности и противъ евреевъ. Это полуанархическое движеніе не могло не оказать значительной помѣхи развитію политичской рабочей партіи, но пустить глубокіе корни оно было не въ силахъ; и въ настоящее время отъ него сохранилось лишь весьма небольшое количество кружковъ, съ совершенно ничтожнымъ числомъ участниковъ. Развиваясь и укрѣпляясь, какъ политическая партія, австрійская соціал-

демократія естественно должна была занять опредѣленную позицію во всѣхъ политическихъ вопросахъ австрійской жизни. Но самымъ важнымъ вопросомъ внутренней политики Австріи былъ тогда и остается понынѣ вопросъ національный.

По мѣрѣ того, какъ изъ года въ годъ, возрастало число не нѣмецкихъ членовъ партіи, нѣмецкое рабочее движеніе теряло ту доминирующую роль, которую оно играло на первыхъ порахъ. Не у однихъ только чеховъ крѣпло соціалдемократическое движеніе, росло число членовъ партіи; и въ средѣ другихъ націй также развивался индустріальный пролетаріатъ, складывались соціалдемократическая партія. Такъ создалась значительная польская соціалдемократія; и даже такія мелкія народности, какъ словенцы и австрійскіе итальянцы, также не отставали отъ общаго движенія; и въ ихъ средѣ мало по малу складывалась самостоятельная національная соціалдемократія. Столь же самостоятельна была съ самаго начала и румынская соціалдемократія, охватывающая, главнымъ образомъ, крестьянскіе элементы.

Даже въ рядахъ пролетаріата каждой отдѣльной національности ощущалась внутренняя потребность въ національной группировкѣ, разумѣется, безъ всякаго ущерба для интернаціональнаго характера всего движенія въ цѣломъ. Тѣмъ сильнѣе толкала пролетаріатъ къ группировкѣ по національностямъ внѣшняя обстановка, въ которой ему приходилось дѣйствовать. Въ Австріи національный вопросъ игралъ и играетъ понынѣ столь выдающуюся роль, что въ томъ или иномъ видѣ даетъ себя чувствовать во всѣхъ вопросахъ политической жизни. Съ нимъ приходится такъ или иначе считаться, и такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло о вопросѣ вполнѣ конкретномъ и затрагивавшемъ насущные интересы движенія, то естественно, что отъ партіи требовался вполнѣ опредѣленный и недвусмысленный отвѣтъ. Австрійскій пролетаріатъ долженъ былъ прибавить къ своему интернаціональному символу вѣры также и національный.

Эти тенденціи и стремленія нашли свое выраженіе на вѣнскомъ съѣздѣ австрійской соціалдемократіи 1897 г. [1]) и привели къ реорганизаціи партіи.

Этотъ партейтагъ былъ созванъ еще старой единой организаціей. Въ немъ приняли участіе соціалдемократы изъ среды всѣхъ австрійскихъ національностей. На немъ участвовали также и соціалдемократическіе депутаты, впервые избранные весною 1897 г., послѣ проведенія избирательной

[1]) См. стенографическій отчетъ: „Verhandlungen des 6. Parteitages, abgehalten zu Wien vom 6. bis 12. Juni 1897. Nach dem stenographischen Protokolle“. (Wien. Erste Wiener Volksbuchhandlung. 1897). Стр. 224.

реформы графа Бадени. Эти депутаты, въ числѣ 15-ти, были избраны изъ среды нѣмецкой, чешской, польской и украинской націй.

Уже въ своемъ рефератѣ по вопросу о тактикѣ д-ръ Викторъ Адлеръ въ слѣдующихъ словахъ коснулся основного вопроса, стоявшаго въ порядкѣ дня съѣзда: „Теперь передъ нами стоитъ задача, которая въ сущности вовсе не должна бы входить въ кругъ дѣятельности соціалдемократіи, ибо ее давно уже должно было разрѣшить само буржуазное общество. Я говорю о національномъ вопросѣ. Если мы подвергнемъ наши мнѣнія въ этой области критической повѣркѣ, то мы должны будемъ сознаться, что идея интернаціонализма даже и въ средѣ рабочей партіи, „интернаціональной“ по самому своему существу, потерпѣла значительныя измѣненія. Если вы просмотрите старыя брошюры,—я говорю о брошюрахъ не 40-хъ, но 60-хъ и даже 70-хъ годовъ,—то вы найдете, что въ нихъ понятіе „интернаціональный“ отождествляется съ понятіемъ „анаціональности“. Предполагалось, что человѣкъ можетъ отказаться отъ своей національной индивидуальности и раствориться въ абстрактной идеѣ „общечеловѣческаго“. Это воззрѣніе возникло на почвѣ потребности извлечь изъ жизни отдѣльныхъ національностей нѣчто общечеловѣческое, чисто абстрактное. И такимъ образомъ, сложилось воззрѣніе, представляющее по существу не что иное, какъ старый буржуазный гуманизмъ или космополитизмъ. Какъ граждане страны, которая въ національномъ вопросѣ играла для всего цивилизованнаго міра роль экспериментальной лабораторіи или, какъ я готовъ сказать, принимая во вниманіе событія послѣдняго времени, роль грязной кухни,—мы едва ли не первые оказались въ силахъ шире развернуть идею интернаціонализма; ибо нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ одной страны, пролетаріи разныхъ націй не находятся въ такой тѣсной взаимной зависимости, какъ у насъ въ Австріи. Проблема интернаціонализма въ настоящее время имѣетъ совершенно иное содержаніе. Она гласитъ: какимъ образомъ, признавая неоспоримый фактъ существованія національныхъ индивидуальностей и устраняя всякія попытки насилія надъ этой національной индивидуальностью, можно дѣйствовать и бороться единодушно? Вотъ проблема, о которую разбиваютъ себѣ головы государственные дѣятели Австріи, изъ-за которой гибнетъ и истекаетъ кровью австрійская буржуазія. Но не ей разрѣшить ее; между тѣмъ, не разрѣшивъ ее, она неизбѣжно въ силу этого должна служить добычей феодализма. Эту проблему можетъ разрѣшить только соціалдемократія [1])“.

Въ томъ же смыслѣ высказался и другой участникъ партейтага, Даніель Фейгль: „Необходимо установить съ полной опредѣленностью, что за послѣднее

[1]) Verhandlungen, стр. 78.

время въ нашей партіи сложился новый взглядъ на національный вопросъ. Безъ сомнѣнія, этотъ взглядъ и прежде былъ нечуждъ отдѣльнымъ товарищамъ, но только теперь онъ впервые находитъ себѣ выраженіе и признаніе на этомъ съѣздѣ. Товарищъ Дашинскій правъ, говоря, что мы можемъ и не считаться съ историческими *правами*, что мы можемъ надъ ними смѣяться; но когда дѣло идетъ объ историческихъ *фактахъ*—а національности въ Австріи являются именно такимъ фактомъ, — то отъ нихъ нельзя отдѣлаться общими фразами въ духѣ либерализма или естественнаго права. Необходимо сказать, что въ Австріи централизмъ нынѣ невозможенъ ни въ жизни государства, ни въ партійной организаціи. Правда, въ нашихъ рядахъ все еще есть немало товарищей, которые не могутъ себѣ представить иного разрѣшенія національнаго вопроса, чѣмъ то, которое давалось донынѣ; и интересно, что люди, въ теоріи стоящіе на строго интернаціональной точкѣ зрѣнія, могутъ на практикѣ занимать самую одностороннюю національную позицію въ то время, какъ мы, смотрящіе на дѣло нѣсколько иначе, съ самаго же начала оказываемся болѣе способными проявить болѣе справедливое отношеніе. Я убѣжденъ въ томъ, что соціалдемократическая партія въ Австріи должна гарантировать отдѣльнымъ національностямъ свободу организаціи и дѣятельности, и что отъ этого зависитъ сила партіи въ будущемъ“ [1]).

Этотъ взглядъ не остался, однако, безъ возраженій. Такъ, одинъ изъ делегатовъ партейтага, д-ръ Эмануилъ Берсте высказалъ такое мнѣніе: „У насъ разбирался вопросъ о филосемитизмѣ и антисемитизмѣ, о націонализмѣ и интернаціонализмѣ. Я сожалѣю, что товарищи Адлеръ, Пернерсторферъ и Фейгль дали идеѣ интернаціонализма такое толкованіе. Если ихъ взглядъ пуститъ корни въ массахъ, то мы собьемся съ нашего прежняго пути; мы будемъ имѣть дѣло лишь съ нѣмцами, чехами, словенцами и т. д., а не съ соціалдемократами. Это тотъ взглядъ, котораго его нынѣшніе защитники придерживались въ дни своего студенчества, въ качествѣ членовъ націоналистическихъ нѣмецкихъ корпорацій. (Протесты). Я знаю, что рабочая масса не признаетъ такого взгляда. (Протесты). Прочтите хотя бы то, что говоритъ Каутскій объ интернаціонализмѣ, и вы составите себѣ другое мнѣніе на этотъ счетъ. Такое толкованіе представляетъ собою не что иное, какъ уступку нашимъ противникамъ (возгласы: „ого“). Наша тактика идетъ такими зигзагами, что товарищи въ ней все больше запутываются. Я сожалѣю, что здѣсь такъ много говорилось объ интернаціонализмѣ и интерконфессіонализмѣ“ [2]).

Другихъ возраженій изъ среды партейтага не послѣдовало, такъ что

---

[1]) Verhandlugenn, стр. 93.

[2]) Verhandlungen, стр. 98.

депутатъ рейхсрата Дашинскій могъ сказать въ заключеніе: „Въ то время какъ въ рейхсратѣ, гдѣ страсти дошли до точки кипѣнія, гдѣ господствующія партіи разныхъ національностей ожесточенно грызутся между собою, въ то время мы оказались въ состояніи спокойно, разумно и съ достоинствомъ обсудить жгучій національный вопросъ въ этомъ большомъ политическомъ собраніи, въ средѣ представителей шести національностей. И мы не сожалѣемъ, подобно одному изъ предшествующихъ ораторовъ, что этотъ вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе. Мы не могли и не хотѣли молчать въ то время, когда въ политической жизни страны все вращается вокругъ этого вопроса, этого грандіознаго обмана всѣхъ австрійскихъ націй, вокругъ вопроса о національностяхъ и о федерализмѣ; вѣдь въ этомъ вопросѣ нѣтъ ничего такого, что намъ было бы нужно замалчивать. Нашъ путь не идетъ зигзагами, какъ это здѣсь утверждалось; напротивъ, это путь, который ведетъ къ все болѣе глубокому пониманію важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ, какіе только существуютъ въ политикѣ и общественной жизни“ [1]).

Д-ръ Адлеръ въ своемъ заключительномъ словѣ добавилъ слѣдующее: „Здѣсь говорилось о томъ, что мной предложено существенно новое толкованіе „интернаціонализма“, и по поводу этого толкованія высказывались какъ сторонники, такъ и противники его. Если понятіе объ интернаціонализмѣ углубилось и тѣмъ самымъ дѣйствительно подверглось измѣненіямъ, то произошло это не оттого, что, какъ полагаютъ нѣкоторые, у отдѣльныхъ людей вдругъ всплыли старыя идеи изъ временъ ихъ студенческой жизни,—такое объясненіе ужъ слишкомъ близоруко;—нѣтъ, понятіе интернаціонализма развилось потому, что прежде въ дѣйствительности существовала почти исключительно одна лишь нѣмецкая соціалдемократія, тогда какъ теперь мы можемъ съ гордостью сказать, что въ нашихъ рядахъ стоитъ и чешская, и польская соціалдемократія, и мы будемъ надѣяться, что и итальянское, и словенское движеніе въ недалекомъ будущемъ достигнутъ такихъ же размѣровъ. Кто стоитъ на почвѣ матеріалистическаго взгляда на исторію, тотъ долженъ также знать, что понятіе „интернаціонализма“ не можетъ развиваться до тѣхъ поръ, пока въ составъ партіи входятъ почти исключительно члены одной только національности“ [2]).

Благодаря преніямъ, возникшимъ, такимъ образомъ, по пункту о „тактикѣ“, дискуссія по пункту „организація партіи“ была значительно сокращена [3]).

---

[1]) Verhandlungen, стр. 99.
[2]) Verhandlungen, стр. 100.
[3]) Verhandlungen, стр. 110—136 и далѣе 164—173.

Принципіальный вопросъ о формальномъ расчлененіи соціалдемократической организаціи партіи на шесть автономныхъ группъ (нѣмецкая, чешская, польская, итальянская, словенская и украинская) не вызвалъ разногласій. Референтъ, д-ръ Викторъ Адлеръ, предложилъ съѣзду слѣдующую резолюцію, выработанную подготовительною комисіей: „Начатое Пражскимъ съѣздомъ и осуществленное шестымъ съѣздомъ партіи организаціонное расчлененіе австрійской соціалдемократіи на *самостоятельныя національныя группы* имѣетъ своею цѣлью создать наиболѣе удобныя практическія условія для дѣятельности организаціи многоязычнаго австрійскаго пролетаріата и преодолѣть практическія трудности, создаваемыя различіями въ языкѣ. Признавая, такимъ образомъ, *полезность полной самостоятельности* соціалдемократическихъ организацій отдѣльныхъ національностей, и считаясь съ нею, мы создаемъ въ то-же время общій съѣздъ партіи и общій исполнительный комитетъ—учрежденія, способныя еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ, обезпечить прочное боевое объединеніе всѣхъ отдѣльныхъ организацій для общей борьбы. *Національная самостоятельность и интернаціональная солидарность—вотъ основной принципъ нашей организаціи* (одобреніе). Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы *рѣшительно отвергнуть всякую солидарность съ національными и шовинистическими партіями и стремленіями имущихъ классовъ.*

„Мы убѣждены, что противоположность классовыхъ интересовъ создаетъ болѣе глубокое и прочное раздѣленіе, нежели различія національныя, и заявляемъ, что настоящая организація имѣетъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ создать наиболѣе дѣйствительную форму, въ которой соціалдемократы всѣхъ націй въ братскомъ союзѣ поведутъ борьбу противъ эксплоататоровъ какъ собственной, такъ и другихъ національностей.

„Не для того, чтобы поддерживать національныя и шовинистическія стремленія имущихъ классовъ создана эта организація; напротивъ, она имѣетъ своей цѣлью рѣзче, безпощаднѣе и успѣшнѣе вести съ ними борьбу“ [1]).

Эта резолюція была принята единогласно подъ громъ аплодисментовъ [2]).

Послѣ этого съѣздомъ были приняты постановленія объ образованіи шести отдѣльныхъ, вполнѣ самостоятельныхъ во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ партійныхъ организацій, объединенныхъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ единую партію. Въ 1899 году общія постановленія, на которыя опирается партійное единство, были еще болѣе расширены. Ихъ текстъ читатель найдетъ ниже.

Такимъ образомъ, партейтагъ 1897 г. создалъ такую партійную организацію, въ основѣ которой лежитъ свобода вмѣстѣ съ единствомъ. Тогда

[1]) Verhandlungen, стр. 169.
[2]) Verhandlungen, стр. 171.

имѣлись въ виду исключительно интересы внутренней партійной жизни. Но за десять лѣтъ своего существованія эта форма партійной организаціи превратилась въ политическую программу. Высказанная на этомъ партійномъ съѣздѣ идея *автономіи національностей* нынѣ принята всѣми здравомыслящими людьми, какъ единственный путь къ разрѣшенію національныхъ вопросовъ въ Австріи.

Въ началѣ 1899 г. вышла брошюра Синоптикуса „Государство и Нація“ [1]). Авторомъ этой статьи былъ д-ръ Карлъ Реннеръ, чиновникъ парламентской библіотеки. Этотъ человѣкъ, уже въ студенческіе годы бывшій убѣжденнымъ соціалдемократомъ, могъ изъ за своего служебнаго положенія, работать для соціалдемократіи только анонимно, что не мѣшало ему, однако, работать очень много. Въ этомъ произведеніи впервые систематически развита идея національной автономіи. Если Палацкій уже въ 1848 г. предлагалъ раздѣленіе Австріи на національно-однородныя области, то все же лишь въ трудѣ д-ра Реннера эта идея впервые пріобрѣтаетъ конкретную форму. Австрійская буржуазная публицистика совершенно игнорируетъ эту брошюру, но въ рядахъ соціалдемократіи она возбудила большой интересъ. Этому особенно благопріятствовали обстоятельства. Созванный въ 1897 г. парламентъ съ его необузданной, но въ то же время безсильной обструкціей принималъ все болѣе и болѣе жалкій видъ. Національная борьба грозила все разрушить. Для соціалдемократовъ, стремившихся къ положительной дѣятельности въ интересахъ пролетаріата, такое положеніе было нестерпимо. Они ясно сознавали, что дальнѣйшее существованіе Австріи возможно лишь при условіи реорганизаціи всего государства на демократическихъ основахъ и прекращенія національной распри. За основной принципъ демократіи—всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право—соціалдемократія никогда не переставала бороться. Національныя недоразумѣнія, возникавшія въ рядахъ самой партіи, она всегда была въ силахъ успѣшно ликвидировать. Являлся вопросъ, нельзя ли, исходя изъ идеи національной автономіи, установить хотя бы общіе принципы, программныя директивы, которыя могли бы лечь въ основу истинно государственной австрійской политики?

Такъ, въ 1899 г., когда центральный комитетъ партіи подготовлялъ партейтагъ, возникла мысль о томъ, чтобы на обсужденіе съѣзда поставить проектъ соціалдемократической національной программы. Но въ то время,

---

[1]) Staat und Nation. Zur österreichischen Nationalitätenfrage. Staastrechtliche Untersuchung über die möglichen Prinzipien einer Lösung und juridischen Voraussetzung eines Nationalitätengesetzes von Synopticus. Mit einer Literaturübersicht. Wien. 1899, III и 42 стр. (есть русскій переводъ).

когда одни считали выработку такой программы дѣломъ не только возможнымъ, но и безусловно необходимымъ, въ то время другіе, въ томъ числѣ нѣкоторые весьма выдающіеся члены партіи, лишь съ большими колебаніями мирились съ этимъ предложеніемъ, считая задачу слишкомъ трудной и слишкомъ щекотливой. Въ концѣ концовъ, было все же достигнуто соглашеніе: была избрана комисія, выработавшая основныя положенія національной программы, которая и была предложена на разсмотрѣніе партейтага [1]).

Партейтагъ занялся прежде всего вопросомъ объ общепартійной организаціи, которая въ общемъ и цѣломъ оказалась отвѣчающей своему назначенію.

Постановленія (мы отмѣчаемъ здѣсь только наиболѣе существенныя съ интересующей насъ точки зрѣнія), касающіяся центральнаго комитета, гласятъ: „Въ составъ центральнаго комитета входятъ исполнительные комитеты нѣмецкой, чешской, польской, украинской, итальянской и южнославянской организацій. Поскольку отдѣльные исполнительные комитеты находятся не въ томъ же городѣ, гдѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе центральный комитетъ, они осуществляютъ свое представительство чрезъ спеціально избранныхъ делегатовъ, которые должны находиться въ мѣстѣ пребыванія центральнаго комитета. Эти члены общепартійнаго центральнаго комитета избираются національными партейтагами по предложенію исполнительныхъ комитетовъ и входятъ въ составъ соотвѣтствующаго исполнительнаго комитета. Они могутъ во всякое время принимать участіе въ засѣданіяхъ всѣхъ другихъ исполнительныхъ комитетовъ и желательно, чтобъ это происходило возможно чаще.

„Постановленное Вѣнскимъ партейтагомъ 1897 г. расчлененіе соціалдемократической партіи на національныя группы создало совершенно новыя формы организаціи, сдѣлавшія необходимымъ дальнѣйшее ея совершенствованіе, которое могло бы обезпечить въ вопросахъ общаго характера,—особенно же въ вопросахъ обще-политическихъ,—единообразный и согласный образъ дѣйствій. Поэтому партейтагъ постановляетъ: во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ, пріуроченныхъ къ избирательнымъ округамъ и участкамъ, должны быть представлены всѣ существующія въ этомъ мѣстѣ національныя группы, чтобы политическая организація была проведена совмѣстно и единообразно.

---

[1]) Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratie in Oesterreich, abgehalten zu Brünn vom 24. bis 29. September 1899 im Arbeiterheim. Nach dem stenographischen Protokolle. Wien. Wiener Volksbuchhandlung. 1899. XX, 144 S. (Пренія по національному вопросу на этомъ партейтагѣ имѣются въ русскомъ переводѣ: „Дебаты по національному вопросу на брюннскомъ партейтагѣ“. Пер. Гуревича. Со вступительной статьей М. Б. Ратнера. Изд. Серпъ. Кіевъ. 1906).

„Во всѣхъ избирательныхъ округахъ, гдѣ территоріальныя условія не ставятъ этому непреодолимыхъ препятствій, члены партіи должны быть организуемы для всякаго рода выборовъ, не по національнымъ группамъ, а какъ единая общая организація [1])“.

Но гораздо важнѣе, чѣмъ вопросъ организаціонный, былъ другой вопросъ, гласившій: „Интернаціональная соціалдемократія и борьба національностей въ Австріи“. Референтомъ, защищавшимъ предложеніе центральнаго комитета, былъ Іосифъ Зелигеръ. Въ дебатахъ нашли себѣ выраженіе различные взгляды. Одни считали непрактичнымъ принятіе такой программы по національному вопросу, которая выходила бы за предѣлы общей декларації. Такую декларацію заключаетъ въ себѣ Гайнфельдская программа, и этого по ихъ мнѣнію совершенно достаточно [2]).

Другіе были того мнѣнія, что предложенная резолюція носитъ слишкомъ неопредѣленный характеръ и допускаетъ различныя толкованія. Рѣшено было передать предложенную центральнымъ комитетомъ программную резолюцію для вторичнаго пересмотра въ спеціальную комисію. Референтъ комисіи, Зелигеръ, предложилъ отъ ея имени резолюцію, очень мало и лишь въ несущественныхъ пунктахъ отличавшуюся отъ резолюціи центральнаго комитета. Выслушавъ докладъ Зелигера и заявленіе, сдѣланное делегатомъ Нѣмецомъ отъ имени чеховъ, партейтагъ принялъ внесенную резолюцію безъ преній. Вслѣдъ за оглашеніемъ результатовъ голосованія произошло, какъ сообщаютъ протоколы партейтага, слѣдующее: „Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ продолжаются знаки бурнаго одобренія. Весь конгрессъ подымается со своихъ мѣстъ при одушевленныхъ крикахъ: Hoch! и Na zdar!“ Резолюція гласитъ:

„Въ виду того, что національныя распри въ Австріи препятствуютъ политическому прогрессу и парализуютъ культурное развитіе національностей; что эти распри вызываются прежде всего политической отсталостью нашихъ общественныхъ учрежденій; въ виду того также, что культивированіе національной борьбы представляетъ собою одно изъ тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ господствующіе классы обезпечиваютъ сохраненіе своей власти и препятствуютъ всякому осязательному проявленію дѣйствительныхъ интересовъ народа, партейтагъ объявляетъ, что:

„Окончательное разрѣшеніе національнаго вопроса и вопроса о языкахъ

---

[1]) Verhandlungen, стр. XIII.

[2]) Соотвѣтствующій пунктъ Гайнфельдской программы, гласитъ: „Соціалдемократическая рабочая партія Австріи есть партія интернаціональная; она осуждаетъ національныя привилегіи въ той же мѣрѣ, какъ и привилегіи, связанныя съ рожденіемъ и поломъ, собственностью и происхожденіемъ, и заявляетъ, что борьба противъ эксплоатаціи должна быть интернаціональна, какъ интернаціональна сама эксплоатація“.

въ духѣ равноправія и разума есть прежде всего культурная необходимость, вслѣдствіе чего оно является одной изъ насущнѣйшихъ потребностей пролетаріата.

Это разрѣшеніе возможно только на почвѣ истинно-демократическаго общественнаго строя, основаннаго на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, при условіи устраненія всѣхъ феодальныхъ привилегій въ имперіи и въ отдѣльныхъ земляхъ. Только при наличности такого общественнаго строя трудящіеся классы, являющіеся въ дѣйствительности тѣмъ элементомъ, который поддерживаетъ существованіе государства и общества, могутъ сказать свое слово въ общественной и политической жизни.

„Сохраненіе и развитіе національныхъ особенностей всѣхъ народностей Австріи возможно только при условіи равноправія и устраненія всякаго рода угнетенія. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократической централизаціи, равно какъ и феодальныя привилегіи отдѣльныхъ земель.

„При этихъ и только при этихъ условіяхъ вмѣсто царящихъ въ настоящее время въ Австріи національныхъ раздоровъ установится національный порядокъ. Въ его основу должны быть положены слѣдующіе принципы:

„1. Австрія должна быть преобразована въ демократическое союзное государство національностей.

„2. Вмѣсто историческихъ коронныхъ земель должны быть созданы національно-отграниченныя, самоуправляющіяся единицы, законодательство и управленіе которыхъ должно находиться въ рукахъ національныхъ палатъ, избираемыхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

„3. Всѣ самоуправляющіяся области каждой данной націи образуютъ вмѣстѣ единый національный союзъ, пользующійся полной самостоятельностью въ рѣшеніи всѣхъ своихъ національныхъ дѣлъ.

„4. Права національныхъ меньшинствъ охраняются спеціальнымъ закономъ, который долженъ быть установленъ имперскимъ парламентомъ.

„5. Мы не признаемъ никакихъ національныхъ привилегій и отвергаемъ поэтому требованіе единаго государственнаго языка; имперскій парламентъ долженъ рѣшить, въ какой мѣрѣ имѣется необходимость въ одномъ общемъ языкѣ сношеній.

„Партейтагъ, какъ органъ интернаціональной соціалдемократіи Австріи, выражаетъ свое убѣжденіе, что на основѣ этихъ руководящихъ принциповъ возможно достигнуть примиренія австрійскихъ народностей.

„Онъ торжественно заявляетъ,

„что онъ признаетъ за каждой національностью право на національное существованіе и національное развитіе;

„что отдѣльныя народности могутъ, однако, идти впередъ по пути культурнаго прогресса лишь въ тѣсномъ союзѣ, а не въ мелочныхъ распряхъ между собой;

„что, въ особенности, рабочій классъ всѣхъ національностей, исходя изъ интересовъ каждой націи въ отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, ревностно блюдетъ интернаціональное боевое единство и братскую солидарность и долженъ совмѣстными усиліями вести свою политическую и профессіональную борьбу [1]).

Принятіе этой національной программы, выработанной въ періодъ величайшихъ національныхъ смутъ, казавшихся совершенно неразрѣшимыми, было историческимъ событіемъ большой важности. Правда, на первыхъ порахъ эта программа была встрѣчена прессой и широкими кругами общества полнымъ молчаніемъ, но внутренняя сила ея идейнаго содержанія дѣлала свое дѣло. При томъ безнадежномъ положеніи, въ которомъ находилась политическая и государственная жизнь Австріи, и при всеобщемъ желаніи разрѣшить такъ или иначе національный вопросъ,—этотъ важнѣйшій вопросъ австрійской общественной жизни,—даже и буржуазные круги стали понемногу склоняться къ идеѣ національной автономіи. Теперь, по прошествіи 10 лѣтъ, основная идея Брюннской программы стала едва ли не общимъ достояніемъ австрійской политики.

Когда на выборахъ въ маѣ 1907 года, произведенныхъ впервые на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, австрійская соціалдемократія одержала безпримѣрную побѣду, и въ новый парламентъ вступило 87 членовъ партіи,—ея первой и неотложнѣйшей задачей сталъ вопросъ о ея парламентской организаціи. Въ прежнемъ парламентѣ было всего только 11 соціалдемократовъ: 8 нѣмцевъ, 2 чеха и 1 полякъ. Въ столь малочисленной группѣ организаціонный вопросъ не могъ представлять никакихъ затрудненій. Депутаты составляли одинъ общій клубъ, но уже самое названіе его „Союзъ“ (Verband) показывало, что въ рамкахъ общей организаціи объединено нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Названіе это было сохранено и въ новомъ парламентѣ. Были избраны: 50 нѣмцевъ, 24 чеха, 6 поляковъ, 5 итальянцевъ, 2 украинца. Вполнѣ естественно, что парламентская организація сложилась по образцу обще-партійной организаціи. Въ парламентѣ существуютъ, такимъ образомъ, 5 національныхъ клубовъ, которые вполнѣ самостоятельно обсуждаютъ, а въ случаѣ надобности столь же самостоятельно рѣшаютъ всѣ чисто-національныя дѣла. Эти 5 группъ объединены въ одномъ парламентскомъ „Союзѣ“, въ комитетъ котораго вхо-

---

[1]) Verhandlungen des Gesammtparteitages zu Brünn, стр. 78.

дятъ члены всѣхъ націй. Этотъ комитетъ служитъ одновременно парламентскимъ исполнительнымъ органомъ. Отдѣльныя національныя группы могутъ устраивать свои засѣданія по мѣрѣ надобности и по своему усмотрѣнію; всѣ парламентскія дѣла, однако, подлежатъ обсужденію „Союза“, засѣдающаго часто и регулярно. Уже во время первой сессіи парламента обнаружилась вся цѣлесообразность этой организаціи.

Послѣ того, какъ мы изложили внѣшнюю исторію развитія національной идеи въ австрійской соціалдемократической партіи, строго придерживаясь при этомъ хронологической послѣдовательности, не лишнимъ будетъ коснуться въ нѣсколькихъ словахъ внутренняго значенія этой идеи. Именно въ такой странѣ, какъ Австрія, съ ея многочисленными національностями, раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, должна была проложить себѣ дорогу мысль о томъ, что идея интернаціональности, это объединяющее звено, скрѣпляющее воедино пролетаріатъ всего міра, должно имѣть своей необходимой предпосылкой идею національности. И естественно, что именно австрійская соціалдемократія должна была въ своихъ же собственныхъ интересахъ искать рѣшенія этой задачи. Выраженная въ программѣ интернаціональная идея не могла преодолѣть реальныхъ національныхъ различій. Въ сущности, она къ этому и не стремилась. Но всякій націонализмъ, какъ бы ни былъ онъ далекъ отъ шовинизма, заключаетъ въ себѣ не одни лишь отчетливые, осязательные, поддающіеся ясному опредѣленію элементы; онъ заключаетъ въ себѣ еще и нѣчто невѣсомое, относящееся не столько къ интеллектуальной, сколько къ эмоціональной области и сказывающееся тѣмъ болѣе интенсивно, чѣмъ менѣе оно способно поддаться опредѣленію. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе въ рядахъ австрійской соціалдемократіи ощущались обѣ эти стороны націонализма; и хотя партіи почти всегда удавалось согласовать отдѣльные интересы, тщательно щадя самолюбіе заинтересованныхъ сторонъ, все же затрудненія вновь и вновь возникали. Это были по большею части затрудненія внутренняго свойства, и партіи удалось ихъ преодолѣть. Но затрудненія эти существуютъ и теперь, и чѣмъ сильнѣе проявляется извѣстная тяга къ расширенію, присущая въ большей или меньшей степени всякой націи, тѣмъ серьезнѣе становятся эти затрудненія. Высказать это съ полной откровенностью значитъ уже преодолѣть бо́льшую половину трудностей. А поскольку еще приходится констатировать наличность признаковъ неустраненнаго—быть можетъ, неустранимаго—несогласія, постольку всѣ заинтересованныя стороны должны найти удовлетвореніе въ сознаніи того, что все зависящее отъ доброй воли участниковъ было ими сдѣлано.

* * *

Къ редактору [1]).

Вы пишете мнѣ: „Вы, быть можетъ, не имѣете представленія о томъ, какой интересъ возбуждаетъ у насъ въ Россіи австрійская національная проблема, въ частности эволюція австрійской соціалдемократіи въ національномъ вопросѣ. Дебаты брюннскаго партейтага и тотъ поворотъ, который онъ ознаменовалъ во взглядахъ партіи, служили въ свое время предметомъ обсужденія въ многочисленныхъ брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ, да и въ настоящее время вокругъ нихъ все еще вращается полемика соціалистической прессы". Вы желаете въ виду этого получить еще нѣкоторыя разъясненія относительно тѣхъ „внутреннихъ движущихъ факторовъ, которые должны были породить этотъ замѣчательный процессъ въ рядахъ австрійской соціалдемократіи". Далѣе, Вы желаете разъясненій относительно „т. н. національной тактики каждой національной соціалдемократической организаціи въ отдѣльности и объ ихъ отношеніяхъ между собою".

Я, дѣйствительно, не думалъ, чтобы въ Россіи читающая публика въ такой мѣрѣ была освѣдомлена объ австрійскихъ національныхъ отношеніяхъ и я считалъ себя поэтому, прежде всего, обязаннымъ изложить съ наибольшей обстоятельностью внѣшнія перипетіи этой эволюціи. Долженъ сказать, что западно-европейская печать, какъ буржуазная, такъ и соціалистическая, весьма мало ознакомлена съ національной проблемой въ Габсбургской монархіи и, въ особенности, съ тѣми попытками разрѣшить ее, которыя дѣлала соціалдемократическая партія.

Отвѣчу Вамъ вкратцѣ на поставленные мнѣ вопросы.

Долгое время и у насъ въ Австріи держался тотъ взглядъ, что уже самая постановка національнаго вопроса вредно отзовется на развитіи соціалдемократической партіи, что всякая національная программа идетъ въ разрѣзъ съ интернаціональной идеей, что для рабочаго класса она представляетъ лишь незначительный интересъ, что, наконецъ, соціалдемократія менѣе всего способна содѣйствовать разрѣшенію національной проблемы. И всякое сознательное проявленіе національнаго чувства считалось внутри партіи чѣмъ-то не соціалдемократическимъ по своему существу.

Такое отношеніе соціалдемократіи къ національному вопросу не могло, однако, держаться долго, вслѣдствіе внутреннихъ условій политической жизни Австріи, тѣмъ болѣе, что партія неустанно росла, пріобрѣтая вліяніе, выходящее далеко за предѣлы ея пропагандистской дѣятельности, и стано-

[1]) Настоящее послѣсловіе было прислано послѣ того, какъ предыдущія строки были уже набраны. Сохраняемъ его форму личнаго обращенія. Ред.

вясь серьезнымъ факторомъ политической жизни страны. Національная проблема — это основная проблема австрійской политики. И поскольку соціалдемократія вынуждена интересоваться повседневной политической жизнью современнаго государства, постольку она должна была включить въ кругъ своихъ политическихъ соображеній и разсчетовъ также и національный вопросъ.

Самое важное значеніе въ жизни современнаго государства имѣетъ для рабочаго класса соціально-политическое законодательство. Никто изъ насъ не вѣритъ въ Австріи въ возможность внезапныхъ революціонныхъ переворотовъ. Между тѣмъ національная борьба, парализующая всякую законодательную дѣятельность, въ особенности тормозитъ столь настоятельно необходимую работу въ области соціальной политики.

Такимъ образомъ, уже въ силу этихъ однихъ условій, внѣ ея лежащихъ, соціалдемократія была вынуждена проявить опредѣленное отношеніе къ національному вопросу. Но было бы ошибочно думать, что въ этомъ процессѣ сыграли роль одни лишь эти внѣшнія условія. Національныя различія оказывали свое дѣйствіе также и внутри партіи. Меньше всего сказывались они въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ, такъ какъ ихъ національныя чувства и интересы нигдѣ не подвергались сколько нибудь серьезному испытанію. Но за то славянскіе, и въ частности, чешскіе рабочіе, переселяясь изъ своихъ родныхъ мѣстъ въ нѣмецкіе промышленные центры, съ большей или меньшей остротой ощущали процессъ денаціонализаціи. И они должны были отдать себѣ въ этомъ отчетъ даже и независимо отъ какой-либо національной агитаціи. Какъ члены маленькой націи, они должны были болѣзненно ощущать преобладаніе нѣмецкой національности. Въ средѣ славянскихъ народностей Австріи вообще замѣчается чрезвычайно интенсивное національное чувство, захватывающее и низшіе слои народа. Организованный чешскій рабочій также заявляетъ о себѣ съ извѣстной національной гордостью: Ja jsem čech (я—чехъ). И особенно ясно и рѣзко звучитъ и звучала съ самаго начала эта національная нотка въ средѣ польской соціалдемократіи. Въ лицѣ вождя этой партіи, Дашинскаго, пролетарскій революціонный образъ мыслей и національно-польское чувство слились воедино. Наконецъ, въ томъ же направленіи должна была дѣйствовать пробуждающаяся и въ рабочихъ кругахъ потребность въ огражденіи правъ ихъ родного языка, — потребность, которая уже сама по себѣ должна была привести пролетаріатъ къ опредѣленному національному самосознанію.

Что касается до національной тактики, то она различна у каждой изъ отдѣльныхъ національныхъ группъ соціалдемократіи. Нѣмецкая организація до настоящаго времени еще ни разу не выставляла національныхъ требованій въ собственномъ смыслѣ этого слова. На брюннскомъ

партейтагѣ она не настаивала даже на признаніи за нѣмецкимъ языкомъ правъ офиціальнаго языка (Geschäftssprache), хотя восьми-язычный парламентъ и представляетъ собою, безъ сомнѣнія, совершенно невозможную вещь. Какъ наиболѣе сильная составная часть австрійской соціалдемократіи, она, по возможности, старалась идти навстрѣчу всѣмъ остальнымъ національнымъ группамъ. Ирредентистскія стремленія, свойственныя нѣкоторой части итальянскаго населенія Австріи, сказывались иногда и въ итальянской соціалдемократіи. Однако, эти стремленія не могутъ получить въ ихъ средѣ преобладающаго вліянія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тріестѣ произошла конференція парламентскихъ представителей нѣмецкой соціалдемократіи Австріи и соціалдемократіи итальянскаго королевства, подчеркнувшая братскую солидарность обѣихъ націй по поводу циркулировавшихъ тогда слуховъ о возможности войны между Австріей и Италіей.

О словенской и украинской группахъ мало что можно сказать. Обѣ онѣ малочисленны и стоятъ на національной точкѣ зрѣнія. До сихъ поръ словенскіе соціалдемократы Береговой земли такъ же хорошо уживаются съ итальянскими, какъ и украинскіе соціалдемократы со своими польскими товарищами.

Тотъ фактъ, что у нѣмецкихъ рабочихъ національный моментъ проявляется слабѣе, чѣмъ у другихъ національныхъ группъ, объясняется не только общимъ національнымъ индифферентизмомъ нѣмцевъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что носителями національнаго шовинизма въ нѣмецкой средѣ являются фабриканты и хозяева-ремесленники. Нѣмецкіе рабочіе встрѣчаются, такимъ образомъ, съ націонализмомъ въ лицѣ враждебнаго имъ класса. Кромѣ того, изъ всѣхъ австрійскихъ націй, нѣмцы достигли наибольшей дифференцированности въ соціальномъ отношеніи. Пропасть между классами здѣсь глубже, нежели у другихъ національностей. Демократическій образъ мыслей, демократическія настроенія рѣдко наблюдаются въ этой національной средѣ за предѣлами рабочаго класса.

Словенцы и украинцы представляютъ собой націи демократическія по преимуществу; они не имѣютъ въ своей средѣ ни аристократіи, ни крупныхъ предпринимателей. У поляковъ антагонизмъ между шляхтой, къ которой присоединяются капиталисты, и всѣмъ остальнымъ населеніемъ такъ великъ, что онъ заслоняетъ собой подчасъ остальныя классовыя различія [1]).

Послѣ нѣмцевъ наиболѣе дифференцированной націей являются чехи. Въ ихъ средѣ мы находимъ и аристократію, и капиталистовъ, и клерикаловъ, и аграріевъ. И въ борьбѣ со всѣми этими классами чешскій пролетаріатъ развился въ могущественную общественную силу. Но сильно развитый

[1]) См. выше статью Рудольфа Шпрингера. Ред.

демократизмъ чешской мелкой буржуазіи и чешскаго мелкаго крестьянства, которымъ отчасти объясняются и крупные успѣхи чешскихъ соціалдемократовъ на послѣднихъ выборахъ, создаетъ благопріятную обстановку для развитія націонализма.

Если у остальныхъ соціалдемократическихъ партій націонализмъ имѣетъ болѣе спокойный и сосредоточенный характеръ, то у чешскихъ соціалдемократовъ онъ по временамъ проявляется въ нѣсколько бурной формѣ. Лишь говоря о чешскихъ соціалдемократахъ, можно констатировать извѣстные конкретные шаги, предпринятые для осуществленія національныхъ требованій. Недаромъ они принадлежатъ къ народности, находящейся въ процессѣ могучаго національнаго развитія. Стремясь развернуть свои національныя силы, они сплошь да рядомъ наталкиваются на препятствія; въ мѣстностяхъ, гдѣ они образуютъ значительное меньшинство, имъ не даютъ основывать своихъ школъ, и естественно, что они чувствуютъ себя— зачастую съ полнымъ правомъ, иногда, впрочемъ, и безъ основанія—угнетенной націей. Чешская рабочая партія отличается жгучимъ честолюбіемъ. За послѣдніе годы она совершила громадную работу, и при томъ не только въ смыслѣ внѣшнихъ выступленій чешскаго рабочаго класса, но также и въ области культурной. По своему неутомимому рвенію, чешскіе соціалдемократы заслуживаютъ величайшей признательности. Они стремятся стать по своему значенію на одинъ уровень съ нѣмецкой организаціей, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они ее можетъ быть даже превзошли.

Понятно, что это рвеніе находитъ себѣ выраженіе и во всякаго рода требованіяхъ и стремленіяхъ. Они не довольствуются тѣмъ, что въ предѣлахъ одной профессіональной организаціи всѣ потребности разноязычнаго пролетаріата удовлетворяются равномѣрнымъ образомъ; нѣтъ, они стремятся къ созданію отдѣльныхъ чешскихъ профессіональныхъ организацій. Въ международномъ соціалистическомъ бюро въ Брюсселѣ они представлены не какъ часть обще-имперской австрійской партіи, а какъ отдѣльная національная партія. Но на международныхъ профессіональныхъ конгрессахъ они еще не добились признанія въ качествѣ отдѣльной организаціи.

Въ этомъ вопросѣ чешскіе соціалдемократы встрѣчаются съ противодѣйствіемъ со стороны центральной комисіи австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ (Oesterreichische Gewerkschaftskommission), придерживающейся, какъ и нѣмецкая соціалдемократія въ Австріи, той точки зрѣнія, что организація рабочаго класса, раздѣленная по національностямъ на почвѣ политической борьбы, должна представлять собой единое и неразрывное цѣлое въ сферѣ экономической дѣятельности. Далѣе, чешскіе соціалдемократы неоднократно требовали выставленія единичныхъ чешскихъ кандидатуръ на всѣхъ выборахъ (въ коммуны,

ландтаги и рейхсратъ), дабы чешское меньшинство могло получить достаточное представительство. При открытіи новаго рейхсрата они потребовали полной равноправности чешскаго языка въ дѣлопроизводствѣ парламента. Наконецъ, совсѣмъ недавно только они заявили, что до тѣхъ поръ, пока не осуществлена брюннская программа національной автономіи, они должны будутъ настаивать на единствѣ и недѣлимости Богеміи и на равноправіи обоихъ (чешскаго и нѣмецкаго) языковъ въ этомъ королевствѣ. Это заявленіе находится въ прямомъ противорѣчіи со взглядами нѣмецкихъ соціалдемократовъ Богеміи, добивающихся раздѣленія этой провинціи на двѣ національно разграниченныя области.

Необходимо, однако, оговориться и подчеркнуть, что чешская соціалдемократія на послѣднихъ выборахъ въ полной мѣрѣ осуществила свой долгъ международной солидарности. Въ числѣ голосовъ, полученныхъ пятьюдесятью нѣмецкими соціалдемократами, много тысячъ голосовъ были поданы чешскими соціалдемократами.

Надѣюсь, что этими краткими разъясненіями я показалъ, какое огромное значеніе національный вопросъ имѣетъ и *внутри* соціалдемократической партіи; надѣюсь, что мнѣ удалось хотя бы отчасти показать, что и здѣсь существуютъ немалыя *трудности*, отъ которыхъ нельзя отдѣлаться одними разговорами. Ихъ нужно изжить.

Engelbert Pernerstorfer.

Вѣна.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
26	4 сверху	опасностью церкви	опасностью для церкви
60	1 снизу	парламента	парламентѣ
63	18 »	уступки о языкахъ	уступки въ вопросѣ о языкахъ
110	21 сверху	тѣ успѣхи	тѣхъ успѣховъ,
114	15 »	Благодаря этому чехи заняли	чехи заняли среди націо-
140		въ парламентѣ	нальностей
	13 »	съ	въ
143	15 снизу	Галицій	Галиціи
143	12 »	отвѣтственность это	отвѣтственность эта
146	8 сверху	«святогорцевъ»	«святоюрцевъ»
146	24 »	«святогорцы»	«святоюрцы»
152	8 снизу	«рутескій»	«рутенскій»
155	4 сверху	Морморошскомъ	Марморошскомъ
155	16 »	румынское	подъ румынское
156	14 »	составлявшее	составившее
159	6 »	самостоятельнымъ	отдѣльнымъ
161	12 »	тронной лояльности	тройной лояльности
164	19 снизу	Важно здѣсь то	Важно здѣсь и то
165	19 »	рады»	рады» (окружного совѣта)
167	8 сверху	государственной	административной
167	9 »	имъ	ей
167	10 »	для нихъ	для нея
172	7 снизу	и другими народностями	и нѣкоторыми другими партіями и народностями
175	10 сверху	округа выкроены	округа Галиціи выкроены
176	2 »	«русской	«руской
176	17 »	старорусинскій клубъ	старорусинскій (москвофильскій) клубъ
183	25 »	относятся	принадлежатъ
186	17 снизу	они это полагаютъ	они полагаютъ
186	16 »	они это говорятъ	они говорятъ
208	2 сверху	бюджетъ. Хорватія	бюджетъ Хорватія
208	8 снизу	хорватскій;	хорватскій ландтагъ;
209	10 сверху	«разгромъ	«разгрома
215	7 »	нынѣшній премьеръ-министръ	премьеръ-министръ
219	20 »	славянскаго	южно-славянскаго
233		Etvin	Etbin
237	1 »	выставляться	выдвигаться
239	8 »	А по-настоянію	По настоянію
240	20 »	она	конституція
265	7 сверху	тому на	тому же на
291	12 «	Россію	Россія
296	2 »	думы	думѣ
309	18 »	встрѣчается	встрѣчаются
309	23 »	отличается	отличаются
347	6 снизу	найболѣе	наиболѣе
350	15 »	отбрасываютъ	отбрасываетъ
352	9 »	могучей	могучей

Библиотека ООН

Стран.	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
357	9 сверху	найменьшая	наименьшая
363	10 »	прохожденія	происхожденія
364	3 »	такъ называемая	такъ называемыя
379	27 »	обученію	обученія
401	7 »	давала юдофобомъ	давало юдофобамъ
421	14 »	самоуправленія	самоуправленіе
448	3 снизу	переименоваться	переименовываться
466	2 »	тормазящими развитію	тормозящими развитіе
468	5 сверху	эта была	это была
488	4 снизу	въ	къ
493	5 »	служитъ	служить
501	10 »	распадется	распадается
505	9 »	Преподованіе	Преподаваніе
505	14 »	и сыгравшей	и сыгравшая
506	1 »	совершалось	совершалась
514	9 »	на тотъ поворотъ	на поворотъ
519	19 »	поклоненія	поклона
523	6 снизу	агресивныхъ	агрессивныхъ
566	9 »	гласить	гласитъ
536	9 »	своевременно	своевременное
582	9 »	въ пользованій	въ пользованіи
587	15 »	душевыя доли	душевыхъ долей
594	14 »	обзоромъ	обзорамъ
598	6 сверху	дѣйствію	дѣйствіямъ
598	2 снизу	обѣихъ народовъ	обоихъ народовъ
605	12 »	покровительствуемъ	покровительствуетъ
609	15 сверху	соотвѣтствовали	соотвѣтствовала
613	11 »	испытать	испытывать
614	12 »	сулагнахъ	сугланахъ
615	6 »	тибецкій	тибетскій
631	21 »	останавливалась	останавливаясь
635	24 »	получатъ	получать
638	23 »	отъ	тотъ
642	16 »	положеніе	положенія
661	15 »	Іруссіей	Пруссіей
668	12 сверху	мѣста жительства	мѣстожительства
682	12 »	мильоновъ	милліоновъ
693	72 »	съ тѣмъ, если	съ тѣмъ, что если
734	11 снизу	подчиненныхъ	подчиненнымъ
737	8 сверху	имѣющимъ	имѣющихъ
738	23 »	въ особенностями	въ особенности
743	24 »	на признаніи	на признаніе
790	9 »	игралъ	занималъ